

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХ.

1890.

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Блажкова, Екатерининскій каналъ, № 80.

1890.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	3
Списокъ премій при Императорской Академіи Наукъ, Императорскихъ Россійскихъ университетахъ, существующихъ при оныхъ ученыхъ обществахъ и С.-Петербургскомъ Технологическомъ институтѣ	1
А. А. Голоубіевскій. Столы Разряднаго приказа въ 1668 — 1670 годахъ	1
А. И. Введенскій. Къ вопросу о отроеніи матеріи	18
Г. С. Дестунисъ. Очерки греческой загадки съ древнихъ временъ до новыхъ	66
А. И. Кирпичниковъ. Къ вопросу о птицѣ Страусъ	99
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.	
Ш. М. Покореніе Финляндіи. <i>К. Ордина</i>	109
А. С. Лапко-Даниловскій. <i>Д. Эвармицкій</i> . Публичныя лекціи по археологіи Россіи. С.-Пб. 1890	142
И. А. Л. Протестантизмъ и протестантизмъ въ Россіи до эпохи преобразованій. <i>Дм. Цытаса</i> . Москва. 1890	151
К. И. Востужковъ-Рюминъ. <i>Б. Щолкиной</i> . Старинныя помѣщики на службѣ и дома (1578—1762). С.-Пб. 1890	163
И. А. Тихомировъ. Лѣтописный сборникъ, имеваемый Лѣтописью Аврамки. С.-Пб. 1889	168
А. М. Вриуде. Путешествіе въ Россію датскаго посланника Якова Ульфельда въ XVI вѣкѣ. <i>Е. Барсова</i> . М. 1889	171
Р. О. Врандтъ. Грамматика старославянскаго языка. <i>А. Лескина</i> Москва. 1890	173
— Книжныя новости	187
А. Л. Петровъ. Женскія учебныя заведенія въ Австріи (Циолетавіи)	1
СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.	
Императорское Московское Археологическое Общество въ 1889 году	1
— Наши учебныя заведенія: Кавказскій учебный округъ въ 1887—1888 годахъ (<i>продолженіе</i>)	10
В. Г. Васильевскій. { Иванъ Павловичъ Миняевъ (<i>некроль</i>)	36
Баронъ В. Розенъ. {	
ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.	
И. А. Ровинскій. Раскопка древней Діоклеи, произведенная по указанію и на отчетъ Его Высочества Черногорскаго князя Николая	1
Д. П. Никольскій. Юридическое положеніе иностранцевъ въ древней Греціи	18
К. С.—скій. Къ Венерѣ, или на прибытіе Цезаря	30
М. Окнищевичъ. Изъ Минверма	31

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХ.

1890.

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1890.

Коллежійський вул., № 80.
2010.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (24-го февраля 1890 года). Объ учрежденіи при Повѣнецкомъ городскомъ училищѣ неприкосновеннаго капитала „Повѣнецкаго уѣзднаго земства“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 24-й день февраля 1890 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Повѣнецкомъ городскомъ училищѣ неприкосновеннаго капитала „Повѣнецкаго уѣзднаго земства“, въ количествѣ 300 руб., пожертвованныхъ названнымъ земствомъ въ память чудеснаго событія 17 октября 1888 г., съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала употреблялись на плату за право ученія въ означенномъ училищѣ бѣднѣйшихъ учениковъ всѣхъ сословій; при этомъ Его Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть благодарить.

2. (24-го февраля 1890 года). Объ учрежденіи при Екатеринославской Маринской женской гимназіи стипендіи имени начальницы этой гимназіи Александры Акимовны Черновой.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 24 день февраля 1890 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Екатеринославской Маринской женской гимназіи стипендіи имени начальницы этой гимназіи Александры Акимовны Черновой, на счетъ процентовъ съ капитала въ 1,900 руб.,

собранныго съ этой пѣлью, по случаю 25-лѣтнм служенія Черновой въ означенной должности, почитателями ея и родителями бывшихъ ученицъ сказанной гимназій.

8. (27-го марта 1890 года). О сокращеніи числа стипендіатокъ имени Павловыхъ въ пансіонѣ Ставропольской женской гимназій св. Александры.

Въ комитетѣ министровъ слушана записка министра народнаго просвѣщенія, отъ 26-го февраля 1890 года, о сокращеніи числа стипендіатокъ имени Павловыхъ въ пансіонѣ Ставропольской женской гимназій св. Александры, съ 10 на 6. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, въ присутствіи Главнначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, и не встрѣчая препятствій къ временному сокращенію числа стипендій имени Павловыхъ въ Ставропольской женской гимназій св. Александры до предположенной министромъ народнаго просвѣщенія поры, Комитетъ полагалъ въ видѣ временной мѣры, впредь до увеличенія пожертвованнаго коллежскимъ регистраторомъ Павловымъ благотворительнаго капитала, уменьшить число стипендій имени Павловыхъ въ названной выше женской гимназій съ десяти на шесть (изъ коихъ: три—имени коллежскаго регистратора Лавра Ермолаевича Павлова и три—имени Евдокіи Васильевны Павловой), съ увеличеніемъ размѣра каждой стипендіи съ ста сорока руб. до двухъсотъ двадцати руб. въ годъ, сверхъ тридцати руб. на первоначальное обзаведеніе каждой стипендіатки, и съ тѣмъ, чтобы изъ имѣющихся образоваться остатковъ каждой стипендіаткѣ выдавалось, при окончаніи курса, пособіе въ размѣрѣ пятидесяти руб., а остальные деньги причислялись къ основному капиталу для постепеннаго, по мѣрѣ возможности, увеличенія числа стипендій.

Государь Императоръ, въ 27-й день марта 1890 года, положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

4. (17-го апрѣля 1890 года). О введеніи русскаго преподавательскаго языка въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго Совѣта о введеніи русскаго преподавательскаго языка въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о введеніи русскаго преподавательскаго языка въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа, мнѣніемъ положилъ:

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Въ женскихъ училищахъ Дерптскаго учебнаго округа преподаваніе всѣхъ учебныхъ предметовъ, за исключеніемъ закона Божіа лютеранскаго исповѣданія, нѣмецкаго языка и мѣстныхъ нарѣчій, производится на русскомъ языкѣ.

II. Предоставить министру народнаго просвѣщенія привести означенную мѣру (ст. I) въ дѣйствіе постепенно, путемъ введенія въ отдѣльныхъ училищахъ преподаванія на русскомъ языкѣ, по ближайшему его, министра, усмотрѣнію, начиная съ низшихъ классовъ или съ отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ Предсѣдателями и Членами.

5. (23-го апрѣля 1890 года). Объ учрежденіи стипендій при Ковенской мужской гимназіи.

Въ память чудеснаго избавленія Его Императорскаго Величества и Его Августѣйшей Семьи отъ опасности при крушеніи поѣзда 17-го октября 1888 года, Ковенскій окружный судъ, въ общемъ собраніи отдѣленій, постановилъ собрать капиталъ на учрежденіе двухъ стипендій при Ковенскихъ мужской и женской гимназіяхъ. Нынѣ капиталъ этотъ собранъ, и изъ него 700 р., заключающіеся въ облигаціяхъ 1-го восточнаго займа и 5% банковыхъ билетахъ, предпозначены на учрежденіе при Ковенской мужской гимназіи одной стипендіи, съ присвоеніемъ наименованія: „стипендія Ковенскаго окружнаго суда въ память чудеснаго избавленія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 23-й день апрѣля 1890 года, Восочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи и повелѣлъ благодарить.

6. (23-го апрѣля 1890 года). О принятіи капитала, завѣщаннаго Егоромъ Кокоревымъ.

Казанскій 1-й гильдіи купеческій сынъ А. В. Кокоревъ, во исполненіе воли покойнаго брата своего, инженеръ-технолога Егора Кокорева, выразившаго желаніе увѣковѣчить память отца своего В. А. Кокорева, представилъ начальству Московскаго учебнаго округа 20.000 р. въ 4^о/_о непрерывно-доходныхъ билетахъ, для употребленія процентовъ съ сего капитала на взносъ платы за ученіе бѣднѣйшихъ воспитанниковъ Императорскаго Московскаго технического училища, съ тѣмъ, чтобы на принятіе означеннаго капитала, съ присвоеніемъ ему наименованія имени отца-завѣщателя, было испрошено надлежащее разрѣшеніе.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, въ 23-й день апрѣля 1890 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе означенному капиталу наименованія: „капиталъ имени умершаго коммерціи-совѣтника Василія Александровича Кокорева“.

7. (24-го Апрѣля 1890 г.). О пенсіонныхъ правахъ должностныхъ лицъ Императорскаго Московскаго технического училища.

Его Императорское Величество вослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о пенсіонныхъ правахъ должностныхъ лицъ Императорскаго Московскаго технического училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о пенсіонныхъ правахъ должностныхъ лицъ Императорскаго Московскаго технического училища, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Должностныя лица и нижніе служители Императорскаго Московскаго технического училища, поступившіе на службу въ это училище до передачи оного въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія (5-го іюля 1887 г.), сохраняютъ право на полученіе пенсіонныхъ

прибавокъ и пенсій по правиламъ пенсіоннаго устава вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, съ соблюденіемъ притомъ нижеслѣдующихъ постановленій:

1) Вычеты, производимые съ означенныхъ должностныхъ лицъ и служителей, на основаніи пенсіоннаго устава вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, поступаютъ въ доходъ государственнаго казначейства. Въ тотъ же источникъ обращаются вычеты, произведенные уже съ упомянутыхъ лицъ за время съ 5-го іюля 1887 г. по день утвержденія настоящаго закона.

2) Лицамъ, пріобрѣтшимъ къ 5-му іюля 1887 г. право на полученіе половинной или полной пенсіи, выслуженные къ этому сроку пенсіонные оклады назначаются изъ средствъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи при окончательномъ оставленіи службы, или при увольненіи нижняго служителя отъ должности.

3) При выслугѣ лицами, означенными въ ст. 2, пенсіи въ высшемъ размѣрѣ противъ указаннаго тою же статьею, добавочная пенсія назначается имъ изъ государственнаго казначейства.

4) Лицамъ, не подходящимъ подъ условія, указанные въ ст. 2, пенсіи назначаются полностью изъ государственнаго казначейства по выслугѣ ими лицами узаконенныхъ сроковъ и оставленіи службы, или при увольненіи нижняго служителя отъ должности.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

8. (1-го мая 1890 года). О переводѣ реальнаго училища изъ г. Могилева въ г. Винницу.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о переводѣ реальнаго училища изъ г. Могилева въ г. Винницу, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о переводѣ реальнаго училища изъ г. Могилева въ г. Винницу, мнѣніемъ положилъ:

1) Предоставить министерству народнаго просвѣщенія сдѣлать

распоряженіе о переводѣ четырехкласснаго реальнаго училища изъ г. Могилева въ г. Винницу, съ преобразованиемъ его въ шестиклассное.

2) Начиная съ 1-го іюля 1890 г., отпускать на содержаніе Винницкаго реальнаго училища по двадцать тысячъ сто пятьдесятъ восемь рублей въ годъ, обративъ на покрытіе сего расхода кредитъ, ассигнуемый на содержаніе Могилевскаго реальнаго училища; жертвуемые же Винничкимъ городскимъ обществомъ по восьми тысячъ рублей въ годъ зачислять, съ того же срока, пособіемъ государственному казначейству на содержаніе сего училища.

3) Могущіе образоваться отъ штатныхъ суммъ Винницкаго реальнаго училища остатки раздѣлять на двѣ части: одну, пропорціональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую—оставлять въ распоряженіи мѣстнаго городского общества, для употребленія на нужды училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателямъ и членами.

9. (1-го мая 1890 года). Объ учрежденіи въ городахъ Маргеланѣ и Самаркандѣ Маріинскихъ женскихъ училищъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта объ учрежденіи въ городахъ Маргеланѣ и Самаркандѣ Маріинскихъ женскихъ училищъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михайлъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ городахъ Маргеланѣ и Самаркандѣ Маріинскихъ женскихъ училищъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Проекты положенія о Маріинскихъ женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Маргеланѣ и Самаркандѣ и штата сихъ учебныхъ заведеній поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

II. Таблицу числа часовъ учебныхъ занятій въ недѣлю въ означенныхъ училищахъ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества рассмотрѣніе.

III. Открыть Маріинскія женскія училища въ городахъ Маргеланѣ и Самаркандѣ 1-го іюля 1890 года, упразднить съ того же срока существующія въ этихъ городахъ приходскія женскія училища.

IV. Отпускать ежегодно, начиная съ 1-го января 1891 года, на содержаніе вновь открываемыхъ училищъ тринадцать тысячъ двѣсти тридцать рублей, съ обращеніемъ части сего расхода, въ размѣрѣ 2.230 рублей, на счетъ свободнаго кредита, образующагося по § 10 ст. 1 смѣты министерства народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе упраздненія женскихъ приходскихъ училищъ въ Маргеланѣ и Самаркандѣ, и съ отнесеніемъ остальной части означеннаго расхода, въ количествѣ 11.000 рублей, на смѣту областныхъ денежныхъ земскихъ повинностей Туркестанскаго края.

V. Въ текущемъ году отпустить на незаслуженную надобность (ст. IV) шесть тысячъ шестьсотъ пятнадцать рублей, съ отнесеніемъ 1.155 рублей на счетъ кредита, ассигнованнаго по § 10 ст. 1 дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія, а 5.500 рублей—на мѣстныя средства Туркестанскаго края.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинной государственнѣмъ секретаремъ написано: „Государь Императоръ изволилъ разсматривать въ Гатчинѣ, 1-го мая 1890 г.“.

Подписалъ: государственный секретарь Половцевъ.

Т А Б Л И Ц А

числа часовъ учебныхъ занятій въ недѣлю въ маріинскихъ женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Маргеланѣ и Самаркандѣ.

	К л а с с ы .				Всего.
	I	II	III	IV	
Законъ Божій	3	3	3	3	12
Русскій и церковно-славянскій языкъ .	5	5	4	4	18
Арифметика	2	2	2	2	8
Географія	—	2	2	2	6
Исторія	—	—	2	2	4
Численисавіе	3	3	2	1	9
Рисованіе	2	2	2	2	8
Руководствіе	6	6	7	7	26
Пѣніе	2	2	2	2	8
Итого	23	25	26	25	99

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михайль.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
«Взять по сему».

Въ Гатчинѣ, 1-го мая 1896 года.

Положеніе о Маріинскихъ женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Маргеланѣ и Самаркандѣ.

1. Маріинскія женскія училища въ Маргеланѣ и Самаркандѣ имѣютъ цѣлю доставлять общее элементарное образованіе дѣвчатамъ всѣхъ сословій и вѣрноповѣданій.

Примѣчаніе. При училищѣ могутъ быть устраиваемы пансіоны или ученическія квартиры, на основаніи особыхъ правилъ, устанавливаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

2. Училища состоятъ въ главномъ вѣдѣніи туркестанскаго генералъ-губернатора и въ ближайшемъ вѣдѣніи главнаго инспектора училищъ Туркестанскаго края.

3. Средства училищъ образуютъ: а) суммы, отпускаемыя на ихъ содержаніе по штату, и б) сборъ за ученіе. Суммы, собираемыя за ученіе, какъ спеціальныя средства училищъ, составляютъ ихъ собственность и расходуются на разныя ихъ нужды, а также на пособіе и награды служащимъ, по представленію главнаго инспектора училищъ, съ разрѣшенія генералъ-губернатора.

4. Непосредственное управленіе каждымъ училищемъ вѣрится смотрительницѣ, при участіи педагогическаго совѣта.

5. Педагогическій совѣтъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ смотрительницы, изъ законоучителя и всѣхъ прочихъ лицъ, служащихъ при училищѣ по учебной и воспитательной части. Обязанности секретаря совѣта исполняетъ, по его выбору, одна изъ учительницъ.

6. Обсужденію и рѣшенію педагогическаго совѣта подлежатъ слѣдующія дѣла: а) приемъ ученицъ и переводъ ихъ изъ класса въ классъ; б) выдача свидѣтельствъ ученицамъ, окончившимъ курсъ ученія; в) избраніе секретаря совѣта и библиотекаря; г) составленіе правилъ о порядкѣ храненія и выдачи книгъ изъ бібліотеки; д) разсмотрѣніе годоваго отчета по учебной части, составляемаго секретаремъ совѣта; е) составленіе правилъ о взмаканіяхъ съ ученицъ; ж) распредѣленіе учебныхъ занятій ученицъ въ заведеніи, а также домашняго приготовленія ими уроковъ и письменныхъ работъ; з) выборъ учебныхъ руководствъ и пособій и книгъ для ученической бібліотеки изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣ-

щенія и духовнымъ вѣдомствомъ, по принадлежности; и) наблюденіе за правильнымъ расходованіемъ училищныхъ суммъ; і) опредѣленіе размѣра платы за ученіе; к) освобожденіе отъ платы за ученіе недостаточныхъ ученицъ, но не свыше 10% всего числа учащихся въ училищѣ; л) всѣ вообще подробности, касающіяся учебной части, которыя не будутъ опредѣлены въ особой инструкціи министра народнаго просвѣщенія (ст. 12).

7. Заключенія педагогическаго совѣта, касающіяся распредѣленія учебныхъ занятій, выбора руководствъ, учебныхъ пособій и книгъ для библіотеки, размѣра платы за ученіе, а равно предположенія объ улучшеніи въ устройствѣ училища, связанныя съ увеличеніемъ расходовъ казны,—должны быть представляемы на усмотрѣніе главнаго инспектора училищъ.

8. Дѣла въ педагогическомъ совѣтѣ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ; при равенствѣ голосовъ, голосъ председательницы даетъ перевѣсъ. Въ случаѣ несогласія съ большинствомъ членовъ педагогическаго совѣта, председательница представляетъ дѣло на усмотрѣніе главнаго инспектора училищъ, съ приложеніемъ своего заключенія и мнѣнія остальныхъ членовъ. Во всѣхъ случаяхъ разногласія, мнѣніе меньшинства, если послѣднее того пожелаетъ, доводится также до свѣдѣнія главнаго инспектора училищъ.

9. Въ училищахъ преподаются: законъ Божій для православныхъ, русскій и церковно-славянскій языки, ариметика, исторія, географія, рукодѣліе, рисованіе, чистописаніе и пѣніе. Сверхъ того, по желанію родителей и на ихъ счетъ, въ училищахъ могутъ быть преподаваемы, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, въ свободное отъ классныхъ занятій время, повые иностранныя языки.

10. Въ училищахъ полагается четыре класса, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ. Въ случаѣ надобности, при училищахъ могутъ быть открыты также приготовительные классы, съ разрѣшеніемъ генералъ-губернатора.

Примѣчаніе. Въ каждомъ классѣ допускается не болѣе 40 ученицъ. При большемъ ихъ числѣ, должны быть открываемы параллельныя отдѣленія.

11. Въ первый низшій классъ училищъ принимаются дѣвочки 8—12 лѣтнаго возраста, знающія главнѣйшія молитвы, умѣющія читать и писать по-русски, а также считать и рѣшать легкія задачи съ числами не свыше 100. Во всѣ слѣдующіе классы, если имѣются свободныя вакансіи, могутъ поступать дѣвочки соответствующаго возраста.

ста, выдержавшія приѣмное испытаніе по всѣмъ предметамъ пройденнаго курса.

12. Программы преподаванія предметовъ, входящихъ въ составъ учебнаго курса училищъ (ст. 9), правила объ испытаніяхъ ученицъ при приѣмѣ ихъ въ училища, переводѣ изъ класса въ классъ и окончанія курса, а равно другія подробности, относящіяся къ учебной части, опредѣляются особою инструкціею, утверждаемою министромъ народнаго просвѣщенія.

13. Смотрительницы училищъ избираются главнымъ инспекторомъ изъ лицъ, имѣющихъ званіе домашней учительницы или наставницы, и утверждаются въ должности генералъ-губернаторомъ.

Примѣчаніе. Смотрительницы обязаны преподавать въ училищѣ одинъ изъ предметовъ, на преподаваніе конхъ онѣ имѣютъ право.

14. Закоучители избираются смотрительницами училищъ и утверждаются въ должности генералъ-губернаторомъ, по предварительномъ одобреніи избираемыхъ кандидатовъ главнымъ инспекторомъ училищъ и епархіальнымъ начальствомъ.

15. Учительницы наукъ избираются смотрительницами училищъ изъ лицъ, имѣющихъ званіе домашней учительницы или наставницы. Учительницы чистописанія, рисованія и пѣнія избираются изъ лицъ, имѣющихъ надлежащія свидѣтельства на право преподаванія сихъ искусствъ, а учительницы рукодѣлія—изъ опытныхъ въ преподаваніи этого предмета мастерицъ. Учительницы утверждаются въ должности генералъ-губернаторомъ, по представленію главнаго инспектора училищъ.

Примѣчаніе. При невозможности приискать учительницъ чистописанія, рисованія и пѣнія, преподаваніе этихъ предметовъ поручается по найму лицамъ, преподающимъ оные въ мѣстныхъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

16. Смотрительницы и штатныя учительницы училищъ пользуются правомъ на полученіе пенсій изъ особаго капитала домашнихъ учителей и учительницъ, находящагося въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія. Тѣмъ же правомъ пользуются и учительницы рукодѣлія, если онѣ имѣютъ званіе домашней учительницы или наставницы.

17. Училища имѣютъ печать утвержденнаго для уѣздныхъ управленій образца.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михайлъ.

На подлинномъ Собственною Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
«Быть по сему».

Въ Гатчинѣ, 8 мая 1890 года.

Ш Т А Т Ъ

наѣмныхъ менскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Маргеланѣ и Самаркандѣ.

	Число лицъ.	Жалованье въ годъ одному.		Всего.	
		Р у б л я и.		К.	
Смотрительницѣ (квартира въ натурѣ) .	1	750	}	900	—
Ея же добавочныхъ за преподаваніе 6 уроковъ :	—	150			—
Законоучителю .	1	540	540	—	
Учительницамъ наукъ и искусствъ (квартира въ натурѣ)	3	600	1800	—	
Учительницѣ рукодѣлія (квартира въ натурѣ)	1	450	450	—	
Вознагражденіе за преподаваніе пѣнія	—	—	112	50	
На учебныя пособия и канцелярскіе расходы	—	—	300	—	
Содержаніе дома и прислуги.	—	—	900	—	
Дѣлопроизводителю (онъ же смотритель помѣщенія)	—	—	112	50	
На всѣхъ помѣщенія .	—	—	1500	—	
Итого	—	—	6815	—	

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта М и х а и л ѣ.

10. (8-го Мая 1890 года). Объ учрежденіи Маріинскихъ женскихъ училищъ въ городахъ Ватумѣ и Карсѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи Маріинскихъ женскихъ училищъ въ городахъ Ватумѣ и Карсѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи Маріинскихъ женскихъ училищъ въ городахъ Ватумѣ и Карсѣ, мнѣніемъ положилъ:

1) Проекты: положенія о Маріинскихъ женскихъ училищахъ въ домства министерства народнаго просвѣщенія въ Ватумѣ и Карсѣ и штата свихъ учебныхъ заведеній поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

2) Таблицу числа часовъ учебныхъ занятій въ недѣлю въ означенныхъ училищахъ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества рассмотрѣніе.

3) Открыть Маріинскія женскія училища въ Ватумѣ и Карсѣ 1-го юля 1890 года, оправдивъ съ того же срока Ватумское двухклассное и Карское трехклассное женскія училища.

4) Отпускать ежегодно, начиная съ 1-го января 1891 г., изъ государственнаго казначейства на содержаніе Маріинскаго женскаго училища въ Карсѣ по одной тысячѣ рублей въ дополненіе къ суммамъ, ассигнуемымъ на тотъ же предметъ изъ мѣстныхъ источниковъ. Въ текущемъ же году отпустить на изъясненную надобность пятьсотъ руб., съ отнесеніемъ сего расхода на остатки, могущіе образоваться по дѣйствующей смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинной Государственнымъ Секретаремъ написано: „Государь Императоръ изволилъ разсматривать въ Гатчинѣ, 8 мая 1890 г.“

Подписалъ: Государственный Секретарь Половцовъ.

Т А Б Л И Ц А

числа часовъ учебныхъ занятій въ недѣлю въ маріинскихъ женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Батумѣ и Карсѣ.

	К л а с с ы .				Всего.
	I	II	III	IV	
Заковъ Божій .	3	3	3	3	12
Русскій и церковно-славянскій языкъ.	5	5	4	4	18
Арифметика.	4	4	} 4	5	17
Элементарная геометрія .	—	—			
Географія	—	2	2	2	6
Исторія .	—	—	2	2	4
Естествовѣдѣніе	—	2	2	2	6
Чистописаніе	3	3	2	1	9
Рисованіе	4	4	4	4	16
Рукодѣліе	4	4	5	5	18
Пѣніе	2	2	2	2	8
И т о г о	25	29	30	30	114

Примѣчанія:

1) Число уроковъ закона Божія армяно-григоріанскаго исповѣданія и армянскаго и греческаго языковъ въ Карскомъ училищѣ, а также распределеніяхъ уроковъ по классамъ опредѣляются педагогическимъ совѣтомъ, съ утвержденія попечителя учебнаго округа.

2) Объемъ и предметы преподаванія въ приготовительныхъ классахъ опредѣляются педагогическимъ совѣтомъ, съ утвержденія попечителя учебнаго округа.

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта М и х а и л ѣ .

На подлинномъ собственномъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукѣ написано:
«Быть по сему».

Въ Гатчинѣ 8-го мая 1890 года.

Положеніе о маріинскихъ женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Батумѣ и Карсѣ.

1. Маріинскія женскія училища въ Батумѣ и Карсѣ имѣютъ цѣлю доставлять общее элементарное образованіе дѣвкамъ всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій.

2. Училища состоятъ въ главномъ вѣдѣніи попечителя Кавказскаго учебнаго округа и въ ближайшемъ завѣдываніи подлежащихъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ.

3. Средства училищъ образуютъ: а) суммы, отпускаемыя на ихъ содержаніе мѣстными городскими обществами; б) плата за ученіе, и в) пожертвованія.

Примѣчаніе. Карсскому училищу, сверхъ того, отпускается пособие изъ казны въ размѣрѣ одной тысячи рублей въ годъ.

4. Попеченіе о матеріальномъ преуспѣяніи училищъ возлагается на состоящіе при нихъ попечительныя совѣты.

5. Попечительныя совѣты состоятъ изъ лицъ обоего пола, избираемыхъ въ числѣ не болѣе четырехъ, на три года, тѣми обществами, которыя содержатъ училища. Члены попечительныхъ совѣтовъ избираютъ изъ среды своей предсѣдателя также на три года, причемъ лицо, занимавшее эту должность, можетъ быть избираемо и на слѣдующіе сроки. Предсѣдатель и члены попечительныхъ совѣтовъ утверждаются въ своихъ званіяхъ и увольняются отъ оныхъ попечителемъ учебнаго округа. Мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ или другое лицо вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, по назначенію попечителя учебнаго округа, а также смотрительницы училищъ состоятъ непремѣнными членами попечительныхъ совѣтовъ.

6. Вѣдѣнію попечительныхъ совѣтовъ подлежатъ: а) изысканіе средствъ къ улучшенію матеріальнаго положенія училищъ; б) составленіе ежегодной свѣты доходовъ и расходовъ по училищамъ; в) опредѣленіе жалованья смотрительницамъ и прочимъ должностнымъ лицамъ, по возможности, не ниже указаннаго въ штатѣ; г) наблюденіе за правильнымъ расходованіемъ училищныхъ суммъ; д) опредѣленіе размѣра платы за ученіе; е) освобожденіе, по ходатайству педагогическихъ совѣтовъ, отъ платы за ученіе недостаточныхъ уче-

ницъ, но не свыше 10%, всего числа учащихся въ училищахъ, и ж) попеченіе о бѣдныхъ ученикахъ какъ во время учебнаго курса, такъ и по окончаніи оного.

7. Вопросы, разсматриваемые въ попечительныхъ совѣтахъ, рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ; при равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Рѣшенія попечительныхъ совѣтовъ, при несогласіи непремѣннаго члена съ мнѣніемъ большинства, приводятся въ исполненіе лишь по утвержденіи оныхъ попечителемъ учебнаго округа.

8. Непосредственное управленіе каждымъ училищемъ ввѣрнется смотрительницѣ, при участіи педагогическаго совѣта.

9. Педагогическій совѣтъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ смотрительницы, изъ законоучителей и всѣхъ прочихъ лицъ, служащихъ при училищѣ по учебной и воспитательной части. Обязанности секретаря совѣта исполняетъ, по его выбору, одна изъ учительницъ.

Примѣчаніе. Начальству учебнаго округа предоставляется, въ случаѣ признанной необходимости, предсѣдателемъ педагогическаго совѣта назначать инспектора мѣстныхъ мужскихъ городскихъ училищъ, или кого-либо изъ опытныхъ учителей сихъ училищъ.

10. Къ предметамъ вѣдомства педагогическаго совѣта относятся: а) приемъ ученицъ и переводъ ихъ изъ класса въ классъ; б) выдача свидѣтельствъ ученицамъ, окончившимъ курсъ ученія; в) составленіе правилъ о порядкѣ храненія и выдачи книгъ изъ библиотеки; г) составленіе годоваго отчета по учебной части; д) составленіе правилъ о взыскаціяхъ съ ученицъ; е) равномерное распредѣленіе какъ занятій ученицъ въ заведеніи, такъ и домашняго приготошенія ими уроковъ и письменныхъ работъ, и ж) выборъ учебныхъ руководствъ, пособій и книгъ для ученической библиотеки изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ, по принадлежности.

11. Вопросы, разсматриваемые въ педагогическомъ совѣтѣ, рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ; при равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдательствующаго даетъ перевѣсъ. Въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ большинства, предсѣдательствующій представляетъ дѣло на усмотрѣніе директора народныхъ училищъ, съ приложеніемъ своего заключенія и мнѣнія остальныхъ членовъ. Во всѣхъ случаяхъ разногласія, мнѣніе меньшинства, если послѣднее того желаетъ, доводится до свѣдѣнія директора народныхъ училищъ.

часть сохлх, отд. 1.

2

12. Постановленія педагогическаго совѣта, касающіяся выбора учебныхъ руководствъ и пособій, а также книгъ для библіотеки, должны быть представляемы на утвержденіе директора народныхъ училищъ.

13. Постановленія педагогическаго совѣта, имѣющія связь съ хозяйственною частью заведенія, сообщаются попечительному совѣту, который, равнымъ образомъ, имѣетъ право дѣлать сообщенія педагогическому совѣту по хозяйственнымъ вопросамъ, касающимся учебной и воспитательной части. Случаи разногласія въ мнѣніяхъ совѣтовъ попечительнаго и педагогическаго рѣшаются попечителемъ учебнаго округа.

14. Въ училищахъ преподаются: законъ Божій для православныхъ, русскій и церковно-славянскій языки, ариметика и элементарныя свѣдѣнія изъ геометріи, географія, исторія, краткій курсъ естествовѣдѣнія, рукодѣліе, рисованіе, чистописаніе и пѣніе. Въ Карсскомъ училищѣ преподаются, сверхъ того, законъ Божій армяно-григоріанскаго исповѣданія, а также—необязательно—армянскій и греческій языки.

Примѣчаніе. Съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, въ училищахъ могутъ быть преподаваемы и предметы дополнительныя.

15. Въ училищахъ полагается четыре основныхъ класса, съ годичнымъ курсомъ ученія въ каждомъ, и классъ пригособительный.

Примѣчаніе. Въ каждомъ классѣ допускается не болѣе 40 ученицъ. При большемъ ихъ числѣ должны быть открываемы параллельныя отдѣленія.

16. Программы преподаванія учебныхъ предметовъ въ училищахъ, правила объ испытаніяхъ ученицъ при приѣмѣ ихъ въ училища, переводѣ изъ класса въ классъ и окончаніи курса,—опредѣляются особою инструкціею, утверждаемою министромъ народнаго просвѣщенія.

17. Смотрительницы училищъ избираются изъ лицъ, имѣющихъ званіе домашней наставницы или учительницы, и назначаются на должность попечителемъ учебнаго округа. Смотрительницы обязаны преподавать въ училищѣ одинъ изъ предметовъ, на преподаваніе коихъ онѣ имѣютъ право.

18. Законоучители училищъ избираются смотрительницами и утверждаются въ должности попечителемъ учебнаго округа, по предварительномъ одобреніи избранныхъ кандидатовъ директоромъ народныхъ училищъ и епархіальнымъ начальствомъ.

19. Учительницы наукъ избираются смотрительницами училищъ изъ лицъ, имѣющихъ званіе домашней наставницы или учительницы. Учительницы чистописанія, рисованія и пѣнія избираются изъ лицъ, имѣющихъ надлежащія свидѣтельства на право преподаванія сихъ искусствъ, а учительницы рукодѣлія—изъ опытныхъ въ преподаваніи этого предмета мастерицъ. Учительницы утверждаются въ должности попечителемъ учебнаго округа, по представленію директора народныхъ училищъ.

Примѣчаніе. При невозможности пріискать учительницъ рисованія, чистописанія и пѣнія, преподаваніе сихъ предметовъ поручается по найму лицамъ, преподающимъ оныя въ мѣстныхъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

20. Училища имѣютъ печать утвержденнаго для уѣздныхъ установленій образца.

21. Члены попечительнаго совѣта училищъ, если не занимаютъ высшихъ должностей, считаются въ VII классѣ и имѣютъ право носить мундиръ VII разряда вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

22. Смотрительницы и штатныя учительницы училищъ пользуются правомъ на полученіе пенсій изъ особаго капитала домашнихъ учителей и учительницъ, падающагося въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія, подъ условіемъ 2% вычета изъ всего получаемаго ими содержанія на усиленіе сего капитала. Тѣмъ же правомъ и на томъ же основаніи пользуются учительницы рукодѣлія, если оны имѣютъ званіе домашней наставницы или учительницы.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михайлъ.

На подлинномъ Собственномъ Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВѢЛІЧЕСТВА рукахъ написано:

«Выше по ослу».

Въ Гатчинѣ, 1 мая 1890 года.

Ш Т А Т Ъ

маріинскихъ женскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Батумѣ и Карстѣ.

	Число мѣс.	Жалованье	Всего.
		въ годъ одному.	
		Р у б л и .	
Смотрительницѣ (квартира въ натурѣ)	1	500	600
Ей же добавочныхъ за преподаваніе 6 уроковъ . . .	—	100	
Законоучителю православнаго исповѣданія	1	360	360
Учительницамъ наукъ и искусствъ (квартира въ натурѣ) . . .	3	400	1200
Учительницѣ рукодѣлія (квартира въ натурѣ) . . .	1	300	300
Учительницѣ приготовительнаго класса	1	500	500
Вознагражденіе за преподаваніе вѣнія	—	—	75
На учебныя пособия и канцелярскіе расходы	—	—	275
Содержаніе дома и прислуги	—	—	600
Итого	7	—	3910

Примѣчанія.

1) Сверхъ того, на нѣмъ помѣщенія для Батумскаго училища и на производство квартирныхъ денегъ смотрительницѣ и учительницамъ, кромя учительницъ приготовительнаго класса, полагается 1.220 руб.

2) На вознагражденіе за уроки закона Божія армяно-григоріанскаго исповѣданія и армянскаго и греческаго языковъ въ Карсскомъ училищѣ полагается 590 руб.

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта М и х а и л ѣ .

11. (14-го мая 1890 года). О промышленных училищах имени **О. В. Чижова**.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о промышленных училищахъ имени **О. В. Чижова**, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ **Александръ Абаза**.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о промышленныхъ училищахъ имени **О. В. Чижова**, мнѣніемъ положилъ:

Проектъ положенія о промышленныхъ училищахъ имени надворнаго совѣтника **Федора Васильевича Чижова** представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ собственномъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
„Вѣсть по сему“.

Въ С.-Петербургѣ.
 14-го мая 1890 года.

Положеніе о промышленныхъ училищахъ имени надворнаго совѣтника **Федора Васильевича Чижова**.

1. На счетъ капитала, завѣщаннаго надворнымъ совѣтникомъ **О. В. Чижовымъ**, учреждаются въ Костромской губерніи пять промышленныхъ училищъ; изъ нихъ одно среднее, два высшихъ техническихъ и два ремесленныхъ, съ наименованіемъ оныхъ: „Костромскія промышленныя училища **О. В. Чижова“**.

2. Опредѣленіе; согласно указаніямъ завѣщателя, мѣсть, гдѣ таковыя училища должны быть открыты, и специальностей, которымъ они должны быть посвящены, предоставляется душеприказчикамъ покойнаго **О. В. Чижова**: потомственному почетному гражданину **Саввию Ивановичу Мамонтову** и статскому совѣтнику **Алексѣю Дмитриевичу Подънову**.

3. Означенныя училища учреждаются согласно Высочайше утверж-

деннимъ 7-го марта 1888 г. основнымъ положеніямъ о промышленныхъ училищахъ. Они открываются по распоряженію министра народнаго просвѣщенія и состоятъ въ вѣдѣніи попечителя Московскаго учебнаго округа.

4. Уставы и штаты этихъ училищъ составляются душеприказчиками *Θ. В. Чижова* и, по одобреніи ихъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа, представляются симъ послѣднимъ на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія.

5. Всѣ расходы, какъ по содержанію училищъ, такъ и по общему ими завѣдыванію, относятся на проценты, въ количествѣ ста тысячъ рублей, съ завѣщаннаго *Θ. В. Чижовымъ* капитала, который вносится душеприказчиками на имя промышленныхъ училищъ *Θ. В. Чижова* въ одно изъ правительственныхъ учрежденій.

6. Капиталъ, обезпечивающій содержаніе промышленныхъ училищъ *Θ. В. Чижова* (ст. 5), оставался на вѣчныя времена неприкосновеннымъ, именуется основнымъ капиталомъ промышленныхъ училищъ *Θ. В. Чижова*.

7. Сборъ за ученіе составляетъ неотъемлемую собственность каждаго училища по принадлежности и расходуется по правиламъ о расходованіи специальныхъ средствъ въ соответственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

8. Устройство училищъ, какъ то: возведеніе для каждаго изъ нихъ потребныхъ зданій и обзаведеніе училищъ предметами, необходимыми для успѣшнаго прохожденія теоретическаго курса и практическаго обученія учениковъ, душеприказчики *Θ. В. Чижова*, согласно его завѣщанію, принимаютъ на себя и потребныя на сіе расходы производятъ изъ капитала, находящагося по духовному завѣщанію въ ихъ распоряженіи, порядкомъ, который они найдутъ наиболѣе удобнымъ и выгоднымъ.

9. Въ промышленныхъ училища имени *Θ. В. Чижова* допускаются лица всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, за исключеніемъ евреевъ.

10. Ученики училищъ *Θ. В. Чижова* носятъ форменную одежду по образцу, утвержденному для учениковъ промышленныхъ училищъ.

11. Служащіе въ промышленныхъ училищахъ *Θ. В. Чижова* пользуются всѣми правами, предоставленными служащимъ въ соответственныхъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ пенсіею изъ казны.

12. Для завѣдыванія промышленными училищами *Θ. В. Чижова* учреждается особая должность директора этихъ училищъ, на кото-

ромъ лежитъ забота объ успѣшномъ ходѣ обученія въ подвѣдомныхъ ему училищахъ и о наиболѣе цѣлесообразномъ направленіи практической подготовки учениковъ къ предстоящей имъ дѣятельности.

13. Директоръ промышленныхъ училищъ имени *Θ. В. Чигова* пользуется служебными правами наравнѣ съ директоромъ соединенныхъ средняго и вышяго техническихъ училищъ съ тремя специальностями и ремесленнаго, въ томъ числѣ пенсією изъ казны.

14. Директоръ избирается душеприказчиками *Θ. В. Чигова* изъ лицъ, имѣющихъ право на занятіе должности директора въ среднемъ техническомъ училищѣ, и утверждается въ должности, по представленію попечителя Московскаго учебнаго округа, министромъ народнаго просвѣщенія.

15. Подробная инструкція о правахъ и обязанностяхъ директора составляется попечителемъ Московскаго учебнаго округа по соглашенію съ душеприказчиками *Θ. В. Чигова*, и утверждается министромъ народнаго просвѣщенія.

16. Душеприказчики *Θ. В. Чигова*: потомственный почетный гражданинъ *С. И. Мамонтовъ* и статскій совѣтникъ *А. Д. Полѣновъ*, состоятъ пожизненно почетными попечителями промышленныхъ училищъ *Θ. В. Чигова* и пользуются всѣми правами, присвоенными почетнымъ попечителямъ среднихъ техническихъ училищъ.

17. На душеприказчикахъ лежитъ главное наблюденіе за преуспѣваніемъ промышленныхъ училищъ *Θ. В. Чигова* и общее направленіе хода дѣла въ сихъ училищахъ, согласно волѣ завѣщателя. Имъ принадлежитъ право возбуждать ходатайства передъ правительствомъ о необходимыхъ измѣненіяхъ въ уставахъ училищъ; въ случаѣ же возбужденія таковыхъ ходатайствъ не ими, представленіе объ измѣненіи въ уставахъ не можетъ послѣдовать безъ ихъ согласія. Въ ихъ распоряженіи находятся всѣ суммы, превышающія штатныя на содержаніе училищъ назначенія, равно какъ остатки и проценты штатныхъ суммъ и другія непредвидѣнныя и случайныя поступленія. Они состоятъ членами, съ правомъ голоса, во всѣхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ училищъ *Θ. В. Чигова* и занимаютъ въ нихъ первое мѣсто. Если одинъ изъ душеприказчиковъ останется въ меньшинствѣ по какому-либо вопросу, подлежащему обсужденію сихъ коллегіальныхъ учрежденій, то означенный вопросъ представляется на разрѣшеніе попечителя учебнаго округа. Душеприказчики избираютъ и представляютъ на утвержденіе, въ установленномъ порядкѣ, товарища почетныхъ попечителей, директора всѣхъ училищъ *Θ. В. Чигова* и ди-

ректоровъ техническихъ и инспекторовъ ремесленныхъ училищъ его имени.

18. Въ помощь пожизненнымъ почетнымъ попечителямъ при промышленныхъ училищахъ **О. В. Чижова** учреждается должность товарища почетныхъ попечителей. Онъ раздѣляетъ труды почетныхъ попечителей по училищамъ, дѣйствуя во всемъ согласно ихъ указаніямъ и замѣняетъ ихъ, въ случаѣ ихъ отсутствія, въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ училищъ.

19. Товарищъ почетныхъ попечителей избирается душеприказчиками **О. В. Чижова** на три года и утверждается въ должности Высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія наравнѣ съ пожизненными почетными попечителями. Онъ пользуется одинаковыми съ ними служебными правами.

20. Для общаго завѣдыванія училищами **О. В. Чижова** и вѣщаго обезпеченія успѣшной ихъ дѣятельности учреждается особый попечительный совѣтъ, состоящій изъ почетныхъ попечителей (душеприказчикъ), товарища почетныхъ попечителей, директора училищъ **О. В. Чижова**, директоровъ техническихъ и инспекторовъ ремесленныхъ училищъ **О. В. Чижова**, представителей Костромскаго губернскаго и уѣзднаго земствъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ будутъ открыты училища, по избранію земствъ, по одному отъ каждаго, и Костромскаго городскаго головы. Костромской губернаторъ, въ случаѣ, если пожелаетъ, состоитъ почетнымъ членомъ попечительнаго совѣта. Предсѣдательство въ совѣтѣ принадлежитъ одному изъ почетныхъ попечителей по взаимному между ними соглашенію. При отсутствіи обоихъ почетныхъ попечителей мѣсто ихъ занимаетъ ихъ товарищъ.

21. Попечительный совѣтъ: а) заботится о наилучшей постановкѣ практическихъ занятій учениковъ по избраннымъ для училищъ спеціальностямъ, сообразно мѣстнымъ экономическимъ условіямъ Костромской и окрестныхъ губерній и спросу промышленности на извѣстнаго рода мастеровъ и техниковъ; б) обсуждаетъ возбуждаемые душеприказчиками вопросы объ измѣненіяхъ въ уставѣ училищъ; в) рассматриваетъ годовые отчеты училищъ и сообщаетъ ихъ съ своимъ заключеніемъ попечителю Московскаго учебнаго округа для представленія въ министерство народнаго просвѣщенія, и г) обсуждаетъ вообще всѣ вопросы, вносимые на его разсмотрѣніе душеприказчиками.

22. Подробное указаніе обязанностей попечительнаго совѣта составляется попечителемъ Московскаго учебнаго округа по соглашенію

съ душеприказчиками **Ө. В. Чижова** и утверждается министромъ народнаго просвѣщенія.

23. Попечительный совѣтъ собирается въ Костромѣ не менѣе одного раза въ годъ, во время, наиболѣе свободное отъ учебныхъ занятій. Дѣлопроизводство попечительнаго совѣта возлагается на директора училищъ имени **Ө. В. Чижова**.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта **Михаилъ**.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (19-го мая 1890 года). Положеніе о стипендіи при Рижскомъ городскомъ училищѣ императрицы **Екатерины II** въ память столѣтія существованія сего училища.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 10-го мая 1890 года, учреждается при Рижскомъ городскомъ училищѣ императрицы **Екатерины II**, на счетъ капитала въ пятьсотъ пятьдесятъ руб., пожертвованнаго членами „Вспомогательнаго Общества русскихъ купеческихъ приказчиковъ въ г. Ригѣ“ бывшими учениками названнаго училища, стипендія въ память столѣтія существованія этого училища.

§ 2. Стипендіальный капиталъ заключающійся въ пяти билетахъ 2-го восточнаго займа, по 100 руб. каждый, и одного билета 1-го восточнаго займа въ 50 руб., оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Рижскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ означеннаго училища.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на плату за ученіе избраннаго стипендіата, а остающійся за тѣмъ излишекъ можетъ быть выданъ тому же стипендіату на учебныя принадлежности.

§ 4. Право выбора стипендіата изъ числа учениковъ означеннаго училища по преимуществу православнаго исповѣданія, предоставляется педагогическому совѣту училища. Правленіе „Вспомогательнаго Общества русскихъ купеческихъ приказчиковъ въ г. Ригѣ“ имѣетъ право представлять педагогическому совѣту училища своихъ кандидатовъ.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ временнаго незаимѣненія

стипендіи или по какимъ другимъ причинамъ причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (19-го мая 1890 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго Тамбовскаго губернатора тайнаго совѣтника барона Александра Александровича Фридерикса при Моршанской женской прогимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., учреждается при Моршанской женской прогимназіи одна стипендія имени бывшаго Тамбовскаго губернатора, тайнаго совѣтника барона А. А. Фридерикса на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти шестьдесятъ два руб. пятьдесятъ коп., пожертвованныхъ съ этою цѣлью Моршанскимъ городскимъ обществомъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, внесенный вѣчнымъ вкладомъ изъ 4% годовыхъ въ Моршанское отдѣленіе государственнаго банка, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, принадлежитъ къ специальнымъ средствамъ Моршанской женской прогимназіи.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на плату за ученіе избранной стипендіатки, а могущій затѣмъ образоваться остатокъ выдается ей на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и прочія нужды.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ воспитанницъ Моршанской женской прогимназіи, отличающихся прилежаніемъ, хорошимъ поведеніемъ и успѣхами, безъ различія сословій, но преимущественно изъ постоянныхъ жителей г. Моршанска.

§ 5. Право выбора стипендіатки посредствомъ закрытой баллотировки изъ числа кандидатокъ, рекомендованныхъ педагогическимъ совѣтомъ прогимназіи, принадлежитъ Моршанской городской думѣ.

§ 6. Избранная стипендіатка сохраняетъ за собой стипендію во все время нахожденія въ прогимназіи и можетъ быть ея лишена педагогическимъ совѣтомъ прогимназіи лишь въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности въ наукахъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

3. (23-го мая 1890 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго Тамбовскаго губернатора, тайнаго совѣтника барона Александра Александровича Фридерикса при Моршанскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., учреждается при Моршанскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ одна стипендія имени бывшаго Тамбовскаго губернатора барона А. А. Фридерикса, на счетъ процентовъ съ капитала въ сто тридцать одинъ руб. двадцать пять коп., пожертвованныхъ съ этою цѣлью Моршанскимъ городскимъ обществомъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, внесенный вѣчнымъ вкладомъ изъ 4% годовыхъ въ Моршанское отдѣленіе государственнаго банка, оставался навсегда неприкосновеннымъ, принадлежитъ къ специальнымъ средствамъ Моршанскаго городского трехкласснаго училища.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за ученіе избраннаго стипендіата, а могущій затѣмъ образоваться остатокъ выдается ему на приобрѣтеніе учебныхъ пособій и прочія нужды.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ воспитанниковъ Моршанскаго городского училища, отличающихся прилежаніемъ, хорошимъ поведеніемъ и успѣхами, безъ различія сословій, но преимущественно изъ постоянныхъ жителей г. Моршанска.

§ 5. Право выбора стипендіата посредствомъ закрытой баллотировки изъ числа кандидатовъ, рекомендованныхъ педагогическимъ совѣтомъ училища, принадлежитъ Моршанской городской думѣ.

§ 6. Избранный стипендіатъ сохраняетъ за собой стипендію во все время нахожденія въ училищѣ и можетъ быть лишенъ ея педагогическимъ совѣтомъ училища лишь въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоусѣбности въ наукахъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

4. (23-го мая 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ имени майора Василія Николаевича Чубровскаго при Борисоглѣбской женской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г.,

на счетъ процентовъ съ капитала въ 10,000 р., завѣщаннаго майоромъ В. Н. Чубровскимъ, учреждаются при Борисоглѣбской женской прогимназіи девять стипендій имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ свидѣтельствахъ государственнаго банка на срокъ 5 лѣтъ одно въ 8,000 руб. и другое въ 2,000 руб., хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ прогимназіи и составляетъ неотъемлемую собственность заведенія.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г. употребляются: 1) на взносъ платы за ученіе 4-хъ стипендіатовъ, по 25 р. за каждую; 2) на взносъ платы за ученіе и пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для 4-хъ другихъ стипендіатовъ по 35 р. на каждую и 3) на взносъ платы за ученіе, пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и содержаніе одной стипендіатки въ размѣрѣ 140 руб.

§ 4. Стипендіатки избираются изъ бѣднѣйшихъ и отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами воспитаницъ прогимназіи православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословія, но преимущественно изъ дѣтей жителей г. Борисоглѣбска и его уѣзда.

§ 5. Право избранія стипендіатовъ, согласно воли завѣщателя принадлежитъ педагогическому совѣту прогимназіи, который своевременно доводитъ до свѣдѣнія попечительнаго совѣта объ избранныхъ стипендіаткахъ.

§ 6. Стипендіатки пользуются стипендіями во все время пребыванія въ прогимназіи и могутъ быть лишены ихъ педагогическимъ совѣтомъ лишь въ случаѣ ухудшенія матеріальныхъ средствъ ихъ родителей, а также вслѣдствіе неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности въ наукахъ, если причины малоуспѣшности будутъ признаны педагогическимъ совѣтомъ неважными.

§ 7. Полученные съ означеннаго стипендіальнаго капитала до утвержденія сего положенія проценты, а также могущіе по какимъ-либо причинамъ образоваться остатки отъ ежегодныхъ процентовъ съ сего капитала причисляются, за взысканіемъ расхода по обиху бумагъ, къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

5. (28-го мая 1890 года). Положеніе о стипендіи имени протоіерея Арзамасскаго Воскресенскаго собора Іоанна Дмитриевича Старогородскаго при Арзамасской Екатерининской женской прогимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., учреждается при Арзамасской Екатерининской женской прогимназіи, въ память шестидесятилѣтія священства протоіерея Арзамасскаго Воскресенскаго собора І. Д. Старогородскаго, одна стипендія его имени, на счетъ процентовъ съ капитала въ сто пятьдесятъ руб., собраннаго по подпискѣ съ этою цѣлью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетѣ государственнаго банка, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названной прогимназіи.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на плату за ученіе избранной стипендіаткой, а остающійся за тѣмъ остатокъ—на приобрѣтеніе нея учебныхъ пособій.

§ 4. Выборъ стипендіатки, по рекомендаціи попечительнаго совѣта прогимназіи, изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ по успѣхамъ и поведенію ученицъ принадлежитъ о. Старогородскому, при его живнн, а по его смерти переходитъ къ преемникамъ, его по званію настоятеля Воскресенскаго собора.

§ 5. Избранная стипендіатка имѣетъ право пользоваться стипендіею во все время пребыванія въ прогимназіи и можетъ быть ея лишена педагогическимъ совѣтомъ лишь въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности въ наукахъ.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

6. (29-го мая 1890 года). Положеніе о стипендіи имени англійскаго подданнаго Викентія Джіамальва при Керченской Александровской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При Керченской Александровской гимназіи на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго умершимъ англійскимъ подданнымъ Викситіемъ Джіамальва капитала въ одну тысячу руб., заключающагося въ об-

щ...

лигаціи восточнаго займа, учреждается одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Завѣщанный капиталъ присоединяется къ спеціальнымъ средствамъ Керченской Александровской гимназій и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендія предоставляется одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ италіанскаго происхожденія, а, при отсутствіи такового, — ученику другихъ христіанскихъ исповѣданій по выбору педагогическаго совѣта и почетнаго попечителя гимназій.

§ 4. Стипендія прекращается: а) съ окончаніемъ стипендіатомъ курса гимназій, б) съ увольненіемъ его изъ гимназій и в) по случаю улучшенія матеріальныхъ средствъ стипендіата.

§ 5. Проценты съ капитала, за вычетомъ изъ нихъ государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 г., поступаютъ въ уплату за право ученія стипендіата, а остатокъ употребляется въ пособіе стипендіату на приобрѣтеніе книгъ, учебныхъ пособій или форменной одежды, или на отправленіе въ высшее учебное заведеніе по окончаніи стипендіатомъ гимназическаго курса.

§ 6. Въ случаѣ неимѣнія соответствующаго кандидата на занятіе стипендіи педагогическому совѣту предоставляется право присоединять получаемые проценты къ стипендіальному капиталу.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (29-го мая 1890 года). Положеніе о стипендіи имени д. т. сов. Виктора Александровича Вибикова при С.-Петербургской 3-й гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго д. т. сов. В. А. Вибиковымъ капитала, составляющаго нинѣ 8,550 руб., учреждается при С.-Петербургской 3-й гимназій одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ С.-Петербургской 3-й гимназій въ мѣстномъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго налога по закону 20-го мая, употребляются на содержаніе одного пансіонера.

§ 4. Стипендіею пользуется одинъ изъ бѣднѣйшихъ воспитанни-

ковъ гимназіи, круглый сирота, отличающійся хорошими успѣхами и поведеніемъ. Въ случаѣ нѣсколькихъ равноправныхъ кандидатовъ, стипендія назначается по жребію.

§ 5. Въ случаѣ неимѣнія между воспитанниками гимназіи круглаго сироты, до поступленія такового, стипендія временно можетъ быть замѣщена немущимъ полусиротою изъ достойнѣйшихъ учениковъ.

§ 6. Право избранія стипендіата, а равно и лишеніе его стипендіи, вслѣдствіе неуспѣшности или дурнаго поведенія, предоставляется педагогическому совѣту С.-Петербургской 3-й гимназіи.

§ 7. Образовавшіеся отъ незаимѣненія стипендіи или по другимъ какимъ-либо причинамъ остатки могутъ быть употребляемы на вспоможеніе стипендіату при окончаніи курса.

§ 8. Право пользованія стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (30-го мая 1890 года). Циркулярное предложеніе гг. почитаемымъ учебнымъ округамъ по вопросу объ особыхъ преимуществахъ службы въ отдаленныхъ губерніяхъ Имперіи.

Въ ст. 2-й Положенія объ особыхъ преимуществахъ гражданской службы въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, а также въ губерніяхъ западныхъ и Царства Польскаго (Св. Зак., по прод. 1886 г., т. III) выражено, что особыми преимуществами пользуются, по всѣмъ отраслямъ государственной службы, за исключеніемъ вѣдомства министерства Императорскаго двора, какъ лица гражданскаго вѣдомства, такъ и военные чины, занимающіе гражданскія должности, если они будутъ вызваны или переведены въ отдаленныя мѣстности на службу изъ губерній или областей несмежныхъ съ ними и притомъ такихъ, которыя не признаются отдаленными (ст. 1, п. 1 ср. ст. 5). Лица, переводимыя на службу въ отдаленныя мѣстности по распоряженіямъ министровъ и главноуправляющихъ, и всѣ вообще назначаемыя на службу въ мѣстности, указанныя въ примѣчаніи 1 къ ст. 1 и въ остальной части Приамурскаго генералъ-губернаторства, пользуются особыми преимуществами, хотя бы лица сіи были вызваны или переведены въ отдаленныя мѣстности изъ губерній или областей смежныхъ съ ними или признаваемыхъ отдаленными. означенныя преимущества (по ст. 3 Полож.) не предоставляются уроженцамъ той мѣстности, куда они опредѣляются, за исключеніемъ однако: 1) лицъ, получившихъ высшее образованіе и 2) такихъ уроженцевъ отдаленной

мѣстности, которые пребывали внѣ ея предѣловъ не менѣе десяти лѣтъ сразу предъ поступленіемъ туда на службу. Въ слѣдующей затѣмъ ст. 4 Полож. наложены правила въ отношеніи должностей, по которымъ предоставляются особыя преимущества.

Хотя въ приведенныхъ статьяхъ Положенія сдѣланы указанія при какихъ условіяхъ лица, поступающія на службу въ отдаленные края, пользуются служебными преимуществами и при какихъ не пользуются, но, при примѣненіи оныхъ, по ст. 43 Полож. къ лицамъ русскаго происхожденія, поступающимъ на службу въ губерніи Царства Польскаго, по министерству народнаго просвѣщенія военныхъ вопросъ о томъ, какъ примѣнять на практикѣ помѣщенія въ ст. 2 Положенія выраженія „если они будутъ вызваны или переведены“. Полагая, съ своей стороны, что подача прошеній объ опредѣленіи или перемѣщеніи на должность не должна служить препятствіемъ къ пользованію преимуществами по ст. 2 и 43 Положенія объ особыхъ преимуществахъ службы въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, а также въ губерніяхъ западныхъ и Царства Польскаго, если только лица, подавшія прошенія, послѣдующими распоряженіями мѣстнаго начальства будутъ вызваны или переведены на службу въ отдаленныя мѣстности или въ губерніи Царства Польскаго изъ губерній или областей не смежныхъ съ ними и притомъ такихъ, которыя не признаются отдаленными, я, на основаніи 211 ст. учр. мин. (Св. Зак. над. 1857 г. т. I, ч. II), входилъ съ представленіемъ въ правительствующій сенатъ о разрѣшеніи помянутого вопроса.

Правительствующій сенатъ, какъ видно изъ послѣдовавшаго вышѣ указа отъ 2-го мая сего года за № 6178, рассмотрѣвъ возбужденный мною вопросъ и доставленные по оному мнѣнія министра финансовъ и государственнаго контролера, находитъ, что буквальный смыслъ ст. 2, закона 13-го іюня 1886 года даетъ основаніе предполагать, что употребленное въ ономъ выраженіе „если они будутъ вызваны или переведены“ какъ бы исключаетъ изъ категоріи могущихъ воспользоваться привилегіями службы лицъ, подавшихъ прошенія объ опредѣленіи на службу въ отдаленныя мѣстности, но такое предположеніе не согласовалось бы съ усвоеннымъ дѣйствующимъ законодательствомъ порядкомъ опредѣленія къ должностямъ вообще, по которому лица, желающія поступить на государственную службу и имѣющія на то право, обязаны обращаться съ просьбами въ то мѣсто, куда они опредѣляются назначеніи; такимъ же порядкомъ подаются прошенія и о перемѣщеніи къ должности (ст. 181 и 192,

т. III уст. о служ. Правит. изд. 1876 г.). На обязанность всѣхъ вообще начальствъ возложено всемирно стараться о замѣщеніи подвѣдомственныхъ имъ должностей людьми достойными и способными (ст. 194 того же тома). Такимъ образомъ, по закону, контингентъ чиновниковъ, опредѣляемыхъ къ должностямъ, составляется изъ лицъ, подавшихъ прошенія объ опредѣленіи ихъ на службу или о перемѣщеніи къ должности, причемъ подлежащими начальствами удовлетворяются прошенія такихъ только лицъ, которые, по собраннымъ свѣдѣніямъ или по надлежащемъ испытаніи, окажутся способными и достойными. Засимъ, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы, при установленіи правилъ объ особнхъ преимуществахъ службы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи, имѣлось въ виду отступить отъ приведеннаго общаго порядка опредѣленія и перемѣщенія къ должностямъ и лишить привилегій службы многихъ изъ достойныхъ и способныхъ чиновниковъ на томъ только основаніи, что ими заявлено желаніе служить въ отдаленной мѣстности. Независимо отъ сего, разъясненіе ст. 2 закона 19-го іюня 1886 г. въ другомъ смыслѣ, можетъ породить затрудненіе въ замѣщеніи должностей въ означенныхъ мѣстностяхъ, и, что всего не желательнѣе, можетъ повести къ обходу закона путемъ не официальнаго соглашенія лицъ, желающихъ служить въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, съ подлежащими мѣстными начальствомъ о вызовѣ ихъ на службу безъ предварительной подачи прошеній. По изложеннымъ соображеніямъ, правительствующій сенатъ пришелъ къ заключенію, что лицами, опредѣляемыми на службу въ отдаленныя мѣстности не по вызову или переводу ихъ подлежащимъ начальствомъ, слѣдуетъ считать лишь такихъ, кои прибыли въ отдаленный край по собственному желанію и впоследствии поступили уже тамъ на службу. Посему правительствующій сенатъ опредѣляетъ: въ разрѣшеніе возбужденнаго мною вопроса разъяснить, что подача прошеній объ опредѣленіи или перемѣщеніи на должность не должна служить препятствіемъ къ пользованію преимуществами по ст. 2 и 43 закона 19-го іюня 1886 г., если только лица, подавшія прошенія, послѣдующими распоряженіями подлежащаго начальства, будутъ вызваны или переведены на службу въ привилегированныя мѣстности изъ губерній или областей несмежныхъ съ ними и притомъ такихъ, которыя не признаются отдаленными.

Объ этомъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

ЧЛОГЪ СОЛХ, ОТД. 2.

3

9. (11-го іюня 1890 г.). Положеніе о стипендіяхъ въ память событія 17-го октября 1888 года при Чебоксарскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го іюня 1890 года, учреждаются при Чебоксарскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ стипендіи въ память чудеснаго событія 17-го октября 1888 года, на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти рублей, собраннаго съ этою цѣлью по подаяніямъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 1-го восточнаго займа, составляетъ собственность Чебоксарскаго городского училища и хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатовъ.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ, принадлежитъ педагогическому совѣту.

§ 5. Остатки, могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендій, причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

10. (12-го іюня 1890 г.). Положеніе о двухъ стипендіяхъ при С.-Петербургскомъ 2-мъ реальномъ училищѣ имени бывшаго камердинера Двора Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Павла Александровича, въ чинѣ VIII класса, Сергѣя Терентьева Датскаго.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На капиталъ въ три тысячи рублей, завѣщанный умершимъ камердинеромъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Павла Александровича, Сергѣемъ Ивановичемъ Терентьевымъ-Датскимъ, учреждается при С.-Петербургскомъ 2-мъ реальномъ училищѣ двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Означенный стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 50/0 билетахъ государственнаго банка, хранится въ числѣ специаль-

ныхъ средствъ названнаго училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну суммы, слѣдующей, на основаніи закона 20-го мая 1885 года, обращаются на взносъ платы за ученіе стипендіатовъ и на выдачу имъ учебныхъ пособій.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ принадлежитъ душеприказчикамъ завѣщателя: полковнику Мошкову и коллежскому ассессору Иванову, а послѣ ихъ смерти педагогическому совѣту С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища, причемъ преимущество отдается дѣтямъ лицъ, служащихъ въ придворномъ вѣдомствѣ, недостаточнаго состояніи.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣровъ стипендій.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ постановлено:

— Книжку: „Могучій Самсонъ. Разсказъ польской писательницы Елизаветы Оржешко. Москва. 1886. Стр. 48. Цѣна 7 коп.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Робинзонъ Крузо. Его жизнь и приключенія (для народныхъ училищъ). Съ картинками. М. 1890. Стр. 62. Цѣна 10 коп.“—допустить въ нившія училища, какъ городскія, такъ и сельскія.

— Книгу: „Опредѣлитель насѣкомыхъ, введеніе въ ихъ изученіе. Д. Шлехтендала и Д. Вюнше, переводъ съ нѣмецкаго г. Ярцева, подъ редакціей профессора К. Линдемана, съ 15-ю таблицами рисунковъ, стр. 766, М. 1890. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою (если она пріобрѣтается непосредственно отъ Петровской Академіи),—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Садоводство и Огородничество для учениковъ сель-

скихъ училищъ (С.-Пб. 1890. 8°; III и 9 стр.) В. Вѣллева. Цѣна 80 копѣекъ.—одобрить для ученическихъ библиотекъ сельскихъ начальныхъ училищъ, одноклассныхъ и двухклассныхъ.

— Книгу: „Римское государственное право. Сочиненіе П. Виллемса. Переводъ съ французскаго членовъ Киевскаго отдѣленія Общества классической филологіи и педагогикки, подъ редакціей П. Н. Бодянскаго. Выпускъ II. 1890. Стр. отъ 435 по 797“—рекомендовать въ ученическія библиотеки гимназій, для старшаго возраста и для подарковъ учащимся.

— Книгу: „Книга упражненій къ греческой грамматикѣ Г. Нидерле. Составилъ И. Мейеръ. Изданіе 4-е. Москва. 1890. Стр. 264. Цѣна 85 коп.“—одобрить въ видѣ учебнаго пособія по греческому языку для гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Сборникъ матеріаловъ для устнаго и письменнаго перевода съ русскаго языка на греческій въ V—VIII классахъ гимназій. Составилъ Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназій, и Н. Баталинъ, преподаватель русскаго языка въ Московской 1-й гимназій. Часть I. Синтаксическія фразы. Изданіе 3-е. Москва. 1890. Стр. 151. Цѣна 80 коп.“—одобрить какъ учебное пособіе по греческому языку для старшихъ классовъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Греческая фразеологія для среднихъ и старшихъ классовъ гимназій. Составилъ И. в. Семеновичъ, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназій. Москва. 1890. Стр. 91. Цѣна 65 коп. (въ переплетѣ)“—одобрить какъ учебное пособіе по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Словарь Гомеровской мнѣологіи и географіи адъюнкты-профессора Парижскаго университета Э. Леру. Перевелъ съ французскаго И. Боговскій. Кіевъ. 1890. Въ 16-ю д. л. Стр. 115. Цѣна 60 коп.“—одобрить не только въ видѣ учебнаго пособія по греческому языку, но и для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Греческіе классики. Текстъ для учащихся, перевѣренный русскими учеными, подъ главною редакціей М. В. Краузе *Prođotoi istoria. Herodoti historiae in usum scholarum recognitae Vol. Petropoli.* 1890. Стр. 305. Цѣна 60 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги: „Д. П. Булава. Собраніе арифметическихъ задачъ

приготовительнаго и систематическаго курса для устнаго и письменнаго рѣшенія. Составлены для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, городскихъ и народныхъ училищъ. Первая часть. Цѣлыя числа. 1715 задачъ. Таганрогъ. 1888. Стр. 149. Цѣна 40 коп.—Собраніе арифметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ и городскихъ училищъ. Вторая часть. Дроби. Таганрогъ. 1888. Стр. 222. Цѣна 50 коп.—допустить въ качествѣ учебнаго пособия при прохожденіи арифметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, и въ городскихъ училищахъ.

Книгу: „Д-ра медицины Н. Ф. Келдыша: Медицинскія бесѣды съ искуженными сестрами милосердія Св.-Троицкой общины. С.-Пб. 1890. Стр. 102. Цѣна 1 руб.“—одобрить для учительскихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: *Russische Gedichte von A. Kolzow Deutsch von M. Michelson. St.-Petersburg. 1890*—допустить въ библиотекѣ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу В. Вахтина подъ заглавіемъ „Нагрузка и измѣненіе вмѣстимости купеческихъ судовъ, Руководство для мореходныхъ классовъ. Изданіе мореходныхъ классовъ С.-Петербургскаго рѣчнаго яхт-клуба, С.-Пб., 1890,—одобрить какъ руководство для мореходныхъ классовъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу „Ручной трудъ въ общеобразовательной школѣ, съ приложеніемъ статьи о подготовкѣ учителей и учительницъ къ преподаванію ручнаго труда. К. Ю. Цируль. С.-Пб. 1890. Въ 8-ку. 78 + 13 стр. Цѣна 1 руб.“—допустить въ ученическія библиотекы учительскихъ институтовъ и семинарій и въ учительскія библиотекы народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи авторъ выпустилъ изъ нея все то, что не относится къ исторіи и методикѣ предмета, а также уменьшилъ цѣну книги“.

— Книгу: „С. М. Архангельскій. Какъ въ судѣ правое дѣло отстоять. Выпускъ 1-й. О правахъ на имущества. Книжка для тягущихся, волостныхъ судей и училищныхъ библиотекъ. Владиміръ (губ.) 1890. Въ 16-ю д. л., 47 стр. Цѣна 10 коп. съ пересылкою“— допустить въ учительскія библиотеки начальныхъ училищъ.

— Составленная дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Михельсономъ книга, подъ заглавіемъ: „Russische Gedichte von A. Kolzow. Deutsch von M. Michelsson St. Petersburg. 1890“ допущена въ библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Его сіятельство господинъ министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) увеличить размѣръ платы за ученіе, съ 1890—1891 учебнаго года, въ Муромскомъ реальномъ училищѣ съ двадцати до двадцати пяти руб. въ годъ съ каждого ученика; 2) открыть при Новгородской гимназій, съ 1890—1891 учебнаго года, приготовительный классъ, съ установленіемъ платы за ученіе въ размѣрѣ сорока руб. въ годъ съ каждого ученика; 3) увеличить съ 1890—1891 учебнаго года размѣръ платы за ученіе въ Зарайскомъ реальномъ училищѣ съ двадцати пяти до тридцати пяти рублей въ годъ съ каждого ученика; 4) увеличить размѣръ платы за ученіе въ Черниговской гимназій съ начала 1890—1891 учебнаго года съ сорока до пятидесяти рублей въ годъ съ каждого ученика, и 5) увеличить размѣръ платы за ученіе въ Влоцлавскомъ реальномъ училищѣ съ 1890—1891 учебнаго года съ тридцати пяти до сорока рублей въ годъ съ каждого ученика.

Списокъ премій при Императорской Академіи Наукъ, Императорскихъ Россійскихъ Университетахъ, существующихъ при оныхъ Ученыхъ Обществахъ и С.-Петербургскомъ Технологическомъ Институтѣ.

При Императорской Академіи Наукъ, Императорскихъ Россійскихъ Университетахъ и существующихъ при нихъ Ученыхъ Обществахъ учреждено какъ на казенныя средства, такъ и на пожертвованія частныхъ лицъ, значительное количество премій, назначаемыхъ за лучшія ученныя изслѣдованія по разнымъ отраслямъ знанія и выдаваемыхъ отчасти въ извѣстные сроки въ видѣ денежныхъ или почетныхъ наградъ (медалей), отчасти же въ видѣ единовременной денежной преміи въ размѣрѣ всего пожертвованнаго на сей предметъ капитала.

Принимая во вниманіе, что при послѣдовательномъ учрежденіи столькихъ премій та или другая изъ нихъ легко могла ускользнуть отъ вниманія ученаго міра, хотя положенія и правила объ нихъ и доводились своевременно до всеобщаго свѣдѣнія, министерство народнаго просвѣщенія сочло долгомъ обнародовать списокъ существующихъ при подвѣдомственныхъ сему министерству учрежденіяхъ премій, съ обозначеніемъ размѣра обеспечивающихъ оныя капиталовъ, предмета назначенія, сроковъ выдачи и размѣра каждой изъ сихъ денежныхъ или почетныхъ наградъ.

При Императорской Академіи Наукъ.

Наименованіе преміи.	Размѣръ капитала об-щественнаго преміи.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.
Митрополита Макарія.	68.600 р.	Премія назначается за самостоятельные труды во всѣхъ отрасляхъ наукъ и знаній, за исключеніемъ богословскихъ и церковно-историческихъ.	Премія выдается черезъ каждые два года въ размѣрѣ 1.500 р. (полная) и 1.000 р. (неполная).
Графа Д. А. Тольстаго.	34.200 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по наукамъ математическимъ, естественнымъ, медицинскимъ, филологическимъ, историческимъ, статистикѣ и политической экономіи.	Премія выдается ежегодно (посочередно) въ видѣ золотыхъ медалей (въ 300, 250 и 150 р.) и денежной преміи въ 800 р. (или двухъ по 400 р. каждая).
Ломоносова	—	Премія назначается 1) за ученые изслѣдованія и открытія въ области физики, химіи и минералогіи и 2) за труды по русской и славянской филологіи.	Премія выдается ежегодно (посочередно) въ размѣрѣ 1.000 руб.
Премія Сибирскаго Дворянства.	8.000 р.	Премія назначается за оригинальныя сочиненія на русскомъ языкѣ, историческія, политико-экономическія и статистическія, изъясняющія предметомъ одну изъ главнѣйшихъ реформъ царствованія Императора Александра Николаевича.	Премія выдается черезъ каждые три года въ размѣрѣ 1.500 р. (или двѣ преміи въ 700 руб. каждая).
К. М. Вера.	18.450 р.	Премія назначается: а) за многолѣтніе труды, существенно подвинувшія анатомію, гистологію, эмбриологію и физиологію человѣка, животныхъ и растений, зоологію, ботанику и палеонтологію и б) за сочиненія, содержащія въ себѣ изысканія по этническимъ наукамъ.	Премія выдается черезъ каждые три года: почетная золотая медаль (цѣною въ 200 руб.) и 1.000 руб.

Наименование премии.	Размѣръ капитала обещивающаго премию.	Имя учредителя премии и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ премій.
Л. Л. Риландкаго.	6.250 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по части анатомико - микроскопическихъ исследованийъ центральной нервной системы.	Премія выдается черезъ каждые четыре года, въ размѣрѣ четырехлѣтней сложности $\%$, нарастающихъ на капиталъ въ 3.000 р.
В. Я. Вуляковскаго.	7.000 р.	Премія назначается за важнѣйшія открытія по части чистаго математическаго анализа, или за сочиненія, содержащія въ себѣ возможно полное изложеніе какой либо самостоятельной отрасли высшей математики.	Премія выдается черезъ каждые три года въ размѣрѣ 500 руб.
Ф. Ф. Врандта.	3.200 р.	Премія назначается за самостоятельныя изысканія въ области зоологіи, зоографіи, сравнительной анатоміи и палеонтологіи животныхъ.	Премія выдается черезъ каждые пять лѣтъ въ размѣрѣ 500 руб.
Г. П. Гальмерсева.	3.050 р.	Премія назначается за самостоятельныя изысканія по геологіи, палеонтологіи и фивической географіи Россіи и сопридѣльныхъ странъ Азіи.	Премія выдается черезъ каждые пять лѣтъ въ размѣрѣ 500 р.
Ф. Ф. Шуберта.	10.550 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по теоретической астрономіи и по анализу безконечно малыхъ величинъ.	Премія выдается черезъ каждые два года въ размѣрѣ 1000 р.;
А. С. Пушкина.	21.000 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по исторіи народной словесности и русской литературы XVIII и XIX вв., за произведенія изысканной словесности въ прозѣ или стихахъ и за критическія работы выдающихся провведателей русской народной словесности.	Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ 1.000 р. (большая) и 500 р. (малая).

Наименованіе преміи.	Размѣръ издѣла обособляющаго преміи.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.
А. М. Сибирякова.	12.900 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія о Сибири и населяющихъ этотъ край племенахъ.	Премія выдается черезъ каждыя три года въ размѣрѣ 1.500 р.
Котляревскаго.	12.800 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по славянскимъ древностямъ, славянской литературѣ или нарѣчіямъ.	Премія выдается черезъ каждыя три года въ размѣрѣ 1.000 р. (малая) или 500 руб. (половинная).
Графа Уварова.	10.400 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по политической исторіи, исторіи церкви, законодательства, древностей, языка, словесности и художествъ Россіи и другихъ славянскихъ странъ.	Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ 1.500 р. (большая) и 500 р. (малая).
Графа А. А. Аракчеева.	175.800 р.	Премія назначается за лучшее сочиненіе по исторіи царствованія Императора Александра I.	Премія будетъ выдана 12 декабря 1925 г. въ размѣрѣ 50.000 р. ассигн. съ $\frac{1}{2}$ %, накопившимся съ 1833 года.
Премія Тамбовскаго Дворянства.	7.250 р.	Премія назначается за лучшее изслѣдованіе перваго 25-лѣтія царствованія Императора Александра II.	Премія будетъ выдана 29 декабря 1901 г. въ размѣрѣ 5.000 р. съ $\frac{1}{2}$ % по день присужденія преміи.
Князь Н. В. Юсупова.	7.500 р.	Премія назначается за лучшее изслѣдованіе по исторіи царствованія Императора Александра II.	Премія будетъ выдана 29 декабря 1890 г. въ размѣрѣ 6.000 руб. съ $\frac{1}{2}$ % по день присужденія преміи.
—	4.100 р.	Премія назначается за лучшее жизнеописаніе Ломоносова, съ изображеніемъ всѣхъ сторонъ его дѣятельности и оцѣнкою его трудовъ.	Премія будетъ выдана 29 декабря 1890 г. въ размѣрѣ 2.000 руб. съ $\frac{1}{2}$ % по день присужденія преміи.

Наименование премii.	Размѣръ ма- териала обо- тчищающаго премii.	Имя учредителя премii и предметъ назначенiя ея.	Срокъ выдачи и размѣръ премii.
Н. И. Костомарова.	5.600 р.	Премii назначается за лучший словарь малорусскаго нарѣчiя, съ объясненiемъ словъ на русскомъ языкѣ.	Премii будетъ выдана 29 декабря 1892 г. въ размѣрѣ 4.000 р., съ % по день присужденiя премii.
—	1.000 р.	Премii назначается за лучшее сочиненiе о В. А. Жуковскомъ (лингвистическое, критическое или литературное разсмотрѣнiе его трудовъ).	Премii будетъ выдана 1 мая 1890 г. въ размѣрѣ 1.000 р., съ % по день присужденiя премii.
А. Н. Неустроева.	750 р.	Премii назначается за лучшее историческое разсказанiе о русскихъ повременныхъ изданiяхъ и сборникахъ, вышедшихъ въ Россii съ 1803 по 1850 г.	Премii будетъ выдана 29 декабря 1895 г. въ размѣрѣ 500 руб., съ % по день присужденiя премii.
Дѣйствительнаго статскаго советника Иванова.	11.000 р.	Премii назначается за лучшее сочиненiе о премудрости и неослѣжимости Творца вселенной и другiя по части нравственной и физической.	Когда капиталъ достигнетъ изъ %—40.000 р., послѣдуетъ первое присужденiе премii въ размѣрѣ 7.000 р.
И. Н. Юшеновой.	36.700 р.	Премii назначается за лучшия сочиненiя по наукамъ математическимъ, физическимъ и медицинскимъ.	Правиль о премii не имѣется; на основнiй капиталъ въ 25 т. руб. всѣ накопившiеся проценты подлежатъ въ 1890 г. передатъ въ Медицинскую Академiiю, для учрежденiя премii имени хирурга Н. З. Юшенова, которая выдается черезъ каждыя 6 лѣтъ. Вѣтъ % на основнiй капиталъ образуютъ при Академiiи Наукъ премiiю генераль-

Наименованіе преміи.	Размѣръ капитала обес- печивающаго премію.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.
			маіора П. Н. Юш- нова, выдаваемую также черезъ 5-ть лѣтъ за сочиненія по наукамъ матема- тическимъ и физиче- скимъ.
А. С. Грейга.	3.500 р.	Премія назначается за лучшее сочиненіе по поли- тической экономіи и госу- дарственнымъ финансамъ.	Премія выдается черезъ каждыя пять лѣтъ въ размѣръ 1.000 р.
А. Карѣва.	7.304 р. 59 к.	Премія назначается за лучшее, напечатанное на русскомъ языкѣ, драма- тическое сочиненіе.	Правила о преміи еще не утверждены.
Итого на сумму. 466.404 р. 59 к.			

При Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Н. В. Исакова.	2.000 р.	Капиталъ пожертвованъ бывшимъ преподавателемъ Мос- ковскаго учебнаго округа Н. В. Исаковымъ. Премія назначается за лучшее со- чиненіе студентовъ истори- ко-филологическаго факуль- тета на русскомъ и латин- скомъ языкахъ.	Премія выдается ежегодно въ размѣ- рѣ 100 р.
Графа М. Н. Муравьева.	1.651 р. 47 к.	Премія назначается за составленіе учебника рус- ской исторіи, призывающаго къ нуждамъ сѣверонаго- наго края. (На соисканіе этой преміи учебника не представлено).	Премія будетъ вы- дана въ полномъ размѣрѣ капитала.
В. П. Воткина.	8.000 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по клас- сической древности и не- премѣнно русскому автору.	Премія выдается черезъ каждыя три года въ размѣрѣ 1.200 р.
С. М. Соловьева.	25.100 р.	Премія назначается за сочиненія на темѣ по исто-	Премія выдается или полная (всѣхъ)

Наименованіе преміи.	Размѣръ капиталъ обществннаго преміи.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.
		рим, преимущественно русской.	суммы двухлѣтнихъ процентовъ), или большая (изъ $\frac{1}{2}$), или малая (изъ $\frac{1}{4}$ общей суммы за вычетомъ $\frac{1}{100}$ части изъ каждой преміи на золотыя медали рецензентамъ).
А. Н. Раздѣткова.	24.000 р.	Капиталъ пожертвованъ бывшимъ профессоромъ Московскаго Университета Раздѣтовымъ. На проценты ежегодно выдаются 2 преміи: одна по медицинскому факультету, другая по другимъ факультетамъ, поочередно, со включеніемъ и медицинскаго.	Ежегодно выдаются 2 преміи, по 600 руб. каждая.
Ю. Ѳ. Самарина.	9.550 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія, касающіяся крестьянскаго и земскаго быта въ Россіи.	Премія выдается черезъ каждые три года (полная или половинная).
П. В. Парначева.	18.400 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по естественнымъ наукамъ или сельскому хозяйству въ Россіи, за изобрѣтеніе самыхъ выгоднѣйшихъ способовъ для улучшенія быта бѣдныхъ труженниковъ и за изобрѣтеніе вѣрнаго способа гиченія хроническихъ болѣзней.	Премія выдается черезъ каждые два года.
Н. Д. Брашмана.	5.200 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по математикѣ студентовъ или лицъ, окончившихъ курсы въ Московскомъ Университетѣ (исключая членовъ математическаго факультета).	Премія выдается черезъ каждые два года въ размѣрѣ 500 р.

Наименованіе преміи.	Размѣръ капиталъ обязательнаго гранта.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.
В. А. Васова.	7.000 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по хирургіи.	Премія выдается черезъ каждые три года въ полномъ или половинномъ размѣрѣ.
<hr/>			
Итого при Университетѣ.	. 100.901 р. 47 к.		

При Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

—	2.400 р.	Премія назначается за лучшее сочиненіе „Исторіи градоначальствованія въ Москвѣ свѣдѣтельнаго князя Д. В. Голлицина“.	Премія выдается въ полномъ размѣрѣ капитала.
---	----------	--	--

При Обществѣ Мыслителей Прореды.

А. Г. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ.	2.700 р.	Премія назначается за лучшее сочиненіе по ботаникѣ.	Премія выдается черезъ каждые три года.
-------------------------------	----------	---	---

При Обществѣ Любителей Истествознанія, Антропологіи и Этнографіи

В. П. Мошнина.	8.000 р.	Премія назначается за лучшія изслѣдованія въ области физики и химіи (поочередно), а также за изобрѣтенія и усовершенствованія по практическому приложенію этихъ наукъ.	Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ 800 р.
А. П. Развѣтова.	7.400 р.	Премія назначается денежная, за выдающіяся изслѣдованія по антропологіи, и медаль—лицу, заявившему передъ обществомъ о своей дѣятельности по антропологіи.	Премія выдается ежегодно: деньгами 800 р. и золотая медаль.

Наименованіе преміи.	Размѣръ капитала обществянаго преміи.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.
----------------------	---------------------------------------	---	--------------------------------

При Психологическомъ Обществѣ.

Д. А. Столыпина.	2.000 р.	Премія назначается за лучшее сочиненіе по философіи наукъ на тему „Критическое разсмотрѣніе положенія Огюста Конта о естественномъ соизначеніи первообразныхъ законовъ неорганической природы съ основными законами органической жизни и о стремленіи всѣхъ реальныхъ знаній человѣка къ логическому и научному единству“.	Премія выдается полностью или по частямъ авторамъ. Срокъ выдачи предположенъ 1 января 1891 года.
------------------	----------	--	--

При Юридическомъ Обществѣ.

В. Н. Лешкова.	491 р. 40 к.	На этотъ капиталъ будетъ учреждена премія имени покойнаго предсѣдателя Общества В. Н. Лешкова. Условія назначенія преміи выработываются.	
----------------	--------------	--	--

Итого при Ученыхъ Обществахъ 22.991 р. 40 к.

При Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Мирацъ Джафара Тончибашева.	1.000 р.	Премія назначается за лучшее сочиненіе по одной изъ административныхъ наукъ.	Премія выдается черезъ каждыя два года, въ размѣрѣ 100 р.
П. А. Ильенкова.	5.000 р.	Премія назначается за сочиненіе по одной изъ естественныхъ наукъ и ка-сающееся исслѣдованія Россіи.	Премія выдается черезъ каждыя два года въ размѣрѣ 500 руб.

Наименованіе преміи.	Размѣръ капитала об-щественнаго преміи.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Орокъ выдачи и размѣръ преміи.
Въ память 1-го сѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей.	2.000 р.	Премія назначается за лучшую изъ работъ, представленныхъ студентами и слушателями физико-математическаго факультета.	Премія выдается ежегодно (поочередно за работу по естественнымъ и математическимъ наукамъ) въ размѣрѣ 110 руб.
Въ память 50-ти лѣтняго юбилея С.-Петербургскаго Университета.	2.100 р.	Премія назначается за сочиненіе на тему, предложенную по одному изъ факультетовъ поочередно.	Премія выдается черезъ каждые два года въ размѣрѣ 210 руб.
А. Иванова.	7.148 р.	Премія назначается отличными студентамъ, съ успѣхомъ окончившимъ курсъ наукъ.	½ съ этого капитала пользуются поочередно: 5 лѣтъ С.-Петербургскій Университетъ, 5 лѣтъ С. - Петербургская Духовная Академія, и 5 лѣтъ — Военно-Медицинская Академія.
Итого	. . . 17.248 р.		

При Физико-Химическомъ Обществѣ.

Н. Н. Соколова.	Капитала 5 лѣтъ.	Премія выдается за лучшія, сдѣланныя въ Россіи, экспериментальныя изслѣдованія по химіи и преимущественно начинающимъ ученымъ.	Премія выдается въ размѣрѣ 500 руб.
В. О. Лушнина.	Едино-временныя пожертвованія члена Общества		

При Обществѣ Естествоиспытателей.

127 р. съ пожертвовано княземъ Нарошн-Гинглатомъ. Премія назначается за лучшее сочиненіе о птицахъ С.-Петербургской губерніи.

Наименованіе преміи.	Размѣръ капитала обещаннаго преміи.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.
К. Ө. Кесслера.	4.178 р.	Капиталъ составленъ путемъ повсемѣстной подписки. Премія назначается за лучшія сочиненія: а) по фаунистикѣ и систематикѣ позвоночныхъ Россіи и б) по сравнительной анатоміи и эмбриологіи позвоночныхъ—поочередно.	Премія выдается, начиная съ 1893 г., черезъ каждыя три года, въ размѣрѣ 500 р.
Итого при Ученыхъ Обществахъ			
	14.305 р.		

При Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

—	250 р.	Премія назначается за лучшую диссертацию, представленную въ юридическій факультетъ по полицейскому праву и удостоенную серебряной или золотой медали.	Премія выдается черезъ каждыя пять лѣтъ въ размѣрѣ 50 руб.
Итого	250 р.		

При Обществѣ естествоиспытателей.

при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Профессора Кесслера.	Ежегодно отчисляются 60 р. въ средствъ Общества.	Премія назначается за лучшее сочиненіе по зоологіи, ботаникѣ и минералогіи съ геологіею.	Премія выдается черезъ каждыя три года въ размѣрѣ 160 р.
—	То-же.	Капиталъ доставленъ въ Общество О. М. Смирновымъ, для выдачи за лучшее сочиненіе „о вырожденіи пшеницы“.	Срокъ выдачи не определенъ.
Итого при Обществѣ			
	2.000 р.		

Наименованіе преміи.	Размѣръ капитала об-щественнаго преміи.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.
----------------------	---	---	--------------------------------

При Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра въ Новѣй.

Н. Н. Пирогова.	2.000 р.	Капиталъ образованъ изъ частныхъ пожертвованій. Премія выдается студентамъ Кіевскаго Университета за сочиненія, удостоенныя золотой медалію.	Премія выдается ежегодно въ размѣръ рѣ 100 р.
И. И. Рахманова.	5.000 р.	Заслуженный профессоръ Университета Св. Владиміра Н. И. Рахманновъ. Премія выдается лицу, получившему образованіе въ Университетѣ Св. Владиміра за лучшее самостоятельное сочиненіе въ области физико-математическихъ наукъ.	Премія выдается черезъ два года: золотая медалъ въ 200 р. и деньгами 800 руб.
Итого .		7.000 р.	

При Кіевскомъ Отдѣленіи Общества классической филологіи и педагогикѣ.

Н. Н. Пирогова.	497 р.	Премія учреждена при Кіевскомъ Отдѣленіи Общества классической филологіи и педагогикѣ — на пожертвованія членовъ Общества и А. А. Пироговой. Премія выдается за лучшія сочиненія учениковъ трехъ высшихъ классовъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа по древнимъ языкамъ.	Премія выдается ежегодно по деньгамъ, а книгами съ надписаніемъ отъ Общества классической филологіи и педагогикѣ.
Итого при Обществѣ.		497 р.	

При Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.

Ад. Хойнацаго.	8.000 р.	Капиталъ поступилъ по завѣщанію Адама Хойнацаго. Премія выдается за лучшія сочиненія, влияющія на про-	Премія выдается черезъ каждые два года въ размѣръ 900 р.
----------------	----------	--	--

Наименованіе преміи.	Размѣръ капитала обеспечивающаго премію.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.
		свѣщеніе простаго народа, а тѣмъ самымъ на исправленіе нравственности и нравовъ оного.	
Ад. Хойнацкаго.	9.000 р.	Капиталъ поступилъ по записи Адама Хойнацкаго. Премія выдается за лучшія ученныя и популярныя медіцинскія сочиненія.	Премія выдается черезъ каждыя два года въ размѣрѣ 900 р.
Курьерова.	3.000 р.	Премія выдается за лучшую масляную картину или рѣзбу, по выбору Общества Художествъ.	Премія выдается черезъ каждыя шесть лѣтъ въ размѣрѣ 360 р.
<hr/>			
Итого при Университетѣ .	21.000 р.		

При Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

С. Заруднаго.	1.850 р.	Капиталъ пожертвованъ чиновниками отдѣленія законовъ Государственной Канцеляріи. Премія назначается за лучшее сочиненіе по юридической части.	Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ 101 р. 16 к.
Д. И. Каченовскаго.	983 р. (выпѣтъ 1.500 р.)	Капиталъ завѣщанъ бывшимъ профессоромъ Харьковскаго Университета Каченовскимъ. Премія назначается студентамъ за лучшее сочиненіе по международному праву.	Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ 75 руб.
А. И. Палюбцаго.	1.000 р.	Капиталъ собранъ профессорами Харьковскаго Университета. Премія назначается за лучшее сочиненіе по юридическому факультету.	Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ 50 р.
А. Ф. Павловскаго.	2.500 р.	Капиталъ пожертвованъ сыномъ покойнаго, Ф. А. Павловскимъ. Премія назначается студентамъ Харьков-	Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ 125 р.

Наименованіе преміи.	Размѣръ капитала обяза- тельного характера преміи.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.
		скаго Университета за лучшее сочиненіе по физико-математическому факультету.	
Ф. И. Лааге.	212 р.	Капиталъ собранъ по подпискѣ. Премія будетъ назначена медицинскимъ факультетомъ за лучшее сочиненіе „о служеніи книжекъ“.	Единообразно.
Итого при Университетѣ.	7.062 р.		

При Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ.

И. Вучичи.	10.600 р.	Премія назначается за лучшія драматическія произведенія, предназначенныя для русскаго народнаго театра.	Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ 600 р. или въ половинномъ размѣрѣ.
Итого при Университетѣ.	10.600 р.		

При Императорскомъ Дерптскомъ Университетѣ.

Р. Геймбургера.	34.000 р.	Капиталъ пожертвованъ дѣвицею Н. Геймбургеръ. Премія назначается за подлинныя, самостоятельныя сочиненія, по пяти факультетамъ Университета поочередно.	Премія выдается ежегодно, въ размѣрѣ около 520 р.
Фонт-Брадзе.	2.400 р.	Капиталъ пожертвованъ преподавателю Университета на учрежденіе золотой медали, присуждаемой по всѣмъ факультетамъ поочередно. Медали присуждаются за удовлетворительное рѣшеніе предложенной медицинскимъ факультетомъ задачи.	Медаль выдается ежегодно.

Наименованіе преміи.	Размѣръ капитала обезпечивающаго премію.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.
Князя Суворова Италійскаго.	1.200 р.	Капиталъ пожертвованъ русскими фармацевтами (въ распоряженіе С.-Петербургскаго фармацевтическаго Общества), на учрежденіе золотой и серебряной медалей.	Медали выдаются ежегодно.
С. И. Креславскаго.	1.000 р.	Капиталъ пожертвованъ коллежскимъ совѣтникомъ С. И. Креславскимъ на учрежденіе золотой медали, присуждаемой студентамъ Университета за лучшее сочиненіе по фармаціи.	Медаль выдается черезъ каждыя два года.
<hr/>			
Итого при Университетѣ.	88.600 р.		
<hr/>			
При С.-Петербургскомъ Практическомъ Технологическомъ Институтѣ.			
Инженера Александра II.	4.300 р.	Капиталъ составился изъ добровольныхъ приношеній служащихъ и учащихся, а также лицъ, кончившихъ курсъ въ Институтѣ.	Ежегодно выдаются двѣ золотыя медали учащимся Института.
		Медали выдаются за лучшіе техническіе проекты воспитанниковъ Института.	

СТОЛЫ РАЗРЯДНАГО ПРИКАЗА ВЪ 1668—1670 ГОДАХЪ ¹⁾.

Вопросъ, котораго касается нижеслѣдующая статья, вопросъ мелкій, всецѣло относится къ внутренней организаціи одного изъ Московскихъ приказовъ, а именно Разряднаго, къ порядку канцелярскаго производства и техники приказа, а именно къ кругу дѣятельности „столовъ“ (отдѣленій) Разряда и ихъ числу въ извѣстный моментъ XVII вѣка. Богатый архивъ бывшаго Разряднаго приказа хранится въ настоящее время въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Документы эти въ названномъ архивѣ раздѣлены на отдѣлы, носящіе названія столовъ: Московскаго, Владимирскаго, Новгородскаго, Бѣлгородскаго, Сѣвскаго, Помѣстнаго, Приказнаго, Денежнаго и Кіевскаго, съ выдѣленіемъ изъ нихъ пѣкаторыхъ видовъ документовъ, какъ то: книги и списки боярскіе, списки жилацкіе и смотрѣнныя, десятины, дѣла разныхъ городовъ и вѣзки. Раздѣленіе дѣлъ Разряднаго архива на девять столовъ восходитъ ко времени первой разборки дѣлъ по упраздненіи приказа, около половины XVIII столѣтія ²⁾, и въ основаніи своемъ имѣетъ подобное же дѣленіе всего дѣлопроизводства въ самомъ приказѣ по столамъ, изъ которыхъ каждый вѣдалъ извѣстный кругъ дѣлъ по управленію и опредѣленную территорію. Но дѣйствительно ли распредѣленіе разрядныхъ дѣлъ, существовавшее въ XVIII вѣкѣ и уцѣлѣвшее до нашего времени, соответствуетъ вполнѣ тому распредѣленію, какое существовало въ XVII вѣкѣ въ приказѣ? А отсюда вытекаетъ второй вопросъ: можно ли изъ состава документовъ извѣстнаго стола въ настоящее время опре-

¹⁾ Читано на VIII Археологическомъ съездѣ.

²⁾ „Описаніе документовъ и бумагъ Моск. архива министерства юстиціи“, т. V, стр. 13—17, 25—37.

дѣлать кругъ его дѣятельности? Можно сказать съ увѣренностью, что нѣтъ, и причины этого заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ самомъ приказѣ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ, по мѣрѣ расширенія разрядной дѣятельности, образовано было нѣсколько новыхъ столовъ, въ которые отдавалась извѣстная территория а также передавались и прежнія дѣла изъ тѣхъ столовъ, въ которыхъ означенныя мѣстности вѣдались до того времени. Такимъ образомъ существующее въ наше время распредѣленіе развѣ только отчасти соответствуетъ раздѣленію дѣлъ въ приказѣ въ самомъ концѣ XVII столѣтія, и попятно, почему дѣла въ каждомъ изъ столовъ восходятъ къ довольно раннему времени. 2) Судьба архива въ теченіе XVIII и началѣ XIX вѣковъ, вѣчныя перемѣщенія изъ одного зданія въ другое и нѣсколько разъ начинавшаяся заново разборка дѣлъ, причемъ, конечно, ни подъячіе прошлаго столѣтія, ни послѣдшіе канцеляристы и чиновники разныхъ наименованій не относились къ распредѣленію документовъ на отдѣлы съ достаточной осторожностью, — все это заставляетъ смотрѣть на существующее раздѣленіе документовъ по столамъ не болѣе, какъ на архивные отдѣлы, притомъ вызванные даже не единствомъ содержанія дѣлъ, а чисто вишнейю случайностью, какъ на отдѣлы, въ которыхъ смѣшано дѣлопроизводство разныхъ столовъ приказа. Понятно такимъ образомъ, что изъ содержанія самыхъ документовъ, числящихся въ архивѣ въ томъ или другомъ столѣ, едва ли возможно опредѣлить кругъ вѣдѣнія того или другого стола приказа въ XVII вѣкѣ и для этой цѣли необходимо искать какого-либо другаго способа, такъ-сказать, извѣй. Между тѣмъ именно такую ошибку сдѣлалъ проф. Загоскинъ; первый коснувшійся вопроса о столахъ Разряда въ своемъ отчетѣ о занятіяхъ въ архивѣ министерства юстиціи; а положивъ въ основу неправильный взглядъ, онъ пришелъ и въ результатѣ къ невѣрнымъ выводамъ. Проф. Загоскинъ взглянулъ на архивное распредѣленіе документовъ именно какъ на историческое, шедшее отъ времени приказа, а поэтому всѣ свѣдѣнія о каждомъ столѣ черпалъ изъ состава и содержанія его документовъ въ архивѣ. Время возникновенія стола опредѣлялъ онъ датами самыхъ раннихъ документовъ, кругъ дѣятельности — ихъ содержаніемъ¹⁾. Неудивительно, что при этомъ онъ натолкнулся на факты странныя, необъяснимыя, приведшіе его въ

¹⁾ Загоскинъ, „Столы Разряднаго приказа“. Казань. 1879 г., стр. 22, 23 и др.

недоумѣніе. Укажу только на наиболѣе рѣзкія „странности“, встрѣтившіяся автору въ книгахъ Вѣлгородскаго стола: смѣшеніе городовъ Вѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ, нахождение въ книгахъ этого стола городовъ Гдова, Опочки, Изборска и другихъ городовъ Новгородскаго разряда, наконецъ, переписной книги самой Москвы и т. п. ¹⁾ Повѣривши распредѣленію документовъ, проф. Загоскинъ, по необходимости, пытается объяснить себѣ факты, подобные вышеприведеннымъ, „спорностью вопроса о распредѣленіи городовъ между столами“, „шаткостью распредѣленія вѣдомствъ“, приходитъ къ мысли, что это „временное расширеніе вѣдомства стола“ и т. п. ²⁾ Настоящая статья вызвана не столько надеждой точно опредѣлить кругъ дѣятельности каждаго стола, хотя бы только за намѣченный періодъ времени, сколько желаніемъ попытаться указать тотъ путь, которымъ можно было бы достигнуть болѣе вѣрныхъ результатовъ.

Средствомъ для достиженія цѣли будутъ служить: 1) старыя приказныя опися Разряда, которыхъ сохранилось двѣ: первая 1626 года ³⁾, и вторая, важная для насъ, 1668 года, составленная по приказанію думнаго дьяка Вашмакова ⁴⁾, и 2) „Записныя книги“ приказа. Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ книгахъ. Хотя о содержаніи „Записныхъ книгъ“ говорится довольно подробно въ книгѣ проф. Загоскина, а также и въ IX томѣ „Русской исторической библіотека“ (изд. археографической комиссіей), но нигдѣ не говорится о томъ, что разнообразіе ихъ содержанія частью вытекаетъ изъ разности ихъ видовъ ⁵⁾. Можно легко различить два главныхъ вида „Записныхъ книгъ“: 1) общія записныя книги приказа, носящія обыкновенно заглавіе: „книга записная въ Разрядѣ отпискамъ и изъ приказовъ памятемъ при дьячѣхъ (такихъ-то) вы-

¹⁾ Тамъ же, стр. 25 и 26.

²⁾ Замѣчанія на это высказаны бывш. Н. Н. Олюблинымъ, см. „Описаніе документовъ Московск. архива минист. юстиціи“, т. IV, стр. 164—166; а также см. у Н. П. Лихачева „Отвѣтъ суровому критику“. М. 1889, стр. 43—44.

³⁾ Въ книгѣ Моск. стола, № 19; см. о ней въ „Описаніи документовъ Московск. архива мин. юстиціи“, т. V, стр. 2—3, 107—112; книга эта напечатана Н. П. Лихачевымъ въ приложеніи къ его книгѣ „Разрядные дьяки“.

⁴⁾ Въ 4-хъ томахъ; см. о ней „Описаніе документовъ Моск. ар. мин. юст.“, т. V, стр. 3—13, а также т. VI, стр. 1 (второй номерациі).

⁵⁾ Указатель „Записныхъ книгъ“ въ книгѣ пр. Загоскина, значительно же дополненный въ IV т. „Описаніи документовъ Моск. ар. мин. юстиціи“, ст. г. Олюблина, прилож. IV (стр. 415—416).

нѣшняго (такого-то) году" ¹⁾). Ежегодно въ цѣломъ приказѣ велась только одна такая книга, это былъ, выражаясь канцелярскимъ языкомъ нашего времени, „реестръ входящихъ" Разряда. Второй видъ представляютъ „Записныя книги" каждаго стола въ отдѣльности, носившія заглавія: „книга записная (такого-то) стола о всякихъ дѣлѣхъ" или „всякихъ дѣлъ". Наибольше извѣстны изъ нихъ „Записныя книги" Московскаго стола, содержаніе которыхъ довольно обстоятельно разобрано пр. Загоскинымъ ²⁾). Что же касается до „Записныхъ книгъ" другихъ столовъ Разряда, то онѣ извѣстны менѣе: въ началѣ этихъ книгъ обыкновенно помѣщается роспись городовъ, вѣдавшихся въ столѣ, съ именами воеводъ и отмітами о времени ихъ отпуска на воеводство, свѣны и пр.; далѣе слѣдуютъ записи указовъ, разныхъ распоряженій, касающихся организаціи самаго стола, выписки изъ наиболѣе важныхъ отписокъ воеводъ, и всего болѣе — отпуски грамотъ къ воеводамъ съ разными распоряженіями и памятей въ другіе приказы. И такъ, уже изъ этого краткаго обзоренія очевидно, какой богатый матеріалъ даютъ вообще „Записныя книги" для изученія способовъ управленія, дѣлопроизводства и организаціи Разряда, собственно же для нашей цѣли имѣютъ гораздо болѣе значенія книги перваго вида (то-есть, общіе реестры), вторыя же могутъ служить только для подтвержденія и провѣрки результатовъ.

Всѣ поступающія въ приказъ грамоты, памяти и отписки отъ воеводъ прежде всего подавались дьякамъ Разряда, причемъ думный или одинъ изъ простыхъ дьяковъ, безразлично, клалъ на бумагѣ со-

¹⁾ Мнѣ извѣстны слѣдующія изъ этого вида книгъ: 1) 174—1666 г. (мартъ-августъ) Бялгор. ст. № 72 (книга № 72 отнесена пр. Загоскинымъ къ „Записнымъ книгамъ" Бялгор. стола, что и вышло недоуміемъ, выраженное въ приписаніи 118 (с. 93), 2) 177 — 1666 — 9 г. (сентябрь-сентябрь) Приказнаго стола № 19, 3) 177—1669 г. (мартъ-августъ) Приказнаго стола № 18, 4) 185—1677 г. (іюнь-августъ) Моск. ст. № 78, 5) 191—1682 — 1683 (сентябрь-августъ) Новгор. стола № 55, и наконецъ, самая ранняя 173 — 1664 — 1665 г. (цѣлый годъ, сентябрь-августъ) въ числѣ „Записныхъ книгъ" Московскаго стола № 14. Въ числѣ „Записныхъ книгъ" этого стола она и напечатана археографической комиссіей въ XI т. Библіотеки; точно также въ числѣ „книгъ Московскаго стола" напечатана въ X т. книга Московскаго стола № 13, которая несомнѣнно есть „Записная книга" Новгородскаго стола, что ясно изъ ея содержанія; начала въ ней недостаетъ, почему она и не начинается съ обчной росписи воеводъ (любопытна въ ней опись дѣлъ Новгор. прик. вѣбм).

²⁾ „Столы Разряднаго приказа", стр. 7—16.

отвѣтствующую „помѣту“¹⁾, послѣ чего память или отписка сдавалась „со стола“ (то-есть, дѣлческаго) „къ запискѣ въ книгу“. Въ „Записную книгу“ отданный дѣлками „со стола“ документъ записался сокращенно, съ дословной выпиской только дѣячьею помѣты, послѣ чего передавался въ соотвѣтствующій столъ, подъ росписку одного изъ подьячихъ его. Росписка подьячаго обыкновенно ограничивается словами: „взялъ такой то (Агаеюшко Пиминювъ....)“²⁾, но иногда подьячій въ роспискѣ дѣлаетъ прибавку „въ такой-то столъ“³⁾. Эти-то оговорки и имѣютъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о столахъ Разрядна, такъ какъ благодаря имъ можно составить полный списокъ подьячихъ за извѣстный годъ, съ указаніемъ, въ какомъ изъ столовъ кто изъ нихъ сидѣлъ въ данное время, что тѣмъ болѣе легко, что число подьячихъ, бравшихъ бумаги, было сравнительно невелико. Это были все „старые подьячіе со справою“ (повыткики); если же случалось, что бралъ одинъ изъ „молодыхъ“, то въ своей роспискѣ обыкновенно прибавлялъ, по чьему приказу³⁾. Произведя эту мелочную и кропотливую работу, можно затѣмъ читать „Записную книгу“, смѣло равняя дѣла по столамъ, смотря по именамъ подьячихъ; а группировка затѣмъ дѣлъ дастъ болѣе или менѣе точный обзоръ, смотря по количеству изученныхъ книгъ, круга дѣятельности того или другаго стола.

Что касается до старой описи 1668 года, то конечно, въ вопросѣ о столахъ Разряднаго приказа, она только въ такомъ случаѣ будетъ имѣть важное значеніе, если дѣла описаны въ ней въ порядкѣ столовъ, а не по какой-либо другой системѣ. Когда года два тому назадъ найдена была въ архивѣ эта Вашмаковская опись (при составленіи

¹⁾ Помѣта обыкновенно заключается въ себѣ распоряженіе, какъ долженъ подьячій поступить (послать куда-то грамоту, отпустить память и пр.); если же дальнѣйшаго исполненія не было, то помѣта выражалась словами: „къ отпуску“, „въ столъ“ (соотвѣтствующими канцелярскими терминами нашего времени: „къ дѣлу“, „въ нарядъ“).

²⁾ Иногда тутъ же, къ роспискѣ, прибавлялся: „противъ помѣты грамоту послать“, „память отпустить“, „въ такой-то столъ выслать“; если выписывалось къ докладу, то — „выписано и выписано на столъ“, „выписано и положено на столъ“ (дѣлу). Иногда, впрочемъ очень рѣдко, отписки бралась для исполненія или для немедленнаго доклада Государю самими дѣлками (см., напр., ин. Приваиваго стола № 18, лл. 249—250).

³⁾ См., напримѣръ, ин. Приказнаго стола № 18, л. 7: „такому отписку взялъ Иванъ Меньшой Матвѣевъ, по приказу Ѳедора Леонтьева“ (следовательно въ Новгородскій столъ, такъ какъ Леонтьевъ—старый подьячій этого стола).

исторіи Разряднаго архива), то тогда было предположено, что это есть собственно опись приказнаго архива, отдѣленнаго отъ текущаго дѣлопроизводства, и что произведена была эта опись независимо отъ распредѣленія дѣлъ по столамъ. Причиной для такого заключенія являлось то обстоятельство, что города, которые, по проф. Загоскину, привыкли считать въ Вѣлгородскомъ столѣ, по описи 1668 года находились въ вѣдѣніи подьячихъ Московскаго стола ¹⁾). Въ настоящее время приходится признавать высказанное въ „Исторіи Разряднаго архива“ предположеніе совершенно ошибочнымъ ²⁾). Дѣло въ томъ, что при изученіи матеріала для настоящей статьи въ одной изъ книгъ Вѣлгородскаго стола встрѣтился документъ, изъ котораго ясно видно, что въ рассматриваемое время, къ которому относится и опись Вашмакова, Вѣлгородскаго стола еще не существовало, а Вѣлгородъ и другіе города этого полка вѣдомы были въ Московскомъ столѣ ³⁾). Послѣ этого стало очевидно, что дѣла Разряда въ описи расположены по столамъ, что и даетъ возможность безошибочно изучить кругъ ихъ дѣятельности.

Въ рассматриваемое нами время, то-есть, въ 60—70 годахъ XVII столѣтія, въ Разрядѣ, какъ это видно изъ описи 1668 года и подтверждается вполнѣ „Записными книгами“, было не девять столовъ, какъ въ настоящее время числится по архиву и принято проф. Загоски-

¹⁾ Подобная же вещь встрѣчается еще въ книгѣ Московск., стола № 61 (респись подьячихъ) и являла недоумѣніе у Н. Н. Оглобина при изученіи нѣк-торыхъ документовъ Разряда, см. т. IV-ый „Описаніи документовъ Москов. арх. инв. шст.“ (стр. 164—165).

²⁾ „Описаніе документовъ Моск. арх. инв. шст.“, т. V (стр. 4—13).

³⁾ Въ приказномъ столѣ, читаемъ въ означенномъ документѣ, вѣдомы были города Тамбовъ съ пригороды, вѣсть изъ Дворца, да Вѣлгородскаго полку города Колоновъ, а къ нему пригороды Добрая, Сокольская, Челмовой, Вязьской, да въ Сокольскомъ уѣздѣ село Бѣлоколодезь, да къ тѣмъ же городомъ въ при-бавку вѣдомы были въ Приказномъ же столѣ немногіе годы Вѣлгородскаго полку города Воронежъ, а къ нему пригороды Орловъ городокъ, Костенинъ, да Усмань, а въ прошломъ во 177 году, по респисѣ въ Разрядѣ, тѣ же города *сказано отданы съ Московскомъ столѣ, Вѣлгородскаго полку съ городомъ сѣмскимъ*. Далѣе изъ того же документа видно, что въ 179 г. Тамбовъ и Колоновъ съ при-городами были возвращены въ Приказный столъ, „для того что до 177 году тѣ города издавна вѣдомы были въ томъ столѣ“; что же касается городовъ Воронежъ и Усмань съ пригородами, то ихъ *вѣдѣно вѣдать въ Московскомъ столѣ, для того что тѣ города, Воронежъ съ пригороды и Усмань, поданы въ Вѣлгороду, и службою и нарядомъ вѣдомы въ Вѣлгородскомъ полку*. Вѣлгородскаго стола кн. № 95. лл. 154—155.

нимъ, а всего только пять, а именно: Московскій, Новгородскій, Хлѣбный, Приказный и Денежный. Въ каждомъ столѣ было по нѣскольку повѣтій, изъ которыхъ каждое находилось въ вѣдѣніи „старшаго подьячаго со сиравою“¹⁾. Иногда, впрочемъ, одно повѣтье вѣдали двое подьячихъ „впоче“, каждый „за собою“, то-есть на равныхъ правахъ съ личною отвѣтственностью каждаго²⁾. Что касается до вопроса, былъ ли общій начальникъ надъ цѣлымъ столомъ, то его приходится рѣшить отрицательно: каждый подьячій, вѣдавшій повѣтье, получалъ приказанія непосредственно отъ цѣлковъ, предъ ними же овъ являлся отвѣтственнымъ лицомъ за свое повѣтье, за неправильную „сраву“ дѣлъ и пр. Каждое повѣтье вѣдало или извѣстный разрядъ дѣлъ, или группу городовъ, чаще же и то и другое вмѣстѣ, причѣмъ это распредѣленіе было болѣе или менѣе постояннымъ, но подьячіе мѣнялись гораздо чаще, вслѣдствіе чего ежегодно составлялись въ приказѣ росписи старшимъ подьячимъ, съ обозначеніемъ, какой подьячій долженъ вѣдать какое повѣтье въ текущемъ году³⁾. Иногда, впро-

1) Въ статьѣ „Кіевскій столъ Разряднаго приказа“ (Кіевск. Стар. 1886 г. № 11, стр. 538—539) Н. П. Оглобинъ говоритъ, что повѣтье—это такой терминъ, каковыя иногда не назывались отдѣлами Разряднаго приказа: киявъ здѣсь, такъ и въ другихъ Московскихъ приказахъ XVII вѣка встрѣчаемъ „столы“, какъ названія административныхъ отдѣловъ приказовъ, но никогда „повѣтья“. Мнѣніе это однако совершенно невярно: „повѣтье“ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ „столу“ а есть только подраздѣленіе послѣдняго, а потому, какъ мелкая единица внутренняго распорядка приказа, встрѣчается въ документахъ очень рѣдко. Въ одной Разрядной выпискѣ, относящейся къ 1684 г., читаемъ: „Иванъ Лобковъ (подьячій Разряда) пожалованъ во дьяки, а его *повѣтье* приказано было вѣдать подьячему Ивану Олсуеву“ (Новгородск. стола кн. № 31, л. 110).

2) Въ Разрядной выпискѣ, сдѣланной въ 1664 году по поводу челобитной стараго разряднаго подьячаго (повѣтчикъ одного изъ повѣтій Новгородскаго стола) Василья Текучева, отставленнаго отъ приказа за невярную „сраву намата“, о принятіи его снова въ число подьячихъ, читаемъ: въ Разрядѣ, въ Новгородскомъ столѣ сидѣли старше подьячіе со сиравою и вѣдали замосковные города: Иванъ Лобковъ: Черяславль Залѣскій, Ростовъ, Ярославль, Кострому, Галичь, да къ тѣмъ городамъ въ списки: Смоленскъ, Вязнь, Дорогобузань, итого 8; Василей Текучевъ: Кашань, Вязедной верхъ, Пошехонь, да въ тѣмъ городамъ списки: Романовъ, Пошехонь, Вологда, Белоозеро, Дмитровъ, Угличъ, и по евожъ, в. г., указу Иванъ Лобковъ пожалованъ въ дьяки, а его повѣтье приывано подьячему Ивану Олсуеву, и нимъ вѣдветъ со 165 году подьячій Картерей Томилонъ, а съ 169 году съ нимъ, Картерейемъ, съ товарищамъ былъ и за собою вѣдалъ Емельянъ Шестинковъ...“ Новгородск. стола кн. № 31, л. 110.

3) Такія росписи за нѣсколько лѣтъ будутъ въ скоромъ времени напечатаны А. Я. Зерцаловымъ.

чемъ гораздо рѣже, подъячіе переводились и изъ одного стола въ другой, преимущественно же тогда, когда перечислялись изъ одного стола въ другой извѣстнаго рода дѣла или города. Переходимъ далѣе къ обзору круга дѣятельности каждаго стола.

Московский столъ (иначе „Большой Московскій“ и даже просто „Большой“¹⁾)—несомнѣнно древнѣйшій изъ столовъ Разряда, изъ котораго частью выдѣлились остальные,—и ко второй половинѣ XVII столѣтія сохранилъ какъ самую обширную территорию, такъ и наиболѣе широкій кругъ дѣятельности: онъ по преимуществу „всѣмъ розряжалъ, бояры и дворяны и дѣяки и дѣтymi боярскими, гдѣ куды государь скажетъ“²⁾. Прежде всего въ Московскомъ столѣ велась подробная записъ всѣхъ выдающихся событій дворцовой и государственной жизни, какъ-то: церковныхъ торжествъ, въ которыхъ участвовалъ государь, походовъ на богомолье, прїѣздовъ, прїемовъ и отпусковъ иноземныхъ пословъ,—все это съ подробными росписями участвовавшихъ высшихъ чиновъ,—записи пожалованій въ чины и назначеній, рожденій и смерти членовъ царской семьи, служенія молебновъ и панихидъ по этимъ случаямъ и т. п. Все это записывалось въ „Записныя книги“ стола; въ эти же книги записывались въ началѣ каждаго года свѣдѣнія о „начальныхъ людяхъ“ по приказамъ, о воеводахъ въ городахъ и „объяжныхъ головахъ“ по Москвѣ. Въ Московскомъ же столѣ велись ежегодные отдѣльные списки подъячихъ всѣхъ Московскихъ приказовъ, съ обозначеніемъ ихъ денежнаго и номѣстнаго окладовъ и съ другими отиѣтками служебнаго характера³⁾.

Разсматривая затѣмъ дѣятельность Московскаго стола въ цѣломъ видѣ, можно замѣтить еще три главнѣйшіе отдѣла его вѣдомства, 1) вѣданіе служилыхъ людей (Московскихъ чиновъ, городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, исключая городовъ Новгородскаго Разряда, вѣдавшихся въ Новгородскомъ столѣ), 2) полковыя дѣла (исключая опять-таки „Новгородской полкъ“ или „полкъ Новгородскаго Разряду“) и 3) составленіе годовыхъ смѣтныхъ книгъ, то-есть отчетовъ о состояніи государства въ военномъ отношеніи.

Въ Московскомъ столѣ сосредоточивались всѣ свѣдѣнія о высшихъ классахъ служилаго сословія, здѣсь составлялись боярскія книги и списки жилецкіе, смотрѣнные, разборные, Московскихъ чиновъ людей,

¹⁾ Московскаго стола столбецъ № 120, л. 98.

²⁾ В. О. Дьяковскій, „Боярская Дума“ (2 изд.), стр. 407.

³⁾ Старыя описи № 3 (т. III), л. 44; подобные списки въ кнѣгахъ Москов. стола №№ 63, 64, 66, 70, 72—75 и проч.

пріѣздамъ ихъ на службу и отпускамъ, вѣтчикамъ, сюда же высылались служилые люди въ случаѣ прошеній объ отставкѣ, подавались челобитныя объ отпускѣ съ Москвы и проч.

Для выправки всѣхъ этихъ списковъ въ Разрядъ должны были доставляться свѣдѣнія изъ всѣхъ приказовъ о служилыхъ людяхъ, вѣдавшихся не въ Разрядѣ и служившихъ по назначенію, по „отпускамъ“ изъ другихъ приказовъ ¹⁾. Черезъ Московскій столъ шли указы о разборѣ и верстаньи, посылались памяти въ приказы о высылкѣ ратныхъ людей, вѣдавшихся ими (напримѣръ, въ Посольскій—о поножеченахъ, о татарахъ Ростовскихъ, Переяславскихъ и др., объ иноземцахъ въ Иноземскій и т. п.). Сюда же можно отнести и „счотныя дѣла въ отчествѣ“, находившіяся также въ вѣдѣніи Московскаго стола.

Полковые воеводы назначались, получали наказы, снабжались оружіемъ, военными припасами, бумагой на канцелярію и проч. черезъ Московскій столъ, равно и всѣ отписки полковыхъ воеводъ изъ южныхъ городовъ, независимо отъ ихъ содержанія, поступали въ этотъ же столъ (исключеніе составляли: „послужные списки“, списки убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ, такъ какъ свѣдѣнія по этимъ дѣламъ доставлялись въ Приказный столъ Разрада). По поводу этихъ отписокъ полковыхъ воеводъ, Московскій столъ уже отъ себя сносился съ подлежащими вѣдомствами. Полковыми дѣла составляли и въ архивѣ Московскаго стола особый отдѣлъ, носившій названіе „столновъ о полковыхъ дѣлѣхъ“, изъ которыхъ каждый заключалъ въ себѣ порядъ полковыхъ документовъ, „столпъ“ о такомъ-то походѣ, „полку болрина“ (такого-то),—наказы полковыхъ воеводъ“ и т. п.

Составленіе ежегодныхъ годовыхъ „сметныхъ книгъ“ также входило въ кругъ обычной дѣятельности Московскаго стола. Ежегодно, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, каждый городской воевода обязанъ былъ представить въ Разрядъ „сметную книгу“ о состояніи вѣреннаго его управленію города (иногда съ приложеніемъ „перечня“ изъ книгъ ²⁾).

¹⁾ „Послать память во все приказамъ тотчасъ: кто какими Московскихъ чинковъ и городовыхъ имѣи въ Москвѣ и въ городѣхъ у дѣлъ и отсылкахъ, и сколь давно и по отсылкѣ ль они у тахъ дѣлъ, и въ отсылкахъ изъ Разраду, да те росписки прислатъ въ Разрядъ векоръ для государевы службъ списковъ выправки“ („Агафонно Пинновъ вазалъ“—подъачій Московскаго стола). Книга Приказнаго стола № 18, л. 178.

²⁾ См. объ этомъ, а также о порядкѣ составленія „сметныхъ книгъ“ въ „Описаніи документовъ арх. инв. юст.“, т. IV (стр. 178—228, статьи Н. Н. Оглобина).

Подлинныя книги передавались въ тотъ столъ, въ которомъ числился городъ, а „перечевъ“ или, если его не было прислано, выписка, сдѣланная подьячими этого стола, передавались въ Московскій столъ, гдѣ или прямо писались въ годовую смѣту, или предварительно записались въ „записную книгу“ стола ¹⁾. Въ известное время Московскій столъ, кромѣ того, разсылалъ намяти по другимъ приказамъ о доставленіи въ Разрядъ необходимыхъ свѣдѣній для внесенія въ годовую смѣту ²⁾.

Что касается до территоріи Московскаго стола, то она захватывала обширную область, заключающую въ себѣ приблизительно до 90 городовъ „Замосковныхъ“, „Рязанскихъ“, „Злоцкихъ“, „Тульскихъ“ и южныхъ „украинныхъ“ Вѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ ³⁾. Всѣ

¹⁾ Особенно характерное мѣсто приведено Н. П. Оглоблинымъ изъ „Записной книги Московскаго стола № 14, теперь напечатанной Археогр. Комиссіей (см. Описаніе документовъ арх. нив. вѣст. т. IV, стр. 223) изъ Торжка Жеребцовъ прислалъ „росписной списокъ“—„помѣта на отпискѣ думнаго дьяка Деметія Башмакова: въ отпуску и выпискѣ. Та отписка и книга отданы Ѳеодору Леонтьеву, Ѳедка Леонтьевъ ввѣлъ (то-есть въ Новгород. столъ, такъ какъ подьячій этого стола). Изъ тахъ книгъ въ годовую смѣту выписано и отослано въ Московскій столъ Ѳеодору Посеникову“ (Русская Историческая Библиотека т. XI, стр. 2). Судя по именамъ подьячихъ въ годовыхъ „свѣтныхъ книгахъ“ („справлявшихъ“ отдельные города),—это все подьячіе Московскаго стола. Выписки изъ „свѣтныхъ книгъ“ въ „Записныя“—см. „Рус. Ист. Библиотека“ т. X, стр. 9—15, 21—22 и др.

²⁾ „Русская Истор. Библиотека“, т. X, стр. 127—129, 218—220 и пр.

³⁾ По описи 1668 года (т. 1, 2 и 3) города эти слѣдующіе: 1) Арзамасъ 2) Алексинъ, 3) Богородицъ, 4) Воронскъ, 5) Волховъ, 6) Валдай, 7) Веневъ, 8) Владиміръ, 9) Волокъ, 10) Верея, 11) Воротыскъ, 12) Гороховъ, 13) Гремячій, 14) Дядиловъ, 15) Епинева, 16) Еремовъ, 17) Зарыскъ, 18) Звенигородъ, 19) Карачевъ, 20) Кшири, 21) Козельскъ, 22) Коломна, 23) Кромъ, 24) Лихая, 25) Лухъ, 26) Мединъ, 27) Мещовскъ, 28) Мещера, 29) Муромъ, 30) Можайскъ, 31) Мценскъ, 32) Михайловъ, 33) Нишій, 34) Ноносель, 35) Орель, 36) Одоевъ, 37) Переяславъ Зал., 38) Переяславъ Ряз., 39) Печерники, 40) Промскъ, 41) Руза, 42) Расскъ, 43) Сапоговъ, 44) Солова, 45) Сергиевскъ, 46) Серпуховъ, 47) Суздаль, 48) Таруса, 49) Юрьевъ Польскій, 50) Черы, 51) Шацкъ, 52) Шуя, 53) Ярославецъ Малый.—Собственно „украинные“: 1) Болковой, 2) Вязгородъ, 3) Ахтырской, 4) Валуйка, 5) Вольской, 6) Владн, 7) Донковъ, 8) Елецъ, 9) Звенижской, 10) Звенивъ, 11) Карповъ, 12) Коротокъ, 13) Коловтаевъ, 14) Курскъ, 15) Короча, 16) Красный кутъ, 17) Лебедянъ, 18) Ливны, 19) Мошквой, 20) Нов. Осколъ, 21) Немогольской, 22) Обоянъ, 23) Олешня, 24) Ольшанскъ, 25) Осколъ, 26) Острогожской, 27) Салтовъ, 28) Суджи, 29) Сумино, 30) Талецкой, 31) Усердъ, 32) Хотымшеской, 33) Черваскъ, 34) Царевъ-Борисовъ, 36) Лблововъ; см. также росписъ въ книгѣ Московскаго стола № 61, л. л. 496—503.

эти города подчинены были Московскому столу далеко не въ одинаковой степени. Города внутренніе, старше вѣданы столѣмъ (и вообще Разрядомъ, такъ какъ еще въ другомъ какомъ-либо столѣ не числились) только въ военномъ отношеніи, „службою“, то-есть назначеніемъ воеводъ, которые представляли въ приказъ свѣдѣнія о состояніи городовъ, списки служивыхъ людей городской службы, Разрядомъ же составлялись „десятина“ верстальныхъ, разборныхъ и раздаточныхъ, которыя и хранились въ приказѣ съ прочими дѣлами городовъ, къ которымъ относились. Напротивъ, города южныя Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ, подчинены были Разряду вполнѣ¹⁾, причѣмъ собственно Московскій столъ вѣдалъ ихъ по всѣмъ дѣламъ, исключая: 1) хлѣбныхъ доходовъ, сборовъ и запасовъ, 2) денежныхъ—таможенныхъ, кабацкихъ и оброчныхъ доходовъ и 3) судебныхъ дѣлъ (всѣ эти три вида дѣлъ относились къ другимъ столѣмъ приказа: Хлѣбному, Денежному и Приказному). Кромѣ всѣхъ вышеуказанныхъ дѣлъ, какъ видно изъ указа 180—1672 года мая 17-го²⁾, 44 города вѣдались въ Разрядномъ приказѣ помѣстно-вотчинными дѣлами, „землями“, независимо отъ Помѣстнаго приказа, а изъ нихъ 37 городовъ собственно въ Московскомъ столѣ. Дѣла, касающіяся до раздачъ земель и земельныхъ владѣній въ этой мѣстности, хранились въ особыхъ „столнахъ помѣстныхъ Бѣлгородскаго полку городовъ“.

Переходимъ ко второму, также имѣвшему большую территорію столу, Новгородскому. Въ этомъ столѣ числилось болѣе 30 городовъ³⁾, собственно „Новгородскаго разряду“ и „Змосковныхъ“.

¹⁾ Службу ихъ ниже при описаніи Денежнаго стола.

²⁾ Указъ этотъ въ Полн. Собр. Законовъ № 516, подлинникъ его находится въ книгѣ Бѣлгородскаго стола № 95, л. 122. Привожу перечень этихъ городовъ изъ этой книги, такъ какъ въ Полн. Собр. Законовъ указъ напечатанъ съ ошибками въ названіяхъ городовъ и пропусками: „Сѣвскаго полку: Каменое, Недригайловъ; Бѣлгородскаго полку въ чертѣ: Обоянь, Донцовъ, Талецкой, Чернаской, Землянской, Суджа, Мирополье; городамъ отъ Бѣлгорода во чертѣ направо: Болховой, Карповъ, Вольной, Алашия, Хотимшевой, Ахтырской; городамъ жъ отъ Бѣлгорода по чертѣ назыво: Короча, Яблонецъ, Новой Осколъ, Верхосееской, Усערдъ, Ольшаневскъ, Острожемой, Коротоякъ, Урмиъ, Усмонъ, Козловъ, Бѣзской, Челмоной, Доброе, Сокольской; а чертою: Валушка, Чугуевъ, Царевъ-Борисовъ, Харковъ, Немегольской, Зивень, Валяки, Красный вуть, Городной, Мурахва, Богодуховъ, Салтовъ, Булыклевъ, Моляцкой.—Ср. также указъ Полн. Собр. Законовъ № 522.

³⁾ Великій Новгородъ съ пригородами: Ладога и Порховъ), Пелювъ (пригороды: Наборскъ, Гдовъ, Опочка, Печерскій монастырь, Островъ), Лука Валкиа,

То, что сказано о неодинаковой степени подчиненія городовъ Московскому столу, вполне распространяется и на Новгородскій столъ. Тогда какъ города „Замосковные“ вѣданы столу исключительно въ отношеніи къ служилымъ людямъ и состоянію городовъ въ военномъ отношеніи, города собственно „Новгородскаго разряда“ подчинены были Новгородскому столу въ военномъ (въ томъ числѣ и „полковныя дѣла“), административномъ, судебномъ и частью финансовомъ (въ частности—„хлѣбныя запасы“, исключая „дворцовыхъ“) отношеніяхъ. Не останавливаясь на этомъ болѣе, перейдемъ къ описи 1668 года и посмотримъ какіе виды дѣлъ находятся по ней въ Новгородскомъ столѣ. Прежде всего, конечно, какъ и въ другихъ столахъ,—„записныя книги“ стола, затѣмъ дѣла, относящіяся къ воеводскому управленію и служилымъ людямъ, каковы: росписные „списки“ и „сметныя книги“ городовъ, „десятны“ разныхъ видовъ, списки смотрѣнные и полковые, книги записныя приѣздамъ на службу, книги денежной раздачи служилымъ людямъ городской службы, въ томъ числѣ „кормовымъ казакамъ“, воротникамъ, пушкарямъ; дагѣ слѣдуютъ „Новгородскаго полку полковныя всякія дѣла“, въ томъ числѣ „книги записныя“ вѣмечейхъ половецкихъ и выходцевъ (собственно изъ-за вѣмечскаго рубежа), книги равеннымъ и убитымъ; наконецъ, дѣла болѣе разнообразныхъ видовъ: книги Полоцкой и Невельской шляхты,—помѣстнымъ и вотчиннымъ землямъ,—хлѣбныхъ запасовъ („покупному“, „продажному“, „выдѣльному“, „описному“, „сборному хлѣбу“ и проч.).

Переходу къ третьему столу, вѣдавшему также болѣе или менѣе значительную территорію, простиравшуюся на югъ и занимавшую мѣстность Сѣвскаго поля, а именно къ Хлѣбному¹⁾.

Область, подчиненная этому столу, заключала въ себѣ восемь городовъ, а именно: Брянскі, Сѣвскі, Рыльскі, Недригайловъ, Пу-

Рева Пустая, Невля, Тверь, Торонецъ, Торжокъ, Старица, Ярославль, Кострома, Галичъ, Смоленскі, Вазьма, Дорогобузь, Бадая, Ржева, Зубцовъ Ростовъ, Романовъ, Пошехонье, Вологда, Валозеро, Дмитровъ, Кашинъ, Угличъ, Бѣжецкой Верхъ.

¹⁾ Хлѣбный столъ указанъ впервые Н. Н. Оглоблинымъ, см. IV томъ „Описанія документовъ арх. мн. юстиціи“, приложение II (на стр. 412—413). Въ настоящее время въ архивъ нѣтъ дѣлъ Хлѣбнаго стола; часть ихъ (относящаяся къ территоріи) находится въ дѣлахъ Сѣвскаго стола, собственно же документы о хлѣбныхъ запасахъ и „донскомъ отпуску“ отнесены, вѣроятно, къ соответствующимъ городамъ и случайно попали въ другіе столы (см. напримеръ, книгу Моск. стола № 71).

тивль, Лебединъ, Каменное и Сумино. Эти города Хлѣбный столъ вѣдалъ по всѣмъ дѣламъ, исключая 1) денежныхъ-таможенныхъ, кабацкихъ и оброчныхъ сборовъ и 2) судебныхъ дѣлъ. Кромѣ того два города, Недригайловъ и Каменное, вѣдались въ Хлѣбномъ столѣ и „землями“. Однако Хлѣбный столъ не былъ уже въ строгомъ смыслѣ территориальнымъ (какъ напримѣръ, Новгородскій), такъ какъ имѣлъ и свою исключительную функцію, выходящую за предѣлы его территоріи, отъ которой и получилъ свое названіе, а именно, по выраженію старой описи, вѣдѣніе „всѣхъ городовъ, опричь Новгородскаго Разряду, хлѣбные запасы“. Въ Столѣ сосредоточивались всѣ свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ „десятиннаго“, „оброчнаго“, „покупнаго“ и пр. хлѣба, о количествѣ хлѣбныхъ запасовъ по городамъ, о перевозкѣ хлѣба изъ одного города въ другой, гдѣ чувствовался его недостатокъ, о снабженіи войска хлѣбомъ, равно какъ и свѣдѣнія о „десятинной“ пашнѣ, состояніи амбаровъ и житницъ. Кромѣ всего этого Хлѣбный столъ вѣдалъ „Донской отпускъ“, а неразрывно съ нимъ и „струговое дѣло“, то-есть постройку, почику и снабженіе снастями судовъ, строившихся въ Воронежѣ и другихъ южныхъ городахъ, на которыхъ отправлялся хлѣбъ на Донъ. Изъ старой описи 1668 г. видно, что, въ это по крайней мѣрѣ время, къ Хлѣбному столу принадлежали еще города „Черкасскіе“, малороссійскіе. „Да подъячій же Ѳеодоръ Оловениковъ вѣдалъ Черкасскіе города: Кіевъ, Переяславль, Нѣживъ, Черниговъ“, читаемъ въ описи¹⁾. Разсматривая въ описи составъ документовъ по этимъ городамъ, легко замѣтить, что дѣла исключительно касаются: 1) укрѣпленія городовъ и 2) „государевыхъ“ ратныхъ людей (напримѣръ, „книги строельныхъ Кіевскому острогу“, смотри государевымъ ратнымъ людямъ и Кіевскимъ солдатамъ, Кіевскія смѣтныя книги деньгамъ и хлѣбу, десятии денежной раздачи и проч. ²⁾).

Остаются еще два стола, въ которыхъ спеціальное ихъ назначеніе преобладаетъ надъ территориальнымъ.

¹⁾ Старая опись, т. 3, л. 150.

²⁾ Помянутому это и было „Кіевское помятыє“, которое въ началѣ XVIII в. существовало также при одномъ изъ столовъ и о документахъ котораго говорить уже опись начала XVIII ст. (иногда называется „Малороссійское помятыє“). Что касается до книгъ, теперь числящихся въ архивѣ подъ названіемъ „книги Кіевскаго стола“, то г. Оглоблинъ считаетъ ихъ не безъ основанія дѣлами приказа Малой Россіи (см. статью въ *Кіевской Старинѣ* 1886 г., № 11 (стр. 536—552)).

Приказный столъ, иногда называющійся „Московскимъ приказнымъ“, а иногда „Послужнымъ“, послѣ Московскаго—былъ самымъ обширнымъ если не по кругу дѣятельности, то по количеству въ немъ дѣлъ. Въ вѣдѣніи Приказнаго стола также находились служилые люди, но преимущественно специальныхъ видовъ, каковы: казаки и черкасы южныхъ городовъ, станичники, сеунцыки, ѣздоки, вожи; здѣсь имъ велись списки, составлялись десятии. Затѣмъ въ Приказный столъ Разряда поступали тѣ изъ отписокъ полковыхъ и городовыхъ воеводъ, въ которыхъ сообщались свѣдѣнія и списки убитыхъ, раненыхъ, то-есть служилыхъ людей также находившихся въ не менѣ исключительныхъ положеніяхъ. Приказный столъ и самъ велъ особня книги раненыхъ и „полованничихъ“, первыхъ досматривалъ, а вторыхъ допрашивалъ, и отъ него зависѣла выдача имъ денегъ „за раны, на лечбу“ и „за полное терѣніе“. Наряду съ русскими полоняничихами, въ Приказномъ же столѣ вѣдались плѣнные иноземцы и выходцы (исключая выходцевъ въ города Новгородскаго разряда); послѣдніе здѣсь подвергались допросу, получали „за выходъ“ (о выдачѣ этихъ денегъ Приказный столъ посылалъ памяти въ приказъ Большаго Прихода) и назначеніе на службу, преимущественно на востокъ. Особенное скопленіе дѣлъ въ столѣ происходило оттого, что въ Приказномъ столѣ сосредоточивалась вся судебная дѣятельность приказа (исключая городовъ Новгородскаго разряда); наряду же съ судными и сыскными дѣлами, какъ и естественно, Приказный столъ велъ списки опальныхъ, смыльных¹⁾, тюремныхъ сидѣльцевъ, какъ въ городахъ, такъ и содержавшихся при Разрядѣ²⁾, заботился о состояніи тюремъ, кормѣ, покупкѣ тулуповъ для сидѣльцевъ, вѣдалъ тюремныхъ сторожей и проч. Профессоръ Загоскинъ указалъ на то, что Приказному столу принадлежала также власть полицейская, выражавшаяся въ опубликованіи чрезъ него указовъ, касавшихся общественнаго благочинія; можно еще прибавить, что дѣятельность

¹⁾ Въ томъ числѣ не мало встрѣчается любопытныхъ свѣдѣній о смысле въ монастыри уменьшенныхъ „подъ начало“, чтобы тамъ они пришли „въ совершенный разумъ“ (см. наприимѣръ Кн. Прик. ст. № 5, лл. 14, 82 об. и др.; из. Прик. ст. № 18, лл. 249—250).

²⁾ (177—1869 г.) „по государеву указу, Приказнаго стола подъячичъ, Воронеу Корьякину съ товарищи, въ Разрядѣ переписывать колодниковъ по вся дни и описывать вѣчно, какихъ они чиновъ и городовъ, и кто вѣныи съ отцы и съ провищцы, и у которыхъ подъячичъ дѣла ихъ, и кто въ которыхъ мѣстцѣ и числѣ влюбощъ будетъ“ (Приказн. стола из. № 18, л. 174).

Приказнаго стола въ этомъ отношеніи была гораздо болѣе обширна: имъ дѣлались распоряженія о сыскѣ преступниковъ по тѣмъ дѣламъ, которыми производились въ Разрядѣ; наконецъ, въ самой столицѣ Приказному столу также принадлежала полицейская власть, какъ то: розыскъ разныхъ лицъ (появившихся къ отчету головъ, служившихъ недоставившихъ отписки и т. п.); въ Приказный же столъ подавались „объѣзжими головами“ составлявшіяся ими „объѣзжія книги“ г. Москвы (назначеніе же самихъ головъ вѣдалъ Московскій столъ). Въ разсматриваемое нами время въ Приказномъ столѣ числилось четыре города съ пригородами: Тамбовъ, Козловъ, Воронежъ и Усмани, и ихъ пригороды: Орловъ-городокъ, Костенки, Доброе, Сокольской, Челиновой, Бѣльской и Лысогорской, причѣмъ города эти вѣдались столу по всѣмъ дѣламъ, исключая: 1) хлѣбныхъ запасовъ и 2) таможенныхъ, оброчныхъ и другихъ денежныхъ доходовъ. Въ томъ числѣ, какъ видно изъ указа 17-го мая 1672 года, Козловъ и пригороды Бѣльской, Челиновой, Доброе и Сокольской вѣдались въ Приказномъ столѣ и „землями“¹⁾. „Издавна“, по выраженію одного документа²⁾, въ Приказномъ столѣ былъ только Козловъ съ своими пригородами, Тамбовъ былъ взятъ изъ приказа Вольнаго Дворца³⁾, а затѣмъ „немногіе годѣ“ передъ 1669 годомъ, вѣдались также въ Приказномъ столѣ города, переданные изъ Московскаго: Воронежъ съ пригородами (Орловъ и Костенки) и Усмани. Въ 1669 году (апрѣля 29-го) всю территорію Приказнаго стола, то-есть Тамбовъ, Козловъ, Воронежъ и Усмани съ пригородами, велѣно было передать въ Московскій столъ, въ которомъ эти города и были до 179—1671 года (21-го февраля), когда предписано было Тамбовъ и Козловъ (съ ихъ пригородами) возвратить въ Приказный столъ, Воронежъ же (съ двумя пригородами) и Усмани оставить по-прежнему въ Московскомъ и вѣдать „Вѣлгородцкаго полку съ городами, для того, что тѣхъ городовъ ратные люди службою и нарядомъ вѣдомы въ Вѣлгородцкомъ полку“... „и изъ приказнаго стола дѣла и списки тѣхъ городовъ служилыхъ людей взять“⁴⁾.

¹⁾ Книга Вязгор. стола № 95 (л. 123—125), П. С. З. № 516.

²⁾ Кн. Вязгор. стола № 95 (л. 154—155).

³⁾ Тамъ же: „Тамбовъ съ пригороды взятъ изъ Дворца“. Это произошло, по-видимому, въ 167—1659 году; подъ этимъ годомъ въ описи 1668 года въ Денежномъ столѣ хранится слѣдующій документъ: „Память изъ дворца, за приписью дѣла Андрея Савина, какъ велѣно вѣдать Тамбовъ въ Разрядѣ“ (Стар. описк т. IV, л. 413).

⁴⁾ Вязгор. стола кн. № 95, л. 154—155.

Если Приказный столъ, не будучи въ строгомъ смыслѣ столомъ территоріальнымъ, имѣлъ все-таки въ своемъ вѣдѣніи хотя небольшую группу городовъ, то Денежный столъ Разряда былъ единственнымъ, который всѣ свои города вѣдалъ только въ одномъ финансовомъ отношеніи и совсѣмъ не имѣлъ городовъ, которые были бы ему подчинены болѣе широко. Въ Денежномъ столѣ въ 1668 году вѣдалось до 70 городовъ, преимущественно южныхъ, вновь возникавшихъ по мѣрѣ заселенія въ XVII вѣкѣ южной стеной окраины ¹⁾). Всѣ эти города вѣдались Денежнымъ столомъ Разряда въ отношеніи къ доходамъ таможеннымъ, кабацкимъ, оброчнымъ съ разныхъ статей, пошлиннымъ съ ссудныхъ дѣлъ и пр. ²⁾). Число городовъ Денежнаго стола особенно увеличилось послѣ 1665 года, когда въ Разрядный приказъ изъ приказовъ Большаго Прихода и Новой Чети передавао было завѣдываніе таможенными и кабацкими доходами въ городахъ Вѣлгородскаго полка ³⁾). Просматривая „записныя книги отпискамъ“, легко видѣть, что всѣ дѣла, касавшіяся денежныхъ доходовъ означенныхъ городовъ, вступали въ Денежный столъ, причемъ всѣ приславшіяся деньги принимались на храненіе подъячными этого стола подъ росписки и записывались въ особныя книги и тетради. Въ Денежномъ же столѣ хранились въ особомъ

¹⁾ „Завоевія“: Мещовскъ, Масальскъ, Сервиѣскъ; *Свѣтскаго полку украинные*: Лихвинъ, Валевъ, Орелъ, Волковъ, Карачевъ, Кромъ; *Свѣтскіе*: Брянскъ, Рымскъ, Свѣскъ, Недригайловъ, Путивль, Каченное; *Бѣлгородскаго полку*: Мценскъ, Ливны, Новосиль, Чернь, Лебедянъ, Чернавоинъ, Осоловъ, Обояня, Сумпязъ, Елецъ, Курскъ, Епшевнъ, Таледной, Ефремовъ, Землянской, Суджа, Лебедянъ; *по чертѣ*: Вѣлгородъ; *отъ Бѣлгорода на правую сторону*: Болховой, Карповъ, Хотмыжской, Вольной, Алешня, Ахтырской; *отъ Бѣлгорода на лѣво*: Короча, Н. Осоловъ, Усердъ, Острожской, Уривъ, Орловъ городовъ, Умань, Сокольской, Челюной, Тамбовъ, Яблоновъ, Верхососенскъ, Ольшанскъ, Боротоякъ, Воронежъ, Бостенинъ, Доброе, Валохолодскъ, село Тарбѣево, Вальской; *за чертою*: Валуйка, Царевъ-Борисовъ, Чугуевъ, Молга, Зиѣвъ, Харьковъ, Нелегольской, Колонтаевъ.

²⁾ Въ описи 1668 г. оуніиіи Денежнаго стола опредѣлены такъ: „въ Денежномъ столѣ у подъячыхъ, у Федора Пономарева, да у Ивана Алтекирева, да у Федора Кузьминцова, да у Федора жъ Казарина городи вѣдомы таможенными и кабацкими сбороны и великими доходы“ (т. IV, л. 357).

³⁾ *Неволина* т. VI, стр. 148; Указъ П. С. З. Ж 370. Въ описи 1668 года также сохранились слѣды этой передачи городовъ; подъ 173 годомъ находимъ: „книги въ достѣ, присланныя изъ Большаго Приходу да изъ Новой Чети украинныхъ городовъ таможенныя и кабацкыя, которые велѣно вѣдать въ Разрядѣ, за приписью дьяновъ Гаврила Доктурова да Ивана Рубцова (т. IV, л. 420).

помѣщеніи, „казеннѣ“, „выборы“ головъ и цѣловальниковъ, документы, относившіеся до отдачи на откупъ кружечныхъ дворовъ, кабаковъ, квасныхъ и проч., „поручныя записи“ по откупщикамъ; по окончаніи каждаго года, всѣ эти лица высылались къ отчету въ приказъ и здѣсь учитывались Денежнымъ столомъ. Всѣ отписки, касавшіяся денежныхъ доходовъ, равно и препроводительныя при различныхъ книгахъ финансоваго характера поступали въ Денежный столъ и вклеивались въ особые „столпы“ о денежныхъ доходахъ¹⁾. Просматривая опись 1668 года, находимъ въ ней слѣдующіе виды документовъ, характеризующіе дѣятельность Денежнаго стола: книги общія приходныя и расходныя приказа, — таможенныя и кабацкія, — отдачи на откупъ таможенъ и кабаковъ, — раздаточныя жалованья, — о домкѣ, — лавочному оброку, — окладнымъ доходамъ, — отдаточныя десятиновой пашни на оброкъ, — баншия, — отдачи на оброкъ пустошой земли, — пеннымъ деньгамъ, — сыскныя торговыхъ промысловъ, — пошлинныя съ конской записки, — полонянничнымъ деньгамъ, — дачи кормовъ и проч. Такое же разнообразіе находимъ и въ „столахъ“: кромѣ обычныхъ „приходныхъ“ и „расходныхъ“ разныхъ годовъ и „всѣхъ дѣлъ“, здѣсь есть „столпы“ „зачетные“, „откупные“, „о вѣмецкихъ кормахъ“, „выборы на кружечные дворы“, „о винной продажѣ“, „о вѣрныхъ головахъ и цѣловальникахъ“ и проч. и проч.

Заканчивая статью, приходится еще разъ сказать, что она вовсе не имѣетъ въ виду рѣшить вопросъ въ окончательной формѣ: для этого нужна работа не такая спѣшная и гораздо болѣе обширная; цѣль же статьи — единственно указать на важность одного изъ мало-извѣстныхъ видовъ документовъ („записныя книги отпискамъ“) для изученія внутреннего распорядка въ Разрядѣ, указать на возможность точнаго рѣшенія вопроса о столахъ и въ бѣгломъ очеркѣ представить нѣкоторую характеристику дѣятельности столовъ Разряда, явившуюся какъ результатъ, какъ впечатлѣніе, изученія немногихъ книгъ этого рода.

А. Голембѣвскій.

¹⁾ Въ настоящее время въ архивѣ нѣтъ столбцовъ Денежнаго стола, между тѣмъ даже въ половинѣ XVIII столѣтія ихъ числалось 752; см. Описание документовъ Моск. арх. мѣм. вѣст., т. V, стр. 16. Вероятно, нѣкоторая часть ихъ сохранилась въ столбахъ другихъ столовъ.

КЪ ВОПРОСУ О СТРОЕНИИ МАТЕРІИ.

Не слишкомъ трудно было бы изучать матерію, еслибы въ опытѣ мы могли имѣть дѣло съ ней самой: тогда ея изученіе составило бы совершенно такую же задачу, какъ и изслѣдованіе всякаго даннаго въ опытѣ объекта. Но въ опытѣ мы встрѣчаемся исключительно лишь съ составленными изъ матеріи тѣлами: дерево, желѣзо, золото, камень, вода, ртуть, воздухъ, водородъ и т. д.—все это тѣла, а не сама матерія. Сама же матерія не можетъ быть указана въ опытѣ; она только мыслится нами, и притомъ мыслится не какъ общее понятіе или названіе, которое можно было бы употреблять взаимно различныхъ тѣлъ для обозначенія существованія въ нихъ нѣкоторыхъ сходныхъ или общихъ чертъ (совокупность которыхъ можно было бы назвать матеріальностью тѣлъ), а какъ тотъ субстратъ или матеріалъ, изъ котораго возникаютъ тѣла. Но самого этого субстрата никакъ нельзя указать въ опытѣ, потому что передъ нами всегда будетъ не онъ самъ, а только какое нибудь состоящее изъ него тѣло (вода, любой газъ, кристаллъ, и т. д.), про которое однако мы все-таки съ увѣренностью думаемъ, что оно состоитъ изъ чего-то другаго, чѣмъ оно само (изъ матеріи). Вотъ эти-то два факта нашего познанія: 1) отсутствіе данности въ опытѣ самой матеріи и 2) постоянная мысль, что она, хотя изъ нея и возникаютъ тѣла, не то же самое, что они, то-есть, мысленное обособленіе ихъ отъ нея, значительно затрудняютъ рѣшеніе вопроса о матеріи (и еще измѣняютъ его характеръ, дѣлаютъ его, какъ вопросъ о нашихъ мысляхъ, о пониманіи или о познаніи, философскимъ). Въ самомъ дѣлѣ, если мы всегда имѣемъ дѣло только съ тѣлами, а въ то же время отдѣляемъ отъ нихъ то, изъ чего они состоятъ, — матерію, или иначе, имѣя несомнѣнно ре-

альное, то-есть, соответствующее опыту, понятіе тѣлъ, мы не довольствуемся имъ и строимъ еще отличающееся отъ него понятіе матеріи, для котораго однако не можемъ указать въ опытѣ соответственнаго предмета, то спрашивается, почему же мы такъ поступаемъ и должны ли мы обособлять понятіе матеріи отъ понятія тѣлъ?

Для Аристотеля съ его дуализмомъ формы и матеріи не могло встрѣтяться здѣсь ровно никакого затрудненія: всякое тѣло состоитъ изъ двухъ принциповъ — матеріи и формы; еслибы можно было отвлечь отъ него все формальное, то-есть все то, что придаетъ ему опредѣленный видъ существованія и что отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ тѣлъ, то осталась бы чистая матерія, содержащая въ себѣ одну лишь голую возможность быть какимъ угодно тѣломъ и воспримчивость ко всякой формѣ, такъ что для существованія того или другаго тѣла нужно, чтобы матерія была соединена съ той или другою формой. Не было бы затрудненія и для насъ, еслибы мы считали позволительнымъ для себя рассуждать въ духѣ схоластическаго реализма. Коль скоро мы подъ матеріей подразумеваемъ всеобщій субстратъ тѣлъ (то, изъ чего состоятъ тѣла и что существуетъ въ нихъ помимо ихъ частныхъ свойствъ), то изъ всѣхъ признаковъ тѣлъ въ составъ понятія матеріи могутъ войти только самыя общія для всѣхъ тѣлъ, такъ что и само понятіе-то матеріи должно быть рассматриваемо, какъ общее (родовое) понятіе тѣлъ (понятіе тѣла вообще), какъ одно изъ *universalia*; а такъ какъ средневѣковій реалистъ считалъ содержаніе общихъ понятій реально существующимъ помимо нашего ума, то, коль скоро мы присоединимся къ его мнѣнію, этимъ самымъ будетъ рѣшенъ вопросъ о нашемъ правѣ и обязанности обособлять понятіе матеріи отъ понятія тѣлъ; мы должны обособлять матерію такъ же, какъ обособляемъ всякую сущность отъ ея единичныхъ обнаруженій, такъ что сверхъ тѣлъ должны признавать еще существованіе матеріи.

Но не то для философовъ и натуралистовъ наканунѣ ХХ вѣка, особенно же при ихъ увѣренности, будто бы они, распространивши со всякой трансцендентной метафизикой, изучаютъ только то, что существуетъ въ опытѣ, и уже не руководствуются завѣдомо догматическимъ, заимствованнымъ изъ глубокой древности (возникшимъ и употребляемымъ еще задолго до Платона) принципомъ тождества бытія и мысли (сущность котораго сводится къ предположенію— „всему тому, что существуетъ и совершается въ нашемъ умѣ, должно соответствовать то, что существуетъ и совершается помимо нашего ума“,

такъ что, если въ нашемъ умѣ на ряду съ единичными понятіями и представленіями существуютъ въ томъ или другомъ видѣ еще общія понятія, состоящія изъ однихъ общихъ и существенныхъ признаковъ, то помимо нашего ума сверхъ единичныхъ вещей должны быть еще ихъ общія сущности, составъ природы которыхъ соответствовалъ бы составу общихъ понятій, наприимѣръ сверхъ каждаго человѣка долженъ быть еще человѣкъ вообще—самая сущность человѣка). Вѣдь мы обособленіе формы отъ того, чья она форма, отъ того, что ея обладаетъ, считаемъ существующимъ только въ нашей абстракціи: мы увѣрены, что въ предѣлахъ опыта (и наличнаго и возможнаго) форма не присоединяется извнѣ къ своему содержанію (матеріи), а всегда въ томъ или другомъ (въ болѣе простомъ или въ болѣе сложномъ) видѣ уже существуетъ вмѣстѣ съ нимъ; подъ словами присоединеніе формы мы подразумѣваемъ не дѣйствительное, хотя бы искони происшедшее, соединеніе безформеннаго содержанія съ вполне бесодержательной формой, а только преобразование одной формы (наприимѣръ, болѣе простой или же менѣе желательной) въ другую (болѣе сложную или же болѣе желательную); такъ, придать форму глинѣ значитъ измѣнить ея кучкообразную форму въ шарообразную или призматическую и т. п. Да и у самого Аристотеля понятіе матеріи сдѣлалось вполне относительнымъ: безъ формы она никогда не существовала и не существуетъ; а то же самое тѣло, которое уже и сейчасъ состоитъ изъ сочетанія формы съ матеріей, играетъ роль матеріи относительно другой формы—той, которая ему будетъ придана впоследствии, наприимѣръ—глина есть матерія будущей статуи. Совершенно также, вопреки схоластамъ-реалистамъ, мы не рѣшаемся признавать реальность общихъ понятій (по крайней мѣрѣ эмпирическую, изученіемъ которой мы ограничиваемся, распространившись съ сверхчувственной метафизикой); наприимѣръ, мы не рѣшаемся утверждать, что сверхъ единичныхъ людей существуетъ еще человѣкъ вообще. И нѣтъ никакого основанія дѣлать исключеніе для понятія тѣла вообще: мы увѣрены, что всякое общее понятіе, чего бы оно ни касалось, существуетъ лишь въ нашемъ умѣ, а не во внѣшней природѣ.

А, вопреки этому, мы все-таки обособляемъ понятіе матеріи отъ понятія тѣла и не считаемъ матеріи однимъ лишь общимъ понятіемъ тѣла, хотя въ то же время въ состояніи указать въ опытѣ не матерію, а только тѣла. Почему же мы такъ поступаемъ, и что вынуждаетъ насъ къ этому? Да нѣтъ ли понятіе матеріи реальное

значеніе, или же это простая абстракція? Поставить такой вопросъ, то-есть возбудить въ себѣ сомнѣніе въ реальности понятія матеріи, вполне неизбежно, коль скоро мы хотимъ его сполна уяснить себѣ: вѣдь подобно тому, какъ исторія философіи замѣняетъ въ философскомъ анализѣ наблюденіе, такъ сомнѣніе играетъ въ немъ роль недоступнаго для насъ экспериментированія надъ мышленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если намъ нужно выслѣдить связь содержанія изучаемаго понятія съ другими (въ томъ числѣ и апіорными) и съ данными опыта, выслѣдить, почему оно возникаетъ, изъ чего должно состоять, какъ отражается на немъ каждый изъ этихъ факторовъ и какимъ вліяніемъ подвергается съ его стороны наше міровоззрѣніе, то наилучшимъ средствомъ было бы удалить на время изъ нашей мысли это понятіе, а потомъ, поставивъ себя въ такія условія, при которыхъ оно возникаетъ, подмѣтить, что именно возбуждаетъ его, какъ именно оно складается и какъ измѣняется, благодаря ему, наше міровоззрѣніе⁴⁾; но вѣдь этого нельзя сдѣлать, а потому необходимо замѣнить этотъ желательный, но невозможный процессъ удаленія анализуемаго понятія изъ сферы всѣхъ нашихъ мыслей удаленіемъ его изъ сферы только тѣхъ мыслей, которыя мы уже признаемъ за достовѣрныя, то-есть сомнѣніемъ. Въ этомъ - то смыслъ и надо понимать то сомнѣніе въ реальности матеріи, къ которому мы приглашаемъ читателя: оно предназначено не для того, чтобы перестать вѣрить въ существованіе сверхъ тѣлъ еще образующей ихъ матеріи, а только для того, чтобы произвести философскій анализъ этого понятія.

И такъ намъ придется усомниться въ реальности понятія матеріи. А для этого необходимо предварительно опредѣлить, что именно мы всегда подразумеваемъ подъ матеріей, каково содержаніе этого понятія, взятаго въ простѣйшемъ видѣ, когда оно еще даже не успѣло подвергнуться переработкѣ посредствомъ научнаго изученія матеріальныхъ явленій: вліянія послѣдняго на составъ готоваго понятія матеріи легко могутъ быть опредѣлены; но для того, чтобы узнать, что именно мы должны удалить изъ нашихъ мыслей, надо взять это понятіе уже въ такомъ видѣ, къ которому мы приходимъ даже помимо науки и логически развить его. Матеріей мы всегда считаемъ то, что, по нашему мнѣнію, существуетъ въ тѣлѣ сверхъ занятаго имъ пространства; главное же отличіе между тѣломъ и матеріей по-

⁴⁾ А потомъ можно будетъ дѣлать и разныя обобщенія касательно состава и хода развитія нашего познанія.

лагается въ томъ, что матерія, по нашему мнѣнію, составляетъ какъ бы источникъ или основу всего того, что мы находимъ въ тѣлахъ и чѣмъ они отличаются другъ отъ друга, то-есть, она какъ бы предшествуетъ имъ, обуславливаетъ ихъ собой и образуетъ ихъ изъ самой себя, такъ что ей приписывается, какъ это дѣлалъ в Аристотель, хотя и не временный, то все-таки логическій, *prius* существованія; потому-то мы и говоримъ, что тѣла состоятъ изъ нея, что она образуетъ ихъ. А съ такимъ взглядомъ неизбѣжно связывается еще одна особенность понятія матеріи. Такъ какъ матерія обуславливаетъ собой или образуетъ изъ себя тѣла и ихъ взаимныя отличія, то въ составъ ея собственнаго понятія должны входить такіе признаки, которые или совсѣмъ не содержатся и не могутъ содержаться въ понятіи тѣлъ, или же содержатся въ тѣлахъ, но могутъ быть рассматриваемы, какъ существенныя для нихъ, то-есть, какъ такіе, безъ которыхъ невозможно ни одно тѣло, другими словами—только самыя общіе для всѣхъ тѣлъ: безъ соблюденія этихъ условій или, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ, нельзя было бы ни считать матерію обуславливающей тѣла и ихъ отличія, ни обособлять ея понятіе отъ понятія тѣлъ.

И такъ нѣкоторый *prius* существованія и отсутствіе частныхъ признаковъ тѣлъ—таковы двѣ отличительныя черты общераспространеннаго понятія матеріи. Вотъ это-то различіе матеріи отъ тѣлъ или можетъ оказаться только продуктомъ абстракціи, которому не соответствуетъ ни одно явленіе, или же, напротивъ, оно будетъ реальнымъ, которому соответствуетъ реальное различіе явленій. Разумѣется, при этомъ можетъ возникнуть сомнѣніе — какъ матерія можетъ быть реальна, коль скоро она не дана въ опытѣ? Но это затрудненіе легко устраняется указаніемъ на всѣ тѣ явленія, которыми мы приписываемъ реальность и которыя тѣмъ не менѣе всегда остаются скрытыми отъ насъ (прошлыя судьбы какого-либо предмета, явленія внутри земнаго шара, элементарныя процессы какого либо сложнаго событія и т. в.); всѣ подобныя явленія служатъ предметомъ не наличнаго, а возможнаго опыта, то-есть, мы ихъ сейчасъ не наблюдаемъ, но могли бы наблюдать въ другомъ мѣстѣ, въ другое время, или же — даже и здѣсь и сейчасъ, но при другихъ условіяхъ, или же, наконецъ, при изощреніи нашихъ чувствъ. Въ томъ же смыслѣ должна обладать эмпирической реальностью и матерія, если она отличается отъ тѣлъ болѣе, чѣмъ логическая абстракція: она должна быть явленіемъ, которое обосновываетъ собою явленія тѣлъ

и которое мы могли бы наблюдать при изощреніи нашихъ чувствъ также, какъ мы наблюдаемъ тѣла. Какимъ же составомъ должно обладать понятіе матеріи, чтобы оно могло быть реальнымъ, то-есть, чтобы оно соответствовало явленію возможнаго опыта?

Намъ еще неизвѣстно, существуетъ ли явленіе, которое соответствовало бы реальному (не совпадающему съ одной лишь абстракціей нашего ума) понятію матеріи. Но если оно существуетъ, то оно должно отличаться отъ тѣлъ: иначе вѣдь получится, что тѣла состоятъ изъ тѣлъ, то-есть, сверхъ тѣлъ не будетъ никакой матеріи; поэтому признаки матеріи могутъ быть опредѣлены чрезъ противоположеніе ея понятія понятію тѣлъ. Этотъ путь вполне возможенъ: въ самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ пока не о томъ понятіи матеріи, которое строятъ натуралисты (способы его возникновенія и развитія, а также и его реальность будутъ рассмотрѣны послѣ), а о томъ, которое возникаетъ въ насъ лишь подъ вліяніемъ обыкновеннаго опыта и смутнаго сознанія дѣйствія законовъ и формъ мысля; а если сама матерія въ опытѣ не встрѣчается и въ то же время она противопоставляется тѣламъ, какъ ихъ основа или образующій всѣ безъ исключенія тѣла матеріалъ, то ясное дѣло, что такое отличеніе ея отъ нихъ при подобныхъ условіяхъ можетъ быть произведено только путемъ болѣе или менѣе строгаго, по все-таки неизбежнаго логическаго противоположенія понятія основы тѣлъ (матеріи) самимъ тѣламъ.

Последнія являютъ намъ качественно и количественно измѣнчивыми и сплошными: вѣдь ни одного тѣла, которое подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій не подвергалось бы химическимъ (качественнымъ) превращеніямъ (горѣнію, медленному окисленію, раствору и т. д., также измѣненіямъ состояній—твердости, упругости и т. д., что для простаго опыта имѣетъ значеніе качественного измѣненія) и не было бы дѣлимимъ и сжимаемимъ; что же касается до сплошности, то въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣло обладаетъ порами, составляющія ихъ пустоты не причисляются къ тѣлу, да къ тому же онѣ оказываются лишь относительно пустыми, а въ дѣйствительности наполнены какимъ нибудь другимъ тѣломъ (воздухомъ, водою и т. д.). Итакъ тѣла характеризуются сплошностью, то-есть, наполненіемъ пространства, и всякаго рода измѣнчивостью, причемъ последнее свойство распространяется и на первый признакъ, ибо то же самое тѣло можетъ занимать то болѣшій, то меньшій объемъ, такъ что взятое имъ пространство наполняется имъ то съ болѣею, то съ меньшей густотой. Поэтому въ составъ понятія матеріи (того, что

порождаетъ тѣла и ихъ свойства) прежде всего долженъ войти признакъ неизмѣняемости: матерія, взятая сама по себѣ—помимо образуемыхъ ею тѣлъ, должна быть неподвергающимся никакимъ измѣненіямъ (ни качественнымъ, ни количественнымъ) субстратомъ. Но тѣмъ не менѣе, какъ основа тѣлъ, она должна обладать способностью порождать всѣ свойства и измѣненія тѣлъ, сама оставаясь въ это время неизмѣняемой; этого можно достигнѣе, если приписать ей движеніе, такъ какъ при немъ самъ движущійся субъектъ (матерія) можетъ остаться неизмѣняемымъ, а то, что состоитъ изъ этого субъекта (тѣла), благодаря этому движенію можетъ подвергаться разнообразнымъ измѣненіямъ. Итакъ матерія должна быть подвижной и оставаться всегда качественно и количественно неизмѣняемой. Этого мало: если мы будемъ считать ее сплошной, то не получимъ ея обособленія отъ образуемыхъ ею тѣлъ, потому что всякое измѣненіе послѣднихъ (например, измѣненія цвѣта, плотности, температуры и т. п.) будетъ одинаково принадлежать какъ имъ, такъ и ей. Видъ колъ скоро и тѣло и сама матерія всегда одинаково наполняютъ то же самое пространство, то, хотя намъ и требуется обособить ихъ понятія другъ отъ друга, такъ чтобы можно было представлять себѣ матерію, какъ особый предметъ возможнаго опыта; однако это при подобныхъ условіяхъ не выполнимо, и, представляя себѣ сплошную матерію, мы неизбежно представляемъ ее въ видѣ образуемаго ею тѣла¹⁾). Для того, чтобы понятіе матеріи обособилось отъ понятія тѣла не только мысленно, но и въ представленіи, то-есть, для того, чтобы первое получило способность соответствовать особому предмету возможнаго опыта, необходимо, чтобы матерія представлялась не сплошной, а состоящей изъ дискретныхъ частицъ, и притомъ—такихъ, которыя не были бы только маленькими, до невидимости уменьшенными тѣльцами (иначе тѣла будутъ состоять не изъ матеріи, а изъ тѣлъ же, то-есть, не производятъ обособленія матеріи отъ тѣлъ). Поэтому частицы матеріи должны быть недѣльными и

¹⁾ При сплошности матерія будетъ отличаться отъ тѣла, самое большее, какъ субъектъ отъ своихъ состояній, который можно только мыслить, но не указать въ наличномъ и возможномъ опытѣ отдѣльно отъ тѣла: въ опытѣ же этотъ субъектъ всегда будетъ встрѣчаться съ какими-либо определенными состояніями, свойствами и т. д., то-есть, не будетъ реально (а не въ одной абстракціи) отличаться отъ тѣла. При дискретности же матеріи каждая ея частица (атомъ) могла бы быть указана и изучаема отдѣльно отъ образуемыхъ матеріей тѣлъ.

сверхъ того или силошными частями вещества ¹⁾ (тѣла же будутъ тогда дискретными), или же совсѣмъ непротяженными, а состоятъ изъ однихъ лишь силъ. Слѣдовательно, если понятію матеріи, вѣ-тому, какъ мы должны придти къ нему даже и помимо науки, слѣ-дуетъ реально, а не только въ нашей абстракціи, отличаться отъ понятія тѣла, то она должна быть представляема состоящей или изъ вещественныхъ или изъ динамическихъ атомовъ.

Такимъ образомъ вопросъ о реальности и значеніи понятія ма-теріи совпадаетъ съ вопросомъ о строеніи тѣла. А такъ какъ въ виду того, что сомнѣніе играетъ для насъ роль эксперимента, намъ надо усомниться въ реальности матеріи, то мы неизбежно должны углубиться въ самыя тщательныя соображенія, обязываетъ ли насъ что-либо, и что именно, признавать или отрицать существованіе ато-мовъ, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ и самъ по себѣ имѣетъ огром-ное философское значеніе. Мы воздержимся отъ всесторонняго ана-лиза значенія атомизма: такая задача по своей обширности можетъ составить предметъ особаго послѣдованія; для нашихъ же цѣлей до-статочно будетъ охарактеризовать важность вопроса о реальности по-нятія атомовъ (матеріи) двумя, тремя примѣрами. Прежде всего, кому не доводилось встрѣчать приводимую для оправданія выхода-щихъ за предѣлы опыта, часто закъдомо трансцендентныхъ, предно-ложеній ссылку на то, что мы признаемъ существующими и такіа вещи, которыхъ никогда не найдемъ въ опытѣ—именно атомы, такъ что, основываясь на данныхъ опыта, мы позволимъ себѣ строить выводы о томъ, что лежитъ за его предѣлами? Но вѣдь такой аргу-ментъ позволителенъ не иначе какъ подъ двумя условіями: необхо-димо убѣдиться, вопервыхъ, въ трансцендентномъ характерѣ атомизма, а вовторыхъ, въ его справедливости. Если же онъ ложенъ, то въ виду факта упомянутой ссылки на атомизмъ необходимо объяснить, на чемъ именно основывается вѣра въ атомизмъ. А такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что увѣренность въ немъ поддерживается его полезностью, то, въ случаѣ если онъ окажется трансцендентной тео-ріей, утверждающіе его метафизическій характеръ обязаны объяснить, какъ же она, будучи метафизической, можетъ быть все-таки полезна для эмпирическихъ послѣдованій, то-есть, обязаны указать, на

¹⁾ Подъ веществомъ мы подразумѣиваемъ абсолютно-непроницаемый протя-женнымъ субстратъ, разсматриваемый помимо принадлежащихъ ему силъ и ха-рактеризуемый только непроницаемостью.

чемъ основана пригодность атомизма какъ логическаго приема; и несомнѣнно, что подобныя изслѣдованія должны уяснить намъ наши познавательные приемы, то-есть, углубить наше пониманіе логики.

Мало того, значеніе философской проблемы атомизма не ограничивается только тѣмъ, что она, будемъ ли мы въ концѣ концовъ признавать или отрицать атомизмъ, поднимаетъ новые вопросы: признаніе атомизма неизбѣжно кладетъ своеобразный отпечатокъ на все наше мировоззрѣніе. Представимъ себѣ, что намъ удалось неоспоримо доказать не полезность атомизма, а его реальность, то-есть, самое существованіе атомовъ; тогда, естественно, всякое явленіе природы надо признавать только продуктомъ совершающихся по законамъ механики атомныхъ движеній. Поэтому законы физическихъ явленій слагаются только изъ суммированія, хотя бы еще не сполна извѣстнаго намъ, механическихъ законовъ, въ ихъ примѣненіи къ молекуламъ (и къ атомамъ, поскольку послѣдніе играютъ роль въ такихъ явленіяхъ, при которыхъ не измѣняется составъ молекулы), такъ что физика, по существу дѣла, есть только глава механики, и если овѣ обособлены другъ отъ друга, то исключительно вслѣдствіе неполноты нашего знанія. Подобнымъ же образомъ и химическіе законы суммируются изъ физическихъ и механическихъ въ примѣненіи уже къ самымъ атомамъ, поскольку измѣняется составъ молекулъ, такъ что химія есть атомная механика. Далѣе биологическіе законы должны суммироваться изъ всѣхъ предшествующихъ, ближайшимъ же образомъ, разумѣется, изъ химическихъ, такъ что биологія должна составлять механику жизненныхъ явленій. Наконецъ, душевныя явленія имѣютъ свою физиологическую сторону, безъ соупотребленія которой они не существуютъ; и коль скоро физиологическія явленія слагаются изъ дѣйствія суммированныхъ законовъ механики, то, умѣя разложить физиологическіе законы на ихъ простѣйшіе элементы, мы достигнемъ того, что будемъ сполна вычислять ходъ физиологическихъ явленій; а зная про каждое изъ нихъ, съ какимъ именно душевнымъ явленіемъ связано оно, мы могли бы вычислять и ходъ послѣднихъ; а изъ полученныхъ всѣхъ предшествующихъ законовъ получатся законы социальныхъ явленій. Словомъ, наше знаніе въ своемъ идеальномъ видѣ должно сдѣлаться стройной дедуктивной системой: въ его основѣ будутъ лежать механика и нѣсколько эмпирически найденныхъ фактовъ (о строеніи молекулъ, объ атомныхъ силахъ простыхъ элементовъ, о связи элементарныхъ душевныхъ явленій съ тѣлесными и т. п.); а все прочее выводится дедуктивно, совершенно такъ, какъ это дѣ-

лается въ небесной механикѣ. „Какъ астрономъ, говоритъ Дю-Буа-Реймонъ о предполагаемомъ имъ всемірномъ духѣ, умѣющемъ вычислять движенія каждаго отдѣльнаго атома,—предсказываетъ день, въ который по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ комета снова выплыветъ изъ глубины пространствъ вселенной, такъ и тотъ духъ прочелъ бы въ своихъ уравненіяхъ день, въ который греческій крестъ заблеститъ на Софійской мечети, или—въ который Англія сожметъ свой послѣдній уголь. А если онъ положитъ въ своей міровой формулѣ $t = -\infty$, то передъ нимъ разоблачится загадочное первичное состояніе вещей. Онъ видѣлъ бы въ безконечномъ пространствѣ матерію или движущейся, или же покоящейся и безконечно подраздѣленной (такъ какъ при равномъ раздѣленіи никогда не нарушилось бы ея неустойчивое равновѣсіе). А еслибы онъ заставилъ t безконечно возрастать въ положительномъ смыслѣ, то онъ узналъ бы, чрезъ сколько времени положеніе Карно грозитъ оковать міръ ледянымъ покоемъ. Для такого духа были бы перечислены волосы на нашей головѣ, и безъ его вѣдома не упалъ бы ни одинъ воробей на землю. Для такого, сразу смотрящаго назадъ и впередъ, пророка міровое цѣлое явилось бы какъ единичный фактъ и одна великая истина“¹⁾, какъ одна всеобъемлющая формула универсально-атомной механики.

Конечно, мы еще очень далеки отъ обладанія подобной системой знанія; но разъ что мы допустили справедливость атомизма, то мы обязаны, а въ силу подчиненія нашей мысли законамъ логики неизбежно будемъ, даже незамѣтно для самихъ себя, руководиться подобными возрѣніями и на основаніи ихъ строить соответственные гипотезы, дабы, сравнивая ихъ съ фактами и съ другими выводами изъ атомизма (сами факты, даже въ простѣйшихъ явленіяхъ, допускаютъ почти всегда двоякое истолкованіе, такъ что въ большинствѣ, если не во всѣхъ, случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ одними фактами, а съ фактами, перетолкованными въ духѣ той или другой теоріи), строить дальнѣйшія гипотезы и такимъ образомъ постепенно, связывая другъ съ другомъ научныя положенія, приближаться къ идеальной виду системы универсально-атомной механики. Здѣсь важно то, что мы уже знаемъ направленіе нашего знанія—къ чему оно должно стремиться. Собственно говоря, съ принятіемъ универсально-атомной механики прогрессъ знанія въ главныхъ своихъ пунктахъ уже заканчивается, и знаніе можетъ развиваться только въ деталяхъ—ко-

¹⁾ Ueber die Grenzen des Naturerkenntens. Leipz. 1884, стр. 14.

личественно, а не качественно: намъ вѣдь уже извѣстно, въ чемъ состоитъ существенная сторона всѣхъ явленій—въ происходящихъ по законамъ механики сложеніи, раздѣленіи и взаимномъ вліаніи атомовъ и ихъ группъ; остается, слѣдовательно, только узнать, каковы должны быть силы, величины и т. д. атомовъ, чтобы они производили данныя въ опытѣ явленія, то-есть, остается только сводить всѣ уже извѣстные и вновь открываемые законы природы или къ законамъ атомной механики или же къ постулированнымъ для этой цѣли первичнымъ свойствамъ атомовъ.

Все это служитъ примѣрами прямого вліанія атомизма. А къ нему можетъ присоединиться косвенное: онъ, уже благодаря дѣйствию ассоціаціи сходства представленій, почти съ роковой необходимостью располагаетъ насъ къ опредѣленному характеру мышленія, предпочитать тѣ, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ его духу. Такъ, напримеръ, онъ долженъ располагать насъ къ чисто механическому воззрѣнію на душевныя явленія, къ попыткамъ сложить ихъ всѣ безъ исключенія (считая и ихъ основныя формы и законы сознанія) изъ комбинацій нѣкоторыхъ простѣйшихъ факторовъ, какъ бы психическихъ атомовъ; ибо такая точка зрѣнія, какъ соотвѣтствующая духу атомизма, будетъ наиболѣе привычною для нашего ума. Сверхъ того, психологическій анализъ убѣждаетъ, что душевныя явленія всегда сопровождаются какими-то, хотя еще почти со-всѣмъ неизвѣстными, физиологическими процессами въ головномъ мозгу, а послѣдніе при атомическомъ строеніи тѣлъ слагаются механически изъ движеній молекулъ и атомовъ головного мозга, такъ что, допуская атомизмъ, мы должны признать какъ наиболѣе, если не исключительно, соотвѣтствующую его духу, а подъ вліаніемъ ассоціаціи сходства почти неизбѣжно предпочитать, ту гипотезу, что всѣ безъ исключенія душевныя явленія (считая здѣсь и ихъ основныя формы и законы) слагаются чисто механическимъ путемъ изъ нѣкоторыхъ наипростѣйшихъ элементовъ, какъ бы изъ атомовъ душевной жизни, — и представленія пространства и времени, и мышленіе, и сознаніе, все это слагается чисто механически, то-есть только путемъ присоединенія и отдѣленія этихъ психическихъ атомовъ и ихъ группъ (психическихъ молекулъ).

Такимъ образомъ, чисто механическая психологія въ случаѣ, если мы допустимъ реальность атомизма, будетъ предпочитаема всякой другой вслѣдствіе того, что она наиболѣе соотвѣтствуетъ об-

щему духу универсально-атомной механики. А если такъ, то уже непосредственно остановиться только на этомъ и не дѣлать дальнѣйшихъ шаговъ въ томъ же духѣ. Механизмъ душевной жизни состоитъ въ ассоціированіи психическихъ атомовъ въ психическія молекулы, а молекулы въ дальнѣйшія образованія. Ну а само-то ассоціированіе—должно-ли относиться къ нему какъ къ первичному закону, или же и его можно объяснить въ духѣ универсально-атомной механики? Механически связывать (ассоціировать) можно только то, что существуетъ и что пребываетъ раздѣльнымъ. Отсюда слѣдуетъ, что психическіе атомы должны быть признаны, хотя бы на короткое время, пребывающими порознь другъ отъ друга: вѣдь смѣшно говорить о механическомъ сложеніи того, что никогда не бываетъ раздѣльнымъ, кромѣ какъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ отдѣлены другъ отъ друга моменты времени (въ смыслѣ теченія другъ за другомъ). Сказанное же про психическіе атомы имѣетъ мѣсто и про все, что рассматривается, какъ механически слагающееся, про представленія и ихъ группы: они должны быть признаны, хотя бы на короткое время, дѣйствительно (а не въ одной лишь абстракціи подобно моментамъ времени) пребывающими раздѣльно. А въ виду того, что каждое душевное явленіе сопровождается какимъ-либо физиологическимъ процессомъ въ головномъ мозгу ¹⁾, всѣ эти слагающіеся элементы (будутъ-ли они психическими атомами или психическими молекулами) вслѣдствіе ихъ раздѣльности должны сопровождаться пространственно раздѣленными процессами головного мозга. А такъ какъ носителями этихъ процессовъ служатъ нервныя кѣтки, то слагающіеся элементы должны занимать отдѣльныя кѣтки. Все это почти навѣрное будетъ признано нами, коль скоро мы держимся механическаго возрѣнія на ходъ и составъ душевныхъ явленій. А разъ это признано, то становится уже вполне неизбежнымъ признать зависимость факта существованія ассоціаціи душевныхъ элементовъ (атомовъ и молекулъ)

¹⁾ Это положеніе должно быть признано независимо отъ механическаго направленія психологіи. Вѣдь Я безъ не-Я пусто, то-есть, оно не сознается отдѣльно отъ представленій внѣшняго міра, такъ что безъ нихъ нѣтъ ни одного акта сознанія; а представленіе внѣшняго предмета, *когда* оно сознается по своему *качеству*, уже ничѣмъ не отличается отъ воспріятія, слѣдовательно и отъ ощущеній; актъ же ощущенія сопровождается какими-то процессами въ головномъ мозгу; слѣдовательно, подобныя же процессы должны сопровождать и каждое представленіе внѣшняго міра, а вѣдѣтъ съ тѣмъ и каждый актъ сознанія.

отъ одновременнаго или послѣдовательнаго оживленія дѣятельности вѣсколькихъ нервныхъ клѣтокъ: если, напримѣръ, оживляющая ихъ дѣятельность нервная волна послѣдовательно пробѣгаетъ по ряду клѣтокъ, въ каждой изъ которыхъ пребываетъ какое-либо представленіе, то въ душевной жизни получится возникновеніе этихъ представленій въ той же послѣдовательности, въ которой нервная волна оживляетъ нервныя клѣтки. Поэтому для объясненія факта ассоціаціи нужно только допустить гипотезу, что нервныя клѣтки, соединенныя проводящими ихъ возбужденіе нервными волокнами, обладаютъ вмѣстѣ съ послѣдними тѣмъ свойствомъ, что тѣмъ чаще проходило по нимъ какое-либо возбужденіе (нервная волна) въ опредѣленномъ направленіи, тѣмъ легче распространяется оно въ другой разъ именно по этому, а не по какому другому направленію: допустивъ это, мы дѣлаемъ поватнымъ, то-есть логически необходимымъ, тотъ фактъ, что клѣтъ скоро воспроизводится одно изъ пережитыхъ прежде представленій, то вмѣстѣ съ нимъ воспроизводятся или, по крайней мѣрѣ, стремятся воспроизвестись и другія представленія, которыя были пережиты одновременно съ нимъ или вслѣдъ за нимъ.

Объясненіе ассоціацій уже готово, и нельзя возражать противъ него, будто бы оно ровно ничего не объясняетъ, а лишь высказываетъ ту же самую загадку въ фізіологическихъ терминахъ взаимныя психолого-механическихъ, то-есть переводить ее съ одного языка (къ тому же гадательнаго) на другой (столь же гадательный). Не будемъ даже говорить о томъ, что здѣсь больше тѣмъ переводъ, а переводъ и разъясняющая его подробности гипотеза (о разищеніи представленій), слѣдовательно—переводъ съ комментариемъ. Пусть будетъ одинъ переводъ; во всякомъ случаѣ при господствѣ универсально-атомной механики подобный упрекъ не есть упрекъ, а похвала. Коль скоро эта система признана, то существенная сторона всѣхъ матеріальныхъ явленій уже разгадана: они всѣ возникаютъ съ логической необходимостью изъ комбинаціи атомовъ и вліянія атомныхъ группъ другъ на друга. Поэтому, коль скоро законъ психическихъ явленій гипотетически сведенъ къ одному или нѣсколькимъ законамъ матеріальныхъ явленій, другими словами — съ психологическаго языка переведенъ на фізіологическій, то этимъ самымъ уже дано возможное для настоящаго времени объясненіе явленія, ибо этимъ указывается мѣсто послѣдняго въ системѣ универсально-атомной механики и намѣчивается путь окончательнаго

рѣшенія занимающаго насъ вопроса. „Покажите, какъ атомы, органиваясь въ видѣ головного мозга, пріобрѣтаютъ указанное нами свойство, и вы тогда покажете логическую неизбѣжность въ универсально-атомной механикѣ факта ассоціаціи душевныхъ явленій“ — вотъ что говоритъ это объясненіе, которое при поверхностномъ отношеніи къ дѣлу кажется всего только переводомъ вопроса съ одного языка на другой. А вѣра въ атомизмъ тотчасъ же добавляетъ сюда еще нѣсколько словъ: „такъ какъ, говоритъ атомистъ, хотя я теперь еще во многихъ случаяхъ не въ состояніи указать, какъ именно комбинируются и движутся атомы въ томъ или другомъ явленіи, но я уже знаю, что, каково бы ни было матеріальное явленіе, оно составляетъ логически необходимый продуктъ законовъ механики и нѣкотораго первичнаго расположенія атомовъ, то я, переведа психическое явленіе съ психологическаго языка на физиологическій, сдѣлалъ его чрезъ это логически необходимымъ слѣдствіемъ законовъ механики и нѣкотораго первичнаго расположенія атомовъ; слѣдовательно, я уже далъ ему возможное для даннаго состоянія науки объясненіе, а требовать отъ меня большаго никто не вправе“.

Вотъ почему представители современной науки чувствуютъ себя обыкновенно удовлетворенными, коль скоро имъ удастся, истолковавъ явленіе въ духѣ механической психологіи, гипотетически перевести вопросъ о законахъ хода душевныхъ явленій съ языка психологическаго на физиологическій¹⁾: этимъ при господствѣ атомизма уже дается доступное современной наукѣ объясненіе психическихъ явленій, такъ какъ они чрезъ это превращаются въ логически необходимые продукты универсально-атомной механики, въ результатъ механическаго преобразованія нѣкотораго первичнаго расположенія

¹⁾ Вѣдь въ предположеніи о разищеніи представленій по отдельнымъ каналамъ (чего не надо смѣшивать съ локализацией разныхъ родовъ — зрительныхъ, слуховыхъ и т. д., представленій и воспріятій), о порядкѣ возбужденія поглядныхъ — все это гипотезы, составные факторы которыхъ остаются ничемъ непроявленными и которыми строится только по схемѣ истолкованія данныхъ самонаблюденія, а не путемъ сопоставленія случаевъ дѣйствительно наблюдаемой связи душевныхъ явленій съ дѣйствительно наблюдаемыми тѣлесными. Да иначе и не можетъ быть: вѣдь еще недостаточно утверждать, что данное душевное явленіе сопровождается какими-то процессами въ головномъ мозгѣ (ибо это и безъ того все знаютъ), но надо еще какъ нибудь представить себя эти процессы; а теперь это невозможно безъ помощи подобныхъ гипотезъ.

атомовъ. Послѣ того единственно, что только остается атомисту психологу, это—стараться выслѣдить исторію развитія нервной системы, дабы, связавъ его съ развитіемъ организмовъ, вопросъ о происхожденіи нервныхъ клѣтокъ и опредѣленнаго (необходимаго для приведеннаго объясненія душевныхъ явленій) вида ихъ связи замѣнить вопросомъ о механическомъ происхожденіи и о преобразованіи организмовъ изъ низшихъ въ высшіе. А очевидно, что съ атомистической точки зрѣнія чисто механическое происхожденіе организмовъ составляетъ лишь вопросъ времени. Такъ именно и относится къ нему Дю-Буа-Реймонъ: „вѣдь при этомъ, напоминаетъ онъ, дѣло идетъ только о порядкѣ атомовъ и молекулъ, о приписываніи имъ извѣстныхъ движеній (um Einleitung gewisser Bewegungen)“¹⁾.

И такъ, при господствѣ атомизма для объясненія психическихъ фактовъ уже достаточно гипотетически перевести ихъ описаніе съ языка механической психологіи на физиологическій; напримѣръ, для объясненія ассоціацій достаточно развѣстить наши представленія (которые мы предполагаемъ существующими отдѣльно другъ отъ друга) по нервнымъ клѣткамъ и предположить между ними подходящую связь. Подобнымъ же путемъ можно объяснить сужденія, умозаключенія и т. д. За подробностями подобныхъ гипотезъ отсылаемъ читателя къ книжкѣ профессора Ковалевскаго „Основы механизма душевной дѣятельности“²⁾, къ книгѣ составленной имъ какъ учебникъ, при помощи котораго будущіе врачи прежде изученія душевныхъ болѣзней хоть сколько нибудь могли бы ознакомиться съ нормальнымъ ходомъ душевныхъ явленій, такъ что тамъ, разумѣется, помѣщены только самыя прочныя, наилучше обоснованныя гипотезы. Тамъ множество образчиковъ подобнаго перевода фактовъ съ одного языка на другой: кромѣ нѣкоторыхъ данныхъ анатоміи и гистологіи головного мозга, она почти ничего другаго и не содержитъ помимо этихъ гипотезъ. Тамъ же приведено и вычисленіе (основанное на соображеніяхъ Мейшера о числѣ клѣтокъ въ мозговой корѣ и на измѣреніяхъ Вундта о времени, которое тратится на возникновеніе одного простѣйшаго представленія, въ родѣ представленія звука) для отвѣта на очень важный вопросъ — хватить ли мозговыхъ клѣтокъ для помѣщенія всѣхъ представленій, которыми мы приобретаемъ впечатленіе жизни,

¹⁾ См. I. с. стр. 70.

²⁾ Она составляетъ отдѣльный оттискъ введенія въ его „Психіатрію“.

коль скоро каждое изъ нихъ хранится въ отдѣльной клѣткѣ; а такое размѣщеніе, пожалуй что, неизбежно, ибо иначе ассоціація представлений могла бы происходить не вслѣдствіе описаннаго физиологическаго процесса, а какъ нибудь иначе. Оказывается, что ихъ болѣе, чѣмъ достаточно. Но всѣ эти подробности для насъ уже излишни, такъ какъ онѣ сами по себѣ мало что прибавляютъ къ характеристикѣ вліянія атомизма; а потому мы ограничиваемся приведенными примѣрами. Изъ нихъ видно, что атомизмъ отражается на нашемъ мышленіи даже тамъ, гдѣ этого менѣе всего можно ожидать — въ ученіи о душевныхъ явленіяхъ; а чрезъ это становится вполне возможнымъ, что онъ будетъ оказывать своеобразное вліяніе и на всѣ наши воззрѣнія. Но, возражать намъ, по какому же праву ставимъ мы всѣ упомянутыя гипотезы за счетъ атомизма: вѣдь ихъ авторы не выводятъ ихъ, какъ слѣдствія атомизма, и на вопросъ, какъ они пришли къ нимъ, почти навѣрное скажутъ намъ, что атомизмъ былъ ни при чемъ?

Мало ли, что скажутъ, да все ли будетъ вѣрно? Вѣдь если кто нибудь говоритъ: „Сократъ человекъ, слѣдовательно онъ смертенъ“, то не ясно ли, что говорящій такъ руководится положеніемъ „всѣ люди смертны“, какъ большей послышкой, и что онъ мыслить (не высказываетъ, а мыслить) силлогизмъ *modus'a* *Barbara*, хотя бы и отрицалъ это? Не смотря на его увѣренія, будто бы онъ не мыслить этого силлогизма, и все-таки понимаетъ, что говоритъ, а не произноситъ словъ механически, мы ему не повѣримъ, и попросимъ лишь повнимательнѣе наблюдать за своими мыслями. А вѣдь извѣстно, что приступающіе къ изученію логики, безпрестанно смѣшивая ходъ и порядокъ словеснаго выраженія мыслей съ ходомъ и порядкомъ мышленія, часто думаютъ, будто бы силлогизмы, представляя собой несомнѣнно правильные примѣры строго-логичнаго умозаключенія, въ дѣйствительности оказываются не при чемъ, будто бы мы помимо школъ никогда не мыслимъ силлогизмами. Почему же мы не вѣримъ ихъ показаніямъ и не приходимъ къ самому естественному при такихъ условіяхъ выводу, что часть людей, въ томъ числѣ и вновь приступающіе къ изученію логики, не мыслить силлогизмами, а часть мыслить ими? Почему мы утверждаемъ, что логика не научаетъ мышленію силлогизмами, а только онисмыкаетъ, анализируетъ и, самое большее, изощряетъ его чрезъ это? Потому что обратное мнѣніе нарушало бы основной принципъ всѣхъ психологическихъ изслѣдованій, по которому у всѣхъ людей душевная жизнь, не смотря на ея индивидуальныя особенности (зависящія отъ различія въ комбинаціи дѣйствій

часть сслхх, отд. 2. 3

тѣхъ же самыхъ законовъ), управляется одними и тѣми же законами и всякое показаніе, которое не можетъ быть примирено съ этимъ принципомъ, мы считаемъ продуктомъ неумѣлаго самонаблюденія, неумѣлаго анализа хода нашихъ мыслей и возникающаго отсюда смѣшенія словесныхъ формъ выраженія мысли съ ея собственными формами.

Тѣмъ же принципомъ должны мы руководствоваться и въ данномъ случаѣ: если мы находимъ логическую и психологическую связь между описанными воззрѣніями и атомизмомъ, а въ то же время нѣтъ достаточныхъ эмпирическихъ основаній для этихъ гипотезъ (напримѣръ, такихъ основаній, которыя существуютъ для гипотезы различной локализациі разнородныхъ представленій), то не въ правѣ ли мы заключить, что онѣ возникаютъ не безъ вліанія атомизма? Еслибы для объясненія генезиса каждаго воззрѣнія требовалось согласіе его автора, то была бы невозможной ни исторія философіи, ни исторія литературы, ни даже вообще исторія культуры; ибо во всѣхъ подобныхъ изслѣдованіяхъ мы не только не стѣсняемся отсутствіемъ показаній авторовъ той или другой идеи, но иногда устанавливаемъ свои взгляды вопреки ихъ мнѣніямъ. И это особенно справедливо будетъ относительно тѣхъ лицъ, которыя не любятъ (не говоря уже умѣть-ли) углубляться въ самонаблюденіе, въ анализъ его данныхъ и всячески готовы избѣгаться отъ такъ-называемаго субъективнаго метода изученія законовъ мысли и вообще душевной жизни, напримѣръ — относительно г. Ковалевскаго, который самъ себя объявляетъ некомпетентнымъ въ умозрительной психологіи, употребляя слово умозрительный въ смыслѣ самонаблюдательно-аналитическій ¹⁾. Такія лица и ихъ мысли могутъ быть сдѣланы объ-

¹⁾ Основнмъ механизмомъ душевной дѣятельности. 1887, стр. 1. Описанное пониманіе имъ термина „умозрительный“ немнѣ видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) Онъ сильно сердится на тѣхъ, кто приписывалъ его воззрѣніямъ матеріалистическій характеръ, и думаетъ, что эти лица „вѣроотно, обнаруживаютъ гиперестезіи, или иллюзиі“ (I. с., II); а было бы въ высшей степени странно признавать себя некомпетентнымъ въ метафизикѣ (если допустить, что онъ, какъ это иногда дѣлають, терминъ „умозрительный“ отождествляетъ съ „метафизическимъ“) и тотчасъ же черезъ 10 строкъ поднять рѣзкій споръ, до какихъ предѣловъ простирается метафизика. 2) Умозрительная точка зрѣнія становится въ связь съ возможностью написать систематическій курсъ психологіи, и отрывочный характеръ собственной книги автора объясняется именно задачей — указать лишь „на тѣ естественнонаучныя данныя, которыя служатъ къ выясненію тѣхъ, которыя проявленій нормальной душевной дѣятельности“, (I. с., I.). 3) Психо-

окомъ философскаго изслѣдованія безъ всякихъ заботъ и справокъ о согласіи или несогласіи ихъ авторовъ (кромѣ какъ употребляя послѣднее въ смыслѣ психологическаго документа), совершенно такъ же, какъ психіатръ изучаетъ душевно-больнаго, не заботясь о согласіи послѣдняго съ его діагнозомъ (кромѣ какъ въ смыслѣ психологиче-

логическій анализъ вполнѣ отсутствуетъ въ его книгѣ, даже тамъ, гдѣ онъ не изъясненъ, хотя бы для того, чтобы читатель могъ понять, что хочетъ сказать авторъ. Такъ, сужденіе опредѣляется имъ, какъ процессъ сочетанія отдѣльных представленій между собой, причѣмъ отсюда и нѣтъ предположенія о разнѣщаніи отдѣльных представленій по отдѣльнымъ нервнымъ ниткамъ точною же дилатектою постулатъ о томъ, что для процесса этого сочетанія „должны служить особые нервные пути или аппараты“—ассоціаціонные пути, такъ что „сужденіе есть актъ или процессъ дѣятельности этихъ ассоціаціонныхъ путей“, I. с., 93; а представленія опредѣляются, какъ „снимки или образы тѣхъ предметовъ или явленій, которые дѣйствовали на наши органы чувствъ“, I. с., 91. Кавалюкъ бы, что при такихъ возвращеніяхъ необходимо сколько-нибудь, если не подтвердить, то пояснить свои слова хотя бы самыми повозможными анализомъ сужденій и представленій, дабы читатель не наталкивался на недоуманія въ родѣ слѣдующихъ: какъ же это можетъ быть, чтобы въ сужденіи „камень протяженъ“, представленіе камня и представленіе протяженности доселѣ сохранились морозы и сочетаются только во время акта сужденія; развѣ можно представить камень непротяженнымъ? А между тѣмъ нѣтъ подобнаго анализа. О томъ, что при благомъ поведеніи не вдалѣе въ философскіе вопросы о волѣ, а ограничиться „указаніемъ на то, какъ дѣло стоитъ въ самомъ дѣлѣ“, I. с., 96, вѣзвѣтъ оцѣнкой психологической стороны волевыхъ явленій все дѣло ограничивается вопросомъ объ ея свободѣ, объ отсутствіи всякаго намека на анализъ воображенія и т. п.—мы уже не говоримъ; и безъ того ясно, что подъ словомъ умозрительная психологія г. Ковалевскій понимаетъ именно самую психологію, собраніе и анализъ фактовъ душевной жизни; въ ней-то онъ и объявляетъ себя incompetentнымъ, воздерживается отъ нея, а тамъ, гдѣ это нужно для вывода эмпирическихъ гипотезъ посредствомъ перевода фактовъ съ его психологическаго языка на эмпирическій, онъ предполагаетъ свои психологическіе взгляды распространенными въ насѣ читателѣй. Кстати, въ предшествующихъ строкахъ мы упомянули слово метафизика. Какъ извѣстно, этотъ совершенно случайный (назначенный сперва лишь для означенія мѣста въ сборникѣ сочиненій) терминъ получилъ три различныхъ значенія: 1) теорія познанія, 2) теорія сущности вещей, 3) у англичанъ еще—психологія, что уже одно должно было содѣйствовать возникновенію множества недоразумѣній (извѣстно, наиримъ, сильно распространенное недоуманіе, какъ это Кантъ, разрушивъ метафизику, тотчасъ же не удержался и написалъ „Метафизическіе принципы естествознанія“ и „Prolegomena ко всякой будущей метафизикѣ“). У насъ же въ Россіи многіе, совершенно незнакомые не только съ метафизикою (ли въ томъ, ли въ другомъ, ли въ третьемъ смыслѣ), но даже съ исторіей и значеніемъ этого термина, принявъ жоду рекомендовать читателѣмъ и слушателямъ, отругиваясь на метафизику безъ

скаго документа). А вѣдь слишкомъ много даже такихъ людей, которые прекрасно употребляютъ научные методы, приходятъ къ очень цѣннымъ выводамъ, а не въ состояніи дать отчета, какъ они все это дѣлаютъ, въ чемъ сущность этихъ методовъ и ихъ мѣсто среди другихъ и т. п.: изученіе развитія мыслей и вообще душевныхъ явленій, даже просто самонаблюденіе, требуютъ совсѣмъ другой сноровки, другихъ приѣмовъ и изворотовъ для анализа, чѣмъ всякій другой предметъ знанія.

Уже изъ приведенныхъ примѣровъ (которые, очевидно, не исчерпываютъ всѣхъ случаевъ и способовъ вліянія атомизма на наше мышленіе) видно, сколь велико значеніе этой теоріи. Чтобы покончить съ этими разъясненіями, представимъ себѣ, что мы признали сплошность тѣла; что же тогда произойдетъ? Атомистическая классификація наукъ окажется по меньшей мѣрѣ необязательной, или же, если она и можетъ быть признана, то не вслѣдствіе того, чтобы законы природы дѣйствительно суммировались въ законы универсально-атомной механики, а благодаря лишь ея педагогическимъ или какимъ-нибудь другимъ преимуществамъ, на примѣръ—эвристическимъ. Подобнымъ же образомъ можно будетъ во многихъ случаяхъ допустить и атомизмъ, но не какъ реальное воззрѣніе, а какъ упрощающій наши изслѣдованія приѣмъ— ради его полезности (на примѣръ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ очевидно удобнѣй разсма-

влякихъ дальнѣйшихъ поясненій этого слова, причемъ они употребляютъ его уже для обозначенія всего того, что противорѣчитъ ихъ высказанной или изъ самихъ себя философіи (безъ всякихъ справокъ и счетовъ съ исторически сложившимися рѣшеніями и сомнѣніями), а еще вѣрнѣе—ихъ трансцендентной метафизикѣ. Въ виду такой неопредѣленности въ словупотребленіи, считается излишнимъ напоминыть некоторымъ изъ нашихъ читателей, въ чемъ состоитъ разрушенная и запрещаемая критическимъ метафизикомъ. Она сводится не къ характеру отѣтовъ на тѣ или другіе называемые науки вопросы, а къ характеру самихъ называемыхъ ей вопросовъ, къ тому, что придаетъ видимость научнаго рѣшенія некоторымъ перазрѣшнымъ, выходящимъ за предѣлы возможнаго опыта и возможнаго знанія (трансцендентнымъ) вопросамъ, каковы бы ни были отѣты на нихъ. Такъ, метафизикъ еще не тотъ, кто не смѣетъ признать существованіе Бога и отказывается вѣровать во все то, что противорѣчитъ этому убяденію; а тотъ, кто тужится научнымъ путемъ рѣшить вопросъ о существованіи Бога, къ какому бы рѣшенію онъ ни приходилъ— къ утверженію или къ отричанію Его существованія, это безразлично. Въ приложеніи же къ вопросу о душѣ одинаково метафизическими будутъ какъ матеріалистическія, такъ и спиритуалистическія воззрѣнія, то-есть, и тѣ, изъ которыхъ любы научнымъ путемъ вытекаеть существованіе души, такъ и тѣ, изъ которыхъ вытекаеть обратное.

тривать явленія съ точки зрѣнія атомистической гипотезы, то-есть, гдѣ выводы изъ нея, будучи сопоставлены съ данными опыта, даютъ возможность вычислять уже извѣстныя и предъугадывать неизвѣстныя явленія). Но при всемъ томъ всѣ наши объясненія и изслѣдованія законовъ природы должны принять иное направленіе, чѣмъ при атомизмѣ. Въ послѣднемъ каждый законъ природы разсматривается, какъ логически необходимое слѣдствіе законовъ механики и первичныхъ свойствъ (массы, силъ и т. п.) атомовъ, такъ что и объясненіе закона природы должно состоять въ механическомъ выводѣ его изъ соотвѣтственныхъ постулатовъ относительно первичныхъ свойствъ и расположенія атомовъ. Если же мы признали сплошное строеніе тѣлъ, то единственнымъ средствомъ для объясненія закона природы остается сведеніе его къ другимъ, болѣе общимъ законамъ (комбинированіе его изъ одновременнаго или послѣдовательнаго дѣйствія другихъ законовъ, или же указаніе, что объясняемый законъ составляетъ частный случай дѣйствія другаго закона), и притомъ — къ такимъ законамъ, которые дѣйствуютъ не въ атомахъ (ибо послѣдніе не существуютъ), а прямо въ тѣлахъ, слѣдовательно къ такимъ, существованіе которыхъ можетъ быть открыто и проверено исключительно путемъ сопоставленія однихъ лишь данныхъ въ опытѣ явленій какъ между собой такъ и съ уже извѣстными законами (причемъ фактъ существованія основныхъ или самыхъ общихъ изъ этихъ законовъ остается совершенно непонятнымъ за исключениемъ тѣхъ случаевъ, когда отсутствіе того или другаго изъ нихъ противорѣчило бы апріорнымъ основоположеніямъ), а не посредствомъ подбора соотвѣтственныхъ предположеній о первичныхъ свойствахъ атомовъ, изъ комбинаціи которыхъ съ законами механики логически вытекала бы необходимость существованія всѣхъ безъ исключенія царствующихъ надъ тѣлами законовъ и всѣхъ свойствъ тѣлъ: вѣдь если мы отрицаемъ атомы, то реальными остаются одни лишь тѣла, а не матерія, которая получаетъ лишь значеніе абстракція, такъ что исходнымъ пунктомъ нашихъ объясненій можетъ служить сверхъ апріорныхъ идей еще только то, что мы находимъ въ тѣлахъ. Наконецъ, коль скоро мы отрицаемъ реальность атомизма и умышленно пользуемся имъ въ извѣстныхъ случаяхъ лишь ради его полезности, то мы тамъ, гдѣ это не приноситъ никакой замѣтной выгоды, не будемъ склоняться къ тому, чтобы разсматривать явленія непрѣмнно съ такой точки зрѣнія, которая наиболѣе соотвѣтствовала бы его духу, напримѣръ — въ психологіи: вѣдь чисто-механическое возвращеніе на

душевные явленія не ивоцраетъ нашего умѣнья предъугадывать ихъ, распоряжаться ихъ ходомъ и т. п. Да и вообще, признавая атомизмъ, мы этимъ самымъ обязываемся признать, что существенная часть явленій природы намъ уже извѣстна и что этимъ опредѣляется весь дальнѣйшій ходъ научнаго прогресса: онъ является хотя и неизмѣримо большимъ, но все-таки только детальнымъ (количественнымъ, а не качественнымъ), и долженъ ограничиваться указаніями, какъ именно производится игра атомовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ согласно съ законами механики, которой почти некуда расширяться. Если же мы признаемъ тѣла сплошными, то, будучи вынуждены объяснять явленія только тѣми законами, которые управляютъ самими тѣлами, мы никогда не въ состояніи варанѣ рѣшить, сдѣлалась ли существенная, главнѣйшая сторона тѣхъ или другихъ явленій уже извѣстной, или же остается еще скрытой. Болѣе того—мы не можемъ съ увѣренностью рѣшать впередъ, можетъ ли быть вычисленъ весь ходъ событій природы даже при вполнѣ идеальномъ состояніи науки; все зависитъ отъ характера тѣхъ законовъ, которые еще предстоитъ открыть человѣческому уму, будутъ ли они пригодными для того, чтобы при ихъ помощи вычислять всѣ стороны явленій, или нѣтъ, то-есть, могутъ ли они быть облечены въ математическую форму, или же сохраняютъ навсегда описательный характеръ въ родѣ большинства законовъ современной фізіологіи и психологіи.

Таково въ общихъ чертахъ значеніе вопроса—о строеніи матеріи. Отъ доказанности того или другаго возрѣнія зависятъ и реальность понятія матеріи (безъ атомовъ реальны одни только тѣла, а матерія—лишь абстракція), и разъясненіе связи принциповъ нашего познанія (атомизмъ всѣ науки превращаетъ въ отдѣлы универсально-атомной механики), и все направленіе или общій складъ нашей научной мысли. Понятно поэтому, сколько важно твердо обосновать какое либо изъ этихъ возрѣній и какъ щепетильны должны мы быть въ своихъ доказательствахъ. Мы не вправѣ сослаться, напримѣръ, на одну лишь пригодность или полезность обсуждаемой теоріи для изслѣдованія тѣхъ или другихъ явленій, внутреннихъ или внѣшнихъ—это безразлично: въ данный моментъ для каждой отдѣльной науки наилучшею теоріей, разумѣется, окажется та, которая уже принята большинствомъ представителей той или другой науки; иначе эта теорія была бы замѣнена какой-нибудь другою—болѣе пригодной. Намъ необходимо найти, хотя бы одно, но вполнѣ твердое доказательство не полезности атомизма, а его достовѣрности; и тогда мы

должны признать его со всеми вытекающими изъ него слѣдствіями, не обращая вниманія, будетъ ли онъ всегда и вездѣ пригоднымъ для натуралистическихъ изслѣдованій, или нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, на сколько нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что открытія и изслѣдованія дѣлались и дѣлаются на основаніи разнообразныхъ точекъ зрѣнія (причемъ, слѣдовательно, большинство изъ нихъ завѣдомо ложныя), на столько же нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что атомизмъ, будучи самъ по себѣ вполне истинной теоріей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ въ биологій и психологій, еще не успѣлъ стать пригоднымъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, или же при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можетъ и повсюду утратить на нѣкоторое время свою пригодность. Тогда, еслибы мы руководились послѣдней, какъ критеріемъ реальности, намъ пришлось бы забраковать какъ самый атомизмъ, такъ и всѣ вытекающіе изъ него выводы о конечной цѣли наукъ (превращеніе въ различныя главы универсально-атомной механики), о взаимной связи законовъ разныхъ родовъ явленій и т. д. Если же мы убѣдимся въ его достовѣрности помимо пригодности, то, хотя бы онъ и утратилъ ее, или еще не успѣлъ приобрести, мы, привавъ тамъ, гдѣ это нужно, на время другую гипотезу, какъ вспомогательную (регулятивную, а не конститутивную), все-таки должны будемъ стремиться къ атомистическому истолкованію природы, и рано или поздно достигнемъ его ¹⁾.

Да и вообще не безопасно ссылаться для оправданія реальности (а не одной полезности) теорій на одну лишь легкость и широту ея объясненій: 1) легкость можетъ оказаться согласіемъ съ ничѣмъ непротиврѣтными спекулятивными предположеніями; 2) широта можетъ зависѣть отъ того же, отъ чего зависѣла легкость и широта Декартовской теоріи вихрей,—отъ недостатка знанія законовъ, которые можно было бы проверить путемъ сопоставленія данныхъ опыта и которые замѣняются постулированными для цѣлей объясненія предположеніями о томъ, что скрыто отъ всякаго опыта; 3) разъ что обсуждаемая теорія стала наиболѣе распространенной, то она же будетъ наиболѣе привычной, а отъ этого мы будемъ склонны къ тому, чтобы подсовывать ея принципы безъ достаточныхъ основаній, такъ что легкость объясненій въ дѣйствительности окажется значительно преувеличен-

¹⁾ Подъ регулятивными гипотезами мы подразумеваемъ такія гипотезы, которыя имѣютъ значеніе только вспомогательнаго приема, а не описанія дѣйствительности.

ной. Поэтому намъ необходимо оцѣнивать не легкость и широту, а достовѣрность атомистическихъ объясненій. Эта оцѣнка должна бы касаться какъ химическаго, такъ и физическаго атомизма; но мы ограничимся здѣсь лишь химическимъ атомизмомъ, какъ наиболѣе распространеннымъ, и при помощи его анализа сдѣлаемъ, вѣрнѣе—наибѣнтнѣе, кое-какіе общіе выводы.

Химія не въ состояніи доказать существованіе атомовъ. Это, по-видимому, парадоксальное мнѣніе мы подтвердимъ сначала ссылкой на слова г. Менделѣева, а потомъ разборомъ тѣхъ фактовъ, которые служатъ главнѣйшимъ поводомъ къ признанію химіей атомизма. „Кромѣ опредѣленныхъ химическихъ соединеній, говоритъ г. Менделѣевъ, существуетъ вѣдь рядъ другихъ химическихъ явленій, а именно соединенія тѣхъ въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ. Они на столько же говорятъ противъ атомнаго ученія, на сколько рядъ опредѣленныхъ химическихъ соединеній говоритъ въ его пользу. Если къ опредѣленному химическому соединенію нельзя прибавить одной изъ составныхъ частей въ любомъ количествѣ, а можно прибавлять только скачками, извѣстнымъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ атомовъ, то въ другомъ рядѣ химическихъ явленій можно, напротивъ того, одно, по крайней мѣрѣ, изъ составныхъ веществъ прибавлять понемногу, разбавлять растворъ любымъ количествомъ растворителя. Но такъ какъ ниже изслѣдованіе опредѣленныхъ химическихъ соединеній занимаетъ главное мѣсто въ химіи, потому что они дѣйствительно составляютъ предѣльную форму образованія химическихъ соединеній, и такъ какъ въ этому разряду явленій атомическое ученіе приимается съ большою выгодой, относительно простоты пониманія, то его и возможно держаться въ химіи при разсматриваніи опредѣленныхъ соединеній. Но при этомъ должно употреблять атомное ученіе какъ средство, какъ гипотезу, которую можно оставить, лишь только мы достигли посредствомъ нея простаго разсмотрѣнія предмета“¹⁾.

Указываемое г. Менделѣевымъ противорѣчіе можетъ служить или для того, чтобы возбудить сомнѣнія, способна ли вообще химія доказать реальность (а не одну лишь полезность) атомистической теоріи, или же для того, чтобы обнаружить, насколько преувеличено мнѣніе касательно простоты и легкости атомистическихъ объясненій. Въ приведенной цитатѣ мнѣтся въ виду оправданіе атомизма ссылкой на законъ кратности, состоящій въ томъ, что если два тѣла (А и В) соеди-

¹⁾ Основы химіи. С.-Петербургъ, 1881. Т. I, стр. 252.

яются между собой въ различныхъ отношеніяхъ, то во всѣхъ этихъ соединеніяхъ на одно и то же количество одного тѣла (на количество а тѣла А) будутъ приходиться такія количества другаго тѣла (В), которыя находятся между собой въ кратныхъ отношеніяхъ ($b: 2b: 3b: 4b: \dots$), или, иначе, которыя получаются чрезъ умноженіе одного и того же количества (напримѣръ b) на цѣлыя числа (на 1, 2, 3, 4...)

Атомистическая теорія объясняетъ этотъ законъ, какъ логически необходимое слѣдствіе атомнаго строенія тѣлъ: коль скоро мы допустимъ недѣлимость атомовъ и равенство атомовъ одного и того же тѣла между собой, то 1) мы обязаны признать, что съ атомомъ даннаго тѣла (А) можетъ соединяться только цѣлое число атомовъ другаго тѣла (В); а потому, 2) если эти два тѣла соединяются въ различныхъ отношеніяхъ, то на каждый атомъ, а слѣдовательно на одно и то же късовое количество а перваго тѣла (А), будутъ приходиться такія въсовыя количества другаго (В), которыя получаются отъ умноженія къса одного атома этого тѣла, напримѣръ величины b , на какое-либо цѣлое число (то-есть, $1b, 2b, 3b$ и т. д.). Такимъ образомъ логически необходимо, чтобы всѣ различныя соединенія двухъ тѣлъ между собой подчинялись закону кратныхъ отношеній; между тѣмъ существуютъ уклоняющіяся отъ него (неопредѣленныя) соединенія; что же изъ этого слѣдуетъ? Одно изъ двухъ: или нѣтъ того самаго, логическимъ слѣдствіемъ чего является законъ кратныхъ отношеній, то-есть, нѣтъ недѣлимыхъ элементовъ тѣлъ; или же, напротивъ, атомы существуютъ, но нѣтъ дѣйствительныхъ неопредѣленныхъ соединеній, а то, что мы называемъ этимъ именемъ, составляетъ замаскированныя опредѣленныя соединенія. Если мы допустимъ послѣдній членъ дилеммы, то очевидно, что атомистическое объясненіе неопредѣленныхъ соединеній представляетъ очень сложную задачу: нужно такъ скомбинировать опредѣленныя соединенія, чтобы они не только взаимно маскировали свою опредѣленность (подчиненность закону кратныхъ отношеній), но чтобы получались какъ разъ тѣ самыя измѣненія свойствъ, объема, температуры, электрическихъ состояній, словомъ—какъ разъ тѣ явленія, которыя сопровождаютъ неопредѣленныя соединенія. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, эта задача остается еще нерѣшенной¹⁾; а отсюда видно, что атомизмъ не всегда даетъ легкія и простыя объясненія химическихъ явленій.

¹⁾ Мы не говоримъ что ея не пробуютъ рѣшить, но—она еще не рѣшена. А на сколько атомно будетъ ея рѣшеніе, читатель можетъ убѣдиться, просмотрѣвъ XVIII гл. „Отчерка развитія химическихъ вѣщаній“ г. Менделѣева, гдѣ приводятся теорія этихъ соединеній Вертеда, Менделѣева, Досеюса и Вантъ-Гоффа.

Упомянутая же возможность перваго члена дилеммы въ виду того, что атомизмъ и утвердился то въ химіи именно благодаря—открытію закона кратныхъ отношеній и что его оправданіе въ ней сводится прежде всего къ его пригодности для обширныхъ объясненій (а много ли помимо лабораторій, да и въ нихъ-то самихъ, опредѣленныхъ соединений, которыя на дѣлѣ, а не въ одной лишь абстракціи химика, происходили бы безъ сопровождающихъ или неизбежно предшествующихъ имъ неопредѣленныхъ?), хотя и не рѣшаетъ, но все-таки возбуждаетъ сильное сомнѣніе, въ состояніи ли вообще химія доказать существованіе атомовъ. А ближайшій разборъ доводовъ атомистической теоріи, основанныхъ на анализѣ химическихъ фактовъ, укажетъ намъ, что она должна искать оправданіе не въ химіи, а въ другихъ областяхъ знанія; обратное же мнѣніе и увѣренность, будто бы анализъ химическихъ фактовъ долженъ обнаруживать существованіе атомовъ, порождается тѣмъ, что въ свои расужденія (обыкновенно втихомолку) вносятъ безъ всякаго изслѣдованія такіа метафизическія предположенія, которыя *implicite* уже содержатъ атомизмъ, а потому и приводятъ къ нему. Только пренебреженіе къ философскому анализу нашихъ теорій и слѣпая вѣра въ свои предвѣтныя метафизическія воззрѣнія могли породить убѣжденіе въ реальности химическаго атомизма (про физическій еще не говоримъ). Что же касается до способности химіи оправдать его реальность, то въ этомъ, собственно говоря, нѣтъ ничего страннаго. Если онъ ложень, то никакая эмпирическая наука не въ состояніи доказать его кромѣ какъ кажущимся образомъ. Если же онъ справедливъ, то вѣдь законы химіи тогда будутъ суммированными физико-механическими законами, а потому вполне возможно (хотя трудно сказать—необходимо), что оправдываетъ атомизмъ не сама химія, а тѣ отрасли науки, изъ законовъ которыхъ должны быть суммированы собственные законы первой, или же законы которыхъ могли бы существовать даже и при отсутствіи химическихъ явленій (свѣтъ, теплота могли бы быть и при одномъ тѣлѣ, то-есть, при отсутствіи химическихъ явленій). Но какъ бы то ни было, приступимъ къ рассмотрѣнію химическаго атомизма: это необходимо уже по одному тому, что существуетъ мнѣніе, будто бы химія доказываетъ дѣйствительность атомовъ. Это мнѣніе, хотя и ошибочное, составляетъ фактъ, одно изъ явленій познающей дѣятельности; и философія, какъ наука о познаніи, обявана между прочимъ открыть причину и объясненіе существованія подобнаго явленія. Поэтому мы не ограничимся лишь указаніемъ недоказанности химическаго атомизма,

а постараемся вмѣстѣ найти еще причину (на первыхъ порахъ ближайшую) существованія вѣры въ его реальность.

Начнемъ со ссылки на неизмѣняемость химическихъ элементовъ: къ ней прибѣгаетъ Науманнъ, который химию опредѣляетъ какъ механику атомовъ, такъ что мы должны ожидать, что онъ дастъ строгое доказательство атомизма; а между тѣмъ въ этомъ доводѣ съ поразительной ясностью обнаруживается, что выводимыя положенія раньше *implicite* подсовываются въ кодъ доказательства и что безъ этого нельзя было бы сдѣлать атомистическаго вывода. „Доселѣ, говоритъ Науманнъ, опытъ постоянно показывалъ, что элементарныя составныя части соединенія всегда могутъ быть снова получены изъ него въ тѣхъ же самыхъ количествахъ и съ тѣми же свойствами, съ которыми онѣ вошли въ соединеніе. Изъ этой неизмѣняемости элементовъ ¹⁾ заключаютъ, что они продолжаютъ существовать въ соединеніи со всѣми ихъ свойствами. А однимъ изъ свойствъ каждаго элемента въ свободномъ состояніи служитъ самостоятельное наполненіе пространства; повтому съ продолженіемъ существованія элементовъ со всѣми ихъ свойствами наилучшимъ образомъ мирится то предположеніе, что отдѣльныя элементы и въ своихъ соединеніяхъ занимаютъ отдѣльныя пространства. Напримѣръ, въ киповари пространство, наполненное ртутью, не занято въ то же время и сѣрой, такъ что нѣтъ взаимнаго проникновенія; напротивъ, пространства, наполненныя ртутью, обособлены отъ пространствъ, наполненныхъ сѣрой, такъ что каждому изъ элементовъ принадлежитъ особое наполненіе пространства. Если здѣсь и нельзя еще усмотрѣть такого основанія, которое вынуждало бы къ предположенію обособленнаго наполненія пространства элементарными составными частями сложныхъ тѣлъ, то во всякомъ случаѣ это предположеніе становится неопровержимымъ на основаніи другихъ фактовъ²⁾. Науманнъ имѣетъ въ виду изомерныя соединенія (такія соединенія, которыя, состоя изъ тѣхъ же количествъ тѣхъ же самыхъ тѣлъ, обладаютъ различными свойствами). „Еслибы, продолжаетъ онъ, существовало непрерывное наполненіе пространства, то нельзя было бы понять, какимъ образомъ тѣ же самыя элементы, проникая другъ друга въ тѣхъ же самыхъ количествахъ, могли бы производить различныя тѣла. Предположеніе же обособленнаго наполненія пространства даетъ простое представленіе о фактѣ изомерныхъ соединеній, такъ какъ оно объясняетъ различіе

¹⁾ Куревъ въ подлинникѣ.

сложныхъ тѣлъ, возникшихъ изъ тѣхъ же количествъ тѣхъ же элементовъ, различныхъ пространственныхъ расположеніемъ, различной группировкой этихъ элементовъ.... Если же мы приписываемъ составнымъ частямъ химическихъ соединений обособленное наполненіе пространства, то этимъ самымъ необходимо вынуждаемся придти къ предположенію атомовъ. Рассмотримъ какое-нибудь сложное тѣло; возьмемъ въ видѣ приѣбра снова киноваръ. Киноварь состоитъ изъ сѣры и ртути. Растирая, ее можно довести до весьма малыхъ частицъ. Каждая изъ нихъ еще состоитъ изъ сѣры и ртути, и послѣдніа, какъ мы уже видѣли, должны быть разсматриваемы какъ пространственно обособленныя. Представимъ же себѣ, что это механическое дѣленіе продолжается все далѣе и далѣе; тогда въ концѣ концовъ долженъ наступить такой предѣлъ дѣленія, при переходѣ за который продукты дѣленія уже не будутъ, какъ прежде, киноварью, а чѣмъ-то другимъ, именно сѣрой и ртутью. Тогда можно было бы провести разрѣзъ между составными частями частицы киновари—сѣрой и ртутью. Такимъ образомъ посредствомъ мысленно продолжаемаго дѣленія мы достигли до такого количества, которое не допускаетъ дальнѣйшаго дѣленія безъ того, чтобы продукты дѣленія не сдѣлались разнородными съ тѣмъ тѣломъ, которое подвергается дѣленію—съ киноварью. Это количество мы называемъ атомомъ киновари¹⁾.

Словомъ, мы получаемъ слѣдующій выводъ: хотя во время процесса соединенія каждый изъ элементовъ (сѣра и ртуть) распался на мелкія частицы, между которыми развѣстались частицы другого элемента, во эти мелкія частицы уже не подверглись дальнѣйшему раздробленію, и каждая изъ нихъ занимаетъ особое пространство; вотъ эти-то взаимно непроницаемыя частицы простаго тѣла, которыя остаются нераздѣленными во время соединенія, называются атомами этого тѣла. Конечно, эти атомы еще не обладаютъ недѣлимостью въ строгомъ смыслѣ этого слова: безъ помощи другихъ соображеній нельзя поручиться ни за то, что частица сѣры, оставшаяся во время образованія киновари нераздѣленною, вообще недѣлима, ни за то, что при двукратномъ образованіи соединенія изъ тѣхъ же самыхъ количествъ сѣры и ртути (если мы ихъ сперва соединимъ, потомъ разложимъ, и снова соединимъ тѣ же количества) распаденіе каждаго элемента совершается по прежнему, то-есть сѣра, напримѣръ, распа-

¹⁾ *Наиманн. Grundriss der Thermochemie. Braunschweig. 1869, стр. 4 и слѣд.*

дается на прежнія же частицы, а не на новыя, которыми только равны прежнимъ. Но Науманнъ нисколько не претендуетъ на выводъ абсолютно недѣлимыхъ атомовъ, и подъ этимъ словомъ, очевидно, подразумѣваетъ наименьшія вѣсовыя, а не пространственныя количества (въ случаѣ же нужды онъ можетъ даже сказать среднія вѣсовыя количества, допуская при этомъ, что тѣло распадается на неравныя части, но ихъ средній вѣсъ при всякомъ соединеніи остается всегда одинаковымъ), въ которыхъ данное тѣло можетъ соединяться съ другимъ; указывая отличія древняго атомизма отъ новаго, онъ прямо говоритъ, что Демокритовскіе атомы суть недѣлимыя частицы, атомы же современной химіи—всего только нераздѣленныя¹⁾.

Посмотримъ же теперь, насколько ему удалось доказать существованіе въ каждомъ соединеніи этихъ оставшихся нераздѣленными и занимающихъ отдѣльныя пространства частицъ. Не трудно видѣть, что весь его выводъ основанъ на предположеніи неизмѣняемости элементовъ: если мы допустимъ, что, вступая въ соединеніе, они измѣняютъ свой характеръ, а не продолжаютъ существовать со всѣми прежними свойствами, то мы не въ правѣ предполагать 1) ни того, что въ числѣ послѣднихъ сохраняется обособленное наполненіе пространства, какъ это утверждаетъ Науманнъ въ началѣ приведенной цитаты, 2) ни того, что изомеріи не можетъ быть объяснима иначе, какъ неодинаковостью размѣщенія атомовъ въ соединеніяхъ одинаковаго состава (ибо невозможность другаго объясненія зависитъ отъ предположенія неизмѣняемости элементовъ). Итакъ, все дѣло въ неизмѣняемости элементовъ. А доказалъ ли ее Науманнъ? Нисколько. Онъ ссылается на то, „что элементарныя составныя части соединенія всегда могутъ быть снова получены изъ него въ тѣхъ же самыхъ количествахъ, съ тѣми же свойствами, съ которыми они вошли въ соединеніе“. Но вѣдь это пока означаетъ только возстановляемость элементовъ, и мы вправѣ,— а если хотимъ держаться показаній опыта и мыслить въ нашихъ понятіяхъ ровно столько, сколько дано въ немъ, безъ всякихъ теоретическихъ примѣсей, то на первыхъ порахъ обизаны—истолковать этотъ фактъ слѣдующимъ образомъ: два тѣла—водородъ и кислородъ (рѣди наглядности замѣнимъ стереотипный примѣръ Науманна другимъ столь же стереотипнымъ), провѣвая другъ въ друга (такъ что ихъ занятія ими пространства совпадаютъ вмѣстѣ), при нѣкото-

¹⁾ L. a. стр. 11.

рыхъ условіяхъ измѣняются радикальнѣйшимъ образомъ, изъ газообразныхъ при обыкновенной температурѣ становятся жидкими, и притомъ одновременно такъ измѣняются, что въ концѣ концовъ оба приобрѣтаютъ одни и тѣ же качества, оба становятся водою, но эти измѣненія подчинены закону возстановляемости, вслѣдствіе чего вновь полученное тѣло (вода) при извѣрныхъ условіяхъ можетъ подвергнуться такому измѣненію, что оно превратится въ два такихъ тѣла, которыя и качественно и количественно будутъ одинаковы съ прежними, вошедшими въ соединеніе. Словомъ, мы будемъ строго держаться понятія возстановляемости; Науманъ же, не приводя никакихъ основаній, ввелъ сразу понятіе неизмѣнимости, а этимъ самымъ онъ уже заранѣе *implicite* подсунулъ въ свои доказательства и все то, что связано съ этимъ понятіемъ, то-есть, реальность понятія матеріи и атомизма.

Конечно, намъ могутъ возразить, что указываемый Науманомъ фактъ тоже требуетъ своего объясненія и что оно дается ссылкой на неизмѣнимость элементовъ. Но вѣдь и мы объясняемъ этотъ фактъ. Объяснить явленіе значитъ указать условія его существованія. Для этого уже достаточно истолковать явленіе какъ показателя дѣйствія законовъ природы; и мы истолковываемъ всякій случай разложенія тѣлъ (и болѣе и менѣе сложныхъ) какъ показателя дѣйствія закона возстановляемости. Правда, повидимому, при этомъ мы самую то возстановляемость безъ всякаго объясненія должны брать какъ первичный законъ, распространяющійся на всякія тѣла — и болѣе простыя и болѣе сложныя (какъ онъ и распространяется въ дѣйствительности); Науманъ же указываетъ его причину, то-есть объясняетъ его и, съ перваго взгляда, въ высшей степени просто — элементы неизмѣнимы, оттого они и возстановляются. Но, во первыхъ, какіе нибудь принципы окажутся въ концѣ концовъ, необъясненными; такъ и у Наумана можно спросить — почему же это элементы неизмѣнимы? Слѣдовательно, этого незначимъ слишкомъ пугаться. Во вторыхъ, отрицатели атомизма въ данномъ случаѣ находятъ не въ волюнѣ безпомощности положеніи: они могутъ разсматривать этотъ законъ, какъ условіе существованія другаго несомнѣнно дѣйствующаго закона, то-есть, поставить ихъ въ связь другъ съ другомъ, что именно и требуется для объясненія закона. Каково бы ни было понятіе субстанціи (априорное или эмпирическое), не подлежитъ сомнѣнію, что надъ нашимъ сознаніемъ (а потому и надъ составомъ всего того, что мы сознаемъ — надъ составомъ всего опыта) царствуетъ такой законъ, благодаря

которому все безъ исключенія является намъ въ подчиненіи формамъ субстанціи и accidens, такъ что понятіе субстанціи должно быть обязательно реализовано въ опытѣ. А могло ли бы оно быть реализовано, если бы не было закона возстановляемости, еслибы тѣла, вступающія въ соединенія, навсегда исчезали, замѣняясь новыми, а эти еще новыми и т. д.? Другими словами, коль скоро нашимъ сознаниемъ, а съ нимъ и всѣмъ опытомъ, управляетъ законъ субстанціальности, то долженъ существовать и законъ возстановляемости. Въ третьихъ, наконецъ, рассмотримъ получше, на сколько просто Науманновское объясненіе возстановляемости: можетъ быть, рассматриваемое, какъ объясненіе, то-есть какъ то, что должно сдѣлать наше знаніе о фактахъ болѣе яснымъ, оно окажется и очень сложнымъ до тѣхъ поръ, пока мы не докажемъ атомизма какънибудь иначе—помнимо ссылки на фактъ возстановляемости элементовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это объясненіе все-таки вынуждено допустить, что простыя тѣла, вступающія въ соединеніе, подвергаются измѣненію, а выходя изъ него, возстановляются, то-есть, приходится признать ту самую мысль, которая допускается отрицателями атомизма, съ той лишь разницей, что для спасенія понятія неизмѣняемости надо признать отличіе понятія элемента отъ понятія простаго тѣла (въ чемъ нѣтъ ровно никакой нужды для отрицателей атомизма) и подразумѣвать подъ первыми не сами простыя тѣла, а только ихъ неизмѣняемую внутреннюю сущность—матерію, изъ которой они составлены. Дѣйствительно, вода — тѣло жидкое и рѣзко отличается какъ отъ кислорода, такъ и водорода, а равно и отъ ихъ смѣси; можно ли послѣ этого говорить, будто бы оба эти газа сохранятся въ ней качественно и количественно неизмѣненными? Очевидно, это будетъ нелѣпо. А если такъ, то въ какомъ же смыслѣ надо говорить про неизмѣняемость простыхъ тѣлъ? Отвѣтимъ на это словами г. Менделѣева. „Если мы утверждаемъ, что такое-то простое тѣло входитъ въ составъ даннаго сложнаго тѣла, если мы говоримъ, наприимѣръ, что въ красной ртутной окиси заключается кислородъ, то мы этимъ не хотимъ сказать, что кислородъ, какъ газообразное вещество, заключается въ нашемъ сложномъ тѣлѣ, но мы только желаемъ выразить тѣ превращенія, къ которымъ способна красная ртутная окись, то-есть, хотимъ сказать, что изъ красной ртутной окиси можно получить кислородъ и что она можетъ отдавать его различнымъ другимъ тѣламъ, словомъ — хотимъ выразить только тѣ превращенія, къ какимъ способна окись ртути. Выражаясь кратко,

мы можемъ сказать, что составъ сложнаго тѣла есть выраженіе тѣхъ превращеній, къ которымъ оно способно. Въ этомъ отношеніи полезно сдѣлать различіе между понятіемъ о простомъ тѣлѣ, какъ объ отдѣльномъ однородномъ веществѣ, и о немъ же, какъ о вещественной, но незамѣтной части сложнаго тѣла. Въ красной ртутной окиси содержатся не два простыхъ тѣла, какъ металлъ и газъ, а два элемента: ртуть и кислородъ, дающіе металлъ и газъ. Разлагая наше сложное тѣло, мы получимъ два простыхъ тѣла: ртуть и кислородъ. Оттого и говорятъ, что красная ртутная окись изъ нихъ состоитъ. Но не ртуть, какъ металлъ, и не кислородъ въ своемъ газообразномъ видѣ содержатся въ красной ртутной окиси: въ ней содержится только вещество этихъ простыхъ тѣлъ ¹⁾, какъ въ водяномъ парѣ содержится только вещество льда, но не самый ледъ, или какъ въ хлѣбѣ содержится вещество зерна, но не самое зерно ²⁾. Отличіе элемента отъ простаго тѣла поясняется также на примѣрѣ различія углерода и угля. Уголь извѣстенъ каждому, хотя получить его въ совершенно химически чистомъ состояніи чрезвычайно трудно. Если мы предположимъ, что достигли этого, то уголь будетъ тѣло простое, не разлагаемое словомъ, уголь есть тѣло, обладающее совокупностью физическихъ и химическихъ признаковъ. Это тѣло прямо соединяется съ кислородомъ, когда горитъ; въ органическихъ же веществахъ находится въ соединеніи съ водородомъ, кислородомъ, азотомъ и сѣрой. Но въ нихъ, во всѣхъ этихъ соединеніяхъ, нѣтъ уже самого по себѣ угля, какъ въ паряхъ воды нѣтъ кристалловъ льда. То что, въ нихъ содержится, и называютъ углеродомъ. Углеродъ, значить, есть элементъ, общій углю, веществамъ, которыя изъ него могутъ быть получаемы, и тѣмъ веществамъ, изъ которыхъ его можно получить. Это есть, если угодно, понятіе, а не тѣло, есть вещество, могущее принять форму угля, но могущее являться и въ другихъ видахъ; такъ углеродъ является въ формѣ алмаза и графита ³⁾.

Итакъ волей, неволей приходится допускать, что сами простые тѣла, вступая въ соединенія и выходя изъ нихъ, подвергаются измѣненію и восстановленію; неизмѣнными же остаются не они сами, а ихъ элементы, ихъ вещество, какъ бы та внутренняя сущность, словомъ матерія

¹⁾ То-есть то, изъ чего состоятъ они сами, какъ бы ихъ сущность.

²⁾ Основы химіи. Т. I. С.-Пб. 1881, стр. 55.

³⁾ I. с. I стр. 359.

изъ которой они возникаютъ. А что такое элементъ, напримѣръ—углеродъ? „Это есть, если угодно, понятіе, а не тѣло“. И дѣйствительно, сами элементы не даны въ опытѣ, сфера котораго ограничивается сложными и простыми тѣлами: и тѣ и другія подвергаются разнообразнымъ и рѣзкимъ превращеніямъ, элементъ же предполагается всюду однимъ и тѣмъ же. Не очевидно ли, что это есть еще только понятіе, которое притомъ привносится Науманномъ къ даннымъ опыта, а не отвлекается непосредственно отъ нихъ: въ самомъ опытѣ мы не находимъ ничего неизмѣнимаго, кромѣ законовъ его перемѣнъ; слѣдовательно, предположеніе о неизмѣнномъ ядрѣ всѣхъ химическихъ превращеній заимствуется не изъ самого опыта, а привнесено къ нему. Вѣдь нельзя же ссылаться на то, что уголь, алмазъ и графитъ химически однородны, и заключать отсюда, что они состоятъ изъ одного и того же вещества (матеріала) — углерода. Ихъ однородность сводится къ значительному сходству ихъ химическихъ ролей; но при всемъ томъ они не тождественны, а только сходны, и остаются тремя различными тѣлами. А если такъ, то углеродъ, изъ котораго, будто бы, они состоятъ, оказывается пока-мѣстъ, самое большее, общимъ (родовымъ) понятіемъ, подобнымъ понятію человека—вообще (вѣдь всѣ люди однородны). Но тогда еще требуется рѣшить вопросъ, можно ли приписывать эмпирическую реальность понятію углерода: вѣдь нельзя же сказать, что въ опытѣ существуютъ не Иванъ, Петръ, а человекъ—вообще. Реалисты среднихъ вѣковъ, утверждавшіе, что общія понятія (*universalia*) обладаютъ реальностію, не задумались бы признать ее и за углеродомъ; намъ же приходится привести какія-либо особыя вѣскія основанія. Еслибы мы исповѣдывали элейскіе принципы, по которымъ истинное бытіе должно отличаться неизмѣнностію, то не было бы никакого затрудненія признать существованіе неизмѣнности элементовъ вопреки засвидѣтельствованной въ опытѣ измѣнчивости и превращаемости всѣхъ тѣлъ (какъ простыхъ, такъ и сложныхъ); но элейскія воззрѣнія имѣютъ чисто метафизическій характеръ, котораго чуждается современная химія, а мы ищемъ химическіе доводы въ пользу атомизма; слѣдовательно, существованіе элементовъ, если подъ этимъ словомъ подразумѣвать не сами простые тѣла, а что-то другое, остается пока еще недоказаннымъ. Конечно, если мы ихъ допустимъ, то неизбежно должны придти къ атомизму, ибо, допуская элементы, мы этимъ самымъ отличаемъ тѣла отъ того, изъ чего они состоятъ (отъ ихъ матеріи), то-есть, допускаемъ реальность понятія матеріи; а реальность

часть ослх, отд. 2.

послѣдней возможна не иначе, какъ подѣ условіемъ существованія атомовъ ¹⁾. А пока мы не имѣемъ основаній допускать элементы (неизмѣняемыя ядра простыхъ тѣлъ), атомизмъ остается еще недоказаннымъ, и выводить его изъ неизмѣняемости элементовъ значитъ раньше *implicite* подсовывать его въ свой выводъ.

Вотъ теперь уже спросимъ себя, какое же объясненіе остается до сихъ поръ болѣе простымъ— то ли, которое разсматриваетъ восстановляемость простыхъ тѣлъ, какъ первичный законъ, или же то, которое объясняетъ ее неизмѣняемостью ихъ элементовъ? Если элементъ (напримѣръ, углеродъ) неизмѣняемъ, то какимъ же образомъ вопреки этой неизмѣняемости онъ можетъ принимать различныя виды (угля, алмаза, графита)? Допустимъ, что мы это объяснили различіемъ группировки частицъ этого элемента. Но что такое элементъ? Если элементъ есть только общее (родовое и относительно вещей—угля, алмаза, графита, и относительно состояній—до соединенія простаго тѣла, въ соединеніи и послѣ разложенія) понятіе, то онъ врядъ ли способенъ служить условіемъ существованія какого нибудь факта внѣшней природы, или точнѣе — онъ (напримѣръ, углеродъ) способенъ къ этой роли (обусловить существованіе алмаза, графита и угля) ровно въ такой же мѣрѣ, въ какой способенъ обусловить существованіе отдѣльныхъ людей и нѣмецъ у насъ общее понятіе человѣка. Если же элементъ существуетъ реально, то что же онъ такое, какими признаками обладаетъ онъ? „Уголь есть тѣло, обладающее совокупностью физическихъ и химическихъ признаковъ“. А коль скоро физическіе и химическіе признаки характеризуютъ одни лишь тѣла, то какіе же признаки остаются на долю элемента? Не метафизическіе же и не металхимическіе. А безъ признаковъ онъ ничто. Не ясно ли отсюда, что объясненіе восстановляемости простыхъ тѣлъ неизмѣняемостью элементовъ не столь просто, какъ это кажется сначала: надо еще сперва уловить разницу между простымъ тѣломъ и элементомъ, найти признаки, которые такъ устанавливали бы эту разницу, чтобы элементы не переставали быть реальными и не превращались въ одни лишь понятія. Это затрудненіе устраняется тѣмъ, что подѣ элементами простыхъ тѣлъ подразумѣваютъ ихъ атомы (а не составленныя изъ нихъ молекулы простаго тѣла); но тогда необходимо, чтобы атомизмъ былъ доказанъ независимо отъ ссылки на неизмѣняемость элементовъ — иначе получится заколдованный кругъ.

¹⁾ См. выше стр. 25.

Такимъ образомъ возстановляемость простыхъ тѣлъ только не протворѣнчить атомизму, но еще не доказываетъ его; и для доказательства послѣдняго нужны другія основанія, которыя приводили бы насъ или непосредственно къ нему, или же, по крайней мѣрѣ, вынуждали бы объяснять возстановляемость простыхъ тѣлъ неизмѣнностью ихъ элементовъ. Разсмотримъ повтому другіе доводы химическаго атомизма. Сейчасъ мы упоминали объ изомеріи, на которую Науманъ ссылается только, какъ на вспомогательный аргументъ; нѣкоторые же атомисты придаютъ ей рѣшающее значеніе. Такъ Фехнеръ высказывается объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: „я думаю, что еслибы атомизмъ и динамическое воззрѣніе (подъ этимъ терминомъ онъ подразумѣваетъ теорію сплошности тѣлъ) во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ противостояли другъ противъ друга съ одинаково сильными доводами, то для рѣшенія вопроса въ пользу атомизма достаточно было бы одного лишь факта изомеріи съ ея подраздѣленіями“¹⁾... Насколько преувеличено это мнѣніе, можно видѣть уже изъ того обстоятельства, что столь ревностный послѣдователь атомизма, какъ Науманъ, придаетъ изомеріи только вспомогательное значеніе. И въ самомъ дѣлѣ, если простые тѣла, вступая въ соединеніе, пребываютъ въ немъ неизмѣнными, то при ихъ сплошности нѣтъ никакихъ причинъ для изомеріи: простые тѣла проникаютъ другъ друга (это необходимо допустить, если они предположены сплошными), то-есть, въ случаѣ одинаковости состава нѣсколькихъ соединеній одинаково въ нихъ расположены, и коль скоро они не подверглись во время соединенія никакой перемѣнѣ, то всѣ сложныя тѣла одинаковаго состава будутъ во всѣхъ отношеніяхъ тождественными другъ съ другомъ—и качественно (вслѣдствіе неизмѣнности составляющихъ элементовъ), и количественно (вслѣдствіе одинаковости состава), и пространственно (вслѣдствіе полного проникновенія простыхъ тѣлъ они во всѣхъ соединеніяхъ оказываются одинаково распредѣленными, если взяты повсюду въ однихъ и тѣхъ же отношеніяхъ); слѣдовательно при такихъ условіяхъ для объясненія изомеріи приходится прибѣгнуть къ предположенію дискретности тѣлъ и неодинаковаго распредѣленія ихъ частицъ (атомовъ) въ соединеніяхъ. Но не то будетъ, если мы допустимъ измѣняемость тѣлъ во время соединенія (а это, предполагая тѣла сплошными, необходимо сдѣлать хотя бы, напримѣръ, для отличія смѣшенія газовъ отъ ихъ

1) Atomenlehre. Leipzig. 1864, стр. 57.

соединенія): тогда характеръ измѣненія можетъ зависѣть не только отъ количествъ, въ которыхъ тѣла соединены, но также и отъ условій, при которыхъ или даже послѣ которыхъ происходило соединеніе, напримѣръ—отъ хода или порядка тѣхъ реакцій, при которыхъ произошло выдѣленіе одного или нѣсколькихъ тѣлъ, вошедшихъ въ составъ изомернаго соединенія, или даже отъ присутствія тѣхъ или другихъ тѣлъ (контактно дѣйствующихъ на соединяющіяся) и т. п. Эти условія могутъ оставаться доселѣ неизвѣстными, или же не вполне извѣстными; но что мы можемъ и, болѣе того, должны допустить ихъ существованіе, видно изъ того, что они не могутъ быть отрицаемы даже и атомистами; ибо они не только засвидѣтельствованы въ опытѣ (различіемъ способовъ добыванія изомерныхъ тѣлъ), но должны быть всегда предполагаемы для возможности самого атомистическаго объясненія изомеріи. Атомизмъ объясняетъ ее различіемъ группировки атомовъ; но выстѣ съ тѣмъ онъ долженъ каждый разъ допускать существованіе особыхъ причинъ, благодаря которымъ въ каждомъ данномъ случаѣ изъ всѣхъ возможныхъ способовъ группировки послѣдовалъ именно тотъ, а не другой. Возможность различныхъ группировокъ, разумѣется, зависить отъ природы соединяющихся атомовъ; а потому причины, опредѣляющія наступленіе опредѣленнаго способа группировки, устанавливающія выборъ изъ всѣхъ возможныхъ сочетаній атомовъ между собой, должны состоять въ условіяхъ, при которыхъ происходитъ данное соединеніе. А если такъ и атомизмъ не только не въ состояніи обойтись безъ этихъ условій, но еще вынужденъ приписывать имъ рѣшающее значеніе въ наступленіи того, а не иного случая изомеріи, то является полная возможность изъ объясненія изомеріи устранить совсѣмъ различіе атомныхъ группировокъ: вѣдь доселѣ предположеніе разнообразія атомныхъ сочетаній нужно было только оттого, что намъ была признана неизмѣнимость простыхъ тѣлъ, вѣрнѣе—ихъ элементовъ; а коль скоро мы допустили, что простые тѣла, вступая въ соединеніе, подвергаются перемѣнѣ своихъ свойствъ, а не сохраняются въ немъ неизмѣнными, и—въ то же время наблюдаемъ, что характеръ этихъ перемѣнъ зависить отъ условій возникновенія сложнаго тѣла, то разнообразіе атомныхъ группировокъ оказывается не только излишнимъ, но прямо-таки противорѣчить нашимъ принципамъ.

Конечно, противникъ атомизма обязанъ дать отчетъ, почему изъ двухъ одинаково возможныхъ объясненій онъ предпочитаетъ не-атомистическое. Но онъ можетъ отвѣтить очень просто и, въ этомъ

случаѣ по крайней мѣрѣ, въ высшей степени основательно. Его (не-атомистическое) объясненіе ограничивается установленіемъ законо-мѣрной связи между данными опыта, то-есть, исполненіемъ того, что требуется отъ всякаго объясненія (какъ указанія реально существующихъ условій наступленія явленія); атомистическое же объясненіе, не будучи въ состояніи обойтись безъ помощи этой связи, въ то же время присоединяетъ такіе факторы, которые не даны въ прямомъ опытѣ и недоступны прямой провѣркѣ; а потому (не говоря уже о томъ, что мы должны еще разсвѣять сомнѣнія, не выходимъ ли мы за предѣлы всякаго возможнаго опыта, то-есть, не вносимъ ли въ свои возвращенія трансцендентныхъ понятій) оно еще должно предварительно доказать необходимость подобнаго выхода за предѣлы прямого опыта. Далѣе, безспорно, что зависимость свойствъ полученнаго соединенія отъ условій его происхожденія остается для насъ аналитически непонятной: мы не можемъ аналитически вывести одно изъ другаго и должны ограничиться лишь установленіемъ законовъ этой зависимости и ихъ обобщеніемъ. Но вѣдь такова участь всего нашего знанія, и оно въ концѣ концовъ ограничивается лишь констатированіемъ причинной зависимости и обобщеніемъ ея видовъ, а не въ состояніи сдѣлать аналитическаго вывода дѣйствія изъ его причины. Наилучшимъ примѣромъ можетъ служить сама теорія атомизма: какія бы силы ни приписывали мы атомамъ (притягательныя и отталкивательныя), намъ совершенно непонятно, какъ и почему именно на извѣстномъ разстояніи атомы начинаютъ взаимно сближаться съ опредѣленными ускореніями, а на другомъ разстояніи — взаимно удаляться. Если мы даже отринемъ динамическія силы и оставимъ въ нихъ чистое вещество, то все-таки непонятно, какъ и почему именно, дойдя до взаимнаго соприкосновенія, они испытываютъ такіа, а не другія измѣненія въ скоростяхъ.

Для разъясненія, а отчасти и для подтвержденія всего сказаннаго, укажемъ на борьбу двухъ изъ современныхъ теорій изомеріи: теоріи строенія и теоріи замѣщенія. Подробности той и другой мы оставимъ въ сторонѣ, а упомянемъ о каждой изъ нихъ лишь въ общихъ чертахъ ¹⁾. Теорія строенія, развивая принципы атомизма, приходитъ къ

¹⁾ Подробности см. *Меншуткина*. Очеркъ развитія химическихъ возвращеній. С.-Петербургъ. 1888, стр. 229—319 (я въ *Журналѣ Русскаго Физико-Химическаго общ.* т. XVII). — *Меншуткина*. Изомерія углекислородовъ по теоріи замѣщенія, стр. 1—30. *Ею же*. Данные для сравненія теоріи замѣщенія и теоріи химическаго строенія, стр. 303 и сл. *Вулгарова*. Химическое строеніе и теорія

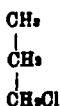
слѣдующимъ выводомъ: „Логически необходимо (курсивъ въ подлин.) допустить, что, при одинаковой натурѣ атомовъ и одинаковомъ ихъ количествѣ, химическое отношеніе, существующее между ними въ частицѣ, бываетъ не всегда одинаковымъ. Възъ этого допущенія нѣтъ возможности говорить объ объясненіи изомеріи^а, и „единственно только нѣкоторымъ различіемъ этого отношенія (различіемъ способа „связи“) и можно объяснять явленія изомеріи“. Къ этому присоединяются другіе, по мнѣнію представителей теоріи, столь же логически необходимые выводы. „Можно съ полнымъ правомъ говорить о взаимномъ химическомъ отношеніи атомовъ въ частицѣ, какъ о реальномъ“. „Упомянутое опредѣленное различіе есть нѣчто постоянное, пребывающее въ частицѣ, то-есть оно присутствуетъ въ ней въ ея настоящемъ, составляя ея неотъемлемую характеристическую принадлежность. Эта именно принадлежность, то-есть опредѣленный родъ „связи“ атомовъ, и составляетъ то, что называютъ конститудіей, строеніемъ, и о чемъ неизбѣжно приходится разсуждать, изучая изомеры“¹⁾. Сообразно съ этимъ теорія строенія посредствомъ своихъ формулъ и стремится выразить не только составъ (съ количественной и качественной стороны) сложныхъ тѣлъ, но также, конечно—лишь до извѣстной степени, и ихъ строеніе, то-есть различіе взаимоотношеній или способовъ связи атомовъ въ частицѣ²⁾. При

внѣшенія, тамъ же въ приложеніи. *Вюрмъ*. Атомическая теорія. Русск. пер. Кіевъ. 1883, стр. 141—224.

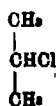
¹⁾ *Вулверозъ* I. с. стр. 8 и 11.

²⁾ Такъ, напримеръ, два изомерныхъ соединенія: хлористый пропиль и хлористый изопропиль, изображаются слѣдующими формулами.

Хлористый пропиль.

Хлористый изопропиль.

Это значитъ: 1) нѣкоторое число водородныхъ атомовъ (H₃, H₂, H₂ въ хлор. пропиль и H₃, H, H₂ въ хлор. изопропиль) удерживается, каждое порознь, отдѣльными атомами углерода, одинъ изъ которыхъ (средній въ формулѣ) въ свою очередь удерживаетъ два остальныхъ; 2) атомъ хлора въ обѣихъ тѣлахъ находится при равныхъ атомныхъ группахъ, какъ это видно изъ сравненія обѣихъ формулъ; 3) въ каждой изъ этихъ изомеровъ находятся по два атома углерода (крайніе въ формулахъ), которые не связаны другъ съ другомъ, или же связаны какъ нибудь иначе, чѣмъ съ среднимъ; 4) нѣчто подобное надо имѣть въ виду и относительно водородныхъ группъ и т. д.

этомъ нѣкоторые, напримѣръ покойный Вутлеровъ, требуютъ, чтобы съ этими структурными формулами не связывалось никакое представление о пространственномъ распредѣленіи атомовъ въ частицѣ и чтобы подъ словами „соединеніе“ или „связь“ не подразумевалось ни дѣйствительное прикрѣпленіе атомовъ другъ къ другу, ни ихъ относительная неподвижность ¹⁾. Другіе же поступаютъ гораздо смѣлѣй и рассматриваютъ структурныя формулы, какъ представляющія расположеніе атомовъ въ пространствѣ, причѣмъ ставятъ въ связь предполагаемое строеніе соединеній съ ихъ различными, напримѣръ — оптическими, свойствами и т. п. ²⁾. Не смотря однако на всю заманчивость этой теоріи и на то, что она, служа руководящей нитью, уже оказала огромныя услуги при химическихъ изслѣдованіяхъ, есть химики, которые не признаютъ ея, хотя даже не отрицаютъ атомизма. Оставимъ въ сторонѣ, насколько въ правѣ они, признавая послѣдній, отказываться отъ первой: намъ лично кажется вполне возможнымъ даже навѣрное считать изомерию (да и всѣ свойства тѣлъ) продуктомъ атомныхъ взаимоотношеній и въ то же время находить слишкомъ преждевременными, несоотвѣтствующими съ современнымъ уровнемъ (съ точки зрѣнія его деталей) нашего знанія, попытки строить какія бы то ни было гипотезы объ этихъ взаимоотношеніяхъ. Гораздо интереснѣе вопросъ, какимъ образомъ можно обойтись безъ гипотезъ объ атомныхъ взаимоотношеніяхъ? Вѣдь если теорія строенія на основаніи своихъ, пускай очень шаткихъ, догадокъ о свойствахъ атомовъ опредѣляетъ число возможныхъ различныхъ комбинацій однихъ и тѣхъ же атомовъ въ частицѣ и предсказываетъ такимъ образомъ для каждаго состава соединенія хотя бы только число возможныхъ случаевъ его изомерій, то враждующая съ ней теорія замѣщенія должна замѣнить эти соображенія какими-либо иными, но, разумѣется, такими, чтобы они приводили къ подобнымъ же результатамъ — къ опредѣленію возможнаго числа случаевъ изомерій для каждаго состава тѣлъ.

По мнѣнію ея противниковъ, теорія строенія страдаетъ тѣми недостатками, что она вынуждена прибѣгать къ множеству вспомогательныхъ гипотезъ, которыя не могутъ быть проверены опытомъ какъ потому, что онѣ касаются непосредственно свойствъ атомовъ,

¹⁾ Вутлеровъ l. с. 6. *Миниуткине*. Очеркъ развитія и т. д. 276.

²⁾ *Миниуткине*. Очеркъ развитія, стр. 284. Вюрцъ. Атомическая теорія. Русск. пер. Кіевъ 1883, стр. 218 и слѣд.

такъ и потому, что ея „наиболѣе важныя положенія (напримѣръ объ атомности, объ единицахъ сродства, о связи элементовъ и др.) различными послѣдователями теоріи строенія понимаются различно. Теорія строенія представляетъ, едва ли не единственную, научную теорію, гдѣ личнымъ мнѣніемъ отводится широкое мѣсто“¹⁾). Далѣе они находятъ, что „входитъ въ ближайшее исслѣдованіе того, какъ построены частицы химическихъ соединений изъ атомовъ нѣтъ возможности, впрочемъ не предстоить и надобности“²⁾). Устраняя такимъ образомъ объясненія, основанныя на гипотезахъ о свойствахъ и силахъ атомовъ, теорія замѣщенія стремится совершенно не касаться свойствъ атомовъ и пользоваться лишь „нѣсколькими простыми положеніями, доступными опытной провѣркѣ“³⁾): это—законы, существованіе которыхъ можетъ быть провѣрено независимо отъ того, признаемъ ли мы атомы или нѣтъ (периодичности, частицы, предѣловъ, замѣщенія и т. д.). Поэтому исходнымъ пунктомъ своихъ объясненій теорія замѣщенія дѣлаетъ превращенія тѣлъ, такъ какъ мы можемъ знать тѣла только въ ихъ прошедшемъ и будущемъ и послѣднее объяснять первымъ (то-есть, ставить въ закономѣрную зависимость отъ него): „оставаясь на почвѣ опыта, химикъ долженъ исходить изъ состава, свойствъ и превращеній, представляемыхъ частицами химическихъ соединений, для сужденія о природѣ послѣднихъ“⁴⁾). Превращенія же химическихъ соединений изображаются химическими равенствами; и теорія замѣщенія старается выразить свои формулами не строеніе частицы сложнаго тѣла изъ атомовъ, а сокращенное равенство его образованія⁵⁾). Число возможныхъ равенствъ образованія тѣлъ одного и того же состава опредѣляетъ и дозволяетъ предугадать число возможныхъ изомерныхъ формъ⁶⁾). Такимъ образомъ въ сущности все дѣло сводится къ тому, что свойства изомерныхъ соединений ставятся въ зависимость только отъ условій ихъ образованій; и если мы при этомъ отбросимъ, какъ еще ничѣмъ не доказанное, предположеніе неизмѣнимости элементовъ, а съ ними — и атомы, то и получимъ объясненіе изомеріи безъ всякой помощи атомизма.

1) Менделѣевъ. Журн. Р. Физ. Хим. Общ. XVII, стр. 2.

2) I. с. стр. 9.

3) I. с. стр. 4. Сравни. его же: Очеркъ равн., стр. 291 и сл.¹⁾

4) I. с. 304.

5) Такъ формула $CN_2 \cdot CN_2 \cdot CN_2$ замѣняется $(CN_2-H) + (CN_2-H) + (CN_2-H)$.

6) Ж. Р. Ф. Х. О. XVII, 8 и сл. Оч. равн., 293.

И такъ, если изомерія и свидѣтельствуетъ въ пользу атомизма, то только въ томъ случаѣ, когда мы предварительно допускаемъ, явно или втихомолку, неизмѣняемость элементовъ. Допускать же неизмѣняемость элементовъ вопреки наблюдаемой измѣчивости всѣхъ тѣлъ значить уже отдѣлять тѣла, какъ продукты, отъ того, изъ чего они состоятъ (отъ образующаго матеріала), то-есть приписывать реальность понятію матеріи (считать ее существующей не только въ абстрагирующемъ умѣ ученаго, но и въ природѣ—въ качествѣ того явленія, изъ котораго образуются тѣла); а такъ какъ матерія реальна не иначе какъ подъ условіемъ атомизма ¹⁾, то ссылатся для оправданія послѣдняго на одну лишь изомерію, какъ это дѣлаетъ, на примѣръ, Фехнеръ, не доказавъ предварительно неизмѣняемости элементовъ, значить сперва допустить втихомолку атомизмъ, а потомъ явно вывести его. Послѣ того, какъ уже признавъ атомизмъ вмѣстѣ съ неотдѣлимимъ отъ него принципомъ механическаго объясненія, будетъ логически необходимо (какъ это справедливо замѣчаетъ покойный Вутлеровъ) объяснять изомерію различіемъ во взаимныхъ отношеніяхъ атомовъ частицы (ихъ группировкой или т. п.). Но пока гдѣло идетъ еще только объ оправданіи атомизма и пока еще остается непровергнутымъ и не считается невозможнымъ, что простыя тѣла воплію измѣняются во время процесса соединенія, то, очевидно, еще нельзя ссылатся на одну лишь изомерію. Какимъ же образомъ, спрашивается, могутъ упускать изъ виду это обстоятельство всѣ тѣ, кто усматриваетъ въ изомеріи основаніе для доказательства существованія атомовъ? ²⁾. 'Особенно же странно это видѣть у Фехнера, который не хочетъ выводить атомизма даже изъ стехіометрическихъ законовъ, и въ ссылкѣ на нихъ видитъ не доказательство, а лишь ничего не рѣшающее примѣненіе атомизма къ объясненію явленій, толкованіе ихъ въ духѣ атомистической теоріи ³⁾. Не бесполезно затронуть здѣсь, хотя бы вкратцѣ, этотъ вопросъ психологич. науки, потому что тѣ же самыя причины, которыя вводятъ въ заблужденіе Фехнера и другихъ, могутъ дѣйствовать и на нашихъ читателей и

¹⁾ См. выше стр. 25.

²⁾ Такъ поступаетъ не одинъ Фехнеръ. Либихъ въ своихъ „Химическихъ Письмахъ“ высказывается слѣдующимъ образомъ: „только то предположеніе, что матерія не безконечно дѣльна и состоитъ изъ атомовъ, уже далѣе не дѣлящихся, можетъ дать удовлетворительный отчетъ въ этихъ явленіяхъ“. Цитировано у *Отрадова*. Міръ какъ цѣлое—черты изъ науки о природѣ. С.-Пб. 1872, стр. 373.

³⁾ Л. с. стр. 13.

помѣшаютъ имъ убѣдиться, въ чемъ именно лежатъ истинные источники и оправданіе атомизма.

Ближайшая причина этого заблужденія состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что мы съ терминами „простое“ и „сложное“ тѣло преждевременно (раньше, чѣмъ бываемъ вынуждены къ этому всѣми основаніями) и до неразрывности прочно ассоціируемъ такіа понятія, которые должны приводить насъ къ атомистическому толкованію изомерій. Что такое простое тѣло? По опредѣленію Лавуазье „всѣ вещества, которыхъ мы никакимъ средствомъ еще не могли разложить, суть для насъ элементы; они дѣйствуютъ въ отношеніи къ намъ какъ простыя тѣла, и мы не должны признавать ихъ сложными, пока опытъ и наблюденіе не докажутъ намъ этого“¹⁾. Слѣдовательно, отличіе простаго тѣла отъ сложнаго зависить отъ уровня нашего знанія: тѣла представляютъ послѣдній предѣлъ, до котораго уже достигъ нашъ анализъ; они до сихъ поръ не разложены, и это еще не означаетъ, чтобы они никогда не могли быть разложены. А вотъ мнѣніе другаго, современнаго, авторитета химіи, которое потому особенно поучительно, что оно относится къ мысли о сложности хорошо извѣстныхъ простыхъ тѣлъ съ явнымъ недоумѣніемъ и даже съ ироніей²⁾. „Сложныя тѣла также образуютъ новыя, еще сложнѣйшія соединенія и отдѣляютъ при этомъ теплоту. Изъ этихъ новыхъ соединеній нѣрѣдко первоначальное сложное тѣло можетъ быть извлечено совершенно тѣми же способами, какими и простыя тѣла извлекаются изъ соответственныхъ соединеній... Физическая природа тѣлъ и другихъ одна и та же; а потому нельзя обозначать какихъ либо общихъ свойствъ, принадлежащихъ однимъ простымъ тѣламъ“³⁾. Далѣе — „законы кратныхъ отношеній, массъ и объемовъ

1) *Traité élémentaire de Chimie.*—Цитир. въ „Мірѣ какъ цѣломъ“ стр. 480.

2) „Свидѣнія о вѣсѣ атома и о свойствахъ многихъ простыхъ тѣлъ не даютъ намъ никакого права предполагать сложность хорошо извѣстныхъ элементарныхъ тѣлъ, а потому, лишаясь всякой осязательной опоры, мысль о сложности простыхъ тѣлъ должна быть считана понынь безплодною, мечтательною и лишнею основательности... Забѣлательно, что проходило немного лѣтъ, какъ сами исследователи убѣдились, до сихъ поръ каждый разъ, или въ несовершенствѣ наблюденій, служившихъ имъ опорой, или въ неувѣренности помысловъ, на которыхъ они опирались“. (Въ послѣднихъ словахъ рѣчь идетъ только о сложности хлора). *Менделѣевъ. Основы химіи.* С.-Петербургъ. 1881, т. I. стр. 520. А въ ерацеевскомъ чтеніи это рѣчь относится къ числу утоній. Два Лондонскихъ чтенія. С.-Пб. 1889, стр. 46 и сл.

3) *L. c.* I, стр. 56.

точно такъ же относятся къ сложнымъ тѣламъ, какъ и къ простымъ¹⁾. Словомъ, „между природою простыхъ и сложныхъ тѣлъ нѣтъ кореннаго различія, кромѣ отсутствія для простыхъ тѣлъ реакціи распаденія на различныя составныя части. Можно представить себѣ и сложное тѣло такое, которое вступаетъ въ соединенія, но не разлагается.... Еслибы намъ попалось такое тѣло, то мы могли бы счесть его за простое неразлагаемое тѣло.... Исслѣдуя для воды случаи ея соединенія, мы можемъ считать воду элементомъ“. Такъ чѣмъ же съ фактической стороны, а не со стороны нашихъ воззрѣній, отличаются простые тѣла отъ сложныхъ, если между ними нѣтъ кореннаго различія ни со стороны ихъ природы или свойствъ, ни со стороны управляющихъ ихъ превращеніями законовъ? Только тѣмъ, говорятъ намъ люди, посвятившіе всѣ свои великія силы изученію химическихъ явленій и умѣющіе отличать фактъ опыта отъ своего воззрѣнія, что простые тѣла все еще не разложены. Допустимъ даже, что мы въ состояніи какимъ либо путемъ убѣдиться въ ихъ вѣчной неразложимости (напримѣръ, допустимъ для поясненія нашей мысли, что, подобно тому, какъ согласно съ Менделѣевскимъ закономъ періодичности, атомные и частичные вѣса опредѣляютъ свойства простыхъ тѣлъ, формы и свойства ихъ соединеній, эти же вѣса или ихъ функціи для всякаго тѣла обуславливаютъ его разложимость и неразложимость, такъ что по частичному вѣсу мы могли бы смѣло заключать, какое тѣло находится передъ нами—простое или сложное); во всякомъ случаѣ отличіе простаго тѣла отъ сложнаго сведется только къ тому, что первое окончательно неспособно испытывать нѣкоторыя изъ превращеній, которымъ можетъ подвергаться второе; во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ они ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Этого-то различія и долженъ держаться тотъ, кто хочетъ, дабы не предрѣшать безосновательно ни одного вопроса, мыслить въ своихъ понятіяхъ о природѣ на первыхъ порахъ ровно столько, сколько дано въ опытѣ. А въ фактѣ неспособности нѣкоторыхъ тѣлъ къ опредѣленнымъ реакціямъ еще не содержится никакого указанія на то, чтобы простые тѣла, превращаясь въ сложные (вступая въ соединенія), помѣщались одно въ другомъ, или же разбивались на части, которыя размѣщались бы одна возлѣ другой, словомъ—нѣтъ указанія на продолженіе существованія простыхъ тѣлъ внутри возникшихъ изъ него сложныхъ, хотя тотъ же фактъ нисколько не про-

¹⁾ L. c. I, 367.

творѣннѣ этому предположенію: одинаково возможно и продолженіе существованія простых тѣлъ и ихъ радикальное преобразование въ одно новое.

Пока мы ничего не предпрѣшаемъ, то подъ составомъ сложнаго тѣла мы должны подразумѣвать не то, что составляющія тѣла продолжаютъ существовать въ немъ, а только „выраженіе тѣхъ превращеній, къ которымъ оно способно“ ¹⁾. Но мы тотчасъ же стараемся объяснить (сдѣлать логически необходимой) неразложимость простыхъ тѣлъ. И такъ какъ мы всегда склонны отыскивать или, по крайней мѣрѣ, предполагать нѣкоторую неизмѣнимую сущность тѣла, какъ бы его внутреннее ядро, то и наше объясненіе неразложимости простаго тѣла основывается на этой спекулятивной предпосылкѣ, а не ограничивается, какъ это слѣдовало бы, хотя бы только на первыхъ порахъ, тѣмъ, чтобы мы фактъ ставили въ закономѣрную связь съ другими данными опыта; поэтому подъ истинно простымъ тѣломъ мы начинаемъ подразумѣвать такое, которое навсѣвозь однородно, то-есть, состоитъ изъ одной и той же сущности, а подъ сложнымъ то, которое состоитъ изъ механическаго смѣшенія, сопоставленія нѣсколькихъ пребывающихъ въ ней сущностей. (Даже самая этимологія терминовъ „простой“ (einfach, simple) и „сложный“ (zusammengesetzt, composé) уже указываетъ, что они были избраны подъ влияніемъ этой наклонности: вѣдь подъ сложнымъ въ обыденномъ языкѣ мы понимаемъ не то, что способно къ лишнимъ (сравнительно съ другими классами вещей) взаимодѣйствіямъ (превращеніямъ), а то, что образовано сопоставленіемъ другъ съ другомъ самостоятельно пребывающихъ и не утрачивающихъ своей самостоятельности частей, подъ простымъ же—то, что противоположно этому опредѣленію). Къ этой спекулятивной потребности присоединилось съ одной стороны вліяніе этимологіи термина (что всегда имѣетъ огромное значеніе), а еще какъ бы историческая привычка считать простые тѣла первичными, основными, а сложныя—вторичными, производными, ибо какъ только была узнана множественность простыхъ тѣлъ, они выступили на первый планъ, ихъ изученіе ставилось во главѣ химіи, и она понималась какъ наука о составѣ тѣлъ ²⁾, для чего она должна была прежде всего отыскать всѣ простые тѣла, а всѣ остальные образовать изъ всѣхъ соединеній: вѣдь мы подъ

¹⁾ Основы химіи 1, 55.

²⁾ См. *Отразоет* 1. в. стр. 489 и сл. и 457 и сл.

вліяніемъ принципа тождества бытія и мысли всегда склонны смѣшивать формы знанія (въ данномъ случаѣ зависимость его частей другъ отъ друга, зависимость знанія состава сложныхъ тѣлъ отъ знанія простыхъ тѣлъ) съ формами самихъ вещей; а потому естественно, что зависимость частей знанія была перенесена на его предметы, и сложные тѣла, явно или втихомолку, стали разсматривать, какъ зависящія отъ простыхъ, первыя же, какъ безусловныя, основныя, какъ элементы. А такое воззрѣніе лучше всего, даже исключительно, иррится съ только-что описаннымъ пониманіемъ сложныхъ тѣлъ, потому что, если простое тѣло мы считаемъ безусловнымъ и основнымъ, то уже нельзя предполагать, что оно возникаетъ изъ превращеній сложнаго: это противорѣчило бы первичности перваго и зависимости втораго; поэтому надо допускать, что простое тѣло пребываетъ внутри соединенія. Разъ что мы усвоили себѣ такой взглядъ на сложность тѣлъ, то изомерія дѣйствительно не можетъ быть объяснима, иначе какъ атомистически, и, чувствуя это, мы будемъ выставить ее, какъ неоспоримое свидѣтельство въ пользу атомизма.

Но дѣло въ томъ, что мы еще не имѣемъ права безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій установить такое пониманіе сложности тѣлъ. Насколько простирается нашъ опытъ, онъ всегда показываетъ, что сложные тѣла также насквозь однородны (а не смѣшаны изъ разнородныхъ сущностей), какъ и простые. Далѣе, нашему знанію доступны не сами субъекты явленій, не субстанціи, а лишь совершающіяся въ нихъ событія, ибо основной принципъ знанія, идея причинности, можетъ быть примѣняема только къ событіямъ; а потому и задача химіи въ главахъ критическаго философа должна состоять въ изученіи не состава химическихъ субстанцій, но въ изслѣдованіи законовъ химическихъ событій, то-есть превращеній. Если же мы станемъ на эту точку зрѣнія, то простые тѣла тотчасъ же утратятъ ту видимость безусловнаго, первичнаго, основнаго характера (элементовъ, стихій или начала всѣхъ началъ), которую они приобрѣтаютъ, когда главной задачей химіи назначается изученіе состава готовыхъ тѣлъ, а не ихъ превращеній: при изученіи смѣшанныхъ превращеній, всѣ тѣла оказываются вполне равноправными, потому что какъ всякое сложное тѣло возникаетъ изъ превращенія другихъ тѣлъ, такъ точно и простые тѣла тоже возникаютъ изъ превращенія другихъ. Такимъ образомъ единственно, что остается въ пользу обыкновеннаго взгляда на различіе между простыми и сложными тѣлами, это—то, что онъ просто объясняетъ (въ смыслѣ—дѣлаетъ аналитически

необходимымъ, а не въ смыслѣ установленія закономѣрной связи одного факта съ другимъ) фактъ неспособности первыхъ къ нѣкоторымъ превращеніямъ (ихъ неразложимость) ¹⁾. Но въ чемъ эта простота? Въ согласіи объясненія съ спекулятивной предпосылкой о существованіи неизмѣняемой сущности тѣлъ. Слѣдовательно, принимая это воззрѣніе, мы обязаны, во-первыхъ, откровенно сознаться, что какъ оно само, такъ и все основанное на немъ (атомизмъ) принадлежитъ къ числу спекулятивныхъ теорій, во-вторыхъ, показать необходимость перейти въ область спекулятивныхъ соображеній, а въ-третьихъ, оправдать свои спекулятивныя предпосылки. Но подобныя изслѣдованія мы оставимъ пока въ сторонѣ, такъ какъ мы рѣшили искать сперва одни эмпирическія доказательства атомизма ²⁾.

Чтобы перейти къ послѣдующему анализу, сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе на счетъ атомистическаго объясненія изомеріи, ибо его значеніе чрезчуръ преувеличено, свидѣтельствомъ чему служитъ уже то обстоятельство, что къ теоріи замѣщенія примыкаютъ и такія лица, которыя вовсе не враги атомизма, напротивъ, считаютъ его, хотя и не доказаннымъ, за то ужъ во всякомъ случаѣ въ высшей степени полезнымъ для успѣховъ химіи. „При огромной пользѣ, говорятъ г. Меншуткинъ (ведшій полемику съ Вултеровымъ противъ теоріи строенія), которую атомическая теорія припесла химіи, мы смотримъ на атомическую гипотезу, какъ на средство представить ходъ химическаго явленія, но не имѣемъ претензіи думать, что теорія воспроизводитъ дѣйствительность и сущность явленія“ ³⁾. А о томъ, что „между химиками появился расколъ въ оцѣнкѣ научныхъ фактовъ, расколъ, въ большей или меньшей степени сохранившійся до нашихъ дней“, и что „изъ лагеря химиковъ, которыхъ можно было бы

¹⁾ Терминъ разложеніе уже самъ по себѣ подразумеваетъ и *наклонность* обыденное воззрѣніе на простоту и сложность тѣлъ; потому-то намъ хотѣлось бы набѣгнуть его.

²⁾ Вполнѣ сходныя воззрѣнія высказаны и Страховымъ I. с. стр. 457 и сл., 486 и сл. Мало гдѣ можно встрѣтить столь глубокой и въ то же время увлекательной по своей ясности и изяществу изложенія анализъ атомизма (на ряду со многими другими философскими вопросами—объ организмѣ, жизни и т. д.), какъ въ этой книгѣ: она для своего чтенія не требуетъ даже напряженія вниманія, а только желанія и времени прочесть легко понятную философскую книгу; вниманіе возбуждается само собой.

³⁾ *Меншуткина*. Очеркъ развитія, стр. 81.

назвать позже сложившимся имеемъ химиковъ-позитивистовъ, и считающихъ въ своей средѣ первоклассныхъ ученыхъ, вышли наиболѣе горячіе противники атомической теоріи¹⁾, врядъ ли нужно напоминать. Не ясно ли изъ всего этого, что атомическое объясненіе изомеріи не слишкомъ легко и просто, если разсматривать его помимо его согласія съ спекулятивными предпосылками. И дѣйствительно, если, отвлекаясь отъ этого согласія, мы присмотримся къ нему поближе, то тотчасъ же замѣтимъ, что въ настоящее время атомизмъ даетъ пока еще не объясненіе случаевъ или, вообще, факта изомеріи, а только объясненіе возможности и направленія атомистическаго объясненія этого факта, объясненіе объясненія; а мы вслѣдствіе безотчетной преданности принципу тождества бытія и мысли смѣшиваемъ это объясненіе возможность атомистически объяснять изомерію съ объясненіемъ ея самой. Когда астрономъ объясняетъ затмѣніе солнца при помощи закона Ньютона, то онъ выводитъ сполна все то, что мы наблюдаемъ въ этомъ фактѣ, изъ своихъ предположеній объ условіяхъ существованія объясняемаго факта; онъ дѣйствительно объясняетъ его. Физикъ, объясняя явленія интерференціи свѣта при помощи теоріи волненія, тоже выводитъ всѣ стороны объясняемаго явленія изъ предположенныхъ условій его существованія. Сообразно съ этимъ атомистическое объясненіе изомеріи должно бы принять слѣдующій видъ: мы допускаемъ въ атомахъ опредѣленныя величины (или массы), силы, способы группировки или взаимоотношеній и т. д., словомъ все, что нужно для нашихъ цѣлей, и изъ этихъ предположеній, сопоставленныхъ съ условіями возникновенія изомерныхъ тѣлъ, мы математически выводимъ всѣ явленія (тепловыя, электрическія и т. д.), сопутствующія образованію того или другаго изомера, а также всѣ его физическія и химическія свойства. Вотъ это было бы дѣйствительнымъ объясненіемъ; а можно ли сказать, что оно уже существуетъ, хотя бы только для нѣкоторыхъ случаевъ? Правда, Вентъ-Гоффъ и Лебель, разсматривая структурныя формулы, какъ представляющія расположеніе атомовъ въ пространствѣ, уже дѣлаютъ небезъинтересные выводы, напримѣръ объ оптической дѣятельности органическихъ соединеній²⁾; но вѣдь и только.

¹⁾ Очеркъ развитія, стр. 83.

²⁾ Очеркъ развитія, стр. 284.

Да и какъ относятся къ этимъ выводамъ тѣ же самыя лица, которыя признають теорію строенія? „Послѣдняя задача, говоритъ Вурцъ, относящаяся къ формѣ частицъ, выходитъ изъ области положительной химіи, хотя эта наука и можетъ дать основанія для ея будущаго рѣшенія. Однако къ этому рѣшенію уже приступили¹⁾. Въ послѣднихъ словахъ дѣлается переходъ именно къ характеристикѣ работъ Вантъ-Гоффа и Лебеля²⁾. Нѣсколькими же страницами далѣе онъ даетъ слѣдующій отзывъ вообще объ атомизмѣ: „Свойства простыхъ и сложныхъ тѣлъ составляютъ, по всей вѣроятности, функцію внутренней природы атомовъ, ихъ формы, ихъ способовъ движенія. Но всѣ эти факторы для насъ неизвѣстны. Вотъ почему, обладая столь несовершеннымъ познаніемъ сущности атомовъ, теорія не предсказываетъ ни формы соединеній, ни ихъ свойствъ³⁾. Почему бы то ни было, а только она ни предсказываетъ, ни объясняетъ ихъ. Къ чему же тогда сводится атомистическое объясненіе изомеріи? Только къ указанію того пути, слѣдуя которому можно найти дѣйствительное объясненіе въ духѣ атомизма, къ построенію одной лишь идеи будущаго атомистическаго объясненія: если мы признали реальность, а не одну полезность атомизма, говоритъ это объясненіе, то мы должны искать объясненія изомеріи, исходя изъ предположенія различія во взаимныхъ отношеніяхъ (связяхъ, пространственныхъ группировокъ и т. п.) атомовъ, ибо съ точки зрѣнія атомизма этотъ путь не только вообще возможенъ, но единственно возможный³⁾. А въ такомъ случаѣ это объясненіе по

¹⁾ I. с. стр. 218 и слѣд.

²⁾ I. с. стр. 242.

³⁾ Ясно, почему *Бутлеровъ*, въ выше (стр. 54) цитированныхъ словахъ говоритъ: „логически необходимо допустить, что, при одинаковой натурѣ атомовъ и одинаковомъ ихъ количествѣ, химическое отношеніе, существующее между ними въ частицѣ, бываетъ не всегда одинаковымъ. Безъ этого допущенія нѣтъ возможности говорить объ объясненіи изомеріи“. Для тѣхъ, кто явно, или же не давая себя въ томъ яснаго отчета, признаетъ не одну полезность, а также и реальность атомизма, такой выводъ, дѣйствительно, логически необходимъ; а г. *Меншуткинъ*, который не рѣшается утверждать реальность атомизма, „не имѣетъ претензіи думать, что теорія воспроизводитъ дѣйствительность и сущность явленія“, былъ вправе не признавать такой необходимости. Все дѣло въ томъ, вѣруемъ мы или не вѣруемъ въ атомы: если вѣруемъ, то логически необходимо признавать, если не для настоящаго (для котораго мы можемъ дѣлать исключеніе по недостатку необходимыхъ знаній), то для будущаго, какой-нибудь видъ теоріи строенія.

своими достоинствами еще ничѣмъ не отличается отъ того, которое мы изложили выше, говоря отъ имени отрицателей атомизма: и тамъ и здѣсь мы имѣемъ объясненіе единственно возможнаго, съ точки зрѣнія той или другой теоріи, пути, слѣдуя которому мы найдемъ объясненіе самой изомеріи; и тамъ и здѣсь предъ нами лишь объясненіе объясненія, построеніе одной идеи будущаго объясненія; и тамъ и здѣсь эта идея отчасти уже реализована (въ теоріи строенія и въ теоріи замѣщенія) не безъ пользы для науки.

А. Шведеншій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ГРЕЧЕСКОЙ ЗАГАДКИ СЪ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НОВЫХЪ.

Загадка прожила въ греческомъ племени въ продолженіи богѣ чѣмъ трехтысячелѣтняго его существованія. Мы задались мыслью прослѣдить греческую загадку въ тѣхъ различныхъ ея образахъ, въ которыхъ могла отражаться порождавшая ее среда и обстановка. Въ этомъ была главная наша задача: языкъ, слогъ и размѣръ были принимаемы нами въ соображеніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было опредѣлить время, къ которому принадлежатъ извѣстныя загадки. Скажемъ заранѣе, что всѣ греческія загадки, къ какому бы времени онѣ ни относились, которыя намъ удалось и читать и слышать, — налагаются въ стихахъ. Въ видѣ исключенія попадаются и прозаическія, но это, кажется, происходитъ лишь отъ того, что ихъ первоначальная форма была забыта. Должно сознаться, что матеріалы, необходимыя для разрѣшенія означенной задачи, еще достаточно ни сведены, ни объяснены; не смотря на то, желая содѣйствовать ея разъясненію, мы попытаемся представить греческія загадки хотъ въ нѣсколькихъ сжатыхъ очеркахъ, пользуясь для этого извѣстными у насъ подъ рукою источниками и пособиями.

Мы начнемъ наши очерки со временъ мифическихъ и доведемъ ихъ до нашихъ дней.

У грековъ древнѣйшихъ временъ, какъ и у другихъ народовъ въ соотвѣтственную эпоху, загадка входила въ кругъ ихъ религіозныхъ возвращеній. Такъ, древніе греки вѣрили, что чудовище Сфинксъ, или вѣрнѣе Сфинга, дочь Тифова и Ехидны, наущено было на энванцевъ верхов-

ною богиней Ирой (Герой) и научно было бѣдовой загадкѣ Музами (1)¹⁾: „Что это такое, спрашивала въ пѣснѣ своей Сфинга, что, имѣя одинъ голосъ, бываетъ четвероногимъ, двуногимъ и трехногимъ?“²⁾ Кто не могъ разрѣшить—погибалъ: такъ погибли многіе; но когда Идипъ отвѣчалъ, что подразумѣваемое существо — человѣкъ, то Сфинга мгновенно исчезла³⁾. Древность этого сказанія видна изъ намековъ на него Теогонія и нѣкоторыхъ трагедій. Эта поэма, приписываемая Исiodу, одна изъ древнѣйшихъ греческихъ поэмъ, упоминаетъ о „страшныхъ напастяхъ, нанесенныхъ каменьями губительною Фикой“⁴⁾. Это слова Теогоніи: она, правда, не опредѣляетъ способа истребленія гражданъ; но это, вѣроятно, потому, что то была тема вполне народная, всѣмъ извѣстная, о которой, при сжатости изложенія, составляющей особенность Теогоніи, не было надобности выражаться обстоятельно⁵⁾. Еще однимъ изъ доказательствъ древности этого сказанія могутъ послужить тѣ мѣста въ Софоклѣ и Эврипидѣ, гдѣ, по поводу судьбы Идины, имъ приходится ссылаться на пѣсню Сфинги⁶⁾. Эти трагикі упоминаютъ о мѣстѣ, нисколько не заботясь о сообщеніи слушателямъ его содержанія: такъ оно было всѣмъ извѣстно, какъ достояніе всенародное. Простоватые вопросъ и отвѣтъ,

¹⁾ Всѣ приводимыя нами загадки мы перенумеровали, для того, чтобы читателю облегчать ихъ взаимное сличеніе, тамъ гдѣ на нихъ есть у насъ ссылки.

²⁾ У насъ приведена эта пѣсня-загадка по Аполлодору, у котораго она, однако, изложена въ прозѣ (Apolodori Bibliotheca, III, 5, 8 (Didot). Азшей приводятъ ее въ поздней редакціи ученика Птоломіева, Асклипіада Трагалийца изъ его Трагодуменъ. Athenaei Deipnosophistae X, cap. 83. Въ томъ же видѣ, какъ у Азшей, она находится съ прибавкою отгадки (которая тоже въ стихахъ) въ схолияхъ къ Соеонлову Идипу царю и къ Эврипидовымъ Финикійкамъ. Напечатана и въ Anthologia Graeca, Brunck-Jacobs, 1794, T. IV, p. 289; № 15, (съ отгадкой) и въ Anthologia Palatina, ed. Jacobs, 1814—1817. T. II, p. 564; № 64 (безъ отгадки).

³⁾ По случаю смерти Сениги Фридрихъ даетъ этому такому разгадку: „Wenn ein Räthsel aufgelöst ist, so hört es auf ein Räthsel zu sein, es ist als solches getödtet“. (Friedreich, Geschichte d. Räthsels, 85). Остроумно, но не глубоко.

⁴⁾ См. Hesiodi quae feruntur... ed. Schoemann, Berol. 1869. Имя чудовища въ Теогоніи (стихъ 326) приведено въ еорѣ дм. пад. Фик', усмеченой изъ-за слѣдующей гласной и развѣтра. Фик', по мнѣнію Г. Курція, есть иотійская форма слова Σφίγγ. G. Curtius, Grundzüge d. Griech. Etymologie, 3 Aufl., st. 176, № 157 и стр. 653.

⁵⁾ См. Соеонна Οἰδίκους τόρανος стихи 36, 130, 393, 1525. Эврипида Φοῖωνος стихи 48—50, 1721—1722. См. также въ словаряхъ къ этимъ трагикамъ слова: αἰγύρα и σφίγγ.

по самой простоватости и наглядности спомыхъ представленій, могли найти легкій доступъ къ умамъ большинства. Еще недавно Г. Татарики записалъ со словъ греческаго народа: (2) „Есть чудовище, которое утромъ ходитъ на четверенькахъ, въ полдень на двухъ ногахъ, а вечеромъ на трехъ“¹⁾. И въ Ярославской губерніи загадываютъ: (3) „по утру на четверомъ, среди дня на двоимъ, а подъ вечеръ на троимъ“ Подобная загадка есть и у армянъ²⁾. Какъ сообщилъ мнѣ Н. Я. Марръ, она есть и у грузинъ. Какъ появилась она у многихъ народовъ? Дошла ли устнымъ преданіемъ? или распространилась путемъ рукописныхъ сборниковъ, изъ которыхъ вычитывались грамотными и сообщалась неграмотному люду и дѣтямъ? Или слагалась разными народами самостоятельно, причѣмъ сходство или тожество оказывалось вслѣдствіе одинаковой степени ихъ развитія въ тотъ моментъ, когда она слагалась? На этотъ вопросъ пусть отвѣтитъ сравнительное изученіе нашего предмета.

Вполнѣ ионическій складъ представляетъ и отрывокъ изъ другой тоже очень древней поэмы „Меламподія“, слывущей тоже за Исіодову. Здѣсь происходитъ состязаніе между двумя вѣщунами Калхантомъ и Моисомъ. Первый обращается ко второму съ такимъ вопросомъ: (4) „Дивлюся я тому, какъ много смоквъ содержитъ въ себѣ смоконница, такая маленькая: можешь ли сказать число? (Отвѣтъ).— „Ихъ числомъ десять тысячъ, а мѣрой—четверникъ; одна изъ нихъ лишняя: ее-то тебѣ въ нихъ и не вложить!“ Такъ вѣщала (Моисъ): ему было извѣстно настоящее (ихъ) число въ мѣрѣ. Тогда-то Калханта покрылъ сонъ смертный“³⁾. Последнему было предсказано, что когда онъ встрѣтитъ знахаря лучше себя, то умретъ. А Моисъ былъ сынъ Мантѣ, дочери изсвидѣвающей Тиресія. Замѣчательно, что въ одномъ и томъ же сказаніи сходятся сила предвѣщанія и сила загадки. Это соединеніе предвѣщанія и загадки (πίνυμα и ὑπόρρηος) есть

¹⁾ Татарики напечаталъ въ Νεολλ. 'Ανάλεκτα, т. I. Вып. 4. 'Αθην. 1871. № 99. Въ слѣдующихъ примѣчаніяхъ при семлѣтѣ на Νεολλ. 'Ανάλεκτα имъ будетъ всегда имѣть въ виду выпускъ 4 (I тома)—который весь посвященъ выгнанью.

²⁾ См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ 2. Тбилиси 1882. Отд. 2, стр. 98.

³⁾ Этотъ отрывокъ изъ Меламподія приведенъ Страбонамъ. См. Strabonis Geogr. XIV, 1; p. 642. (Это страница зультаты). Онъ издается и при сочиненіяхъ Нелюда, напримѣръ, у Шемана, у Флаха (у обоихъ № 67 отрывковъ). По-нѣмецки и у G. Kinkel въ Episcopus Graecorum fragmenta... Lips. 1877. См. fr. 177 (см. прим. издателя).

явленіе стародавнее. По этому предмету любопытно отмѣтить въ упрекахъ, дѣлаемыхъ предвѣщателю Тиресію ИА³помъ, зачѣмъ онъ ничего не произнесъ такого, что освободило бы гражданъ отъ рабодки, слова: „А вѣдь отгадать ту загадку (αἰνύμα) не было дѣломъ всякаго встрѣчнаго, а нужно было прозрѣніе. И оказалось, что ты этого прозрѣнія не имѣешь ни по птицамъ, ни отъ кого-либо изъ боговъ“¹⁾). Изъ этого мѣста видна тѣсная связь, предполагаемая въ глубокой древности между гаданіемъ и загадкой. Въ загадкѣ Моиса можно высмотрѣть носящій мнѣтическую оболочку зародышъ тѣхъ вопросовъ, которые не только въ глубокой древности, но и позже ные смѣшивали съ загадками, но которые собственно были въ историческое время не иное что, какъ арифметическія задачи, замисловато изложенныя въ стихахъ. Мы къ нимъ вернемся. Замѣчательна сверхъ того разговорная форма загадки, повившася здѣсь гораздо раньше, нежели въ комедіи, которой тогда вовсе еще не существовало. Эта форма загадки встрѣчается и во многихъ средневѣковыхъ сказкахъ.

Не столь баснословно сказаніе о сношеніяхъ рыбаковъ съ Омиромъ, сохранившееся въ довольно позднемъ памятникѣ, въ Живнеописаніи Омира, прежде ошибочно приписываемомъ Продоту. Когда великій поэтъ гостилъ на островѣ Іо и велъ пріятныя бесѣды въ кружкѣ своихъ почитателей,—являлись туда рыбаки и предлагали ему разгадать слѣдующій стихъ: (5) „Все, что мы наловили, мы погубили; а чего не поймали, то съ собой принесли“ („Ὅσα ἔλωμεν λιπόμεσθ', ἕως' οὐχ' ἔλωμεν φερόμεσθα“²⁾). Омиръ не распознавалъ, что рѣчь идетъ о вшахъ. Въ рыбакахъ къ простотѣ примѣшалась хитреца: являются рыбаки и толкуютъ о своей ловлѣ, чѣмъ вниманіе слушателя невольно приковывается къ ихъ ремеслу, ловлѣ рыбъ: слуша-

¹⁾ Σοφιστ. Οἰκτ. ταραχ. 393—396.

²⁾ Это живнеописаніе, озаглавленное 'Εξήγησις περί τῆς τοῦ Ὀμήρου γενέσεως καὶ βιοτῆς, помѣщено у Westergaard'a въ Βιογράφος α. Vitaque scriptores Graeci, Вгаву. 1845. Прилагалось прежде и къ Исторіи Продота; между прочимъ надано въ греч. текстѣ в русскомъ переводѣ въ Исторіи Продотовой И. Мартынова, т. V, С.-Пб. 1828. См. гл. 35 и 86 Живнеописанія. Сверхъ того, съ вопросомъ Омира этотъ выигръ наданъ въ Anthol. Pal., но не въ XIV отдѣлѣ, гдѣ Αἰνύματα, а въ XI, гдѣ 'Επιβλητικὰ № 448. Jacobs, т. II, p. 161. Съ пропусками отъ помѣщенъ на отомонси, изображающей Омира и рыбаковъ, въ одномъ додѣ въ Помеелъ; наданъ въ „С. Dillthey prog. Turic. 1876“, какъ утверждаетъ Kaibelъ въ Epigrammata Graeca ex lapidibus collecta. Berl. 1878. См. стр. 496, гдѣ Помпейская надпись подъ № 1105.

тель ищетъ развязку не тамъ, гдѣ надо, и путается. Скоро послѣ этого случая Омиръ умеръ. Въ этомъ пунктѣ преданіе раздвоилось: по однимъ смерть приключилась просто, по другимъ отъ печальной неудачи. Въ этомъ второмъ изводѣ мнѣ вступаетъ въ свои права, накладывая густыя краски на ту маленькую неприятность, которой въ обычномъ быту подвергается тотъ, кому не удается разгадать предложенное. Греческій ученый Н. Г. Полить утверждаетъ, что загадка рыбаковъ въ томъ видѣ, какъ она приведена во лже-Иродотовомъ Живнеописаніи Омира, въ буквальномъ переводѣ, находится въ одномъ анекдотѣ, приписываемомъ мавіатамъ (=майготамъ). Но появилась ли она вслѣдствіе школьнаго образованія? или письменнаго преданія? или же возникла независимо отъ того и другаго? на эти вопросы отвѣчать трудно ¹⁾. Фридрейхъ приводитъ совершенно такую загадку изъ Аургау—гдѣ виѣсто рибной ловли—охота ²⁾.

Въ трехъ вышеприведенныхъ сказаніяхъ за неудачей слѣдуетъ смерть неудачника. „Пониманіе смысла загадокъ служило доказательствомъ мудрости, замѣчаетъ О. Э. Миллеръ, а мудрость почиталась даромъ боговъ, и кому доставалась она, тотъ тѣмъ самымъ уже доказывалъ и свою правоту“ ³⁾. Мы продолжаемъ эту мысль: люди приписывавшіе особенную мудрость лицамъ, умѣвшимъ понимать смыслъ загадокъ, обезцѣнивали тѣхъ, кто оказывался слабымъ въ ихъ пониманіи. Подобный исходъ, то-есть, либо торжество, либо смерть или угрозу смертью находимъ и въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ преданіяхъ германскихъ и славянскихъ ⁴⁾.

Выходя изъ мифическаго міра древней Эллады, мы все же еще не ступаемъ на почву достовѣрную. Сказываютъ, что Клеовулъ и дочь его Клеовулина сочиняли пѣсни и грифы, то-есть загадки. Въ одной загадкѣ Клеовулъ или дочь его выражается такъ: (6) „Отецъ одинъ, дѣтей двѣнадцать: изъ нихъ у каждаго по (дважды) тридцати дочерей видомъ между собою не похожихъ: однѣ на видъ бѣлыя, другія—черныя. Хотя онѣ и бессмертны, но всѣ умираютъ“ (=Εἷς

¹⁾ Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Φιλολογικὸς Ἑλληνικὸς Σχοληγεὺς т. VIII, стр. 538, въ статьѣ Γλωσσολογικὴ συμβολή.

²⁾ *Friedreich*, Geschichte d. Räthsels, p. 181, въ пр. **.

³⁾ *Миллеръ, О.*, Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности, т. I. Вып. I. Изд. 2-е. С.-Пб. 1865. См. стр. 61.

⁴⁾ См. у *Фридрейха*, Geschichte des Räthsels, §§ 38—41. *Левинская*, Поэтическая воаранія славянъ на природу, 1866. Т. I, стр. 25. *Буслаевъ*, Истор. очерки русской народной словесности 1861; т. I, стр. 43—44.

ὁ πᾶντῃρ и т. д.). Подразумѣвается годъ (=ἐνιαυτός). Здѣсь чтеніе дважды тридцать; δὶς τριάκοντα (какъ въ Диогенѣ Лаэртскомъ) вѣрнѣе, то-есть, 30 ночей и 30 дней ¹⁾. Расчетъ частей года выведенъ подробно въ слѣдующей новогреческой загадкѣ: (7) „Триста шестьдесятъ (пять) журавлей, тридцать голубей, въ двѣнадцать гнѣздахъ насиживаютъ и одно яйцо высидываютъ ²⁾“. Сравните Тихвинскую: (8) „Стоитъ дубъ, на дубу 12 гнѣздъ, на каждомъ гнѣздѣ по 4 синицы, у каждой синицы по 14 яицъ: 7 бѣленькихъ да 7 черненькихъ ³⁾“. Основанное на наблюденіи природы представленіе о томъ, что каждый день завершается захожденіемъ солнца, уподобленнымъ въ предшествующемъ древнемъ энигмѣ смерти, смѣшано въ немъ съ противорѣчающимъ ему эоогоническимъ вѣрованіемъ о безсмертности дна, по которому Ἥμερα (=День по греч. женскаго рода) была дочерью Нυκτός (Ночи), внучкой Хаоса (Χάος) ⁴⁾. Аналогично съ этимъ послѣднимъ вѣрованіемъ, на вопросъ: (9) „что произошло прежде—ночь или день?“ мудрецъ Θαλίτῃ отвѣчалъ: „Ночь однимъ днемъ прежде“ ⁵⁾. Смѣшеніе понятій и даже ихъ противоположность нисколько не должны удивлять—въ загадкѣ: это одинъ изъ ея излюбленныхъ приемовъ. Но въ настоящемъ случаѣ мы не увѣрены въ томъ, приеѣмъ ли это довольно обычный въ этого рода игрѣ, или же встрѣчающееся въ мифахъ противорѣчіе новѣйшихъ воззрѣній старымъ. Относительно бѣльннхъ дней и черпютъ ночей находимъ въ одной изъ новогреческихъ загадокъ слѣдующее: (10) „У одного дерева половина листьевъ черныхъ и половина бѣлыхъ“ ⁶⁾. Сравните русск.: (11) „Стоитъ де-

¹⁾ Древнее шестистопное четырехстишіе см. въ Diogenis Laertii Vitae philosophorum I, 6, 91 (ed. Cobet, p. 23).—Anthol. Gr., ed. Br.—Jac. I, 52.—Anthol. Palae. T. II. XIV, № 101.—Bergk, Anthol. lyrica p. 285, № 3.—У Сунды и Евдокія только начало (оба подъ Κλεοβουλῆν) (Suidae Glossarium; Eudociae Violantium, гес. Flach, № 588).

²⁾ По новогречески, рядомъ съ другою подобной, приведена Политоми для сравненія съ древнею Εἰς ὁ πᾶντῃρ. въ его Γλωσσικῆ συμβολῆ (Σύλλογ. (Κωνστ). Т. VIII, стр. 523.

³⁾ Сидоскичовъ, Загадки русскаго народа № 2008 гдѣ варианты: Ор. Волг. „Едно древо съ дванадесѣтъ клома, на великой кломаъ по четыре гнѣзда и въ велико гнѣздо по двѣ еужки шкеники“. Чоласкова, Волгарский народный сборникъ, Волгоградъ, 1872. См. стр. 119. Объяснено: „я два постия дна въ седмица—та“.

Ор. Нан. у Simeock. deutsche Räthsel № 376.

4) Hesiodi quae fer., ed. Schneemann, Theogonia, v. 123—124.

5) Diog. Laert. V. Ph. Cobet, I, 1, § 35, p. 9 (8—10).

6) Μεσαλληνικα Αναλεκτα. Т. I. Вып. 4. № 317. „Ἐνα δέντρο ἔχει τὰ ἡμῖα φύλλα μαύρα καὶ τὰ ἡμῖα ἄσπρα (χρόνος; въ смысле года).“

рево: съ одной стороны листья бѣлые, съ другой—черные¹⁾. Остановимъ вниманіе на вышеприведенной загадкѣ, приписываемой Клеовулу или его дочери. Сдѣланныя нами сопоставленія ея съ новогреческими и русскими открываютъ намъ народность ея происхожденія. Источникъ ея, стало быть, тотъ же самый, откуда отчасти произошли и тѣ изреченія житейскаго опыта, тѣ ἀποφθέγματα, которыми, по преданію, прославился Клеовулъ: вѣдь рядомъ съ сочиненіемъ пѣсенъ и грифозъ преданіе приписываетъ ему и мудрыя краткія изреченія. Такимъ образомъ, не смотря на то, что свѣдѣнія объ этомъ мудрецѣ, одною изъ Семи, неопредѣленны и неточны, все же въ нашемъ вопросѣ эти свѣдѣнія подтверждаются международнымъ характеромъ дошедшей до насъ его загадки. Подъ именемъ его дочери дошелъ до насъ такой энигмъ: (12) „Я видѣлъ, какъ одинъ человѣкъ огнемъ прилѣпилъ другому мѣдъ (до того плотно, что сдѣлалъ ихъ единокровными“)[то-есть, человѣка и мѣдъ]. Рѣчь идетъ о кровопусканіи посредствомъ приставленнаго къ тѣлу рожа:

Ἄνδρ' εἶδον πῦρ ἡλκῶν ἐπ' ἀνδρὶ κολλήσαντα²⁾,
[ὄβρις συγκόλλως ὄβρις οὐνάμα ποιεῖν]

Ни Аристотель, отзывавшійся о первомъ стихѣ какъ объ энигмѣ „заслужившемъ общее одобреніе“ (ἐν τῇ αἰνίγματι τῇ εὐδοκίμοῦντι), ни Клеархъ (приводившій оба стиха) не упоминаютъ объ авторѣ его: Эвматидѣ же, дочери Клеовула, приписать первый стихъ авторомъ Пира семи мудрецовъ. Это авторитетъ не очень цѣнный. Какъ бы то ни было,—въ этомъ энигмѣ мы имѣемъ произведеніе очень давнее, хотя очевидно не народное.

Спрашивается: для чего было Клеовулу и дочери сочинять или собирать загадки, еслибы онѣ не сдѣлались въ ихъ время, то-есть въ исходу VII и первой половинѣ VI в. до нашей эры, потребностью современнаго имъ общества? Такая потребность была—это несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что съ этого приѣма ума и воображенія уже была совлечена оболочка мифическая. Но дошло ли дѣло

¹⁾ *Оадошникоев*, „Загадки рус. нар.“ № 2010.

²⁾ Аристотель въ Риторикѣ и Шестикъ приводитъ только одинъ первый стихъ объяснилъ слово κολλῆσις (приклеивеніе) какъ σικῶς προσβολή, то-есть, ставленіе рожа или банки. *Aristot. Rhetorica* III, 2 (иначе 1). *Arist. Poética*, cap. 23. *Clearchus in Athenaeo* X, 76 и въ *Hist. Graec. Fragmenta*, T. II. *Clearchi fr. 66 (Didot)*. Помѣщено въ *Anthologia Graeca. Br.—Jac. IV. 288, № 8*; въ *Anthol. Lyrica*, p. 22. ed. *Bergk*. Пиръ семи мудрецовъ—Τὸν ἑκτα σῶρον οὐκιστοῦν въ *Plutarchi Moralia*, ed. *Wyttenbach*, Lips. 1799. См. T. I, P. 2, p. 114.

до того пункта, когда энигмъ становится послѣ-объединеннымъ развлеченіемъ мужскихъ кружковъ,—этого еще не видно.

Классическое мѣсто о загадкахъ грековъ представляютъ главы отъ 69-й до 89-й въ десятой книгѣ Аэинней, который сообщилъ потомству богатые запасы. Но его запасы должны быть тщательно разсмотрѣны; иначе изслѣдователь можетъ заблудиться въ лабиринтѣ смутныхъ понятій. Подъ названіемъ αἰνίγματα и γρίφοι Аэинней приводить загадки, заимствованныя имъ изъ комедій; и подъ тѣмъ же названіемъ приводитъ такія шуточные задачи, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ понятію о загадкѣ, какъ-то напримѣръ „пусть каждый изъ гостей произнесетъ по одному ямбическому стиху“. Это не иное что, какъ шуточное требованіе понатужить свою память, въ родѣ того, какъ въ наше время, то-есть въ тридцатыхъ годахъ, на вопросъ „чей фантъ выйдетъ, что тому дѣлать“, присуждали сказать, положимъ, нѣсколько стиховъ изъ Пушкина. Тутъ нѣтъ ни загадки, ни отгадки. Но ко взгляду Аэинней, повторяющаго здѣсь своего любимца, Клеарха, мы еще вернемся; а пока представимъ три загадки, о которыхъ Аэинней отзывался, какъ объ „очень древнихъ логическихъ грифахъ“.

Вотъ онѣ:

(13) „Чему мы всѣ (другихъ) учимъ, не имѣя сами о томъ знанія“?—(Отвѣтъ) переводить различно: „имѣть душу“; или: „переводить духъ“; (τί πάντας οὖκ ἐκπαιόμενοι διδάσκουμεν;... ψυχὰς ἔχειν). Текстъ, очевидно, невѣрный, дающій поводъ къ шуткамъ переводамъ. (14) „Что тѣмъ же самымъ повсюду бываетъ и нигдѣ тѣмъ же самымъ не бываетъ“? Разгадка—время ¹⁾. (15) „Что бываетъ одинакимъ на небѣ, на землѣ и въ морѣ“? Рѣшеніе: „медвѣдица, змѣя, орелъ и пѣсь“ (ἄρκτος, ὄφις, ἀετός, κύων); ибо этими словами древніе греки означали совѣдѣдія и животныхъ земныхъ и морскихъ ²⁾. Подъ Γρίφος λογικός, судя по приведеннымъ примѣрамъ, разумѣеть Аэинней, повидямому, загадку, требующую для своего рѣшенія сообразительности. Онъ назвалъ этотъ родъ грифа, какъ

¹⁾ Ср. ниже про время загадкаъ Поеалъ ед. № 51.

²⁾ Athen. X. cap. 78. См. толкованія на это мѣсто разныхъ ученыхъ въ V томѣ Приличаіи (anipadvergaioves) Швенкхейвера стр. 563—565. Хотя Аэинней выражается въ единственномъ числѣ ἀρχαῖοτάτος ὃ ἐστὶ λογικός γρίφος καὶ τῆς τοῦ γριφεῖαι φόνος οἰκιστάτος, но такъ какъ первый гречь, въ которому отъносится эти слова, соединяетъ со вторымъ союзомъ καί, второй съ третьимъ тоже союзомъ καί, то в отношю его свидѣнія ко веѣмъ тремъ.

мы видѣли, очень древнимъ—ἀρχαίωτος. Какую ступень древности разумѣетъ Аонней—не видно: приблизительно лишь можно догадываться, что третій изъ нихъ былъ уже древнимъ при жизни Аристофана. Войдемъ въ разсмотрѣніе этого вопроса. Въ комедіи „Осы“ Аристофанъ рисуетъ такую сцену. Ксанеія увидаль во снѣ, что орелъ унесъ въ небо щитъ (или змѣя: игра словъ въ двойномъ смыслѣ ἄσπις?), а потомъ этотъ щитъ сбросилъ на землю Клеонимъ. Другое дѣйствующее лицо, Сосія, поясняетъ: „Значитъ Клеонимъ ничѣмъ не отличается отъ грифа? какъ это такъ?! неужели ктонибудь, обращаясь къ симпосіотамъ, скажетъ: одно и то же животное бросило щитъ на землѣ, на небѣ и на морѣ?“. Когда видѣвшій зловѣщій совѣ выражаетъ тревогу, пріятель его успокоиваетъ: „не тревожься, говоритъ, ничего не выйдетъ ужаснаго, кланусь богамъ“¹⁾. Но первый не можетъ успокоиться и произноситъ такое гражданское слово: Вотъ что ужасно! человѣкъ, бросившій оружіе!!“ Мы уже знакомы съ тою загадкой, на которую намекаетъ, лишь вскользь и небрежно, великій комикъ: его намекъ самою своею неточностью и неполнотою наводитъ на убѣжденіе, что она въ его время была слушателямъ вполне извѣстна и ясна; скажемъ больше: въ слушателяхъ уже сидѣла ея разгадка. „Осы“ были даны въ первый разъ въ 422-мъ году до нашей эры; и тогда эта загадка была старая, всѣмъ извѣстная. Вторая изъ трехъ о времени—тоже называва очень древнею. Какъ бы то ни было, обѣ онѣ не обличаютъ такой древности, какую представляютъ загадки мненческія: обѣ предполагаютъ настроеніе ума наблюдательнаго, умѣющаго сосредоточенно и отвлеченно мыслить; относятся, стало быть, приблизительно ко времени отъ исхода VII в. до начала V-го.

Къ числу древнихъ загадокъ, какъ мы постарались доказать, принадлежитъ и загадка о евнухѣ: (16) „Мужчина не мужчина бросилъ камнемъ не камень, въ птицу не птицу, что сидѣла на деревѣ не деревѣ“. Опять отрицаніе того, что было прежде утверждено; цѣль этого отрицанія—затруднить отгадывающаго. Вытъ можетъ, сюда относятся и то противорѣчіе, которое мы замѣтили въ загадкѣ Клевула о годѣ. Въ вопросѣ о евнухѣ нужно было отгадать, что „евнухъ бросилъ пемзой въ летучую мышъ, сидѣвшую на паренкѣ. Такія яв-

¹⁾ Οὐδὲν ἄρα γρίφου διαφέρει Κλεώνυμος. | Πῶς δὲ, προσεραί τις, τοῖσι συμποσίταις, λέγων |, ὅτι ταυτὸν ἐν γῆ τ' ἀπέβαλεν καὶ οὐρανῷ | καὶ τῇ θαλάττῃ θηρίον τὴν ἀσπίδα; Aristoph. Σφήμας, Vesperae, v. 20—23.

ныя противорѣчія находимъ въ новогреческихъ энигмахъ о снѣгѣ: (17) „у меня есть простыня: все море покрываетъ, и моря (все же) не покрываетъ“,—или о дымѣ: (18) „я знаю знамя, а это не знамя; одѣтъ оно монашески, а не монахъ“. Въ такомъ видѣ приведена эта шутка о внухѣ Клеархомъ, жившимъ въ IV—III в. до нашей эры. Но она гораздо раньше Клеарха въ первой половинѣ IV ст. внесена была Платономъ въ его „Политiю“. Здѣсь въ концѣ кн. 5-й изображенъ Сократъ нападающимъ по своему обыкновенiю на безиррицининыхъ диалектиковъ. Ихъ противорѣчивыя одно другому положенiя pochodить на представляющiя два разныхъ смысла рѣчи согражданниковъ и на загадку ребать объ ударѣ, нанесенномъ внухомъ летучей мыши: чѣмъ онъ ее ударилъ и на чѣмъ? Недоконченный, неполный видъ этой загадки у Платона, смѣшенiе имъ отгадки съ загадкой, приписанiе ея дѣтямъ, все это вмѣстѣ служить доказательствомъ ея общезнѣвѣстности во время Платона. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя задавались за попойкой, и ею ужъ овладѣли ребятишки. Въ ней нѣтъ простоты древнѣйшихъ многоческихъ загадокъ, но она и не измышленiе комиковъ. Она постепенно дополнялась и выростала: первоначальная стихотворная форма ея неизвѣстна; находимая въ Платонѣ, какъ мы видѣли, неполна. Клеарховъ цитатъ, приведенный Аэниею въ означенномъ видѣ, нѣсколько полнѣе; но еще въ болѣе распространенномъ видѣ читаемъ эту загадку въ Евстаѣиѣ Фессалоническомъ, хотя онъ ее заимствуетъ изъ того же Клеарха: здѣсь находимъ прибавки; „увидавъ и не увидавъ“ (о внухѣ) „сидѣвшую и не сидѣвшую“ (о птицѣ=летучей мыши). Комментарiй Плиады объясняетъ двойной смыслъ βάλου: сперва это слово означаетъ ἀφροσ, κέρφοσ, ῥίφοσ,—бросилъ (пемзу); а потомъ въ οὐ βάλου оно значитъ οὐκ ἐπέτυχον, οὐκ ἐπίτυχον—„не попалъ“. Въ Палатинской Анеологiи хотя и нѣтъ прибавки „сидѣвшую и не сидѣвшую“, но за то въ главнѣйшій эниграммы кто-то охарактеризовалъ внуха, какъ „криваго“ „одноглазаго“ (στραβός ὤν), чѣмъ этотъ незванный допoлнитель должно быть постарался выяснить противорѣчiе между „увидавъ и не увидавъ“¹⁾. Одноглазый этотъ вошелъ въ нѣмецкую загадку съ тѣмъ

¹⁾ Platonis res publica, ed. Baisterus, ed. 4. Stuttg. 1874. См. кн. 5-ю въ концѣ. Аэней цитуетъ двойко: и по Платону и по Клеарху. Athen. X, cap. 76. (=Clearchus fr. 66 (по Аэнею) въ Fragm. Hist. Graec. II, p. 322). Eustathius ad Iliad. Lips. 1827. T. II, p. 209 къ Θ., v. 282. Anthol. Gr. ed. Jacobs: II, 794. In append. № 107. Евстаѣиѣ, приводя заимствованную изъ Клеарха, поясняетъ слово βάλου, ἤτοι ῥίφοσ, εἰς τὴν δὲ σαφέστερον εἰρήμα... (тамъ же).

же сюжетомъ: о главномъ лицѣ здѣсь сказано: „er konnte sehn, konnt auch nicht sehn“, а въ разгадкѣ онъ названъ „ein einäugiger Verschnittner“¹⁾.

По поводу двухъ приведенныхъ здѣсь энigmatъ, изъ которыхъ однимъ мы обязаны Аристофану, а другимъ Платону, упомянуты были симпосіоты или сотрапезники. Они-то послѣ обѣда, за попойкой, рядомъ съ пѣснями, здравицами и разнородными шутками, задавали другъ другу и энigmatъ. Когда начались такіа попойки, за которыми старинная простота замѣнена была остроумными выходками, опредѣлить едва ли есть какая-нибудь возможность. Вошедши въ постоянный обычай, застольные энigmatъ ужъ по этому самому не могли не сдѣлаться предметомъ обновившейся комедіи, все болѣе и болѣе отражавшей жизнь семейную и кружковую. Примѣры, приводимые Аеннеемъ, болѣею частью заимствованы изъ авторовъ такъ-называемой средней комедіи, относятся поэтому къ IV в. до нашей эры, преимущественно ко второй его половинѣ. Комедии этой эпохи энigmatъ считаютъ одною изъ прикрасъ, оживляющихъ сцену; они самыя энigmatъ, такъ-сказать, ставятъ на сцену; даютъ одному и тому же—два равныя рѣшенія; не довольствуясь однимъ энigmatомъ, они въ одной и той же сценѣ гонятся за другимъ, за третьимъ. Хотя они и гнутъ энigmatъ въ свою сторону, обращая его въ орудіе обличенія; но даютъ ему и самому не послѣднее мѣсто и охорашиваютъ его тщательною обработкой. Приведемъ нѣсколько образчиковъ энigmatъ, заимствованныхъ Аеннеемъ изъ комедій, которыя дошли до насъ въ случайно сохранившихся отрывкахъ.

Антифанъ, въ комедіи своей Сапфѣ, изображаетъ эту поэтессу задающею своему отцу такой вопросъ: (19) „Есть существо женское, хранящее за пазухой малютокъ: онѣ хоть и безголосы, а пускаютъ громкіе крики и по морской пучинѣ и по всей суши каждому изъ смертныхъ, кому только пожелають; другимъ же, хоть бы они были и на лицо, ничего не слышно: ихъ ухо глухо!“²⁾. На это дочь получила такой отвѣтъ: „Существо, которое ты называла—это городъ; малютки, которыхъ онѣ питають—это риторы. Они-то своими криками

¹⁾ У Simrock'a, въ Das deutsche Räthsel, 1860, см. загадку № 132. Разгадка на стр. 94, подъ № 132.

²⁾ Этому мѣсту Антифана подражалъ въ средніе вѣка, какъ ниже увидимъ, Василий Мегаломитъ въ № 89 по Вуассонаду; у насъ см. № 66. (См. Boissonade, Anecdota graeca 111, p. 450). Вошло переначенное въ немецкія загадки народныя. Simrock, D. deutsche Räthsel, № 133.

притягиваютъ сюда изъ-за моря доходы Азіатскіе и Фракійскіе. Подлѣ риторовъ, пользующихся этими доходами и вѣчно ругающихся, сидитъ димъ (=демосъ): онъ ничего не слышитъ, ничего не видитъ¹⁾. С. Пустое говоришь, батюшка! какимъ образомъ риторъ можетъ быть безголосымъ? От. Если будетъ три раза уличенъ въ предложеніи противозаконныхъ законопроектовъ. С. Шутиты! О. Нѣтъ! право, я думалъ, что отгадалъ сказанное. Ну такъ, скажи же сама! С. Существо женское—это записка (=письмо); младенцы, которыхъ она въ себѣ содержитъ,—это письмена: они хотя и безголосны, а разговариваютъ съ далекими, съ кѣмъ вздумаютъ; а другой, если ему случится и близко стоять къ читающему, не услышитъ²⁾. Двоукую разгадку находимъ обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда для говорящаго или записывающаго загадку утраченъ настоящій смыслъ послѣдней. Напримѣръ, надъ одной Пселловой загадкой написано и годъ и время³⁾. Подъ одной загадкой Діонисьевскаго сборника въ кодексахъ подписано пчела, а по вѣрному мнѣнію проф. Ламбра, это—воскъ⁴⁾. Но у Антифана видимъ совсѣмъ не то; здѣсь изъ двухъ разгадокъ вторая только съ виду развѣ можетъ назваться настоящею; для публики она была такъ себѣ, казенною; настоящій же смыслъ, коренная мысль автора, кроется въ первой. Отвѣчавшій остается какъ будто въ дуракахъ; но онъ затронулъ злобу дня и публика сочувствуетъ ему, а не самой Сапф; злая выходка противъ современныхъ демагоговъ — вотъ дѣль комика. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что формѣ загадки данъ гораздо большій просторъ, чѣмъ въ Осахъ Аристофана.

Тотъ же Антифанъ въ комедіи „Гастронъ“ разглагольствуетъ слѣдующимъ образомъ: „Я прежде полагалъ, что люди, задающіе за выпивкой загадки (τοῖς χαλεπόντας λέγειν γρίφοις), просто врутъ и ничего толковать не говорятъ. Когда бывало это прикажетъ сейчасъ же сказать: (20) „что это такое, что неси не несешь“, а смѣлся, считая это за вздоръ. Никогда не могъ я себѣ представить, чтобъ можно было вообще говорить о небылицѣ; навѣрно, думалъ я, такіа слова сказаны для засады. А теперь вотъ я узналъ, что это правда:

¹⁾ Антифанъ, цитованный Аеннеемъ X, гл. 73. Онъ вступилъ со своими комедіями въ 98 Олимп., = 388—385 г. до нашей эры. Ср. ниже извѣст. загадку ад. № 66 в новогр. изд. № 107.

²⁾ См. ниже № 51 (нашей нумераціи).

³⁾ О Діонисьевскомъ сборникѣ см. ниже; упомянутая загадка помещена въ Δελτίου τ. 1909. ...επιγραφῶν, Αθήν. I, V, стр. 163, № 20.

вѣдь насъ десять человѣкъ несетъ складчину, а ни одинъ не несетъ самой подачки, теперь ясно: это и есть то, что кто нибудь неся не несетъ: сюда-то и вѣтила загадка! Ну это и простительно! А когда играютъ словами на дѣлѣ тѣ, которые не внесли деньги, какъ это ужасно... вотъ Филиппъ!... а посчастливилось ему, клянусь Зевсомъ!"¹⁾ Здѣсь опять и форма загадки выдержана сполна, и пущена она въ оборотъ въ видахъ обличенія противугражданскихъ преступковъ. Въ комедіи „Афродисій“²⁾ тотъ же писатель засмѣялъ слушателей градомъ энигмовъ, но на этотъ разъ безъ гражданской окраски. Нѣкто разсуждаетъ: „Когда я хочу назвать горшокъ, что жъ? такъ мнѣ и сказать: горшокъ, или же скажу: (21) земляной брюхастый сосудъ, сооруженный стремительностью колеса, обожженный подъ ивины кровомъ матерн“³⁾, сокрывающій въ себѣ удушенныхъ илекомъ вскормленныхъ, вѣжныхъ дѣтвишей новорожденнаго стада? *Б.* Убьешь меня, вланусъ Пракломъ, если не скажешь совсѣмъ понятно: горшокъ съ масомъ. *А.* Дѣльно говоришь. Или еще: (23) текущій сокъ блестящихъ воевъ, смѣшанный со струями рыжей пчелы возсѣвшій на широкихъ носилкахъ чистой дѣвы, Діоивной дщери, и переполненный несмѣтнимъ множествомъ тонкихъ слоенныхъ покрывшекъ? Или скажу тебѣ прямо: пирогаъ?—*Б.* Пирогоа хочу! *А.* Сказать ли: (24) испарина Вакхова ключа? *Б.* Скажи коротко: вино! *А.* (25) Росистая влага Ннифъ? *Б.* Брось! ⁴⁾ скажи просто: вода! *А.* (26) Провитанное кассіей несущееся въ воздухѣ дхланіе? *Б.* Назови смирну и будетъ съ тебѣ. *А.* И ничего такого больше не говорить? *Б.* Больше ничего не надо: вѣдь только съ виду это—дѣло великое, какъ нинѣ толкуютъ, само же по себѣ это — дѣло ничтожное, а вертится вокругъ себя много посторонняго“. Противъ кого сдѣлалъ комикъ эту выходку? Не имѣлъ ли онъ въ виду какія нибудь тяжело-вѣсныя и вѣстѣ притивательныя энигмы, задаваемые иногда на иирушкахъ? или какое либо ложное направленіе современныхъ ему стилистовъ? за подобную, какъ намъ думается, выходку надо признать и слѣдующіе стихи Тимокла въ его комедіи „Герон“: (27) „Когда была унесена кормилица жизни, неприятельница голода, хранитель-

¹⁾ Athen. X. 70.

²⁾ Athen. X. 70.

³⁾ Русскій горшокъ про себя говоритъ прощѣ: (23) „Былъ я на кованцѣ, былъ я на тоненцѣ, былъ я на кружалѣ, былъ я на поварѣ, былъ я на базарѣ“ и т. д. См. *Оадоеникова*. Загадки рус. народа, № 322-а и прил. издателя.

⁴⁾ Παράλιον ἕδωρ φάσι, стихъ 24. (Ath. X. с. 70).

ница дружбы, лекарка распущеннаго своеволия, трапеза. Б. Мудрено, клануся небомъ, когда можно было сказать запросто: трапеза" ¹⁾.

Въ комедіи „Сонъ“ (Ἰπνος) представленъ такой разговоръ: (28) „Не смертный и не бессмертный, но какой-то смѣшанный, такъ что не живеть ни такъ какъ люди, ни такъ какъ боги, но постоянно возрождается заново, и опять упраздняетъ свое присутствіе, никому не виденъ, а всѣмъ знакомъ. Б. Тебѣ, женщина, люблю забавлять меня загадками. А. Однакожъ я говорю вещи простыя и понятныя. Б. Какой же это мальчикъ имѣетъ такія свойства? А. Это сонъ, дѣвица, превращающій человѣческія горести“ ²⁾. Имѣла ли эта картинка какое нибудь особенное значеніе въ ходѣ комедіи „Сонъ“, рѣшить нельзя, вслѣдствіе отрывочнаго состояніи дошедшаго до насъ текста. Одинъ изъ трагиковъ, Теодектъ Фасилецъ, ученикъ Исократы, очерчиваетъ такими словами (29) тѣнь: „Какой это предметъ, котораго члены растутъ не такъ, какъ у произведеній земли-кормилицы и моря, и не такъ, какъ у смертныхъ людей: лишь только онъ посѣянъ и рожденъ,—онъ очень великъ, въ среднихъ лѣтахъ—малъ, а въ самой старости опять становится видомъ и величиной больше всѣхъ предметовъ“. И объ этой загадкѣ тоже неизвѣстно—къ чему она была сказана и каково ея значеніе въ пьесѣ Теодекта. Объ этомъ писателѣ есть свѣдѣніе, что онъ „былъ мастеръ и отгадывать предлагаемые грифы и самъ предлагать таковыя на разрѣшеніе“. Замѣчательно, что тѣни же чертами, хотя и попроще, описываетъ тѣнь тихвинецъ, когда говоритъ: (30) „По утру въ сажень, въ полдень съ падень, а ввечеру черезъ поле хватаетъ“ ³⁾. Сближеніе Теодектовой загадки съ Тихвинскою наводитъ на мысль, что Теодектова не иное что, какъ обработка какой-либо древнѣйшей греческой, и по формѣ и по предмету походившей на указанную Тихвинскую.

Приведенные Аеннеемъ образчики, какъ мы уже сказали, взяты большею частью изъ комедій средней, переходной, эпохи. Надо по-

¹⁾ Athen. X, cap. 83.

²⁾ Athen. X. cap. 71. Шаенхейзеръ замѣчаетъ въ комментаріи на это мѣсто (Animagdv. in Athen. Deipn. T. V, ad L. X. c. 71, p. 537), что Аенней приписываетъ комедію „Сонъ“—въ одномъ мѣстѣ Антипау (Ath. XV, p. 671 d.), а въ другомъ двоюко: Александру или Антипау (Athen. XIII, p. 572 b.) (ср. Fabr. B. G. II, p. 409 и 418). Въ Anthol. Br.-Jac.: T. IV, p. 288, № 9 помѣщенъ не весь отрывокъ, а только самый энigma.

³⁾ Отамъ о Теодектѣ принадлежитъ Эрнсту, цитированному Аеннеемъ Athen. X. cap. 75. Тихвинская загадка взята изъ *Одиссейкова*, Загадки русскаго народа, № 1890.

лагать, что эти комки не повторили готовыхъ, всѣмъ извѣстныхъ, избитыхъ загадокъ, обыкновенно задаваемыхъ на пирушкахъ: иначе предлагаемыя тутъ же на сценѣ разгадки, будучи тоже всѣмъ знакомы, были бы лишнимъ главнымъ своего интереса—интереса неожиданности. Но если комки, какъ и естественно предполагать, считали свои собственныя загадки, то по всей вѣроятности они все же держались манеры застольныхъ. Поэтому можно допустить, что загадки, сообщенныя Аеннеемъ изъ комиковъ, дають довольно вѣрное понятіе о произносимыхъ на попойкахъ, съ тою только разницею, что первыя получали большую обработку. Это объясненіе считали мы необходимымъ въ виду малознакомости вторыхъ. Мы уже сказали, и ниже разъяснимъ, что большая часть приводимыхъ имъ подъ названіемъ *γρίφοι* и *αἰνίγματα* застольныхъ задачекъ, не соотвѣтствуютъ понятію о загадкѣ.

Свѣдѣнія Аеннея значительно пополняются 14-мъ отдѣломъ средне-вѣковаго сборника Константина Кефалѣ; этотъ сборникъ сохранился въ одномъ только спискѣ—*codex Palatinus*. Означенный 14-й отдѣлъ сборника Кефалѣ или Анеологін Палатинской носитъ такое заглавіе: „Арифметическія задачи, загадки, проризанія“ (= *Προβλήματα ἀριθμητικά, αἰνίγματα, ὑπόροι*)¹⁾. Для нашего вѣтренія нѣтъ надобности заниматься намъ задачами арифметическими (*προβλήματα ἀριθμ.*); онѣ хотя и облечены въ загадочную оболочку и стихотворную форму, хотя и могутъ быть рѣшаемы по догадкѣ, но подлежатъ разрѣшенію и путемъ научнаго метода. Напримеръ, такая задача: „Я золотая ковчига Паллада: это золото—даръ бодрыхъ поэтовъ: половину золота подарилъ Харастій, восьмую долю—Θεσπιάδης, десятую Соловъ, двадцатую Θемисонъ: остальные же девять талантовъ и искусство—даръ Аристодеа“²⁾. Старинныя арифметическія задачки, какъ новогреческія, такъ и западно-европейскія и русскія, полны такихъ задачъ, предлагаемыхъ и въ прозѣ, и въ стихахъ. Устранимъ изъ означеннаго Сборника а такъ-называемыя проризанія (*ὑπόροι*), похожія на энигмы развѣ только по темнотѣ своей, но совершенно отличныя отъ послѣднихъ по своему смыслу и назначенію

¹⁾ См. *Anthologia Graeca ad fidem codicis olim Palatini nunc Parisini ex arographo Gothano edita*, Cur. Fr. Jacobs. Lips. 1814—1817. 14-й отдѣлъ находится въ томѣ II, ст. 517—591.

²⁾ Тамъ же въ т. II, отд. XIV, № 2, ст. 548. $\frac{1}{2}$ (= 20 талантовъ) + $\frac{1}{8}$ (= 5 т.) + $\frac{1}{10}$ (= 4 т.) + $\frac{1}{20}$ (= 2 т.) + 9 т. = 40 тал. (Начало: *Παλλάς*).

въ быту общественномъ ¹⁾. За такимъ выдѣленіемъ арифметическихъ задачъ и прорикавій, мы останемся при однихъ загадкахъ. Между этими послѣдними въ Палатинской Анеологіи есть такія, которыя дошли до насъ и другимъ путемъ, такъ какъ находятся въ разныхъ древнихъ писателяхъ: мы нѣкоторыми изъ нихъ уже и воспользовались. За исключеніемъ изъ Палатинской Анеологіи всего вышесказаннаго, остается въ ней нѣсколько десятковъ искомымъ произведеній ²⁾. Объ этихъ-то нѣсколькихъ десяткахъ загадокъ мы сами себя спрашиваемъ: всѣ ли онѣ принадлежать древнимъ грекамъ? Такъ какъ Константинъ Кефалá въ другихъ отдѣлахъ своей Анеологіи не только не избѣгалъ, но и завѣдомо подбиралъ эниграммы христіанскаго періода, и такъ какъ и въ этомъ 14-мъ отдѣлѣ есть между предреченіями одно о царѣ Константинѣ, то въ этомъ же отдѣлѣ могутъ находиться и другія загадки такого поздняго времени. Не все тутъ значить древнее: но что же древнее?

Еще Буассонадъ, когда издавалъ сборникъ Пселловыхъ энигмъ, въ примѣчаніяхъ къ нимъ указалъ, что три изъ нихъ помѣщены въ Анеологіи Палатинской: а именно Psell. № 4=Anth. Pal. № 5; Ps. № 5 (= Anth. P. № 58) и Psel. 6 (= Anth. P. № 35) ³⁾. Буассонадъ не сдѣлалъ однако изъ этого сопоставленія никакого вывода. Разберемъ первый изъ трехъ нумеровъ (№ 4 Ps. = Anth. P. № 5), а именно—четырестишіе о дымѣ, поддающееся разбору ⁴⁾. О немъ Буассонадъ отиѣтилъ, какъ сказано, что онъ находится безъ имени автора въ Анеологіи Палатинской, и сверхъ того сопоставилъ съ нимъ слѣдующій обрывокъ, заимствованный имъ изъ энигма Симфозія De fumo: „Sunt mihi, sunt lacrymae; sed non est causa doloris. Est iter ad coelum“... ⁵⁾. Для точнѣйшаго рассмотрѣнія вопроса выпишемъ сиолна оба текста:

¹⁾ Слово *aivivmata* въ византийскія времена иногда означало то же, что *χρησμοί*, то-есть предсказанія, прорикавія, какъ мы показали въ нашей рецензіи на *Kataloγos aneoneikhъ рукописи*. изд. С. Ламброузъ (*Жур. Мин. Нар. Пр.* 1889, июль, отд. 2, см. стр. 149—50).

²⁾ Отиѣтитъ, впрочемъ, что № 104 въ Палат. Ане. и не загадка, и не арифметическая задача, и не прорикавіе, а просто картинка изъ пастушеской жизни (*Anthol. Pal. ed. Jacobs, III, 806*).

³⁾ *Voissonnade Anecdota Graeca*, см. Т. III, стр. 430, 431.

⁴⁾ Остальные два, то-есть № 5. Ps. (= Anth. № 50) и № 6 Ps. (= Anth. № 36) также больше походятъ на древніе, чѣмъ на средневѣковые, но доказать этого мы не можемъ.

⁵⁾ *Voissonnade, An. Gr. III, p. 430, notes 4 et 6.*

- (31) Εἰμί πατρός λεοκοῖο μάλαν τέκος, ἀκτερος ὄρνις,
 "Ἀχρη καὶ οὐρανίων ἰπτάμενος νεφείων"
 Κούρας δ'ἀπτομένηρον ἀκνεθία δάχροα τίκτω·
 Εὐθὺ δέ γεννηθεῖς λούμαι εἰς ἀνέμους ¹⁾.
- (32) Sunt mihi, sunt lacrimae, sed non est causa doloris.
 Est iter ad caelum, sed me gravis impedit aër,
 Et qui me genuit, sine me non nascitur ipse ²⁾.

Переводъ съ греческаго:

„Я аркаго отца черное дѣтнице, птица безкрылая, долетающая до облакъ небесныхъ; въ принасающихся (ко мнѣ) врачкахъ (= дѣвушкахъ) произвожу безболѣзненные слезы. Лишь только рождень, по вѣтру разнесень“.

Переводъ съ латинскаго:

„Есть у меня, есть слезы, но боли не причиняють; есть путь къ небу, но меня задерживаетъ густой воздухъ; а кто меня породилъ, безъ меня тотъ самъ не родится“.

Греческая и латинская эпиграммы не представляютъ тождественнаго текста; и въ мысляхъ и въ образахъ есть и сходство и несходство. Сходство однако на столько велико, что сама собой напрашивается догадка о подражаніи. Не смѣю утверждать, чтобы такому энциклопедисту, какъ Михаилъ Пселлъ, не могли быть извѣстны загадки Симфонія, латинскаго стихотворца позднѣйшей эпохи ³⁾. Но противъ мысли о подражаніи латинскому тексту протестуетъ порнѣ одушевляющій эту греческую эпиграмму съ самаго ея приступа. Намъ думается, что эта греческая загадка — древняя; что ей подражалъ Симфоній слегка, по памяти ⁴⁾; въ сборникъ же Пселловыхъ попала она либо случайно по невниманію писцовъ, либо по особенному вниманію самого Пселла, пожелавшаго развлечь чужимъ до-

¹⁾ Id. ib. ὅτο κενός.

²⁾ Anthologia latina... pars prior, ed. Al. Riess, T. I. P. 1. Lips. (Teubner). 1869. См. между Symphosii Aenigmata, et. 189, N. VII Fama.

³⁾ Эпоха Симфонія достоверно не известна: предположенія ученыхъ разходятся отъ II — III в. до начала VI. (См. Teuffel, Gesch. d. Römischen Literatur, § 442, пр. 2 (2 изд.).)

⁴⁾ Намъ несколько не убѣждаетъ признание самого Симфонія, будто онъ свои эпиграммы съимпровизовалъ съ пьяныхъ глазъ — hoc versus feci subito de carmine vocis... и: da veniam, lector, si non sapit ebria Musa. Мы совершенно согласны съ Теуффелемъ: „Der Prolog von 17 Hexametern macht den unglücklichen Versuch die Sammlung für das Erzeugniss heiterer Improvisation bei einem Saturnalienbelage auszugeben. Teuffel, Röm. Lit., 2 изд., § 442.“

бромъ своего тезоименитаго владыку. На сокращеніе же греческаго текста Симфозій могъ покуситься потому, что надо было все вмѣстить въ три стиха, чтобы не выходить изъ той мѣрки, которою онъ задался: вѣдь всѣ сто Симфозіевыхъ загадокъ содержатъ въ себѣ по три стиха каждая, ни больше, ни меньше ¹⁾).

Сходство упомянутыхъ загадокъ, греческой и латинской, навело насъ на разысканіе, нѣтъ ли подобнаго этому сходства между греческими загадками Палатинской Анеологіи, съ одной стороны и Симфозіевою латинскою сотней съ другой. Мы слыхали тождественные предметы, но въ загадкахъ на нихъ написанныхъ сходства не нашли. Указанныя Буасонадомъ и нами разобранныя греческая и латинская на „дымъ“—есть единственная, представляющая сходство.

Изъ прочихъ загадокъ Анеологіи Палатинской мы здѣсь представимъ нѣсколько такихъ, которыя наиболѣе отзываются древностью.

(33) „Я знаю котлы (тазы) не умѣющіе безмолвствовать; они представляютъ мѣду стройно звучать, такъ что первый передаетъ звукъ второму, третій четвертому. Когда же двигатель тихъ и бездымаченъ, то и котель безгласенъ: онъ съ природы не говоритъ. А такихъ котловъ природа широко-вѣщательная: впрочемъ случись въ ней умъ, она становится краснорѣчивѣе: и молчитъ, и говоритъ лишь тогда, когда должно“. Отгадка: Додонское прорицалище ²⁾. Эта загадка основана на поговоркѣ; болтуновъ сравнивали съ τὸ ἐν Δωδώνῃ ὑλάσιον. Что поговорка предшествовала загадкѣ объ этомъ можно утвердительно сказать, нѣтъ въ виду большую распространенность въ древнія времена этой поговорки, и малоизвѣстность приведенной загадки. При этомъ превращеніи проза обратилась въ стихи. Подобный примѣръ находимъ на Руси: прозаическая поговорка „чудеса въ рѣшетѣ: дыръ много, а выдѣвать некуда“, обратилась въ стихотворную загадку: (34) „Чудо... чудомъ: сошло кругомъ; дыръ много, а выскочить некуда“ ³⁾.

¹⁾ Symphosii Aenigmata помѣщены въ Anthol. Lat. Riese I, I. 187 — 207. Библиографію о Самеозіи см. у Bernhardy, Grundriss d. Röm. Literatur I, 3, изд. II, стр. 437.—Gesch. d. Röm. Lit., Teuffel, 2 изд., § 442.

²⁾ Anthol. Gr. Jac. T. II, 14, p. 550, № 10 (нач. Λάβητας) и III p. 795 — 796.—Gr. Anth. Gr. Brunck-Jac. T. IV, p. 292, № 25 и Animadv. v. III, p. 2, № 25, p. 358. — Мы смыслили и на болѣе давнее изданіе Брунка-Яковса потому, что въ немъ болѣе подробна объясненіа.

³⁾ Садосникова, Загадки русск. нар., св. № 368 и прим. къ нему. Подобно этому загадка и поговорка въ славян.—№ 1426 и прим.

(35) „Видалъ я нѣкогда звѣря, опрокинутого и прямо бѣгущаго чрезъ порубленное желѣзномъ вещество, но ногами къ землѣ не прикасающагося“. Это пела ¹⁾.

Εἶδον ἐγὼ ποτὲ θῆρα δι' ὕλης τρητοσδήρου
ὑπτιον ὀρθὰ τρέχοντα, ποσὶν δ' οὐχ ἤπτετο γαίης.

(36) „Я прежде бываю русымъ: когдажъ меня отрѣжутъ, становлюсь бѣлѣ серебрястаго снѣга. Я услаждаюсь прѣсной, наводненной рыбами(?) (ἰχθυόεντι λοστρέφ ванной) прихода первый въ собраніе пирующихъ“. Про левъ и сотканный изъ него ручникъ ²⁾ (εἰς λιποῦν χειρόμακτρον).

(37) „Я подруга Паллады, рождаю безчисленное множество дѣтей, которыхъ мужнины разбиваютъ о камни. Отъ нихъ погибели Пилиду (=ночнику)—свѣтъ; людямъ—исцѣленіе, на агонахъ укрѣпленіе“. Разузнѣтся ἀλαία, масляное дерево и плодъ его, маслина. Это дерево посвящено было Аеннѣ-Палладѣ. Изъ маслинъ жерновани выжимали масло для ночниковъ. Πηλαΐδης собственно значить сынъ Пилея, то-есть Ахиллея: такъ названъ здѣсь въ шутку ночникъ, лампочка, которую дѣлали изъ глины=πηλός ³⁾.

(38) „Я швенуюсь по моей матери, но я слаще родившей меня: она длинная, а я крохотный; ея нельзя вѣсть, кромѣ головы; меня же всего можно съѣсть, кромѣ кишекъ“. Это финикъ, εἰς φοινίκην βάλανον ⁴⁾.

(39) „Однѣ вѣтеръ, два судна; десять матросовъ гребуть, и

¹⁾ Anth. Gr. Jac. Тамъ же, № 19 и толкованіе III, p. 197. Начало: εἶδον. Ср. Anth. Gr. Вр.-Jac. Animadv. v. III, p. 2, № 27, p. 359—360.

²⁾ Anth. Gr. Jac. II, отд. 14, № 26 и III, p. 797. Начало: Εανθή. Ср. Anth. Gr. Вр.-Jac. Anim. v. III, p. 2, № 2, p. 343. Якобъ объясняетъ (въ Anim. въ изд. Вр.-Jac.): „Quam convivae discubuerant, aqua his porrigebatur et χειρόμακτρα sive mantilia (примѣры изъ Вергиліа)... Hinc apparet, cur se primum in conviviarum chorum venire dicat mantile“.—Но онъ не объясняетъ, почему ванна „наводнена рыбами“; я полагаю, что это несвоевременный остатокъ стариннаго употребленія такъ-называемыхъ epitheta perpetua или ornantia.

³⁾ Anth. Gr. Jac. II, отд. 14, № 37 и III, p. 798—799. Начало: Παλλάδος. Ср. Anth. Gr. Вр.-Jac. въ Anim. v. III, p. 2, № 37, p. 364. И авторъ Ватрахомиахизъ главнаго героя между лагушками назвалъ по отчеству Пилидомъ (см. стихъ 19).

⁴⁾ Anth. Gr. Jac. II, отд. 14, № 57 и прим. III, p. 801. — Начало: Οὐνομα. Ср. Anth. Gr. Вр.-Jac. III (см. Animadv.) p. 356, № 20.

обоним судами править одинъ рулевой". Описана игра на свирѣли, парной, десятью пальцами" ¹⁾).

Здѣсь кончаемъ наши выписки изъ Палатинской Анеологiи.

Изъ разныхъ источниковъ приведемъ еще три выдержки.

Казобонъ приводитъ слѣдующую загадку, которую называетъ древнею: (40) „Всѣмъ тѣломъ—брюхо; всюду высматривающій глазъ; зубами ползущій звѣрь". О паразитѣ-обжорѣ.

Γαστήρ δλον τὸ σῶμα, πανταχῆ βλέπων
ὄρθαλμός, ἔρπον τοῖς ὀδοῦσι θηρίον ²⁾).

На эрмѣ, посвященъ имя Алкивиада, найденномъ на Целiйской горѣ въ Римѣ, съ боку такая надпись:

(41) „У меня есть два брата одноименные, одинакіе, которые, покажѣтъ живы, — солнца не видятъ, а когда помрутъ, тогда между собою сражаются". Она пополняется изъ Трифона слѣдующимъ образомъ: послѣ словъ „когда помрутъ", сказано: „и въ мужскія руки попадутъ, тогда и солнце видятъ и между собою сражаются" ³⁾).

Трифонъ прибавляетъ: „я думаю, это сказано о лодыжкахъ (=игральныхъ костяхъ = περί ἀστραγάλων) ⁴⁾).

Εἰσὶν μοι δύο κασίγνητοι, δὴ' ὅμοιοι,
ὄφρα μὲν οὖν ζῶωσι, τὸν ἥλιον οὐκ ἑσπαρῶσι,
αὐτὰρ ἔπει κε θάνασι καὶ ἀνδρῶν χεῖρας ἴκωνται,
ἡέλιόν τ' ἑσπαρῶσι καὶ ἀλλήλοισι μάχονται.

И какъ встать, замѣтимъ, приложена эта надпись-загадка къ Алкивиаду, игравшему судьбой своего отечества, какъ играютъ въ кости.

¹⁾ Anth. Gr. Тас. II, отд. 14, № 14 и прим. III, p. 798.—Начало: Εἰς ἄνερος. Anth. Gr. Br.-Jac. Anim. III, p. 348, № 12.

²⁾ Casaubonus, in Animadvers. in Athenaeum l. X, cap. 83. Въ Athen. ed. Schweigh. Animadv. T. V, p. 590. Казобонъ не говоритъ, откуда оная заимствована это двустишіе.

³⁾ Фридрихъ приводитъ одну ту надпись, что на камнѣ, сохранился на Visconti Museo Pio-Clementino. T. VI, p. 48. Tab. 31 (Friedrich, Geschichte des Batholis, 1860), стр. 46. Двоику приводитъ Kaibel, Epigrammata Graeca ex lapidibus collecta. Berol. 1878, стр. 505, № 1120, со ссылкой на C. J., 6022 и на Tryphonis περί τρώκων ap. Sprengel Rhet. Gr. III, 194.

⁴⁾ Визановицъ, доставившій Каибелю выписку изъ Трифона, поясняетъ: „talí dum in oecibus vivunt, solem non vident; ubi interfecto cuius sunt animali tanquam et ipsi mortui in hominum perveniunt manus, tum vident solem et pugnas inter se committunt talí re vera facti". — Каибель тамъ же. Мы привели здѣсь сводный греч. текстъ по Каибелю.

Теперь пора упомянуть объ одной загадкѣ, находящейся въ сборникѣ средневѣковыхъ загадокъ Евстаѣево-Оловоловомъ, который относится, какъ мы ниже покажемъ, ко второй половинѣ X-го вѣка, и изданъ въ первый разъ Хильбергомъ ¹⁾. Мы приведемъ сперва слова подлинника:

- (42) ὁ τάφος οὗτος ἐντὸς οὐκ ἔχει νέκρον,
ὁ νεκρὸς οὗτος ἐντὸς οὐκ ἔχει τάφον,
ἀλλ' αὐτὸς αὐτοῦ νεκρὸς ἐστί καὶ τάφος.

„Этотъ гробъ внутри мертвеца не имѣеть; этотъ мертвецъ снаружи гроба не имѣеть; но самъ себѣ и гробъ и мертвецъ“.

Съ приведенными греческими стихами издатель ихъ сопоставилъ *Ausonii epitaphium XXIX (de Nioba)*:

- (43) „Habet sepulcrum non id intus mortuum,
habet nec ipse hic mortuus bustum super,
sibi sed est ipse hic sepulcrum et mortuus“ ²⁾.

Самъ Хильбергъ, сопоставившій греческіе стихи съ латинскими никакого заключенія по этому поводу не дѣлаетъ. Но при такомъ совпадении текстовъ необходимо допустить, что одинъ изъ нихъ подлинный, а другой переводный. Ктожъ изъ кого перевелъ? Мудрено вато, чтобы Евстаѣй сталъ переводить изъ Авзонія, а если бы онъ это и сдѣлалъ, то, судя по другимъ его стихотвореніямъ, распространилъ бы и разукрасилъ бы латинскій текстъ. Сверхъ того, это единственная во всемъ сборникѣ Евстаѣя загадка безъ урѣзки буквъ. 11-я тоже безъ урѣзокъ, но за то считаетъ буквы за числа; а этой прикрасы въ разбираемой нѣтъ. Съ другой стороны обратное подражаніе невозможно. Поэтому мы приходимъ къ мысли, что передъ нами до-византийская греческая эпиграмма о Ніобѣ, которую въ свое время Авзоній могъ перевести по латыни и помѣстить между надгробіями; а затѣмъ Евстаѣй, отыскавъ ее въ старой греческой рукописи, могъ выставить на разгадку своему пріятелю.

Нѣкоторое значеніе мы придаемъ и тому, что Оловоль, кромѣ знитета φιλανιγμωνъ=любитель энigmatъ, называетъ Евстаѣя ἀνιγμα-

¹⁾ Евстаѣίου τοῦ Μακρρυβόλιτου ἀνιγμὰτὰ ἐν κεντρῷ ρομὰνα: *Εὐσταθίου... τοῦ Μακρ. τῶν κατ' Ὑρμίνην καὶ Ὑρμιναν λόγος* I A'. *Rec. J. Hilberg, Vindob.* 1876.—Этотъ сборникъ загадокъ изданъ по *codex Marcianus 531 (saec. XV) fol. 125b — 126a*.

²⁾ *Ibid.*, см. № 8, стр. 209 и прим. къ стр. 216.

толѣхтѣ—собирателемъ энigmatъ ¹⁾). Если онъ и самъ ихъ сочинилъ и чужіе собиралъ, то легко могъ чужой забраться въ сочиненные самимъ Евстаціемъ. Однако намъ могутъ возразить, что Авзоній имѣлъ въ виду Ніову, а Оловоль узналъ въ стихахъ Евстація жену Лота; но одно другаго не исключаетъ: каждое время придумало свое особое рѣшеніе. Такъ въ XV вѣкѣ Ангелъ Полиціанъ, очевидно перелѣдывавшій вышеприведенный энigmatъ Авзонія, имѣлъ въ виду Ніову, когда написалъ:

(44) „Noc est sepulcrum, inter cadaver non habens,
hoc est cadaver, et sepulcrum non habens,
sed est idem cadaver, et sepulcrum idem“.

А въ XVI ст. Лаутербахъ составилъ, также по латыни, изъ одной загадки двѣ: одну о женѣ Лота, другую о Ніовѣ, а Гадамарій опять пишетъ только одну: о женѣ Лота ²⁾).

Къ какой эпохѣ могъ принадлежать энigmatъ, попавшій въ сборникъ средневѣковыхъ энigmatъ Евстація — къ Македонской или къ Римской, мы рѣшить не въ состояніи; но во всякомъ случаѣ написанъ онъ былъ по гречески раньше Авзонія, стало быть раньше IV вѣка по Р. X. Извѣстно, что Авзоній занимался переводомъ греческихъ энigramмъ ³⁾).

Теперь рассмотримъ нѣкоторыя недоразумѣнія, возникавшія и въ древніи и въ новыи времена, быть можетъ, вслѣдствіе неоднакого пониманія слова: энigmatъ. Сюда относится, по нашему мнѣнію, утвержденіе Теодора Берка о томъ, что омировская поэзія иногда напоминаетъ манеру поэзіи загадокъ. По этому предмету Беркъ ссылается на два мѣста изъ Илиады и на два изъ Одиссеи ⁴⁾); къ сожалѣнію, однако, онъ только ссылается на нихъ, но ихъ не разбираетъ. Для поправки его взгляда мы сообщимъ содержаніе двухъ изъ этихъ мѣстъ. Аенна и Ира (Герв) досаждаютъ на Діа за то, что онъ попускаетъ

¹⁾ См. *Eustathii.....* ed Hilberg, *Оборванка λόγος* къ № 1, стихъ 1 и λόγος къ № 4, стихъ 2.

²⁾ Тексты Полиціана и Лаутербаха см. у Фридриха *Geschichte d. Raths.* *verwandl.* на стр. 208, второй на 45. — Ср. тамъ же, стр. 206, № 6, о женѣ Лота лат. назъ *Nadamarius* (XVI ст.). Ср. русскія: „кто умеръ да не мстѣлъ“ о Лотовой женѣ и пр. *Славянскіе*, *Сар.* русск. нар., №№ 2181—2184. *Simrock, D. deutsche Räthsel*, сходная изн. народная о женѣ Лотовой, № 201.

³⁾ См. статью *Ausonius* въ *Family, Real. Encycl.*, I, стр. 1024 (изд. 1887) и *Touffet, Geschichte der Römischen Literatur*—2 Aufl. 3 Lief., стр. 960.

⁴⁾ *Theodor Bergk, Griechische Literaturgeschichte*, Berlin, 1872, I, 364, гдѣ онъ ссылается на II, II, 126 и сл.; VIII, 862 и сл.; *Odyss.* X, 82; XII, 127.

Ахилла истреблять троянцевъ. Знала бы, что такъ будетъ, сердится Аенна, не стала бы помогать его сыну при исполненіи имъ Эврисеева приказа—добыть изъ Анда страшнаго пса ¹⁾). Спрашивается: въ чемъ можно тутъ видѣть манеру поэзи загадокъ? Неужели упоминаніе Иракла и Кервера, безъ произнесенія ихъ имени, могло коть на одно мгновеніе затруднить слушателей или читателей древнѣйшаго эпоса—вполнѣ понять приведенный текстъ? Нисколько. Что Ираклъ изображенъ какъ сынъ того, противъ кого разгнѣвалась Аенна—это нужно было не для того, чтобъ придать разказу загадочную окраску, а для того, чтобъ увеличить силу сдѣланнаго ею дію укора, что онъ къ ней неблагоприятенъ. А Керверу, тѣмъ что дала кличку страшнаго пса, оказала она полное презрѣніе. Вся обстановка миеа здѣсь на лицо, миеа притомъ всѣмъ навѣстнаго: такъ что ничего не остается неяснаго или загадочнаго. Ссылка на Одиссею тоже не подтверждаетъ положенія Берка. „Прибыли въ Тилепилъ Лестригонскій, гдѣ пастухъ пастуха опрошаетъ, вгоняя (стадо въ станъ), а тотъ, выгоняя, держитъ отвѣтъ; гдѣ бессонный (=бодрый) мужчина получаетъ двойную плату, одну за пасеніе коровъ, другую за пасеніе бѣлыхъ барановъ: вѣдь близки одинъ къ другому путь ночи и путь дня ²⁾“. Отъ такого разказа современнаго эпоса, разумѣется, не стали бы встунки. Что это прибылъ Одиссей съ товарищами, видно изъ всего разказа. Разговоръ пастуховъ, двойная плата за двойной трудъ, пути дня и ночи — все названо по имени, все просто и ясно, никакого вопроса нѣтъ. Совсѣмъ иное дѣло, когда Θεοδέκτῃ, жившій въ IV вѣкѣ до нашей эры, предложилъ, не называя предметовъ, такой вопросъ: „Есть двѣ сестры, изъ которыхъ одна рождаетъ другую, а сама, породивши ту, ею рождается“ ³⁾). Вотъ это такъ загадка! Напротивъ, разобраннаго нами два мѣста изъ омирowychъ эпоней, вопреки мнѣнію почтеннаго ученаго, не напоминаютъ манеры поэзи загадокъ ⁴⁾.

¹⁾ II, VIII, 363 и сл.

²⁾ *Odys.* X, 82—86. Вотъ изъ того, что близки между собою путь дня и путь ночи и возникло русское слово: *сутки*—день и ночь *сутки*каются, складятся. Это объясненіе я слышала отъ знатока и его держу.

³⁾ Θεοδέκτῃ въ трагедіи — *Идиш.* Athen. X, стр. 75. См. вышеприведенную загадку его про жны.

⁴⁾ Томе можно сказать и о другихъ стихахъ, на которыхъ сомъ дается Беркъ а именно II, II, 123—130 (о числѣ вночерлицевъ) и *Odys.* XII, 127—131 (о числѣ коровъ и пр.).

Тотъ же Беркъ пишетъ, что „у Исиода находятса явные слѣды этого (то-есть символическаго) оборота, вполне напоминающаго поэзію загадокъ: и здѣсь также поэтъ тщательно сохранилъ форму народнаго преданія“¹⁾. Что же приведено имъ въ подтвержденіе? Стихи изъ Трудовъ и Дней: „не отстригать на рукѣ блестящимъ желѣзомъ сухаго отъ мягкаго на цвѣтущемъ нирѣ боговъ“.

μηδ' ἀπὸ κεντόσοιο θαῖον ἀνὶ δακτύλου
αἶον ἀπὸ χλωροῦ τέρμεν αἰθωνὸν ἀθήρρ.

Относительно образности и народности оборота при выраженіи означеннаго правила—съ мнѣніемъ филолога нельзя не согласиться, но что тутъ напоминающаго поэзію загадокъ? Все названо своимъ именемъ, но образно. Для „руки“ у поэта употреблено слово κεντόσον=„пятипальцевъ“, въ высшей степени древнее и наглядное; но оно не могло быть темпо для народа, получившаго этотъ обычай или правило отъ своихъ отцовъ.

„Конечно, для людей позднѣйшаго времени, разсуждаетъ тотъ же ученый, которымъ эта естественная поэзія стала чужда, такое выраженіе легко становится темнымъ и многосмысленнымъ (dunkel und vieldeutig“²⁾. И съ этимъ нельзя не согласиться: но это судьба всякой поэзіи, всякаго выраженія человѣческой мысли, даже научнаго изложенія: все становится со временемъ предметомъ труднаго изученія; но это происходитъ не отъ того непременно, что оно когда-то было загадочно. Вотъ другой ученый, Хартунгъ, видитъ энигмъ въ слѣдующемъ отрывкѣ Теогида: „Я статная скаковая кобылица; но ѣздокъ на мнѣ самый негодный. Сколько разъ я задумывала—разорвать удила, сбросить съ себя негоднаго ѣздока и отъ него ускакать“. Что означаетъ это четырехстопіе? „Я думаю, пишетъ Хартунгъ, что тутъ подразумѣвается не дѣвушка съ недостойнымъ любовникомъ, какъ думала другіе, но городъ съ тиранномъ“. Мы позволимъ себѣ замѣтить мимоходомъ, что еслибы подразумѣвался городъ, то поэтъ не могъ бы начертать картины убѣгающей отъ всадника кобылицы. Спросимъ: отъ чего происходитъ упоманутая разность объясненій? Отъ того, полагаемъ, что слышущій подъ именемъ Теогида сбор-

¹⁾ Th. Bergk, Gr. Liter. I 356 и пр. 138, гдѣ вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ приведены и наши стиховы изъ Ἐργα καὶ Ἡμέραι, какъ 792-й (по Hesiodi quae feruntur... Schoemann, 1869, это стихи: v. 743—744)—Flach, Die Hesiodischen Gedichte, Berl. 1874. Стр. 742—743.

²⁾ На той же страницѣ у Берка.

никъ въ томъ видѣ, какъ онъ до насъ дошелъ, не больше какъ выдержки изъ этого поэта; что упомянутое четверостишіе сохранилось одиночнымъ, внѣ той связи съ предыдущими и послѣдующими стихами, которая была у поэта; и что эта отторженность четверстишія отъ цѣлаго затрудняетъ пониманіе его вносказанія. Да! это вносказаніе, аллегорія, а не энигмъ. Вотъ и двустышіе Теогида о раковинѣ, не названной по своему имени, еще въ древности было отнесено къ загадкамъ однимъ изъ свидущихъ греческихъ грамматиковъ римской эпохи, Аэнеемъ. „Теперь меня призываетъ домой морской мертвецъ, послѣ своей смерти говорящій живыми устами“¹⁾.

Ἦδη γάρ με κέκληκε θαλάσσιος οἶκαδε νεκρός,
ταύθηκός ζωῆ φθεγγόμενος στόματι.

Въ какой связи съ другими находились эти два стиха—неизвѣстно, но ужъ конечно не имѣли они значенія предложеннаго на разрѣшеніе энигма. Если Аэнею, жившему больше семи вѣковъ позже Теогида, извѣстно было, что подъ „морскимъ мертвецомъ“ разумѣется тутъ „раковина“ (κόχλος), то тѣмъ болѣе это было извѣстно современникамъ Теогида. По представленіямъ древнихъ Эллиновъ, трубою первоначально служила раковина (κόχλος)²⁾; въ произведеніяхъ ихъ поэзіи и искусства часто являютя тритоны, трубящіе въ раковины. Почему это двустышіе Аэниеи помѣстилъ между графами? это ужъ совсѣмъ другой вопросъ. На это можно дать два объясненія. Во-первыхъ, такое двустышіе и другіе ему подобныя стихи могли быть задаваемы на разрѣшеніе собесѣдникамъ за попойкой, какъ нѣчто трудное для разрѣшенія (γρίφιδας),—въ послѣдующія времена, когда родная старина стала достояніемъ книжниковъ и дилетантовъ. Во-вторыхъ у Аэниеа слова αἶνιγμα и γρίφος имѣютъ, какъ мы видѣли, гораздо обширнѣйшее значеніе, чѣмъ у Аристофана въ приведенномъ выше мѣстѣ и чѣмъ русское слово загадка. Образованные греки македонскаго и римскаго періода могли другъ другу задавать, какъ загадку или задачу, и одну эпиграмму Симонида Кейскаго, которая въ ихъ время считалась головоломною. Дѣло въ томъ, что Симонидъ, обучая хоры, объявлялъ своимъ ученикамъ, что это изъ нихъ

¹⁾ Athenaeus X, cap. 85. Anthologia lyrica, ed. Bergk, p. 75, Theognis, v. 1229—1230. Hartung, Die Griech. Elegiker, I, p. 244. Theognis v. 1229—1230.

²⁾ Hesychii Alex. lexicon, ed. min. M. Schmidt: „κόχλος τοῖς θαλασσίους ἔχρῳντο πρὸ τῆς τῶν σαλπύγγων εὐρέσεως“. Theocriti Idyllia, rec. Fritzsche, ed. alt., 1870: „καὶ κόχλον ἔλῳν मुखήσατο κοῖλον“. См. Ид. XXII. стихъ 75.

опоздасть прийти въ урочный часъ въ хоригію, тотъ обязанъ за дать мѣрку ячменя ослу, на которомъ возли въ хоригію ключевую воду. Симониду вспоминались слѣдующія слова Отисихора о водоносѣ, по имени Эпій, таскавшемъ ахейцамъ воду во время Троянской войны: „Дщерь Діа, пѣль Стисихоръ, сжалилась надъ Эпіемъ, вѣчно таскавшимъ на дарей воду“. На основаніи этого сказанія о водоносѣ Эпій,—я осла, таскавшего воду въ хоригію, прозвали Эпіемъ: ему-то, ослу Эпію, назначена была Симонидомъ вышеупомянутая награда, мѣрка ячменя. Отца Эпіа, человека, звали Панопомъ; ну, и ослу Эпію дано было, въ шутку, тоже отчество. Прежде чѣмъ привести, хотя въ переводѣ, Симонидовъ стихотворный приказъ, необходимо пояснить, что Симонидъ хоровыя занятія называетъ „подвигомъ кузнечиковъ“, извѣстныхъ пѣвцовъ, прославленныхъ Анакреономъ. Теперь будетъ всѣмъ понятно двустипхіе Симонида; вотъ оно: „Вѣдъ тому, кто не хочетъ исполнять подвиговъ кузнечиковъ, задать большой обѣдъ Эпію Панопичу“¹⁾.

Φημί τὸν οὐκ ἐθέλοντα φέρειν τέττιγος ἄεθλον
τῷ Πανοπηίδῳ δῶσιν μέγα δαίτην Ἐπιῶν.

Читая это, люди нашего времени очутились бы какъ въ лѣсу, еслибы не комментарий Аеннея, которыми мы и воспользовались. Да и современникамъ Аеннея двустипхіе Симонида могло быть темновато; иначе онъ бы не высказалъ, что „эта эпиграмма затруднительна для незнакомыхъ съ исторіей“ и не нашелъ бы нужнымъ ее комментировать. Но для пѣвцовъ Симонидовой хоровой школы она была простымъ приказомъ, выраженнымъ, правда, затѣйливо и забавно, но совершенно ясно²⁾. Мы привели нѣсколько примѣровъ невѣрнаго, по нашему мнѣнію, толкованія

¹⁾ Athen. X. cap. 84. p. 456. См. въ Anth. lyr. Bergk, p. 355, № 175. — Приведенное въ этой же главѣ Аеннеемъ четверстипхіе Симонида Кейснаго дѣйствительно походитъ на эпигр.; и самъ Аенней (а можетъ быть Хамалеонъ, изъ котораго Аенней заимствовалъ) даетъ два объясненія (двустипхіе это поимено и въ Anthol. Palat. Jacobs, 1814—1817. Въ Appendix, II, 785, № 81) и въ Anth. lyrica Bergk, p. 355, № 174 (Симонидовскихъ καίγια). Начало Μίθωνορον. Мы этого четверстипхіа не понимаемъ.

²⁾ Веркъ утверждаетъ, что Симонидъ (Кейскій) держится при случаѣ темной и многозначительной манеры (то-есть, загадочной), напримѣръ, въ своихъ καίγια (шуточныхъ эпиграмахъ); онъ ссылается на № 172 (Griech. Lit. I, 356 и пр. 139; а καίγιον № 172 въ его же Anthol. lyrica, стр. 355)—Но что загадочнаго въ стихѣ: „Вѣдъ вовсе не толетымъ онъ прибылъ сюда“. Это эпиграмма въ похвалу ея свеченіа, въ которой слово „толетымъ“ можетъ быть и двусмысленно, но не загадочно.

поэтовъ: въ нихъ видятъ то, чего въ нихъ нѣтъ. Образный оборотъ, устарѣвшее слово, иносказаніе, намекъ на случившееся—все это можетъ носить загадочный характеръ, оказаться со временемъ загадочнымъ—не будучи загадкой.

Но вотъ вадѣты и философы. Димитрій Византіецъ и за нимъ Лемней смотрятъ и на Пифагорейскія изреченія, какъ на загадки (τὰ Ποθαγόρου αἰνίγματα): и съ этимъ также нельзя согласиться. Выраженія: „по многочисленнымъ улицамъ не ходить“, въ смыслѣ „не послѣдовать воззрѣніямъ большинства“; или: „ножемъ огня не шевелить“ въ смыслѣ: „не спорить съ человѣкомъ разсерженнымъ“ и другія этия подобныя выраженія, не смотря на свою сжатую и иносказательную форму, приблизительно каждому понятны и безъ приложеннаго адѣсь объясненія, сохранившагося у перипатетика Димитрія Византіида ¹⁾ и у другихъ. Нѣкто изъ древнихъ сказалъ, что въ Пифагоровскихъ символахъ и то, что повидимому высказано—скрывается, и то, что повидимому скрыто—понимается ²⁾. Диогенъ Лаэртскій, Плутархъ, Ямвлихъ, какъ извѣстно, Пифагоровскимъ изреченіямъ даютъ тоже названіе σύμβολα ³⁾. Весьма вѣрно, на этотъ разъ, выражается Ямвлихъ, когда пишетъ: „Пифагорово ученіе было своеобразно и символично; оно похоже на какіе-то энигмы и грифы по архаическому характеру рѣчи“ ⁴⁾. ἰδιότροπος γὰρ μὴν καὶ συμβολικὴ ἦν ἡ σύμψασις Ποθαγόρου ἀγυγὴ αἰνίγμασι τινα καὶ γρίφοις [ἔκ γε τῶν ἀποφθεγμάτων] ἰσχυρὰ διὰ τὸ ἀρχαῖζειν τῷ χαρακτήρι... Такъ и въ наше время должно сказать, что Пифагорейскія изреченія хотя и имѣютъ загадочный характеръ, но они по существу не загадки, а могли казаться таковыми лицамъ, не принадлежащимъ ихъ общинѣ. Злой пересмѣшникъ Тимонъ

¹⁾ Димитрій Византіецъ, перипатетикъ, цитируемый Лемней, приводитъ и эти выраженія и ихъ толкованіе, равно и другія апофегмы (Athen. X, cap. 77). Второе изъ нихъ и многія другія см. въ Diogenes Laertius, Vitae philosophorum. L. VIII, c. 1, § 17, 18 (Cobet, p. 208—9). Объ апофегмахъ и другія см. у Jamblich, De Vita Pythagoricae liber, rec. A. Nauk. Petropoli, 1884, cap. 28, § 105, p. 78, 1; cap. 32, § 227, p. 158, 8—9. Suidas s. v. Ποθαγόρας; но адѣсь изреченіе обратное: „ходить не значе, какъ по многочисленнымъ улицамъ“.

²⁾ См. Stobaei Florilegium V. 72.—Чье это опредѣленіе, нѣтъ неизвѣстно.

³⁾ Диогенъ, тамъ же.—Plutarchi Moralia, ed. Wyttenbach, Oxonii, T. III, p. 1000, 1003 (въ статьѣ Quaestiones Conviviales VIII, 7), по вопросу о пифагорейскихъ символахъ.

⁴⁾ Подлинный текстъ у насъ приведенъ по изданію академика Науна (Jamblich, V. P. ed Nauk, § 247, p. 172, l. 6—8).—Это изданіе далеко превосходитъ всѣ предыдущія.

называетъ и философа Ираклита „крикуномъ, ругателемъ народа, загадникомъ“ (=αἰνιχτής); но послѣднее слово αἰνιχτής употреблено въ ипервоначальскомъ смыслѣ, чтобъ арче осудить этого философа за неясность его ученія, за которую онъ вообще былъ прозванъ темнымъ (ὁ σκοταίνος) ¹⁾.

Что древніе греки съ тѣхъ поръ, какъ обратили они загадки въ средство къ послѣбѣдненному развлеченію, очень сильно и долго были къ нимъ привязаны, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Публика ихъ любила; но какъ смотрѣли на нихъ писатели? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы представимъ нѣсколько свидѣтельствъ. Изъ приведенныхъ выше мѣстъ Аристофана и Платона можно было понять, что каждый изъ нихъ воспользовался готовымъ энигмомъ для того, чтобъ унижить, опозорить людей вредныхъ для общества, чтобъ обратить ихъ, какъ говорится, въ притчу во языцѣхъ. Высокую цѣну даетъ грифамъ Клеархъ (IV — III ст. до Р. Х.), хотя, какъ уже было сказано, онъ понимаетъ подъ ними нѣчто поплоче собственно загадки. „Разысканіе грифовъ, пишетъ Клеархъ, не чуждо философіи: древніе люди на нихъ высказывали свою образованность. Они за попошками дѣлали предложенія (προβάλλον), не такія, какія дѣлаютъ люди нашего времени, другъ друга спрашивающіе, которая изъ любовныхъ связей пріятнѣе или которая рыба вкуснѣе.... или какую рыбу надо кушать предпочтительно послѣ созвѣздія Медвѣдицы, или послѣ Плеядъ, или послѣ Пса. Нимѣшніе люди по этому поводу назначаютъ побѣдителямъ въ награду поцѣлуй, достойные презрѣнія для человека съ свободнымъ чувствомъ, а побѣжденныхъ, въ наказаніе, присуждаютъ пить безпримѣсное вино, которое тѣ и пьютъ охотнѣе, чѣмъ здравцу.... Нѣтъ! древніе люди большею частью вотъ чѣмъ занимались: одинъ скажетъ стихъ эпическій или ямическій; изъ прочихъ же собесѣдниковъ каждый произнесетъ слѣдующій за тѣмъ стихъ; одинъ приведетъ изреченіе изъ какаго нибудь поэта, а другой какъ бы отвѣтитъ подходящимъ изреченіемъ изъ другаго поэта. Или еще: каждый пусть произнесетъ по одному ямическому стиху; пусть назоветъ мнѣ азіатскаго города, начинающагося съ такой-то буквы.... такъ что игра, не будучи необдуманною, становится признакомъ образованности каждаго. Наградой за это пола-

¹⁾ Titmon № 29 въ Sillographorum graecorum reliquiae, rec. C. Wachsmuth, Lips. 1885, см. p. 136—137 и замѣтки издателя.

гался вънокъ и похвала, а это всего больше услаждаетъ дружбу" ¹⁾). Вотъ свидѣтельство и взглядъ Клеарха. Пустая трата умственныхъ силъ, суетная страстишка гостей—пощеголять своей находчивостью и начитанностью поставлены имъ на какой-то пьедесталъ. Привести имя азіатскаго города, начинающагося съ заданной буквы—равнѣ это остроумно? И что за обращеніе съ текстами поетовъ, которыхъ древніе философы, бывшіе не чета Клеарху, признавали за учителей взрослыхъ мужей! Жаль, что Клеархъ не привелъ между застольными грифами, если судить по сохранившимся отрывкамъ, энigmatъ въ собственномъ значеніи этого слова. Противоположеніе же, имъ сдѣланное, грифовъ своего времени и грифовъ древнихъ людей, до крайности преувеличенное, не лишено правды, если вспомнить вторженіе въ простую жизнь эллиновъ азіатской роскоши и разнузданности со всѣми яхъ послѣдствіями вскорѣ по завоеваніи Александра Македонскаго.

Совсѣмъ иначе смотрѣлъ на этотъ вопросъ объ умственной дѣятельности, расточаемой за попойками, основатель такъ-называемой второй Академіи, Аркесилай (IV—III ст. до наш. эры). На роскошномъ пиру, заданномъ въ день рожденія Алкіона, сына Антигонова, нѣкто предложилъ Аркесилаю какую-то умственную задачу (σφίσματα), прося его говорить на эту тему. Аркесилай, постоянно отказывавшійся отъ зачашечныхъ объясненій, сказалъ: „Вѣдь въ этомъ и есть особенность философіи — звать всему свое время" ²⁾). Судя по этому раяскаву Діогена Лавртскаго, надо думать, что предложеніе, сдѣланное Аркесилаю, было не въ родѣ тѣхъ, воскваленныхъ Клеархомъ, а скорѣе въ родѣ тѣхъ, которыя одобряетъ Плутархъ.

Обратимся къ послѣднему. Плутархъ въ своихъ Застольныхъ предложеніяхъ (Συμπόσιακά προβλήματα) даетъ образчики тѣхъ бесѣдъ, какія отъ считаетъ самыми подходящими въ кружкѣ образованныхъ пріятелей. Такихъ предложеній въ упомянутомъ сочиненіи 140; тутъ же помѣщены и отвѣты, изъ которыхъ дошли до насъ безъ малаго всѣ ³⁾). Послѣ умѣренного удовлетворенія себя пищей и

¹⁾ Клеархъ въ Аевней X, гл. 86. (= *Fragm. Hist. Gr.* T. II. p. 317 — 318. Didot. *Clearchi Bolesuis fr.* 45 изъ сочиненія Παρὶ κραιουσιῶν. Точка на въ этой выпискѣ означала и сдѣланными мною краткіе пропуски).

²⁾ Diogenes Laertius, *De Philos. Vit.*, ed. Cobet, Par. 1860. Ся. L. IV, с. VI, § 41—42, p. 103.— „κατατοῦμενος ἐκίστοτε τὰς ἐπιπολιλαίους ἐξηγήσεις“...

³⁾ Συμπόσιακά προβλήματα въ Plutarchi *Moralia*, занимають всю 2-ю часть тома III въ изд. *Wyttenbach's*, Oxonii 1797.

питьемъ нужно, полагаетъ Плутархъ, обращаться къ тѣмъ удовольствіямъ, которыя улаждаютъ душу, — къ разсужденіямъ, разказамъ, къ размысливанію и слушанію предметовъ интересныхъ ¹⁾. Когда такія бесѣды отойдутъ въ прошедшее, будетъ о чемъ помянуть съ пользою и удовольствіемъ, какъ и сдѣлали Ксенофонтъ и Платонъ, записавъ эти философскія бесѣды—на память и подражаніе потомству ²⁾. Въ отвѣтъ на одно предложеніе разобрать даже вопросъ о томъ, что именно изъ поэзіи и музыки можетъ быть допущено, и что не должно. Даже люди необразованные и грубые, замѣчаетъ онъ, послѣ обѣда отводятъ свои мысли далеко отъ тѣлесныхъ удовольствій, предлагая энигмы и грифы и слова, прикрытыя числами (?) (αἰνίγματα καὶ γρίφοι καὶ θίσεις ὀνομάτων ἐν ἀριθμοῖς ὑποσφύρα (forte καὶ σφύρα) προβάλλοντες) ³⁾. Плутархъ, поучая своихъ современниковъ, какъ должна быть ведена послѣобѣденная бесѣда, дружелюбно, интересно, вѣжливо, не слишкомъ учено, но и не пусто, — предоставляетъ предложеніе энигмовъ, грифовъ и т. п. людямъ необразованнымъ и грубымъ, предпочитая, разумѣется, эту умственную игру удовольствіямъ плотскимъ.

И такъ, по мнѣнію Плутарха, образованные люди въ пріятельскомъ кружкѣ должны проводить время въ такихъ бесѣдахъ, въ которыхъ пріятное соединено съ полезнымъ, не утруждая впрочемъ другъ друга слишкомъ трудными предметами: иначе дружеская бесѣда можетъ обратиться въ засѣданіе ученаго общества. Совершенно такъ по разказу Авла Геллія (II ст. по Р. X.) проводили время римскіе студенты въ Аеннахъ, когда сиравлили Сатурналии ⁴⁾. Они задавали другъ другу вопросы: объяснить мысль древняго поэта не мучительно темную, а пріятно темноватую; разрѣшить какой-либо софизмъ или грамматическую трудность и т. п. Всѣ эти задачи названы quaestiones. Только одна касается объясненія Энивеа четырестипія, въ которомъ девять разъ повторяется слово того же корня, чтобы лучше вѣтхннть и безъ того темную мысль: это и загадка и игра словъ—чистый французскій jeu de mots. По другому мѣсту Авла

¹⁾ Тамъ же въ Вѣ. Е'. ст. 753.

²⁾ Тамъ же въ Вѣ. Уг'. въ предисловіи (Προοίμιον) ст. 816—7.

³⁾ Тамъ же Вѣ. Е', въ предисловіи, р. 753. — Слова „forte καὶ σφύρα“, поставлены въ скобкахъ самимъ издателемъ, какъ его догадка. Ср. еще о предложеніи энигмовъ по окончаніи обѣда тамъ же Вѣ. Н'. р. 955.

⁴⁾ Avli Gallii, Noctes Atticae V, II, L. XVIII, всѣ главы 2-я, гев. A. Lion. Gottingae, 1824.

Геллія можно догадываться, что онъ отличаетъ задачи отъ загадокъ, когда утверждаетъ: „то, что греки называютъ αἰνίγματα, то нѣкоторые изъ нашихъ древнихъ именовали αἰγίρι“—и приводитъ три латинскіе стиха, походящіе на загадку; для отгадки же отсылаетъ къ М. Варрону въ сочиненіи De sermone Latino ad Marcellum libro secundo ¹⁾; но эта отгадка до насъ не дошла ²⁾).

Мы упомянули о разказѣ Авла Геллія, относящемся къ кружку римскому, потому только, что празднованіе Сатурналій въ этомъ кружкѣ происходило въ Аеннахъ. Подъ вліяніемъ Аеннъ и Сатурнальскій праздникъ сталъ походить на симпосій во вкусѣ Плутарха.

Странно звучитъ свидѣтельство Полидевка (=Поллука—II ст. по Р. X.). „Къ симпотическимъ (=запоечнымъ) вопросамъ, пишутъ онъ, принадлежатъ энигмы и грифы. Первый содержалъ въ себѣ шутку, а второй имѣлъ и серьезную сторону. Разрѣшимаго—надѣлали мясомъ, въ награду; кому же не удавалось отгадать, тотъ долженъ былъ выпить чашку рассола. Названъ былъ онъ грифомъ (то-есть сѣтью) отъ рыбацкихъ сѣтей. Вопросы назывались киликскими (=κολικα, то-есть зачашными); а Феодектъ софистъ, отличавшійся въ нихъ, обладавъ прекрасною памятью, называлъ ихъ мнѣмоніями“ (=μνημόνια, какъ бы памятниками) ³⁾. Мы привели свидѣтельство Полидевка въ его цѣлости. Станнымъ намъ кажется въ этомъ извѣстіи способъ автора обозначать факты въ прошедшемъ времени: содержалъ, имѣлъ, долженъ былъ; отъ этого читатель получаетъ такое впечатлѣніе, какъ будто Полидевокъ разказываетъ о какой-то старинѣ, о чемъ-то отжившемъ

¹⁾ Тамъ же L. XII, с. 6.

²⁾ О томъ немногочисл., что можно сказать объ упомянутомъ сочиненіи Варрона, см. прое. И. В. Помаловскаго диссертацию Марія Теренціи Варронъ Реатинскій и Мевиниова сатура. С.-Пб. 1869.—См. ст. 88—89. Въ прил. 620 И. В. Помаловскаго упомянуто „о какой-то стихотворной загадкѣ“, приведенной Гелліемъ въ упомянутомъ мѣстѣ. Стало быть, и нашъ латинистъ видитъ въ этомъ приведеніи загадку. Она помѣщена и у *Friedreich, Geschichte des Räthsels* 187

³⁾ *Julii Pollucis Onomasticon. Rec. Impt. Bekker Berol.* 1846. См. VI, §§ 107—8. Въ началѣ выписки я прибавилъ „вопросамъ“, хотя въ греческомъ нахожу только τῶν σικλοτικῶν; перенесъ же я сюда слово „вопросъ“, изъ послѣдующаго текста Полидевокова—гдѣ сказано: τὰ δὲ ζήτηματα ἀνομάζουτο κολικα. Здѣсь келтии замѣтить, что дѣлаемые за попойками вопросы назывались очевидно κολικα оттого, что приносились за чашами, зачашными; чаша называлась κόλιξ. Фридрихъ, упомянувъ о томъ, что лицо, которое не разрѣшало задачи, должно было выпить въ наказаніе вино, смѣшанное съ солью, или что ибудь неспріятное на вкусъ, прибавляетъ въ примѣчаніи: „Задаваемые за пирами загадки поистому назывались ζήτηματα κολικα“. Но изъ текста Полидевокова вовсе этого не видно *Friedreich, Gesch. d. Räths.* 139 и пр.

свой вѣкъ, между тѣмъ какъ послѣобѣденное развлеченіе, состоявшее въ задаваніи загадокъ и задачъ, и въ его время еще продолжало существовать: мы это видѣли изъ приведенныхъ выше мѣстъ Авла Геллія и Аеннея.

Послѣ выписки, сдѣланной Аеннеемъ (II—III в. по Р. X.) изъ Клеарха и приведенной мною выше, оканчивающейся замѣчаніемъ, что похваля „больше всего услаждаетъ дружбу“, Аенней прибавляетъ: „Вотъ что сказалъ Клеархъ: а что именно должно предлагать, это, я думаю, будетъ въ такомъ родѣ: сказать омировскій стихъ, начинающійся съ альфы и кончающійся тою же буквой:

ἀρχὸς δ' ἰοταμένη ἔκαστ' κταράντα κροσσίδα
(=близко ставъ, сказала крылатыя слова) ¹⁾“.

За снмъ слѣдуютъ подобныя этой послѣдней задачи, наполняющія всю главу 87-ю, которыхъ мы повторять не станемъ, кромѣ слѣдующей: „Сказать стихъ, котораго первый слогъ въ соединеніи съ послѣднимъ составляетъ слово, означающее что нибудь съѣстное“; наприимѣръ:

ἀργυρόκροκα Θέτις θυγάτηρ ἀλιόιο γέροντος“.
(среброногая Тетиса, дочь старца морскаго).

Здѣсь изъ *ар* и *тос* выходитъ *артос*—хлѣбъ, коровай.—Вотъ на что было обращено вниманіе читателей древняго эпоса!

Невыгодно о загадкахъ отозвалось одно лицо, изображенное въ пирѣ Семи мудрецовъ (Ἐκτὰ σοφῶν σιμπόσιον), сочиненіи, прежде приписываемомъ Плутарху. Здѣсь между прочимъ есть такой эпизодъ: приѣзжаетъ на этотъ пиръ изъ Египта посланный отъ царя Амасиса и сообщаетъ обществу пирующихъ мудрецовъ вопросы, заданные царемъ эоіопскимъ царю египетскому Амасису, и отвѣты послѣдняго. То были большею частью вопросы міровые въ родѣ слѣдующихъ: „Что всего старше?—Отвѣтъ: время.—Что всего больше?—Отвѣтъ: міръ.—Что всего мудрѣе?—Отвѣтъ: истина“ и т. д. Фалитъ осудилъ всѣ отвѣты и предложилъ на тѣ же вопросы свои отвѣты: „Что всего старше? Фалитъ: Богъ, ибо не рожденъ.—Что всего больше? Фалитъ: мѣсто (τόπος = пространство), ибо міръ объемлетъ все остальное; мѣстомъ же (пространствомъ) объемлется и міръ.—Что всего мудрѣе? Фалитъ: время, ибо одинъ вѣкъ оно уже нашло, другія же еще найдеть“ и т. д. Отвѣты Фалита были всѣми одобренны. Но упомянутое лицо, вричь, замѣтило, что дѣлать такіе во-

¹⁾ Athen. X, 87. Сравн. эту главу съ 86-ю и 69-ю той же книги.

просы и отвѣты прилично царямъ. Однако хозяинъ пира, тоже мудрецъ и вѣстѣй владѣтель, обратилъ вниманіе врача на то, что и у древнихъ эллиновъ существовалъ обычай предлагать другъ другу подобныя вопросы, и привелъ примѣръ изъ Леска. На эти возраженія хозяина врачъ произнесъ такой приговоръ (онъ-то намъ и нуженъ): „Чѣмъ же это отличается отъ энigmatъ Эвмипиды (τῶν Εὐμπίδου αἰνυμάτων)? Ев, можетъ быть, и не неприлично среди шутокъ, сплетая ихъ, какъ другія женщины среди шутокъ сплетаютъ кушачки и сѣточки, предлагать женщинамъ на разрѣшеніе; мужамъ же, одареннымъ разумомъ, принимать ихъ за нѣчто серьезное — право смѣшно. Эвмипида, казалось, охотно что-то готова была возразить, но по стыдливости удержала себя и покраснѣлась. Тогда Эсопъ, какъ бы въ защиту ей, сказалъ: „Однако это не смѣшнѣе того, когда кто не можетъ ихъ разрѣшить: какъ, напримѣръ, заданное намъ ей немножко раньше обѣда: „Я видѣлъ, какъ одинъ человѣкъ огнемъ прилѣпилъ другому мѣдъ“. Ну что это такое? Можешь сказать? А? „Мнѣ и знать не надо, отвѣчалъ врачъ“. „А между тѣмъ никто не знаетъ и не дѣлаетъ это лучше тебя, замѣтилъ Эсопъ: Если же ты это станешь отвергать, есть у меня свидѣтели — рожки“. Врачъ разсмѣялся: нѣдъ онъ преимущественно передъ всѣми врачами своего времени употреблялъ въ дѣло рожки и это пособіе черезъ него особенно вошло въ честь 1)“.

Мы считали не лишнимъ выставить здѣсь взглядъ на загадки такого типичнаго лица, какъ этотъ врачъ. Но къ какой эпохѣ отнести этотъ типъ? ко времени ли Семи мудрецовъ, какъ того желаетъ авторъ этого Симиосія, или скорѣе это одинъ изъ представителей времени самого автора? Думаемъ, что послѣднее вѣрнѣе. Авторъ же, писавшій не только позже Плутарха, но, быть можетъ, и позже Порфирія, — принадлежитъ, вѣроятно къ эпохѣ заката эллинскаго міра 2).

Г. Дестуннень.

(Окончаніе слѣдуетъ).

1) Τὸν ἀκτὰ σοφῶν οὐκ ὀκνοῦν—см. въ Plutarchi... Moralia, ed. Wyttenbach, T. I, Pars, II, cap. VIII—X. — Этотъ энigmatъ уже былъ нами приведенъ подъ № 12.

2) Фольманъ, въ своемъ двутомномъ сочиненіи о Плутархѣ, очень вѣрно, по моему мнѣнію, доназвалъ, что трактатъ „О пирѣ Семи мудрецовъ“ принадлежитъ не Плутарху, а какому-либо современу послѣ—Порепривовой эпохи. Volkman, Leben, Schriften u. Philosophie des Plutarcha. Berl. 1869.—См. часть II, ст. 188—209.

КЪ ВОПРОСУ О ПТИЦѢ СТРАФИЛЬ ¹⁾.

Голубиная книга называетъ Страфиль - птицу „всѣмъ птицамъ мати“; по словамъ знаменитаго стиха, она

Живетъ посреди моря,
Она ѣсть и пьетъ на синемъ морѣ,
Она плодъ плодитъ на синемъ морѣ.
По божьему все повелѣнью,
Отратили птица вострепенетса,
Океанъ море всколыхнетса;
Тонитъ она корабли гостинные
Со товарами драгоцѣнными.

Извѣстно также, что эта птица попала (безъ сомнѣнія, изъ Голубиной книги) въ стихъ о Егоріи, гдѣ она представляетъ одно изъ препятствій при его проѣздѣ на Русь, и что онъ велитъ ей „полетѣть во сине море“ и „дѣтей водить на камени“. Надъ этою птицей не мало потрудились толкователи знаменитаго стиха, которымъ въ послѣднее время занимался г. Мочульскій, посвятившій ему свою магистерскую диссертацию, удостоенную Уваровской преміи ²⁾. Я случайно натолкнулся на одинъ литературный фактъ, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не привлеченный къ отвѣтственности для объясненія удивительной птицы. Этотъ фактъ, какъ мнѣ кажется, открываетъ новыя виды въ этомъ небольшомъ по объему, но довольно любопытномъ вопросѣ.

17-я глава извѣстнаго средневѣковаго сборника *Gesta Romanorum* ³⁾ разказываетъ слѣдующее: Къ одному императору пришелъ нѣ-

¹⁾ Читано на VIII-мъ Археологическомъ съѣздѣ 21-го января 1890 года.

²⁾ Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книге. Варшава. 1867. О птицѣ см. стр. 140 и слѣд.

³⁾ По изданію *Oesterley. Berl. 1872*, стр. 301 и слѣд.

кій человекъ, по имени Гвидонъ, и пожелалъ поступить къ нему на службу. Что ты умѣешь дѣлать? спросилъ его императоръ. Шестъ дѣлъ, отвѣчалъ искатель фортуны: „Вопервыхъ днемъ и ночью охранять тѣло моего господина, приготовить ему постель, подавать пищу, мыть ему ноги. Во вторыхъ, бодрствовать, когда другіе спятъ, и спать, когда другіе бодрствуютъ. Втретьихъ, доброе питье пробовать и по вкусу распознавать его. Вчетвертыхъ, приглашать людей на пиръ къ чести приглашающаго. Впятыхъ, производить огонь безъ дыма и согрѣвать всѣхъ находящихся по близости. Вшестыхъ, могу показывать людямъ хорошую дорогу въ святую землю, такъ, чтобы они вернулись изъ путешествія здоровыми“. Оставляемъ въ сторонѣ повѣрку его первыхъ пяти искусствъ; они къ нашей темѣ не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія. Когда императоръ назначилъ испытаніе для 6-й службы, Гвидонъ велѣлъ всѣмъ, желающимъ идти въ святую землю, собраться на берегъ моря. „Мужи, жены и дѣти, услышавъ объ этомъ, собрались безъ числа. Гвидонъ пришелъ туда и говоритъ народу: Любезнѣйшіе, видите ли вы въ морѣ то, что я вижу? А они сказали: Мы не знаемъ (о чемъ говоришь ты). А онъ имъ: Вотъ на морѣ великая скала; поднимите глаза и смотрите. Они же сказали: Господинъ, мы довольно хорошо это видимъ, но зачѣмъ вы это говорите? А онъ: На этой скалѣ есть нѣкая птица, всегда сидящая на гнѣздѣ своемъ; въ гнѣздѣ же ея семь яицъ, которыя приносятъ ей большую радость. Природа птицы такова: пока она сидитъ на гнѣздѣ, все море совсѣмъ спокойно; а если случится, что она изъ гнѣзда вылетаетъ, то море настолько волнуется, что всякій, кто тогда по морю ѣдетъ, потонетъ. А если кто ѣдетъ, пока птица на гнѣздѣ, онъ поѣдетъ и назадъ прійдетъ безъ всякой опасности. Люди спросили: Какъ мы можемъ знать, когда птица сидитъ на гнѣздѣ своемъ, когда нѣтъ? Гвидонъ отвѣчалъ: Она оставляетъ гнѣздо свое только по одной причинѣ, а именно: есть другая птица, враждебная ей, которая днемъ и ночью старается осквернить ея гнѣздо и попредить ея яйцамъ. Птица же, которая въ гнѣздѣ, когда увидитъ, что яйца ея и гнѣздо осквернены, тотчасъ отъ горя вылетаетъ изъ гнѣзда, и тогда волнуется море и возбуждается бурный вѣтеръ. Они же сказали: Господинъ, нѣтъ ли какого средства, чтобы враждебная птица не приблизилась къ гнѣзду и чтобы такимъ образомъ мы могли спокойно переѣхать? Онъ отвѣчалъ: Нѣтъ на свѣтѣ другой вещи, которую птица враждебная такъ ненавидѣла бы, какъ кровь агнца. Окропите гнѣздо

извѣ и извнутри этой кровью, и пока хоть капля ея останется, враждебная птица никогда не осмѣлится приблизиться къ ея гнѣзду; птица останется въ гнѣздѣ, и море будетъ спокойно, и вы можете ѣхать въ святую землю и безопасно оттуда возвратиться". Слова Гвидона оправдались на дѣлѣ, и онъ былъ награжденъ императоромъ.

Изъ длинной морализаціи въ историко-литературномъ отношеніи не безынтересно только то, что авторъ кровъ агица толкуетъ кровью добровольной жертвы Христа, воспоминаніе о которой изгоняетъ изъ сердца человѣческаго враждебную птицу, то-есть, діавола.

Тождество птицы Гвидона съ Страфилемъ очевидно: она тоже плодъ плодитъ на сянѣ морѣ, и море бурно волнуется и „топитъ корабли гостинне“, когда она вострепенетса. Страфиль, положимъ, покидаетъ гнѣздо „по божьему повелѣнію“, а не вслѣдствіе борьбы съ враждебною птицей. Но и въ литературной исторіи Страфили, какъ сейчасъ увидимъ, легко указать нѣчто подобное.

Что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ вымысломъ книжника, составителя сборника *Gesta Romanorum*, а съ древнимъ преданіемъ, можно доказать документально. Известный средневѣковый поэтъ король Наваррскій Тибо знаетъ такую версію о пеликанѣ, по которой пеликанъ не самъ убиваетъ своихъ птенцовъ, какъ разказываютъ греческіе и западные средневѣковые фазіологи, но другая птица, которую Тибо называетъ: *li mauvaisoiseau* ¹⁾. А что пеликанъ имѣетъ связь съ птицей Страфиль, извѣстно всякому, кто хоть немного занимался стихомъ о Голубиной книгѣ. Еще ученая древность знала о его необыкновенной нѣжности къ дѣтямъ ²⁾ и на него перенесла египетскую сказку о птицѣ, которая кормитъ птенцовъ собственнымъ своимъ мясомъ ³⁾, сказку, которая въ Египтѣ разказывалась про коршуна, но была приурочена къ пеликану въ виду другаго разказа о томъ, какъ пеликанъ тушитъ крыльями гнѣздо свое и, опаливъ ихъ, попадаетъ въ руки охотникамъ.

Древность только повторала сказку, а суевѣрные средніе вѣка отнесли къ ней, какъ къ факту, и развили ее далѣе. По грече-

¹⁾ См. *Poésies du roi de Navarre par Lévesque de Raoullicre*. Paris. 1842. II, 155. Стр. 65 (*Lauchert*, *Geschichte des Physiologus*. Strassb. 1889, стр. 170).

²⁾ См. *Hoefcr*, *Histoire de la Zoologie*. Paris. 1878, стр. 126—127.

³⁾ *Lauchert*, *Geschichte des Physiologus*, стр. 8 и 204—205. Въ первомъ разѣ, если не ошибаюсь, встрѣчаемъ эту сказку про пеликана у Исидора въ *Этимологіяхъ*. См. *Του αἰῶνος κτηρὸς ἕμων* Ἐπιφανίου εἰς. *Autverglas*. MDLCCCVIII, стр. 82—83.

скому физиологу, изданному Лаухертомъ ¹⁾, и происшедшимъ изъ него западно-европейскимъ, пеликанъ, родивши дѣтей, убиваетъ ихъ въ гнѣвъ за непочтеніе, которое они ему выказываютъ; но на третій день начинаетъ тосковать о нихъ и оживаетъ ихъ своею собственною кровью (я опускаю легко понятную символикацію Христа, которая уже и здѣсь успѣла повліять на самое изложеніе разказа) ²⁾. Другіе физиологи идутъ еще далѣе и еще болѣе сближаютъ пеликана съ тою птицей, отъ которой зависитъ спокойствіе моря. По ихъ разказу пеликанъ водеетъ съ змѣей, которая убиваетъ дѣтей его; чтобы биться съ нею, онъ сперва вываливается въ грязь, потомъ, побѣдивъ ее, моетъ и оживаетъ своею кровью птенцовъ своихъ.

Такимъ образомъ нѣжность пеликана къ дѣтямъ дѣлаетъ его реальной основой для Страфиля ³⁾. Но онъ долженъ раздѣлять эту честь съ нѣсколькими пернатými товарищами. Назову прежде всего ту птицу, отъ которой Страфиля получилъ свое имя. Это, безъ сомнѣнія, страусъ *страудохарънос*, какъ его называетъ Діодоръ ⁴⁾. Древніе были невысокаго мнѣнія объ его умѣ и сердцѣ и справедливо обвиняли его въ небреженіи къ своимъ яйцамъ. Средніе вѣка стали находить въ немъ разныя достоинства, между прочимъ, потому, что

¹⁾ См. гл. 4.

²⁾ На основаніи этого сказанія одинъ изъ раннихъ итальянскихъ поэтовъ Giovanni dall' Orto (*Lauchet's* в. е. стр. 190) закладываетъ свою полюбленную наложить его рану, съ же напередъ, и поступить подобно пеликану, который самъ же оживаетъ тѣмъ, кого убилъ онъ. Любопытно на этомъ частномъ и маленькомъ примѣрѣ видѣть, какъ рано въ Италіи началось возрожденіе: тотъ же Giovanni рядомъ съ пеликаномъ ставитъ чудодѣйственное копьё Пелла, которое одно излечивало раны, изъ же нанесены; а учитель Данта Брунелло Латини (*Liures dou tresor*, VIII, гл. XXX. Итальянскій переводъ, стр. 232—233), приводитъ обычную сказку о пеликанѣ, сейчасъ и поправляетъ себя чимъ-то въ родѣ научнаго объясненія: птенецъ пеликана рождается почти мертвымъ, а онъ оживаетъ ихъ, обливая ихъ своею кровью.

³⁾ Кровь агнца въ *Gesta Rom.* есть, напротивъ, реминисценція о чудодѣйственной крови пеликана, причемъ посредствующимъ звеномъ могло служить обстоятельство, что и агнецъ и пеликанъ, какъ сказано, равнозначущи. Кровь того, сама напрашивается на сравненіе та кровь агнца, которому евреи отговяли ангела смерти отъ жилищъ своихъ въ Египтѣ. Напомню, что кровь у древнихъ считалась мѣстомъ души, и укажу, что въ другомъ разказѣ того же сборника (*Gesta Rom.* гл. 35. *Oesterley*, стр. 334) кровь агнца, проливая, какъ жертва на горѣ, закрываетъ врату.

⁴⁾ До него онъ наз. *страѳос* съ разными измѣненіями (см. *Noesfer* о. е. стр. 130).

лица страуса, какъ извѣстно, стали въ нѣкоторомъ родѣ церковной утварью, а стало быть и предметомъ поклоненія. Ранній греческій фیزیологъ еще обвиняетъ страуса въ забывчивости относительно яицъ, которыя онъ зарываетъ въ землю, но удивляется его тонкой астрономической наблюдательности: онъ внимательно смотритъ на небо и кладетъ свои яйца именно тогда, какъ только появятся плеяды (у Брунетто Латини—*Vergilia*). Острота его зрѣнія подала поводъ западнымъ фیزیологамъ увѣрять, что страусъ высматриваетъ свои яйца глазами ¹⁾. Отъ той же остроты зрѣнія въ позднѣйшемъ греческомъ фیزیологѣ ²⁾ исходитъ сказаніе, что, высматривая яйца, онъ не отводитъ глазъ отъ нихъ; если же это случится, то яйцо дѣлается бесплоднымъ. То же повторяетъ о „Стръко-кадилѣ“ и славянской фیزیологъ, изданный Ягичемъ ³⁾, но съ такою прибавкой: „егда хочетъ спати, тои единимъ окомъ спитъ, а друземъ блюдетъ“. Далѣе тотъ же славянской фیزیологъ продолжаетъ: „Есть другая вещь прилична къ зміи и длъжина ея есть 50 лавать. да егда видить стръкокамилу яйца рождающа, онъ приходить и зрѣть, егда камо отвратити очи стръкокамилъ, да спина (?) дъхнеть на яйца“.

Стало быть, здѣсь струбокамилъ оказывается сближеннымъ съ пеликаномъ, который воюетъ съ зміей, и съ птицей *Gesta Rom.*, ведущей борьбу съ *avis inimica*. Съ пеликаномъ же въ славянскомъ же фیزیологѣ стръкокамилъ сближенъ и тѣмъ, что онъ—тоже водяная птица: „егда рождаетъ яйца, въ воду сносятъ его“; сближенъ, но не объединенъ, такъ какъ про пеликана мы этого не слышали отъ средне-вѣковыхъ фیزیологовъ. Это указываетъ на третью птицу, свойства которой вошли въ нашего баснословнаго страфила. Въ противоположность страусу это птица очень маленькая, алкіонъ или алконокъ, какъ называютъ ее у насъ (змородокъ, *alcedo hispida*). Объ алкіонѣ даетъ обстоятельныя свѣдѣнія Аристотель, который различаетъ два его вида, упоминаетъ о томъ, что онъ кладетъ яйца зимою и стровтъ гнѣздо на морѣ, вслѣдствіе чего спокойный періодъ мор-

¹⁾ Поэтому онъ становится-символомъ Христа, который смотритъ на насъ глазами жалости, *Lancelotti* о. с. 178. Поэтому же трубадуры сравниваютъ слугу его ввора съ дѣйствіемъ очей возлюбленной, *ibid.* 185—186.

²⁾ *Pitra*, *Spocil. Solesm.* III, 868.

³⁾ Въ III кн. *Книженика*, 126; тамъ сказано, что яйцо въ такомъ случаѣ зарываетъ будеть. Запрѣтъкъ у Миклошича *окомъ земловитъ*, яйцо-болтува.

скою поверхності около времени зимняго солнцеповорота (14 дней) называли днями алкіона ¹⁾.

Древніе ему приписывали необыкновенно искусную постройку гнѣзда, прекрасное пѣніе и вѣжныя отношенія между самцомъ и самкой. Изъ послѣдняго обстоятельства возникаетъ и знаменитая повѣсть *Метаморфозъ* Овидія. Средневѣковые физиологи, какъ восточные, такъ и западные, повторяютъ то же самое относительно 14 алкіоновыхъ дней, причемъ, напримѣръ, Врунетто Латини прямо указываетъ въ этомъ особую милость Божію къ алкіону ²⁾.

Отсюда становится вполне понятна реальная основа сказанія о томъ, что спокойствіе моря зависитъ отъ „вострепетанья“ страфили или отъ сидѣнія на яйцахъ великой птицы латинскаго сборника.

Къ алкіоносту проф. А. А. Потебня ³⁾ съ полнымъ правомъ привлечь малорусскую пѣсню о ремезѣ:

Ой ти ремезо, ремезонько!
Не мости гнѣзда надъ Десною
Во Десна з весни прибуває
Вона жъ твоихъ дитокъ затопляє,

а къ ремезу 12-й разказъ Панчатантри о турухтанѣ ⁴⁾ и его самкѣ, литературную исторію котораго такъ обстоятельно прослѣдилъ въ рѣдѣлахъ отдаленнаго востъ ока Венфей въ § 82 своего введенія къ Панчатантрѣ.

Напомню вкратцѣ содержаніе разказа. На берегу моря жилъ турухтанъ съ своею самкой. Самка боялась класть яйца у самаго моря, но мужъ ее успокоилъ: не осмѣлится море тронуть нашихъ яицъ. Услышало эту, повидимому, нелѣпную похвальбу море и рѣшило узнать, что же сдѣлаетъ турухтанъ, если оно похититъ

¹⁾ Аристотель (*Hofer* о. с. стр. 136) приводитъ о немъ стихи Симониды:

Ἦς ὑπόταν χειρῶν κατὰ μῆνα
Πυθόκη Ζεὺς ἤματ' ἰσοσαρανάβακα
Δυνθάνειόν τε μιν ἄραν
Καλέουσι ἐπιχθόνιοι ἱεράν
Παίδετρόφον κοίτηλας ἀκιδνός.*

²⁾ См. напримѣръ объ алкіоностѣ у ив. *Власюка*. О литер. исторіи энтомолога. Памятники О. Л. Д. П. 1878—1879, стр. 56 и 62. У Врунетто гл. XIV.

³⁾ *Р. Филологическій Вѣстникъ* 1888 г. III, стр. 68 и слѣд.

⁴⁾ Турухтанъ по греч. χαράβριος, то-есть, халендрій нашихъ энтомологовъ, про котораго разказывали, что онъ крыльями тушитъ солище и потомъ окунается въ морѣ. Памятн. О. Л. Д. П. 1878, стр. 61.

его яйца. Яйца унесены водою; самка горюетъ, а туруктанъ въ страшномъ гнѣвѣ. Онъ собираетъ всѣхъ птицъ, и онѣ готовы покорять ему. Сперва птицы хотѣли вычерпать все море клювами, но скоро увидали тщету своего предпріятія. Тогда онѣ пожаловались божественной птицѣ Гарудѣ, и та, принявъ горячо къ сердцу обиду меньшаго изъ своихъ братій, объявила богу Вишну, что отказывается служить ему, если онъ не удовлетворитъ туруктана. Вишну грозить своимъ гнѣвомъ морю, и послѣднее должно позвратить туруктановы яйца.

Въ этомъ разказѣ, по сравненію съ предыдущими сказаніями о Страфили и его родителяхъ, мы имѣемъ очень характерный случай того на первый взглядъ страшнаго явленія, что историко-литературный фактъ, наиболѣе древній по своей записи, оказывается наиболѣе новымъ по своему происхожденію. Фантазію буддиста, автора разказанной повѣсти, очевидно, возбудила противоположность между громадностью моря и ничтожностью самоубвенной птички, строящей гнѣздо близъ берега, — это мотивъ чисто личнаго творчества; между тѣмъ какъ въ нашемъ духовномъ стихѣ, расписуемомъ чуть не до сихъ поръ, мы имѣемъ одну изъ самыхъ архаическихъ формъ сказанія. Но возвращаясь къ болѣе или менѣе реальнымъ родителямъ сказочнаго Страфиля. Итакъ, отъ пеликана унаслѣдовалъ онъ гнѣзность къ итендамъ; отъ страуса имя, величину и остроту его зрѣнія; отъ алкіона вліяніе на море; отъ алкіона же птица латинскаго сборника унаслѣдовала и семь яицъ, которыми здѣсь явились очевидной замѣной семи (точнѣе дважды семи) дней алкіоновыхъ. Есть у Страфиля и другіе родичи, связь съ которыми не такъ близка, но можетъ быть доказана также документально. Сюда относится грифъ, о необыкновенной силѣ котораго разказывали чудеса ¹⁾ и о которомъ Дамаскинъ Студитъ ²⁾ говоритъ: „Едини бо отъ птицъ (гупи, то-есть грифы) точатъ млеко стегно разрѣзавши

¹⁾ Хищнаго греев, а не миролюбиваго и неумящаго летать страуса, имѣли въ виду многочисленныя восточныя и западныя сказанія о громадной птицѣ, пожиравшей людей и затемняющей свѣтъ солнца.

Въ переводѣ Писиди 1385 г. его, конечно, надо разуть подъ именемъ нога:

Откуда же ногъ веломочную взяла силу
И вода иторгъ готовымъ хищникомъ

(Памяти Писидики. Общ. Л. Д. П. 1882, стр. 28).

²⁾ Цитирую по рп. Ф. И. Буслаева XVIII в. „Собраніе отъ древнихъ египетскихъ о мнѣхъ собстванъ естества животныхъ“.

кровавыми жилами и млечными сморги (сукровицею?) оживляютъ дѣтя¹⁾, что сближаетъ его съ дѣтолюбивымъ великаномъ. Сюда же относятся коршунъ и ансть, которыхъ въ византийскую эпоху иногда смѣшивали въ одномъ названіи *âcda* (v. Du Cange s. v.) и приравнивали къ страусу²⁾ за остроту зрѣнія и знаніе времени года. Та же острота зрѣнія заставляла привлекать къ дѣлу и орла, про котораго (какъ про халендрій) рассказывали, что онъ залетаетъ къ солнцу, обжигаетъ себѣ крылья и падаетъ въ воду, гдѣ снова оживаетъ³⁾, а это напоминало о фениксѣ и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ историко-литературная связь вѣдъ сомнѣнія.

До сихъ поръ я строго держался фактовъ; теперь волей волею долженъ перейти въ область догадокъ и предположеній, можетъ быть, нѣсколько субъективныхъ. Самая важная на мой взглядъ черта въ привлеченномъ мною разказѣ Дѣланій, черта, не имѣющая реальной основы и только изрѣдка и неясно выступающая въ вышеприведенныхъ литературныхъ данныхъ о великанѣ и славянскомъ струеоскамитѣ,—есть борьба чудесной птицы съ другимъ существомъ.

Мы видѣли, что великанъ воюетъ съ змѣею, стрькокамилъ записываетъ гнѣздо свое отъ „вещи приличной къ змѣи“³⁾. Какой первоначальный врагъ Страфила: птица или змѣя?

А priori возможно и то и другое, такъ какъ въ космогонической борьбѣ—а едва ли можно сомнѣваться, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ космогоническимъ мифомъ, равниннмъ или поединкмъ, народнмъ или замѣстovanнмъ, это другой вопросъ,—враги могутъ имѣть одинаковую форму (двухъ боговъ, двухъ героевъ, двухъ птицъ, двухъ драконовъ и т. д.) или разную, причемъ начало враждебное чаще всего выражается въ ненависти для человѣка формъ змѣя. Но въ данномъ случаѣ, я склонялся бы къ предположенію, что первоначально это была борьба двухъ птицъ.

Здѣсь, я полагаю, мы имѣемъ дѣло съ одной изъ формъ дуалистическаго представленія о борьбѣ добра со зломъ; дуализмъ, какъ

¹⁾ Brunatto. Гл. VIII, 214—5.

²⁾ Strás in christlichen heiszt iz *âcda*; Lauchert o. c. 297.

³⁾ Къ этимъ указаніямъ могу прибавить еще одно, сколько знаю, до сихъ поръ не привлеченное къ дѣлу, но и довольно неясное. Въ томъ же сборникѣ Gesta Rom. въ гл. 37 (Oesterley, стр. 337) говорится: Refert Plinius quod aquilla in altum volat et nidificat, ejus pullis insidiatur serpens quidam, qui vocatur terwas (?). Эта змѣя отравляетъ орлятъ своимъ дыханіемъ, но орлы умиютъ защитить ихъ камнемъ *achates* (агаты?)

извѣстно, связываетъ богумильство съ манихействомъ и манихейство съ маадеизмомъ и отражается во многихъ „ународившихся“ на Руси сказаніяхъ.

Приведу только два-три изъ тѣхъ, которыя имѣютъ связь съ этой формой.

По извѣстному апокрифу ¹⁾, сатанилъ при сотвореніи міра является въ видѣ птицы и плаваетъ „яко гоголь“.

По малорусскому сказанію, при сотвореніи міра Богъ „литавъ св. Духомъ (то-есть, опять-таки птицею) по-надъ водою“ ²⁾; по водѣ же плаваетъ „какъ головешка“ и сатанилъ. По малорусскимъ колядкамъ, міръ творять два (иногда три) голубя ³⁾.

Пропуская посредствующія звенья, переходу прямо къ древней Персіи.

По Брейцеру ⁴⁾, бдительные съ острыми зрѣніемъ духи символически изображаются въ видѣ птицъ; они были врагами Аримана и во главѣ имѣли птицу Зорощъ. Но и дэви Аримана тоже изображаются въ видѣ птицъ грифовъ, живущихъ въ пустыняхъ и причиняющихъ всякія мерзости людямъ.

По Шингелю ⁵⁾, въ Авестѣ есть вѣщая и мудрая птица Чаена, которая въ др. религіозныхъ книгахъ называется Çinashgi. По Виндишману ⁶⁾, въ Bundebesch'ѣ есть птица Çamgus, которая живетъ на горѣ Nagburj (какъ Астрахтирь Егорья на камени) и даетъ людямъ жизнь и молодость и покой всему свѣту. По тому же источнику пѣтухъ (морской пивень малорусскихъ преданій, который своимъ пѣніемъ будитъ всѣхъ пѣтуховъ на свѣтѣ) созданъ для уничтоженія духовъ и волшебниковъ.

По тому же Шингелю ⁷⁾, птица Симургъ иранскаго эпоса ⁸⁾ воспринимаетъ въ своемъ гнѣздѣ Заба, основателя согестанской династїи, помогаетъ ему при рожденіи Рустема, излечиваетъ впоследствии раны Рустема и пр.; тотъ же Симургъ препятствуетъ проѣзду Исфендиара, какъ Астрахтирь проѣзду Егорія.

¹⁾ Налеч. прое. *Порфирьевымъ*, по Сборнику XVII в.

²⁾ Прое. *Сумцовъ*, Очерки исторіи и пр., стр. 24.

³⁾ *Ibid.*, 26—27.

⁴⁾ *Symbolik u. Mythologie*, I, 221—223.

⁵⁾ *II*, 218.

⁶⁾ *Zoroastr. Studien*. Berl. 1863 г., стр. 92.

⁷⁾ I, 685, 872, 683, 717 и 721.

⁸⁾ По *Herbelot*, *Bibl. Oriental*, v. 259, Simorg=Grifon.

Въ талмудическихъ сказаніяхъ чудесныя птицы играютъ довольно видную роль; сказаніе о Соломонѣ упоминаетъ повелителя моря, который отдаетъ камень тамиръ на храненіе глухарю ¹⁾).

Этими цитатами я вовсе не надѣюсь убѣдить васъ, что птица Страфиль пришла къ намъ непосредственно изъ Ирана и воспроизводитъ на русской почвѣ божественную птицу Авесты или, даже эпического Симурга. Я только хотѣлъ показать, что Страфиль имѣетъ родичей на отдаленномъ востокѣ, родичей, можетъ быть, не близкыхъ.

Темное воспоминаніе объ одномъ изъ нихъ могло повліять на развитіе на востокѣ дуалистическаго сказанія, которое тамъ же на востокѣ, но не въ Иранѣ, конечно, осложнилось представленіемъ о помощи, оказываемой доброду началу кровавою жертвою. Когда и какъ это сказаніе попало на великій базаръ средневѣковыхъ преданій, мы не знаемъ; но, очевидно, что попало оно не въ одномъ экземплярѣ, а въ нѣсколькихъ, далеко не тождественныхъ.

Въ Византіи, безъ сомнѣнія, осложнилось оно своеобразнымъ реализмомъ физиологовъ и отчасти искусства,—еще въ 1861 г. Э. И. Буслаевъ указалъ въ Астрахирѣ стиха о Егоріи отзвукъ какого-то украшенія звѣринаго стиля,—и черезъ посредство письменности попало на плодородную почву русской народной поэзіи, гдѣ въ двухъ духовныхъ стихахъ произвело образъ, не лишенный грандіозности и величія.

А. Кирпичниковъ.

¹⁾ Общ. Л. Др. И., 1880, III, 6. Ср. вышеприведенную цитату о камнѣ *achates* изъ *Gesta Rom.*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Покореніе Финляндіи. Опытъ описанія по повѣданіямъ источникамъ. К. Ордина. Два тома. С.-Пб. 1889.

Неопредѣленность существующихъ у насъ представлений о политическихъ отношеніяхъ Россіи и Финляндіи побудила г. Ордина выяснить, по преимуществу на основаніи имѣющихся въ Россіи источниковъ, исходную точку этихъ отношеній, иначе говоря—составить историческій очеркъ завершеннаго въ 1809 году покоренія Финляндіи. Такимъ образомъ явился почтенный ученый трудъ, можно сказать, единственный въ своемъ родѣ въ нашей литературѣ. Достоинства его уже оценены Академіей Наукъ, удостоившею его преміи митрополита Макарія. Позволимъ себѣ познакомить нашихъ читателей поближе съ содержаніемъ этого любопытнаго и поучительнаго изслѣдованія и попутно предложимъ нѣсколько замѣчаній по его поводу.

Въ первыхъ, такъ-сказать, вступительныхъ главахъ перваго тома подробно изложены первые шаги русскаго владычества въ Финляндіи до Петра I. Какъ извѣстно, по Ништадтскому трактату 30-го августа 1721 г., Россія приобрѣла часть Кареліи и Выборгской губерніи съ городами Кексгольмомъ и Выборгомъ, а слѣдовавшій послѣ того войны со Швеціей раздвинули границы русскихъ владѣній въ Финляндіи до береговъ Кюмени. Г. Ординъ ничего не говоритъ о порядкѣ управленія въ этой „старой“ Финляндіи. Но слѣдуетъ замѣтить, что указомъ императрицы Екатерины 1781 и 1788 годовъ (И. С. З. №№ 15171 и 15795) предписано было издавное для имперіи учрежденіе объ управленіи губерніей привести въ исполненіе и въ Выборгскомъ намістничествѣ, составивъ оное изъ шести уѣздовъ—Выборгскаго, Сер-

добольскаго, Коксгольмскаго, Нейшлотскаго, Вильманstrandскаго, Фридрихсгамскаго, а мѣстечко Сердоболь переименовать въ городъ. 9-го октября 1784 г. (П. С. З. № 16077) послѣдовалъ также указъ, что во всемъ томъ, на что въ Высочайшихъ учрежденіяхъ есть точное предписаніе, поступать должно по сему Высочайшимъ учрежденіямъ; по законамъ же, подтвержденнымъ для Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи, поступать слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ и обстоятельствахъ, на что нѣтъ указаній въ Высочайшихъ учрежденіяхъ. Но это начало объединенія Выборгскаго намѣстничества съ Россіей прекратилось со смертію императрицы. Указомъ 12-го декабря 1796 г. (П. С. З. № 17631) императоръ Павелъ повелѣлъ въ Выборгской губерніи, за оставленіемъ губернскаго правленія и казенной палаты съ канцелярствомъ, восстановить всѣ тѣ присутственныя мѣста, которыя по прежнимъ тамошнимъ правамъ и привилегіямъ существовали до открытія въ оной намѣстничества, какъ въ губернскомъ городѣ, такъ и по другимъ городамъ и уѣздамъ, а въ 1797 году февраля 26-го (П. С. З. № 17823) изданъ указъ о восстановленіи въ Выборгской губерніи всѣхъ прежде существовавшихъ тамъ мѣстъ и чиновъ.

Послѣ кратковременнаго царствованія императора Павла, отношенія Россіи и Швеціи при императорѣ Александрѣ I быстро ухудшились и привели къ войнѣ 1808 года. Начиная эту войну, наше правительство полагалось на слова знатоковъ финляндскихъ дѣлъ, какъ Спренгтвортъ, о полной готовности финляндцевъ подчиниться Россіи даже безъ выстрѣла; поэтому военныя дѣйствія открылись безъ достаточнаго количества войскъ съ нашей стороны. Полагали занять всю Финляндію ничтожными силами, посылаемыми какъ бы только про форма. Дѣйствительно, сначала войска наши быстро шли впередъ, заняли всю южную и среднюю Финляндію, взяли Свеаборгъ, а на сѣверѣ дошли до Гамле-Карлебу при Вотническомъ заливѣ и сразились со шведами при Сиккаюки. Послѣ того однако наступилъ періодъ утраты почти всего, что было приобретено. Шведы нанесли пораженіе Булатову при Револаксѣ, что заставило Раевского начать отступленіе. Руководимые по преимуществу Адлеркройцомъ, шведы разбили Обухова, шедшаго изъ Куопіо съ паркомъ и обовами, при Пухлиго; это окончательно рѣшило наше положеніе въ восточной Финляндіи; прокламаціи изъ Стокгольма разжигали въ населеніи ненависть къ русскимъ. Отряды партизановъ появлялись повсемѣстно и сдѣлали войну народною. Но прибытіе свѣжихъ войскъ изъ Петербурга скоро измѣнило положеніе дѣлъ. Послѣдовалъ опять рядъ успѣховъ со стороны русскаго

войска, приведшихъ къ окончательному вознагражденію весеннихъ потерь. Каменскій дошелъ опять до Вотническаго залива и разбилъ шведовъ при Оровайсѣ; Властовъ опять занялъ Гамле-Карлебу. Шведы просили перемирія; ихъ главнокомандующій Блингспорръ предполагалъ ѣхать въ Стокгольмъ, убѣдить короля въ невозможности обратно завоевать Финляндію и испросить разрѣшеніе вывести всѣ войска въ Швецію. Русское правительство желало дать отдохъ утомленнымъ войскамъ, привести ихъ въ порядокъ и избѣжать военныхъ дѣйствій въ наступающее ненастное и суровое время. Кромѣ того, ощущался большой недостатокъ въ продовольствіи. Поэтому нашъ главнокомандующій графъ Буксгевденъ и согласился заключить 17-го сентября 1808 года перемиріе въ Лохто на неопредѣленное время. Извѣстіе объ этомъ перемирії пришло въ Петербургъ одновременно съ извѣстіемъ объ отступленіи партизана Сандельса отъ Тайвола къ Иденсалми, изъ опасенія быть отрѣзаннымъ.

Перемиріе это встрѣчено было въ Петербургѣ неодобреніемъ. Изъ обнародованныхъ недавно „Журналовъ комитета министровъ“ (т. I, С.-Пб. 1888. Царствование императора Александра I, стр. 179 и 197; документы эти, кажется, не были извѣстны г. Ордину) видимъ, что комитетъ министровъ по докладу ему о заключенномъ Буксгевденомъ перемирії единогласно положилъ: предоставить военному министру, именемъ его величества, объявить графу Буксгевдену, чтобъ онъ перемиріе немедленно разрушилъ и причиненную онымъ въ дѣйствіяхъ остановку вознаградилъ бы послѣднимъ движеніемъ Тучкова. Буксгевденъ, донося о началѣ военныхъ дѣйствій, сообщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что, сверхъ извѣстныхъ уже причинъ, онъ побужденъ былъ къ заключенію перемирія недостаткомъ продовольствія войскъ у Гамле-Карлебу, происходящимъ отъ затруднительности и отдаленности подвоза провіанта, и наконецъ, усталостью войскъ, бывшихъ въ непрерывныхъ движеніяхъ всю прошедшую весну и лѣто.

Недовольный дѣйствіями Буксгевдена, императоръ Александръ замѣнилъ его Кноррингомъ и требовалъ исполненія первоначальнаго своего плана и желанія, именно—перенести войну въ самую Швецію и, воспользовавшись для того зимнимъ временемъ, перейти по льду Вотнической залива. Но Кноррингъ провелъ самые благоприятные мѣсяцы для похода по льду въ предварительныхъ распоряженіяхъ и перепискѣ. Медленность распоряженій Кнорринга вызвала внушеніе ему со стороны государя, вслѣдствіе чего Кноррингъ просилъ объ увольненіи отъ командованія. Но императоръ, не увольняя его, по-

сдѣлать Аракчеева съ повелѣніемъ двинуть войска чрезъ Вотническій валень.

Дѣйствительно, въ первыхъ числахъ марта войска отдѣльными колоннами двинулись въ различныхъ мѣстахъ, у Аландскихъ острововъ и изъ Вази, на шведскій берегъ, при 15^о морова, а 12-го марта Барклай де-Толли взялъ Умео, Кульневъ занялъ Гриссалъгальмъ, въ ста верстахъ отъ Стокгольма, а графъ Шуваловъ заставилъ Гриппенберга покинуть Торнео. Послѣ того война немного приостановилась. Въ Швеціи совершился государственный переворотъ. Густавъ IV Адольфъ былъ принужденъ отречься отъ престола, и въ управленіе королевствомъ вступилъ дядя его герцогъ Зюдерманландскій, занявшій престолъ подъ именемъ Карла XIII. Начались переговоры о перемиріи, которое и было заключено Кноррингомъ. Онъ былъ противникъ этого смѣлаго движенія, не понималъ ни желаній государя, ни цѣны русскаго героизма, ни значенія совершенныхъ уже подвиговъ. Онъ отозвалъ войска и испросилъ у шведовъ, точно у побѣдителей, словесное увѣреніе, что до окончательнаго заключенія мира они не приближаются къ занятымъ русскими войсками Финляндіи и Аландскимъ островамъ. Это перемиріе приостановило военныя дѣйствія, но Финляндія уже была вся окончательно завоевана и включена въ составъ Россіи. Кноррингъ подалъ въ отставку и въ концѣ апрѣля сдѣлалъ свою должность назначенному на его мѣсто Барклай-де-Толли. Немедленно Аландское перемиріе было отменено, и военныя дѣйствія возобновились въ Швеціи. Вскорѣ командованіе заботническими войсками поручено было графу Каменскому, блистательно завершившему кампанію 1808 года окончательнымъ покореніемъ Финляндіи. Тѣмъ временемъ начались въ Фридрихсгамѣ давно подготовлявшіеся переговоры о мирѣ, но обѣ стороны усиливали свои войска. Министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Румянцовъ, приступая къ переговорамъ съ барономъ Стедингомъ, настаивалъ, чтобы Каменскій шелъ впередъ, увѣренный, что при небольшомъ его успѣхѣ шведы уступятъ и подпшутъ миръ.

Каменскій, вынуждаемый необходимостью искать продовольствія, подвигался впередъ на югъ; тамъ страна была плодороднѣе и обилвала запасами. Вскорѣ послѣдовали кровавыя битвы при Севарѣ и Ратанѣ. Тѣмъ не менѣе Каменскій не могъ болѣе держаться безъ хлѣба и зарядовъ; надежды на подвозъ моремъ не было; Вотническій валень былъ въ рукахъ шведовъ. Каменскій потянулся къ сѣверу, чтобы запасть необходимымъ и опять возвратиться. Онъ дошелъ 18-го августа до

Питео, гдѣ встрѣтилъ подошедшіе изъ Улеборга обобы; снабдивъ войска и давъ имъ отдохнуть, онъ пошелъ опять въ Умео 21-го августа. Дорогой встрѣтилъ его генералъ Сандельсъ, пріѣхавшій съ съ полномочіемъ заключить перемиріе. 1-го сентября 1809 года открылись въ Фридрихгамѣ переговоры о мирѣ, миръ подписанъ былъ 5-го числа, а ратификація его послѣдовала 1-го октября въ Петербургѣ. По этому миру уступалась не Финляндія или великое княжество, какъ единица, представляющая нѣчто организованное, но нѣсколько губерній, составляющихъ Финляндію, которыя будутъ отнынѣ состоятъ въ собственности и державномъ обладаніи имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются. (статья 4-я трактата). Въ тотъ же день подписанъ былъ Александромъ манифестъ о мирѣ со Швеціей.

Таковъ былъ ходъ военныхъ дѣлъ, приведшихъ къ присоединенію Финляндіи къ Русской державѣ. Теперь вернемся немного назадъ и посмотримъ, что происходило въ только-что завоеванной Финляндіи въ продолженіе всего того времени, пока мы вели войну со шведами.

Приступая къ войнѣ въ 1808 году, русское правительство желало облегчить свою военную задачу путемъ привлеченія на свою сторону населенія Финляндіи, въ которомъ предполагало найдти нерасположеніе къ шведскому правительству. Какъ уже сказано, это предположеніе особенно защищалъ извѣстный баронъ Спренгтпортенъ, бывшій любимецъ Густава III, поссорившійся съ нимъ и еще въ 1786 году переселившійся въ Россію. Еще въ 1787 году онъ представлялъ императрицѣ Екатерины ъ мемуаръ о положеніи шведской Финляндіи и проектъ предоставленія ей независимости, созванія сейма и т. д. Онъ увѣрялъ императрицу, что финляндцы охотно примутъ покровительство Россіи; посланка небольшого отряда собственно для поддержанія финскихъ войскъ и созваніе мѣстнаго финляндскаго сейма рѣшили бы навсегда судьбу Финляндіи. Когда Густавъ объявилъ Екатерины ъ войну, въ стоявшей въ Финляндіи шведской армии образовалась такъ-называемая Аньяльская конфедерация, желавшая свергнуть короля, а Спренгтпортену были поручены ближайшія сношенія съ заговорщиками. Но это не привело ни къ какимъ результатамъ. Въ кампанію 1789 года онъ командовалъ отрядомъ противъ шведовъ, былъ разбитъ на голову при Парасальми и едва спасся отъ плѣна. Абовскій гофгернхтъ заочно приговорилъ его къ смертной казни. Послѣ того онъ не принималъ уже болѣе участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, но оставался въ русской службѣ. Въ 1808 году, уже на склонѣ дней своихъ, Спренгтпортенъ.

оказался опять передъ тою же самою задачею, которая волновала его въ молодые годы. Для осуществленія ея онъ опять сталъ увѣрять, что Финляндія желаетъ присоединенія къ Россіи. Впрочемъ, одинъ изъ дѣятелей Аньяльской конфедераціи, шведскій майоръ Кликъ, бѣжавшій отъ суда и казни изъ Швеціи въ Россію, гдѣ и принялъ подданство, высказывалъ также, что раздвинуть Швецію не трудно и послѣ завоеванія не трудно сохранить Финляндію, если пріобрѣсти довѣріе и привязанность народа, обративъ вниманіе на желанія и шведовъ, и финновъ. „Конечно“, прибавлялъ онъ, — „не должно быть и мысли о томъ, чтобы входить съ финляндцами въ какія бы то ни было соглашенія. Побѣдивъ страну силой, ей предложить потомъ, какъ милость, тѣ преимущества, которыя найдутъ выгоднымъ для себя дать ей“. При началѣ войны 1808 года Кликъ предлагалъ свои услуги, надѣясь, что онъ можетъ сдѣлать что-либо для благопріятнаго расположенія умовъ въ Финляндіи. Ему было разрѣшено отправиться туда какъ бы по личнымъ дѣламъ, а въ случаѣ надобности, продолжать путешествіе и за кордонъ русской арміи. Спренгтпортенъ же былъ назначенъ 29-го января 1808 года въ дѣйствующую армію состоять подъ командою главнокомандующаго графа Буксгевдена и исполнять въ точности его приказанія. Но самъ онъ мечталъ руководить дѣйствіями Буксгевдена и присоединеніемъ Финляндіи пріобрѣсти славу рѣшителя ея судьбы. Отъ вмѣшательства въ военныя дѣйствія онъ отказался, однако вмѣшивался косвенно и писалъ о нихъ свои замѣчанія; но дѣламъ же политическимъ во всемъ, что касается шведской Финляндіи, онъ писалъ прямо министру иностранныхъ дѣлъ, графу Румянцову, помимо главнокомандующаго; этимъ онъ былъ какъ бы независимъ отъ графа Буксгевдена.

Спренгтпортенъ въ числѣ первыхъ мѣръ воздѣйствія признавалъ прокламаціи, которыя должны были предупредить вступленіе русскихъ войскъ въ страну. Прокламація дѣйствительно была составлена, подписана графомъ Буксгевденомъ, отпечатана и распространена 9-го февраля. Въ ней къ жителямъ Финляндіи говорилось между прочимъ слѣдующее: „Будьте спокойны, мирны и безъ всякой боязни въ жилищахъ вашихъ, добрые сосѣди, мы идемъ къ вамъ не яко непріатели, но какъ друзья и защитники для содѣланія участи вашей счастливѣйшею“ и т. д. Отмѣтимъ въ ней еще слѣдующее мѣсто: „А какъ могутъ еще многія представиться дѣла, для рѣшенія конхъ потребно доброе соседственное согласіе, взаимная въ сужденіяхъ довѣренность и едино-

мыслие въ заключеніяхъ, то и приглашаетесь вы, какъ наискорѣе при-
слать депутатовъ вашихъ изъ каждой провинціи по узаконенному и
при обыкновенныхъ сеймахъ соблюдаемому порядку. Они имѣютъ
явиться въ городъ Або для совѣщанія о всемъ, что къ благу вашей
земли учивено быть можетъ. Великое княжество Финляндское отнынѣ
и далѣе почитаться будетъ наравнѣ съ прочими завоеванными Рос-
сійскою имперіей областями^а и т. д.

Малоръ Кликъ находилъ прокламацію неудачно написанною и
представилъ графу Румянцову свои замѣчанія на нее. Въ дѣйствитель-
ности она не произвела желаемаго дѣйствія на населеніе. Къ тому
же и шведское правительство издавало съ своей стороны воззваніе, призы-
вало населеніе къ вооруженному сопротивленію, говорило, что русскіе
войска грабятъ жителей, разворяютъ страну и т. д.; это побудило
Вуксгевдена къ изданію новой прокламаціи.

Войска наши, перейдя границу 9-го февраля 1808 г., подвигались
впередъ, заняли Гельсингфорсъ, обложили Свеаборгъ, а 24-го фе-
враля взяли уже Тавастгустъ. При быстротѣ движенія, главнокоман-
дующій не могъ обратить полного своего вниманія на устройство
гражданскаго управленія въ постепенно занимаемыхъ областяхъ; это
дѣло было наиболѣе близко къ сферѣ дѣйствій, назначенной Спренгт-
портену, который и писалъ гр. Румянцову еще 10-го февраля между
прочимъ слѣдующее: „Всѣ провинціи шведской Финляндіи по занятіи
ихъ нашими войсками должны по Высочайшей волѣ государя
императора сохранять свои законы, права, преимущества, нравы
и обычаи, какъ было прежде. Я полагаю однако нужнымъ въ каждой
занятой провинціи установить, съ нашей стороны, временное управ-
леніе, не посягая на существующія права жителей^а. Г. Ординъ, къ
сожалѣнію, не останавливается на вопросѣ первостепенной важности,
отстраняющемъ всѣ прочія догадки и предположенія, именно — на
сколько было вѣрно сообщенное Спренгтпортею изложеніе Высочайшей
воли, предрѣшавшей ясно и положительно строй государственнаго
управленія въ Финляндіи послѣ ея завоеванія. Согласно ли
было изложеніе письма съ дѣйствительною волею монарха?

Гр. Румянцовъ отвѣтилъ Спренгтпортену, что государь одобрялъ
его мнѣніе; для организаціи гражданскаго управленія въ шведской
Финляндіи, послѣ ея завоеванія, подчиненъ былъ Вуксгевдену ви-
боргскій гражданскій губернаторъ Эминъ, но Вуксгевденъ предо-
ставлялъ его въ полное распоряженіе Спренгтпортена. Предпринятые
нимъ распоряженія по гражданскому управленію состояли изъ отри-

вочныхъ законоположеній (теперь уже, конечно, не дѣйствующихъ), издаваемыхъ по мѣрѣ того, какъ войска наши подвигались впередъ, и возникали въ томъ или другомъ случаѣ затрудненія. Мы не станемъ о нихъ упоминать, тѣмъ болѣе, что въ то время на первомъ планѣ стояли заботы политическія—о привлеченіи умовъ въ Финляндію въ пользу русскаго владычества.

Заявъ 10-го февраля Ловизу, Буксгевденъ сообщилъ гр. Румянцову о необходимости привести жителей занимаемыхъ мѣстностей къ присягѣ. При общемъ мнѣніи, что финляндцы желаютъ отдѣлиться отъ Швеціи и вступить подъ покровительство Россіи, актъ присяги считался дѣломъ легкимъ и естественнымъ. Государь находилъ, что присяга не только полезна, но и необходима. Онъ полагалъ, что всего лучше употребить при этомъ обыкновенную присягу на вѣрно-подданство. Однако, на самомъ дѣлѣ приведеніе жителей къ присягѣ замедлилось.

Говоря о присягѣ, Спренгтпортенъ въ своемъ письмѣ упоминалъ также, что баронъ де-Гееръ, наибогатѣйшій изъ помѣщиковъ шведской Финляндіи (бывшій губернаторъ Ловизы), съ двумя депутатами отъ дворянства, изъявилъ желаніе присягнуть. Государь назначилъ дать Гееру, еще до принятія присяги, или орденъ св. Александра Невскаго, или же табакерку, украшенную портретомъ Его Величества и алмазами. Спренгтпортенъ нашелъ, что лучше дать табакерку, которую Гееръ и получилъ; депутатамъ же данъ былъ орденъ св. Анны 2-й степени. Но когда дошло дѣло до присяги, то де-Гееръ сталъ колебаться и объявилъ, что онъ и другіе помѣщики приступить къ сему дѣлу страшатся, боясь своихъ крестьянъ, и что надобно прежде привести къ присягѣ поселянъ.

Это очень вразумило Буксгевдена. Барону Гееру повторили приглашеніе исполнить общаеиное; на это онъ письменно отвѣтилъ Эмину: „Въ одномъ частномъ разговорѣ съ Спренгтпортеномъ относительно присяги я, правда, изъявилъ готовность сообразоваться съ нею, но не ранѣе того, какъ всѣ жители могли и должны были бы надлежащимъ образомъ принести эту присягу“.

Спренгтпортенъ однако не смутился этимъ недоразумѣніемъ. Онъ писалъ Буксгевдену по этому поводу слѣдующее: „Гееръ и его соотечественники здѣсь, тамъ, вездѣ вовсе не отказывались и не откажутся отъ присяги. Они отказываются только подчиниться тому, что законы войны и право сильнаго должны имъ приказывать исполнить, и это совершенно естественно. Люди чести не могутъ просить сдѣлаться клятво-

преступниками; но они исполнять даже съ удовольствіемъ долгъ признанія новаго государя, когда имъ это прикажутъ“.

Такъ баронъ Гееръ тогда и не присягнулъ, и табакерки не получилъ; но это дѣло было послѣднимъ отголоскомъ полемики Спренгт-портена съ Буксгевденомъ; послѣдній объявилъ ему, что прекращаетъ всякія съ нимъ препирательства, какъ письменныя, такъ и словесныя, о предметахъ, не ведущихъ прямо къ дѣлу, указанной Высочайшею волей. Спренгтпортенъ отвѣтилъ, что ему ничего не остается болѣе, какъ дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ непосредственно государю. Онъ въ самомъ дѣлѣ вскорѣ получилъ разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ, куда и прибылъ 17-го марта. Здѣсь онъ всячески интриговалъ противъ Буксгевдена и проводилъ свою идею о созывѣ финляндскаго сейма въ Або, о чемъ намекалъ еще ранѣе въ письмѣ своемъ къ гр. Румянцову отъ 8-го марта.

Вопросъ о присягѣ вслѣдствіе столкновенія съ Гееромъ затягъ и еще болѣе осложнился новымъ вопросомъ—о самой формѣ присяги. Въ канцеляріи Буксгевдена составили проектъ клятвеннаго общанія по общей формѣ и послали печатный образецъ къ гр. Румянцову. Затѣмъ Буксгевденъ отправилъ другую (въ письменномъ изложеніи) форму, сообразованную съ формою присяги, установленною сенатомъ въ 1801 году и назначенною для иностранцевъ, желающихъ вступить въ русское подданство. Эту послѣднюю, по буквальному вѣдѣнію, Буксгевденъ находилъ болѣе соответствующею намѣреніямъ государя и потому просилъ замѣнить ею прежде посланную. Однако графъ Румянцовъ сообщилъ Буксгевдену, что государь изволилъ апробовать одинъ изъ печатныхъ экземпляровъ. Въ этой формѣ текстъ присяги переведенъ былъ на языки шведскій и финскій, причемъ переводчики допустили исключеніе послѣднихъ словъ: „Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь“. Кромѣ того, въ титулѣ они вставили слово князь. „Это небольшое, но вовсе не ничтожное видоизмѣненіе явилось безъ точнаго вѣдома высшаго правительства“, говоритъ г. Ординъ.—„Буксгевденъ хотя и зналъ, можетъ быть, объ измѣненіяхъ, но какъ человѣкъ болѣе военный не давалъ, вѣроятно, этимъ мелочамъ никакого значенія, тѣмъ болѣе, что Финляндія покорялась оружіемъ и, какъ завоеванная, прямо зачислялась въ русскія провинціи, что говорили тогда и всѣ документы“.

Между тѣмъ, вскорѣ было получено отъ графа Румянцова Высочайше одобренное изложеніе порядка присяги, въ которомъ много-

домъ говорилось: „Присяжный листъ употреблять тотъ, который изъ присланныхъ сюда отъ вашего сіятельства предпочтительно вами былъ выбранъ“. Это запутывало дѣло; Буксгевденъ никакому листу предпочтенія не давалъ, а между тѣмъ вопросъ о формѣ присяги отдавался на разрѣшеніе главнокомандующаго, и безъ того обремененнаго дѣлами, черезъ что присяга откладывалась—тѣмъ болѣе, что Буксгевденъ ставилъ ее въ зависимость отъ изданія новой деклараціи о дипломатическихъ сношеніяхъ Швеціи и Россіи. Насиліе надъ нашимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ Алопеусомъ (онъ былъ взятъ и посаженъ подъ арестъ) вызвало негодованіе въ Петербургѣ и рѣшило судьбу Финляндіи. 16-го марта 1808 года издана была декларація всѣмъ европейскимъ державамъ о томъ, что отнынѣ часть Финляндіи, которая, доселѣ именовалась шведскою, признается областію, россійскимъ оружіемъ покоренною, и присоединяется навсегда къ Россійской имперіи“. А вслѣдъ затѣмъ 20-го марта изданъ былъ манифестъ, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Страну сію (Финляндію), оружіемъ нашимъ такимъ образомъ покоренную, мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской имперіи, и вслѣдствіе того повелѣли мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное престолу нашему подданство“.

На этомъ основаніи гр. Румянцовъ приглашалъ Буксгевдена издать повелѣніе о приводѣ жителей Финляндіи къ присягѣ, но прибавлялъ, что „о томъ, какъ присяга сія должна быть приведена въ дѣйство“, онъ сообщитъ особо Высочайшую волю.

Между тѣмъ были взяты Свартгольмъ и Або; все южное побережье Финляндіи, кромѣ Свеаборга, было въ нашихъ рукахъ. Буксгевденъ настаивалъ на необходимости обезпечить себя со стороны населенія, ускоривъ приведеніе къ присягѣ. Министерство иностранныхъ дѣлъ, а можетъ быть, и государь, говоритъ г. Ординъ, — были въ нерѣшимости. Спрентпортенъ проводилъ идею о необходимости созвать сеймъ въ Або. Графъ Румянцовъ и Буксгевденъ полагали, что сеймъ соберется только для принятія присяги. Майоръ Кликъ, возвратившійся изъ своей негласной поѣздки по Финляндіи, былъ спрошенъ о томъ, какъ слѣдуетъ поступить, чтобы жители бывшей шведской Финляндіи принесли какъ можно скорѣе присягу, и чтобы этотъ актъ состоялся въ пріятной для народа формѣ. Кликъ предложилъ послать въ Або уполномоченное для принятія присяги лицо, которое въ засѣданіи высшаго суда произнесетъ приличную рѣчь, прочтетъ манифестъ и потребуетъ присяги отъ

суда; судъ въ свою очередь потребуетъ того же отъ лагмановъ, приходскихъ судовъ и городскихъ чиновниковъ, а они предпшутъ исполнить то же лицамъ, имъ подчиненнымъ, и городскому населенію. Точно также присяга будетъ принесена губернаторами, имъ подчиненными, а также Абовскою и Воргскою конвенторіями, а по ихъ приказу пасторами, которые приведутъ къ присягѣ все деревенское населеніе. Кликъ предлагалъ дѣйствовать какъ можно скорѣе, но набѣгать высокопѣрія и угрозы, и совѣтовалъ на время присяги нѣсколько удалить войска.

Записка Клика удовлетворила государя, и черезъ пять дней послѣ ея подачи, именно 9-го апрѣля, Буксгевдену было сообщено немедленно приступить къ приведенію жителей вновь приобретенной Финляндіи къ присягѣ. Указывалось, что присягу долженъ былъ принять въ Або самъ Буксгевденъ. Но присяга шла неуспѣшно. Въ это время успѣхъ опять началъ быстро измѣнять русскому оружію. Вой при Сяккайоки 6-го апрѣля, поражение при Револакскѣ 13-го числа, быстрое и бѣдственное отступленіе Тучкова изъ Брагештадта распространили народное восстаніе не только по сѣверу, сѣверо-востоку и центру Финляндіи, но и на западѣ, близъ главной квартиры, на Аландскихъ островахъ. Населеніе, руководимое пасторами, поднялось поголовно. Хотя 21-го апрѣля Свеабургъ и сдался, но населеніе страны не присягало: успѣхи шведскаго войска и партизановъ замедляли это дѣло. Тѣмъ не менѣе, городъ Або и его университетъ присягнули Русскому императору 9-го и 10-го мая; затѣмъ присягнули и многіе другіе города присоединеннаго края, но вообще населеніе воздерживалось отъ присяги, опасаясь того, что оно можетъ сильно потерпѣть, если русскія войска оставятъ страну, которую опять займутъ шведы. Шведскій король Густавъ-Адольфъ находился въ это время на своей яхтѣ по близости Аланда, разсылалъ оттуда по Финляндіи зажигательныя прокламаціи и осмыгалъ бранью распоряженія Буксгевдена и русскаго правительства. Это заставило Буксгевдена проектировать новое воззваніе отъ лица императора, и 6-го іюня въ Петербургѣ состоялся новый высочайшій манифестъ, въ которомъ, кромѣ удостовѣренія, что занятая страна никакимъ образомъ не будетъ возвращена Швеціи, находились слова: „Вѣрные обыватели Финляндіи! Будьте тверды и непоколебимы въ преданности вашей къ Россіи. Слово наше о сохраненіи васъ въ единствѣ есть непереложно, и мы всегда императорскою милостію пребудемъ вамъ благосклонны“. Дѣйствительно, императоръ желалъ

по прежнему склонять къ себѣ населеніе милосердіемъ и благодушіемъ, но финляндцы смотрѣли косо на любезность русскаго правительства.

Возвратясь въ Петербургъ, Спренгтпортенъ ваялся опять за свою старую идею о финляндскомъ сеймѣ. Мы уже сказали выше, что онъ намекалъ о сеймѣ въ первой прокламаціи и въ письмѣ своемъ къ Румянцову, который однако не раздѣлялъ его идеи и очень сомнѣвался въ пользѣ сейма. Онъ высказалъ въ письмѣ своемъ къ Вуксгевдену эти сомнѣнія, именно — что „чины, такимъ образомъ изъ разныхъ губерній собранныя, вслѣдствіи представляя свои требованія и желанія, не только не будутъ способствовать къ восстановленію порядка и устройства, но умножатъ къ тому затрудненія“. На это Вуксгевденъ отвѣтилъ, что ему весьма было пріятно встрѣтиться съ мыслями министра о сеймѣ, причемъ добавилъ, что собраніе сейма, особенно когда подтверждается, что теченіе дѣлъ и всѣ другія постановленія остаются во всемъ на прежнему основаніи, было бы не только не нужно, но и бесполезно: „Сеймъ надо будетъ созвать тогда, когда приказано будетъ учинить здѣшнимъ жителямъ присягу на вѣрноподданство“. Спренгтпортенъ горячо отстаивалъ свою мысль о необходимости сейма, указывая на то, что созваніе его объявлено въ деклараціи, и написалъ дѣльный мемуаръ о томъ, что заставило его предложить созваніе сейма. Поводы къ этому онъ указывалъ слѣдующіе: 1) обрядъ принесенія присяги долженъ быть исполненъ депутатами, законно избранными и уполномоченными народомъ; 2) надлежитъ предоставить государю возможность узнать, а жителямъ страны принести ихъ просьбы, какъ для общей ея пользы, такъ и въ частности для каждой мѣстности; 3) необходимость прочно установить гражданское управленіе, а также опредѣлить военныя силы страны при новомъ порядкѣ вещей, когда не будетъ надобности ни въ прежнее ихъ числѣ, ни въ прежнее на нихъ издержкахъ. Спренгтпортенъ былъ увѣренъ, что императоръ убѣдится этими соображеніями въ необходимости созвать сеймъ, и представилъ гр. Румянцову перечень предметовъ, подлежащихъ обсужденію земскихъ чиновъ, закончивъ свое письмо словами: „Все должно быть установлено сообразно основнымъ законамъ страны, сохраненіе которыхъ во всей чистотѣ было и будетъ въ намѣреніяхъ Его Величества, на сколько они не противорѣчатъ интересамъ имперіи“. Эти послѣднія слова — почти буквальное повтореніе словъ, сказанныхъ Екатериною II Егергору въ 1788 г. на предложеніе присоединить Финляндію къ Россіи.

Представленный перечень не составлялъ правильной программы, не отличалъ вопросовъ капитальныхъ отъ случайныхъ и показывалъ желаніе со стороны Спренгтпортена забрать какъ можно болѣе дѣлъ въ руки сейма. Гр. Руманцовъ ничего на это не отвѣтилъ, а Спренгтпортенъ черезъ недѣлю (3-го марта 1808 года) написалъ третій мемуаръ: „Финляндія принадлежитъ намъ“, пишетъ онъ;—,теперь надо имѣть въ виду войну не съ Финляндіей, а со Швеціей, и туда слѣдуетъ перенести и театръ ея. (Это за двѣ недѣли до Ревоакса!) Надо думать завоевать доброе расположеніе, покорность и возможную помощь со стороны жителей для дальнѣйшаго движенія нашихъ силъ, если обстоятельства этого потребуютъ.... Созваніе сейма въ Або соотвѣтствуетъ конституціи страны, было обѣщано прокламаціей, и я расположилъ къ нему умы во время моихъ поѣздокъ“... Но вся энергія отданая за сеймъ разбилась о соображеніе лицъ противнаго мнѣнія, къ числу которыхъ принадлежали гр. Румянцовъ, Аракчеевъ, Буксгевденъ, Тенгстремъ, Троиль и другіе; но чтобы высказаться окончательно, государь, по всей вѣроятности, ожидалъ пріѣзда Кликъ изъ Финляндіи. Кликъ находилъ созваніе сейма если и не опаснымъ, то во всякомъ случаѣ бесполезнымъ, и былъ въ недоумѣніи на счетъ того, въ какомъ видѣ и по какимъ узаконеніямъ организуется сеймъ; онъ сомнѣвался даже въ томъ, имѣеть ли Финляндія свои законы на подобный случай. А если сеймъ будетъ созванъ, то ограничатся ли онъ одною присягой и не вообразитъ ли себя въ правѣ воспользоваться тѣмъ избыткомъ свободы, котораго онъ собственно не долженъ имѣть? Поэтому Кликъ даже отвергалъ необходимость созванія сейма для принесенія присяги, а предлагалъ уже указанный выше способъ приведенія къ ней; способъ этотъ и былъ принятъ. Разговоры о сеймѣ прекратились на время; но разговоры о пользѣ и даже необходимости выслушать мѣстныхъ людей не прекращались. Занятая страна представляла много особенностей, а главное мѣстное начальство не могло обращать должнаго вниманія на гражданскую администрацію; то, что дѣлалось въ главной квартирѣ, носило характеръ временный и случайный. Поэтому въ русскихъ правительственныхъ сферахъ склонялись къ тому, чтобы посоветоваться съ населеніемъ. Спренгтпортенъ настаивалъ вызвать изъ Финляндіи особую депутацію. Это, по видимому, имѣло практическій смыслъ и могло помочь правительству—какъ голосъ мѣстныхъ экспертовъ. Въ самый разгаръ народнаго возстанія, 9-го іюня, гр. Румянцовъ писалъ Буксгевдену, что государь, желая сколь можно ближе узнать положеніе повныхъ своихъ подданныхъ, ихъ нужды и

собственное ихъ мнѣніе о средствахъ къ облегченію тяжкаго бремени, каковыми они дондѣ были угнетаемы, дозволяетъ, чтобы на сей конецъ изъ прибрѣтенной страны присланы были къ высочайшему двору депутаты отъ всѣхъ сословій. Цѣль депутаціи опредѣлена тутъ совершенно ясно. Но именно эти слова перетолковываются финскими политиками: Коскиненъ, въ своей „Исторіи Финляндіи“, говоритъ, что депутаты должны были отправиться въ русскую столицу, чтобы обсудить съ императоромъ дѣла управленія Финляндіей и ихъ организацію, и что это было посольство, а не представительство!...

Должно впрочемъ сказать, что неточность отдѣльныхъ выраженій и подробностей въ русскихъ актахъ дѣйствительно давала большой просторъ для толкованія и произвольной окраски фактовъ. Такъ, говорилось, что въ опредѣленіи числа депутатовъ лучше, кажется, основаться на прежнихъ примѣрахъ, какъ посылались финляндскіе депутаты въ Стокгольмъ (а дѣло въ томъ, что въ Стокгольмѣ ѣздили на узаконенные сеймы или риксдаги, примѣровъ же подобныхъ депутаціи вовсе не было). Предлагали главнокомандующему обратить особенное вниманіе на то, чтобы выборы палъ на людей благонамѣренныхъ и предавшихъ Россіи, и чтобы депутаты были избраны отъ каждаго сословія, согласно съ прежними ихъ обрядами и обычаями. Совмѣстить оба условія было трудно, ибо едва ли не повсемѣстно поднялось болѣе или менѣе сильное сопротивленіе этому распоряженію о выборѣ депутатовъ; тѣмъ ближе къ Швеціи, тѣмъ это сопротивленіе было упорнѣе и враждебнѣе. Едва ли не одинъ только профессоръ Лагусъ былъ въ пользу безусловнаго подчиненія требованію побѣдителя; всѣ же прочіе участники въ выборѣ депутатовъ дѣлали оговорки, а въ самомъ Або оказано было прямое сопротивленіе, ибо здѣсь жила богатѣйшая, по финскимъ понятіямъ, аристократія страны, пропитанная до мозга костей шведскими олигархическими привычками и стремленіями. Собравшись по приглашенію губернатора барона Тронля на выборы депутата въ Або, члены мѣстнаго рыцарства и дворянства сразу стали въ оппозицію предписанію Вуксгедева. Они находили, что императору слѣдовало обратиться къ нимъ съ особымъ собственноручно написаннымъ рескриптомъ, и что назначенное время, 20-го іюля, неудобно для выборовъ; лучше отложить до возстановленія мира. Между тѣмъ, русскіе въ это время терпѣли пораженія, двѣ трети Финляндіи опять были заняты шведами, а близъ Або крейсировали шведскія суда. Финляндцы надѣялись, что и остальная часть Финляндіи освободится отъ

русскаго владычества. Дворяне вообще пришли къ заключенію, что порядокъ избранія состава депутаціи незаконенъ, о чемъ и представили губернатору.

Равнымъ образомъ отказались избирать депутата представителя бургерства (горожанъ) въ городахъ Або, Бьерриборгъ, Раумо, Ништадтъ, Надендалъ и Таммерфорсъ, говоря, что нельзя предоставить охрану пользы и нужды этихъ шести городовъ представителю одного изъ нихъ, такъ какъ интересы эти нерѣдко прямо противоположны. Объ отказѣ отъ содѣйствія къ выбору депутата заявили и крестьяне въ лицѣ Кавено, который писалъ: „Чувствую себя недостойнымъ быть представителемъ цѣлаго сословія, владѣвшаго надревле правомъ посредствомъ свободнаго избранія даровать свое неограниченное довѣріе тому, кто въ интересахъ его долженъ приблизиться къ верховной власти и быть истолкователемъ его желаній предъ самымъ престоломъ“. Что же касается духовенства, составлявшаго особое сословіе, къ которому причислялся и ученый классъ, то оно группировалось по двумъ епархіямъ, а не по губерніямъ: одна—Абовская—сочла невозможнымъ уклониться отъ всемілостивѣйше предписаннаго выбора депутата и тотъ же часъ назначила его. Другая же епархія—Боргоская—предпочла быть на—сторожѣ и повременить предписанною мѣрою до тѣхъ поръ, пока не устранятся всѣ препятствія къ полному сформированію депутаціи.

Губернаторъ Троицъ представилъ всѣ эти записки главнокомандующему, прибавивъ отъ себя, что большая часть Абовской губерніи, а равно и остальная часть Финляндіи, еще находятся подъ вліяніемъ Швеціи, почему жители этихъ частей не могутъ участвовать въ образованіи означенной депутаціи, и на нихъ не могутъ быть распространены мѣры, предполагаемыя къ благу страны. А такъ какъ депутація засмѣ не въ состояніи исполнить своего назначенія, то Троицъ просилъ дѣло это отложить до болѣе благоприятнаго времени.

Вуксегвденъ не ожидалъ случившагося. Выждавъ немного, чѣмъ обовначается дѣйствія графа Каменскаго, назначеннаго къ командованію сѣвернымъ корпусомъ, онъ написалъ 14-го августа Троицю: дѣло идетъ вовсе не о созваніи сейма; нужно отправить депутацію, чтобы заявить о тѣхъ мѣропріятіяхъ, кои, при настоящихъ обстоятельствахъ, могли бы послужить на пользу страны. Онъ предписывалъ принять мѣры, чтобы въ восемь дней депутаты были выбраны. И дѣйствительно, всѣ депутаты были выбраны 24-го августа. Правда, въ это время Властовъ уже разбилъ при Карстулѣ на голову парти-

зана Фіандта, а съ 19-го по 21-е число произошли извѣстныя побѣдоносныя дѣла гр. Каменскаго при Куортанѣ и Сальми. Упадокъ духа распространился въ населеніи Финляндіи, возстаніе прекращалось. По другимъ губерніямъ депутаты были также назначены; надо было только снабдить ихъ инструкціями. Всѣ эти инструкціи проникнуты однимъ духомъ. Дворянство обязывало депутатовъ домогаться, чтобы управленіе страной оставалось неприкосновеннымъ и производилось въ ея прежнихъ, обычаяхъ освященномъ, порядкѣ. Относительно свѣдѣній о положеніи и нуждахъ страны дворянство предписывало заявить, что при все еще продолжающейся войнѣ депутація не можетъ представить ихъ съ должною достовѣрностію. Духовенство высказывало то же самое и, кромѣ того, поручало ходатайствовать, чтобы къ большому охраненію гражданскихъ правъ оставались прежнее духовное судопроизводство и шведскій церковный законъ. По инструкціи депутатамъ Кюменгордской губерніи испрашивалось, чтобы отправленіе власти верховной принадлежало только лично Русскому императору, а не русскимъ правительственнымъ органамъ, чтобы всѣ мѣста судей и другія должности губерніи замѣщались лицами финляндскаго происхожденія, если заслуги и высшее образованіе другихъ соискателей не побудятъ сдѣлать въ этомъ отношеніи изъятія.

Инструкціи были даны; оставалось депутатамъ ѣхать въ Петербургъ. Но и тутъ многіе уклонялись подъ разными предлогами, сказывались больными, выражали опасеніе, что если не будутъ дѣйствовать сообразно съ волею побѣдителя, то ихъ сошлютъ въ Сибирь и т. д.

Наконецъ, 22-го августа депутаты выѣхали, но настала и половина сентября, а ихъ въ Петербургѣ не было. Государь, не дождавшись ихъ, уѣхалъ за границу въ Эрфуртъ и долженъ былъ вернуться въ столицу къ 20-му октября. Къ тому времени стали собираться въ столицу и депутаты. Въ главѣ ихъ были: Гартманъ, ректоръ университета, извѣстный своею ученостію; Робертъ Ребиндеръ, сдѣлавшійся вскорѣ помощникомъ Сперанскаго по финляндскимъ дѣламъ; баронъ Маннергеймъ, бывший майоръ шведской службы, въ свое время участвовавшій въ оппозиціи противъ короля и за то осужденный на смертную казнь, единомышленникъ Спрегтпортена въ отношеніи возможнаго обособленія Финляндіи отъ Россіи. Старѣйшимъ изъ депутатовъ былъ баронъ Эрнстъ Виллебрантъ, генераль-майоръ, начальникъ водяныхъ сообщеній Финляндіи; онъ не былъ представителемъ какого-либо сословія; Вуксгевденъ самъ назначилъ его и писалъ о

немъ государю, что это человекъ, который пользуется всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ народа и всегда оказывалъ отличное усердіе къ пользамъ службы и особенно при принесеніи присяги. Онъ былъ едва грамотный, но большой практической знатокъ Финляндіи и ея средствъ и умѣлъ этимъ воспользоваться для своихъ выгодъ. Такъ, напримѣръ, онъ въ теченіе двѣнадцати дней заготовилъ для русской арміи десять тысячъ бочекъ ржи. Но онъ не зналъ ни одного языка, кромѣ шведскаго, поэтому не могъ быть посредникомъ между депутатами, съ одной стороны, и министрами и государемъ—съ другой; естественно поэтому, что главою депутаціи сдѣлался вѣтъ его Маннергеймъ.

Маннергеймъ съ товарищами, какъ туристы, осмотрѣли въ столицѣ все, что желали, и въѣздили городъ во всѣхъ направленіяхъ, сдѣлавъ не менѣе 230 вѣнтовъ; но недѣля проходила за недѣлей, а о приѣмѣ ихъ государемъ и слуха не было, хотя государь давно уже вернулса. Это озадачивало депутатовъ; объяснить себѣ такое замедленіе они никакъ не могли. Происходило это отъ того, что Салтыковъ поджидалъ приѣзда всѣхъ депутатовъ, чтобъ одновременно представить ихъ государю; когда же выяснилось, что два недостававшіе депутата вовсе не придутъ, то приѣмъ всѣхъ наличныхъ былъ назначенъ на 17-е ноября въ 4 часа. Немного ранѣе отдѣльно былъ принятъ Виллебрантъ—ссылаясь на экстренную, ему порученную, заготовку для арміи хлѣба, и ректоръ университета Гартманъ.

Аудіенція была несложная. Маннергеймъ привѣтствовалъ государя рѣчью, предварительно просмотрѣною гр. Салтыковымъ, который вычеркнулъ выраженіе признательности Буксгевдену за его добродушіе. Покоритель Финляндіи былъ уже въ немилости и наканунѣ удаленія отъ должности главнокомандующаго. Императоръ отвѣтилъ Маннергейму, что онъ не перестанетъ помышлять о благѣ жителей Финляндіи и общалъ соблюдать всѣ дарованныя имъ права и преимуществъ сходно съ прежними ихъ постановленіями.

Дальнѣйшее пребываніе депутатовъ въ Петербургѣ происходило среди приемовъ, обѣдовъ и придворныхъ увеселеній. Черезъ недѣлю прибыло еще четыре депутата отъ Вазаской губерніи, и наконецъ, 6-го января 1809 года прибыли депутаты, въ числѣ трехъ, отъ Улеаборгской губерніи, были представлены государю, и затѣмъ всѣ стали разѣвѣжаться.

Какое же дѣло сдѣлала эта депутація?

Русское правительство желало выслушать отзывы депутатовъ о нуж-

дахъ и средствахъ страны; депутаты же ѣхали съ тѣмъ, чтобы добиваться всѣми мѣрами сохраненія прежнихъ порядковъ. Вопросъ о дѣлахъ минуты отходилъ на задній планъ; финляндцы мечтали о возвращеніи утраченнаго абсолютнаго вліянія на дѣло управленія страной. На этомъ пути стоялъ уже ихъ соотечественникъ Спренгтпортенъ, который тѣмъ временемъ работалъ, чтобы попасть въ генералъ-губернаторы Финляндіи. Тѣмъ не менѣе, дѣловыя занятія начались въ октябрѣ. Опять былъ поднятъ вопросъ о томъ, какое значеніе имѣетъ депутация: имѣетъ ли она сеймовый или свой особенный характеръ. Маннергеймъ полагалъ представить государю меморіалъ и въ немъ привести основанія, по которымъ депутаты не считаютъ себя представителями финскаго народа и не могутъ входить въ какія бы то ни было сужденія и давать заключенія. Это было принято, и мемуаръ написавъ; всѣ его одобрили, кромѣ купца Линдerta, находившаго, что до свидѣнія русскаго правительства должны быть доведены заявленія о тѣхъ экономическихъ нуждахъ, по которымъ онъ является ходатаемъ, какъ допустить сейма. Впрочемъ, послѣ нѣкоторыхъ пререканій Маннергейму удалось убѣдить Линдerta подписать меморіалъ, который и былъ представленъ императору. Финскіе писатели даютъ этому документу особое значеніе, какъ первому шагу на пути договора, состоявшагося, по ихъ утвержденію, между Александромъ и Финляндіей. Меморіалъ довольно длиненъ и вполнѣ помѣщенъ у г. Ордина на стр. 213—215; но финскіе историки не приводятъ его дословно, потому что онъ въ цѣломъ нисколько не можетъ служить доказательствомъ соглашенія, а тѣмъ болѣе договора; отдѣльно выхваченныя фразы представляютъ однако удобный случай для пользованія меморіаломъ. Въ этомъ меморіалѣ отдается на полное усмотрѣніе Его Величества созвать общее собраніе чиновъ, еслибъ это оказалось нужнымъ въ настоящемъ положеніи вещей.

Когда меморіалъ былъ поднесенъ императору—трудно сказать съ точностью, 17-го или 19-го ноября; но опредѣленіе этого дня важно, ибо вскорѣ послѣдовало распоряженіе о созваніи сейма; этимъ можно уяснить себѣ, на сколько этотъ меморіалъ имѣлъ вліяніе на такую крупную перемѣну взгляда. Изъ сопоставленія цифръ видно, что онъ не оказалъ на это вліянія. Салтыковъ былъ съ докладомъ у государя 19-го ноября и тогда только и могъ представить этотъ меморіалъ, но въ тотъ же день утверждено положеніе о главномъ правленіи въ новой Финляндіи, въ которомъ опредѣлительно говорится уже о

предстоящемъ созваніи генеральнаго собранія изъ депутатовъ всѣхъ состояній.

На томъ же докладѣ, 19-го ноября, Салтыковъ подносилъ государю перечень составленныхъ Спренгтпортеномъ вопросовъ, которые должно было предложить депутатамъ. Это перечень былъ чисто справочный. Государь приказалъ добавить статью: какія, по мнѣнію депутатовъ, улучшения нужны теперь для Финляндіи? Этими словами меморіаль еще болѣе лишается значенія договора, приписываемаго ему финскими историками. Маннергеймъ и его товарищи отпѣкивались отъ сужденій этого рода, а государь приказывалъ ихъ спросить именно объ этомъ. Отвѣчая на этотъ предложенный ей рядъ вопросовъ, депутация представила государю прошеніе, въ которомъ въ 17 пунктахъ изложила нужды страны, требовавшія, по ея мнѣнію, наибольшаго вниманія; оно оканчивалось словами: „Для насъ нѣтъ ничего болѣе сладостнаго, какъ глубокое убѣжденіе въ благости монарха, дышащаго лишь справедливостью и благотвореніемъ; священнѣйшій ея залогъ данъ намъ въ увѣреніе, что чины Финляндіи будутъ сованы для обсужденія интересовъ страны, и результаты его будутъ повергнуты на рѣшеніе ихъ августѣйшаго государя, по сущей правдѣ именуемаго возлюбленнымъ!“ Просьба подписана безъ означенія числа; трудно сказать поэтому, когда она была представлена.

Сличая просьбу эту съ перечнемъ вопросовъ, одобренныхъ императоромъ, видно, что первая не служитъ отвѣтомъ на вторые, но имѣетъ много общаго съ мемуарами Спренгтпортена объ устройствѣ управленія и съ постановленіями особаго комитета, утвержденныхъ 19-го ноября. Но, кромѣ общей просьбы, нѣкоторые депутаты подали и отдѣльныя записки; такъ напримѣръ, Бергстремъ просилъ о пособіи бѣднякии жителямъ, ректоръ Гартманъ — объ отпускѣ 6.000 р. на университетскія постройкі, о бесплатной высылкѣ книгъ и журналовъ изъ Петербурга и объ освобожденія отъ воинскаго постоя, Лебелль—объ отпускѣ 2.000 риксдалеровъ на постройку школы вмѣсто сгорѣвшей въ 1801 году; улеборгскіе депутаты просили о снабженіи ихъ хлѣбомъ и солью.

Коллективная просьба разсматривалась въ особомъ сощщаніи изъ Салтыкова, Аракчеева и Спренгтпортена, причемъ Аракчеевъ, забывая главную цѣль сомова депутации, и что этимъ оказана финляндцамъ царская милость, сталъ говорить о незаконности депутации, о неимѣніи ею народной довѣренности и полагалъ, что эту

депутатію слѣдуетъ распустить. Совѣщаніе присвоило депутатамъ значеніе только частныхъ просителей, отъ народа не уполномоченныхъ, и полагало объявить имъ, что назначенное въ январѣ мѣсяцѣ собраніе или сеймъ лучше откроетъ мысли и надобности народа и единодушнымъ мнѣніемъ, при посредствѣ генерала Спренгтпортена, съ лучшей удобностью ограничить какъ требованія финновъ, такъ и обязанности ихъ къ новому правительству. Другими словами, говорилось то же самое, что говорили избиратели города Або при послѣднѣхъ депутатахъ. Это наглядно показывало неадаптивность русскихъ министровъ, не предвидѣвшихъ, что сеймъ не станетъ даже слушать предложеній или заявленій Спренгтпортена, какъ оно и случилось на дѣлѣ.

Однако совѣщаніе предположило, что императоръ можетъ не согласиться съ его доводами и не захочетъ пренебречь коллективной просьбой, тѣмъ болѣе, что на другія частныя просьбы послѣдовало уже разрѣшеніе. Поэтому совѣщаніе изложило свои предположенія объ отвѣтахъ по каждому изъ 17 пунктовъ, добавивъ, что если государь соизволитъ изъявить высочайшую волю на дачу отвѣта нинѣшнимъ депутатамъ, то генералъ Спренгтпортенъ приметъ на себя составленіе на семь основаній проекта отвѣта и поднесетъ его на высочайшее усмотрѣніе черезъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Императоръ утвердилъ это 19-го декабря, а 4-го января 1809 года былъ подписанъ отвѣтъ депутатамъ. Спренгтпортенъ своими изложеніемъ отвѣта перенесъ центръ тяжести власти безусловно на свою сторону; упоминавшіеся въ постановленіи русскіе министры почти всадъ замѣнены были генералъ-губернаторомъ, имѣющимъ особія инструкція.

Депутаты получили щедрыя награды и отправились послѣ того на родину, съ полнымъ сознаніемъ, что вопросъ о созваніи сейма разрѣшенъ въ удовлетворительномъ смыслѣ. Данныя имъ инструкція они исполнили.

Во время пребыванія депутатовъ въ Петербургѣ исполнилось и завѣтное желаніе Спренгтпортена — стать первымъ лицомъ Финляндіи. Вотъ какъ это случилось.

Поздравляя императора со взятіемъ Свеаборга, Спренгтпортенъ писалъ, что теперь наилучшійшее время созвать представителей Финляндіи, назначить генералъ-губернатора для страны, удовлетворить ея вуждамъ и устроить ея судьбу. „Я почтительнѣйше желалъ бы знать“, писалъ онъ, — „каковы будутъ намѣренія Вашего Величества на счетъ меня. Если вы изволите еще полагать меня годнымъ на

что-либо, послѣдняя капля моей крови будетъ употреблена на службу Вашего Величества* и т. д.

На это государь отвѣчалъ между прочимъ: „Какъ вамъ извѣстно, я имѣлъ намѣреніе предоставить вамъ постъ генераль-губернатора этой провинціи (Финляндіи), но ваше собственное благоразуміе побудило уклониться отъ него, когда вы замѣтили, что между графомъ Буксгевденомъ и вами существовало недоразумѣніе, которое могло повредить пользѣ моихъ дѣлъ. Это прискорбное несогласіе служитъ причиною тому, что я и теперь лишень возможности удовлетворить вашему желанію; пока война продолжается, польза службы требуетъ, чтобы военныя и гражданскія власти были довѣрены лицамъ, способнымъ быть между собою въ добромъ согласіи*.

Съ появленіемъ депутатовъ въ Петербургѣ зашла рѣчь и объ устройствѣ мѣстнаго управленія въ Финляндіи: составились равныя по этому предмету записки и проекты. Объ этомъ писалъ также и Спренгтпортевъ, выставляя трудность управленія завоеванною страню и необходимость обставить положеніе ея начальника особыми условіями. Въ мемуарѣ своемъ императору онъ между прочимъ говорить: „Остается еще покорить сердца жителей ея (Финляндіи), которыя болѣе чѣмъ когда-либо отчуждены отъ насъ*, и затѣмъ представляетъ цѣлую картину бѣдствій страны, разоренной войною (набрасывая этимъ тѣнь на Буксгевдена), и единственнымъ средствомъ спасенія выставляетъ созваніе сейма, на которомъ будутъ вліять люди самые благонадежныя: „Великодушіе, благотворительность и самое присутствіе Его Величества—вотъ что нужно*... „Финляндія“, говоритъ онъ далѣе, — „пользуется, вмѣстѣ со Швеціей, тою же конституціей и управляется тѣми же законами, которые въ отношеніи благосостоянія и безопасности гражданъ достигли мудростію націи, бывшей сама собою законодательницею, такого совершенства, какое только человѣчески возможно, и нельзя замѣнить ихъ ничѣмъ лучшимъ“. Съумѣвъ внушить государю, замѣчаетъ г. Ординъ,—мысль о настоятельной необходимости устранить вліяніе военной власти на гражданскую администрацію, Спренгтпортевъ представилъ на его усмотрѣніе планъ временнаго управленія, по образцу стокгольмскаго (замѣнившаго тамошній сенатъ по его упраздненіи) для сужденія въ послѣдней инстанціи по тѣмъ дѣламъ, кои будутъ предложены государемъ на его разсмотрѣніе. Предсѣдателемъ этого трибунала онъ дѣлалъ учреждаемаго генераль-губернатора, то-есть, самого себя, и тѣмъ переносилъ центр тяжести изъ столицы въ провинцію. Далѣе Спренгтпор-

тѣмъ упоминаютъ въ этомъ мемуарѣ о снабженіи войскъ провіантомъ, о перевозкѣ продовольствія, о монетахъ и т. д.,—все предметы, на которые императоръ естественно долженъ былъ обратить вниманіе. Неизвѣстно, когда этотъ мемуаръ былъ поданъ государю, но безъ сомнѣнія, уже по возвращеніи его изъ Эрфурта, то-есть, въ послѣднихъ числахъ октября или въ началѣ ноября. Получивъ одобреніе своихъ основныхъ мыслей, Спренгтпортенъ успѣлъ представить и болѣе подробный планъ управленія, который и былъ утвержденъ—какъ мы упомянули выше—19-го ноября; планъ этотъ состоитъ изъ 17 статей, изъ коихъ 8 посвящены управленію, а 9—генераль-губернатору. Въ особомъ комитетѣ изъ Аракчеева, Спренгтпортена и Кнорринга, будущаго главнокомандующаго, проектъ этотъ былъ рассмотрѣнъ, принятъ безъ измѣненія и утвержденъ Александромъ 19-го ноября.

По этому положенію объ учрежденіи главнаго правленія въ новой Финляндіи, генераль-губернаторъ сосредоточивалъ въ себѣ абсолютную власть; члены комитета, набираемые изъ финляндцевъ, ставились въ полную его зависимость; все, край и люди, поступало въ безусловное распоряженіе генераль-губернатора, получавшаго надъ комитетомъ начальство, предѣлы котораго совершенно не опредѣлялись. Обратилъ вниманіе еще на слѣдующіе довольно знаменательные факты.

1) Самъ Спренгтпортенъ устанавливалъ, что языкъ шведскій сохранялся лишь временно, какъ переходная мѣра, пока русскій государственный языкъ не войдетъ въ общее употребленіе (ст. 7), и что отчеты о ходѣ дѣлъ представляются государю и его министрамъ (ст. 10). То и другое вытекало изъ положенія Финляндіи, какъ русской провинціи.

2) Комитетъ внесъ въ положеніе то, что самъ Спренгтпортенъ тамъ высказывалъ, но не въ представленномъ имъ проектѣ положенія, а въ заключительныхъ словахъ мемуара, и то въ видѣ намёка, а именно (ст. 15): „дѣлать въ январѣ мѣсяцѣ въ г. Ловизѣ генеральное и конституціонное собраніе изъ депутатовъ всѣхъ состояній новопріобрѣтенной Финляндіи, которое откроетъ мысли и надобности народа, средства къ поправленію и согласить умы финновъ, удаленные, можно сказать, по нынѣшнему ихъ неизвѣстному состоянію“.

3) Салтыковъ, исправлявшій должность гр. Румянцова, бывшаго въ то время за границею, колебался подписать это положеніе; вопросъ о созваніи конституціоннаго собранія былъ щекотливъ, и онъ не

могъ не бояться отвѣтственности. Онъ искалъ совѣта и помощи помимо Спренгтпортена и обратился къ Маннергейму; послѣдній написалъ ему очень локкую записку, въ которой послѣ общихъ фразъ, что сперва надо восстановить полное спокойствіе въ странѣ, что новая страна сначала не довѣряетъ новымъ властителямъ, и потому неспособна принять новыя учрежденія и т. д., онъ дѣлаетъ очерки законовъ и учрежденій, существующихъ въ Финляндіи, общихъ для всего Шведскаго королевства, и на вопросъ: надо ли созывать сеймъ, отвѣчаетъ утвердительно. Для окончательнаго устройства Финляндіи, продолжаетъ онъ,—не настало еще время: „Еще разъ говорю, что за нововведенія надо приниматься очень осторожно; лучше сохранить въ цѣлости старыя обряды даже съ недостатками, отложивъ перемѣны до будущаго времени“. Послѣ этой записки Салтыковъ успокоился, хотя о сеймѣ и не получилъ яснаго понятія.

4) Вліяніе Спренгтпортена на своихъ сочленовъ по совѣщанію несомнѣнно; но вся соль дѣла заключается въ томъ, что этотъ проектъ подписанъ Аракчеевымъ. Министръ самодержавнаго монарха и самъ вовсе не либераль, опираясь на какія-то вовсе ему неизвѣстныя конституціи, признаетъ нужнымъ созвать генеральное и конституціонное собраніе, — признаиное пять мѣсяцевъ тому назадъ по высочайшему повелѣнію излишнимъ, и такимъ образомъ онъ, министръ, находитъ возможнымъ отмѣнить прямо волю своего государя.

5) Статья 11-я опредѣляла, что генераль-губернаторъ представляетъ всѣ дѣла по ихъ принадлежности черезъ министровъ, отъ коихъ равнымъ образомъ получаетъ и высочайшія повелѣнія. Противъ этой статьи императоръ сдѣлалъ надпись собственноручно: „кромя сего пункта, всѣ же представленія дѣлать ко мнѣ“. За это финляндскіе политики ухватились и дошли до того, что въ этой надписи усматриваютъ полное основаніе для теоріи личнаго единенія. Но эта надпись сама по себѣ ни къ чему не обязывала и предрѣшала весьма мало. Еслибы этимъ должно было выразиться сознательное обособленіе Финляндіи, то оно выразилось бы въ болѣе опредѣленной формѣ, какъ-то: указа, акта и манифеста, коими богатъ именно 1808 годъ. Въ этихъ словахъ выражено лишь желаніе государя обратить личное вниманіе на направленіе, которое получаютъ дѣла въ приобрѣтенномъ краѣ, о неустройствѣ коего получались самыя грустныя свѣдѣнія отъ враговъ Буксгевдена.

Повелѣвъ вносить всѣ представленія прямо къ нему, императоръ не указалъ однако, каемъ путемъ будутъ объявляться его повелѣнія. Вѣтъ

можетъ, еще тогда онъ имѣлъ мысль поручить при себѣ заняться по дѣламъ Финляндіи Сперанскому, бывшему съ нимъ и въ Эрфуртѣ; по крайней мѣрѣ вскорѣ, то-есть, въ концѣ 1808 года, всѣ бумаги финляндской депутаціи переданы были молодому статсъ-секретарю, съ которымъ сносился и Спренгтпортенъ.

Одновременно съ этимъ положеніемъ подписанъ указъ Спренгтпортену о томъ, что на него возлагается управление Финляндіей по гражданской части. Немедленно послѣ того, циркуляромъ 11-го декабря Спренгтпортенъ объявилъ объ этомъ въ Финляндіи, добавивъ, что Его Величество рѣшилъ созвать общій сеймъ, какъ скоро то будетъ возможно, для чего время и мѣсто впередъ будутъ назначены.

По ст. 15 положенія говорилось, что сеймъ соберется въ Ловиѣ и въ январѣ. Депутаты замедлили въ Петербургѣ; рассмотрѣніе ихъ просьбъ затянулось; Сперанскому надо было осмотрѣться, какъ человѣку новому, а потому созваніе сейма отложено до марта 1809 года. Изъ этого видно, что для императора сеймъ не составлялъ предмета особеннаго интереса, а тѣмъ менѣе инициативы. Повторенныя представленія объ этомъ доказывали, что въ надобности сейма государь не былъ убѣжденъ. О сеймѣ въ Петербургѣ имѣли самыя смутныя понятія; не подовѣрвали, что въ самой Швеціи были двоякаго рода сеймы: общегосударственный или риксдагъ, на которомъ представительныя права принадлежали четыремъ сословіямъ, какъ въ Швеціи, такъ и въ Финляндіи, и еще мѣстно-провинціальныя, о которыхъ и говорилъ Буксгевденъ въ отношеніи собственно Финляндіи. Всѣ мемуары о сеймѣ, предназначенныя для свѣдѣнія императора, проходили молчаніемъ безправіе королевской власти. Такимъ образомъ русское правительство, обѣщая сохраненіе правъ и преимуществъ вновь завоеваннаго края, не имѣло о нихъ яснаго понятія.

Спренгтпортенъ неоднократно просилъ разрѣшенія о созваніи сейма, и наконецъ, 20-го января 1809 г. появилось, на французскомъ языкѣ, воззваніе къ жителямъ новой Финляндіи, то-есть, той ея части, которая была только-что покорена, о томъ, что общій сеймъ созывается въ Берго на 10-е марта 1809 года.

Спренгтпортенъ достигъ желаемаго; онъ торопился переводомъ воззванія и его оглашеніемъ. Но въ послѣднюю минуту произошла задержка въ печатаніи шведскаго перевода воззванія. Въ типографіяхъ не нашлось готовой литеры *a*, и ее пришлось изготовлять. О переводѣ же воззванія на финскій языкъ и не думали, хотя

большинство крестьянского и отчасти городского населенія не знало шведскаго языка.

По отправкѣ объявленія стали толковать о разныхъ вопросахъ, касающихся различныхъ обрядовъ, соблюдаемыхъ при сеймѣ по законамъ Швеція; при этомъ естественно возникало множество недо-разумнѣй, разрѣшеніе которыхъ ограничивалось общими фразами, а потому страдало неопредѣленностію; финляндцы же понимали дѣло въ томъ смыслѣ, что учрежденія ихъ не подвергались коренной ломкѣ; этимъ только увеличивалась путаница понятій.

Маршалоу, то-есть, предводителю дворянскаго сословія и руководителю всѣмъ порядкомъ на сеймѣ вообще, назначенъ былъ, по представленію Спренгтпортена, тотъ самый баронъ де-Гееръ, который въ началѣ отказался отъ присяги.

Въ Борго готовились къ открытію сейма и къ приѣму государя, хотя не были увѣрены, прійдетъ ли онъ на самое дѣло. Спренгтпортенъ очень беспокоился объ этомъ и писалъ Сперанскому, что „если Его Величество не рѣшится присутствовать лично при первомъ открытіи этого сейма, а равно и при его закрытіи..., то лучше приостановить все до времени болѣе спокойнаго... Сеймъ можетъ состояться если угодно, такъ-же какъ и быть отмиженнымъ, безъ затрудненій для кого бы то ни было“. Черезъ два дня, 15-го февраля, онъ опять пишетъ, что „былъ бы въ восхищеніи, еслибы Сперанскій сказалъ ему: публикуйте, что сеймъ отложитъ до времени болѣе спокойнаго, когда будетъ, что ѣсть“.

Но этой отсрочки однако не послѣдовало; открытіе общаго собранія сейма назначено было на 16-е марта; императоръ пріѣхалъ въ Борго 15-го числа, и въ тотъ же день издана была известная грамота, которая впоследствии подверглась различнымъ толкованіямъ подъ перомъ шведскихъ и финскихъ историковъ. Она не внесена въ Полное Собраніе Законовъ, и мы позволимъ себѣ привести ее здѣсь: „Прозволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе великаго княжества Финляндіи, призвали мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи; въ удостовѣреніе чего сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ нашимъ утвердить благоволили. Въ городѣ Борго, марта 15-го дня 1809 года“.

Пристрастные толкователи этого акта дошли до того, что эти слова истолковали какъ краеугольный камень не только провинциальныхъ особенностей Финляндіи, но и самостоятельной ея государственности. Между тѣмъ изъ этой грамоты ясно, что императоръ вступилъ въ обладаніе княжествомъ не по договору, а провозволеніемъ Всевышняго, и призналъ за благо (то-есть, по своему усмотрѣнію, а не по условію съ кѣмъ-либо) сохранить финляндцамъ ихъ религію, коренные законы и т. д.; кромѣ того, это подтверждается не въ первый разъ, а вновь.

Съ этой грамоты сдѣланъ былъ на шведскій языкъ переводъ, вѣрность котораго удостовѣрилъ помощникъ Сперанскаго Ребиндеръ, „не зная русскаго языка“, замѣчаетъ г. Ординъ. При этомъ допущены были слѣдующія неточности: слово вновь совсѣмъ опущено; въ выраженіи „удостовѣрить религію, коренные законы“ и т. д. послѣ слова религія вставлено слово страны, и вышло религія страны, а не религію, кою каждое состояніе пользовалось. Вмѣсто слова подданные поставлено жители; выраженіе по конституціямъ переведено въ единственномъ числѣ: по конституціи, словно въ Швеціи была какая-то конституція еще до 1808 года. Наконецъ, слово грамота, въ смыслѣ документа на царское пожалованіе, переведено выраженіемъ Försäkrings-Act, замѣшаннымъ изъ шведскихъ законовъ, гдѣ оно означаетъ удостовѣрительный актъ.

При открытіи сейма государь провнесь на французскомъ языкѣ рѣчь, въ которой повторилъ: „Я обѣщаль сохранить вашу конституцію, ваши коренные законы; ваше настоящее собраніе удостовѣрлетъ исполненіе моего обѣщанія“. Сперингтпортеъ прочелъ со второй ступени трона шведскій переводъ этой рѣчи. Протокола этого перваго засѣданія не существуетъ. Г. Ординъ предполагаетъ, что его и вовсе не было. Однако, вести протоколъ по церемоніалу долженъ былъ Сперанскій, при содѣйствіи Ребиндера, и для нихъ былъ приготовленъ особый столъ. Но Сперанскому было не только затруднительно, но и не возможно вести протоколъ засѣданія, въ которомъ очень многое было ему не понятно. Быть можетъ, стоя тогда на высотѣ своего величія, Сперанскій находилъ это для себя и неумѣстнымъ. На Ребиндера, помощника своего, человека молодого и мало извѣстнаго Сперанскому, трудно было исключительно при этомъ положиться; поэтому проще было не исполнить эту статью церемоніала, притомъ не подписаннаго государемъ.

Послѣ отвѣтныхъ рѣчей представителей сословій прочтены были вопросы, которые отъ имени государя предлагались на обсужденіе;

они сообщены были при бумагах Сперанскаго отъ 16-го марта на французскомъ языкѣ, въ которой говорилось, что „Его Величество, убѣжденный въ готовности народа идти на встрѣчу его благодѣтельнымъ намѣреніямъ, рѣшилъ внести нижеслѣдующіе предметы на обсужденіе сословій, приглашая ихъ представить ему ихъ мнѣнія о способахъ привести ихъ въ устройство въ порядкѣ, наиболѣе соответствующемъ благосостоянію жителей“. Эти предложенія касались военного устройства края, взиманія податей, монетной системы и назначенія чиновъ въ тотъ правительственный совѣтъ, который былъ учрежденъ 19-го ноября 1808 года.

Этимъ засѣданіе 16-го марта и окончилось. На слѣдующій день назначена была присяга для представителей сословій, хотя все населеніе присягало почти годъ тому назадъ. По руководители, въ видахъ большаго укрѣпленія преданности народа новому государю, хотѣли произвеста демонстративный обрядъ присяги, согласно шведскимъ законамъ. По симъ законамъ присяга была обоюдная: съ одной—государственныхъ чиновъ, съ другой—самого короля, причемъ въ формѣ присяги короля заключалось торжественное обязательство „управлять королевствомъ, навсегда отвергая ненавистное королевское единодержавіе или такъ-называемое самодержавіе“. Не извѣстно, знали ли Сперанскій буквально содержаніе этой присяги, но его финляндскіе совѣтники, не смотря на всю невозможность такой присяги для самодержавнаго государя, попытались: нельзя ли примѣнить ее въ настоящемъ случаѣ. Но это, конечно, не удалось; Сперанскій сдѣлалъ замѣчаніе на счетъ того, что при настоящихъ обстоятельствахъ это непригодно.

Присяга была принесена одними представителями сословій въ присутствіи государя, въ храмѣ. Этотъ инцидентъ ясно показываетъ также, что все дѣло было не въ какомъ-либо соглашеніи или договорѣ съ финляндцами, а въ личномъ и совершенно произвольномъ усмотрѣніи государя.

Объ этой присягѣ и грамотѣ 15-го марта признано было нужнымъ объявить во всеобщее свѣдѣніе черезъ епископа. Противъ такого способа распубликованія протестовалъ Спренгтпортенъ, указывая, что это несогласно съ обычаями страны; публикаціи должны производиться черезъ губернаторовъ. На это Сперанскій отвѣтилъ законически, что „Его Величество по докладу объ этомъ не изволилъ ничего намѣнить въ первомъ своемъ рѣшеніи по этому предмету“. Епископу Тенгстрему поручено было составить надлежащій манифестъ,

причемъ участвовалъ и Ребиндеръ. Этотъ манифестъ повтораеть то же самое, что составляетъ сущность грамоты 15-го марта. Потому, по предложенію Ребиндера, возбужденъ былъ вопросъ о распубликованіи рѣчей, произнесенныхъ государемъ. Сперанскій по докладу о томъ Александру I писалъ Ребиндеру, что „Его Величество одобряетъ мысль напечатать ихъ (то-есть, рѣчи) по шведски и распространить, если, по зрѣломъ размышленіи и по выслушаніи мнѣній маршала и епископа, окажется, что это оглашеніе можетъ помочь общественному мнѣнію составиться и уясниться“.

Императоръ предпринялъ поѣздку черезъ Гельсингфорсъ въ Або и оттуда въ Тавастгусъ, гдѣ ознакомился съ мѣстными учрежденіями, въ томъ числѣ и съ управленіемъ генерала-губернатора, которому, согласно съ мнѣніемъ Спренгтпортена, назначено было мѣстопробываніе въ этомъ городѣ. Государь выразилъ мнѣніе, что удобнѣе было бы имѣть генераль-губернаторское управленіе въ Або. Спренгтпортенъ немедленно поручилъ абовскому губернатору Тролю озаботиться приглаголеніемъ для него квартиры. Лучшій домъ въ Або занять былъ главнокомандующимъ Кноррингомъ, и Троль просилъ его очистить помѣщеніе, ссылая на сообщенное ему Спренгтпортеномъ Высочайшее повелѣніе. Кноррингъ, которому везадолго передъ тѣмъ императоръ выразилъ свое неудовольствіе за неудачное веденіе военныхъ дѣйствій, обидѣлся и написалъ опять просьбу объ увольненіи отъ должности. Кноррингъ былъ уволенъ, но Спренгтпортену государь написалъ: „Было бы странно предположить въ самомъ дѣлѣ, что на основаніи простаго предварительнаго, притомъ словеснаго, разсужденія вы почли себя въ правѣ учреждать мѣстопробываніе управленія въ г. Або, устроить тамъ квартиры, начиная, вопреки всѣмъ приличіямъ, съ вашей (квартиры), и превратить такимъ образомъ предѣлы власти, вамъ вѣренной; вы обратили по вашему усмотрѣнію предварительныя сужденія въ положительныя мѣры и предупредили повелѣнія, кои никогда вамъ не были даны, и коихъ именно я рекомендовалъ вамъ ожидать... Съ сожалѣніемъ вижу вынужденнымъ призвать васъ къ порядку, предлагая не только остановить всѣ распоряженія на счетъ окончательнаго устройства мѣстопробыванія гражданскаго управленія въ Або, но и воздержаться отъ всякой важной мѣры, которая выходила бы изъ предѣловъ полномочій, опредѣленныхъ вашими инструкціями или въ точности предписанныхъ моими повелѣніями“.

Спренгтпортенъ, хотя и слагалъ вину всего этого на стараніе своего

единомышленника и друга Троня и отчасти на самого государя, тѣмъ не менѣе подалъ въ отставку, ибо, выразился онъ, — „не имѣеть привычки получать письма въ родѣ ему присланнаго“. Онъ былъ также уволенъ 5-го іюня, и этимъ закончилась его карьера: онъ никому не угодилъ, и самонадѣянныя мечты этого честолюбца разлетѣлись въ прахъ; онъ даже совсѣмъ разочаровался въ дѣлахъ сейма, о созваніи котораго такъ хлопоталъ.

Для разсмотрѣнія вопросовъ, данныхъ на обсужденіе сейма, образованы были двѣ комиссіи, и кромѣ того, учреждены были комитетъ по дѣламъ дворянства и депутація для разсмотрѣнія дѣлъ, не входящихъ въ кругъ занятій другихъ комиссій. О ходѣ дѣлъ маршалъ де-Гееръ писалъ государю между прочимъ слѣдующее: „Такъ какъ депутаціи не могли еще ничего рѣшить, то я и не могу имѣть чести доложить имъ о какомъ рѣшеніи.. Единогласно сословія и вся страна благословляютъ Его Величество за ту милость, что они могутъ сами, безъ вліянія кого-либо другаго, кто не представитель и не членъ сословія, рассуждать о своемъ благополучіи и принимать самимъ рѣшенія, со всемилостивѣйшаго одобренія Его Величества“.

Это толкованіе было совершенно не согласно съ тѣмъ, что было предположено императоромъ и что разъяснял Сперанскій въ письмѣ къ Барклаю-де-Толлю, главнокомандующему въ Финляндіи послѣ Кнорринга: „Il y a une observation essentielle à faire sur le mode d'après lequel on a dirigé cette discussion. Ce ne sont pas des décrets, ce sont de simples avis qu' on a demandé à la diète“. Другими словами: отъ сейма требовали простаго мнѣнія, а не рѣшенія.

Для разработки вопроса объ организаціи центральнаго административнаго учрежденія — правительственнаго совѣта, былъ учрежденъ особый комитетъ не по избранію сейма, а по назначенію отъ имени государя. Сперенгпортенъ въ этотъ комитетъ назначенъ не былъ, считалъ себя оскорбленнымъ, видѣлъ въ этомъ нарушеніе учрежденія 19-го ноября и писалъ о томъ Сперанскому, который старался его усложнить и обѣщалъ составленный проектъ прислать на его заключеніе.

Сперенгпортенъ мнилъ стоять во главѣ сейма и руководить имъ въ качествѣ генерала-губернатора. Поэтому онъ обратился къ сейму съ формальнымъ предложеніемъ, чтобы выяснитъ свои взгляды и преподать ихъ въ руководство. Въ письмѣ къ Сперанскому онъ объяснялъ, что на основаніи инструкціи и характера управленія, установленнаго для страны, онъ считалъ своимъ долгомъ наблюдать за ходомъ

дѣлъ. Форма его предложенія была бестактна; онъ говорилъ съ сильно выраженнымъ авторитетомъ, вѣнстиво и притомъ какъ власть имѣющій; между тѣмъ люди, къ которымъ онъ обращался, де-Гееръ и другіе, сами пытались всякими способами захватить власть въ свои руки. Де-Гееръ спросилъ его: имѣетъ ли онъ повелѣніе государя руководить дѣлами сейма? И такъ какъ Спренгтпортенъ не могъ отвѣтить на это утвердительно, то де-Гееръ далъ ему понять, что онъ не имѣетъ основаній принимать указанія генерала-губернатора. Впрочемъ, де-Гееръ спрашивалъ объ этомъ и Сперанскаго, который нашелъ нужнымъ возобновить въ памяти генерала-губернатора указанія, данныя ему въ Або государемъ въ его кабинетѣ, именно: „Его Величество нволилъ заявить вамъ, что его намѣреніе было предоставить чинамъ полную свободу сужденій. Это рѣшеніе не исключаетъ, конечно, совѣты, которые вы могли бы дать, еслибы ихъ у васъ спросили; но я не думаю, что нужно было бы стѣснять сословія проявленіемъ власти или надвора; едва ли также было бы сообразно съ видами государя императора, еслибы вы видимо руководили земскими чинами“.

Вообще замѣтимъ, что выдающюся, почти самостоятельную роль во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся сейма и Финляндія, игралъ теперь Сперанскій, находя во всемъ одобреніе императора. Сперанскій толковалъ о свободѣ и ея охранѣ въ такихъ выраженіяхъ, что у финляндцевъ, по выраженію Клика, могла закружиться голова. „Вы знаете“, писалъ Сперанскій Спренгтпортену,—„что свобода, особенно свобода возрождающаяся, очень пуглива и требуетъ попеченій и бережнаго ухода“. Финляндцы льстили Сперанскому всячески, а между тѣмъ начали думать о расширеніи круга своихъ дѣйствій, о значеніи, о власти и вскорѣ перешли границы, намѣченныя официальными документами. Изъ протоколовъ засѣданій видно, что въ сословныхъ собраніяхъ говорили и писали, что императоръ предоставилъ финляндцамъ конституцію 1772 года; депутаты на этомъ основаніи могли считать себя государственными чинами (по какому государству—не извѣстно), а сіи послѣдніе имѣли власть наравнѣ съ королемъ.

Оставленные на свободѣ, боргскіе депутаты, забывъ, что имъ даны на разсужденіе только четыре извѣстныхъ предложенія, нашли возможнымъ, хотя и съ большою осторожностью, обсуждать о мѣрѣ ихъ участія въ дѣлѣ заключенія мира съ Швеціей. По предложенію Манвергейма этотъ вопросъ былъ обсуждаемъ на сеймѣ, и императору представлена была объ этомъ петиція объ устройствѣ комитета, ко-

торий могъ бы готовить „предметы, кои касались бы лишь страны вообще, разныхъ сословій ея жителей, ихъ дѣлъ и ремеслъ, собственно въ отношеніи экономическомъ и торговомъ, и о которыхъ надежало бы заботиться, ведя переговоры о мирѣ, въ соображеніи необходимыхъ правъ и выгодъ, кои могутъ быть извлечены обществомъ даже въ будущемъ“.

Замѣтимъ, что сословіе горожанъ на это не согласилось; они находили, что такое предложеніе слишкомъ близко касается прерогативъ короны; они опасались, что этимъ путемъ вся власть сословій перейдетъ въ руки этого комитета. Но де-Гееръ, представляя эту петицію, поддерживалъ ее, и чтобы дать еще болѣе благовидности проектированному комитету, одна изъ цѣлей котораго было прямое вмѣшательство въ мирные переговоры Россіи съ Швеціей, онъ предлагалъ обязать членовъ комитета приносить особую присягу. Кромѣ того, де-Гееръ просилъ, чтобы сейму предоставлено было разсуждать обо всемъ, касающемся хозяйства, промышленности и внутренняго устройства Финляндіи. Правда, онъ добавлялъ, что онъ далекъ отъ всякихъ непослужительныхъ желаній. „Земля“, восклицалъ, онъ, — „не могла бы меня носить, еслибы столь велика была моя неблагодарность“. Однако эти просьбы не были уважены. Сперанскій писалъ де-Гееру, что „Его Величество, дабы не отклонить вниманія сословія отъ важныхъ предметовъ, уже переданныхъ на ихъ обсужденіе, не считаетъ умѣстнымъ дѣлать предложенія“. При этомъ онъ добавлялъ, что „еслибы встрѣтились нужныя замѣчанія по разнымъ областямъ политической экономіи, то самое простое было бы представить о томъ императору въ видѣ просьбы, не передавая ихъ предварительно на сеймъ. Этимъ устранялось бы участіе сейма въ дѣлахъ внѣ предѣловъ данныхъ ему четырехъ предложеній“.

Такимъ образомъ, можно сказать, что русская власть тамъ, гдѣ имѣла возможность опредѣленно высказаться, твердо держалась занятаго положенія: все въ рукахъ правительства, сеймъ же остается совѣщательнымъ собраніемъ въ тѣсныхъ предѣлахъ предложенныхъ ему вопросовъ.

При обсужденіи вопроса объ организаціи совѣта управленія возникъ самъ собою вопросъ о примѣненіи къ Финляндіи прежней, то есть, шведской конституціи въ самомъ широкомъ смыслѣ. Еще въ началѣ, когда рѣшено было созвать сеймъ, бывший шведскій полковникъ Егергорнъ подалъ на имя государя записку, въ которой развивалъ мысль о необходимости сохранить для Финляндіи шведскую

конституцію, причѣмъ, однако, предлагалъ отчасти измѣнить ее. О финляндскомъ дворянствѣ онъ отзывался неестно, говоря, что оно никакимъ образомъ не въ состояніи быть истинною опорой народа; оно необходимо должно быть преобразовано, чтобы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть, то-есть, истиннымъ защитникомъ и охраною законныхъ правъ короны, также какъ и святости соблюденія конституціи. Не смотря на то, что записка Егергорна была скрашена увѣреніями въ любви, преданности и обожаніи къ императору, она не получала хода. Но это не помѣшало возбудить тотъ же вопросъ на сеймѣ. Однако, самому Сперанскому пришлось противодѣйствовать тому, вѣроятно, подъ сильнымъ влияніемъ изъ Петербурга. Онъ писалъ де-Геору 21-го мая слѣдующее: „Такимъ образомъ, все, что заключается въ четырехъ предложеніяхъ Его Величества, будетъ окончательно установлено, и настояція сужденія сейма въ точности ограничатся ихъ содержаніемъ. Ничто постороннее этимъ предложеніямъ не будетъ допущено къ обсужденію; таковы всегда были намѣренія Его Величества, и хотя представляются еще предметы, регулированіе конхъ очень интересно для пользы страны, и въ особенности для упроченія ея устройства (constitution),—но эти предметы таковы, что требуютъ зрѣлаго ихъ наученія, прежде чѣмъ предложить ихъ на обсужденіе сословіи. А такъ какъ ничто еще для сего труда не приготовлено, то этого рода вопросы должны быть въ настоящее время тщательно устранимы“. Это письмо служитъ важнымъ документомъ для истиннаго пониманія значенія Боргскаго сейма. Изъ него видно, что императоръ всегда имѣлъ въ виду, что сеймъ ограничится только четырьмя вопросами и только представитъ по нимъ свои мнѣнія.

Кромѣ того, при разсмотрѣніи вышеупомянутаго проекта правительственнаго совѣта былъ возбужденъ вопросъ: какимъ путемъ дѣла въ важнѣйшихъ случаяхъ должны идти на разрѣшеніе государя? Ребиндеръ, преслѣдуя мысль, что Русскій императоръ долженъ царствовать въ Финляндіи, но не управлять ею, настаивалъ на томъ, чтобъ образовать въ Петербургѣ особый комитетъ для финляндскихъ дѣлъ, вносящихъ на усмотрѣніе верховной власти. Такой комитетъ далъ бы прочную опору финляндскимъ домогательствамъ у самаго престола. Трудно сказать, склоненъ ли былъ къ этой мысли самъ Сперанскій, но это предложеніе докладывалось сейму. При этомъ Тенгстремъ находилъ, что это дѣло можетъ быть разрѣшено просто, повелѣніемъ Его Величества. Маннергеймъ полагалъ, что такой ко-

митетъ вовсе не нуженъ; онъ поведетъ къ излишней проволочкѣ дѣлъ и времени и отероетъ лишь новые виды честолюбію и интригъ иныхъ изъ его соотечественниковъ. Комитетъ тогда и не былъ учрежденъ; онъ основанъ уже поздѣе подъ названіемъ статсъ-секретаріата по финляндскимъ дѣламъ.

Обсудивъ всѣ четыре предложенія, сеймъ представилъ государю свои мнѣнія по нимъ черезъ де-Лёера, который добавилъ, что „слова сія осмѣливаются однако всепнижайше повергнуть на разрѣшеніе Вашего Величества; не удостоите ли по заключеніи мира соизнать земскіе чины или доволить законо-избраннымъ ихъ представителямъ собраться въ Або (или другомъ городѣ) для обсужденія устройства банка, который предназначили устроить на предлагаемый сословными капиталъ и другіе источники“.

Сеймъ по окончаніи занятій былъ закрытъ 7-го іюля 1809 года самимъ государемъ. По произнесеніи рѣчей всѣхъ ораторовъ и по прочтеніи заключенія сейма по четыремъ вопросамъ, Александръ закрылъ засѣданіе рѣчью, въ которой высказывалась мысль, согласная съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ и вѣрнымъ его пониманіемъ. Императоръ говорилъ: „Совмывая сословія, я хотѣлъ знать желанія и мысли народа на счетъ его истинныхъ интересовъ. Мнѣнія, вами высказанныя, я приму въ соображеніе“. Вотъ и все; никакихъ соглашеній, ни обязательствъ дано не было; высказаны были только обѣщанія.

Надо сказать еще, что финляндцы очень ловко воспользовались предоставленною имъ возможностью обращаться къ государю съ отдѣльными просьбами. Ихъ подано было не мало. Дворянство подало 38 ходатайствъ по разнымъ предметамъ, духовенство—около 20, горожане—19, а крестьяне—двѣ петиціи, причемъ одна состояла изъ 6, а другая изъ 40 пунктовъ. Кроме того, отъ 15 городовъ поданы были просьбы о разныхъ ихъ нуждахъ; всѣ эти просьбы и ходатайства были разрѣшены вполнѣдствіи въ Петербургѣ; депутаты сейма разѣхались и болѣе не совмывались, не только въ остальные шестнадцать лѣтъ царствованія Александра, но также и во все тридцатилѣтнее царствованіе императора Николая.

Этими словами я закончимъ мы сдѣланное нами извлеченіе изъ въ высшей степени добросовѣстнаго и любопытнаго изслѣдованія г. Ордина. Авторъ опровергаетъ всѣ неосновательныя толкованія и притязанія, появляющіяся нерѣдко, особенно въ послѣднее время, въ финляндской печати. Онъ горячо отстаиваетъ неприкосновенныя права нашего отечества, и въ этомъ большая его заслуга. Намъ

кажется только, что г. Ординъ приписываетъ уже слишкомъ много влиянію Спрентпортена на созваніе сейма. Правда, онъ часто объ этомъ напоминалъ, но собственно говоря, рѣшеніе о созваніи сейма, очевидно, состоялось помимо него. Еслибъ эти его напоминанія не совпадали съ желаніями и возрѣніями монарха, то они едва ли увѣнчались бы успѣхомъ. А что монархъ въ тѣ годы имѣлъ въ виду образовать изъ вновь приобретеннаго края нѣчто въ родѣ отдѣльнаго государства, съ присоединеніемъ еще и Выборгской губерніи, сто лѣтъ уже принадлежавшей Россіи,—объ этомъ свидѣтельствуетъ баронъ Корфъ въ биографіи Сперанскаго (стр. 262), подтвержденіе тому можно найти въ указѣ 11-го декабря 1811 года (И. С. З. № 24907), которыми повелѣно старую и новую Финляндію совокупно именовать Финляндію.

Кромѣ того, замѣтимъ, что трудно понять, какое практическое значеніе въ настоящее время можетъ имѣть сеймъ въ Вормо 1809 года или различныя шведскіе законы 1772 и 1789 годовъ, никогда на шведскомъ языкѣ не павывавшіеся конституціями. Почему ихъ въ 1808 году признавали нужнымъ означать словомъ конституція, тогда какъ ихъ можно назвать болѣе правильно иначе,—намъ не извѣстно. Но въ настоящее время они утратили свое значеніе, послѣ того, какъ императоромъ Александромъ II былъ утвержденъ сеймовый уставъ 1869 года. Этотъ законъ прямо издаетъ съ отиѣною сеймоваго устава 1617 года, а также всѣхъ древнихъ и новѣйшихъ законовъ, уставовъ и опредѣленій, наданныхъ касательно сеймовыхъ собраній земскихъ чинновъ. Этотъ уставъ даетъ обывателямъ Финляндіи такія права, которыя не снились даже во время сеймовъ, не только Спрентпортену, но и Маннергейму и имъ подобнымъ лицамъ. Но излагать содержаніе этого устава не входитъ въ задачу настоящей статьи.

И. И.

Д. Зверинскій. Публичныя лекціи по археологіи Россіи. С.-Пб. 1890.

Строгая, отвѣченная формулировка научныхъ истинъ, добытыхъ изученіемъ не только неорганическаго и органическаго міра, но и надоргавического развитія, привлекаетъ не всякаго, да и не всякому понятна. Поэтому на ряду съ популяризацией математическихъ истинъ и естественно-историческихъ знаній желательна и необходима популяризация тѣхъ немногихъ обобщеній, какія имѣются въ сферѣ наукъ

общественныхъ. Она желательна потому, что не всякій рѣшится приступить къ ознакомленію съ кропотливыми и уже довольно обширными спеціальными изысканіями въ области этихъ наукъ; она необходима потому, что приучаетъ читателя сознательно относиться къ прошлому, настоящему и будущему той соціальной группы, въ среду которой забросала его судьба.

Но облечь сухую научную формулу въ свѣтскій нарядъ, превратить опредѣленное, холодное отвлеченіе въ яркій, живой образъ — дѣло нелегкое. Популяризаторъ, съ одной стороны, долженъ въ фактическомъ отношеніи держаться строго-научной почвы, съ другой — обязанъ извѣстными научными данными представить въ общедоступныхъ, ясныхъ формахъ. Быть можетъ, въ виду такого рода затрудненій, у насъ, въ Россіи, можно насчитать лишь очень мало порядочныхъ популярныхъ сочиненій. Тотъ же недостатокъ въ частности чувствуется въ нашей исторической и, въ особенности, археологической литературѣ. Здѣсь, за исключеніемъ развѣ труда г. Полеваго и „Русскихъ древностей“ Н. П. Кондакова и гр. И. И. Толстого, нѣтъ, на сколько намъ извѣстно, ни одного сочиненія, которое имѣло бы цѣлью ознакомить русскую образованную публику съ современнымъ состояніемъ археологическихъ знаній о древнѣйшемъ населеніи восточно-европейской равнины. Въ этомъ отношеніи вышеназванный трудъ г. Эварницкаго заслуживаетъ полнаго сочувствія. Авторъ жаждетъ дать понятіе объ археологіи Россіи въ весьма широкихъ, быть можетъ, даже слишкомъ широкихъ рамкахъ. Сдѣлавъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о развитіи археологическихъ знаній въ западной Европѣ (стр. 5—7) и въ Россіи (стр. 7—11), г. Эварницкій пытается дать общую характеристику каменнаго (стр. 11—19), бронзоваго (стр. 19—20) и желѣзнаго вѣковъ (стр. 20—22), затѣмъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній „о приемахъ раскопокъ кургановъ“ (стр. 22—26), переходитъ къ обзору разрытыхъ въ предѣлахъ Россіи кургановъ каменнаго (стр. 26—30) и бронзоваго (стр. 30—32) періодовъ, кургановъ сквенскихъ (стр. 32—43), тюркско-татарскихъ (стр. 43—65), славянскихъ (стр. 65—71) и заканчиваетъ свои „лекціи“ краткой характеристикой кургановъ „памяти, границъ, сторожевыхъ, боевыхъ, путевыхъ и телеграфныхъ“ (стр. 71—73).

Приятное впечатлѣніе, съ какимъ принимаешься за чтеніе брошюры г. Эварницкаго, однако, нѣсколько сглаживается при ближайшемъ знакомствѣ съ ея содержаніемъ. Такъ, свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, едва ли всегда отличаются желательной точностью. „Пер-

выѣ—по его словамъ—высказался противъ священнаго происхожденія каменныхъ орудій прусскій ученый Гельвицъ, за нимъ итальянскій ученый Меркотти, германскій Эстерлингъ, французскіе де Жюлье и Макюдень и русскій академикъ Гмелинъ* (стр. 5). Въ сожалѣнію, мы не знаемъ ученыхъ: Меркотти, Жюлье и Макюдены, хотя вамъ и извѣстны: Меркати, Жюссье и Магюдель (Mercati, Ant. de Jussieu, Mahudel). Если г. Эварницкій разумѣлъ послѣднихъ, то и порядокъ, въ которомъ перечислены нѣтъ ученые археологи прежнихъ вѣковъ, придется нѣсколько видоизмѣнить. Меркати, врачъ папы Климента VIII, умеръ въ 1593 году, хотя его сочиненіе и напечатано было гораздо позже въ *Metallotbesca Vaticana*, въ 1717 году. Гельвицъ, въ томъ же 1717 году напечатавшій свое сочиненіе (*De lapidibus superstitionis in districta Angerburgensi, Regimonti*), жилъ, конечно, послѣ Меркати. При этомъ не мѣшало бы, можетъ быть, упомянуть о докторѣ Карлѣ (*Ossium fossilium docimasia, Francf., 1709*) и объ Экардѣ (*Escardus*), который въ своемъ сочиненіи (*De origine Germanorum; оно написано въ 1730 году, издаво въ 1750 году*) прямо утверждаетъ, что мѣдныя оружія у всѣхъ замѣнили каменныя (§ XLII).

Перехода отъ краткаго обзора исторіи археологическихъ знавій въ западной Европѣ и Россіи къ характеристикѣ палеолитическаго періода, г. Эварницкій указываетъ на то, что этотъ періодъ подраздѣляютъ то на три, то на четыре эпохи: 1) эпоха (правильнѣе: эпоху) пещернаго медвѣдя, 2) эпоха мамонта, 3) эпоха сѣвернаго оленя;—1) эпоха мамонта, 2) эпоха сѣвернаго оленя и кухонныхъ остатковъ, 3) эпоха мегалитическихъ памятниковъ;—1) эпоха Сентъ-Ашель, 2) эпоха Мустье, 3) эпоха Солютре и 4) эпоха Маделены (правильнѣе Маделены, *de la Madelaine, Magdalénien*);—1) эпоха доледникова, 2) эпоха ледникова, 3) эпоха послѣледникова и 4) эпоха свайныхъ построекъ* (стр. 11, примѣч.).

Сообщая эти подраздѣленія безъ всякихъ оговорокъ, г. Эварницкій даетъ о нихъ неясное и невѣрное понятіе. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ не указываетъ на то, что послѣднее изъ этихъ дѣленій имѣетъ въ виду главнымъ образомъ геологическія явленія, первое—одни палеонтологическія, второе—палеонтологическія въ связи съ археологическими, наконецъ, третье—геологическія, палеонтологическія и археологическія явленія всѣ вмѣстѣ (Ср. G. de Mortillet, *Le préhistorique*, pp. 28—29; 480). Между тѣмъ палеолитическій періодъ—есть періодъ скорѣе археологическій (культурный), чѣмъ геологиче-

скій или палеонтологическій. Отсюда ясно, что его продолжительность может и не совпадать съ хронологическими предѣлами вышеуказанныхъ геологическихъ или палеонтологическихъ эпохъ, которыя всё относятся къ періоду пещерныхъ остатковъ и геологическихъ явленій, происходившихъ во время третичной или четвертичной системы Кайновозскихъ группъ. Если признавать первобытнаго человѣка современнымъ третичной системѣ, что пока еще, впрочемъ, крайне сомнительно, то палеолитическій періодъ будетъ обнимать и болѣе равніа эпохи, чѣмъ вышеприведенныя; напротивъ, придерживаясь теоріи болѣе поздняго происхожденія человѣка, нельзя вести начало палеолитическаго періода съ до-ледниковоу эпохи, такъ какъ по этой теоріи человѣкъ современенъ лишь переходной отъ первой ко второй, или даже второй ледниковой эпохѣ (Geikie, *The great ice age and its relations to the antiquity of man*. Lond., 1874). Такимъ образомъ, не точно указывая на подраздѣленія палеолитическаго періода на геологическія и палеонтологическія эпохи, г. Эварницкій можетъ ввести въ довольно грубыя заблужденія читателя, мало знакомаго съ основными принципами геологіи и первобытной археологіи. При описаніи произведенныхъ имъ раскопокъ авторъ также обнаруживаетъ значительную неопредѣленность терминологіи. Въ разрытыхъ г. Эварницкіимъ курганахъ оказывается нѣсколько „слоевъ“. Не говори о крайне неудачномъ приложеніи геологическаго термина къ археологическимъ дѣламъ, есть и другія неудобства такого выраженія. Авторъ говоритъ намъ, что на глубинѣ одного, двухъ и т. д. слоевъ въ такомъ-то курганѣ найдены такіи-то вещи или скелеты. А между тѣмъ г. Эварницкій или вовсе не опредѣляетъ глубину каждаго слоя (стр. 28), или считаетъ глубину слоевъ въ разныхъ случаяхъ разнымъ количествомъ аршинъ. На стр. 31 оказывается, что въ слой $1\frac{1}{4}$ аршинъ, а на стр. 60,—что въ каждомъ изъ слоевъ не болѣе $\frac{1}{4}$ аршина. Какъ видно, терминъ „слой“ употребляется авторомъ крайне неопредѣленно. Такую же недостаточную научную точность обнаруживаетъ г. Эварницкій и въ другомъ случаѣ при описаніи скинскихъ похоронъ. Ссылаясь на Геродота въ переводѣ Ѳ. Мищенко, г. Эварницкій невѣрно передаетъ, однако, смыслъ подлиннаго текста. По словамъ г. Эварницкаго, скины „хорошили главную жену умершаго (царя) въ угольныхъ пещерахъ“ (правильнѣе: въ одной изъ угольныхъ пещеръ), затѣмъ погребали между прочимъ „письмовода“, „нѣсколько коней и первенцовъ всякаго другаго скота“. Въ царскихъ гробницахъ, кромѣ того, погребали множество золотыхъ вещей, „по-

часть сслхх, ота. 2.

тому что серебро и мѣдь мало употреблялись у скивовъ*. Ссылка на Геродота при такомъ пересказѣ вселяетъ въ читателѣ убѣжденіе, что эти свѣдѣнія почерпнутся изъ книги, посвященной музѣ Мельпоменѣ. Геродотъ, однако, вовсе не говоритъ объ угольныхъ пещерахъ и о главной жемчужинѣ умершаго царя, а упоминаетъ только, что вслѣдъ за царемъ въ остальной обширной части могилы погребаютъ одну изъ царскихъ наложницъ (τὴν καλλακίαν τε μίαν); едва-ли не слишкомъ смѣло будетъ переводить выраженіе διήκονος—словомъ „письмоводъ“. Нѣтъ также уважительныхъ причинъ, въ силу которыхъ мы слова: καὶ ἱπποὺς καὶ τῶν ἄλλων ἀκάντων ἀκαρχάς—переводили бы: „нѣсколько ковей и первенцовъ всякаго другаго скота“, ибо здѣсь говорится, повидимому, о коняхъ вообще, безъ ограниченій. Наконецъ, неправильно понятая фраза Геродота о томъ, что скивомъ будто бы не употребляютъ ни серебра, ни мѣди, можетъ повести къ цѣлому ряду ложныхъ заключеній. Рѣчь здѣсь идетъ не о скивахъ вообще, а о царяхъ скивскихъ, которые были на столько богаты, что, по словамъ Геродота, не употребляли мѣдныхъ и серебряныхъ вещей (Herod., Hist., Lib. IV, Cap. 71, ed. Heng. Dietsch, Lip., 1880. Такое же пониманіе Геродотова текста можно встрѣтить и въ переводѣ самого г. Мищенко. См. О. Мищенко, Геродотъ. М. 1888 г., стр. 384—335). Итакъ, пересказъ г. Эварницкимъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Геродотомъ о погребеніи скивскихъ царей, едва-ли можно считать удачнымъ. вмѣстѣ съ неточностью сообщаемыхъ свѣдѣній, брошюра г. Эварницкаго иногда страдаетъ и скороспѣлостью выводовъ. Разрывни, напримѣръ, всего два кургана подлѣ села Вѣлозерки, гдѣ ихъ, повидимому, множество, г. Эварницкій тѣмъ не менѣе приходитъ къ заключенію, что „самый цѣлесообразный способъ раскопки кургановъ указанной мѣстности будетъ состоять въ разработкѣ ихъ по сектору и притомъ, такимъ образомъ, чтобы основаніе его приходилось на сѣверъ, а вершина на югъ“ (стр. 62). При описаніи погребенія въ курганахъ славянскихъ Новороссійскаго края, авторъ пользуется разказами Ибнъ Фозлана о приволжскихъ руссахъ (стр. 65), и характеризуетъ типъ кургановъ славянскихъ на основаніи одного разрытаго имъ кургана, происхожденіе котораго, на нашъ взглядъ, остается крайне сомнительнымъ (стр. 69). Вообще г. Эварницкій безъ особенныхъ затрудненій опредѣляетъ народность могильныхъ насыпей, однаѣ называетъ скивскими, другія—турко-татарскими, третья—славянскими, но нигдѣ не пытается точно установить основныхъ признаковъ, по которымъ можно было бы судить объ этой на-

родности, и оставляет читателя подъ впечатлѣніемъ полной неопредѣленности такой классификаціи.

Но кромѣ неточности нѣкоторыхъ изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Эварницкимъ, и скороспѣлости кое-какихъ выводовъ, мы въ его брошюрѣ встрѣчаемся и съ довольно странными ошибками. „Послѣ ряда изысканій, пишеть г. Эварницкій, дознано, что у насъ, какъ и въ западной Европѣ, а можетъ быть и въ цѣломъ, кромѣ немногихъ мѣстъ, свѣтъ, человѣчество переживало пять цикловъ постепеннаго развитія: палеолитическій періодъ, переходную и неолитическую эпоху, бронзовый періодъ и желѣзный періодъ“ (стр. 11). Палеолитическій періодъ, по мнѣнію автора, „начинается съ отдаленнѣйшихъ отъ насъ временъ и доходитъ, по приблизительному счету, до V вѣка до Р. X.“ (стр. 11). Бронзовый періодъ помѣщается г. Эварницкимъ „приблизительно за 7000 лѣтъ до нашего времени“, желѣзный— „приблизительно за 6000 лѣтъ“ (стр. 19—20). Такія разсужденія могутъ повергнуть въ крайнее недоумѣніе читателя, даже вовсе незнакомаго съ археологіей. Г. Эварницкій указываетъ на то, что человѣчество переживало постепенно пять цикловъ, а между тѣмъ отводитъ каменному вѣку границу до V вѣка до Р. X., желѣзный же начинается по крайней мѣрѣ за 4000 лѣтъ до Р. X. Какъ примирить такое странное сопоставленіе? Дѣло въ томъ, что теперь уже въ общезвѣстныхъ, довольно популярныхъ руководствахъ по археологіи можно встрѣтить множество фактовъ, которые показываютъ, что каменный, бронзовый и желѣзный вѣка никакъ нельзя разграничить другъ отъ друга вполне точно: первый длится еще, когда наступаетъ второй, второй еще не кончился, когда начинается третій (N. Joly. *L'homme avant les métaux*, 6 ed., 1885, pp. 18—29. Ср. также С. Grewingk, *Zur Archäologie des Balticum und Russlands* въ *Archiv für Anthropologie*, B. VII, ss. 67, 70). Мало того: въ настоящее время можно съ увѣренностью сказать, что продолжительность вышеуказанныхъ періодовъ у различныхъ народовъ разновременна и что быстрота переходовъ отъ одного изъ этихъ періодовъ къ другому въ разныхъ мѣстностяхъ различна, ибо нерѣдко совершается подъ культурнымъ влияніемъ разновременно развивавшихся среднѣльвыхъ социальныхъ группъ. Отсюда не трудно придти къ заключенію, что нѣтъ возможности точно разграничить каменный вѣкъ отъ бронзоваго и послѣдній отъ желѣзнаго въ хронологическомъ отношеніи, а если и возможно будетъ со временемъ опредѣлить продолжительность каждаго періода, то лишь относительно

одной или нѣсколькихъ сосѣднихъ социальныхъ группъ, а не всего человѣчества вообще (Нѣсколько данныхъ, подтверждающихъ эти заключенія, см. въ вышеуказанныхъ сочиненіяхъ, а также въ статьяхъ: Н. Kerry-Nicholls, *The origin, physical characteristics, manners and customs of the Maori race* въ „*Journal of the Anthropol. Instit.*“, vol. XV, pp. 204—205; E. Reclus, *Les primitifs*, P., 1885, p. 12). Въ виду вышесказаннаго, едва-ли возможно считать правильными заключенія, высказанныя г. Эварницкимъ относительно преемства и продолжительности каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго періодовъ.

Не принимая во вниманіе теорій заимствованій при опредѣленіи постепеннаго преемства періодовъ развитія человѣческой культуры, г. Эварницкій, напротивъ, слишкомъ смѣло ею пользуется при обсужденіи частныхъ вопросовъ. Такъ, по мнѣнію г. Эварницкаго, „дозвано, что всѣ бронзовые копья и мечи, находимые въ Новороссійскомъ краѣ, привознаго характера, преимущественно западно-европейскаго, такъ-называемаго кельтическаго издѣлія“ (стр. 31). Такое положеніе едва-ли можно считать доказаннымъ, а г. Эварницкій и не пытается привести какихъ либо новыхъ соображеній въ пользу того мнѣнія. На сколько преждевременны мнѣнія подобнаго рода, показываютъ многіе примѣры. Такъ, полная исключительность финскійской и этрусской теорій происхожденія западно-европейскихъ древнихъ бронзовыхъ издѣлій, а также извѣстная теорія о египетскомъ происхожденіи стекляннхъ бусъ, называемыхъ *aggru-perles*— въ послѣднее время замѣтно поколебались (ср., напримѣръ, O. Tischler, *Gedächtnissrede auf J. J. Worsae* и его-же: *Ueber Aggru-Perlen und über die Herstellung farbiger Gläser im Alterthume* въ „Запискахъ фивико-экономическаго Кёнигсбергскаго общества“, т. XXVII). Другимъ, болѣе частнымъ примѣромъ можетъ служить разногласіе ученыхъ мнѣній о происхожденіи скинскихъ мечей. По мнѣнію однихъ изслѣдователей, рукоятки этихъ мечей (въ томъ числѣ и извѣстнаго чертомлыцкаго царскаго меча) не имѣютъ себѣ подобныхъ на бронзовыхъ и желѣзныхъ мечахъ западно-европейскихъ, а также на позднѣйшихъ русскихъ мечахъ. „Чтобы найти аналогіи, нужно обратиться къ сибирскимъ мѣднымъ княжаламъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются всѣ типичныя формы рукоятокъ скинскихъ мечей, — новый доводъ въ пользу родства такъ-называемой „скинской“ культуры съ чудскою“ (Д. Анучинъ, О нѣкоторыхъ формахъ древнѣйшихъ русскихъ мечей, въ „Трудахъ VI Археол. съѣзда“, Одесса, 1886 г., т. I, стр. 240). Недавно, однако, выска-

зано нѣсколько иное мнѣніе, по крайней мѣрѣ относительно чертомлицкаго меча: нѣкоторыя изъ его украшеній переданы въ безпримѣсномъ персидскомъ стилѣ IV—V вѣка до Р. Х.; на немъ изображена „восточная охотничья сцена“ (Н. Кондаковъ и И. Толстой, Русскія древности, вып. II, стр. 146). Такимъ образомъ къ теоріи заимствованій нельзя не относиться съ большою осторожностью; вѣдь сходство въ проявленіяхъ быта двухъ народовъ можетъ быть результатомъ и не заимствованія, а сходнаго, хотя и самостоятельнаго ихъ развитія. Притомъ въ самомъ заимствованіи слѣдуетъ различать извѣстныя степени: можетъ быть заимствована лишь идея той или другой культурной формы, или техническія средства къ ея выполненію; наконецъ, извѣстные предметы могутъ быть занесены цѣликомъ отъ болѣе культурнаго народа къ менѣе культурному путемъ международныхъ сношеній.

Довольно странными показались намъ также разсужденія г. Эварницкаго о значеніи каменныхъ бабъ. Первое упоминаніе о каменныхъ бабахъ, по мнѣнію г. Эварницкаго (стр. 44), принадлежитъ Рубрукансу (1283 г.). Можно было бы, однако, припомнить, что уже Ктесія разсказываетъ о золотомъ изображеніи царевны Зарини, которое сами поставили на пирамиду, воздвигнутую надъ ея могилой (*Ctesiae frag. de rebus Medorum, Lib. IV—VI, Cap. XXXIV, ed. Didot-Müller*). „Каменные бабы, по словамъ г. Эварницкаго, ставились еще въ глубочайшей древности въ разныя времена до Р. Х. и послѣ Р. Х. совмѣстно у многихъ народовъ: гунновъ, половцевъ, калмыковъ, ногайцевъ, киргизъ-кайсаковъ, хакасовъ, усунювъ, думасцевъ, гетовъ, саковъ и иногда скивовъ“ (стр. 44). Тѣмъ не менѣе оказывается, что бабы „служатъ ключемъ для разгадки родства между европейскими и азіатскими народами“ (стр. 50). Утверждая, что бабы ставились, между прочимъ, у скивовъ, авторъ тремя строками ниже сообщаетъ, что „на курганахъ скивовъ постановку каменныхъ бабъ приписываютъ не имъ лично“ (стр. 44), и не опровергаетъ этого мнѣнія. Далѣе, описывая внѣшній видъ каменныхъ бабъ, находимыхъ въ южной Россіи, г. Эварницкій замѣчаетъ, что „въ нихъ нѣтъ ни одной формы и ни одного члена тѣла сверхъестественнаго, напротивъ, все такъ правдоподобно и соразмѣрно, что невольно бросается въ глаза всякому“ (стр. 50). О „правдоподобіи“ каменныхъ бабъ мы не беремъ судить, а соразмѣрностью формъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ экземплярахъ, „которые лично намъ приходилось видѣть, между прочимъ въ

Криму, онѣ не отличались. Напротивъ, ноги большею частью слишкомъ коротки и незначительны, голова слишкомъ велика сравнительно съ туловищемъ; такія свойства придаютъ всей фигурѣ довольно безобразный видъ. Вопросъ о назначеніи каменныхъ бабъ — доселѣ остается довольно темнымъ. По мнѣнію г. Эварницкаго, „каменные бабы суть портреты или изображенія умершихъ, которыми живые воздавали особныя почести“ (стр. 54). Мысль эту, въ сущности не невѣроятную, авторъ подкрѣпляетъ оригинальными доказательствами: во первыхъ, тѣмъ, „что каменные бабы изображаютъ собой разные помы и возрасты людей“; во вторыхъ, тѣмъ, „что на всѣхъ каменныхъ бабахъ изображенныя человѣческія фигуры неизбѣжно держатъ въ своихъ рукахъ какую то-чашу“; въ третьихъ тѣмъ, „что на нѣкоторыхъ изъ каменныхъ бабъ представлены пляшущія фигуры мужчинъ, явно напоминающія собой греческія фаллосовыя фигурки, носимыя эллисами жещницами во время религиозныхъ процессій вокругъ жертвенника Діониса съ цѣлью испросить у бога плодородія вообще и увеличенія членовъ семьи въ частности“ (стр. 54). Всѣ эти доказательства говорятъ сами за себя; поэтому мы считаемъ излишнимъ останавливаться на вопросѣ о томъ, на сколько они подтверждаютъ то значеніе каменныхъ бабъ, какое послѣднимъ приписываетъ г. Эварницкій.

И такъ, нѣкоторыя неточныя сужденія, скороспѣлыя заключенія и невѣрные выводы сильно подрываютъ значеніе труда г. Эварницкаго, какъ труда популярнаго, который долженъ содержать одни достоверныя факты и заключенія. Не всегда удаченъ и языкъ, которымъ выражается г. Эварницкій. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Стр. 12. Первообытный человѣкъ дѣлаетъ изъ камня „разнаго рода орудія, частью для домашняго употребленія, частью для защиты отъ звѣрей и людей, довольно большой величины, яйцевидной формы, или находимыя въ естественномъ видѣ, въ видѣ голышей и кругляковъ или обвиваемыя (sic) съ обѣихъ сторонъ и потому называемыя отбивными орудіями“.

Стр. 12. „Человѣкъ сперва совѣмъ не знаетъ способа добыванія огня, потомъ добываетъ его посредствомъ тренія одного бревна о другое“.

Стр. 30. Въ одномъ курганѣ авторъ встрѣчаетъ „нѣсколько сильно пережженныхъ до удивительной бѣлизны позвонковъ... и нѣсколько костей человѣка, варытыхъ безъ огня въ землю“.

Стр. 60. Въ четвертомъ „словѣ“ одного изъ кургановъ при р-

Волчьей г. Эварницкій нашелъ „двѣ лошадиныя головы, одна глазами на востокъ, другая—на западъ, обѣ положены на кости собственныхъ ногъ“.

Стр. 85. „Скелетъ положенъ былъ лицомъ вверхъ съ открытымъ ртомъ, по направленію отъ запада къ востоку, съ руками по-надъ боками“.

Довольно и этихъ примѣровъ. Разумѣется, не всѣ „лекціи“ сплошь написаны такимъ же языкомъ. Иной разъ читателю легче понять, что желаетъ сказать авторъ. Но все же, если не на каждой страницѣ, то очень и очень часто встрѣчаются неудачные обороты, стилистическія ошибки, а это еще болѣе вредитъ популярному изложенію, чѣмъ какому нибудь спеціальному научному изслѣдованію.

Такимъ образомъ, работа г. Эварницкаго едва ли удовлетворитъ основнымъ требованіямъ популярнаго сочиненія. Данные, сообщаемыя авторомъ, не всегда точны, его заключенія иногда скороспѣлы и невѣрны, а стилистическая сторона его „лекцій“ скорѣе отвратитъ, чѣмъ привлечетъ любознательнаго читателя. Но первые опыты рѣдко удаются. Популяризація археологическихъ знаній путемъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ работъ русскихъ археологовъ у насъ почти вовсе не начиналась. Нѣтъ, однако, причинъ сомнѣваться въ ея необходимости и будущемъ успѣхѣ:

...καίρα θῆν πάντα τελεῖται.

Л. Лашинъ-Данилевскій.

Протвѣтанство и протвѣтаннизмъ въ Россіи до эпохи преобразованій. Историческое изслѣдованіе Дм. Цеттава. Москва. 1890.

Вліяніе государственнаго строя и образованности византійской на древнюю Русь и на Московское государство до такой степени велико и очевидно, что изслѣдователямъ русской исторіи приходилось только опредѣлять отдѣльныя стороны этихъ отношеній, поднимать и рѣшать возникавшіе вопросы, имѣя подъ рукою обильный матеріалъ какъ въ отечественныхъ, такъ и въ византійскихъ памятникахъ. Ученые труды по изслѣдованію этой стороны русской жизни идутъ непрерывной чередой съ самаго начала русской исторіографіи по наше время. Не такъ дѣлательно было изученіе двухъ другихъ теченій, чуждыхъ, какъ и византійское, славянскому началу,—восточнаго, имѣя совсѣмъ исчезнувшаго въ русскомъ народѣ, претвореннаго Русью въ

ея собственное существо, и западнаго, занявшаго съ XVIII столѣтія мѣсто прежней византийщины.

Изученіе Востока и его вліянія долго еще, вѣроятно, будетъ скуднымъ и труднымъ вслѣдствіе недостатковъ русской учености, рѣдко вполне самостоятельной, а чаще таящей по проложенному слѣду. Знаніе восточныхъ и финскихъ языковъ само по себѣ требуетъ не малаго предварительнаго труда и останавливаетъ историка, а малое количество ученыхъ ориенталистовъ въ Россіи и ихъ трудовъ не даетъ возможности къ обобщеніямъ и выводамъ, которые могли бы сдѣлать русскіе историки.

Не такъ, казалось бы, должно стоять дѣло при изученіи западнаго германо-романскаго вліянія на Русь и русскаго вліянія на Западъ. Скудость и недостаточность источниковъ въ этомъ отношеніи вознаграждается ихъ доступностью. Ни средне-нѣмецкій, ни скандинавскій языки не представляютъ затрудненій для историка, а изданія средне-нѣмецкихъ и новыхъ памятниковъ въ сосѣднихъ странахъ могутъ служить для насъ образцомъ. Между тѣмъ и здѣсь наблюдается застой. Методіе роріологи Стриттера являются доселѣ часто цитуемымъ пособіемъ - источникомъ, примѣчанія Карамзина служатъ руководствомъ и почти не пополняются. Между тѣмъ только пересмотръ и попутное пополненіе вопросовъ о взаимныхъ отношеніяхъ Запада и древней Руси даетъ опытнымъ рукамъ возможность дѣлать не мелочные выводы. Укажемъ на статью В. Г. Васильевскаго, напримѣръ, на одну изъ послѣднихъ: „Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1888 г., іюль). Внимательный просмотръ однихъ сѣверо-германскихъ лѣтописей и временниковъ даетъ не только крупицы, но и дѣлыя зерна данныхъ, которыя при полнотѣ могутъ освѣтить ярче недостаточно дѣвному высоту древне-русской жизни.

Отъ Кіева до Новгорода многими путями шли сношенія богатой и образованной Руси съ бѣдной и грубой Германіей, не говоря о Скандинавіи. Русскія княжны были желанными невѣстами, и по красотѣ и по богатому приданому, для нѣмецкихъ герцоговъ, датскихъ королей. И наоборотъ, торговля и государственныя сношенія съ Скандинавіей и Валтійскими славянами приводили русскихъ князей къ бракамъ съ тамошними принцессами; Вольдемаръ Великій датскій получилъ свое имя въ честь дѣда Владиміра Мономаха и т. д. Нашествіе татаръ перемѣнило судьбу Восточной Европы. Новгородъ одинъ поддерживалъ потухавшій свѣточъ просвѣщенія, пока Москов-

свое государство съ теченіемъ времени само не устремилось за прикладной стороной западной жизни, оберегая строго свой духовный міръ отъ неправославнаго вліянія. Эти не прекращавшіяся связи съ Западомъ мало извѣстны и почти не затронуты; только съ XV вѣка оныя становятся достояніемъ болѣе частыхъ изслѣдованій, съ той эпохи, когда Иванъ III завязалъ сношенія чрезъ погибавшихъ грековъ съ возрождавшимися итальянцами, а Грозный безсилно бился о преграды на пути къ вольному Океану-мору, гдѣ бы путь для усвоенія образованія „никто не могъ заступитъ и перенять“. Въ Московское государство идутъ искать себѣ прибытковъ люди Запада, принося свои знанія,—какъ отнесется къ нимъ всемогущее правительство и какъ оно оставитъ свой взглядъ на призванныхъ и пришельцевъ? Каково значеніе этого чужеземнаго ручейка, который затопитъ наши верхи при Петрѣ Великомъ? И этотъ вопросъ доселѣ не былъ разработанъ съ достаточною полнотою и точностію. Сочиненіе „Протестанты и протестанство въ Россіи до эпохи преобразованій“ профессора Варшавскаго университета Д. В. Цвѣтаева ставитъ въ первый разъ вопросъ о западномъ вліяніи на Москву и объ отношеніи правительства къ чужестранцамъ на строго научную почву, даетъ новые матеріалы и указываетъ вѣрный путь къ рѣшенію этого важнаго вопроса.

Д. В. Цвѣтаевъ уже давно занимается изученіемъ исторіи иностранныхъ исповѣданій и иностранцевъ въ Россіи за время Московскаго государства и начала петербургскаго періода. Труды его, разсѣянные по разнымъ журналамъ (Журн. Мин. Нар. Просв., Русскій Вѣстникъ и др.), оценены по достоинству ученою критикою. „Выдающуюся особенность его сочиненій составляютъ—обиліе первостепеннаго рукописнаго матеріала, собраннаго имъ въ столичныхъ архивахъ, строгій и точный методъ въ разработкѣ этого матеріала и талантливое литературное изложеніе“ (Варшавскія Университетскія Извѣстія 1887 г., VI, 3: Отчетъ А. Будиловича о дѣятельности университета). Подобнымъ же образомъ отзывается о магистерской диссертациі Д. В. Цвѣтаева проф. А. Г. Врикверъ, доставившій самъ не мало цѣнныхъ данныхъ для изученія взаимныхъ отношеній Московскаго государства и Запада въ эпоху преобразованія и передъ ея началомъ (Russische Revue 1886 г., III, 274—317, критическій разборъ диссертациі Д. В. Цвѣтаева „Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“): „Очень немногіе русскіе ученые при изученіи историческихъ событій умѣли собрать такую массу новаго историческаго матеріала виѣстѣ съ данными, уже

добытыми историческими изслѣдованіями. Сочинитель черпаетъ полную горсть изъ сокровищъ московскихъ архивовъ, принимая во вниманіе и всю полноту относящейся до избраннаго предмета исторической литературы.... Онъ изучилъ труды всѣхъ своихъ предшественниковъ и не уступаетъ имъ въ знаніи отдѣльныхъ мелочей,... обнаруживая истинно научный тактъ при указаніи недостатковъ и неточностей въ ихъ работахъ*. Мы приводимъ эти критическіе отзывы о прежнихъ трудахъ Д. В. Цвѣтаева потому, что его новое историческое сочиненіе является не изслѣдованіемъ новыхъ вопросовъ, а скорѣе объединеніемъ прежнихъ работъ сочинителя. Это—томъ, представляющій собою выводы и существенныя данныя большинства прежнихъ его ученыхъ трудовъ.

Разматриваемое сочиненіе обнимаетъ собою собственно первый періодъ исторіи протестантства и протестантовъ въ Россіи, идущій до эпохи преобразованій. „Кругъ доступнаго точному знанію, говорить авторъ въ предисловіи (стр. 1), представляется намъ теперь.... уже достигшимъ той существенной полноты данныхъ, которая приводитъ къ разностороннимъ научнымъ выводамъ и положеніямъ“.... „Для изслѣдователя отечественной исторіи здѣсь глубокий интересъ въ томъ, какъ этотъ трудный вопросъ (объ отношеніяхъ къ чужой вѣрѣ, къ чужимъ людямъ) устави и, въ основномъ, навсегда предпріиняли московскіе люди, дѣйствовавшіе безъ постороннихъ указаній“. Мы бы сказали, что недюжинные государственные московскіе дѣятели при своемъ слабомъ образованіи рѣшили его съ глубиною западныхъ ученыхъ XIX столѣтія. Дѣйствительно, широта и обстоятельность обстановки изслѣдуемаго вопроса обращаетъ на себя вниманіе. Сочинитель изображаетъ намъ бытъ протестантовъ церковный и гражданскій, государственннй, общественный и частный; ихъ взаимныя отношенія и отношенія съ православнымъ русскимъ и мѣстнымъ католическимъ населеніемъ; степень и способы обрусенія протестантовъ и формы ихъ вліянія на православныхъ русскихъ. Теперь мы имѣемъ возможность правильно судить, какъ существовали и понимались въ XVI и XVII вѣкахъ такъ-называемый нынѣ „нѣмецкій“ вопросъ.

Сочиненіе состоитъ изъ восьми большихъ главъ (почти 100 страницъ каждая) и введенія къ нимъ.

На первыхъ страницахъ введенія сочинитель раскрываетъ достаточную широту свободы вѣровсповѣданія иноземцамъ въ Московскомъ государствѣ. Антонію Поссевино былъ данъ отвѣтъ о католикахъ:

„Римлянамъ, Венеціанамъ и Цесаревой области торговымъ людямъ въ Московское государство приѣзжать и торговать повольно и понамъ съ ними ихъ вѣры ѣздить воля безо всякаго возбраненія, только имъ ученія своего Русскимъ людямъ не плодить... каждый въ своей вѣрѣ да пребываетъ“. Сочинитель утверждаетъ (стр. 7, 8), что у насъ знали, какой жгучій интересъ имѣлъ тогда вѣроисповѣднѣйшій вопросъ въ самой западно-европейской жизни, и видѣли попытки западныхъ людей перенести свои религіозные счеты на русскую почву. „Не смотря на то, неприкосновенность личнаго вѣроисповѣданія иноземцевъ всегда стояла у насъ прочно, чужія религіозныя формы оставались въ покоѣ“. Вѣротерпимость эта обуславливалась не столько какими нибудь теоретическими началами, сколько обычнымъ у насъ гостеприимствомъ, особенностями отношеній къ иновѣрью нашего вѣроисповѣданія „и ближе всего политико-экономическими и культурными потребностями государства, удовлетворяемыми при посредствѣ полезныхъ иноземцевъ“. Въ постепенномъ развитіи вопроса объ иновѣрїи полное значеніе сохраняли случавшіеся факты, создававшіеся преданія, такъ что „если побуждаемые государственно-политическими причинами наши предки отдали предпочтеніе протестантамъ предъ католиками, то протестанты получили съ избыткомъ почти лишь то, что прежде имѣли у насъ католики и что нашли москвитяне въ присоединенномъ Новгородѣ, гдѣ свободой общественнаго богослуженія пользовались забывавшіе туда католическіе кушцы. Москвитяне отдали это преимущество протестантамъ, жившимъ у насъ постоянно и находившимся на службѣ“.

Соотвѣтственно съ этимъ прежде всего дается очеркъ положенія первыхъ у насъ иноземцевъ съ цѣлью доказать, что „практика, установившаяся въ Москвѣ и Новгородѣ относительно католиковъ, принялась въ видоизмѣненной, соотвѣтственно съ новыми условіями, формѣ и относительно протестантовъ“, и затѣмъ излагается историко-юридическій вопросъ о свободѣ вѣроисповѣданія протестантовъ, прикрѣпившихся къ Русской землѣ и состоявшихъ на государственной службѣ (гл. 1), и протестантовъ не служившихъ, проживавшихъ у насъ временно (гл. 2). Протестанты первой категорїи составляли у насъ прочныя церковныя общины, имѣли свои церкви и духовенство; вторые были вольны отправлять свои церковныя службы у себя на дому или въ своихъ торговыхъ домахъ и должны были довольствоваться церквями уже существовавшими. Въ такомъ различеніи между иновѣрцами правительство руководилось главнымъ образомъ желаніемъ при-

вязать иновѣцевъ къ мѣстной почвѣ и стремленіемъ охранить интересы господствующаго вѣроисповѣданія: „ширка, построенаая лицами, разбредшимися по различнымъ пунктамъ государства, легко могла бы послужить не столько къ удовлетворенію дѣйствительныхъ религіозныхъ нуждъ протестантовъ, которые были такъ немногочисленны и некрѣпки, сколько превратиться въ оплотъ и оружіе пропаганды“.

Соглашаясь съ точнымъ и внимательнымъ даже къ мелочамъ исследователемъ по вопросу о „практической“ выработкѣ взаимныхъ отношеній двухъ вѣроисповѣданій, мы должны отгнѣнить, что такая „практика“ вышла изъ самаго духа русскаго народа, усвоившаго себѣ глубину христіанскаго отношенія къ заблуждающимся, будь то христіане, иновѣрцы, или всякая „нехристь“. Это не были строго выработанныя, научно обоснованныя начала вѣротерпимости философовъ XVIII столѣтія, но они имѣли источникомъ всю предшествовавшую жизнь Руси въ ея отношенія къ инородцамъ и иновѣрцамъ; это—начала охраненія православной истины, снисхожденія къ чужимъ религіознымъ заблужденіямъ, отсутствіе страстнаго провѣтства и властолюбія всегда воюющей и часто побѣдоносной католической церкви. Католики на Востокѣ въ средніе вѣка (время крестовыхъ походовъ), въ Новомъ Свѣтѣ въ новое время дадутъ намъ нѣмнѣе примѣры и теоретическихъ воззрѣній и практическихъ дѣйствій, хотя отношенія къ высоко образованнымъ мусульманамъ въ Сициліи и Испаніи могли научить ихъ взаимной терпимости. Къ сожалѣнію, сочинитель не поднялся тутъ немного выше событій, не захотѣлъ перейти въ область идей историческихъ. Онъ желалъ, какъ и вездѣ мы видимъ въ его сочиненіи, оставаться строго на почвѣ историческихъ фактовъ, ихъ сопоставлять и дѣлать только точно опредѣленные, хотя бы и болѣе ограниченные выводы.

Первая глава сочиненія имѣетъ предметомъ внѣшнюю судьбу протестантскихъ общинъ съ ихъ приходскими церквями и духовенствомъ; тутъ особенно наглядно выразилась дѣйствительная свобода вѣроисповѣданія. Этотъ отдѣлъ прежде и больше всего привлекалъ вниманіе исследователей.

Въ прошломъ вѣкѣ занимались внѣшнею исторіей церкви протестантскихъ Фагецій, Бюшингъ и Гротъ, въ настоящемъ—Муральтъ, Юнгблютъ и въ наше время—Фехнеръ, Соколовъ и Дальтонъ. Въ своей сравнительной характеристикѣ (стр. 36—41) работъ этихъ авторовъ г. Цѣнтаевъ справедливо отдаетъ преимущество труду Фехнера—*Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau* (M. 1876): несо-

и вѣнную научную цѣнность, дѣйствительно, имѣеть одинъ этотъ своеобразный сборникъ матеріаловъ. Ознакомившись съ положеніемъ вопроса въ наукѣ, гдѣ баснословное и неточное подавляло достоверное, самъ Фехнеръ держался мысли, что преждевременно братья за исторію не только всѣхъ протестантскихъ общинъ и ихъ церквей въ Россіи, но и за исторію однихъ московскихъ лютеранскихъ общинъ, наиболѣе подвергавшущихся изслѣдованіямъ; послѣ него вопросъ, въ смыслѣ приложенія научныхъ требованій, не двигался далѣе. Г. Цвѣтаевъ внесъ весьма много новыхъ, не достававшихъ прежде данныхъ и, тщательно провѣривъ все, что было извѣстно до него, подвелъ полученному итогъ, благодаря чему въ его повѣствованіи,—опирающемся на обширныхъ прилѣчаніяхъ, куда свнесена критика прежняго и новаго,—мы впервые получаемъ достаточно достоверную вѣщную исторію протестантскихъ общинъ. Какъ и въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, авторъ, подробно говори объ историческихъ условіяхъ возникновенія и существованія церквей и о служившихъ при нихъ пасторахъ, почти не касается самихъ церквей, ограничиваясь обыкновенно весьма краткимъ описаніемъ ихъ вида и устройства: этого археологическаго элемента, столь бы влѣсь умѣстнаго, автору, очевидно, отыскать еще не удалось.

Свобода вѣроисповѣданія, предоставляемая протестантамъ не служилымъ и проживавшимъ у насъ временно, каковы были главнымъ образомъ купцы и другіе важашіе люди, разсматривается во второй главѣ въ связи съ ихъ торговыми и иными привилегіями и интересами, вліявшими на размѣры вѣроисповѣдныхъ правъ; отправлять свое общественное богослуженіе купцы получали дозволеніе въ торговыхъ дворахъ, почему г. Цвѣтаевъ и передаетъ исторію этихъ дворовъ. О расширеніи правъ хлопотали правительство всѣхъ протестантскихъ государствъ, и авторъ, на основаніи дѣлъ англійскихъ, голландскихъ, голштинскихъ, датскихъ, вольныхъ имперскихъ городовъ, шведскихъ и другихъ, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, восстанавливаетъ документально ходъ этихъ переговоровъ и состоявшіяся условія, объединяя ихъ основною мыслью, которою руководствовало здѣсь наше правительство. Тщательное изученіе богатаго архивнаго матеріала открыло автору возможность поставить и разработать самый вопросъ, доселѣ не существовавшій въ исторической наукѣ, и мѣстами сдѣлать дополненія и поправки къ трудамъ предшественниковъ. Такъ, напримѣръ, сообщеніе Соловьева (Исторія Россіи, т. VI, изд. 3-е,

стр. 127) и Костомарова (Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 37—38), будто при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ былъ заключенъ со Швеціей договоръ, по которому шведскимъ купцамъ дозволялось вести торговлю по всей Россіи и проходить въ Индію и Китай, въ трудѣ профессора Цвѣтаева находится весьма важная поправка, такъ какъ въ договорахъ той эпохи въ дѣйствительности говорилось о „чистомъ пути“ шведскимъ купцамъ всего въ Новгородско-Псковскую область. Не мало занимательныхъ археологическихъ данныхъ объ улицахъ и дворахъ Москвы находимъ мы здѣсь при описаніи чужеземныхъ дворовъ. Замѣчательно также, что Вологодскій дворъ англо-русской торговой компании больше всего напоминалъ собою древній ганзейскій дворъ въ Новгородѣ: на немъ могли завести англичане даже „компанейскую ропату“ (церковь).

Какъ и вторая глава, весьма много новаго для исторической науки представляютъ и слѣдующія главы (3-я — 6-я). Матеріалъ для нихъ почерпнутъ авторомъ главнымъ образомъ изъ московскихъ архивовъ и у иностранныхъ писателей о Россіи XVI—XVII вѣковъ.

Благопріятное, по сравненію съ католиками, вѣншее положеніе протестантовъ открывало имъ возможность въ устройствѣ своего внутренняго церковно-религіознаго (3-я глава) и гражданскаго (4-я глава) быта. Авторъ характеризуетъ задачи протестантовъ при устройствѣ ихъ церковно-религіозной жизни, обрисовываетъ предѣлы ея автономности, излагаетъ организацію общинъ, порядокъ избранія и поставленія духовенства, говоритъ о религіозныхъ обрядахъ, о средствахъ просвѣщенія, о школахъ. Исторія школъ восстановлена со всею обстоятельностью, на сколько сохранилось о ней данныхъ. Школы имѣлись только у московскихъ лютеранскихъ общинъ; онѣ были церковно-приходскія, подъ наблюденіемъ пасторовъ, и еле-еле владѣли свое существованіе. Ихъ благосостояніе во многомъ обуславливалось заграничными пожертвованіями. Благодаря помощи со стороны саксонскаго герцога Эрнста Благочестиваго, къ началу семидесятыхъ годовъ XVII столѣтія достигла довольно цвѣтущаго состоянія школа офицерской общины. Въ нее начали принимать тогда бесплатно всѣхъ безъ различія, богатыхъ и бѣдныхъ, юношей, служанокъ, крѣпостныхъ, илѣнныхъ или купленныхъ турокъ, татаръ и поляковъ и учили ихъ лютеранскому катихизису, нѣмецкому и латинскому языкамъ, счету, письму и музыкѣ. Нужно думать, программа была не для всѣхъ одинаковой. Когда заграничный источникъ дохода

прекратился—было, школу поддержала правительственная помощь за устройство (1672 г.) ею придворнаго нѣмецко-русскаго театра.

Въ главѣ о гражданскомъ бытѣ протестантовъ находимъ исторію иноземскихъ селеній, бывшихъ въ Москвѣ, Вологдѣ, Архангельскѣ и другихъ мѣстахъ; при изложеніи судьбы „нѣмецкихъ“ слободъ знакомимся съ составомъ и характеромъ ихъ жителей. Затѣмъ мы читаемъ о гражданскихъ правахъ иноземцевъ, о положеніи ихъ предъ административною и судебною русскою властью, о нравственномъ ихъ уровнѣ, взаимныхъ между собою отношеніяхъ и объ интересахъ, какими жили эти люди. „Правительственные органы власти имѣли вообще подъ своимъ вѣдѣніемъ всѣхъ иноземцевъ, независимо отъ того, чѣмъ бы ни занимались и гдѣ бы ни жили они. Новгородская система, по которой, согласно договорамъ, латинскіе гости судились между собою своимъ судомъ и ихъ нѣмецкій дворъ былъ какинъ-то заповѣднымъ мѣстомъ для новгородскаго должностнаго лица, московскимъ правительствомъ не была принята: оно проводило положеніе, что иноземцы должны подчиняться однимъ русскимъ законамъ, суду и властямъ“. Состоитъ въ вѣдѣніи того или иного приказа, иноземцы не должны обращаться въ другіе приказы, особенно по дѣламъ судебнымъ, хотя сутажничество ихъ между собою было слишкомъ обычнымъ явленіемъ, что вызывалось ихъ нравственными качествами. Г. Цвѣтаевъ оспариваетъ, вполнѣ справедливо, оптимистическое мнѣніе объ иноземцахъ Соловьева и Врикнера, какъ отступающее „отъ дѣйствительныхъ фактовъ и отъ наблюденій современниковъ“. „На этотъ предметъ, утверждаетъ онъ, вообще нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія нашего понятія о Западѣ и его культурѣ и съ предвзвтою мыслию возвышать свойства иноземнаго населенія. Извлечь побольше выгоды—вотъ существенный интересъ, которымъ руководился, жилъ и дышалъ этотъ людъ“. Здѣсь авторъ вводитъ во внутренней міръ этого своеобразнаго населенія, знакомить съ тѣми кружками и партіями, какіе были въ немъ.

Слѣдующія главы посвящены отношеніямъ иноземцевъ къ русской средѣ и русскихъ къ иноземцамъ. „Тѣ свойства и ближайшія дѣли иноземнаго населенія, которыя отразились въ складѣ и характерѣ взаимныхъ отношеній его членовъ, руководили имъ въ установкѣ отношеній и къ населенію мѣстному: большее эксплуатированіе чужаго въ свою пользу здѣсь находило не только примѣненіе, но съ иноземной точки зрѣнія, и оправданіе“. Уже одно это служитъ достаточно точнымъ объясненіемъ, почему иноземцы, не стѣсняемые въ устрой-

ствѣ своего внутренняго быта и во взаимныхъ между собою сношеніяхъ, должны были испытывать различныя ограниченія, когда дѣло касалось ихъ отношеній къ русскимъ. Г. Цѣнтаевъ съ особенною силою налегаетъ на вѣроисповѣдныя причины, которыя вели не только къ ограниченію сношеній протестантовъ съ мѣстнымъ населеніемъ, дѣлами житейскими въ узкомъ смыслѣ слова, но и къ неоднократнымъ запретамъ нанимать русскую прислугу и къ лишенію права владѣть помѣстьями. Современные вопросы о штундѣ и нѣмецкой южно-русской колонизаціи повторяютъ жалобы московскаго духовенства на протестантовъ почти буквально. Правительственныя мѣры направлялись къ той цѣли, чтобы болѣе выгоднымъ пребываніе у насъ сдѣлать для тѣхъ иноземцевъ, которые подвергались обрусенію. Иноземцы не могли не замѣчать этого, и многіе изъ нихъ старались приносиваться къ русскимъ въ одеждѣ, обычаяхъ, языкѣ. Но подобное обрусеніе у насъ считалось недостаточнымъ: стать равноправнымъ членомъ государства иноземецъ могъ не иначе, какъ подъ условіемъ объединенія въ основномъ народномъ началѣ, вѣроисповѣданіи. Авторъ подробно останавливается на мотивахъ и обстоятельствахъ, побуждавшихъ иноземцевъ къ принятію греко-восточнаго исповѣданія, на формахъ и случаяхъ принятія, матеріальномъ и нравственномъ положеніи обращенныхъ въ русское общество и отношеніи ихъ къ прежнимъ единовѣрцамъ. Не смотря на противодѣйствіе обращеніямъ, оказываемое со стороны нѣкоторыхъ иноземческихъ группъ, принимали наше вѣроисповѣданіе и высшіе офицеры и нѣшіе военные чины, врачи, художники, ремесленники, мастера. Подъ одной Москвой изъ нихъ составилось цѣлыхъ двѣ слободы, которыя однако не могли уже отличатся тѣмъ своеобразнымъ характеромъ, какой принадлежалъ слободамъ иноземскимъ. „Обращеніе иноземца въ православіе было шагомъ, неотвратимо влекшимъ за собой дальнѣйшій процессъ перерожденія. Перекрещенцы все тѣснѣе и тѣснѣе сближались съ мѣстнымъ русскимъ населеніемъ, съ которымъ у нихъ невольна завязывались самыя разнообразныя непосредственныя отношенія — и релігіозныя, и общественныя, и семейныя“. Обрусенію протестантовъ, какъ оно происходило и понималось тогда, отведена 5-я глава.

Принятіе вѣроисповѣданія открывало иноземцу путь къ брачнымъ связямъ съ русскими: смѣшанные браки въ дореформенное время не допускались. Брачному вопросу, который въ своемъ развитіи возвышался иногда до значенія первостепенной государственной важности

отведена глава 6-я. Женитьба въ жизни иностранца имѣла, конечно, весьма важное значеніе. Женатому легче было пристроиться: правительство смотрѣло на него, какъ на человѣка болѣе надежнаго, которому не для чего уѣзжать изъ Россіи, семейные иностранцы переставали относиться къ нему подозрительно. Но заключеніе брака въ иностранной средѣ встрѣчало затрудненія, по недостатку въ невѣстахъ „личныхъ“: женщинъ было менѣе мужчинъ, такъ какъ изъ-за границы пріѣзжали къ намъ по преимуществу лица мужскаго пола, люди не семейные. Нѣкоторые ѣздили за невѣстами за границу, большинство брало тѣхъ, кто былъ на лицо, почему была въ чести даже женская прислуга. Браки, заключенные при подобныхъ условіяхъ, не часто создавали семейное счастье; сами иностранцы жаловались, что у нихъ были слишкомъ обычны нарушенія супружеской вѣрности. Невольно иностранцы должны были добиваться найти себѣ женъ изъ русскихъ. Это было возможно только для тѣхъ, кто предварительно принималъ наше вѣроисповѣданіе; такимъ образомъ, брачное дѣло служило важнымъ средствомъ къ обрусенію иностранца. Нѣкоторые изъ перекрестовъ женились слишкомъ почетно. Между прочимъ приведенъ примѣръ, что самозванный „графъ Шляковъ—Чешскій“ мѣтилъ было жениться на Иринѣ, дочери Михаила Федоровича, и женился на богатой и знатной боярышнѣ Шереметовой. Укоренившееся условіе относительно смѣшанныхъ браковъ особенно было стѣснительно для лицъ нашего царскаго рода, когда они искали себѣ жениховъ или невѣстъ въ западныхъ королевскихъ домахъ. Въ разбираемомъ изслѣдованіи выясняется, какъ это стѣснительное условіе постепенно укрѣплялось, и передаются всѣ попытки къ заключенію такихъ браковъ. Нѣкоторые изъ нихъ полны трагизма и привлекали къ себѣ вниманіе всего современнаго русскаго общества.

Запрещеніе смѣшанныхъ браковъ и другія ограниченія были мѣрами, направленными къ охраненію мѣстныхъ интересовъ, такъ какъ иностранцы, помимо того дѣла, къ которому были призваны, старались оказать свое воздѣйствіе на религіозныя вѣрованія русскихъ и захватить себѣ слишкомъ много прибыли. Въ слѣдующей (7-й) главѣ излагаются способы и границы этого религіознаго воздѣйствія и борьба русскихъ противъ пропаганды. Эта борьба идей и быта въ высшей степени любопытна, особенно, какъ она выразилась въ литературныхъ произведеніяхъ. Съ нашей стороны непосредственное участіе въ ней принималъ царь Грозный, многіа высшіа и низшіа духовныа и свѣтскія лица; полемика по поводу неудачнаго сватовства Ирины

Михайловны за Вальдемара датскаго перешла за русскіе предѣлы. Послѣ вопроса о приходскихъ протестантскихъ церквяхъ чаще всего занимались у насъ полемическими сочиненіями противъ протестантовъ. Но и здѣсь сочинитель могъ прибавить много новаго къ трудамъ другихъ исследователей, благодаря тому, что широко воспользовался рукописями Московской Синодальной, бывшей Патріаршей Библіотеки, Московскаго Румявцеваго музея и другихъ библіотекъ. Въ настоящемъ исследованіи пополнены факты, вызвавшіе полемическія сочиненія, составленъ очеркъ систематической лютеранской пропаганды въ сѣверо-западныхъ русскихъ областяхъ, захваченныхъ Шведами въ Смутное время, приведены попытки пропаганды въ Россіи чрезъ произведенія живописи, чрезъ школу и т. д. Выводъ сдѣланъ авторомъ единственно допустимый, что протестанство, сильное на Западѣ, не было въ состояніи основать въ Московскомъ государствѣ ни одной общины изъ природныхъ русскихъ. „Чужое вѣроисповѣданіе, какъ субъективная стихія германскаго племени, оставалось при тѣхъ, чьей природѣ оно было сродно. Протестанты должны были служить у насъ передачѣ и разработкѣ того, что имѣетъ космополитическій характеръ“. Исторія протестантства въ Польшѣ и Литвѣ при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ къ его распространенію заставляеть придти къ этому же выводу. Далѣе авторъ переходитъ къ заключительному (8-му) отдѣлу, озаглавленному: „Закононая сфера дѣятельности и вліянія протестантовъ въ русской средѣ“.

Темой ея служить практиковавшееся у насъ удовлетвореніе политико-экономическихъ и культурныхъ потребностей государства, двора и общества. Именно, раскрывается, какъ примѣнялись въ Московскомъ государствѣ трудъ и знаніе иноземцевъ въ развитіи военнаго и техническаго дѣла, промышленности, торговли, международныхъ сношеній, въ улучшеніи матеріальныхъ условій, въ развитіи ремеслъ, искусствъ, литературы, говорится о вліяніи иноземцевъ на нравы, обычаи и т. д. Все это берется въ связи, съ одной стороны, со свойствами и дѣлами жившихъ у насъ иноземцевъ, а съ другой—съ русской политикой, стремившейся къ тому, чтобы всѣ сферы, гдѣ дѣйствовали иноземцы, оставались въ русскихъ рукахъ и чтобы во всѣхъ этихъ сферахъ подготовились умѣлые люди изъ природныхъ русскихъ. Даже такіа отрасли, какъ медицина или театральное дѣло, вызвали русскихъ выучениковъ—лекарей и актеровъ.

Для каждаго отдѣльнаго вопроса, излагаемаго въ этой главѣ, авторъ подробно познакомилъ со спеціальной, относящейся къ тому литера-

турой. Говоря, напримѣръ, о службѣ иностранцевъ въ войскахъ, авторъ независимо отъ приводимыхъ имъ архивныхъ данныхъ и показаній современниковъ, ссылается на работы о русскомъ войскѣ Вобровскаго, Бранденбурга, Вѣляева, Гудима-Левковича, Ласковскаго, Обручева, Савальева, Устрялова и др.; попытки заведенія флота при помощи иностранцевъ изложены, кромѣ различныхъ матеріаловъ, на основаніи сочиненій и статей Веселаго, А. Висковатаго, Елагина, Попова, Иконникова и др. Это придаетъ изложенному значительную цѣну. Разсѣянное въ издаваніяхъ и сочиненіяхъ, относящихся къ различнымъ отраслямъ знанія, представлявшееся большею частью какъ бы отрывочнымъ и случайнымъ теперь получаетъ объединеніе, взаимное пополненіе и внутренній смыслъ. Въ разборѣ прежнихъ сочиненій Д. В. Цвѣтаева А. Н. Пыпинъ, напримѣръ, выразилъ именно желаніе, чтобы у насъ появился научный очеркъ культурнаго служенія иностранцевъ (Вѣсти. Евр., 1887, I), и авторъ въ данной главѣ до известной степени удовлетворяетъ этой потребности. Здѣсь мы видимъ, какъ относились русскіе люди къ западно-европейской культурѣ и образованности, на сколько усвоились чуждые элементы и подготавливалось дѣло реформы, имѣвшей цѣлью ввести насъ въ кругъ европейской исторической жизни.

Мы указали, въ общихъ чертахъ, содержаніе и свойства изслѣдованія проф. Д. В. Цвѣтаева, которое, безъ сомнѣнія, представляетъ собою солидный вкладъ въ нашу историческую науку. Въ концѣ изслѣдованія (стр. 781, примѣч.) авторъ обѣщаетъ, что слѣдующій его трудъ будетъ обнимать изслѣдуемый имъ вопросъ въ эпоху преобразованій. Не можемъ не пожелать, чтобы будущее сочиненіе носило тотъ же строго научный характеръ и заключало въ себѣ такое же богатое содержаніе, какъ и разсмотрѣнное нами.

Ш. А. Л.

И. Щенкиной. Старинные помѣщики на службѣ и дома. Изъ семейной хроники (1578—1762). С.-Пб. 1890.

Записки А. Т. Болотова—одни изъ самыхъ драгоцѣнныхъ памятниковъ для изученія внутренней исторіи русскаго XVIII вѣка. Конечно, русскій писатель не отличается ни большимъ образованіемъ, ни тонкимъ знаніемъ людей и жизни, которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность знаменитаго герцога Сенъ-Симона; но какъ ярко на страницахъ этого увлекательнаго писателя рисуются и дворъ

Людвика XIV и нравы и взгляды французской аристократіи конца XVII и начала XVIII вѣка, такъ въ скромномъ, иногда чересчуръ многоглаголюющемъ изложеніи русскаго мемуариста рисуются намъ черты русскаго дворянства въ переходную пору отъ московскаго служилого челоуѣка къ благородному дворянину конца XVIII вѣка. Мы, конечно, сравниваемъ не таланты и даже не положеніе. Мы сравниваемъ только историческое значеніе и того и другаго писателя. Конечно, перебирая Вологова, мы не встрѣтимъ такихъ блистательныхъ характеристикъ, каковы у Сенъ-Симона характеристики маршала Вандома, княгини Урсинской (*princesse des Ursins*), герцога Бургонскаго, герцога Орлеанскаго, самого Людвика XIV и многихъ другихъ; но за то встрѣтимъ простыхъ русскихъ людей въ ихъ безхитростной обстановкѣ, встрѣтимъ живую картину обновленія быта подъ влияніемъ Прусской войны и реформъ великой императрицы; но надъ всѣми этими картинами поднимается типическій обликъ самого сочинителя, который плыветъ читателя своимъ простодушіемъ, пылкимъ стремленіемъ къ образованію, практическимъ знаніемъ жизни и умѣніемъ ее устраивать. Передъ читателемъ проходятъ ряды картинъ, писанныхъ далеко не художественно, но глубоко правдиво: мы знакомимся съ бытомъ дворянъ при Елизаветѣ, съ русскимъ челоуѣкомъ въ новой для него обстановкѣ въ Кенигсбергѣ, съ перемѣною, происшедшею послѣ 1762 года, и т. д. Значеніе Вологова ясно для всѣхъ изучающихъ время Екатерины II, оно ясно и для внимательныхъ читателей, но вообще неспециалисту трудно ориентироваться въ многословномъ разказѣ плодовитаго писателя и ему необходимы поясненія и сличенія съ другими источниками. Даже въ обществѣ болѣе подготовленномъ, каково французское, книги такого значенія не выходятъ безъ комментарія и введенія. Такъ надается въ настоящее время и Сенъ-Симонъ. Тѣмъ необходимѣе комментарія къ Вологову въ такомъ обществѣ, какъ наше, гдѣ только-что пробуждается интересъ къ серьезному изученію своего прошлаго. Трудъ пояснить для русской публики Вологова приняла на себя Е. Н. Щепкина въ книгѣ, заглавіе которой мы выписали и съ отрывками изъ которой читателя уже знакомы изъ „Вѣстника Европы“ и „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Книга доходитъ только до 1762 года, но не смотря на то, что авторъ въ предисловіи, назначая себѣ эту грань, какъ эпоху въ исторіи русскаго дворянства, какъ будто бы отрывается отъ дальнѣйшаго продолженія, намъ все-таки сдается,

что ему будетъ не легко отречься отъ дѣла, такъ удачно начатаго. Вотъ почему мы не теряемъ надежды на продолженіе.

Е. Н. Щепкина начинаетъ издаലെка: ее занялъ вопросъ о томъ, какъ мало по малу московскіе служилые люди становятся дворянами-землевладельцами. Документы Московскаго архива министерства юстиціи помогли ей опредѣлить службы и до нѣкоторой степени экономическое состояніе Волотовыхъ съ конца XVI вѣка. Здѣсь мы встрѣчаемся съ боярскими дѣтьми, поселенными на татарской украинѣ, обьявляемыми тяжелою службою и подвергающимися частымъ набѣгамъ крымцевъ. Въ XVII вѣкѣ они уже ходятъ на дальнюю службу, ибо пограничная черта стала южнѣе. Много Волотовыхъ погибло въ походахъ, особенно въ войнѣ за Малую Россію. Рядомъ съ ихъ военною службою документы рисуютъ намъ добываніе помѣстій и даже земельные процессы. Въ то непокойное время часты случаи, что остаются вдовы съ дѣтьми и выхлопываютъ помѣстье на прожитокъ себѣ и дѣтямъ. Такихъ хозяйственныхъ женщинъ указываетъ и авторъ.

Во время войнъ второй половины XVII вѣка появляются полки иноземнаго строя; въ нихъ видимъ и Волотовыхъ. Сближеніе Волотовыхъ съ иностранцами идетъ и съ другой стороны: заводчикъ Марселясь арендуетъ у нихъ землю подъ свои желѣзные заводы. Такъ на этой дальней окраинѣ готовятся Петровскія реформы. Отрывочныя свѣдѣнія, приводимыя нашимъ авторомъ, которыя онъ старается восполнять общими чертами изъ другихъ источниковъ, даютъ немало интересныхъ штриховъ для общей картины быта служилого класса. Между прочимъ, чрезвычайно интересны указанія на разведенныхъ женъ,—случай, какъ извѣстно изъ Котошихина, перѣдкій въ XVII вѣкѣ.

Еще Соловьевъ указалъ на то, что реформы Петра стоятъ въ генетической связи съ движеніемъ русской жизни XVII вѣка; новымъ исследователямъ осталось болѣе и болѣе приводить въ сознаніе мѣткость этого замѣчанія. На эту дорогу вступила и Е. Н. Щепкина, указывая въ своихъ Волотовыхъ такихъ членовъ дружины (позволимъ себѣ вслѣдъ за ней употребить это выраженіе), которые готовы были идти за царственнымъ вождемъ. Ко времени Петра относится дѣдъ мемуариста—Петръ. Онъ участвовалъ въ Шведской войнѣ и послѣдніе годы своей жизни провелъ маіоромъ въ Рижскомъ гарнизонѣ, гдѣ отдалъ своихъ дѣтей въ Dohnschule, училище, дававшее, правда, небольшія свѣдѣнія: они выучились вѣмецкому языку

и арифметикѣ; известно, что дядя Волотова Матвѣй учился послѣ военнымъ наукамъ у Ганзбала, прославленнаго Пушкинымъ Арапа Петра Великаго. По тетрадамъ этого дяди впоследствии учился и Андрей Тимофеевичъ. Отецъ нашего Волотова служилъ въ измайловскомъ полку и хорошо сошелся съ гѣмцами командирами и офицерами; онъ соперничалъ походу съ Минихомъ. Авторъ не упускаетъ здѣсь случая характеризовать нѣмецкую дисциплину того времени и, согласно съ новыми военными историками, относить ее ко времени, послѣдовавшему за Петромъ. Послѣдніе свои годы Тимофей Волотовъ провелъ командиромъ полка въ томъ же Остзейскомъ краѣ. Онъ любилъ музыку и чтеніе и, стало быть, для своего времени былъ человѣкомъ образованнымъ¹⁾. Смытъ его учился сначала у дядьки, потомъ у гѣмца Миллера, который обходился съ нимъ сурово и часто билъ, потомъ въ Петербургѣ въ пансіонѣ Ферре и, наконецъ, въ семействѣ знакомаго генерала. 14-ти лѣтъ Волотовъ кончилъ свое воспитаніе и по смерти матери отправился въ деревню, гдѣ и прожилъ до своего поступленія на дѣйствительную службу (записанъ на службу онъ былъ еще ребенкомъ по тогдашнему обыновенію). Воспитаніе Волотова даетъ нашему автору случай сличить наше русское воспитаніе съ гѣми порядками, которые существовали тогда во Франціи, Германіи, Польшѣ и Остзейскомъ краѣ. Въ результатѣ выходитъ, что тамошніе порядки всепогимъ превосходили наши. Сельская жизнь Волотова вызываетъ картину тогдашней сельской жизни, главныя черты которой даютъ Записки Андрея Тимофеевича, дополненныя другими источниками; здѣсь же, пользуясь архивными документами, авторъ изображаетъ имущественную состоятельность Волотова. Простота тогдашней жизни, бѣдность интересовъ, близость съ XVII в., сказавшаяся въ чтеніяхъ героя (Четыр Мивек, Камень Вѣри), ярко выходятъ въ занимающей насъ книгѣ. Любопытна параллель, проводимая авторомъ между живнію въ Каширскомъ уѣздѣ и живнію въ Псковѣ, куда Волотовъ поѣхалъ къ своему зятю. Здѣсь, вблизи Петербурга и на границахъ Лифляндіи, живыя шире и уже на новый ладъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что и

¹⁾ Любопытно, что, перебирая оставшія послѣ него книги, смытъ его нашелъ переводъ „Днелинской экономіи“. Въ Московскомъ музеѣ — говоритъ Е. Н. Щепкина — сохранилась рукопись перевода этой книги, приписанная Ломоносову. Издатель сочиненій Ломоносова, конечно, обратитъ вниманіе на это обстоятельство.

старина имѣла свое значеніе: полный разрывъ съ нею весьма прискорбенъ. Тогда однако до полного разрыва не доходило: онъ вылсялся позднѣе. Вспомнимъ „Чистосердечное признаніе“ Фонвизина, указывавшаго на переходъ отъ наивныхъ вѣрованій дѣтства къ возрѣніямъ матеріалистовъ. Фонвизинъ горько каялся въ своемъ отступничествѣ; Болотову каяться не пришлось. Но вотъ Болотовъ вступилъ въ дѣйствительную службу; судьба балуетъ его здѣсь: онъ попадаетъ въ тотъ полкъ, гдѣ отецъ его оставилъ по себѣ хорошую память; та же память объ отцѣ помогаетъ ему попасть въ офицеры, ибо секретарь Шувалова Яковлевъ, большой самодуръ, оказывается обязаннымъ старику Болотову. Пользуясь „Записками“, авторъ беретъ изъ нихъ однѣ выдающіяся черты, опускаетъ утомительныя подробности и дополняетъ свою картину извѣстіями другихъ источниковъ. Онъ справедливо замѣчаетъ, что Болотовъ обходится по своей природѣ непримекательными сторонами тогдашней службы; но съ этими сторонами мы уже знакомы изъ изслѣдованій М. И. Семевскаго, и самъ авторъ дѣлаетъ хорошо, что передаетъ ихъ въ общихъ выраженіяхъ. Прибавимъ, что мы вполне сочувствуемъ мѣткому замѣчанію автора, что Болотовъ не видитъ многого изъ „просвѣщеннаго индеферентизма“, то-есть рождающагося, но еще не вполне развитаго презрѣнія къ низшимъ, — плоды нашего нѣмецкаго воспитанія. Слѣдя за военной службой Болотова, авторъ останавливается на его описаніи похода Апраксина, которое онъ повѣряетъ изслѣдованіями г. Масловскаго. Оказывается, что хотя Болотовъ видѣлъ не все, но вѣрно записалъ то, что видѣлъ. Этимъ восстанавливается значеніе его очерка Гросъ-Эгердорфской битвы, не безъ основанія впрочемъ заподозрѣннаго Соловьевымъ въ односторонности. Очень кстати (стр. 148) нашъ авторъ указываетъ на то, что такъ называемые варварскіе поступки русскихъ войскъ нисколько не хуже того, что дѣлали тогда нѣмцы. Изъ „Записокъ“ видно, какъ важно было для Болотова въ отношеніи его развитія пребываніе въ Кенигсбергѣ, гдѣ онъ и слушалъ лекціи и много читалъ. Е. П. Щепкина подробно останавливается на этомъ эпизодѣ и тщательно характеризуетъ, въ чемъ состояло это вліяніе: указываетъ и на воспитательное значеніе лекцій и на сближеніе съ нѣмецкими бюрократами, низшими то, чего такъ недостаетъ намъ: точность и аккуратность. Конечно, мы беремъ верхъ кое-чѣмъ другимъ, но и этими качествами пренебрегать нельзя; безъ нихъ можно тоже сдѣлать много дурнаго или по крайней мѣрѣ не сдѣлать кое-чего хорошаго.

Въ Кенигсбергѣ Болотовъ пристрастился къ философіи, но оиъ не влюблялъ Вольфа, а выбралъ пѣтиста Крузія. Книга Е. Н. Щешкиной заключается любопытнымъ обзоромъ тѣхъ книгъ,—какъ литературныхъ произведеній, такъ и популярныхъ нравоучительныхъ трактатовъ,—которые читалъ Болотовъ и на основаніи которыхъ слагалось его мирное, оптимистическое міросозерцаніе. Эта глава известная читателямъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, составляетъ важный вкладъ въ исторію русскаго просвѣщенія XVIII в. и большую заслугу автора. Вообще книга чрезвычайно интересна и, конечно, никто, закрывая ее, не откажется присоединиться къ нашему желанію, чтобы она не оставалась отрывкомъ.

К. Вестушевъ-Рюминъ.

ЛѢТОПИСНЫЙ СВОДНИКЪ, ИМЕНУЕМЫЙ ЛѢТОПИСЬЮ АВРААМКИ (Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, XVI т. С.-Пб. 1889).

Уже давно, чуть не двадцать лѣтъ тому назадъ, сдѣлалось извѣстно о предпріятіи Археографическою комиссіею изданія сборника, известнаго подъ именемъ „Лѣтописи Авраамки“; давно ожидаемый сборникъ наконецъ появился. Изъ прекраснаго предисловія, написаннаго умѣлою рукою знатока не только лѣтописей, но и вообще древней русской литературы, мы узнаемъ подробныя свѣдѣнія о составѣ сборника Авраамки, о сходствѣ его съ другими лѣтописными сборниками, а также и объ его отличительныхъ чертахъ. Къ тексту приложены обстоятельные указатели: личный и именъ, географическій и предметный; это — новинка и новинка весьма полезная. Нельзя только не пожалѣть, что изданъ не весь сборникъ. Конецъ сборника (436—450 лл., приблизительно около 10 печатныхъ столбцевъ), заключающій въ себѣ литовскія лѣтописи, какъ разъ оставленъ до того тома, въ которомъ будутъ помѣщены всѣ литовскія лѣтописи. Жаль, что и появленіе послѣднихъ въ изданіи Археографической комиссіи все затягивается, и когда онѣ будутъ напечатаны, еще неизвѣстно. Повидимому, списокъ литовскихъ лѣтописей до сихъ поръ извѣстно весьма немного: кромѣ свода краткой редакціи, изданнаго Даниловичемъ и впоследствии Поповымъ, а теперь известной еще и по рукописи Авраамки, есть полный сводъ, изданный Нарбутомъ, и какъ бы средній между ними, сохранившійся въ рукописяхъ Красинскаго и Позванской. Всѣ эти своды такъ малы по объему, что легко могли

бы быть помѣщены въ одномъ томѣ съ лѣтописью Авраамки, какъ это и предполагалось сначала; теперь же это намѣреніе почему-то измѣнено. А скорѣйшее появленіе литовскихъ лѣтописей въ новомъ изданіи вполне необходимо, такъ какъ онѣ были изданы въ разныхъ мѣстахъ, разными лицами и такъ давно, что нѣкоторыя изданія, какъ напримѣръ Даниловича и Нарбута, могутъ считаться библиографическою рѣдкостью. Въ ожиданіи скорѣйшаго появленія литовскихъ лѣтописей въ болѣе полномъ и научномъ изданіи, обратимся теперь къ издаванному сборнику.

Лѣтопись Авраамки состоитъ изъ трехъ частей: первая содержитъ въ себѣ сначала выписки изъ хронографа, а потомъ изъ русскихъ лѣтописей отъ начала Русской земли до 1469 г., вторая—лѣтописный отрывокъ отъ 945 до 988 г., третья начинается родословіемъ великихъ князей русскихъ; затѣмъ идутъ разные юридическіе памятники, за которыми опять слѣдуютъ родословія тѣхъ же князей, перечень новгородскихъ князей, русскихъ митрополитовъ и новгородскихъ епископовъ. Что касается до второй и третьей части, то онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего такого, чего мы не знали бы изъ другихъ лѣтописныхъ сборниковъ. Первый же отдѣлъ представляетъ изъ себя нѣчто интересное; начинается хронографомъ, онъ въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи содержитъ выдержки изъ русскихъ, и притомъ Новгородскихъ, лѣтописей и очень сходенъ съ краткою Новгородскою лѣтописью, изданною княземъ Оболенскимъ въ 1886 г. подъ именемъ „Супрасльской рукописи“; начиная же съ конца XIV вѣка, извѣстія Лѣтописи Авраамки—сходны съ такъ-называемою Новгородскою IV лѣтописью и притомъ съ тою рукописью, которая при изданіи послѣдней обозначена въ вариантахъ литерою X. Нельзя сказать, чтобы составитель лѣтописнаго сборника былъ внимателенъ къ своимъ источникамъ; этой невнимательностію объясняется повтореніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ извѣстій объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ: такъ напримѣръ, о смерти Ярослава Всеволодовича въ Ордѣ подъ 6753 и 6756 гг. (52 столб.), о смерти Михаила Ярославича Московскаго подъ 6756 и 6757 гг. (52 и 53 ст.)¹⁾. Повторя въ общемъ извѣстія, уже знакомыя намъ по другимъ лѣтописнымъ сборникамъ, Лѣтопись Авраамки въ то-же время даетъ нѣсколько новыхъ извѣстій;

¹⁾ Повтореній гораздо больше; но мы упомянули только тѣ, которыхъ нѣтъ въ „Супрасльской рукописи“; ясно, что списокъ лѣтописи, бывшій у Авраамки, не много разнился отъ изданнаго княземъ Оболенскимъ.

таковы, напримѣръ: о прїѣздѣ въ Новгородъ Стефана Пермскаго (181 ст.), о задержаніи въ Москвѣ митрополитомъ Кирииломъ новгородскаго архіепископа Іоанна (147 и 148 ст.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, правда, единичныхъ, въ Лѣтописи Авраамки сообщаются извѣстія болѣе подробно сравнительно съ другими Новгородскими лѣтописями: напримѣръ, подъ 6923 г. о знаменіи въ солнцѣ (162 ст.), или вставка эпизода о дѣйствіи русской артиллеріи во время нападенія нѣмцевъ на городъ Ямъ въ 1444 г. (185 ст.); иногда изданная лѣтопись можетъ служить для поправки чтенія въ другихъ лѣтописяхъ. Такъ, напримѣръ, подъ 6962 г. въ Новгородск. IV лѣтописи читается: „Того же лѣта взяша Турци Царьградъ, и хрестьянство погубиша, и святныя церкви разориша, толко оставиша церковь каменну Святыхъ Апостолъ“. (Ц. С. Р. Л. IV, 126). Послѣднія слова въ Лѣтописи Авраамки читаются такъ: „Того же лѣта поставиша церковь камену у Святыхъ Апостолъ“ (194 ст.). Нѣтъ сомнѣнія, послѣднее чтеніе болѣе вѣрное: объ оставленіи варварами турками церкви Св. Апостолъ мы ничего не знаемъ, да гдѣ было знать и лѣтописцу подобныя подробности. Но самая главная часть изданнаго сборника—это конецъ перваго отдѣла съ 1447 по 1469 г. (190—224 ст.). За этотъ періодъ Лѣтопись Авраамки представляетъ собою интересъ новизны, такъ какъ подавляющее большинство ея извѣстій не находится въ другихъ лѣтописныхъ Новгородскихъ сборникахъ (Новгор. IV лѣтопись за это время какъ разъ значительно сокращается въ своемъ содержаніи). Если же какія извѣстія и существуютъ въ другихъ сборникахъ (таковыхъ не болѣе 18), то въ Лѣтописи Авраамки они являюся въ болѣе подробномъ видѣ, или повѣствуютъ о событіяхъ съ другой точки зрѣнія; особенно это часто случается при описаніи, такъ сказать, международныхъ сношеній—съ Москвою и Псковомъ. По обилію церковныхъ извѣстій (всѣ извѣстія за этотъ періодъ по большей части сопровождаются цифровыми данными), благочестивыхъ размышленій, текстовъ Священнаго Писанія можно съ увѣренностью предположить, что писатель былъ духовное лицо; это можно предположить и по нѣкоторымъ подробностямъ, интереснымъ только для духовнаго лица ¹⁾: такъ, напримѣръ, сообщая о путешествіи архіепископа Іоны во Псковъ, лѣтописецъ замѣчаетъ: „а в дому сѧ

¹⁾ Разказавъ о чудѣ св. Варлаама, лѣтописецъ прибавляетъ: „иже въ книгѣ въ чудесахъ написашася“ (201 ст.); подобное знакомство съ книгою духовнаго содержанія болѣе свойственно лѣтописцу изъ духовныхъ.

оста Пумняъ ключникъ на вся дѣла" (223' ст.). Можетъ быть, этотъ писатель былъ изъ клира Св. Софїи, такъ какъ въ лѣтописи упоминается съ теплотою и любовію о вѣкоторыхъ лицахъ означеннаго клира, о Романѣ ключникѣ и Федорѣ протодьяконѣ (218 ст.); самъ о себѣ лѣтописецъ упоминаетъ два раза: подъ 6966 г. въ извѣстіи о смерти архіепископа Евфимія („минѣ его свята“,—197 ст.) и подъ 6974 г.; когда онъ по поводу пожара выражается о себѣ: „азъ писецъ многогрѣшнѣи“ (219 ст.).

Вудучи вообще драгоцѣннымъ памятникомъ русской письменности, Лѣтопись Авраамки особенно драгоцѣнна для церковной исторіи Новгородѣ: она сообщаетъ много извѣстій о дѣятельности архіепископа Іоны; можно сказать, лѣтописецъ не оставляетъ безъ вниманія никакихъ, даже самоалѣйшихъ проявленій дѣятельности новгородскаго святителя; безъ Лѣтописи Авраамки объ архіепископѣ Іонѣ мы знали бы очень мало.

Изданіе

№ 104

Им. Тихомировъ.

Изданіе

Путешествіе въ Россію датскаго посланника Якова Ульфелда въ XVI вѣкѣ
Переводъ съ латинскаго, съ предисловіемъ Е. Барсова. М. 1889.

Е. В. Барсовъ издалъ найденный имъ и сдѣланный еще въ XVIII вѣкѣ русскій переводъ извѣстнаго „Nodoerogicon Ruthenicum“, дневника путешествія датскаго посла Якова Ульфелда къ Ивану IV, и снабдилъ его небольшимъ предисловіемъ.

„Nodoerogicon“ дошелъ до насъ въ двухъ изданіяхъ — 1608 и 1627 гг. Главное же значеніе русскаго перевода, по мнѣнію г. Барсова, заключается въ томъ, что въ немъ есть предисловіе, которое не сохранилось въ дошедшемъ до насъ латинскомъ оригиналѣ; переводъ былъ сдѣланъ не съ печатнаго латинскаго текста, но съ рукописи, которая остается пока неизвѣстною. Здѣсь встрѣчаются любопытныя біографическія свѣдѣнія о самомъ авторѣ, которыхъ нѣтъ въ изданныхъ латинскихъ текстахъ... Латинскій оригиналъ, говоритъ г. Барсовъ дальше,—примо начинается словами: „Nemini dubium esse arbitror antiquis temporibus“ и т. д.. Но почтенный издатель ошибается. Изданія „Путешествія“ Ульфелда различаются не „только заглавіями“, какъ говоритъ г. Барсовъ въ другомъ мѣстѣ, а именно тѣмъ, что во второмъ изданіи есть предисловіе, которое, впрочемъ, не начинается словами: „Nemini dubium esse arbitror“ и т. д. Такимъ

образомъ русскій переводъ сдѣланъ не съ неизвѣстной поим' рукописи, а именно съ этого втораго изданія.

Въ концѣ своего предисловія г. Барсовъ сообщаетъ, что въ 1578 г. Ульфельдъ „еще разъ“ былъ въ Москвѣ, но умалчиваетъ о первомъ его путешествіи туда. Если онъ, слѣдуя Аделунгу, полагаетъ, что Ульфельдъ былъ въ Москвѣ въ 1575 и 1578 гг., то это не вѣрно: Ульфельдъ былъ въ Россіи только въ 1578 году: это доказано Фехнеромъ въ его сочиненіи: „*Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau*“ (т. I, стр. 93, 94) и подтверждено г. Щербачевымъ въ его статьѣ: „*Два посольства при Іоаннѣ IV Васильевичѣ*“ (Русскій Вѣстникъ 1887 г., июнь).

Книга Ульфельда представляетъ несомнѣнный историческій интересъ; но переводъ, изданный г. Барсовымъ, сдѣланъ еще въ XVIII вѣкѣ, и это существеннымъ образомъ умалеть его цѣну. Позволимъ себѣ выразить сомнѣніе въ пользѣ и цѣлесообразности изданія такихъ старинныхъ переводовъ. Переводы историческихъ источниковъ для научнаго пользованія ими, собственно говоря, не допустимы въ принципѣ; у насъ же они, къ сожалѣнію, должны быть терпимы вслѣдствіе еще слабо развитаго знанія иностранныхъ языковъ, но терпимы лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они были сдѣланы ученымъ, хорошо знакомымъ съ эпохой, къ которой относится источникъ; только въ такомъ случаѣ мы можемъ быть увѣрены въ точности и вѣрности перевода, когда онъ сдѣланъ человѣкомъ, основательно изучившимъ источникъ. Довѣрять же никому неизвѣстному переводчику XVIII вѣка мы не имѣемъ никакой возможности. Мы не сравнивали весь изданный г. Барсовымъ переводъ съ латинскимъ текстомъ; но даже при бѣгломъ просмотрѣ перваго убѣдились въ неточности его. Такъ, напримѣръ, въ томъ самомъ предисловіи, которое будто бы придаетъ особую цѣнность изданію г. Барсова, переводчикъ отчасти искажилъ, отчасти просто выпустилъ нѣкоторыя фразы. Латинскому періоду: „*Sed cum me minus idoneum cognoscam; qui stylo elegantī hanc describam (fateor namq; me primoribus labris linguam latinam degustasse. minusq; toto sermone uti, idq; non mirum: praesertim cum à līteris sim per sex Iustra avulsus, semperq; in aulicis domesticisque negotiis occupatus, quo minus vel aliquid addiscere, vel ea; quae olim didicerim, repetere potuerim; ad haec cum omnia in itinere celestiter excepta festinantiq; calamo sint exarato) rogo ut plus lector boni consulat, emendat, atq; dextre interpretetur*“ соответствуетъ слѣдующая русская фраза: „и чувствую себя неспособнымъ къ описанію сего изрядно;

ибо признаюсь, что я немного въ обученіи латинскаго языка упражнялся, и не чисто писалъ по латинѣ, что и не удивительно, потому что и черезъ тринадцать лѣтъ удалившись отъ ученій⁴. Далѣе на стр. 18 (1-го изданія 1608 г.) переводчикъ выпустилъ цѣлый періодъ, начинающійся словами: „Nis rene p̄terieriam, до словъ unde et ortum est p̄verbum“ (рѣчь идетъ о прѣзвѣмъ могуществѣ Новгородѣ). Пользоваться такимъ переводомъ для научной работы, конечно, не возможно. Даже и для обыкновеннаго читателя наданный г. Барсовымъ переводъ дневника Ульфельда не представляетъ интереса, тѣмъ болѣе, что все посольство несравненно подробнѣе описано г. Щербачевымъ въ упомянутой выше статьѣ, и притомъ не только на основаніи книги Ульфельда, но и на основаніи писемъ пословъ къ королю съ дороги и общаго ихъ отчета о посольствѣ, которыми г. Щербачевъ пользовался въ тайномъ королевскомъ архивѣ въ Копенгагенѣ.

А. Брауде.

Грамматики старославянскаго языка. А. Лескина. Переводъ съ нѣмецкаго съ дополненіями изъ Остромирова календаря. Москва. 1890.

Явившееся въ русскомъ переводѣ „Руководство по старо-болгарскому (старо-церковно-славянскому) языку“ извѣстнаго лейпцигскаго профессора Августа Лескина¹⁾—книга прекрасная, вполне соответствующая своему назначенію: нѣмецкій языконѣдъ, желающій ознакомиться со старѣйшею разновидностью славянской рѣчи, здѣсь можетъ найти сжатое, но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно полное и вполне научное изложеніе староперковной грамматики, тщательно напечатанные тексты и хорошій словарькъ. Существеннымъ недостаткомъ этой книги во второмъ (въ другихъ отношеніяхъ улучшенномъ и расширенномъ) изданіи я считаю лишь одно радикальное отступленіе отъ перваго изданія—измѣненіе, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

Усвоить такую хорошую грамматику русской научной литературы мнѣ всегда представлялось дѣломъ весьма желательнымъ, и я съ удовольствіемъ привѣтствую вышедшій въ настоящее время русский переводъ этого руководства, совмѣстный трудъ кандидатовъ Московскаго университета Алексѣя Александровича Шахматова и Вя-

¹⁾ Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik. Texte. Glossar. Von A. Leskien, o. Professor der slavischen Sprachen an der Universität Leipzig. Zweite, völlig umgearbeitete Auflage. Weimar. 1886.

челова Николаевича Щепкина, тщательно и даже вѣжливо выданный московскимъ типографщикомъ Оттономъ Гербекомъ.

Большую половину книги Лескина составляютъ тексты и словарики. Въ русскомъ изданіи эта половина не воспроизводится, что дѣйствительно было бы излишне; притомъ словарь нельзя было переводить, а пришлось бы перерабатывать и приспособлять для русскаго читателя, — правда, въ большинствѣ случаевъ приспособленіе могло бы состоять въ простомъ опущеніи понятныхъ всякому русскому славяно-русскихъ реченій въ родѣ *адъ, ногъ, дымъ, жила, зѣмля, бити, лати*.

152-мъ страницамъ подлинника въ переводѣ соответствуютъ 154, остальные страницы, 155—192, представляютъ дополненіе: „Особенности языка Остромирова евангелія“¹⁾. Этимъ дополненіемъ устраняется тотъ недостатокъ подлинника, на который я намекалъ выше, — крайнее увлеченіе автора отвергаемымъ имъ прежде паннонимомъ, увлеченіе, до какового не доходилъ и самъ Миклошичъ, хотя и отодвигавшій Остромирово евангеліе на задній планъ, но никогда не оставившій его въ полномъ небреженіи.

Переводъ гг. Шахматова и Щепкина вообще весьма точно передаетъ подлинникъ. Я замѣтилъ лишь слѣдующія несправности: Стр. 4, внизу: „j передъ гласными слѣдуетъ произносить не какъ спирвантъ (вѣм. *ich-Laut*), а какъ неслоговое i“; въ подлинникѣ: „похоже на *ich-Laut*“ — „*dem ich-Laut ähnlich*“²⁾. На стр. 46, стрк. 5 св. въ словахъ „станъ, бытъ можетъ, слѣдовало бы читать какъ *sta-va*“ — „бытъ можетъ“ есть совершенно лишняя вставка переводчиковъ. „*In der Regel*“ не значитъ „правильно“, какъ переведено на стр. 81, стрк. 9 св., а значитъ „обыкновенно“. На стр. 85, стрк. 14—15 св. сказано, что „*сицѣхъ, сицѣмъ, сицѣми* и съ формальной стороны кажутся образованными отъ *сицъ*“, а нужно бы: „*сицѣхъ, сицѣмъ, сицѣми*, кажется, формально принадлежать къ *сицъ*“ (*scheinen formell zu siцъ zu gehören*). На стр. 92, стрк. 7 св. не совсѣмъ вѣрно передается „*einige zwanzig Mal*“, что собственно не значитъ „около двадцати“, а „двадцать съ чѣмъ-то“ (точная цифра въ этомъ случаѣ — 24). На той же страницѣ, стрк. 9, говорится про „формы *ка -зи-*“, причемъ разумѣются не только име-

¹⁾ Тутъ же, на стр. 190—192, сделаны и общаго характера оговорки относительно глагольныхъ видовъ.

²⁾ *ich-Laut*—это названіе для *катгарѣ ж* (русскаго *ж* въ словѣ *жизни*).

нительные надежи въ родѣ добрѣи, но также добрѣимъ, добрѣиныхъ и т. д. — въ подлинникѣ и сказано „формы съ -зи-“ (mit -зи-). На стр. 94, стрк. 16—15 св., слово *gelegentlich*, значащее „при случаѣ, иногда, изрѣдка“, переведено „случайно“. На стр. 110, стрк. 1 св., нѣмецкое *Zähne klappern*, какъ толкованіе глагола клещтати, слишкомъ рабски передается выраженіемъ „стучать (зубами)“ — *Zähne klappern* есть именно „скрежетать зубами“. Нѣмецкое *thricht werden*, то-есть, „обезумѣть, одурѣть“ (стр. 112, стрк. 1 св.—переводъ глагола боунати), напрасно переводится „безумствовать“. На стр. 137, стрк. 13—14 св., мы читаемъ: „оуоуенъ.....“, по образцу котораго поставлено *оуоуенъ* — у Лескина „по этому образцу въ парадигмѣ *оуоуенъ (darnach im Paradigma оуоуенъ)*“. На стр. 138, стрк. 5—6 св., безо всякой выгоды, для красоты рѣчи и съ нѣкоторымъ ущербомъ для смысла, произведена перестановка словъ, которыя могли бы остаться въ своемъ нѣмецкомъ порядкѣ: „браухомъ (Супр.) 53,4 есть, быть можетъ, переходящее, равное браухомъ отъ 2-ой основы“ (*ist vielleicht Imperf., gleich браухомъ vom 2. Stamm*) — у переводчиковъ: „браухомъ 53,4 быть можетъ = браухомъ и есть переход., образованное отъ 2-ой основы“. Нѣм. слово *Vollendung* на стр. 151, I и 152, II передается словомъ „совершенство“, — лучше бы „законченность“, или „завершенность“, „довершенство“.

Указанныя погрѣшности всѣ не особенно важны; еще меньше значенія имѣютъ слѣдующія: На стр. 93, стрк. 8 св., сказано, что въ Клодовой рукописи „вмѣсто *у* правильно употребляется *и*“, какъ будто глаголическому писцу слѣдовало употреблять греко-латинскую букву *у* — въ подлинникѣ „для (*für*) *у*“, то-есть для выраженія звука *и*; кромѣ того *regelmässig* здѣсь нужно было перевести не „правильно“, а „постоянно“. Тотъ же ошибочный переводъ этого нарѣчія является на стр. 127, ввиду, гдѣ читается: „отъ такихъ аористовъ, какъ *жрѣхъ*, съ окончаніемъ *тх* встрѣчаются¹⁾ *оумрѣтъ* (*оумрѣтъ*) правильно въ Ассем., Сав., Клод.“, а также и на 130-й, посредникъ: „глаголы, установленные въ формѣ брати и т. д., являются въ намятникахъ очень часто, въ нѣкоторыхъ, напримѣръ, въ Зогр., почти правильно, въ формѣ брати“ и т. д.²⁾ На стр. 94,

¹⁾ „Встрѣчаются“ передаетъ нѣм. „*kommen vor*“; но при полной перестройкѣ всего мѣста нужно было бы замѣнить множественное число единственнымъ.

²⁾ Не правится мнѣ въ последнемъ мѣстѣ еще передача нѣм. *angeordnet* черезъ „установленный“, — какъ, кажется, было бы „выставленные“, впрочемъ съ прибавкою „здѣсь“, или „наим“.

стрк. 3 сѣ., сказано про глаголическое десятиричное *i* съ трехугольной ножкой, что оно пишется часто „со значкомъ“¹⁾, — но вѣдь для этого значка существуетъ ходячее названіе густого придыханія, да и написаніе подлинника „mit ' versehen“ нужно читать „mit spiritus asper versehen“: слово значокъ, такимъ образомъ, совершенно излишняя прибавка¹⁾).

Въ нихъ случаются переводчики, по моему, заслуживаютъ упрека за слишкомъ точную передачу подлинника. Дѣло въ томъ, что грамматику, предназначенную для нѣмцевъ, слѣдовало бы нѣсколько приспособить для русскихъ: многое можно было опустить, какъ совершенно ненужное, иное не мѣшало бы прибавить.

Чрезвычайно странно обучать русскихъ староцерковному чтенію при посредствѣ латинской транскрипціи и нѣмецкихъ, да французскихъ параллелей: говорить имъ, что жъ равно французскому *j*, 3 французскому *z*, *χ*—нѣмецкому *ch* въ словѣ *ach*, *ч*—нѣм. *tach*, *ш*—нѣм. *sch*; еще страннѣе толковать имъ, какъ складывать губы, чтобы приблизительно произнести русскіе еры²⁾. Переводчики своимъ читателямъ должны были объяснить значеніе лишь весьма немногихъ буквъ: *з*, *оу*, *ш*, *щ*, *ъ*, *ь*, *ѣ*, *ѵ*, *ѵ*, *ѵ*, *ѵ*), *ѡ*, *ѱ*, *Ѳ*, *Ѵ*. Притомъ естественно было бы дѣлать объясненія въ видѣ оговорокъ къ обыкновенному русскому чтенію славянскихъ буквъ, напримеръ, такимъ образомъ: *з*, произносимое теперь одинаково съ *з*, первоначально читалось *дз*; *щ*, обозначающее у насъ согласный трифтонгъ *шши*, есть только слитное начертаніе вѣсто *шт*; *з* и *ь*, которые въ русскомъ письмѣ служатъ знаками твердости и мягкости, были гласными звуками и обозначали приблизительно такіе-то звуки и т. п. Между прочимъ слѣдовало совершенно извѣстить ученіе о ютованныхъ буквахъ: нѣмецъ, конечно, ожидаетъ найти въ славянской азбукѣ букву *j*; русскому же нужно объяснить, что въ церковнославянскомъ, а также и въ русскомъ языкѣ существуетъ особый согласный звукъ *j*, для

¹⁾ По поводу этого какъ-будто безмыслиаго знака заиччу, что никому и мѣшало, хотя дѣйствительно безмыслиама для нѣнца, въ русскомъ переводѣ не мѣшало бы назвать (стр. 5, стрк. 7 сѣ. и 8 — 7 сѣ., а также стран. 6, внизу) ихъ славянскими именами.

²⁾ Въ описаніи звука *ы* переводчики произвели еще неудачную поправку: звукъ этотъ получится именно тогда, если (выражусь по своему) губами произнесеть *i*, а устною полостью—*а*, а не при обратномъ приѣмѣ, который даетъ *ѣ*.

³⁾ Для объясненія юсовъ дѣйствительно необходимо прибѣгнуть къ сравненію съ французскимъ *ямноу*.

котораго староцерковное письмо не представляет соответственнаго начертанія и который лишь въ болѣе новое время отчасти находятъ себѣ выраженіе въ буквѣ ѣ. Дѣлаемое относительно j (стр. 4 внизу) замѣчаніе, что его слѣдуетъ произносить не какъ спирантъ, похожій на нѣмецкій *ich-Laut*, а какъ неслоговое i (замѣчаніе, упомянутое уже выше, стр. 3, и приводимое теперь въ исправленномъ видѣ), предполагаетъ умѣніе хорошо произносить по-нѣмецки: прочитавшій вмѣсто *изъ* — *изъ* (или, пожалуй, еще на французскій ладъ *имъ!*) тутъ ничего не пойметъ. Кромѣ того, нѣтъ никакой надобности предостерегать русскаго относительно j, котораго онъ никогда и не станетъ произносить такъ рѣзко, какъ нѣмецъ. Весьма возможно, что староцерковное произношеніе j даже вполне совпадало съ русскимъ, и что въ немъ существовала и русская двоякость j¹⁾. Въ пользу такой двоякости позволительно толковать написанія въ родѣ *чнстаа, взнезаанъ*, гдѣ могло сказаться нежеланіе употребить для слабаго междугласнаго j то же обозначеніе, какъ для начальнаго (хотя ничто не мѣшаетъ видѣть здѣсь форму переходную къ стяженію, то-есть, съ дѣйствительнымъ знаніемъ, а можно также считать удвоеніе за знакъ долготы и уже совершившагося стяженія)²⁾.

Весьма кстати было бы нѣкоторое отступленіе отъ подлинника относительно перевода словъ. Лескинъ, очевидно, предполагаетъ (и совершенно основательно), что пользующіеся его книгою нѣмцы по большей части вовсе не знаютъ по-славянски, и потому ко всякому слову присоединяетъ нѣмецкій (иногда латинскій или греческій) переводъ; но совершенно иное дѣло въ русскомъ изданіи: здѣсь переводъ нуженъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, обыкновенно же представляетъ одну перепечатку староцерковнаго слова гражданскимъ шрифтомъ, занимаетъ только лишнее мѣсто и производитъ даже нѣсколько комическое впечатлѣніе, напримѣръ: *ноліа воля* (стр. 4), *ось—ось, возъ—возъ* (стр. 8), *нестн нести, знати знать, вода вода*,

¹⁾ Срвн. мою статью „Мнѣніе г. Тулова о русской азбукѣ“, *Р. Ф. В.*, т. V, стр. 359 и 361, въ которой я однако теперь сдѣлалъ бы оговорку, что „истинный согласный j“—*яма, ѣа* и т. п., хотя и рѣче слабаго, полугласнаго j (неслоговаго i)—*змяя, змяя* и т. д., но все-таки отличоцъ отъ нѣмецкаго j и приближается къ полугласности.

²⁾ Лескинъ даетъ этия написанія еще иное толкованіе: онъ говоритъ, что здѣсь j только не пишется, но подразумевается,—толкованіе возможно, но по моему невѣроятное. Ср. оговорку переводчиковъ въ дополненіяхъ, стр. 166, внизу.

доуша душа, край край, крыти крыть, гинти гить (стр. 89), гвоздь гвоздь, голѣвъ голубь, гость гость, грѣтань гортань и т. п. (стр. 54)¹⁾. Имѣющееся въ такихъ случаяхъ легкое звуковое различіе между староцерковными и русскими словами (дѣйствительное присутствіе въ староцерковномъ вода звука о, который по-русски перешелъ въ а, мягкій согласный т въ русскомъ зпѣть вм. средняго слога тн и т. п.) можетъ служить нѣкоторымъ объясненіемъ, однако не оправданіемъ только что указанной странности²⁾. Не только страннѣе, но и неточнѣе тавтологическій переводъ слова страда (стр. 111, стр. 4 св.)— нужно болѣе общее понятіе „работа, трудъ“; но конечно, не „мученіе“ (Leiden), какъ въ подлинникѣ. При словѣ благодѣть (стр. 8), которое дѣйствительно нуждается въ поясненіи, лучше всего было бы проставить его синонимъ благодать: Gutthat Лескина — слово парочно сочиненное для выясненія состава славянскаго благодѣть³⁾— никакъ не слѣдовало переводить „благодѣніе“ (что было бы Wohlthat); „добродѣтель“, правда, точно передаетъ нѣм. Tugend, но послѣднее употреблено здѣсь некстати. Переводы дважды (стр. 31, § 20 и 39, § 26) слово конь, а именно черезъ „лошадь“ (=Лескиновскому Pferd), можетъ быть, имѣли въ виду, что церковное конь не есть поэтическое слово, какъ наше коні; но это съ одной стороны не особенно нужно было здѣсь отмѣчать, а съ другой стороны понятно лишь для того, кто и такъ знаетъ, въ чемъ дѣло. Въ томъ же родѣ „страмоглавъ внявъ головой (über Kopf)“, стр. 97, стр. 5 св. Иногда нѣмецкій переводъ подвергся нѣкоторому измѣненію: такъ на стр. 54 дръколь переводится „древко“ (можетъ быть на основаніи Миклошичева dŕo, lignum. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum) и „дреколья“; у Лескина, по моему, лучше Knittel (палка, дубина). На стр. 59—60 люто переведено „утомительный трудъ“—по нѣм. Mühe, а сказалъ бы „трудъ, мука“. Удачную передѣлку вмѣсто буквального перевода представляетъ толкованіе слова лом (стр. 9, стр. 6—5 св.): „loj-ь—сало (собств. „топленое“, нѣм. Guss) при liti; въ

¹⁾ Впрочемъ нѣмѣ изъ подобныхъ переводовъ дѣйствительно нужны, напримеръ: господи юслюдивъ, Господь, а не только Господь.

²⁾ Различіе (по взгляду Лескина) существуетъ и тамъ, гдѣ пишется ѣ, которое въ Лескиновой кириллицѣ обозначаетъ не наше ѣ, а равно ѣ+ъ (ѣ).

³⁾ Въ подлинникѣ читается „blagoděti Gutthat (Tugend u. n.)“, то-есть, слову благодѣть приписано основное значеніе „доброе дѣло“, изъ коего проистекаютъ эвентическія значенія добродѣтель (?) и т. п.

подлинникъ: „Talg (eig. Guss“). Напрасно однако перепечатано и нѣм. Guss литье, которое можетъ только привести въ недоумѣніе, какъ незнающаго, такъ и знающаго по-нѣмецки. Передача нѣм. Band, какъ перевода къ лже, черезъ „завязка“ (стр. 43, стрк. 4 сл.) нѣтъ кажется довольно мѣткою, но самый нѣмецкій переводъ въ своей лаконичности неясенъ—я бы тутъ расщедрился на три слова: веревка, узы, цѣпь, или такъ: уза, то-есть, веревка, или цѣпь.

Опустивши въ большинствѣ случаевъ переводъ, я иногда прибавилъ бы таковой къ тѣмъ (немногимъ) случаямъ, гдѣ Лескинъ оставляетъ безъ перевода иноязычныя реченія: на стр. 39, стрк. 1 сл. dusti (значить пылѣть), на 40, стрк. 1 сл. —susti (значить паршивѣть).

Къ особенностямъ нѣмецкаго подлинника, которыя слѣдовало измѣнить въ переводѣ, можно бы отнести также латинскую транскрипцію, въ коей иногда приводятся славянскія слова; но я полагаю (хотя самъ вмѣстѣ со Шляковымъ замѣнилъ латиницу кириллицей въ Миклошичевой Сравнительной морфологіи), что это было бы искаженіемъ подлинника: иногда Лескинъ, видимо, желалъ (прямо онъ на то не указываетъ) выставить такимъ образомъ слова праславянскія (стр. 8—16); въ другихъ случаяхъ транскрипція полезна, какъ указаніе на истинное значеніе не совсѣмъ ясныхъ написаній памятниковъ—жѣша стр. 124, п. 2, жрлхъ, жрх стр. 125. Серьезнаго затрудненія употребленіе латиницы не представляетъ: вѣдь значеніе ея буквъ (насколько оно не очевидно само собой) легко узнать изъ помѣщенныхъ на стр. 2 параллельныхъ азбукъ; таблица эта, оставаясь неизмѣненною, въ русскомъ переводѣ получила совершенно иное значеніе и латинская транскрипція въ ней изъ объяснительной превратилась въ объясняемую. Остается однако неизвѣстнымъ значеніе акута надъ согласными (знака мягкости). Кромѣ того не мѣшало бы для русскихъ прибавить объясненіе, какъ читать слова литовскія и санскритскія; не лишне было бы также объяснить, что такое „такъ называемыя *n* sonans, *m* sonans и т. д.“—(стр. 6, стрк. 4 сл.). Лескинъ подобныхъ указаній не дѣлаетъ потому, что предназначаетъ свою книгу для нѣмецкихъ лингвистовъ.

Къ изложеннымъ въ видѣ дополненія особенностямъ языка Остромирова Евангелія (вообще изложеннымъ весьма дѣльно и толково) позволю себѣ сдѣлать слѣдующія замѣчанія. На стр. 160, стрк. 12—10 сл., мы читаемъ, что ѿ „замѣнено русскимъ ѣ въ случаяхъ каплаѣ им. мн., недѣлаѣ род. ед.“—толкованіе совершенно непонятное для того, кто еще не занимался исторіей русскаго языка; вѣдѣсь

по крайней мѣрѣ нужна была ссылка на исследования объ этомъ вопросѣ Соболевскаго. На стр. 161, стрк. 5 св. Григоровичеву (Аеонскому, Маріинскому) евангелію приписана совершенно невозможная въ немъ форма сѣкира вм. сѣкира: такое написаніе дѣйствительно читается въ Ягичевомъ изданіи, но только въ дополнительномъ отрывкѣ „изъ Дечанскаго четвероевангелія XIII вѣка“ (Маріинское четвероевангеліе, стр. 1, прим.)¹⁾. Вина за эту погрѣшность отчасти падаетъ на Ягича, который самъ въ Зографскомъ евангеліи ясно отдѣлялъ новѣйшую вставку отъ стариннаго текста особымъ шрифтомъ, но не отличилъ подобнымъ образомъ Дечанскій текстъ отъ Григоровическаго.—Высказанная на стр. 169, посредникъ, догадка, что чередованіе въ кирилловскихъ памятникахъ написаній рѣ, лѣ, нѣ съ рѣ, лѣ, нѣ указываетъ повидному на чередованіе гѣа и ѣа, ѣа и ѣа, пѣа и ѣа, мѣа кажется совершенно произвольною и лишнею: по моему, обыкновенная ссылка на глаголическое вліяніе достаточно объясняетъ замѣну пѣа черезъ ѣа; а если ужъ искать для cadaго графическаго дѣленія фонетическаго основанія, то придется указать особое произношеніе и для начертаній ѣа, ѣа, ѣѣ. Вѣгло брошено на стр. 175, выпзу, замѣчаніе, что окончанія аѣго, ѣѣмоѣ, ѣѣмь мы де (вопреки Лескину) признаемъ подновленными вліяніемъ формъ относительнаго мѣстоименія,—весьма любопытно. До сихъ поръ никому въ голову не приходило сомнѣваться въ архаичности указанныхъ окончаній; полагаю, что противъ очевидности (хотя бы и мнимой) нельзя полевизировать намеками, а непременно слѣдуетъ представить свои доводы. На стр. 176, стрк. 4 св. и въ сочетаніяхъ ню, иѣ и т. д. (рядомъ съ ѣю, ѣѣ) наввано общеславянскимъ звукомъ: я до сихъ поръ считалъ боѣе или мѣѣе установленными противоположный взглядъ (высказанный въ соответственномъ мѣстѣ у Лескина), хотя самъ не особенно настаиваю на немъ. Опять-таки необходимо было пуститься въ нѣкоторую мотивировку, а не просто ставить рядомъ съ возрѣніемъ Лескина свое противоположное.

Стр. 178, прим. При корени Ме. III, 10, встрѣчающееся и въ другихъ евангеліяхъ (Л. III, 9 Аеон., Ассам.), нѣтъ никакой надобности считать опяской: я думаю, что здѣсь вмѣсто единственнаго

¹⁾ Подобный же промахъ допустилъ Минлошичъ, Vergleichende Wortbildungslehre, S. 14 (Сравнительная морфология, стр. 17), гдѣ трагизмъ.—онъ приводится изъ Саввиной книги, тогда какъ форма эта является въ Ассеманіевомъ евангеліи (и тамъ, впрочемъ, лишь по недосмотру Срезневскаго).

числа употреблено множественное (собственно—форма собирательная): въ точенни крѣвни Мрк. V, 25 я также считаю множественнымъ числомъ, отчего не прочь былъ уже Востоковъ.—Стр. 179, § 58. „Прѣлюби творити, употребленіе той же формы съ отрицаніемъ (не прѣлюби сѣтвори) дѣлаеть сомнительнымъ, чтобы прѣлюби стояло на мѣстѣ вин. п.“ Мнѣ думается, что съ одной стороны существенное прѣлюби при отрицательномъ глаголѣ непременно стояло бы въ родительномъ надежѣ (прѣлюбвице ¹⁾), но что съ другой стороны люби здѣсь рѣшительно ничѣмъ кромѣ винительнаго падежа быть не можетъ. Выходъ изъ этой дилеммы я нахожу въ томъ, что отрицаю существованіе цѣльнаго слова прѣлюби, и раздѣляю его на предлогъ прѣ и зависящій отъ него винительникъ любви, усматривая здѣсь такимъ образомъ слѣдъ неслитнаго употребленія предлога прѣ ²⁾.)—Стр. 179, къ § 58. Остром. ев. рѣшительно де указываетъ на тв. ед.—ѣмь отъ основъ на—и: доземь, сннземь“. Я въ дополненіяхъ къ Сравнительной морфологіи, стр. 756, имѣлъ случай высказать противоположное мнѣніе, что свидѣтельство Остромирава евангелія, почти не знающаго окончанія омь ³⁾), не имѣетъ никакой цѣны.—Стр. 180, къ § 61. Иероусалимъ въ качествѣ зовнаго падежа, конечно, не славянская форма, а рабское воспроизведеніе столь же насильственной греческой формы. См. Сравнит. морфол., стр. 769, доп. къ стр. 71, стрк. 18 сл.—Стр. 180, къ § 63. Слово грѣхъ чуть ли не уковаго склоненія.—Стр. 181, къ § 71, стрк. 3 сл.: 271 в. есть погрѣшность вмѣсто 237 в.—Стр. 182, къ § 78. Какимъ образомъ на Мо. XXI, 3 (и авиѣ же послѣить ѿ, то-есть, осамъ и жребѣмъ) можетъ быть смысловымъ согласованіемъ—„конструкціей катὰ σύνεσιν“,—мнѣ неясно. По моему, здѣсь, такъ или иначе, имѣется грецизмъ: или подъ влияніемъ греческаго αὐτοῦς (τὴν ὄνον καὶ τὸν πῶλον), поставили, хотя и двойственное число, но мужескій родъ, или же, измѣнивъ мужескій родъ на средній, забыли измѣнить число. На стр. 184, посредній, греч. нарѣчіе ἐξαοῦς (ἰλλσο, тотчасъ), какъ переводъ славянскаго

¹⁾ Никольское евангеліе одинъ разъ (Мѣ. XIX, 18) дѣйствительно представляетъ и прѣлюбви сѣтвориши,—въ другихъ случаяхъ однако прѣлюби.

²⁾ Но уже писецъ, образовавшій форму прѣлюбви (см. предыдущее примѣчаніе) принималъ прѣлюби за одно слово.

³⁾ Почти не знающаго: мое утвержденіе, что омь *еоее* не встрѣчается въ Остромира, было ошибочно.

сенци¹⁾), написано въ два слова, что можетъ подать поводъ къ недо-
разумѣнію. (Впрочемъ, такъ написано въ греческомъ текстѣ у Восто-
кова). На стр. 190, I мы читаемъ: „Буд. вр. въ старослов. можетъ
выражаться настоящимъ какъ совершеннаго, такъ и несовершен-
наго вида“, причемъ, правда, оговорено, что „послѣдній случай рѣ-
докъ“. Мнѣ думается, что этотъ случай является лишь случайнымъ
уклоненіемъ отъ общаго закона. Въ одномъ изъ приведенныхъ примѣ-
ровъ—югда же състарѣвши см, вздаждеши рѣцѣ твои и низъ тѣ
попашеть и ведеть тѣ, таможе не хощеши Іоан. XXI, 18—замѣна
греческаго *ὄψει* и *ὄψει* настоящимъ временемъ аналогична переходу
въ разказѣ отъ прошедшаго къ настоящему историческому. Еще менѣе
вѣса имѣеть указываемое для сравненія ведомъ *ἀγόμενος* Л. XXI, 12:
прѣжде же сиухъ взложатъ на вы рѣкы свои и ижденятъ прѣ-
даншете на снѣгъ мнша и тѣмница ведоми къ цѣсарюмъ и владыкамъ,
такъ какъ и въ греческомъ подлинникѣ здѣсь настоящее, а не
будущее причастіе. Разоумѣвать въ смыслѣ будущаго находить
пѣкоторое оправданіе въ томъ, что къ этому глаголу нѣтъ совершен-
наго вида (привнаваемое таковымъ въ разбираемомъ мѣстѣ разоумѣнъ
тоже несовершенный видъ, напримѣръ, Клоц. I, 219 разоумѣнъ=
μαυδάνομαι, *intelligimus*), разоумѣти и разоумѣвати такимъ образомъ
можно сопоставить съ нашими безвидными глаголами женить,
казнить, не различающими будущаго отъ настоящаго. Наибо-
лѣе убѣдительный примѣръ несовершеннаго настоящаго въ роли
будущаго представляетъ рѣцѣте оученикомъ юго и Петрови, яко
варяктъ вы въ Галилеи и тоу и видите, гдѣ впрочемъ само собой
ясно, что дѣло идетъ о предстоящемъ событіи, и потому легко было
обойтись безъ грамматическаго выраженія будущности. Что касается
исключеній въ обратную сторону, то-есть описательнаго будущаго
совершенныхъ глаголовъ, то я (хотя теоретически вполнѣ готовъ
допустить такое употребленіе²⁾) не вижу на него убѣдительныхъ при-
мѣровъ. Изъ трехъ указанныхъ на стр. 191 второй, какъ тамъ же
и отмѣчено, по-гречески также представляетъ описаніе—*μέλλεις*
ἐμφανίσαι, таковъ же и первый—прѣти бо имать (*μέλλεις γὰρ ἔρχομαι*):

¹⁾ Въ новой Библии *ὄψει* (то-есть *μεν*), какъ подражаніе греч. *ἐξουτῆς*
(*ωρα*), съ нарѣянтомъ *тн*.

²⁾ См. Сравнит. морск., стр. 339, прим. и срнп. мой разборъ *Либисова*
Верхнелуницкаго синтаксиса, Ф. Р. В., т. XI, стр. 183.

только одинъ хотѣти прѣдати передаетъ будущую форму греческаго языка. Но, во первыхъ, здѣсь стоитъ причастіе, для котораго и въ совершенномъ видѣ не имѣется цѣльнаго выраженія (хотя прѣдѣль равно *καταβῶσθ*, но *καταβῶσων*, какъ извѣстно, нельзя выразить черезъ прѣдѣды), а во вторыхъ, глаголѣ хотѣти въ выраженіи хотѣти прѣдати можно даже и не считать безцвѣтнымъ знаменателемъ будущаго, такъ какъ тутъ дѣйствительно идетъ дѣло о намѣреніи и желаніи.

Разбираемая книга, какъ отмѣчено уже выше, напечатана вообще весьма исправно, однако въ ней есть-таки (почти неизбежныя) опечатки: кромѣ 3-хъ, оговоренныхъ переводчиками, я замѣтилъ еще около 20. Большая часть, впрочемъ, не имѣетъ никакого, или только малое значеніе, напримѣръ, *βομῆ* вм. *βοῦ* стр. 112, стрк. 1 св., *δενιγῆτι* вм. *δεν*- 132, 7 св., па вм. па 133, 6 св., *ναβικηῆτι* вм. *να*- 170, посредникъ. Болѣе существенныя опечатки: на стр. 3, стрк. 6 св. при равновидности глаголическаго малаго *ἴσα*, снабженной съ лѣвой стороны крючкомъ, недостаетъ этого самаго характернаго для нея крючка (впрочемъ вѣрное воспроизведеніе такого *ἴσα* имѣется на стр. 77, § 70). На стр. 73, посредникъ, напечатано *Ἰτροῦς*, съ акутомъ, чѣмъ воспроизводится опечатка подлинника. Изъ подлинника же, идетъ написаніе *ἰσμήνε* вм. *ἰσμήνε* (стр. 129, посеред.). Стр. 136, стрк. 1 св. представляетъ опечатку въ цитатѣ: нужно не 126, а 136 (такъ въ подлинникѣ, и такъ вѣрно). На стр. 144, къ § 136, надъ, буквою *λ* въ причастіи *πυτοπλῆ* недостаетъ *καμору*, какъ знака мягкости. На стр. 184, посредникъ, напечатано „*εἰδὲνα* пишется *οὐ* *ζ*“, вм. „*οὐ* *ζ*“; на стр. 186 (къ § 97)—*εὐκτοριωνῆ* вм. *-εὐ*-. Не знаю, считать ли существенною опечаткою и *Zagreb* вм. и Введ., стр. IV (не знающій по-сербски, пожалуй, и не сообразитъ, какое тутъ нужно окончаніе), а также *И* вм. *II* (стр. 124, § 108): „Относительно звуковыхъ явленій при образованіи неопр. накл., достигат. накл. и прич. прош. дѣйств. *И* темъ, *тешти*, *грѣл*, *грѣти*, *падѣ*, *пасти*, *налѣ* см. §§ 28, 32, 34“.

Такъ какъ переводчики, если безъ оговорки воспроизводятъ свой подлинникъ, принимаютъ на себя нѣкоторую отвѣтственность за него то я по поводу разбираемаго перевода позволю себѣ теперь нѣсколько замѣчаній относящихся собственно не къ гг. Шахматову и Щенкину, а къ Лескину. (Кое-какія замѣчанія этого рода, которыя къ слову пришли, были сдѣланы уже и выше).

На стр. 5 (къ переводѣ 3) Лескинъ напрасно такъ увѣренно го-

ворить, что е=открытому е (широкому е, е близкому а), а ѣ—закрытому (узкому, близкому къ і): возможенъ—по моему даже обязательнъ — почти противоположный взглядъ, высказанный мною въ статьѣ „О звуковомъ значеніи ѣ“ (Грамматическія замѣтки, т. I, стр. 44, въ 1-мъ изд. 42=Р.Ф.В., т. VI, стр. 12), а ранѣе—Вилларскимъ (О средне-болгарскомъ вокализмѣ, изд. 2-е, С.-Пб. 1858, стр. 106) и, въ нѣсколько иномъ видѣ, Ян. Карл. Гротомъ (Филологич. размысканія, т. II, С.-Пб. 1876. Спорные вопросы русскаго правописанія, стр. 309) ¹⁾. Высказанное на стр. 6 (въ перев. 4) утвержденіе, что въ старо-церковномъ существовали созвучія јі и јь, въ дѣйствительности подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію. Смотри мою статью „О нѣкоторыхъ формахъ мѣстоимѣнія и“ (Грамм. зам., т. I, стр. 46, въ 1-мъ изд. 45=Р.Ф.В., т. VI, стр. 256). На стр. 7 (6), § 5 не лишне было бы указать, въ какихъ Кирилловскихъ памятникахъ встрѣчается сочетаніе ѣи въ значеніи и; я не могу припомнить такихъ случаевъ. На стр. 18 (12), п. 7, приводится собирательное существительное дѣтъ=дѣти; однако слово это хотя и праславянское ²⁾, не есть староцерковное: оно отмѣчено только въ сербскихъ и въ сербоцерковныхъ памятникахъ. Стр. 36, § 25, 2. Въ написаніи кровинъ Клоц. 813 я не могу усмотрѣть доказательства повдигаго возникновенія окончанія ннъ вм. ѣнъ: вѣдь мы не можемъ быть увѣрены, что писецъ дѣйствительно произносилъ ннъ, а не јнъ, да и при такой увѣренности можно бы объяснять о заимствованіемъ у назывно-виннаго падежа кровь, такъ-что кровинъ ближайшимъ образомъ происходило бы изъ *крѣинъ. Впрочемъ (какъ сказано выше, стр. 14) я тоже вѣрю въ первенство созвучія ѣј передъ нј, однако отношу возникновеніе послѣдняго къ довольно давнимъ, хотя и не праславянскимъ временамъ, а написанія съ ѣ считаю псевдоархангелскими, въ дѣйствительности равносильными русскимъ ѣю, ѣе и т. д.; для иныхъ случаевъ, напримѣръ ставннъ вм. ставнъ, и Лескинъ (стр. 45, въ перев. 46) признаетъ такое зна-

¹⁾ Про иллііе Вилларскаго по недосмотру не упомянуто ни у меня, ни у Грота. Возможно, что моя статья даже есть, въ самой существенной части, безсознательный плагиатъ у Вилларскаго.

²⁾ Его необходимо предположить для объясненія двойной множины къ слову дѣта: исхода отъ него, можно понять и дѣти, слабшее по смыслу множественными окончаніями, и дѣтица (серб. *djéca*, болг. *djéca*), представляющее ласкательную форму.

ченіе ъ. Построивъ нѣсколько выше старѣйшую новославянскую форму *крѣнѣ*, я долженъ оговорить, что самъ предполагаю иную форму—*крѣлѣ*, съ онѣмѣніемъ обѣихъ глухихъ ¹⁾. Стр. 47 (48), § 31, п. 4. Несомнѣнно, что звуки ж, ч, ш, шт, жд, ц и з нѣкогда были мягки, но сохранялась ли эта мягкость въ староцерковномъ языкѣ, для меня весьма сомнительно: мнѣ думается, что въ такомъ случаѣ гораздо чаще и послѣдовательнѣе употребляли бы послѣ соответственныхъ согласныхъ буквъ гласныя ютированныя. Скорѣе слоги *ѣа*, *ѣи* и т. д. были средніе, такъ что собственно ни *жа*, *жоу*, *жѣ* (указывавшія на твердый выговоръ), ни *жа* съ равносильнымъ *жѣ*, *жоу*, *жѣ* (указывавшія на мягкость) не выражали настоящаго превношенія. Поэтому-то и колебались въ написаніи такихъ слоговъ, отдавая притомъ предпочтеніе болѣе простымъ начертаніямъ—ю передъ оу, а съ другой стороны а передъ га и ѣ. Стр. 48, стрк. 6 св. (49, 4 св.). Число по Лескину расчленяется на корень чит и приставку сло; не знаю, почему онъ отвергаетъ Миклошичево расчлененіе на чит (чѣт) и гла. Стр. 54, стрк. 5 и 6—7 св. (въ перев. 9 и 10). Зѣтъ значитъ не только зять, но и женихъ, маломошѣ — не только бѣдный, но прежде всего больной. Стр. 54, строк. 10 (4—3) св. зависть напрасно, кромѣ *Neid*, передано еще *Hass* (ненависть): греческій и латинскій переводъ въ Миклошичевомъ словарѣ есть *φθόνος* *invidia* и *ζήλος* *ambulatio* (соревнованіе), что, насколько мнѣ извѣстно, вполне правильно. Стр. 85, строк. 12 св. (86, 7 св.). Ничьже въ Синайской псалтыри является въ ошибочномъ написаніи ничьже. Стр. 95, строк. 12 св. (97, 2 св.). Странно переводить *тоу догѣ* (тамъ), а *оноудѣ*—*ѣхеѣ*, что вѣдь значитъ то же, самое: меня, по крайней мѣрѣ, это заставило обратиться къ греческому словарю за справкой, дѣйствительно ли *ѣхеѣ* имѣетъ это значеніе. Стр. 102, строк. 2 св. (105, посеред.), 3, β. „*Крѣлѣ халамѣомаѣ*“ (собираю колосья, пробавляюсь остатками), кажется, не особенно удачный переводъ. У Миклошича въ словарѣ *халамѣомаѣ*, *spoliare*, у Потебни (Къ исторіи звуковъ русскаго языка, ч. III, стр. 61—Р.Ф.В., т. IV, стр. 161)—рвать, пожинать, драть въ значеніи грабить. Кромѣ того, мнѣ думается, что для большинства читателей греческое *халамѣомаѣ* столь же непонятно, какъ и славянское *крѣлѣ*. Стр. 105, строк. 8 св.

¹⁾ Срв. мою статью „О слоговѣхъ *р* и *л* у Славянъ“, Грамм. зам. т. I, стр. 94 = Р. Ф. В., т. VIII, стр. 196.

(108, 10—11 св.). Союзити Синайской псалтыри, XXXIV, 3 стоитъ въ выраженіи исоуни орѣжнѣ (въ Новой Библии *изсѣни мѣча*) и, очевидно, не значить вылить (*ausglessen*). Стр. 106, 12 св. (109, 4 св.). Ведительное послоуиѣ легко можетъ быть простой опиской вмѣсто послоуианте и строить по немъ цѣлый глаголь послоуи-посоуиѣ— весьма рискованно. Стр. 110, строк. 12 св. (113, 2 св.). Ятево-иже-вый глаголь раднини-радѣти вмѣсто общаго собственно-ижеваго радниш-радѣти, какъ Лескина и самъ говоритъ, встрѣчается только Супр., 134, 17. Въ этомъ мѣстѣ читается имперфектъ радѣахъ, который, по догадкѣ Миклошича (*Vergleichende Wortbildungslehre*, стр. 117. Сравнительная морфологія, стр. 148) образованъ такъ во избѣжаніе смѣшенія съ радѣахъ *radiebam*, и въ самомъ дѣлѣ можно допустить, что собственно-ижевой глаголь радѣти, по сходству настоящихъ, позаимствовался имперфектомъ у ятево-ижевыхъ и образованъ радѣахъ къ радниш, по примѣру горѣахъ при горниш. Однако объясненіе Лескина, пожалуй, заслуживаетъ предпочтенія; только вмѣсто ятево-ижеваго глагола чуть ли не лучше видѣть здѣсь дѣйствительно существующій въ русскомъ языкѣ собственно-ятевой глаголь радѣти-радѣиш. Стр. 121 (123), § 107, I. Двойное тридцать надете, Лука VI, 39 (Зогр., Мар.) пошло сюда по недосмотру — это не вористъ, а будущее: *егда можетъ слѣпѣць слѣпѣца водити*, не она ли въ тамъ *выпадете слѣ* (*какобута*). Стр. 129, строк. 13 св. (131, 1 св.). Образовывать настоящія причастія отъ совершеннаго глагола, какъ двигити, не совсѣмъ удобно, хотя двигити и встрѣчается. См. Сравнит. морф., стр. 141, пр. 1. Стр. 181, строк. 6—8 св. (134, 13 св.). Къ ведительному пролы отъ -лнш Синайск. псалт. XLVIII, 25 прибавлено еще -лнш съ восьмеричнымъ (двадцатеричнымъ) и—отчего и къ чему, остается загадкой; не есть ли это искаженное и приводимое здѣсь некстати излнше XLI, 9? Стр. 140 (142). Проставленное у Лескина страд. прич. бесѣдоуемъ возбуждаетъ недоумѣніе,—способенъ ли средній глаголь бесѣдовати къ такому образованію? За возможность этого причастія, впрочемъ, говорить употребленное Супр. 283, 9 выраженіе „егда бо то кто бесѣдоуетъ“. Однако я предпочелъ бы, не возбуждая постороннихъ вопросовъ, вять другую парадигму, напримѣръ, цѣловати. Стр. 145 (147). На причастіе *дддм* (повидимому невозможное, вслѣдствіе совершенности глагола дати) у Миклошича есть примѣръ въ Супр. и нѣсколько рус-

скословенскихъ и русскихъ. Допустивъ въ парадигму ААДД, можно бы было внести въ нее также принимаемое Миклошичемъ ААДомъ, на которое я, правда, не знаю примѣровъ. Стр. 148 (150), § 148, 3. Отмѣтивъ описаніе будущаго посредствомъ ХАТЪТИ, Лескинъ напрасно оставилъ его безъ примѣра.

Еще одно, болѣе общее замѣчаніе (дѣлаемое здѣсь отчасти pro domo sua) относительно обозначенія глагольныхъ разрядовъ: какъ неудобны формулы, въ родѣ I Ab, III I VI Значеніе ихъ надо или просто подзубрить, или приходится наводить постоянныя справки Какъ бы здѣсь пригодились термины въ родѣ моихъ „глаголовъ безпримѣтныхъ открытаго корня“, „глаголовъ азово-готовыхъ“!

Мелочность, въ которой можно упрекнуть настоящія замѣчанія, зависитъ главнымъ образомъ оттого, что я ни въ самомъ оригиналѣ, ни въ его русской передачѣ не нахожу крупныхъ недостатковъ, а кромѣ того, мнѣ хотѣлось оговорить все, что мнѣ въ нихъ представлялось неудачнымъ и сомнительнымъ, и тѣмъ, по мѣрѣ возможности и разумѣнія, устранить недостатки вообще столь полевнѣе книги.

Романъ Брандтъ.

Книжныя новости.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ. Томъ II. М. 1890. Читателя Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія уже знакомы съ общимъ характеромъ новаго изданія Гоголя. Вышедшимъ вторымъ томомъ заканчивается это изданіе, ибо предполагаемый шестой томъ будетъ дополнительнымъ и будетъ продаваться отдѣльно. Вышедшій нынѣ томъ заключаетъ въ себѣ томы третій и четвертый первыхъ двухъ изданій (то-есть, повѣсти, появившіяся позднѣе „Миргорода“, и драматическія произведенія). Комедія Жиро „Дядька въ затруднительномъ положеніи“, переведенная по указаніямъ Гоголя и съ его поправками, помѣщена тоже въ этомъ томѣ (предварительно она была напечатана въ „Извѣстіяхъ Нѣжинскаго института“). Изданіе „Резиора“ любознательно тѣмъ, что вслѣдъ за текстомъ первая собранія сочиненій (1842) черченатами изъ перваго изданія (1836) тѣ сцены, которыя передѣланы въ „Сочиненіяхъ“, и также сцены, передѣланныя во второмъ изданіи (1841) и потомъ вновь передѣланныя въ сочиненіяхъ. Любопытно напечатанное вслѣдъ за „Резиоромъ“ объявленіе о предполагаемомъ изданіи для бѣдныхъ. Обширный комментарий, сопровождающій изданіе, очень интересенъ: здѣсь находимъ исторію по рукописямъ издаваемыхъ произведеній, но исторія „Портрета“ относится только къ передѣлкѣ, подробности же перваго из-

данія нужно искать въ самомъ томъ (продолженіе „Арабесковъ“, гдѣ первоначально появилась эта повѣсть); исторія „Ревизора“ начинается съ изданія 1838 г. Первоначальный текстъ этой комедіи съ соответствующими объясненіями найдетъ мѣсто въ шестомъ томѣ: тамъ же будетъ помѣщенъ и первоначальный текстъ „Женитьбы“ (или, какъ она называлась вначалѣ, „Женихъ“). Чрезвычайно любопытны въ этомъ томѣ указанія на отношенія „Утра дѣловаго члѣовѣка“, „Тяжбы“, „Лавейской“ и „Отрывка“ къ истребленію (върогатно, даже не конечной) комедіи: „Владиміръ 3-й степени“. Изъ всѣхъ указаній почтеннаго редактора выходитъ особенно ярко то значеніе, которое имѣла толпа о „Ревизорѣ“ на нравственный переворотъ, совершившійся въ Гоголѣ. Слѣдя съ большимъ интересомъ за разъясненіями Н. О. Тихонравова, нельзя однако не повторить желанія рецензента „Вѣстника Евронн“, чтобы онъ объединилъ свои изслѣдованія, что ему сдѣлать уже легко послѣ совершенной имъ детальной работы. Одно мѣсто останавливается на себѣ вниманіе: Гоголь пишетъ по случаю замѣчанія Бѣлинскаго о косныхъ взглядахъ его на Парижъ и близорукихъ въ Римъ (въ отрывкѣ „Римъ“): „Онъ хочетъ, чтобы римскій князь имѣлъ на Парижъ и французскій тотъ же взглядъ, какой имѣетъ Бѣлинскій“, и далѣе разъясняетъ, что онъ излагалъ не евой взглядъ, а взглядъ героя повѣсти. „Этимъ разъясненіемъ—говоритъ издатель—не опровергается заключеніе Бѣлинскаго“ (стр. 626). Напротивъ, совсѣмъ опровергается: автора нельзя сѣивать съ вводимымъ лицомъ.

Каріонъ Истоминъ. (Жизнь его и сочиненія). Исслѣдованіе *Сергія Браиловскаго*. М. 1889.—Очерки изъ исторіи просвѣщенія въ Московской Руси въ XVII вѣкѣ. *Сергія Браиловскаго*. М. 1890.—Обѣ эти брошюры составляютъ отдѣльные оттиски изъ Чтеній въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія 1889 и 1890 гг. и обѣ отличаются однороднымъ содержаніемъ: въ первой находится біографія и обзоръ сочиненій К. Истомина, а во второй — свѣдѣнія о жизни и ученыхъ трудахъ чудовскаго монаха Евгенія. Второю брошюрой авторъ начинаетъ цѣлый рядъ подобныхъ очерковъ, справедливо замѣчая во введеніи къ ней, что для полного выясненія важнаго значенія XVII вѣка въ исторіи нашего просвѣщенія необходимы частичныя изслѣдованія о дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, трудившихся на этомъ поприщѣ въ данное время. Число такихъ дѣятелей, особенно во второй половинѣ XVII вѣка, было уже немалое, и писанія ихъ, иногда весьма объемистыя, сохранились въ значительномъ количествѣ, но большаю частію только въ рукописяхъ, а не въ печатныхъ изданіяхъ; видѣть ихъ въ печати—мало надежды, а потому въ отношеніи къ нимъ особенно уместенъ тотъ пріемъ, котораго держался г. Браиловскій: онъ болѣе или менѣе подробно описываетъ каждое изъ произведеній Каріона и Евгенія, излагаетъ его содержаніе, приводитъ выписки интереснѣйшихъ мѣстъ и такимъ образомъ даетъ о немъ ясное понятіе. Особенно полно обработано въ этомъ отношеніи изслѣдованіе о Каріонѣ; его личность и труды остались до сихъ поръ почти совершенно неизвѣстными,—теперь же, благодаря очерку г. Браиловскаго, получается о нихъ определенное понятіе: изъ него видно, что въ борьбѣ направленій, которыми характеризуется умственная жизнь Москвы въ исходѣ XVII в., Каріону принадлежитъ среднее мѣсто; будучи вообще другомъ просвѣщенія и желая развитія его въ Москвѣ, онъ являлся сторонникомъ образованія въ старомъ церковно-обрядовомъ духѣ; не чуждаясь латино-польскихъ книжныхъ пособій, онъ однако остается предвѣ-

нымъ и вѣрнымъ смысломъ православной церкви, свободнымъ отъ той склонности къ латинству, въ которой обвиняли Симеона Полоцкого и Сильвестра Медвѣдова. Библиографическая сторона въ этомъ изслѣдованіи г. Браиловскаго отличается тщательностью: онъ работалъ въ московскихъ рукописныхъ собраніяхъ и, по-видимому, излекъ изъ нихъ все существенное касательно трудовъ К. Истомина. Изъ печатныхъ пособій имъ не встрѣтаны указанія только на сообщеніе А. У. Вычкова о Домострой Истомина, помѣщенное въ одномъ изъ выпусковъ Лѣтописи зачатій Археографической комиссіи. Менѣе удовлетворителенъ очеркъ, посвященный г. Браиловскимъ дѣятельности Евеніи: здѣсь едва ли можно исчислены его труды, особенно тѣ, которые помѣчены не его именемъ, но несомнѣнно принадлежать ему: такъ и между прочимъ „Щитъ вѣры“, вовсе не упомянутый г. Браиловскимъ. Объ отношеніяхъ Евеніи къ Симеону Полоцкому и Сильвестру Медвѣдову почти вовсе не говорится; этому предмету г. Браиловскій обѣщаетъ посвятить особую статью, но, умолчавъ о немъ въ разбираемомъ очеркѣ, авторъ сдѣлалъ характеристикау Евеніи неполною: не досказано едва ли не самое существенное.

Акты Московскаго государства, изданные Императорскою академіею наукъ подъ редакціею *Н. А. Попова*, члена-корреспондента академіи. Томъ I. Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1571—1684. С.-Пб. 1890. Изданіе актовъ стариннаго русскаго дѣлопроизводства было предположено еще покойнымъ П. В. Калачовымъ. Съ его смерти дѣло это перешло въ руки Н. А. Попова, подъ редакціею котораго и вышелъ 1-й томъ „Актовъ Московскаго государства“. Въ него вошли дѣла Разряднаго приказа за 64 года, — съ 1571 по 1634 годъ (всего помѣщено 718 документовъ Московскаго стола) — огромное большинство которыхъ (672) относятся къ царствованію Михаила Феодоровича. Документы напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ; при этомъ впереди текста находится оглашеніе, съ обстоятельнымъ указаніемъ содержанія изданныхъ актовъ. Пользованіе книгою въ значительной степени облегчено тѣмъ, что за текстомъ напечатаны два указателя, — одинъ для лицъ и мѣстъ, а другой — предметный. Такъ какъ Разрядный приказъ былъ центральнымъ мѣстомъ для всѣхъ службъ въ Московскомъ государствѣ, то и дѣла его должны были касаться всѣхъ сторонъ государственной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, одни документы даютъ свѣдѣнія о набѣгахъ татаръ и войнахъ съ Польшею; другіе рисуютъ дѣятельность воеводъ въ подвѣдомственныхъ имъ городахъ; въ третьихъ выражается дѣятельность Разряда при пріемахъ и отпускахъ крымскихъ и турецкихъ пословъ и т. д. Если добавить, что среди „Актовъ“ помѣщены также весьма любопытные документы о пожалованіи служилыхъ людей и списки служилыхъ людей, то нельзя не сказать, что „Акты Московскаго государства“ даютъ богатый матеріалъ для изслѣдованія и въ этомъ отношеніи могутъ стать радомъ съ нашими лучшими археографическими сборниками.

Григорій Павлуцкій. Фидія. Съ тремя фототипическими таблицами. Кіевъ. 1890. — Авторъ въ предисловіи говоритъ, что мысль представить въ настоящей работѣ общій очеркъ жизни и художественной дѣятельности Фидіи явилась у него подъ вліяніемъ курса лекцій профессора Collignon'a о греческомъ искусствѣ V вѣка, — курса, который автору пришлось слушать въ Парижскомъ университетѣ (Сорбонна) въ теченіе весенняго семестра 1889 года. Трудъ г. Павлуцкаго раздѣляется на четыре главы; изъ нихъ первая посвящена проведеніямъ перваго періода

(Лепна-Промышлость. Амазонка), вторая и третья—произведеніемъ второго періода (Пареононь. Лепна-дѣла. Скульптурн Пареонона: фронтоны, метоны и фризы), четвертая—произведеніемъ третьяго періода (Зевсъ Олимпійскій). Трудъ г. Павлуцкаго снабженъ нѣсколькими изящно-исполненными гравюрами и издавъ весьма недурно въ типографскомъ отношеніи.

— Въ теченіе іюня мѣсяца въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили еще слѣдующія книги:

Различныя направленія въ логику и основныя задачи этой науки. Сочиненіе *П. Лейбфельда*. Харьковъ.

В. Васильескій. Ограниченіе трудовъ по Византийской исторіи. Выпускъ I. С.—Пб Бесѣда прии. Скотта и Германа Балаамскихъ чудотворцевъ. Апокрифическій памятникъ XVI вѣка. С.—Пб. 1889.

Отвѣтъ рецензенту „Русской Мысли“. *Н. Д. Зечулина*. С.—Пб.

Регламентъ вощенной коллегіи. Сообщилъ и обработалъ для издавнѣ *Николай Ардашевъ*. М. (Изъ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ).

Сборникъ Харьковскаго Историко-эпидологическаго Общества. Т. II. Харьковъ.

Материалы для исторіи колонизаціи и вытѣ Харьковской и отчасти Курской и Воронежской гув. въ XVI—XVIII ст., собранныя въ разныхъ архивахъ и редактированныя *Д. Н. Багалемъ* (Первый выпускъ II тома Сборника Харьковск. Ист.-эпидологическаго Общества). Харьковъ.

Ученныя записки Императорскаго Каванскаго университета. Годъ LVII. Книга 1-я и 2-я. Каванъ.

Сборникъ распоряженій, напечатанныхъ въ циркулярахъ по управленію Каванскихъ ученимъ округомъ. Второе пятилѣтіе (1872—1876 гг.).

Н. Раевскій. Географія, какъ наука и учебный предметъ. Изданіе второе. М.

Опытъ руководства для занятій ручнымъ трудомъ въ общеобразовательныхъ учебницахъ. Составилъ *Н. Оттоляновскій*. С.—Пб.

Поставленія для производтва гимнастическихъ упражненій въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вольныя движенія. Составилъ *А. Д. Бутосскій*. (Утверждено по соглашенію Министровъ Военнаго и Народнаго Просвѣщенія). С.—Пб.

ЖЕНСКІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ АВСТРІИ (ЦИСЛЕЙТАНІИ).

Перые четыре мѣсяца изъ моего пребыванія за границей я провелъ въ Прагѣ, гдѣ имѣлъ случай ознакомиться съ чешскою высшею школою для дѣвушекъ. Затѣмъ, живя въ Вѣнѣ, я посѣдилъ правительственную женскую учительскую семинарію, лицей общества женскаго труда, институтъ для дочерей военныхъ, пансіонъ для дочерей гражданскихъ чиновъ и частный лицей г-жи Ейтелесъ. Наконецъ, и считая необходимымъ побывать въ Грацѣ для обзорѣнія тамошняго городского лицея, перваго по времени основаніи и по репутациіи изъ вѣмецкихъ лицеевъ въ Австро-Венгріи. Сводя вмѣстѣ результаты моихъ наблюденій, я нашелъ не лишнимъ дать краткое понятіе вообще о постановкѣ женскаго образованія въ Цислейтаніи и иллюстрировать мое изложеніе статистическими данными и притомъ не только о Цислейтаніи, но по возможности и Транслейтаніи. Надѣюсь, что не смотря на неполноту свѣдѣній, настоящій очеркъ представитъ нѣкоторый матеріалъ для сравненія съ женскимъ образованіемъ въ Россіи, болѣе давно, болѣе прочно и на болѣе широкихъ основаніяхъ поставленнымъ.

Кромѣ личныхъ впечатлѣній и бесѣдъ съ компетентными лицами, я воспользовался для моего отчета печатными статутами и программами разныхъ учебныхъ заведеній, собраніемъ имперскихъ законовъ и министерскихъ распоряженій и инструкцій по народному образованію, наконецъ статистическими данными, помѣщенными въ Statistik der Unterrichts-Anstalten in den im Reichsrathe vertretenen Königreichen und Ländern für das Jahr 1886—1887 (Wien 1889), Das Ungarische Reich, часть сѣлхх, отд. 3.

rische Unterrichtswesen in den Studien—Jahren 1885—1886 и 1886—1887 (Budapest 1888), Österreichisches Städtebuch, Statistische Berichte der grösseren öst. Städte. (Wien 1890) и въ бюджетѣ Цислейтаніи на 1890 г.

Прежде чѣмъ обратиться къ женскимъ учебнымъ заведеніямъ, болѣе или менѣе подходящимъ по типу къ нашимъ институтамъ и женскимъ гимназіямъ, необходимо остановиться на системѣ начального образованія въ Австріи, такъ какъ, во-первыхъ, среднеучебныя заведенія по своимъ программамъ непосредственно примыкаютъ къ народнымъ и городскимъ училищамъ, а во-вторыхъ, среднее женское образованіе—дѣло сравнительно для Австріи новое и доступное лишь незначительному меньшинству, бѣльшая же часть дѣвушекъ ограничивается только тѣмъ общимъ образованіемъ, которое дается въ городскихъ и народныхъ училищахъ, и затѣмъ усваиваетъ себѣ тѣ или другія спеціальныя практическія знанія.

I. Народныя и городскія училища.

Основой для нынѣшней системы начального образованія въ Австріи служитъ такъ-называемый имперскій законъ о народныхъ школахъ—Reichsvolksschulgesetz 14-го мая 1869 года, съ нѣкоторыми поядвѣйшими измѣненіями и дополненіями, главнымъ образомъ проведенными постановленіями 2-го мая 1888 года. Выработка этой системы въ подробностяхъ была предоставлена дѣятельности мѣстнаго законодательства въ земскихъ сеймахъ—съ той цѣлью, чтобы народное образованіе лучше и практичнѣе было примѣнено къ разнороднымъ потребностямъ разноязычнаго, разной степени и характера культуры, разнаго образа жизни и занятій, населенія Австріи.

Народное образованіе въ Австріи носитъ характеръ принудительный (Allgemeine Schulpflicht). Ни одинъ гражданинъ имперіи не имѣетъ права оставить своихъ дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ—безъ того начального образованія, которое дается въ общественныхъ народныхъ школахъ—все равно, будетъ ли онъ посылать дѣтей въ эти школы, или предпочтетъ обучать ихъ дома или въ частныхъ училищахъ.

Непосредственно за ученіе своихъ дѣтей въ народныхъ школахъ родители не должны ничего платить. Средства на содержаніе школъ собираются инымъ образомъ, о чемъ скажемъ ниже.

Родители или заступающіе ихъ мѣсто (на фабрикахъ, напримѣръ, владѣльцы оныхъ) обязаны посылать своихъ дѣтей въ общественныя школы въ продолженіи восьми лѣтъ—съ конца 6-го года ихъ жизни до конца 14-го; этотъ періодъ называется школьнымъ возрастомъ (Schulpflichtiges Alter). Но и по истеченіи 14-ти лѣтъ дѣти только въ томъ случаѣ перестаютъ посѣщать школы, когда они основательно усвоили себѣ тѣ главныя свѣдѣнія, которыя должна была имъ дать народная школа, то-есть ученіе вѣры, грамотность, счетъ.

Освобождаются отъ посѣщенія школъ дѣти, страдающія умственной слабостью или тяжкими физическими недостатками,—для нихъ существуютъ особыя спеціальныя учрежденія. Затѣмъ—тѣ дѣти, которыя обучаются въ общественныхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ: классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, а также въ разныхъ спеціальныхъ промышленныхъ, торговыхъ и т. п. школахъ, если эти школы сообщаютъ и необходимыя общія познанія. Наконецъ—дѣти, воспитывающіяся въ частныхъ школахъ и дома у родителей. Въ послѣднемъ случаѣ, однако, учебныя власти имѣютъ право и обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣти дѣйствительно получали образованіе, въ противномъ же случаѣ могутъ подвергать родителей или заступающихъ ихъ мѣсто отвѣтственности по законамъ. Понятно, что такой надзоръ примѣняется на практикѣ лишь къ родителямъ изъ низшихъ слоевъ народа. Предполагается, что лица интеллигентныхъ классовъ сами имѣютъ возможность и сознаютъ необходимость дать своимъ дѣтямъ болѣе или менѣе достаточное образованіе.

Обязательное посѣщеніе школъ болѣе взрослыми дѣтьми, конечно, часто бываетъ тяжело для родителей изъ бѣднаго класса населенія, которымъ дѣти могутъ помогать при работахъ или уже самостоятельно зарабатывать деньги. Во многихъ мѣстахъ высказывается на это неудовольствіе, чѣмъ, между прочимъ, пользуется католическая клерикальная партія для агитаціи въ пользу конфессиональной школы и привлекаетъ къ себѣ массу населенія, обѣщая, что при учрежденіи конфессиональныхъ школъ будетъ сокращенъ срокъ обязательнаго обученія. Правительство съ своей стороны также обратило на это вниманіе и признало возможнымъ установить нѣкоторыя облегченія для дѣтей старше 12 лѣтъ. Эти облегченія могутъ быть дѣлаемы или для отдѣльныхъ лицъ, или для школьныхъ общинъ, или даже для цѣлыхъ учебныхъ округовъ,—смотря по мѣстнымъ условіямъ

и постановленіямъ мѣстнаго законодательства. Преподаваніе можетъ быть ограничено только частью года, напримѣръ, только зимой или только лѣтомъ, или могутъ быть нѣкоторые дни недѣли свободны отъ ученія, или наконецъ школа бываетъ открыта только часть дня—до полудня или послѣ полудня. Тѣмъ не менѣе обязательное посѣщеніе школы все еще тяготитъ народъ, и, какъ мы увидимъ ниже, извѣстная часть дѣтей уклоняется отъ отправленія школьной повинности.

Въ селеніяхъ, расположенныхъ на разстояніи одного часа въ окружности, въ которыхъ находится болѣе 40 дѣтей школьнаго возраста и отъ которыхъ другая школа отстоитъ болѣе, чѣмъ на одинъ километръ, должна быть непременно основана свои школа, хотя бы одноклассная.

Государство прямо на себя не беретъ содержанія народныхъ школъ. По бюджету Цислейтаніи на 1880 годъ оно даетъ только 500.000 гульд. на пособія и награды учителямъ, на особые учительскіе курсы, на сельско-хозяйственныя школы при общеобразовательныхъ народныхъ школахъ и на тому подобныя побочныя статьи. Доставленіе же необходимыхъ средствъ для школъ распредѣляется между школьными общинами (Schulgemeinde), учебными округами (Schulbezirke) и коронными землями (Kronländer). Въ общихъ чертахъ эта система устроена слѣдующимъ образомъ ¹⁾.

Школьная община — то-есть та часть населенія, дѣти котораго посѣщаютъ извѣстную школу, — должна заботиться о матеріальной обстановкѣ школы, — отвести или построить для нея домъ, ремонтировать его, отоплять, освящать, дать помѣщеніе для учителя и т. п.

Школьный округъ, объимающій собою извѣстное количество школьныхъ общинъ (въ городахъ школьная община и округъ совпадаютъ), изъ своего Bezirksschulfond платитъ учителямъ жалованье, приобретаетъ учебныя пособія, устраиваетъ библіотеки, учительскіе съѣзды и т. п. Для образованія окружнаго школьнаго фонда всѣ плательщики прямыхъ государственныхъ податей должны въ него вносить опредѣленную, равную въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, прибавку—большую частью не свыше 10% прямыхъ податей (Zuschlag für Schulbezirksbedürfnisse).

¹⁾ Въ подробностяхъ она очень разнообразна въ разныхъ мѣстностяхъ и предоставляется вполнѣ органамъ самоуправленія земель, округовъ и общинъ.

Если же общинѣ или округу не хватаетъ средствъ на содержаніе школъ, то земскій сеймъ даетъ имъ взаимобразно или безвозвратно необходимое пособіе изъ земскаго школьнаго фонда (Lauderschulffond), составляющагося изъ земскихъ податей, величина и наложеніе которыхъ зависитъ отъ земскаго сейма (въ иныхъ земляхъ нѣтъ особаго земскаго школьнаго фонда, а пособія школамъ вносятся въ общій бюджетъ).

Благодаря такому распредѣленію расходовъ на школы, для болѣе бѣдныхъ общинъ и округовъ облегчается тяжесть содержанія школъ.

Вообще же эта система въ высшей степени сложна и запутана и поэтому трудно привести въ полную ясность расходы, дѣлаемые въ Австріи на народныя образованіе. Превосходно устроенная центральная статистическая комиссія давно уже собираетъ матеріалы для подобной статистики, но, какъ мнѣ говорили, отчетъ не будетъ готовъ ранѣе чѣмъ черезъ два года ¹⁾. Только относительно нѣкоторыхъ большихъ городовъ Цислейтаніи мы можемъ найдти свѣдѣнія въ Oesterreichisches Städtebuch (между прочимъ Вѣна тратила въ 1888 году на народныя школы 4.007.969 гульд.). Благодаря любезности предсѣдателя статистической комиссіи извѣстнаго политико-эконома историка г. Иппа-Штернегъ, мнѣ были сообщены нѣкоторыя общія цифры школьныхъ прибавокъ для потребностей округовъ и нѣкоторыхъ земель. Не смотря на ихъ неполноту, привожу здѣсь эти данныя, какъ представляющія даже въ настоящемъ видѣ извѣстный интересъ и доселѣ не появившіяся въ печати.

¹⁾ Онъ будетъ заключать въ себя данныя за 1885—1886 учебный годъ.

Привади къ приличъ государственыя податны, назначенныя для удовлетвореня потребностей школьных округовъ (за 1885 годъ).

Провинци.	Къ поземельной податъ.		Къ податку съ домовъ. (Hauszins und Grundbesitzsteuer).		Къ податку съ промышленныя в торговлю предпріятій. (Einkommensteuer).		Къ подоходному налогу.		Всего по податъ привади государственныхъ податныхъ.	
	Гульдены.	%	Гульдены.	%	Гульдены.	%	Гульдены.	%	Гульдены.	%
Нижняя Австрія.	798,788	19,7	819,967	19,0	191,919	14,5	164,166	14,1	1,974,835	18,1
Верхняя Австрія.	82,896	5,7	14,640	6,8	7,733	7,2	5,842	8,3	81,111	6,1
Тироль	1,736	8,7	174	4,9	518	5,7	198	7,1	2,621	7,5
Коринція.	18,626	12,1	4,905	12,3	2,637	11,1	3,783	7,5	29,851	11,2
Горная.	117,423	36,8	40,922	37,2	9,815	34,9	10,839	35,1	178,999	36,5
Чехія	1,142,578	10,0	657,863	9,6	317,013	9,8	418,226	9,7	2,535,680	9,7
Моравія.	402,233	8,0	91,398	8,2	70,305	8,0	80,509	7,8	647,445	8,0
Силезія.	4,835	8,0	1,063	8,0	794	8,0	2,057	8,0	8,769	8,0
Галлція.	146,711	3,2	71,718	3,2	22,671	3,2	25,913	3,1	267,013	3,2
Всего	2,638,741	10,1	1,708,650	10,4	623,400	9,9	711,533	9,4	5,726,324	10,3

Для Зальцбургъ, Штиринъ, Кюльни, Триеста, Истрии, Далмации в Буквиния обществъ выводятъ носель на сѣльцо.

Прибавки къ государственными податямъ, собиравшіеся для цѣлыхъ земель въ 1885 году.

Земли.	Гульденн.	%
Верхняя Австрія	838.656	20 $\frac{1}{2}$
Крайна	?	10
Силезія	98.108	5
Вуковина (въ 1886 г.) .	?	6 $\frac{1}{2}$

Объ остальныхъ земляхъ выводъ еще не сдѣланъ.

Народныя школы могутъ быть весьма разнообразны по формѣ, смотря по количеству дѣтей школьнаго возраста и по средствамъ школьной общины и округа. Основныхъ типовъ два — народное училище (allgemeine Volksschule) и городское училище (allgemeine Bürgerschule).

Народныя училища могутъ имѣть отъ одного до шести классовъ (прежде восемь); въ шестиклассныхъ школахъ въ 4-мъ и 6-мъ классахъ двухгодичный курсъ. При меньшемъ количествѣ классовъ въ каждомъ классѣ находятся дѣти разныхъ возрастовъ и разныхъ познаній, и поэтому эти классы подраздѣляются на нѣсколько отдѣленій, что конечно затрудняетъ дѣло обученія. Впрочемъ, при концентрической системѣ преподаванія, примѣняемой по возможности ко всѣмъ предметамъ, неудобство школъ съ малымъ количествомъ классовъ значительно уменьшается.

Въ этихъ народныхъ училищахъ мальчики и дѣвочки обыкновенно учатся вмѣстѣ, раздѣляясь большею частью въ старшихъ классахъ. Существуютъ и отдѣльныя женскія народныя училища.

Давая общее начальное образованіе, программы народныхъ училищъ довольно разнообразны въ подробностяхъ. Это разнообразіе зависитъ и отъ количества классовъ школы, и отъ матеріальныхъ ея средствъ, и отъ потребностей населенія. Вообще, конечно, чѣмъ больше классовъ въ школѣ, тѣмъ обширнѣе и многостороннѣе программа.

Замѣчу здѣсь кстати, что одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ для національныхъ отношеній въ Австріи, вопросъ о языкѣ, на которомъ должно происходить преподаваніе въ тѣхъ или другихъ народныхъ школахъ (Unterrichtssprache) находится въ вѣдѣніи земскихъ сеймовъ и служитъ часто предметомъ самой ожесточенной борьбы. Въ мѣстностяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ обыкновенно кромѣ главнаго языка, на которомъ ведется преподаваніе, изучается и другой языкъ

страны. При существованіи трехъ и болѣе языковъ, какъ второстепенный языкъ, изучается обыкновенно нѣмецкій.

Городскія училища — всегда отдѣльно мужскія и женскія — назначены для дѣтей трехъ послѣднихъ школьныхъ лѣтъ, то-есть двѣнадцати, тринадцати и четырнадцати, и соответствуютъ, такимъ образомъ, тремъ старшимъ годамъ народныхъ училищъ. (Поэтому обыкновенно въ той мѣстности, гдѣ существуютъ городскія училища, народные училища имѣютъ не болѣе пяти классовъ — для дѣтей первыхъ пяти школьныхъ годовъ). Принимаются въ городскія училища дѣти или по свидѣтельству объ успѣшномъ окончаніи пятого года народнаго училища или изъ частныхъ школъ и съ домашней подготовкой; въ послѣднемъ случаѣ дѣти должны имѣть не менѣе десяти лѣтъ отъ роду и выдержать вступительный экзаменъ изъ курса первыхъ пяти лѣтъ народнаго училища.

Отличія городского училища отъ послѣднихъ трехъ годовъ народнаго заключаются не столько въ болѣе обширной программѣ, сколько, во-первыхъ, въ лучшемъ составѣ преподавателей. Для народныхъ и городскихъ училищъ учителя и учительницы готовятся въ учительскихъ семинаріяхъ, по окончаніи которыхъ они могутъ предварительно (provisorisch) занять учительское мѣсто въ народномъ училищѣ. Послѣ двухгодичной практики они держатъ въ особыхъ комиссіяхъ экзаменъ (Lehrbefähigungsprüfung) на званіе народнаго учителя и тогда окончательно утверждаются въ своей должности. Для того же, чтобы имѣть право учить въ городскихъ школахъ, требуется трехгодичная практика и экзаменъ по болѣе серьезной программѣ. Къ послѣднему они могутъ готовиться въ особыхъ одногодичныхъ курсахъ — Bürgerschullehrercurse.

Во-вторыхъ, правильное раздѣленіе городскихъ училищъ на классы даетъ возможность основательно проходить курсъ.

Въ-третьихъ, наконецъ, городскія училища имѣютъ своею задачей не только завершить общее начальное образованіе народныхъ массъ, но и дать дѣтямъ нѣкоторую подготовку къ практической дѣятельности. Поэтому, въ то время, какъ учебные ихъ планы въ общихъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ нуждамъ населенія предметахъ (Законъ Божій, языкъ, географія, исторія ¹⁾), пѣніе, гим-

¹⁾ Хотя и въ исторіи и географіи, напримѣръ, въ народныхъ и городскихъ училищахъ на первое мѣсто поставлены свиданія о той странѣ и народности, къ которымъ принадлежать учащіеся.

настия) по большей части одинаковы, въ естественной исторіи, физикѣ, химіи, ариметикѣ, геометріи, черченіи и руководѣнїи эти планы могутъ значительно отличаться другъ отъ друга, смотря по тому, каковы главныя занятія населенія, — сельское ли хозяйство, торговля, или тѣ или другія отрасли промышленности. Конечно это разнообразіе программъ больше касается мужскихъ, чѣмъ женскихъ городскихъ училищъ.

Въ заключеніе этого отдѣла считаю не лишнимъ сообщить статистическія данныя о народныхъ и городскихъ училищахъ въ Цисъ-и Транслейтаніи ¹⁾. Эти цифры могутъ дать поводъ какъ къ любопытнымъ сравненіямъ съ нашимъ народнымъ образованіемъ, такъ и къ заключеніямъ о положеніи его въ разныхъ земляхъ Цисъ-и Транслейтаніи, объ отношеніи между образованіемъ мальчиковъ и дѣвочекъ, объ участіи женщинъ въ преподаваніи и т. п.

І. Число народныхъ школъ ²⁾.

Цислейтанія.										Транслейтанія ³⁾		
Общественныя.										Общественныя училища.		
Городскія.			Народныя.				Всего.	Частныя.	Всего.	Городскія.	Начальн. и высшія народныя.	Всего.
Мужск.	Женск.	Всего.	Мужск.	Женск.	Средне-шк.	Всего.						
221	174	395	1135	865	14550	16550	16945	981	17926	147	16270	16417

¹⁾ Въ послѣдней, за исключеніемъ Хорватіи, для которой, равно какъ и для Босніи и Герцеговины, я не могъ найти новѣйшихъ свѣдѣній.

²⁾ Данныя Цислейтаніи относятся къ 1886—1887, о Транслейтаніи къ 1885—1886 и 1886—1887 годамъ.

³⁾ Въ Транслейтаніи нѣсколько иная система организаціи народныхъ школъ. Ихъ существуетъ три разряда: а) начальныя народныя училища съ шестилѣтнимъ курсомъ; при нихъ же устроены и повторительныя школы съ трехлѣтнимъ курсомъ; б) *семилѣтніе* народныя училища, куда поступаютъ по окончаніи 6-го класса начальнаго народнаго училища; курсъ для мальчиковъ трехлѣтній, для дѣвочекъ двухлѣтній; в) *городскія* училища сходныя по программѣ съ высшими народными училищами, но только въ болѣе богатыхъ общинахъ и городахъ и поэтому вообще лучше устроенныя; поступаютъ въ нихъ по окончаніи 4-го класса начальнаго училища. Курсъ для мальчиковъ шестилѣтній, для дѣвочекъ четырехлѣтній.

Изъ всего числа народныхъ школъ приходится на 100 кв. километровъ 6,0 школъ, на 10,000 жителей 7,7 школъ и именво:

	На 100 кв. км.	На 10,000 жит.
Въ Нижней Австріи	8,1	6,8
„ Верхней Австріи	4,4	6,9
„ Зальцбургъ .	2,4	10,8
„ Штирія	3,7	6,6
„ Хорутанія (Kärnten)	3,5	10,1
„ Крайна.	8,8	6,6
„ Приморья	5,7	6,7
„ Тироля.	6,0	19,2
„ Чехія.	9,9	8,9
„ Моравія	10,2	10,8
„ Силезія.	10,4	9,0
„ Галичинъ.	4,4	5,8
„ Буковина.	2,6	4,6
„ Далмация.	2,7	6,5

Общественныя училища

Муниц.	Мест.	Слѣдств. кн.	Всего.
1085	1259	14078	16417

Изъ всего числа народныхъ школъ приходится на 100 кв. килом. 6,8, на 10,000 жителей 11,9 школъ.

2) Распределеіе школъ по языку, на которомъ ведется преподаваніе (Unterrichtssprache).

Языкѣ.	Цислейтанія.				Транслейтанія.		
	Общественныя школы.		Частныя школы.		Общественныя школы.		
	Число школъ.	%	Число школъ.	%	Языкѣ.	Число школъ.	%
Нѣмецкій	7050	41,6	847	66,0	Мадыарскій	8277	50,4
Чешскій .	4296	25,4	129	13,1	Мадыарскій и еще		
Польскій . .	1557	9,2	114	11,6	языкой вѣвудьдру-		
Малорусскій .	1754	10,3	3	0,3	гой . . .	2950	18,0
Словинскій .	556	8,3	7	0,7	Словинскій	1349	8,2
Сербохорватскій	366	2,2	10	1,0	Малорусскій . .	288	1,2
Итальянскій	848	5,0	42	4,3	Сербохорватскій	336	1,5
Румынскій	67	0,4	1	0,1	Нѣмецкій	668	4,1
Мадыарскій	3	0,0	1	0,1	Румынскій . . .	2473	15,1
Два разные языка	448	2,6	27	2,8	Итальянскій .	11	0,1

Два разные языка (безъ мадыарскаго) 65 0,4

Такимъ образомъ только въ 5190, слѣдовательно въ 81,6%, школъ преподаваніе не ведется вполнѣ или отчасти на мадыарскомъ языкѣ.

3) Число преподавателей.

Цислейтанія.			Транслейтанія.	
Учительницы.				
Учителя.	Обязатель- ныхъ пред- метовъ.	Руководяія и необяз. предметовъ.	Всего.	
44261	6758	6217	57236	Нѣтъ точныхъ свѣдѣній.

4) Число учащихся.

Цислейтанія.		Транслейтанія.	
Число дѣтей школьнаго возраста 8.905,477.		Число дѣтей школьнаго возраста 2.324,735.	
Изъ нихъ мальч. 50,84%, дѣв. 49,66%.		Изъ нихъ мальч. 51,19%, дѣв. 48,81%.	
Посѣщали школы . 2.906,297, т. е. около 88% (изъ нихъ маль- чиновъ 52,77%, дѣвочекъ 47,23%).		Посѣщали школы . 1.870,083, т. е. около 80% (изъ нихъ маль- чиновъ 53,22%, дѣвочекъ 46,78%).	
в мѣсто:		в мѣсто:	
Обществ. и нар. городск. и нар. училища . . 2.748,347		Начальныя, вышія на- родныя и го- родскія учи- лища . . 1.451,027	
Частныя на- родныя учи- лища . . 107,627		Разныя повто- рительныя курсы . . 388,009	
Вышія и сред- нія учебныя завѣденія, спец. школы и училищ. дома . . . 50,628		Среднія и выс- шія учеб. за- вед. . . 31,017	
Училища для убогихъ дѣ- тей 1,625		Не посѣщали школы . . . 454,652, т. е. около 20%. Волѣе подробныхъ свѣдѣній нѣтъ.	
Не посѣщали школы . . . 397,180, т. е. около 12% (изъ нихъ маль- чиновъ 48,21%, дѣвочекъ 51,79%).			

По болѣзни и умств. слабости . . .	21,798
Безъ уважительныхъ причинъ .	376,387

Особенно велико количество дѣтей, не посѣщавшихъ школъ, въ слѣдующихъ земляхъ: въ Буковинѣ изъ всего числа дѣтей школьнаго возраста не посѣщало школъ 51,57%; въ Галичинѣ 41,26%; въ Приморья 27,16%; въ Далмациа 20,90%.

Б) Распределение учащихся по ихъ родному языку и материнскому (Muttersprache).

Такого рода данныя я имѣлъ только относительно Транслейтаніи да и то надо имѣть при этихъ цифрахъ въ виду, что на мадыарскую официальную статистику вообще нельзя вполне полагаться въ вопросахъ національныхъ. Число мадыаръ всегда преувеличено въ ущербъ немадыарскимъ народностямъ.

а) по языку.

Народность.	Изъ общаго числа населенія Транслейтаніи		Изъ общаго числа дѣтей школьнаго возраста		Изъ общаго числа дѣтей посѣщавшихъ школу		Изъ 1000 дѣтей школьнаго возраста посѣщали школу.
	Число.	%.	Число.	%.	Число.	%.	
Мадыары ¹⁾	6.462,313	47,00	1.137,508	48,93	951,250	52,54	836,2
Румыны .	2.495,533	18,15	366,254	15,76	222,863	11,91	608,5
Нѣмцы ²⁾	1.897,070	13,77	320,799	13,80	201,435	15,58	908,4
Словаки .	1.875,446	13,64	325,271	13,99	274,626	14,68	844,3
Сербы .	378,114	2,76	65,208	2,80	49,806	2,66	763,8
Малороссы	360,916	2,65	67,811	2,92	45,056	2,41	664,9
Хорваты	280,916	2,04	41,884	1,80	35,039	1,85	779,4

¹⁾ Это процентное отношеніе, по замѣчанію автора статистики учебныхъ заведеній въ Транслейтаніи, совершенно не вѣрно.

²⁾ Евреи причисляютъ себя большею частью къ мадыарамъ и также къ нѣмцамъ.

б) по віроисповѣданію.

Віроисповѣданіе.	Изъ общаго числа населенія		Изъ общаго числа дѣтей школьнаго возраста		Изъ общаго числа дѣтей посѣщавшихъ школу		Изъ 1000 дѣтей школьнаго возраста посѣщало школу.
	Число.	%	Число.	%	Число.	%	
	13.749,803.		2.324,735.		1.870,083.		
Католики	8.507,785	47,34	1.131,971	48,86	986,175	52,73	871,8
Реформаты	2.021,150	14,69	337,858	14,53	272,895	14,59	807,7
Православные	1.931,276	14,05	292,608	12,59	197,874	10,58	876,2
Уніаты	1.487,781	10,82	236,700	10,18	141,182	7,55	596,4
Лютеране	1.120,503	8,15	198,972	8,56	173,353	9,27	871,2
Евреи	825,040	4,64	118,280	5,08	91,728	4,90	777,2
Унитаріаты	56,108	0,41	9,248	0,40	6,876	0,37	743,5

III. Средне-учебныя заведенія.

Сознаніе необходимости въ болѣе высокому образованіи женщинъ, чѣмъ то, которое дается народными и городскими училищами, существуетъ, конечно, въ Австріи. Главнымъ образомъ, однако, вниманіе обращено на такого рода школы, которыя не столько доставляютъ общее образованіе, сколько имѣютъ въ виду подготовить дѣвушекъ къ тому или другому роду практической дѣятельности. Въ этомъ направленіи сдѣлано весьма много правительствомъ, много также дано простору частной инициативѣ. Учительскія семинаріи, школы иностранныхъ языковъ, музыки, иѣнія, рисованія, счетоводства, стенографія, дѣтскихъ садовницъ, повивальныхъ бабокъ, разныхъ отраслей рукодѣлія и т. д. основаны давно и въ большомъ количествѣ, въ весьма разнообразныхъ формахъ, и на счетъ правительства и на счетъ земскихъ сеймовъ городовъ, разныхъ обществъ и частныхъ лицъ.

Изъ такого рода специальныхъ заведеній я остановлюсь только на женскихъ учительскихъ семинаріяхъ (Lehrerinnenbildungsanstalten), которыя, кромѣ преслѣдованія практическихъ цѣлей, даютъ также и общее образованіе. Между прочимъ учебная программа этихъ учительскихъ семинарій введена въ двухъ лучшихъ закрытыхъ заведеніяхъ Австріи.

Другой родъ—чисто общеобразовательныя школы и курсы—дѣло сравнительно новое, не вылившееся въ опредѣленныя формы и всецѣло предоставленное частной предпріимчивости, частнымъ средствамъ. Правительство пока присматривается, сохраняя за собою право раз-

смотрѣнія программъ, утвержденія учителей и вообще право надзора и контроля. Кромѣ того, нѣкоторымъ заведеніямъ оно даетъ опредѣленныя субсидіи.

Изъ женскихъ учебныхъ заведеній втораго рода значительно выше другихъ стоятъ такъ называемыя лицей, по своей организаціи болѣе всего приближающіеся къ нашимъ женскимъ гимназіямъ.

А. Женскія учительскія семинаріи.

Высшая организація учительскихъ семинарій опредѣлена отчасти имперскимъ закономъ о народныхъ школахъ 14-го мая 1869 года. отчасти повдѣйшими министерскими распоряженіями 26-го мая 1874 года и 31-го іюля 1883 года. Большая часть учительскихъ семинарій содержится на счетъ правительства, остальные же на средства разныхъ обществъ (наприм., монахинь) или частныхъ лицъ. Чтобы частныя учительскія семинаріи имѣли право выдавать окончившимъ курсъ аттестаты наравнѣ съ правительственными, онѣ должны быть устроены по статуту и программамъ правительственныхъ семинарій, директоръ и преподаватели должны быть назначены съ согласія учебныхъ властей и имѣть надлежащую подготовку.

Каждая женская учительская семинарія состоитъ изъ четырехъ-классной собственно семинаріи и пятикласснаго образцоваго народнаго училища (*Übungsschule*) — для практическихъ упражненій будущицъ учительницъ. Кромѣ того иногда бываетъ при семинаріи пригготовительный къ ней классъ (*Vorbereitungsschule*) и весьма часто особые одногодичные курсы для образованія учительницъ руководѣль и дѣтскихъ садовницъ ¹⁾ (*Arbeitslehrerinnen — und Kindergärtnerinnen Course*). Пригготовительный классъ и эти одвогодичные курсы могутъ существовать также и отдѣльно отъ учительской семинаріи.

Для поступленія въ учительскую семинарію требуется имѣть не менѣе 15 лѣтъ отъ роду, хорошее здоровье, добрую нравственность и выдержать приѣмные экзамены изъ Закона Божія, языка, на которомъ ведется преподаваніе, географіи, исторіи, ариметики, естественныхъ наукъ и черченія. При равныхъ успѣхахъ въ этихъ предметахъ преимущество отдается тѣмъ кандидаткамъ, которыя лучше могутъ себя выказать въ чистописаніи, рисованіи, руководѣль и имѣютъ хорошій музыкальный слухъ. Вслѣдствіе постоянно большаго наплыва

¹⁾ При курсахъ для дѣтскихъ садовницъ устроены, конечно, и дѣтскіе сады.

кандидатовъ въ учительскія семинаріи — между прочимъ благодаря тому, что обученіе въ нихъ даровое, — приемы экзамены производятся весьма строго и имѣютъ серьезное значеніе.

Чтобы дать болѣе ясное понятіе о степени и характерѣ образованіи, получаемого въ женскихъ учительскихъ семинаріяхъ, я, кромѣ перечисленія предметовъ и числа часовъ на нихъ назначенныхъ, приведу болѣе подробно программы по нѣкоторымъ предметамъ. Точно такого же способа я буду держаться и относительно другихъ учебныхъ заведеній, отлагая общія замѣчанія о нихъ до послѣдняго отдѣла настоящаго очерка.

УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА.

Предметы.	Классы и число часовъ.				Всего число часовъ.
	I	II	III	IV	
Законъ Божій ¹⁾	2	2	2	2	8
Педагогика	—	2	5—6 ²⁾	9	16—17
Языкъ .	4	4	4	4	16
Географія.	2	2	2	1	7
Исторія	2	2	2	1	7
Математика .	3	3	2	1	9
Естественныя науки .	4	4	3	2	13
Числописаніе .	1	—	—	—	1
Рисованіе	2	2	2	1	7
Руководъіе . .	2	2	2	2	8
Музыка и пѣніе.	2	2	2	2	8
Гимнастика	2	1	1	1	5
Всего число часовъ	26	26	27—28	26	105—106

Педагогика и практическія упражненія. Цѣль преподаванія—дать общее понятіе о душевныхъ и тѣлесныхъ силахъ человѣка, о средствахъ къ ихъ развитію, указать основы теоріи воспитанія, познакомиться съ методикой отдѣльныхъ предметовъ, съ существующими учебниками и пособиями, съ исторіей педагогики и народнаго образованія преимущественно въ Австріи, наконецъ, съ нынѣ дѣйствующими законами и постановленіями относительно народныхъ школъ.

¹⁾ Программы Закона Божіи во всехъ учебныхъ заведеніяхъ составляются не министерствомъ народнаго просвѣщенія, а церковными властями каждаго вѣроисповѣданія.

²⁾ 6 уроковъ въ тѣхъ семинаріяхъ, при которыхъ есть дѣтскій садъ.

Ученицы съ III класса должны возможно чаще присутствовать на урокахъ преподавателей въ образцовой школѣ, а потомъ и сами учить.

Во II классѣ основныя понятія педагогики. Въ III классѣ общая и спеціальная методика, посѣщеніе образцовой школы (*hospitiengen*) и обсужденіе прослушанныхъ тамъ уроковъ въ особыхъ конференціяхъ подъ руководствомъ преподавателя педагогики. Въ концѣ года—участіе въ преподаваніи. Въ IV классѣ исторія воспитанія и образованія преимущественно въ Австріи, главнымъ же образомъ пробныя уроки — особенно по ариметикѣ и языку, — составленіе программъ ихъ, обсужденіе пробныхъ уроковъ своихъ подружъ. Настоятельно рекомендуется домашнее чтеніе книгъ по педагогикѣ, дидактикѣ и методикѣ и составленіе рефератовъ о прочитанномъ.

Языкъ. Основательное знаніе грамматики, умѣнье правильно выражаться устно и письменно. Краткій обзоръ важнѣйшихъ явленій литературы. Главныя роды повѣстическихъ и прозаическихъ произведеній. Въ IV классѣ общее повтореніе и методика.

Географія. Въ I классѣ начальныя географическія понятія. Краткая географія Азіи, Африки и Европы. Во II классѣ краткая географія Америки, Австраліи, подробная — средней Европы. Въ III классѣ географія Австро-Венгрии и преимущественно той области, въ которой находится семинарія. Въ IV классѣ важнѣйшія слѣдствія изъ математической и физической географіи. Методика, учебники, пособія.

Исторія — вообще курсъ эпизодическій. Въ I классѣ древняя исторія и средняя—до Вердѣнскаго договора. Во II классѣ—окончаніе средней исторіи, новая исторія до настоящаго времени. Въ III классѣ исторія Австро-Венгрии. Въ IV классѣ методика, общее повтореніе. Обязательно домашнее чтеніе.

Математика. Ариметика, важнѣйшія познанія изъ геометріи и изъ алгебры (уравненія 1-й степени съ одной и многими неизвѣстными, возвышеніе въ степень и извлеченіе корней). Общія свѣдѣнія о счето- и книговодствѣ. Особенно слѣдуетъ развивать привычку считать въ умѣ.

Естественныя науки. Естественная исторія, физика и химія въ важнѣйшихъ чертахъ,—преимущественно явленія, имѣющія значеніе для хозяйства и обыденной жизни.

Игра на фортепьяно и скрипкѣ, а также иностранныя языки не обязательны.

По окончаніи IV класса производится такъ-называемые экзамены

зрѣлости (Prüfungen der Reife), письменно изъ педагогики, языка и математики, устно—изъ остальныхъ предметовъ. Въ составъ экзамена входятъ также и пробные уроки. Къ этимъ экзаменамъ допускаются и экстернистки, готовившіяся дома или въ частныхъ не имѣющихъ правительственныхъ правъ заведеніяхъ.

Всѣ учительскія семинаріи должны быть снабжены бібліотекой учительской и ученической, физическимъ кабинетомъ, химической лабораторіей, естественно-историческими собраніями, пособиями для географіи, исторіи, рисованія и т. п. Ученицы обязаны приучаться пользоваться всѣми этими пособиями для дальнѣйшаго самостоятельнаго преподаванія.

Такимъ образомъ, все въ учительскихъ семинаріяхъ направлено въ опредѣленной цѣли подготовить учительницъ для народныхъ школъ и при преподаваніи всѣхъ предметовъ главное вниманіе обращается не на большее ознакомленіе съ ними, а на то, чтобы приучить ученицъ передавать дѣтямъ тѣ знанія, которыми овладѣли сами. Расширеніе же познаній предоставлено домашнему чтенію учащихся, необходимость котораго постоянно указывается въ учебныхъ планахъ. Однако, какъ мы говорили, учащіяся, даже во вредъ своему здоровью, чрезвычайно обременены занятіями, и врядъ ли у нихъ остается достаточно времени для домашняго чтенія.

Кромѣ этого правительство заботится и о томъ, чтобы уже окончившимъ семинарію и поступившимъ на мѣста учителямъ и учительницамъ облегчить дальнѣйшее самообразованіе. Для этой цѣли вездѣ при школахъ заведены бібліотеки, устраиваются для учителей особые курсы по разнымъ предметамъ, читаются рефераты, назначаются учительскіе съѣзды и т. п.

Изъ всей постановки учительскихъ семинарій и изъ ихъ программъ видно, что общая подготовка будущихъ учительницъ довольно низка, и въ этомъ отношеніи здѣшнія учительскія семинаріи не могутъ и быть сравниваемы не только съ нашими педагогическими курсами, но и съ нашими женскими учительскими семинаріями, куда большою частью поступаютъ дѣвушки, окончившія уже курсъ въ женскихъ гимназіяхъ и институтахъ.

Если учительскія семинаріи и могутъ подготовить хорошихъ учительницъ народныхъ школъ, то онѣ не удовлетворятъ потребностямъ зажиточныхъ семействъ, которымъ желаютъ имѣть для своихъ дѣтей, съ одной стороны, учительницу, знакомую съ иностранными языками, съ другой — воспитательницу, за нравственное направленіе

которой до известной степени отвѣчало бы то заведеніе, изъ котораго она вышла.

Этотъ пробѣлъ восполняютъ разными частями, а также и общественныя школы, соединенныя съ интернатомъ. Изъ послѣднихъ особю известностью въ Австро-Венгріи пользуются два института — одинъ для дочерей военныхъ, другой — гражданскихъ чиновъ: *Officiers-Töchter-Erziehungs-Institut* и *Civil-Mädchen-Pensionat*.

Меня интересовали оба эти заведенія главнымъ образомъ по ихъ внутреннему устройству — въ сравненіи съ нашими закрытыми учебными заведеніями-институтами. Что касается ихъ учебной программы, то она почти тождественна съ другими учительскими семинаріями, только особенное вниманіе обращено на обязательно изучаемыя иностранныя языки и музыку.

На первомъ мѣстѣ какъ по матеріальнымъ средствамъ, такъ особенно по превосходному духу и внутреннему устройству несомнѣнно долженъ быть поставленъ *Officiers-Töchter-Institut*. Это не только мое личное впечатлѣніе, но такое же мнѣніе о немъ я слышалъ и отъ многихъ компетентныхъ лицъ.

Институтъ находится въ одномъ изъ предмѣстьевъ Вѣны — Гернальсѣ. Онъ былъ основанъ императрицей Маріей-Терезой въ 1775 году для воспитанія сиротъ офицерскихъ чиновъ, которыя подготавлились въ немъ, чтобы быть впоследствии гувернантками въ аристократическихъ семействахъ и преимущественно обучались иностраннымъ языкамъ — первоначально французскому и италіанскому, потомъ французскому и англійскому. Первое время институтъ помѣщался въ С. Кальтенѣ, въ 1786 году перенесенъ въ Гернальсѣ. Нынѣшняя программа вводилась постепенно съ 1877 по 1880 годъ.

Институтъ занимаетъ теперь большой собственный домъ, посреди котораго находится дворъ и порадочный, хотя не особенно густой, садъ для прогулокъ воспитанницъ. Въ особомъ флигелѣ устроена больница. Въ самомъ зданіи, кромѣ классовъ и спаленъ воспитанницъ, актовой и гимнастической залъ, комнатъ для учебныхъ пособій и музыки, кухни, прачешной и т. п. службъ, помѣщается еще народная образцовая школа и дѣтскій садъ, небольшая, но изящная капелла, а также квартиры начальницы, ея помощницъ, эконома, врача и служителей. Всѣ вообще помѣщенія просторны, свѣтлы и чисто содержатся.

Институтъ находится въ вѣдѣніи военнаго министерства, относительно же учебной части подчиненъ министерству народнаго просвѣ-

щенія и непосредственно окружному инспектору (Landesschulinspektor). Онъ очень богато снабженъ матеріальными средствами ¹⁾, большая часть которыхъ идетъ отъ военнаго министерства, остальная же составляется изъ процентовъ на капиталы, положенные для основанія стипендій разными учреждениями и частными лицами, а также изъ платы за своеобразныхъ пансіонеровъ.

Институтъ состоитъ изъ собственно института, закрытаго учебнаго заведенія, и изъ пятикласснаго образцоваго народнаго училища и дѣтскаго сада — только для приходящихъ. Народное училище и дѣтскій садъ устроены на одинаковыхъ основаніяхъ съ другими обществеными училищами. Обученіе въ нихъ бесплатное; приходятъ туда учиться дѣти окрестнаго населенія.

Собственно институтъ заключаетъ въ себѣ трехклассное городское училище и четырехклассную учительскую семинарію. Принимаются въ институтъ въ 1-й классъ городского училища или со стороны, по приѣмному экзамену не моложе 11 лѣтъ, большею же частію изъ подобнаго же института въ Эденбургѣ ²⁾, гдѣ воспитываются съ 7 до 11—12 лѣтъ сироты офицерскаго званія. Институтъ состоитъ подъ покровительствомъ императрицы, которая присылаетъ воспитанницамъ окончившимъ курсъ съ отличіемъ (Vorzugszöglinge) ³⁾ медальонъ съ своимъ вензелемъ, осыпанный брилліантами.

Во главѣ института находится назначаемая императоромъ по представленію военнаго министерства начальница (Obervorsteherin), которая завѣдуетъ экономической и отчасти воспитательной частью (важнѣйшія воспитательныя мѣры рѣшаются педагогической конференціей). Начальница имѣетъ десять помощницъ (Untervorsteherinnen). Положеніе ихъ отличается отъ положенія классныхъ дамъ нашихъ институтовъ. Всѣ онѣ — въ то же время учительницы, даютъ уроки въ народномъ и городскомъ училищахъ, не имѣютъ особаго вѣврекнаго ихъ надзору класса, а лишь по очереди дежурятъ во вѣвклассное время и въ перемѣны. Впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ дежурство возлагается иногда на преподавателей.

Хозяйственная часть поручена подчиненному начальницѣ эконому изъ отставныхъ военныхъ.

¹⁾ Содержаніе института стоитъ около 125.000 гульденовъ въ годъ.

²⁾ Основанъ въ 1850 году.

³⁾ Для этого требуется на экзаменахъ зрѣлости получить изъ всѣхъ обязательныхъ предметовъ высшій баллъ (sehr gut).

Первое мѣсто между преподавателями занимаетъ учитель педагогика, носящій названіе старшаго учителя (Oberlehrer), руководящій также практическими занятіями воспитанницъ и являющійся какъ бы инспекторомъ института.

Педагогическіе и общевоспитательные вопросы рѣшаются по большинству голосовъ на педагогической конференціи (Lehrerconferenz), состоящей изъ учителей, учительницъ (приходящихъ—большою частью языковъ и музыки), помощницъ начальницы и имѣющей свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ начальницы. Въ случаѣ равногласія между большинствомъ конференціи и начальницей, послѣдняя можетъ подать свое особое мнѣніе въ министерство военное или окружному инспектору. Кромѣ педагогической конференціи, бываютъ еще частіи совѣщанія начальницы съ ея помощницами (Hausconferenz) по менѣе важнымъ внутреннимъ вопросамъ.

Институтъ назначенъ для сиротъ военныхъ чиновъ и при пріѣздѣ на свободныя вакансіи обращается главнымъ образомъ вниманіе на семейное и матеріальное положеніе дѣвушекъ. Большая часть воспитанницъ пользуются полными или половинными стипендіями. Кромѣ казенныхъ стипендій, есть весьма много стипендій членовъ императорской фамилии, нижнеавстрійскихъ чиновъ и частныхъ лицъ. Общее число ихъ въ 1888—1889 году было 136. Если остается свободное мѣсто, принимаются также своекоштные пансіонерки съ платой 500 гульденовъ въ годъ,—такихъ въ 1888—1889 году было 16. При впускѣ казеннокоштныхъ получаютъ 300 гульденовъ на первое обзаведеніе—такъ-называемый Ausstattungsbeitrag.

Такъ какъ управленіе арміи общее для Цисъ- и Транслейтаніи, то и въ институтъ принимаются воспитанницы одинаково изъ обѣихъ половинъ имперіи, больше, однако, изъ Цислейтаніи.

Какъ я уже говорилъ, программа института одинакова съ общественными городскими училищами и учительскими семинаріями, только сверхъ того обязательны музыка, танцы (послѣдніе лишь для воспитанницъ городского училища), англійскій и французскій языки. На французскій языкъ назначено во всѣхъ семи классахъ 28 часовъ, на англійскій—14 (лишь въ учительской семинаріи). Такимъ образомъ, особое вниманіе обращено главнымъ образомъ на французскій языкъ, на знаніе его грамматики, умѣнье свободно читать и говорить. Однако, по словамъ начальницы, чрезвычайно трудно приучить ученицъ гово-

рять по французски, хотя онѣ уже въ Единбургѣ получаютъ необходимую подготовку. Тѣмъ не менѣе здѣсь не считается возможнымъ заставлять ученицъ говорить между собою по французски за столомъ и внѣ классовъ въ свободное время. Воспитанницы, говорила мнѣ начальница, имѣютъ такъ много занятій, что надо дать имъ возможность свободно между собою поговорить и отдохнуть. Впрочемъ, сколько я могу судить, результаты преподаванія французскаго языка въ общемъ довольно благоприятны. Хотя нѣтъ бѣглости въ разговорѣ воспитанницъ, но видно все-таки умѣнье выражаться по французски. Въ англійскому языку предъявляется меньше требованій.

Одно изъ весьма важныхъ средствъ для успѣховъ ученія въ институтѣ заключается въ возможности выдѣлять изъ состава класса самыхъ слабыхъ и неспособныхъ воспитанницъ. Если такая, не подающая надежды малоспособность обнаруживается у младшихъ воспитанницъ, то ихъ переводятъ въ частную народную школу монахинь Сестеръ младенца Исуса (Schwestern vom armen Kinde Iesu), находящуюся въ небольшомъ городѣ Нижней Австріи Рецъ (Rötz). Богѣе взрослые воспитанницы остаются, конечно, въ институтѣ, но не занимаются одинаково со всѣми, а или готовятъ какъ дѣтскія садовницы, или усиленно изучаютъ иностранные языки. Благодаря этому, поддерживается на известной высотѣ уровень класса, а въ то же время малоспособныя дѣвушки не истощаютъ своего здоровья непосильнымъ трудомъ и не увольняются изъ института безъ всякой поддержки и пріюта.

Институтъ лучше другихъ учебныхъ заведеній Цислейтаніи, которыя мнѣ удалось видѣть, обставленъ разными учебными пособиями. Не говоря уже о картахъ, атласахъ, картинахъ для географіи, исторіи и естественныхъ наукъ, рисункахъ, гипсовыхъ моделяхъ, фотографіяхъ для рисованія, бібліотекахъ учительской и ученической, онъ обладаетъ богатѣйшими коллекціями по зоологій, ботаникѣ, минералогіи, физикѣ и химіи. Для двухъ послѣднихъ предметовъ устроены особые классы и лабораторіи. Большая часть естественно-историческихъ коллекцій, а также химическихъ и физическихъ аппаратовъ составлены самимъ преподавателемъ этихъ наукъ, докторомъ института г. Левандовскимъ.

День воспитанницъ распределенъ слѣдующимъ образомъ. Встаютъ онѣ въ 6 часовъ утра (лѣтомъ въ 5 часовъ), послѣ одѣванья и утренней молитвы въ спальняхъ получаютъ кофе и булки; съ 7¹/₄ до 7³/₄

присутствуютъ въ домашней церкви при обѣдѣ, съ 8 — 10 часовъ уроки. Въ 10 часовъ отдыхъ 10 минутъ, имъ дается булка, потомъ опять уроки до 12 часовъ. Съ 12 до 12¹/₂ часовъ гуляютъ въ саду, въ 12¹/₂ обѣдаютъ. Обѣдъ состоитъ изъ трехъ блюдъ (въ праздники изъ четырехъ): дается супъ, мясо изъ супа и мясо жареное или что нибудь мучное. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ получаютъ непремѣнно мясо за ужиномъ. Особенное вниманіе обращается на дѣвушекъ отъ 13 до 15 лѣтъ, находящихся въ такъ-называемомъ переходномъ возрастѣ: имъ назначается вино и большее количество мяса.

Послѣ обѣда воспитанницы свободны до 2-хъ часовъ. Съ 2 до 5 часовъ опять занятія — большою частью языки, музыкой, рисованіемъ, вообще предметами, не требующими большого умственного напряженія. Въ 5 часовъ имъ дается такъ-называемая закуска — Gause — хлѣбъ, овощи, кофе. Затѣмъ, гимнастика и приготовленіе уроковъ до 7¹/₂ часовъ. Въ 7¹/₂ часовъ ужины; въ 9 часовъ ложатся спать младшіе классы, въ 10 часовъ — старшіе.

Одно воскресенье въ мѣсяцъ воспитанницъ навѣщаютъ родные, другое воскресенье онѣ сами могутъ уѣзжать въ родимыя. Кроме того, онѣ отпускаются домой на Рождествѣ — на одну недѣлю, на Пасхѣ — на одну недѣлю и на двухтысячныя лѣтнія каникулы въ июлѣ и августѣ. Круглыя сироты и небогатыя дѣвушки остаются и на лѣто въ институтѣ, который переселяется въ замокъ Гиртенбергъ, близъ Леоберсдорфа въ Нижней Австріи, съ большимъ паркомъ и купаньемъ.

Втеченіе учебнаго года воспитанницы изрѣдка посѣщаютъ театры, чаще музеи и другія научныя собранія, концерты и т. п. Въ хорошее время года дѣлаютъ загородныя прогулки. На масляницѣ устраивается въ институтѣ большой балъ, на который приглашаются преподаватели и родственники воспитанницъ. Прежде приглашались также воспитанники военно-учебныхъ заведеній, но впоследствии это было признано неудобнымъ. Въ именины начальницы бываетъ вечеринка, для которой воспитанницы готовятъ живыя картины, небольшія пьесы и т. д. Для воспитанницъ старшаго класса дѣлается разъ въ мѣсяцъ учительскіе вечера, на которыхъ присутствуютъ начальница, ея помощники, преподаватели, преподавательницы и кое-кто изъ высшаго начальства. Благодаря любезности начальницы г-жи Арбтеръ, я былъ приглашенъ на одинъ изъ такихъ вечеровъ. Собираются гости къ 7 часамъ, подается ужинъ, въ 8 часовъ являються воспитанницы и вечеръ проводится въ музыкѣ, пѣніи, разговорахъ, разныхъ общественныхъ играхъ и т. п. Часовъ въ 11 всѣ расходятся.

Какъ я уже упоминалъ, институтъ пользуется лучшей славой въ Австро-Венгрии. Богатыя и аристократическія семейства ожидаютъ cadaго выпуска, желая взять изъ него воспитательницъ для своихъ дѣтей. И до сихъ поръ всѣ воспитанницы, окончившія курсъ, тотчасъ же получали мѣста съ жалованьемъ отъ 400 до 600 гульденовъ въ годъ ¹⁾).

И дѣйствительно, институтъ производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Овѣжій, здоровый видъ воспитанницъ, ихъ свободное, но вѣжливое, не переходящее границы, обращеніе къ начальницѣ, преподавателямъ и постороннимъ лицамъ, ихъ спокойные, громкіе и ясные отвѣты въ классѣ, ихъ вообще удачные уроки въ образцовомъ училищѣ — все это даетъ самое лучшее понятіе объ этомъ учебно-воспитательномъ заведеніи. Таковой успѣхъ зависитъ, конечно, и отъ матеріальныхъ средствъ, которыми обставленъ институтъ, и отъ его организаціи, но еще болѣе отъ подбора лицъ, ведущихъ дѣло воспитанія и обученія, а также отъ духа заведенія, отъ тѣхъ традицій, которыя образуются поволеніями и которыя вліяютъ на каждое лицо, вновь вступающее въ институтъ. Этимъ духомъ заведенія очень дорожатъ высшее начальство и заботится по возможности о его поддержаніи.

Другое подобное заведеніе, также имѣющее хорошую репутацію, — Civil-Mädchen - Pensionat, назначенный правительствомъ для сиротъ гражданскихъ чиновъ. Пенсіонъ основанъ при императорѣ Іосифѣ II въ 1786 году. Содержится онъ на средства казны и находится также подъ покровительствомъ императрицы. Нынѣшняя программа учительской семинаріи вводилась постепенно съ 1875 до 1881 года.

Состоитъ пенсіонъ изъ четырехъклассной учительской семинаріи, приготовительнаго къ ней класса и пятикласснаго образцоваго народнаго училища — послѣднее только для приходящихъ.

Въ общемъ организація пенсіона довольно близка къ организаціи института для дочерей военныхъ, но нѣкоторыя особенности пенсіона должны не вполне благопріятно отражаться на воспитанницахъ.

Учительская семинарія и приготовительный классъ распадаются на два отдѣленія: собственно пенсіонъ и открытая учительская се-

¹⁾ После десятилѣтней службы у частныхъ лицъ или въ общественныхъ учрежденіяхъ бывшія воспитанницы получаютъ пенсію въ 300 гульденовъ въ годъ, если онѣ остались безъ средствъ или неспособны къ труду.

минарія, въ которую принимаются приходящія ученицы ¹⁾). Учатся и приходящія и пансіонерки вмѣстѣ, въ общихъ классахъ, но сидятъ въ нихъ отдѣльно за особыми столами. Послѣ уроковъ приходящія идутъ домой, пансіонерки возвращаются въ пансіонъ, помѣщающійся въ другой части зданія и соединенный съ классами длиннымъ корридоромъ. Вообще начальство пансіона считаетъ весьма вреднымъ сближеніе между пансіонерками и приходящими, и помощницы начальницы должны по возможности предупреждать его, наблюдая строго за пансіонерками въ промежутки между уроками. Конечно, такой образъ дѣйствія можетъ имѣть свои основанія, но врядъ-ли искусственное поддержаніе отчужденности особенно благотворно дѣйствуетъ на дѣтей.

Другая невыгодная сторона подобнаго внѣшняго соединенія двухъ различныхъ заведеній и внутренняго раздѣленія учащихся заключается въ неодинаковости успѣховъ двухъ половинъ класса. Составъ пансіонерокъ часто случайный, такъ какъ дѣвушки принимаются въ пансіонъ, главнымъ образомъ, сообразно съ ихъ семейнымъ положеніемъ. Между тѣмъ приходящія, какъ и во всѣхъ открытыхъ учительскихъ семинаріяхъ, поступаютъ послѣ строгаго выбора изъ числа многочисленныхъ кандидатовъ; такъ, въ началѣ нынѣшняго учебнаго года свободныхъ мѣстъ было 20, а кандидатовъ 106. Поэтому приходящія вообще выше пансіонерокъ по способностямъ, по подготовкѣ и по ученю и, по замѣчанію преподавателей, несравненно болѣе успѣваютъ въ наукахъ и болѣе развиты. Въ свою очередь пансіонерки лучше приходящихъ знаютъ иностранные языки. Конечно, могутъ говорить, что подобное устройство возбуждаетъ соревнованіе, но вѣдь хотя соревнованіе—вещь сама по себѣ хорошая, однако всегда есть опасность, что оно можетъ возбудить и дурныя чувства.

Наконецъ, и въ самомъ пансіонѣ есть извѣстное внутреннее раздѣленіе. Всѣ пансіонерки раздѣлены на четыре товарищества (Samegade), болѣею частью соответствующія классамъ; каждое товарищество поручено помощницѣ начальницы (Untervorsteherin), которая присутствуетъ на урокахъ, находится при товариществѣ

¹⁾ Въ настоящее время казенныхъ и своекоштныхъ пансіонерокъ—56, приходящихъ 110. За своекоштныхъ пансіонерокъ платится одновременно при поступленіи 260 гульденовъ и по 800 гульденовъ ежегодно. Приходящія, какъ и въ другихъ общественныхъ учительскихъ семинаріяхъ, обучаются бесплатно.

вѣхъ класса и воспитываетъ его отъ вступленія въ пансіонъ до окончанія курса. Эти товарищества пансіонерокъ сходятся между собою только во время обѣда, завтрака, прогулокъ; большую же часть дня каждое товарищество проводитъ отдѣльно въ своей особой комнатѣ для занятій, рядомъ съ которой находятся спальни воспитанницъ, комната помощницы начальницы, а иногда (не у всѣхъ товариществъ) другая комната для занятій музыкой и для рекреаціи.

Неудобство такого внутреннего раздѣленія сознается, отчасти, въ пансіонѣ, но говорятъ, что иначе невозможно устроить за тѣсною помѣщеніемъ и отсутствіемъ общей рекреационной залы. Не знаю, есть ли это только предлогъ или дѣйствительная причина.

Образъ жизни пансіонерокъ, распредѣленіе дня и года почти тѣ же, какъ и въ институтѣ для дочерей военныхъ. Только пансіонерки болѣе удалены отъ внѣшняго міра. Кромѣ одного воскресенья въ мѣсяцъ, онѣ уѣзжаютъ къ роднымъ лишь на лѣтнія каникулы, Рождество же и Пасху проводятъ въ пансіонѣ, занимаясь шитьемъ для себя платьевъ.

Учебныхъ пособій значительно меньше, чѣмъ въ институтѣ, и многія коллекціи только-что начинаютъ составляться.

Для пансіонерокъ иностранныя языки, преимущественно французскій, занимаютъ важное мѣсто. На французскій назначено 20 часовъ въ пяти классахъ, на англійскій — въ трехъ старшихъ классахъ 7 часовъ. Чтобы практически освоиться съ французскимъ языкомъ, пансіонерки обязаны говорить вѣхъ класса между собою и съ помощницей начальницы по-французски. Тѣмъ не менѣе одна изъ помощницъ начальницы, тоже бывшая пансіонерка, говорила мнѣ, что теперь уже невозможно достигать такихъ результатовъ, какъ прежде, когда пансіонерки въ продолженіе своего ученія совсѣмъ не посѣщали родныхъ. И вообще, по ея словамъ, многія пансіонерки по окончаніи курса предпочитаютъ поступать не воспитательницами и гувернантками въ семьи, а учительницами въ общественныхъ школахъ, особенно въ виду того, что за службу въ послѣднихъ онѣ получаютъ большую пенсію.

Этимъ закончу обзоръ учебныхъ семинарій и сообщу только нѣкоторые статистическія данныя о нихъ ¹⁾.

¹⁾ Для Цислейтани данныя относятся къ 1886 — 1887 учебному году, для Транслейтани къ 1885 — 1886.

1) Число учительскихъ семинарій.

Провинція.	Цислейтанія.			Транслейтанія.		
	Мужскія.	Женскія.	Всего.	Мужскія.	Женскія.	Всего.
Нижняя Австрія .	4	8	10			
Верхняя Австрія .	1	1	2	54	16	70
Зальцбургъ .	1	0	1			
Тироль .	4	8	7			
Хорватія .	1	0	1			
Крайна . .	1	1	2			
Штирія .	2	2	4			
Приморье	1	1	2			
Чехія .	18	4	17			
Моравія .	4	8	7			
Силезія	8	1	4			
Галичина	6	8	9			
Вукочина	1	1	2			
Далмація	1	1	2			
Во всей Цислейтаніи . . .	48	27	70			

2) Распределеіе учительскихъ семинарій по языку преподаванія.
Цислейтанія ¹⁾.

Языкъ преподаванія.	Число семинарій.		
	Мужск.	Женск.	Всего.
Нѣмецкій	24	16	40
Чешскій .	9	8	12
Польскій . .	8	8	6
Итальянскій . .	1	1	2
Сербо-хорватскій .	1	1	2
Два разныхъ языка .	5	8	8

3) Число учащихся.

Цислейтанія.						Транслейтанія.				
Въ пригото- вительной классѣ.		Въ учитель- скихъ семинаріяхъ.		Въ одноч- выхъ кур- сахъ.		Всего.				
Муж- чинъ.	Жен- щинъ.	Муж- чинъ.	Жен- щинъ.	Муж- чинъ.	Жен- щинъ.	Муж- чинъ.	Жен- щинъ.	Всего.		
456	80	4.820	2.489	202	311	5.276	3.038	2.438	1.087	3.506
Всего мужчинъ было 63,5%, женщинъ 36,5%.								Всего мужчинъ 69,5%, женщинъ 30,5%.		

¹⁾ Въ Транслейтаніи, на сколько мнѣ извѣстно, всадъ (кроме Хорватіи) языкъ преподаванія мадьярскій.

4) Распределение учащихся по языку и вѣроисповѣданію въ ‰/о ¹⁾.
Цислейтанія.

а) по языку.

Народность	Мужчинъ.	Женщинъ.
Нѣмцы ²⁾	45,6‰	47,5‰
Чехи.	26,9	21,3
Поляки . .	18,3	17,4
Малороссы.	5,8	1,6
Югославяне	4,9	4,7
Итальянцы .	2,0	6,4
Мадыары . .	—	0,6
Другія народности	0,3	0,0

б) по вѣроисповѣданію.

Вѣроисповѣданіе.	Мужчины.	Женщины:
Католики	98,7‰	92,7‰
Протестанты .	3,0	1,2
Православные.	2,6	0,9
Евреи	0,7	5,2

5) Результаты испытаній зрѣлости и экзаменовъ на званіе учителей (учительницъ).

Цислейтанія.			Транслейтанія.	
Выдержали экзаменъ зрѣлости:	Муж.	Жен.	Выдержали экзаменъ зрѣлости:	
Учвшіеся въ семинаріяхъ	868	473	Мужчинъ .	963
Экстерны .	18	4	Женщинъ .	277
Всего .	886	477	Всего	1.290

Выдержали экзаменъ на званіе:

Учителей (учительницъ) городскихъ	296 чел.
Учителей (учительницъ) народныхъ	2.239 "
Учительницъ рукодѣля	202 "
Дѣтскихъ садовницъ	304 "

Кромѣ того, выдержали экзаменъ на званіе учителей (учительницъ) отдѣльных предметовъ въ:

Нѣмецкаго языка .	257 "
Французскаго ,	138 "
Англійскаго ,	19 "
Чешскаго ,	19 "
Польскаго .	16 "

¹⁾ Я имѣлъ данными только для Цислейтанія.

²⁾ Къ нѣмцамъ болѣею частью причисляютъ себя и евреи.

лѣтъ, другихъ чешскихъ женскихъ учебныхъ заведеній не было, и болѣе достаточные и образованные люди или воспитывали своихъ дочерей дома, или же отдавали ихъ въ частныя болшею частью монастырскія школы, гдѣ преподаваніе происходило на нѣмецкомъ языкѣ и въ нѣмецкомъ духѣ.

Еще въ 1848 году возникла мысль объ учрежденіи чешской женской высшей школы, но неблагоприятныя политическія обстоятельства помѣшали ея осуществленію, и лишь въ 1863 году по почину пражскаго бургомистра Пштроса рѣшено было приняться за ея выполненіе. Директоромъ будущей школы избранъ былъ опытный педагогъ г. Габлеръ, и доселѣ стоящій во главѣ учрежденія. Для выработки программы и вообще устройства школы г. Габлеръ посѣтилъ лучшія женскія учебныя заведенія въ Швейцаріи и Германіи, и въ октябрѣ 1863 года былъ уже открытъ первый классъ въ частномъ помѣщеніи. Съ 1886—1887 г. школа состоитъ изъ шести классовъ. Въ 1888—1889 году основано при школѣ пятиклассное подготовительное народное училище, до того же времени принимали въ нее по приѣмному экзамену дѣвочекъ не моложе 12 лѣтъ и съ годготовкой, даваемой пятымъ классомъ народнаго училища. Кромѣ того дѣвушки не моложе 14 лѣтъ и окончившія городское училище могутъ быть приняемы прямо въ IV классъ.

Содержится школа на субсидію отъ городской пражской думы, частныя пожертвованія и плату за ученицъ,—впрочемъ, очень незначительную—40 гульденовъ ежегодно.

Въ 1888—1889 г. всѣхъ ученицъ было 824, кромѣ того въ V и VI классѣ 83 вольнослушательницы, записывавшіяся лишь на отдѣльные предметы.

Пражская школа имѣетъ значеніе не только для Праги или для Чехіи, но также и для другихъ земель, гдѣ живутъ чехи, а отчасти и для остальныхъ славянъ, главнымъ образомъ словаковъ, болгаръ и сербовъ. Такъ, въ двадцать шесть лѣтъ существованія школы были въ ней ученицы изъ Чехіи, Моравіи, Силезіи, Штиріи, Крайны, Венгріи, Польши, Россіи, Сербіи, Востри, Болгаріи, и даже изъ Америки.

При основаніи школы имѣлось въ виду съ одной стороны дать дѣвушкамъ національное направленіе, съ другой подготовить изъ нихъ въ будущемъ добрыхъ женъ, хозяекъ и матерей для семействъ средняго класса. И самая программа составлена примѣнительно къ этимъ цѣлямъ, и общій духъ заведенія запечатлѣнъ этимъ искрен-

нимъ семейнымъ характеромъ. Достойный руководитель школы, почтенный старикъ директоръ Габлеръ сумѣлъ придать школѣ желаемыя особенности, подобрать хорошій составъ преподавателей, преподавательницъ и воспитательницъ и воодушевить его ревностью къ общему дѣлу. Отсутствие формализма, взаимнаго недоверія и отчужденности, а напротивъ, задушевное ласковое отношеніе между учащими и учащимися способствуютъ лучшему успѣху ученицъ и воспитываютъ въ нихъ лучшія чувства, которыя остаются въ ихъ душѣ и по выходѣ изъ заведенія.

Школа имѣетъ просторное помѣщеніе, даже при существованіи въ I, II, III и IV классахъ параллельныхъ отдѣленій. Много мѣста отведено также для богатыхъ учебныхъ пособій по всѣмъ наукамъ. Между прочимъ существуетъ собраніе разныхъ моделей и настоящихъ аппаратовъ, необходимыхъ для домашняго хозяйства, — прялокъ, маслобоекъ и т. п., а также новыхъ, полезныхъ для дома изобрѣтеній.

Учебная программа.

ПРЕДМЕТЫ.	Классы и число часовъ.						Всего часовъ.
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	12
Чешскій языкъ .	4	3	3	3	3	3	19
Нѣмецкій языкъ.	5	4	4	4	4	4	25
Французскій языкъ	—	4	4	4	5	5	22
Географія	4	2	1	1	—	—	8
Исторія .	—	1	2	2	3	3	11
Математика	3	2	2	2	1	1	11
Естественныя науки .	2	2	1	2	2	2	11
Педагогика.	—	—	—	—	—	2	2
Домоводство .	—	—	—	—	2	—	2
Числописаніе.	2	2	—	—	—	—	4
Рисованіе	2	2	3	3	4	4	18
Руководствѣ	4	4	6	6	6	6	32
Пѣніе.	2	2	2	2	—	—	8
Всего число часовъ	30	30	80	31	32	32	185

Отъ рисованія, руководствія и пѣнія ученицы могутъ быть освобождены по желанію родителей. За особую плату дѣти могутъ учиться необязательнымъ предметамъ—гимнастикѣ отъ I до IV класса и языкамъ русскому, англійскому и польскому въ V и VI классахъ.

Чешскій языкъ. Въ I и II классахъ грамматика, устные и письменныя упражненія. Въ III классѣ повтореніе грамматики и краткая

теорія словесности. Въ IV классѣ повтореніе теорій словесности и особенно теорій эпоса. Образцы изъ древняго періода чешской литературы. Подробное изученіе Зеленогорской и Краледворской рукописи. Въ V классѣ—поэзія лирическая, драматическая, дидактическая и смѣшанная. Новая литература чешская въ образцахъ. Въ VI классѣ общее обзорное исторіи чешской литературы, избранныя произведенія современной чешской литературы, преимущественно тѣ, которыя могутъ доставить плодотворное чтенію юношеству, а также необходимы для бібліотеки образованной женщины. Біографіи и произведенія чешскихъ писательницъ.

Съ III класса ученицы должны приучаться къ ясному выразительному чтенію и декламации. При письменныхъ упражненіяхъ слѣдуетъ обращать особое вниманіе на умѣнье писать ясно и вообще на фразеологию, при устныхъ—развить въ дѣвушкахъ способность вести разговоры въ образованномъ обществѣ.

Нѣмецкій языкъ. Уже съ I класса преподаваніе должно вестись на нѣмецкомъ языкѣ. Цѣль обученія—главнымъ образомъ усвоить языкъ практически. Въ VI классѣ краткій очеркъ нѣмецкой литературы.

Французскій языкъ. Кромѣ занятій собственно языкомъ въ V классѣ, ученицы должны познакомиться съ отрывками произведеній важнѣйшихъ писателей XIX вѣка, въ VI классѣ — поэтовъ XVIII и XIX вѣковъ.

Географія. Въ I классѣ основы географіи математической и физической. Географія Чехія. Во II классѣ географія Азіи Африки и Европы,—постоянно обращается вниманіе на исторію и этнографію. Въ III классѣ географія Америки и Австраліи. Общія понятія изъ космографіи. Въ IV классѣ географія Австро-Венгрии.

Исторія. Во II классѣ — эпизодическій курсъ исторіи Греціи и Рима. Въ III классѣ исторія среднихъ вѣковъ, — преимущественно событія, имѣвшія значеніе для отечественной исторіи. Въ IV классѣ исторія новаго времени, въ V классѣ исторія Чехіи, въ VI классѣ исторія культуры ¹⁾).

¹⁾ Объ этой такъ-называемой „исторіи культуры“ я долженъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Ученицы не имѣютъ никакого учебника и записываютъ для себя то, что разсказываетъ преподаватель. Уроки носятъ характеръ скорее университетскихъ лекцій, со стороны ученицъ все ограничивается массовымъ слушаніемъ. Сомнительно, чтобы матеріалъ имъ хорошо усваивался, особенно, когда

Математика. Кромѣ изученія ариметики, со II класса проходитъ важнѣйшія положенія геометріи. Въ IV классѣ учетъ векселей въ примѣненіи къ потребностямъ домашняго хозяйства и небольшихъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Въ V и VI классахъ—общее повтореніе. Вездѣ особенно требуются упражненія ученицъ въ счетѣ въ умѣ.

Естественныя науки. Проходятся отдѣльные вопросы, преннущественно имѣющіе значеніе для обыденной жизни и хозяйства, — изъ зоологіи, ботаники, минералогіи, анатоміи, физиологіи, гігіены, физики, химіи, геологіи, метеорологіи, астрономіи, — однимъ словомъ, всего по немногу.

Педагогика. Общія понятія, теорія воспитанія, система народнаго образованія въ Австро-Венгріи.

Домоводство. Собраніе всевозможныхъ свѣдѣній, которыя могутъ пригодиться хозяйкѣ. Привожу подробно программу: качества хорошей хозяйки, какъ она должна обращаться съ прислужкой и держать себя въ обществѣ. Домъ, его свойства, отопленіе, освѣщеніе. Уходъ за цвѣтами въ комнатахъ и въ саду. Устройство кухни—посуда, разные приборы и аппараты. Физическія и химическія явленія, совершающіяся при приготовленіи кушаній и запасовъ. Производство разныхъ ваптковъ, ихъ польза и вредъ для здоровья. Свойства и способъ приготовленія разныхъ тканей и матерій. Чистка матерій, золотыхъ и серебряныхъ вещей.

Русскій языкъ. Каждый годъ есть извѣстное количество родителей, желающихъ, чтобы ихъ дѣти обучались и русскому языку. Преподаваніе его поручено одной чешкѣ г-жѣ Грачекъ, знающей теоретически и практически русскій языкъ и свободно говорящей на немъ. Уроки ведетъ она только и очень живо. Повидимому, ученицы ея имѣютъ успѣхи, хотя съ разговорною рѣчью имъ не легко справиться—наше и твердое и представляютъ для чеховъ, какъ и для другихъ славянъ (кромѣ поляковъ) неодолимыя трудности. Впрочемъ, на торжественномъ актѣ одна изъ ученицъ г-жи Грачекъ мило и до-

у нихъ нѣтъ подъ руками никакихъ пособій. Содержаніе лекцій, на сколько я могъ замѣтить, не вполнѣ соответствуетъ такому названію, какъ „исторія культуры“. Это скорее исторія образовательныхъ искусствъ, да и тутъ дѣло сводится къ перечисленію именъ художниковъ и описанію ихъ произведеній — больше съ чисто эстетической стороны и довольно сухо.

вольно правильно продекларировала „Колибельную пѣсню“ Лермонтова ¹⁾.

2) Городской лицей для дѣвушекъ въ Грацѣ—Städtisches Mädchen-Lyzeum. Красивое мѣстоположеніе, здоровый климатъ, сравнительная дешевизна жизни и въ то же время близость Вѣны ²⁾ давно уже сдѣлали Грацъ любимымъ мѣстожителемъ отставныхъ, выслужившихъ пенсію высшихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ; подаромъ теперь Грацъ въ шутку величаютъ Пенсіонероюлясъ. Эти заслуженныя лица переселялись въ Грацъ съ своими семьями и въ немъ образовался довольно большой кругъ интеллигентныхъ и вѣжливыхъ людей, для дочерей которыхъ не было тамъ подходящихъ училищъ. Естественно, что именно въ Грацѣ раньше другихъ нѣмецкихъ городовъ созрѣла и была приведена въ исполненіе мысль объ организаціи болѣе высокаго учебнаго заведенія для дѣвушекъ. Выработанныя въ Грацѣ основанія и программы, равно какъ и названіе лицей были перенесены и въ другіе нѣмецкіе города, и Грацъ, такимъ образомъ, оказалъ сильное вліяніе на поднятіе женскаго образованія въ Цислейтаніи. Даже и для Транслейтаніи Грацъ послужилъ образцомъ. Когда транслейтанскій министръ народнаго просвѣщенія Трефортъ посѣтилъ Грацъ, кажется, въ 1875 году, онъ подробно ознакомился съ устройствомъ здѣшняго лицей, и затѣмъ основаны были подобныя же высшія школы для дѣвушекъ въ Транслейтаніи.

Въ 1873 году составилъ въ Грацѣ кружокъ дамъ и мужчинъ изъ высшаго общества, который съ участіемъ профессоровъ университета, директоровъ и преподавателей гимназій и реального училища выработалъ статутъ и программу предполагаемаго лицей и открылъ подписку для сбора пожертвованій на его основаніе. Въ оданъ годъ собранъ былъ капиталъ въ 24.000 гульденовъ и уже осенью 1873 года былъ открытъ I-й классъ лицей. Съ 1878—1879 года лицей заключаетъ въ себѣ шесть классовъ.

Общественное положеніе того класса людей, благодаря которымъ

¹⁾ Та же г-жа Грачевъ даетъ уроки русскаго языка въ курсахъ, открытыхъ чешскимъ Обществомъ женскаго труда. Нынѣшними лѣтами въ концѣ учебнаго года давались дѣтми небольшія сценки на русскомъ и французскомъ языкахъ. Ученицы г-жи Грачевъ твердо знали свои роли, свободно и вообще правильно ихъ провозносили, и этотъ домашній спектакль произвелъ на насъ присутствовавшихъ очень пріятное впечатлѣніе.

²⁾ Шесть часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ черезъ знаменитый живописный перевалъ у Семмеринга.

возникъ лицей, отразилось ясно на его программахъ. Лицей — въ противоположность пражскому — назначенъ совсѣмъ не для тѣхъ женщннъ, которыя должны въ послѣдствіи преимущественно посвятить себя семьѣ, хозяйству или же добывать средства жизни преподаваніемъ. Какъ сказано въ статутѣ лицей, онъ долженъ дать только общее образованіе, развить всесторонне и дополнить тѣ свѣдѣнія, которыя дѣвушки приобрѣли въ высшей школѣ или дома, и, такимъ образомъ, подготовить просвѣщенныхъ членовъ общества. Сообразно съ этимъ руководѣлье, наприимѣръ, вначалѣ было совершенно исключено изъ предметовъ обученія, „какъ отнимающее время и нарушающее строгую систему общаго образованія“, въ послѣдствіи же принято, какъ необязательный предметъ. Сообразно съ этимъ при преподаваніи иностранныхъ языковъ имѣется въ виду не научить дѣвушекъ говорить на нихъ, а, съ одной стороны, развить при изученіи ихъ грамматики мыслительныя способности ученицъ, съ другой — дать возможность самостоятельно ознакомиться съ богатыми иностранными литературами. Педагогика совсѣмъ не проходится. Единственный предметъ болѣе близкій къ практической жизни введенъ въ программу лицей — это домоводство.

Еслибы родители пожелали, чтобы ихъ дочери приобрѣли практическія свѣдѣнія въ хозяйствѣ, руководѣльи, языкахъ или музыкѣ, они должны достигъ этого домашнимъ обученіемъ. Чтобы облегчить имъ это, каждый день уроки бывають только отъ восьми часовъ утра до двѣнадцати. Такимъ образомъ кромѣ утра остальной день дѣти проводятъ дома, и ихъ время въ полномъ распоряженіи родителей.

Лицей состоитъ изъ шести классовъ, въ него поступаютъ дѣвочки десяти лѣтъ по пріемному экзамену изъ курса первыхъ четырехъ лѣтъ народнаго училища. Содержится лицей на средства города, пожертвованія частныхъ лицъ, субсидіи отъ земскаго сейма и платы за учащихся 60 гульденовъ въ годъ.

Нѣтъ нужды говорить, что лицей отлично снабженъ учебными пособиями. Особенно оригинальны пособия по географіи. Кромѣ картъ и атласовъ, лицей имѣеть множество фотографій, какъ для нагляднаго ознакомленія съ изучаемыми мѣстностями, такъ и для того, чтобы дать ясное понятіе о разныхъ формахъ земной поверхности. Многія фотографіи сдѣланы очень отчетливо самимъ преподавателемъ исторіи и географіи Волькеромъ. Маленькія фотографическія карточки расположены систематически въ мѣстной послѣдовательности на большихъ листахъ, такъ что учащіяся могутъ прослѣдить, наприимѣръ, всѣ виды ледника отъ вершины горы къ ея подножію или

постепенныя видоизмѣненія извѣстной долины. Другія фотографіи при- мѣнены къ стереоскопу. Особенно хороши и поучительны разныя подробности образованія ледниковъ и формы горъ.

Благодаря хорошей репутаціи лицея, въ него поступали не только дочери лицъ, живущихъ въ Грацѣ и Штиріи, но и въ другихъ частяхъ Австро-Венгрии, а также были ученицы и изъ Германіи, Швейцаріи, Италіи, Сербіи и Болгаріи,—большею частью, конечно, пѣмцы ¹⁾.

Въ 1888—1889 году ученицъ всего было 201.

Хорошему впечатлѣнію, которое производитъ лицей, весьма вредитъ, къ сожалѣнію, его внѣшняя обстановка. Лицей помѣщается въ узкой улицѣ въ частномъ домѣ, два нижнихъ этажа котораго заняты другими жильцами, магазинами, и чуть ли не небольшимъ рестораномъ. Рекреационная зала, комнаты для коллекцій, физическаго и химическаго кабинета и отчасти классовъ довольно тѣсны, съ дурно вы- крашенными стѣнами и плоскими полами. Особенно неприглядна гим- настическая зала. Для нея отведенъ большой, но полутемный под- валь, и весь онъ долженъ согрѣваться маленькой печкой. Я думаю, что врядъ ли это можетъ хорошо отнѣваться на здоровьи дѣтей. Расчитываютъ, впрочемъ, года черезъ четыре или пять собрать до- статочно средствъ на постройку для лицея собственнаго дома.

Учебная программа лицей.

ПРЕДМЕТЫ.	Классы и число часовъ.						Всего часовъ.
	I	II	III	IV	V	VI	
Законъ Божій .	2	2	2	—	—	—	6
Нѣмецкій языкъ .	4	3	4	4	4	4	23
Французскій языкъ	4	4	4	3	3	3	21
Англійскій языкъ.	—	—	—	3	4	4	11
Географія	2	2	2	2	2	1	11
Исторія .	—	2	3	3	2	2	12
Математика	3	3	2	3	2	2	15
Естественныя науки .	2	2	3	4	5	5	21
Домоводство	—	—	—	—	—	1	1
Рисованіе	3	2	2	2	2	2	13
Пѣніе	2	2	—	—	—	—	4
Гимнастика .	2	2	2	—	—	—	6
Англійскій языкъ	—	—	—	3	4	4	11
Всего число часовъ .	24	21	21	24	24	24	114

¹⁾ Въ 1887—1888 году училась Людовика Клеркъ, дочь шотландскаго пастора изъ Одессы, а въ 1876—1877 и 1877—1878 Соелія Тетеревагитникова, дочь статскаго совѣтника изъ С.-Петербурга.

Нѣмецкій языкъ. Теоретическое и практическое его изученіе. Кромѣ того въ IV классѣ важнѣйшія формы прозаическихъ и поэтическихъ произведеній. Исторія литературы до Реформаціи—особенно народный эпосъ и произведенія Вальтера Фогельвейде. Въ V классѣ исторія литературы съ XVI вѣка до Гете (исключительно). Въ VI классѣ исторія литературы съ Гердера до смерти Гете. Обзоръ новѣйшей литературы и особенно австрійскихъ поэтовъ. Исторія драмы.

Французскій и англійскій языки. Теоретическое и практическое ихъ изученіе.

Географія. Въ особенную заслугу Грацкаго лица ставится то, что въ немъ впервые географія заняла самостоятельное положеніе, а не только, какъ второстепенный вспомогательный придатокъ для изученія исторіи. И въ настоящее время въ Грацкомъ лицѣ предметъ этотъ очень хорошо обставленъ. Въ I классѣ проходятся основныя понятія географіи. Во II классѣ краткая географія средней Европы и особенно Австро-Венгрии. Въ III классѣ географія Европы. Въ IV классѣ географія Евронии (продолженіе), Африки и Азии. Въ V классѣ географія Америки и Австраліи. Подробное изученіе австрійскаго приморья и альпійскихъ странъ. Въ VI классѣ географія Австро-Венгрии. Обзоръ математической и физическаго географіи и ихъ отношенія къ политической.

Исторія. Во II классѣ — древняя исторія Востока и Греціи. Въ III классѣ древняя исторія Рима. Средніе вѣка до 1024 года,—особенно событія, важныя для исторіи Австро-Венгрии. Въ IV—средніе вѣка съ 1024 до 1492 года и новое время до 1618 года. Въ V классѣ новое время съ 1618 до 1815 года. Въ VI классѣ исторія Австро-Венгрии съ 1700 до 1871 года, въ связи съ новѣйшею исторіей остальной Европы.

Математика. Кромѣ ариметики, съ II до V класса проходятся важнѣйшія теоремы изъ геометріи. Въ IV и V классахъ—алгебра, кончая уравненіями 1-й степени съ одной и многими неизвѣстными. Въ VI классѣ общее повтореніе и дополненіе.

Естественныя науки. Зоологія, ботаника, метеорологія, геологія, физика, химія, антропологія, гигиена.

Домоводство. Кругъ дѣйствія хозяйки, ея нравственныя свойства и общественное положеніе. Порядокъ. Чистота. Бережливость. Приходы и расходы. Прежнія и современныя формы жилищъ. Воздухъ, вода, вентиляція. Выборъ и распредѣленіе комнатъ. Теорія и практика отопленія. Ткани и способъ ихъ приготовленія.

3) Лицей Общества женскаго труда въ Вѣнѣ—Mädchen-Lyceum des Wiener Frauen-Erwerb-Vereins. Лицей основанъ вѣнскимъ Обществомъ развитія женскаго труда, занимающимъ почетное мѣсто среди другихъ многочисленныхъ австрійскихъ обществъ, стремящихся къ той же цѣли ¹⁾. Считаю нелишнимъ сообщить кое-что о дѣятельности этого полезнаго Общества, заимствуя данныя изъ его отчета за 1888—89 годъ.

Общество имѣетъ около 900 дѣйствительныхъ членовъ съ ежегоднымъ членскимъ взносомъ не менѣе 3 гульденовъ и около 150 вспомогательныхъ членовъ съ неопредѣленною цифрой взноса. На эти членскіе взносы, субсидіи отъ правительства, земскаго сейма и города, а также на многочисленныя одновременныя пожертванія, Общество выстроило собственный домъ, содержитъ много школъ и образовало значительный основной капиталъ, составляющій вмѣстѣ съ стоимостью дома сумму въ 216.688 гульд. 50 кр. Годовой расходъ въ 1888—89 году былъ въ 90.000 гульд.

Главная цѣль Общества—дать женщинамъ возможность подготовитъ себя къ той или другой отрасли практической дѣятельности. Для этого Обществомъ основано много разнообразныхъ профессиональных школъ и курсовъ, большая часть которыхъ помѣщается въ собственномъ домѣ Общества: торговая школа (120 ученицъ), школы шитья (459 ученицъ), раянаго рода рукодѣлья, вязанья, рисованія, живописи на фарфорѣ и шелкѣ, курсы стенографіи, языковъ французскаго, англійскаго и итальянскаго и мн. др. Всего въ 1888—89 году посѣщали эти школы и курсы 1362 ученицы, многія бесплатно. Затѣмъ Обществомъ устраиваются больницы, пенсіонныя кассы для учительницъ и вообще трудящихся женщинъ и т. п. Издаемъ брошюры, чтеніемъ рефератовъ Общество старается разсѣять предразсудки противъ женскаго образованія и женскаго труда.

Кромѣ того, съ цѣлью пополненія общаго образованія женщинъ, Общество приглашало профессоровъ и преподавателей для чтенія ряда публичныхъ лекцій, такъ-называемаго Winter-Course, предметъ которыхъ мѣнялся каждый годъ. Такъ, между прочимъ, читались въ разное время слѣдующіе курсы: Исторія искусства въ древнее время и въ средніе вѣка. Возрожденіе въ Италіи. Исторія культуры во

¹⁾ Въ Прагѣ существуетъ подобно чешское Общество (ženskú výrobní vřelek ženskú), правда съ большимъ числомъ членовъ (около 2000), но съ меньшими средствами; по отчету за 1888 годъ капиталъ его былъ около 33000 гульд.).

Франціи. Литературы древняго Востока. Исторія французской литературы. Нѣмецкое искусство въ XVIII и XIX вв. Искусство во Франціи съ половины XVIII вѣка. Исторія музыки и др.

Наконецъ, Обществомъ была основана въ 1871 году четырехклассная общеобразовательная школа для дѣвушекъ—Höhere Bildungsschule für Mädchen. Впослѣдствіи, съ 1877 года, рѣшено измѣнить ея программу; къ 1882 году это измѣненіе было завершено, и теперь въ общемъ программѣ вѣнской школы сходва съ грацкой. Въ 1888 году прежнее названіе школы было измѣнено на лицей—по примѣру лицеевъ грацкаго и пражскаго.

Въ настоящее время лицей состоитъ изъ 6 классовъ. Въ 1-й классъ принимаются дѣвочки 10 лѣтъ по приѣмному экзамену изъ языка и 4-хъ правилъ ариметики. Въ 1888—9 году всего было 248 ученицъ—дочерей купцовъ, фабрикантовъ, чиновниковъ, военныхъ,—слѣдовательно, изъ важнѣйшаго класса.

О характерѣ образованія, даваемого этимъ лицеемъ, я не буду распространяться, въ виду сходства его съ грацкимъ лицеемъ. На учебныя пособія обращено также большое вниманіе, хотя въ этомъ отношеніи вѣнскій лицей далеко уступаетъ грацкому. Содержится лицей на средства Общества женскаго труда, субсидіи отъ правительства и города и на плату за ученье (90 гульденовъ въ годъ).

Лицей помѣщается въ собственномъ домѣ Общества, гдѣ нѣтъ мало простора. Для гимнастики (необязательнаго, впрочемъ, предмета) ученицы должны ходить въ другой домъ. Рекреационной залы также нѣтъ.

УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА ЛИЦЕЯ.

ПРЕДМЕТЫ.	Классы и число часовъ.					VI	Всего число часовъ.
	I	II	III	IV	V		
Законъ Божій	2	2	2	2	—	—	8
Нѣмецкій языкъ	5	4	4	3	1	4	24
Французскій языкъ	5	5	5	3	4	4	26
Англійскій языкъ	—	—	—	3	4	4	11
Географія .	3	2	2	2	—	—	9
Исторія .	—	2	2	2	3	3	12
Математика	3	3	3	3	3	3	18
Естественныя науки	—	3	4	4	4	3	18
Рисованіе .	4	4	4	4	4	4	24
Числовисавіе .	2	1	—	—	—	—	3
Всего число часовъ.	24	26	26	26	26	26	153

Нѣмецкій языкъ. Кромѣ изученія языка, въ IV классѣ при чтеніи отрывковъ поэтическихъ произведеній сообщаются главныя даты изъ жизни авторовъ. Въ V классѣ теорія словесности и краткія біографіи нѣмецкихъ классиковъ. Въ VI классѣ отрывки старо-нѣмецкой поэзіи въ переводахъ. Обзорѣніе главныхъ періодовъ исторіи нѣмецкой литературы: до Клопштока въ важнѣйшихъ датахъ и именахъ, послѣ него—въ болѣе подробныхъ біографіяхъ.

Французскій языкъ. Кромѣ изученія языка, въ V классѣ краткія литературно-историческія замѣтки о выдающихся писателяхъ. Въ VI классѣ слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на умѣнье писать письма.

Географія. Въ I классѣ начальныя понятія географіи и этнографіи. Во II классѣ географія южныхъ полуострововъ Европы, географія Африки (особенно сѣверной) и Азіи (особенно западной и преимущественно Палестины)—примѣнительно къ курсу исторіи. Въ III классѣ географія Австро-Венгрии и Германіи. Въ IV классѣ географія остальной Европы, Америки и Австріи.

Исторія. Во II классѣ древняя исторія Востока и Греціи—курсъ эпизодическій. Въ III классѣ древняя исторія Рима. Систематическое повтореніе и дополненіе древней исторіи. Въ IV классѣ средніе вѣка до 1273 года—особенно событія, имѣвшія значеніе для Австріи. Въ V классѣ средніе вѣка и новое время до 1740 года. Въ VI классѣ окончаніе исторіи новаго времени: подробно до 1815 года, въ краткомъ обзорѣ—до настоящаго времени. Обзорѣніе исторіи Австро-Венгрии до настоящаго времени и основы ея современнаго государственнаго устройства.

Математика. Кромѣ ариметики, со II класса изучаются важнѣйшія теоремы геометріи, съ III класса алгебра (4 алгебраическія дѣйствія, уравненія 1-й степени, возвышеніе въ кубъ и квадратъ, извлеченіе корней. Уравненія 2-й степени съ одной неизвѣстной. Прогрессіи. Сложные проценты).

Естественныя науки. Зоологія, ботаника, минералогія, геологія, антропология, гигиена, физика, химія, физическая географія.

4) Нѣмецкій лицей въ Прагѣ основанъ въ 1874 году нѣмецкимъ обществомъ Verein zur Erhaltung und Förderung des deutschen Mädchen-Lyceums и имѣлъ въ 1886—7 году 247 ученицъ. Состоитъ онъ изъ 6 классовъ; устройство и программа въ

общихъ чертахъ одинаковы съ лицейми въ Грацѣ и Вѣнѣ. Болѣе подробныхъ свѣдѣній о немъ у меня не было ¹⁾).

5) Частный лицей г-жи Ейтелесъ. Изъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ частными лицами, этотъ лицей болѣе всего подходит по своему типу и высотѣ даваемого образованія къ уже перечисленнымъ нами лицеймъ. Онъ былъ основанъ г-жей Ейтелесъ въ 1870 году подъ именемъ частной *Volks- und Bürgerschule*. Впослѣдствіи программа была увеличена сообразно съ вѣнскимъ и грацкимъ лицейми, а въ 1888 году министерство утвердило и переименованія.

Лицей назначенъ для дѣвушекъ изъ богатыхъ семействъ и плата за ученіе весьма высока: въ приготовительномъ классѣ 140 гульденовъ въ годъ, въ I и II классахъ лицей—160, въ III классѣ—180, въ IV, V и VI классахъ—220 гульденовъ. Пенсіонерки платятъ 900 гульденовъ. Всего ученицъ въ нынѣшнемъ году 153—число, конечно, очень большое для частнаго заведенія. Изъ нихъ—15 пенсіонерокъ.

Поступаютъ по приемному экзамену, причемъ требуется начальное знаніе французскаго языка, которое въ большей или меньшей степени богатые люди уже съ дѣтства даютъ своимъ дочерямъ. И въ лицей на первый планъ выдвинуты языки и также эстетическое образованіе.

Состоитъ заведеніе изъ приготовительнаго класса и шестикласснаго лицей. Для окончившихъ курсъ лицей, а также для востороннихъ слушательницъ устроены при лицей особыя курсы по французскому и англійскому языкамъ, исторіи нѣмецкой литературы, исторіи искусствъ, рисованію и руководѣлю. Годовая плата за слушаніе всѣхъ курсовъ 140 гульденовъ, по отдѣльнымъ предметамъ отъ 15 до 40 гульденовъ.

Съ виѣшней стороны лицей обставленъ очень хорошо. Онъ занимаетъ цѣлый этажъ—болѣе 20 комнатъ. Классы, залы, спальни пенсіонерокъ и все вообще чисто и въ прекрасномъ порядкѣ. Начальницей заведены также небольшая, но хорошо составленная библіотека, коллекціи для естественной исторіи, приборы для физики и химіи,—конечно, это все въ миниатюрѣ, но постоянно пополняется.

¹⁾ Въ Транслейтаніи само правительство приняло на себя устройство *высшихъ школъ для дѣвушекъ (Höhere Staatsmädchenschulen)* по образцу грацкаго лицей, конечно, *mutatis mutandis*. Первая школа была основана въ Будапештѣ въ 1875 году. Въ 1886 году существовало еще 7 такихъ школъ: въ Тренчинѣ, Мармарошскомъ Сигетѣ, Новомъ Зволени (Neusohl), Левочѣ (Leutschau), Эденбургѣ, Пресбургѣ и Темешварѣ. Всего училось въ 1886—7 году въ этихъ школахъ 850 дѣвушекъ. Содержаніе школъ стоило правительству 158.497 гульденовъ въ годъ.

ПРЕДМЕТЫ.	Классы и число часовъ.						Всего число часовъ.
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	
Законъ Божій ¹⁾	—	—	—	—	—	—	—
Нѣмецкій языкъ	5	5	5	4	4	4	27
Французскій языкъ.	4	4	4	4	3	4	23
Англійскій языкъ .	—	—	—	3	4	4	11
Географія .	3	2	2	2	2	—	11
Исторія.	—	2	2	2	2	1	9 ²⁾
Математика .	4	3	3	3	3	2	18
Естественныя науки .	2	2	4	4	6	—	18
Общее землѣвѣдѣніе	—	—	—	—	—	2	2
Рисованіе .	2	2	2	2	2	2	12
Чистописаніе.	2	2	1	—	—	—	5
Рукодѣлье .	3	3	3	3	3	3	18
Гимнастика	2	2	2	—	—	—	6
Всего число часовъ.	27	27	28	27	29	22	160

Нѣмецкій языкъ. Кромѣ изученія языка, въ III и IV классѣ теорія словесности. Въ IV кл. обзоръ исторіи литературы до Опица,—особенное вниманіе на народный эпосъ. Въ V кл. ученіе о драмѣ. Обзоръ исторіи литературы до Гете (исключительно). Въ VI кл. Гете, Шиллеръ и новѣйшая литература,—особенно австрійскіе поэты.

Французскій языкъ. Кромѣ изученія языка, въ V кл. при чтеніи образцовъ сообщаются краткія біографическія данныя объ авторахъ. Въ VI кл. характеристика главныхъ періодовъ французской литературы.

Географія. Въ I кл. основныя понятія географіи. Во II кл. географія Азіи, Африки и южной Европы. Въ III кл. географія остальной Европы, особенно Австро-Венгрии и Германіи. Въ IV кл. географія Америки и Австраліи. Общее повторыеніе. Въ V кл. географія и статистика Австро-Венгрии, ея государственное устройство.

Исторія ³⁾. Во II кл. древняя исторія Востока и Греціи. Въ

¹⁾ Число часовъ зависитъ отъ соглашенія родителей съ законоучителями разныхъ вѣроисповѣданій.

²⁾ Къ этому надо еще прибавить 3 часа исторіи искусства, которая распределена на два года—на VI кл. и на дополнительный курсъ.

³⁾ Какъ весьма полезное дополненіе къ курсу исторіи является исторія искусства. Читаетъ ее кустошь придворной бібліотеки г. Хмеларжъ, который, благодаря своему спеціальному положенію, имѣетъ возможность приносить въ владѣть всѣ необходимыя фототравническія снимки и гранюры. Говоритъ г. Хмеларжъ просто и серьезно и рассматриваетъ исторію искусства постоянно въ связи съ общаго развитіемъ культуры. Его лекціи представляютъ большой интересъ и весьма поучительны.

III кл. древняя исторія Рима и средніе вѣка до 1273 г. Въ IV кл. исторія Европы съ 1273 до 1648 г. Въ V кл. исторія Европы съ 1648 до 1815 г. Обзоръ важнѣйшихъ событій въ Европѣ съ 1815 г. до настоящаго времени. Въ VI кл. исторія Австро-Венгріи ¹⁾.

Кромѣ рассмотрѣнныхъ мною женскихъ среднеучебныхъ заведеній, существуютъ въ Вѣнѣ и въ другихъ городахъ разныя частныя общеобразовательныя школы, какъ открытыя, такъ и закрытыя ²⁾; а также такъ-называемое Fortbildungscourse. Всѣ онѣ — на сколько я слышалъ — и по количеству учащихся и по программамъ стоятъ значительно ниже лицеевъ, и въ отчетахъ и статистическихъ обзорѣніяхъ отнесены къ разряду Volks-und Bürgerschule. Въ Вѣнѣ лучшими изъ такихъ заведеній считаются: г-жи Гунешъ восьмиклассная Volks-und Bürgerschule und Fortbildungscourse и г-жи Ганнаусекъ тоже восьмиклассная Mädchen Lehr-und Erziehungs Anstalt съ тремя Fortbildungsclassen.

Упомяну еще о двухъ вполне закрытыхъ пансіонахъ, которые содержатся монахинями и назначены для дочерей аристократическихъ фамилій. Какъ мнѣ рассказывали, воспитанницы въ нихъ совершенно отдѣлены отъ внѣшняго міра, раньше окончанія курса никуда не выѣзжаютъ изъ пансіона и не отпускаются домой даже на лѣтнія каникулы. Кромѣ духовныхъ лицъ, ни одинъ мужчина не имѣетъ туда доступа. Исключенія не дѣлается и для учебныхъ властей.

Главное вниманіе обращено на религиозно-правственное воспитаніе, иностранныя языки и изящныя манеры. Это именно Lehr-und Erziehungs-Anstalt сестеръ святаго сердца Іисуса (Frauen vom Heiligsten Herzen Jesu) и Lehr-und Erziehungs-Anstalt für die weibliche Jugend höherer Stände — монахинь Салезіанокъ.

¹⁾ Въ будущемъ учебномъ году однимъ женскимъ обществомъ Verein für Beamten-Töchter-Heim предполагается основать въ Вѣнѣ новый типъ трехклассной общеобразовательной школы, которая по своей программѣ принимала бы непосредственно къ общественнымъ городскимъ училищамъ. Въ настоящее время изъ городскихъ училищъ весьма трудно поступить въ III или IV кл. лицей, благодаря большой разницѣ въ программахъ, и такимъ образомъ дѣвушки, кончившія курсъ въ городскихъ училищахъ, лишены возможности продолжать свое образованіе. Новыя трехклассныя школы будутъ отвѣчать потребности значительной части населенія.

²⁾ Въ большей части послѣднихъ болѣе всего обращается вниманіе на иностранныя языки.

Изъ предшествующаго очерка видно, что женское общее образованіе въ Австріи во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже нашего. Высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній въ родѣ педагогическихъ и высшихъ женскихъ курсовъ нѣтъ. Среднеучебныя женскія заведенія, соотвѣтствующія до нѣкоторой степени нашимъ гимназіямъ и институтамъ, основаны сравнительно недавно въ очень ограниченномъ количествѣ и имѣютъ характеръ частныхъ школъ съ ихъ невыгодными сторонами. Наконецъ, по своему направленію и программамъ они предназначены для болѣе богатой части среднихъ интеллигентныхъ классовъ (кромя чешской школы). О постановкѣ въ нихъ учебнаго дѣла я буду говорить ниже.

И. Попытки расширить кругъ дѣятельности женщинъ и доставить имъ высшее образованіе.

Стремленіе къ полной равноправности женщинъ въ области общественной и политической жизни, такъ-называемое эмансипационное стремленіе до сихъ поръ довольно слабо представлено въ Австріи. Причины этого лежатъ съ одной стороны въ извѣстныхъ традиціяхъ нѣмецкаго общества, по которымъ женщина всегда считалась предназначенною для семейной жизни, для домашней дѣятельности,— даже и здѣсь не столько въ роли матери и воспитательницы, сколько въ роли экономной и заботливой хозяйки.

Практичныя нѣмцы не охотно ломаютъ уже установившіеся порядки въ угоду новымъ теоретическимъ построеніямъ.

Съ другой стороны, общественныя привычки, особенно въ большихъ городахъ, такъ сложились, что женщины до извѣстной степени оттѣснены на второй планъ. Большинство мужчинъ средняго интеллигентнаго класса свое свободное время проводятъ преимущественно внѣ дома, въ ресторанахъ и кофейняхъ, за газетами, кружкой пива или чашкой кофе. Тамъ назначаются дѣловыя свиданія, тамъ встрѣчаются съ знакомыми, туда часто ведутъ навѣстившихъ гостей, чтобы не беспокоиться съ закуской или ужиномъ для нихъ. Женщины же сидятъ дома одиѣ, или посѣщаютъ своихъ подругъ. Естественно, что такой образъ жизни и понижаетъ уровень развитія женщинъ и ослабляетъ у мужчинъ интересъ къ ихъ положенію.

Что касается славянъ Австріи, то не только на нихъ и въ этомъ отношеніи отразилось нѣмецкое вліяніе, но къ нему присоединились нѣкоторыя особенныя причины, не благоприятствовавшія развитію

женскаго вопроса. Прежде всего — малая обезпеченность національной славянской интеллигенціи, благодаря чему нельзя было тратить на женское образованіе средствъ, которыхъ съ трудомъ достаетъ на подрастающее поколѣніе мужчинъ.

И мы видимъ, что болѣе всего заботятся о женскомъ образованіи чехи, лучше другихъ австрійскихъ славянъ экономически доставленные. Затѣмъ, при борьбѣ за народность, была нужна не помощь женщины на общественной аренѣ, а именно ея незамѣтная, скромная дѣятельность въ семьѣ, какъ просвѣщенной матери патриотки, которая бы съ младенчества прививала дѣтямъ любовь къ своему языку и народу.

Тѣмъ не менѣе, особенно въ послѣдніе годы, эмансипаціонное стремленіе среди интеллигентныхъ классовъ Австріи постепенно развивается, хотя оно далеко не имѣетъ за собою большинства. На его возникновеніе и усиленіе оказали вліяніе главнымъ образомъ подобное же движеніе въ Германіи и примѣръ Швейцаріи.

Нѣкоторыя особенности этого эмансипаціоннаго движенія налагаютъ на него ту-же печать жизненной практичности, которою отличается вообще нѣмецкая національность. Женскій вопросъ основывается не на общихъ теоретическихъ разсужденіяхъ о полномъ физическомъ, умственномъ и нравственномъ равенствѣ и тождествѣ мужчины и женщины, изъ которыхъ логически вытекаетъ равноправность ихъ во всѣхъ сферахъ дѣятельности; выдвигаются на первый планъ не жалобы на несправедливость современнаго общественнаго строя, созданнаго на рабствѣ женщинъ, на унижительность для женщины быть матерью и хозяйкой и т. п. ¹⁾).

Вопросъ ставится защитниками эмансипаціи на чисто практическую почву: Конечно, мы согласны, что главное названіе и высокое призваніе женщины быть подругой мужа, охранительницей домашняго благосостоянія, матерью и воспитательницей дѣтей. Но что же будутъ дѣлать дѣвушки, которыя не могли почему бы то ни было выйти замужъ, — а такихъ у насъ въ Австріи весьма большое число, доходящее до 40% всѣхъ женщинъ изъ среднихъ классовъ? ²⁾).

¹⁾ Хотя конечно въ меньшинствѣ такіа мнѣнія и высказываются.

²⁾ Дѣйствительно, въ большихъ городахъ Австріи много мужчинъ или совсѣмъ не женятся или женятся поспѣшно, часто по расчету. Привычка жить сколоду по ресторанахъ, дороговина содержанія семьи, нежеланіе себя называть лишніи хлопоты и пр.—все это здѣсь весьма уменьшаетъ количество браковъ.

Куда имъ дѣваться, если родители не богаты или не оставили богатаго наслѣдства? Необходимо, слѣдовательно, дать имъ право и возможность самимъ зарабатывать кусокъ хлѣба, а такъ какъ не извѣстно, какова будетъ въ послѣдствіи судьба ребенка, то надо всѣмъ дѣвушкамъ давать такую подготовку, которой бы онѣ могли при случаѣ воспользоваться.

Между тѣмъ, сравнительно съ другими европейскими государствами, кругъ женскаго труда въ Австро-Венгрии значительно уже: кромя занятія ручными работами, онѣ могутъ быть повивальными бабками, конторщицами, продавщицами, служащими при почтахъ и телеграфахъ, учительницами музыки, языковъ, руководѣльи и также обязательныхъ предметовъ въ городскихъ и народныхъ училищахъ¹⁾,— вотъ, кажется, и все. При этомъ, конечно, вездѣ—громоздкая конкуренція.

Поборники и поборницы женскаго вопроса рассчитываютъ дѣйствовать въ двухъ направленіяхъ: прежде всего открыть для женщинъ новыя отрасли труда, чтобы онѣ могли быть, напримѣръ, наборщицами, часовщицами, помощницами при аптекахъ и т. п.; для этой цѣли предполагается основать новыя профессиональныя школы; затѣмъ—добиться равныхъ съ мужчинами правъ въ качествѣ врачей²⁾, фельдшерницъ, аптекарей и учительницъ во всѣхъ женскихъ заведеніяхъ, а если удастся, то и въ мужскихъ. Чтобы имѣть равныя права, нужно имѣть равное образованіе, поэтому они настаиваютъ на допущеніи женщинъ въ высшія учебныя заведенія, именно на факультеты философскій и медицинскій, съ тѣмъ, чтобы окончившимъ въ нихъ успѣшно курсъ и сдавшимъ необходимыя экзамены были предоставлены одинаковыя права со студентами³⁾.

¹⁾ Хотя по закону женщинамъ могутъ учить и въ женскихъ учительскихъ семинаріяхъ, но обыкновенно ихъ туда не назначаютъ. Въ Вѣнѣ это чуть ли не единственнымъ примѣръ, что женщина преподаетъ исторію и географію въ правительственной женской учительской семинаріи.

²⁾ Въ настоящее время женщины, получившія дипломъ доктора медицины въ Австріи, не имѣютъ права практиковать въ послѣдней. Лишь въ нынѣшнемъ апрѣлѣ императоръ, въ видѣ личной милости, разрѣшилъ практиковать Кирибаумъ, доктору медицины, родомъ изъ Россіи, но вышедшей замужъ за австрійскаго врача. Затѣмъ мы говорили, что въ Пештѣ открыто лечитъ какая-то надырская грибкини, также имѣющая заграничный дипломъ.

³⁾ И теперь женщинамъ могутъ посѣщать университетскія лекціи, но это зависитъ лишь отъ личной любезности профессора и не даетъ имъ никакихъ правъ.

Такъ какъ поступить въ университетъ могутъ только тѣ лица, которые имѣютъ аттестатъ зрѣлости изъ классическихкихъ гимназій, то чтобы дать возможность дѣвушкамъ подготовиться къ экзамену зрѣлости, защитники женской эмансипаціи желаютъ также, чтобы правительство основало по образцу мужскихъ и женскія классическія гимназій. Въ то же время они сами собираютъ средства, необходимыя для содержанія такой частной гимназій.

Въ Прагѣ главную роль въ этомъ движеніи играетъ уже упомянутое мною чешское Общество женскаго труда. Въ Вѣнѣ въ іюнѣ 1888 года составилось изъ женщинъ и мужчинъ (отчасти изъ высшихъ классовъ) Общество для расширенія женскаго образованія—*Verein für erweiterte Frauenbildung*. Въ октябрѣ 1889 года оно имѣло 211 членовъ, но денежныя сборы идутъ не особенно блестяще, и въ одинъ годъ общество составило капиталъ только въ 2000 гульд.

Большинство вѣнской прессы печатаетъ охотно отчеты о засѣданіяхъ и рефераты этого общества, относится къ нему довольно благосклонно, но само не выступаетъ прямо въ защиту этого направленія. Правительство держится совершенно въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что основаніе гимназій и вопросъ о ея правахъ—дѣло не особенно близкаго будущаго. Члены общества для расширенія женскаго образованія говорили, впрочемъ, мнѣ, что, если имъ удастся основать женскую гимназію, правительство будто бы охотно назначитъ ей субсидію.

Общество чешскихъ женщинъ недавно подало въ парламентъ петицію о разрѣшеніи женщинамъ поступать въ университетъ на философскій и медицинскій факультеты на одинаковыхъ основаніяхъ со студентами и объ открытіи женскихъ гимназій. До сихъ поръ не было еще по ея поводу дебатовъ и, каковъ будетъ ихъ исходъ, невѣдомо. Вѣнское Общество собирается въ ближайшемъ времени подать такое же прошеніе отъ себя.

Существуютъ и другія женскія общества, сочувствующія дѣятельности этихъ двухъ, хотя и не выступающія столь рѣшительно. Таковы въ Вѣнѣ: *Hausfrauen-Verein*, *Verein für provisorische Lehrerinnen*, *Verein der Lehrerinnen und Erzieherinnen*, *Verein der Schriftstellerinnen und Kunstlehrerinnen*, *Verein der Musiklehrerinnen* и отчасти *Verein für Beamten-Töchter-Heim*.

IV. Постановка учебнаго дѣла и преподаванія.

Посѣщая женскія учебныя заведенія въ Австріи, я обращалъ вниманіе главнымъ образомъ на преподаваніе въ нихъ исторіи, но по возможности присутствовалъ также на урокахъ другихъ предметовъ, приглядываясь вообще къ постановкѣ учебнаго дѣла и старался выяснитъ интересовавшіе меня вопросы, обращаясь къ компетентнымъ лицамъ и къ разнымъ статьямъ и брошюрамъ ¹⁾. Не предполагая представить всесторонняго обзорѣнія педагогической системы и методовъ обученія, я ограничусь изложеніемъ нѣкоторыхъ моихъ наблюденій, сообщая по возможности объективно то, что я видѣлъ и слышалъ, и избѣгая рѣшительнаго сужденія по менѣе мнѣ знакомымъ педагогическимъ вопросамъ.

Учебныя пособія. Въ то время, какъ внѣшняя обстановка школъ весьма проста и даже бѣдна, на учебныя пособія обращается вездѣ особенное вниманіе. Библіотеки, карты, атласы, картины для естественныхъ наукъ, исторіи и географіи, фотографіи, гравюры, слѣпки, модели и картины для рисованія, коллекціи по зоологіи, ботаникѣ, минералогіи, домоводству, аппараты и матеріалы для химическихъ и физическихъ опытовъ,—на все это не жалѣютъ труда и денегъ. Учителя, ученицы и ихъ родители также очень интересуются этимъ и по возможности сами содѣйствуютъ обогащенію своего заведенія разными пособіями. Лучше всего ими обставлены институты для дочерей военныхъ, лицей въ Грацѣ и чешская школа въ Прагѣ. И такое направленіе не есть только дѣло единичныхъ частныхъ лицъ. Въ министерскихъ распоряженіяхъ и инструкціяхъ для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ семинарій особенно настоятельно выдвигается необходимость снабженія школъ библіотеками и коллекціями. Ученики и ученицы учительскихъ семинарій обязаны практиковаться въ умѣньи самимъ готовить подобныя пособія для народныхъ и городскихъ училищъ.

Видно такимъ образомъ, что сознаніе необходимости нагляднаго обученія для всѣхъ, не только низшихъ, школъ вошло прочно въ сознаніе общества и педагогическихъ сферъ. И въ этомъ, конечно, состоитъ самая важная, плодотворная и симпатичная сторона здѣшней учебной системы.

¹⁾ Хотя о женскомъ образованіи весьма мало что можно найти въ австрійской печати.

Распределение времени занятій. Учебный годъ начинается обыкновенно около 1-го сентября и оканчивается въ послѣднихъ числахъ іюня.

Раздѣляется онъ на два семестра—зимній и лѣтній. Конецъ зимняго семестра—около 1-го февраля, а черезъ два, три дня начинается уже лѣтній семестръ. Въ нѣмецкихъ университетахъ раздѣленіе года на семестры имѣеть свой смыслъ. Курсъ большинства предметовъ, читаемыхъ въ каждомъ семестрѣ, представляетъ самостоятельное, законченное цѣлое, и зимній семестръ отъ лѣтнаго отдѣленъ порядочнымъ—около мѣсяца—промежуткомъ времени. Студентъ можетъ каждый семестръ перемѣнять и профессоровъ и даже университетовъ. Въ среднеучебныхъ заведеніяхъ семестры—чисто внѣшнее, не имѣющее серьезнаго значенія, подражаніе университетскимъ порядкамъ.

И по времени семестры непосредственно примыкають одинъ къ другому и внутренно по большей части они также соединены, такъ какъ обыкновенно распределение учебнаго матеріала на отдѣлы приспособлено не къ семестрамъ, а къ классамъ.

На Рождествѣ учащіеся освобождаются отъ занятій на восемь дней и на столько же времени на Пасхѣ. Ежедневно уроки начинаются въ 8 часовъ утра, оканчиваясь разво въ разныхъ заведеніяхъ. Довольно давно въ Австріи пинуть и говорятъ противъ ранняго начала уроковъ въ зимніе мѣсяцы, доказывая, что это очень вредно для дѣтей, которыя принуждены вставать, когда еще темно, и идти по холодному, не успѣвшему хотя нѣсколько согрѣться воздуху. Однако до сихъ поръ результатовъ эти жалобы почти не имѣють ¹⁾. Вообще здѣсь не особенно охотно соглашаются на перемѣну утвердившихся обычаевъ, да къ тому же порядокъ жизни установился совершенно другой, чѣмъ, напримѣръ, у насъ. Даже въ такихъ большихъ городахъ, какъ Вѣна и Прага, всѣ ложатся спать очень рано. Къ 10 часамъ вечера стихаетъ движеніе на улицахъ, запираются ворота домовъ, и запоздавшій обыватель долженъ послѣ 10 часовъ явонить къ дворнику и платить ему положенные 5—10 крейцеровъ—*Sperrgeld*. За то встають и принимаются за работу очень рано. Естественно, что многіе не желаютъ и подумать, чтобы раннее вставанье могло

¹⁾ Кажется, только въ вѣнскомъ лицей Общества женскаго труда уроки начинаются въ 9 часовъ утра.

быть вредно для дѣтей, да и не желаютъ изъ-за нихъ нарушать свои привычки.

Постановка балловъ. Баллы за отдѣльные отвѣты нигдѣ не ставятся въ классный журналъ, и ученицы не имѣютъ возможности знать ихъ. Выдаются только общія свидѣтельства, цензуры — за мѣсяць, полтора или два (разно въ разныхъ заведеніяхъ), затѣмъ свидѣтельства за семестръ и за годъ. Вообще считается даже вреднымъ, чтобы дѣти знали точную оцѣнку въ баллахъ каждаго своего отвѣта. Во-первыхъ, говорили мнѣ, это усиливало бы такъ-называемую погою за баллами, ученье только изъ-за отмітокъ, а это и такъ весьма развито у дѣвочекъ. Во-вторыхъ, такимъ образомъ могли бы разстраиваться хорошія отношенія между учителями и учащимися. Весьма трудно вообще оцѣнить вполне точно опредѣленнымъ балломъ каждый единичный отвѣтъ, да къ тому же взгляды учителей и ученицъ на достоинства отвѣта часто очень расходится. Все это давало бы поводъ къ непріятностямъ и жалобамъ на несправедливость. Ученица должна при каждомъ случаѣ довольствоваться словесною похвалою или порицаніемъ учителя. Что же касается до замѣчаній, что постановка и сообщеніе родителямъ единичныхъ балловъ облегчаетъ имъ возможность слѣдить за успѣхами дѣтей, то родители гораздо лучше и обстоятельнѣе могутъ отъ времени до времени справиться объ этомъ у начальства школы и преподавателей. Въ случаѣ же особенно дурныхъ успѣховъ родители извѣщаются начальствомъ школы.

Въ мѣсячныхъ, семестровыхъ и годовыхъ свидѣтельствахъ баллы также не ставятся въ точныхъ цифрахъ, а выражаются въ болѣе общей формѣ, тѣми или другими словами, которыя или пишутся цѣликомъ или обозначаются начальными буквами. Категорій успѣховъ ученицъ пять или иногда шесть: *vorzüglich* (или *sehr gut*), *lobenswerth* (или *gut*), *befriedigend*, *genügend*, *nicht genügend*—иногда еще *ganz ungenügend* (въ чешской школѣ *vuborně*, *chvalitebně*, *dobře*, *dostatečně*, *nedostatečně*, *zcela nedostatečně*). Нѣсколько трудно передать эти выраженія нашей системой балловъ. Повидимому *nicht genügend* соответствуетъ баллу 2—такъ какъ по большей части одно *nicht genügend* изъ научныхъ предметовъ и лязговъ влечетъ за собою экзамень послѣ каникулъ, а два (иногда три) *nicht genügend*—оставленіе въ томъ же классѣ. Тогда *ganz ungenügend*=1, *genügend*=2¹/₂ или 3, *befriedigend*=3—3¹/₂, *lobenswerth*=4, *vorzüglich*=5.

Экзамены. Въ частныхъ заведеніяхъ, какъ лицей, не дающихъ часть сохх, отд. 3.

окончившимъ курсъ никакихъ правъ, нѣтъ ни переводныхъ, ни окончательныхъ экзаменовъ, а переводы изъ класса въ классъ и выдача аттестатовъ объ окончаніи курса производятся на основаніи семестровыхъ и годовыхъ отиѣтокъ и по рѣшенію конференціи. Въ правительственныхъ учительскихъ семинаріяхъ переходныхъ экзаменовъ также нѣтъ ¹⁾, а существуютъ лишь письменные и устные экзамены зрѣлости при окончаніи курса, да и то отъ устныхъ экзаменовъ по одному или всѣмъ предметамъ освобождаются ученицы, имѣвшія въ нихъ послѣдніе два года отиѣтку *lobenswerth*.

Противъ экзаменовъ высказывается прежде всего то, что усиленное къ нимъ приготовленіе вредно отражается на здоровьи воспитанницъ. Затѣмъ, успѣхъ или неуспѣхъ на экзаменахъ — дѣло очень часто случайное, а эта случайность можетъ неблагоприятно дѣйствовать на нравственное чувство молодежи, которая видитъ явную несправедливость въ томъ, что часто хорошо знающая и прилежная ученица ставится ниже другой, значительно хуже ея занимавшейся. При воспитаніи же дѣтей надо устранять по возможности всѣ поводы, могущіе дать ложное направленіе ихъ нравственному міру.

Если же смотрѣть на экзаменъ, какъ на провѣрку добросовѣстности и умѣнья преподавателя, то экзаменъ меньше всего долженъ служить основаніемъ для сужденія объ этомъ. Частое посѣщеніе классовъ начальствомъ, постоянное наблюденіе за ходомъ ученія — только это можетъ дать понятіе о личности преподавателя, объ его усердіи и умѣньи вести дѣло. Есть даже такая опасность: преподаватель, зная, что хорошее мнѣніе о немъ ставится въ сильной зависимости отъ успѣха учащихся на экзаменѣ, будетъ втеченіе года обращать вниманіе не столько на серьезное развитіе и сообщеніе необходимыхъ знаній учащимся, сколько спеціально на подготовку, такъ-сказать, на дрессировку ихъ для той цѣли, чтобы произвести лучшее впечатлѣніе на присутствующихъ при экзаменѣ. Наконецъ, если учитель сознаетъ, что экзаменъ учениць есть до нѣкоторой степени экзаменъ ему самому, то это сознаніе можетъ дѣйствовать отчасти унижающимъ образомъ на его нравственную личность; между тѣмъ, только тогда можетъ хорошо идти учебное дѣло, когда разъ избранному и назначенному для него лицу оказывается полное довѣріе и уваженіе.

¹⁾ Кроме экзаменовъ послѣ канникулъ изъ того предмета, въ которомъ годовая балль *nicht genügend*.

Признавая значительную долю справедливости въ этихъ мѣнѣяхъ австрійскихъ педагоговъ и учебнаго начальства, тѣмъ не менѣе я думаю, что можно привести нѣкоторые доводы и въ пользу существованія экзаменовъ. При усердномъ занятіи учащихся во все время года и при постоянномъ повтореніи прошлыхъ уроковъ, приготовленіе къ экзамену весьма облегчается и самый экзаменъ значительно теряетъ характеръ случайности. Чтобы еще болѣе облегчить экзаменъ, на немъ должно требовать не такого детальнаго знанія предмета, какое обязательно для отдѣльныхъ уроковъ, а ограничиваться важнѣйшими отдѣлами и въ болѣе общихъ чертахъ. Наконецъ, самое повтореніе къ экзамену не только даетъ учащимся возможность пополнить пробѣлы въ своихъ знаніяхъ, но также вызываетъ и упрочиваетъ въ нихъ умѣ общіе выводы и заключенія, благодаря сопоставленію въ короткій промежутокъ времени всего учебнаго матеріала.

Во всякомъ случаѣ вопросъ о пользѣ или вредѣ экзаменовъ далеко еще не рѣшенъ и допускаетъ весьма разнообразныя точки зрѣнія.

Отношенія между учащими и учащимися и классная дисциплина. Почти во всѣхъ заведеніяхъ,—преимущественно же, какъ я говорилъ, въ институтѣ для дочерей военныхъ и въ чешской школѣ,—особенно пріятное впечатлѣніе производитъ свободный и веселый видъ ученицъ, ихъ сердечное и искреннее отношеніе къ преподавателямъ и начальству, и въ то же время отличное поведеніе въ перемѣны, отсутствіе шума и разговоровъ на урокахъ. Видно, что весь школьный порядокъ основанъ не на формальной строгой дисциплинѣ, а вызванъ любовью къ дѣтямъ и преданностью къ дѣлу со стороны начальствующихъ и учащихся.

На одно только не обращается вниманія — это на постоянное подсказываніе отвѣчающимъ подругамъ. Преподаватели, повидимому, съ нимъ свыклись и почти никогда не дѣлаютъ замѣчаній. Подсказывать тѣмъ легче, что, за малыми исключеніями, ученицы постоянно имѣютъ у себя на столѣ открытыя учебники, справляются съ ними и весьма удобно помогаютъ сосѣдкамъ. Очень рѣдко кто изъ преподавателей требовалъ, чтобы при отвѣтѣ книги были спрятаны въ столѣ.

Перейду теперь къ программамъ и къ преподаванію отдѣльныхъ предметовъ, остававшаяся почти исключительно на лицейхъ. Учительскія семинаріи по своей программѣ и числу классовъ не имѣютъ сходства съ нашими среднеучебными заведеніями, и къ тому же для

правильнаго сужденія о нихъ необходимо быть хорошо знакомымъ съ подобными же учительскими семинаріями въ Россіи.

Учебныя программы лицеевъ, какъ это видно изъ предшествующаго ихъ обзорѣя, довольно равнообразны. Однако можно подмѣтить во всѣхъ ихъ общій характеръ, особенно если приглядываться къ тому, какъ эти программы выполняются на дѣлѣ.

Что нужно, чтобы дать молодежи общее образованіе? Съ одной стороны необходимо сообщить учащимся извѣстный запасъ знаній, съ другой — научить ихъ правильно и самостоятельно судить о вещахъ, то, что называется—развить ихъ умъ. Въ идеальной системѣ образованія обѣ стороны должны, конечно, гармонически соединяться. На практикѣ же, обыкновенно, отдается перевѣсъ или той или другой сторонѣ.

Здѣшнія заведенія грѣшатъ именно тѣмъ, что стараются сообщить учащимся возможно больше фактическихъ знаній о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, меньше обращая вниманіе на ихъ систематизацію и на развитіе самостоятельнаго мышленія. И такая система образованія, повидимому, вполне удовлетворяетъ общество. „Наши дочери должны получить въ школѣ запасъ всевозможныхъ знаній, чтобы онѣ могли потомъ понимать то, что говорится среди образованныхъ людей, и сами бы могли поддерживать серьезные разговоры въ обществѣ“—говорятъ богатые люди; „пусть наша дочь знаетъ все то, что ей впоследствии можетъ пригодиться при хозяйствѣ и обыденной жизни“, требуютъ менѣе зажиточные. Въ концѣ концовъ вся эта масса знаній, механически усвоенная, мало продуманная и не освѣщенная самостоятельнымъ мышленіемъ, приучаетъ къ поверхности сужденій и рано или поздно должна улечься въ головы или лежать въ нихъ бесполезнымъ балластомъ.

Конечно, увлеченіе этой крайностью образованія имѣетъ разные степени. Зависитъ это и отъ общаго направленія школы и отъ личности того или другаго преподавателя. Больше всего заслуживаетъ въ этомъ отношеніи упрека чешская высшая школа для дѣвушекъ. Цѣль, преслѣдуемая ею, ясно видна и изъ ея учебной программы, а также высказана въ брошюрѣ по случаю двадцатипятилѣтія ея существованія. Тамъ, между прочимъ, ставится такое опредѣленіе образованнаго человѣка: „образованнымъ человѣкомъ можетъ быть названъ тотъ, кто усвоилъ себѣ множество свѣдѣній изъ всѣхъ отраслей человѣческаго знанія, кому извѣстны результаты трудовъ лучшихъ ученыхъ, писателей и художниковъ всего образованнаго міра“.

Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ общемъ стремленіи въ здѣшнихъ школахъ, которое несомнѣнно заслуживаетъ полной похвалы. Весьма много стараній прилагается для развитія въ дѣвушкахъ эстетическаго вкуса. Не только очень почетное мѣсто занимаетъ рисованіе, но и на урокахъ другихъ предметовъ, особенно же исторіи, много времени удѣляется на ознакомленіе учащихъ и, по возможности, наглядно—съ произведеніями искусства прошлаго и настоящаго времени. Иногда—какъ въ чешской школѣ и лицей Ейтелесъ исторія искусствъ читается, какъ особый предметъ.

Остановлюсь теперь на преподаваніи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ предметовъ, на урокахъ которыхъ мнѣ приходилось чаще присутствовать.

Иностранныя языки. Въ Австріи положеніе учащихъ въ этомъ отношеніи легче, чѣмъ у насъ. Въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ обязательны и почти одинаково требуются два иностранные языка—нѣмецкій и французскій. Здѣсь же главное вниманіе обращено на французскій языкъ, англійскій поставленъ на второмъ планѣ, къ изученію его предъявляется меньше требованій и назначено для него значительно меньшее количество уроковъ ¹⁾.

Надо къ тому же замѣтить, что для природныхъ нѣмцевъ ²⁾, особенно когда они уже знакомы съ французскимъ языкомъ, несравненно легче научиться англійскому языку, какъ сродному съ тѣмъ и съ другимъ, чѣмъ намъ, родной языкъ которыхъ принадлежитъ къ совершенно другой группѣ.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ сказать, что собственно здѣсь изучается одинъ иностранный языкъ такъ старательно, какъ у насъ два.

Относительно опредѣленія цѣли, какую должно преслѣдовать преподаваніе французскаго языка, нинѣшнее время должно быть названо временемъ переходнымъ. До сихъ поръ на первое мѣсто ставилось изученіе грамматики—въ тѣхъ видахъ, чтобы французская грамматика развила въ дѣвочкахъ способность логической мысли, была бы для нихъ такой же „умственной гимнастикой“, кака я до- ставляется мальчикамъ грамматиками латинскою и греческою. Теперь

¹⁾ Въ чешской школѣ онъ совсѣмъ не обязательнъ, въ наемномъ для дочерей гражданскихъ чиновъ на него назначено въ трехъ старшихъ классахъ 7 уроковъ, въ лицейхъ также въ трехъ старшихъ классахъ—11 уроковъ, въ институтѣ для дочерей военныхъ онъ поставленъ лучше всего, но и то число уроковъ англійскаго (14) вдвое меньше числа уроковъ французскаго языка.

²⁾ А также и славянъ, которые съ дѣтства болѣе или менѣе усваиваютъ себѣ нѣмецкій языкъ—какъ, напримеръ, чехи.

большинство склоняется къ тому мнѣнію, что школа должна главнымъ образомъ практически научить французскому языку, изученіе же грамматики допускается лишь по столько, по сколько оно облегчаетъ практическое усвоеніе языка.

Какую сторону практическаго знанія языка должна имѣть въ виду школа, объ этомъ мнѣнія раздѣляются. Одни говорятъ, что задача изученія языка состоитъ въ томъ, чтобы сообщить учащимся умѣнье свободно и легко читать на чужомъ языкѣ и такимъ образомъ дать имъ возможность развивать свой умъ на произведеніяхъ иностранной литературы; другіе доказываютъ, что, какъ для общественной жизни, такъ и на тотъ случай, еслибы дѣвушкамъ пришлось впоследствии обучать и воспитывать своихъ и чужихъ дѣтей, нужно, чтобы она пріучилась бѣгло и правильно говорить по-французски.

Что первая задача можетъ быть достигнута школой, въ этомъ согласны всѣ. Но большинство не допускаетъ, чтобы вторая—то-есть умѣнье говорить по-французски—была взята на себя школой, если только дѣвушка съ дѣтства, или по крайней мѣрѣ, съ шести, семи лѣтъ, не говорили дома по-французски. Лучшіе результаты могутъ быть получены въ интернатахъ, но и здѣсь очень жалуются на трудность достиженія этой цѣли.

Математика. Уже нѣсколько лѣтъ назадъ совершилась перемѣна во взглядѣ на значеніе математики въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Прежде особенно ее выдвигали, какъ главное средство для развитія умственныхъ способностей. Въ настоящее время пришли къ тому заключенію, что и другія науки могутъ имѣть такое же развивающее значеніе, и что, особенно въ высшихъ своихъ частяхъ, математика не вполне доступна уму дѣвушекъ—по крайней мѣрѣ того возраста, въ которомъ онѣ посѣщаютъ школу; усвоенная же чисто механически, математика не способствуетъ, а препятствуетъ развитію ума. Поэтому теперь стремятся къ сокращенію числа уроковъ математики и объема изучаемаго матеріала.

Присутствуя на урокахъ математики, я имѣлъ случай замѣтить эту склонность дѣвушекъ только памятью усваивать способъ доказательства и рѣшенія задачъ. Далеко не всѣ учителя умѣютъ бороться съ этимъ недостаткомъ, который особенно обнаруживается при изученіи алгебры и отчасти геометріи.

Естественныя науки, какъ видно уже изъ программъ, весьма хорошо поставлены и преподаваніе совершенно правильно основано на наглядности и экспериментахъ. Надо замѣтить при этомъ, что

не столько обращается вниманія на отдѣлы, наиболѣе важныя теоретически, сколько на то, что имѣеть прикладное значеніе для обыденной жизни.

Географія. Кромѣ грацкаго лица, въ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ замѣчается общій недостатокъ—преобладаніе политической географіи надъ математической и фиванческой, да и политическая географія обращается очень часто въ сухую, лишь обременяющую память номенклатуру.

Исторія. Въ прошлыхъ судьбахъ и въ современномъ положеніи Австро-Венгрии заключаются извѣстныя особенности, благодаря которымъ преподаваніе исторіи не можетъ быть такъ правильно поставлено, какъ бы этого требовало ея значеніе, ея воспитательное и образовательное вліяніе. Россія, Германія, Франція, Англія, однимъ словомъ, каждое государство Европы создано трудами того народа, который въ нихъ теперь живетъ. Прошлая слава и униженіе, прошлое счастье и несчастье государства одинаково близки всѣмъ его гражданамъ. Австро-Венгрия имѣла и доселѣ имѣеть свою особенную судьбу и особенную задачу. Австро-Венгрия, прежде Австрія, Oesterreich, возникла изъ Ostmark—восточной марки, передоваго оплота и наступательной позиціи германизма. Распространеніе нѣмецкой культуры среди восточныхъ, не-нѣмецкихъ сосѣдей, постепенное претвореніе ихъ въ нѣмецкую національность—вотъ стремленіе, проходящее черезъ всю исторію Австріи, какъ правительства и государства. Но Австрія не успѣла окончательно разрѣшить своей задачи, какъ наступило пробужденіе не-нѣмецкихъ народностей Австріи. Настоящее время есть время переходное, время національной борьбы. И вотъ на важнѣйшіе вопросы австрійской исторіи существуютъ самыя противоположныя точки зрѣнія у правительства и у разнородныхъ національностей Австріи. То, что было полезно для нѣмцевъ, то считается вреднымъ для разныхъ славянъ, мадьяръ, румынъ, итальянцевъ. Чехи и нѣмцы, славяне, румыны и мадьяры, хорваты и сербы, румыны, поляки и русскіе, славяне и итальянцы, всѣ не-нѣмцы и нѣмцы, всѣ или нѣкоторые народности и правительство—взаимная противоположность этихъ элементовъ дѣлаетъ невозможнымъ безпристрастное и открытое обсужденіе важнѣйшихъ событій исторіи Австріи. Повсюду приходится лавировать, обходить подводныя скалы и часто ограничиваться изученіемъ голыхъ фактовъ, не вникая въ ихъ связь и значеніе.

Укажу еще на одну сторону дѣла. Не смотря на существующую

на бумагѣ свободу религиозныхъ вѣрованій и свободу мысли и слова, Австро-Венгрія, все-таки, страна, въ которой католицизмъ господствуетъ. Особенно въ послѣднія десять лѣтъ католическая клерикальная партія приобрѣла весьма сильное вліяніе. Составляя для высшаго министерства необходимую составную часть большинства въ парламентѣ, клерикалы искусно пользовались своимъ положеніемъ: Изъ боязни лишиться ихъ поддержки, министерство должно было дѣлать имъ значительныя уступки¹⁾. Съ особымъ вниманіемъ слѣдила клерикальная партія за образованіемъ юношества и, между прочимъ, за преподаваніемъ исторіи. Въ случаѣ болѣе свободнаго отношенія къ католицизму и папству въ той или другой школѣ, поднимался шумъ въ клерикальныхъ газетахъ, подавались жалобы въ министерство, чуть ли не доходило дѣло до запросовъ въ парламентѣ. Понятно, что самые важные вопросы исторіи Европы и особенно Австріи и по этой причинѣ также не могутъ обсуждаться серьезно и свободно, и, какъ бы безпристрастенъ ни былъ преподаватель, онъ, во избѣжаніе несприятностей для себя и для заведенія, долженъ быть весьма остороженъ при изученіи такихъ вопросовъ исторіи, какъ, напримеръ, возвышеніе папства, борьба его съ имперіей, великій расколъ, Янъ Гусъ, особенно же дѣятельность Лютера и реформація, іезуитскій орденъ, католическая реакція и т. д. Самое лучшее, что онъ можетъ сдѣлать,—ограничиться тоже изученіемъ лишь вишней политической исторіи.

Если такимъ образомъ положеніе преподаванія исторіи въ Австріи не особенно благоприятно относительно содержанія, то по меньшему объему матеріала, который обязаны усвоить себѣ учащіеся, изученіе исторіи можетъ здѣсь идти легче и успѣшнѣе.

Прежде всего учащіеся избавлены отъ исторіи Россіи. Судьбы ея до Петра Великаго совсѣмъ, конечно, неизвѣстны. Въ учебникахъ отведено на это отъ 2-хъ строчекъ до половины страницы. Въ періодъ съ Петра Великаго до новѣйшаго времени изучаютъ лишь тѣ моменты, гдѣ исторія Россіи переплеталась съ событіями въ западной Европѣ,—всего отъ 5 до 10 страницъ, рѣдко больше. Исторія Россіи вообще для западноевропейцевъ считается врядъ ли болѣе важнымъ, чѣмъ исторія Китая. Славяне не считаютъ возможнымъ въ этомъ отношеніи отступать отъ примѣра нѣмцевъ. Изъ исторіи славянъ кое-

¹⁾ Были, конечно, и другія обстоятельства, помогавшія клерикаламъ, но о нихъ здѣсь не имѣю распространяться.

что, хотя очень кратко, сообщается въ исторіи Австріи. Въ чешской школѣ, конечно, исторія Чехіи болѣе выдвинута и для нея назначено 3 урока въ V классѣ. Остается, такимъ образомъ, только исторія древняго міра и новой западной Европы (такъ называемая средняя, новая и новѣйшая исторія).

Древняя исторія у нихъ проходитъ довольно подробно. При этомъ имѣется въ виду, съ одной стороны, отчасти замѣнить ею то классическое образованіе, которое дается мальчикамъ въ гимназіяхъ, съ другой—на политической исторіи Греціи и Рима подготовить умъ учащихся къ пониманію политическихъ отношеній прошлой и современной Европы и нынѣшняго австрійскаго устройства. Все это, конечно, хорошо, но не надо забывать возраста ученицъ. Древняя исторія проходитъ въ младшихъ классахъ. Если мимическая и легендарная сторона ея можетъ быть интересна дѣтямъ, можетъ развивать въ нихъ художественный вкусъ и вліять на образованіе нравственныхъ идеаловъ, то подвержено сильному сомнѣнію, чтобы для ихъ ума была доступна внутренняя, политическая борьба народовъ чуждаго, далекаго отъ ихъ понятій міра. Прислушиваясь къ отвѣтамъ дѣвочки, я убѣдился, какъ всѣ эти часто мелкія подробности государственнаго устройства Спарты и Афинъ или борьба патриціевъ съ плебеями скучны, для ученицъ мало понятны и ложатся безплоднымъ бременемъ на ихъ память.

Исторія западной Европы въ полномъ смыслѣ этого слова здѣсь не проходится. Подробно изучается только исторія Германіи и Австро-Венгріи ¹⁾, изъ исторій же остальныхъ государствъ берутся большею частью лишь отдѣльные эпизоды, имѣвшіе болѣе близкое отношеніе къ Германіи и Австріи. Конечно, это отчасти оправдывается тѣмъ, что исторія западной Европы представляетъ общія черты развитія, отношенія разныхъ народовъ и государствъ такъ между собою переплетаются, что и такой способъ изученія даетъ общее понятіе объ европейской исторіи. Но есть здѣсь и невыгодная сторона: моменты внутренняго культурнаго развитія Европы представляются учащимся въ томъ видѣ, какъ они отражались въ Германіи. Объ отличіяхъ въ развитіи другихъ европейскихъ народовъ, о вкладкахъ ихъ въ общевропейскую культуру знаютъ весьма мало, и, такимъ образомъ, составляется ложное понятіе вообще о характерѣ европейской культуры. Не даромъ же нѣмецкіе ученые часто называютъ инавовро-

¹⁾ Но и то періодъ послѣ 1815 года представляется лишь въ краткомъ обзорѣ.

пейскую семью народовъ индогерманской семьей, недаромъ въ общемъ употребленіи названіе „великая германская культура“.

Въ общемъ такимъ образомъ фактическій матеріалъ, который должны себѣ усвоить учащіеся, гораздо меньше по объему, чѣмъ тотъ, который, при самомъ наибольшомъ сокращеніи исторіи западной Европы, обязательно долженъ быть пройденъ въ нашихъ среднихъ школахъ. Между тѣмъ количество часовъ, назначенныхъ на исторію въ здѣшнихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, или такое же, или только немного меньше, чѣмъ у насъ: въ пражской школѣ всего дано 11 часовъ, въ остальныхъ лицейхъ по 12. Въ мужскихъ заведеніяхъ еще больше уроковъ исторіи—въ классическихъ гимназіяхъ посвящено исторіи 18 часовъ, въ реальныхъ—15.

Распределеніе матеріала по классамъ нѣтъ показалось весьма страннымъ. вмѣсто обычнаго принятаго раздѣленія исторіи на древнюю, среднюю и новую, здѣсь соединяется вмѣстѣ разнородное и разрывается то, что внутренне связано между собою. Особенно это относится къ средней и новой исторіи. Исторія среднихъ вѣковъ раздѣлена на двѣ части: 1-я часть кончается или Верденскимъ договоромъ, или вступленіемъ на престолъ франконской династіи, или же избираемъ Рудольфа Габсбургскаго. Эта часть проходится или отдѣльно или въ одинъ годъ съ исторіей Рима. Другая часть средней исторіи всегда присоединяется къ первой половинѣ новой, заканчивающейся или началомъ тридцатилѣтней войны, или вестфальскимъ миромъ, или вступленіемъ на престолъ Маріи Терезы.

Конечно, можно отчасти объяснить выборъ указанныхъ эпохъ ихъ значеніемъ для исторіи Австріи или Германіи. Но произвольнымъ раздѣленіемъ на періоды по событіямъ внѣшней исторіи совершенно затмевается внутренней ходъ развитія Европы.

Что касается приемовъ преподаванія, то тутъ, конечно, главную роль играетъ личность учителя, его способности, его педагогическій тактъ, и, поэтому, въ этихъ приемахъ можетъ быть значительное разнообразіе. Новаго, конечно, для насъ вѣтъ ничего.

Несомнѣнно, при изученіи исторіи необходимо какъ можно чаще заставлять учащихся повторять усвоенный уже матеріалъ. Въ инструкціяхъ министерства и объяснительныхъ запискахъ къ учебнымъ планамъ настоятельно указывается важность общихъ повтореній по окончаніи болѣе крупныхъ отдѣловъ. Это соблюдается преподавателями, но я, къ сожалѣнію, весьма рѣдко замѣчалъ, чтобы преподаватели въ каждый отдѣльный часъ непременно спрашивали,

кромя новаго урока, еще кое-что изъ предшествующихъ, между тѣмъ безъ этого постоянного повторенія въ классѣ и дома весьма трудно надолго закрѣпить выученное въ памяти учащихся.

Относительно младшихъ классовъ здѣсь обыченъ весьма полезный приемъ: вновь разказанный урокъ тутъ же въ классѣ повторяется по частямъ ученицами и въ концѣ часа еще разъ въ общихъ чертахъ и въ сжатомъ видѣ резюмируется преподавателемъ. Это, конечно, должно чрезвычайно облегчать домашнее приготовленіе уроковъ.

Остается мнѣ сказать еще объ учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ.

Учебниковъ, составленныхъ специально для лицеевъ, нѣтъ. Употребляютъ въ нихъ большею частью учебники, предназначенные для учительскихъ семинарій, иногда же учебники для низшихъ и высшихъ классовъ мужскихъ гимназій. Болѣе всего распространены учебники Ганнака (Всеобщая исторія и отечественныя ¹⁾)—для учительскихъ семинарій), затѣмъ его же—для низшихъ и высшихъ классовъ мужскихъ среднеучебныхъ заведеній; кромѣ ихъ употребляютъ учебники Гиндели, Эрнста, Штаке, Тупеца. Для чешской исторіи въ чешской высшей школѣ введена Исторія чешскаго королевства Томка.

Нѣкоторыя особенности учебниковъ заслуживаютъ полнаго вниманія. Прежде всего составители учебниковъ по возможности избѣгаютъ риторическихъ украшеній и фразъ, бесодержательныхъ опредѣленій, которыя въ сущности нисколько не оживляютъ разказа и не даютъ никакого нагляднаго понятія о личностяхъ и событіяхъ. Во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ учебникахъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ указаны пособія и источники, въ которыхъ можно почерпнуть болѣе подробныя свѣдѣнія по тому или другому вопросу. Источники и пособія цитируются по болѣе доступнымъ изданіямъ и, конечно, если они написаны на чужомъ языкѣ, то въ нѣмецкихъ переводахъ. Такимъ образомъ возбуждается самодѣятельность учащихся и облегчается задача преподавателя. Въ-третьихъ, вездѣ отчетливо обозначено точными заглавіями расчлененіе учебнаго матеріала на главныя и второстепенныя части, и эта систематичность помогаетъ учащимся ориентироваться и облегчаетъ имъ запоминаніе послѣдовательности событій. Въ-четвертыхъ, при каждомъ вновь встрѣчающемся иностранномъ словѣ указано его произношеніе и удареніе. Наконецъ, въ-пятыхъ, большинство учебниковъ снабжено рисунками въ

¹⁾ Oesterreichische Vaterlandskunde. Подъ этимъ названіемъ понимается очеркъ исторіи Австро-Венгріи, ея географія и статистика.

текстѣ, изображающими памятники искусства, одежды, жилища и т. п. Исполнены рисунки, не смотря на свою малую величину, почти всегда очень отчетливо, даже художественно и близко къ оригиналу. Безъ этихъ качествъ, конечно, такіе рисунки имѣли бы весьма мало значенія.

Въ общемъ однако, что касается текста учебниковъ, большинство изъ нихъ далеко не могутъ быть названы удовлетворительными и, какъ часто случается, именно наиболѣе распространенный учебникъ болѣе изобилуетъ и недостатками. Написаны они крайне сухо, сообщаютъ факты лишь въ хронологической послѣдовательности, мало обращая вниманіе на ихъ причинную связь и внутреннее значеніе. При этомъ учебники изобилуютъ массой личныхъ и географическихъ названій, совсѣмъ лишнихъ и о которыхъ, кромѣ имени, учащіяся больше въ учебникѣ ничего не находятъ; много также мелкихъ малозначущихъ фактовъ. Политическая исторія почти исключительно преобладаетъ. Хотя внутренняя жизнь народовъ и не оставляется совсѣмъ безъ вниманія, но очень часто о ней сообщаются свѣдѣнія въ самой общей формѣ, лишенной опредѣленнаго содержанія. Какое, напримѣръ, понятіе будетъ имѣть ученица о религіи персовъ, прочтя слѣдующее опредѣленіе (въ учебникѣ Ганнака): „Персы имѣли религію Зороастра, съ которой соединились религіозныя воззрѣнія прежней религіи мидявъ, жрецы которыхъ назывались магами. Это имя перешло и на жрецовъ новой религіи“. Я могъ бы привести весьма много такихъ примѣровъ.

Конечно, на недостаткахъ учебниковъ отразились отчасти общія причины, неблагопріятствующія положенію исторіи въ австрійскихъ школахъ. Но значительная доля недостатковъ обязана своимъ происхожденіемъ самимъ авторамъ учебниковъ. Доказательство отъ противнаго представляетъ, между прочимъ, вышедшій въ прошломъ году учебникъ всеобщей исторіи г. Тунеца. Живыя характеристики лицъ и эпохъ, серьезное вниманіе къ внутренней жизни народовъ, оцѣнка значенія и связи событій составляютъ существенное достоинство книги. Между прочимъ, авторъ прямо поставилъ себѣ правиломъ никогда не упоминать чьего-нибудь имени, если нѣтъ мѣста хоть до нѣкоторой степени характеризовать это лицо. Выпущено имъ также много менѣе важныхъ хронологическихъ данныхъ и мелкихъ фактовъ вѣдшей жизни народовъ. Многіе отдѣлы изъ древней и средней исторіи превосходно написаны и могли бы оказать полезное вліяніе на наши учебники. Книга заключаетъ въ себѣ 108 прекрасныхъ рисунковъ и 11 историческихъ картъ. Напечатана книга на хорошей бумагѣ и

стоитъ весьма дешево: за 284 страницы всего 1 г. 20 кр.,—значить, меньше одного рубля ¹⁾).

Что касается учебныхъ пособій, то ихъ, конечно, великое множество. Для чтенія учащихся, кромѣ общихъ историческихъ сочиненій въ родѣ Шлоссера, Вебера, Губера, существуютъ разныя историческія хрестоматіи, романы, повѣсти и разказы для молодежи разныхъ возрастовъ, сборники стихотвореній, относящихся къ австрійской исторіи; большинство, впрочемъ, такихъ книгъ составлено не въ Австріи, а въ Германіи. Объ этого рода пособіяхъ я говорить, конечно, не буду, такъ какъ въ большинствѣ они не имѣютъ значенія для насъ русскихъ. Видно, все-таки, какъ заботятся о доставленіи учащимся возможности пополнить и оживить уроки исторіи, была бы лишь охота и время.

Гораздо интереснѣе наглядныя пособія, знакомящія съ памятниками искусства и съ высшимъ бытомъ народовъ. Кромѣ большихъ иллюстрированныхъ всеобщихъ исторій, существуютъ разныя болѣе или менѣе дорогія изданія, вообще отлично исполненныя, специально посвященныя костюмамъ или памятникамъ искусства. Нѣкоторыя изъ нихъ прямо назначены для школьныхъ потребностей, какъ напримѣръ, извѣстныя у насъ картины Лангла (по 2 г. картина); München, Bilderbogen zur Geschichte der Costüme (9 г. 30 кр.). Послѣдніе немного грубо исполнены, но даютъ все-таки отчетливое понятіе о костюмахъ разныхъ временъ и народовъ; Lübke und Lüt-zow, Denkmäler der Kunst (18 г. и 24 г.) съ прекрасными, но немного мелкими рисунками; Kulturhistorische Bilderbogen, изданіе Зеemannомъ, — тоже памятники искусства (дешевое изданіе 9 г., болѣе полное и дорогое I и II ч. 16 г. 50 кр. и 3 части дополненій—22 г. 50 кр.; каждую часть можно покупать и отдѣльно). Weissner, Bilder-Atlas zur Weltgeschichte — памятники искусства, портреты историческихъ лицъ и костюмы (также два изданія; болѣе дорогое, кажется, 18 г.). Pöschel, портреты государей изъ дома Габсбурговъ. Кромѣ портретовъ государей—все остальное издано въ Германіи.

Весьма, конечно, желательно, чтобы, для библиотекъ и нашихъ учебныхъ заведеній были приобретаемы хотя нѣкоторыя изъ вышеуказанныхъ пособій.

¹⁾ Впрочемъ, вообще всѣ учебники дешевы.

Другія, болѣе роскошныя изданія по своей цѣнѣ не могутъ быть доступны школамъ, да не для нихъ и предназначены. Но и ими преподаватели пользуются, если имѣютъ случай ихъ приобрести или получать на время. Изъ нихъ мнѣ удалось просмотрѣть: Hottenroth, Trachten, Haus-Feld-und Kriegsgerätschaften der Völker alter und neuer Zeit (1-й томъ 34 г. 20 кр.); Falke, Hellas und Rom (42 г.); Langl und Lützow, Griechische Götter-und-Helden-Gestalten (34 г.); Racinet, Le costume historique (два изданія: 300 г. и 144 г.).

Этимъ я закончу свое обзорѣніе женскихъ среднѣучебныхъ заведеній Цислейтаніи.

А. Петровъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ МОСКОВСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1889 ГОДУ ¹⁾.

Въ минувшемъ году исполнилось двадцать-пять лѣтъ со времени основанія Московскаго Археологическаго Общества. Торжественное празднованіе этого событія было соединено съ восьмимъ археологическимъ съѣздомъ, состоявшимся въ Москвѣ въ январѣ текущаго года, причѣмъ юбилейное засѣданіе 8-го января почтилъ своимъ присутствіемъ почетный членъ Общества Его Императорское Высочество великій князь Сергій Александровичъ, возвѣстившій милостивыя слова Государя Императора, Августѣйшаго Покровителя Общества. Въ засѣданіи этомъ представители всѣхъ ученыхъ учрежденій въ Россіи, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, привѣтствовали Общество съ двадцатипятилѣтіемъ его плодотворной дѣятельности. Весьма интересный обзоръ сей послѣдней изданъ Обществомъ ко дню празднованія юбилея въ видѣ „Исторической записки“, которая, кромѣ того, содержитъ въ себѣ некрологи всѣхъ почившихъ членовъ и во главѣ ихъ основателя Общества графа А. С. Уварова.

Но еще прежде этого торжественнаго юбилейнаго праздника члены Московскаго Археологическаго Общества пожалали поминуть его основаніе въ своемъ тѣсномъ кругу. Это скромное поминаніе, имѣвшее чисто семейный характеръ, состоялось въ засѣданіи 17-го

¹⁾ Извлечено изъ отчета Общества, составленнаго секретаремъ его В. К. Трутовскимъ.

февраля 1889 года, ровно черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ того, какъ въ квартирѣ покойнаго графа А. С. Уварова нѣсколько любителей старины, 14 человекъ, впервые сошлись для обсуждения программы дѣятельности проектированнаго Общества.

Дальнѣйшая дѣятельность Общества въ теченіе минувшаго года была сосредоточена главнымъ образомъ на приготовительныхъ работахъ къ предстоявшему восьмому археологическому съѣзду и на собраніи памятниковъ древности для соединенной со съѣздомъ археологической выставки. Живое ободреніе своимъ трудамъ Общество имѣло счастье видѣть въ томъ милостивомъ вниманіи, которое неоднократно было оказываемо ему Государемъ Императоромъ. Въ минувшемъ году Августѣйшій Покровитель Общества Всемилооставѣйше соизволялъ пожаловать ему изъ собственныхъ суммъ тысячу рублей на изданіе „Трудовъ Ярославскаго археологическаго съѣзда“, выразить согласіе на принятіе Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ званія почетныхъ членовъ и удостоить Общество своей Монаршей благодарности за поднесенныя Его Величеству изданія. Крімъ того, въ минувшемъ году состоялось Высочайшее утвержденіе проектированныхъ Обществомъ измѣненій въ правилахъ объ административно-хозяйственномъ управленіи Ростовскимъ кремлемъ. Отнынѣ для сей цѣли образована особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ епископа Угличскаго, викарія Ярославской епархіи.

Въ минувшемъ году лишь нѣкоторые изъ членовъ Общества производили археологическія разысканія въ различныхъ мѣстностяхъ. Такъ, на Кавказѣ А. И. Стояновъ занимался раскопками въ с. Вани, близъ Бутаиса, а В. Д. Тимошеевъ—по Терской области и Осетіи; А. А. Сплицынъ продолжалъ свои изслѣдованія Вятскаго края, начатыя имъ на Высочайше дарованныя средства; подробный и обширный отчетъ объ этихъ работахъ уже полученъ въ Обществѣ и составить одинъ изъ ближайшихъ выпусковъ „Матеріаловъ по археологіи восточныхъ губерній Европейской Россіи“; Н. Г. Первухинъ, заканчивалъ изслѣдованіе Глазовскаго уѣзда, Вятской губерніи, отчетъ о которомъ онъ и представилъ Обществу не задолго до своей кончины; Ѳ. А. Теплоуховъ занимался изученіемъ древностей Пермскаго края; А. А. Ивановскій продолжалъ свои изслѣдованія въ Тарбагатайской области, а Н. М. Ядринцевъ—въ Монголіи; въ Западномъ краѣ работалъ надъ изученіемъ витебской старины

Е. Р. Романовъ; В. Н. Ястребовъ продолжалъ археологическія разысканія въ Херсонской губерніи, а въ центральной Россіи производили археологическія экскурсіи: а) въ Московской губерніи: В. Θ. Миллеръ — въ с. Троицкое-Кайнарджи, Московскаго уѣзда, Н. Ю. Зографъ — въ Рузскомъ уѣздѣ, и В. И. Сизовъ — въ Московскомъ уѣздѣ и с. Дьяковѣ, и б) въ Калужской губерніи г. Комаровъ — по Тарусскому уѣзду. Отчеты о всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ получены, и уже были доложены частью въ засѣданіяхъ Общества, частью же на сѣздахъ.

Внутренняя дѣятельность Общества за отчетный годъ выразилась, кромѣ работъ предварительнаго комитета восьмага сѣзда, еще въ трудахъ двухъ состоящихъ при Обществѣ специальныхъ комиссій.

Первая изъ нихъ, Восточная, имѣла въ истекшемъ году восемь засѣданій, которыя были посвящены разсмотрѣнію и обсужденію слѣдующихъ докладовъ: Н. И. Веселовскаго — о происхожденіи названія „Арбатъ“; В. А. Грингута — о фонетикѣ египетскаго, преимущественно коптскаго языка; Х. И. Кучукъ-Иоаннесова — объ армянскихъ надписяхъ и рукописяхъ, недавно найденныхъ на Кавказѣ, по снимкамъ гр. П. С. Уваровой; В. Θ. Миллера — о вновь открытомъ сарматскомъ богѣ; М. В. Никольскаго — о вновь присланныхъ въ Общество Θ. В. Подрковымъ надгробныхъ камняхъ изъ Семирѣченской области; его же — о новооткрытыхъ вавилонскихъ рѣзныхъ цилиндрахъ; его же — по вопросу о суммерскомъ языкѣ; С. С. Слуцкаго — объ употребленіи нѣкоторыхъ предлоговъ и парѣчій въ новозавѣтномъ Пешито; М. В. Рябниина — о Калилѣ и Димилѣ, ея происхожденіи и исторіи; его же — о нѣкоторыхъ произведеніяхъ народной литературы Египта; И. И. Соловейчика — о надписи Меша; В. К. Трутовскаго — о надгробныхъ надписяхъ въ Касимовской тѣнѣ по новымъ снимкамъ; Г. А. Халатова — объ ученыхъ заслугахъ покойнаго К. П. Патканова; Г. Е. Церетели — о надписяхъ Гелатскаго монастыря; барона Р. Р. Штакельберга — о нѣкоторыхъ персидскихъ словахъ въ осетинскомъ языкѣ, и Н. М. Ядринцева — объ археологическихъ результатахъ его экспедиціи въ Монголію.

Въ 1889 году былъ изданъ, подъ редакціей М. В. Никольскаго, 1-й выпускъ I тома трудовъ Восточной комиссіи, подъ заглавіемъ Древности восточныя; онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: Θ. Е. Корша — о турецкомъ языкѣ семирѣченскихъ надгробныхъ надписей; М. В. Никольскаго — халдейскій языкъ эпохи Гудевъ; его же — о сомнительныхъ древностяхъ изъ Месопотаміи; И. И. Со-

ловейчика — о вновь открытой еврейско-вавилонской азбукѣ; С. С. Слудцаго — Семирѣченскія историческія надписи, в В. К. Трутовскаго — Гумитанъ Золотой орды; кромѣ того, тамъ же напечатаны правила комиссіи и протоколы ея засѣданій по 9-е октября 1888 года, съ приложеніемъ мелкихъ статей М. О. Аттая, В. А. Григмута, В. М. Истрива, Х. И. Кучукъ-Юаннесова, Ф. Е. Корша, В. Ф. Миллера, Г. А. Муркоса, М. В. Никольскаго, А. С. Павлова, И. И. Соловейчика, В. Е. Трутовскаго, А. С. Хаханова и И. Н. Холмогорова, а въ приложеніи помѣщенъ особый доклад комиссіи объ учрежденіи русскаго археологическаго института въ Константинополѣ.

Не менѣе дѣятельно работала и другая состоящая при Обществѣ комиссія — по сохраненію древнихъ памятниковъ, и притомъ не только по перестройкѣ и исправленію ихъ, но и по охраненію ихъ отъ уничтоженія. Въ сожалѣнію, предсѣдатель комиссіи почетный членъ Общества В. Е. Румянцевъ, вслѣдствіе серьезной болѣзни, и секретарь ея Н. В. Никитинъ, вслѣдствіе обстоятельствъ, отъ Общества не зависѣвшихъ, не могли посѣщать ея засѣданій, вслѣдствіе чего протоколы комиссіи составлялись главнымъ образомъ предсѣдателемъ Общества; кромѣ того, г. Никитинъ сложилъ съ себя обязанности члена-наблюдателя за реставраціей Владимірскаго Успенскаго собора, вслѣдствіе чего трудъ наблюденія всецѣло палъ на И. Е. Забѣлина. Не смотря, однако, на такіа неблагопріятныя условія, комиссія имѣла въ отчетномъ году 12 засѣданій, въ которыхъ было рассмотрѣно болѣе 30 вопросовъ по сохраненію памятниковъ.

Главный предметъ, которому было посвящено большинство засѣданій этой комиссіи, составляло продолженіе реставраціи Успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ. Въ 1889 году пришлось коснуться существеннѣйшаго вопроса — о покрытіи собора. Мнѣнія членовъ комиссіи по этому вопросу раздѣлялись: одни находили необходимымъ сдѣлать покрытіе по фронтонамъ, другіе — по кружаламъ. Въ теченіе весны и лѣта 1889 года были посланы Обществомъ спеціальныя комиссіи для осмотра сохранившихся въ соборѣ слѣдовъ покрытія, для снятія съ нихъ фотографій, для обмѣра ихъ и для ознакомленія съ системами покрытія другихъ древнихъ памятниковъ Владимірскаго края, какъ, напримѣръ, Дмитровскаго собора во Владимірѣ, церкви св. Бориса и Глѣба въ Кидекшѣ и т. д., вѣтѣмъ этотъ вопросъ подвергался долгимъ и обстоятельнымъ обсужденіямъ въ засѣданіяхъ Об-

щества и комиссиі. Большинство членовъ комиссиі склонилось къ покрытію по кружаламъ. Это рѣшеніе было сообщено Владимірскому епархіальному и соборному духовенству и строительному комитету собора, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что Общество можетъ разрѣшить приступать къ работамъ по покрытію лишь по разсмотрѣніи и утвержденіи имъ детальныхъ его чертежей, рисунковъ и плановъ. Кромѣ этихъ работъ, въ томъ же соборѣ были разрѣшены покрытіе главъ его по представленнымъ рисункамъ и помѣщеніе подзоровъ. Что же касается до другихъ украшеній собора, проектированныхъ строительнымъ комитетомъ въ видѣ крестовъ, вазъ, птицъ, фигуръ, вѣтриль и т. п., то Общество категорически отказало въ разрѣшеніи помѣстить ихъ.

Изъ остальныхъ вопросовъ, обсуждавшихся тою же комиссіей, можно отмѣтить слѣдующее:

1) Согласно ходатайству старосты Московскаго Архангельскаго собора, въ Кремлѣ, членами комиссиі: графиней П. С. Уваровой, И. Е. Забѣлинымъ, А. М. Павлиновымъ и В. И. Сизовымъ былъ произведенъ осмотръ этого собора и составленъ актъ, на основаніи котораго найдено возможнымъ дозволить: произвести очистку позолоты средней главы, перекрыть малыя главы бѣлымъ желѣзомъ, исправить подзоры, а если окажется необходимымъ, то исправить стропила и самую крышу, исправить желоба, цоколь, пояски и карнизы вокругъ собора, строго сохраняя притомъ древніе шаблоны, очистить каменные рельефныя украшенія и замѣнить нѣкоторые испорченныя новыми. Всѣ эти исправленія должны производиться подъ руководствомъ и наблюденіемъ члена комиссиі, архитектора А. М. Павлинова.

2) Узнавъ о плачевномъ состояніи Покровскаго, Василія Блаженнаго, собора, Московское Археологическое Общество свеслось съ мѣстнымъ старостой и просило его изыскать денежныя средства для производства обмѣровъ, изготовленія плановъ храма и тщательнаго осмотра его, съ цѣлью окончательнаго выясненія всѣхъ его поврежденій. Староста, г. Мошквинъ, отнесся къ предложенію Общества крайне сочувственно, и вынѣ А. М. Павлиновъ занялъ составленіемъ вышеупомянутыхъ плановъ и обмѣровъ, а нѣкоторыя частичныя работы, какъ закрѣпленіе трещинъ въ разницѣ, уже сдѣланы.

3) Въ нѣкоторыхъ московскихъ и подмосковныхъ церквахъ разрѣшены слѣдующія работы: а) по ходатайству прѣосвященнаго Виссаріона, епископа Дмитровскаго, замѣна древняго чугуннаго пола

деревяннымъ въ Боговляенскомъ монастырѣ; б) разборка ветхой деревянной церкви въ селѣ Носовѣ, Звенигородскаго уѣзда, вслѣдствіе перевода причта въ с. Шараново и вывоза всѣхъ церковныхъ принадлежностей, такъ что оставался лишь крыльцо съ изображеніемъ Сивилль, нынѣ перенесенный въ Историческій музей; в) исправленія въ церкви Ржевской Возней Матери, что у Пречистенскихъ воротъ; г) перестройка ветхой часовни близъ Рогожской заставы, принадлежащей Спасо-Андроніевскому монастырю, согласно докладу А. М. Павлинова; д) перестройки въ Никитскомъ храмѣ Никитскаго женскаго монастыря, заключающіяся въ подведеніи подъ углы и частью подъ стѣны новаго фундамента на порландскомъ цементѣ, въ заложениі новыхъ связей и въ залитіи трещинъ краснымъ кирпичемъ на порландскомъ же цементѣ,—на основаніи доклада и чертежей работъ члена Общества архитектора Н. В. Султанова, который и производилъ эти работы; е) пристройка въ церкви с. Якшина, Похояскаго уѣзда, XVII вѣка, для расширенія ея и сооруженіе заново ея колокольни въ прежнемъ видѣ.

4) Императорская археологическая коммисія сообщила Обществу прошеніе причта и старосты Преображенскаго собора въ городѣ Переславль-Залѣсскомъ, Владимирской губерніи, касательно предлагаемой полной реставраціи собора, должествовавшей, по мнѣнію причта, состоять въ замѣнѣ ветхаго иконостаса новымъ, въ разборѣ закладокъ оконъ и дверей, въ перестилкѣ пола, въ оштукатуркѣ внутреннихъ стѣнъ, въ измѣненіи покрытія главнаго купола, въ устройствѣ новаго покрытія храма, въ производствѣ раскопокъ вокругъ храма, въ возведеніи ограды вокругъ него и въ разслѣдованіи мѣстъ погребеній князей, покоившихся въ этомъ храмѣ. Причтъ просилъ, сверхъ того, о составленіи рисунковъ и смѣтъ и о назначеніи лица, которое приняло бы на себя завѣдываніе перестройкой, причемъ высказывалъ надежду, что просьба его будетъ удовлетворена лѣтомъ 1889 года. Коммисія по сохраненію древнихъ памятниковъ не признала возможнымъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ важность предполагаемыхъ перестроекъ не согласуется съ тою поспѣшностью, какая желательна причту.

5) Получивъ свѣдѣнія, что древній храмъ Пресвятой Богородицы, XII вѣка, находящійся въ Окоинскомъ ущельи, въ с. Тичьѣ, Горійскаго уѣзда, требуетъ немедленнаго исправленія и возобновленія, Общество обратило на этотъ предметъ вниманіе экзарха Грузіи высокопреосвященнаго Палладія. Ходатайство Общества о поддер-

жаніи этого памятника уѣднчалось полнымъ успѣхомъ; высокопреосвященнымъ Палладіемъ отпущено было 300 руб. на немедленное исправленіе крыши храма, а затѣмъ приступлено къ сбору пожертвованій для дальнѣйшихъ исправленій, которыя положено производить подъ надзоромъ особаго комитета, при участіи мѣстнаго благочиннаго.

6) По просьбѣ высокопреосвященнаго Палладія, для предположенныхъ имъ исправленій въ Мидетскомъ соборѣ, Обществомъ были высланы ему мѣнія о реставраціи этого собора членовъ Общества А. М. Павлинова и Н. В. Никитина, ознакомившихся съ соборомъ во время своихъ поѣздокъ на Кавказъ.

7) Разсмотрѣвъ просьбу Ярославской духовной консисторіи о разрѣшеніи расширить западную паперть и передѣлать покрытіе южнаго придѣла Ярославскаго кафедральнаго собора по проектамъ архитектора Маасса, коммиссія не нашла возможнымъ разрѣшать предполагаемыя передѣлки, какъ не подходящія къ характеру архитектуры собора.

8) Увѣдомившись, что духовенство Свято-Духовской церкви въ Ярославѣ производитъ перекрытіе ея, замѣняя прекрасную старинную черепицу жстью, Общество приняло мѣры къ тому, чтобы передѣлка эта была прекращена.

9) Вслѣдствіе просьбы Ярославской духовной консисторіи о разрѣшеніи капитальныхъ перестроекъ въ Ярославской Срѣтенской церкви, Общество, на основаніи доклада архитектора А. Л. Обера, производившаго осмотръ церкви, разрѣшило уничтожить нынѣ существующую колокольню и замѣнить ее новою, съ устройствомъ новой трапезы ббльшихъ размѣровъ.

10) Калужская духовная консисторія сообщила Обществу просьбу старосты и причта Згомоніевской церкви, Медынскаго уѣзда, о капитальныхъ перестройкахъ въ этой церкви. Разсмотрѣвъ историческую записку объ этомъ храмѣ и проекты передѣлокъ, Общество отказало въ ихъ разрѣшеніи въ виду того, что предполагаемыя перестройки совершенно исказили бы этотъ древній храмъ.

Засѣданій Общества въ теченіе 1889 года было 19, въ томъ числѣ 1 годичное, 8 обыкновенныхъ и 10 распорядительныхъ.

Въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ были прочтаны слѣдующіе доклады: Его Императорскаго Высочества великаго князя Сергія Александровича—о раскопкахъ въ Московской губерніи въ 1889 г.; М. В. Веневитинова—по поводу пятисотлѣтія перваго путешествія по Дону (ходженіе митрополита Пимена); А. А. Ивановскаго—археологическія

наблюденія въ Тарбагатайской области; Н. Ю. Зографа — о раскопках кургановъ въ Рузскомъ уѣздѣ Московской губерніи; И. И. Козловскаго — объ архивскомъ спискѣ „Слова о полку Игоревѣ“ и объ одной осской надписи въ Помпеяхъ; О. Е. Клера и К. И. Фаддѣева — о гончарномъ производствѣ доисторическаго человѣка у деревни Палкиной, Пермской губерніи; В. Ф. Миллера — о раскопкахъ въ Московской губерніи и о нѣкоторыхъ кавказскихъ могильныхъ памятникахъ, хранящихся въ Историческомъ музеѣ; А. М. Павлинова — о церквяхъ Кавказа; В. И. Сивова — о коллекціи Попова, представленной на выставку восьмага археологическаго съѣзда изъ Донской области; С. С. Слудскаго — некрологъ И. И. Козловскаго; М. Н. Сперанскаго — объ апокрифическихъ дѣяніяхъ апостола Андрея; графини П. С. Уваровой — о древнихъ могильникахъ и курганахъ Кавказа, и о глѣтней дѣятельности Общества; И. В. Цвѣтаева — о нѣкоторыхъ новѣйшихъ опредѣленіяхъ въ исторіи античнаго искусства; Н. А. Янчука — о древностяхъ Подляся.

Въ составѣ должностныхъ лицъ Общества за истекшій годъ не произошло никакихъ перемѣнъ; въ составѣ же членовъ Общества совершились слѣдующія измѣненія: кромѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича и великаго князя Михаила Николаевича, съ Высочайшаго соизволенія принявшихъ званія почетныхъ членовъ Общества, былъ призванъ почетнымъ его членомъ вице-президентъ Одесскаго Общества исторіи и древностей В. Н. Юргевичъ — во вниманіе къ его многолѣтней и плодотворной дѣятельности по Одесскому Обществу, въ минушемъ году справлявшему свой пятидесятилѣтній юбилей, и въ уваженіе къ его многочисленнымъ и цѣннымъ трудамъ въ области изученія классическихъ древностей южной Россіи. Въ дѣйствительные члены были избраны, изъ членовъ-корреспондентовъ и вновь, слѣдующія 17 лицъ: Д. И. Багалій, В. И. Герье, Н. Д. Гондатти, И. И. Дубасовъ, Н. Ю. Зографъ, А. И. Кирпичниковъ, П. Н. Милоковъ, В. М. Михайловскій, Ф. В. Полярковъ, Н. П. Павтусовъ, князь П. А. Путятинъ, баронъ В. Р. Розенъ, А. М. Сементовскій-Курилло, И. Н. Смирновъ, К. П. Яновскій, Н. А. Янчукъ и В. Н. Ястребовъ. Въ члены-корреспонденты избраны: А. А. Браунеръ, П. Н. Кречетовъ, священникъ В. Никифоровъ, М. В. Рабинъ, М. Н. Сперанскій, В. Н. Сторожевъ и Г. А. Халатовъ: въ иностранные члены — баронъ L де-Ве (baron J. de-We) въ Парижѣ. За то же время Общество повесело утраты въ лицѣ слѣдующихъ своихъ членовъ: Д. З. Бакрадзе, Д. А. Булатова, И. И.

Козловскаго, В. И. Лѣтвяцина, М. П. Пуцалло, П. Д. Шестакова, В. Н. Шипонка, Н. Г. Первухина, а изъ иностранныхъ членовъ—Фердинанда Пипера и И. Кукулевича-Савцинскаго.

Минувшій годъ былъ особенно богатъ изданіями Общества. Такъ, подъ редакціей графини П. С. Уваровой, вышли въ свѣтъ слѣдующія изданія: 1) первый томъ „Трудовъ VII Ярославскаго съѣзда“ въ 40 печатныхъ листовъ; 2) II-й выпускъ „Матеріаловъ по археологій Кавказа“, заключающій въ себѣ отчетъ В. И. Сизова объ археологической экскурсіи по восточному побережью Чернаго моря; 3) „Историческая записка о дѣятельности Общества за первые 25 лѣтъ его существованія“, составленная графиней П. С. Уваровой и Д. Н. Анучинымъ; 4) Каталогъ 11 залъ выставки VIII-го археологическаго съѣзда; 5) „Византийскій альбомъ графа А. С. Уварова“ (посмертное изданіе), съ приложеніемъ 22 фототипій и 5 хромофотографированныхъ снимковъ; 6) XIII-й томъ Древностей, въ двухъ выпускахъ, выданный подъ редакціей В. К. Трутовскаго и заключающій въ себѣ 11 статей и, сверхъ того, протоколы Общества по 17-е февраля 1889 г., программу для изслѣдованія древностей Кавказа и указатель именъ личныхъ, названій географическихъ и предметовъ въ V—XII томахъ Древностей. По распоряженію г. министра народнаго просвѣщенія, изданія Общества рекомендованы для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

За истекшій годъ въ библиотечку Общества поступило 382 отдѣльныхъ сочиненія, не считая періодическихъ изданій. Около 20 членовъ пользовались книгами Общества на дому, для чего ими было вытребовано вѣсколько рукописей и болѣе 100 книгъ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

КАВКАЗСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ВЪ 1887—1888 ГОДАХЪ ¹⁾.

Въ 1887 году въ Кавказскомъ округѣ числилось 8 женскихъ гимназій и 8 женскихъ прогимназій, а въ началѣ 1888 года, съ преобразованиемъ Тифлисской прогимназіи г-жи Серпиной въ семи-классную гимназію, гимназій стало 9, прогимназій же—7. Большинство гимназій и прогимназій преобразовано изъ бывшихъ училищъ 1-го и 2-го разряда, или же изъ начальныхъ училищъ, изъ коихъ нѣкоторыя существовали уже давно; такъ, Тифлисское заведеніе св. Нины учреждено было княгиней Е. К. Воронцовой въ 1846 году, бывшее училище св. Александры въ Ставрополѣ—въ 1849 году, а Эриванское училище св. Рипсиміи—въ 1850 году. По времени открытія, послѣдняго преобразованія или переименованія своего, эти заведенія слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1) Тифлисская великой княгини Ольги Теодоровны гимназія (20-го ноября 1870 года), 2) Ставропольская Ольгинская гимназія (20-го сентября 1872 года), 3) Тифлисская великой княгини Ольги Теодоровны прогимназія (8-го сентября 1873 года), 4) Бакинская Маріинская и 5) Владикавказская гимназія (обѣ 8-го сентября 1874 года), 6) Темиръ-Ханъ-Шуринская прогимназія (15-го сентября 1875 года), 7) Ейская прогимназія (8-го сентября 1877 года), 8) Кутаисская Ольгинская прогимназія (8-го сентября 1878 года), 9) Александропольская Ольгинская прогимназія (8-го ноября 1879 года), 10) Ставропольская св. Александры гимназія (8-го апрѣля 1880 года), 11) Горійская Анастасійская прогимназія (30-го августа 1881 года), 12) Сухумская прогимназія (8-го сентября

¹⁾ Продолженіе. См. іюньскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

1882 года), 13) Тифлисское женское учебное заведеніе св. Нины съ правами семиклассной гимназій (20-го іюня 1883 года), 14) Эриванская прогимназія (9-го іюня 1884 года), 15) Екатеринодарская городская гимназія (10-го августа 1885 года) и 16) частная гимназія г-жи Серпинэ въ Тифлисъ (1-го іюля 1888 года).

Всѣ женскія гимназій округа имѣютъ семиклассный составъ, а изъ прогимназій Тифлисская имѣетъ 5 классовъ, Сухумская и Эриванская — по 3, и остальные четыре прогимназій — по 4 класса. Общее число классовъ было въ 1887 году въ гимназіяхъ—96 и въ прогимназіяхъ—47, всего 143, а въ 1888 году въ гимназіяхъ—103 и въ прогимназіяхъ—38, всего 141; въ томъ числѣ параллельныхъ отдѣленій при основныхъ классахъ было въ 1887 году 20, а въ 1888 году—17, и больше всего въ Тифлисской гимназій, гдѣ всѣ классы раздѣлены на два отдѣленія; приготовительные классы имѣются при всѣхъ 16 заведеніяхъ, причѣмъ въ 8 изъ нихъ—въ двухъ гимназіяхъ, въ заведеніи св. Нины и 4 прогимназіяхъ—классы состоятъ изъ двухъ прогрессивныхъ отдѣленій, старшаго и младшаго, а въ Тифлисской гимназій старшее отдѣленіе имѣетъ, сверхъ того, еще параллель; дополнительные VIII классы, со вновь открытымъ въ 1887 году при Екатеринодарской гимназій, нынѣ имѣются при 6 гимназіяхъ. Но не имѣются еще въ трехъ заведеніяхъ—св. Нины въ Тифлисъ, св. Александры въ Ставрополѣ и во вновь преобразованномъ въ гимназію г-жи Серпинэ, гдѣ открытъ въ 1888 году только VII классъ. Въ каждомъ изъ дополнительныхъ классовъ введены двѣ специальности: русскій языкъ и математика; кромѣ того, въ Тифлисской и Бакинской гимназіяхъ существуетъ отдѣленіе исторіи и географіи, и сверхъ того, въ первой изъ нихъ съ начала 1887—1888 учебнаго года открыто; въ видѣ опыта, еще четвертое отдѣленіе, для приготовленія учительницъ французскаго языка.

За все время своего существованія 8 женскихъ гимназій округа въ нихъ (не считая гимназій г-жи Серпинэ, гдѣ еще не было выпуска) окончило курсъ: въ VII классѣ—1.623 дѣвочки (въ томъ числѣ 643 въ одной Тифлисской), въ VIII классахъ—303 съ званіемъ домашней наставницы и 766 съ званіемъ домашней учительницы, а всего—1.069 учительницъ (изъ нихъ почти половина, 486, въ Тифлисской гимназій). По свѣдѣніямъ 1887 года, болѣе 40 дѣвицъ изъ окончившихъ курсъ VIII дополнительнаго класса состоятъ въ настоящее время на службѣ въ тѣхъ же гимназіяхъ, въ которыхъ онѣ приобрѣли свое учительское званіе, и болѣе 30—въ другихъ гимназіяхъ и прогимна-

віяхъ округа (не считая служащихъ въ ставропольскихъ гимназіяхъ, о которыхъ свѣдѣній не получено).

Женскія гимназіи и прогимназіи округа вообще руководствуются учебными планами 31-го августа 1874 года. Незначительныя отъ нихъ отступленія, по примѣру прежнихъ лѣтъ, заключались въ оба отчетные года въ слѣдующемъ: а) число уроковъ по русскому языку нѣсколько усилено, особенно въ младшихъ классахъ закавказскихъ гимназій и прогимназій, въ виду значительнаго числа ученицъ-туземокъ; б) въ низшихъ классахъ почти всѣхъ заведеній, до V класса включительно, прибавлено по уроку математики, программа которой, по мнѣнію большинства гимназическихъ совѣтовъ, трудно выполнима въ старшихъ классахъ, если ученицы не вполне основательно усвоили въ низшихъ классахъ ариметнику; в) въ V и VI классахъ нѣкоторыхъ гимназій назначено по одному уроку географіи и ученицы держатъ окончательное испытаніе по этому предмету передъ переходомъ въ VII классъ; г) занятія руководіемъ начинаются не съ III, а уже съ I и даже подготовительнаго класса, а въ VII классахъ добавленъ одинъ урокъ для кройки; д) число уроковъ по новымъ языкамъ, особенно нѣмецкому, въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ число учащихся этимъ языкамъ незначительно, уменьшено противъ нормальнаго, или уроки дѣлаются сводными для нѣсколькихъ классовъ.

Библіотеки, существующія при всѣхъ 16 заведеніяхъ, имѣются въ обеихъ своихъ отдѣлахъ въ 14 заведеніяхъ, въ Кутаисской же гимназіи и Эриванской прогимназіи нѣтъ фундаментальныхъ бібліотекъ, а въ частной гимназіи г-жи Серпиннѣ не имѣется ученической бібліотеки. Кабинеты существуютъ только физическіе при гимназіяхъ, а прочими учебными пособиями снабжены всѣ 16 заведеній. Состояніе бібліотекъ, кабинетовъ и учебныхъ пособій было слѣдующее:

Въ бібліотекахъ:

по гимназіямъ:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.	
Въ фундаментальныхъ:	названій .	3.726	3.986
	томовъ	9.987	10.298
	стоимостью	14.696 р.	14.961 р.
Въ ученическихъ:	названій .	8.529	4.244
	томовъ	8.258	9.574
	стоимостью	9.640 р.	11.618 р.

По прогимназіямъ:

Въ фундаментальныхъ: названій .	725	681
томовъ	2.205	2.167
стоимостью .	3.572 р.	3.641 р.
Въ ученическихъ: названій .	1.363	1.367
томовъ .	3.285	3.488
стоимостью .	2.743 р.	3.020 р.

Въ физическихъ кабинетахъ при гимназіяхъ:

приборовъ .	1.023	1.032
стоимостью.	11.068 р.	11.083 р.

Прочихъ учебныхъ пособій:

по гимназіямъ:

приборовъ.	5.487	5.666
стоимостью	19.743 р.	19.806 р.

по прогимназіямъ:

приборовъ.	2.182	2.055
стоимостью	6.202 р.	6.654 р.

На пополненіе библиотекъ израсходовано было въ 1887 году 2.984 р., на физическіе кабинеты — 140 р., а на прочія учебныя пособія — 3.252 р., причемъ самыя цѣнныя пріобрѣтенія сдѣланы были Тифлисскимъ заведеніемъ св. Нины — два роала, стоимостью 1.300 р., и Тифлискою гимназіей — коллекція географическихъ картинъ Гельцела и двѣ карты Кавказа въ 10-ти и 5-ти-верстномъ масштабѣ. Въ 1888 году затрачено на библиотеки — 2.671 р., на кабинеты — 65 р. и на прочія пособія — 632 р. Общая стоимость всѣхъ библиотекъ, кабинетовъ и учебныхъ пособій выражается въ 1887 году цифрою 67.664 р., въ 1888 году она возвысилась до 70.778 р.

Женскія гимназіи и прогимназіи округа имѣли въ своемъ распоряженіи суммы: въ 1887 году — 517.506 р., изъ которыхъ 176.853 р. составляютъ остатокъ отъ прежнихъ лѣтъ, а 340.653 р. вновь поступили за годъ, и изъ нихъ приходится на гимназіи 265.491 р. и

на прогимназіи—76.162 р.; въ 1888 году—521.755 р., изъ которыхъ 179.512 р. составляютъ остатки прежнихъ лѣтъ и 342.243 р.—новыя поступления, изъ коихъ на гимназіи приходится 290.415 р. и на прогимназіи — 51.828 р. Источники содержанія заведеній были слѣдующіе:

	Въ 1887 году.	Въ 1888 году.
изъ государственнаго казначейства: субсидій .	83.900 р.	81.900 р.
приваочнаго жалованья	2.961 „	2.668 „
отъ казачьихъ войскъ: Кубанскаго	4.410 „	4.620 „
Терскаго	3.100 „	3.200 „
отъ городскихъ обществъ.	41.696 „	41.980 „
сбора за право ученія.	162.358 „	163.240 „
за содержаніе частныхъ воспитанницъ	64.589 „	68.468 „
изъ суммъ распоряженія главнаго начальствую-		
щаго	1.348 „	1.547 „
отъ почетныхъ попечителей	1.850 „	3.220 „
пожертвованій	4.106 „	2.246 „
процентовъ съ капиталовъ	6.093 „	7.510 „
случайныхъ поступленій .	14.242 „	11.654 „

Отсюда видно, что женскія гимназіи и прогимназіи существуютъ, главнымъ образомъ, на счетъ платы за ученіе и воспитаніе, такъ какъ эти два источника покрываютъ болѣе $\frac{1}{2}$ всего ихъ бюджета (67,7% и 66,6%). Правительственными субсидіями не пользовались заведенія: въ оба отчетные года Бакинское, Екатеринодарское, Эриванское, частное г-жи Серпиннэ, а въ 1888 году, сверхъ того, Кутаисское; остальные же гимназіи и прогимназіи получили отъ казны какъ въ 1887 году, такъ и въ 1888 слѣдующія суммы: заведеніе св. Нины—по 10.000 р., Тифлисская гимназія— по 5,800 р., Сухумская прогимназія— по 3.500 р., гимназіи: Владикавказская, обѣ Ставропольскія и прогимназія Тифлисская—по 2.000 р., Кутаисская же гимназія получила 2.000 р. только за 1887 годъ, Темиръ-Ханъ-Шуринская прогимназія— 1.500 р., а прогимназіи Горійская, Александропольская и Ейская— по 1.000 р. Значительною поддержкою отъ городскихъ обществъ пользуются гимназіи Бакинская и Екатеринодарская и прогимназіи Ейская и Александропольская. Такъ, Бакинское городское управленіе съ 1883 года покрываетъ всѣ расходы по гимназіи, гарантируя ей ежегодно 19.740 р., причемъ сборъ за ученіе и взносы почетныхъ попечителей поступаютъ въ доходъ города; въ 1887 году изъ город-

скихъ суммъ поступило 12.369 р., а въ 1888 году — 10.125 р. Въ такихъ же условіяхъ находится Екатеринодарская гимназія, которой дума выдала въ 1887 году 12.345 р. и въ 1888 году — 16.611 р., вслѣдствіе открытія съ начала учебнаго года VIII дополнительнаго класса. Ейская прогимназія получаетъ отъ города 5.500 р. субсидіи и даровое помѣщеніе, Александропольская — 2.000 р. (40% всего бюджета).

Расходъ на содержаніе 16 заведеній съ 5 пансіонами составилъ въ 1887 году 337.994 р., а именно содержаніе 8 гимназій съ 2 пансіонами обошлось въ 265.710 р., а содержаніе 8 прогимназій съ 3 пансіонами — 72.284 р.; въ 1888 году содержаніе 9 гимназій съ 3 пансіонами обошлось въ 294.429 р., и содержаніе 7 прогимназій съ 2 пансіонами — въ 52.430 р., итого израсходовано 346.859 р. Общій расходъ распределяется по отдѣльнымъ статьямъ слѣдующимъ образомъ:

	Въ 1887 году.	Въ 1888 году.
на наемъ и ремонтъ помѣщеній .	21.896 р.	26.622 р.
„ наемъ прислуги и хозяйственные расходы	34.022 „	35.312 „
„ канцелярскіе расходы и учебныя пособия	9.649 „	8.358 „
содержаніе личнаго состава	196.851 „	201.836 „
содержаніе пансіонерокъ	50.547 „	48.389 „
прочіе расходы.	25.529 „	26.342 „

Средняя стоимость обученія одной ученицы въ 1887 г. равнялась 62 р., въ гимназіяхъ отдѣльно — 63 р. и въ прогимназіяхъ — 61 р.; дороже всего обходилось обученіе въ Темиръ-Ханъ-Шуринской прогимназіи (78 р.), Вакинской гимназіи (76 р.), прогимназіи г-жи Серпиной (75 р.), заведеніи св. Нины (74 р.) и Тифлисской прогимназіи (72 р.); дешевле всего — въ гимназіяхъ Ставропольской Ольгинской (43 р.) и Кутанской (47 р.) и въ прогимназіяхъ Ейской (44 р.), Сухумской и Эриванской (89 р.); стоимость содержанія одной пансіонерки за этотъ годъ составляетъ отъ 141 р. (въ Эриванской прогимназіи) до 217 р. (въ заведеніи св. Нины), а въ среднемъ — 186 р. Въ 1888 году средняя стоимость обученія одной ученицы равнялась 63 р., а отдѣльно: въ гимназіяхъ — 65 р. (отъ 46 р. въ Кутанской до 92 р. въ Екатеринодарской) и въ прогимназіяхъ — 55 р. (отъ 33 р. въ Сухумской до 70 р. въ Горійской); средняя стоимость содержанія пансіонерки составляла отъ 142 р. (въ Сухумской прогимназіи) до 202 р. (въ Ставропольской гимназіи св. Александры), а въ среднемъ вводитъ — 192 р.

Женскія гимназіи и прогимназіи не имѣютъ особыхъ специальныхъ средствъ, такъ какъ всѣ суммы, поступающія на нихъ содержаніе изъ различныхъ источниковъ, расходуются неравнѣльно. Вычитая изъ поступившихъ въ 1887 году на содержаніе всѣхъ 16 заведеній 340.653 р. дѣйствительно израсходованные 337.994 р., получимъ остатокъ въ 2.659 р.; на эту сумму должны были увеличиться запасные капиталы заведеній; таковыхъ капиталовъ въ началѣ 1887 года состояло 176.853 р., а къ концу года 179.512 р., въ томъ числѣ 24.776 р. наличными деньгами и 154.736 р. въ процентныхъ бумагахъ. Въ 1888 году расходъ (346.859 р.) превышалъ приходъ (342.245 р.) на 4.616 р., такъ что на такую же сумму уменьшились образовавшіеся отъ прежнихъ лѣтъ денежныя остатки (179.512 р.); къ 1-му января 1889 года такихъ остатковъ было 174.896 р., изъ коихъ 17.426 р. наличными и 157.470 р. въ процентныхъ бумагахъ. Въ бумагахъ, большею частью, заключаются разные неприкосновенные капиталы, пожертвованные одновременно на стипендіи; больше всего такихъ капиталовъ имѣютъ слѣдующія учебныя заведенія: Ставропольская гимназія св. Александры — въ 1887 году 72.468 р. и въ 1888 году 74.489 р., заведеніе св. Нины — 32.802 р., Эриванская прогимназія — 18.125 р. и Тифлисскія гимназіи съ прогимназіей — 15.561 р.; въ прочихъ (четыре) прогимназіяхъ, гдѣ имѣются неприкосновенные капиталы, сумма ихъ заключается отъ 3.600 р. до 5.150 р.; съ 1888 года гимназія св. Ольги обратила свой остатокъ (348 р.) въ процентныя бумаги. Остальныя гимназіи и Горійская прогимназія вовсе не имѣютъ капитала.

Размѣръ платы за право ученія, устанавливаемый попечительными совѣтами, различенъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, даже въ равныхъ классахъ одного и того же заведенія, — въ зависимости отъ числа учащихся и отъ количества субсидій, получаемыхъ отъ казны и городскихъ обществъ. Однообразный размѣръ платы по всѣмъ классамъ за обученіе обязательнымъ предметамъ существуетъ лишь въ 8 заведеніяхъ: въ гимназіи Бакинской — по 40 р., въ заведеніи св. Нины — по 75 р. и въ прогимназіяхъ Александропольской — по 20 р., Сухумской — по 18 р. и Эриванской — по 36 р.; различные размѣры платы для для классовъ младшихъ — въ 50 р. и для старшихъ — въ 60 р. приняты въ Тифлисскихъ гимназіи и прогимназіи, для приготовительныхъ и основныхъ въ прогимназіяхъ Ейской — 6 р. и 9 р. и Темиръ-Ханъ-Шурупской — 9 р. и 36 р., а также въ гимназіи г-жи Серпиге — 60 р. и 100 р.; въ Кутанской же гимназіи ученицы всѣхъ классовъ

платять по 50 р., за исключеніемъ ученицъ VIII дополнительнаго класса, въ которомъ плата опредѣляется особо на каждое полугодіе, съ такимъ расчетомъ, чтобы взносъ этой платы покрывалъ расходъ по содержанію класса. Въ остальныхъ 5 заведеніяхъ плата прогрессивно возрастаетъ отъ младшихъ классовъ къ старшимъ: въ гимназіяхъ Владикавказской — отъ 25 до 50 р., въ Ставропольскихъ св. Александры — отъ 20 до 35 р. и Ольги — отъ 25 до 50 р., въ Екатеринодарской — отъ 35 до 100 р., причеиъ дѣти, принадлежащія къ городскимъ сословіямъ, платять на 5 р. меньше, и въ Горійской прогимназіи — отъ 25 до 50 р. За обученіе необязательнымъ предметамъ вносится особая дополнительная плата, отъ которой, впрочемъ, большею частью освобождаются воспитанницы пансіоновъ; такъ, за обученіе французскаго языка ввмается отъ 5 до 16 р., за нѣмецкій — отъ 9 до 12 р., за армяискій языкъ (въ Тифлисскихъ гимназіи и прогимназіи) по 8 р., за танцы — отъ 2 до 9 р. Бесплатно преподаются: языки французскій въ гимназіяхъ Екатеринодарской и частной г-жи Серпинз, туземные — въ гимназіяхъ Кутаисской, Цакинской, г-жи Серпинз, въ заведеніи св. Нины и въ прогимназіяхъ Горійской и Александропольской, а хоровое пѣніе и рисованіе — во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ введены. За содержаніе воспитанницъ пансіоновъ плата въ оба года не нмѣвалась; въ частной гимназіи г-жи Серпинз она ввмалась въ 300 р., въ заведеніи св. Нины — 250 р., въ Ставропольской гимназіи св. Александры — 220 р., въ прогимназіяхъ Эриванской — 150 р. и Сухумской — 120 р.

Бесплатнымъ обученіемъ въ 1887 году пользовалось 562 ученицы, или 16,0% всѣхъ приходящихъ ученицъ, а въ 1888 году 685, или 16,5% общаго числа приходящихъ; въ этомъ числѣ было:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
дѣтей училищныхъ чиновниковъ	61	79
освобожденныхъ вовсе отъ платы	309	320
обучающихся на % съ капиталовъ	16	54
на счетъ благотворительныхъ обществъ	130	109
на счетъ случайныхъ поступленій	46	28

Даровымъ содержаніемъ въ пансіонахъ пользовалось въ первый отчетный годъ 184 воспитанницы, или 37,8% всѣхъ пансіонерокъ, и во второй — 172 пансіонерки, или 36,1%, въ томъ числѣ воспитывалось:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
отбѣдѣнн		
эидотуаша счетъ казны	32	26
адохэв(на % съ капиталовъ	34	32
-эочтоцша счетъ разныхъ учреждений	75	74
-внмнтъ экономическихъ	43	40
<p>Стоимость обученія и воспитанія всѣхъ этихъ ученицъ составляла въ 1887 году около 64.000 р. и въ 1888 году—около 63.000 р.</p> <p>Особыя учрежденія для пособія учащимся существуютъ только при двухъ заведеніяхъ: одно—при Тифлискихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, другое—при Ставропольскихъ гимназіяхъ. Средства и расходы обоимъ учрежденіямъ были слѣдующіе:</p>		
— вѣдѣнн	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
Остатки отъ прежнихъ лѣтъ.	2.839 р.	2.171 р.
внѣшнеступленія изъ разныхъ источниковъ	2.907 р.	3.377 р.
Итого	5.246 р.	5.548 р.
изъ нихъ израсходовано:		
на пособія учащимся	3.047 р.	2.318 р.
на другіе расходы	28 р.	10 р.
Итого	3.075 р.	2.328 р.

Оставалось къ концу года:

наличными	509	} 2.171 р.	наличн.	1.058	} 3.220 р.
въ %, бумагахъ	1.662		въ %, бум.	2.162	

Изъ первой суммы учрежденія имѣли къ 1-му января 1888 года: Тифлиское 894 р., Ставропольское—1.277 р., а къ 1-му января 1889 года изъ второй суммы Тифлискому принадлежало 1.761 р. и Ставропольскому—1.469 р. Ученицы нѣкоторыхъ гимназій и прогимназій, какъ, наиримѣръ, во Владикавказѣ, Баку, Ейскѣ, пользуются пособиями отъ благотворительныхъ обществъ, существующихъ при мужскихъ учебныхъ заведеніямъ.

Съ окончаніемъ постройки въ 1887 году, на средства городскихъ обществъ, собственныхъ зданій для Бакинскои и Екатеринодарской гимназій, всѣ 8 гимназій округа имѣютъ въ настоящее время собственные дома, которые въ совокупности цѣнятся въ 760.000 рублей, в только частная гимназія г-жи Серпина помѣщается въ зданіи, на-

нимаемомъ за 2.625 рублей. Особеннымъ удобствомъ и приспособленностью къ нуждамъ учебнаго заведенія отличаются вновь отстроенные дома Бакинской и Екатеринодарской гимназій, а изъ старыхъ—помѣщенія Тифлисскихъ гимназій и заведенія св. Нины; послѣднее заведеніе, кромѣ роскошнаго городскаго помѣщенія, имѣетъ еще дачу въ посадѣ Коджорахъ, на 80 воспитанницъ, оконченную постройкой весною 1887 года, на чтѣ издержано было 8.920 рублей, изъ коихъ 3.000 рублей были пожертвованы княземъ А. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ, а остальные получены отъ устроенныхъ для этой дѣли гуляній и лоттерей; въ этомъ же году воспитанницы впервые были вывезены въ это дачное помѣщеніе; въ 1888 году на улучшение обомъ своихъ помѣщеній заведеніе св. Нины вновь затратило 7.000 рублей, изъ коихъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ ассигновалъ изъ суммъ, состоящихъ въ его распоряженіи 3.000 рублей, а 4.000 рублей получены отъ народныхъ гуляній въ пользу заведенія. Зданіе, въ которомъ помѣщается Кутанская гимназія, собственно принадлежитъ не самой гимназій, а заведенію св. Нины, и потому находится въ вѣдѣніи Кутанскаго отдѣла благотворительнаго общества; въ 1887 году оно было улучшено пристройкою обширной рекреационной залы. Капитальный ремонтъ произведенъ былъ въ 1888 году въ гимназій Тифлисской, на 5.000 рублей изъ остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ. Изъ прогимназій собственными домами, стоимостью въ 46.700 рублей, обладаютъ Горійская, Сухумская и Эрванская, имѣющая два зданія, изъ коихъ одно отдается въ наймы, подъ помѣщеніе окружнаго суда за 1.600 рублей въ годъ. Ейская прогимназія помѣщается вмѣстѣ съ реальнымъ училищемъ въ городскомъ домѣ, а для остальныхъ трехъ прогимназій помѣщенія наивмаются въ частныхъ домахъ, за которые хозяевамъ уплачивается: Темиръ-Ханъ-Шуринскою—500 рублей, Александропольскою—550 рублей и Тифлискою—2.400 рублей. Наемныя помѣщенія, конечно, далеко уступаютъ собственнымъ въ отношеніи удобства, не говоря уже о томъ, что наемная плата ложится тяжелымъ бременемъ на скромный бюджетъ прогимназій. На ремонтъ всѣхъ помѣщеній израсходовано было въ 1887 году 10.128 рублей, а въ 1888 году — 12.363 рубля (не считая упомянутыхъ 7.000 рублей, на разныя перестройки въ тифлискомъ заведеніи св. Нины). Среднее количество воздуха въ классахъ на каждую ученицу составляло въ оба года вообще 19,5 и 19,4 куб. арш. (въ гимназіяхъ—19,8 и 20,1, въ прогимназіяхъ—18,5 и 16,4), въ спальняхъ пансіонерокъ на каждую прихо-

дилось по 44,3 и по 45,4 куб. арш. воздуха. Такъ-называемыхъ ученическихъ квартиръ считалось въ 1887 году 129, и въ нихъ проживало менѣе 5% всего числа учащихся—именно 167 приходящихъ ученицъ, платившихъ за свое содержаніе отъ 6 до 30 рублей въ мѣсяцъ; въ 1888 году таковыхъ квартиръ было 92, и въ нихъ проживало 137 ученицъ (3,8%), платя за себя отъ 8 до 35 рублей въ мѣсяцъ.

10-го октября 1887 года ученицы Тифлисскихъ гимназій и прогимназій, со всѣмъ штатомъ служащихъ, были собраны въ залахъ дворца главноначальствующаго для представленія великому князю Михаилу Николаевичу и августѣйшей основательницѣ и покровительницѣ заведеній великой княгини Ольгѣ Теодоровнѣ. Такой же чести удостоившись на вокзалѣ желѣзной дороги служащіе и учащіяся Горійской Анастасіевской женской прогимназій. Въ тотъ же отчетный годъ Екатеринодарскую гимназію осматривалъ предсѣдатель ученого комитета министерства народнаго просвѣщенія А. И. Георгіевскій, а епископъ Горійскій пресвященныи Александръ присутствовалъ на экзаменѣ по закону Божию въ Тифлискихъ гимназій и заведеній св. Нины. Князь главноначальствующій въ оба года посѣтилъ изъ женскихъ гимназій и прогимназій, находящихся въ Тифлисе, Темиръ-Ханъ-Шуриевскую прогимназію (въ 1887 году) и гимназію Бакинскую, Владикавказскую и Екатеринодарскую (въ 1888 году), а патриархъ-католикосъ и епархъ Грузій высокопреосвященныи Палладій—Бакинскую гимназію. Вообще женскія гимназій и прогимназій пользуются особыми заботами и вниманіемъ губернаторовъ и начальниковъ областей, которые, по уставу, состоятъ въ званіи ихъ почетныхъ попечителей, или, какъ Тифлисскій губернаторъ, въ званіи предсѣдателя попечительнаго совѣта.

Къ выдающимся событіямъ въ жизни описываемыхъ заведеній относятся, въ 1887 году, торжественное освященіе трехъ новыхъ зданій: отстроенныхъ въ Баку и Екатеринодарѣ помѣщеній для гимназій и въ послѣдѣ Куджорахъ дачи для пансіонерокъ тифлискаго заведенія св. Нины, которую въ теченіе лѣта посѣтилъ князь главноначальствующій. Въ концѣ 1888 года опубликованы результаты VIII конкурса по рисованію, черченію и моделированію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, бывшаго въ Императорской академіи художествъ въ 1886 году. Комиссія, разсматривавшая ученическія работы, выразила общую похвалу за прилежаніе ученицамъ Тифлисскихъ женскихъ гимназій и заведенія св. Нины и присудила за отдѣльныя

работы одну серебряную медаль ученицъ Тифлисской прогимназіи и 10 похвальныхъ отзѣмовъ — по 3 на Тифлисскую гимназію, прогимназію и заведеніе св. Нины и 1 ученицъ прогимназіи г-жи Серпинзъ. Преподавателю Тифлисскаго реальнаго училища г. Колчичу, за успѣхи его ученицъ въ Тифлисскихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, объявлена комиссіей особая благодарность.

Всѣхъ служащихъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа въ концѣ 1887 года считалось 558 лицъ, а въ концѣ 1888 года — 544 лица, на 14 меньше, чѣмъ въ началѣ года, и въ томъ числѣ было:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
почетныхъ попечителей и попечительницъ	13	12
предсѣдателей и членовъ попечительныхъ совѣтовъ	129	129
директоровъ, инспекторовъ	5	5
предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ	12	12
начальницъ .	14	15
законоучителей	33	30
учителей	117	111
учительницъ	123	125
воспитательницъ и надзирательницъ	79	73
врачей	11	12
на прочихъ должностяхъ	22	20

2 директорскія и 3 инспекторскія должности учреждены на основаніи особыхъ Высочайшихъ повелѣній: директорскія — одна при Тифлисскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и другая — при Ставропольскихъ гимназіяхъ, инспекторскія — при Тифлисскихъ же гимназіяхъ и прогимназіяхъ, при Тифлискомъ заведеніи св. Нины и при Владикавказской гимназіи. Остальныя 10 заведеній управляются на общемъ основаніи, и предсѣдателями педагогическихъ совѣтовъ въ нихъ состоятъ: директора гимназій — въ Екатеринодарской гимназіи и Эриванской прогимназіи, директора реальнаго училища — въ Бакинской гимназіи и въ прогимназіяхъ Ейской и Темиръ-Ханъ-Шуринской, директоръ учительской семинаріи — въ Горійской прогимназіи, инспекторъ прогимназій — въ Кутаисской гимназіи, учитель гимназій — въ частной гимназіи г-жи Серпинзъ, учитель-инспекторъ городского училища — въ Александропольской прогимназіи и смотритель горской школы — въ Сухумской прогимназіи.

Въ 1887 году назначено было на равныя должности въ гимназіи

47 и въ прогимназіи 10, всего 57 лицъ; въ томъ числѣ директоромъ Тифлисскихъ гимназій и прогимназій назначенъ инспекторъ Владикавказской женской гимназій Карюничъ, а на его мѣсто поступилъ учитель Владикавказскаго реальнаго училища Кудрявцевъ. Вакантными къ 1-му января 1888 года, кромѣ должностей почетныхъ попечителей при 8 заведеніяхъ, были мѣста начальницъ въ Екатеринодарской гимназій и Тифлискомъ заведеніи св. Нины и по другимъ должностямъ 6, всего 16 ваканціи. Въ 1888 году вновь назначено было 61 лицо, изъ нихъ 52 по гимназіямъ и 9 по прогимназіямъ, въ томъ числѣ: 2 почетныхъ попечителя въ гимназіи Владикавказскую и Ставропольскую Ольгинскую, инспекторомъ въ Тифлисскую гимназію учитель Тифлисской 1-й гимназій Козюлькичъ, председателемъ педагогическаго совѣта въ Екатеринодарскую гимназію—директоръ Кубанской войсковой гимназій Топорковъ и 2 начальницы въ Екатеринодарскую гимназію и заведеніе св. Нины. Вакантныхъ должностей къ 1-му января 1889 года оставалось 16, между прочимъ должность начальницы Кутанской гимназій, за выходомъ въ отставку г-жи Барановской, занимавшей эту должность съ основанія гимназій.

Директора и инспектора женскихъ гимназій давали слѣдующее число уроковъ: въ 1887 году два директора — 29 уроковъ, въ 1888 году — 26 уроковъ и 3 инспектора въ оба года имѣли каждый по 40 уроковъ. Изъ председателей педагогическихъ совѣтовъ въ 1887 году занимались преподаваніемъ 4, а въ 1888 году 3, имѣя притомъ уроковъ въ первый годъ въ Бакинской гимназій 8, въ Екатеринодарской 6, въ Кутанской 2 и въ прогимназіи Горійской 2, а во второй годъ—въ Бакинской 6, въ Горійской 2 и въ гимназій Серниа 1. Между прочимъ, председатель горійскаго совѣта директоръ Закавказской учительской семинаріи Стрѣлецкій не получаетъ вознагражденія за свои уроки, а плата за нихъ поступаетъ на вѣнось за право ученія двухъ бѣдныхъ ученицъ прогимназій; равнымъ образомъ, председатели совѣтовъ въ гимназіяхъ Бакинской и г-жи Серниа давали въ 1888 году свои уроки бесплатно. Изъ 14 начальницъ, бывшихъ въ первый отчетный годъ, участвовали въ преподаваніи 8 и имѣли въ сложности 99 уроковъ въ недѣлю; во второй же отчетный годъ изъ 15 начальницъ 9 занимались преподаваніемъ и имѣли 108 уроковъ въ недѣлю, большую часть по новымъ звянкамъ.

Въ 1887 году въ гимназіяхъ изъ 65.376 положенныхъ по распределенію уроковъ пропущено было преподавателями и преподаватель-

ницами 2.452, или 3,75%, а въ прогимназіяхъ—ишь 33.084 уроковъ 1.190, или 3,60%, вообще же во всѣхъ 16 заведеніяхъ пропущенныя уроки составляли 3,70%; въ 1888 году по гимназіямъ и прогимназіямъ уроковъ пропущено учителями и учительницами 3.121, или 4,40%, а въ прогимназіяхъ—ишь 26.694 уроковъ 1.340, или 5,02%, а въ 16 заведеніяхъ пропуски составляли 4,56%. Причины пропусковъ были:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
болѣзнь.	74,4%	70,1%
служебныя обязанности	11,3%	9,0%
домашнія обстоятельства .	7,2%	16,3%
вывозъ въ судъ	2,4%	1,7%
отпускъ	4,4%	2,8%
неуважительныя причины.	0,3%	0,1%

Значительная часть этихъ уроковъ была возмѣщена другими уроками между прочимъ въ гимназіяхъ ученицами VIII дополнительнаго класса (198, или 5,4% и 143, или 3,2%). На остальные же раскд дѣтей отпускали домой (22,6% и 24,5% общаго числа пропущенныхъ).

Классныя испытанія производятся во всѣхъ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такихъ испытаній произведено было:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
устныхъ	1.600	1.320
письменныхъ	981	758
Итого	2.581	2.078

Попечительные совѣты въ 1887 году имѣли 127 засѣданій, а именно педагогическія—239, и какъ тѣ, такъ и другіе заняты были, поименованному числу, разрѣшеніемъ текущихъ вопросовъ и дѣлъ, относящихся по уставу къ ихъ вѣдѣнію, и никакихъ особыхъ, заслуживающихъ вниманія, постановленій въ году не состоялось. Въ 1888 году педагогическіе совѣты имѣли 141 засѣданіе, педагогическія, и кромѣ текущихъ дѣлъ, попечительные совѣты занимались еще и другими мѣрами къ улучшенію матеріальной части заведеній; къ сожалеанію эти мѣры часто сводятся къ однимъ только ходатайствамъ объ увеличеніи правительственныхъ субсидій, или къ сокращенію, необходимѣйшихъ расходовъ, болышею частью содержанія личнаго состава. Такъ, наприимѣръ, попечительный совѣтъ Ставропольской губерніи:

св. Александры, поставленный въ большое затрудненіе прекращеніемъ ежегодной въ 2.000 р. правительственной субсидіи (вмѣсто которой назначено было 1.000 р. только на текущій годъ), нашелъ себя вынужденнымъ уменьшить жалованье начальницы (съ 1000 до 700 р.), сократить воспитательный персоналъ пансіона (число надзирательницъ съ 6 до 4 и число пениньерокъ съ 8 до 4), отменить бесплатное во всѣхъ классахъ преподаваніе французскаго языка, введенное 3¹/₂ года тому назадъ, и согласиться на предложеніе дѣлопроизводителей обоихъ совѣтовъ нести свои обязанности безвозмездно впредь до улучшенія матеріальнаго положенія заведенія. Въ столь же стѣсненномъ положеніи находится почетительный совѣтъ гимназій г-жи Серпини, который также ходатайствуетъ о ежегодной субсидіи отъ правительства, въ размѣрѣ 1.000 р. Педагогическіе совѣты большинства гимназій и прогимназій относились къ своимъ обязанностямъ съ должнымъ вниманіемъ; такъ, между прочимъ, почти во всѣхъ заведеніяхъ приняты цѣлесообразныя мѣры къ установленію связи въ преподаваніи равныхъ предметовъ, правильному веденію письменныхъ работъ, ограниченію количества работъ, задаваемыхъ на домъ, и организаціи внѣкласснаго чтенія. Учебно-воспитательный персоналъ, и въ особенности женскій, по общему отзыву начальствъ всѣхъ заведеній, трудится съ полною добросовѣстностью, а иногда и съ замѣчательною энергіей.

Въ 1887 году Тифлисское учебное заведеніе св. Нины, состоящее въ вѣдѣніи благотворительнаго общества св. Нины понесло тяжкую утрату въ лицѣ скончавшейся 8-го мая, въ С.-Петербургѣ, предсѣдательницы совѣта общества, княгини Н. А. Дондуковой-Корсаковой. Только благодаря энергической дѣятельности покойной княгини, Тифлисское заведеніе св. Нины въ учрежденія, лишеннаго всякихъ матеріальныхъ средствъ, помѣщеннаго въ полуразвалившемся, ветхомъ зданіи и не имѣвшего сколько-нибудь правильной учебно-воспитательной организаціи, въ короткое время сдѣлалось среднимъ учебнымъ заведеніемъ, вполне благоустроеннымъ.

Въ продолженіе обоихъ отчетныхъ годовъ нѣкоторые преподаватели въ женскихъ гимназіяхъ явили себя особыми трудами. Такъ, преподаватель физики Ставропольскихъ женскихъ гимназій Н. Я. Динникъ помѣстилъ статьи: „На ледникѣ Казбека“ въ журналѣ Природа и Охота за мартъ 1887 года; „Походка въ Балкирію“ въ Запискахъ Кавказскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества; „On the Caucasian mountain goat“ въ Annals and magazine

of natural history за іюнь 1887 года; „Перелетъ птицъ черезъ Кавказскій хребетъ“ въ газетѣ Кавказъ, № 320 за 1887 годъ; Вторая побѣдка въ Балкарію“ въ Запискахъ Кавказскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества; „Изъ путешествій по Кавказу. Охотничье Эльдorado“ въ журналѣ Природа и Охота за декабрь 1888 года; „По поводу погибшихъ англичанъ путешественниковъ“ въ газетѣ Сѣверный Кавказъ за 1888 годъ, № 88. Законоучитель Ставропольской женской гимназій св. Александры, протоіерей В. Борнуковскій написалъ и сказалъ въ церкви два поученія, 14-го іюня и 5-го сентября, а также писалъ и провозносилъ проповѣди въ кафедральномъ соборѣ, по назначенію отъ архіерея. Законоучитель Ставропольской Ольгинской женской гимназій, священникъ М. Прозоровскій написалъ и сказалъ два поученія, 17-го іюня и 8-го сентября 1887 года, другія поученія по поводу разныхъ событій и по поводу содержанія св. Евангелія, читаемаго въ церкви, а также писалъ и провозносилъ очередныя проповѣди въ кафедральномъ соборѣ, по назначенію отъ архіерея. Учитель русскаго языка и исторіи Тифлискаго учебнаго заведенія св. Нины П. А. Федоровскій написалъ и помѣстилъ статью: „Страничка изъ жизни грузинъ-переселенцевъ въ Малороссіи. Къ исторіи колонизаціи южныхъ окраинъ Россіи“ въ VII выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“.

Число учащихся въ началѣ учебнаго 1886—1887 года въ гимназіяхъ было 3.095, въ прогимназіяхъ—990, а во всѣхъ 16 заведеніяхъ—4.085; въ концѣ года въ гимназіяхъ обучалось—3.084, въ прогимназіяхъ—953, а всего—3,987 ученицъ. Такимъ образомъ, общее число учащихся вообще уменьшилось на 98; или 2,4%, въ отдѣльности: въ гимназіяхъ—на 61, или 2,0%, въ прогимназіяхъ—на 37, или 3,7%; за неизмѣнимъ очевидной причины, уменьшеніе учащихся въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ за этотъ годъ можно приписать простой случайности, такъ какъ и послѣдовавшее въ то время распоряженіе о прекращеніи приѣма въ приготовительныя классы мужскихъ гимназій и прогимназій не распространялось на женскія учебныя заведенія. Между тѣмъ, такое уменьшеніе весьма чувствительно отзывается на матеріальныхъ средствахъ заведеній. Больше всѣхъ въ этомъ отношеніи пострадала Ставропольская гимназія св. Александры, въ которой число платныхъ націонороковъ за годъ уменьшилось на 35, что составляетъ для заведенія денежный убытокъ почти въ 8,000 р. Уменьшеніе произошло въ 12 заведеніяхъ,

и притомъ особенно значительно въ гимназіяхъ Владикавказской (на 38, или 8⁰/₀) и Ставропольской Св. Александры (на 24, или 10⁰/₀). въ прогимназіяхъ Горійской (на 16, или 12⁰/₀), Ейской (на 30, или 14⁰/₀) и Т.-Х.-Шуриной (на 8, или 11⁰/₀). Въ остальныхъ 4 заведеніяхъ число учащихся увеличилось, а именно: въ гимназіяхъ Бакинской (на 28, или 10⁰/₀) и Екатеринодарской (на 18, или 6⁰/₀), въ прогимназіяхъ Сухумской (на 4, или 8⁰/₀) и частной г-жи Серпино (на 27, или 23⁰/₀). Въ 1887—1888 учебномъ году число учащихся увеличилось съ 3,987 до 4,031, то-есть, на 44, или 1.1⁰/₀, въ гимназіяхъ—на 19 и въ прогимназіяхъ—на 26 ученицъ. Самое значительное увеличеніе произошло въ Бакинской гимназіи (на 36, или 12⁰/₀) и въ Т.-Х.-Шуриной прогимназіи (на 17, или 25⁰/₀), а уменьшеніе—въ Горійской прогимназіи на 19, или 16⁰/₀.

По числу учащихся отдѣльныя заведенія распредѣлялись въ слѣдующемъ порядкѣ.

Гимназіи:

Къ 1-му января 1887 года:		Къ 1-му января 1888 года:	
1. Тифлисская	710	1. Тифлисская	724
2. Владикавказская.	430	2. Владикавказская.	422
3. Заведеніе св. Нины.	396	3. Заведеніе св. Нины.	392
4. Кутаисская	340	4. Бакинская .	344
5. Ставроп.-Ольгинская	323	5. Кутаисская	327
6. Бакинская	308	6. Ставроп.-Ольгинская	323
7. Екатеринодарская	300	7. Екатеринодарская	294
8. Ставроп.-св. Александры	227	8. Ставроп. св. Александры	216
		9. Частная г-жи Серпино.	158

Прогимназіи:

1. Тифлисская	222	1. Тифлисская	221
2. Ейская .	185	2. Ейская .	198
3. Частная г-жи Серпино.	146	3. Горійская	98
4. Горійская	117	4. Александропольская	87
5. Эриванская.	82	5. Т.-Х.-Шуриная	85
6. Александропольская	79	6. Эриванская	84
7. Т.-Х.-Шуриная	68	7. Сухумская	59
8. Сухумская	54		

По числу воспитывающихся пансіоны при заведеніяхъ располагались въ одинаковомъ порядкѣ въ оба отчетные года, и въ нихъ было:

	Къ 1-му января 1888 года:	Къ 1-му января 1889 года:
1. При заведеніи св. Нины .	244	255
2. „ Ставроп. гимн. св. Александры	155	135
3. „ частной прогимназіи, затѣмъ гимназіи г-жи Серпино	39	41
4. прогимназіи Сухумской :	28	27
5. Эриванской	21	19
	<u>487</u>	<u>477</u>

Распределеніе всѣхъ учащихся по сословіямъ, вѣроисповѣданіямъ и національностямъ къ 1-му января обоихъ отчетныхъ годовъ было слѣдующее:

а) По сословіямъ:	Въ 1887 году, въ томъ числѣ пансіонерокъ:		Въ 1888 году, въ томъ числѣ пансіонерокъ:	
Дворянъ	2.399	386	2.422	379
Духовнаго званія .	148	17	134	15
Сословіи городскихъ .	1.142	70	1,188	74
„ сельскихъ	67	8	76	6
Нижнихъ чиновъ	160	7	138	3
Иностранцевъ .	71	—	73	—
	<u>3.987</u>	<u>487</u>	<u>4.031</u>	<u>477</u>

б) По вѣроисповѣданіямъ:

Православнаго .	2.908	421	2.919	410
Армяно-григоріанскаго .	645	35	669	41
Католическаго	185	20	198	14
Лютеранскаго	122	8	114	10
Раскольниковъ .	7	1	7	1
Мусульманъ.	11	2	8	1
Евреевъ	109	—	116	—
	<u>3.987</u>	<u>487</u>	<u>4.031</u>	<u>477</u>

в) По національностямъ:

Русскихъ	2.387	335	2.380	311
Грузинъ .	508	86	501	83
Армявъ	693	36	717	43
Татаръ	9	2	8	1
Горцевъ	11	9	31	20
Евреевъ	109	—	117	—
Иностранцевъ	270	19	277	19
	<u>3.987</u>	<u>487</u>	<u>4.031</u>	<u>477</u>

Изъ приведенныхъ таблицъ видно, что изъ сословій между учащимися преобладаютъ дворянское (60,2 и 60,1%) и городскія (28,6 и 29,5%), изъ вѣроисповѣданій—православное (72,9 и 72,4%) и армяно-григоріанское (16,2 и 16,6%), а изъ національностей—русская (59,9 и 59,5%), армянская (17,4 и 17,8%) и грузинская (12,7 и 12,4%). Распределение учащихся, конечно, зависитъ отъ состава населенія тѣхъ городовъ, въ которыхъ находятся учебныя заведенія; вообще же можно заключить, что русскіе больше дѣлать гимназическое образованіе дочерей, чѣмъ другія національности; армяне же, повидимому, не такъ охотно отдаютъ дочерей въ гимназии, имѣя для женскаго образованія свои школы при церквахъ и монастыряхъ.

По классамъ учащихся распредѣлялись такъ:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
въ приготовительныхъ классахъ	756 (19,0%)	789 (19,6%)
I-хъ классахъ	682 (17,1%)	648 (16,0%)
II-хъ	594 (14,9%)	576 (14,3%)
III-хъ	547 (13,7%)	578 (14,8%)
" IV-хъ	459 (11,5%)	429 (10,6%)
" V-хъ	332 (8,3%)	357 (8,9%)
" VI-хъ	281 (7,0%)	279 (6,9%)
" VII-хъ	190 (4,8%)	240 (6,0%)
" VIII-хъ дополнительныхъ.	146 (3,6%)	137 (3,4%)

Прошеній о приѣмѣ подано было въ теченіе 1887 года по гимназіямъ 841, по прогимназіямъ—290, всего 1.131; по нимъ не принято 153, или 13%, въ гимназіяхъ 111, или 14% и въ прогимназіяхъ 42, или 5%, и въ томъ числѣ 18 по недостатку мѣстъ, 70 по невыдержанію испытаній и 65 по другимъ причинамъ; въ 1888 году

подано прошеній о желаніи поступить въ гимназіи 867 и въ прогимназіи—255, всего 1.122, и по нимъ не принято было 132, или 11,8%, и именно—по гимназіямъ 116, или 13%, и по прогимназіямъ 16, или 2%, и въ томъ числѣ 7 по недостатку мѣстъ, 68 по невыдержанію экзамена и 57 по разнымъ причинамъ. Вновь приняты въ оба отчетные года 978 и 990 ученицъ поступили:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
по свидѣтельствамъ	222	140
изъ казенныхъ учебныхъ заведеній.	26	13
общихъ	31	33
частныхъ	18	41
по домашней подготовкѣ.	681	763

и были распределены по классамъ:

въ подготовительные	472	532
I-е	205	185
II-е	92	85
III-е	71	54
IV-е	36	37
V-е	29	26
VI-е	26	29
VII-е	8	11
VIII-е дополнительныхъ	39	31

Число ученицъ, выбывшихъ въ 1887 году изъ 16 заведеній, было очень велико, а именно 1.076, или 27,0%, общаго числа учащихся къ концу года: отдѣльно изъ гимназій выбыло 791, изъ прогимназій—285; ученицъ, выбывшихъ въ теченіи 1888 года, было 946, или 24,3%, всего числа учащихся; изъ гимназій вышло 732 и изъ прогимназій—214. Причины выбытія были слѣдующія:

	1887 годъ		1888 годъ	
	по гимназіямъ.	по прогимназіямъ.	по гимназіямъ.	по прогимназіямъ.
по случаю окончанія VIII дополнит. классовъ	133	—	140	—
окончившія VII-е классы.	68	—	54	—
окончившія прогимназійскій курсъ		70		65
по прошеніямъ	498	185	471	123

за неуспѣшность	22	9	23	6
за поведеніе	1	—	1	—
за болѣзнь	60	17	33	18
смерть .	9	4	10	2

И того за окончаніемъ курса вышло въ 1887 году 271 и не окончившихъ курсъ—805; между 590 не окончившими полного гимназическаго курса было 316 выбывшихъ изъ старшихъ классовъ и поэтому пріобрѣвшихъ право на званіе начальной учительницы. Въ 1888 году вышло за окончаніемъ курса 259 и до окончанія курса—687, но между послѣдними было 269 ученицъ, кои пріобрѣли права окончившихъ прогимназическій курсъ. Отдѣльные классы по проценту выбывшихъ ученицъ располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

	въ 1887 г.		въ 1888 г.
изъ V классовъ вышло .	29,5%	V	29,7%
IV	25,7%	IV	23,8%
III	24,9%	III	21,2%
" I	22,7%	I и II .	19,8%
„ подготовительныхъ	20,5%	приготовит .	14,7%
„ VI	19,9%	VI	13,3%
„ II . . .	18,7%	VII) не считая .	10,9%
„ VII и VIII (не считая окончившихъ)	13,7%	VII) шехъ .	5,0%

Успѣхи учащихся въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ были слѣдующіе:

а) Въ VIII дополнительныхъ классахъ 5 гимназій въ 1887 году изъ 138 ученицъ успѣшно окончили свои занятія 138, или 96,4%, и изъ нихъ 28 удостоились права на званіе домашней наставницы и 105—права на званіе домашней учительницы; остальные 5 не удостоены искомымъ свидѣтельствъ. Въ 1888 году бывшія въ VIII классахъ 143 ученицы, или 97,9%, прошли курсъ этого класса съ успѣхомъ, за исключеніемъ 3; званія домашней наставницы удостоены 42, а званія домашней учительницы—98. Всѣ окончившія по специальностямъ распредѣлялись:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
по русскому языку .	59, или 45%	65, или 46%
„ математикѣ .	52, или 39%	59, или 42%
„ исторіи и географіи	22, или 16%	16, или 12%

б) Въ VII классахъ 8 гимназій было къ концу 1886—1887 учебнаго года 214 ученицъ, изъ которыхъ 202 приступили къ окончательнымъ испытаніямъ; удовлетворительно выдержали ихъ 178 дѣвицъ, изъ которыхъ одна, именно въ Кутаисской гимназій, отказалась отъ аттестата и пожелала остаться въ томъ же VII классѣ еще на одинъ годъ; изъ 177 ученицъ, получившихъ аттестаты, награждены золотою медалью 17, и серебряною—27; наибольшее число медалей присуждено ученицамъ гимназій Кутаисской — 5 золотыхъ и 6 серебряныхъ и Тифлисской—3 золотыхъ и 6 серебряныхъ; не удовлетворили экзаменнымъ требованіямъ 24 ученицы изъ слѣдующихъ предметовъ: по математикѣ 12, по исторіи—9, по русскому языку—7 и по физикѣ—6. Изъ 187 ученицъ VII классовъ конца 1887 — 1888 учебнаго года допущено было къ испытаніямъ 168 и удостоено аттестатовъ 168, въ томъ числѣ награждено медалью золотою 16 и серебряною—9, и опять наибольшее число медалей присуждено въ гимназіяхъ: Кутаисской — 5 золотыхъ и 2 серебряныхъ, и Тифлисской—3 золотыхъ и 2 серебряныхъ; ученицъ, не удостоенныхъ свидѣтельствъ, было 10—за невыдержаніе испытаній по слѣдующимъ предметамъ: физикѣ—5, по математикѣ—4, исторіи—3, географіи—2, русскому языку—1.

в) Изъ общаго числа ученицъ въ концѣ 1886—1887 учебнаго года по 16 заведеніямъ 3.946 удостоены переводовъ въ слѣдующіе классы или выдачи аттестата объ окончаніи курса 3.102, или 78,6%; изъ этого числа успѣвающихъ было: по гимназіямъ 81,2%, а по прогимназіямъ — 70,7%. Въ концѣ слѣдующаго учебнаго года переведенныхъ въ высшіе классы, удостоенныхъ аттестата и свидѣтельства объ окончаніи курса было 3.087, или 79,2%, въ томъ числѣ въ гимназіяхъ 81,2% и въ прогимназіяхъ — 71,5%. Успѣшность въ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ выражалась слѣдующими процентными отношеніями:

		гимназій	
въ 1887 г.		въ 1888 г.	
1. Бакинская	94,1%	1. Бакинская.	86,3%
2. Владикавказская	85,9%	2. Ставропольская Св. Алек-	
3. Ставропольская Св. Алек-		ксандры	85,0%
	85,2%	3. Владикавказская	83,8%
4. Кутаисская	84,2%	4. Частная г-жи Серпиной.	82,7%
5. Екатеринодарская .	83,9%	5. Тифлисская	81,5%

6. Ставропольс. Ольгинская.	82,4%	6. Кутаисская .	81,5%
7. Заведеніе св. Нины.	77,9%	7. Заведеніе св. Нины	80,4%
8. Тифлисская	71,6%	8. Ставроп.-Ольгинская	78,2%
		9. Екатеринодарская .	71,4%

прогимназіи:

1. Сухумская	96 2%	1. Тифлисская	81,1%
2. Эриванская .	91,6%	2. Ейская.	78,9%
3. частная г-жи Серпино	81,0%	3. Сухумская	76,4%
4. Ейская .	74,0%	4. Эриванская	67,9%
5. Тифлисская .	65,0%	5. Александропольская	62,5%
6. Темиръ-Ханъ-Шурииск.	63,8%	6. Темиръ-Ханъ-Шурииск.	57,9%
7. Горійская .	57,5%	7. Горійская .	54,5%
8. Александропольская	51,9%		

Въ оба года въ отношеніи успѣшности отдѣльныхъ классовъ не замѣтно никакой опредѣленной послѣдовательности, и лучшіе по успѣхамъ были выпускные классы—VIII (96%, и 98%) и VII (83% и 86%), а самые слабые—I (74%) и особенно III (73%). Успѣшность по главнымъ предметамъ обученія, національностямъ и сословіямъ выражалась слѣдующими числами:

а) по предметамъ:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
по закону Божию .	94%	95%
русскому языку	82%	82%
по математикѣ	84%	82%

б) по національностямъ:

горцевъ	100%	горцевъ.	89%
татаръ .	89%	иностранцевъ.	88%
русскихъ	81%	русскихъ	82%
армянъ.	78%	армянъ .	75%
иностранцевъ.	76%	евреевъ .	72%
евреевъ	75%	грузинъ.	70%
грузинъ	70%	татаръ .	50%

в) по сословіямъ:

дворянъ.	81°/о	дворянъ.	82°/о
духовнаго званія	81°/о	нижнихъ чиновъ	81°/о
сельскихъ сословій .	81°/о	сельскихъ сословій .	77°/о
иностранцевъ .	78°/о	духовнаго званія .	74°/о
нижнихъ чиновъ .	76°/о	городскихъ сословій	73°/о
городскихъ сословій	73°/о	иностранцевъ .	70°/о

Уволенныхъ за неуспѣшность, вслѣдствіе двухлѣтнаго пребыванія въ одномъ и томъ же классѣ, было въ 1886—1887 учебномъ году въ гимназіяхъ—22, или 0,72°/о, въ прогимназіяхъ—9, или 0,94°/о, а всего 31, или 0,78°/о всѣхъ учащихся; въ 1887—1888 учебномъ году уволенныхъ было по гимназіямъ 23, по прогимназіямъ 6, всего 29 ученицъ; значительное большинство увольняемыхъ оказывается безуспѣшными за оба года по русскому языку 26 (84°/о) и 27 (93°/о) и по математикѣ—24 (или 77°/о и 83°/о).

Къ необязательнымъ учебнымъ предметамъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ принадлежатъ языки, новыя и туземныя, и нѣкоторыя искусства. Изъ нихъ французскій языкъ преподается во всѣхъ заведеніяхъ, кромѣ прогимназій Сухумской и Эриванской, и въ оба отчетные года ему обучалось 1.130 и 1.177 дѣвицъ; между прочимъ, въ частной гимназій г-жи Серпинѣ французскій языкъ обязателенъ для всѣхъ ученицъ, начиная съ приготовительнаго класса, а съ начала втораго отчетнаго года въ заведеніи св. Нины этотъ языкъ введенъ въ старшее отдѣленіе приготовительнаго класса въ видѣ практическаго обученія, какъ разговорный, безъ чтенія и письма. Нѣмецкій языкъ введенъ въ 7 гимназіяхъ (не преподается въ Кутаисской и Ставропольской Ольгинской) и въ прогимназій Тифлисской; ему обучалось 73 и 84 ученицы; оба новыя языка преподаются въ тѣхъ же 7 гимназіяхъ и въ той же прогимназій, гдѣ введенъ отдѣльно нѣмецкій; желающихъ изучать оба языка было 321 и 396 ученицъ. Изъ туземныхъ языковъ преподаются: грузинскій—въ гимназій Кутаисской, заведеніи св. Нины и прогимназій Горійской; учащихся ему было за оба года 353 и 396; кромѣ того, грузинскій языкъ преподавался еще въ Тифлискихъ гимназій и прогимназій, но съ начала 1886—1887 учебнаго года уроки эти прекратились за неимѣніемъ желающихъ учиться ему; армянскій языкъ введенъ во всѣхъ 4 заведеніяхъ города Тифлиса, въ прогимназій Александропольской и съ 1888 года въ гимназій Вакинской, гдѣ ему обучаются всѣ ученицы-армянки, а плата преподавателю вносится

часть ослѣх, отд. 4.

армянскимъ обществомъ; всѣхъ же обучавшихся армянскому языку въ оба года было 317 и 325 ученицъ. Пѣніе преподается безплатно во всѣхъ 16 заведеніяхъ, и число обучающихся ему было 2.978 и 2.964, что составляетъ 74% общаго числа учащихся. Рисованіе введено, какъ обязательный предметъ, во всѣ заведенія, кромѣ четырехъ: гимназій Кутаисской и двухъ Ставропольскихъ и прогимназій Эриванской; въ Александропольской же прогимназій, гдѣ рисованіе было также предметомъ обязательнымъ, въ 1888 году занятіе имъ упразднено; обучающихся этому искусству въ 11 заведеніяхъ было 2.408 и 2.420 (60%). Гимнастику ввели у себя только два заведенія—гимназія Закисская и прогимназія Горійская; въ нихъ занимаются ею всѣ ученицы; въ оба года ихъ было 409 и 444; въ остальныхъ же 14 заведеніяхъ гимнастика не введена вовсе, отчасти по недостатку соответственныхъ помѣщеній и необходимаго свободнаго времени, но болѣе всего вслѣдствіе отсутствія, даже въ такомъ городѣ, какъ Тифлисъ, лицъ, которыя могли бы руководить гимнастическими упражненіями дѣвицъ, если не съ большою пользою, то по крайней мѣрѣ, безъ вреда для ихъ здоровья и физическаго развитія. Впрочемъ, недостатокъ гимнастическихъ упражненій отчасти восполняется танцами, которые введены, кромѣ Кутаисской и Владикавказской гимназій, во всѣ прочія и въ прогимназій Горійскую и Тифлисскую; всѣхъ учащихся танцамъ было въ 1887 году 1.482 или 37% общаго числа учащихся, а въ 1888 году число обучавшихся сократилось до 1.015, или 25%, такъ какъ въ этомъ году прекратились занятія танцами въ двухъ Ставропольскихъ гимназіяхъ. Воспитанницы пансіоновъ занимаются, сверхъ того, музыкою, а нѣсколько ученицъ Тифлисской гимназій—живописью по фарфору.

Поведеніе учащихся и воспитывающихся въ 16 женскихъ заведеній и въ 5 пансіонахъ при нихъ было вполне безукоризненно за оба отчетные года, что видно изъ слѣдующаго количества прекрасныхъ отмѣтокъ и малаго числа подвергавшихся въ продолженіе двухлѣтняго срока высканіямъ, а именно:

	Въ 1887 году	Въ 1888 году
	въ томъ числѣ пансіонерокъ.	въ томъ числѣ пансіонерокъ.
отмѣтку 5 имѣли	3.581	3.746
4 „ „	326	468
	28	225
	14	14

Изъ 3.914 ученицъ—3.907 (99,8%) изъ 3.977—3.971 (99,9%) кромѣ того, въ VIII дополнительныхъ классахъ нѣкоторыхъ гимназій отмѣтокъ за поведеніе не ставится. Неодобрительнымъ поведе-

ніемъ выявили себя въ теченіе обоихъ отчетныхъ годовъ лишь 10 ученицъ и за то подверглись слѣдующимъ наказаніямъ:

	въ 1887 году.	въ 1888 году.
выговору педагогическаго совѣта	2	5.
исключенію изъ гимназій (Кутаисской)	1	1
увольненію изъ пансіона (Сухумскаго).	1	—
Итого	4 ученицы.	6 ученицъ.

Число пропущенныхъ уроковъ было въ 1887 году 162.516, что среднимъ числомъ приходится на одну ученицу по 40,8, въ томъ числѣ по гимназіямъ 128.453, или 42,4 на одну ученицу, а по прогимназіямъ—34.063, или 35,7 на ученицу. Въ 1888 году пропусковъ уроковъ было 169.291, или 42,0 на одну ученицу, отдѣльно въ гимназіяхъ—134.126, или 41,9 на одну ученицу, въ прогимназіяхъ—35.165, или 42,3 на ученицу. Главная причина манкировокъ падала за оба года на случаи заболѣваній.

Всѣхъ случаевъ заболѣваній въ теченіе 1887 года было въ 16 заведеніяхъ 11.175, или по 280 на каждыя 100 ученицъ; между пансіонерками заболѣваній было 726, или по 149 на каждыя 100 воспитанницъ; въ 1888 году случаевъ заболѣваній было 9.925, или по 256 на 100 ученицъ, изъ нихъ въ пансіонахъ — 696 случаевъ или 146 на 100 воспитанницъ. Наибольшій процентъ заболѣваній въ оба года относится къ лихорадкамъ—42 и 35,6%; затѣмъ, изъ серьезныхъ болѣзней было: случаевъ скарлатины—14 (въ томъ числѣ 9 въ Бакинской гимназій) и 32; корь—52 (въ томъ числѣ 15 въ Кутаисской гимназій и 18 въ Александропольской прогимназій) и 78 (изъ нихъ 58 въ двухъ Ставропольскихъ гимназіяхъ); оспы—28 (въ томъ числѣ 21 въ училищѣ св. Нины) и 47 (изъ нихъ 25 во Владикавказской гимназій); тифа—34 (изъ нихъ половина приходилась на гимназій и прогимназію Тифлиса) и 24 (болѣе всего въ Владикавказской гимназій — 11 случаевъ). Смертныхъ случаевъ въ 1887 году было 13 (0,33%), изъ нихъ по 3 въ гимназіяхъ Кутаисской и Владикавказской, 2 въ Горійской прогимназій и по 1 въ гимназіяхъ Бакинской, двухъ Ставропольскихъ и въ прогимназіяхъ Тифлисской и Сухумской, въ коей скончалась 1 воспитанница пансіона. Въ 1888 году смерть похитила 12 ученицъ: по 3 въ гимназій Тифлисской и въ заведеніи св. Нины, изъ нихъ 1 воспитанница пансіона, 2 въ Екатеринодарской, и по 1 въ гимназіяхъ Кутаисской и Бакинской и въ прогимназіяхъ Ейской и Темиръ-Хавъ-Шуринской.

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ МИНАЕВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Петербургскій университетъ понесъ новую тяжелую, преждевременную, хотя и предвидѣнную утрату; русская наука лишилась одного изъ самыхъ крупныхъ своихъ дѣателей. По возвращеніи изъ-за границы, гдѣ онъ напрасно искалъ облегченія отъ неизлѣчимой болѣзни, давно подтачивавшей его физическія силы, въ пятницу, 1-го іюня, въ 1 часъ по полудни, скончался Иванъ Павловичъ Минаевъ, профессоръ сравнительнаго языкованія въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

И. П. Минаевъ принадлежалъ по происхожденію къ дворянской семьѣ въ Тамбовской губерніи. Родился онъ 9-го октября 1841 года; получилъ тщательное домашнее воспитаніе и затѣмъ учился сперва въ Московской первой гимназій, а послѣ въ Тамбовской, гдѣ и окончилъ курсъ. Въ 1858 году онъ поступилъ на восточный факультетъ С.-Петербургскаго университета, гдѣ съ особенною любовью занимался подъ руководствомъ профессоровъ В. П. Васильева и К. А. Коссовича. Будучи студентомъ третьяго курса, на тему, предложенную нашимъ знаменитымъ синологомъ, онъ написалъ сочиненіе по каедрѣ китайскаго и манджурскаго языковъ: „Географическія изслѣдованія о Монголіи“, за которое получилъ золотую медаль въ февралѣ 1861 года. Профессоръ Васильевъ успѣлъ внушить даровитому юношѣ живой интересъ къ изученію буддизма, что послужило точкой отправленія для всей послѣдующей ученой дѣятельности Ивана Павловича. Профессору Коссовичу онъ былъ обязанъ первоначальнымъ знакомствомъ съ санскритскимъ языкомъ. По окончаніи курса въ уни-

верситетѣ, въ 1862 году, задаваясь вполне сознательно цѣлью изученія первоисточниковъ буддизма, для чего необходимо было основательное и глубокое знакомство съ литературами санскритскою и палийскою, Иванъ Павловичъ отправился за границу и прежде всего въ Берлинъ и Геттингенъ, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ слушалъ лекціи Воппа, Вебера и Бенфелъ. Слѣдующіе вѣтъ три года И. П. Минаевъ, получивъ командировку отъ министерства народнаго просвѣщенія для приготовленія себя къ преподаванію исторіи Востока, занимался самостоятельно рукописями въ Парижѣ и Лондонѣ и тѣмъ положилъ основаніе отличавшей его обширной и разносторонней начитанности въ не изданныхъ памятникахъ буддійской литературы. Тогда же онъ завязалъ прочныя ученныя связи съ выдающимися представителями западно-европейскаго ориентализма, главнымъ образомъ во Франціи и Англіи. Въ Россію Иванъ Павловичъ воротился (въ мартѣ 1868 г.) уже зрѣлымъ ученымъ и, по защищеніи магистерской диссертаціи, подъ заглавіемъ „Прагмокша-сутра, буддійскій служебникъ“ (въ мартѣ 1869 г.), былъ утвержденъ въ должности штатнаго доцента по кафедрѣ санскритской словесности на восточномъ факультетѣ, а въ 1871 году перешелъ въ историко-филологическій факультетъ, на кафедру сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ. Уже магистерская диссертація Минаева представляла очень цѣнный вкладъ въ тогда еще весьма мало разработанную научную область; что же касается его докторской диссертаціи „Очеркъ фонетики и морфологій языка пали“ (защищалась 18-го декабря 1872 г.), то она была вообще первымъ въ Европѣ опытомъ систематическаго изложенія грамматики этого священнаго языка буддійскаго вѣроученія. Въ скоромъ времени книга Ивана Павловича была переведена на французскій языкъ (въ печати переводъ появился въ 1875 г.) и была вполне оцѣнена также и мѣстными индійскими учеными, среди которыхъ Иванъ Павловичъ также имѣлъ почитателей. Благодаря этимъ и другимъ еще трудамъ, перечисленіе которыхъ здѣсь было бы излишне, И. П. Минаевъ приобрѣлъ авторитетное положеніе въ ряду европейскихъ специалистовъ данной области, такъ что его труды по изданію и объясненію неизвѣстныхъ или не изданныхъ памятниковъ вездѣ охотно принимались и стали, между прочимъ, украшать томы извѣстнаго всѣмъ ориенталистамъ центральнаго органа палийской филологіи — сборника „Pali text-Society“, а также другихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ изданій.

Всѣ эти труды служили какъ бы приготовленіемъ къ задуманному Иваномъ Павловичемъ обширному историко-критическому сочиненію о буддизмѣ. Этому творенію не суждено было появиться на свѣтъ въ полномъ видѣ. Издавъ былъ (въ 1887 г.) только первый томъ въ двухъ выпускахъ, дающій, однако, полную возможность судить, что еслибъ автору удалось завершить свой трудъ, онъ поставилъ бы изученіе буддизма на новую, болѣе прочную критическую почву.

Не довольствуясь кабинетнымъ изученіемъ индійской древности, Иванъ Павловичъ совершилъ три путешествія въ Индію (въ 1874—1876 гг., съ декабря 1879 по іюль 1880 г. и съ ноября 1885 по май 1886 г.), гдѣ провелъ въ общей сложности болѣе трехъ лѣтъ; отсюда онъ вынесъ богатую научную добычу въ видѣ рукописей, рѣдкихъ восточныхъ издавій и археологическихъ предметовъ, а главное— живое знаніе мѣстныхъ нарѣчій и всего народнаго быта. Какъ результатъ его наблюденій во время перваго путешествія, въ печати появились весьма живо и даже увлекательно написанныя статьи, составившія затѣмъ два тома сочиненія „Цейлонъ и Индія“, и сборникъ индійскихъ сказокъ и легендъ, записанныхъ имъ въ Камаонѣ изъ народныхъ устъ. Однако, этими издавіями далеко не исчерпывался запасъ приобретенныхъ ученымъ путешественникомъ свѣдѣній о современной индійской жизни; большая часть замѣтокъ и записей Ивана Павловича, собранныхъ имъ по время путешествій, осталась не обнародованною въ печати. Многие онъ сообщалъ въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, преимущественно въ Географическомъ, въ которомъ былъ весьма ревностнымъ и особенно полезнымъ дѣятелемъ, и въ которомъ его сообщенія всегда встрѣчаемы были съ живымъ участіемъ и глубокимъ пониманіемъ. Эти сообщенія касались уже не однихъ только теоретическихъ вопросовъ науки, но и живой современности, въ частности—условія и основанія англійскаго владычества въ Индіи и Великобританскихъ стремленій къ расширенію вліянія или даже преобладанія въ Средней Азій. Судьбами послѣдней въ прошломъ и настоящемъ Иванъ Павловичъ интересовался съ давнихъ поръ, и какъ это было ему свойственно, онъ изучилъ занимающій его предметъ самымъ глубокимъ и разностороннимъ образомъ. Онъ сдѣлался несомнѣнно лучшимъ у насъ знатокомъ исторической географіи Средней Азій. Плодомъ этихъ занятій являются „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи“, „Старая Индія“ (подробный комментарий къ запискамъ русскаго путешественника XV вѣка Авапсія Никк-

тина: „Хоженіе за три моря“) и неизданный еще, но, сколько намъ извѣстно, совершенно готовый къ печати переводъ путевыхъ записокъ Марко-Поло, также съ комментариемъ. Нѣкоторыя изъ названныхъ сочиненій Ивана Павловича, вышедшихъ отдѣльно, печатались первоначально въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія; тамъ-же онъ помѣстилъ много другихъ самостоятельныхъ изслѣдованій и мелкихъ статей въ видѣ рецензій на вновь выходящія книги, русскія и иностранныя, соприкасающіяся съ тою или другою областью его занятій. Онъ отзывался также и на животрепещущіе вопросы текущей политики по дѣламъ средне-азиатскимъ и помѣщалъ по временамъ статьи въ Новомъ Времени. Подробной научной оцѣнки трудовъ Ивана Павловича мы можемъ ожидать отъ специалистовъ; но изъ сказаннаго достаточно ясно слѣдуетъ, что И. П. Минаевъ принадлежалъ къ самымъ выдающимся ученымъ не только русскимъ, но и европейскимъ. Имя его пользовалось особеннымъ уваженіемъ въ Англіи и во Франціи.

Какъ профессоръ и членъ университетской преподавательской корпораціи, И. П. Минаевъ всегда стоялъ чрезвычайно высоко во мнѣніи товарищей; всѣ признавали въ немъ не только рѣдкаго ученаго, но и высокую нравственную личность, цѣнили его непреклонную вѣрность убѣжденіямъ, безукоризненную честность, прямоту и строгую правдивость. Всѣ сознавали, что этотъ человекъ не въ состояніи покривить душою, никогда и ни за что не скажетъ живаго или лъстиваго слова. Даже тѣ, которые расходились съ нимъ по разнымъ вопросамъ и отношеніямъ, никогда не рѣшались и не думали заподозрить Ивана Павловича въ какихъ-либо недостойныхъ или низменныхъ побужденіяхъ. Для тѣхъ, кто зналъ Ивана Павловича ближе и могъ считать себя въ числѣ его друзей, воспоминаніе о немъ останется на всю жизнь драгоценнымъ достояніемъ и, когда минуетъ первая горечь утраты, будетъ служить отраднымъ утѣшеніемъ на все минувшее и ободреніемъ для будущаго.

Вслѣдствіе самаго характера преподававшагося покойнымъ предмета, ученики И. П. Минаева были не особенно многочисленны; но тѣ немногіе, которые избрали его своимъ руководителемъ, могли поистинѣ считать себя счастливыми, и за его работы объ ихъ научномъ развитіи они въ свою очередь платили ему трогательною признательностью и, можно сказать, безграничною любовью. Да будетъ мнрѣ его праху! Да живетъ его духъ въ его преемникахъ и послѣ-

дователяхъ! Пусть онъ вѣщаетъ въ стѣнахъ того учрежденія, которому покойный посвятилъ главную свою дѣятельность. Къ Петербургскому университету обращались послѣднія сознательныя думы и тревоги Ивана Павловича, и на листахъ газеты, которую съ трудомъ держала его дрожащая рука, на канунѣ своей смерти онъ искалъ опроверженія или подтвержденія прискорбнымъ слухамъ объ уходѣ нязъ него прежнихъ своихъ товарищей.

В. Васильевскій.
Баронъ В. Рессигъ.

РАСКОПКА ДРЕВНЕЙ ДЮКЛЕИ, ПРОИЗВЕДЕННАЯ ПО УКАЗАНИЮ И НА СЧЕТЪ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ЧЕРНОГОРСКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ.

(Отъ 22-го января до 11-го февраля 1890 г.).

Введеніе.

Дюклея, Дюклитія, Превалитанія, Зета — это все названія одной и той же мѣстности или провинціи, которая составляла часть древняго Иллирика и принадлежала попеременно то Римской, то Византійской имперіи.

Центромъ этой провинціи или резиденціей ея правительства былъ городъ Дюклея или Доклея, а по нынѣшнему говору мѣстныхъ жителей сербовъ — Дукля. Съ этимъ именемъ нѣкоторые стараются соединить имя императора Дюклитіана (285 — 305 г. по Р. X.); иные готовы признать его основателемъ этого города, давшимъ ему свое имя. По мѣстному народному преданію, Дюклея также считается городомъ царя Дуклиана, котораго отождествляютъ съ дьяволомъ, и по этому поводу есть нѣсколько разказовъ¹⁾. Есть и другія преданія объ немъ, но здѣсь они не имѣютъ мѣста, и мы указываемъ на нихъ, только какъ на совпаденіе народнаго взгляда со взглядомъ исторіи относительно связи между Дюклитіаномъ и городомъ Дюклеей. Не будемъ пока останавливаться на этомъ вопросѣ, а постараемся дать читателю нѣкоторое понятіе о мѣстности, къ которой относится наше изслѣдованіе, и о ея исторіи. Въ настоящее время

¹⁾ Объ этомъ см. разказъ въ нашей статьѣ „Мировоззрѣніе Черногорскаго народа“, *Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.* т. XXII, стр. 51—52.

это часть княжества Черногоріи, и для нагляднаго ознакомленія съ ея положеніемъ представляемъ карту; а для исторіи считаемъ достаточнымъ привести нѣсколько данныхъ, служащихъ для освѣщенія общаго положенія этого края. Отъ господства здѣсь римлянъ остались слѣды на каждомъ шагу, начиная отъ г. Скодра (Scutari) и его окрестности по всей Нижней Зетѣ, по среднему теченію р. Зеты и до ея вершинъ за г. Никшичешъ. Всюду здѣсь встрѣчаются слѣды какихъ-то построекъ и плиты съ римскими надписями. О римлянахъ свидѣтельствуетъ названіе мѣстности въ Бучахъ (къ востоку отъ Подгорицы)—Фуядана, древняя Fontana, заслужившей это имя богатствомъ ключей. Нынѣшній Медунъ, тоже въ Бучахъ, напоминаетъ намъ Медеонъ, упоминаемый у Тита Ливія (58 г. до Р. X. и 19 по Р. X.). Приведемъ это мѣсто въ его исторіи, такъ какъ тамъ находятся и другія имена, относящіяся къ этимъ предѣламъ. Вотъ по какому случаю и какимъ образомъ вспоминаетъ эту мѣстность Т. Ливій: „Аницій послалъ Перпенну для пріема друзей и знакомыхъ императора, и отправился въ Медеонъ, городъ Лабеатскаго народа (Labeatis или lacus Labeaticus нынѣшнее Скарарское озеро), откуда онъ жену Этлеву съ двоими сыновьями, Спердилетомъ и Плевратомъ, а также брата Каравонція отвелъ въ лагерь подъ Скараръ“. Изъ этого видно, что Медунъ служилъ убѣжищемъ для родственниковъ и знакомыхъ императора.

Кромѣ того извѣстно, что этотъ край въ значительной степени снабжалъ Римъ хлѣбомъ, какъ впоследствии отсюда же вывозился хлѣбъ и венеціанцами.

При такомъ значеніи этого края, не удивительно, что Римъ давно уже имѣлъ здѣсь свои колоніи, средоточіемъ которыхъ былъ городъ Дюклея.

I.

Описаніе развалинъ Дюкленъ.

Развалины этого города находятся въ углѣ, образуемомъ соединеніемъ рр. Морачи и Зеты. До сихъ поръ видны еще остатки стѣны, которая его окружала, и съ бойницами, которыя въ настоящее время совсѣмъ уничтожены, кромѣ одной, только на половину разрушенной, тогда какъ назадъ тому 11 лѣтъ я видѣлъ ихъ четыре; а по разказамъ мѣстныхъ жителей, бойницы эти были черезъ

кажды 40 сажень, впрочемъ только на сторонѣ, обращенной къ сѣверу, къ горамъ; между тѣмъ какъ на югѣ по краю р. Морачи ихъ не было. Кромѣ стѣны для обороны этого города служивъ еще двойной ровъ съ восточной и сѣверной сторонъ, который, по народному преданію, наполнялся просомъ, а въ дѣйствительности водою, проведенною издалека, изъ-за Марачи, на что указываетъ до сихъ поръ сохранившійся, подземный аквадукъ со слѣдами моста черезъ р. Рыбницу. Съ сѣверной же и сѣверо-западной сторонъ находится глубокой оврагъ Ширалин, который нѣкогда былъ постоянно текущимъ и исключалъ необходимость въ искусственныхъ валахъ.

Слѣды воротъ до сихъ поръ видны съ одной стороны отъ потока Ширалин подлѣ р. Зеты и тутъ же слѣды бастиона; а я видѣлъ тамъ же еще слѣды какой-то постройки въ родѣ дома для стражи. Засталъ я также слѣды воротъ и со стороны р. Морачи; но теперь тамъ едва можно примѣтить фундаментъ стѣны. Окружность этого города по моему измѣренію шагами не много болѣе двухъ съ половиною километровъ.

Внѣ города на западной сторонѣ между потокомъ Ширалией и р. Зетой разбросаны бугры, при раскапываньи которыхъ оказываются каменные своды, а внутри ихъ человѣческія кости и различные глиняные и стеклянные сосуды. Тамъ же находятся и плиты съ надписями, свидѣтельствующія, что это были могильные памятники. Очевидно, что тутъ было цѣлое кладбище; а далѣе по равнинѣ видны слѣды и другихъ построекъ.

Внутри города вы находите площади ровнаго мѣста, въ настоящее время обработанныя и обращенныя въ нивы или ливады; а между ними бугры, состоящіе изъ камней, щебня и осколковъ черепицы и кирпичей смѣшанно съ землею, недоступныя обработкѣ и только покрыты лѣсомъ или вустарникомъ. Тамъ-сямъ виднѣются стѣны, иногда поднимающіяся на сажень и выше надъ землею, и тутъ попадаются—то плита съ надписью, то обломокъ колонны или карниза, то капитель или пьедесталъ.

На мѣстахъ, которыя обрабатываются, каждый годъ находят монеты, большею частью мѣдныя, а иногда серебряныя и еще рѣже золотыя римскія и рѣдко греческія. Находятъ и другія вещи: сосуды глиняные и стеклянные, послѣдніе иногда съ надписью золотомъ, блюда, камни для перстней съ прекрасною рѣзбою, большею частью сердолики и ашму, иногда кварцъ и др.; различныя орудія изъ желѣза: ножи, концы копій и т. п. Все это добывается каждый

годъ и продается въ Которѣ или заѣзжимъ иностранцамъ; но съ каждымъ годомъ добыча становится все меньше, тогда какъ прежде это составляло доходную статью племени Пинеръ. Кромѣ того, ни одна постройка въ Подгорицѣ или окрестности не обоглась безъ того, чтобы прекрасно обдѣланные камни иногда съ рѣзбою и надписями не понесли съ Дюклеи. Строятся ли церковь или мечеть, нужна-ли плита для могилы,—плиты и камни брались отсюда.

И этотъ процессъ разнесенія камней и разныхъ вещей продолжается болѣе тысячи лѣтъ. Повѣстно послѣ этого, что на поверхности не осталось почти ничего, а нужно копать бугры, что не подь силу одиночной работѣ поселанина, и углубляться внутрь.

Были покушенія нѣкоторыхъ иностранцевъ, особенно англичанъ, начать здѣсь раскопки; но, пока эта мѣстность не досталась Черногорин, работать на ней было крайне не безопасно; да и нивы здѣсь больше разработаны только въ послѣднее время. Я еще засталъ, когда разработанныхъ мѣстъ было весьма мало.

Наконецъ, настало время для раскопокъ; но этому теперь препятствуетъ то обстоятельство, что вся эта мѣстность составляетъ чью нибудь личную собственность и обращена въ нивы или луга. Тѣмъ не менѣе е. в. князь Николай, движимый интересомъ къ прошлому своей страны, всегда думалъ объ этомъ; но, занятый другими дѣлами, предоставилъ это право своей дочери, покойной княгини Зоркѣ Карагеоргиевичъ. Въ этомъ году однако онъ рѣшилъ приступить къ раскопкамъ самъ и поручилъ это дѣло мнѣ, лично рассмотрѣвши предварительно мѣсто, съ котораго мы должны были начать, и предоставивши въ мое распоряженіе рабочихъ, сколько бы ни потребовалось. И вотъ какъ мы производили эту раскопку, и что намъ открылось.

II.

Раскопка.

(Какимъ образомъ ведена, что найдено и соображенія по поводу находокъ).

Мы выбрали мѣсто, которое представляло собою квадратъ приблизительно въ $\frac{1}{4}$ русской десятины или 5000 кв. метровъ. Средняя его представляла ровное мѣсто, одна часть котораго была засѣяна озимю пшеницей, а другая оставалась необработанною въ видѣ луговинки. Края представляли возвышенія. Особенно высокъ

былъ край, имѣющій направленье съ юга на сѣверъ: онъ возвышался надъ ровною поверхностью болѣе двухъ метровъ; съ вѣшной стороны его видна была стѣна изъ простаго камня въ видѣ правильныхъ кубовъ; на сѣверномъ концѣ также была стѣна и кромѣ того полукруглый выступъ (абсиды), какъ въ церкви.

Это послѣднее навело меня на мысль, не была-ли то католическая церковь, построенная изъ римскаго матеріала, такъ какъ здѣсь давно уже (съ IX вѣка) существовала католическая епископія. На чертежѣ мы означили точками возвышенныя края; а начали копать съ ровнаго въ двухъ направленіяхъ: къ западу, разставивши рабочихъ по линіи съ юга на сѣверъ, и къ сѣверу по линіи съ запада на востокъ. На ровномъ на глубинѣ менѣе полуметра мы встрѣчали уже природный грунтъ, состоящій изъ конгломерата; прокопавъ этотъ грунтъ еще на 20 — 25 сантиметровъ, мы не углублялись больше, а шли впередъ. Работа шла успѣшно: мы въ первый же день прошли около 15 метровъ, и дошли до возвышеннаго края; но не нашли ничего, кромѣ обломковъ черепицы, а иногда кусочковъ глиняныхъ сосудовъ. Выносить землю или щебень намъ было некуда, такъ какъ кругомъ находились чужія нивы или дуга, потому мы ее возвращали на мѣсто, уже раскопанное, на которомъ ничего не оказалось. Покуда работа шла на ровномъ мѣстѣ, не представлялось никакого затрудненія; но только начали раскапывать высокій край, стали попадаться большіе камни, которые нужно было устранять, тогда какъ сзади насъ образовалась уже высокая насыпь, и камни эти нужно было или выносить на чистое мѣсто или поднимать на эту насыпь. Камни были иногда такъ велики и тяжелы, что 10 человекъ едва могли перевертывать. Работа замедлилась и шла неравномѣрно: одни шли впередъ, другіе возились съ какимъ-нибудь камнемъ и оставались сзади.

Вскорѣ мы встрѣтили камни, очевидно, лежащіе на своемъ мѣстѣ и принадлежащіе какой-то постройкѣ. Они сложены въ видѣ параллелограмма, середина котораго пуста (см. чертежъ а). Идя далѣе, мы встрѣтили нижнюю ступеньку каменнаго помоста, затѣмъ сталъ открываться и самый помостъ изъ большихъ плитъ (ф. б—б). Тутъ же нашлись два камня (обломки архитрава), на которыхъ прекрасно сохранилась римская надпись, и изъ которой мы увидали, что имѣемъ дѣло не съ христіанскимъ храмомъ, а съ римскою базиликой; а вторыхъ, что въ ней находилась статуя, притомъ конная. (Надпись эту приводимъ ниже). Отрывая далѣе помостъ, мы нашли ве-

щипцу въ родѣ верхняго конца жезла изъ тяжелаго металла съ пре-
красно сохранившемся позолотой, и еще двѣ позолоченныя же вла-
стивки и желѣзный гвоздь съ позолоченною шляпкой.

На сѣверной сторонѣ прежде всего напали мы на камень съ же-
лобкомъ посрединѣ, а послѣ открыли весь жолобъ на протяженіи 36
метровъ съ загибами по краямъ, какъ показано на рисункѣ (ф. в—в).
По положенію своему жолобъ этотъ долженъ былъ служить для стока
воды съ окружающихъ его зданій. Теперь нужно было добираться
до самыхъ зданій. Въ этой сторонѣ стали находиться мѣдныя мо-
неты, обломки стеклянныхъ и глиняныхъ сосудовъ, и одинъ малень-
кій глиняный сосудъ цѣлый.

Продолжая такимъ образомъ идти впередъ и не трогая съ мѣста
ни одного камня, если онъ не былъ сваленнымъ, мы постепенно
открыли фундаменты зданій съ частями стѣнъ.

Начнемъ съ базилика, которая протянулась съ юга на сѣверъ,
съ весьма малымъ уклоненіемъ сѣвернаго конца къ востоку. Въ длину
безъ абсиды она занимаетъ 66 метровъ; въ ширину же неодинакова:
въ сѣверномъ концѣ, гдѣ абсида, 12 м. 82 с.; южнѣе, тотчасъ за
поперечною преградой 13 м. 52 с., а въ южномъ концѣ 13 м. 65 с.
На чертежѣ мы взяли одну ширину до 14 м. Все зданіе раздѣляется
на 4 части. Пространство, гдѣ находится абсида, было совершенно
закрыто; изъ него шла дверь на югъ; полъ — изъ мелкихъ кубиковъ
(моzanка) простаго камня. Смежное съ этимъ отдѣленіе на югъ имѣетъ
помость изъ большихъ плитъ, на которыхъ стояли двѣ колонны; по-
добное же отдѣленіе и на южномъ концѣ, и въ обоихъ ихъ полъ
состоялъ изъ тонкихъ плитъ, большая часть которыхъ выгнута. Въ
самой же серединѣ мы не нашли никакого пола. Итакъ, въ цѣломъ
зданіи мы нашли четыре отдѣленія (1, 2, 3, 4).

Стѣна сохранилась по южной, западной и сѣверной сторонѣ и
вся изъ простаго камня; первая двѣ стороны уцѣлѣли въ высоту
близъ двухъ метровъ; въ отдѣлѣ съ абсидой внутри до 4-хъ метровъ,
а снаружи и выше. Западная и южная стороны снаружи широко за-
валены камнемъ отъ очистки пола, такъ что ихъ лицо не видно;
только съ южной немного откапывали и нашли, что тамъ на вы-
сотѣ 1½ метровъ (считая отъ внутренняго пола) идетъ полъ въ
родѣ паркета. На восточной сторонѣ стѣна сохранилась на 1½
метра только въ южномъ и сѣверномъ отдѣленіи и при томъ изъ
простаго камня; а на протяженіи между этими отдѣленіями стѣна

была из кирпича, но сохранилась только на южном концѣ высотой въ 1 метръ, а въ другихъ мѣстахъ только куски ея.

Вдоль всей этой стѣны идетъ помость изъ большихъ каменныхъ плитъ въ родѣ тротуара (б—б). Онъ плотно примыкаетъ къ стѣнѣ, и сверхъ того по всему этому помосту сохранились при стѣнѣ 12 (г, г, г...) пьедесталовъ изъ-подъ стоявшихъ на нихъ плоскихъ колоннъ или собственно полуколоннъ. Въ одномъ мѣстѣ сохранился пьедесталъ и на внѣшнемъ краю помоста (д), немного однако сдвинутый, а есть слѣды и противъ всякой полуколонны, судя по чему, полагаемъ, что вдоль всего этого помоста шелъ рядъ колоннъ по его внѣшнему краю. Съ помоста внутрь зданія вали четыре двери (е), какъ означено на чертежѣ; а въ отдѣленіи съ абсидой на высотѣ 1 1/2 метра было нѣчто въ родѣ окна (ж).

При задней стѣнѣ вдоль всего средняго отдѣленія находится 6 параллелограмовъ (з, з...) съ пустотой внутри и двѣ двери: одна совершенно узкая, а другая шире, и внизу ея слѣды бывшей лѣсенки или ступенекъ (и, і).

На югѣ также есть отверстіе для двери, но на высотѣ приблизительно одного метра и дверь также противъ помоста (к и к). Помость имѣетъ протяженія 53 м. 80 с., а ширина вѣсть съ нижней ступенькой 2 м. 82 с.; далѣе его нѣтъ; а подъ нимъ идетъ канава, покрытая необдѣланными плитами и въ настоящее время засыпанная землею, а когда-то, безъ сомнѣнія, открытая и служившая для отвода нечистоты (слоаса). Канава эта выходитъ изъ линіи этихъ зданій и тянется до рѣки Морачи. Въ углѣ между отдѣленіемъ съ абсидой и другимъ смежно съ помостомъ находится яма (л), которая идетъ въ глубь, но не раскопана; а, по всемъ вѣроятіямъ, она спускается въ упомянутую канаву. Здѣсь найдены двѣ раковины морскихъ устрицъ, изъ которыхъ одна весьма большая и толстая, какихъ въ настоящее время я не видѣлъ, и имѣютъ видъ обѣ какъ бы окаменѣлыхъ.

Обратимся теперь къ другой сторонѣ.

Здѣсь открылся рядъ комнатъ (м, н, о, п, р). Всѣ онѣ протянулись въ одну линію, какъ по фасаду, гдѣ находится двери, такъ и свады; но у первой (м) задняя стѣнка разрушена; вторая (и) нѣсколько короче другихъ и полъ ея возвышается надъ другими на 1 м. 33 с.; послѣдняя (п) свады закруглена. Полъ мозаичный во всѣхъ ихъ, кромѣ послѣдней, гдѣ мы нашли только землю. Кромѣ того, во 2-й (н) вся мозаика была покрыта толстыми мраморными

пластинками. Въ третьей комнатѣ (о) при дѣхъ сохранилась штукатурка, покрашенная квадратами малиновой и желтой краской съ темными жилами, какъ на ираморѣ. Тоже самое было и во второй, а у первой видны слѣды штукатурки извѣст. Внутренняго сообщенія между комнатами нѣтъ никакого, только изъ 2-й въ 1-ю (изъ и въ м) есть отверстіе въ родѣ двери, безъ косяковъ и порога; тогда какъ въ другихъ дверяхъ есть пороги (сс) съ возвышенными закраинками къ вѣшной сторонѣ, притомъ весьма выглаженные и вытертые, что доказываетъ весьма продолжительную ихъ службу. По угламъ ихъ остались постаменты (т...), на которыхъ должны были стоять полуколонны; а передъ второй нѣчто въ родѣ балкона (у), съ боковъ же были колонны или постаменты для статуй или другихъ предметовъ. Такими постаментами мы считаемъ два камня, выходящихъ видъ египтянъ съ грубо вырѣзанными на нихъ листьями лавина, но слишкомъ массивныхъ для того, чтобы быть поднятыми на колонны. Одинъ изъ нихъ по неосторожности въ мое отсутствіе завалился, а другой свалился внизъ, откуда не могли поднять, чтобы лучше можно было рассмотреть, какъ то дѣлали со всѣми другими каноньями; но тѣмъ не менѣе и его можно хорошо видѣть.

Каменный жолобъ находится въ разстояніи 9 м. отъ комматъ ¹⁾ и мѣстами сверху покрытъ камнями; а есть основаніе предполагать, что между нѣмъ и комнатами былъ какой нибудь помостъ.

Далѣе къ востоку есть еще комната (р), но мы дальше не раскапывали.

Итакъ, въ общемъ итогѣ мы открыли только фундаменты зданій, по которымъ имѣемъ ясное представленіе только о планѣ ихъ. Что же касается цѣлой постройки: фасада, крыши, вѣшнихъ украшеній, мы можемъ судить только по оставшимся стѣнамъ, плитамъ съ рѣзьбою, карнизамъ, колонкамъ, капителямъ и т. д. Къ сожалѣнію, все это чрезвычайно изуродовано и переломано въ мельчайшіе куски. Передняя стѣна базилика изъ кирпича вся уничтожена и осталась только небольшой кусочекъ. Отъ колоннъ и полуколоннъ, которыхъ было до 30, осталось только какихъ нибудь 20 обломковъ, большею частью куски менѣе одного метра, и только одинъ обломокъ достигаетъ 2

¹⁾ На чертежѣ это разстояніе показано меньше вѣроятнаго ошибки: длину базилика 66 метровъ мы означили съ абендой, тогда какъ она такова безъ абенды, выходящей радиусъ въ 2 м. 13 1/2 с., и должна бы быть длиннѣе; а тогда и комнаты по сѣверной сторонѣ отодвинулись бы дальше отъ жолоба.

метровъ; а высота ихъ, судя по высотѣ стѣнъ въ отдѣленіи съ абсидой, должна была достигать 4-хъ метровъ. Отъ нихъ осталось только 5 капителей. Изъ плитъ же съ рѣзбю, находившихся въ потолкѣ базилики (caissons, Cassettendecke), осталась только одна цѣльная и три обломка. Тоже самое должно сказать и относительно карнизовъ. Сохранились два массивные консоля (modillons) съ прекрасною рѣзбой, служившіе поддержкою карниза; но развѣ только и было два? Однимъ словомъ разрушеніе было ужасное, а и расхищеніе потомъ производилось тоже въ размѣрахъ не менѣе широкихъ.

Разрушеніе этого города произведено было, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ первой половинѣ VI вѣка аварами, когда они наводнили всю западную часть Балканскаго полуострова, и были такъ сильны, что Византійская имперія оказалась противъ нихъ безсильною, и потому императоръ Гераклій въ 620 году призвалъ противъ нихъ сербовъ, которые ихъ частью уничтожили, а частью вытѣснили. Своими механическими силами эти дикари не въ состояніи были разрушить солидную постройку Рима; поэтому прибѣгли къ огню. Во многихъ мѣстахъ при откапываніи мы нашли слѣды разведеннаго огня при самыхъ стѣнахъ зданія—закоптѣлые камни, черную землю, смѣшанную съ углемъ и пепломъ. Въ отдѣленіи съ абсидой были чрезвычайно массивные дверные столбы; одного теперь нѣтъ, а оставшійся весь истрескался, какъ дерево, въ щепки: это произвело конечно двойное дѣйствіе сначала огня, а послѣ—поливанья водою. Понятно поэтому, что тамъ не могла уцѣлѣть ни одна статуя, если не была заблаговременно унесена самими римлянами. Вещей никакихъ, болѣе видныхъ, также не могло тутъ остаться, потому что разрушенію зданій, безъ сомнѣнія, предшествовалъ грабежъ. Затѣмъ въ продолженіе 12 столѣтій происходило расхищеніе строительнаго матеріала для церквей, домовъ, мостовъ, кладбищъ и т. д. Такимъ образомъ неудивительно, что теперь не оказывается на мѣстѣ и половины того, что было, хотя бы и въ изломанномъ видѣ, и потому для опредѣленія открытыхъ нами построекъ не остается ничего, какъ гаданье по оставшимся фундаментамъ. Впрочемъ, и по тѣмъ жалкимъ остаткамъ, которые мы уже открыли, опытный археологъ можетъ воссоздать всѣ части этихъ зданій; мы же ограничиваемся однимъ планомъ и копированьемъ надписей.

Прежде всего обращаемъ вниманіе на ту надпись, которая сохранилась на нѣсколькихъ кускахъ архатрана и относится прямо къ базиликѣ. Всего такихъ кусковъ 10, и найдены они передъ помо-

стомъ и частью на немъ; мы ихъ уклонили отсюда, вслѣдствіе того, что они мѣшали дальнѣйшей работѣ; но, сдѣлавши это, мы поставили ихъ какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ они были найдены, чтобы дать возможность наблюдателю сообразить, какое пространство занимала цѣлая надпись. Именно: пространство, занимаемое ими, составляетъ 30 метровъ; а общая длина всѣхъ 10 камней—12 метровъ 85 сантиметровъ; слѣдовательно, между ними недостаетъ 27 м. 15 с., то-есть вдвое больше того, сколько имѣемъ; а недостаетъ также начала и конца надписи. Однимъ словомъ, если эта надпись шла по архитраву безъ перерыва или промежутковъ, то мы имѣемъ едва $\frac{1}{2}$ ея. Должно при этомъ замѣтить, что точно такой же формы камней, только безъ надписей—находится еще 13, которые составляютъ длину 19 м. 6 с. Но, можетъ быть, одни изъ нихъ отъ фриза, другіе изъ архитрава. Этому мы не можемъ рѣшить, не обладая достаточными знаніями архитектуры. Перейдемъ теперь къ самой надписи, которая имѣетъ смыслъ votivный. Она идетъ въ два ряда: сверху значитъ, кому дѣлается посвященіе, а внизу—кѣмъ.

На 1-мъ камнѣ:	NES· ET· STATVAMEQESTR AVERVNT.
„ 2-мъ	LTFQVIR· FRONTONIPRAEF PONTIF FLAM DIVI
„ 3-мъ	FLM· F· Q EQVESTR·
„ 4-мъ	BINO· HVIC· DEFVNC· ORD ¹⁾ FL· FRONTO ET·
„ 5-мъ	O· DOCL· HONOR FL· TERTVLL
„ 6-мъ	MNES· ET STATVAM FIL
„ 7-мъ	MFLM· FQVIR BALBIN EQVESTR
„ 8-мъ	DOCL HONORE PARENTES INAV
„ 9-мъ	SOMNES ET STATVAM RAVERVNT
„ 10-мъ	C·ORDO FL· TERTVLLA

¹⁾ Буква D написана не вполне, в половинѣ ея переходитъ на 5-й камень; мы же поправляемъ цѣлагомъ на одномъ камнѣ.

Насколько позволяет отрывочность надписи, мы узнаемъ изъ нея, что нѣкто поставилъ „конную статую“ (statuam equestrem), оказавши прежде всѣ другія почести; но кому, — неизвѣстно. На второмъ камнѣ читаемъ имя префекта Фронтана, которому, вѣроятно, тоже были оказаны почести, между прочимъ со стороны „верховнаго жреца“ (pontifex flamen). Но не удалены ли эти камни одинъ отъ другаго во время разрушенія? Если это такъ, то можно считать, что упомянутая статуя поставлена именно Фронтоу.

На 3-мъ камнѣ находятся сокращенія, которыхъ мы не можемъ разобрать; но видно, что на этихъ камняхъ, входящихся одинъ возлѣ другаго (3, 4, 5 и 6), была одна общая надпись, относившаяся къ какому-то „здѣсь погребенному Бальбину“, а лицами, воздавшими ему эту почесть, были Фл. Фронтонъ и Фл. Тертулианъ; но что значить „Fll“ — стоящее на концѣ? не „flll“ — ли? При этомъ не достаетъ двухъ кусочковъ: между 3-мъ и 4-мъ отломлено начало имени „Bal“, а между 5-мъ и 6-мъ *es* въ словѣ *hologes* и *o*, отъ котораго видна только часть. Въ слѣдующей группѣ опять упоминается имя Бальбина, которому возданы всѣ почести отъ града Докли или Доклеи и поставлена статуя. Виновицами этого являются его родители и Фл. Тертулла или Тертуллианусъ. Здѣсь тоже отломленъ одинъ слогъ „gu“ въ словѣ *inauguraverunt*.

Остается теперь разгадать, кто были Фронтонъ и два раза упоминаемый Бальбинъ.

Мы знаемъ только Корнелія Фронтана, учителя Марка Аврелія, который въ 161 году до Р. Х. изъ благодарности назвалъ его консуломъ; но не былъ ли онъ префектомъ провинціи Дюклия, вследствие чего жители этого города и главный жрецъ воздвигли ему памятникъ?

Относительно Бальбина мы совершенно недоумѣваемъ. Въ исторіи извѣстенъ Бальбинъ, вмѣстѣ съ Максимомъ провозглашенный сенаторомъ за императора (въ 238 г.) и потомъ убитый преторіанцами; этотъ же „здѣсь“, то-есть въ Доклѣ, погребенъ, слѣдовательно, — какой-то другой.

Кромѣ упоминанія этихъ именъ, дающихъ возможность опредѣлить время сооруженія этихъ зданій, надпись эта сохранила намъ первобытную форму города *Dosl* то-есть *Dosla* или *Doslea* вм. позднѣйшаго *Dioslea*. Также самое подтверждается надписью, оттиснутою на одномъ кирпичѣ, найденномъ въ отдѣленнѣ съ абсидой: *OCLODM*. Начала и конца недостаетъ; но въ началѣ, безъ сомнѣнія, было *D*, а знакъ между *O* и *M* какой-то непонятный и вверху его есть ка-

кая-то прибавка. Очевидно однако, что это былъ штампель или печать города Докля, какъ имѣли обычай означать ими своей фирмы и другіе производители кирпичей. Константинъ Порфирогенетъ, называя цѣлую провинцію Дюклеей, упоминаетъ тамъ три большіе населенныхъ города; „Gradeta, Nugrade и Lantodocla“. Во второй половинѣ послѣдняго имени заключается опять Docla, а первая половина составляетъ, можетъ быть, какой-нибудь ея эпитетъ.

Такая форма имени этого города исключаетъ всякую необходимость приводить его въ какую бы то ни было связь съ императоромъ Дюклетіаномъ.

Кромѣ того, посвященіе статуй Фронтону и Бальбину не могло быть въ слишкомъ отдаленномъ отъ нихъ времени; оно сдѣлано ихъ почитателями, знавшими ихъ при жизни, и потому это должно было произойти раньше Дюклетіана. Самое же зданіе не было ли построено еще гораздо раньше поставленія въ немъ статуй упомянутыхъ лицамъ? А городъ существовалъ, конечно, еще раньше, до Р. X.

Необходимо остановиться и еще на одномъ важномъ вопросѣ: что-жъ это было за зданіе? Мы назвали его базиликой по сходству внѣшней формы или плана съ другими базиликами, особенно съ basilica Ulpiana въ Римѣ, отъ которой наша разнится только размѣромъ. Между тѣмъ одинъ молодой археологъ, занимающійся раскопками въ Салонѣ и недавно посѣтившій и нашу раскопку, проф. Петричевичъ высказалъ мнѣніе, — нерѣшительно впрочемъ, — что это могли быть термы или бани, которыя съ такою роскошью строились, во время Тита Флавія Веспасіана и сына его Тита, и которыя украшались также статуями; между прочимъ въ нихъ найдена знаменитая группа Лаокоона.

Такому предположенію, по нашему мнѣнію, противорѣчитъ вотивный характеръ этого зданія. Статуя, поставленная въ немъ, назначалась не для празднаго украшенія его, а служила выраженіемъ того чувства благодарности, которое ставившіе ихъ питали къ изображеннымъ ими лицамъ. Кромѣ того, здѣсь нѣтъ мѣста для бассейновъ холодной и горячей воды и отдѣленій для раздѣванья и одѣванья и отдыха послѣ бани, не говоря уже о залахъ для гимнастики, чтенія и др., какъ то vediamo во всѣхъ баняхъ Рима, Помпеи и др. городовъ. Во всѣхъ ихъ необходимы были слѣдующія отдѣленія: apodyterium (для раздѣванья), frigidarium (гдѣ была холодная вода), tepidarium (умѣренно теплая комната для потѣнья) и caldarium (гдѣ была горячая вода и высокая температура). Всѣ отдѣленія не могли

помѣщаться въ такомъ узкомъ зданіи, какъ наше, въ одну линію, но занимали большой просторъ и въ ширину. Поэтому мы покуда остаемся при томъ мнѣніи, что открытое нами зданіе—базиллика, гдѣ въ среднемъ отдѣленіи собирались дѣловые люди, обсуждая свои торговые и общественныя дѣла; въ закрытомъ отдѣленіи съ абсидой засѣдалъ судъ; а рядомъ съ нимъ и въ концѣ—были отдѣленія для различныхъ нуждъ и потребностей: закутить, прохладиться или согрѣться какимъ нибудь питьемъ, и т. п. Сходство же нашей базилики съ ульианской наводитъ насъ на мысль, что первая была копіей второй, построенной Траяномъ (98—117 г. по Р. Х.). Впрочемъ такой формы зданія были распространены у римлянъ. На форумѣ въ Помпѣи по сѣверной его сторонѣ расположены три зданія такой формы, неподалеку отъ базилики.

Что касается ряда маленькихъ комнатокъ на сѣверной сторонѣ, изъ которыхъ мы откопали четыре, а одна въ углу осталась неоткопанною,—мы покуда ничего не можемъ сказать, такъ какъ ихъ смыслъ и назначеніе могутъ опредѣлиться тогда только, когда будутъ открыты и остальные двѣ стороны. Замѣтимъ при томъ, что эти двѣ стороны не представляютъ такихъ нагроможденій, какъ черныя. Кромѣ того, слѣдовало бы прокопать двѣ канавы изъ середины двухъ вертикальныхъ сторонъ къ серединѣ четверугольника, чтобы видѣть, не находится-ли тамъ бассейнъ, въ которомъ должна была собираться дождевая вода по желобкамъ, часть которыхъ уже открыта (*impluvium*).

По всѣмъ вѣроятіямъ, кругомъ были такія же комнатки, какія мы уже открыли на сѣверной сторонѣ, и всѣ эти помѣщенія вмѣстѣ составляли *dépendance* главнаго зданія, гдѣ жила прислуга, и были лавки и остеріи.

Отъ этого описанія общаго вида построекъ и соображеній по поводу нихъ перейдемъ къ деталямъ.

Прежде всего здѣсь кидается въ глаза массивность частей, послужившихъ матеріаломъ въ постройкѣ. Такъ, напримѣръ, обломокъ архитрава съ надписью (№ 2) имѣетъ въ длину 2 м. 5 с., въ высоту или ширину 72 с. при толщинѣ въ 45 с.; мы съ трудомъ переворачивали его съ одного бока на другой: и онъ между тѣмъ лежалъ на колоннахъ, имѣвшихъ высоту 4—5 м. Не менѣе удивляешься и скульптурной работѣ: какъ тонко на капителяхъ высѣчены листы акаутуса (родъ ренейника) всѣ въ разрѣзахъ, наверху сливающиеся съ завитками и между ними отверстія, какъ дырочки въ кружевѣ; по-

меньше искусно вырѣзаны въ формѣ двойнаго завитка консоли: либо карнизомъ (modillons); на карнизахъ по краю въ квадратникахъ вырѣзаны различныя цвѣты: а на одномъ углѣ шишка итальянскаго кедра (pignolo); на другомъ обломкѣ карниза изображена собака среди какихъ-то крупныхъ травъ: на третьемъ женская головка, не римскаго впрочемъ типа, съ обрамляющими ее волосами. Кессоны, изъ которыхъ составленъ былъ потолокъ (caissons, Kassettendecke), всѣ покрыты клѣтками, въ которыхъ изображены то цвѣты, то чело-вѣческія головы, тоже не римскаго типа. Нѣтъ почти ни одного камня, на которомъ не было бы какой нибудь рѣзбы: ложбинки вдоль колоннъ, канты и полски на плоскихъ камняхъ, круговыя линіи на дверныхъ сводахъ. И все это чрезвычайно правильно и отчетливо. Работавшіе на раскопкѣ пилеры, дивясь этой работѣ, замѣчали: „И изъ картофеля такъ не вырѣжешь, какъ они рѣзали изъ камня“:

Какъ ни мало осталось этого матеріала, расхищеннаго въ продолженіи тысячелѣтія, а все таки орнаментака и изъ этихъ скудныхъ остатковъ можетъ извлечь для себя большую пользу.

Является вопросъ, откуда римляне брали камень, по достоинству весьма близкій къ мрамору, а иногда и настоящій мраморъ. Мелкіе куски могли быть привозимыи издалека, можетъ быть, изъ Корчулы или изъ другихъ мѣстъ, но цѣльныя колонны по 4 метра вышины и до 30 с. въ діаметрѣ должны были находиться на мѣстѣ. Такой камень и дѣйствительно находится близъ Служа, въ горѣ Мальятѣ, и еще ближе—въ Пинерахъ. Близъ же Служа есть слѣды печей, въ которыхъ обжигали кирпичъ, тоже отличающійся высокимъ достоинствомъ: такъ, въ передней стѣнѣ базилики кирпичи до сихъ поръ такъ тверды, какъ природный камень. Форма ихъ квадратная до 25 кв. с. при толщинѣ 5 с.; они ярко краснаго цвѣта. На нѣкоторыхъ остались отпечатки козленка и собаки, пробѣжавшихъ по нимъ, когда они были еще въ мягкомъ состояніи. Есть кирпичъ или плоская черепица желтаго цвѣта и поздраватая, на которой оттиснуты упомянутыя выше слова *Dosl*, означая тѣмъ, что тамъ былъ постоянный заводъ. Отъ стеклянныхъ сосудовъ мы, къ сожалѣнію, имѣемъ только мелкіе кусочки и одинъ кусокъ, какъ бы сегментъ отъ двояко-выпуклаго стекла свѣтло-зеленаго цвѣта. Желѣза нашлось довольно много: гвозди совершенно современной формы, скобы, цѣпи или накладки для запиранія дверей съ пробоями. Желѣзными скобами скрѣплялись плоскіе камни: колонны скрѣплялись со своими пьедесталами свинцомъ, для чего въ тѣхъ и другихъ дѣлались квадратныя углуб-

ленія, въ которыя свинецъ вливался извнѣ черезъ желобокъ, продѣланный поперекъ пьедестала.

Изъ мелкихъ вещей, какъ мы замѣтили выше, не найдено ничего, кромѣ сотни мѣдныхъ монетъ. Многія изъ нихъ такъ изъязвы или покрыты ржавчиной, что нельзя ничего разобрать, но большая часть съ отчетливо видными ликами императоровъ и надписями вокругъ нихъ. Всѣ эти монеты, полагаю, не составляютъ новости въ нумизматикѣ, но не лишнимъ считаемъ переименовать ихъ здѣсь. Самая старая съ ликомъ и надписью Августа; затѣмъ идутъ: Титъ, Веспасіанъ, Адрианъ, Антонинъ Пій, Маркъ Аврелій, Фаустина (одна серебряная монета съ прекраснымъ портретомъ), Пробъ, Максенцій, Галерій, Lucius Lucinius (кажется такъ ¹⁾), Констанцій, Фауста съ надписью на другой сторонѣ „spes reipublicae“; больше же всего монетъ Константина; но ни на одной вѣтъ христіанскаго знака. На одной только вокругъ лика стоитъ надпись: Constantinopolis.

Найдены также кусокъ бѣлаго мрамора длиною до 12 сантим. въ родѣ обломка колодки, но не одинаковой толщины при концахъ; поэтому можно бы считать его обломкомъ отъ статуи, именно части руки отъ плеча къ низу или отъ локтя; только безъ всякой мускулатуры.

И еще: въ отдѣленіи съ абсидой мы нашли полъ вымощенный мозаикой, а часть его была покрыта тонкими плитками, часть же покрыта какъ бы штукатуркою, павшею со стѣнъ или свода; если это такъ, то подъ низомъ могутъ найтись фрески. Мы однако не тронули этого, боясь неумѣвьемъ попортить, и немного прикрыли землею, чтобы не разрушалась отъ ногъ посѣтителей.

Заключеніе.

Смотря на произведенную нами раскопку, только какъ на пробу и начало, мы должны замѣтить, что раскопанное нами мѣсто составляетъ ничтожную часть цѣлаго пространства Дюклии. Притомъ избранное нами мѣсто насъ интересовало не богатствомъ добычи, которую мы могли тамъ найти, но вопросомъ, не былъ-ли то христіанскій храмъ, построенный на римскихъ развалинахъ и изъ римскаго же матеріала. Вопросъ этотъ въ томъ мѣстѣ для насъ рѣшецъ вполне въ смыслѣ отрицательномъ. Мы увѣрены, что то же самое подтвердятъ и

¹⁾ Все эти монеты съ другими вещами переданы в. в. князю Николаю, и потому мы, цитируя ихъ на память, боимся ошибиться.

дальнѣйшія раскопки, т. е. что разрушеніе этого города произошло въ то время, когда въ него еще не проникло христіанство, и съ тѣхъ поръ на мѣстѣ его не производилось никакихъ построекъ вновь, притомъ христіанскихъ. Поэтому само собою падаетъ утвержденіе, что городъ этотъ вторично былъ разрушенъ болгарскимъ царемъ Самуиломъ, когда онъ плѣнилъ и раззорилъ всю Зету до Котара и Дубровника.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чисто римскою, языческою жизнью, о которой въ такомъ отдаленномъ краю ничего не извѣстно въ исторіи, что и придаетъ особенный интересъ этимъ раскопкамъ.

Наша раскопка была бѣдна находками, отчасти потому что это было публичное зданіе, которое прежде всего обратило на себя вниманіе грабителей и потому подверглось большому опустошенію; а отчасти отъ того, что вообще въ публичныхъ зданіяхъ не можетъ быть столько вещей изъ бытовой народной жизни, какъ въ жилищахъ частныхъ. Поэтому при раскопкѣ этихъ послѣднихъ, безъ сомнѣнія, найдется вещей гораздо больше; а не менѣе интересенъ и самый характеръ этихъ построекъ, расположеніе улицъ и т. п.

Есть мѣста, которые обѣщаютъ много уже потому одному, что представляютъ нагроможденіе больше того, которое мы раскопали. Такъ къ югу отъ нашей раскопки есть возвышеніе, заросшее гѣсомъ и недоступное для обработки. Это, по всѣмъ вѣроятіямъ, какое нибудь жилое зданіе, и потому обѣщаетъ дать большую добычу. Все же это мѣсто народъ называетъ „Царевн дворонѣ“ то-есть царскій дворецъ. И такихъ мѣстъ не одно.

Е. В. князь Николай выразилъ желаніе продолжать раскопку въ этомъ же году, но я не могъ приняться, покуда онъ своими глазами не увидитъ и не одобритъ нашу работу; а между тѣмъ различными обстоятельства задержали его, и потому работа на время прекратилась. Между тѣмъ эти развалины, прежде посѣщаемыя весьма рѣдко, теперь привлекаютъ уже къ себѣ массу любопытныхъ; въ томъ числѣ посѣщаютъ ихъ и люди науки и вообще понимающіе дѣло, отъ которыхъ должно ожидать уясненія какъ открытыхъ раскопкою предметовъ, такъ и того, какимъ образомъ слѣдуетъ повести дальнѣйшія раскопки.

Въ виду продолженія раскопокъ мы съ своей стороны считаемъ долгомъ сдѣлать нѣсколько практическихъ замѣчаній, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду будущимъ наслѣдователямъ:

1) Всѣ эти земли, какъ мы замѣтили выше, составляютъ частную собственность; поэтому копать можно только такія мѣста, которыя не обрабатываются, а на обработанныхъ должно платить за убытки; это слѣдуетъ впередъ устроить, если не откупомъ всего этого пространства, то какимъ нибудь договоромъ и сдѣлкой съ владѣтелями. Всего легче это можетъ сдѣлать самъ князь, который и намѣревался ежегодно производить раскопки по частямъ на собственныя средства, какъ и въ настоящемъ случаѣ.

2) Много рабочихъ не нужно, какъ было у насъ (отъ 150 до 200 чел.); нужно не болѣе 50 человекъ, снабженныхъ однако всѣми необходимыми орудіями и между прочимъ тачками для отвоза щебня и разнаго мусора въ сторону, а самое лучшее къ рѣкѣ Морачѣ. Самое лучшее время для работы осень, зима и весна, когда нѣтъ полевыхъ работъ и нѣтъ большихъ жаровъ.

3) Если предпринять раскопку радикальную цѣлаго пространства, то нужно начать съ мѣстъ, которыя находятся на краю Морачи, Зеты или потока Ширалин, чтобы легче относить камень и землю, и потомъ, очищая себѣ путь, идти впередъ и углубляться въ середину, другими словами, вести раскопку отъ краевъ къ серединѣ.

Лучшими рабочими при этомъ считаю мѣстныхъ жителей Пиперъ, которымъ и принадлежитъ вся земля; поэтому имъ сподручнѣе работать во всякое время, а кромѣ того, они работаютъ очень живо, усердно, съ любовностью и весьма толковы.

И. Рѣшменій.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.

Не много найдется въ международномъ правѣ вопросовъ столь важныхъ, жизненныхъ и интересныхъ, какъ вопросъ, являющійся предметомъ настоящаго изслѣдованія. Правильное разрѣшеніе его составляетъ прямую задачу науки международного права. Между тѣмъ, можно смѣло сказать, что ни одинъ вопросъ не разработанъ такъ мало, такъ недостаточно, какъ этотъ. Писатели по международному праву какъ бы умышленно старались избѣгать его. Нѣкоторые затронули его вскользь, при изложеніи ученія о правѣ войны, но никто еще не ставилъ его прямо. Въ настоящее время его ставитъ сама жизнь и настоятельно требуетъ отвѣта. Въ самомъ дѣлѣ, не страшно ли, что въ концѣ XIX вѣка такъ мало опредѣленнаго можно сказать на счетъ права государства изгонять иностранцевъ. Повидному, исторія человѣчества и международныхъ отношеній развивалась въ смыслѣ челоѣчности, что отъ положенія — „иностранецъ — врагъ“ — она все шла къ другому положенію — „иностранецъ — другъ“. Однако на самомъ дѣлѣ мы видимъ иное. Народы самые образованные продолжаютъ упорно держаться старыхъ идей и по-прежнему иностранецъ представляется только терпимымъ какъ бы изъ милости въ странѣ и отнюдь не желательнымъ элементомъ. Всего любопытнѣе то обстоятельство, что много отношенія къ иностранцамъ со стороны государства и ожидать было нельзя. Эти два понятія — государство и иностранецъ — являются понятіями взаимно другъ друга исключаящими. Это отлично понимали великіе государственные люди древности; ихъ примѣру въ наше время слѣдуетъ князь Бисмаркъ.

Вопросъ этотъ, какъ и всякій, можно разсматривать съ разныхъ точекъ зрѣнія. Но прежде всего необходимо представить его исторію.

Опираясь на историческія данныя, можно затѣмъ его разсмотрѣть теоретически.

Нечего и говорить, что въ древнихъ восточныхъ государствахъ иностранецъ являлся существомъ вполне безправнымъ, врагомъ, котораго могли убивать, мучить и всячески терзать. Начало завоеванія господствовало въ тѣ времена безгранично и возводилось въ идеаль нравственности; оно привело въ Индіи къ учрежденію кастъ; понятіе же о кастахъ есть понятіе о самомъ страшномъ неравенствѣ между гражданами. Въ виду этого легко можно понять, каково было положеніе иностранцевъ. Иностранецъ—врагъ: вотъ несомнѣнный законъ въ жизни древнѣйшихъ народовъ. Но еслибы спросить, не этотъ ли законъ управляетъ и современною исторіей, не то же ли пришлось бы отвѣтить? Развѣ состояніе вооруженнаго мира, въ какомъ живутъ современные народы, не достаточно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ? Соединеніе народовъ, или даже мирное ихъ сожителство есть не болѣе, какъ мечта, свойственная многимъ благороднымъ умамъ, но не имѣющая опоры ни въ историческихъ данныхъ, ни въ современной жизни народовъ, ни въ самомъ характерѣ челоѣка и государства. Всемирная исторія есть рядъ картинъ вѣчной борьбы, вѣчной смѣны народовъ и государствъ, взаимно истреблявшихъ другъ друга. Такъ было, такъ и есть, и такъ будетъ до конца. Можно, конечно, съ нѣкоторою патяжкой, утверждать, что это раздробленіе, эта международная вражда и борьба приводятъ къ единству, можно усматривать „единство въ равнообразіи“¹⁾, но такое понятіе будетъ слишкомъ обще, слишкомъ туманно. Достаточно указать на то, что даже такое могучее историческое явленіе, какъ христіанство, не могло пока объединить всего челоѣчества. Христіанство провозгласило равенство всѣхъ людей, но оно не имѣло силы провести эту великую идею въ международную жизнь и доселѣ.

Напротивъ, исторія привела къ образованію національностей, къ образованію и національныхъ государствъ, а первымъ признакомъ такихъ государствъ является строгое разграниченіе между собственными подданными и иностранцами.

Въ образованнѣйшей странѣ древности—Греціи были безправные иностранцы²⁾. Аѳинянинъ не могъ жениться на евванкѣ. Иногда въ

¹⁾ *Laurent, Histoire du droit des gens et des relations internationales (Études sur l'histoire de l'humanité). Tome I. L'Orient. 2e édition 1855. См. предисловіе.*

²⁾ *Laurent, Le droit civil international, 1880, vol. I, p. 121.*

одномъ и томъ же городѣ одна часть считала другую иностранцами. Всякій иностранецъ въ древне-греческомъ государствѣ (напримѣръ, аегианнинъ въ Спартѣ) могъ жить въ предѣлахъ послѣдняго, но законъ не давалъ ему права владѣть тамъ землей, хотя бы онъ оказывалъ великія услуги этому государству. Иностранцы въ греческихъ государствахъ не могли распоряжаться своимъ имуществомъ путемъ духовныхъ завѣщаній. Оставшееся послѣ смерти иностранца имущество не переходило къ его родственникамъ. И такое положеніе было обыкновеннымъ лишь для иностранцевъ—грековъ по племени. Негрековъ же греки просто считали варварами, годными только для рабства.

По религиознымъ воззрѣніямъ тѣхъ временъ иностранецъ считался существомъ нечистымъ, а слѣдовательно и неспособнымъ къ пользованію гражданскими правами. Иностранцы не допускались не только къ религиознымъ таинствамъ, но и вообще къ публичнымъ обрядамъ¹⁾.

Такое положеніе иностранцевъ въ образованнѣйшей странѣ древняго міра обуславливалось господствомъ силы надъ правомъ. Греческое государство было не что иное, какъ городская община, городъ. А что такое городъ, по ученію древнихъ? Аристотель опредѣляетъ городъ, какъ общество свободныхъ людей; тутъ нѣтъ мѣста рабамъ, которые по самой природѣ назначены къ такому состоянію. Иностранецъ почти такъ же мало пользовался гражданскими правами, какъ и рабъ, то-есть почти не пользовался.

Но не слѣдуетъ думать, что такое безотрадное положеніе иностранцевъ не смягчалось въ дѣйствительности. Такимъ смягчающимъ началомъ являлось гостепрѣимство. Только подъ сѣнію этого благодѣтельнаго учрежденія, это безправное существо, существо презрѣнное (*ἀτιμίατος κατὰ φύσιν*, какъ называетъ иностранца Иліада) могло находить хоть какое-нибудь избавленіе отъ своей жалкой доли. Уже въ законахъ Ману гостепрѣимство считается за божественное учрежденіе; Пиндаръ считаетъ его наравнѣ съ любовью къ отечеству. Такимъ образомъ гостепрѣимство давало гостю взаимнѣ правъ покровительство его хозяина. *Ξείνοι* въ Греціи, кліенты въ Римѣ могли существовать только благодаря этому учрежденію. Иностранцы, не состоявшіе въ такихъ отношеніяхъ съ мѣстными жителями, никакими правами не пользовались²⁾.

¹⁾ *Laurent, Études*, II, 111 и 112.

²⁾ *Müller-Jochims, Geschichte des Völkerrechts im Alterthum*, 1848, стр. 107, § 47 (*Fremdenrecht*).

Изъ всѣхъ греческихъ государствъ наиболѣе сурово относились къ иностранцамъ Спарта. Изгнаніе иностранцевъ (ксенедезія) возведено было тамъ въ государственное начало, которому строго слѣдовали. Ксенедезію приписываютъ Ликургу. Біографъ его Паутархъ разказываетъ (см. 27-ю главу его жизнеописанія), что Ликургъ изгонялъ всѣхъ иностранцевъ, которые являлись въ страну безъ полезныхъ цѣлей¹⁾. Исторія сохранила нѣкоторые примѣры такихъ изгнаній, которыя указываютъ на смыслъ и духъ ихъ: Такъ, храбрый, воинственнѣйшая Спарта не могла выносить, чтобы ей проповѣдывали трусливое благоразуміе, поэтому поэтъ Архилохъ, проповѣдывавшій въ своихъ пѣсняхъ, что лучше бѣжать, чѣмъ умирать съ оружіемъ въ рукахъ, сейчасъ же былъ изгнанъ изъ Спарты, какъ только явился туда. Одного тирана выгнали за то, что онъ раздавалъ гражданамъ золотыя и серебряныя сосуды. Выгнали софистовъ, которые брались говорить о чемъ-либо цѣлый день, не переставая; выгнали неискреннихъ поваровъ. Изъ этихъ и другихъ подобныхъ примѣровъ видно, что Спарта изгоняла бесполезныхъ иностранцевъ и вредныхъ въ какомъ-либо отношеніи, но не всѣхъ безъ различія. Спарта также почитала Зевса и Аенну, какъ боговъ-покровителей гостепріимства. Мало того, въ Спартѣ также были проксени—государственные чиновники, заботившіеся о гостяхъ²⁾. И Спарта полезныхъ иностранцевъ радушно принимала и пользовалась съ благодарностью ихъ услугами; она выписывала иностранныхъ врачей и гадателей, даже поетовъ; поэтъ Тиртей за одушевлявшія воинственныя пѣсни даже получилъ права гражданства. Но Спарта безжалостно выгоняла всѣхъ, кто велъ роскошную жизнь и соблазнялъ тѣмъ ее гражданъ.

Слишкомъ суровое отношеніе Спарты къ иностранцамъ осудили Аристофанъ и Платонъ. Послѣдній въ „Законахъ“ говоритъ, что безчеловѣчно и дико отказывать иностранцу въ пріѣздѣ въ страну.

Аенны во всемъ представляютъ противоположность со Спартой. Въ этомъ изначальнѣйшемъ городѣ древности жило множество иностранцевъ. Они раздѣлялись на два разряда μέτοικοι и ξένοι: первые были постоянно живущіе, осѣдлые иностранцы, вторые — временно пребывающіе. Метекы были по преимуществу промышленники и художники. Въ 309 году до Р. X. ихъ было до 10.000 въ Аеннахъ. Они должны были избирать себѣ патроновъ (προστάτης). Метекъ, не хотѣвшій брать

¹⁾ Xenoph. de rep. Lacod., XIV, 4.

²⁾ Schömann, Antiquitates juris publici Graecorum, p. 142, n. № 9.

себѣ патрона, лишался за это всего своего имѣнія, правъ и обращался въ рабство ¹⁾ или изгонялся изъ военныхъ предѣловъ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что патронатъ въ Аѳинахъ явился не по желанію иностранцевъ и не въ ихъ интересахъ. Дѣло въ томъ, что покровительство патрона мало предохраняло метека отъ обидъ и притѣсненій, и не даромъ Ксенофонтъ считалъ нужнымъ учрежденіе особыхъ судей, которые бы заботились объ интересахъ и безопасности иностранцевъ, были бы какъ бы опекунами надъ этими государственными сиротами. Дѣйствительно, иностранцы въ Аѳинахъ представляли изъ себя именно такихъ сиротъ: не пользуясь общими правомъ наравнѣ съ гражданами, они однако обязаны были нести болѣе тяжелыя повинности, чѣмъ граждане, между прочимъ, воинскую. Они платили ежегодную подушную подать, что было равнозначуще рабству, ибо такая подать въ древности считалась унизительною. Малѣйшее упущеніе въ исполненіи этихъ повинностей влекло за собою рабство. Такъ, у философа Ксенократа не хватило денегъ на уплату податей и его чуть было не продали въ рабство, еслибы не спасло заступничество Ликурга. Не мало также страдали иностранцы отъ доносчиковъ, сикофантовъ, которыхъ много было въ Аѳинахъ и которые жили этимъ гнуснымъ ремесломъ. Вообще, если иностранцевъ было много въ Аѳинахъ, то не потому, чтобы тамъ имъ жилось очень хорошо. Нѣтъ, положеніе ихъ было незавидно, и, если ихъ было много, то только потому, что въ Аѳинахъ, сравнительно съ другими греческими городами, они все-таки хоть сколько нибудь были обезпечены. Исократъ сравнивалъ Аѳины въ этомъ отношеніи съ куртязанкой, которою восхищаются всѣ, но которую никто не рѣшится взять себѣ въ жены. Такъ и тутъ: Аѳины привлекали къ себѣ иностранцевъ славой своею либеральности и общественности, но несчастные, по близкомъ знакомствѣ съ городомъ, скоро въ немъ разочаровывались.

Въ остальныхъ греческихъ городахъ положеніе иностранцевъ колебалось между этими двумя полюсами—Спартой и Аѳинами. Ни въ одномъ изъ нихъ иностранецъ не пользовался всѣми гражданскими правами, ни въ одномъ не былъ обезпеченъ отъ изгнанія.

Отношеніе Аѳинскаго государства къ иностранцамъ опредѣлялось, между прочимъ, условіями, въ какихъ находились собственные под-

¹⁾ *Saints-Croix*, Mémoire sur les métèques въ *Mémoires de l'Académie des inscriptions*, vol. XLVIII.

данные Аеинъ. Такъ, когда населеніе уменьшалось отъ войнъ, Аеины привлекали къ себѣ иностранцевъ. Клизеонъ для этого не задумался дать имъ гражданскія права, Фемистоклъ же не былъ такъ щедръ: онъ только освобождалъ ихъ отъ подушной подати. Но какъ только аеинское населеніе снова увеличилось, явилось достаточное количество своихъ ремесленниковъ и художниковъ, эта льгота была отменена. Послѣ Пелопоннесской войны, когда туземное населеніе опять сильно уменьшилось, снова прибѣгли къ мѣрѣ Клизеона, такъ что не только осѣдлые иностранцы (метеки), но и другіе, временно пребывавшіе въ Аеинахъ, если только участвовали въ Пелопоннесской войнѣ на сторонѣ аеинцевъ, получали право гражданства (это было при архонтѣ Калліѣ, въ 3-й годъ ХСІІІ-ой олимпіады, до сраженія при Аргинузахъ). Пріимъ иностранцевъ въ Аеины зависѣлъ также и оттого, что ихъ изгоняли изъ другихъ греческихъ государствъ. Во время господства 80 тиранновъ въ Аеинахъ положеніе метековъ было очень тяжелое. Тиранны, съ цѣлью обогащенія, казнили 1.500 гражданъ, среди которыхъ много было богатыхъ метековъ, и завладѣли ихъ имѣніемъ; но для того, чтобы народъ не догадался о настоящей причинѣ, тиранны велѣли казнить еще двухъ бѣдныхъ метековъ. Одинъ изъ тиранновъ, Тераменъ, хотѣлъ ограничиться однимъ ограбленіемъ метековъ, оставивъ имъ жизнь, но за такое великодушіе самъ погибъ отъ руки своихъ товарищей по злодѣяніямъ. Въ это время многіе метеки бѣжали и потомъ, по изгнаніи тиранновъ, вернулись, но не могли вернуть прежнихъ льготъ. Они не признавались за аеинскихъ гражданъ. Такъ, знаменитые астрономы Феносъ и Метонъ даже родились въ Аеинахъ, однако никто ихъ не считалъ за аеинцевъ. Къ метекамъ относились или презрительно или съ сожалѣніемъ. У Софокла Электра въ порывѣ гора говоритъ: „Какъ несчастная чужеземка провожу я жизнь въ домѣ отца!“ Въ одной трагедіи Еврипида („Эрехтея“) Кадмъ говоритъ, что великое несчастье быть метекомъ у варваровъ. Комическіе поэты осмѣивали метековъ. Послѣдніе, по выраженію Аристофана, въ сравненіи съ настоящими гражданами тоже, что солома въ сравненіи съ хлѣбомъ. На общественныхъ праздникахъ метеки подвергались униженіямъ: на Панааеинцахъ ихъ жены и дочери носили зонтики надъ гражданами, другіе носили сосуды съ водой (hydríaphores), а сыновья — носили деревянные сосуды съ ароматами. На вакханаліяхъ метеки не могли принимать участія въ разгулѣ и должны были молчать. Въ состязаніяхъ не принимали участія, но издержки платили.

Что гостепрѣмство, дѣйствительно, широко было распространено въ Греціи, всего болѣе свидѣтельствуетъ сильное развитіе въ тѣ времена права убѣжища для преступниковъ. Съ другой стороны, изгнаніе въ древности считалось крайне тяжелою карой: оно приравнивалось смертной казни. Повѣрно, что если такая кара нерѣдко постигала собственныхъ подданныхъ греческихъ государствъ, тѣмъ легче она могла приниматься къ иностранцамъ. Величайшій реалистъ среднихъ вѣковъ — Макиавелли высказалъ мысль, что всѣмъ монархіямъ слѣдуетъ избѣгать пріема къ себѣ иностранцевъ и снѣженія съ ними, какъ людямъ „подозрительными“. Въ древности же не объ этомъ только шла рѣчь, а о большемъ — о ненависти къ иностранцу. Для образованнаго афинянина иностранецъ былъ варваръ, для римлянина же, который считалъ весь міръ полемъ для своей эксплуатаціи, иностранецъ былъ просто врагъ — „*reggimus ante dictus hostis*“. Оттого-то такъ трудно было иностранцу приобрести въ чужой землѣ права гражданства. Въ Афинахъ иностранцы, подобно средневѣковымъ евреямъ, обитавшимъ въ особыхъ кварталахъ „*гетто*“, жили въ особой отведенной для нихъ части города. Они были обязаны платить опредѣленный ежегодный налогъ. Они уплачивали суммы на вооруженіе кораблей, даже должны были участвовать въ войскахъ. И за все это они не имѣли ни одного права, входящаго въ число гражданскихъ правъ настоящихъ подданныхъ; они пользовались только тѣми, которыя входили въ составъ *ius gentium*. По закону каждый изъ иностранцевъ обязанъ былъ набрать себѣ среди мѣстныхъ жителей защитника, патрона, который отвѣчалъ за его поведеніе и руководилъ имъ во всемъ, что только касалось публичнаго или частнаго права. Для нихъ былъ учрежденъ особый судья, такъ называемый полемархъ. Дѣти иностранцевъ не могли быть вмѣстѣ съ афинскими дѣтьми: для нихъ отведено было особое мѣсто, гдѣ они и играли. Правда, иностранецъ могъ приобрести права афинскаго гражданина, но для этого требовался приговоръ шести тысячъ людей и наличность важныхъ услугъ, оказанныхъ республикѣ. А на сколько цѣнилось гражданство афинское, видно изъ разказа Плутарха о попыткахъ побѣдителя при Саламинѣ усыновить, за немѣнѣемъ законныхъ дѣтей, сына, рожденнаго отъ Аспазіи. Въ видѣ особой милости народъ разрѣшилъ ему внести этого сына въ списокъ афинскихъ гражданъ, но отиѣнить законъ, запрещавшій это, народъ отказался. Желая оказать величайшую почесть Александру Македонскому, граждане Коринта сдѣлали его своимъ гражданиномъ.

Въ Спартѣ положеніе иностранцевъ было еще хуже.

Амфиктіоново судилище регулировало отношеніе отдѣльныхъ государствъ, входившихъ въ составъ амфиктіонова союза, къ иностранцамъ, но, къ сожалѣнію, его постановленія не дошли до насъ. Впрочемъ, врядъ ли это вліяніе было особенно сильно, если принять въ соображеніе, что большинствомъ иностранцевъ являлись бѣгле рабы: ихъ обыкновенно выдавали господамъ; тутъ даже право убѣжища при храмахъ и право на гостепріимство не существовало.

Какъ бы то ни было, все, что сказано доселѣ объ иностранцахъ въ Греціи, относится только до грековъ, подданныхъ разныхъ греческихъ государствъ. Не-грековъ считали тогда за варваровъ и они никакими правами не пользовались (Laurent, Études, II, 45, 103 и др.).

Затѣмъ положеніе иностранцевъ смягчалось въ Греціи благодаря вліянію религіи. Въ этомъ отношеніи большимъ вліяніемъ пользовались совѣты Дельфійскаго оракула (См. Fustel de Coulanges, La cité antique 1864).

По мѣрѣ развитія греческой торговли, отдѣльныя греческія государства заключаютъ между собою трактаты, въ силу которыхъ взаимнымъ подданнымъ предоставлялись извѣстныя права и устанавливался опредѣленный порядокъ для разрѣшенія возникавшихъ между ними споровъ. Такіе трактаты называются *сфѣра*. Къ сожалѣнію, ихъ не много дошло до насъ, такъ-что довольно трудно по нимъ судить о правахъ, которыми пользовались иностранные купцы въ греческихъ государствахъ. Лоранъ указываетъ еще на нѣкоторые трактаты, установлявшіе еще болѣе тѣсный союзъ государствъ, такъ-называемую *изополитію*. На основаніи этихъ трактатовъ подданные взаимно договаривавшихся государствъ пользовались даже политическими правами. Такимъ образомъ, для обезпеченія правъ иностранцевъ, въ нѣкоторыхъ греческихъ государствахъ является институтъ проксеновъ—публичныхъ чиновниковъ, избравшихся сначала самими кліентами, потомъ же правительствами. Проксены обязаны были оказывать защиту и покровительство подданнымъ иностраннаго государства, которые находились на территоріи даннаго государства. Въ институтѣ проксеновъ можно видѣть зародышъ современныхъ консульствъ. Проксеновъ не слѣдуетъ смѣшивать съ простатами: первые были органами международнаго характера, они были простатами цѣлыхъ городовъ, какъ юридическія лица, тогда какъ простаты относились лишь къ отдѣльнымъ лицамъ.

Во всякомъ случаѣ положеніе иностранцевъ, надолго поселяв-

шихся въ греческихъ государствахъ, было незавидно. Выше были уже указаны разныя ограниченія ихъ въ аѳинскомъ законодательствѣ. Вотъ еще нѣкоторыя подробности. На публичныхъ играхъ, кромѣ вышеуказанныхъ ограниченій, было еще одно, чрезвычайно своеобразное. Именно, предсѣдатель празднества подвергался огромному штрафу за допущеніе метека быть актеромъ во время праздничныхъ драматическихъ представленій. Были и другія, не менѣе оскорбительныя различія. Такъ, подушная (унизительная по тогдашнимъ понятіямъ) подать съ метековъ назначалась для мужчинъ въ 12 драхмъ, для женщинъ въ половину менѣе. Кромѣ того въ пользу сборщиковъ податей съ каждой метековской семьи взымалось по 3 обола. Въ случаѣ неуплаты, неисправнаго метека приводили къ полетамъ (такъ назывались 10 чиновниковъ, которые пребывали на полетеріонѣ, то-есть публичной площади, и продавали въ пользу государства равное имущество съ аукціона) и тѣ продавали его въ рабство съ публичнаго торга. Но въ особенности отяготительна для нихъ была другая подать: именно шестая часть ихъ имѣнія отбиралась въ пользу казны. Съ другой стороны учрежденіе простатовъ, которое сначала дѣйствительно было задумано и дѣйствовало на ихъ пользу, мало по малу стало утрачивать такой характеръ и на первый планъ выдвинулась не защита правъ иностранцевъ, а тяжелое ихъ ограниченіе и опека въ высшей степени тягостная, отъ которой притомъ никакъ нельзя было отдѣлаться. Если какого-нибудь метека обвиняли въ томъ, что онъ не хочетъ взять себѣ простата (*mētav prostátov*), то его лишали всѣхъ правъ и полемархъ (3-й архонтъ) приказывалъ отобрать отъ него имѣніе, которое полеты затѣмъ продавали въ пользу казны, а самого метека продавали въ рабство; иногда, впрочемъ, ограничивались ихъ изгнаніемъ.

Въ виду такого положенія осѣдлыхъ иностранцевъ, естественно спросить, какъ же примирить съ нимъ то широкое гостепріимство, которымъ славилась Аѳины по преимуществу. Какъ объяснить, что это гостепріимство доходило до того, что, напримѣръ, ессалийцамъ былъ оказываемъ не только радушный пріемъ, но и дарована была особая земля для поселенія? Но это противорѣчіе объясняется очень просто: иностранцы пользовались такимъ гостепріимствомъ лишь въ теченіе извѣстнаго, опредѣленнаго срока, по истеченіи котораго имъ предстояло на выборъ—или вернуться туда, откуда они прибыли, или записаться въ разрядъ метековъ съ подчиненіемъ всѣмъ усло-

вѣдѣть этого послѣдняго состоянія. Какъ великъ былъ этотъ срокъ, сказать невозможно за отсутствіемъ данныхъ.

Между гражданами и метеками былъ еще посредствующій классъ изотеловъ ¹⁾, но настоящее значеніе этого класса не выяснено вслѣдствіе противорѣчивыхъ о немъ свидѣтельствъ. Повидимому, они не пользовались главною привилегіей гражданъ—не могли быть избираемы въ государственныя должности, но за то платили меньше податей, чѣмъ метеки; такъ они избавлены были отъ платы на расходы по устройству публичныхъ празднествъ. Метеконъ, вовсе избавленныхъ отъ платежа податей, такъ называемыхъ ателонъ, было всего нѣсколько человекъ во времена Демосеена. Получить полныя права гражданства метеку было весьма трудно. Вотъ краснорѣчивый примѣръ. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ ораторовъ аѳинскихъ, Лизій былъ сынъ метека и въ Аѳинахъ же и родился и получилъ воспитаніе; какъ ораторъ и адвокатъ, онъ пользовался успѣхомъ и по изгнаніи 30 тиранновъ (въ 403 году до Р. Х.), по настоянію Фравибула, его сдѣлали аѳинскимъ гражданиномъ. Однако, нашлись лица, воспротивившіеся этому; они перенесли дѣло въ народное собраніе, которое не утвердило Лизію въ правахъ гражданства. Но, чтобы утѣшить его въ этой неудачѣ, Лизію пожаловали права метека ²⁾, но метека привилегированнаго—изотела. Въ этомъ состояніи Лизій прожилъ до конца жизни; онъ занимался не только частною адвокатурою, но говорилъ и въ народномъ собраніи о дѣлахъ политическихъ.

Теперь посмотримъ, каковы были возрѣнія великихъ людей древней Греціи на иностранцевъ. Платонъ даетъ имъ мѣсто въ своей идеальной республикѣ на слѣдующихъ условіяхъ. Они должны хорошо знать свое ремесло; слѣдовательно, всѣ иностранцы, не знающіе его, ничего не дѣлающіе, бесполезные должны быть удалены (совершенно Лякургово возрѣвіе). Затѣмъ, они не могутъ навсегда оставаться въ республикѣ, а только въ теченіи 20 лѣтъ, считая со дня записи ихъ въ разрядъ метековъ. Они не подлежатъ особымъ денежнымъ сборамъ за право пріѣзда въ республику, но должны дать обѣщаніе, что будутъ себѣ хорошо вести. Они имѣютъ право покушать и продавать разное имущество, не платя за это право особаго сбора и, по выѣздѣ изъ государства (когда истечетъ 20-лѣтній срокъ) могутъ

¹⁾ Ibid. p. 189.

²⁾ „Καὶ οὕτως ἀπελαθεὶς τῆς πολιτείας, τὸν λοιπὸν χρόνον φήσας ἰσοτελής“. *Лув. Vit., Plat.*

взять съ собой свое имущество. Метекъ, оказавшій республикѣ важныя государственныя услуги, можетъ просить или о продленіи срока пребыванія, или объ оставленіи его навсегда въ странѣ (Plat. De Legibus. Lib. VIII въ концѣ).

Таковъ взглядъ одного изъ гуманнѣйшихъ мыслителей древности. Если такъ смотрѣлъ на иностранцевъ этотъ „divinus“ Платонъ, ученіе котораго впоследствии такъ цѣнили отцы церкви, то можно себѣ представить, каково на самомъ дѣлѣ было положеніе иностранцевъ въ древней Греціи. Основаніемъ же такого взгляда у Платона и у Ликурга и у другихъ людей того времени было опасеніе за добрыя нравы; они боялись, какъ бы съ принятіемъ иностранцевъ старіе добрыя нравы не испортились, какъ-бы не развратились граждане. Этимъ объясняется ксенелавія въ Ликурговомъ законодательствѣ, этимъ-же объясняется и прекарное положеніе иностранцевъ въ республикѣ Платона. Что касается Аристотеля, то онъ считаетъ иностранцевъ за неизбежное для большаго города зло. Онъ не считаетъ ихъ за членовъ государства, за гражданъ, ибо граждане имѣютъ права на общественныя должности и почести, иностранцы же этого права не имѣютъ ¹⁾.

И тѣмъ не менѣе эти иностранцы, это неизбежное въ государствѣ зло, эти полу-рабы геройски сражались за то государство, гдѣ они жили, проливали за него кровь, оказывали ему много другихъ услугъ. Афиняне пользовались ихъ храбростью и всегда ставили ихъ въ передовые отряды тяжелооруженныхъ и поручали военачальникамъ изъ иностранцевъ предводительство надъ своими (правда, наемными) войсками.

Вотъ этиими-то важными услугами республикѣ иностранцы снижали себѣ уваженіе одного изъ замѣчательныхъ людей Греціи—Ксенофонта. Ксенофонтъ хотѣлъ въ интересахъ государства, съ цѣлью увеличенія его народонаселенія, силъ и средствъ, даровать иностранцамъ нѣкоторыя льготы, которыя бы облегчили ихъ положеніе. Прежде всего онъ предлагалъ раздать имъ въ пользованіе пустопорожнія земли въ Афинахъ. Затѣмъ онъ предлагалъ учредить особыхъ судей (метекофилаксовъ), которые бы заботились о безопасности и интересахъ осѣдлыхъ иностранцевъ. Но предложенія Сократова ученика не были приняты во вниманіе: они слишкомъ шли въ разрѣзъ съ тогдашнею жизнью. Даже впоследствии въ Римѣ не додумались до та-

¹⁾ Аристотель. Политика, Кн. III, гл. I и II.

кого учрежденія: *praetor peregrinus* имѣлъ относительно иностранцевъ лишь принудительную власть.

По мѣрѣ упадка государства права аѳинскаго гражданства стали цѣниться все меньше, такъ что во время Демосоена ихъ раздавали многимъ иностранцамъ, иногда совершенно этого недостойнымъ. Лѣтъ за пятьдесятъ до Р. Х. аѳинскимъ гражданиномъ могъ быть всякій, кто уплачивалъ известную сумму: такъ сильно упала Греція.

Въ другихъ государствахъ Греціи, какъ выше было замѣчено, положеніе иностранцевъ болѣе или менѣе приближалось къ положенію ихъ въ Аѳинахъ. Такъ, въ Эссалии, болѣе подходившей къ спартанскому типу, положеніе иностранцевъ было немногимъ лучше положенія рабовъ. Въ греческихъ колоніяхъ оно было лучше или хуже, смотря по степени развитія и богатства колоніи: когда колоніи нуждались въ людяхъ, въ ремесленникахъ, въ воинахъ, онѣ привлекали иностранцевъ льготами; когда нужда проходила, онѣ отнимали эти льготы. То же было въ Сициліи, въ Ливии, въ Каренахъ, гдѣ впрочемъ былъ классъ, стоявшій еще ниже иностранцевъ,—именно евреи.

Изъ этого очерка можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

- 1) Иностранцы въ равныхъ греческихъ государствахъ пользовались крайне ограниченными правами и несли тяжелыя повинности.
- 2) Они ничѣмъ не были обезпечены отъ высылки и изгнанія, которыя производились перѣдко какъ надъ отдѣльными лицами, такъ и надъ цѣлыми массами.
- 3) Гостепримство и его учрежденіемъ облегчали ихъ положеніе только втеченіе известнаго срока.
- 4) Великіе государственные люди и мыслители Греціи смотрѣли на нихъ, какъ на помѣху къ правильному развитію государства, и пользовались ихъ услугами только въ крайнихъ случаяхъ.

Неудивительно поэтому, что Діонисій Галикарнасскій видитъ въ печальномъ положеніи иностранцевъ одну изъ причинъ быстрого упадка Греціи.

Д. Никольскій.

КЪ ВЕНЕРЪ, ИЛИ НА ПРИБЫТІЕ ЦЕЗАРЯ.

Изъ Марціала.

(Lib. VIII, сагг. XXI).

Фосфоръ ¹⁾, намъ день возврати! Не задерживай радостей нашихъ!
Цезарь къ намъ долженъ прибыть: Фосфоръ, намъ день возврати!
Римъ умоляетъ объ этомъ. Зачѣмъ такъ гнѣвно, Боотесь ²⁾,
Ты колесницу влечешь? Медленно день настаѣтъ.
Могъ бы занять ты Циллара ³⁾ у славнаго Ледина сына;
Не отказалъ бы тебѣ Касторъ сегодня въ конѣ.
Что замедляешь желанье Титана ⁴⁾? Ужъ Ксантъ и Абгонъ
Упряжи ждуть, и не спятъ Мѣмнона добрая мать ⁵⁾....
Не уступаютъ гнѣвны звѣзды блестящему солнцу;
Хочетъ Луна увидать нинѣ Авзонья вождя.
Цезарь, хоть ночью приди! какъ хотять, пусть останутся звѣзды,—
День не замедлитъ приди встрѣтить съ народомъ тебя.

В. С—ский.

611

¹⁾ Марціалъ употребляетъ греческое Φωσφοροςъ вместо латинскаго Lucifer (свѣтоносецъ). Такъ называли планету Венеру въ тѣ періоды, когда она являлась предъ утренней зарей.

²⁾ Боотесь—созвѣдіе, находящееся непосредственно за хвостомъ Большой Медвѣдицы (впрочемъ, говоря точнѣе, между ними есть небольшое соизвѣдіе въ близкихъ звѣздахъ — Гончія собака). Въ древности разсматривали въ Большой Медвѣдицѣ только семь яркихъ звѣздъ и называли ихъ Колесницею. Поэтъ, обращаясь къ Боотесу, побуждаетъ его скорѣе привести колесницу на то мѣсто, гдѣ она должна находиться при наступленіи утра.

³⁾ Цилларъ—очень быстрая лошадь Кастора, сына Леды.

⁴⁾ Подъ Титаномъ здѣсь разувѣется Гелиосъ, богъ солнца.

⁵⁾ То-есть, Фетида—жена Гелиоса, въ чертогахъ которой всакій день уходилъ Гелиосъ послѣ заката солнца.

ИЗЪ МИМНЕРМА.

“
Элегія 2-я.

Въ Нанно.

(Переводъ съ греческаго размѣромъ подлинника).

Словно какъ вѣжные листья, обильной цвѣтами весною,
Разрастаются вмѣгъ солнечныхъ силой лучей, —
Такъ наслаждаемся мы цвѣтущей зрѣлой порою
Очень недолгой лишь срокъ, чужды, какъ боги, скорбей,
Счастью не зная цѣны. А подлѣ — черныя Керы ¹⁾:
Старости поздней одна страшной грозитъ тяготой,
Самой смертью — другая. Даръ юности гибнетъ въ той мѣрѣ,
Какъ по землѣ мчится свѣтъ солнечный быстрой волной.
Послѣ-жъ того, какъ конецъ цвѣтущей порѣ той настанетъ,
Лучше скорѣй умереть: жить ужъ не стоитъ труда.
Сколько вѣдь ждетъ насъ потомъ огорченій! Тутъ, смотришь,
загляднеть
Въ домъ къ одному съ ничетою плодъ разворонья — нужда;
Горько другому при мысли въ Андъ пренесподній явиться,
Послѣ себя на землѣ здѣсь не оставивъ дѣтей ²⁾;
Съ жизнью уносящей болѣзнью иному придется сдружиться:
Вѣдствій вѣдь никого Зевсъ не лишитъ изъ людей.

М. Олениковичъ.

¹⁾ Богиня, олицетворяющая смерть.

²⁾ Прекращеніе рода считалось проклятіемъ.

ПОПРАВКИ.

Въ февральской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ статьѣ Н. Н. Лунька „Екъ вопросу объ отношеніяхъ Демосфена къ Исократу“, должны быть сдѣланы слѣдующія исправленія:

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
73	12	дрезинниъ	дрезинни
74	24	λόγος,	λόγος.
75	4	греки(?)	греки(1)
"	28	ῥηθέν	ῥηθέν
76	34	ἄκοω	ἄκοω
"	36	36	63
"	37	Λυσίω	Λυσίω
"	38	Διοκλέους	Διοκλέους
77	8	στῆλια	στῆλιά
78	26	γεγεννημένου	γεγεννημένου
80	8	ἔστιν	ἔστι
81	27	ὄφ	ὄφ'

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

включаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогикъ и наукъ, критики и библиографіи, и современную летопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналь Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХ.

1890.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова, Екатерининскій каналъ, № 80.

1890.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	41
А. И. Введенскій. Къ вопросу о строгости матеріи (<i>окончаніе</i>)	191
В. Э. Регель. О хроникѣ Козьмы Пражскаго	221
Г. С. Дестунинъ. Очерки греческой загадки съ древнихъ временъ до новыхъ (<i>окончаніе</i>)	262
Г. В. Форстенъ. Архивныя занятія въ Любекѣ и Данцигѣ по исторіи балтійскаго вопроса	291
А. В. Михайловъ. Къ вопросу о Домостроѣ	332

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. А. Дьяконовъ. Организация прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. <i>А. Лавно-Давыдовскій</i> . С.-Пб. 1890	370
Н. А. Сырку. Греко-болгарскій церковный вопросъ	380
В. Э. Грабаръ. Дунай, какъ международная рѣка. <i>А. И. Формишера</i> . Москва. 1890	402
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ. <i>Ф. И. Успенскаю</i> . Одесса. 1890.	409
И. В. Помяловскій. Къ статьѣ П. А. Ровинскаго „Роскоша древней Діоклен“	412
— Книжныя новости	413
— Наша учебная литература (разборъ 17 книгъ).	63

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОПІЯ.

— Московскій Публичнѣй и Руминовскій музеи въ 1886—1888 годахъ	41
— Наши учебныя заведенія: I. С.-Петербургскій университетъ въ 1889 году	47
— II. Кавказскій учебный округъ въ 1887—1888 годахъ (<i>продолженіе</i>).	57
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	99

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ф. Г. Мищенко. Фукидидъ—сторонникъ аѣннской демократіи.	33
И. М. Занковъ. Электра. Трагедія Софокла	49

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 4-го августа).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ ССЛХХ.

1890.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашкова, Наб. Калтарининскаго кам., № 80.

1890.

Булгарцичлнскіи пал., № 80.
2928.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

12. (16-го Октября 1889 года). Объ учрежденіи при Александровскомъ городскомъ училищѣ семи стипендій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 16-й день октября 1889 г., Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Александровскомъ городскомъ училищѣ, въ память чудеснаго избавленія Его Императорскаго Величества и Августѣйшаго Семейства отъ угрожавшей 17-го октября 1888 года опасности на Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ, семи стипендій, на счетъ процентовъ съ капитала въ триста пятьдесятъ руб., пожертвованнаго съ этою цѣлью александровскимъ 2-й гильдіи купцомъ Алексѣемъ Первушинымъ; при этомъ Его Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть искренно благодарить жертвователя отъ Имени Ихъ Величествъ.

13. (17-го апрѣля 1890 года). Объ утвержденіи положенія и штата лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ утвержденіи положенія и штата лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ утвержденіи положенія и штата лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ, мнѣніемъ положить:

I. Проекты: положенія о лицѣ Цесаревича Николая и штата сего учебнаго заведенія поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

II. Отпускать ежегодно, считая съ 1-го января 1890 года, на покрытіе штатныхъ расходовъ лицея по тридцати восьми тысячъ рублей, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія расходовать на эту надобность въ текущемъ году кредитъ въ 38.000 р., внесенный къ условному отпуску по ст. 7 § 17 дѣйствующей смѣты означеннаго министерства.

III. Утвердить состоявшееся въ минувшемъ году распоряженіе министра финансовъ о выдачѣ министерству народнаго просвѣщенія 23.000 руб., изъ кредита въ 38.000 руб., внесеннаго къ условному отпуску по ст. 7 § 17 смѣты сего министерства на 1889 годъ для покрытія срочныхъ платежей, причитавшихся съ лицея Цесаревича Николая по залогоу его дома въ Московскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ.

IV. Отпустить въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія остальные 15.000 руб. изъ кредита въ 38.000 руб., означеннаго въ предыдущей статьѣ, на покрытіе расходовъ по содержанію лицея въ 1889 году.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

„Вѣрнее по сему“.

Въ Гатчинѣ.

17-го апрѣля 1890 года.

Положеніе о лицѣ Цесаревича Николая въ Москвѣ.

I. Лицей Цесаревича Николая, учрежденный М. Н. Катковымъ и П. М. Леонтьевымъ и посвященный памяти въ Божѣ почившаго Цесаревича Николая Александровича, состоитъ подъ Августѣйшимъ

покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Александровича.

2. Московскому генералъ-губернатору присвоивается званіе почетнаго попечителя лицея.

3. Лицей состоитъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и подчиняется попечителю Московскаго учебнаго округа.

4. Лицей имѣеть цѣлю: 1) сообщать обучающемуся въ немъ вообще общее среднее образованіе; 2) содѣйствовать возможно успѣшному прохожденію воспитанниками университетскаго курса по факультетамъ: историко-филологическому, юридическому и физико-математическому, и 3) содѣйствовать практической подготовкѣ преподавателей для гимназій.

5. Средства лицея составляютъ: 1) суммы, отпускаемыя на его содержаніе изъ государственнаго казначейства; 2) доходъ отъ принадлежащаго лицей имущества; 3) плата, взимаемая съ воспитанниковъ; 4) пожертвованія.

Примѣчаніе. Суммы, поступающія на основаніи п.п. 2—4 сей статьи, составляютъ спеціальныя средства лицея и расходуются на его нужды по правиламъ, установленнымъ для расходованія такихъ средствъ въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

6. Въ лицей полагается восемь гимназическихъ классовъ и университетскіе курсы. Кроме того, при лицей можетъ состоять подготовительная школа.

Примѣчаніе. При лицей имѣются пансіоны для воспитанниковъ гимназическихъ классовъ и интернатъ для воспитанниковъ университетскихъ курсовъ.

7. Объемъ преподаванія предметовъ въ гимназическихъ классахъ лицея долженъ быть не ниже опредѣленнаго учебными планами гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

8. На университетскіе курсы лицея принимаются только лица зачисленныя въ студенты историко-филологическаго, юридическаго и физико-математическаго факультетовъ Московскаго университета.

9. Воспитанники университетскихъ курсовъ лицея, подчиняясь всѣмъ требованіямъ, установленнымъ для студентовъ университета, занимаются въ лицей, подъ руководствомъ особыхъ преподавателей и наблюдателей, изученіемъ предметовъ, входящихъ въ составъ избраннаго ими факультета, чтеніемъ спеціальныхъ и общеобразовательныхъ сочиненій, практическими упражненіями (переводами, задачами, ди-

спутами, пробными процессами и т. п.), репетированіемъ лекцій, а также подготовленіемъ къ повѣрочнымъ и инымъ испытаніямъ, установленнымъ для студентовъ университета.

10. Лица, окончившія высшее образованіе и желающія посвятить себя педагогической дѣятельности, допускаются къ исполненію учительскихъ обязанностей въ лицей съ цѣлію усовершенствованія въ приѣмахъ преподаванія. Лица эти избираются преимущественно изъ бывшихъ воспитанниковъ лицей и допускаются къ занятіямъ съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа. При успѣшности занятій означеннаго лица могутъ быть, по истеченіи года, зачислены въ сверхштатные учителя лицей и, въ случаѣ опредѣленія ихъ на штатную должность въ учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, время состоянія ихъ въ лицей со дня допущенія къ преподаванію зачитывается имъ въ срокъ службы на пенсію.

11. Общее попеченіе о матеріальномъ благосостояніи лицей вѣряется совѣту, образуемому, подъ предсѣдательствомъ почетнаго попечителя, изъ попечителя Московскаго учебнаго округа, его помощника, ректора Московскаго университета, директора лицей и почетныхъ членовъ лицей.

12. Въ почетные члены лицей избираются совѣтомъ пожизненно лица, пожертвовавшія въ пользу лицей одновременно не менѣе 10.000 р., или оказавшія ему другія важныя услуги.

Примѣчаніе. Званіе почетныхъ членовъ сохраняется за лицами, приобрѣтшими оное до утвержденія настоящаго положенія.

13. Почетные члены утверждаются въ семь званій министромъ народнаго просвѣщенія. Имъ присваивается заурядъ V классъ по должности и V разрядъ по иницію на мундирѣ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, но безъ правъ на чинопроизводство и на пенсію.

14. Общій надзоръ за ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла въ лицей, за состояніемъ въ немъ хозяйственной части и за правильнымъ расходованіемъ средствъ лицей возлагается на попечителя Московскаго учебнаго округа.

15. Непосредственное управленіе лицеемъ вѣряется директору, при участіи въ подлежащихъ случаяхъ правленія лицей.

16. Правленіе лицей образуется, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ трехъ старшихъ учителей гимназическихъ классовъ, и старшаго наблюдателя университетскихъ курсовъ. Если въ лицей

не окажется указанного выше числа старшихъ учителей, то недостающее число членовъ пополняется по выбору правленія съ утвержденія попечителя учебнаго округа.

17. На правленіе возлагается завѣдываніе хозяйственною и учебно-воспитательною частями лицея.

18. Учебные планы, программы, распредѣленіе преподаванія по классамъ и назначеніе числа часовъ на каждый предметъ въ гимназическихъ классахъ, а равно порядокъ занятій на университетскихъ курсахъ и всѣ вообще предметы, касающіеся педагогической части, опредѣляются правленіемъ, при участіи учебнаго персонала лицея (педагогическихъ конференцій) и утверждаются въ подлежащихъ случаяхъ министромъ народнаго просвѣщенія, или попечителемъ учебнаго округа.

19. Директоръ лицея избирается изъ лицъ, имѣющихъ, по меньшей мѣрѣ, степень кандидата или дипломъ первой степени по историко-филологическому факультету, и обратившихъ на себя особое вниманіе службою по учебной или ученой части.

20. Законоучитель лицея избирается изъ лицъ, имѣющихъ степень магистра богословія. Старшій и младшіе наблюдатели университетскихъ курсовъ, преподаватели сихъ курсовъ, старшіе учителя, учителя предметовъ и языковъ, старшіе и младшіе наблюдатели гимназическихъ классовъ и главные надзиратели пасюновъ избираются изъ лицъ, имѣющихъ дипломъ первой степени, или степень кандидата, или же приобрѣвшихъ званіе учителя гимназій. Учители чистописанія, рисованія и черченія избираются изъ лицъ, имѣющихъ право на преподаваніе сихъ предметовъ въ гимназіяхъ.

21. Въ должности старшихъ учителей, коихъ полагается трое, утверждаются, за полезную и ревностную службу, тѣ изъ преподавателей русскаго, древнихъ языковъ или математики, которые прослужили въ лицей не менѣе 10 лѣтъ.

22. Лицей имѣетъ свою печать съ изображеніемъ подъ Императорскою короною трехъ буквъ Н. Ц. Н., что означаетъ „Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай“.

23. Лицей имѣетъ право получать безъ цензурнаго разсмотрѣнія выписываемыя изъ-за границы книги, а равно задавать безъ цензуры учебныя руководства, за исключеніемъ относящихся до закона Божія, которыя подлежатъ духовной цензурѣ, на общемъ основаніи.

24. Льготы, предоставляемыя лицеемъ относительно платежа пошлинъ, гербоваго, городскихъ и иныхъ сборовъ, а также по отбыва-

нію квартирной повинности, опредѣляются въ подлежащихъ уставахъ, по принадлежности.

25. О всякомъ преступленіи или проступкѣ, совершенномъ воспитанникомъ университетскихъ курсовъ лица, въ сего учебнаго заведенія, полиція немедленно увѣдомляетъ директора лица.

26. Въ случаѣ взятія подъ арестъ кого либо изъ служащихъ или учащихся въ лицѣ, лица эти немедленно представляются директору лица. Если же они задержаны по участію или подозрѣнію въ уголовномъ преступленіи, то должностныя лица, по распоряженію которыхъ они задержаны, увѣдомляютъ объ этомъ безъ замедленія директора лица.

27. Поименованныя въ штатѣ лица должностныя лица считаются состоящими на государственной службѣ по министерству народнаго просвѣщенія и пользуются преимуществами, опредѣленными въ штатѣ, а также въ ст. 396 уст. о службѣ по опредѣленію отъ правительства и ст. 343 уст. о пенс. и единовр. пособ., изд. 1876 года.

28. Воспитанники гимназическихъ классовъ лица пользуются относительно правъ поступленія въ университеты и другія высшія учебныя заведенія, вступленія въ гражданскую службу, производства въ первый классный чинъ, а также относительно льготъ по отбыванію воинской повинности, всѣми преимуществами, предоставленными воспитанникамъ правительственныхъ гимназій.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

На подлинномъ Собственномъ Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написаномъ:
«Быть по сему».
Въ Гатчинѣ, 18 апрѣля 1890 года.

Ш Т А Т Ъ
Лицея Цесаревича Николая.

	Число чиновъ.	Содержаніе въ годъ.				Классы и разряды.		
		Одному.			Всего.	По должности.	По штыю на мундиръ.	По пенсін.
		Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.				
		Рубляи.						
Директору	1	2.400	1.600	въ на- турѣ.	4.000	IV	IV	} По учебной службѣ.
Законоучителю.	1	1.000	600		} 2.000			
Ему же по должности настоятеля церкви	—	400	—					
Старшему наблюдателю университетскихъ курсовъ.	1	1.500	1.000	—	2.500	VI	VI	
Учителямъ древнихъ языковъ.	4	900	600	—	6.000	VIII	VIII	
Учителямъ математики и физики (съ космографіей и краткимъ естествовѣдѣніемъ)	2	900	600	—	3.000	VIII	VIII	
Учителямъ русскаго языка съ церковно-славянскимъ и логики	2	900	600	—	3.000	VIII	VIII	
Учителю исторіи и географіи	1	900	600	—	1.500	VIII	VIII	
Учителю французскаго языка	1	900	600	—	1.500	VIII	VIII	
Учителю вѣдскаго языка.	1	900	600	—	1.500	VIII	VIII	
Старшимъ учителямъ до-бавочныхъ по 500 р.	3	—	—	—	1.500	VI	VI	
Одному изъ старшихъ учителей за исполненіе обязанностей помощника директора	1	1.000	—	въ на- турѣ.	1.000			

Старшимъ наблюдателямъ гимназическихъ классовъ, добавочныхъ по 750 р.	8	—	—	—	6.000	—	—	По учебной службѣ.	
Младшимъ наблюдателямъ университетскихъ курсовъ.	—	750	450	—	—	VIII	VIII		
Младшимъ наблюдателямъ гимназическихъ классовъ	—	750	250	—	—	VIII	VIII		
Главнымъ надзирателямъ пансіоновъ.	—	750	450	—	—	VII	VII		
Младшимъ надзирателямъ пансіоновъ	—	350	250	—	—	X	X		
Библиотекаря	1	600	—	—	600	VIII	VIII		
Учителю чистописанія	1	500	—	—	500	IX	IX		VII
Учителю рисованія и черченія	1	600	—	—	600	IX	IX		VII
Секретарю правленія	1	600	200	—	800	VIII	VIII		III ст. 2
Секретарямъ педагогическихъ конференцій	2	120	—	—	240				
Эконому и смотрителю зданій	1	600	—	—	600	IX	IX	VII	
Врачу	1	600	—	—	600	VIII	VIII	По медич. службѣ.	
На содержаніе дома	—	—	—	—	2.400				

Примѣчанія:

1) Въ исчисленные по сему штату расходы покрываются на счетъ суммы въ 88.000 р., отпускаемой лично изъ государственнаго казначейства, за исключеніемъ расходовъ по содержанію младшихъ наблюдателей, главныхъ и младшихъ надзирателей пансіоновъ и библиотекаря, а также по выдѣлѣ дополнительнаго содержанія старшему учителю, исполняющему обязанности помощника директора, и вознагражденію секретарямъ педагогическихъ конференцій, закономъ расходы относятся на счетъ специальныхъ средствъ лица.

2) Младшіе наблюдатели изъ лицъ, преподающихъ въ лицѣхъ, получаютъ полные оклады содержанія (жилье и столонно), положенно для нихъ по штату. Младшіе же наблюдатели изъ числа преподавателей получаютъ полный окладъ по занимаемой ими учительской должности, а за исполненіе обязанностей наблюдателя имъ выдается изъ специальныхъ средствъ лица добавочное вознагражденіе, въ размѣрѣ 450 р. для наблюдателя университетскихъ курсовъ и 250 р. для наблюдателя гимназическихъ классовъ.

3) Служащіе въ лицѣхъ, которымъ по штату не положено квартиръ въ натурѣ, могутъ пользоваться таковыми за ревностную и полезную службу, по представленію правленія и съ разрѣшенія почетнаго учебнаго округа, въ тѣхъ случаяхъ, когда дозволять помѣщеніе.

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта М и х а и л ѣ.

14. (24-го апрѣля 1890 г.). О примѣненіи къ гимназіямъ Дерптскаго учебнаго округа устава и штата гимназій 30-го іюля 1871 года.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о примѣненіи къ гимназіямъ Дерптскаго учебнаго округа устава и штата гимназій 30-го іюля 1871 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о примѣненіи къ гимназіямъ Дерптскаго учебнаго округа устава и штата гимназій 30-го іюля 1871 года, мнѣніемъ положилъ:

1. Примѣнить къ Дерптской, Митавской, Ревельской и Рижской губернской гимназіямъ, съ начала будущаго учебнаго года, Высочайше утвержденные 30-го іюля 1871 года уставъ и штатъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія съ нижеслѣдующими отступленіями:

1. Церковно-славянскій языкъ сдѣлать обязательнымъ только для учениковъ православнаго исповѣданія.

2. Для русскаго языка и словесности назначить по 27 и для нѣмецкаго языка по 16 уроковъ.

3. Къ числу необязательныхъ предметовъ обученія отнести еврейскій языкъ—для всѣхъ 4 гимназій, латышскій—для Рижской и Митавской, эстскій—для Ревельской и Дерптской, причемъ за обученіе симъ языкамъ установить особую умѣренную плату, которая за недостаточныхъ учениковъ можетъ быть покрываема изъ специальныхъ средствъ заведеній.

4. Въ штатъ сихъ гимназій ввести: а) законоучителя лютеранскаго исповѣданія на тѣхъ же основаніяхъ, какія опредѣлены для законоучителя православнаго исповѣданія, и б) трехъ преподавателей древнихъ языковъ.

5. Служащимъ при означенныхъ гимназіяхъ, по учебной части, а также семействамъ ихъ, пенсіи и единовременныя пособія опредѣлять изъ окладовъ: директорамъ—одной тысячи ста рублей, ин-

спекторамъ—восемьсотъ рублей, православнымъ и лютеранскимъ законоучителямъ—четырехсотъ рублей, учителямъ наукъ и языковъ русскаго, латинскаго и греческаго—семьсотъ рублей, и учителямъ новыхъ языковъ—пятисотъ пятидесяти рублей.

Примѣчаніе. За лицами, служащими ими при гимназіяхъ въ должностяхъ съ высшими пенсіонными правами, сохраняются эти послѣднія права.

II. Постановленія, изложенныя въ ст. 1—3 и 5 отдѣла I, пригнѣнить къ Александровскимъ гимназіямъ въ Ригѣ и Ревелѣ.

III. Существующія ими въ Александровскихъ гимназіяхъ должности: особаго инспектора и преподавателя латышскаго языка, въ Рижской, и учителя эстскаго языка, въ Ревельской, упразднить.

IV. Тѣхъ изъ служащихъ въ Дерптской, Ревельской, Рижской губернской и Митавской гимназіяхъ, которые, съ пригнѣніемъ къ нимъ общаго устава гимназій 1871 года, не получаютъ новаго назначенія, оставить за штатомъ на общемъ основаніи.

V. Потребныя на содержаніе преобразуемыхъ Дерптской, Ревельской, Рижской губернской и Митавской гимназій сто пять тысячъ восемьсотъ восемьдесятъ рублей въ годъ отпустить изъ государственнаго казначейства, съ обращеніемъ въ счетъ этой суммы 70.084 р. 85 к., ими ассигнуемыхъ изъ того же источника, на содержаніе помянутыхъ четырехъ гимназій, 13.099 р., назначенныхъ къ условному отпуску по ст. 1 § 7 смѣты министерства народнаго просвѣщенія текущаго года, и 2.830 р. изъ суммъ, определенныхъ на содержаніе Рижской и Ревельской Александровскихъ гимназій, и съ отношеніемъ остальной недостающей суммы, въ количествѣ 19.866 р. 15 к., на спеціальныя средства гимназій, Дерптской, Ревельской, Рижской губернской и Митавской, съ тѣмъ, чтобы означенныя 19.866 р. 15 к. показывались пособіемъ государственному казначейству на содержаніе гимназій: Рижской губернской—3.000 р., Ревельской—4.800 р., Митавской—5.500 р. и Дерптской—6.566 р. 15 коп.

Подлинное мнѣніе поднесено въ журналахъ предсѣдателями и членами.

15. (1-го мая 1890 года). О преобразованіи Омскаго техническаго училища въ низшее механико-техническое.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о

преобразованіи Омскаго техническаго училища въ высшее механико-техническое, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михайлаъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Омскаго техническаго училища въ высшее механико-техническое, мнѣніемъ положилъ:

I. Существующее въ г. Омскѣ техническое училище преобразовать, съ 1890—91 года, въ высшее механико-техническое училище съ пансіономъ.

II. На содержаніе Омскаго высшаго механико-техническаго училища и состоящаго при ономъ пансіона обратить отпускаемые нынѣ Омскому техническому училищу шестнадцать тысячъ рублей изъ средствъ государственнаго казначейства и одиннадцать тысячъ пятьсотъ рублей изъ губернскаго земскаго сбора губерній Тобольской и Томской, съ тѣмъ, чтобы на эту послѣднюю сумму (11.500 р.) были отнесены, между прочимъ, расходы на содержаніе въ училищѣ 30 бесплатныхъ пансіонеровъ городскихъ и сельскихъ обществъ Тобольской и 20 — Томской губерній (5.000 р.); вознагражденіе директора за заведываніе пансіономъ (300 р.); содержаніе воспитателя пансіона (600 р.) и эконома (300 р.), а также содержаніе въ чистотѣ и ремонтъ зданій пансіона (964 р.).

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

16. (1-го мая 1890 года). Объ упраздненіи Бѣлгородской и учрежденіи Курской учительской семинаріи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ упраздненіи Бѣлгородской и учрежденіи Курской учительской семинаріи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михайлаъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ

представленіе министра народнаго просвѣщенія объ упраздненіи Бѣлгородской и учрежденіи Курской учительской семинаріи, мнѣніемъ положилъ:

I. Бѣлгородскую учительскую семинарію закрыть съ окончаніемъ текущаго учебнаго года.

II. Служащихъ въ оной лицъ, кои не получаютъ другаго назначенія, оставить за штатомъ, на общемъ основаніи, съ отнесеніемъ расхода по выдачѣ имъ штатнаго жалованья на средства курскаго губернскаго земства.

III. Преобразовать Курскую земскую учительскую школу, съ начала 1890 — 91 учебнаго года, въ Курскую учительскую семинарію, на основаніи соглашенія, состоявшагося по сему дѣлу между министерствомъ народнаго просвѣщенія и курскимъ губернскимъ земствомъ.

IV. Проектъ штата Курской учительской семинаріи поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

V. На содержаніе Курской учительской семинаріи въ дополненіе къ 8.510 рублямъ, отпускаемымъ курскимъ губернскимъ земствомъ, отпускать ежегодно по шестнадцать тысячъ восьмисотъ десяти рублей, обративъ на покрытіе сего расхода равную сумму, отпускаемую имъ на содержаніе Бѣлгородской учительской семинаріи.

VI. Могушіе оказаться къ концу каждаго года остатки отъ штатныхъ суммъ Курской учительской семинаріи раздѣлять на двѣ части: одну, пропорциональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи курскаго губернскаго земства, для употребленія на нужды сего заведенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственномъ Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
«Быть по сему».

Въ Гатчинѣ 1 мая 1890 г.

Ш Т А Т Ъ

Нуской учительской семинаріи.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды.		
		Одному.		В С Е Г О.	По должности.	По штату на мѣсяцъ.	По пенсін.
		Жалованья.	Столовыхъ.				
Директоръ (при казенной квартирѣ).	1	1.200	800	2.000	V	V	По учебной службѣ.
Ему же добавочныхъ.		—	—	500			
Законоучитель	1	650	550	1.200			По учебной службѣ.
Ему же на наемъ квартиры		—	—	200			
Наставниковъ	3	650	550	3.600	VIII	VIII	По учебной службѣ.
Двумъ изъ нихъ на наемъ квартиръ, по 200 руб. каждому		—	—	400			
За 8 дополнительныхъ уроковъ естественнаго		—	—	480			По учебной службѣ.
Учитель пѣнія	1	500	—	500			
Ему же на наемъ квартиръ		—	—	200			По учебной службѣ.
Учитель начальнаго при семинаріи училища	1	450	—	450			
Ему же на наемъ квартиръ		—	—	150			По учебной службѣ.
Учитель технического рисованія	1	100	—	100			
Учитель рисованія и черченія	1	250	—	250			По учебной службѣ.
Учитель чистописанія	1	250	—	250			
Учитель гимнастики	1	240	—	240			По учебной службѣ.
Врачъ	1	200	—	200	VIII	VIII	
На пособие служащимъ		—	—	100			По учебной службѣ.
На обученіе ремесламъ		—	—	1.220			
На 70 стипендій, по 120 р.		—	—	8.400			По учебной службѣ.
На учебныя пособия для стипендіатовъ		—	—	525			
На награды окончившимъ курсъ		—	—	100			По учебной службѣ.
На бібліотеку и учебныя пособия		—	—	450			
На содержаніе домовъ, отопленіе, освѣщеніе, наемъ прислуги и прочіе хозяйственныя расходы		—	—	8.805			По учебной службѣ.
Итого		—	—	25.320			

Подписалъ: Предѣдатель Государственнаго Совѣта М и х а и л ѣ .

17. (8-го мая 1890 года). Объя открытіи въ гор. Брянскѣ
 низшаго механико-техническаго училища.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ открытіи въ г. Брянскѣ низшаго механико-техническаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи въ г. Брянскѣ низшаго механико-техническаго училища, мнѣніемъ положилъ:

1) Учредить въ г. Брянскѣ (Орловской губерніи) съ 1-го іюля 1890 года низшее механико-техническое училище на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ, 7-го марта 1888 года, основныхъ положеній о промышленныхъ училищахъ и, 26-го іюня 1889 года, штатовъ сихъ училищъ.

2) Расходъ, потребный въ текущемъ году на содержаніе означеннаго училища и на наемъ для него помѣщенія въ количествѣ восьми тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ восемь рублей, отвести на кредитъ, назначенный къ условному отпуску по ст. 7 § 8 смѣты министерства народнаго просвѣщенія 1890 года на устройство техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

3) Начиная съ 1891 года отпускать на Брянское низшее механико-техническое училище по двадцать тысячъ шестьсотъ тридцать шесть рублей въ годъ (въ томъ числѣ: 1.200 рублей на наемъ помѣщенія); жертвуемые же Брянскимъ городскимъ обществомъ 3.500 рублей въ годъ зачислять, съ того же срока, пособіемъ государственному казначейству на содержаніе сего училища.

4) Могущіе оказаться въ концѣ года отъ штатныхъ суммъ Брянскаго низшаго механико-техническаго училища остатки раздѣлять на части: одну, пропорциональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи мѣстнаго городского общества для употребленія на нужды училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

18. (10-го мая 1890 г.). Объ учрежденіи преміи за драматическое сочиненіе на проценты съ капитала, пожертвованнаго поручикомъ войска Донскаго Андреемъ Кирѣевымъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день мая 1890 года, Высочайше соизволилъ: 1) на принятіе Императорскою академіею наукъ, вмѣсто завѣщанныхъ поручикомъ войска Донскаго Андреемъ Кирѣевымъ 10.000 рублей, капитала въ 7.185 руб. 60 к., нынѣ обращеннаго въ процентныя бумаги на сумму 7.400 р. и 2) на учрежденіе, на проценты съ означеннаго капитала, преміи за лучшее, напечатанное на русскомъ языкѣ, драматическое сочиненіе, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвержденія правилъ объ упомянутой преміи.

19. (10-го мая 1890 г.). Объ учрежденіи при Рижскомъ городскомъ училищѣ Императрицы Екатерины II стипендіи въ память столѣтія существованія этого училища.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день мая 1890 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Рижскомъ городскомъ училищѣ Императрицы Екатерины II, на счетъ процентовъ съ капитала въ пятьсотъ пятьдесятъ руб., пожертвованнаго членами „вспомогательнаго общества русскихъ купеческихъ приказчиковъ въ г. Ригѣ“, бывшими учениками названнаго училища, стипендіи въ память столѣтія существованія этого училища.

20. (14-го мая 1890 г.). О предоставленіи воспитанникамъ среднихъ техническихъ училищъ отсрочки по отбыванію воинской повинности.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи воспитанникамъ среднихъ техническихъ училищъ отсрочки по отбыванію воинской повинности, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Абаза.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о правахъ по воинской повинности воспитанниковъ промышленныхъ училищъ мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе статьи 53 общаго устава о воинской повинности (свод. зак. т. IV, кн. I изд. 1886 г.) постановить:

„Воспитанникамъ промышленныхъ училищъ, въ составъ коихъ входятъ среднія техническія училища, а также и силъ послѣднихъ, поступленіе на службу въ войска по вынужденному жеребью отсрочивается въ случаѣ заявленнаго ими желанія, для окончанія образованія въ упомянутыхъ училищахъ, до достиженія двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду“.

21. (14-го мая 1890 г.). Объ открытіи дополнительнаго класса при Елабужскомъ реальномъ училищѣ, взаимѣнъ коммерческаго отдѣленія.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ открытіи дополнительнаго класса при Елабужскомъ реальномъ училищѣ, взаимѣнъ коммерческаго отдѣленія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Абава.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи дополнительнаго класса при Елабужскомъ реальномъ училищѣ, взаимѣнъ коммерческаго отдѣленія, мнѣніемъ положилъ:

1) Приступить съ 1890—1891 учебнаго года къ закрытію коммерческаго отдѣленія въ Елабужскомъ реальномъ училищѣ, прекративъ пріемъ учениковъ въ V классъ означеннаго отдѣленія.

2) Съ закрытіемъ въ 1891—1892 учебномъ году VI класса коммерческаго отдѣленія открыть въ названномъ училищѣ дополнительный классъ.

3) Потребный на содержаніе дополнительнаго класса расходъ, въ размѣрѣ двухъ тысячъ тридцати рублей въ годъ, обратитъ на счетъ кредита въ 2.200 р., отпускаемаго на содержаніе коммерческаго отдѣленія; остающіеся же изъ сего кредита свободными 170 р. изъ сметы министерства народнаго просвѣщенія исключить, уменьшивъ отпускаемыя изъ казны и отъ городского общества суммы на содержаніе Елабужскаго реальнаго училища, пропорціонально ихъ ассигнованіямъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

22. (14-го мая 1890 г.). Объ учрежденіи при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра должности совѣтника правленія.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра должности совѣтника правленія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Абаза.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра должности совѣтника правленія, мнѣніемъ положила:

I. Учредить въ Императорскомъ университетѣ св. Владиміра должность совѣтника правленія, съ присвоеніемъ сей должности годоваго содержанія въ размѣрѣ одной тысячи пятисотъ руб. (въ томъ числѣ: 1.000 р. жалованья и 500 р. столовыхъ), при казенной квартирѣ, VI класса по чинопроизводству, VI разряда по шитью на мундирѣ и III разряда ст. 2 по пенсіи.

II. Расходъ, потребный на производство содержанія упомянутому въ ст. I совѣтнику правленія, отнести на спеціальныя средства Императорскаго университета св. Владиміра.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

23. (14-го мая 1890 года). Объя освобожденіи отъ призыва на дѣйствительную военную службу въ мирное время агрономическихъ смотрителей изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ Красноуфимскомъ промышленномъ, бывшемъ реальномъ, училищѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ освобожденіи отъ призыва на дѣйствительную военную службу въ мирное время агрономическихъ смотрителей изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ Красноуфимскомъ промышленномъ, бывшемъ реальномъ, училищѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта д. т. с. Александръ Абаза.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о распространеніи дѣйствія пункта 3 статьи 63 устава о воинской повинности на агрономическихъ смотрителей изъ учениковъ Красноуфимскаго промышленнаго училища, мнѣніемъ положила:

Статью 63 общаго устава о воинской повинности (свод. зак. т. IV кн. I по прод. 1889 г.) дополнить слѣдующимъ правиломъ:

„Лица, окончившія курсъ въ Красноуфимскомъ, бывшемъ реальномъ, нынѣ промышленномъ, училищѣ и поступающія затѣмъ на должности агрономическихъ смотрителей, если ими при призывѣ къ воинской повинности вынутъ жребій, опредѣляющій поступленіе ихъ въ постоянныя войска, освобождаются отъ дѣйствительной службы въ мирное время и зачисляются въ запасъ арміи на восемнадцать лѣтъ, но до истеченія пяти лѣтъ, со времени зачисленія въ запасъ, они обязаны ежегодно представлять въ подлежащее о воинской повинности присутствіе удостовѣреніе ихъ начальства въ томъ, что они не оставили соответствующихъ ихъ званію занятій. Прекратившія сіи занятія ранѣе означеннаго времени призываются на дѣйствительную службу на срокъ, соответствующій ихъ образованію“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ Предсѣдателями и членами.

24. (12-го іюня 1890 года). Обь измѣненіи таблицы числа недѣльныхъ уроковъ въ мужскихъ гимназіяхъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, обь измѣненіи таблицы числа недѣльныхъ уроковъ въ мужскихъ гимназіяхъ, Высочайше утвердить соизволяя и повелѣть исполнить.

Подписалъ: предѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія обь измѣненіи таблицы числа недѣльныхъ уроковъ въ мужскихъ гимназіяхъ, мнѣніемъ положиъ:

I. Таблицу числа недѣльныхъ уроковъ въ мужскихъ гимназіяхъ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества разсмотрѣніе.

II. Въ измѣненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

На лѣтнія вакаціи въ гимназіяхъ, реальныхъ, городскихъ и уѣздныхъ училищахъ назначается два мѣсяца. Время начала сяхъ вакацій опредѣляется министромъ народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предѣдателями и членами.

На подлинномъ написано: »Государь Императоръ повелѣлъ разсмотрѣвать 12 іюня 1890 г. въ Петергофѣ.

Т А Б Л И Ц А

числа недѣльныхъ часовыхъ уроковъ въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

ПРЕДМЕТЫ.	Приготовительный классъ.	К Л А С С Ы.								Число обязательныхъ для учащихся уроковъ въ 6 лѣтъ гимназическаго курса.
		I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	
1 Законъ Божій	4	2	2	2	2	2	2	2	2	16
2 Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ, словесность и логика	6	5	4	4	3	3	3	3	4	29
3 Латинскій языкъ	—	6	6	5	5	5	5	5	5	42
4 Греческій языкъ	—	—	—	4	5	6	6	6	6	33
5 Математика	6	4	4	3	4	4	4	3	3	29
6 Физика	—	—	—	—	—	—	2	3	2	7
7 Исторія	—	—	—	2	2	3	2	2	2	13
8 Географія	—	2	2	2	2	—	—	—	—	8
9 Французскій языкъ	—	—	3	2	3	3	2	3	3	19
10 Нѣмецкій языкъ	—	—	3	3	3	3	3	2	2	19
11 Числосчисленіе и рисованіе	6	4	4	2	—	—	—	—	—	10
Итого для учащихся обонимъ новымъ языкамъ		22	23	28	29	29	29	29	29	225
Для учащихся одновому новому языку	французскому	22	23	25	26	26	26	27	27	206
	нѣмецкому	22	23	25	27	26	26	27	26	206

Примѣчаніе. Уроки новыхъ языковъ распределяются такъ, чтобы желающіе могли, съ разрѣшенія директора, по совѣщаніи его о семъ съ педагогическимъ совѣтомъ, обучаться обонимъ; не оказывающимъ успѣха въ обязательныхъ предметахъ такое разрѣшеніе не дается.

Подписаль: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта М и х а и л ѣ .

25. (14-го іюня 1890 года). Обь учрежденіи шести промышленных училищъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, обь учрежденіи шести промышленныхъ училищъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія обь учрежденіи шести промышленныхъ училищъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить: 1) въ городѣ Кавани соединенныя среднее химико-техническое и высшее техническое училища, съ механической, химической и строительною специальностями; 2) въ городѣ Екатеринославѣ соединенныя училища: высшее техническое, съ механической, химической и строительною специальностями, и ремесленное и 3) въ городахъ Петроваводскѣ и Златоустѣ и посадахъ: Павловѣ (Нижегородской губерніи) и Клинцахъ (Черниговской губерніи)—ремесленныя училища, въ Петроваводскѣ, Златоустѣ и Павловѣ со слесарнымъ мастерствомъ, и въ Клинцахъ — со слесарнымъ и столярнымъ мастерствами.

II. Отпустить въ распоряженіе министра народнаго просвѣщенія на устройство помѣщеній для вновь учреждаемыхъ промышленныхъ училищъ кредитъ въ размѣрѣ двухсотъ тысячъ руб., внесенный къ условному отпуску по ст. 1 § 15 дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы означенный кредитъ расходовался по соглашенію съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательскимъ и членами.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

11. (20-го іюня 1890 года). Правила о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала умершей дочери полковника дѣвницы Юліи Александровны Майковой, заключающагося въ облигаціяхъ 2 восточнаго займа за №№ 93629 и 95188 по 1.000 руб. каждая и за № 329112 въ 100 руб.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Согласно волѣ жертвовательницы капитала единовременному пособію изъ % съ онаго присвоивается наименование полковника Александра Аполлоновича Майкова.

§ 2. Изъ % съ означеннаго капитала назначается пособіе для взноса платы за слушаніе лекцій за бѣднѣйшаго студента историко-филологическаго факультета изъ потомственныхъ или личныхъ дворянъ, безусловно русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія.

§ 3. Пособіе назначается правленіемъ университета на основаніи существующихъ правилъ, если жертвовательница капитала не укажетъ для этого своего кандидата не позже 1-го іюля каждаго академическаго года.

§ 4. Пособіе изъ % съ капитала для платы за слушаніе лекцій должно назначаться одному и тому же студенту, начиная съ перваго полугодія перваго же курса за все время слушанія имъ университетскихъ лекцій до полнаго окончанія имъ курса.

§ 5. Такъ какъ пособіе назначается для взноса платы за слушаніе лекцій, то оно и не можетъ быть выдаваемо на руки студенту, а должно быть перечисляемо правленіемъ университета въ соответствующіе источники.

§ 6. Могущій образоваться остатокъ отъ процентовъ за покрытіемъ платы за слушаніе лекцій выдается единовременно пользовавшемуся этою льготою студенту по окончаніи имъ курса въ университетѣ и по полученіи выпускнаго свидѣтельства. Этотъ остатокъ можетъ быть выданъ и неокончившему курсъ, если препятствіемъ къ окончанію его послужила законно удостовѣренная тяжкая болѣзнь; въ противномъ случаѣ остатокъ остается на университетскомъ счету, образуя залогъ на случай возвышенія платы за слушаніе лекцій.

§ 7. Если въ какомъ-либо году не окажется между вновь поступающими на историко-филологическій факультетъ студентами бѣднѣйшаго дворянина, нуждающагося въ пособіи, то наросшіе за тотъ годъ проценты могутъ быть назначены на слѣдующій годъ второму бѣднѣйшему студенту изъ дворянъ для взноса за слушаніе лекцій на томъ же факультетѣ, такъ что тогда уже двое въ продолженіе перваго, по вступленіи въ университетъ, года будутъ пользоваться пособіемъ. Если въ продолженіе двухъ лѣтъ сразу не окажется нуждающагося въ пособіи студента изъ дворянъ, то тогда на слѣдующій годъ пособие выдается двумъ бѣднѣйшимъ студентамъ дворянамъ, изъ которыхъ одинъ будетъ пользоваться пособіемъ два года, а другой всѣ четыре года. Такой способъ назначенія пособій долженъ соблюдаться относительно накопленія процентовъ при отсутствіи нуждающихся и за большее число лѣтъ, не выходя изъ предѣловъ историко-филологическаго факультета.

12. (29-го іюня 1890 года). Положеніе о стипендіи имени сенатора тайнаго совѣтника Аеанасія Николаевича Сомова при Тверской Маріинской женской гимназіи.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. при Тверской Маріинской женской гимназіи учреждается одна стипендія имени сенатора тайнаго совѣтника Аеанасія Николаевича Сомова, на счетъ процентовъ съ капитала въ пятьсотъ руб., пожертвованныхъ имъ съ этою цѣлю.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 10 ти облигаціяхъ 1-го восточнаго займа, 2-го десятилѣтія по пятидесяти руб. каждая облигація, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ женской гимназіи.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., поступаютъ въ уплату за право ученія въ гимназіи стипендіатки.

§ 4. Право избранія стипендіатки изъ ученицъ жителей г. Твери, безъ различія сословій, но бѣдныхъ по состоянію, пожизненно принадлежитъ А. Н. Сомову; а послѣ смерти его переходятъ къ попечительному совѣту женской гимназіи.

§ 5. Стипендіатка, оказывающая при отличномъ поведеніи удовлетворительные успѣхи въ наукахъ, сохраняетъ за собой право пользованія стипендіею до окончанія полного курса въ гимназій или до выхода изъ оной по какой-либо причинѣ.

§ 6. Въ случаѣ малоусвѣнности въ наукахъ, происходящей отъ нерадѣнія или за неодобрительное поведеніе стипендіатка, по опредѣленію педагогическаго и почетельнаго совѣтовъ, лишается права пользоваться стипендіею и на мѣсто ея избирается другая стипендіатка.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

13. (4-го іюля 1890 года). Положеніе о стипендіи имени телавскаго первой гильдіи купца Багдасара Ивановича Багдоева при Телавскомъ городскомъ училищѣ.

(Утверждено г. управлющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. при Телавскомъ городскомъ училищѣ учреждается одна стипендія имени Телавскаго первой гильдіи купца Багдасара Ивановича Багдоева на счетъ процентовъ съ пожертвованной для этой цѣли суммою его почетнымъ смотрителемъ онаго училища телавскимъ первой гильдіи купцомъ Иваномъ Багдасаровичемъ Багдоевымъ капитала въ двѣсти пятьдесятъ рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ государственныхъ пяти-процентныхъ банковыхъ билетахъ втораго выпуска за № 346456 и 346457, съ двумя купонами, каждый по сто руб., и одного билета государственнаго казначейства за № 2243786 — 1889 г. съ семью купонами въ пятьдесятъ руб., оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность телавскаго городского училища и хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

§ 3. Въ случаѣ преобразованія телавскаго городского училища въ другое учебное заведеніе, стипендія первой гильдіи купца Багдасара Ивановича Багдоева переносится во вновь преобразованное училище.

§ 4. Въ стипендіаты избирается педагогическимъ совѣтомъ училища одинъ изъ бѣдныхъ приходящихъ учениковъ лучшихъ по успѣхамъ и поведенію, безъ различія національности, изъ дѣтей гражданъ и мѣщанъ г. Телавы.

§ 5. Проценты съ упомянутого капитала, за вычетомъ суммы, подлежащей согласно закону 20-го мая 1885 г. обращенію въ доходъ казны, употребляется педагогическимъ совѣтомъ училища на взносы платы за право ученія стипендіата.

§ 6. Могущія образоваться сбереженія отъ стипендіи, по случаю временнаго незамѣщенія ея или по какимъ - либо другимъ причинамъ, прибавляются къ основному капиталу или же выдаются въ пособіе стипендіату по усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (4-го июля 1890 года). Положеніе о стипендіи имени генераль-адъютанта графа Лорисъ-Меликова при Харьковской Маріинской женской гимназій.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. при Харьковской Маріинской женской гимназій на проценты съ капитала въ 5.391 р. 60 к., образованнаго Харьковскимъ губернскимъ земствомъ, учреждается одна стипендія имени „генераль-адъютанта графа Лорисъ-Меликова“.

§ 2. Означенный капиталъ по обращеніи его въ правительственныя или правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназій.

§ 3. Изъ процентовъ съ означеннаго капитала: 1) уплачивается гимназій за обученіе обязательнымъ и необязательнымъ предметамъ одной бѣдной ученицы, отличающейся, по засвидѣтельствованію педагогическаго совѣта гимназій, безукоризненнымъ поведеніемъ и вполне удовлетворительными успѣхами, и 2) остатокъ отъ таковой уплаты за обученіе или выдается на содержаніе той же ученицы ея родителямъ или же вносится, какъ плата за ея содержаніе въ пансіонъ.

§ 4. Право назначенія стипендіатокъ принадлежитъ Харьковской губернской земской управѣ при соблюденіи условій, указанныхъ въ параграфѣ 3.

§ 5. Стипендіатка избирается изъ дѣтей постоянныхъ жителей Харьковской губерніи, безъ различія сословія и вѣроисповѣданія.

§ 6. Ученица, пользующаяся стипендією, носитъ именованіе „стипендіатка генераль-адъютанта графа Лорисъ-Меликова.

§ 7. Право на стипендію сохраняется за избранной стипендіаткой во все продолженіе пребыванія ея въ гимназій, если она по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ будетъ удовлетворять параграфу 8 этихъ правилъ. Въ случаѣ оставленія стипендіатки въ томъ же классѣ вслѣдствіе болѣзни, стипендія можетъ быть сохранена еще на одинъ годъ за стипендіаткой, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта гимназій.

§ 8. Пользованіе стипендією не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ со стороны стипендіатки.

15. (9-го іюля 1890 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о недопущеніи зачета службы, проведенной въ бывшихъ женскихъ 1-го и 2-го разряда училищахъ, въ срокъ выслуги на пенсію изъ суммъ государственнаго казначейства.

Однимъ изъ законоучителей прогимназій было воздуждено ходатайство о назначеніи ему пенсіи за двадцати-пяти-лѣтнюю службу въ законоучительскихъ должностяхъ, съ зачетомъ въ сей срокъ свыше девяти-лѣтней прежней службы его законоучителемъ въ бывшемъ женскомъ 2-го разряда училищѣ. Министерство народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ представленіе подлежащаго попечителя учебнаго округа по означенному ходатайству, не признало возможнымъ зачесть названному законоучителю въ срокъ выслуги на пенсію изъ казны время, проведенное имъ на службѣ въ бывшемъ женскомъ 2-го разряда училищѣ по слѣдующимъ соображеніямъ: на основаніи дѣйствовавшихъ Высочайше утвержденныхъ Положеній о женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія 30-го мая 1858 г. (ст. 15) и 10-го мая 1860 г. (ст. 37), преподавателямъ и преподавательницамъ сего рода училищъ 1-го и 2-го разряда, не состоявшимъ одновременно на службѣ въ гимназій или уѣздномъ училищѣ, предоставлены были служебныя права, равныя съ домашними учителями и учительницами, то-есть, право на полученіе пенсіи, за выслугу опредѣленнаго числа лѣтъ, изъ находящагося въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія капитала призрѣнія домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ, служба же домашнихъ учителей и учительницъ, по ст. 417 Св. Зак., т. III (изд. 1876 г.) уст. о пенс. и един. пособ., не принимается въ зачетъ при назначеніи пенсіи ни въ

какую другаго рода службу. Съ введеніемъ въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 24-го мая 1870 г. Положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, замѣнявшаго собою прежнія Положенія о женскихъ училищахъ, нѣкоторымъ должностнымъ лицамъ сихъ гимназій и прогимназій, въ томъ числѣ и законоучителямъ оныхъ, предоставлено при соответственномъ образовательномъ цензѣ, право на пенсіи изъ казны, на основаніи 42 ст. этого положенія (ст. 349 Св. Зак., т. III, изд. 1876 г.) уст. о пенс. и един. пособ. наравнѣ съ учителями и законоучителями мужскихъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, но о зачетѣ въ срокъ выслуги на такомъ пенсіи прежней ихъ службы въ бывшихъ женскихъ 1-го и 2-го разряда училищахъ, въ извѣтіи нѣтъ 417 ст. пенс. уст., ни въ приведенномъ положеніи о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, ни въ послѣдующихъ законоположеніяхъ, нигдѣ не упоминается, а слѣдовательно, эта статья (417) закона сохранена въ полной силѣ какъ въ отношеніи домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ, такъ и лицъ, сравненныхъ съ ними по службѣ въ бывшихъ женскихъ 1-го и 2-го разряда училищахъ. А такъ какъ безъ зачета времени службы въ женскомъ 2-го разряда училищѣ упомянутый законоучитель не выслужилъ двадцати-пяти-лѣтняго срока по учебной части въ должностяхъ, предоставляющихъ право на пенсію изъ казны, то въясненное ходатайство о назначеніи ему такой пенсіи оставлено было безъ удовлетворенія.

На такой отказъ министерства народнаго просвѣщенія была принесена упомянутымъ законоучителемъ жалоба въ правительствующій сенатъ. Правительствующій сенатъ, рассмотрѣвъ обстоятельства дѣла и доставленные по онымъ министромъ финансовъ свѣдѣнія, нашелъ, что по смыслу 349 ст. пенс. уст., преподаватели женскихъ гимназій и прогимназій, имѣющіе право на преподаваніе въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и не состоящіе на службѣ въ сихъ послѣднихъ пользуются по пенсіи правами, присвоенными учителямъ мужскихъ гимназій и прогимназій, поему и въ виду 346 ст. пенс. уст. право законоучителя прогимназій на получение пенсіи по учебной службѣ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Что же касается вопроса о зачетѣ въ срокъ выслуги на пенсію времени службы въ бывшемъ женскомъ 2-го разряда училищѣ, то сей вопросъ разрѣшается 417 ст. пенс. уст., по коей служба домашнихъ наставниковъ, учителей, учительницъ и наставницъ по другимъ вѣдомствамъ, или по занятіямъ другаго рода не

зачтается при назначеніи имъ пенсій и единовременныхъ пособій, равно и лѣта ихъ службы въ сихъ званіяхъ не принимаются въ зачетъ по переходѣ въ другой родъ службы при назначеніи имъ за оную пенсій и единовременныхъ пособій. На точномъ основаніи этой статьи, не зачисляется въ срокъ на выслугу пенсій служба домашнихъ наставниковъ, учителей, учительницъ и наставницъ по другимъ вѣдомствамъ, то-есть, не по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, или по занятіямъ другого рода, то-есть, занятіямъ, хотя и по учебной части, но не въ качествѣ домашняго наставника или учителя. Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и вторую половину той же статьи „равно и лѣта ихъ службы (домашнихъ наставниковъ и учителей) въ сихъ званіяхъ не принимаются въ зачетъ при переходѣ въ другой родъ службы при назначеніи имъ за оную пенсій и единовременныхъ пособій“. Подъ выраженіемъ „по переходѣ въ другой родъ службы“ надлежитъ разумѣть всякую другую службу, хотя бы и по учебной части, только не въ качествѣ домашняго наставника, учителя и учительницы. Правильность такого пониманія 417 ст. уст. пенс., находятъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующей 418 ст., по коей домашніе наставники и учителя, получившіе пенсію за службу другого рода, не только продолжаютъ пользоваться оною при исполненіи обязанностей сихъ званій, но не лишаются права на полученіе пенсій и по званію домашняго наставника или учителя, если выслужать установленный на оную срокъ сверхъ прочей своей службы, то-есть, въ этомъ случаѣ служба домашнихъ наставниковъ и учителей обособляется и не смѣшивается съ другою какою-либо службою и исчисляется на пенсію отдѣльно, независимо отъ всякой другой службы и правъ по оной, на пенсію приобретенныхъ. Признавая, въ виду изложеннаго, что служба въ должности законоучителя бывшаго женскаго училища 2-го разряда зачету въ срокъ двадцатипятилѣтней службы по учебной части министерства народнаго просвѣщенія не подлежитъ и принимая во вниманіе, что, за исключеніемъ означенной службы, проситель прослужилъ по вѣдомству сего министерства менѣе двадцати-пяти лѣтъ и слѣдовательно, за силою 861 ст. уст. пенс. (Св. Зак., изд. 1876 г., т. III), права на полученіе просимой пенсій не имѣетъ, правительствующій сенатъ, 5-го ноября 1887 г. и 13-го апрѣля 1888 г., опредѣлилъ: жалобу просителя оставить безъ послѣдствій.

О вышележенномъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для свѣдѣнія и руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Словообразованіе въ русскомъ языкѣ. Пособіе при изученіи русскаго языка для обучающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ивородцевъ. Составилъ учитель Николаевской гимназіи Александръ Желобовскій. Ливава. 1860, стр. 104. Цѣна 70 коп.“— одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи русскаго языка въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ, и женскихъ, преимущественно въ тѣхъ, въ которыхъ учатся по русски ивородцы.

— Книгу: „А. Фишманъ. Краткое руководство ариметики и сборникъ ариметическихъ задачъ для начальнаго преподаванія. Рига. 1890. Часть I (четыре дѣйствія съ цѣлыми отвлеченными числами). 2-е, исправленное и дополненное изданіе. Стр. 74. Цѣна 20 коп.— Ч. II. (Четыре дѣйствія съ цѣлыми именованными числами). 2-е, дополненное изданіе. Стр. 74). Ч. III. (Четыре дѣйствія съ обыкновенными дробями). Стр. 68. Цѣна 25 коп. Часть IV. Десятичные дроби и простое тройное правило. Стр. 47. Цѣна 25 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособія при прохожденіи въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ качествѣ руководства въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „Der Rechenunterricht in Gymnasien und anderen mittleren Lehranstalten. Ein Hilfsbuch für den Schüler von Dr. Nikolai Nerling, Lehrer und Inspector Mädchenschulen zu St.-Petri in St.-Petersburg. 1890. II+104“,—одобрить въ качествѣ руководства при прохожденіи ариметики въ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ ариметика преподается на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книгу: „Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи. Учебникъ для учениковъ VIII класса гимназіи. Выпускъ I. Исторія Греціи и Рима. Составилъ Евстаѣій Крыловъ, преподаватель Коломенской гимназіи. Москва 1890, стр. VI+153. Цѣна 65 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для VIII класса гимназіи.

— Брошюры, изданныя В. Н. Маракуевымъ: 1) „День въ Римскомъ циркѣ (картины римскихъ нравовъ). В. А. Висковатова. М. 1886, стр. 82. Цѣна 7 коп.“ и 2) „Какъ люди научились писать.

В. А. Висковатова. М. 1886, стр. 27. Цѣна 8 коп." — одобрить для библиотекъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Заразныя болѣзни въ учебныхъ заведеніяхъ: корь, скарлатина, оспа, тифъ, дифтеритъ, коклюшь, свинка. Д-ра А. С. Виреніуса. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1890, стр. 128. Цѣна 1 р. 25 коп." — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Вѣстникъ Птицеводства, органъ Бюро Птицеводства Орнитологическаго отдѣленія Императорскаго русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растений, ежемѣсячный научно-практическій иллюстрированный журналъ, С.-Пб., 1890, подписная цѣна съ пересылкой и доставкой три рубля, — одобрить для приобрѣтенія въ ученическихъ библиотеки нашихъ среднихъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ учебныхъ заведеній, а также учительскихъ семинарій и для учительскихъ библиотекъ начальныхъ училищъ.

— Брошюры, изданныя В. Н. Маракуевымъ: 1) Разведеніе лѣсныхъ деревьев, М. Турскаго, профессора Петровской академіи, 3-е изданіе, М. 1889, 64 стр.; съ 40 рисунками, цѣна 80 коп. и 2) Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе, Э. Э. Керна, Москва, 1890, 110 страницъ, съ 14 рисунками, — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ, учительскихъ семинарій, реальныхъ, а также городскихъ и уѣздныхъ училищъ и для учительскихъ библиотекъ начальныхъ училищъ; 3) Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ, Генриха Землера, М., 1890, въ 8-ку, 144 страницъ, съ 4 табличными рисунками. Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 руб., — одобрить для ученическихъ библиотекъ реальныхъ училищъ, въ особенности же тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ коммерческое отдѣленіе; 4) Разведеніе подсолнечника. Москва, 1889, 47 страницъ, цѣна 20 коп. — одобрить для ученическихъ библиотекъ, какъ реальныхъ, такъ и городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ; 5) Сельское огородничество, составилъ В. Н. Маракуевъ, 3-е изданіе, дополненное, М., 1888, 64 страницъ, цѣна 10 коп., допустить для ученическихъ библиотекъ начальныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ.

— Брошюры подъ заглавіемъ: „Читальня народной школы“: 1) Устройство древеснаго питомника при народной школѣ, М. Турскаго. С.-Пб., 1889, 46 страницъ, съ 20 рисунками — одобрить для ученическихъ библиотекъ начальныхъ и сельскихъ двухклассныхъ

училищъ; 2) А. Альмедингена, I. Полынь-трава хоть и сорная, да полезная, II. Что такое перегонка и какую пользу она приноситъ людямъ. С.-Пб., 1889, 16 страницъ съ 1 рисункомъ,—допустить для ученическихъ библиотекъ народныхъ училищъ; III. Крестьянское хозяйство и книга. С.-Пб., 1889, 18 страницъ — одобрить для ученическихъ библиотекъ народныхъ училищъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями Особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу „Краткій курсъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ. Составилъ З. Вуликъ. Изд. 12-е. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку, 186 страницъ. Цѣна 80 коп.“ — одобрить къ употребленію въ качествѣ руководства въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ, учительскихъ семинаріяхъ и женскихъ гимназіяхъ.

— Книгу: „Доброе слово. Книга для класснаго чтенія, предназначенная къ потребностямъ сельскихъ народныхъ училищъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и церковно-приходскихъ школъ. Составилъ Г. М. Дяченко. Изд. 3-е, исправленное и вновь переработанное. Въ 8-ку, М. 1890. Въ трехъ частяхъ: Первый годъ обученія. 152 страницъ. Цѣна 30 коп.—Второй годъ обученія. 230 страницъ Цѣна 45 коп.—Третій годъ обученія 284 страницъ. Цѣна 50 коп.“—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы къ нѣмѣшнему же изданію былъ приложенъ листокъ съ исправленіемъ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ автору ошибокъ, а слѣдующее изданіе было бы все исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книги В. Руднева: „Родной мірокъ. Русскій букварь и первая послѣ букваря книжка для чтенія. Изд. 3-е. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку, 96 страницъ. Цѣна 30 коп.“ и „Руководство для учителей къ преподаванію по книгѣ „Родной мірокъ“. С.-Пб. 1886. Въ 8-ку, 47 страницъ. Цѣна 30 коп.“ допустить первую къ употребленію въ народныхъ училищахъ, а вторую—въ учительскія библиотеки этихъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Его сіятельство г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе съ наступающаго 1890—1891 учебнаго года въ Херсонской гимназіи съ 40 до пятидесяти рублей въ годъ съ каждаго ученика.

— По донесенію попечителя Казанскаго учебнаго округа 1-го минувшаго іюня послѣдовало открытіе двухкласснаго начальнаго народнаго училища въ селѣ Истобенскомъ, Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи.

КЪ ВОПРОСУ О СТРОЕНИИ МАТЕРІИ ¹⁾.

Перейдемъ теперь къ доказательствамъ, основаннымъ на стехіометрическихъ законахъ. Когда Дальтонъ открылъ законъ кратныхъ отношеній, то примѣнялъ къ его объясненію гипотезу атомовъ, и съ той поры сильно распространилось мнѣніе, будто бы этотъ законъ доказываетъ атомное строеніе матеріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и механическій характеръ процесса соединеній (то, что они состоятъ въ пространственномъ сопоставленіи, въ смѣшеніи непроницаемыхъ другъ для друга частицъ матеріи); въ оправданіе же этого мнѣнія приводится легкое объясненіе закона кратности (да и другихъ стехіометрическихъ законовъ) атомистической гипотезой, причемъ подъ словомъ объясненіе подразумѣвается предположеніе такого строенія матеріи, которое дѣлало бы логически необходимымъ существованіе объясняемаго факта. А само объясненіе закона кратности сводится, какъ извѣстно, къ указанію, что коль скоро каждое простое тѣло состоитъ изъ равныхъ и недѣлимыхъ частицъ (атомовъ), то логически необходимо, чтобы цѣлое число атомовъ одного простаго тѣла соединилось не иначе, какъ съ цѣлымъ же числомъ атомовъ другаго ²⁾.

При разборѣ этого объясненія мы должны обратить вниманіе не на пригодность атомизма для нагляднаго представленія законовъ природы, а на его доказанность: вѣдь не достаточно показатъ согласіе теорій съ фактами, а надо также указать еще невозможность послѣднихъ при другой, противоположной, точкѣ зрѣнія и этимъ опровергнуть ее. Тотъ, кто ссылается на атомистическое истолкованіе закона кратныхъ

¹⁾ Окончаніе. См. итальяскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

²⁾ См. выше.

отношеній, какъ на доказательство реальности (а не одной полезности) атомизма, а съ нимъ и дискретности тѣлъ, очевидно, думаетъ, что подобное опроверженіе ихъ сплошности уже содержится въ самомъ ходѣ или духѣ изложеннаго объясненія. Онъ, очевидно, рассуждаетъ слѣдующимъ образомъ: если допустить сплошность тѣлъ, то этимъ самымъ будетъ допущена ихъ безконечная дѣлимость (вѣдь при сплошной однородности тѣлъ нѣтъ никакого основанія полагать какіе-либо предѣлы дѣлимости); а тогда тѣла могутъ соединяться въ любыхъ отношеніяхъ, и не должно быть закона кратности ¹⁾.

Но здѣсь, очевидно, дѣлается двоякая ошибка. Во-первыхъ, по теоріи сплошности соединенія происходятъ не вслѣдствіе дѣлимости тѣлъ, не потому, чтобы частицы одного тѣла располагались между частями другаго, и такимъ путемъ происходило бы ихъ механическое сопоставленіе, а—ными путями, подробностей которыхъ мы еще не знаемъ, такъ что не можемъ слѣловать изъ нихъ никакихъ выводовъ о законахъ соединенія; единственно, что мы можемъ предполагать съ точки зрѣнія этой теоріи, это — полная проникаемость тѣлъ и ихъ превращаемость, измѣняемость. Рассматривать же соединеніе только какъ распаденіе (правда, безконечное) тѣла на неизмѣняемыя безконечно малыя частицы и ихъ пространственное сопоставленіе другъ съ другомъ — это значитъ навязывать теоріи сплошности ея же самой отрицаемый атомистическій принципъ неизмѣняемости элементовъ и не признаваемый ею механической способъ процесса соединеній ²⁾. Другая же ошибка состоитъ въ томъ,

¹⁾ Любопытный для логики новыи примеръ двузначности термина „должно“, причемъ двузначность порождается его связью съ отрицаніемъ.

²⁾ Сразу видно, что, рассуждая о процессѣ соединенія съ точки зрѣнія теоріи сплошности, надо процессъ раздѣленія оставить въ сторонѣ: мы не можемъ его представить дѣйствительно законченнымъ, а вѣдѣть того будемъ представлять, такъ-же какъ это дѣлаетъ и атомизмъ, всегда законченнымъ, съ той лишь разницей, что атомизмъ представляетъ его законченнымъ на опредѣленной пунктъ (доседавшимъ только до атомовъ), у насъ же этотъ процессъ будетъ останавливаться на промежуточныхъ предѣлахъ. (Благодаря этой неизбежно вытѣсняющейся въ нашу мысль произвольности предѣла раздробленія, атомисту и кажется, что при отсутствіи атомовъ всякое соединеніе должно происходить въ промежуточныхъ отношеніяхъ; онъ снѣживаетъ то, что дѣлается изъ его мыслей, съ тѣмъ, что совершается въ явленіяхъ). Слѣдовательно, если мы упустили изъ виду, что при сплошномъ строеніи соединенія должны происходить путемъ полного дѣйствительнаго проникновенія и превращенія, а не путемъ раздробленія, то мы тогда же внесемъ въ свои рассужденія принципъ помѣщенія другъ водръ другъ маленькихъ, но все-таки конечныхъ частицъ тѣла, то-есть, внесемъ тотъ же

что если и допустить эти чуждыя ей духу разсужденія, то въ выводѣ мы должны получить все-таки не невозможность закона кратности, а только то, что при сплошномъ строеніи тѣлъ онъ можетъ (но еще вовсе не обязанъ) отсутствовать: прежде онъ логически требовался недѣлимостью и равенствомъ однородныхъ атомовъ; а теперь это требованіе просто устранено, такъ что нѣтъ необходимости для его существованія, но въ то же время нѣтъ ровно никакихъ препятствій, чтобы онъ существовалъ. Если же законъ кратности при сплошномъ строеніи только можетъ не существовать, то нѣтъ никакого опроверженія этой гипотезы.

Почему же не признать ея? Неужели только потому, что атомизмъ все-таки какъ вѣбуть да выводитъ законъ кратныхъ отношеній, теорія же сплошности не въ состояніи этого сдѣлать? Но на такой упрекъ можно дать слѣдующій отвѣтъ. Пока не доказанъ апіорный характеръ этого закона, мы и не въ правѣ требовать отъ теоріи сплошности его вывода¹⁾: если онъ апостеріорный, то или никогда не будетъ выведенъ (буде онъ первичный, такъ какъ каждый первичный законъ лишь констатируетъ всегда и вездѣ повторяющуюся связь явленій, а не въ состояніи сдѣлать ее логически понятной), или же будетъ выведенъ только какъ результатъ болѣе общаго закона (или даже нѣсколькихъ законовъ), про который мы еще ничего не знаемъ — можетъ ли онъ быть выведенъ а ргіогі (а который, можетъ быть, дастъ средство объяснить и даже неопредѣленные соединенія). Далѣе, если уже сравнивать объяснительную силу той и другой теоріи для закона кратности, то надо дѣлать это сравненіе не односторонне, а посмотрѣть еще, въ какомъ положеніи находятся обѣ теоріи относительно распространенія этого закона на соединенія сложныхъ тѣлъ. Атомизмъ долженъ объяснять его тѣмъ, что группа, возникшая изъ соединенія атомовъ двухъ или нѣсколькихъ простыхъ тѣлъ, способна будетъ играть роль атома и присоединиться къ дѣльнымъ подобнымъ же группамъ, если только составляющіе ихъ атомы

принципъ, который допускается и атомизмомъ, съ той только разницей, что величина нашихъ частицъ при каждомъ соединеніи можетъ быть произвольной, зависящей отъ всякихъ условій, а не атомистически-опредѣленной разъ навсегда.

¹⁾ Не забудемъ, что при сплошномъ строеніи наши объясненія должны пріять иное направленіе, чѣмъ при атомизмѣ (см. выше): мы уже не въ правѣ постулировать для возможности объясненія что-либо скрытое отъ опыта, а должны сопоставлять другъ съ другомъ провѣренные опытомъ законы и вообще факты (назвующіеся самими тѣлами, а не атомами).

достаточно прочно связаны между собой, чтобы не распалась во время соединенія. А такъ какъ атомизмъ не въ состояніи указать причину, которая дѣлала бы неизбѣжной подобную связь, то его объясненіе указываетъ одну лишь возможность распространенія закона кратности на сложныя тѣла вопреки уже признанной дѣлимости ихъ элементовъ (молекулъ), то-есть, на одно лишь отсутствіе противорѣчія теоріи съ опытомъ: элементы сложныхъ тѣлъ (молекулы), напримѣръ каждая молекула воды H_2O , дѣлимы, ибо состоятъ изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ частей (H, H и O), такъ что, объясняя законъ кратности недѣлимостью элементовъ, мы должны бы ждать, что соединенія воды не будутъ подчиняться закону кратныхъ отношеній; но, прибавляетъ атомистическая теорія, онъ все-таки можетъ распространяться и на соединенія сложнаго тѣла, если атомы простыхъ тѣлъ составляютъ достаточно прочную молекулу. А какъ должна объяснять тотъ же фактъ теорія сплошнаго строенія? Такъ какъ въ ней сложныя тѣла не состоятъ изъ незамѣтной смѣси разнородныхъ тѣлъ, а такъ-же какъ и простыя, такъ и сложныя тѣла, и вообще нѣтъ никакого существеннаго различія между тѣми и другими, а вся разница ограничивается лишь тѣмъ, что первыя способны къ лишнимъ видамъ превращенія,—то однородныя по своему характеру соединенія тѣхъ и другихъ должны подчиняться одинаковымъ законамъ. Соединенія же по своему характеру распадутся на опредѣленныя, въ которыхъ отношенія соединяющихся тѣлъ или совсѣмъ не измѣняются, или же измѣняются въ очень узкихъ предѣлахъ, и на неопредѣленныя, въ которыхъ отношенія соединяющихся тѣлъ могутъ измѣняться въ широкихъ размѣрахъ. Слѣдовательно, если сложное тѣло, оставаясь сложнымъ (не разлагаясь предварительно), вступаетъ въ опредѣленныя соединенія, то они должны подчиняться закону кратности, коль скоро онъ почему-то господствуетъ надъ опредѣленными соединеніями простыхъ тѣлъ, и наше сложное тѣло можетъ быть прибавляемо къ соединяющемуся съ нимъ не иначе, какъ скачками; если же это сложное тѣло вступаетъ въ неопредѣленное соединеніе, а законъ кратности не дѣйствуетъ при такихъ же условіяхъ въ простыхъ тѣлахъ, то онъ и здѣсь не будетъ дѣйствовать, такъ что наше тѣло можетъ быть прибавляемо не скачками, а постепенно.

Что же выходитъ изъ этого сравненія? Атомизмъ на основаніи своихъ принциповъ дѣлаетъ логически необходимымъ существованіе закона кратности при однихъ условіяхъ, при другихъ же

при помощи постулированного для этой цели предположения об атомныхъ взаимодействияхъ онъ дѣлаетъ его только возможнымъ; теорія же сплошнаго строенія существованіе этого закона въ простыхъ тѣлахъ оставляетъ только возможнымъ и должна брать его изъ опыта, но за то найдя его даннымъ въ опытѣ, она на основаніи своихъ принциповъ дѣлаетъ его логически необходимымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ соединенія сложныхъ тѣлъ, когда они вступаютъ въ него, не разлагаясь. Что же касается до только-что упомянутыхъ неопредѣленныхъ соединеній, то отношеніе обѣихъ теорій къ нимъ слѣдующее. Съ точки зрѣнія теоріи сплошнаго строенія нѣтъ ничего невозможнаго какъ въ томъ, чтобы неопредѣленные соединенія существовали на-ряду съ опредѣленными, такъ и въ томъ, чтобы первая въ дѣйствительности представляли собой только замаскированную опредѣленную. Поэтому, если изслѣдованіями неопредѣленныхъ соединеній будетъ оправдано послѣднее предположеніе, то это обстоятельство не можетъ служить опроверженіемъ теоріи сплошности; если же они выискиваютъ невозможность свести неопредѣленные соединенія сплоя на опредѣленные (напримѣръ, если выискивать, что всегда получится неразложимый на опредѣленные соединенія остатокъ, который въ то же время не можетъ быть разсматриваемъ, какъ механическая смѣсь), то этимъ будетъ нанесенъ окончательный ударъ атомизму.

При всемъ томъ, если оставить въ сторонѣ это сравненіе, основной пунктъ теоріи сплошности остается непровергаемымъ. Да и нельзя было ждать этого. Для того, чтобы имѣть въ этомъ отношеніи хоть какія-нибудь надежды—надежды опровергнуть теорію сплошности посредствомъ одного лишь атомистическаго объясненія закона кратныхъ отношеній,—необходимо (хотя все-таки еще недостаточно), чтобы это объясненіе вытекало только изъ одной дискретности тѣлъ, то-есть, только изъ отрицанія ихъ сплошнаго строенія. Въ дѣйствительности же оно основано не меньше какъ на двухъ (а при ближайшемъ разборѣ—на трехъ) гипотезахъ, которыя не вытекаютъ логически одна изъ другой: 1) дискретное строеніе тѣлъ, 2) недѣлимость соединяющихся частицъ, такъ что законъ кратности вытекаетъ не изъ самаго отрицанія сплошности тѣлъ, а изъ него и еще изъ одной гипотезы, которая подбирается для вывода этого закона; потому-то теорія сплошнаго строенія и остается не опровергнутой. Мы вѣдь можемъ допускать и механическое воззрѣніе на химическія соединенія, то-есть, объяснять ихъ переимѣшиваніемъ незамѣтно малыхъ неизмѣ-

няемыхъ частицъ равныхъ тѣлъ, и дискретность тѣлъ, но все это еще нѣсколько не содержитъ въ себѣ логической необходимости признавать недѣлимость этихъ частицъ: не будетъ ровно никакого внутреннего противорѣчія въ предположеніи, что тѣ частицы, которыя своимъ сопоставленіемъ съ частицами другаго тѣла образовали данный видъ соединенія, окажутся раздѣленными при другомъ соединеніи съ тѣми же самыми или съ новымъ тѣломъ. И такъ какъ прежде нашъ выводъ закона кратности основывался на томъ, что атомы, будучи недѣлимыми, то-есть, оставаясь при каждомъ соединеніи нераздѣленными, соединяются поэтому между собой не иначе, какъ цѣлое число атомовъ одного тѣла съ цѣлымъ же числомъ атомовъ другаго, то теперь, когда мы отбрасываемъ это основаніе, мы, разумѣется, не получимъ прежняго вывода. Не то, чтобы мы получили отрицаніе или невозможность закона кратности, а просто на просто—никакого вывода, потому что остается неизвѣстнымъ, какъ именно будетъ происходить дѣленіе атомовъ: раздѣлятся ли они на части равныя между собой, или нѣтъ; и притомъ, если на неравныя,—на соизмѣримыя или несоизмѣримыя какъ между собой, такъ и съ цѣлымъ атомомъ (дискретной частицей)? Все это одинаково возможно и одинаково необязательно, а не все пригодно для вывода закона кратности. Чтобы не присоединять еще гипотезы недѣлимости и въ то же время получить требуемый законъ, намъ остается только допустить слѣдующее предположеніе: хотя частицы и различно дѣлятся при разныхъ соединеніяхъ, но ихъ распадѣніе и группировка почему-то всегда происходятъ такъ, чтобы соблюдался законъ кратныхъ отношеній. Кстати сказать, Науманиъ, который выводилъ атомизмъ, доказывалъ только то, что элементы, вступая въ соединенія, занимаютъ въ нихъ отдѣльныя пространства, вынужденъ прибѣгать къ такому предположенію, чтобы ввести въ свою теорію законъ кратности, то-есть, вынужденъ объяснять его существованіе въ большихъ тѣлахъ тѣмъ, что ему подчиняются и тѣ маленькія частицы, на которыя распадаются тѣла во время соединенія: вѣдь онъ не можетъ никомъ путемъ логически вывести изъ своихъ послылокъ недѣлимость этихъ частицъ,—неоткуда вывести ее.

Остановимся подольше на этой множественности гипотезъ въ системѣ атомизма, ибо это важная особенность въ немъ: во первыхъ, она позволяетъ намъ обобщить свой анализъ химическаго атомизма и сократить чрезъ это работу; во вторыхъ, она можетъ служить основаніемъ для объясненія нѣкоторыхъ малопонятныхъ безъ нея фак-

товъ въ развитіи познанія; третьихъ, наконецъ, на эту множественность гипотезъ слишкомъ мало обращаютъ вниманія, на столько мало, что Фехнеръ, Науманъ и многіе другіе утверждаютъ, будто атомизмъ связываетъ разнообразныя явленія „въ одномъ простомъ, ясномъ воззрѣніи“¹⁾, а между тѣмъ здѣсь—система гипотезъ, слѣдовательно, сложность и множественность. Впрочемъ, въ философской литературѣ уже издавна дѣлаются указанія, что положенія атомистической теоріи не вытекаютъ логически другъ изъ друга, такъ что она составляетъ систему множественности гипотезъ: напротивъ, указывается, что атомы могли бы быть дѣльными, имѣть иную форму и величину, чѣмъ та, которая имъ приписывается, не имѣть приписываемыхъ имъ силъ и движеній и т. д. И мы, конечно, пользуемся многими изъ этихъ указаній, продолжаемъ ихъ дальше, по дѣлаемъ изъ нихъ нѣсколько иное употребленіе сравнительно съ тѣмъ, которое обыкновенно дѣлается, на что и обращаемъ вниманіе нашихъ читателей, дабы не было никакихъ недоразумѣній. Именно, мы не считаемъ себя въ правѣ требовать отъ атомизма, чтобы онъ логически вывелъ всѣ факты изъ одного понятія—изъ понятія атома: если уже предълагать такое требованіе, то отчего же не пойти дальше и не требовать, чтобы весь міръ былъ выведенъ изъ одного понятія? Съ другой стороны, мы вовсе не упускаемъ изъ виду, что въ обратной теоріи взаимнѣя множественности гипотезъ появляется множественность законовъ, которые въ настоящее-то время, по крайней мѣрѣ, не могутъ быть выведены а priori. Но тѣмъ не менѣе мы хотимъ выслѣдить, какъ развивается атомическое ученіе, чѣмъ и какъ поддерживается вѣра въ его реальность и т. п., а для этого разложить его и разсмотрѣть, въ какомъ отношеніи находится его факторы другъ къ другу, къ даннымъ опыта и ко всему нашему мышленію.

И такъ, доселѣ нами указано, что педѣлимость атомовъ не вытекаетъ ни изъ дискретности тѣлъ, ни изъ механическаго характера процесса соединеній, такъ что передъ нами не одна гипотеза, а не меньше двухъ. Это очевидно и само собой изъ предшествующихъ со-

¹⁾ См. *Fechner. Die physikalische und philosophische Atomenlehre. Leipzig. 1864, стр. 3. Naumann l. c. стр. 12. Г. Хельсомъ въ Основныхъ гипотезахъ естествознанія (С.-Пб. 1887, стр. 12), принимая къ атомизму, говоритъ, что „простота есть признакъ истиннѣ“. Правда, не всѣ смущаются простотой и широтой: такъ, г. Любаскинъ въ своей Физической Химіи (С.-Пб. 1876, стр. 1) опредѣленіе химіи какъ механики атомовъ объясняетъ тѣмъ, что „она имѣетъ въ виду не реальныя химическія явленія, а схематическія, далеко несоотвѣтствующія реальнымъ“.*

ображеній, и подтверждается исторически: недѣлимость атомовъ всегда составляла, да и теперь еще для многихъ составляетъ главный пунктъ преткновенія къ признанію атомизма. А еслибы изъ дискретности логически вытекала недѣлимость частицъ, то это затрудненіе было бы невозможнымъ: дискретности не затрудняются допускать для объясненія взмѣненія плотностей тѣлами, и коль скоро она связана съ недѣлимостью, то столь же легко допускали бы и послѣднюю.

Такимъ образомъ атомистическое объясненіе закона кратныхъ отношеній, очевидно, вытекаетъ не изъ одной гипотезы, но — и не изъ двухъ, а изъ трехъ: сверхъ недѣлимости атомовъ требуется, чтобы въ однородныхъ тѣлахъ они были одинаковыми, то-есть, требуется допускать, что существуютъ нѣкоторыя тѣла, которыя истинно-простыя, насквозь однородныя — состоятъ изъ равныхъ атомовъ. Эта третья гипотеза воиной необходима: вѣдь если допустить, что атомы, подобно Лейбницевскимъ монадамъ, всѣ до одного отличаются другъ отъ друга, именно своей величиной (вѣрнѣе вѣсомъ), такъ что составляютъ непрерывный переходъ отъ бесконечно малой, исчезающей, величины до нѣкоторой, хотя и очень малой, но конечной (на такомъ промежуткѣ можетъ размѣститься безконечное число атомовъ), то законъ кратныхъ отношеній перестанетъ быть логически необходимымъ слѣдствіемъ нашихъ предположеній. Прежде онъ требовался тѣмъ, что когда соединялось одно и то же число атомовъ одного тѣла съ равными цѣлыми числами атомовъ другого, то вслѣдствіе равенства послѣднихъ между собой, вѣса тѣхъ атомныхъ группъ, которыя входятъ въ соединенія, должны быть числами, кратными отъ вѣса отдѣльнаго атома; теперь же равенство атомовъ устранило, а вмѣстѣ съ нимъ устраняется и вытекающее изъ него требованіе, такъ что соединенія могутъ (хотя еще не объяваны) происходить въ любыхъ отношеніяхъ. А чтобы снова сдѣлать его необходимымъ слѣдствіемъ строенія тѣлъ, надо дѣйствительно допустить гипотезы пополнить еще третьей гипотезой существованія нѣкоторыхъ тѣлъ, которыя состояли бы изъ равныхъ между собой атомовъ; эти тѣла будутъ истинно простыми, и ихъ соединенія между собой съ логической необходимостью должны подчиняться закону крайности; а надъ остальными тѣлами, сложными изъ этихъ, онъ можетъ господствовать при достаточной прочности связи атомовъ, входящихъ въ составъ молекулы сложнаго тѣла ¹⁾.

¹⁾ Теперь еще понятнѣе, почему такъ сильно держится предположеніе, которое не можетъ быть оправдано самыми опытами, о разнородности, которая

И всё эти три гипотезы оказываются раздѣльными, то-есть, онѣ логически не вытекаютъ другъ изъ друга. Вѣдь атомы могутъ быть недѣлимыми и въ то же время всё неравными между собой; ихъ неравенство не только уже допускается атомизмомъ для разныхъ простыхъ тѣлъ, но безъ всякаго противорѣчія какъ съ опытомъ, такъ и съ принципомъ механическаго характера процесса соединеній можно смѣло отрицать существованіе истинно-простыхъ тѣлъ, то-есть, считать всё безъ исключенія атомы различными по величинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ силу механическаго принципа объясненія явленій мы допускаемъ, что одни и тѣ же атомы, различно группируясь между собой, могутъ производить тѣла съ разными свойствами, то въ силу этого же принципа (зависимости свойствъ тѣлъ одновременно и отъ величины и отъ расположенія, включая сюда и движенія атомовъ) мы должны считать на столько же возможнымъ, что различные атомы при различномъ распредѣленіи (включая сюда и движенія) могутъ дать тѣла съ одинаковыми свойствами; поэтому вполне возможно допустить, что каждое простое тѣло насквозь разнородно, но эта разнородность сглаживается различіемъ распредѣленія и движенія атомовъ. А тогда уже нельзя будетъ вывести законъ кратности, такъ что гипотеза существованія истинно-простыхъ тѣлъ, очевидно, не вытекаетъ изъ атомизма, но необходима для него, какъ вспомогательная, дабы законъ кратности вытекалъ изъ него съ логической необходимостью, то-есть, былъ бы объясненъ имъ.

Основываясь не на одномъ лишь отрицаніи сплошности тѣлъ (хотя бы оно даже и вытекало съ логической необходимостью изъ механическаго характера процесса соединеній), а также еще и на двухъ вспомогательныхъ гипотезахъ, атомистическое объясненіе закона кратныхъ отношеній, очевидно, не можетъ служить для опроверженія сплошнаго строенія тѣлъ или, что то-же, для доказательства реальности атомизма. Единственно, что оно доказываетъ, это отсутствіе противорѣчій атомизма съ опытомъ, одну лишь возможность согласовать ихъ другъ съ другомъ посредствомъ удачно подобранныхъ добавочныхъ гипотезъ. Ошибка тѣхъ, кто видитъ доказательство реальности (а не одной лишь возможности и, пожалуй, еще полезности) атомистической теоріи въ объясненіи закона кратныхъ отношеній, состоитъ прежде всего въ томъ, что они считаютъ атомизмъ одной гипотезой, между тѣмъ какъ онъ составляетъ систему

могла бы быть замѣчена внутри сложныхъ тѣлъ: въ этой мысли мы безпрерывно приобретаемъ господствомъ атомистическихъ объясненій.

многихъ вспомогательныхъ гипотезъ, то-есть, каждая изъ нихъ не вытекаетъ логически изъ другихъ, а будучи выбранной изъ двухъ или нѣсколькихъ одинаково возможныхъ, присоединяется къ прежнимъ, какъ вспомогательное средство для ихъ примиренія съ явлениями и другъ съ другомъ; а при такихъ условіяхъ объясненія атомизма не могутъ имѣть никакого доказательнаго значенія.

Существуютъ два рода объясненій. Въ однихъ мы дѣйствительно выводимъ съ логической необходимостью разнообразныя явленія изъ одной и той же гипотезы, принимая ее къ различнымъ несомнѣнно существующимъ условіямъ и обсуждая ея результаты на основаніи достоверно познанныхъ законовъ. Примѣромъ могутъ служить объясненія, которыя даетъ небесная механика на основаніи Ньютоновской гипотезы всемірнаго тяготѣнія: гипотеза принимается къ даннымъ астрономическихъ наблюденій и измѣреній, къ даннымъ опыта, и слѣдствія гипотезы выводятся на основаніи достоверно извѣстныхъ законовъ общей механики. Въ другихъ же объясненіяхъ мы поступаемъ наоборотъ: не выводимъ объясняемаго факта съ логической необходимостью изъ той же гипотезы, которая уже пригодна для объясненія другихъ фактовъ, а подбираемъ для этого изъ нѣсколькихъ возможныхъ (напримѣръ дѣлимость и недѣлимость) еще новую, вспомогательную гипотезу, независящую отъ первой, то-есть, которой могли бы не признавать безъ всякаго противорѣчія съ первой, послѣ чего объясняемый фактъ, разумѣется, вытекаетъ уже съ логической необходимостью изъ совокупности обѣихъ гипотезъ (иначе вѣдь мы подобрали бы не ее, а другую, болѣе пригодную). Примѣромъ могутъ служить всѣ объясненія, которыя давались старыми (уже оставленными) теоріями (свѣтоваго истеченія, флогистона и т. д.) вновь открываемымъ фактамъ: ни одна изъ нихъ безъ борьбы не уступала мѣста новымъ; а борьба состояла въ томъ, что старая теорія пробовала приспособиться къ новымъ фактамъ посредствомъ добавочныхъ гипотезъ.

Подобныя объясненія, очевидно, не могутъ имѣть значенія доказательствъ. Они ничего не доказываютъ, а только приспосабливаютъ гипотезу къ фактамъ, указываютъ только на возможность согласовать ее съ ними, такъ что доказываютъ не реальность ея, а одну лишь возможность. Первый родъ объясненія отвѣчаетъ на вопросъ—каковы должны быть явленія, если существуютъ данныя въ опытѣ условія, данныя законы и если справедлива построенная гипотеза? И такъ какъ въ человѣческомъ умѣ коренится,

хотя и не всегда еще оправданное (даже подорванное историей догматической метафизики, пробовавшей, исходя изъ одного основнаго понятія, строить въ видѣ пирамидки объясненія всего міра), но очень сильное убѣжденіе, что истинное знаніе должно давать логически-необходимый выводъ множества разнообразныхъ явленій изъ одного и того же принципа, то такимъ объясненіямъ съ извѣстной осторожностію можно еще приписывать значеніе доказательствъ. Второй же, приспособляющій, родъ объясненій отвѣчаетъ совсѣмъ иной вопросъ, именно: какія изъ всѣхъ логически возможныхъ, но не логически необходимыхъ, добавленій къ нашей основной гипотезѣ должны мы выбрать для того, чтобы она согласовалась съ данными опыта, могла бы подчинить ихъ своимъ объясненіямъ? Такъ какъ всѣ эти добавленія только возможны, а не необходимы, то и ваши объясненія указываютъ прежде всего одну лишь возможность, а не необходимость фактовъ при справедливости основной гипотезы.

Поэтому имъ никакъ нельзя придавать значенія доказательствъ: вѣдь выборъ-то одинаково возможныхъ добавленій зависитъ отъ насъ самихъ, и, разумеется, онъ будетъ сдѣланъ такъ, чтобы изъ выбраннаго добавленія (котораго можно и не дѣлать) получался, какъ логическій выводъ, объясняемый фактъ, коль скоро это добавленіе будетъ признано столь же справедливымъ, какъ и основная гипотеза. Единственно что могутъ доказать, и дѣйствительно почти всегда доказываютъ, всѣ эти объясненія (то-есть, выборъ подходящихъ возможностей), это слѣдующее положеніе: кто уже призналъ основную гипотезу, тотъ въ виду такихъ-то и такихъ-то фактовъ, логически обязанъ признать и всю систему добавочныхъ гипотезъ, которыя приспособляютъ къ этимъ фактамъ основную гипотезу. Напримѣръ, кто уже призналъ гипотезу неизмѣнимости матеріала, изъ котораго построены тѣла Творцомъ, и вмѣстѣ съ этимъ призналъ, какъ полразумѣваемую, ей, необходимость механическаго объясненія всѣхъ свойствъ и событій въ тѣлахъ, тотъ въ виду факта сохраненія вѣса при измѣненіи объема тѣлъ логически обязанъ выбрать изъ двухъ возможныхъ гипотезъ (если не какъ достовѣрнѣйшую, то какъ простѣйшую) гипотезу дискретности этого матеріала. А тотъ, кто призналъ обѣ эти гипотезы, неизбежно обязанъ въ виду закона кратныхъ отношеній признать и гипотезу недѣлимости дискретныхъ частицъ, отвергнувъ столь же логически возможную гипотезу ихъ бесконечной (разнообразной) дѣлимости, и т. д. Словомъ, разъ принята основная гипотеза, то въ виду существованія такихъ-то и такихъ-то фактовъ мы

логически обязаны развивать ее далѣе, то-есть, пополнять ее новыми добавочными гипотезами; и если основная гипотеза считается истинной, то мы обязаны считать столь же истинными и всѣ правильно построенныя добавочныя гипотезы (то-есть, такія добавочныя, относительно которыхъ мы такъ или иначе можемъ убѣдиться, что онѣ изъ нѣсколькихъ возможныхъ единственно пригодны для приспособленія основной къ фактамъ). Все это, дѣйствительно, можетъ быть доказано приспособляющими объясненіями; а должны ли мы считать истинной основную гипотезу, остается неизвѣстнымъ и требуетъ особыхъ доказательствъ; а потому остается на столько же неизвѣстнымъ, какую цѣну имѣетъ вся система этихъ гипотезъ и объясненій. Если основная гипотеза можетъ быть оправдана независимо отъ всѣхъ приспособляющихъ объясненій, то будетъ реальной и вся система; въ противномъ же случаѣ она останется, по меньшей мѣрѣ, не доказанной, а принятой на вѣру.

Что же касается до атомистическихъ объясненій, то всѣ они отличаются именно подобными, приспособляющимъ (развивающимъ одну основную мысль), характеромъ. Мы уже отчасти убѣдились въ этомъ при разборѣ атомистическаго объясненія закона кратности, а равнѣе еще — изомерій; но то же самое можно показать и на объясненіяхъ другихъ фактовъ. И тогда видно будетъ, что атомизмъ составляетъ цѣлую систему множества вспомогательныхъ гипотезъ, каждая изъ которыхъ подбирается для приспособленія одной основной къ фактамъ. Главнымъ, основнымъ пунктомъ атомистическаго мировоззрѣнія служитъ механическое объясненіе явленій, понимая подъ словомъ механическое не отрицаніе динамическихъ силъ, а истолкованіе всѣхъ свойствъ и событій въ тѣлахъ въ смыслѣ результата пространственныхъ перемѣнъ (сопоставленій и движеній) частицъ того матеріала, изъ котораго построены всѣ тѣла и который при этомъ не подвергается никакимъ инымъ перемѣнамъ — ни качественнымъ, ни количественнымъ: одни перемѣщенія, и больше ничего. Такова основная гипотеза системы всякаго атомизма. Является необходимость объяснить сохраненіе вѣса тѣлъ при (физическомъ и химическомъ) измѣненіи объема; что же дѣлаетъ атомизмъ? Онъ не выводитъ этого факта изъ основной гипотезы, а приспособляетъ ее къ нему посредствомъ новой гипотезы — дискретности всеобщаго матеріала тѣлъ. Для приспособленія же этихъ двухъ гипотезъ къ факту господства закона кратности надъ однимъ классомъ соединенія при-

бавляются къ нимъ еще двѣ гипотезы: 1) недѣлимости дискретныхъ частицъ матеріи и 2) существованія истинно-простыхъ тѣлъ (равенства атомовъ въ нѣкоторыхъ тѣлахъ). Для приспособленія же полученной системы гипотезъ къ распространенію закона кратности на соединенія сложныхъ тѣлъ надо прибавить пятую гипотезу — относительно прочнаго строенія молекулъ, столь прочнаго, что онѣ могутъ (но не должны) во всѣхъ случаяхъ, когда это намъ понадобится, играть роль атомовъ, а въ остальныхъ случаяхъ, гдѣ этого не требуется, распадаться на свои составныя части. Для примиренія же всѣхъ этихъ гипотезъ съ фактомъ существованія столь простой связи между удѣльными вѣсами газовъ и паровъ и ихъ паями, что вѣса равныхъ объемовъ паровъ и газовъ пропорціональны ихъ паямъ или небольшимъ кратнымъ отъ ихъ паявъ, вводится еще шестая гипотеза, по которой одинаковые объемы всѣхъ газовъ и паровъ содержатъ одинаковое число молекулъ, причѣмъ понятіе молекулы приходится распространять и на простые тѣла: въ нихъ тоже гипотетически (какъ седьмая гипотеза) допускается возможность относительно прочной связи атомовъ, которая нарушается только или крайне высокими температурами, или реакціями соединенія и т. д. Наконецъ, выступаетъ на сцену физика и строитъ еще новыя гипотезы¹⁾. Предполагая молекулы газообразныхъ тѣлъ въ постоянномъ движеніи и примиряя всю полученную систему гипотезъ съ фактами явленій теплоты и съ закономъ диффузій газовъ, въ всѣхъ возможныхъ предположеніяхъ допускаются, какъ наиболѣе подходящія: 1) что каждая молекула газовъ двигается по прямимъ линіямъ до тѣхъ поръ, пока не уклонится съ нихъ вслѣдствіе столкновенія съ другими молекулами (газа или сосуда), и 2) что квадратъ общей или средней скорости молекулъ даннаго газа пропорціоналенъ его температурѣ, отнѣренной отъ гипотетически допускаемаго абсолютнаго нуля. А сообразно со всѣми этими предположеніями и съ общимъ, основнымъ, принципомъ атомизма, въ жидкихъ и твердыхъ тѣлахъ приходится предполагать другія формы движенія молекулъ: въ жидкостяхъ допускаются въ настоящее время, какъ наиболѣе вѣроятныя, движенія по замкнутымъ орбитамъ, а въ твердыхъ тѣлахъ —

¹⁾ Правда, овиия можетъ и не подходить химическимъ путемъ къ гипотезѣ равенства числа молекулъ въ одинаковомъ объемѣ всякаго газа; но тогда она сама должна построить эту гипотезу, то-есть, начать свои объясненія съ одновременнаго построенія нѣсколькихъ гипотезъ.

колебательныя. Для распространенія тѣхъ же принциповъ на свѣтовыя явленія строится гипотеза невѣсимаго эфира, и ему гипотетически приписываются, какъ наиболѣе подходящія для нашей цѣли, волнообразныя движенія, которыя въ немъ возбуждаются движеніями молекулъ сильно нагрѣтаго тѣла; а чтобы придать этимъ гипотезамъ еще большую пригодность и сдѣлать эфиръ способнымъ къ распространенію требуемыхъ нашей задачей поперечныхъ колебаній, ему стали приписывать тоже дискретное строеніе ¹⁾. Для объясненія нѣкоторыхъ особенностей свѣтовыхъ явленій строятся гипотезы о взаимномъ вліяніи вѣсомыхъ частицъ на эфирныя. При объясненіи электрическихъ явленій допускаются еще гипотезы одной или двухъ особыхъ невѣсомыхъ (электрическихъ жидкостей) и ихъ распредѣленія въ тѣлахъ, или же взаиміиъ того гипотезы такихъ состояній эфира, которыя привели бы къ наблюдаемымъ явленіямъ и т. д. Трудно даже подсчитать, сколько вспомогательныхъ гипотезъ строится атомистической химіей и физикой для приспособленія къ даннымъ явленіямъ главной, основной гипотезы.

Несомнѣнно только одно: и та и другая наука, и атомическая химія и атомическая физика, помимо чисто описательной части и вывода тѣхъ законовъ, существованіе которыхъ можетъ быть провѣрено независимо отъ какой бы то ни было теоріи строенія тѣлъ, представляютъ систематическое развитіе одной основной мысли, состоящее въ приспособленіи ея къ фактамъ, въ согласованіи ея съ ними посредствомъ добавленія вспомогательныхъ гипотезъ; потому почти все то, что мы считаемъ успешномъ въ объясненіяхъ природы, дающимъ намъ возможность вывѣдать у нея все скрытое отъ нашихъ чувствъ, вооруженныхъ всевозможными вспомогательными орудіями, составляетъ пока лишь прогрессъ развитія этой основной мысли въ стройную и согласующуюся съ фактами систему. При всѣхъ этихъ успѣхахъ сама-то основная мысль, убѣжденіе въ существованіи качественно и количественно неизмѣняемаго всеобщаго матеріала, иначе — убѣжденіе въ необходимости механическаго пониманія всѣхъ свойствъ и событій въ тѣлахъ, остается ими недоказанной и недоказуемой. И такъ какъ она не можетъ быть

¹⁾ Свѣтовая теорія волненія допускала сперва продольныя колебанія, и распространеніе поперечныхъ колебаній въ эфиръ считалось невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока Френель не указалъ возможности обойти это затрудненіе гипотезой дискретнаго строенія эфира; сами же поперечныя колебанія потому необходимы, что при продольныхъ оазмываеются невозможнымъ раздѣленіе волнъ разн.ой длинн во время ихъ преломленія, то-есть, явленіе свѣторазлѣченія.

выведена (отвлечена) изъ опыта, ибо въ немъ все измѣнчиво, превращаемо, то она, значить, предпосылается обсужденію опыта, приносится къ нему нашимъ умомъ, а потомъ постепенно приспосабливается къ его даннымъ посредствомъ подбора вспомогательныхъ гипотезъ.

Множественность гипотезъ въ атомизмѣ не подлежитъ сомнѣнію. А такъ какъ именно чрезъ это-то основная гипотеза или, что тоже, гипотеза механическаго характера процессовъ природы при всѣхъ успѣхахъ атомизма остается только возможной, а не доказанной, между тѣмъ объ ея-то справедливости и идетъ рѣчь (ибо коль скоро она признана, то логически необходимо признать и всѣ остальные), то этихъ мы избавляемся отъ труда и необходимости пересматривать остальные случаи химико-атомистическихъ объясненій, употребляемыхъ въ смыслѣ доказательствъ: сколь бы ни были они удачны, они никогда не докажутъ реальности основной гипотезы атомизма, а только одну лишь ея возможность или приспособляемость къ фактамъ. Эта же множественность указываетъ намъ и на причины, которыя порождаютъ и поддерживаютъ вѣру въ реальность химическаго (да и вообще всякаго) атомизма. Упомянемъ сперва о менѣе важныхъ, которыя не столько могутъ породить ее, сколько содѣйствовать ей уже послѣ того, какъ она возникла, и которыя сводятся къ тому, что упускаютъ изъ виду множественность и взаимное отношеніе системы гипотезъ, составляющихъ теорію атомизма.

Такъ, прежде всего, мало обращаютъ вниманія именно на то, что онъ составляетъ многочленную систему приспособляющихъ гипотезъ. Доказательство этому въ томъ, что ради оправданія атомизма очень часто указываютъ на его широту ¹⁾, подразумевая подъ ней его способность своими объясненіями (слѣдовало бы, сообразно съ вышесказаннымъ, говорить указаніями на возможность явленій) охватывать самыя разнообразныя явленія. А между тѣмъ что же тутъ удивительнаго? Многія гипотезы, или небольшія системы гипотезъ, уже сами по себѣ, безъ помощи приспособляющихъ, въ со-

¹⁾ Такъ *Нуманнъ* (1. с. стр. 12), повторяя слова *Фехнера*, что атомизмъ связываетъ разнообразныя явленія въ одномъ простомъ, ясномъ возрѣніи и подводитъ ихъ подъ единомъ равновѣсіи и движеніи, на основаніи которыхъ можно дѣлать дальнѣйшіе выводы, прибавляетъ къ нимъ; „въ этой пригодности (*Leistungsfähigkeit*) содержится не только оправданіе, но даже, такъ какъ никакая другая теорія доселѣ не можетъ представить ничего подобнаго, необходимость (*зуренъ въ подчиненіи*) атомистическаго ученія“.

стояніи служить къ истолкованію въ нихъ духъ не одного, а нѣсколькихъ явленій. Такъ, напримѣръ, гипотеза дискретнаго строенія въ связи съ гипотезой механическаго характера явленій служитъ одновременно для объясненія измѣненія плотностей при неизмѣняющемся вѣсѣ и во время нагрѣванія, и во время соединеній, и во время механическаго сжатія; гипотезы, которыя нужны для полученія закона кратныхъ отношеній, приводятъ къ закону павъ и т. д. Подобнымъ болѣе или менѣе обширнымъ характеромъ можетъ отличаться почти всякая гипотеза: пригодная для даннаго факта, она, разужбѣтся, можетъ быть годной и для наиболѣе сходныхъ съ нимъ. Правда, атомистическая теорія охватываетъ даже самыя различныя явленія. Но можетъ ли быть иначе, если мы присоединяемъ по мѣрѣ надобности новыя приспособляющія гипотезы, да иногда еще по двѣ и по три за разъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ сфера фактовъ, къ истолкованію которыхъ уже приспособлена основная гипотеза, будетъ безпрерывно расширяться. Однако, если на подобныя вещи указываютъ (Фехнеръ, Науманнъ и др.), какъ на одно изъ оправданій атомизма, то не очевидно ли, что упускаютъ изъ виду множественность его гипотезъ.

А что должно произойти вслѣдствіе этого? Наблюдая этотъ процессъ приспособленія и упуская изъ виду, что въ сущности атомизмъ указываетъ намъ не необходимость, а одну лишь возможность явленій (вспомогательныя гипотезы, хотя и дѣлаютъ объяснимый фактъ, послѣ того какъ онъ присоединенъ къ основной, логически необходимомъ, во все таки не доказываютъ, необходимо ли признавать основную — то гипотезу, а съ ней вмѣстѣ и ту вспомогательную, которая порождаетъ необходимость объясняемаго факта ¹⁾,

¹⁾ Атомистическія объясненія, доказывая посредствомъ введенія вспомогательныхъ гипотезъ, надѣя на которыхъ сама по себѣ (безъ основной) еще не обязательна, возможность согласовать съ евантаи основную гипотезу, которая тоже еще не обязательна и не становится обязательной вслѣдствіе подобнаго приспособленія, — указываютъ такимъ образомъ одну лишь возможность явленій при атомистическомъ строеніи матеріи. Этому нисколько не противорѣчитъ примѣненіе математики при нѣкоторыхъ подобныхъ объясненіяхъ, хотя она даетъ всегда логически необходимые выводы. Математика въ этомъ случаѣ принимается для проверки, дѣйствительно ли основная гипотеза будетъ согласоваться съ данными евантомъ, когда мы прибавимъ къ ней приспособляющія; и эта проверка состоитъ въ выводѣ факта изъ основной и изъ всѣхъ добавочныхъ гипотезъ; а справедлива ли и обязательна ли сама основная гипотеза, остается все-таки еще неизвѣстнымъ, такъ что всѣ вычлененія убѣждаютъ насъ только изъ ея приспособ-

мы можемъ легко составить преждевременное убѣжденіе, что со временемъ атомистической теоріи удастся превратить все знаніе въ дедуктивную систему универсально-атомной механики. Это убѣжденіе будетъ подтверждаться еще тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторыя изъ гипотезъ уже сами по себѣ бывають пригодны сразу для нѣсколькихъ явленій, такъ что, будучи приняты для одного изъ нихъ, могутъ до извѣстной степени послужить основаніемъ для предугадыванія другихъ. А все это вмѣстѣ будетъ поддерживать вѣру въ реальность атомизма. Первоначальные же ея источники, разумѣется, лежать гораздо глубже, такъ какъ не трудно было бы подиѣтить; что всякій усилъкъ атомистическихъ объясненій покупается цѣной новыхъ добавочныхъ гипотезъ, которыя обязательны только въ томъ случаѣ, когда уже признаны предшествующія, еслибы увѣренность въ послѣднихъ не поклонялась на какихъ-то другихъ основаніяхъ; а разъ она безответно существуетъ, то порождаетъ увѣренность и въ справедливости вспомогательныхъ гипотезъ, або онѣ, почти всѣ, логически необходимы, коль скоро мы вѣримъ въ основную.

На столько же мало обращаютъ вниманія на ту роль, которую играетъ въ атомизмѣ предположеніе неизмѣнимости элементовъ или, вообще (не только въ химическомъ, но и въ физическомъ атомизмѣ), гипотеза существованія внутри тѣлъ ихъ неизмѣнимаго субстрата, то-есть, реальности понятія матеріи: упускается изъ виду, что коль скоро принята эта гипотеза, коль скоро сверхъ понятія тѣлъ мы считаемъ реальнымъ еще какой-то ихъ неизмѣнимый субстратъ, то уже логически необходимо признать и почти всѣ приспособляющія гипотезы атомизма. Въ доказательство, что на это обращаютъ мало вниманія, можно сослаться даже на столь искуснаго аналитика мысли, какъ Кантъ: онъ полагаетъ, что атомизмъ предоставляетъ намъ слишкомъ много свободы замѣнять дѣйствительное познаніе природы

лности въ фактахъ, въ одной лишь ея возможности. Иначе и не можетъ быть, потому что, вопреки распространенному среди провановъ (случающихся непонятными для нихъ символами математики и ея несокрушимой логикой) мнѣнію, вычисления никогда не создаютъ новыхъ основаній для доказательства, а лишь развиваютъ съ строжайшей последовательностью и съ исчерпывающей полнотой тѣ, которыя уже *implicite* содержатся въ вычисленныхъ уравненіяхъ, такъ что, если послѣднія построены на принципахъ, которые еще только возможны, а не достоверны, то и всѣ результаты вычисления, не смотря на ихъ логическую необходимость, тоже будутъ только возможными; достоверными же они сдѣлаются лишь при доказанности первыхъ.

игрой воображенія ¹⁾). Шопенгауеръ же подсмѣивается надъ французскими физиками и химиками, которые, по его словамъ, съ такой увѣренностью разсуждаютъ объ атомахъ, объ отношеніяхъ ихъ въ-совъ, обнаруживающихся въ химическихъ паяхъ, объ ихъ движеніяхъ, группировкѣ и т. д., какъ будто эти ученые когда нибудь прямо видѣли все это ²⁾. Въ дѣйствительности же атомизмъ отнюдь не болѣе разнуздываетъ нашу фантазію, чѣмъ и всякое иное не вполне выработавшееся ученіе: онъ предоставляетъ нашему произволу только одно—признавать или не признавать его основную гипотезу (существованіе неизмѣнимаго субстрата тѣлъ), а разъ она признана, то почти все остальное, всѣ другія, то-есть, приспособляющія гипотезы становятся логически необходимыми въ виду тѣхъ или другихъ фактовъ природы, такъ что дальше говорить уже сами факты. Единственно, въ чемъ можно еще бываетъ сомнѣваться, это—не будутъ ли нѣкоторыя детали той или другой приспособляющей гипотезы преждевременными для нашего знанія, еще не соответствующими нѣмъущему у насъ въ рукахъ фактическому матеріалу, который вынуждалъ бы насъ признать именно такіа, а не иные детали приспособляющей гипотезы (напримѣръ, изомерію необходимо объяснять различіемъ взаимоотношеній однихъ и тѣхъ же атомовъ, но, какъ понимать его, еще не извѣстно). Такимъ образомъ упреки атомизму, будто бы онъ разнуздываетъ нашу фантазію, обнаруживаютъ недостатокъ вниманія къ взаимному отношенію его приспособляющихъ гипотезъ и къ той роли, которую играетъ во всей атомистической системѣ гипотеза существованія неизмѣнимаго субстрата тѣлъ вмѣстѣ съ *implicite* содержащейся въ этой гипотезѣ необходимостью механическаго способа возникновенія явленій.

Нужно также замѣтить, что въ большей или меньшей степени эти упреки продолжаютъ и въ настоящее время. Въ доказательство сошлемся на слова кн. Трубенцаго. „Атомизмъ, говоритъ онъ, провозглашая абсолютность природы въ ея матеріальной субстанціи, провозглашаетъ абсолютность случайнаго (курсивъ въ подлинномъ)..... Объ атомахъ Демокрита прекрасно разсуждаетъ г. Лопатинъ ³⁾“:

¹⁾ *Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft. Allgemeine Aumerkung zur Dynamik.*

²⁾ *Sämtl. Werke, III B. Leipzig 1877. (Die Welt als Wille u. V. II B), стр. 343 и сл. и VI B. (Parerga und Paralipomena II B), стр. 117 и сл.*

³⁾ Далѣе нѣтъ цитируется книга г. Лопатина „Положительныя задачи естествознанія“, I, стр. 108.

„что атомъ огня круглъ—случайно (то-есть, необъяснимо изъ общихъ свойствъ атома), что такихъ атомовъ не одинъ, а много—случайно опять; что всѣ атомы несутся внизъ—случайно не менѣе¹⁾; что мелкіе несутся медленнѣе, а крупныя быстрѣе—случайно также; одинаково случайны отношенія атомовъ между собою. Отчего, напримѣръ, атомы движутся? Отчего къ протяженности, фигурѣ, положенію атомовъ прибавляется еще движеніе ихъ, когда одно изъ другаго нисколько не вытекаетъ, и атомы могли бы обладать всѣми этими свойствами, оставаясь неподвижными? Почему, наконецъ, атомы повинуются общимъ законамъ? На всѣ эти вопросы нѣтъ и не можетъ быть отвѣта. Эти качества даны или, лучше сказать, предположены—вотъ и все.... Вселенная превращается въ безграничную бездну случайностей, которыя громоздятся другъ на друга“. „Такимъ образомъ въ системѣ Демокрита, продолжаетъ г. Трубецкой (примечъ надо упомянуть, что онъ рассматриваетъ древній атомизмъ не только исторически, но и какъ типическаго представителя всякаго атомизма), обнаруживается основной абсурдъ матеріализма, его основное противорѣчіе—призваніе случайнаго, какъ случайнаго, за абсолютное²⁾“.

Въ дѣйствительности же атомизмъ содержитъ въ себѣ случайностей едва ли не столько же, сколько ихъ можно пайти и во всякой другой системѣ, если только рассматривать въ ней не одни лишь ея надежды и намѣренія, а все то, что она исполняетъ. Спиноза, напримѣръ, замышлялъ вывести съ логической необходимостью все міровданіе изъ одного основнаго понятія, и при томъ такого, предметъ котораго логически не могъ бы не существовать, такъ что, еслибы можно было доказать достовѣрность подобной системы, то не осталось бы ровно ничего случайнаго, а все безъ исключенія было бы логически необходимымъ; но кѣмъ дѣйствительно исполненъ подобный планъ? Въ виду этого мы и говоримъ, что при оцѣнкѣ элемента случайности въ атомизмѣ надо брать въ расчетъ не одни лишь надежды и намѣренія другихъ системъ, а то, что ими уже исполнено; и тогда, окажется, что мы не имѣемъ никакого права упрекать его въ томъ, что будто бы въ немъ одною случайности гро-

1) Г. Дюпатинъ, какъ это и указано цитируемымъ авторомъ, говорить о древней атомистикѣ. Но такъ какъ подъ конецъ онъ обобщаетъ свои критическія замѣчанія на вселѣй атомизмъ (именно спрашиваетъ, почему атомы подчиняются общимъ законамъ) и къ его мнѣніямъ объ атомизмѣ принимаетъ и г. Трубецкой, то оба эти отрывка имѣютъ несомнѣнное значеніе для нашей задачи.

2) Меттаззани въ древней Греціи. Москва. 1890, стр. 368.

мождатся другъ на другъ. Въ самомъ дѣлѣ исполнѣ справедливо, что атомизмъ не въ состояніи доказать того, чтобы должны были существовать законы кратныхъ отношеній, Авогардо-Жерара, Менделѣева, равенства дѣйствія съ противодѣйствіемъ, Ньютона и т. д., или чтобы должны были существовать такіа, а не иныя простые тѣла, въ такомъ, а не въ другомъ числѣ, со всѣми такими, а не иными физическими и химическими свойствами и т. д. и т. д.; но гдѣ же такая система, которая съ достовѣрностью показала бы необходимость всего этого и при томъ такъ, чтобы не выводить тотъ или другой фактъ изъ болѣе общаго, остающагося въ свою очередь не объясненнымъ со стороны его необходимости (ибо такой выводъ доступенъ и атомизму)? Такой системы еще нѣтъ, и будетъ ли она существовать, навѣрное не извѣстно, не говоря уже о томъ, что мы еще не знаемъ, много ли впредь будетъ открыто подобныхъ же фактовъ, и на сколько сумѣютъ объяснить ихъ необходимость равныя системы. А въ такомъ случаѣ, какъ же подсчитать, гдѣ больше случайностей въ только-что указанномъ смыслѣ слова?

Но, можетъ быть, намъ скажутъ, что атомизмъ не довольствуется данными въ опытѣ случайностями, а къ нимъ добавляетъ еще множество новыхъ въ видѣ приспособляющихъ гипотезъ: такъ, для него не достаточно неизвѣстно почему существующихъ стехіометрическихъ законовъ, а онъ еще къ нимъ прибавляетъ недѣлимость атомовъ, существованіе истинно-простыхъ тѣлъ (равенство атомовъ въ нѣкоторыхъ тѣлахъ) и т. п.; такимъ образомъ онъ безъ мѣры увеличиваетъ число неизбежныхъ случайностей, и вотъ въ этомъ-то смыслѣ накопляетъ случайности другъ на друга. Но это не справедливо: въ подобномъ накопленіи случайностей есть мѣра, которую легко указать. Атомизмъ сверхъ всѣхъ признанныхъ неизбежныхъ случайностей допускаетъ еще только одну—существованіе качественно и количественно неизмѣнимаго субстрата тѣлъ, реальность сверхъ понятія тѣлъ еще понятія матеріи. Такой случайности нельзя отрицать въ атомизмѣ какъ потому, что еще никто изъ атомистовъ никогда даже и не пробовалъ показывать необходимость существованія такого субстрата (Науманнъ пытался доказать только то, что онъ дѣйствительно существуетъ, то-есть—необходимость того, чтобы его признали существующимъ, а не того, чтобы онъ былъ), также и потому, что въ опытѣ все безъ исключенія неизмѣнчиво во всѣхъ отношеніяхъ—и механически, и физически, и химически. Если же признана эта случайность, то всѣ остальные ги-

потезы, всё приспособляющія, будутъ уже, какъ мы указали, логически необходимыми въ виду тѣхъ фактовъ опыта, которые въ немъ существуютъ. А такъ какъ каждый изъ этихъ фактовъ послѣ признанія на ряду съосновной гипотезой еще той или другой приспособляющей уже логически необходимо вытекаетъ изъ ея совокупности со всѣми прежде признанными, то, значитъ, число случайностей не должно увеличиваться. Дабы насъ не обвиняли въ противорѣчии съ прежде сказаннымъ, напоминаемъ, что мы допускаемъ при этихъ разсужденіяхъ предварительное признаніе правоты основной гипотезы — существованія неизмѣняемаго субстрата тѣлъ (а обязаны ли мы ее признать, это другой вопросъ): вѣдь хотя приспособляющія гипотезы не вытекаютъ прямо изъ основной, такъ что онѣ для нея случайны, могли бы и не быть присоединенными къ ней безъ этихъ фактовъ (атоми могли бы быть дѣльными, или всѣ неравными и т. д.), но за то, при ихъ присоединеніи, прежде бывшія неизбѣжныя случайности (сами вызвавшіе присоединеніе приспособляющихъ гипотезъ факты) уже исчезаютъ въ смыслѣ случайностей, ибо становятся логически необходимыми слѣдствіями признанія приспособляющихъ гипотезъ на ряду основной, такъ что происходитъ не накршеніе, а простая замѣна однихъ случайностей (фактовъ опыта) другими (приспособляющими гипотезами). Если же при этомъ мы примемъ въ расчетъ, что очень часто приспособляющія гипотезы, будучи вызваны одними фактами, въ то же время бываютъ пригодны и для объясненія нѣсколькихъ другихъ фактовъ (нѣсколькихъ неизбѣжныхъ случайностей), то мы окончательно не въ состояніи рѣшить, увеличится ли общее число случайностей, хотя бы на единицу, или же оно значительно уменьшится сравнительно съ тѣмъ числомъ, которое остается неизбѣжнымъ во всякой системѣ.

Все это подсчитываніе случайностей нужно было для доказательства того, что даже философы и прежніе и нынѣшніе мало обращаютъ вниманіе на взаимное отношеніе гипотезъ атомира. А что отсюда должно произойти для него? Еслибы нашъ умъ не склонялся къ тому, чтобы двихомолку безъ всякихъ изслѣдованій допустить существованіе неизмѣняемаго субстрата тѣлъ, то, вѣроятно, дѣло этимъ и ограничилось бы. Но допустимъ пока, какъ гипотезу (которую тотчасъ же постараемся оправдать), что дѣятельность нашего ума подчинена такому закону, благодаря которому мы неизбѣжно склоняемся всюду двихомолку подсовывать предположеніе о существованіи неизмѣняемаго ядра матеріи: и намъ крайне трудно избѣ-

жать этого, если мы не предохранимъ себя' строжайшимъ философскимъ анализомъ въ такой мѣрѣ, чтобы повсюду замѣчать дѣйствіе этой наклонности и, гдѣ надо, воздерживаться отъ нея,—что тогда произойдетъ? Такъ какъ признаніе существованія неизмѣняемаго субстрата тѣмъ логически обязываетъ насъ въ виду того или другаго факта опыта признавать ту или другую приспособляющую гипотезу атомизма, то при обсужденіи данныхъ опыта намъ должно казаться, что онѣ не могутъ быть истолкованы иначе, какъ атомистически и что мы поэтому обязаны признавать существованіе атомовъ, то-есть, должна возникать, а ужъ по меньшей мѣрѣ сильно поддерживаться вѣра въ реальность атомизма.

А на сколько часто дѣйствуетъ подобный процессъ мышленія, можно убѣдиться изъ слѣдующаго обстоятельства. Прошло не мало времени, съ той поры, какъ возникъ современный химическій атомизмъ: чрезъ 14 лѣтъ онъ можетъ оправдать свой столѣтній юбилей. Казалось бы, что теперь уже должно выясниться, какіе именно химическіе факты обязываютъ признавать атомизмъ, и что при его оправданіи всѣ должны одинаково придавать этимъ фактамъ рѣшающее значеніе; въ дѣйствительности же этого нѣтъ, а, напротивъ, замѣчается столь рѣзкое различіе въ оцѣнкѣ доказательнаго значенія фактовъ, что, пародируя слова г. Меншуткина, можно сказать — доказательство существованія атомовъ представляетъ едва ли не единственную научную теорію, гдѣ личнымъ мнѣніемъ отводится широкое мѣсто. Въ то время, какъ Фехнеръ видитъ въ изомеріи фактъ, который окончательно рѣшаетъ вопросъ объ атомизмѣ, Науманнъ приписываетъ ей лишь вспомогательное значеніе (она у него доказываетъ только пространственную обособленность находящихся въ сложномъ тѣлѣ элементовъ); другіе видятъ оправданіе атомизма уже въ одномъ законѣ кратныхъ отношеній; у многихъ, наконецъ, не трудно замѣтить, что дается значеніе не тому или другому отдѣльно взятому факту химіи, а всей ихъ совокупности. Чѣмъ же объяснить такое разнообразіе взглядовъ въ оцѣнкѣ значенія фактовъ для оправданія теоріи? Наши выводы объясняютъ это въ высшей степени просто. Предположеніе существованія неизмѣняемаго ядра тѣлъ (неизмѣняемыхъ элементовъ) составляетъ основной пунктъ химическаго атомизма. Оно имѣетъ такое значеніе, что если воздержаться отъ него или не позволить втихомолку подсовывать его при анализѣ фактовъ, то нельзя будетъ вывести химическаго атомизма, такъ что истиннымъ основателемъ этой теоріи надо

считать того, кто впервые установилъ въ химіи гипотезу неизмѣняемыхъ элементовъ (не простыхъ тѣлъ, а на столько отличающихся отъ нихъ самихъ ихъ элементовъ, на сколько, напримѣръ, углеродъ отличается отъ угля, алмаза и графита); Дальтонъ же построилъ лишь одно изъ приспособленій этой гипотезы (къ закону кратныхъ отношеній),—приспособленій, которыя, еслибы этотъ законъ не былъ еще и теперь открытъ, наизвѣстное совершались бы подъ вліяніемъ другихъ фактовъ (изомеріи и т. п.), лишь бы признавалась неизмѣняемость элементовъ. Но это предположеніе не отвлекается отъ химическихъ явленій (ибо ничто на столько не обнаруживаетъ измѣчивости тѣлъ, какъ химія, которая воочію убѣждаетъ, что каждое тѣло превращаемо, то-есть, вѣсковь измѣчиво, и что неизмѣняемыми въ опытѣ остаются одни лишь законы превращеній), а предпосылается ихъ обсужденію (оттого что или заимствуется изъ физики, или же возникаетъ какимъ-либо инымъ путемъ), то-есть, подсовывается въ нашъ анализъ; слѣдовательно все дѣло въ томъ, гдѣ именно нашъ умъ (неизбѣжно къ тому склоняющійся, какъ мы допустили) втикомолку подсунетъ это предположеніе. Фехнеръ и Либихъ производятъ это при обсужденіи изомеріи, а потому она получаетъ для нихъ рѣшающее значеніе. Науманнъ находитъ пужнымъ доказывать неизмѣняемость элементовъ; поэтому для него изомерія имѣетъ только вспомогательное значеніе (для вывода непроницаемости элементовъ). Сверхъ того вполне возможно, что при подробномъ обсужденіи каждаго факта, взятаго порознь отъ другихъ, мы воздержимся отъ всякихъ спекулятивныхъ предпосылокъ, но въ то-же время это воздержаніе еще не будетъ ассоціировано съ представленіемъ каждаго отдѣльнаго факта настолько прочно, чтобы повтораться и тогда, когда мы будемъ разсматривать тѣ-же самые факты, но только не при тождественныхъ съ прежними условіяхъ, именно не порознь, а сразу всѣ вмѣстѣ, благодаря чему каждый изъ нихъ будетъ являться намъ, какъ бы издали, лишь въ главныхъ чертахъ; въ такомъ случаѣ (вслѣдствіе неповторенія прежняго воздержанія отъ предпосылаемой гипотезы неизмѣняемаго ядра) намъ должно казаться, что хотя отдѣльно взятые факты и не въ состояніи доказать реальность атомизма, но она вытекаетъ изъ всей ихъ совокупности. Словомъ, здѣсь произойдетъ такое же психическое явленіе, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, начинающій свою дѣятельность профессоръ не находитъ ровно никакихъ мотивовъ конфузиться предъ своими слушателями, взятыми порознь, и не испытываетъ ни малѣйшаго замѣшательства

при разговорѣ, даже о мало знакомомъ ему предметѣ, съ каждымъ изъ нихъ, но оно тотчасъ же овладѣваетъ имъ, какъ скоро онъ обратится къ нимъ, ко всѣмъ сразу, съ своей тщательно обдуманной (а зачастую даже написанной) лекціей и т. п.: при разсматриваніи многихъ предметовъ сразу, каждый изъ нихъ является намъ нѣсколько въ иномъ видѣ, чѣмъ прежде, и потому не пробуждаетъ всѣхъ прежнихъ мыслей.

Итакъ, все дѣло въ томъ, дѣйствительно ли нашъ умъ обладаетъ склонностью втихомолку предполагать при всѣхъ своихъ разсужденіяхъ существованіе неизмѣняемаго субстрата тѣлъ, по-просту сказать, — заранее допускать реальность понятія матеріи, а съ ней и атомизма? Оставляя въ сторонѣ причину этого любопытнаго явленія, не трудно убѣдиться въ самомъ фактѣ его существованія. Уже одно самонаблюденіе можетъ свидѣтельствовать о немъ: стоитъ только припомнить то чувство умственной неловкости, и даже недоумѣнія, навѣрное, испытанное каждымъ читателемъ при чтеніи тѣхъ строкъ, въ которыхъ авторъ приглашалъ его усомниться на время, существовать ли неизмѣняемый субстратъ тѣлъ, или же это только абстракція нашего ума. Но сверхъ самонаблюденія могутъ быть приведены и объективные доводы. Мы видѣли, что всѣ аргументы химическаго атомизма имѣютъ мѣсто только тогда, когда мы заранее допускаемъ гипотезу неизмѣняемаго субстрата тѣлъ: безъ нея никакимъ образомъ нельзя доказать химическаго атомизма; а многіе ли химики пытаются оправдать эту основную гипотезу атомизма? Чуть ли не одинъ Науманнъ задумался надъ этимъ; да и то на первыхъ же шагахъ снова втихомолку подсунулъ ее въ свои разсужденія, взявъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ аргументовъ тотъ самый фактъ, о правильномъ истолкованіи котораго еще должна была подти рѣчь, восстановляемость простыхъ тѣлъ, какъ явленіе неизмѣняемости элементовъ. Далѣе, когда былъ открытъ законъ, что сумма вѣсовъ, полученныхъ путемъ химическаго превращенія тѣлъ, всегда равна суммѣ вѣсовъ тѣлъ, которыя подверглись превращенію, то этотъ законъ не разсматривался, какъ законъ сохраненія вѣса, что волюнѣ соотвѣтствовало бы опыту безъ всякихъ догматическихъ примѣсей, а его еще доселѣ часто разсматриваютъ (а не только называютъ), какъ законъ сохраненія матеріи, чѣмъ ясно обнаруживается происходящее при этомъ мысленное обособленіе неизмѣняемаго субстрата тѣлъ отъ нихъ самихъ. Сверхъ того сошлемся на еще болѣе важный доводъ — на исторію возникновенія древняго атомизма. Извѣстно, какъ онъ

возникъ: элейцы установили ученіе, что истинно-сущее едино и неизмѣнимо ни въ какомъ отношеніи; изъ приспособленія же къ даннымъ опыта, къ измѣчивости и множественности тѣлъ, этой мысли (которая есть не что иное, какъ обособленіе отъ тѣлъ ихъ неизмѣнимой сущности) и возникъ атомизмъ; при этомъ единство истинно-сущаго въ интересахъ приспособленія превратилось въ повсюдную однородность субстрата тѣлъ, а его неизмѣнимость во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая и движенія, ради приспособленія ограничилась качественной и количественной неизмѣнимостью.

Впрочемъ, ссылка на древній атомизмъ требуетъ нѣкоторой оговорки въ виду того, что иногда утверждаютъ, особенно же натуралисты, будто бы между современнымъ химическимъ и древнимъ атомизмомъ существуетъ рѣзкое и не только количественное (въ степени приспособленности къ опыту), а какъ бы качественное различіе—въ характерѣ того и другаго ученія. Но попытки пояснить эту мысль тотчасъ же обнаруживаютъ ея ошибочность ¹⁾. Такъ, Науманнъ дѣлаетъ слѣдующій отзывъ: „Химическая теорія атомовъ не имѣетъ ровно ничего общаго (so gut wie nichts gemein) съ тѣмъ атомистическимъ ученіемъ, которое было установлено Левкиппомъ и Демокритомъ.... Именно, въ то время, какъ Демокритовскіе атомы должны быть послѣдними, неизмѣняемыми и недѣлимыми далѣе составными частями всѣхъ тѣлесныхъ вещей, химическіе атомы или только не раздѣлены, каковы элементарные атомы ²⁾, или же прямо-таки дѣлимы, каковы атомы сложныхъ тѣлъ ³⁾; далѣе, въ то время какъ въ Демокритовскихъ атомахъ ихъ свойства, кромѣ величины и формы, остаются одинаковыми, но неизвѣстными, свойства химическихъ атомовъ различныхъ тѣлъ неодинаковы, но по большей части извѣстны ⁴⁾. Отсюда видно, сколь большая разница допускается между старымъ и новымъ атомизмомъ и насколько ее преувеличиваютъ.

¹⁾ Это мнѣніе можетъ служить только лишнимъ доказательствомъ того, насколько мы склонны предполагать неизмѣняемый субстратъ тѣлъ, какъ вещь самою собою разумиющуюся: относительно древняго атомизма исторія философіи уже показала намъ, что онъ возникъ именно изъ подобной предпосылки; въ своемъ же атомизмѣ мы ее даже не замѣчаемъ, а потому онъ и кажется намъ рѣзко отличающимся отъ древняго.

²⁾ Подразумываются атомы простыхъ тѣлъ въ противоположность составленнымъ изъ нихъ молекуламъ.

³⁾ Молекулы.

⁴⁾ *Науманн. Grundriss der Thermochemie. Braunschweig. 1869, стр. 11.*

Начнемъ съ указанія Аристотеля ¹⁾, что Демокритовскіе атомы отличаются другъ отъ друга—порядкомъ сочетанія (Аристотелевскій примѣръ различія сочетаній AN и NA), положеніемъ (Z и N отличаются положеніемъ), формой, величиной и въ зависимости отъ нея вѣсомъ. Точно такія же различія въ атомахъ признаются и тѣми современными представителями вещественнаго атомизма, которые не отрицаютъ существованія динамическихъ силъ ²⁾; а при отрицаніи таковыхъ всѣ атомы считаются одинаково невѣсомыми. Такимъ образомъ, не говоря уже о томъ, что нѣкоторые изъ современныхъ атомистовъ предполагаютъ полное единство матеріи, то-есть, полную одинаковость всѣхъ атомовъ, къ взаимнымъ различіямъ послѣднихъ со временъ Демокрита прибавилось только обладаніе различными химическими силами (средства, атомности), благодаря которымъ они играютъ не одинаковую химическую роль. Оставимъ въ сторонѣ, что такое предположеніе допускается только тѣми, кто не отрицаетъ динамическихъ силъ, хотя это обстоятельство указывается, на словеса Науманна преувеличиваетъ разницу между древнимъ и новымъ атомизмомъ, говоря, что большая часть атомныхъ свойствъ уже невѣстна: значить они не невѣстны, если возможно сомнѣваться даже въ существованіи этихъ свойствъ; а вѣдь слова Науманна не могутъ относиться ни къ какимъ другимъ свойствамъ, такъ какъ разбѣры и формы атомовъ никому не невѣстны. Во всякомъ случаѣ, если мы и допустимъ справедливость предположеній о различіи атомныхъ химическихъ силъ и о взаимномъ отношеніи ихъ вѣсовъ, которое мы узнаемъ изъ ихъ паевъ, то мы пока все-таки находимъ не новую атомистику, которая не имѣла бы ничего общаго съ древней, а лишь приспособленіе древней атомистики къ вновь найденнымъ фактамъ. Изъ понятія недѣлимости Демокритовскихъ атомовъ вытекаетъ, что при всякомъ химическомъ соединеніи цѣлое число атомовъ одного рода должно соединяться съ цѣлымъ числомъ атомовъ другаго, такъ что отношенія, въ которыхъ соединяются между собой различные тѣла, могутъ при нѣкоторыхъ условіяхъ служить основаніемъ для заключенія о взаимномъ вѣсовомъ отношеніи ихъ атомовъ; это-

¹⁾ Metaph. I, 3. Phys. I, 5. III, 4. Gen. et Corr. I, 8. Ср. Zeller. Die Philosophie der Griechen. B. I. Tübingen. 1856, стр. 588 и слѣд.

²⁾ Взаимъ различія положенія (Z и N) въ новомъ атомизмѣ можно указать различіе связи двухъ атомовъ одной или нѣсколькими единицами средства, которое допускается при атомистическомъ объясненіи изомеріи; или же вмѣсто положенія допускается пространственная группировка.

то заключеніе и сдѣлано новой атомистикой при помощи гипотезы истинно простых тѣлъ (равенства ихъ атомовъ). Далѣе, различіе химическихъ дѣйствій тѣлъ, построенныхъ изъ Демокритовскихъ атомовъ, должно быть обусловлено различіемъ составляющихъ атомовъ; и современный (химическій) атомизмъ, хотя навѣрное не знаетъ, каковы эти свойства, сполна принимаетъ этотъ неизбѣжный изъ Демокритовскаго атомизма выводъ и постулируетъ или гипотезу различія химическихъ силъ атомовъ, которыя обуславливали бы различія въ сродствахъ тѣлъ, или же гипотезу существованія такихъ механическихъ условій въ атомахъ (величинъ, положеній, движеній), которыя не могутъ быть опредѣлены ближайшимъ образомъ, но приводили бы къ тому же самому результату. Наконецъ, такъ какъ, разъ что признана основная гипотеза атомизма, то должны быть признаны, какъ это было указано, и почти всѣ другія, приспособляющія, — то естественно, что онѣ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ накопленія фактовъ, которые ихъ требуютъ, постепенно развились изъ Демокритовскаго атомизма.

Единственно, чѣмъ какъ будто бы отличается химическій атомизмъ отъ Демокритовскаго, это своимъ отношеніемъ къ вопросу о дѣлимости атомовъ. Но и здѣсь мнѣніе Науманна сильно преувеличено. У него самого, при его попыткѣ вывести атомизмъ только изъ одной неизвѣстности элементовъ, подъ словомъ атомъ приходится понимать не тѣ частицы, которыя всегда, при всякомъ соединеніи и, вообще, превращеніи, остаются нераздѣльными, а только тѣ, которыя остались нераздѣленными во время процесса одного лишь даннаго соединенія: ихъ постоянная нераздѣленность, то-есть, недѣлимость, въ разсужденіяхъ Науманна не имѣетъ никакого основанія и не можетъ быть выведена изъ нихъ; оттого онъ и получаетъ атомы не только простыхъ тѣлъ, а также и сложныхъ. Но при такихъ условіяхъ его атомизмъ остается не приспособленнымъ къ закону кратныхъ отношеній. Для примиренія съ нимъ гипотезы неизвѣстности матеріи нужно допустить въ послѣдней недѣлимыхъ частицы, то-есть, возвратиться къ Демокритовскому атомизму. Правда, что многіе представители химическаго атомизма ватрудняются допускать абсолютную недѣлимость атомовъ, и пробуютъ, сохранивъ дискретность тѣлъ, приписывать ихъ частицамъ только относительную недѣлимость, предпологая для этой цѣли, что тѣла во время соединенія и разложенія распадаются только на тѣ частицы, на которыя они уже заранѣе раздѣлены и которыя могли бы быть раздѣлены далѣе, но въ дѣй-

ствительности никогда не дѣлается. Однако не значить ли это: только замаскировать абсолютный атомизмъ? Мы говоримъ, что атомы „никогда“ не дѣлается. Какъ же понимать это слово? Если въ его буквальномъ значеніи—при дѣйствіи какихъ бы то ни было силъ, никакими силами: механическими, физическими и химическими,—то вѣдь сверхъ этихъ силъ нѣтъ никакихъ другихъ; слѣдовательно наши частицы оказываются абсолютно недѣлимыми. Если же мы станемъ слово „никогда“ ограничивать лишь доселѣ открытыми изъ этихъ силъ, то вѣдь еще не открытыя силы не препятствуютъ существованію закона кратности, а потому, когда мы узнаемъ ихъ, мы все-таки будемъ считать наши частицы недѣлимыми даже и подъ вліяніемъ этихъ силъ, то-есть, абсолютно недѣлимыми. Впрочемъ, это соображеніе можетъ показаться недостаточно убѣдительнымъ вслѣдствіе нашей склонности гипостазировать понятіе силы и мыслить его, какъ какою-то сущность, которая можетъ стоять отдѣльно отъ тѣлъ и какъ бы издали по временамъ властвовать надъ ними. При такомъ пониманіи естественно допускать вѣхомолку, что къ тѣмъ силамъ, которыя уже подвизаются предъ нами и не нарушаютъ закона кратности, вдругъ присоединятся новыя и даже враждебныя или имъ, или закону кратности. Но въ предѣлахъ опыта сила есть не что иное, какъ законъ вѣаходѣйствія (сила таготѣнія въ предѣлахъ опыта и наследованія есть законъ взаимнаго сближенія); онѣ, какъ законы тѣлъ, не существуютъ отдѣльно отъ тѣлъ и всегда дѣйствуютъ, такъ что новая сила есть не та, которая только-что начала дѣйствовать, а та, способъ дѣйствія которой мы еще не выдѣляли и не изучили отдѣльно отъ другихъ силъ. Слѣдовательно одно изъ двухъ: или законъ кратности ложень, вовсе не существуетъ, или же въ извѣстныхъ предѣлахъ онъ не нарушается никакими силами—ни извѣстными, ни неизвѣстными. А потому, коль скоро для его объясненія теперь необходимо допускать недѣлимость частицъ, то она и всегда будетъ нужна, то-есть, она будетъ абсолютной.

Подведемъ же итоги и этому сравненію древняго атомизма съ современнымъ химическимъ и всему нашему анализу дослѣдняго.

- 1) Между тѣмъ и другимъ по существу дѣла нѣтъ никакой разницы кромѣ степени приспособленности къ опыту; поэтому, желая знать причину вѣры въ реальность химическаго атомизма, мы въ правѣ обращаться съ этой цѣлью и къ исторіи возникновенія древняго атомизма.
- 2) Оба они возникаютъ, какъ неизбежное слѣдствіе предположаемаго обсужденію эмпирическихъ фактовъ убѣжденія въ

существованіи свади явленій ихъ внутренней неизмѣняемой сущности, неизмѣняемаго субстрата тѣлъ, такъ что, если древній атомизмъ составляетъ не эмпирическое, а трансцендентно-метафизическое ученіе, то таковъ же и химическій атомизмъ. (Оттого-то онъ и не противорѣчитъ опыту: метафизика никогда не можетъ противорѣчить опыту, ибо, воверныхъ, она и строится для того, чтобы, исходя изъ предположенія той или другой сущности вещей, объяснять весь данный опытъ, а отнюдь не противорѣчить ему; вотъорыхъ, всаній фактъ всегда впитывается въ метафизику при помощи приспособляющихъ гипотезъ). 3) Реальность этого метафизическаго ученія о сущности тѣлъ ничѣмъ не доказана, по крайней мѣрѣ—въ химіи. Для критической философіи въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: съ ея точки зрѣнія тѣла состоятъ изъ комплексовъ закономѣрно-связанныхъ ощущеній, которые въ силу законовъ сознанія съ роковой необходимостью объектируются нами, то-есть, неизбѣжно воспринимаются нами, не смотря на свой субъективный матеріалъ (ощущенія), какъ отдѣльно и независимо отъ насъ существующія; а что скрывается за этими объективированными ощущеніями, остается не извѣстнымъ въ той же мѣрѣ, въ какой не извѣстно, что именно скрыто зади сознанія, душа ли или же порождающая его не духовная сущность. 4) Реальность обособленія матеріи отъ тѣлъ, то-есть, эмпирическая реальность понятія матеріи, остается не доказанной. Въ этомъ тоже нѣтъ ничего страннаго: если мы вычеркнули изъ своего научнаго обихода понятіе души, какъ предмета, остающагося за предѣлами эмпирии и относительно котораго нельзя доказать ни того, что онъ существуетъ, ни того, что его нѣтъ, то той же участи должно подвергнуться и понятіе матеріи, такъ какъ они оба имѣютъ хоть какой-нибудь уловимый смыслъ не иначе какъ въ противопоставленіи ихъ другъ другу, въ чемъ легко убѣдиться, пробуя построить ихъ опредѣленія. Что тогда получится? Душа есть то, что обладаетъ сознаніемъ, не будучи матеріей: послѣднюю оговорку необходимо добавить, чтобы отличить сознаніе, принадлежащее душѣ, отъ сознанія, порождаемаго, по ученію хотя и недоказуемаго, но и ничѣмъ неопровержимаго матеріализма, организованной въ видѣ головного мозга матеріей. Матеріи же есть то, что, не имѣя сознанія, при извѣстной организаціи можетъ породить его, не будучи душой: эта оговорка необходима для отличія сознанія материалистическаго отъ спиритуалистическаго. Слѣдовательно, получается, что душа есть то, что не составляетъ матеріи, а матеріи есть то, что не составляетъ душа, то-есть, другъ безъ друга эти два понятія

не имѣютъ ни малѣйшаго смысла. 5) Эмпирическая реальность матеріи, а съ ней и атомовъ, не доказана; значитъ ли это, что надо отбросить въ естествознаніи понятія матеріи и атомовъ? Совсе нѣтъ, а только то, что нѣкоторые вопросы теперь должны отпасть отъ состава философіи, замѣниться другими, которые будутъ возбуждать новыя. Такъ, догматическіе философы не мало ломали, да еще и теперь ломаютъ, головы, чтобы наместить мосты (напримѣръ, земные) между матеріей и душевными явленіями; то-есть, мучаются или надъ вопросомъ, какъ матерія можетъ дѣйствовать на душу, или же надъ вопросомъ, какъ атомы могутъ своими движеніями порождать душевныя явленія. Все это моченіе мостовъ становится вполнѣ излишнимъ и замѣняется болѣе удоборѣшимымъ вопросомъ — какъ именно нашъ умъ, подчиняясь своимъ законамъ и имѣя предъ собой данныя въ опытѣ тѣла (то-есть, объективированныя ощущенія), приходитъ къ тому, что сверхъ нихъ строятъ еще метафизическое понятіе матеріи и начинаетъ вѣровать въ ея еще ничѣмъ недоказанную эмпирическую реальность? Далѣе же по поводу этого вопроса возникаютъ другіе. Какимъ именно образомъ метафизическое понятіе матеріи или атомовъ приноситъ пользу для эмпирическихъ изслѣдованій? Рѣшая этотъ вопросъ, нельзя ли будетъ найти какиъ-нибудь основанія для рѣшенія слѣдующаго вопроса: можетъ ли, и если да, то гдѣ, въ какихъ предѣлахъ и какимъ образомъ можетъ быть полезно для эмпирическаго знанія другое столь же метафизическое понятіе — именно понятіе души, а если нѣтъ, то почему же оно бесполезно, не смотря на полезность перваго и т. д.?

А. Шведенскій.

О ХРОНИКѢ КОЗЬМЫ ПРАЖСКАГО.

Врядъ ли найдется въ числѣ средневѣковыхъ лѣтописцевъ много такихъ, о которыхъ мнѣнія и сужденія расходились бы болѣе, чѣмъ о Козьмѣ Пражскомъ, и это не смотря на то, что начало знакомства съ его хроникой, какъ цѣннымъ для исторіи Чехіи источникомъ, относится къ весьма давнему времени.

Начиная со слѣдующихъ непосредственно за нимъ чешскихъ историковъ, хроникой Козьмы не только пользовались, въ качествѣ неисчерпаемой сокровищницы, но въдобавокъ почти до невозможнаго развивали и разукрашивали сообщаемыя въ пей сказанія и извѣстія. Нагляднымъ доказательствомъ тому, до чего можно было дойти въ этомъ направленіи, служить хроника Вячеслава Гайка изъ Либочавъ ¹⁾. Только въ исходѣ прошлаго столѣтія этимъ искаженіямъ положилъ конецъ Добнеръ, который обосновалъ древнюю исторію Чехіи на хроникѣ Козьмы и въ то же время послѣднюю подвергнулъ обстоятельному критическому разбору. На основаніи, выработанныя имъ и его современниками Публичкой ²⁾, Пельцлемъ ³⁾ и Добровскимъ ⁴⁾, опиралось въ нынѣшнемъ столѣтіи въ своихъ дальнѣйшихъ розысканіяхъ большинство чешскихъ ученыхъ, главнымъ же образомъ, Палацкій ⁵⁾, Дудикъ ⁶⁾

¹⁾ *Wenz. Hagek a Liboslan Annales Bohemorum. Plur. animadversionibus hist.-chron.-criticis aucti a P. Gelasio Dobner. T. I—II. Pragae 1762—1782.*

²⁾ *Chronolog. Gesch. von Böhmen. Tomъ I—III. Lpz. u. Prag 1770—72.*

³⁾ *Kurzgefasste Geschichte der Böhmen. Prag 1774.*

⁴⁾ *Kritische Versuche die ältere böhm. Gesch. von späteren Erdichtungen zu reinigen, въ Abhandl. d. kgl. böhm. Ges. der Wiss., томъ I, II, III.*

⁵⁾ *Würdigung der alten böhmischen Geschichtschreiber. Prag 1831, съ новымъ заглавнымъ листомъ 1869. Сравн. Dějiny národu českého, díl. I. Мы постоянно даемъ по третьему изд. 1876—77.*

⁶⁾ *Mährens allg. Gesch., томъ I—IV. Brünn 1860—65.*

и Томекъ ¹⁾). Лишь въ сравнительно недавнее время было высказано также и сомнѣніе въ достовѣрности извѣстій Козьмы и, наконецъ, совершенно отвергнуто его изложеніе чешской исторіи до введенія христіанства. Главнѣйшими представителями этого направленія являются нѣмецкіе ученые Дюмлеръ ²⁾, Ваттенбахъ ³⁾ и Вюдигеръ ⁴⁾). Дальше всѣхъ идетъ Лозертъ ⁵⁾, который пытается доказать, что даже и для древнѣйшаго христіанскаго времени Козьма не имѣетъ почти никакого значенія, и не только приводимыя имъ рѣчи, письма, надгробныя надписи и грамоты подложны, но что онъ даже имена чешскихъ князей и княгинь просто вымыслилъ.

Въ настоящемъ изслѣдованіи мы ставимъ себѣ задачею разъяснить чешскую исторію IX и X вѣковъ. Мы стараемся указать, какіе источники у Козьмы имѣлись для разсматриваемаго нами времени, какова историческая основа этихъ источниковъ и, наконецъ, какъ онъ воспользовался ими въ своей хроникѣ ⁶⁾.

Самъ Козьма въ своей хроникѣ строго разграничиваетъ исторію Чехин до введенія христіанства и по принятіи его. „Я началъ свое повѣствованіе“, говоритъ онъ, „съ первыхъ обитателей Чехин и немногое, что узналъ изъ не удостовѣренныхъ разказовъ старыхъ людей, предлагаю, какъ могу и умѣю, всѣмъ ко мнѣ благорасположеннымъ, не для того, чтобы добиться людской похвалы, но дабы

¹⁾ Тутъ главнѣйшій образецъ должны быть принимаемы во вниманіе: *Apologie der ältesten Gesch. Böhmens*, въ *Abh. d. k. b. G. d. W.*, V. Folge, томъ 13-й, стр. 1 слѣд.; томе по-чешски въ *Památky arch. a mist.*, IV, 8; V, 208, 262, 289.—*Dějepis města Prahy*, т. I, 1856.

²⁾ *De Bohemiae condicione Carolis imperantibus*. Lips. 1854.

³⁾ *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter*, II, 162 слѣд. Мы цитируемъ все по 4-му изд. 1877—78. — *Die slawische Liturgie in Böhmen etc.*, въ *Abh. d. hist.-phil.-Gesell. in Breslau*, I, стр. 203 слѣд.—Сравни: *Beiträge zur Gesch. der christl. Kirche in Mähren u. Böhmen*. Wien 1849.

⁴⁾ *Oesterr. Gesch. bis zum Ausgange des XIII Jahrh.*, томъ 1-й, стр. 300 слѣд. — Сравни: *Zur Kritik altböhm. Gesch.*, въ *Zeitschr. für oesterr. Gymnasien*, 1857. VII.

⁵⁾ *Studien zu Cosmas von Prag*, въ *Archiv f. österr. Gesch.*, томъ 61-й, стр. 1 слѣд.—Сравни: *Das angebliche Senioratsgesetz des Herzogs Břetislav I*, *ibid.* томъ 64-й, стр. 1 слѣд. — *Der Sturz des Hauses Slawnik*, *ibid.* томъ 65-й, стр. 19 слѣд. — *Kritische Bemerkungen über einige Punkte der alt. Gesch. Böhmens*, въ *Mitth. des Vereins f. Gesch. d. Deutschen in Böhmen*, томъ XIX, стр. 256 слѣд.—*Ueber den Umfang des böhm. Reiches unter Boleslaw II*, въ *Mitth. des Inst. f. österr. Geschichtsforschung*, томъ II, стр. 17 слѣд. — *Kritische Studien zur älteren Gesch. Böhmens*, *ibid.* томъ IV, стр. 177 слѣд.; томъ V, стр. 866 слѣд.

⁶⁾ Мы пользуемся постоянно изданіемъ хроники Козьмы Вилера въ *Fontes rer. Bohem.*, II, 1 слѣд.

оно не забылось совершенно" (I, praef.). „Года по Рождествѣ Господа я прибавилъ, однако, лишь начиная съ Борнвола, перваго католическаго князя, такъ какъ я не хотѣлъ къ началу книги дѣлать произвольныя указанія и не нашелъ также хронологіи, которая дала бы мнѣ возможность узнать, въ какое время все происходило" (ibid.). „О жизни и смерти этихъ первыхъ князей", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „исторія умалчиваетъ . . . ибо тогда не имѣлось лица, которое могло бы записать для потомства все, что ими содѣяно. Будемъ же молчать о томъ, о чемъ другіе умалчиваютъ" (I, 9). Изложеніе свое до-христіанскаго періода онъ заканчиваетъ словами: „И такъ какъ это сообщается изъ древняго времени, то предоставляемъ читателю судить о томъ, вѣрно ли оно, или же ложно" (I, 13).

Этими словами Козьма самъ опредѣляетъ цѣнность его указаній для времени, предшествующаго 894 г. Тутъ ему были извѣстны одни народныя сказанія, *senim fabulosa narratio*, которыми онъ намъ сообщаетъ *pro posse et nosse, ne omnino relata traduntur oblivione*. Письменныхъ источниковъ у него для этого періода не было. Въ виду того, что и чужеземные писатели ничего не сообщаютъ о внутреннемъ положеніи Чехіи за этотъ періодъ, оцѣнка историческаго значенія приводимаго Козьмой народнаго преданія можетъ быть достигнута не иначе, какъ посредствомъ тщательной внутренней критики его.

Первую главу составляетъ введеніе, въ которомъ Козьма повѣствуетъ, какъ, послѣ потопа, родъ человѣчскій, Божьей карой разсѣявшійся на многіе языки, заселилъ, наконецъ, и Германію. Что подобнаго рода общія введенія были крайне излюблены историками среднихъ вѣковъ, въ томъ легко убѣдиться изъ сравненія текста Козьмы съ текстомъ Региннона, а послѣдняго въ свою очередь опять съ Павломъ Діакономъ.

Cosmas I, 1.

Regino ad a. 889.

Paulus Diaconus I, 1.

Unde humanum genus... Unde fit, ut tantae potandem has in partes de- pulorum multitudines arc- pulorum multitudines, arc- venit Germaniae: cum enim too sub axe orientur, ut too sub axe orientur: ut omnis illa regio sub arc- non immerito universa illa non immerito universa illa too axe Thanaytenus et regio Thanai tenus usque regio Tauai tenus usque usque ad occiduum sita, ad occiduum, licet et pro ad occiduum, licet et pro licet in ea singula pro- priis loca in ea singula priis loca in ea singula nun- priis loca nominibus nun- nuncupentur nominibus, cupentur nominibus, gene- cupentur, generali tamen generali tamen vocabulo rall tamen vocabulo Ger- vocabulo Germania vocit- Germania vocitetur. mania vocitetur. tatur.

ЧАСТЬ ССЛХХ, ОТД. 2.

3

Со 2-й главы начинается *sepim fabulosa traditio*, подъ чѣмъ Козьма понимаетъ все то, чего онъ не нашелъ записаннымъ, а именно не только краткія сказанія, но также и пѣсни въ собственномъ смыслѣ. Народныя сказанія слѣдующія: 1) сказаніе о прибытіи чеховъ подъ предводительствомъ *rateg Voesmus* (Чехъ) въ Чехію (I, 2); 2) сказаніе о Крокѣ и его трехъ дочерахъ — Казѣ, Тетѣ и Либушѣ (I, 3—4); 3) сказаніе о Премислѣ (I, 4—8); 4) сказаніе объ основаніи города Праги (I, 9); 5) сказаніе о дѣвичьей войнѣ (I, 9); 6) сказаніе о Неллашѣ и Властиславѣ (I, 10—13). „Эти сказанія“, утверждаетъ Мейнертъ ¹⁾, „не одинаковой древности; въ изложеніи лѣтописца своеобразность и простота ихъ утратилась въ довольно значительной степени; отчасти это—объясненіе древнихъ названій мѣстностей; относятся они къ восточной части страны и ко внутреннимъ дѣламъ; отъ нихъ хотя и вѣетъ чисто азіатской пышностью славянскаго безвѣрія, но воинственный духъ чеховъ въ нихъ не выражается; они указываютъ на отличіе племенъ и сословій, на стремленіе пражскихъ герцоговъ къ верховной власти, на зависть и распри среди вельможъ, на любовь къ земледѣлію, на ростъ народонаселенія и на развитіе нравственныхъ началъ, на отвращеніе къ убійству, въ особенности князей и т. д.“. Поражаетъ то, что въ сказаніяхъ не только не встрѣчается никакихъ извѣстій о прежнихъ обитателяхъ Чехіи, боярахъ, маркоманнахъ и друг., но что въ нихъ также совершенно умалчивается о прежнихъ судьбахъ чеховъ въ обитаемой ими странѣ: такъ, напримѣръ, ничего не говорится о великомъ государствѣ, основанномъ Само. Мы въ нихъ должны видѣть исключительно мѣстныя сказанія племени чеховъ, въ которыхъ повѣствуется о постепенномъ его распространеніи по остальной странѣ Чехіи и которая, за исключеніемъ перваго сказанія, получили начало приблизительно въ X столѣтіи.

Въ каждомъ изъ этихъ сказаній имѣется историческая основа; слабѣ всего она выражена въ первомъ сказаніи, тогда какъ въ четвертомъ историческіе моменты уже довольно многочисленны. Въ нижеслѣдующемъ мы постараемся, на сколько возможно, выяснить отношенія каждаго изъ этихъ сказаній къ исторіи или, другими словами, выдѣлить всѣ историческіе моменты.

Козьма весьма повѣчно описываетъ, въ первомъ сказаніи, прибы-

¹⁾ Die böhmischen Geschichtschreiber des ersten Zeitraumes, вь Wiener Jahrb. der Lit., томъ XV (1815), Anzeigblatt, стр. 27.

tie pater Voemus'a съ его спутниками въ мѣстность около горы Рипъ, между рѣками Огрою (Эгеромъ) и Вльтавою (Молдавою), въ страну съ потоками млека и меда, никому не подвластную. Въ умилени отъ здѣсь утверждаетъ свои пенаты ¹⁾, лобзаеть землю и въ обращеніи къ небеснымъ свѣтиламъ восклицаетъ: „Привѣтъ тебѣ, страна, судьбою намъ опредѣленная, нами столь горячо желанная, вѣкогда во время потопа отягата у твоихъ прежнихъ обитателей. Храни насъ невредимыми, какъ сохранила памятники твоихъ прежнихъ обитателей, и разжиомай нашихъ потомковъ изъ рода въ родъ²⁾. По имени его страна была названа Bohemia (I, 2).

Вопросъ о томъ, кто былъ „pater Voemus“, во второй половинѣ прошлаго столѣтія вызвалъ горичую полемику; непосредственною причиною ея была предложенная въ 1765 году княземъ Яблоновскимъ въ Данцигскомъ Естественнаиспытательномъ Обществѣ тема на премію: „Возможно ли болѣе достоверными свидѣтельствами убѣдительно, нежели до настоящаго времени то было сдѣлано, доказать прибытіе Леха въ Польшу между 550 и 560 годами, или же, наоборотъ, опровергнуть это мнѣніе“? Одни, во главѣ съ Добнеромъ, силились привести доказательства бойскому происхожденію „Voemus“ и доходили до того, что отождествляли его съ Сиговесомъ, подъ предводительствомъ котораго, по Титу Ливію ³⁾, бои завоевали Богемію, отъ нихъ получившую свое названіе. По мнѣнію другихъ, „pater Voemus“ и „Boemia“ представляли собой ничто иное, какъ латинскій переводъ Чеха и земли чеховъ ⁴⁾. При настоящемъ состояніи исторической науки врядъ ли можно еще хоть сколько выбудъ сомнѣваться въ неосновательности перваго предположенія: мы тутъ, очевидно, имѣемъ передъ собой народное сказаніе о томъ, какъ племя чеховъ, подъ предводительствомъ Чеха, завладѣло страной, получившей отъ него имя ⁴⁾.

¹⁾ *J. Jireček*, *Dědky v Dalimila*, въ *Časopis muzea kral. Českého*, 1861, стр. 358;—*Studia z oboru mythol. české*, *ibid.* 1863, стр. 268 слѣд.—*Wocel*, *Pravěk země české*. V Praze 1868, стр. 384.

²⁾ V, 34; сравни *Palacký*, *Dějiny*, I, 1, стр. 41 слѣд.

³⁾ Приверженцы бойской теоріи: *Dobner*, *Ad. Ann. Hayec.*, II, 28; *Schlösser*; нѣкто *Bt...*, въ *Prager Gelehrte Nachrichten*, I (1771), стр. 129 и сл., 161 слѣд. Защитники второй теоріи: *G. H. Ayrer*, *Animadversiones ad historiam Lechi*; *S. N. Mozssewski*, *In Dobneri de Lecho sententiam stricturæ*; *I. A. Jablonowsky*, *Lechi et Czechii adversum scriptorem recentissimum (sc. Dobnerum) vindiciae*. Lips. 1771. Сравни объ этомъ рецензію упомянутаго *Bt*.

⁴⁾ Имя *Čech* впервые встрѣчается у *Dalimil*, *Rýmovaná kronika česká*, к. 2 (въ *Fontes rer. Boh.* III, 6 слѣд.). Сравни *Palacký*, *Dějiny*, I, 1, стр. 90, прим. 17.

Въ сказаніи имѣются лишь два историческихъ момента, именно самое имя чеховъ и гора Рипъ ¹⁾. Съ одной стороны въ немъ усматривается лишь позднѣйшаго времени попытка объяснить названіе народа и его происхождение, каковыя толкованія или объясненія мы встрѣчаемъ почти у всѣхъ народовъ, напримѣръ, у сосѣдей чеховъ — поляковъ и германцевъ, въ древнемъ мірѣ у отдѣльныхъ греческихъ племенъ и т. д. Съ другой же стороны имя чеховъ въ связи съ горой Рипъ заставляетъ предполагать, что вблизи послѣдней, въ плодородной долинѣ нижней Влтавы (Молдавы), находились древнѣйшія селенія племени чеховъ ²⁾.

Что все остальное, сообщаемое Козьмой во 2-й и большей части 3-й главы о Чехіи и ея обитателяхъ того времени, лишено историческаго содержанія; въ этомъ каждому легко убѣдиться. Поэтическое описаніе Чехіи отчасти соотвѣтствуетъ географическому положенію страны, насколько было оно извѣстно Козьмѣ, но при дальнѣйшемъ изображеніи первобытныхъ нравовъ чеховъ, весьма идиллическомъ и съ явнымъ намѣреніемъ представлять старину въ привлекательномъ свѣтѣ, Козьма вступаетъ въ разрядъ писателей о мнимомъ золотомъ вѣкѣ, лишая этимъ свой разказъ прелести народнаго колорита. При сопоставленіи его въ этомъ мѣстѣ съ Воэціемъ и Региномомъ шаблонность его разказа становится очевидною.

Cosmas I, 3.

Felix nimium erat aetas illa, modico contenta sumptu, nec timido inflata fastu. Cereris et Bacchi munera hand norant, quia neque orant. Sera prandia solvebant glande vel ferina carne. Incorrupti lactices haustus dabant salubres.... Ubi nox quemque occuparat, ibi fœvus per herbas, frondosae arboris sub umbra dulces car-

Regino ³⁾.

Felix nimium prior aetas Contenta fidelibus armis Nec inerti perdita luxu, Facill quae sera solebat leiunia solvere glande. Non bacchica munera norant Liquido confundere melle Nec lucida nellera Serum Tyrio miscere ueneno. Somnos dabat herbasalubres Potumquoque labricus amnis Umbras altissima pinus.

Boetius ⁴⁾.

¹⁾ Dobner, Ad. Ann. Hayec., II, 22—23.

²⁾ Tomek, O starém rozdělení Čech na ktery, v Časopis, 1868, стр. 248; Wocel, I. c., 270 стр.

³⁾ Regino ad a. 889, в ММ. G. SS, I, 599—600. Региномъ въ свою очередь замѣстивлялъ изображение у Юстина, Hist. Phil., II, 2, ed. Duebner, стр. 23.

⁴⁾ Philosophiae Consolat., II, 5, ed. Peiper, p. 39—40.

pebat somnos. Lanae vel lini eis usus ac vestis ignotus, hieme ferinis aut ovinis pellibus utuntur pro vestibus... Nullum scelus apud eos furto gravius et latrocinio.... Proh dolor! prospera in contraria, communia in propria cedunt; securam paupertatem olim amabilem quasi coenosam rotam vitant et fugiunt, quia amor habendi severior ignibus Aethnae in omnibus ardet.

Utinam nodo nostra redirent
In mores tempora prisca.
Sed saevior ignibus Aethnae
Fervens amor ardet habendi.

Lanae his usus ac vestium ignotus, et quamquam continuis frigoribus afficiantur, pellibus tantum ferinis induuntur... Nullum scelus apud eos furti gravius.

Нѣкоторыя другія мѣста, очевидно, приводятся единственно съ цѣлю порицанія нравовъ и порядковъ его собственнаго времени. Въ такомъ смыслѣ должны быть понимаемы, напримѣръ, его слова: sine exactore, sine sigillo, spontanea voluntate ad illum confluebant ¹⁾; сюда же относится и описаніе брачной жизни, которая и въ другихъ мѣстахъ его хроники вызываетъ въ немъ негодованіе и служитъ предметомъ порицанія, здѣсь же является, такъ сказать, пародированной ²⁾.

Второе сказаніе повѣствуетъ о Крокѣ и его трехъ дочерахъ, Кази, Тетѣ и Любушѣ, которыя всѣ отличались необыкновенными дарованіями. Такъ, старшая изъ нихъ, Кази, въ знаніи свойствъ растеній и въ волшебствѣ не уступала Медевъ Колхидской, а въ врачевномъ искусствѣ Пэонію, ибо нерѣдко случалось, что Нарки отказывались отъ своего смертоноснаго ремесла, и даже Судьба повиновалась ея плѣси. Вторая, Тета, научила невѣжественный простодушный народъ чтить и поклоняться Ореадамъ, Дриадамъ и Амадриадамъ и ввела языческіе обряды. Третья и младшая, Любуша, превосходившая мудростью сестеръ, и во всѣхъ женщинахъ была замѣчательна, обдумчива въ совѣтѣ, отважна въ рѣчахъ, никому не уступала въ разрѣшеніи судьбныхъ дѣлъ, по отношенію ко всѣмъ была снисходительна

¹⁾ *Jireček*, Slov. pravo, II, 224; Recht in Böhmen u. Mähren, II, 125 u. 126. *Brandl*, Glossarium illustrans bohémico-moravicae historiae fontes. Brünn 1876, стр. 282.

²⁾ Сравни, напримѣръ, ствозаніе по этому же поводу св. Адальберта (I, 29); заглавіи I, 36; опредѣленія князя Врестислава I (II, 4) и пр. Смотри объ этомъ также *Ginsel*, Geschichte der Slawenapostel Cyrill u. Method u. der slawischen Liturgie. Wien 1861, стр. 63, прим. 1.

и со всѣми общительна, краса и слава женскаго рода. Будучи въ то же время пророчщей и предсказывая часто и вѣрно народу будущее, она по смерти отда, при всеобщемъ одобреніи, была избрана судьей (II, 34).

Въ этомъ сказаніи историческіе моменты замѣтно усиливаются. Оно связано съ 4 памятниками, которые сохранились до времени Козьмы, именно городъ Брока: *ex cuius vocabulo castrum iam arboribus obsitum in silva, quae adiacet pago Stybeczue* ¹⁾, *situm esse dinoscitur* (I, 3 ²⁾; курганъ Клян: *eius usque hodie cernitur tumulus, ab incolis terrae ob memoriam suae dominae nimis alte congestus, super ripam fluminis Mse, iuxta viam, qua itur in partes provinciae Bechin, per montem, qui dicitur Osseca* (I, 4 ³⁾; городъ Тети: *quae ex suo nomine Tethin castrum natura loci firmissimum, praeruptae rupis in culmine iuxta fluvium Msam aedificavit* (ibid.) ⁴⁾; наконецъ, городъ Любуши: *quae etiam urbem tunc potentissimam iuxta silvam, quae tendit ad pagum Stebecnam construxit, et ex suo nomine eam Lubossin vocitavit* (ibid.) ⁵⁾. Если уже въ первомъ сказаніи гора Рипъ указывала, что тамъ находились древнѣйшія поселенія племени чеховъ, то и тѣмъ это подтверждается существованіемъ развалинъ трехъ городовъ. Последніе служатъ намъ свидѣтельствомъ, что эта мѣстность вообще должна быть принимаема за центръ земли чеховъ. Города тѣсно свя-

¹⁾ *Kalina v. Jäthenstein*, Böhmens heidnische Opferplätze, Gräber und Altenthümer, вѣ *Abh. d. k. b. G. d. W., Neue Folge, V* (1836), стр. 118. *Komárek*, Die polnische Kolonie der Hedéan in Böhmen, *ibid.*, VI Folge, томъ II (1869), стр. 4

²⁾ *Schaller*, Topographie des Königreich Böhmen. Prag 1785—92. I, 140 *Palacký*, *Dějiny*, I, 1, стр. 103, прим. 30 и 31. *Tomek*, *Dějepis m. P.*, стр. 6, прим. 10; *O Star. rozd. Čech*, вѣ *Časopis*, 1858, стр. 246, 249. *Wocel*, *Pravěk*, стр. 401.

³⁾ На томъ же самокъ мѣстѣ находился, по словамъ Козьмы, также городъ: *castrum, quod est situm in monte Osseca iuxta flumen Msam* (I, 27). По Далмилу, гл. 8, это былъ городъ Казинъ: *Kazé sodieše na Kaziné* (F. R. B, III 9). Сравни *Kalina v. Jäthenstein*, Ueber die muthmassliche Lage des Berges Osek am Flusse Mse, wohin Cosmas den Tumulus der Kazi verzetzt; вѣ *Abh. d. k. b. G. d. W.*, V Folge, томъ II, Sectionsber. стр. 8 слѣд. *Dobner*, *Ad. Ann. Hayec.*, II, 51, 53, 107 слѣд. *Tomek*, *Dějepis*, стр. 6, прим. 10 и стр. 37; *O star., rozd. Čech*, I, c., стр. 249, 251; *O panství rodu Slawnikowa w Čechách*, вѣ *Časopis* 1852, IV, стр. 50 слѣд. *Dobrowsky*, Ueber die Begräbnissart der alten Slawen überhaupt u. der Böhmen insbesondere, вѣ *Abh. d. b. G. d. W.*, II (1786), стр. 338 слѣд. *Комарскій*, О погребальныхъ обычаяхъ вѣмчскихъ славянъ. Москва 1868, стр. 98 слѣд.

⁴⁾ *Dobner*, о. с., II, 116 слѣд. *Schaller*, о. с., VIII, 31. *Tomek*, *Dějepis*, стр. 6, прим. 10; *O star. rozd. Čech*, I, c., 249, 251. *Wocel*, о. с., 402.

⁵⁾ *Dobner*, о. с., II, 112—117. *Schaller*, о. с. I, 172. *Kalina v. Jäthenstein*, Böhmens heidn. Opferplätze etc., I, c., стр. 106 слѣд. *Tomek*, *Dějepis*, I, c.; *O star. rozd. Čech*, I, c., стр. 246, 249, 251. *Wocel*, о. с., 403 сл.

зани съ древнѣйшею исторіей страны и чешскія народныя сказанія въ нихъ имѣють твердую топографическую точку опоры. Возникновение ихъ можетъ быть отнесено по крайней мѣрѣ къ началу VIII столѣтія.

Народное сказаніе строителями этихъ городовъ называетъ Крокъ и его трехъ дочерей, одаренныхъ сверхъестественными силами. На основаніи необычайныхъ свойствъ, приисываемыхъ имъ въ сказаніи ¹⁾, ихъ своеобразныхъ именъ, имѣющихъ именческій отглаголъ, которыя при томъ были перенесены также и на ихъ города, и въ виду того, что самые города сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, въ серединѣ страны,—сдѣланы были попытки происхожденіе этого сказанія объяснить миеологическимъ путемъ. Возможно, дѣйствительно, какъ полагаетъ Томекъ ²⁾, что гора Ринъ для чешскихъ племенъ и была тѣмъ, чѣмъ, по Гитмару Мерзебургскому, для славянъ въ Силезіи являлась Шоботка (Цобтенбергъ), именно мѣстомъ для большихъ богослужебныхъ празднествъ, въ которыхъ участвовалъ весь народъ. Мы рѣшаемся далѣе также не прямо отвергать, что означенные города, какъ старается доказать Ганушъ ³⁾, были мѣстомъ національныхъ святилищъ и что первоначальный политическій центръ Чехіи въ то же время являлся религіознымъ центромъ, такъ что въ князѣ срединной части воплощался не только глава-патріархъ всей страны, но и глава ея въ религіозномъ отношеніи. Исслѣдованіе этого вопроса привело бы, однако, всецѣло въ область миеологіи, такъ что мы должны отказаться отъ выясненія именческаго элемента разсматриваемаго сказанія. Мы ограничиваемся указаніемъ его очевиднаго сходства съ польскимъ сказаніемъ о Крокѣ: онъ приобретаетъ власть надъ поляками и, благодаря своимъ мудрымъ законамъ и строгому отиравленію суда, дѣлается благодѣтелемъ своего народа, который въ честь его строитъ городъ Краковъ; и у него трое дѣтей: два сына и дочь по имени Вапда, которая по смерти отца правитъ страпою ⁴⁾.

¹⁾ Оравни особенною относительно введенныхъ Тетей обмчась: *Орезнеоскій, Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ*. Карльовъ 1846, стр. 24, 28, 30, 33 слѣд., 56, 67, 70, 94. *Wocel*, о. с., стр. 363, прим. 2, стр. 377, 383.

²⁾ *Apologie*, стр. 44.

³⁾ *Hanuš, Der mythische Antheil, der in den Sagen von Čech, Krok, Libuše und Přemysl enthalten ist, въ Sitzungsberichte d. kgl. böhm. Ges. der Wiss. in Prag, 1866, I, стр. 28 слѣд.*

⁴⁾ *Hanus, l. c. в К. L. Krauss, Forschungen auf dem Gebiete der deutsch-slawischen Geschichte. Th. I. Zur Kritik des Kosmas v. Prag und der ältesten Geschichte Böhmens, с:р. 3.*

Въ четвертомъ сказаніи повѣствуется объ основаніи города Праги въ слѣдующихъ пророческихъ словахъ Любуши. „Вотъ, я вижу городъ, слава его доходитъ до небесныхъ свѣтилъ, невзрачное селеніе, находящееся въ лѣсу, въ тридцати миляхъ отсюда, омываемое волнами Вльтавы. Съ сѣвера его защищаетъ протекающій въ низкой долиніи ручеекъ Вруска, на югъ возвышается гора, которая, по причинѣ своихъ скалъ, называется Петринъ; послѣдняя извивается на подобіе дельфина или морской свиньи и тянется до означеннаго ручейка. Если вы туда придете, то посреди лѣса увидите человѣка, который готовитъ пороги для дома, и такъ какъ ближайшему порогу кланяются великіе владычины, то и вы, соответственно этому, городъ, который тамъ постройте, должны назвать Прагой“ (I, 9).

Историческое значеніе этого сказанія крайне ничтожное. Если отлагать въ сторонѣ описаніе мѣстоположенія Праги, которое, понятно, заимствовано изъ времени Козьмы, то для опредѣленія мѣстоположенія остается только этимологическое объясненіе названія города. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что, не смотря на вѣрное производство отъ слова прагъ (порогъ), объясненіе названія города все таки повято не вѣрно и что на него нельзя смотрѣть иначе, какъ на позднѣйшую неудачную попытку. Наибольшую правдоподобность слѣдуетъ признать за мнѣніемъ Пельцля ¹⁾, по которому это названіе объясняется положеніемъ города у водопада, который ручеекъ Вруска нѣкогда образовалъ въ Оленьемъ рвѣ. Прага, общераспространенное славянское слово, уже въ X столѣтіи было нѣвѣстно для обозначенія Днѣпровскихъ пороговъ; въ чешскомъ первоначально употреблялось праг, затѣмъ прагъ, послѣ же прагъ, но уже въ переносномъ смыслѣ (порогъ дома) ²⁾.

Сказаніе связываетъ основаніе Праги съ именемъ Любуши. Но

¹⁾ Ueber den Ursprung und Namen der Stadt Prag, въ *Neuere Abh. d. K. b.; G. d. W.*, томъ II-й (1795), стр. 112 слѣд.

²⁾ Мнѣніе Пельцля раздѣляетъ *Јанджамъ* въ его словарь. По мнѣнію *Томка*, *Dějepis města Prahy*, I, стр. 4, прим. 2, имя Прага происходитъ отъ прагити и обозначаетъ мѣсто въ лѣсу, вырубленное и очищенное для поселки. Одного мнѣнія съ нимъ *Јос. и Нерм. Јирѣтек*, *Die Echtheit der Königinhofer Handschrift. Prag 1862*, стр. 104, прим. 1. *Palacký*, *Dějiny*, I, 1, стр. 106, прим. 37 не высказывается опредѣленно. Въ послѣднее время этикъ вопросомъ занимались: *Калина в. Јатланштейн*, *Böhmen's heidn. Opferplätze*, I, с., стр. 329; *Коварск*, въ *Politik*, 1869, № 116 и 128; *М. Наттала*, есаветонъ въ *Politik*, № 187; *Ковба*, въ *Programm des deutschen Gymnasiums 1870*. Сравни объ этомъ также *F. Бенед*, *Staré věze hradu Pražského*, въ *Památky*, IX, 665 сл.

такъ какъ существованіе послѣдней какъ исторической личности вовсе не удостовѣрено, то становится очевиднымъ, что и этой сторонѣ сказанія нельзя придавать особеннаго значенія. На древнее азычское происхожденіе города во всякомъ случаѣ указываетъ сообщаемое Козьмой названіе возвышеннаго мѣста въ немъ Жижи: *in media urbe eminentior locus, qui dicitur Zizi* (I, 36) ¹⁾.

Въ пятомъ сказаніи описывается дѣвичья война. Дѣвушки страны, подобно амазонкамъ, владѣли оружіемъ, избирали себѣ предводительницъ и, какъ мужчины, занимались охотой. Черезъ это онѣ стали столь отважными, что на скалѣ, неподалеку отъ Прага, построили укрѣпленный городъ, который по себѣ называли Дѣвиномъ. Когда юноши увидѣли это, они очень озлились, собрались въ еще большемъ количествѣ и на другой скалѣ, которая отстояла не болѣе, какъ на трубный звукъ, построили городъ, носившій во времена Козьмы названіе Вышеграда, но который тогда, по причинѣ росшихъ тамъ кустарниковъ, называли Hrašten. Такъ какъ дѣвушки нерѣдко оказывались хитрѣе юношей, послѣдніе же иной разъ сильнѣе ихъ, то между ними постоянно чередовались война и миръ (I, 9).

Ясно, что и тутъ этимологическое толкованіе разореннаго города Дѣвина ²⁾ составляетъ главную основу этого страннаго или своеобразнаго сказанія. Произведено ли названіе просто отъ слова дѣва или отъ имени богини Дѣвы (Děva) ³⁾, историческое содержаніе сказанія отъ этого нисколько не увеличится. Оно ограничивается только Вышеградомъ: *urbs, quam moderni nuncupant Wissegrad, tunc autem ab arbustis traxerat nomen Hrašten* ⁴⁾, и находящимся напро-

¹⁾ *Tomek*, Pfbek o dobyté Prahy od knížete Oldřicha na Boleslawowi Chrabrém г. 1004 (въ *Sašoris* 1849, II), стр. 32, прим. 3, и *Dějepis* м. Р., I, 17 помогаетъ, что Жижи видѣть иенчское значеніе и что въ немъ сохранилась память о прежнемъ азычскомъ культѣ въ этомъ мѣстѣ. *Haniš*, *Děva zlatovalasá bohyně roňanských Slovanův* (въ *Abh. d. k. b. Ges. d. Wiss*, 11 Folge, томъ II), стр. 259 слѣд., и *Mythische Antheil*, I. c., стр. 31, старается доказать, что здѣсь было мѣсто религіознаго культа богини Дѣвы (Любуши) и Оватовята (Премьсли). Наконецъ *Wocel*, *Praček*, стр. 374 высказываетъ мнѣніе, что здѣсь поклонились Живѣ, богинѣ плодородія, римской Церерѣ, у литовцевъ Жива.

²⁾ *Tomek*, *Stará svědectví o hradu Dėwimu blíž Prahy*, въ *Sašoris*, 1846, стр. 730 слѣд. *Dějepis* м. Р., I, 5. *Wocel*, *Praček*, стр. 404.

³⁾ Уже *Tomek*, *Děj.* м. Р., I, 5, указалъ на вѣроятное иенчское происхожденіе имени. Сравни *Haniš*, *Děva*, I. c., стр. 272; *Myth. Anthoil*, I. c., стр. 29 слѣд. *Костомаровъ*, *Славянская миеология*, Кіевъ 1847, стр. 43.

⁴⁾ *Tomek*, I. c. высказываетъ предположеніе, что названіе Chwrašten только политическое прозвище и что городъ въ народахъ племахъ обозначался: *Wyšegrad chwrašten*, то-есть обросшій кустарникомъ.

тивъ его разоренный городомъ Дѣвиномъ. Намъ упоминаемые въ сказаніи о Крокѣ и его трехъ дочеряхъ города, такъ и приводимые въ двухъ послѣднихъ сказаніяхъ города — Прага, Вышеградъ и Дѣвиль — указываютъ на центръ страны чеховъ. Они свидѣтельствуютъ о постепенномъ сосредоточеніи этого племени и объ увеличивающемся его централизующемъ значеніи во всей странѣ.

О третьемъ сказаніи намъ приходится говорить только теперь, такъ какъ оно по своему происхожденію, несомнѣнно, болѣе позднее, чѣмъ два ему предшествующія. Сказанія о Крокѣ и его дочеряхъ, а также о Прагѣ и дѣвичьей войнѣ были тѣсно связаны съ упоминаемыми въ нихъ городами. Въ первомъ связывающее начало составляло воспоминаніе о сохранившихся памятникахъ, въ двухъ послѣднихъ разказъ выведенъ изъ объясненія имени. Между тѣмъ, въ третьемъ сказаніи мы встрѣчаемъ уже подробное преданіе въ родѣ тѣхъ, какія доходятъ до насъ въ народныхъ пѣсняхъ. Въ немъ описывается ядовольство народа приговоромъ Любуши и его желаніе имѣть князя. Посланцы Любуши и народа спѣшатъ въ Стадицы, на рѣкѣ Вилѣ, гдѣ они застаютъ Премисла нашущимъ, и пріѣтствуютъ его, счастливаго человека, какъ „князя богами предопредѣленнаго“. Послѣдній надѣваетъ на себя княжескую одежду и обувь и отправляется въ замокъ, гдѣ празднуетъ свое бракосочетаніе съ Любушей (I, 48).

И въ этомъ сказаніи мы находимъ три историческихъ момента; во первыхъ, упомянутый городъ Любуши; во вторыхъ, поле Премисла близъ Стадицъ: *est fluvius non adeo magnus nomine Belina, cuius super ripam dinoscitur esse villa nomine Stadici; hulus in territorio est novale unum, in longitudine et in latitudine XII passuum* (I, 5)¹⁾; въ третьихъ, наконецъ, обувь Премисла, которую показывали еще во времена Козьмы: *tullit secum suos coturnos ex omni parte consutos, quos fecit servari in posterum, et servantur Wissegrad in camera ducis usque hodie et in sempiternum* (I, 7)²⁾. Очевидно, что здѣсь историческій элементъ значительнѣе, чѣмъ въ двухъ предыдущихъ сказаніяхъ: не только одно имя Премисла связано съ тремя памятниками, но и послѣдніе опредѣляются гораздо точнѣе. Во то время какъ до сихъ поръ мы были ограничены въ центрѣ Чехіи, на области племени чеховъ, Стадицы указываютъ на болѣе отдаленную мѣстность, на область другого племени, вѣроятно лемузовъ. Приведеніе

¹⁾ F. Beneš, Stadice, въ Památky arch. a mist., VII (1886), стр. 36 слѣд.

²⁾ Dobner, I. c., 161. Palacký, Dějiny, I, 1, стр. 108, примѣч. 35.

этого мѣста въ связь съ замкомъ Любуши и хранящемуся въ Вышеградѣ обувью Премысла наводитъ на мысль, что обѣ области находились въ известнаго рода взаимныхъ внутреннихъ отношеніяхъ. Тутъ усматривается намекъ на распространеніе вліянія племени чеховъ за предѣлы первоначальнаго центра и на расширеніе его территоріи. Что это совершилось, какъ подѣствуетъ сказаніе, мирнымъ путемъ, черезъ брачный союзъ, въ этомъ вѣтъ ничего невѣроятнаго.

О степени мнѣющейся примѣси и въ этомъ сказаніи о Премыслѣ ¹⁾ между прочимъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что народная молва съ его именемъ связывала возникновеніе всѣхъ правовыхъ институтовъ; цѣлый рядъ событій, которыя во всякомъ случаѣ могли совершиться только въ теченіе болѣе долгаго періода, въ народномъ представленіи приурочиваются къ родоначальнику царствующаго дома. Самая рѣчь Любуши, въ которой она рисуетъ княжескую власть и на которую нерѣдко ссылался для опредѣленія внутреннихъ правовыхъ отношеній, не можетъ имѣть исторической основы: она даже и не входила въ составъ первоначальнаго сказанія, а вставлена Козьмой какъ риторическое украшеніе. Совокупленіе ея съ рѣчью Самуила къ народу, требующему отъ него царя, достаточно подтверждаетъ такого рода предположеніе.

Cosmas I, 5.

Aut si nescitis, quae sunt iura ducis, temptabo vobis ea verbis dicere paucis... Vos ipsos et ex vobis, quos sibi libet, alios servos, alios rusticos, alios tributarios, alios exactores, alios tortores, alios praecoena, alios cocos seu pistores aut molendinarios faciet. Constatuet etiam sibi tribunos, centuriones, villicos, cultores vinearum simul et agrorum, messorum segetum, fabros armorum, sutores fellium diversarum et coriorum. Filias vestros et filias in obsequiis suis ponet; de bubus etiam et equis siue equabus seu peccoribus vestris optima quaeque ad suum palatium tollet. Omnia vestra, quae sunt potiora, in villis, in campis, in vineis auferet et in usus suos rediget.

I Reges VIII, 11—17.

Hoec erit ius regis, qui imperaturus est vobis: Filios vestros tollet, et ponet in curribus suis, facietque sibi equites et percursores quadrigarum suarum, et constituet sibi tribunos, et centuriones, et oratores agrorum suorum, et messorum segetum, et fabros armorum et curra suorum. Filias quoque vestras faciet unguentarias, et focarias, et panificas. Agros quoque vestros, et vineas, et oliveta optima tollet, et dabit servis suis. Sed et segetes vestras, et vinearum redditus addecimabit, ut det eunuchis et famulis suis. Servos etiam vestros, et ancillas, et iuvenes optimos, et asinos auferet, et ponet in opere suo. Greges quoque vestros addecimabit, vosque eritis ei servi.

¹⁾ Ораваи Наниѣ, I. с.; Краусе, I. с.

Въ этомъ описаніи нѣкоторыя черты могли бы относиться развѣ до самаго времени Козьмы, какъ то явствуетъ изъ сопоставленія съ другими мѣстамъ въ его времена, гдѣ онъ изображаетъ современные ему нравы.

I, 5.

Ad cuius vocem praecipio pavore
vix respondebitis: ita domine, ita do-
mine!

III, prol.

Homines neophiti atque itaci, qui ad
vocem ducis nihil aliud tam promp-
tum in ore habent quam: ita domine,
alius: ita est, domine, tertius: ita fac
domine.

Въ 6-мъ послѣднемъ сказаніи описывается борьба князя лучавъ Властислава съ княземъ чеховъ Неклаюмъ. Первый тѣснилъ чеховъ и построилъ противъ нихъ, на границѣ провинцій Вѣлны и Лотомеричей, городъ, который наименовалъ Властиславомъ. Предводитель войска чеховъ Тыръ, однако, побѣдилъ князя лучавъ въ кровопролитной битвѣ на полѣ Турско, причеъ какъ онъ, такъ и Властиславъ пали. Затѣмъ Некланъ вторгся въ землю лучавъ, опустошилъ ее, не находя никакого отпора, разоралъ города и сжегъ селенія. Малолѣтняго сына Властислава онъ пощадилъ и велѣлъ ему выстроить на равнинѣ городъ, названный Драгушъ. Олекунъ юноши убилъ его, въ надеждѣ снискать себѣ милость Неклана, но былъ однако за это имъ казненъ (I, 10—13).

И тутъ мы имѣемъ дѣло со сказаніемъ, какъ это Козьма самъ обозначаетъ: *ut fama referente audivimus* (I, 10). Здѣсь много сплетенъ съ исторіей, но въ то же время замѣчается значительное усиленіе историческаго элемента. Историческіе моменты слѣдующіе: 1) города Лъвий Градецъ ¹⁾, Властиславъ ²⁾ (I, 10) и Драгушъ (I, 13) ³⁾; 2) самуръ, qui dicitur Tursko (I, 10, 12) ⁴⁾; 3) надгробный холмъ Тира на полѣ Турско: *unde et hodie nominatur militis aserrimi bustum Tyri* (I, 12) ⁵⁾; 4) ольха, на которой повѣ-

¹⁾ *Dobrowsky*, *Kritische Versuche*, въ *Abh. d. k. b. G. d. W.*, I (1808), стр. 95.—*Tomek*, *Dějepis m. P.*, стр. 6, примѣч. 10; *O star. rozd. Čech*, I, c., стр. 249. — *Wocel*, *Pravěk.*, стр. 406 слѣд.

²⁾ *Schaller*, I, c., V, стр. 86.—*Kalina v. Jäthenstein*, B. h. O., I, c., стр. 148 слѣд. — *Tomek*, *O st. rozd. Čech*, въ *Časopis* 1859, стр. 182. — *Wocel*, *Pravěk*, стр. 406.

³⁾ *F. Beneš*, *Postoloprty-Draguš*, въ *Památky*, VIII (1868), стр. 136 слѣд. — *Tomek*, *O st. rozd. Čech*, въ *Časopis* 1858, стр. 496.

⁴⁾ *Schaller*, I, c., I, 221.—*Tomek*, I, c., стр. 249, 493.

⁵⁾ *Dobner*, I, c., III, 106, 108. — *Dobrowsky*, *Begräbnissart der alten Slaven* и т. д., стр. 340. — *Kalina v. Jäthenstein*, I, c., стр. 215.—*Котляревскій*, *О погребальныхъ обрядахъ языческихъ славянъ*, стр. 98 слѣд., 136.

силъ сербъ, убійца сына Властислава: unde alius illa quamdiu non cecidit, quia iuxta viam erat, dicta est alius Durinci (I, 13); 5) наконецъ, въ битвѣ участвуютъ какъ племена чеховъ и лучанъ, такъ и duae provinciae Belina et Lutomerici (I, 10) ¹⁾. И такъ сказаніе имѣетъ весьма богатое историческое содержаніе. Уже въ сказаніи о Премыслѣ сохранившіеся памятники выходили за границы племени чеховъ, заставляя предполагать существованіе сношеній между ними и племенемъ лемузовъ въ провинціи Вѣлннѣ. Топографическія данныя разсматриваемаго сказанія не только это подтверждаютъ, но кромѣ того, рядомъ съ лемузами, указываютъ также и на лютомирцевъ, какъ союзниковъ чеховъ. Встрѣчающіяся топографическія указанія далѣе приводятъ насъ въ область лучанъ, гдѣ чехи построили городъ Драгушъ для усиленія своего владычества. Еще во времена Козьмы племя это отличалось надменнымъ воинственнымъ духомъ ²⁾. И для вѣстности, гдѣ произошла битва между обоими племенами, указанія весьма точны: это поле Турско, находящееся въ разстояніи 2 стадій отъ твердыни Лѣваго Градца, на которомъ еще во время Козьмы былъ видѣнъ курганъ Тыра. Такимъ образомъ несомнѣнно видно, что племя чеховъ приобрѣтало все большую власть въ странѣ и сосѣднимъ племена подчинило своему вліянію. Что подчиненіе лучанъ, какъ повѣствуетъ сказаніе, произошло посредствомъ меча, въ этомъ нѣтъ ничего не возможнаго. Важное значеніе этой борьбы, если сравнить ее съ мелкими распрями съ сосѣдними племенами, могло быть причиною, что сказаніе о томъ получило большое распространеніе и сохранилось до времени Козьмы.

Помимо богатаго историческаго содержанія, въ сказаніи замѣчается также и присутствіе мифическаго элемента. На него прежде всего указываетъ самая основная мысль языческаго характера сказанія о гибѣлѣ боговъ, отвернувшихся отъ побѣдоносныхъ лучанъ и склонившихся на сторону чеховъ. Мифическаго происхожденія, далѣе, мысль о вліяніи демоническихъ силъ и представленіе о тучѣ птицъ, затемняющей воздухъ ³⁾. Наконецъ, и самое построеніе яли стль

¹⁾ *Tomek*, O st. rozd. Čech, въ *Časopis* 1859, стр. 182. Сравни *Jireček*, *Slov. pravo*, I, 45, 51—53; *Recht* in *B. u. M.*, I, 16, 19, 20.

²⁾ *Dux Lucensis, ferocissimus mente, cum superbissima gente, quibus et hodie a malo innatum est superbire* (I, 12).

³⁾ О мифическомъ элементѣ сказанія говорить *Kowárek*, *Verhältnis des Gedichtes Čestmír der König. Handschrift zur Geschichte und Kritik der Neclansage*, въ *Sitzungsb. d. k. b. G. d. W. in Prag*, 1868, II, стр. 4 слѣд. Сравни также *Wiener Jahrbücher*, VI, стр. 159.

разказа указываетъ, какъ и въ сказаніи о Премислѣ, что въ основѣ его лежала эпическая пѣсня ¹⁾.

До сихъ поръ мы, по мѣрѣ возможности, стремились опредѣлить историческое начало каждаго сказанія. Но кромѣ этихъ сказаній, у Козьмы для IX столѣтія можно прослѣдить еще другой элементъ, каковымъ является родословная царствующихъ князей изъ дома Премисловичей. Родословная начинается съ Премисла и идетъ до Борнвоа, принявшаго христіанство. Первоначально она была во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ сухой именной списокъ князей, который Козьма, со свойственной ему манерой, разукрасилъ и передалъ намъ въ нижеслѣдующемъ видѣ:

Premisl iam plenus dierum
postquam iura instituit legum,
quem coluit vivus ut deum,
raptus est ad Cereris generum.
Cui Nezamisl successit in regnum.
Hunc ubi mors rapuit,
Menata principales
obtinuit faeces.
Quo decedente ab hac vita,
Vogen suscepit rerum gubernacula.
Huius post fatum
Uneslau rex it ducatum.
Cuius vitam dum rumpunt Parcae,
Crezomisl locatur sedis in arce.
Hoc sublato e medio,
Necian ducatus potitur solio.
Hic ubi vita decessit,
Gostivit throno successit (I, 9).

О всѣхъ этихъ князьяхъ онъ ничего не можетъ сообщить, quia non erat illo in tempore, qui stilo acta eorum commendaret memoriae; sed aileamus de quibus ailetur. Немногія слова, которыя онъ въ состояніи о нихъ сказать, только выраженія общаго характера, вдобавокъ заимствованныя отъ Саллюстія:

Cosmas I, 9.

Horum igitur principum de vita neque et morte ailetur, tam quia ventri et somno dediti, inculti et indocti assimilati sunt pecori, quibus profecto contra naturam corpus voluptati, anima fuit oneri.

Sallustius (De conj. Cat., c. 2).

Sed multi mortales, dediti ventri atque somno, indocti incultique vitam sicuti peregrinantes transiere: quibus profecti contra naturam corpus voluptati, anima oneri fuit. Eorum ego vitam mortemque iuxta aestumno, quoniam de utroque ailetur.

¹⁾ Сравни Jos. u. Herm. *Jireček*, Die Echtheit der Kőpiginhofer Handschrift. Prag 1862, стр. 103 и слѣд.

Отозвавшись въ такомъ смыслѣ объ означенныхъ князьяхъ, Козьма оканчиваетъ родословную ихъ:

Gostivit autem genuit Borivoj (I, 10)

и въ короткихъ словахъ сообщаетъ о принятіи послѣднимъ св. крещенія. Затѣмъ онъ свое повѣствованіе продолжаетъ: *Nec superfluum esse iudicavimus, quod referente fama audivimus, huic operi nostro hoc in loco summam literarum apicibus inserere bellum etc*; это сказаніе о Некланѣ, о которой рѣчь была выше. Врядъ ли можетъ быть оспариваемо, что Козьма тутъ черпалъ свои извѣстія изъ разныхъ источниковъ: съ одной стороны онъ передаетъ намъ сухой списокъ князей, съ другой же сообщаетъ подробныя сказанія. Лучшимъ доказательствомъ тому, какъ мало онъ стѣмѣлъ слить эти оба источника, является сказаніе о Некланѣ, которое онъ вставляетъ уже послѣ того, какъ сообщилъ о крещеніи Боривою, относящемся къ позднѣйшему времени.

Списокъ князей, вѣроятно, былъ составленъ по введеніи въ Чехію христіанства ¹⁾. Въ немъ никакъ нельзя усматривать особое народное сказаніе, такъ какъ въ сказаніи мы никогда не встрѣтимъ сущаго перечисленія именъ, но неизмѣнно вѣическое изображеніе отдѣльныхъ выдающихся событій. Списокъ этотъ несомнѣнно имѣетъ большое значеніе для древнѣйшей исторіи Чехіи, представляя собой прочную основу, которая подкрѣпляетъ историческія указанія, содержащіяся въ передаваемыхъ Козьмой сказаніяхъ. Онъ намъ сообщаетъ весь рядъ правителей изъ рода чеховъ, начиная съ Премысла, который такимъ образомъ является первою удостовѣренной исторіею личностью.

Итакъ, вся страна, по Козьмѣ, въ древнѣйшее время распадалась на различныя племена ²⁾. Центръ уже въ раннее время составляло племя чеховъ, имѣвшее въ принадлежавшей ему области многочисленныя города. Удостовѣренный рядъ князей этого имени начи-

¹⁾ По мнѣнію *Томка*, *Apologie*, I. c., стр. 14 слѣд., можетъ быть, еще раньше рунами. Сравни *Нармъ*, *Einführung des Schriftthums in Böhmen in der Zeit des Ueberganges des Heidenthums in's Christenthum*, въ *Sitzungsb. d. k. b. G. d. W. in Prag*, 1887, I, стр. 62 слѣд.

²⁾ Названія племенъ намъ известны главнымъ образомъ изъ грамоты Пражскаго епископства отъ 1086 г., на которой мы подробно впоследствии остановимся. Сравни *Kropf*, *Die älteste Eintheilung des Landes Böhmen*, въ *Jahrbücher d. böhm. Mus. für Natur- und Länderkunde, Gesch., Kunst u. Lit.*, 1880, стр. 387 слѣд. *Томекъ*, *O stárem rozdělení Čech na řupy a pozdějším na kraje*, въ *Časopis* 1858, стр. 222 слѣд., 327 слѣд., 476 слѣд.; 1859, стр. 167 слѣд.

нается съ Премисла, который, повидимому, былъ основателемъ новой династии. При немъ и его преемникахъ вліяніе чеховъ распространилось на сосѣднія племена, частью мирнымъ путемъ, частью силой оружія. Это, въ краткихъ словахъ, историческій элементъ въ изложеніи Козьмы древнѣйшей чешской исторіи, на сколько онъ опирается на историческія данныя. Города, упоминаемые въ передаваемыхъ имъ сказаніяхъ, частью сохранились до нашего времени, частью же можно распознать остатки или развалины ихъ, что намъ даетъ право заключить о прежнемъ существованіи также и немногихъ не сохранившихся. Изложенію Козьмы, наконецъ, нисколько не противорѣчатъ указанія нѣмедскихъ источниковъ, *Annales Fuldenses* и Регинона.

Инымъ представляется вопросъ о томъ, какъ Козьма передалъ мненчскій элементъ сказаній. Нельзя не признать, что въ его изложеніи сказанія утратили много изъ своего первоначальнаго народнаго характера. Онъ любитъ блеснуть своей ученостью, причемъ образцами краснорѣчія и риторическаго стиля ему служатъ древніе писатели. Пытался придать своему разказу мненчскій колоритъ, Козьма обращается къ классической древности и славянскій божества замѣняетъ греческими и римскими. Странно поражаетъ, когда древніе чехи выступаютъ въ римскомъ облаченіи и произносятъ рѣчи, взаимствованныя изъ Саллюстія и Ветхаго Завѣта. Въ подобныхъ рѣчахъ не столько отражается личность ихъ произносящаго, сколько самого историка, который по своему образованію далеко превосходилъ своихъ современниковъ. Самое ядро сказаній, въ основѣ которыхъ лежатъ исторически удостовѣренные факты, Козьма, безъ сомнѣнія, передалъ намъ согласно истинѣ, но въ деталяхъ ихъ изложенія не замѣтно простаго отпечатка народнаго сказанія; напротивъ, онѣ отражаютъ тонкости школьной учености его времени.

Оцѣнка исторіи Чехіи до X вѣка, въ изложеніи Козьмы, могла быть установлена только посредствомъ тщательной внутренней критики сообщаемыхъ имъ извѣстій. Совершенное отсутствіе какихъ-либо другихъ источниковъ касательно внутренняго состоянія Чехіи лишило насъ возможности сравнить его хронку съ другими извѣстіями. За то со времени крещенія Боривоя критика становится уже болѣе вышней, такъ какъ мы тутъ въ состояніи не только проверить его извѣстія по другимъ сообщеніямъ, но отчасти даже сравнить ихъ съ тѣми источниками, которыми онъ самъ пользовался. Для древнѣйшаго христіанскаго періода, то-есть X столѣтія, у него нѣтъ, по его же словамъ, какъ письменныя извѣстія, такъ и устныя преданія. „Теперь

я намѣренъ", выражается онъ относительно послѣднихъ, „очинить мое неулюбое, но добронамѣренное перо для описанія замѣчательныхъ событій, удостовѣренныхъ правдивымъ разказомъ истружскихъ" (I, 13). Но и тутъ Козьма строго отличаетъ устные преданія X вѣка отъ преданій XI вѣка и соответственно этому отъ 1-й книги ко 2-й переходитъ со слѣдующими словами: „Но такъ какъ, по изреченію св. Иеронима, иначе разказываешь то, что слышалъ, и иначе, что вымышлено, и что лучше знаешь, то и лучше излагаешь, то мы теперь имѣемъ въ мысляхъ, съ Божьей и св. Адальберта помощью, разказывать то, что сами видѣли или же отъ очевидцевъ за достовѣрное узнали" (I, 42). Вполнѣ надежными устными преданіями могли становиться, конечно, лишь по мѣрѣ приближенія событій въ его времени и когда онъ имѣлъ возможность опираться на сообщенія очевидцевъ. Врядъ ли подлежитъ сомнѣнію, что для христіанскаго періода Козьма долженъ былъ имѣть сравнительно богатый источникъ, изъ котораго онъ заимствовалъ хронологическія указанія, встрѣчаемыя въ его хроникѣ. Прежде всего тутъ, конечно, долженъ быть принимаемъ во вниманіе матеріалъ, который онъ не могъ не найти въ соборѣ св. Вата въ Прагѣ.

Въ всякомъ случаѣ при епископскомъ соборѣ велись некрологи, въ которыхъ отмѣчались, во-первыхъ, дни кончины епископовъ, ватѣмъ царствующихъ князей и членовъ княжескаго дома. На самомъ дѣлѣ у Козьмы видны слѣды подобнаго рода источника; первая извѣстія; имъ оттуда заимствованныя, суть годы кончины св. Вячеслава (I, 17) и Болеслава I (I, 21).

Съ цѣлью убѣдиться, на сколько добросовѣстно Козьма пользовался означенными источниками, то-есть какія выдержки онъ отсюда сдѣлалъ, мы подвергли немногіе сохранившіеся до нашего времени чешскіе некрологи тщательному разсмотрѣнію, причемъ оказалось, что въ данномъ случаѣ можетъ быть принято во вниманіе только *Necrologium Bohemicum*¹⁾. Некрологъ дошелъ до насъ въ рукописи XII столѣтія, хранящейся въ Вѣнской придворной библиотекѣ и принадлежавшей прежде Опатовицкому монастырю; некрологъ написанъ на поляхъ мартиролога рукою одного и того же переписчика. Онъ доведенъ до 1167 года и, очевидно, получилъ начало не въ означенномъ монастырѣ, такъ какъ въ немъ не встрѣчается ни одной замѣтки,

¹⁾ Иадакъ Добнеромъ, *Monum. hist. Bohemiae III*, p. 9—16, съ предисловіемъ, p. 1—6.

которая относилась бы къ монастырю. Главное вниманіе въ немъ, напротивъ, обращено съ одной стороны на событія, касающіяся всей Чехіи, съ другой же въ частности Праги. Эти замѣтки въ некрологѣ вратцѣ слѣдующія: 1) годы кончины всѣхъ чешскихъ князей съ Вратислава I до Владислава I († 1125), за исключеніемъ св. Вячеслава, а также Болеслава I, II и III; 2) годы кончины многихъ другихъ членовъ княжескаго дома, имена которыхъ частью извѣстны только изъ этого некролога; 3) годы кончины почти всѣхъ пражскихъ епископовъ до Данила († 1167); 4) годы кончины 4 моравскихъ епископовъ; 5) годы кончины 3 другихъ епископовъ; 6) годы кончины 14 протоіереевъ, изъ числа которыхъ одни, какъ доказано, принадлежали къ Пражской, Вышеградской и Болеславской церквамъ, между тѣмъ какъ относительно другихъ не извѣстно, состояли ли они также при этихъ церквахъ; 7) годы кончины 3 декановъ, изъ которыхъ 1 или 2 принадлежали къ Пражской церкви, третій же не извѣстевъ; 8) годы смерти 13 канониковъ, изъ которыхъ 2 несомнѣнно принадлежали къ Пражскому соборному капитулу; 9) годы смерти 5 аббатовъ; 10) годы смерти 3 аббатисъ, которыя были, очевидно, настоятельницами монастыря св. Георгія въ Прагѣ; 11) годы кончины разныхъ другихъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя по крайней мѣрѣ, какъ то можно доказать, принадлежали къ Пражскому соборному капитулу* 4).

На основаніи приведенныхъ датъ мы приходимъ къ заключенію, что источникъ *Necrologii Bohemici* весьма древній и, какъ видно, доходить до первой половины X столѣтія; янъ въ какомъ другомъ некрологѣ мы не встрѣчаемъ столь богатыхъ свѣдѣній о годахъ кончины болѣе раннихъ князей. Некрологъ, очевидно, былъ самостоятельнымъ синодикомъ, до насъ не дошедшимъ, въ который вписывались годы смерти современниковъ. Первоначально синодикъ могъ существовать только въ Прагѣ, при соборѣ св. Вита, такъ какъ съ одной стороны только учрежденіе этой церкви и состоявшаго при ней капитула

* Любопытна также въ некрологѣ замѣтка: V. Kl. Novembr. Nis interfecti sunt Urgenses. Dobner (l. c., p. 15, adn. g) и Hirsch (Jahrb. d. d. B. u. Heinrich II, томъ I, стр. 449) того мнѣнія, что замѣтку эту слѣдуетъ свести съ извѣстіемъ Ковымъ (I, 37): A. 1003. Nis interfecti sunt Wrismowici. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что Urgenses не болѣе, какъ искаженное чтеніе Urgewici. Но все-таки оба извѣстія не могутъ быть отождествлены, такъ какъ убіеніе Вершовичей и другихъ знатныхъ людей произошло въ 1003 году, на смр-ной недѣлѣ (Thietmar, V. 18); замѣтку некролога слѣдуетъ отнести скорѣе къ катастрофѣ 1108 года.

относится къ столь раннему времени, тогда какъ съ другой всё со-общаемыя въ некрологѣ извѣстія вообще указываютъ на Пражскій соборъ. Мы поэтому не думаемъ ошибаться, признавая *Necrologium Bohemicum* за выписку изъ древняго синодика Пражскаго собора св. Вита. Что въ данномъ случаѣ *Necrologium Bohemicum* не можетъ быть разсматриваемо, какъ первоначальный синодикъ, а лишь какъ выписка или выдержка изъ такового, между прочимъ, видно уже изъ того обстоятельства, что въ немъ указаны годъ кончины Братислава I, тогда какъ для св. Вячеслава, Болеслава I, II и III такихъ указаній не имѣется.

Итакъ, до насъ дошли двѣ выдержки изъ древняго пражскаго синодика, изъ которыхъ одна сохранилась въ хроникѣ Козьмы, другая въ такъ называемомъ *Necrologium Bohemicum*. Ниже мы приводимъ мѣста, заимствованныя Козьмой изъ этого источника, сопоставляя съ ними, для сравненія, соответствующія извѣстія, которыя встрѣчаются въ *Necrologium Bohemicum*:

<i>Cosmas.</i>	<i>Necrologium Bohemicum.</i>
IV Kalend. Octobris sanotus Wencozlaus, dux Boemiorum (I, 17). Idus Iulii dux Bolezlaus (I, 21). 4 Non. Ian. praesul Dethmarus (I, 24).	III Non. Ian. Detmarus episcopus Pragensis.
IX Kalendas Maii praesul Adalbertus (I, 31).	III Idus Iunii Tegdagus episc. Prag eccl.
IV Idus Iunii Teadagus tertius episcopus Pragensis ecclesiae (I, 39).	VI Id. Aug. Ekardus ep. Prag.
VI Idus Augusti Occardus quartus episcopus Pragensis ecclesiae (I, 40).	III Kal. Febr. Iczo episcopus Pragensis ecclesiae.
III Kal. Februarii Izzo quintus episcopus Pragensis ecclesiae (I, 41).	V Idus. Nov. Odalricus dux.
V Idus Novembris dux Ondalricus (I, 42).	II Non. Nov. Iaromir dux.
Pridie Nonas Novembris dux Iaromir (I, 42).	III Idus. Ian. Bracizlaus dux.
IV Idus Ianuarii dux Bracizlaus (II, 13).	III Non. Aug. Iudita ductrix.
IV Nonas Augusti Iudita, coniux Bracizlavi, ductrix Boemorum (II, 17).	V Kl. Febr. Spitigneus dux.
V Kal. Februarii dux Spitigneus (II, 17).	
VI Kal. Februarii ductrix Adleyth (II, 20).	

XIII Kal. Decembris Wratizlaus
(I, 20).

V Idus Decembris Severus sextus.
Pragensis ecclesiae episcopus (II,
21).

XVIII Kal. Decembris Marcus
praepositus Pragensis ecclesiae (II, 26).

VIII Kal. Ian. Iuditha, coniux
Wladizlai, ducis Poloniorum (II, 36).

V Idus Iunii Otto, dux Moraviae
(II, 38).

VI Kal. Iulii praesul Gebardus
(II, 41).

III Idus Augusti Bolezlaus filius;
regis Wratizlai (II, 43).

XIX Kal. Februarii rex Wratiz-
laus (II, 50).

VIII Idus Sept. dux Chounradus
(II, 50).

XIII Kl. Dec. Wratizlaus filius regis
Wratizlai.

V Id. Dec. Severus ep. Prag. eccl.

XVIII Kl. Dec. Marcus prepositus.

V Idus Iunii Otto dux Morav.

VI Kl. Iulii Gebardus episc. Prag.

III Idus Aug. Bolezlaus filius regis
Uuratizlai.

XVIII Kl. Febr. Wratizlaus dux.

VIII Idus Sept. Konradus dux B.

Согласованіе извѣстій Козьмы и означеннаго некролога въ приве-
денныхъ выше случаяхъ ясно до очевидности. Единственныя встрѣ-
чающіяся отступленія, три числомъ, заключаются въ томъ, что пер-
вый приводитъ: III Idus Iunii, III Idus Augusti и XVIII Kal. Febru-
arii, тогда какъ въ некрологѣ въ соответствующихъ мѣстахъ зна-
чатся: III Idus Iunii, III Idus Augusti и XVIII Kal. Februarii. От-
ступленія эти настолько не значительны, что нѣтъ надобности на
нихъ останавливаться: по всей вѣроятности они являются погрѣш-
ностями переписчика, тѣмъ болѣе, что Necrologium Bohemicum со-
хранилось только въ одномъ спискѣ. За то изъ сравненія становится
яснымъ, что Козьма добросовѣстно пользовался пражскимъ синоди-
комъ и сдѣлалъ оттуда дословныя выписки. Имена и дни кончинъ
имъ не вымышлены, въ чемъ его обвиняли, но добросовѣстно заим-
ствованы изъ имѣвшагося у него источника. Единственный упрекъ,
который можетъ быть сдѣланъ Козьмѣ, тотъ, что онъ не вполне вос-
пользовался встрѣчающимися въ некрологѣ указаніями, такъ какъ
даже повиднѣйшій Necrologium Bohemicum еще содержитъ извѣстія,
которыя Козьма не счелъ нужнымъ занести въ свою хронику ¹⁾.

Далѣе, весьма вѣроятно, что помимо некрологовъ, при Пражской

¹⁾ По извѣстію Мейнера, 1. с., стр. 28, Козьма будто бы также воспользовался некрологами монастырей въ Брноуэ и Мальникѣ, въ чемъ имъ, однако, не можеть
убѣдиться.

соборной церкви велись также и списки епископовъ. Въ нихъ во всякомъ случаѣ отмѣчались день и годъ посвященія и рукоположенія епископовъ. Начало такого рода списковъ не можетъ быть отнесено ранѣе, какъ къ послѣднимъ годамъ X столѣтія, ко времени св. Адалберта, а еще болѣе вѣроятно—третьяго пражскаго епископа Теадага. Подтверженіе нашего предположенія мы видимъ въ томъ, что Козьма о первомъ пражскомъ епископѣ не даетъ намъ точныхъ свѣдѣній, за исключеніемъ заимствованнаго имъ изъ некролога дня кончины, какъ и вообще всѣ сообщаемыя имъ относительно этого епископа, а также св. Адалберта хронологическія даты совсѣмъ не вѣрны. О значеніи рассматриваемаго теперь источника для двухъ первыхъ епископовъ рѣчь будетъ ниже. Вполнѣ надежнымъ онъ становится лишь съ третьяго епископа и, начиная съ него, Козьма, очевидно, заимствовалъ отсюда для своей хроники слѣдующія извѣстія:

Anno dom. inc. 998 Nonis Iulli consecratus est Teadagus (I, 31).

Anno dom. inc. 1018 successit Heccardus praesul (I, 39).

Izzo ordinatus est anno dom. inc. 1023, IV Kal. Ianuarii ab archiepiscopo Maguntino (I, 40).

Anno dom. inc. 1031 sanctorum apostolorum Petri et Pauli in natalitio ordinatus est Severus episcopus a Maguntino archiepiscopo (I, 41).
Къ сожалѣнію, далѣе мы не можемъ прослѣдить вліяніе первоначальнаго пражскаго списка епископовъ на Козьму или, другими словами, сдѣланныя имъ отсюда заимствования; сообщаемый Добверомъ ¹⁾ списокъ не болѣе какъ позднѣйшая компиляція XVI столѣтія. И при Ольмюцкой (епископальной) церкви велся подобный же списокъ, который и донинѣ сохраняется (*Granum Catalogi episcoporum Olomucensium*).

Наконецъ, Козьма, безъ сомнѣнія, имѣлъ еще другой историческій источникъ, весьма важный для хронологіи, именно annali или лѣтописи. Самъ онъ прямо указываетъ на него, въ предисловіи къ I-ой книгѣ, обращаясь къ магистру Гервасію словами: *Annos autem dominicae incarnationis idcirco a temporibus Borivoi primi ducis catholice incarnationis coepi, quia in initio huius libri nec fingere volui nec croniam reperire potui, ut, quando vel quibus gesta sint temporibus scirem, quae ad praesens recitabis in sequentibus.* Итакъ, начиная со времени князя Боривоа, у Козьмы, по его собственному свидѣтельству, имѣлась лѣтопись „для того, чтобы знать когда и въ какое

¹⁾ I. с., стр. 37—39.

время происходили событія⁴. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ данномъ случаѣ должны быть принимаемы во вниманіе анналы, которые были записаны также при кафедральномъ соборѣ Чехіи, такъ какъ только въ нихъ именно Козьма и могъ найти необходимыя для его историческаго труда хронологическія данныя. Въ виду того, что вопросъ о чешскихъ анналахъ въ литературѣ въ общемъ остался недостаточно освѣщеннымъ, мы полагаемъ своей обязанностью подробнѣе остановиться на возникновеніи древнѣйшихъ анналовъ въ Чехіи и уяснить ихъ отношеніе къ чужеземнымъ анналамъ.

До насъ, во первыхъ, дошли краткіе чешскіе анналы, извѣстные подъ названіемъ *Annales Pragenses* ¹⁾. Встрѣчаются они въ одной рукописи Бамбергской бібліотеки. Самая рукопись содержитъ, между прочимъ, анналы итальянскаго монастыря *La Saava*, несомнѣнно итальянскаго письма; рядомъ съ ними приписаны нѣмецкимъ письмомъ начала XIII ст. чешскіе анналы, съ интерполяціями и замѣтками изъ другихъ нѣмецкихъ анналовъ. Издатель ихъ Перцъ ²⁾ и послѣ него Дюшлеръ ³⁾, Вюдингеръ ⁴⁾, Ваттенбахъ ⁵⁾, Дудикъ ⁶⁾ и, наконецъ, издатели польскихъ анналовъ Рёпелъ и Аридтъ ⁷⁾ считали эту редакцію копіей древнихъ пражскихъ анналовъ и поэтому приписывали ей большое значеніе въ историческомъ отношеніи. Ваттенбахъ относительно нихъ высказывается слѣдующимъ образомъ: „Можетъ быть, въ одиннадцатомъ столѣтіи стали вести въ Пражской церкви анналы, которые съ 997 г. становятся надежными, хотя и не безъ ошибокъ; немногія хронологическія числа болѣе ранней исторіи Чехіи отъ 894 до 968 были дополнены по сложному исчисленію и всё безъ исключенія не вѣрны

¹⁾ Изданіе въ *MM. G. SS.* III, 119—121; *Fontes rer. Boh.*, II, 376—380.

²⁾ *l. c.*, p. 119: *Annales Pragenses quidem tunc ex codice antiquiori desumptos esse, annotationum ratio indicat; quarum cum annalibus Corbeiensibus et fontibus Cosmae monachi Sassawensis necessitudo, partem primam decimo seculo adsignat.*

³⁾ *De Bohem. condicione Carolis imp.*, p. 17, adn. 2: *Quamquam codex horum annalium saeculo demum XIII scriptus est, tamen quin ei saeculo iam decimo ineunte componi coepti sint, vix in dubium venire potest. Vitius autem in temporum rationum commissis minime vacant.—p. 19, adn. 8: in dubium vocari vix potest, quia (Cosmas) ex fonte annalium Pragensium eodem anno inchoantium hauerit, sed ex codice eorum nonnullis locis a nostris discrepante.*

⁴⁾ *Oesterr. Gesch. bis zum Ausgange des XIII J.*, томъ I.

⁵⁾ *D. G.* II, 162, 163. *Die Slawische Liturgie in Böhmen*, въ *Abh. der hist.-phil. Gesellschaft in Breslau*, томъ I (1857 г.), стр. 228.

⁶⁾ *M. G.*, IV, 168.

⁷⁾ *Annales Poloniae*, къ *MM. G. SS.* XIX. 576.

И дагѣ анналы не имѣютъ слишкомъ большаго значенія и не написаны всегда одновременно¹⁾. По мнѣнiю Ваттенбаха, Козьма этими анналами воспользовался для своей хроники²⁾. Въ прямой противоложности къ предположенiю Ваттенбаха, Кёнке³⁾ старается доказать что Козьма не только не дѣлалъ выписокъ изъ этихъ анналовъ, но что они, наоборотъ, представляютъ собою позднѣйшую компиляцію изъ хроники Козьмы. Къ нему присоединяются Томекъ⁴⁾ и Эндеръ⁵⁾.

Хотя мы и не находимъ возможнымъ согласиться со всѣми объясненiями Кёнке, мнѣнiе его однако въ существенномъ вѣрно. Сохранившiеся *Annales Pragenses* дѣйствительно не болѣе какъ позднѣйшая компиляція начала XIII ст., что доказывается нижеслѣдующими соображенiями. Прежде всего, мы въ анналахъ до 1125 г. находимъ исключительно такіа извѣстiя, которыя встрѣчаются и у Козьмы, и ни одного указанiя сверхъ того. Притомъ еще то обстоятельство наводитъ на сомнѣнiе, что Козьма различныя хронологическія даты сообщаетъ положительно правильно, между тѣмъ какъ въ его мнимои источникѣ, *Annales Pragenses*, онѣ приводятся безусловно ошибочно. Такого рода отступленiя или вѣрнѣе погрѣшности мы встрѣчаемъ въ анналахъ подъ годами 931, 1036, 1054, 1066, 1069, 1087, 1094, 1096, 1097 и 1118. Дагѣ совершенно не понятно, какъ могло случиться, что хроника самого Козьмы въ первой книгѣ содержитъ гораздо больше хронологическихъ датъ по исторiи Чехiи, нежели встрѣчается въ анналахъ. Слѣдовало бы ожидать, что въ его источникѣ должны встрѣчаться по крайней мѣрѣ всѣ тѣ указанiя, которыя мы находимъ у Козьмы, а не почти на половину меньше. Рѣшающее значенiе для

¹⁾ D. G., I. c. Подробнѣе онъ говоритъ объ этомъ въ *Slav. Liturgie in B.*, стр. 223, примѣч. 2: „Козьма нарочно высказываетъ, что до Боривоа онъ не приводить годовъ, такъ какъ не могъ найти хроники. Значитъ, съ этого времени у него были анналы, и очевидно тѣ, которые содержатся въ пражскихъ анналахъ, M. G. SS. III 119, первоначальныя съ записками, встрѣчающимися въ тождественной передачѣ въ норвежскихъ и гильдесгеймскихъ анналахъ. После 960 г. пражскіе анналы становятся самостоятельными, достовѣрными же лишь со смерти Адальберта въ 997 г. Болѣе раннiя извѣстiя касательно чешской исторiи, перенесенныя туда, должны были существовать отдѣльно, но они, очевидно, основаны на нечеловѣкѣ, быть можетъ, предпринятомъ около 1000 г., а не на одновременныхъ запискахъ и т. д.“

²⁾ Въ предисловіи къ его изданiю Козьмы, въ *MM. G. SS. IX*, p. 10, adn. 12.

³⁾ *Apologie*, стр. 27.

⁴⁾ Въ предисловіи къ его изданiю анналовъ, въ *F. R. B. II*, 375.

уясненія разсматриваемаго вопроса имѣютъ, наконецъ, 990 и 1053 годы, которые хотя и встрѣчаются въ *Annales Pragenses*, въ первоначальномъ же текстѣ Козьмы не имѣются и лишь впоследствии вставлены его продолжателемъ, монахомъ Сазавскаго монастыря. До очевидности ясно, что обѣ эти замѣтки, касающіяся Сазавскаго монастыря, не находились въ первоначальныхъ анналахъ, но что, наоборотъ, составитель *Annales Pragenses* для своей компиляціи воспользовался хроникой Козьмы съ добавленіями Сазавскаго монаха. Если взять на себя трудъ сопоставить отдѣльныя извѣстія Козьмы и анналы, то могло бы быть наглядно доказано, что послѣдніе не что иное, какъ крайне неудовлетворительная и полная ошибокъ выпись изъ хроники Козьмы и что самъ онъ вообще никакъ не могъ изъ нихъ заимствовать извѣстій для своей хроники. Составитель анналовъ, кромѣ хроники Козьмы, для своей компиляціи пользовался еще такъ называемыми майницскими анналами, о которыхъ рѣчь ниже. Для позднѣйшаго 1125 г. времени онъ пользовался продолжателемъ Козьмы, вышеупомянутымъ Сазавскимъ монахомъ, а также Викентіемъ и Герлахомъ. Возможно, что авторомъ *Annales Pragenses* былъ пражскій епископъ Андрей или каноникъ Викентій, которые въ 1217 г. предприняли путешествіе въ Римъ. Самостоятельны лишь замѣтки къ 1216, 1217, 1218 и 1220 годамъ.

Если мы поэтому принуждены высказаться противъ древняго происхожденія этихъ *Annales Pragenses*, мы, однако, полагаемъ, что слѣды первоначальной редакціи пражскихъ анналовъ могутъ быть открыты въ другихъ источникахъ. По нашему мнѣнію, выдержки изъ нихъ, помимо хроники Козьмы, содержатся и въ такъ называемыхъ *Annales Bohemici*, въ *Annales Mellicenses* и, наконецъ, также въ польскихъ анналахъ. Особеннымъ признакомъ древнихъ анналовъ въ трехъ только что поменованныхъ источникахъ слѣдуетъ считать года: 972-й—смерти князя Болеслава I, 974-й—учрежденія пражскаго епископства, и 982-й—избранія во епископы св. Адальберта.

Annales Bohemici ¹⁾ дошли до насъ только въ одномъ экземплярѣ, именно на листѣ письма XIV в., наклеенномъ на крышкѣ одной рукописи Прессбургскаго капитула. Ваттенбахъ ²⁾ и Эилеръ ³⁾ счи-

¹⁾ Издаваы Stumpfомъ въ Miklosich, Slav. Bibliothek, II, 301—308; Fontes rer. Bohem. II, 380—382.

²⁾ D. G., стр. 153, примѣч. 1; Unbedeutende Ann. Prag. 725—1163, die aber mehr Excerpte als wirkliche Annalen sind.

³⁾ F. R. V., II, 375—376.

таютъ ихъ за позднѣйшія выписки изъ хроники Козьмы и его продолжателей, но мнѣніе это положительно ошибочно, такъ какъ въ анналахъ, во первыхъ, сообщаются годы кончины князей Боривоа, Святигнева I и Вратислава, которыхъ Козьма не указываетъ, и далѣе также, въ противорѣчіе послѣднему, вышеупомянутые года 972, 974 и 982. Мы тутъ несомнѣнно имѣемъ крайне скудное извлеченіе преимущественно изъ древнихъ пражскихъ анналь. Во многихъ мѣстахъ встрѣчаются погрѣшности переписчика, такъ напримѣръ, въ анналахъ значится DCCCCLXXI, DCCCCLXXII, DCCCCLXXIII и DCCCCLXXVIII вм. DCCCCLXXXI, DCCCCLXXXII, DCCCCLXXXIII и DCCCCLXXXVIII.

Извлеченія изъ древнихъ пражскихъ анналь находимъ мы также и въ позднѣйшихъ прибавленіяхъ къ *Annales Mellicenses* ¹⁾. Позднѣйшей рукою тутъ въ XIV вѣкѣ были приписаны замѣтки, относящіяся почти исключительно до чешской исторіи X в., заимствованныя по большей части изъ древней пражской лѣтописи; сюда относятся годы 894, 901, 915, 921, 929, 932, 972, 974, 982 и 998. Способъ изложенія подъ годами 894 и 972, а равно и замѣтки къ 950 г. какъ бы указываютъ на то, что писцу была извѣстна и хроника Козьмы.

Наконецъ, слѣды древней пражской лѣтописи усматриваются и въ польскихъ анналахъ. Въ Польшѣ древнѣйшій памятникъ въ лѣтописной формѣ мы находимъ въ Краковѣ, возникшій, вѣроятно, при тамошнемъ кафедральномъ соборѣ ²⁾. По Цейсбергу происхожденіе его должно быть отнесено къ исходу X ст. или къ началу XI ст., по Смолякѣ же только лишь ко 2-й половинѣ XI ст. Древнѣйшій лѣтописный трудъ Польши не сохранился въ первоначальномъ видѣ, какъ и первоначальные пражскіе анналы. Слѣды его усматриваются только въ компиляціяхъ позднѣйшаго времени, на основаніи которыхъ можно себѣ составить понятіе, хотя, къ сожалѣнію, не полное, о древнѣйшей лѣтописи. Послѣдняя всего лучше сохранилась въ *Annales Cracovienses vetusti* ³⁾, составленныхъ въ двадцатыхъ годахъ XII вѣка, въ *Anna-*

¹⁾ *Auctarium Mellicense*, въ *MM. G. SS.*, IX, 538.

²⁾ О древнихъ польскихъ анналахъ вообще и краковскихъ въ частности см.: *R. Roepell et W. Arndt*, *Annales Poloniae* (1866), въ *MM. G. SS.*, XIX, 574 и слѣд. *Zeissberg*, *Miscro I der erste christliche Beherrscher der Polen*, въ *Archiv f. oesterr. Gesch.*, т. 88 (1887), стр. 56 и слѣд.; *Polnische Geschichtschreibung des Mittelalters*. Лпз. 1873, стр. 30 и слѣд. *Smolka*, *Polnische Annalen bis zum Anfange des XIV J.* Лемберг. 1873.

³⁾ *MM. G. SS.*, XIX, 577 и слѣд.—*Bielowski*, *Mon. Poloniae hist.* II, 772 и слѣд. (подъ названіемъ *Annales S. Crucis vetusti*).

les capituli Cracoviensis ¹⁾, въ Annales Cracovienses breves ²⁾, въ Annales Cracovienses compilati ³⁾, въ Annales Magnae Poloniae ⁴⁾, въ Annales Polonorum I—IV ⁵⁾, въ Annales Kamenzenses ⁶⁾, въ Annales Mechovienses ⁷⁾, въ Annales S. Crucis Polonici ⁸⁾ и въ Annales Sandivogii ⁹⁾. Позднѣйшіе польскіе и сѣлезскіе лѣтописцы въ данномъ случаѣ большаго значенія не имѣютъ. Исслѣдованіе взаимнаго отношенія перечисленныхъ лѣтописей позднѣйшаго времени и первоначальныхъ краковскихъ во всякомъ случаѣ завело бы слишкомъ далеко. Любопытно только отмѣтить, что древніе пражскіе анналы были извѣстны въ Краковѣ около половины XI ст. и выписки изъ нихъ вошли въ древніе краковскіе анналы. Отрывки ихъ перешли также въ упомянутыя позднѣйшія компиляціи ¹⁰⁾.

Въ нижеслѣдующемъ мы, на сколько то возможно, восстанавливаемъ древніе пражскіе анналы для X-го столѣтія, опираясь при этомъ главнымъ образомъ на Annales Bohemici, Annales Mellicenses и польскіи лѣтописи, для провѣрки по нимъ извѣстій, сообщаемыхъ Козьмой. Послѣднія мы ставимъ на второй планъ, принимая ихъ во вниманіе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они являются единственными.

¹⁾ MM. G. SS., XIX, 584 и слѣд.—Bielowski II, 783 и слѣд.

²⁾ Mizler, Collectio hist. Poloniae III, 163 и слѣд.—MM. G. SS., XIX, 663.—Bielowski II, 792 и слѣд.

³⁾ MM. G. SS. XIX, 585 и слѣд.—Bielowski II, 828 и слѣд.

⁴⁾ Mizler III, 181 и слѣд.—Bielowski II, 789 и слѣд. (последній далъ имъ это названіе).

⁵⁾ MM. G. SS., XIX, 609 и слѣд.—I подъ названіемъ Rocznik Traski у Bielowski II, 826 и слѣд.; II—IV подъ названіемъ Rocznik Małopolski до 964 г. тамъ же II, 816 и слѣд.

⁶⁾ MM. G. SS. XIX, 580 и слѣд.—Bielowski II, 776 и слѣд.

⁷⁾ MM. G. SS. XIX, 666 и слѣд.—Bielowski II, 880 и слѣд.

⁸⁾ MM. G. SS. XIX, 677 и слѣд.

⁹⁾ Bielowski II, 871 и слѣд. Сравни также небольшой отрывокъ изъ аннала у Mizler's III, 166 и слѣд.

¹⁰⁾ Разумѣется не отрывки изъ такъ называемыхъ Annales Pragenses, какъ то полагають Roepell и Arndt.

Позднѣе въ Польшѣ стала также извѣстна хроника Козьмы, слѣдм которой мы находимъ въ Annales Sandivogii. На Козьму указываютъ слѣдующія три извѣстія, въ особенности же первое изъ нихъ:

989. a. Adalbertus in episcopum Pragensem consecratur.

997. passus est a. Adalbertus in Prussia martirium 6 feria.

999. ordinacio fratris Gaudencii socii s. Adalberti in archiepiscopum Gaudencensem.

894. Borivoj, dux Boemorum, baptizatur a Methudio episcopo Moraule ¹⁾.

901. Borivoj dux Boemorum obiit, Spitzigneus filius eius succedit ²⁾.

915. defuncto Spitzigneo duce Boemorum, Wratislaus frater eius succedit ³⁾.

921. defuncto Wratislao duce Boemorum, sanctus Wenczelus filius eius succedit ⁴⁾.

929. sanctus Wenczelus dux Boemorum martirio coronatur, Bolezlaus frater eius succedit ⁵⁾.

932. corpus Sancti Wenczslai translatum est ⁶⁾.

968. obiit. Vok comes ⁷⁾.

972. obiit Bolezlaus dux Boemorum, cui filius eius Bolezlaus (Pius) succedit ⁸⁾.

974. Pragensis ecclesia cepit habere episcopum nomine Dethmarum ⁹⁾.

¹⁾ Ann. Boh., Ann. Mell., Cosmas I, 10, 14.

²⁾ Ann. Boh., Ann. Mell. — Ann. Pol. II:

927. Spitzigneus dux Bohemie hoc tempore suo ducatum suscepit et obiit absque herede.

Въ Ann. Pol. II и III вообще въ хронологіи большія путаница, и часто даже въ передачѣ событий. Но въ какомъ случаѣ, однако, не подлежатъ сомнѣнію, что вышеприведенное извѣстіе должно быть отнесено къ первоначальному пражскому источнику.

³⁾ Ann. Mell.—Ann. Boh. ad a. 905.—Ann. Pol. II:

930. Wratislaus germanus eius suscepit ducatum.

⁴⁾ Ann. Boh., Ann. Mell.

⁵⁾ Ann. Boh., Ann. Mell., Cosmas I, 17.—Ann. Pol. II—III три раза сообщаютъ о мученической смерти св. Вячеслава:

II

930... Wenczelus coronam martirii a fratre suo suscepit.

Wenczelus martirizatur filius Wratislay.

967. Wenczelus dux Bohemorum occiditur a fratre suo.

⁶⁾ Ann. Mell., Cosmas, I, 19.—Ann. Boh. ad a. 930.

⁷⁾ Cosmas I, 28.

⁸⁾ Ann. Boh., Ann. Mell.—Cosmas, I, 21, ad a. 967.

⁹⁾ Ann. Boh., Ann. Mell.; Ann. Pol. I (которые еще добавляютъ: ex ammonitione Dobrawce), III cod. 8, IV.—Ann. Pol. II ad a. 976. — Ann. Pol. III cod. 8 a, ad a. 980.—Cosmas, I, 23, ad a. 967.

III

923. isto Wenczelus a fratre suo martirii coronam adeptus est.

929. sanctus Wenczelus martirizatur filius Wratislai ducis Bohemie.

966. sanctus Wenczelus dux Bohemie occiditur a germano suo Bolezlao.

[977. obiit Dubrauca] ¹⁾).

981. obiit Slavnic pater sancti Adalberti ²⁾).

982. obiit Dethmarus episcopus, sanctus Adalbertus in Pragensem episcopum consecratur ³⁾).

987. obiit Strezizlava mater sancti Adalberti ⁴⁾).

990. sanctus Adalbertus Rome ad sanctum Alexium monachus factus est.

991. professio sancti Adalberti cum fratre Gaudencio ⁵⁾).

998. per s. Adalbertum monasterium in Brevnov fundatum est et dedicatum ⁶⁾).

995. interfecti sunt in urbe Lubic quinque fratres sancti Adalberti ⁷⁾).

¹⁾ Cosmas, I, 27.—Входила ли эта записка въ составъ пражскихъ annales или же заимствована изъ пражскихъ annales, мы не состоимъ въ полной увѣренности.

²⁾ Ann. Boh., Ann. cap. Cracov., Cosmas, I, 27.—Ann. Cracov. vet. ad a. 982.—Ann. Sandiv. ad a. 980.

³⁾ Ann. Boh., Ann. Mell., Ann. Cracov. brev., Ann. Cracov. compil.; Ann. Pol. I, III cod. 8, IV.—Ann. Pol. II ad a. 984.—Ann. Pol. III cod. 8 a, ad a. 986.—Ann. Sandiv. и Cosmas, I, 24—25, ad a. 989.

⁴⁾ Ann. cap. Cracov., Ann. Sandivog., Ann. Pol. III cod 8., Cosmas, I, 28.—Ann. Cracov. vet. ad a. 988.—Ann. Pol. II ad a. 989.—Ann. Pol. IV ad a. 986

⁵⁾ Указанія къ 990 и 991 г. крайне перепутаны. Въ Ann. Boh., Ann. Mell. и у Козьми, I, 28, мы встрѣчаемъ, съ незначительными отступлениями, записку: 990. sanctus Adalbertus Rome ad sanctum Alexium monachus factus est.

Въ Ann. Cracov. brev., въ изданіи Mizler III, 168, содержится два указанія:

990. sanctus Adalbertus factus est monachus Rome apud sanctum Alexium.

991. professio sancti Adalberti cum fratre Gaudencio.

Въ изданіи тѣхъ же annales, помѣщенныхъ въ MM. G. SS., XIX, 684 и у Bielowski II, 792, извѣстія эти приходятъ въ обратномъ порядкѣ.

Въ Ann. Crac. vet. мы находимъ записку:

991. professio sancti Adalberti cum fratre Gaudencio.

Въ Ann. capit. Cracov., Ann. Pol. III cod 8 и Ann. Sandivog. то же самое извѣстіе приводится подъ 990 г., въ Ann. Pol. III подъ 992 г.

Мы держимся вышеприведенной конъектуры, правильность которой подтверждается изслѣдованіями Dobner, Ad. Ann. Naues., IV, 857, сл., и Dudik, II стр. 69 сл., примѣч. 4. По ней прибытіе Адальберта въ Равъ падаетъ на 989 или 990 г., поступленіе его послушникомъ въ монастырь св. Алексія приходится на великій четвертокъ, 17-го апрѣля 990 г., постриженіе на 2-е апрѣля 991 г.

⁶⁾ Ann. Boh.

⁷⁾ Cosmas, I, 29.

997 (a. 998). sanctus Adalbertus Pragensis episcopus secundus (in Prussia) martirio coronatur, cui Theadagus succedit ¹⁾.

999. oblit secundus Bolezlaus dux Boemorum, cui filius eius tertius Bolezlaus succedit ²⁾.

1003. hic interfecti sunt Wrissovicl ³⁾.

1006. oblit Hemma princeps ⁴⁾.

До сихъ поръ мы разсматривали древнiе пражскiе анналы, поскольку они не были распространены посторонними добавленiями. Не можетъ, однако, подлежать сомнiвiю, что въ XI ст. въ Прагѣ стали извѣстны сначала нѣмецкiе анналы, а затѣмъ и польскiе.

По извѣстiю Вайца ⁵⁾ существовали древнiе майнцкiе анналы—компиляцiи изъ *Annales Hursfeldenses, Corveyenses, Augienses* и др.,—которые однако въ первоначальномъ видѣ до насъ не дошли. Изъ Майнца, вѣроятно около половины XI ст., они попали въ Прагу, которая въ церковномъ отношенiи была подчинена майнцкому архиепископу. Здѣсь они были частью занесены въ древнiе пражскiе анналы; позже мы встрѣчаемъ ихъ также и въ хроникѣ Козьмы; наконецъ, къ XII ст. они представляли важную составную часть позднѣйшихъ *Annales Pragenses*. Изъ Праги эта майнцкая компиляцiя съ пражскими анналами, самостоятельно или въ видѣ добавленiя къ послѣднимъ, попала въ Краковъ, гдѣ оба вошли въ составъ или даже легли въ основу краковскихъ анналовъ ⁶⁾. Слѣды ихъ еще ясно видны въ позднѣйшихъ польскихъ анналахъ.

Отношенiя Чехiи и Польши, какъ оказывается, были взаимны.

¹⁾ *Ann. car. Cracov., Ann. Cracov. brev., Ann. Pol. I—IV, Ann. Kamenz, Ann. Mehov., Ann. Sandivog. и Annales у Mizler, I, 166, изъ 997 г.—Ann. Boh., Ann. Mell., Ann. Cracov. vet., Ann. S. Cruc. Pol. изъ 998 г.—Сомма, I 31, ad a. 996.* Трудно сказать, которое указанiе слѣдуетъ считать первоначальнымъ. Мы отдаемъ предпочтенiе правильной датѣ 997 г., должимъ однако выказать нѣкоторое сомнiанiе, въ виду приводимаго въ *Ann. Boh. и Ann. Mell. 998 г.*

²⁾ *Сомма, I, 34.*

³⁾ *Сомма, I, 37.*

⁴⁾ *Сомма, I, 39.*

⁵⁾ *G. Waits, Verlorne Mainzer Annalen, въ Nachrichten von der kgl. Ges. der Wiss. zu Göttingen, 1873, стр. 388 слѣд.*

⁶⁾ Сравни *Smolka, о. с., стр. 53 слѣд.* Въ краковскихъ анналахъ на нихъ указываютъ 1009 и 1012 гг., въ хроникѣ Козьмы вѣроятно также и 1024 г. Слѣдовательно, за время появленiя майнцскихъ анналовъ въ Прагѣ слѣдуетъ принимать 2-ю четверть XI ст., а перехода ихъ въ Краковъ половинѣ XI ст.

Если съ одной стороны около половины XI ст. бражскіе анналы были известны въ Краковѣ, то съ другой въ концѣ XI ст. краковскіе анналы въ свою очередь попали въ Прагу ¹⁾. Мы встрѣчаемъ ихъ главнымъ образомъ въ хроникѣ Козьмы, но также и въ *Annales Bohemici*. Ниже мы, съ помощью польскихъ анналовъ, восстановили для болѣе ранняго времени майнцскую компиляцію и древніе краковскіе анналы, на сколько ихъ можно прослѣдить по чешскимъ источникамъ. Обыкновеннымъ шрифтомъ приводятся майнцскіе, разгонистымъ краковскіе анналы:

901. Arnulfus imperator obiit ²⁾.
 910. Ludowicus pugnavit contra Ungaros.
 911. Ludowicus rex obiit, cui Conradus successit.
 912. Ungari Franciam vastaverunt.
 915. bellum fuit in Hersburch.
 919. Conradus rex obiit, cui Henricus successit ³⁾.
 933. Ungarorum exercitus ab Henrico interfectus est.
 934. Henricus rex Danos subegit ⁴⁾.
 936. Henricus rex obiit, Otto filius eius successit ⁵⁾.
 939. sol visus est minutus ⁶⁾.
 941. yemps valida. Comete vise sunt. Mortalitas iumentorum ⁷⁾.
 950. bellum magnum factum est inter Bauaros et Ungaros ⁸⁾.
 968. Polonia cepit habere episcopum ⁹⁾.
 [977. obiit Dubrauca ¹⁰⁾].
 984 (983). obiit (Romae) Otto imperator secundus ¹¹⁾.
 999. ordinacio s. Gaudencii ¹²⁾.

¹⁾ Время это определяется довольно точно: впервыеъ проваходящій изъ краковскихъ анналовъ извѣстѣнъ въ *Annales Bohemici*: 1079. sanctus Stanislaus martirio coronatur, и, далее, гдѣ обстоятельство, что они уже въ началѣ XII ст. были извѣстны Козьмѣ.

²⁾ Ann. Prag., Ann. cap. Cracov.

³⁾ 910—919. Ann., Prag.

⁴⁾ 933—938. Ann. Prag., Ann. cap. Cracov., Ann. Mag. Pol.

⁵⁾ Ann. cap. Cracov., Ann. Mag. Pol.—Ann. Prag. ad a. 936.

⁶⁾ Ann. Prag.

⁷⁾ Ann. Prag., Ann. Mag. Pol.—Ann. cap. Cracov. ad a. 940.

⁸⁾ Ann. Prag.

⁹⁾ Ann. Boh.

¹⁰⁾ Cosmas, I, 27.

¹¹⁾ Cosmas, I, 28.

¹²⁾ Cosmas, I, 34, Ann. cap. Cracov., Ann. Sandivog., *Annales y Mizler* III, 166.—Ann. Cracov. vet. ad a. 1000.

1001. Poloni cep'erunt Pragam (et ducem Boleslaum in ea cecaverunt) ¹⁾.

1002. Otto imperator tercius obiit, cui Henricus filius eius succedit ²⁾.

1003. heremite quinque in Polonia martirizati sunt ³⁾.

1022. in Polonia facta est persecutio christianorum ⁴⁾.

1024. (IV Idus Iulii) obiit Henricus rex ⁵⁾.

1025. Boleslaus rex Magnus obiit ⁶⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ критической оцѣнкѣ извѣстій, заимствованныхъ Козьмой изъ означенныхъ различныхъ источниковъ, остается еще рѣшить не маловажный вопросъ о томъ, въ какомъ объемѣ нашъ историкъ пользовался этими источниками. Его хроника во всякомъ случаѣ подверглась позднѣйшимъ добавленіямъ и дополненіямъ, но большей части взятымъ изъ лѣтоисписныхъ записокъ, и правильная оцѣнка историческаго труда Козьмы поэтому осуществится лишь по удаленіи изъ него, насколько возможно, интерполяцій.

Въ изложеніи у Козьмы, въ особенности въ первыхъ двухъ книгахъ, замѣчается какая-то неровность или, вѣрнѣе, неравномѣрность: то сухое отмѣчаніе событій, то подробное повѣствованіе, которое постепенно получаетъ перевѣсъ, поглощая главное вниманіе. По мнѣнію Ваттенбаха ⁷⁾, съ 894 года трудъ былъ первоначально задуманъ въ строго лѣтописной формѣ. Козьма въ основу его положилъ обстоятельную рукопись, въ которую имъ вносились года въ порядкѣ ихъ слѣдованія и другія краткія замѣтки; затѣмъ онъ тамъ, гдѣ представлялась надобность, или же позволяло мѣсто, вводилъ свое бо-

¹⁾ Ann. Cracov. brev., Ann. S. Crucis Pol.—Cosmas, I, 86, ad. a. 1000—1001.

²⁾ Cosmas, I, 87, Ann. Cracov. vet., Ann. cap. Cracov., Ann. Cracov. brev., Ann. Mag. Pol., Ann. Pol. II—III, Ann. Sandiv.

³⁾ Чтенія весьма различны. Сравни. Ann. Cracov. vet., Ann. cap. Cracov. Ann. Cracov. brev. (въ редакціи Mizler III, 182, вѣроятно ошибочно значится 1002 годъ), Ann. Mag. Pol., Ann. Pol. II, III cod. a, Ann. Kamensk., Ann. Meschov., Ann. S. Crucis Pol., Ann. Sandiv.—Ann. Pol. I, III cod. 8, IV ad. a. 1005.—Ann. Boh., Cosmas I, 88, ad. a. 1004.

⁴⁾ Cosmas, I, 40.

⁵⁾ Cosmas, I, 41.

⁶⁾ Ann. Cracov. vet., Ann. cap. Cracov., Ann. Cracov. brev., Ann. Cracov. compl., Ann. Pol. I—IV, Ann. Kamensk., Ann. S. Crucis Pol., Ann. Sandiv.—Козьма, I, 41, приводитъ еще самый день: IV Kal. Iulii.

⁷⁾ D. G. II, 165.

лѣе обстоятельное повѣствованіе. Можетъ быть, что только переписчики изъ этого сдѣлали одно кажущееся цѣлое, въ которомъ ходъ разказа прерывается вставленными хронологическими датами.

Дѣйствительно, нельзя не замѣтить, что Козьма для первыхъ двухъ книгъ своей хроникѣ пользовался анналами, которые ему не всегда удавалось слить съ остальными разказами. На это прямо указываютъ 29-я, 30-я и начало 81-й главъ первой книги. Козьма тутъ сообщаетъ, подъ 995 и 996 гг., о второмъ путешествіи Адальберта въ Римъ, о его миссіонерской дѣятельности въ Пруссіи и послѣдовавшей тамъ мученической кончинѣ. Разказъ онъ начинаетъ словами: *Nec transilendum sensero, quod ab aliis praetermissum video*, послѣ чего онъ сначала повѣствуетъ о путешествіи Адальберта въ Римъ и убіеніи егo братьевъ въ Либичѣ, во время его отсутствія: *quatuor fratribus sancti Adalberti cum omni prole ante ipsum altare decollatis*. Свое извѣстіе объ этомъ происшествіи онъ заканчиваетъ краткой лѣтописной замѣткой: *Interfecti sunt in urbe Lubec quinque fratres sancti Adalberti a. dom. inc. 995*. Далѣе онъ говоритъ о возвращеніи Адальберта изъ Рима, умалчивая о его послѣдующей миссіонерской дѣятельности: *ad quas gentes inde transierit... scire poterit, qui vitam eius seu passionem legerit*. Сообщивъ еще объ избраніи Страхваса въ епископы, онъ весь разказъ оканчиваетъ словами: *Nactenus haec inseguisse sufficiat*. Слѣдующее за симъ извѣстіе о св. Адальбертѣ опять не что иное, какъ нѣсколько распространенная лѣтописная замѣтка о его мученической смерти: *A. dom. inc. 996 postquam... praesul Adalbertus retibus fidelis coepit Pannoniam simul et Poloniam, ad ultimum dum in Pruzia seminat verbum dei, hanc praesentem vitam pro Christo feliciter terminavit martirio IX Kalendas Maii, feria VI*. Ясно, что заимствованными изъ пражскихъ annalъ замѣтки объ умерщвленіи въ 995 г. пяти братьевъ Адальберта и его мученической смерти въ 996 г. составляли первоначальную основу. Къ ней прибавленъ изъ другихъ источниковъ болѣе обстоятельный разказъ, начинающійся словами: *Nactenus haec inseguisse sufficiat*. Въ противорѣчіе обимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, здѣсь, вопервыхъ, говорится объ убіеніи четырехъ братьевъ св. Адальберта, а съ другой стороны умалчивается о его миссіонерской дѣятельности среди чужихъ народовъ, при ссылкѣ на его житіе (*vita seu passio*).

Итакъ, лѣтописная основа труда Козьмы несомнѣнна, но въ то же время самъ собой возникаетъ вопросъ о томъ, въ какомъ объемѣ

Козьма пользовался древними анналами. Мы тутъ приходимъ къ совершенно инымъ выводамъ, чѣмъ новѣйшіе изслѣдователи, въ особенности Ваттенбахъ и Лозертъ ¹⁾.

Уже Пельцель и Добровскій отличали добавленія такъ-называемаго Сазавскаго монаха, встрѣчающіяся въ дрезденской (4) и вѣнской (4) рукописяхъ, выдѣливъ ихъ, въ своихъ изданіяхъ Козьмы, изъ остальнаго текста посредствомъ скобокъ и кавычекъ. Болѣе обстоятельно этимъ вопросомъ занялся Палацкій ²⁾, который призналъ за интерполяціи всѣ краткія замѣтки къ 930, 931, 933—951, 968, 972, 990, 1003, 1004, 1008—1015, 1022, 1024—1080а, 1031—1037, 1041 (II, 11), 1043—1053, 1070, 1082, 1084, 1095 и даже нѣкоторыя къ 1121 г., и кромѣ того къ 1092 году ³⁾. Предположеніе Палацкаго отчасти подтвердилось внослѣдствіи найденными рукописями. Такъ, прежде, всего замѣтки къ годамъ 1008—1015, 1026, 1032, 1041 (II, 11), 1053, 1082, 1084 и 1089 являются вставочными, какъ то видно изъ свѣрки различныхъ рукописей. Но и еще нѣкоторыя другія краткія замѣтки мы считаемъ за добавленія, взятыя почти всѣ изъ тѣхъ же источниковъ, которые были извѣстны и Козьмѣ, именно изъ пражскихъ и краковскихъ анналь и хроники Регинона. Сюда, по нашему мнѣнію, къ первой книгѣ относятся замѣтки къ годамъ 930, 931, 933—951, 968, 972, 999 (I, 34), 1003, 1004, 1022, 1024 и 1025. Опираясь отчасти на объясненія Палацкаго, мы въ нижеслѣдующемъ приводимъ доводы въ пользу высказаннаго нами предположенія.

Въ страсбургской рукописи Козьмы (7) мы подъ 894—967 годами находимъ слѣдующее позднѣйшее добавленіе: *Interea deficiente nostra materia, quam nemo illius temporis hominum, clericorum seu laicorum memoriae commendavit posteriorum, rursus ad nobilia facta Romanorum imperatorum resurgimus* (I, 15). Это добавленіе представляетъ самое вѣрное доказательство, что не только Сазавскій монахъ интерполировалъ хронику Козьмы, но что уже раньше стремились къ восполненію встрѣчающихся въ ней пробѣловъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно даетъ намъ полное право и къ древнѣйшимъ рукописямъ относиться съ извѣстнаго рода осторожностью и осмотрительностью. Весьма харак-

¹⁾ Studien zu Cosmas von Prag, вѣ Archiv f. oest. Gesch., томъ 61, стр. 8.

²⁾ Würdigung, стр. 10 слѣд.

³⁾ Dajiny, I, 1, стр. 345, прим. 844.

терно, что даже изъ числа нами выше обозначенныхъ замѣтокъ—относящихся къ годамъ 972, 1002—1025 въ нѣкоторыхъ рукописяхъ не встрѣчаются, замѣтка же къ 1004 году въ одной рукописи является въ измѣненномъ видѣ. Весьма вѣроятно, что переписчикъ или просто не замѣтилъ, или же не захотѣлъ списать добавленіе, сдѣланное на погѣ позднѣйшею рукой.

„Изложеніе этихъ извѣстій“, говоритъ Паладіи въ своей критикѣ на эти краткія замѣтки, „совершенно не соответствуетъ манерѣ Козьмы. Кто ознакомился съ духомъ этого лѣтописца, тотъ всюду узнаетъ его своеобразный стиль, и добытый такимъ путемъ тактъ дастъ ему возможность какъ бы чутьемъ отличить въ его пронаведеніи чужой элементъ. Слогъ его изысканъ, субъективенъ и все-таки пріятелателецъ, какъ у всѣхъ гениальныхъ историковъ; всюду онъ выступаетъ намъ живымъ человѣкомъ, со всей своей открытой сардечностью, своимъ здравымъ мужественнымъ умомъ и своей тонкохитростной ученостью, своимъ поэтическимъ воображеніемъ и веселой болтливостью. Въ древнѣйшей исторіи своего народа онъ оставляетъ лишь на отдѣльныхъ свѣтлыхъ или яркихъ моментахъ, жизненная частность которыхъ ему всюду кажется безусловно необходимою; онъ молчитъ тамъ, гдѣ онъ не можетъ описывать, не можетъ дѣлать, по свойственной ему привычкѣ, мѣткихъ замѣчаній и украсить рѣчь ученостью. Красивому и изысканному слогу, который при всей своей напыщенности не лишенъ силъ, Козьма придаетъ слишкомъ большое значеніе; доказательствомъ тому служитъ его болтливость, съ которой онъ сознаетъ свои недостатки въ этомъ отношеніи, стараясь обвинить ихъ въ глазахъ магистра Гервасія и протоіерея Севера тѣмъ, что предупреждаетъ ихъ о своихъ недостаткахъ. Этихъ краткихъ извѣстій, сообщаемыхъ въ голой и сухой формѣ, безъ ума и смысла, Козьма никогда не смогъ бы терпѣть въ своемъ трудѣ, не сдѣлавъ ихъ предварительно своимъ духовнымъ достоинствомъ и наложивъ ихъ живо, соответственно его манерѣ“. Краткія замѣтки, которыя Козьма дѣйствительно заимствовалъ изъ древнихъ annalъ, онъ никогда не передавалъ въ ихъ первоначальной сухой формѣ, но постоянно украшалъ ихъ по-своему, причемъ образцомъ ему часто служили совсѣмъ другіе писатели. Мы здѣсь приводимъ нѣсколько примѣровъ изъ древнихъ пражскихъ, краковскихъ и майницкихъ annalъ, противопоставляя имъ соответствующія мѣста у Козьмы, заимствованныя изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ.

Анналы:

929. Sanctus Wenceslaus, dux Boemorum, martirio coronatur.

[972.] obiit Bolezlau, dux Boemorum.

987. obiit Strezislava mater sancti Adalberti.

1002. Otto imperator tercius obiit, cui Henricus filius eius succedit.

Козьма:

929. sanctus Wenceslaus, dux Boemiorum, fraterna fraude martirizatus, intrat perpetuam coeli feliciter aulam (I, 17).

[967.] dux, cui agnomen saevus Bolezlau, male mercatum fraterno sanguine ducatum cum vita amisit (I, 21).

987. obiit Strezizilava, sancti Adalberti mater, venerabilis et deo acceptabilis matrona, tantae et tam sanctae sobolis dici mater et esse digna (I, 28).

1002. Eodem anno

Caesar ab hoc mundo migravit tertius Otto,
Vivat ut in coelis, ubi vivit quisque fidelis.

Huic successit filius eius Henricus imperator (I, 37).

Какъ же однако, въ виду вышеуказаннаго, объяснить краткую замѣтку къ 1003 г.: *Hic interfecti sunt Wrissovici* (I, 37)? Козьмъ этотъ могущественный родъ, игравшій значительную роль въ древнѣйшей исторіи Чехим¹⁾, хорошо извѣстенъ. Онъ намъ подробно описываетъ, какимъ мученикъ князь Яромиръ былъ подвергнутъ со стороны Вершовичей (I, 34, 42), и его живое изложеніе ихъ роковой гибели въ 1108 г. (III, 23—24) на всякаго читателя въ состояніи произвести сильное впечатлѣніе. Поэтому вышеприведенная краткая замѣтка къ 1003 г. остается совершенно не понятной, тѣмъ болѣе, что Козьма нѣсколько раньше подробно говорилъ о Вершовичахъ; еслибъ замѣтка принадлежала ему, онъ по крайней мѣрѣ разукрасилъ бы ее въ стилистическомъ отношеніи, придавъ ей тотъ или иной риторическій оборотъ.

Если эти краткія замѣтки уже по внѣшней формѣ рѣзко отличаются отъ образа изложенія Козьмы, то большинство изъ нихъ и по содержанію совершенно не отвѣчаютъ дѣламъ хроники. Самъ онъ о нихъ отзывается въ предисловіи къ первой книгѣ: *continet autem hic liber primus Boemorum gesta, prout mihi scire licuit*. Хронологическое перечисленіе событій, какъ онъ самъ то указываетъ, на-

¹⁾ *A. Maniak*, Das Geschlecht der Wrassowes, въ *Hormayr's Archiv f. Gesch. Stat., Lit. u. Kunst*, 1828, стр. 273 и сл., 277 и сл., 281 и сл.

чинается у него только съ крещенія Боривоа, такъ какъ для болѣе ранняго времени у него не имѣлось источниковъ. Даже для древнѣйшаго христіанскаго періода, между 894—929 гг., Козьма не даетъ хронологіи, довольствуясь объясненіемъ: *Inter hos autem annos, quos infra subnotavimus, facta sunt haec, quae supra praelibavimus: non enim scire potuimus, quibus annis sint gesta sive temporibus* (I, 15). Онъ даже не вводитъ пользуется известными ему пражскими анналами, изъ которыхъ ему во всякомъ случаѣ представлялась возможность узнать годы смерти князей Боривоа, Синтигнева и Вратислава, изъ болѣе придать своей хроникѣ чисто лѣтописный характеръ. При этомъ онъ опасливо избѣгаетъ повторять сообщенное уже другими. Такъ, относительно введенія христіанства при Боривоѣ въ 894 г. онъ говоритъ: *maluimus (haec) praetermittere quam fastidium legentibus ingerere, quia iam ab aliis scripta legitimus, nam et escae execrantur, quae saepius sumuntur* (I, 15); равнымъ образомъ онъ считаетъ излишнимъ распространяться объ убіеніи въ 929 г. св. Вячеслава: *sufficienter dictum puto in passionis eiusdem sancti tripudio* (I, 17). Вообще не понятны слѣдующія непосредственно за этимъ въ лѣтописной формѣ замѣтки къ годамъ 930, 931 и 933—951, которыя по своему содержанію совершенно чужды чешской исторіи и всѣ дословно выписаны изъ продолженія Регинона. Если предположить, что Козьма, въ противорѣчіе его собственнымъ словамъ, включилъ ихъ въ хроникъ только для хронологической полноты, то тѣмъ менѣе понятно, почему онъ не пополнилъ промежутокъ между 894 и 929 гг. и вообще до крещенія Боривоа не далъ никакихъ хронологическихъ указаній. Онъ прямо сѣтуетъ, что для этого времени у него не было хроникъ, между тѣмъ какъ у него вѣдь имѣлась же хроника Регинона, изъ которой онъ могъ заимствовать для своего историческаго труда хронологическія данныя не только для X, но даже и для IX вѣка. Единственное объясненіе, которое мы можемъ допустить, то, что Козьма поставилъ себѣ цѣлью наложить только чешскую исторію, и что на упомянутыя краткія замѣтки намъ надо смотрѣть какъ на позднѣйшія прибавленія. Только въ трехъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ въ хроникѣ Козьмы года, взятыя имъ изъ майнцскихъ и краковскихъ annalъ, не имѣющіе отношенія до чешской исторіи. Но тутъ онъ впервыхъ видоизмѣнилъ по-своему первоначальныя сухія замѣтки и вдобавокъ включилъ ихъ въ свою хроникъ единственно по той причинѣ, чтобы связать съ ними разказъ о событіяхъ, которыя, не относясь къ

исторіи Чехіи, для нашего историка, однако, лично представляли немалый интересъ. Эти три замѣтки слѣдующія:

1) Подъ 984 г. Козьма сообщаетъ о смерти императора Оттона II, для того чтобы съ этимъ извѣстіемъ соединить разказъ о томъ, что императоръ въ Ахевѣ подарилъ св. Адальберту священническое облаченіе. Последнее, *quae usque hodie in Pragensi ecclesia honorifice habentur et dicuntur paramenta sancti Adalberti*, для него, какъ каноника Пражской церкви, несомнѣнно представляло живой интересъ.

2) Подъ 1002 г. онъ сообщаетъ о смерти Оттона III и о вступленіи на престолъ Генриха II, соединяя съ этимъ разказъ о чудесной чашѣ въ Бамбергѣ (I, 37), которая находится въ самой тѣсной связи съ императоромъ Генрихомъ II. Чашу эту, *qui usque hodie magni miraculi pro testamento habetur Bamberg sancti Georgii in monasterio*, онъ видѣлъ при своемъ проѣздѣ черезъ Бамбергъ въ 1094 г. и тогда же услышалъ сообщаемый имъ разказъ.

3) Наконецъ, подъ 1004 г., онъ подробно повѣствуетъ о мученической смерти 4 братьевъ въ Польшѣ (I, 38). Ихъ мощи были въ 1039 г. перенесены Бретиславоу изъ Гнѣзна въ Прагу; самый разказъ Козьмы, очевидно, услышалъ отъ престарѣлаго польскаго пресвитера, который въ то время попалъ плѣнникомъ въ Чехію ¹⁾.

Въ заключеніе мы хотѣли бы указать на тотъ фактъ, что нѣкоторые изъ упомянутыхъ краткихъ замѣтокъ являются совершенно лишними, какъ, напримѣръ, замѣтка къ 1004 году, которая два раза заимствована изъ краковскихъ annal. Имя вставлены въ разказъ Козьмы крайне неудачно, напримѣръ 999 годъ, который, очевидно, прерываетъ повѣствованіе о Болеславѣ II. Другимъ не соотвѣтствуютъ хронологическимъ указаніямъ Козьмы и даже прямо имъ противорѣчатъ, но подробное критическое разслѣдованіе каждой отдѣльной замѣтки увлекло бы насъ за предѣлы нашей настоящей задачи. Полагаемъ, что врядъ ли возможно усомниться въ правильности нашего предположенія касательно позднѣйшихъ прибавленій или вставокъ въ хроникѣ Козьмы.

Первый интерполаторъ Козьмы, надо предположить, былъ близко стоявшее къ нему лицо. Вѣроятно, что это былъ его другъ, магистръ Гервасій ²⁾, которому онъ посвятилъ II-ю книгу своей хроникѣ,

¹⁾ Сравни. II, 5.

²⁾ Archidiaconus Geruasius. I, 126a. По мнѣнію Пельцля и Добровскаго, I, с., стр. XI, подъ archidiaconus слѣдуетъ разумѣть настоятеля школы при соборѣ

обращаясь къ нему со слѣдующими словами: „Когда ты получишь эти листки,—пишетъ онъ ему,—то знай, что я тебѣ послалъ лѣтопись Чехин, составленную безъ риторическихъ прикрасъ и врядъ ли уже болѣе латинскимъ языкомъ: я рѣшилъ ее представить твоему мудрому обсужденію, съ тѣмъ, чтобы она, соотвѣтственно твоему мнѣнію, была или совершенно брошена и нигдѣ не читаема, или же, если она оказалась бы достойной прочтенія, была тобою предварительно тщательно исправлена, или вѣрнѣе, о чемъ я особенно тебя прошу, передѣлана въ лучшую латинскую рѣчь“. Гервасій, очевидно, внялъ просьбѣ Козьмы. Въ качествѣ близкаго друга его и сослуживца при соборѣ св. Вита, Гервасію являлась возможность пользоваться тѣми же источниками, которыми располагалъ уже нашъ историкъ, именно пражскими, краковскими и Майнцскими анналами, а также хроникой Регина. Изъ нихъ преимущественно онъ и внесъ въ первую книгу краткія замѣтки къ годамъ 930, 931, 933—951, 968, 972, 999, 1003, 1004, 1022, 1024 и 1026, для пополненія встрѣчаемыхъ въ хроникѣ Козьмы пробѣловъ въ явленіи древнѣйшаго времени. Сдѣлано было это, однако, крайне не умѣло, такъ что позднѣйшія прибавленія ни по своему содержанію, ни по своей внѣшней формѣ не связаны съ остальнымъ текстомъ. Они перешли почти во всѣ рукописи Козьмы; лишь нѣкоторыя изъ замѣтокъ, напримѣръ къ годамъ 972, 1004, 1022, 1024 и 1026, въ иныхъ рукописяхъ или вовсе не встрѣчаются, или приводятся въ извѣстномъ видѣ. Вѣроятно, тотъ же Гервасій, помимо того, еще просмотрѣлъ весь текстъ хроникъ, съ цѣлью сгладить и скрасить слогъ Козьмы ¹⁾. Первоначальный текстъ хроникъ съ прибавленіями отъ первой руки мы находимъ въ Лейпцигской рукописи, представляющей собой группу А. Эта исправленія текста только частью перешли

св. Вита. Въ *Necrol. Boh.* (у Dobner, Mon. hist. Boem, III, 12) въ немъ имѣется указаніе: „V Non Gervadius Canonius et Magister“. Козьма и Гервасій, вѣроятно, были въ тѣсной дружбѣ, такъ какъ первый говоритъ о *mutua dilectio* между ними и къ другу своему обращается: *frater karissime, et me amicam tuam diligis* и т. д.

¹⁾ Коерке *MM. G. SS*, IX, 22, авторомъ исправленій считаетъ самаго Козьму. Подобное мнѣніе, однако, положительно ошибочно, такъ какъ варианты второй редакціи тянутся вплоть до конца 8-й книги. Въ виду того, что Козьма послѣднія главы хроникъ написалъ незадолго передъ смертью, онъ, конечно, самъ не могъ весь свой трудъ подвергнуть просмотру.

въ Карловицкую рукопись (6) группы В. Совершенно исправленный текст хроники являютъ остальные рукописи группы В.

Вторымъ интерполяторомъ былъ такъ-называемый Сазавскій монахъ, который снабдилъ хронику Козьмы дополненіями и довелъ ее до 1162 года. Дополненія касаются частью Сазавскаго монастыря и заимствованы изъ чешскихъ источниковъ, частью же взяты изъ нѣмецкихъ анналь. Мы находимъ ихъ къ годамъ 932, 958, 960, 962, 963, 972, 973, 975, 985—990, 995, 998—1001, 1045, 1053, 1070, 1088, 1089, 1091, 1095, 1097, 1116, 1122, 1123 и 1125; сохранились они въ Дреаденской (4) и Пражской (4а) рукописяхъ. Уже Пельцель и Добровскій выдѣлили ихъ изъ остальнаго текста хроники посредствомъ скобокъ и навичекъ; Кёпке ¹⁾ и Эмлеръ ²⁾ напечатали ихъ отдѣльно.

Третій интерpolatorъ XII вѣка былъ неизвѣстный намъ переписчикъ, вѣроятно, изъ Вышеграда или Сазавы. Его дополненія относятся къ годамъ 1008, 1011, 1014, 1015, 1026, 1032, 1041 (II, 11), 1053, 1082, 1084 и 1089. Съ одной стороны они касаются церковныхъ дѣлъ въ Чехіи, именно основанія монастыря въ Сазавѣ въ 1032 году (I, 41), смерти перваго его настоятеля св. Прокопія въ 1053 году (II, 13) и заложенія Вышеградской церкви въ 1089 году (II, 41). Добавленія эти сохранились въ рукописяхъ 2, 2а, 2аа, 2б.

Стоящія отдѣльно добавленія, встрѣчаемыя почти въ каждой рукописи, тутъ не могутъ быть приняты во вниманіе.

М. Роговъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ MM. G. SS. IX, стр. 148 и слѣд.

²⁾ F. R. V., II, стр. 238 и слѣд.

ОЧЕРКИ ГРЕЧЕСКОЙ ЗАГАДКИ СЪ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НОВЫХЪ ¹⁾.

Сборники загадокъ византийскаго періода, нѣ извѣстны, а разнѣщанъ въ такой повременной послѣдовательности: Евстаѣевъ-Оловоловъ, Пселловъ, Авликаламовъ (?), Васильевъ, Діонисіевскій ²⁾. Кромѣ Авликаламова, въ хронологическомъ приуроченіи котораго я не увѣренъ, послѣдовательность прочихъ довольно вѣрна.

Сдѣлаемъ одно общее замѣчаніе. Мы повторяли надъ византийскими загадками тотъ же опытъ, который сдѣланъ нами надъ помѣщенными въ Пал. Анеодогія, а именно сличали византийскія съ Симфоніевыми. Мы и тутъ, въ загадкахъ, писанныхъ о тѣхъ же самыхъ предметахъ, сходства не нашли.

Эпоху Евстаѣя Макремволита точнѣе другихъ, повидимому, опредѣлилъ Хильбергъ, впервые издавшій его сборникъ загадокъ. Найдя въ первой его загадкѣ, что Русь названа „ιδιχόν γένος“ — „народомъ языческимъ“, Хильбергъ предположилъ, что загадки его писаны раньше 988 (или 989) года, когда окрещена Русь; а такъ какъ Фотій, писавшій свою Визлїоенку приблизительно около половины IX вѣка, между эротическими сочинителями не упоминаетъ Евстаѣя, который былъ авторомъ романа, то нѣмецкій ученый время этого писателя ограничиваетъ 850 и 988 (989) годами, чѣмъ опровергается нѣвнѣе тѣхъ, которые отождествляли этого Евстаѣя съ

¹⁾ Окончаніе. См. итальянскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

²⁾ Подъ названіемъ „Діонисіевскій сборникъ загадокъ“ я разумѣю византийскій сборникъ, открытый и изданный австрийскимъ проф. С. П. Ламброті, на томъ основаніи, что онъ найденъ въ обителѣ Діонисія, на Ассозѣ.

Евстаѳіемъ, епископомъ Фессалоническимъ, знаменитымъ толковникомъ Омара ¹⁾. Въ первой загадкѣ задано имя собственное Φλώρος, въ которомъ слогъ 2-й, будучи продолженъ, даетъ Ῥός; то же народное имя находится въ четвертой загадкѣ во 2-мъ слогѣ слова κηρός = „воскъ“, если вмѣсто краткаго звука написать долгій (ω вмѣсто ο) ²⁾. Доводы издателя побудили меня поставить этотъ сборникъ раньше прочихъ, мнѣ извѣстныхъ, сборниковъ византийскихъ загачекъ. Здѣсь полу-шутливо, полу-серьезно занимаютъ другъ друга два византийскіе сановника IX—X в. Евстаѳій Макреволитъ, протоновелесиятъ, авторъ романа объ Исмиѣ и Исминіи, и Максимъ Оловола, великій протосингелъ, риторъ и философъ, авторъ слова о святой Маріи Египетской. Приведемъ образчики Евстаѳіевыхъ загадокъ изъ самыхъ короткихъ, избѣгая длинныхъ, которыя вмѣстѣ съ отгадками доходятъ до 30 стиховъ. Изъ 11-ти загадокъ почти всѣ представляютъ примѣръ урѣзокъ буквъ: сперва описано заданное слово; потомъ описывается слово, оставшееся за урѣзкой первой буквы отъ всего слова и т. д. Послѣ каждой загадки Евстаѳіа стоитъ разгадка (λόγος) Оловола. Напримѣръ, задана — κῶα = трава: (45) „Изъ земли получила я питаніе, состою изъ трехъ буквъ, но изъ двухъ слоговъ; урѣзавъ у меня начало (то-есть π) и увеличивъ середину (то-есть νзмѣнивъ о на ω), получишь часть священнаго облаченія (то-есть, ῶα=оторочка, обшивка, кайма). Мой конецъ есть первая буква“ (дополни: въ азбукѣ). Слѣдуетъ разгадка Оловола, что это κῶα, ῶα, α ³⁾. О значеніи урѣзокъ мы скажемъ нѣсколько послѣ по поводу сборника Діонисіевскаго. Приведемъ образчикъ безъ урѣзокъ, но за то съ объясненіемъ буквъ соответственными числами — на слово „свѣтъ“: (46) „Каждый можетъ меня видѣть, но не выдерживать; я съ неба спускаюсь и до земли дохожу: число мое трижды пять разъ: ты, какъ мудрецъ, постигай!“ Рѣшеніе: „Я вижу тебя, свѣтъ, а выдерживать не въ состояніи; отъ самой земли ты до неба доходишь:

¹⁾ J. Hilberg. Евстаѳίου πρῶτονοβελεσιμῶν τοῦ Μακρεβολίτου τῶν καθ' ἑτέραν καὶ ἑτερίων λόγος ΙΑ'. Vindob. 1876. Здѣсь вѣздѣ за этимъ романомъ приложено упоминутый сборникъ подъ заглавіемъ Евстаѳίου τοῦ Μακρεβολίτου αἰνυμάτων (стр. 201 — 217), впервые изданный Хильбергомъ по codex Marcianus. 531 (вѣс. XV) fol. 126^b—128^a. Опредѣленіе времени см. изъ предисл. стр. 10.

²⁾ См. въ сборн. Евстаѳіа, № 1, стихъ 12 (ἀντικόν ὄφι γένος), въ разрѣшеніи же (λόγος) стихъ 10: εὐθὺ κατὰ τὴν τοῦ Ῥός ἑταίαν. Въ 4-й заг., стр. 11—12: βῦσματι ἀδραν̄ προελαβόντος τοῦ μέσου βάρβαρον̄ ἐκφαινοῦσαν οὐκ ἐτην Σιόβην.

³⁾ См. тамъ-же въ отдѣлѣ сборника, стр. 204, № 2, и λόγος.

я тебя вижу, хотя тебя, какъ тѣма, и скрываетъ загадка" ¹⁾). Подобную загадку съ исчисленіемъ представляютъ русскій переводъ Діонтры, гдѣ авторъ ея, Филиппъ, опредѣляетъ свое имя слѣдующимъ образомъ: „Осмь писменъ имать и суть отъ нихъ согласно пять троесложно“. По замѣчанію Востокова, основанному на одномъ Алфавитѣ выходитъ Філіпκος: „Филиппа объявлено имя осмию буквъ, иже содержатъ число цѣ^а—то есть 880" ²⁾).

Эпигръ о мертвецѣ и гробѣ, входящій въ сборникъ Евстація, имъ выше отнесенъ къ древнему міру ³⁾). Кромѣ 11-ти Евстаціевыхъ загадокъ въ томъ же сборникѣ за ними слѣдуютъ еще 11, изъ которыхъ въ кодексѣ 2 приписаны Авликаламу; прочія же тамъ ни къ какимъ писателямъ не приурочены ⁴⁾).

Перехожу къ византійскому энциклопедисту Михаилу Пселлу, поднесшему сочиненіе имъ эпигры своему императору Михаилу Дуку. Какъ опредѣлить время поднесенія этихъ стиховъ? Слова „δέσποτα στερηφόρα“—„владыка вѣщевосный“,—могли быть обращены къ Михаилу Дуку и до его воцаренія, то-есть и до 1071—1072 г., такъ какъ онъ былъ вѣнчанъ въ 1067 г.; но выраженіе φεῖ βασιφύρον κάκιστον = „какъ всѣхъ превосходящій“ приводитъ насъ къ убѣжденію, что поднесеніе произошло послѣ 1071—1072 г., когда воцарился Михаилъ Дука, то-есть, на шестомъ десяткѣ жизни Пселла ⁵⁾).

¹⁾ Тамъ же, стр. 210, № 11. τρίς πεντάκις—трижды пять разъ; я думаю не договорено слово „έκατόν“=сто, такъ какъ φῖς состоитъ изъ φ (= 500) + ο (= 800) + σ (= 200) = 1500. Издатель Евстація Макренволта, г. Хильберга, пришелъ къ той же цферѣ, не объяснивъ того, что подразумевается „сто“.

²⁾ См. Востокова, Описание Румянцевскаго музея, № 95, стр. 165—166 (о Діонтрѣ). Алфавитъ же, на которомъ смыкается издатель, описанъ имъ въ №№ 1—4. Число 980 дается сложениемъ: φ (500) + ι (10) + λ (80) + ς (10) + κ (80) + π (80) + ο (70) + σ (200).

³⁾ См. Hilberg. Eustath. M. № 8, p. 209; Notae издателя, p. 216. См. въ нашей статьѣ выше № 42.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 210—214 и Notae издателя, гдѣ онъ даетъ свиданія о каждомъ номерѣ этихъ вторыхъ 11-ти загадокъ.

⁵⁾ Годы приведенны нами по *Muraît, Essai de Chronographie Byzantine 1067—1453*. T. I, 11. Bâle, Genève, 1871. Годъ рожденія Пселла 1018 Г. Сава называетъ изъ записокъ самого Пселла, *Satâas, Bibliotheca medii aevi, t. IV, p. 80* (предисл.) и прии.—Соглашаясь съ послѣднимъ даннымъ, П. В. Везообразовъ указываетъ предположеніе, которое онъ считаетъ почти не сомнѣннымъ, что Пселлъ не дожилъ до воцаренія Никифора Вотаниата, то-есть, до 1078 года. П. В. Везообразова, Византійскій писатель и государственннй дѣлатель Михаилъ Пселлъ, М. 1890. Ч. I, стр. 2 и пр. 3.

Судя по множеству рукописей, содержащихъ энigmaty, приписываемые Пселлу, послѣднихъ должно существовать значительно больше, чѣмъ сколько ихъ издано, потому что ихъ издано всего 18, а у одного Фабриція ихъ имѣлось 41 ¹⁾. Приведемъ нѣкоторые изъ изданныхъ.

(47) „Я видалъ духовными очами, владыко вѣнценосный, пишетъ Пселлъ, юношу и вмѣстѣ съ тѣмъ совершеннаго старца, высоко наряжаго и приважаго, колеблющагося и стойкаго, освѣщающаго и помрачающаго, разсѣивающаго, губящаго, однихъ отъ земли возводящаго, другихъ же къ землѣ придержающаго, и спасающаго и прилѣпляющаго къ тлѣннѣю плоти“. Загадано время (или годъ) ²⁾. Первое вѣрнѣе.

(48) Объ овечьей кожѣ = δέρμα προβάτου читаемъ: „Пока я жила, лишена была всякаго слова; я только-что умерла, и вотъ—полна всякаго слова“.

Ἐζων δε' ἔζων, κλήν λόγου παντός δίχα
 ἔθανον ἄρτι, καί γεμω παντός λόγου ³⁾.

Объ Евѣ:

(49) „Меня сверхъестественно рождаетъ мужъ и отецъ; именуешь меня „жизнью“, а приношу я смерть“ ⁴⁾. Это основано на Γένεος Γ'.

¹⁾ Изъ энigmaty Пселлы только три изданы у *Fabrizii*. *Bibl. Gr.* XI, p. 699 (*Harles*). О спискахъ Пселлы и объ имѣющихся у Фабриція энigmaty этого писателя см. *Fabr. V. G.* X, 77. Тамъ же и указанія Харлеса. Тѣ же три (съ вариантами) и еще 15 обнародовалъ *Boissonade* въ *Anecdota Graeca* III, 429—436, по *codex Paris.* 968, p. 207. Изъ изданныхъ послѣднимъ нумера 11, 15 и 18 вошли въ сборникъ, изданный Хильбергомъ рядомъ съ Евстаѣевымъ (въ *Eustathii*. *Maer.*, стр. 213 и 214; а именно: εἰς τίνα, εἰς φρολόγιον (*Boiss.* αἱ ἔρα), εἰς ζυγόν (*Boiss.* τριάντη), какъ это уже было замѣчено самимъ Хильбергомъ (стр. 216 и 217). Къ трудамъ Пселлы приложены два энigmaty, на половину народные, изданные Саеомъ. См. *Saëus*, *Bibl. Gr. med. aevi*, V. V. *Faelli miscellanea*. *Par.* 1876, стр. 569—570.

²⁾ *Boiss.* A. G. III, p. 480, № 3; отгадка χρόνος. *Fabrizii*. *V. G.* XI, p. 699; отгадка того же энigmaty: ἰναυτός. Начало у *оболкъ*: εἶθον. Сравни этотъ энigmaty съ древнимъ ид. № 14.

³⁾ *Boiss.* *ib.*, p. 431, № 7.

⁴⁾ *Boiss.* A. G., III, p. 486, № 17. Евѣ. Въ *Eust. Maer.*, ed *Hilberg.*, p. 211-въ безымянномъ смѣшанномъ сборникѣ есть Εἰς τὴν Εὐαν ἴμας. Армянская объ Евѣ: „кто родился безъ отца?“ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. 2, отд. 2, стр. 92.

20: „Καὶ ἐκάλωσεν Ἄδαμ τὸ ὄνομα τῆς γυναῖκος αὐτοῦ Ζωή, ὅτι μήτηρ πάντων τῶν ζώντων“.

(50) „Нашлось животное пѣшеходное, но плывучее, одушевленное, но бездушное, дышащее, но бездышанное, ползучее, ходячее и дѣйствующее крыльями: слушай, дивись и рѣшай“. Это корабль = ναῦς ¹⁾).

(51) Про вѣсы = τροτάνη: „Я справедливъ, я веркъ справедливости; у меня шесть бедръ, хотя всего двѣ ноги“. Ср. Армян: „Шесть столбовъ, двѣ комнаты и одна перекладина“ ²⁾).

Эти пять загадокъ обходятся безъ урѣзокъ буквъ: такихъ у Пселла тринадцать; съ урѣзками же всего четыре, да одна разсѣчена: всѣхъ изданныхъ, какъ мы сказали, 18-ть. Подобно Евстацію, и Пселлъ тоже подобрался къ Руси, но не чрезъ Флѣросъ и хѣросъ, а чрезъ ἔρος (ῥός, ῥς=ός). Примѣръ разсѣченія слова надвое имѣеть въ Ἰωάννης: это переходъ къ шарадамъ, которыми кишатъ французскіе и нѣмецкіе сборники, чему способствуетъ свойство французскаго и нѣмецкаго языка: (52) „Я—имя, означающее Волюю благодать (замекъ на значеніе этого имени въ еврейскомъ языкѣ); имѣю два слога, выражающихъ восклицаніе печали (то-есть, *іω*); если пожелаешь меня раздѣлить, — завершить меня женщина во второмъ надежѣ женскаго рода“ (то-есть, Ἄννης) ³⁾).

Ужь по одному предпочтенію формы простой формѣ съ урѣзками Пселлъ Евстацію превосходить. Притомъ у Пселла нѣтъ сложенія чиселъ, соотвѣствующихъ буквамъ, нѣтъ которыхъ состоитъ предположенное слово, какъ наурниѣръ, у Оловола указанное нами φῶς. А главное, и по содержанію и по обработкѣ его стихи нѣщнѣ Евстаѳевыхъ и больше напоминаютъ древніе.

Помѣщенная между Пселловыми загадка про дымъ— κακός, повн-

¹⁾ *Boiss.* A. G. III, p. 434, № 14. Нач.: Ζῶν τι. Относительно ἐμφυγον, ἀλλ, ἄφυγον (γ. 2) сравни съ моно-греч. загадкой о кораблѣ: Ἄφυκος, φυγὴ δὲν ἔχει, καὶ φυγὴ κείρει: καὶ φεύγει. См. сборникъ Станатага въ Σολλογος (Κενο.) VIII, 400, № 9. Въ рукописномъ сборникѣ В. Э. Регеля такъ-же; но вѣсто καὶ φυγὴ тамъ φουαῖς.

²⁾ *Boiss.* ib., № 15. Начало: Δίκατος, ср. у Василія *Boiss.* ib. Basil, № 26, то же съ перенѣной одного слова. Ср. № 11, нождъ загагk Eic ζυγόν, въ сѣмъ-номъ сборникѣ у *Hilberg'a*, стр. 214, гдѣ тотъ-же выигль, что у *Boiss.* № 15, но нѣкому не приписанъ. Ср. прим. *Hilb.* на стр. 217. Арм. въ Матеріалахъ для опис. Кавк. Ч. 2, отд. 2, стр. 94.

³⁾ *Boiss.* ib., p. 435, № 16. Начало: κλῆσις.

димому, заимствована изъ сборниковъ древнихъ, какъ мы выше о томъ высказались.

Извѣстны пять или семь энигмовъ Авликалама: фамилія ли это, или прозвище, или псевдонимъ,—не извѣстно. Имя это, какъ предполагаетъ Буасонадъ, задано въ первомъ №, гдѣ сказано:

(58) „Я двуголовый, хоть душа и не имѣю; по природѣ своей я водяной и земной. Если отрѣжешь у меня двойную голову, то не переимѣнишь ни моего названія, ни моей природы“.

— Δίχορος εἰμί, καίπερ ἀψυχομένη.
ἐνάλιός τε καὶ γηρὰ τὴν φύσιν.
ἂν γοῦν τέμῃς μου διπλοῦνθαιον κάραν,
ἤμαιψας οὐ τὴν κλῆσιν, οὐδὲ τὴν φύσιν ¹⁾.

Буасонадъ поясняетъ, что въ словѣ ἀλικάλαμος есть значеніе придворнаго секретаря или префекта каникла ²⁾. Миѣ кажется, что тутъ два раза скрывается двойной смыслъ. Такъ какъ κάλαμος значить трость, изъ которой дѣлають орудіе и для писъма и для свирѣли; а сверхъ того въ первой половинѣ слова есть и значеніе двора и значеніе свирѣли,—то авторъ энигма будетъ и придворное перо и придворная свирѣль. Но онъ о себѣ только намекаетъ; описываетъ же только самое слово по его составамъ. Хотя во второмъ стихѣ эпитеты и относятся къ растенію, къ тростнику, но эпитетъ „δίχορος—двуголовый“ принадлежитъ не тростнику, какъ растенію, а всему этому имени ἀλικάλαμος, состоящему изъ двухъ словъ (головъ). Отрѣзавъ первую голову (ἀλι-), все же будемъ имѣть вторую — κάλαμος, означающую тотъ же предметъ.

Время, когда жилъ авторъ этой диковинки, такъ же не извѣстно, какъ и его имя. Послѣ двухъ предыдущихъ поставили мы его безъ увѣренности, но, судя по языку, слогу и размѣру, онъ, вѣроятно, древнѣе Василія Мегаломита. Предлагаемъ одинъ доводъ. Оба они написали по загадкѣ на слово καρίς ³⁾, родъ морскаго рачка, squilla или scilla, котораго нынче греки называютъ γαρίδα. Одна изъ загадокъ, очевидно, передѣлана изъ другой: но такъ какъ у Авликалама въ

¹⁾ Пять энигмовъ Авликалама издавъ Буасонадъ въ Apes. Gr. III, 453—4, по cod. pag. 2991. А. р. 443. Кромя сихъ, въ томъ же спискѣ есть еще два, которыхъ онъ здѣсь не помѣтилъ, потому что, одинъ изъ нихъ помѣщенъ между Псаломныи (№ 11), а другой между Васильевыми (№ 32).

²⁾ См. прим. къ № 1.

³⁾ Каріс см. Antical. № 3— Basilii Meg. № 11. (Boiss. III, 453, 441).

3-мъ стихѣ въ началѣ стоятъ εβρητοῦν, имѣющее, какъ и слѣдуетъ, второй слогъ долгій, а у Василія въ томъ же мѣстѣ и значеніи стоятъ δόκιμον, въ которомъ второй слогъ, вопреки размѣру, краткій, то такое упущеніе могло скорѣе произойти отъ позднѣйшаго писателя. И такъ Авликаламъ, повидимому, древнѣе Василія.

Вотъ еще одинъ образчикъ изъ Авликалама:

(54) „Ты состоишь изъ четырехъ буквъ, изъ двухъ слоговъ; ты явственно означаешь женскую природу: если же ты разомъ отнимешь двѣ крайнія буквы, то тобою будетъ названо одно изъ названій Божиихъ“
 — Εὐ τετραγράμῳ συλλαβᾶς φέρεται δύο, | δηλοῖς καθαρῶς τὴν γυναικείαν φύσιν.
 ἂν ἀκραῖοι γράμματων συνελθῶσι, | ἐν σοὶ καλεῖται τοῦ θεοῦ κληρικὴ μία.

Вуасонадъ пишетъ: „это можетъ быть γονή, Иппократовское названіе τῆς μήτρας (матрицы). Съ отнятіемъ крайнихъ буквъ γ и η, остается β. Можетъ быть и θῆλο (женскій полъ), гдѣ съ устраненіемъ крайнихъ θ и ο, окажется ἦλ еврейское имя Божіе. Это лучше“. Вторая догадка Вуасонада оправдана и заглавіемъ, находящимся надъ этимъ самымъ энигмомъ въ изданіи Хильберга ¹⁾.

Что Василій Мегаломъ—Большой Носъ жилъ позже Пселла, это утверждалъ Н. Г. Полить въ своемъ изслѣдованіи Вкладъ въ ученіе о языкѣ ²⁾. Онъ опирается на то, что загадка о чудѣ Моисеевомъ на Черномъ морѣ Василія есть переводъ Пселловой о томъ же предметѣ: къ этому сличенію мы еще вернемся. Теперь же мы приведемъ и наши сличенія загадокъ этихъ двухъ писателей. У нихъ попадаются и другія загадки очень сходнаго содержанія, при чемъ возникаетъ вопросъ: кто же кому подражалъ? Пселла пишетъ про δὺοξ — ноготь: (55) „Я часть человѣка, потому-то и рѣжетъ меня желѣзо: съ отнятіемъ буквы заходитъ солнце“ (то-есть безъ о будетъ νοξ—ночь). Василій о томъ же: (56) „Я часть человѣческаго тѣла, потому-то и очень отрѣзываетъ меня желѣзо. Состою изъ двухъ слоговъ: однако-же потомъ, оказавшись, по раздѣленіи односложнымъ, я мгновенно уничтожаю свѣтъ солнца“ ³⁾. Вторая пьеса раставута изъ первой: не говоримъ о плохомъ ея изложеніи. Энигмъ объ Эротѣ Пселла начинается словами: „Я крылатый и огненосный стрѣлокъ“, держась образа классическаго; Василій же, какъ бы въ противоположность, ступаетъ на почву реальную, выражаясь такъ: „нѣтъ въ мірѣ ни одного животнаго, котораго бы я не поборолъ на

¹⁾ *Voies*. III p. 453, № 2 и пр.1.—*Hilberg*, *Eust. M.* p. 211.

²⁾ Н. Г. Πολίτης, Γλωσσολογικὴ συμβολὴ ἐν Ὁ ἐν Κωνστ. Ἑλλην. Φιλολ. Ἐβδ. λογος, VIII, стр. 523.

³⁾ *Voies*. A. G. III, P. № 6, p. 431, *Vasil. M.* № 10, p. 441.

смерть, пожигая, рана безъ огня и лука¹⁾. Тутъ нельзя не видѣть, со стороны Василія, намѣреннаго соперничества, хотя оно ему и не подѣ силу. Дальше въ томъ же энигмѣ Пселлъ сопричислилъ 'Ρῶς къ „варварамъ“ съ своей точки зрѣнія; Василій же назвалъ 'Ρῶς „народомъ западнымъ рабскимъ“ (—ἔθνος βοσκικὸν δοῦλον), то-есть, прибавилъ нѣчто къ тексту Пселла—не умѣло и обличилъ этимъ нѣ-которое свое незнаніе.

Василій однако писатель не бездарный. Приведемъ вѣсколко его стиховъ.

(57) О свѣтѣ (φῶς): „Никто ясно не видитъ родившаго меня; когда кто видитъ что нибудь, то чрезъ меня видать; я же причиняю смотрящимъ — утрудненіе. Имя мое состоитъ изъ одного слога и всего трехъ буквъ. Я каждый день умираю и опять оживаю²⁾“.

(58) Объ умѣ или душѣ (—νοῦς ἢ ψυχὴ): „Хочу по землѣ и опять стремлюсь въ высь; веселитъ меня матерія, а не люблю я матерію. Ибо еслибъ я ее любилъ, то и внимателенъ былъ бы какъ къ другу; однако-же я ея-то больше превозношусь; и отъ земли вверхъ возношу голову“³⁾“.

(59) О небѣ (—οὐρανός): „Я портникъ, не состоящій ни изъ дерева, ни изъ камней, ни изъ какого-нибудь тлѣннаго вещества; никто меня не ворочаетъ, а я бѣгу мимо, никто не побуждаетъ, и я опять прихожу въ порядокъ“⁴⁾“.

(60) Про пѣтуха (—ἀλέκτωρ): „Есть такой мужчина, что вышелъ изъ бѣлаго камня; издали борода сверкаетъ какъ пламя; подѣ ногами земля сотрясается; закричитъ,—демоны разбѣгаются; отъ его крыльевъ вѣтромъ вѣетъ“⁵⁾“.

Слова о демонахъ основаны на повѣрѣхъ, существующемъ у многихъ народовъ: это повѣрье, напримѣръ, и въ русской загадкѣ про пѣтуха: „Два раза родится, ни одного не крестится—чортъ его бьется“⁶⁾“.

(61) Про книгу (—βιβλίον): „Я бѣла, а вовсе не лицо; имѣю листья, а не рѣдья; хоть и содержу въ себѣ божественныя и мудрыя слова, и часто лежу на столѣ; но нимъ (людямъ) и въ пищу не гожусь“⁷⁾“.

1) Ib. Pa. № 9, p. 432; Vas. № 25, p. 445.

2) Ib. Vas. № 2. Начало: Οὐδαίς.

3) Ib. id. № 40. Нач. Βαίτω.

4) Ib. id. № 41. Нач. Στοά.

5) Ib. id. № 23, p. 445. Нач. ἔστι τις.

6) Сидоренковъ, Загадки рус. нар. № 943 (Сам. г. Отавр. у. с. Озерки).

7) Boiss. A. G.—Vas. № 15, p. 442.—Нач. Δευκόνα.

Три первыхъ—книжныя; отъ двухъ послѣднихъ отымается чѣмъ-то народнымъ. Вотъ еще одна подъ заглавіемъ „βιβλος“, причеиъ, судя по содержанию, авторъ разумѣетъ не книгу, а „письмо, записку“; она написана въ подражаніе древней Антифановой, нами приведенной выше о письмѣ ¹⁾: (62) „Есть женское существо, крикливое и болтливое, скрывающее и спасающее въ лонѣ своемъ малютокъ ²⁾“; безголосыя тѣ малютки и говорить не научены; однако-же у нихъ рѣчь лютвенная и громкая; хотя бы то на водахъ морскихъ, съ кѣмъ вздумаютъ — разговаривать; досягаютъ и до островитанъ и до жителей материковъ. А многія, хоть и на лицо, а ихъ не слышать. У малютокъ слуха нѣтъ ³⁾. Глухоту Антифанъ комикъ приписываетъ людямъ, не понимающимъ прочитаннаго; а не появившій Антифана Василій приписалъ глухоту малюткамъ (кингѣ, буквамъ) ⁴⁾.

О византийскихъ энигмахъ, изданныхъ С. П. Ламбромъ, мы отозвались въ другомъ мѣстѣ ⁵⁾: выше мы уже упомянули, что открытый и изданный имъ сборникъ мы будемъ называть Діонисіевскимъ. Объ эпохѣ составленія этихъ энигмовъ самъ надатель пишетъ слѣдующее: „Они написаны холіамвами. Хотя намъ и не извѣстны безименный ихъ извѣстъ, изъ качества стиховъ, въ которыхъ число слоговъ преобладаетъ надъ просодіей и которые большею частью лишены цезуры, мы можемъ предположить, что они сочинены въ позднѣйшія времена византийскаго

¹⁾ См. у насъ подъ № 19.

²⁾ Вуасовадъ, не жившій въ памяти энигма Антифанова (здѣсь № 19), объясняетъ Василевъ энигму, какъ книгу, а малютокъ, какъ листы книги: „Ἡ βιβλος φύλλα κρύπτει“ (nota 4). Но по смыслу Антифана (2-е объясн.) у Василія разумѣть надо письмо и письмена.

³⁾ Антифанъ: „τοῖς δ' οὐδὲ κροῦσιν ἀκοῦσιν | ἔστιν κωφὴν δ' ἀκοῆς αἰσθησιν ἔχουσι“. А въ разрешеніи: „ἕτερος δ' ἀν τὸ χυ τις κλησίον | ἐστὼς ἀναγνῆ; νόστος οὐκ ἀκοῦσται“. Василій: „Πολλοὶς δὲ οὐκ ἔστιν αὐτῶν ἀκοῦσιν καὶ κροῦσιν | τῆς δ' ἀκοῆς τὴν αἰσθησιν κωφὴν ἔχει τὰ βρέφη. (Athén. X, 73. Boiss. An. Gr. III, p. 450—451, № 39). Послѣ ἔστιν въ изданіяхъ Аониса Швейкхейзеровъ и Мейнхеконъ стоитъ верхняя точка, такъ что ἔχουσιν будетъ 3 л. ии. ч. наст. вр. въ изъяс. нѣтъ; намъ кажется, что если эту точку устранить и этимъ путемъ получить дат. над. ии. ч.—причастіа наст. вр., то это чтеніе будетъ лучше.

⁴⁾ См. у Антифана у Аониса X, гл. 73 и здѣсь № 19.

⁵⁾ Сборникъ этотъ помѣщается въ рукописи Діонисіевой Аониской обители, нѣмъ на бумагѣ, по мнѣнію надателя въ XVI в. (листы 185, а—1903). Статьи Ламбра въ Δελτικόν τ. ιστορ... εταρ. Т. II, τὰ 5 (1885) 'Αθῆν. Мой разборъ этой книги въ Ж. М. Н. II, ч. 252. Отд. 2., см. стр. 166, 167.

царства, быть можетъ въ XIV или XV столѣтїи¹⁾... Относительно языка г. Ламбръ замѣтилъ сочетаніе *εἰ* съ сослагательнымъ и часто повторяющійся именительный независимый падежъ. Быть можетъ, этихъ наблюденій почтеннаго ученаго было бы и достаточно для того, чтобъ побудить насъ помѣстить эти зигмы послѣ Васильевыхъ, хотя, впрочемъ, и у Василїа *εἰ* сочетается иногда съ сослагательнымъ; но эти наблюденія не удержали насъ отъ дальнѣйшаго разбора означенныхъ сборниковъ въ виду точнѣйшаго опредѣленія ихъ взаимнаго отношенія—по времени. Мы замѣчаемъ, что № 20 Діонисіевскаго сборника подражаетъ разомъ и Целлову № 13-му и Васильеву № 6-му²⁾. Всѣ три имѣютъ предметомъ воскъ—*κηρίον*. Въ концѣ каждаго изъ нихъ сказано, что по откинутїи четырехъ первыхъ буквъ *βυτῶς δὲν εὐρήσεις* = „найдеши истинно сущее“—буквально тѣми же словами. По поводу остающагося, по отнїтїи первой буквы, слова *ἤριον* = „могила“—у Василїа находимъ: „*δάχρυα κινῶ καὶ μόνης ἐκ τῆς θεᾶς*“ (стр. 4); а въ Діонисіевскомъ сборникѣ: „*πλήρω δακρύων τὰς ὀφθαλμοὺς ἐκ τῆς θεᾶς*“ (стр. 11), то-есть, „слезы проливаю отъ одного вида“; „наполню глаза слезами при видѣ“: это лишь перифразъ одного и того же образа. Въ этой загадкѣ Діонисіевскїй сборникъ кое-что поубавилъ и измѣнилъ, и очень много прибавилъ, особенно въ формѣ сложенія цифръ, превращенныхъ изъ буквъ³⁾. Въ загадкѣ *Χαρά* = радость, Діонисіевскїй сборникъ (№ 22) повторяетъ загадку № 3 Васильеву, прибавляя исчисления и замѣщая насмѣшливыя восклицанія *ᾄ ᾄ* противъ монаховъ скучнымъ толкованіемъ, которому старается придать видъ остроумїа, говоря: „первая буква (въ *α*) тожественна съ крайнею, а въ серединѣ обѣихъ остается всегда та, которая есть средняя“⁴⁾. Итакъ, обѣ упомянутыя загадки Діонисіевскаго сборника передѣланы изъ Васильевыхъ, чѣмъ и доказываются ихъ болѣе позднее происхожденіе.

¹⁾ Δελτιον, ib., стр. 153.

²⁾ Ib. стр. 163, № 20; *Boiss. A. G.* III, Pelli № 13 (р. 433), *Vasili* № 6, р. 439.

³⁾ „Число этихъ буквъ десять разъ пять, да трижды три, да пятьдесятъ разъ четыре“ то-есть, $5 \times 10 + 3 \times 3 + 50 \times 4 = 259$. — Вуламъ, обращенными въ дщери, даютъ почти то же число:

$$\begin{array}{ccccccccc} \kappa & + & \eta & + & \rho & + & \iota & + & \sigma & + & \nu \\ 20 & + & 8 & + & 100 & + & 10 & + & 70 & + & 50 & = & 258. \end{array}$$

⁴⁾ Δελτιον, ib. р. 164, № 22, Ламбротъ прочитано вѣрно — *χαρά*; *Boiss. A. G.* III, р. 438, № 8. *Χαρά*.

Между Діонисьевскими загадками есть и подражаніе древней. Вотъ древняя:

(63) Ἐν φαειρᾷ γενόμεαν, κάτραν δά μου ἀλμυρὸν βδερ
ἀμφίς ἔχει. μάτηρ δ' ἐστ' ἀριθμοίο καίς.

„Я родился на видномъ (то-есть, островѣ, говорить о себѣ Аполлонѣ); родившу мою объемлетъ вода соленая; мать моя—дочь числа“. Здѣсь φαειρᾷ есть синонимъ δῆλος: оба слова означаютъ: „видный, явный, стоящій на виду, вѣстный“: во второе есть и имя собственное острова, гдѣ родился Аполлонъ. Мать Аполлона Лето была дочерью Кіа (Κοίωο), македоняне же словомъ κοῖον означаютъ число: стало быть ἀριθμοίο καίς наводитъ на Κοίωο καίς, то-есть, на Лето¹⁾. Вотъ какъ передѣлалъ это авторъ № 11-го въ Діонисьевскомъ сборникѣ, разумѣя тоже слово Δῆλος (64): „Мое двусложное имя означаетъ видный и одинъ изъ островковъ (Τὸν ἐμφανῆ καὶ τὴν μίαν τῶν νησίδων | ἢ διούλλαρος κληῖς μου ἐμφανί(αι). Оно относится къ обоимъ родамъ. Его образуютъ пять буквъ. О гостѣ! число, ими выражаемое, есть дважды шесть вмѣстѣ съ шестью пятьдесятъ. Отскобливъ первую букву, тотчасъ назовешь желѣзный гвоздь (безъ δ слово Δῆλος окажется ἦλος „гвоздь“; чтó здѣсь въ византийской загадкѣ подсказано впередъ словами: γόμφον οὐδέρηρον). Откинувъ и третью, назовешь часть рѣчи, по имени членъ, въ именительномъ падежѣ мужскаго рода (то-есть δς)²⁾. Какъ въ древне-греческомъ стихкѣ, такъ и въ средне-греческомъ его подражаніи помѣщены синонимы отгадываемаго слова³⁾. Подобно этому и по новогречески загаданъ: „боченокъ—βαρέλι“; между тѣмъ въ самой загадкѣ употреблено слово κοντοκίθαρος—„коротенькій боченокъ“ (65): „Сынъ мой (сказано) коротенькой боченокъ со многими поясами“=ὁ γυῖός μου ὁ κοντοκίθαρος | μὲ τὰ πολλὰ ζωνάρια“. Правда, въ вариантѣ стоитъ κοντοθόδωρος = коротенькой

¹⁾ Энциклъ и объясненіе св. въ Athen. X., cap. 83. — Онъ недалеко и въ Anth. Gr. Bunsck-Jacobs, T. IV. p. 286. См. Animadversiones къ T. III, p. 342—8 (гдѣ любовитыми замѣчаніа Якоба)—и въ Anth. Gr. Jacobs, T. II p. 814. Мы здѣсь держались Аеннея по изд. Мейнке.

²⁾ Δελτιον. Ιστρ... Ἐτ. T. II. τεύχ. 5. Стр. 159 — 160, № 11. Числа $2 \times 6 + 6 \times 50 = 312$.—И по буквамъ столько же:

$$\begin{array}{cccccc} \delta & \eta & \lambda & \omicron & \varsigma & \\ 4 & + & 8 & + & 30 & + & 70 & + & 200 & = & 312. \end{array}$$

Δῆλος—имя острова и „видный“ и т. п. δς, иѣстоименіе, которое въ гречѣ позволительно было прозвать и членомъ (ἄρθρον).

³⁾ Ср. выше Πηλείδης зд. № 41. Еѣа № 49.

Θεодρῳ¹⁾. Приведемъ и вариантъ (66): „Ὁ γυῖός μου ὁ Κοινοθόδωρος | πολλὰ ζωνάρια ζώνεται |, ζώνεται ξεζώνεται | καὶ ξεζωμοὺς δὲν ἔχει.“=„Сынъ мой, коротенькiй Θεодоръ, многими поясами опоясывается, опоясывается—распоясывается, а все же совсѣмъ-то не распоясается“. Эпигрмъ, приведенный здѣсь первымъ, легокъ, второй—труденъ; быть можетъ, такъ и нужно въ игрѣ:—то затрудить, то облегчить. Среднимъ по степени трудности рѣшенiя можно считать слѣдующiй: „ὁ θεῖός μ' ὁ κοινοθόδωρος μὲ τὰ πολλὰ ζωνάρια“=„дядя мой коротенькой кубарь съ многими поясами“²⁾).

Въ Дюннсьевскомъ сборникѣ есть одна шьеска, подъ которою въ кодексѣ подписано слово Ἄννα. Ошибочность этой подписи уже указана была издателемъ С. Ламбромъ. Мое предположенiе о томъ, что должно считать разгадкой γαῖα=земля, кажется, не подлежитъ сомнѣнiю. „У меня четыре буквы (сказано тамъ); чтоже я такое? лишаюсь одной (буквы) и опять оказываюсь тѣмъ же (то-есть γαῖα безъ γ будетъ αἶα означающее тоже=„землю“). Мною произведены всѣ находящiяся на мнѣ существа. Лишаюсь и второй (буквы) и оказываюсь немногими частицами произведенныхъ существъ—пестротою луговыхъ благоуханiй (по отнятiи α будетъ ἶα—фиалка). Въ этихъ трехъ буквахъ есть что-то забавное; и если хочешь узнать, такъ узнавай: конецъ трехъ буквъ имѣю началомъ, среднюю имѣю въ срединѣ, а начало пишу вмѣсто конца“ (въ словѣ αἶα: α=α, въ срединѣ же iota³⁾). Здѣсь считаемъ умѣстнымъ замѣтить, что такъ какъ ученые греки эпохи турецкаго ига продолжали вообще писать древне-и средне-греческимъ языкомъ, то понятно, что и загадки писались часто этимъ книжнымъ языкомъ. Такъ, можно догадываться, что и рукописныя загадки Герасима Критяннина, патрiарха Александрiйскаго, жившаго въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтiя, писаны не по новогречески⁴⁾.

При сравненiи доступнаго намъ матеріала средневѣковыхъ гре-

¹⁾ Νεοελλ. Α. σφ. ΜΜ 31 π 266. — Συλλ IX, 351, № 17. Только тамъ γυῖός, а здѣсь θεῖός—дядя (ὁ κάδος).

²⁾ Δελεκοο Δηροτικῆ ἀνθολογiα, Αθῆν. 1852.—На послѣдн. стр. Αινιγματα.

³⁾ Δελτιον Ἰστ. I, б. р. 158—159, № 8. Начало: ἔχη.

⁴⁾ Рип. подъ № 753 (Κεκοσοειν. обит. № 51, 6) (по Καταλογος Δακτρρο) оваглавлено: „Αινιγματα τiνα πάνυ ἑραῖα κοιθῆντα ὑκὸ τοῦ μαχарιωτάτου κακα καὶ πατριάου ἸΑλεξανδρείας κ. Γερασίου“. О самомъ Герасимѣ см. Demetrij Procorii De eruditie Graecia, гл. 9. (Помѣщено это соч. съ латин. перев. въ Fabr. В. Gr. XI, см. стр. 523 (Hagl).

ческихъ загадокъ съ древними замѣчаемъ, что между средневѣковыми предметами отвлеченные не составляютъ рѣдкости: такъ, у Василия ихъ больше четверти; ихъ значительно меньше четверти у Пселла. Въ древнихъ, напротивъ того, случаи загадыванія предметовъ отвлеченныхъ—рѣдки ¹⁾. Рѣдкость отвлеченныхъ предметовъ усматриваемъ и въ Діонисіевскомъ сборникѣ; въ Естаѳьевомъ же и вовсе ихъ нѣтъ; и однако-же это отрицательное сходство ихъ съ древними не дѣлаетъ ихъ похожими на тѣ.

Другой признакъ различія между древне-эллинскими и византийскими энigmatи—это частое употребленіе послѣдними урѣзковъ. У Евстаѳія и въ Діонисіевскомъ сборникѣ всѣ заданныя слова съ урѣзками; у Пселла ихъ около $\frac{1}{4}$, у Василия около $\frac{1}{8}$. Но помню заимчивость, которую находили въ тѣ времена въ этой игрѣ звукамъ и словопревращеніямъ, не имѣли ли урѣзки какого-нибудь особаго значенія? Намъ кажется, что за неумѣніемъ намекать на заданное слово посредствомъ описанія, сравненія, контраста, автору было сподручно содѣйствовать разгадкѣ путемъ урѣзковъ (или другихъ способовъ—псевдограмматическихъ и арнеметическихъ). Такъ, напримеръ, не буди урѣзковъ, слѣдующая загадка $\delta \nu\omicron\varsigma = \mu\upsilon\mu$, могла бы быть объяснена какъ $\psi\omicron\chi\eta = \mu\upsilon\sigma\eta$ —душа, въ которой тоже 4 буквы (67): „Я властелинъ человѣческаго существа, двигаю вѣчнодвижно каждое человѣка; между мною и прирожденнымъ мнѣ тѣломъ—непримиримый бой. Отнявъ первую мою букву, ты тотчасъ назовешь—органъ чувства ($\nu\omicron\varsigma = \mu\upsilon\sigma\eta$). Отнявъ вторую, узнай тотчасъ четвероногое животное ($\delta\varsigma = \mu\upsilon\sigma\eta$)“. Если древніе употребляли урѣзки, то, вѣроятно, очень рѣдко, такъ какъ изъ числа завѣдомо древнихъ загадокъ намъ неизвѣстно ни одной съ этой особенностью. Въ Анеологій Палатинской есть такая загадка о ногѣ $= \nu\omicron\varsigma$ (68): „Я именованный членъ у животныхъ: если отнимешь у меня одну только букву, я стану частью головы ($\nu\omicron\varsigma = \mu\upsilon\sigma\eta$); если же и другую, стану животнымъ ($\delta\varsigma = \mu\upsilon\sigma\eta$); если же еще одну, найдешь не одну, а двѣсти“ (то-есть— α , означающую это число). Эта загадка пересказана Василиемъ и авторомъ Діонисіевского сборника ²⁾. Есть въ той же Анеологій энigmatъ, въ

¹⁾ Ср. $\chi\rho\theta\omicron\varsigma$ —время между $\gamma\rho\theta\omicron\varsigma$ $\lambda\omicron\gamma\iota\kappa\omicron\iota$ (ед. № 14) и между Псаломными (ед. № 51).

²⁾ Приведенная нами загадка о $\nu\omicron\varsigma$ находится въ № 106 въ Anthol. Graeca, Jacob. T. II. На то же слово у Василия, *Βοίης*. An. G. III, № 12, въ Діонисіев. Сб. *Δελτίου* II, 5, № 7.

которомъ къ одному слову нужно прибавить слогъ, чтобъ вышелъ смыслъ:

(69) Οἶνοο τὴν ἑτέραν γραφὴν μητέρα, καὶ θὰς ἐκ' ἀρθρῶν
ἀρθρῶν, καὶ πατρὴν πατρὸς ἀκοίτιν ὄρῃς.

Или по исправленію Вутмана τοῦ πατρὴν πατρὸς ἀκοίτιν, ὄρῃς. „intelligi autem (то-есть, онъ полагалъ) verba ὁ μηρός, unde Bacchus genitus addito articulo est ὁ Ὀμηρός; hujus patria Σμύρνα, eadem ac Μύρρα, quae cum patre concubuit“¹⁾.

Куда отнести означенныя загадки, приведенныя нами изъ Анео-логии? онѣ больше похожи на византийскія, но съ увѣренностью мы не можемъ отвергать ихъ древность. Мы привели изъ Пселла энигмъ про ногу—δνοξ (см. № 55), который, не смотря на урѣзку омикрона для составленія νόξ, больше похожъ на древній, чѣмъ на византийскій. Что и въ древности бывали кружки и даже эпохи, не отличашіяся хорошимъ вкусомъ, это читатель могъ видѣть изъ выдержекъ, сдѣланныхъ нами изъ Клеарха и Аэнея; рѣшались отрѣзывать начальный и крайній слогъ стиха, для составленія изъ нихъ какого-нибудь слова. Въ такъ-называемой „грамматической трагедіи“ Калли дѣйствующія лица принимали названіе и видъ буквъ греческой азбуки и маневрировали на сценѣ по командѣ; въ стихи входила такъ-называемые склады, въ родѣ „буки азъ“ и т. п. И это происходило въ Аэинахъ во время Софокла и Еврипида²⁾.

Итакъ, если со временемъ и будетъ доказано присутствіе урѣзокъ въ древнихъ энигмахъ, то все же это не будетъ ихъ характеристическою чертою, и все же частое употребленіе урѣзокъ останется отличительнымъ признакомъ средневѣковыхъ.

Еще одну примѣту различія составляютъ растянutosть и тяжеловатость византийскихъ энигмовъ въ сравненіи съ краткостью и легкостью древнихъ. Впрочемъ, склонность къ растинутости и тяжелымъ оборотамъ осмѣялъ, какъ мы видѣли, въ своихъ современникахъ, а можетъ быть и специально въ эннмографахъ, еще древній комикъ³⁾.

¹⁾ См. Anthol. Gr.—Br.—Jac.—Т IV, р. 293, № 33; и Animadv. къ сому Vol. III, Р. 2, р. 863.

²⁾ Athen. X. стр. 79.—„грамматикὴ τραγῳδία“ Калли вещь не совсѣмъ развлекательная.

³⁾ См. выше №№ 23 и 27.

Древніе энигмы бывають иногда остроумны и игривы; такими византійскіе бывають очень рѣдко: они серьезны и сухи, а это не къ лицу игрушкѣ воображенія. До какой степени сталъ серьезенъ ихъ характеръ, явствуетъ изъ того, что византійскіе книжники не усомнились внести въ нихъ ангеловъ, святыхъ, добродѣтели. Однако это произошло отнюдь не по глумленію, а оттого, повидимому, что они считали энигмъ однимъ изъ серьезныхъ способовъ умственнаго развлеченія, достойнымъ людей высшаго развитія. Отмѣтимъ изъ Василія, какъ особенно выдающійся примѣръ:

(70) „Я и херувимовъ честиѣ, и серафимовъ блаженнѣе, и во мнѣ больше сіянія, чѣмъ въ солнцѣ. Не надѣйся кто-либо найдти во мнѣ дѣву, какую-либо жену изъ добродѣтельныхъ. А буквъ во мнѣ всего пять“.

— Καὶ τῶν χερουβὶμ εἰμι τιμωτέρα,
καὶ τῶν σεραφὶμ ὑπεροβιωτέρα,
καὶ τῶν σπλκνοτήτων ἡλίου κλέον φάω.
Μὴ Παρθένον τις ἐλπίσῃ με τοῦχάνειν,
γυναῖκά τινα τῶν ἐναρέτων μίαν.
Ἔχω δὲ καὶ γράμματα πάντε καὶ μόνον ¹⁾.

Васонадъ предполагають, что это Марія Египетская или какая либо другая личность того же имени ²⁾: этотъ эллинизмъ, должно быть, въ стихѣ 5-мъ подразумѣваетъ предложеніе утвердительное, въ родѣ „ожидай одну изъ женъ“. Но какимъ образомъ одна изъ женъ можетъ быть выше силъ безплотныхъ? По-моему γυναῖκά τινα зависить отъ предыдущихъ словъ μὴ τις ἐλπίσῃ με τοῦχάνειν = „да не ожидаетъ кто либо, что я“ и т. д. Стало быть это не женская личность. Напрасно почтенный ученый отвергъ приписанное на полгѣ слово ἀγάπη; больше я быть нечему, какъ ἀγάπη — любви евангельской: не дѣва, не жена, свѣтлѣе солнца, честиѣ безплотныхъ и 5 буквъ. Эта „загадка“ напоминаетъ „опредѣленіе“ понятія ἀγάπη въ стихотворномъ сочиненіи „О добродѣтели и пороки“, одними списками приписываемаго Пселлу, а другими Продрому.

¹⁾ Boiss. An. Gr. III, Basil. N. 37, p. 449—450. Первые два стиха Василія представляютъ перенеръзъ начала канона на Великую Пятницу ἑδὴ Ἔ'. — Оттого онъ и предупреждаетъ: μὴ Παρθένον τις ἐλπίσῃ με τοῦχάνειν.

²⁾ Id. p. 450, n. 1.

Любовь евангельская.

„Я источникъ и кругомъ обтекаю, ибо всѣ добродѣтели въ (одинъ) кругъ сжимаю“.

= 'Αγάπη.

Ἐγώγε πηγὴ καὶ περιρρέω κύκλῳ·

καὶ γὰρ ἀκάσας ἀρετὰς σφίγγω κύκλῳ ¹⁾).

Спрашивается, какое различіе между выписаннымъ выше произведеніемъ Василія и только-что приведенной выдержкой, имѣющей тотъ же предметъ? Первое не называетъ предмета; надъ второй стоитъ заглавіе. Первое опредѣляетъ отрицательно: „не то, не то“, извѣстный приемъ загадокъ; вторая даетъ опредѣленіе въ утвердительной формѣ. Первое выставляетъ число буквъ; второй этого не нужно дѣлать. Мы себѣ позволили это отступленіе, вопервыхъ, для подкрѣпленія довода въ пользу ἀγάπη въ загадкѣ № 37 Василія, а во вторыхъ, имѣя въ виду неразъясненность формъ византійской литературы. Наконецъ, относительно того свойства, по которому загадки могутъ быть не удобны для печати или, какъ русскій народъ выражается, не хорошо загадываются, скажемъ, что это свойство, котораго не избѣгали древніе эллины, и особенно ихъ комики, совершенно отсутствуетъ въ книжныхъ византійскихъ загадкахъ, на сколько онѣ извѣстны. Новогреческія же загадки, подобно древнимъ, представляютъ иногда примѣры, не удобныя для печати.

Трудно высмотрѣть народную греческую загадку въ письменныхъ памятникахъ, доставшихся намъ изъ міра классическаго и византійскаго. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, богатая письменная литература древнихъ и средневѣковыхъ грековъ почти заслонила собою устное народное слово. Читатель могъ убѣдиться изъ нашей статьи, что мы сдѣлали попытку выдѣлнить изъ древне- и среднегреческихъ загадокъ кое-что, сохранившееся въ письменномъ преданіи съ характеромъ устнаго народнаго слова. Это послѣднее необходимо изучать въ самомъ нынѣшнемъ греческомъ народѣ, или въ тѣхъ

¹⁾ Τοῦ σοφοῦ τοῦ ψελλοῦ ἀρβῶνι εἰς ἀρετὰς καὶ χακίας — въ Heraclidis Pontici... Allegoriae in Homeri fabulae de diis... C. Gesnero... interpreta. Basileae. (Подъ предмел. 1544 г.; томѣ въ концѣ книги). Означенные ямы здѣсь въ видѣ приложенія 3-го. — Подъ именемъ Τοῦ Προδρομοῦ по жод. 2761, p. 292 Biblioth. olim Abbatiae Florent. издавъ Pissocolo томѣ стихотвореніе въ Supplément à l'Anthologie grecque. Paris. 1853. p. 220—225.

матеріалахъ, которые собраны въ разныхъ мѣстностяхъ, населенныхъ греческимъ племенемъ. Кажущееся новымъ не всегда ново: въ немъ можетъ крыться очень старое ¹⁾).

Мы здѣсь помѣщаемъ указаніе только на тѣ сборники загадокъ, которыми намъ удалось воспользоваться.

1. *Νεοελληνικά Αναλεκτά*, Αθην. 1871. Весь выпускъ 4-й I тома посвященъ народнымъ загадкамъ подъ заглавіемъ *Δημοφθ ἀινύματα*. Онѣ собраны изъ разныхъ мѣстностей 11-ю лицами, въ числѣ 351. Означены отгадки и мѣстности. Въ сожалѣніи, очень мало объяснено рѣдкихъ, иногда областныхъ, словъ: такіа объясненія собирателю либо извѣстны, либо могутъ быть легко сообщены мѣстными жителями; далекому изслѣдователю они крайне нужны.

2. *Δελέχοφ, δημοτικῆ ἀνθολογία*, 1852.—На послѣдней страницѣ находится тутъ нѣсколько загадокъ, къ которымъ, впрочемъ, не приложены разгадки.—Второго изданія я не видалъ.

3. *Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦτος. Ὑπὸ Σαβ. Ἰωαννίδου*. Κωνστ. 1870. Здѣсь на стр. 271—2 помѣщены 24 энигма съ рѣшеніями. Очень любопытны особенно по говору.

4. *Σταματέλου, Συλλογὴ τῶν ζωντῶν μνημάτων ἐν τῇ γλώσσῃ τοῦ Λευκαδίου λαοῦ*, помѣщено въ *Ὁ ἐν Κωνσ. Ἑλλ. Φιλολ. Συλλογος*. Т. VIII. Здѣсь въ отдѣлѣ *Αινύματα* есть десять загадокъ, употребленныхъ на островѣ Св. Мавры,—и разгадки ихъ (стр. 399—400).

5. *Μαραγγού*, 3 загадки въ томъ же VIII томѣ *Σύλλογα*.

6. *Χαβιτάρῃ, Ἐρμαϊκῆ διαλεκτος*, стр. 489 — 90; 18 загадокъ съ острова Сими.

7. *Χιακῆ διαλεκτος*, стр. 494; 5 загадокъ *Χίψικιων*.

8. *Ν. Τ. Πολίτου, Γλωσσολογικὴ συμβολή*—въ томъ же томѣ *Σύλλογα*, на стр. 513—526. Собраны изъ разныхъ источниковъ 46 загадокъ, приложены 19 неизданныхъ; сдѣланы любопытныя сближенія нынѣшнихъ народныхъ съ древними и средневѣковыми, и указаны 11 сборниковъ.

9. *Μανασσίδου*, въ *Ποικιλῇ Ὑλῇ* помѣщены 17 загадокъ *Ἐνских* (*Αἰωνοῦ*) и *Имврских*, стр. 350—351.

10. Кромѣ означенныхъ большую пользу намъ принесъ рукописный сборникъ греческихъ загадокъ, составленный въ *Ἐνῆ* (=Ἐνόςῃ)

¹⁾ Было бы очень интересно изучить тѣ загадки, которыя входятъ въ составъ сказокъ и особенно сказки, основанныя на загадкахъ, но это завело бы насъ далеко. См. замѣчанія объ этомъ у г. *Πολιμα* въ *Σαλονῆς Βουλτ.* VIII, 518—519 и 525.

В. Эд. Регелемъ въ 1887 г. Собиратель предоставилъ мнѣ этотъ тщательно составленный сборникъ съ отгадками, ссылками и примѣчаніями въ пользованіе, за что приношу ему искреннюю благодарность. Здѣсь помѣщены 93 загадки. — Намъ не извѣстенъ ни одинъ собиратель новогреческихъ загадокъ, который составилъ бы сборникъ ихъ въ такомъ значительномъ количествѣ.

Прежде нежели мы представимъ какія-либо сравненія, мы выпишемъ въ переводѣ нѣсколько новогреческихъ загадокъ, желая передать хотя отчасти то впечатлѣніе простоты, свѣжести, наглядности, которое онѣ производятъ въ подлинникѣ. При немногихъ приложимъ и подлинныя слова.

(71) Солнце: „Иду я въ церковь, замыкаю свой домъ; ворочаюсь домой и въ домѣ нахожу вора“¹⁾. — Солнечный лучъ: „замыкаю, задвижку закладываю,—а вора внутри нахожу“²⁾.

(72) Небо: „Смоковница высока, не взойдти, ночью родитъ смоквы“³⁾.

Небо, солнце, мѣсяцъ: „Садъ длинный, садъ широкій, въ немъ много (всякихъ) лимоновъ, да два большихъ“⁴⁾.

(73) Огонь: „Красный мой барашекъ дровъ поѣсть и на свѣтъ покажется, воды поѣсть и помреть“⁵⁾. Иначе: (74) „На лугу Аргосскомъ есть красный бычокъ: пожираетъ камни, пожираетъ дрова, а завидитъ лишь воду—такъ и помреть“⁶⁾.

(75) Соль (ἀλάτι): „Не посеяна, не посажена, по свѣту исвана“.

Ἄσκαρτε κί ἀφότητο
ὅτων κίσμον κολοῦράτο⁷⁾.

(76) Лѣсъ корабельный: „На горѣ я рожденъ, на горѣ воспитанъ, сталъ чернымъ арапомъ и въ море спущенъ“⁸⁾.

(77) Лоза виноградная, виноградъ, вино: „Отець горбатый,

¹⁾ Νεσελλ. Α. ν. № 192; ср. ав. 193.

²⁾ Ἐλλογος VIII, 400 (8). Ἐλλ. IX, 351, № 14, Вар.

³⁾ Ν. Α. № 14.

⁴⁾ Ν. Α. ν. № 336.—Иначе у В. Э. Регеля, № 65.

⁵⁾ Регель, № 86.—Вариантъ въ Сл. VII, 489, 8.

⁶⁾ Я слышалъ канъ загадку острова Калинина.

⁷⁾ Ν. Α. ν. № 262. Ср. иначе ib. № 6. Другую греческую о соли см. ниже здѣсь № 118.

⁸⁾ Сл. VII, стр. 524 (7).

смыѣ хорошій, внукъ бѣшеннѣ¹⁾. (Вар. „Мать кривошея, дочка золотая, внучка бѣшенная“²⁾).

(78) Рожокъ сладкій (=ξολοκέρατο, χαροῦκι): „Вѣшникъ я родился, а чернымъ сталъ, да на старости и зубы качаются“³⁾.

(79¹⁾) Гранатъ (=τὸ ῥάδιον=ῥάδι): „Коробля, коробейка, наполнена красными платьями“⁴⁾.

(79²⁾) Арбузъ (χαρκοῦζι): „Урна ты моя ираморная, гладкая, лютая, съ рибушками черненькими, съ водичей студеное“⁵⁾.

(80) Губка (σφογγήρι): „Кадка вся дырчатая, а капли воды не пропустить“=χλιοτρόκητο λαγῆνι 'πόδ' ατλάει νερό δὲ χύνει“⁶⁾.

(81) Слизнякъ (σάλιαρχας): „Есть одна вещь: что это за вещь! Съ рогами, а не быкъ! Что это за чудо! носить сѣдло, а не осалъ, что это за чудо!“⁷⁾.

(82) Морской ежъ (ἀχινέος): „Круглая башня, вооруженная пушками“⁸⁾. Иначе: „Круглый, круглый монахъ, нагруженный кольями“⁹⁾.

(83) Паукъ (ἀράχνη): „Охотой я всегда живу, а по гѣсамъ не хожу; я не рыбакъ, а сѣти плету и ставлю, съ бѣдняками возмусь, а бѣдности никогда не знаю, крохотными нищенками вузо наполняю“¹⁰⁾.

Курица: „Добрая хозяйка безъ муки печетъ пирожокъ“=Μία καλή νοικοκυρίτσα χωρίς ἀλεύρι φτιάει' πιτίτσα“¹¹⁾.

(84) Чернаха (χελώνη): „Небо что мѣдь, земля ровна, кончатъ лапки, змѣнная голова“¹²⁾ =Οὐρανὸς χάλκωμα, γῆ ἰσια, γατῶν ποδάρια, φιδῶν κεφάλι.

(85) Старыкъ (γάρωντας): „Горы покрылись снѣгомъ, долгиа укоротились, изъ двухъ стало три, а мельница больше не мелетъ“¹³⁾.

(86) Родители (γοναίς): „И ты это имѣешь, и я это имѣю, и

¹⁾ N. A. № 332; вторая въ N. A. 56, у Регеля, № 9.

²⁾ N. A. № 339.—Варианты въ Сказогѣ VIII, 400, № 5 и 490, № 15.

³⁾ Регель № 83.—Ср. русск. про огурецъ.

⁴⁾ N. A. № 41, Регель, № 53.—Иначе: въ Сказ. VIII, 524 (№ 16).

⁵⁾ N. A. № 16.—Ср. Вариантъ въ Сказогѣ VIII, 515 (20).

⁶⁾ N. A. № 50. Регель, № 81.

⁷⁾ N. A. № 89.

⁸⁾ N. A. № 250.

⁹⁾ Лелена, стр. 40.—Ср. Сказ. VIII, 524, 17 (вар.).

¹⁰⁾ Регель, № 10.

¹¹⁾ N. A. № 171 Регель, № 2.—Сказ. VIII, 489 (3) (вар.).

¹²⁾ N. A. № 165. Ср. № 279 тамъ же (вариантъ).

весь свѣтъ имѣеть это, кто одного, кто двухъ, а кто и одного не имѣеть¹⁾.

(87) Голова (κεφάλι): „У меня есть коробъ, въ коробѣ у меня есть кое-что: уйди то кое-что, коробъ мнѣ на что?“ Έχω ἕνα κουτί κ' ἔχω μέσα κᾶτι τί, ἄν μοῦ φύγ'το κᾶτι τί, τί τὸ θέλω τὸ κουτί²⁾;

(88) Вѣки (ματόχλαδα): „Закрываю мой сундучекъ, а бахромку наружу“³⁾.

(89) Ротъ (στόμα): „Коробья, коробочка, наполнена топориками“⁴⁾.

(90) Языкъ и зубы (γλῶσσα μετὰ τῶν ὀδόντων): „Кругомъ перегородки, а въ серединѣ дѣвица играетъ“⁵⁾.

(91) Печь (φούρνος): „Чернорылый быкъ въ лѣсъ не ходитъ, а лѣсъ истребляетъ“.—Μοορμοότσουρο δαμάλις τὸ βοοῦνι δὲν κηγαίνει [τὸ βοοῦνι ἐσφριζώνει. Ср. русскую про шестокъ: Кирило! Кирило! что у те замарано рыло? такъ Богъ велѣлъ⁶⁾.

(92) Корабль (καράβι, πλοῖον): „Бездушный, души не имѣеть, душу забереть и удержеть“⁷⁾. Иначе: „колеблется церковь, ходить святой престолъ, а попа спрашиваютъ: гдѣ востокъ“⁸⁾?

(93) Вило, клепадо (σημαντήρι): „На горѣ родился я, тамъ и обсыбли меня; а теперь, какимъ образомъ я сталъ крикуномъ въ городѣ“?

= Ἐ τὸ βοοῦνὸ γεννήθηκα
ἐκᾶι καὶ καλεκήθηκα,
καὶ τώρα πῶς κατάντησα
κρωτόγυρος τῆς χώρας⁹⁾;

(94') Бувшинъ (στάμνα): „Изъ земли я созданъ, какъ Адамъ; пока жилъ, многихъ освѣжилъ, а когда умеръ, никто не нашелся— похоронить мои кости“. Ср. русск. про горшокъ:

¹⁾ N. A. № 105.

²⁾ N. A. № 226.—Вар. въ Слал. VIII, стр. 489, 3.

³⁾ N. A. № 5. Ср. 154 у Регеля иначе № 27.

⁴⁾ Слалогъ VIII, ст. 400, № 7.

⁵⁾ Слалогъ, IX, 350, № 10.

⁶⁾ Сборникъ Регеля, № 1,—русская у Садов. З. Р. Н. № 130.

⁷⁾ Σλλογ. VIII, 400, № 9. Σλλ. IX, 350, №8.—Вар. у Регеля № 88.

⁸⁾ Ἰωαννίδης, Ἰσορ. стр. 271. № 5 (Трансваутская).

⁹⁾ Σλλ. VIII, 523. — Πρωτόγυρος не значить старшина или голова, но „бичують, крикунъ“, иначе τελάλης (исуальманск. слово), оповѣщающій о какомъ нибудь распоряженіи Οἰκονόμου, Κωνστ., Περί τῆς γνησίας προφορᾶς τῆς Ἑλλην. γλώσσης, стр. 303, въ прим.

(94³) „Померъ Адамъ ни Богу ни намъ, ни душа на небо, ни кости въ землю“¹⁾.

(95) Трубка (τσιρκοβχι): „У меня есть колодезь: думлю земленое, вода травяная, веревка деревянная“²⁾.

(96) Сапогъ (σποδηματα): „Цѣлый день битвомъ набить, ночью пороженъ стоитъ“³⁾.

“Ολη ἡμέρα μποβια, μποβια,
και την νύχτα χάσκα, χάσκα“⁴⁾.

Ср. Армян.: „Ночью ага (баринъ), днемъ слуга“.

(97) Веретено (κλωστής, δράχτι, βτρακτός): „Поднимается да спускается, хотъ ни ѣсть, ни пьетъ, а животь набьетъ—ἀναβαίνει ἢ κικισοὸ καταβαίνει ἢ κικισοὸ, οὐτε τρώει, οὐτε πίνει, μόνο τῆ κοιλιά γομίζει“⁵⁾.

(98) Игла (βελώνη): „Есть такая вещьца, приважешь ее—бѣжить, отважешь—станеть“⁶⁾.

(99) Сѣтъ (δίκτυον): „Тысяча узловъ, тысяча мѣрочекъ; наговоришь тысячу словъ, пока отгадаешь“⁷⁾.

χιλιοκόμπος χιλιμέτρητος,
χίλια θά ᾠδες νὰ τὸ βρωσ.

(100¹) Ружье (τοуφεάκι, πυρόβόλον): „Безголовный, голосу нѣтъ, а пускаетъ громкйй голосъ“⁸⁾. Иначе: „Пусть камышь, а внутри драконъ играетъ“⁹⁾. Иначе: „Прямъ, прямъ, что свѣча, со страшнымъ голосомъ“¹⁰⁾.

(100²) Пуля (?): „Здѣсь мучится родами, а туда пойдетъ и родить“= „Αδανά κολλοκοινεῖ χ' ἀκαῖ κέραν κάμ γεννῶ“¹¹⁾.

¹⁾ Σολλ. VIII, 494, № 5.—Ср. N. A. № 252 и рус. у Садовк. Вагадки P. H. № 329.

²⁾ Σολλ. VIII, 524, № 6.

³⁾ Регель, № 41.—Вар. въ Σολλ. VIII, 524, № 14.—Армян. Сборн. матер. для опис. Кавказа. Вып. 2. Отд. 2. стр. 94.

⁴⁾ Слмшаль я въ этомъ видѣ отъ уроженки Константинополя, бабушки моей по матери. Слово κικισοὸ, вѣроятно, звукоподражательная выдумка, какъ бы шумящая. Иначе въ Νεοελλ. Av. № 127 (κλωστής).

⁵⁾ Σολλ. VIII, 499 (№ 10). Сходно о лантѣ (τσιρκοβχι): „Приважу его—ходить, отважу—станеть“ Σολλ. VIII, 516, 37. Объ иглѣ иначе см. ад. № 144

⁶⁾ N. Av. № 22—Регель, № 8.

⁷⁾ Σολλ. VIII, 400 (№ 10).

⁸⁾ N. A. № 82.

⁹⁾ Сборн. Регеля, № 33. N. Av. № 34.

¹⁰⁾ Ιεσυνίβοο Ιστορία, —стр. 272. Трапезунтская. Здѣсь, кажется, опуталась два понятія: ружье и пуля.

(102) Мыло (σαποῦνι): „Экой сыръ, экой творогы! всѣмъ барамъ нравится, а къ столу не подается“.—Τὸ τὸρὶ τὸ χλωροτόρι. | δλ' οἱ ἄρχοντες τὸ ζηλεύουον, | καὶ 'ς τὸ τραπέζι δὲν τὸ βάζουον¹⁾.

(103) Перо (πέννα, γραφίς): „Что это за птица, что носомъ родить, крылья имѣеть, а не летаетъ; имѣеть черныи домъ, трое держать ее, когда родить, но, правду сказать, она прежде напьется; птенцовъ, которыхъ родить, за собой оставляетъ; они по-человѣчьи говорятъ: ихъ говоръ одни слышать, другіе не слышатъ“²⁾.

(104) Вумага и буквы (χάρτης καὶ γράμματα): „Вѣлое поле, черныя козы“, „ἄσπρος κάπρος | μοῦρα ᾿γίδις“³⁾.

(105) Сомъ (δγκος): „Ни въ платокъ не сложить, ни на рынкѣ не продать, а слаще его не бываетъ ничего“.

(106) Умъ (νοῦς): „Тяжелъ, какъ жегѣзо, сладокъ, какъ медъ, на вѣсахъ не свѣситъ, на вѣсы не идетъ“⁴⁾.

Этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы дать нѣкоторое понятіе о новогреческихъ загадкахъ. Какъ и загадки другихъ народовъ, онѣ зарождаются подъ непосредственнымъ дѣйствиемъ окружающей природы, племени, мировоззрѣнія, быта; иногда и заимствуются. Въ нихъ нѣтъ гонѣбы ни за ученостью, ни за изысканными оборотами. Ихъ цѣль—забава и игра въ остроуміе. Замѣчу, что не всѣ онѣ отличаются первобытною простотою: городская жизнь на многія наложила печать замысловатости (напримѣръ, о перѣ № 103, о покойникѣ № 150). Съ Симфозіевыми новогреческіи загадки сходства не имѣютъ, кромѣ очень отдаленнаго и то въ исключительныхъ случаяхъ.

Въ новогреческихъ загадкахъ, какъ и во всѣхъ произведеніяхъ устнаго слова, встрѣчаются варианты. Они происходятъ иногда вслѣдствіе случайнаго смѣшенія двухъ словъ созвучныхъ. Напримѣръ, о колодезѣ—κηγάδι, сказано: (107) „Μακρὸ ᾿σάν ἄντερο, ετρογγυλὸ ᾿σάν χόσκινο“=„длиннень, какъ кишка, круглъ, какъ сито“, а въ вариантѣ: (108) „μακρὸ ᾿σάν ἄντερο πλατὸ ᾿σάν χιόσκι“=„длиннень, какъ

¹⁾ Сборн. Регеля № 47.

²⁾ Σολλ. VIII, 398—400 № 1. Ib. 514, № 9.—Регель, № 54. Все варианты. Я перевелъ со сборника В. Э. Регеля. Конецъ напоминаетъ древнюю Латвианскую сн. гд. № 19 и подражаніе ей Василія—здѣсь № 62.

³⁾ Σολλ. VIII, 515, № 17.—Ср. *Simrock*, *D. deutsche Räthsel*, № 138.

⁴⁾ Н. А. v. № 28 (въ Силліа). Регель № 17.

кишка, широкъ, какъ кіоскъ¹⁾). Похоже на то, что кіоски произошли отъ недослышаннаго кіоскино. Сравните подобное явленіе, объясненное Аванасевымъ, о вариантахъ: маленьке—костянное и царь—Константинь по поводу гребешка²⁾).

Вотъ еще примѣръ варианта, котораго происхождение можно объяснить не сознательнымъ смѣшеніемъ звуковъ. „Есть у меня вещь: спускаясь—сѣбется, поднимаясь плачетъ“—, Έχω ἓνα κρέμμα 'κοῦ χάτοο κάι γελῶντας καί ἀκάνοο ἀναβαίνας κλαίοντας³⁾). Сходно и въ сборникѣ В. Э. Регеля, но поскладнѣе. Какой это предметъ? Г. Регеля объясняли, что это τὸ σκολί собака, потому что она визжитъ, когда идетъ въ домъ, а получивъ тамъ кормъ, весело возвращается. Но въ загадкѣ прежде сказано—спускается, а потомъ—поднимается: это меня озадачивало. Но такъ какъ въ сборникѣ г. Регеля написано не σκολί, а σκόλος, что означаетъ тоже собаку, а въ Авалектахъ подъ этой загадкой подписано σίχλος—ведро, то я убѣжденъ, что первоначальной отгадкой былъ σίχλος. Ведро, опускаемое въ колодезь, стучитъ объ его стѣнки, какъ бы хохочетъ; а когда его вытаскиваютъ и вода льется черезъ край, оно имѣетъ видъ плачущаго. Изъ σίχλος сдѣлалось сперва вслѣдствіе перебора согласныхъ σκόλος, а потомъ, когда прежнее значеніе этой загадки было забыто, то σκόλος перешло въ однозначущее σκολί.

О нѣкоторыхъ сходныхъ между собой древнихъ и новыхъ греческихъ энigmatъ мы уже выше говорили. Ближе подходит къ этому предмету мы не станемъ; для твердыхъ выводовъ нужно бы увеличить количество матеріаловъ и вывести весь вопросъ въ область международную. Сличенія новогреческихъ загадокъ съ византійскими будемъ ждать отъ греческихъ ученыхъ, обладающихъ и большою массою матеріаловъ и тонкимъ чутьемъ языка. Г. Полitzъ указываетъ на загадки, попадающіяся въ старинныхъ, большинству не доступныхъ греческихъ книгахъ, какъ-то Ιατροσόφια, σοφιστικὰ, καλανδάρια, то-есть, въ греческихъ травникахъ, гадальныхъ книжкахъ, календаряхъ, писанныхъ языкомъ пестрымъ, состоящимъ изъ смѣси книжнаго и народнаго. Эти источники намъ почти не доступны; между тѣмъ ихъ разработка была бы очень полезна для русскихъ ученыхъ, занимающихся народнымъ бытомъ и словомъ. Тотъ же ученый сдѣлалъ весьма

¹⁾ Ib. ep. № 295 и 238.

²⁾ Аванасевъ, Поэтич. поврънія Слав. 1, 23—24.

³⁾ Νοοελλ. Α. v. № 187. Сборн. Рег. № 39.

интересное сопоставленіе трехъ видовъ, въ которыхъ является одна и та же загадка: у Пселла, у Василія и въ нынѣшнемъ простонародѣ. Мы приведемъ здѣсь всѣ три вида, въ подлинникѣ и переводѣ, и предложимъ о нихъ взаимномъ отношеніи свою догадку.

Рѣчь идетъ о чудѣ, совершенномъ Моисеемъ при переходѣ чрезъ Черное море:

(109) Пселла:

Ἐόλου μὲν ἢ κλειῖς, ἢ δὲ κηκλῖς ὑδάτων, | διέδρα λαγῶς καὶ κόων
συνασχέθη.

(110) Василія:

Ἐόλον τὸ κλειδί, ὄδωρ τὸ κατηνάριν, | ὁ μὲν λαγῶς ἐκλύτωση, ὁ κωνη-
γῶς δ' ἐσχέθη.

(111) Нынѣшнее народное:

Ἐόλινο κλειδί, κὶ ἀπὸ νερὸ οἱ κόρταις, | ὁ λαγῶς ἐγλύτωση κὶ ὁ κωνη-
γῶς ἐπίσθη¹⁾.

Переводъ:

Пс. Ключъ деревянный, замокъ водяной, заяцъ убѣжалъ, а песь задержанъ.

Вас. (тоже упрощеннымъ языкомъ, другимъ разнѣромъ; ловчій, а не песь).

Греч. Нар. Ключъ деревянный, ворота водяныя, заяцъ спасся, а ловчій захваченъ.

Это сопоставленіе наводитъ меня на вопросъ: народъ ли повторилъ слова книжниковъ, или наоборотъ послѣдніе воспользовались тою аллегорическою формою, которую придалъ народъ событію ветхозавѣтному? Я считаю творцомъ иносказанія народъ. Слово „λαγῶς“ = „заяцъ“ могло быть навѣяно текстомъ: „ᾠδήγησας τῇ δικαιοσύνῃ σου τὸν λαόν σου τοῦτον, ἐν ἑλυτρώσῳ“ (Ἐξόδου каф. ІЕ, 13). Видѣсто λαόν сфантазировали λαγῶν: это тѣмъ удобнѣе, что народъ часто слово лаῶς произноситъ одинаково съ лаγῶς. Ἐλυτρώσῳ могло навести на ἐγλύτωση. Сравненіе жезла съ ключемъ, морскихъ водъ, ставшихъ какъ стѣна и тѣмъ открывшихъ путь спасающемуся,—съ воротами, Фараона и его воинства съ ловчимъ—все это напоминаетъ черты творчества народнаго. Пселлъ, придавшій народному энigmatу формы древнія, по-

¹⁾ Г. Польтъ въ статьѣ Γλωσσολογικὴ συμβολὴ Σιλλογα ΥΨ, 523, гдѣ есть и другія его объясненія. Приведенныя двуступниа изъ Пселла и Василія взяты изъ Воля. Ан. Gr. III (у Польтя опечаткой V), стр. 431, № 8 и стр. 444, № 21; новогреческое привелъ Польтъ изъ своихъ богатыхъ запасовъ.

желавшій исправить то, что ему не понравилось, немного повспортилъ дѣло, особенно замѣстивъ ловчаго псомъ. И откуда могъ бы Пселлу прійти на умъ заяцъ, еслибъ онъ не попалъ ему въ стихъ прямо изъ устъ народа. Наше предположеніе подтверждается существованіемъ этой загадки въ русскомъ народѣ: (112) „Замокъ водяной, ключъ деревянный, заяцъ убѣжалъ, ловець утонулъ“. Есть у г. Садовникова еще два варианта, изъ коихъ одинъ съ формами церковнославянскими „утече, утоне“¹⁾. Всѣ эти три русскія имѣютъ и зайца и ловца,—пса въ нихъ нѣтъ. Зимрокъ, собравшій воедино 475 нѣмецкихъ загадокъ, исключительно народныхъ, помѣстилъ между ними такую же, какъ и нами разбираемая:

- (113) Es ist ein starkes Wasserschloss
das ein hölzerner Schlüssel erschloss,
der jäger ward gefangen,
das Wild ist hindurch gegangen²⁾.

Не изъ книгъ, я полагаю, заимствовалъ русскій народъ свою загадку, а зашла она къ нему путемъ устнымъ. И русскія и нѣмецкія говорить о ловцѣ; пса въ нихъ нѣтъ.

Время покажетъ и другія подобныя соотношенія между загадками средневѣковыми и новыми, между книжными и устными.

Теперь мы обратимъ вниманіе нашихъ изслѣдователей старины на одно явленіе, которое мы хотя отчасти и предвидѣли, но не ожидали найдти въ тѣхъ развѣрахъ, какъ оно представляется намъ теперь, послѣ нашихъ разысканій. Читатель уже могъ замѣтить, что мы къ вышериведеннымъ новогреческимъ примѣрамъ кое-гдѣ приставили сходныя русскія. Здѣсь предлагаемъ еще нѣсколько загадокъ греческихъ и рядомъ съ ними очень сходныя, а иногда и тождественныя русскія, загадываемыя про тѣ же самыя предметы.

- (114) Солнце: гр. ἕνα σκοοτελάχι λάβει
ὄβλο τὸν κόσμον κίναει

==коробочка съ масломъ достаетъ на весь свѣтъ.

(115) Трап. гр. χοιλάρα βοῦτιρον καβαίτ' ὄβλον τὸν κόσμον==ложка коровьяго масла достаетъ на весь свѣтъ.

- (116) Малорус. „една чаша масла всему свѣту доста“.

¹⁾ Садовн. З. Р. Н. № 2187 а. Варианты подъ тѣмъ же №.

²⁾ Simrock, D. deutsche Räthsel, № 58.

(117) Ср. болг. „Едно папиче медъ да ся наяде всичкии свѣтъ“¹⁾.

(118) Соль: Гр. „Моя мать родила меня, а солнце питаетъ (роститъ); а ударъ меня моя мать, истаю до смерти. (ср. иначе здѣсь № 79)═

═ἡ μάλα μου μ'ἔγέννησε καὶ ὁ φῶσφορος μὲ τρέφει,
Κι' ἂν με κτοκῆς ἡ μάλα μου λύομαι τοῦ θανάτου.

(119) Рус. „Отъ воды родится, воды боится“.

(120) Рус. Пск. „Мать родила, отецъ выросилъ, а мать увидѣтъ, померъ“.

(121) Визант. Гр.

ἕδατος ἐκγενόμενον, τράφε δ' ἥλιος αὐτίς
ἀθάνατος· θνήσκω δὲ γὰρ μητέρι μουνη.═

═Изъ воды я родился, выросло солнце бѣзсмертное, умираю отъ одной матери“²⁾.

(122) Лукъ (растение): гр. „Коротенькій монахъ весь одѣтый въ ризы═

═ένας χοντὸς καλόγηρος ὀλόρασα ἵντυμένος.

123) рус. „Стоитъ поюъ нивокъ, на немъ сто ризокъ, ризки снимешь, самъ заплачешь“³⁾.

(124) Глаза и носъ: гр. „Два брата поссорились, одна гора ихъ развела“.

(125) Рус. „Два брата черезъ грядку смотрять, да не сойдутся“⁴⁾.

(126) Языкъ: Гр. „Сверху ступа, снизу ступа, въ серединѣ дѣвица постъ“═

═'Ἀπάνω ἔγδῃ καὶ κάτω γδῃ
καὶ μέσα κόρη καταδαῖ

¹⁾ Ο Νεοσλ. Αὐ. № 139. Здѣсь λάδι=έλαιον означаетъ деревянное масло; въ Трап. βούτυρον=коровье масло, см. Ίωαννίδης, Ίστρ. στ. 271 (№ 19): καναῖται=ἔστιν ἱκανόν (тамъ же словарь въ трап. словъ стр. 13. Ср. Лалека стр. 40 (вар.), Малорус. см. у О. Θ. Миллера въ Опытѣ ист. обзор. рус. сл., стр. 62. Чалачкоз, Болг. нар. сборн., стр. 120. οὐλλοτος, т. IX. 350. № 2 (вар).

²⁾ Ν. Αὐ. № 120. *Садосмикоз*, Заг. р. н. № 489 б. 490 б. (и друг.). Но въ русскихъ отецъ—огонь, а въ греч. солнце (ἥλιος, φῶσφορος). Византийская издана въ *Piccoloa, Supplément à l' Anthologie grecque* стр. 149. Она походитъ на древнюю, хотя и издана какъ византийская.

³⁾ Греческую я записалъ со словъ, какъ загадку о Калиппа. Рус. *Садосм.* З. р. н. № 737 п. (Калуж. Мещов.). По греч. есть подобная о чеснокѣ, слышанная мною отъ того же лица, по рус. о капустѣ (*Садосм.* 745).

⁴⁾ Ν. Α. № 226. Регели, № 63. Рус. у *Садосм.* З. Р. Н. № 1763.

(127) Рус. „Въ ступѣ вода, въ огородѣ града. Другая: За стѣной кустяной соловейко спой“¹⁾.

(128) Яйцо: Гр. „Я имѣю маленькій боченокъ и въ немъ двухъ сортовъ вино“.

(129) Рус. „Маленькій боченокъ, двойное пиво“²⁾.

(Ср. Болг. „Въ една бурлика има и вино и ракия и никога ся не мѣшати“.

(130) Пирогъ (кѣкса): Гр. „Жидкій ставлю, сухой вынимаю“.

(131) Рус. „Возьму пыльно, сдѣлаю жидко, брошу въ пламень, будетъ какъ камень“³⁾.

(132) Гвоздь подъ башмакомъ (сапогомъ) Гр. „Всѣ ходять ногами, а я головой“.

(133) Рус. „Хожу на головѣ, хотя и на ногахъ, кожу я босникомъ, хотя и въ сапогахъ“.

(133): Ср. Симфозіа:

In caput ingredior, quia de pede pendeo solo.

Vertice tango solum, capitis vestigia signo;

sed multi comites casum patiuntur eundem⁴⁾,

Метла (схойка):

(135) Гр. „Вертится, кругомъ обходитъ, идетъ въ уголь и садится“.

(136) Рус. „Туда Митя, сюда Митя, и подъ лавку ушелъ“⁵⁾.

Гребень:

(137) Гр. „Коротенькій монашекъ, а гонить оленей“.

(138) Рус. „Маленькій коротенькій повадилса въ болотинку утаты таскать“.

(139) Или: „Костянъ деревняч черезъ гору свиной гналъ“⁶⁾.

¹⁾ Н. А. № 73. Ср. ММ 72, 123, 153. *Садом.* З. Р. Н. № 1754, 1747. Изъ Губіон вышло гди.

²⁾ Н. А. № 201. *Садом.* З. Р. Н. № 541 г. Чолскова Болгарскій народнѣи сборникъ, стр. 118.

³⁾ Н. А. № 87—Регеза № 7. *Садом.* З. Р. Н. № 503. Греки говорятъ обратное о ведра: сухое спускаю, мокрое вынимаю. Слл. VIII, 484, 2.

⁴⁾ Слл. VIII, 524, № 11. *Садом.* ib. № 654 (Ворон. г.). Symposius, въ Antol. latina (ed. Riese). Сл. I, 1. р. 198. № 57. clavus caligaris.

⁵⁾ Н. А. № 7.—*Девянасетъ*, Повѣстч. возвращѣн Славнѣи на природу, т. I, ст. 24. *Девянасетъ* замѣчаетъ: первоначальная форма, конечно, была: „туда метѣ сюда метѣ“.

⁶⁾ Н. А. № 60.—Ср. 293. Регеза, № 22.—*Садом.* З. Р. Н. № 1689, а (и др. вар.); Ср. *Девянасетъ*, Повѣстчскія возвращѣн Славнѣи, стр. 23—24, гдѣ интересными объясненіа (см. выше...).

Игла (βελώνη):

(140) Гр. „Сама нагая, а весь свѣтъ—одѣла.—Или¹: Какъ есть нагая, весь свѣтъ одѣваю²“.

(141) Рус. „Весь свѣтъ обшла, сама нагая ходила³“¹).

(Иначе см. здѣсь № 98).

Мельница (жернова).

(142) Гр. „Два буйвола дерутся и выпускаютъ изъ себя бѣлую землю⁴“.

(143) Рус. „Два борова дерутся, промежъ ихъ пѣна валитъ⁵“²).

Ср. Литов. „Два сѣрне волка грызутся, и бѣлая кровь льется⁶“.

Мотовило (ἀνέμη, ἀνεμίδα):

(144) Гр. „Четыре брата бѣгали, все бѣгали, одинъ до другаго не добѣжалъ⁷“.

(145) Рус. „Четыре сестрицы вокругъ гоняются, одна другой не догонитъ⁸“.

(146) (Ср. Волг. „Четыре брата ся гоняж, та ся ни гдѣ не стигаж⁹“³).

(Очень похожи загадки о колесахъ или телегахъ⁴).

Гробъ:

(147) „Гр. Кто его дѣлаеть, назначаетъ въ продажу; кто его покупаетъ, не употребляетъ; а кто его употребляетъ, тотъ его не видитъ⁵“.

(148) Рус. „Столяръ дѣлаеть не для себя; кто знаетъ, тому не нуженъ; а кому нуженъ, тотъ не знаетъ⁶“⁴).

(149) (Ср. нѣм. нар. „Wer es macht der braucht es nicht,—Wer es kauft, der will es nicht, Wer es braucht, der weiss es nicht⁷“⁵).

Покойника несутъ:

(150) Гр. „Учитель мой дорогой, ты меня побилъ и я убѣжалъ; по пути, гдѣ я шелъ, встрѣтился мнѣ върѣ съ патью головами, че-

¹) Евлл. VIII, 516, № 27. — 2-я изъ Сбор. В. Э. Рогова, № 73. *Сказок*. З. Р. Н. № 595.

²) Сказокъ Конст. VIII, 514, № 6. — Ф. Лелеку ст. 40, *Сказок*. З. Р. Н. № 1088. Литовская праведна по-вѣщеня у *Friedreich*, *Geoch. d. Râth.* ст. 194 изъ *Lithauische Märchen, Sprichworte, Räthsel u. Lieder., gesammelt u. übersetzt v. Schleicher*, Weimar 1857.

³) *Сказок*. 577, а. Ἰσωνία. Ἰσoria, 271. № 2. Н. А. № 3 и 4.—*Человек* 111.

⁴) Н. А. 191.—*Сказок*. 963.—*Sinnrock deut. Rätha*. 171.

⁵) Н. А. № 275.—*Сказок*. З. Н. Н. № 2116⁶.

⁶) Н. Ав. № 275, *Сказок*. З. Р. Н. № 2116⁶; *Sinnrock*, *Das deutsche Räthselbuch*, 1850., № 89.

тырмъ дыханіи, рукъ и ногъ двадцать, пальцевъ сотня: отгадаешь, прибей меня, и еще разъ прибей.

(151) Рус. (Симб.) „Десять ногъ, десять рукъ, пять головъ, четыре души“¹⁾).

Имя.

(152) Гр. „И я это ниѣю, и ты это ниѣешь, не назову, не отгадаешь“.

(153) Рус. „И у тебя, и у меня, и у попа, и у вота, и у щуки въ морѣ, и у дуба въ лѣсу“²⁾).

Вотъ интересный фактъ большого сходства, а подчасъ и тождества нѣкоторыхъ греческихъ и русскихъ народныхъ загадокъ. Объясненіе происхожденія этого сходства находится въ зависимости съ такими множествомъ другихъ вопросовъ, что я за это объясненіе не беруся.

Въ предложенной статьѣ мы попытались сообщить читателямъ, въ переводѣ, а иногда и въ подлинникѣ, и часть самаго матеріала греческихъ загадокъ, разумѣется, наиболѣе выдающуюся, и нѣсколько сдѣланныхъ нами изъ всего доступнаго намъ матеріала выводовъ. Отъ дальнѣйшихъ обобщеній мы воздержались, считая ихъ преждевременными.

Г. Доступинскъ.

¹⁾ Н. А. № 320 — Слл. IX. 350, № 6 вар. Регель, № 56.—Садок. З. Р. Н. № 124. Въ Анаксандрѣ и у Г. Регеля: *ἔν τῷ εἴρηξ*—если найдешь, а въ Силлогѣ *ἔν τῷ νοιφῶξ*—если поймешь. Отъ этого *νοῖφωξ* и загадка называется, кромѣ *αἰνύρα*, и *νοῖσάρα*.

²⁾ Н. А. № 20—Регель № 4.—Садок. З. Р. Н. № 2061. (Самар. Старок., с. Оверки).

АРХИВНЫЯ ЗАНЯТІЯ ВЪ ЛЮБЕКѢ И ДАНЦИГѢ ПО ИСТОРИИ ВАЛТІЙСКАГО ВОПРОСА.

Важность Любекскаго и Данцигскаго архивовъ для занимающихся сѣверной исторіей обуславливается тѣмъ высокимъ значеніемъ, какое имѣли эти два города въ сѣверной Европѣ въ исходѣ среднихъ и началѣ новыхъ вѣковъ. Всего богаче эти архивы данными XIV и XV столѣтій, когда города Ганзейскаго союза играли еще такую выдающуюся политическую роль въ исторіи сѣверной Европы; съ начала же XVI столѣтія эти города, какъ политическіе факторы, теряютъ свое первенствующее положеніе, и главное ихъ значеніе съ этихъ поръ исключительно торговое. Посредники между сѣверной и южной, восточной и западной Европой, Данцигъ и Любекъ еще и въ XVII столѣтіи сохраняютъ свое торговое значеніе. Акты двухъ названныхъ городскихъ архивовъ и касаются съ этого времени всего болѣе вопросовъ торговыхъ, меркантильныхъ. Въ эти два города, какъ центры торговли, должны были со всѣхъ сторонъ приходить свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ европейскихъ государствахъ; особенно много такихъ торгово-политическихъ донесеній сохранилось въ Любекскомъ и Данцигскомъ архивѣ относительно Давіи, Польши, Швеціи и Россіи.

Говоря объ обихъ этихъ архивахъ, слѣдуетъ отмѣтить количественное преимущество втораго; но акты и бумаги этого архива далеко еще не всѣ приведены въ извѣстность, такъ что пользование ими если не невозможно, то весьма затруднительно, не взирая на неутомимую готовность помочь занимающимся тамъ архиваріа-дьякона Вертлянга. Данные же Любекскаго архива, численность которыхъ несравненно меньше, вполне систематизированы и пользование ими не представляетъ никакихъ затрудненій.

Въ Любекскомъ архивѣ мы начали свои занятія съ разсмотрѣніемъ актовъ, касающихся сношеній Любека съ Московскимъ государствомъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Весь матеріалъ по этому вопросу заключается въ двухъ отдѣлахъ: „Ruthenica“ и „Miscellaneorum Russicorum Volumina V“. Первый отдѣлъ распадается на три части и обнимаетъ время съ половины XVI столѣтія до 1719 года. Первый томъ этого отдѣла носитъ заглавіе: *Generalia das Neugardische Contoir und die Handlung aus Rusland betreffend*. Второй—*Von dem Contoir zu Neugard und Pleskau, Handlung aus Russland und privilegits. 1579—1601. Fasciculus certificationum auss Russland gesante Waaren. 1594*. Третій томъ:—время съ 1603 по 1719 годъ; посольство 1643 года и переписка Любека съ Ревелемъ по вопросу о русской торговлѣ.

Отдѣлъ „Miscellanea Russica“: I томъ—сношенія Любека съ Ревелемъ въ XVI вѣкѣ по нарвскому вопросу.

II—а) То-же, съ 1566 года. б) *Acta Hieronymi Lindenbergh Burgers zu Narva Bestrickung betreffend, der sich fur einen Russischen Freibeuter ausgegeben. 1566*. в) *Russische Promotoriales wegen Andreas von Deden weggenommenen Schiffes. 1566*. г) *Leipziger Kaufleute geben sich in Moscau fur Kays. Gesanten aus, desfalls Imperator Romanus, item die Leipziger zu Lubeck inquiriren lassen. 1574*. е) *Acta die Auswechelung des in Gottorp gefangenen Russen Timosca Ankidinof der sich Joannem Sinensem oder Zuski genannt, und der zwischen den Grossef. Alexio M. und Hertzog Friederich zu Holstein über die Persianische Handlung hiebevot aussgerichteten pacten betreffend. 1653*. ф) *Russische Promotoriales fur Forderungen an Lubische Burger. 1658*. г) *Original Reussischer Pass Brief fur den an dem Röm. Keyser durch Lubeck passierenden Gesandten. 1663*. h) *Nachricht wie die Russ. Grosse Legaten von der Stadt Lubeck zu Travemünde bewirtheet worden. 1697*. и) *Nachricht von den des Russ. Keyserers Gros Canzlers Grafen von Woronzow bei dero Anwesenheit in Lübeck in oct. 1764 von dieser Stadt geschenehen Ehres (?) bezeugungen. 1764*.

Въ III, IV и V томѣхъ — акты по дѣлу Гауса Шлѣтте, Капелье и др. Изъ перечисленныхъ актовъ мы подробнѣе оставили лишь на разсмотрѣніе слѣдующихъ:

„Acta in Sacten Hans Schlitt¹⁾ contra senatum Lubecensem. 1548“

¹⁾ Schlitt, Schleden, Stede.

Этотъ отдѣлъ актовъ начинается съ письма Шлитте 12-го октября 1548 г., написаннаго имъ въ тюрьмѣ; въ немъ онъ выясняетъ все свое дѣло по отношенію къ Москвѣ, настаиваетъ на томъ, главнымъ образомъ, что онъ дѣйствовалъ не тайно, а открыто, пользуясь покровительствомъ императора.

Второе письмо Шлитте — 17-го января 1549 года: трое слугъ и одинъ докторъ, отправленные имъ въ Москву для выясненія передъ царемъ причины его—Шлитте—невѣки, были задержаны въ Ливоніи и брошены въ темницу. Въ этомъ же письмѣ заключается просьба Шлитте Любекскому рату—дозволить ему написать обо всемъ случившемся къ Московскому царю, и опроверженіе того факта, будто онъ имѣлъ въ виду провести въ Москву нѣсколько сотъ человѣкъ.

Далѣе отмѣчаемъ наиболѣе интересные документы: 1) Ревель Любеку, 19-го іюля 1548 г.: въ немъ указывается на то, что слухъ, распушенный Шлитте, о готовности Московскаго царя перейти въ латинство, ложень. Допустить русскихъ ознакомиться съ западною Европою опасно; всякій легко пойметъ, „wath mercklich vnhells diesen gantzen landen nicht alleine sondern J. Erb. W. vnd gemeiner duitschen Nation daruth gewislich erfolgen wolde“. Сношенія русскихъ съ европейцами слѣдуетъ „sperrren, weren vnd vorhindern“.— 2) Tyle vnd Zacharias Slitten sampt Jrer andere freundschaft zu Goslar an dem E. Rath zu Lubech. Sonnabend nach Jacobi (27-го іюня) 1549; то же, 4-го ноября. 3) Georg Hertzog in Schlesien zur Lignitz vnd Brigg, 24-го іюня 1549. (Просьба освободить Шлитте). 4) Ратманы Бреслава Любеку — 1-го іюля 1549. 5) Акты Ратцебургскаго собранія—6-го іюня 1550 г., гдѣ рѣшено было разсмотрѣть дѣло Шлитте. 6) Карлъ V Любекскому рату 20-го апрѣля 1554. Императоръ вынуждаетъ Любекскій ратъ въ камергеряхъ за то, что Любекъ, вопреки имперскому постановленію, заключалъ Шлитте въ темницу и нарушилъ „Kaiserliche bowilligung, schutz, schirm vnd glaidtsbrief“. Такой насмѣшн и дерзкаго отношенія къ императорскому постановленію онъ—Карлъ V—не допустить. „Demnach die weil zu solcher handlung vnd gefegnuss Jr gar kein ursach gehabt vnd euch solche handlung an Imo zuuben mit nichten geburt, Er auch durch solche vnrechtmessigheft vnn seinen bestellten leuthen vnn in mercklichen schaden uber 36000 thaler komenn, wie solchs in aufführung der sachen dargethonn werden solt. Und enndtlich wil lens, euch, derhalbenn rechtens nicht zuerlassen, auch Jr vnns vnd dem Reich one mithel underworfen umbladung auch sonst ander

notturftig hilf, rechtens Jme wider euch zuerkennen vnd mitzuthailenn, Demutiglich angeruffen vnd gebottenn. Wan wir nun niemant recht versagenn sollenn, Jme auch solche ladung erkennt wordenn ist, Darumb so haischenn vnd ladenn wir euch vonn Rom. Kays. macht hiemit das Jr auf denn 36-ten tag denn nechsten nachdem euch dieser unser Kais. brief uberantwurt oder verkundt wurt, Deren wir euch 12 fur denn ersten, 12 fur denn andern vnd 12 fur den dritenn letsten vnd endtlichen rechtstag setzenn vnd benennen peremptorie, oder ob derselbig tag nit ein gerichtstag sein wurde, Denn nechsten Gerichtstag darnach selbs oder durch euwernn volmechtiggenn Anwaldt an gedachtem vnnserm Chammergericht erscheinet obgemeltem cleger darumben jm rechtenn zuantwurtenn. Der sachenn und allen jren gerichtstagen vnd terminen bis nach endtlichen beschluss vnnnd urthall ausszuwartenn. Wann Jr komet vnd erscheinet alsdann also oder nit, so wurdт nicht destominder auf des gehorsamen theills oder seins volmechtigen Anwaldts anrufen vnd erfordernn, hierin im rechtenn gehandelt und procedirt, wie sich das nach seiner ordnung geburt“.

Цѣлый фоліантъ подлинныхъ актовъ и писемъ касаются дѣла англичанина Іоанна Капелле в озаглавленъ: Irrungen mit Russland und Johan Capellen betreffend. Einiges durch diesen nach Russland eingeschicktes, ex lege imperti aber zu Lubeck confiscirter Kupfer etc. 1577—1603. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что Іоаннъ Капелле былъ захваченъ въ Любекѣ со всѣми своими товарами, которые онъ намѣревался провезти русскимъ въ Нарву. Корабль его нагруженъ былъ нѣдью, селѣдьями и всевозможными корабельными снастями. Капелле изъ своего заключенія далъ знать о всемъ случившемся въ Нарву, гдѣ московскій намѣстникъ тотчасъ же арестовалъ нѣсколькихъ любекскихъ купцовъ. Капелле бѣжалъ изъ Любека въ Висмаръ, гдѣ и получилъ право Висмарскаго гражданина. Это повело къ продолжительной перепискѣ Любека съ Висмаромъ; за Капелле вступился и Ульрихъ Мекленбургскій. Въ интересахъ Любека, который рѣшился на заключеніе Капелле только изъ желанія не допускать иностранцевъ въ Нарву и сдѣлать нарвскую торговлю своею монополіей, было какъ можно скорѣе вернуть свои торговля права и привилегіи въ Нарвѣ; поэтому рать Любека обратился съ письменными заявлениями и просьбами къ московскому намѣстнику въ Нарвѣ, чтобы торговля стѣсненія были отмѣнены и чтобы отъ Іоанна Капелле потре-

бовано было обязательство въ томъ, что онъ не будетъ вредить Любеку ни въ Нарвѣ, ни въ Лондовѣ, ни въ другихъ городахъ.

Капелле не замедлилъ опровергнуть обвиненія, введенныя на него городскимъ совѣтомъ Любека въ томъ, будто онъ, направляясь въ Нарву, нарушилъ имперское постановленіе, запрещавшее доставлять русскимъ военныя снаряды и т. п. (Entschuldigung Capellen). Онъ прежде всего констатируетъ, что мѣдъ имъ привезена была изъ Гамбурга, что въ Любекѣ—до арестованія его корабля—съ него взята пошлину; въ Стеклитцѣ вся мѣдъ пролежала восемь дней въ складочныхъ магазинахъ голштинцевъ, что было связано съ расходами; не успѣлъ онъ послѣ этого доѣхать до Травермюнде, какъ были задержаны всѣ его товары. Капелле приводитъ въ свое оправданіе незыблемое постановленіе, запрещавшаго вывозъ мѣди. Въ Mandata роепапа императора о мѣди не было рѣчи; да къ тому же запретительные указы о нарвской торговлѣ вышли въ свѣтъ при Фердинандѣ I и теперь уже потеряли свою силу; наконецъ: „der Moskowitter brauche zue dem geschutz keinen ungerischen sondern schwedischen kupffer. Сельди и остальные товары, по его словамъ, никакъ не могутъ быть отнесены къ запрещеннымъ товарамъ. На два послѣднія заявленія Любекскій ратъ отвѣчалъ: 1) „Kupfer ist und bleibt Kupfer, vnd lieget nicht daran“ и 2) „Et quando poena est capitalis, tunc in consequentiam talis poenae confiscatur licitum cum illicito“. Мѣди было всего 41 тонна, сельдей — 11 ластовъ. Ср. Письмо Capelle отъ 8-го ноября 1577 г.

Изъ отвѣтовъ Любека видно, что оправданія Капелле не были приняты, и напрасными оказались всѣ его просьбы къ городскому совѣту—возвратить отнятые у него товары. Ср. письмо Капелле отъ 22-го ноября 1577 года и 6-го января 1578.

Капелле тогда обратился за посредничествомъ къ Фридриху II Датскому. Король принялъ его просьбу, вошелъ въ переписку съ Любекомъ, недавнимъ своимъ союзникомъ въ шведской войнѣ, но ничего не могъ добиться для Капелле. Ср. письмо Фридриха II Любеку изъ Кроненбурга, 26-го января 1578 года (прибыло въ Любекъ 5-го февраля) и отвѣтное письмо Любека отъ 5-го марта.

Любекъ оправдывалъ свое поведеніе по отношенію къ Капелле тѣмъ, что Капелле неоднократно грозилъ отомстить городу за захватъ его товаровъ; такъ, 25-го февраля 1578 года многіе любчане (Johann Meyer, Hans von Collen, Jeronimus Puncken, Hilliger Roosen, Matthias Dauman) слышали, какъ онъ въ Rathweinkeller'ѣ сказалъ:

„Die Herrn von Lubeck haben mir leides gnugsam gethan, khomme ich hinnauss, ich will ihnen wieder leides thuen, so war mir Gott beiffen“.

Въ 1579 году Ульрихъ Мекленбургскій прислалъ въ Любекъ двухъ уполномоченныхъ — рассмотреть дѣло Капелле; это были — ландъ и рентмейстеръ Генрихъ Нисашиш, докторъ правъ, и Габріэль Вругманъ (Brugkmanн и Brugemann). Они привезли съ собою два письма герцога, послѣдненна 27-го декабря 1578 года и 9-го февраля 1579 года. Любевскій ратъ отвѣчалъ герцогу 16-го мая 1579 года. Письмо Любека весьма обстоятельно передаетъ все дѣло Капелле; теперь, — говорится въ немъ, — воевода въ Нарвѣ за-одно съ Капелле; онъ задерживаетъ грамоты, отправляемыя изъ Любека Московскому царю, онъ, оклеветавши любчанъ, добился изданія въ Москвѣ строгихъ мандатовъ противъ любекскихъ купцовъ (ganz beschwerliche Mandata wider uns in der Muschow), вооружилъ царскихъ совѣтниковъ противъ города и тщательно скрываетъ все дѣло отъ самого царя.

Любопытна „Instruction darnach sich bey Hertzogh Ulrich zu Mekelburgh unser des Rtdts zu Lubeck gesandter der Erbare vnd Hochgelarter Doctor Herman Warnbuch unser Syndicus zurichten vnd zuvorhalten haben soll“. Изъ этой инструкціи видно, что Капелле искусными интригами такъ вооружилъ царскаго воеводу противъ любчанъ, что ихъ не только лишилъ торговыхъ правъ, но публично билъ кнутами и заставилъ заплатить 1600 талеровъ серебромъ: „Also haben wir auch itzo befunden, das er (Capelle) und sein Anhang unangesehen Jres Vorsprechens die sie mitt geschmirten gueten wortten vnd hohen beteurung zuthun pflegenn, nichts destoweiniger jre Practikenn zu der Narue vortgesetzt, auch die Handel so weitt getriebenn, das nicht alleine die Unserne aldar in publico mitt knutteln geprauet und geschlagen, sundern haben vor einen vormeinten angezogenen ungehorsam in die 1600 taler bezalen müssen. Darbey sie alsbalt aller bisanher unser habendenn Priutlegienn und Immuniteten der sie sich vor andern Obersehischenn vnd frembden Nationenn aus zulassung des Grossfursten gebraucht, beraubet wordenn, Daruber auch souiel bey den der orter vorordenten Obrigkeitten oder Boyarn durchgestochen, das der unsere Diener, welche der geburt aus Liflandt als des Grosfursten Erbvnderthanen, angehalten, zum teil auch denjentigenn, welche daruon kommen, jrer hern gutt alhir zu Lubeck whonende, zu grossen Summen an sich genommen. Die Personen geschlagenn, Daruber an grossen Summen an gelde gestraffet, vnd in Summo ernstli-

chen beuolenn, das man Gudebardt das alhr confiscirte Kupfer zustellen solle, Wollen geschweigen, was uber alles dieses Barbarische wesenn, die unsern noch vor ungluck zugewartten haben werden, Welches alles von Capellenn vnd seinem Englischenn Anhang practiciert vnd ins werck gestellet ist".

Въ заключеніи своей инструкціи Любекъ ставитъ категорическое требованіе, чтобы Капелле самъ отправился въ Нарву и тамъ положилъ конецъ всѣмъ вышеизложеннымъ не справедливымъ дѣйствіямъ Нарвскаго намѣстника. По мѣтвію Любекскаго рата, Капелле и Гудебарттъ заслуживаютъ тюремнаго заключенія за все зло, какое они причинили Любеку.

Любекъ, чтобы добиться возвращенія своихъ прежнихъ привилегій въ Нарвѣ, обратился къ королю Польскому, прося его отправить въ Москву посла, который бы передъ царемъ разъяснилъ все дѣло Капелле и добился отміны торговыхъ стѣсненій любчанъ. „Ше (Capelle)", говоритъ въ письмѣ къ Польскому королю, „5 Calendas Junii (1579 года), vindictae cupidus per socios apud principem Moscum dolo et arte effecit, ut is sursum pro suo vindicaret".

Любопытно отмѣтить еще переписку Любека съ воеводою Нарвы Иваномъ Андреевичемъ и съ самимъ Грознымъ. 15-го августа 1580 года Любекскій ратъ писалъ къ Грозному о дѣлѣ Капелле и въ отвѣтъ получалъ пять грамотъ воеводы и Иоанна; онѣ всѣ въ подлинникѣ сохраняются въ Любекскомъ архивѣ, скрѣпленные царскою печатью. Одна изъ этихъ грамотъ — самая обстоятельная — на нѣмецкомъ языкѣ, прибыла въ Любекъ 26-го ноября 1580 года; русскія грамоты съ надписью: В городъ Любеку бурмистром и ратманом и посадником и посланникомъ і всѣмъ державцемъ города Любека.

Въ письмѣ Иоанна Грознаго къ Любекскому рату (августъ 1580 года) царь упрекаетъ городской совѣтъ за поступокъ его съ Капелле, который со своими товарами намѣревался ѣхать въ Нарву. Товары, которые везъ съ собою Капелле, Грозный прямо называетъ своими товарами, и количество мѣди въ письмѣ царя опредѣляется въ 1000 пудовъ, стоимостью въ 4,200 рублей. Изъ этого любопытнаго письма видно, что Любекъ уже не въ первый разъ задерживалъ различныхъ нѣмецкихъ купцовъ, направившихся въ Нарву, что прямо свидѣтельствуетъ о стремленіи Любека сдѣлать русскую, нарвскую торговлю своею монополіею, что не могло входить въ планы и расчеты Иоанна IV. Московскій царь выставляетъ городскому совѣту всѣ льготы и привилегіи, дарованныя имъ любчанамъ для безпошлинной торговли въ

Нарвѣ, Псковѣ и другихъ городахъ и упрекаетъ ихъ въ вѣроломствѣ. Царь рѣшительно требуетъ возвратить Капелле всѣ захваченные у него товары, грозя въ противномъ случаѣ выскатъ за все съ любекскихъ же купцовъ въ Нарвѣ и другихъ городахъ ¹⁾.

Весьма недовольно Любекомъ было и англійское правительство. Капелле жаловался Елизаветѣ на захватъ любчанами его корабля и товаровъ, а въ сентябрѣ 1582 года Виллогби писалъ въ Любекъ, прося городской совѣтъ, не медля, уладить все дѣло. 10-го января 1582 года и Елизавета обратилась къ Любекскому рату съ рѣшительнымъ и грознымъ требованіемъ дать удовлетвореніе ея подданному. Виллогби опровергаетъ извѣстія о притѣсненіяхъ любекскихъ купцовъ въ Россіи. „Quod autem in peiorem partem interpretati stitis quosdam e subditis vestris in Ruthenia vexatos esse, extant quaedam literae testimoniales, ex quibus liquet nihil per eundem Johannem aut quonquam e suis stetisse, quo magis hac in parte offensoires animos gereretis.“

Изъ отвѣтныхъ писемъ Любекскаго рата заслуживаетъ вниманія письмо 4 Nonas Sept. 1582 г., затѣмъ 18-го апр. 1583 — къ Елизаветѣ. Въ 1583 году Капелле бѣжалъ изъ Висмара, о чемъ городской совѣтъ этого города тотчасъ же и извѣстилъ Любекскій ратъ, присовокупивъ, что съ этихъ поръ Висмару нѣтъ уже никакого дѣла до Капелле и овъ за него болѣе не отвѣтственъ.

Къ дѣлу Капелле привлеченъ былъ и императоръ Рудольфъ. Безгласный и равнодушный въ болѣе важныхъ дѣлахъ и вопросахъ, этотъ слабый государь все дѣло поручилъ рейхсрату. Іоаннъ Грозный 16-го января 1581 года писалъ къ нему о Капелле, причемъ попросилъ выяснить ему причину, побудившую императора издать претятельный указъ относительно торговыхъ сношеній нѣмцевъ съ Московскимъ государствомъ; по нѣвнѣю цара такой указъ тѣмъ болѣе страненъ и не естественъ, что идетъ въ разрѣзъ съ дружескими отношеніями, установившимися между Москвою и Вѣною еще со времени Максимилиана II. Неужели, спрашиваетъ Іоаннъ, Рудольфъ побудилъ и Датскаго короля закрыть Зундъ всѣмъ направляющимся въ Нарву торговцамъ?

Отвѣтъ Рудольфа Іоанну IV отмѣченъ 8-го февраля 1581, Прага; письмо Любека къ Рудольфу о Капелле—5-го апрѣля 1581, а грамота Грознаго Любекскому рату 2-го мая 1589.

Отвѣтимъ—въ заключеніе—одно подлинное письмо Елизаветы къ

¹⁾ См. приложение № 1.

Любекскому рату отъ 14-го января 1591 года изъ Вестминстера, въ которомъ читаемъ: „Nunc vero idem a vobis non minus serio postulamus in causa Thomae Lyndi subditi nostri cui post obitum praefati Chappel cuprum illud et reliqua etiam eius bona non modo societatis sed etiam crediti iure accesserunt“. Англійское правительство разрѣшило Линду прибѣгнуть къ репрессалиямъ, пока онъ не вернетъ себѣ 1800 фунтовъ стерлинговъ. Тогда всѣ купцы, торговавшіе съ Англіей и Испаніей, обратились 18-го сентября 1600 года къ бургомистру и рату Любека съ просьбою дать удовлетвореніе Линду и положить конецъ этой гибельной для нихъ торговли ссорѣ „das wir vnd andere Arme vnschuldige Leutte in vnser hochnötiges schiffart gewerb vnd Handlung derer örter naher Engellandt vnd nach Hispanien allerdings vor schaden frey vud sicher sein mugen“.

Репрессалии оказались убѣдительною просьбѣ и угрозѣ на бумагѣ, и Любекскій ратъ, тщетно еще разъ обратившись къ Елизаветѣ 3-го мая 1601 года съ указаніемъ на то, что Московскій царь, узнавши всю истину „ipsemet non modo ciues nostros custodia Nouagardenst liberarit, sed etiam Capellum magno cum dedecore Moscouita exterminatum relegationis roepnae subjecerit“, — рѣшился, наконецъ, дать Линду удовлетвореніе, для чего съ нимъ и начаты были переговоры. Вниманія заслуживаетъ еще письмо Любека къ Линду отъ 5-го мая 1601 г., и Линда къ Любекскому рату, Висмаръ 23-го февраля 1603 г. и 9-ю марта того же года.

Къ концу XVI столѣтія относится рядъ актовъ, выясняющихъ отношенія Revela къ Любеку, вопросъ о нарвской торговлѣ и стремленія Любека восстановить въ Новгородѣ свою прежнюю контору. Въ порядкѣ эти акты идутъ слѣдующимъ образомъ:

1) 13 oct. 1596. Revel wegen der Russischen Handlung daselbst. Дѣло идетъ о томъ, чтобы Revel сдѣлался станейнымъ пунктомъ на восточномъ побережьи Балтики, чтобы здѣсь производилась вся торговля съ русскими, а не въ Нарвѣ; такъ было и до Ливонской войны. Теперь русскіе назначаютъ въ Нарвѣ небывало высокія цѣны на свои товары, а на нѣмецкіе — цѣны низкія, отчего нѣмецкіе купцы страшно терпятъ. Revel съ каждымъ годомъ бѣднѣетъ, такъ какъ русская торговля изъ рукъ Ливонскихъ городовъ переходитъ къ другимъ народамъ ¹⁾.

¹⁾ См. приложение Ж 2.

2) Instruction der Gesanten Lubechs nach Russland. 1598. (Ex conventu Hanseatico; июль).

Въ этомъ документѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ черновымъ наброскомъ инструкціи ганзейскихъ городовъ Московскому правительству; отъ времени онъ очень испортился, заглавный листъ изорванъ такъ, что содержаніе первыхъ пунктовъ разобрать невозможно. Изъ дальнѣйшихъ пунктовъ видно, что города просили Московское правительство восстановить ихъ прежнія привилегіи и дозволить имъ выстроить свои дворы въ Новгородѣ и Псковѣ.

За этой инструкціей слѣдуетъ другая: Instruction der Stadt Lubeck vnd andere Hansestette Gesanten N. N. N. N. ahn den Grossfursten in der Muscow, dessen sie sich der Örtter hin zuerhalten.

Въ этой инструкціи, какъ и въ предыдущей, за первымъ планъ просьба — возвратитъ ганзейцамъ ихъ контору въ Новгородѣ, позволить имъ восстановить въ ней свои складочные магазины, церковь, дворъ. (Zu forderst aber pittten vnd anhalten, dass dass Cumptoir Newgarten wiederumb aufgerichten, die Kirche, Hoff vnd thobehorung dem Hansischen Kauffmanne wiederumb eingereuhmet vund nach dem alten dazelbst muege gekauffschlaget werden). Затѣмъ— (§ 7) разрѣшить любчанамъ прѣзжать въ Нарву со своими товарами и не примѣнять къ нимъ постановленій мирнаго договора Москвы съ Швеціей, въ силу котораго Ревель и Выборгъ должны были быть единственными staple-пунктами на востокъ. Далѣе: принять всѣхъ нѣмецкихъ ганзейскихъ купцовъ подъ высокую царскую руку и покровительство, снабдить ихъ охранной грамотой для безпрепятственнаго проѣзда по всей Россіи (§ 8).

§ 11: жалоба на стѣсненія нѣмецкихъ купцовъ въ Псковѣ ¹⁾.

¹⁾ § 8: In spetie aber vnserm vnd den Hansischen Hantlierenden Kaufman ihn gantzen Lande hin herwieder ihn Ein vnd Aussage mit seinen behabenden wharen, in weynen keyss. Schutz vndt gleidt nehmen, denselben binnen der Musckow zur Newgarten Plesskow, oder woh sie sonsten sich niederschlagen vnd verhalten worden, ohn jenige vnledigung ahn leib, hab vnd guettern nach dem alten loblichen gebrauch frei handeln vnd kauffschlagen lassen.

§ 11: Alsdann auch zu Plesskow der Hansische Kauffman binnen vndt ausser der Stadt mith des Grossfursten Leutten freie handlung getrieben, vnd ihre guetten ahn ortten vnd enden da sie gelegen ahn einem hauffen gebracht vnd in besicht oder augenschein vorhn genohmmen worden, zue was behueff sie dan binnen der Stadt einen besondern hoff vnd Residentz gehapt Nuhmer aber den vnsern wieder altt herkhommen vndt gebrauchen die gantze Stadt Plesskow verpotten vndt ausser der Stadt verweisen worden, wobseibst dan die hansischen wharen, durch ihren

§ 12: жалоба на недобросовѣстность русскихъ купцовъ, которые въ сало вливаютъ воду, или на дно бочки кладутъ куски дерева, чтобы увеличить вѣсъ, такъ что верѣдко вмѣсто 15 или 16 лисспундовъ купленного товара получали его всего 7 или 8 лисспундовъ. Часто и вѣсы невѣрные, и монеты фальшивыя.

§ 16: указаніе на великій вредъ для всей Россіи отъ монополіи въ ней англичанъ (*Wass hoch scheddliche Monopolia vnd eigenutzige Kauffmanschaften sie hin vnd wieder vnd fast in der gantzen Welt bis daher getrieben*); англичане не гнушаются и союза съ турками и доставляютъ имъ все нужное для войны, чѣмъ только содѣйствуютъ усиленію ихъ въ Европѣ. Такими поступками англичане стали ненавистны во всей Германіи и изгнаны изъ нея (*Daher sie auch fast ahn allen ortten verhasset auss Teutschland verbannen*).

§ 18: жалоба на неуплату любчанамъ денегъ за товары, доставленные ими въ Нарву въ 1573, 1574 и 1575 годахъ.

3) Весьма любопытно и письмо любекскаго купечества городскому рату и бургомистрамъ Любека, отъ 11-го апрѣля 1599 года ¹⁾, по множеству заключающихся въ немъ подробностей о положеніи любекскихъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ, о соперничествѣ съ англичанами и т. д. Любекскіе торговцы настаиваютъ предъ городскимъ совѣтомъ на томъ, чтобы какъ можно скорѣе снарядили къ Московскому правительству посольство, которое бы могло добиться для любчанъ нѣкоторыхъ привилегій, теперь нарушаемыхъ по настоянію англичанъ, которые дѣйствуютъ подкупомъ и многого достигли: от-

Mit. Beuehlich aber mehr als einmahl eröffnert vnd besichtigert, welches vorhin nicht gewesen (сзд. перечеркнуты слова: „mehr dan einmahl vnter dem blauen himmel eröffnet“ и „im schlaggen vnd Regen belliggen pleiben“) zueg rossem beschwer vnd vnglegenheit wegen vngewaltters vnd ander gefahr. Hingegen aber den vnsern gantz abgeschnitten wird die Reuseisehen wharen, whan sie verhandelt werden sollen, nach nottarft zubesichtigen vnd wird ihnen nur ein Töne von allerhandt wahren fur der stadt hinaus gebracht worauff der Kauff also vnter guetten glauben, als doch die Töne den ahndern wharen gleich sey, geschlossen werden muss. Da doch nach beschnehm kauff bei der liferung viel falsch vnd vnrichtigkeitt darunter befunden, vnd gleichwoll die einmahl gekauften guetten sie sein gnott oder boess angenohmen vnd behalten werden mussen, welches dan vnsern Hausischoen Kuuffleuten ohn das es vnphillich zu grossem nachteil vnd schaden gereichen thuet, Derheluen mitt allon gew fleiss vmb afschaffung dessen anzuhalten, vnd dass den vnseru wie von alters ein freier hoff in der stadt domith solchen schaden vnd vnglegenheit vorzukommen maege vergonnen werden.

¹⁾ См. Приложение № 3.

натыя—было у нихъ льготы и привилегіи снова возвращены имъ и они съѣзжать извлекъ изъ русской торговли наибольшія выгоды. Теперь и у польскаго правительства легко добиться проѣздной грамоты, такъ что не слѣдуетъ упускать выгодной и удобной минуты, а не медля сварадить посольство къ Московскому царю. Если Любекъ лишится русской торговли, то онъ обѣднѣетъ подобно Ревелю, который изъ вѣкогда дѣйствующаго города сталъ малолюднымъ и бѣднымъ: *Fortis quæm faciunt aliena pericula cautum!*

Въ 1603 году Любекскій ратъ рѣшился еще разъ обратиться къ Московскому правительству съ ходатайствомъ о возвращеніи имъ и другимъ городамъ ихъ прежнихъ привилегій и преимуществъ въ Россіи. Съ этою цѣлю снаряжено было посольство къ Борису Годунову. Актъ этого посольства всѣ сохраняются въ Любекскомъ архивѣ; такъ какъ большая часть напечатана въ приложеніи къ хроникѣ Виллебрандта, то мы о нихъ распространяться не будемъ.

Сношенія Любека съ Московскимъ правительствомъ продолжались при Шуйскомъ и при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ. Отъ времени Шуйскаго мы имѣемъ одно письмо Любекскаго рата къ Василію Ивановичу отъ 22-го іюля 1608 года, изъ котораго видно, что любекскіе альтерманы во Псковѣ и Новгородѣ не рѣдко дѣйствовали вопреки интересамъ своей родины и преслѣдовали лишь свои личные выгоды. Любекскій ратъ жалуется Шуйскому, что назначенный имъ въ Новгородъ конторъ-инспекторъ Тонасъ Фрезентъ не посылаетъ въ городъ отчетовъ о состояніи дѣлъ конторы и на требованіе рата возвратиться въ Любекъ отбиваетъ отказомъ.

При Михаилѣ Феодоровичѣ въ Москву отправлено было посольство изъ Любека съ Антоніемъ фонъ-Эрпеномъ во главѣ. Объ этомъ посольствѣ въ Любекскомъ архивѣ сохранилось нѣсколько интересныхъ данныхъ (*Acta legationis Lubecensis Antonii von Erpen ad Imperatorem Michael Foedorouiz causa confirmationis privilegiorum 1635, 1636*), а именно: 1) письмо Любекскаго рата Михаилу Феодоровичу отъ 2-го октября 1633 года, заключающее въ себѣ просьбу восстановить ганзейскія привилегіи въ Новгородѣ и Псковѣ. 2) Письмо любекскихъ купцовъ въ Россіи городскому рату 6-го августа 1635 (*Sämmtliche auff Reusslandt handirende kauffleute an Lübeck*) съ жалобой на раззореніе ихъ двора во Псковѣ во время Шведской и Польской войны, на то, что ихъ магазины были обращены въ питейные дома и разныя другія заведенія; далѣе—жалоба на низкій и совершенно произвольный размѣръ вѣшецкихъ талеровъ, (иногда же

нѣмецкихъ денегъ и вовсе не берутъ); жалоба на неправильное взи-
маніе таможенныхъ пошлянъ, на увеличеніе проѣздныхъ денегъ, не-
правильное судопроизводство и т. д. 3) Письмо Любекскаго рата
Михаилу Теодоровичу 22-го августа 1635 года. 4) *Supplicata der
Lübschen commercirenden um Vorschuss zur Restauration des russi-
schen Handels.* 1636, 1637 и 1638 и 5) *Diarium* любекскихъ по-
словъ, бывшихъ въ Москвѣ, въ 1638 году. Этотъ дневникъ полонъ раз-
личныхъ подробностей о культурномъ состояніи Ливны и Ливоніи,
вообще крайне дурномъ и безотрадномъ, заключаетъ въ себѣ и лю-
бопытныя описанія Вильны, Смоленска, Новгорода и Москвы. Виль-
на, говорятъ послы въ своемъ діаріумѣ, кишеть нищими; отъ
вихъ нѣтъ проходу (*dass man sich kaum auf der gassen dafür get-
ten können*); на улицахъ ночью умирають отъ голоду до 50 чело-
вѣкъ; дороговизна не бывала, масса рабочихъ безъ дѣла. Въ Смо-
ленскѣ—то же: общая нищета и апатія; на 100 миль послы не встрѣ-
чали ни пралки, ни ткацкаго станка: женщины ничего не рабо-
тають и дни цѣлме толкаются изъ угла въ уголъ; то же и мужчины.
(*Sondern durch auss ledig gangen, vom ofen zum fenster vnd vom
fenster zum ofen*). Въ Ливоніи пословъ встрѣтила самая ужасная
картина: голодъ достигъ тамъ такихъ размѣровъ, что ѣли падали,
выкапывали трупы изъ земли; родители съѣдали дѣтей, дѣти роди-
телей, мужъ жену и дѣтей (*Die Eltern die Kinder, die Kinder die
Eltern, Man vnd Weib sich geschlachtet vnd aufgefressen haben*).
9-го марта послы прибыли въ Смоленскъ, гдѣ хорошо встрѣчены
были приставомъ Григоріемъ Ивановымъ. 25-го марта—они прибыли
въ Москву. За описаніемъ Москвы, слѣдуетъ разказъ объ аудіенціи
царской, затѣмъ описаніе крестнаго хода въ Вербное Воскресенье,
при чемъ передаются и многія бытовныя черты.

Въ 3-мъ томѣ *Ruthenica* отиѣтимъ, въ заключеніе, акты отно-
сящіяся до посольства Любека къ Христиану Шведской, отъ 1643
года, цѣль этого посольства касалась главнымъ образомъ торговли
съ русскими въ Нарвѣ, которая была сильно стѣснена (*Acta Lega-
tionis D. David Gloxin, Wilh. von Gohren et Thomas Runge ad regi-
nam Sueciae wegen restauration des Russischen Handels 1643*),—и
приходо-расходныя книги Любекскихъ пословъ, отравленныхъ тогда
же въ Москву къ Алексѣю Михайловичу: „*Einnahme vnd Ausgabe
Buch, Darinn verzeichnet was die Herrnn Gesandten so nach der
Muschow abgeordnet, benandtllich die Ehrnueste Hoch vund Wollwei-
se, auch Achtbare vnnnd Wollgelarte Herr Curdt Germers Bürgermeis-*

ter Herr Heinrich Kerckring Rathmann vnnnd M. Iohannes Brambachius Secretarius der Stadt Lubech, zu notturfftiger verrichtung solcher Legation empfangenn vnnnd daruon hinwiederumb aussgegeben". Изъ этой росписи расходовъ видно, что на поѣздку въ Москву и обратно послы получили 51,775 тал., 1 грошъ и 6 шиллинговъ.

Кромѣ двухъ рассмотрѣнныхъ отдѣловъ Любекскаго архива — „Ruthenica“ и „Miscellaneorum Russicorum volumina V“ — мы успѣли ознакомиться и съ отдѣлами „Livonica“, „Suecica“, „Polonica“, „Danica“ и „Hispanica“.

Отдѣлъ актовъ „Livonica“ даетъ намъ новый интересный матеріалъ для Выборгской и Нарвской торговли. Второй томъ Livonica начинается съ такъ-называемой „Gravamina Livonica Ao. 1556“. Gebreke vnnnd beschwerliche nieringe dem Lubeschenn Kopmanne in den Landen Lifflandt verkherende wedder oldenn vnnnd lofflichenn hergebachtenn gebruck jnn mennigerley wege belegende. Изъ этихъ данныхъ видно, что еще въ 1554 году любчане заняты были мыслью о восстановленіи своей Новгородской конторы.

О царствованіи Эрика XIV въ этомъ отдѣлѣ актовъ нѣтъ никакихъ данныхъ; всѣ акты относятся къ позднѣйшему времени царствованія Юаанна III. Этотъ король, по примѣру брата, хотѣлъ возвысить Ревель на счетъ Нарвы и сдѣлать его стапельнымъ пунктомъ на восточномъ побережьи Балтійскаго моря. Въ письмѣ къ Любеку отъ 31-го октября 1584 года онъ говоритъ: „Alss wir auch berichtet das etzliche durch Vnser stromen auff andere vngewohuliche vnd von vnns verbottene wege, die Newe genandt, wie wol nicht mit grossen sonndern mit khleinen Schiffein durchschleichen, vnnnd mit allerley zuefuhr die Reussen zuebesuechen sich vunderstehet; die jenigen ermahnen wir gnedigst sie diser farth sich enthalten, sq ferne sie die gefahr jrer leib vnd gueter vermeiden wollen“.

1-го января 1585 года послѣдовалъ отвѣтъ любекскаго рата: „...Das wir vnsera theils vor vielenn langenn Iaren wol hotten dulden vnd leiden mogen, das der Reussische handel were zu Reuel bliebenn, vnd aldar continuirt wordenn, dan kein gelegener ort ann der Ostsee, dan Reuel gewesen, vnd noch ist, was aber vor vnordnung vnd bedruck denn ankommenden Kaufluttenn daselbst auffgeleget auch die jentgen sunderlich beschwerett worden, welche mitt denen vonn Reuel ja vortrauter vorwandtnus gestanden, Daruber nicht alleine der Russe dahin mitt seinen wharen zu kommenn sondern auch der Kaufmann dardurch abgeschreckt vnd vorjagt wordenn. Das wissen die Altenn von

Reuel, vnd wir haben solches in frischer gedechtnus". При существующихъ въ Ревелѣ морадкахъ „ist ja warheit zubesorgen, es werden sich aldar weder die Reussen noch der Deutsche Kauffman finden lassenn".

Іоаннъ не обращалъ вниманія на заявленія Любека, что вынудило городской совѣтъ еще въ 1580 году обратиться съ жалобой къ Максимилиану II. Инструкція пословъ, письма и донесенія ихъ—во второмъ же томѣ *Livonica*.

Изъ отдѣла „*Sueticica*" мы успѣли просмотрѣть лишь тѣ части, которыя касаются 7-лѣтней сѣверной войны и династическихъ споровъ Швеціи съ Польшей. Это—*volamina Va, Vb, VI, VIIa, VIIb, VIII и IX*. V-й томъ, съ котораго мы и начали разсмотрѣніе отдѣла „*Sueticica*", заключаетъ въ себѣ исключительно однія данныя для военныхъ событій 1563 и 1564 годовъ. Онъ и озаглавленъ—*In specie belli Dano-Lubecensis et Suetici anno 1564*".

Томъ Vb весь занятъ дѣлами частныхъ лицъ, ихъ торговыхъ операцій, долговыхъ споровъ и т. д.

VI томъ заключаетъ въ себѣ акты по нарвскому вопросу ¹⁾. Матеріалы, заключающіеся въ немъ, подробно знакомятъ насъ со всей важностью нарвской торговли во второй половинѣ XVI столѣтія, въ которой заинтересованы были не только Балтійскія государства, но и всѣ Европейскія. Въ этомъ томѣ мы наталкиваемся на письма Максимилиана II и Рудольфа II Іоанну III, Іоанна III къ Любекскому рату и обратно, затѣмъ на коллективныя посланія нѣмецкихъ курфирстовъ Іоанну III въ защиту торговыхъ привилегій Любека и, наконецъ, на „*Acta legationis Sueticæ Navigationem Narvicam et ablatas mercas de anno 1579 concernantia*". Въ этихъ послѣднихъ весьма любопытна „*Instruction was bey der Kun. Matzu Schweden eines Erbaru Rads der Stadt Lubeck Gesandten Doctor Herman Warbuche Syndicus, Her Johan Ludinghausenn vnd Her Arndt Bonnus Rathmanne, zuwerben, zuhandeln vund zuerrichten haben sollen*". Въ вопросѣ о нарвскомъ плаваніи послы должны были твердо стоять на слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: 1) *Vor allen dingen müssen alle Passbortenn auf die Narua zugebene eingestellet werden, weder heimlichen noch offentligenn, frembden noch einheimischenn oder benachbartenn, wer die auch sein mochten, so seintt wir erbotig, ein jar von nun anzurechnenn mit der segellation auf die Narua stille zuhalten.* 2) *Daneben do Ire K. M. neben Polen, Preussen, Lifland und Dant-*

¹⁾ См. приложение 4.

zick mit der Kun. M. zu Dennemarcken so viel handeln wolten, Das Ire K. M. die zeit wherendes Kriegs den Sundt schliessen, vnd keine frembde Nationes nach der Narua durchgestatten mochtenn, Darbey der Pfaltzgraf, Churfurst. Pommern vnd Mekelnburgk auch viel guts thun konttenn, dieselbigen dan darumb zuersuchen, das eine gemeine Legation an die K. M. zu Dennemark abgefertiget. Весьма интересно, даже, донесеніе любецкихъ пословъ о ихъ пребываніи въ Швеціи, изъ котораго явствуетъ, какъ перемѣнились отношенія Любека къ Швеціи со времени Густава I.

Томъ VIIа включаетъ въ себѣ акты къ войнѣ Швеціи съ Польшею 1598—1605 гг.

Томъ VIIб—акты и письма, выясняющіе взаимныя отношенія Швеціи къ Любеку и Данцигу, а также донесенія о польскихъ посольствахъ въ Швецію Георга Финка, Христофа Стурциуса и Самуила Laschi.

VIII томъ—акты по сношеніямъ Швеціи съ Любекомъ в Польшею 1598 и 1599 года.

IX томъ—акты, относящіеся къ Кальмарскому съѣзду 1605 года.

Въ 1605 году состоялся съѣздъ шведскихъ и любецкихъ комиссаровъ въ Кальмаръ; здѣсь возникъ вопросъ о торговлѣ любчанъ въ Россіи. Карлъ не соглашался допускать ее, иже въ виду сдѣлать Ревель главнымъ стаяельнымъ пунктомъ на Балтійскомъ морѣ и сосредоточить въ рукахъ шведовъ всю русскую торговлю. Любчане ссылались на Штеттинскій мирный договоръ, Карлъ на договоръ Сигизмунда III съ Феодоромъ Иоанновичемъ, въ которомъ любчанамъ разрѣшалось лишь пріѣзжать въ Нарву для покупки и продажи тамъ товаровъ, но никоимъ образомъ не строить тамъ складочныхъ магазиновъ, не основывать конторъ; о восстановленіи Новгородской конторы Карлъ не допускалъ и рѣчи. Въ концѣ декабря 1605 года, послѣ продолжительныхъ споровъ, между Карломъ и Любекомъ заключено было временное соглашеніе, по которому Любекъ обязался за убытокъ, причиненный имъ шведамъ, заплатить извѣстную денежную сумму.

Въ отдѣлѣ „Polonica“, обнимающемъ царствованія Сигизмунда III и Владислава IV, заключается не мало подлинныхъ грамотъ этихъ королей къ Любеку и другимъ ганзейскимъ городамъ какъ относительно торговыхъ дѣлъ съ Польшею, такъ и относительно политическаго союза противъ Швеціи. Во время династическихъ войнъ Польши съ Швеціей ганзейскіе города, въ особенности же Любекъ и Данцигъ, терпѣли большія стѣсненія въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Балтійскими государствами и съ трудомъ могли со-

хранить свое нейтральное положеніе среди воевавшихъ другъ съ другомъ державъ. Шведскіе и польскіе короли рѣшительно заявляли любекскому рату, что лишать его всѣхъ привилегій и льготъ въ своихъ королевствахъ, если только городъ не прекратитъ своихъ сношеній съ ихъ врагами. Шведское правительство усматривало въ торговыхъ сношеніяхъ Любека съ Польшей и политическую связь. На это любчане отвѣчали, что они лишь „ex officio mercenario“ вошли въ сношенія съ Сигизмундомъ Польскимъ. Любекъ, какъ это видно изъ писемъ его къ польскому и шведскому правительствамъ, скорѣе былъ склоненъ къ союзу съ Польшей, нежели къ союзу съ Швеціей, такъ какъ на сторонѣ Сигизмунда было формальное право на шведскій престолъ; на его же сторонѣ была и сила политическая, ибо за нимъ стояла вся католическая Европа, за исключеніемъ Франціи.

Карлъ IX, узнавъ о соглашеніи любекскаго рата съ его племянникомъ, прибѣгъ къ литературному оружію, и между нимъ и Любекомъ завязывается цѣлая полемика, въ формѣ брошюръ и пасквилей, въ которыхъ обѣ стороны извѣливаютъ другъ на друга обвиненія въ нарушеніи дотогдѣ существовавшихъ дружескихъ отношеній.

Еще энергичнѣе дѣйствовалъ Сигизмундъ III, когда на шведскій престолъ вступилъ Густавъ II Адольфъ; онъ тогда уже открыто захватывалъ корабли ганзейцевъ, направлявшіеся въ Швецію,—и на Балтійскомъ морѣ открылась каперская война. Отъ этого времени сохранились любопытныя письма Сигизмунда къ любекскому рату и отвѣты ему, такъ напримѣръ, письма короля отъ 31-го октября 1617 г., 11-го мая 1618 г., 24-го января 1622 г., 29 и 30-го января 1627 г., 20-го февраля 1628 г.

Отъ времени Владислава IV сохранилось также не мало писемъ, касающихся его отношеній къ Швеціи. Они всего многочисленнѣе въ 1635 году. Отмѣтимъ также 1) „Acta Civitatum Hanseaticarum et Wladislai IV Reg. Pol. wegen des zu Dantzig angelegten neuen Seezollens. 1637 и 1638“ 2) Acta belli Polonici et Suetici 1655—57.

Въ отдѣлѣ „Danica“ особенный интересъ представляютъ: А) Акты Ростокаго собранія 1564 года. Изъ нихъ отмѣчаемъ: 1) инструкцію любекскихъ пословъ, которымъ предписывалось всего болѣе настаивать на свободномъ плаваніи на Нарву; 2) Etliche Puncts so bei wehrendem schwedischen Krieg als gemeiner Wolffart hoch angelegen zu betrachten. Среди этихъ пунктовъ весьма любопытна слѣдующая замѣтка: „Wie dann nicht ohne das albereit der Muscoviter vund seine vnterwürffige sich vmb schiffe beworbenn, denenn auch schon etliche

erlangt, damit gleichs andern der sehe gebrauchen, vnd durch die mannigfaltige hantierung ab vnd vf Ruslandt, nach dem das Muscowiterische Volck auch sunst fur sich der gewalt vnd allem was vortell gibt mit vmmessiger begir vnnachlessig nachtrachtet, in stehender dieses kriegs vnrube, gar leicht zugeschehen, das der Muscowiter heut 4, vbers Iar 10, dann 20, 40, 60 vnd so vimmerforth vfliegend wher eigene schif zu wege bringen, sein volck sich damit vben lassen, vnd in kurzem mit mherer solcher gewalt zur sehe sich sterckenn mocht, das er nachmals durch alle ander benachbarte schwerlich wurde abgewheret werdenn kunenn^a. 3) Цѣлый рядъ извѣстій о военныхъ событіяхъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ; 4) Письмо Фридриха II любекскому рату отъ 5-го сентября 1564 года, въ которомъ онъ разрѣшаетъ любчанамъ ѣздить въ Нарву. „Vnd habe Ire K. M. vmb so uil bessere hoffnung die gebhur bei dem Muscowiter zuerhalten, weil die vereinigung, so Ire M. mitt demselbigen haben, derhalb austruckliche vorsehung hatt, ohne, das auch nicht zuermuthen, das der Moscowiter Eines geringen Nutzen halben, so er vonn Schweden dessfals zuerwarten, die gemeine vnd jm so hoch bequeme schiffart vnd Communication selbst stutzen vnd also sich abstricken wolte. Кополь указывалъ царю „wie freuntlich es der Schwede mitt Jme meintt, in dem das er zu seinem eigenen vorthail jme dem Muscowiter eine solche stedtliche Commoditet, der Naruischen Communication durch thetlichs furnhemem zu sperren vnd abzustricken vnderstehen dörffen“.

B) Acta legationis Secret. M. Ioannis Engelstede ad Caesarem Majestatem itemque Electores Saxoniae et Brandenburg. 1564. C) Acta legationis Hafnensis ad Regem Daniae legatis Fried. Knevel, Senat. vnd Christoph Messerschmidt—secret. 1564. D) Acta legationis Flensburgensis et Nienburgensis ad Regem Daniae, legatis Hieron. Luneburg, consule, Barthol. Tinnappet et Fried. Knevel, Senat. Christ. Messerschmidt, Secret. 1564. Всѣ эти акты заключаютъ въ себѣ любопытнѣйшія данныя какъ для военныхъ событій, такъ и для вопроса о нарвской торговлѣ. Въ нихъ же (письма Фридриха II) находимъ причины, побудившія Фридриха II прибѣгнуть въ 1564 году къ временному закрытію Зунда.

Весьма богатый матеріалъ для торговыхъ сношеній ганзейскихъ городовъ съ Испаніей представляютъ акты, заключающіеся въ отдѣлахъ „Hispanica“. Филиппъ IV и его министры требовали, чтобы ганзейскіе города не имѣли никакихъ сношеній съ голландцами, и привозили свои товары въ нидерландскія и испанскія гавани. Испа-

нія стремилась стать прочною ногою на южномъ берегу Балтійскаго моря и здѣсь, какъ и на Нѣмецкомъ морѣ, заручиться какою либо удобною гаванью; сношенія ганзейскихъ городовъ съ врагами Габсбурговъ—Швеціей и Франціей—продолжались, не смотря ни на какія запрещенія, и это-то обстоятельство болѣе другихъ обострало отношенія ихъ къ Испанско-Габсбургской монархіи.

Отмѣтимъ важнѣйшіе акты изъ 2-го и 3-го томовъ „Hispanica“, обнимающихъ время отъ 1628 по 1635 годъ.

Во 2-мъ томѣ любопытны слѣдующіе акты: 1) Указъ Филиппа IV о торговлѣ, 6 мая 1628 г. Мадридъ. 2) Рядъ грамотъ ганзейскихъ городовъ Филиппу IV и Оливарену, заключающихъ въ себѣ жалобы на стѣсненія ганзейскихъ торговцевъ испанскимъ правительствомъ. 3) Correspondence mit Gabriel de Roy 1629—1630. Габріэль де Роа носилъ титулъ „Kayszerlicher neben dero armada im Oceanischen und Baltischen Meer verordneter generalis Commisarius“ и, какъ таковой, велъ дѣятельные переговоры съ ганзейскими городами какъ на Балтійскомъ, такъ и на Нѣмецкомъ морѣ о принятіи послѣдними новаго торговаго устава, выработаннаго въ Мадридѣ и направленнаго на совершенное обезсиленіе Голландіи. Въ этой перепискѣ подаются и нѣкоторыя интересныя копии съ писемъ Валлешиштейна къ Любекскому рату, свидѣтельствующія о совершенной солидарности въ балтійской политикѣ императорскаго генерала и испанскаго правительства, солидарности, бывшей столь не желательной нѣмецкимъ курфюрстамъ, какъ протестантскимъ, такъ и католическимъ. Изъ этихъ копій отмѣчаемъ въ особенности копию съ письма 16 октября 1628 года. 4) Bericht wegen der zur Wismar eingebrachten Schiffe; въ этомъ донесеніи много подробностей, характеризующихъ образъ дѣятельности Испаніи и Австріи по отношенію къ не подчиненнымъ имъ свободнымъ торговымъ городамъ. 5) Договоръ Испаніи съ Даніей о пертификатахъ 1630 года.

Во 3-мъ томѣ „Hispanica“ мы отмѣтимъ: 1) Acta der von Kays. M. ad conventum Hanseaticum abgeordneten legaten, Grafen von Schwartzenberg und des Reichs Hoffraths Wenzel pro liberi commercii nach Hispanien, 1627—28. Въ этомъ собраніи цѣлый рядъ подлинныхъ актовъ, касающихся вопроса объ утвержденіи Испаніи и Австріи на южномъ побережьи Балтійскаго моря, какъ-то: инструкция Шварценберга и Венцеля, отъ 8 ноября 1627 года, письмо Любекскаго рата Филиппу IV отъ 27 октября 1628 года и т. д. 2) Акты, касающіеся сношеній ганзейскихъ городовъ съ Испаніей послѣ смерти

Габріеля де Роа, случившейся въ 1646 году. Мѣсто де Роа заступилъ Condiarius испанскаго короля, Orator et legatus ordinarius apud aulam Caesaream et per Germaniam Don Didacus de Arragona, Dux Terrae Novae и Balthasarus Walderode de Echhausen.

Въ Данцигскомъ архивѣ мы занялись прежде всего разсмотрѣніемъ такъ называемыхъ Libri Missivarum за вторую половину 16 столѣтія, съ 1558 до 1599 года. Это — копія съ писемъ и инструкцій данцигскаго бургомистра и рата его посланъ въ Польшу, Данію, Швецію и Любекъ, а также копія съ писемъ Данцигскаго рата ратамъ Ревеля, Риги и другихъ приморскихъ городовъ. Въ этихъ письмахъ и инструкціяхъ разбросано много данныхъ о сѣверныхъ дѣлахъ, о торговыхъ сношеніяхъ съ Даніей, Московскимъ государствомъ и Швеціей; иногда же они специально посвящены тому или другому вопросу скандинавской или польской политики.

Акты 1558 и 1559 годовъ заключаютъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ указаній на виборгское плаваніе и свидѣтельствуютъ о дружескихъ отношеніяхъ Данцига къ Ригѣ и Ревелю; въ виду начавшейся войны съ Москвою Данцигъ обнаруживаетъ дѣятельную заботливость о ливонцахъ, шлетъ имъ помощь оружіемъ, деньгами и съѣзными припасами. Изъ этихъ же актовъ видно, какъ сильно озабочены были всѣ прибалтійскія государства вѣстью о повлеченіи англичанъ на Вѣломъ морѣ и о торговыхъ сношеніяхъ, начатыхъ съ ними московскимъ государемъ. Ближайшіе сосѣди Московскаго государства, Швеція и Польша, въ дѣломъ рядѣ писемъ, открытыхъ плакатовъ и донесеній, раскрываютъ весь вредъ этихъ сношеній для христіанскихъ прибалтійскихъ государствъ. Сигизмундъ II Августъ сносился по этому вопросу съ Данцигомъ, и этотъ городъ, видя всю невыгоду для себя отъ непосредственныхъ сношеній Англій съ Россіей, въ августѣ 1560 года писалъ къ своимъ посланъ въ Лондонъ—Іоанну Пройтту и Іоанну Кримерингу,—чтобы они настояли у англійскаго правительства на прекращеніи этого плаванія. Съ 1560 года въ актахъ упоминается уже и о нарвской торговлѣ, противъ которой Данцигъ ратовалъ наравнѣ съ Сигизмундомъ II Августомъ. Изъ-за Нарвы между Данцигомъ и Любекомъ возникаетъ любопытная переписка, свидѣтельствующая о сильномъ нерасположеніи этихъ двухъ городовъ другъ къ другу и о торговомъ соперничествѣ ихъ. Съ 1563 года акты содержатъ нѣкоторыя указанія и на отношенія Данцига къ Швеціи и Даніи; онъ упорно отказывался отъ активнаго участія въ 7-лѣтней сѣверной войнѣ: нейтральность его вызвала патипутныя

отношенія къ обѣмъ воевавшимъ сторонамъ и къ Польшѣ, союзницѣ Дани.

Превосходно выясняются изъ Libri Missivarum и отношенія Данцига къ Польшѣ съ 1563 до 1572 года; они были далеко не мирнаго и дружескаго характера. Нерѣдко дѣло приближалось къ разрыву и только осторожное правительство Данцига предупреждало возстаніе города противъ самовольныхъ и деспотическихъ указовъ Сигизмунда II. Польскій король требовалъ помощи Данцига въ войнѣ съ Швеціей, новыхъ налоговъ для веденія ливонской войны и прекращенія торговыхъ сношеній съ Швеціей. Данцигъ не могъ исполнить этихъ требованій короля, такъ какъ вся торговля его сильно пострадала бы отъ этого. Свое тягостное положеніе Данцигскій ратъ выражаетъ въ письмѣ къ своимъ секретарямъ въ Вильнѣ отъ 7 декабря 1565 года: ... Vndt muegen euch auch hirneben nit verhalten, das unter der Ordenungen vnd Einwohner dieser Statt wegen der langwirigen schwebenden Kriege zwischen vnserm Herren, Deunemarken vndt Schweden, fast grosse beschwerden vermerckett wirt, als das sie nun so viel iahr hero, den pass auf Schweden, hin vndt her nicht gebrauchen muessen, dahero dan nicht allein diese Statt der Schwedischen Commoditeten, so sie kommerlich entrahten können entperen muessen, dardurch dan auch viele dieser Statt einwohner in grundt vertorben vnd aller ihrer nahrung entsetzett, auch in eussersten vertorb vnd armutt geratten sondern das auch alle dieselben Schwedische Commerciën an andere örter geflossen vnnnd transferiret, so villicht nimmermehr also an diese Statt wie zuuorn gewesen, widerumb kommenn werden. Von welchen örtern wir solche Schwedische wahren mit doppeltem gelde vnd vnkosten anhero bringen lassen muessen, wie es den auch zubesorgen, das wo dise Statt, noch ein Jahr des Reichs Schweden entrahten solte, vmb ein merklich theill ihrer wolifartt kommen muhte, Dann auch sousten mehr, dan die hoffte der schife von dieser Statt weggekomen, in deme man sich des Schweden halben allerlei besorgen muess, vnd die schiffe alhir liegen bleiben muessen, vndt der vorteill ohne ziel vnd massen von tage zu tage wechset vnnnd zunimpt, vnd also teglich vnser schiffe geminnort werden, dardurch dan auch die Krefte, das volk vnd das geschuetz von dieser Stadt wegkompt, geschwelgen das des Koniges zu Schweden ausliegere etzliche vnser schiffe so mit allerlei wahren auf andere örtere beladen, mit gewalt intercipiret vnd in Schweden gefuhret worden, die vnter andern diese vrsache forgewendet, das des Konigs von

Schweden Vnderthanen schife vndt guetere alhie angehalten, vnnndt etliche preiss gemacht worden, beuor aber auch das die Dantzkerе Freibeutere, wie sie sie nennen, die Schweden beschediget vndt benommen wie es den auch an deme Ist, das die meisten der vermeinten freibeutere, ihrer koniglichen Maiestet gar wenig frommen, dan sie keines weges in die offene sehe wollen, sondern wan feindtliche guetere in diesem Porte vndt also in vnseren henden sein, dteselben vberfallen vnnndt zum hefftigsten beschweren vndt dardurch den Schweden weil sie von hinnen auslaufen, desto mehr kegenst diese Stadtт verhetzen, Dan auch der K. von Schweden den vnsern mehr genohmen vndt grossern schaden zugefuegt, als den Schweden alhir angehalten worden“.

Много приходилось Данцигу терпѣть и отъ морскихъ смичковъ польскаго короля. Слѣдя за тѣмъ, чтобы датчане и другіе народы не ѣздили въ Нарву, они безъ разбора захватывали всѣ корабли, попадавшіеся имъ на пути къ этому городу. Иностранные государя, подозрѣвая въ этомъ пиратствѣ Данцигъ, мстили ему между прочимъ и какъ городу, подчиненному Польшѣ, лишали его привилегій, задерживали его купцовъ со всѣми ихъ товарами и т. д. Изъ-за этихъ-то морскихъ разбойниковъ Польша возникаетъ длинная переписка Данцига съ Сигизмундомъ II. Въ 1570 году Данцигскій рать обращался къ королю съ дѣльнымъ рядомъ просьбъ „pro abolendis aut alio transferendis speculatoribus maritimis tum ob incredibilem eorum in multos innocentes vsurpatam insolentiam, tum propter eas clades vitandas, quae inde huic civitati ac inclyto Poloniae Regno imminerent“.

Очень рельефно рисуется образъ дѣйствій польскихъ пиратовъ письмо Данцигскаго рата къ Сигизмунду отъ 26-го іюня 1570 года. Съ 1570 года въ актахъ встрѣчаются указанія на датскихъ и московскихъ пиратовъ. Ср. письма Данцигскаго рата къ Магнусу отъ 20 іюля 1570 года и Любеку отъ 30 сентября того же года.

Съ 1572 года всѣ инструкціи Данцигскаго рата почти исключительно касаются вопроса объ избраніи по смерти Сигизмунда II Августа новаго польскаго короля. Изъ этихъ актовъ обнаруживается, что Данцигъ на всѣхъ сеймахъ поддерживалъ Габсбургскаго кандидата и оставался вѣрнымъ Габсбургскому дому до самаго отпаденія его отъ Польши.

Весьма богатый и разнообразный матеріалъ содержатъ въ себѣ и донесенія данцигскихъ пословъ изъ Польши, Даніи, Швеціи и Любека городскому рату и бургомистрамъ Данцига. Они всѣ подлинны и за-

ключаются къ цѣлой серіи объемистыхъ фоліантовъ, озаглавленныхъ „Acta internunciorum“. Въ этихъ актахъ, какъ и въ предшествовавшихъ, насъ по преимуществу интересовали данныя для 7-лѣтней сѣверной и ливонской войнъ; всего же цѣннѣе они по матеріалу, заключающемуся въ нихъ для выясненія взаимныхъ отношеній Данцига и Польши.

Разсмотрѣніе „Acta Internunciorum“ мы начали съ 12-го тома, обнимающаго 1557, 58 и 59 годы и довели его до 49-го тома, заканчивающагося 1595 годомъ.

Какъ въ предыдущемъ отдѣлѣ актовъ, такъ и въ разбираемомъ, множество любопытныхъ данныхъ для исторіи отношеній Данцига къ другимъ ганзейскимъ городамъ, Швеціи и Даніи. Нѣкоторыя изъ донесеній данцигскихъ пословъ замѣчательны по своей детальности и драматичности: передаются подлинныя слова польскихъ вельможъ, приближенныхъ Сигизмунда II, рѣчи московскихъ пословъ, отвѣты данцигскихъ пословъ на нѣкоторыя требованія короля и т. д. Отсюда, разумеется, и субъективность этихъ донесеній, пристрастность ихъ, какъ только возникалъ, напримеръ, вопросъ о правахъ польскихъ королей на Данцигъ и т. п.

Донесенія данцигскихъ пословъ очень ярко рисуютъ намъ отношенія Польши къ ливонскимъ дѣламъ; нигдѣ такъ рельефно не выступаетъ равнодушіе польскаго правительства къ судьбѣ Ливоніи, какъ въ этихъ именно донесеніяхъ (например, отъ 20 февраля 1561 года, 31 августа и др.); со дня на день откладывали выслушаваніе ливонскихъ пословъ; тотъ или другой вопросъ о ливонской войнѣ переносился съ одной инстанціи въ другую и т. д.: то его разсматривали на ландтагахъ, то на королевскихъ собраніяхъ. Даже послѣ паденія Нарвы польское правительство оставалось равнодушнымъ зрителемъ событій ливонскихъ; король занятъ празднествами, пирами и маскарадами,—пишутъ данцигскіе послы въ 1561 году,—и трудно было бы сказать, что при дворѣ ктонибудь думаетъ о войнѣ съ Москвитомъ.

Изъ вопросовъ, наиболѣе подробно разбираемыхъ въ донесеніяхъ данцигскихъ пословъ, слѣдуетъ отмѣтить: вопросъ о зундской пошлинѣ, о нарвской торговлѣ, объ евреяхъ, которымъ король польскій желалъ отдать на откупъ данцигскую тамошню, вопросъ объ отношеніяхъ къ Швеціи и Любеку, о борьбѣ съ Ваторіемъ, о враждѣ съ Эльбингомъ изъ-за монополіи, дарованной эльбингцами англійскимъ купцамъ.

О московскихъ дѣлахъ говорится: 1) въ цѣломъ радѣ донесеній изъ Ливоніи; затѣмъ—въ слѣдующихъ письмахъ данцигскихъ пословъ: а) отъ 18 августа 1567 года, Гродно; здѣсь рѣчь идетъ о московскихъ послахъ, прибывшихъ въ Польшу для выясненія взаимныхъ отношеній польскаго правительства къ московскому царю. Послѣ аудіенціи король пригласилъ пословъ къ столу, но послы не согласились сѣсть за одинъ столъ съ королемъ. „Aber da die Boyarenn nicht mochtenn ahn der Taffel sitzenn da jhre Maiestet sass, woltenn sie jm gemach nicht bleibenn, sondern lieffen alle zurück wiederumb hinaus, da wolt Sie Ihre Maiestet auch nicht ser nötigen, oder hinein fördern lassen, liess sie daraussen fur der thuren stehen, Vnnd ob sie auch wol gern gar dauon gegangen wehren, wolt man ess jhnenn auch nicht gestadtenn, Da Sie also ein wenig gestandenn wahren befol jhnen Ihr M. zuschenckenn, Sie wolten aber auch das getrenck keines wegес annemenn, So wolten es aber die, so es jhnen zugetragen nicht wiederumb zurück bringenn, sondern gossen es den gutten leuten fur die fuess, da mussten sie also stehenn wie die betreufften hanen bis das Ihre M. abgegessen het, Manchem dunckt dis nun ein grosser ernst sein den Ihr M. gegen sie gebrauchenn lassenn, sie aber fragen vielleicht wenig darnach vnd achten es sehr gering“.

б) Письмо изъ Кнвшина, 6-го апрѣля 1568: о сильныхъ вооруженіяхъ Москвы на морѣ; по Двигѣ русскіе готовятся подплыть къ Ригѣ.

с) Изъ Данцига, 19-го іюня 1570:—о московскихъ пиратахъ на Балтійскомъ морѣ.

д) 1572. Quaestio est de Naruicis seu Rhutenicis commercis. Haec contrauersia omnibus Regibus, principibus et potentatibus christianis communis est.

Imperator tamen et Reges Daniae, Sueciae et Poloniae priuatim sibi ius quoddam in hoc mari Germanico vel orientali tribuunt. Nunc vero ob commercia illa vehemens est contentio. Nam reges Galliae, Hispaniae, Angliae, Scotiae et Prouinciae Belgicae illa salua et integra esse volunt et omnium maxime Rex Daniae. Imperator autem et Imperii ordines illa omnibus concedunt liberaeque esse volunt.

Soli Reges Sueciae et Poloniae et eorum subditi contradicunt et ea de re reconqueruntur.

Hanc ob causam omnium aliorum Regum subditi superioribus annis infinita damna et iniurias passi sunt, quae illi diutius nec ferre, nec dissimulare volunt.

Quae cum ita se habeant, aut libera omnibus relinquuntur com-

merciam, aut bellum aperte geratur necesse est, vel ut vi saltem (ut hactenus) illa impediatur.

At cum haec extrema sint et admodum perniciose media merito studiose quaerenda sunt, quibus tantis malis tempestive occurratur. Dubium non est, quin Poloniae et Sueciae Reges graues habeant causas cur commercia ista impedire conentur. Et certe aequum est, ut illorum digna ratio habeatur.

Verum si in ea causa, communi omnium, aut saltem praecipuorum consensu non consulatur, nulla certa nec diuturna pax aut tranquillitas expectanda est. In eo igitur in primis incumbendum est, ut Reipubl. communi summorum consilio prouideatur. Nam a priuatis certi nihil constitui aut decerni potest.

Очень любопытно, что послѣ Штеттинскаго мира 1570 года любекскій рать вступаетъ въ переговоры съ остальными вендскими городами, выставляя имъ необходимость ходатайства передъ Московскимъ правительствомъ о возстановленіи нѣмецкой торговой конторы, какою была нѣкогда Новгородская, въ одномъ изъ городовъ Московскаго государства. Эту мысль раздѣляли съ Любекомъ и императоръ и имперскіе князья; на Шпейерскомъ рейхстагѣ и Франкфуртскомъ депутатіонстагѣ они рѣшили сохранить за одними любчанами право нарвской торговли, такъ какъ Римская имперія не можетъ обойтись безъ русскихъ товаровъ: „weil das Römische Reich der Russischen Wahren nicht entraten konnte“. Весьма важно—и это было высказано всѣми представителями обонхъ собраній—не допустить до пользованія этой торговлей иностранныя государства, какъ Франція, Англія и др. Всѣ нѣмецкія конторы въ иностранныхъ государствахъ основываются на русской торговлѣ и эта торговля—мать всѣхъ прочихъ торговыхъ конторъ, которыя безъ нея не могутъ существовать. („Da doch alle Conthoren auf die Reussische Commercien fundiret sein sollen, vnd dieselbe Reussische Handlung eine Mutter aller Conthoren wehre, ohne welche och die Conthoren nicht Konten erhalten werden“). Кельнъ, Гамбургъ, Ростокъ и Брауншвейгъ высказались въ пользу сосредоточенія русской торговли въ одномъ изъ ливонскихъ городовъ, предлагали между прочимъ Ревель, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ Ревель былъ подчиненъ Швеціи, воевавшей съ Россіей. Поэтому всѣ эти города согласились до перемены политическихъ конъектуръ сохранить за Нарвой значеніе сталеваго пункта. Одинъ Данцигъ былъ противъ Нарвы—какъ таковаго пункта; но его мнѣніе не было поддержано даже прусскими городами.

е) Matthaeus Radecke Данцигскому рату, Варшава, 17-го мая 1575; въ этомъ письмѣ называются два кандидата на польскій престолъ—Эрнстъ Габсбургскій и Московскій царь, причеъ большее число голосовъ на сторонѣ втораго. Тоже 20-го мая, Stendicz: Die vom Adel aber wollen keiner weges ahn einen deudtschen Herren sondern ahn den Moscowiter, jhrer wenig zu Gros Poln ausgenohmmen die mit der Keys. M. zufallen.

ф) Reiholdt Moller Данцигскому рату, 18-го ноября 1575, Варшава:Endtlich sol auch ein Moscowiterischer Goniez angekommen seynn, welchen jedermann hören wollen, ja hoffnung das ehr amptissimas conditiones mit sich bringen wurde, vnd sol so ein gedrengnus gewesen seyn wie ehr zu dem Kolo gefuhrett, das einer für dem andern schwerlich stehen und zuhöreñ können, Wie aber nichts vorhandenn gewesen, ohne seyne entschuldigung, das ehr für diesem seine bottenn ja die Crohn Poln nicht geschickett, vnd dan das noch ein Goniez vorhandenn, welcher für den grosbotenn so zu Schmolensko auff der grentsenn lege, ein geleitt werbenn soltt, sein sie sehr vbel mit dem Moscovits zufriede gewesen, vnd dan das man mit etzlichen der h. wolewoden die sie also auffgesprenget ubel zufriede gewesen auch sie widerumb geurlaubett, der geringe Adel alhier aus der Masaw mit hauffen daruon gemachtett, welcher vns dieses morgens allein auff dieser strassen wol ja die 200 wegen begegennett, ohn die da gerittenn vnd zu fuss gegauggenn, Also das man nun vermeinnett das es mit dem Moscoviter aus sey vnd ehr weit hinden werde stehen müssen.

г) Донесенія въ Данцигъ Константина Фербера, Альбрехта Газе и Копрада Лембке изъ Варшавы и др. городовъ Польши. 1578—1579. Эти донесенія содержатъ въ себѣ нѣкоторыя подробности русскіхъ вторженій въ Литву и Ливонію, а также нѣкоторыя данныя для исторіи борьбы Данцига съ Баторіемъ и отношеній Данцига и Данин и Любека. Отмѣчаемъ отдѣльно донесеніе 9-го декабря, въ которомъ слѣдующимъ образомъ передается о прибытіи въ Варшаву 3-го декабря 1578 года московскихъ пословъ: „Als aber der Herr Prziemskj vnd h. seuerin Bonner wegen der Kön. M. sie empfangen wollen, haben sie sich der alten barbariae nach wegen des hutts vnd entplosung des hauptes gezankett.. (5-го декабря аудіенція ихъ у короля): Als aber die gesanten auffgeholett, vnd für Ihre M. gekommen, haben sie die vnseligen tittel jhres grossfursten referiret, vnd nachmals vnsers kontges dergleichen vnd dem gruss abgelegt, Nach verrichtunge desselben, jst von alters her der vortigen Koninge gebrauch gewesen, das sie auf-

gestanden vnd Ihr Haupt entdecken vnd also mitt blosem heupt gefragett, wie es Ihrem bruder dem grossfursten gehe. Solchs hatt Ihre K. M. nicht thuen wollen, sondern ist sitzen bliebenn, vnd hat durch den hern Eustachi fragen lassen, Als solchs die Moscowiter gesehen haben sie die kopffe geschuttelt vnd weiter nichts anthworten wollen, es stunde dan der Koning zuuor auf, vnd blösse sein heupt, Als man solchs gemerket, hatt der herr Eustachi gesagett, dass Ihre M. nicht Polnisch kunde, darumb hette er es jhm zu reden befohlen, Da sagett der Moscowiter so solte er auffstehen vnd die Magecke abnhemen. Wie Ihre K. M. der leute stoltz gesehen, hatt er als balde gesagett, das sie entweder Ihr gewerbe ablegen, oder widerumb jn ihre herberge gehen solten, Also saint sie widerumb zurucke in ihre herberge geleittet worden, und haben nichts verrichtett. Als sie aber aussgegangen, vnd Ihr K. M. jn den rathe getreten, hatt Ihre M. gesaget: Redigemus illos in ordinem, man solte weder Inen noch Ihrem volke noch Ihren rossen zuessen oder zutrinken geben biss so lange sie die botschafft abgelegt, vnd (welchs ich vergessen) als sie in Ihrer der Koning auch auf seiner meinung geblieben, hatt der herr Eustachi gesagett, es hette Ihr Grossfurst, der K. M. gesanten dem Masauschen woywoden auch der gleichen gethan vnd die gewöhnliche reuerentz nicht erzeigett, da hat der Moscowiter geantwort er were dabey gewesen, sein Grossfurst der hette seinen hutt abgenommen vnd an gewonlicher ehrerpittung nichts abgehen lassen, als nu der her littausche Cantzler sagett, das solchs Ihrer Kön. M. abgesandter ein-gebracht, spricht der Moscowiter das der gesante der warheit gesparet hette, und das er auch selbst nicht war rebette (?).

In summa sie sein so vnuerrichter sache in die herberge gefuret, vnd haben die kopfe geschuttelt nicht anders als wan man einem beren auf die nase geschlagen“.

h) Данилъ Германъ Данцигскому рату, Великіе Луки, 8-го сеп-тября 1580: о прибытіи въ лагерь Баторія московскихъ пословъ, требовавшихъ удаленія польскихъ военныхъ силъ изъ Ливоніи, и о неуспѣшности ихъ миссіи ¹⁾; нѣкоторыя подробности о паденіи Ве-

¹⁾ Den 29 Aug. ist die Moschkowitersche grosse Botschafft erlichlich fur den König im Feldlager kommen, vnd nach abgelegtem langem grus ein Credentschreiben überreicht. Als ihnen nu vergunt worden zu reden, haben sie nichts anders furgebracht als mit kurzen worten das der König mit seinem kriegsvolck wieder in sein landt sich wenden soll, dahin will der Groufurst seyne gesandten verordnen vnd aller zwistung halben tractiren lassen, Darauff sie zum ersten, andern vnd dritten mal

ленихъ Лукъ, о страшномъ избиеніи въ нихъ русскихъ (Da hatt man ein iemmerlich specktakel gesehen, wie ihr viel gewundt und halb todt in den Wassergraben gesturtzt worden, viel seindt das naker ausgezogen vndt dan gesabelt worden).

і) Изъ Вильны, 2-го іюня 1581: объ аудіенціи московскихъ пословъ у Баторія 26-го мая и 2-го іюня. Въ первый разъ послы желали сохранить за Москвою Дерптъ, Нарву и Перновъ; во второй аудіенціи они уже уступали и всю Ливонію, но не могли принять послѣднихъ требованій польскаго короля объ уступкѣ ему Смоленска, всѣхъ литовскихъ и польскихъ завоеваній и уплаты про экспенсіс 2 милл. золотыхъ. На первой аудіенціи Баторій рѣшительно заявилъ, что не уступитъ Московскому царю ни пяди земли въ Ливоніи: dass er dem Moskowiter nitt eynen rawren ihn Liffland gedenk zulassen.

к) Германнъ Даніэль Данцигскому рату, 26-го сентября 1582, Вильна. Въ этомъ письмѣ есть небольшое описаніе Пскова, которое цѣлкомъ и приводимъ: „Die Pleskow ist in drey vnderschedliche städte geteilet, vndt ist die einigte in der gantzen Moschkow welche mit mawren vmbgeben, doch inwendig alles von holtz gebawet, ein jede stadt hatt ihre besondere Mawer in die drey klafter breit oder dick nit von ziegeln sondern steinen. Die furnembste stadt hatt streich vndt Brust weren auch pastejen, die andern aber alleyn schlechte runde mawren, doch hat ein iede stadt ein besonder fest hoch blockhaus. Oben auff den Mawren seindt hülzerne planken oder genge gewest. Nach dem aber die Moschkouiter sich nu mer der gluenden Kugeln halben befurchten haben sie alles was zu oberst auff den Mawren von holtz gebawet gewest, vor der Kon. M. ankunfft herunder gerissen. Etliche so Danzig vndt Pleskow gesehen haben, sprechen das Pleskow noch ein mal vndt mer grosser vmbfang sey in der Ringmawer als Danzigk. Sonst die stadt mit aller kriegs munttion überaus wol versehen“.

л) Изъ Кракова, 25-го іюля 1583 года: въ городъ прибыли московскіе послы съ жалобой отъ великаго князя на то, что пограничныя польскіе военныя отряды неоднократно вторгаются въ вѣдѣныя

gefragt worden, ob sie nichts weiters furzubringen hetten, vndt als sie auch etlich mal gesagt, sie hetten weiter nicht befehl, ist ihnen durch den H. Christoff Radziuil herrn von Trocken dieser bescheid gegeben worden, weil sie mit einer solchen nichtigen werbung fur kommen, mögen sie also wieder one bescheid danon zihen, sindt also in das Littawisch Lager beleitet worden, vndt des herrn Gros Cantaliers als general obresten hauffen von stundt an vber das Wasser Louade geruckt vndt das lager auff der anddern seiten geschlagen.

Московского государства и причиняютъ подданнымъ царя большой вредъ; царь проситъ также короля уменьшить размѣры выкупной суммы за русскихъ плѣнныхъ.

Третій отдѣлъ актовъ, просмотрѣнныхъ нами въ Данцигскомъ архивѣ, — это отдѣлъ „оригинальныхъ актовъ“, „Original Urkunden“. Большая часть ихъ касается отношеній Данцига къ Любеку, Дании и Польшѣ; нѣкоторые включаютъ въ себѣ любопытныя подробности о ходѣ Ливонской и 7-лѣтней сѣверной войны, нѣкоторые—спеціально разбираютъ вопросы внутренней исторіи Польши. Изъ отдѣльныхъ актовъ отмѣчаемъ: 1) письмо Сигизмунда II Августа Данцигу, отъ 17-го сентября 1571 года, Варшава (Orig. Urk. LXXXIV. С. 24035); оно любопытно потому, что заключаетъ въ себѣ строгое запрещеніе данцигскими купцамъ ѣздить въ Нарву; чтобы прекратить нарвское плаваніе, король назначилъ особыхъ морскихъ префектовъ лазутчиковъ, которые должны были захватывать всѣ корабли, направлявшіеся къ Нарвѣ. „Seuere et districte mandamus et inlungimus ne ullus illorum (данц. жителей) siue per se siue per alium palam siue clam, aperte siue dolo uel quacunque ratione uia uel modo munitiones bellicas, victualia, uel quacunque alias merces, nullis exceptis, uersus Narwam apportare multo minus ibidem vendere, commutare uel ullo pacto commercia cum hostibus nostris exercere uel seruitores nostros custodiae Maris Praefectos quibus una cum consortibus seruitoribus nauibus atque omnibus suis omnimodam potestatem et plenariam securitatem in Ciuitate nostra manendi et uersandi concessimus neque uerbis neque facto laedere conuicij proscindere clandestinis machinis ipsis imponere, uel populari seditione concitata ullum periculum creare audeant uel praesumant, sub amissione honoris rei et corporis, Quocirca uniuersis et singulis cuiuscunque status et conditionis subditis in Regno Ducalibus et Dominis nostris existentibus pro graui indignatione nostra Regia praesertim Magistratui Iudicibus officialibus quibuscunque gedanensibus sub poena citimilis laesae Mestatis nostrae priuatione priuilegiorum et libertatum Ciuitatis seuere praecipimus et districte mandamus ut non obstantibus quibuscunque rescriptorum nostrorum in contrarium impetratorum uel impetrandorum literis Mandatario nostro cui id negocij commisimus contra quosuis tam prioris quam huius edicti nostri transgressores quibus coram officijs uestris actionem instituet iusticiam celerem et indilatam, administrent poenasque meritis conuictis irrogent“. Сравн. письмо Сигизмунда II Августа къ Данцигу, 18-го іюля 1571: король перевелъ часть сослх, отд. 2.

своихъ смичковъ въ Перновъ, „non tamen ea lege vt eodem inde ex isto portu Gedanensi pelli et exterminari, atque quasi proscribi cupiamus, quia ibidem et in ciuitate nostra Gedanensi obversari nequeant: verum vt semper ex arbitrio nostro tota haec res dependeat, eosdem seruitores nostros vniversos et singulos vel etiam aliquos in praesentiarum Parnauiam et alios portus nostros Livonicos transferendi, inde reuocandi, siue nunc quoque in Gedan. et aliis portibus nris Pruthenicis retinendi, prout id ipsum ratio atque necessitas rerum et temporum requirere videbitur“.

2) Сообщение Георга фонъ-Вольсторфа, польскаго военачальника въ Гельмедѣ, городскому совѣту Риги, 18-го февраля 1575. Оно весьма любопытно, ибо свидѣтельствуетъ о страшныхъ жестокостяхъ и варварскихъ поступкахъ шведовъ, датчанъ и нѣмцевъ въ Ливонской войнѣ¹⁾; въ нему присоединена и копія съ воззванія москвитовъ къ населенію Гельмеда: Von gotts gnaden des grotten Herren Kay: May: alleß Russen Iwann Wassiliwitz von der Kay: May: Statthalter tho derpet von Kness Offonasthewitz vnd von aller Key: May: Pojaren vnd Kriegs Oberste jn der Key: May: Erue up helmet an die stadthalter dhon di tho wettenn, dat wir jm togesin mit des Key: May: grotte macht vnd grotte geschutz vnd gedencken des Key: May: Erue jn tho nemen vnd nach deme so haben wir vns vber euch erbarmet vnd schriuen juw tho dat gi mochten ewer grotte schult erkennen jegen vnse Key: May: aller Russen vnd sehet tho dat gi so nicht dhon also de Wittenstenishen de dem Kei: Maiest: Sin Erue wolten entholden, also idt en wedder fur so wert juw ok ghaen so gi dat hus nicht mit gude jngeuen werden, vnd geuet helmet mit gude up vnd vorgettet vnschuldig Blodt nicht, vnd so gi dem Kei: Maiest: lust vnd leue hebben tho denen vnd de jenige schollen wol begnadiget werden vnd de dem Kei: May: nicht denen willen de willen wir daruth laten mit allen Irem guderen, vnd willen leit sagen laten dar se hen begerren sampt Iren husfrowen vnd kindern vnd schriuet vns mit dem aller ersten tho wett gi in der Ille von dage in vnse lager wes gi gesinnet sin vnd so willen wir die Kriegsuoelck vorbeden dat dar kein grot blodt nicht mochte vorgoten werden, vnd willen ok vorbeden rouen und brennen so gi mit gude Iuw geuen geschreuen in der Ille.

3) Два донесенія о штурмѣ и взятіи русскими Пернова, Кетлера

¹⁾ См. приложение № 5.

12-го іюля, Митави, и Риги, 19-го іюля 1575 г. Оба они живо и интересно передають фактъ паденія Пернова, но несомнѣнно грѣшатъ относительно исторической правды, какъ впрочемъ это всегда бываетъ при донесеніяхъ потерпѣвшей стороны ¹⁾).

4) Переговоры шведовъ съ русскими при Плюсѣ съ 10-го сентября до 19-го октября 1589 года и военныя событія при Нарвѣ съ 5-го января до 25-го февраля 1590 года. Донесеніе это имѣетъ видъ журнала и по обстоятельности заслуживаетъ особеннаго вниманія; отмѣчаемъ драматичность въ его формѣ. Разказъ о штурмѣ Нарвы любопытенъ со стороны военныхъ подробностей ²⁾).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Vonn Gottes Guadonn, vom grossenn Herrnn Keyssor vnnnd Grosfurstoni Iwana Wasilyowitzu Aller Rousson.... Herrnn vnnnd Grossfursten.... Zu Lubock denn Burgemeistornn vnnnd Radtleuttan vnnnd Burgornn. Nach Vnser Koy: May: Beuellichs Leuttan Beuellich, hadt gefurth zu vnsorm Schatz zu Bedeckunge der Schacher, ein Eglischer Teutscher Iohann Capello auffm Schiffe Taussenth vuden Kupffer geschlagen, vnnnd wie er ist komen zu euch zu Lubick, so habt ihr vonn ihm das selbigc vnnser Kupffer vnnnd soine wahre vnnnd schiff ihm genommen, vnd das Kupffer zu vnns nicht lassen folgenn, vnnnd allerley Deutsche Kauffleutte mitt Kupffer last ihr zu vnns nicht folgen, vnd wir haben geschrieben zu euch das ihr fernner solche sachen nicht wollen handeln, vnnnd wollen vnnser Bognadungen nicht furgessen, wie gross vnser Bognadungo zu euch gewesen ist vnnnd was fur oin Bognadiges Briff euch ist gegeben, Das ihr in vnser Herrschafft zur Naruwo vnnnd Pleskauw vnd in anderer vnnserer Herrschafften mngen zihen mit allerlei wahr vnd Kauffschlan mitt mit allerlei wahre welchere in vnserer Herrschafften vnausgenommen ohne Zoll vnd ihr habet nach dem selbigen vnd bis izundt hier seidt gezogen ihn vnser Herrschaffton vnd Kauffschlat vnausgenommen ohne Zoll, Nach vnsorm Bognadiges Brife vnnnd violl Deutschenn haben sich genannet als wehrou sio euger Lubische Deutschen aus anderer Herrschaffton vnd haben sich furlogenn vnd haben gekauffschlat ohne Zoll vnd ihr sult gefurtht haben allerlei wahr in vnser herrschafften vnd ihr habt nicht allein wahre sonder auch kein kupffer zu vns nicht gefurth vnd vonn dennon nempt ihrs ab die es zu vnns wollen furenn vnnnd von Iohan Capello habt ihr das Kupffer genomen welch Kupffer ehr zu vnns wollen furen vnd ihr schreibt zu vnns in eugernn Briffe das euch euger Harr der Keyssor in allem seinenn herrschaffton hadt furbotten das man kein Kupffer zu vns sol durch las-

¹⁾ См. въ приложеніи № 6.

²⁾ См. въ приложеніи № 7.

son nicht in keiner herschaften vnd nach Reuel vnd Rige vnd in allen Landen ausgenommen in vnser Herschaften lasst ihr Kupffer zufurenn vnd dieser Englicher Kauffman Iohan Capelle hadt vns gebettenn, das das Kupffer vnd seine wahre auff dem selbigenn schiffe habt ihr ihme genomen ohne vnser kupffer Tausent puden auff vier Tausent zwen hunderth rubell, vnd wie ihr habet von ihme das selbige vnser Kupffer vnd seine wahre vnd schiff genomen vnd so habt ihr ime gesagett das ihr das Kupffer vnd seine wahre von ime nempt derhalben als solde hir in vnser Herschaften von Iohan Capellen zunemen Gutter ihren Lubischen Kauffleutten bei Hans Kramer mit seiner Gesellschaft vnd bei diesem Lubischen Deutschen Hans Kramer mit seiner Gesellschaft sindt seine gutter genomen auf vns vmb seiner Straffe halben. Derhalben das ohr woneth in vnser Erbe zur Narwe hadt schelmerei gebraucht vnd furspeigung nach Reuel vnd Rigo mit den Deutschen mit vnsern furrethers hadt er sich bosicht vnd diese seine schelmerei ist auff im Bezuge (?) vnd deshalb haben wir seine gutter auff vns lassen nemen vnd wie ihr vnser Kupffer das vns kaufft hadt Iohan Capelle nemlich Tausent puden Kupffer vnd zw vns nicht lassen folgen vnd bei euch zu Lubick behaltten vnd mit seinen Guttern vnd was fur euger Lubische kauffleutte izundt in vnser Erbe zur Narwe sindt gewesen: vnd so haben wir sie vnserem Benellichs Leutten lassen fragen worumb ihr fur solche vnser Grosse Bognadunge zu vns in vnser Herschaften kein Kupffer zu lassen, so haben sie vnser Beuellich Leutte gebetten, das sie das wissen das ihr von dem selben Englischen Kauffman Iohan Capelle Tausent puden Kupffer vnd sine wahre vnd schiff ime genomen vnd zu vns nicht gelassen, vnd das wissen sie nicht worumb ihr das Kupffer von ihme haben genomen vnd sie wollen vns gern dinen vnd allerlei wahre vnd kupffer in vnser Herschaften furen vnd so habe wir dieselben euger Lubische Kauffleutte welche izunder vnser Erbe zur Narwe gewesen vier personen einen von ihnen Luca vnd andere seiner Gesellschaft zu euch abgelassen nach Lubock vnd sie sollen brengen in vnser Erbe zur Narwe dieses ihar zwen Tausent puden Kupffer vnd so haben sie vnsern Benellichs Luttan gelobet solch Kupffer zu brengen vnd die andern dreigersonnen Erman Surman vnd Tomas frisse vnd hans Lemberch haben wir lassen behalten in vnser Erbe zur Narwe so lange das ihr dis ihar das selbige Kupffer zu vns schicket zwen tausent puden dach Kupffer vnozozerth vnd das selbige Kupffer das ihr von Iohan Capellen haben genomen Tausent pudenn solt ihr zu vns schicken mitt den anderenn Kupffer zu hoppe vnd seine Gutter vnd schiff solt ihr seiner frauwen gebenn folkomlichen, Vnd so ihr nicht weren schickonn dies ihar dasselbige vnser Kupffer Tausenth puden das ihr genomen habon von Iohan Capelle vnd wertht alle seine Gutter folkomlichen nicht gebenn seiner frauwen, so wollen wir das selbige vnser Kupffer Tausent pudes das ihr genomen haben von Iohan Capelle von eugern Lubischen Kauffleutten lassen nemenn, welche wir darumb haben lassen anhalten ihn vnser Erbe zur Narwe Hertman Surman mit seinen Gesellen, vnd was fernner Engere Lubische Kauffleutt werden komen in vnser Erbe zur Narwe vnd so wolle wir vnser Kupffer vnd Iohane Capelle seine Gutter von ihnen lassen nemen, was die anderenn nicht haben können bezallen. Vnd wan ihr das selbige Kupffer werden sicken, so wollen wir Euger Lubische Kauffleuten zu euch ablassen one allerlei auffholtnuss. Vnd weiter macht ihr zu vns al-

lerlei wahre durchlasson, one auffhaltunge vnd mucht selber mitt euger wahre zihenn, vnd euch weiter in vnser Erbe zw Narwo ein freio koffmauschacht nach dem vorigen vnd das wolt ihr eugern Leutten lassen furwarhten, Das mit eugern Leutten keine schweden vnd anderer Horschafften Leutte nicht mughten zihen vnd mughten sich nicht nennen Lubische. Vnd vnser Begnadunge zu eugern Kauffleutten soll geschenn nach dem Alttenn. Geschriben jn vnser Hershafft hofe der Stadt Moskwa.

Ihm Ihare siben tausent Achtzig vnd acht. Den Monat August.

(Печать съ двуглавымъ орломъ).

(Прямью въ Любекъ 26-го ноября 1590). (Люб. арх.)

№ 2.

13 oct. 1596. Reuel wegen der Russischen Handlung daselbst.

Wir mit flehen vnd bitten, ahn vnssere hobe obrichkoitt, nach allem vnsserm vormugen erhalten, Das durch Gottes gnedige zwstadt dor Reussischer handdell, mitt Vollwordt vnd Consens des Moscobieters, nach dem löblichen alton, Nemlich die deutsche Schiffardt vnd Stapell vff diese stadt, vnd dor handell mitt den Reussen zur Narffe, solle gehalten werden, wie solchs alles vorsiegoltt, vnd bekreutzkusset ist.

Das aber noch vmmder die deutsche vnd frembde schiffe, stracks dieser Stadt vorbeij, nach vnd von der Narffe siegeln, solchs geschicht kegen vnd wieder der Kon. M. S. F. D. Herzogh Karls auch der Herren Reichs Rathe willen vnd befhelich vnd khan woll ihn ein kurtz einander einsehen drein geschehen.

Wie dhan auch nicht zw zweiffelenn, das dennoch mheronthoil der Erbarn Vorwandten Stedten inwonere so lieb hier her zu Reuall als nach der Narne zw siegeln gewilliget sein werden wanner sie bei sich die Vrsachen, worumb, der Vorwandten stedter allerseits liebe vorfharen, vor gutt vnd Radtsamb ahngesehen, selbst decretiret, beschlossen vnd voreccasseret, mit Jhrer Schiffardte den Moscowieter oder Reussen nicht neher, als zw Reuall anzulanden, darselbst lossen vnd laden, Nemlich, weil hieler ein Rein flurwasser ist, auch jdermhan seine guster ihn guten stenheusern Keller vnd buden wolvorwharet wisset, Das auch der Moscobieter, nicht alsbaldt wissen khan, Was vor deutsche wharen inns lanndt gekommen, darnach ehr auch seine wharen, stechert vnd vorhöhet, wie jtzt (leider) zur Narffe geschicht das alle deutsche wharen ihn legem preisse, vnd die Reussche bei hohom preisse sein.

Vnd weil dhan diese alte löbliche ahnordnung mit dem Reussisch handdell nicht allein dieser guten Stadt Reuall, zwtrechlich, besondern auch allen Erbarn Vorwandten Stedte bestes ist, Darbei Ihre Vorfharen wollgefahren, vnd sie auch noch nicht vbell faren sollen. Als wollen wir nicht zweiffeln E: Er: Achtb. hoch vnd Wollw: werden sichs auch gefallen lassen, Innsonderheit auch dieser armen alten Vorwandten Stadt, wehmutt vnd Clechlichen bedruckg daribane wir zw dieser zeit, der Vorschwundenen Narung halber

gerathen, zw Christlichen Nachbarlichen mittheidigen hertzen, farenn vnd ihn allen gonaten dahin trachten, Damit diese arme benadigte Stadt, dem gemeinen Nutze zum besten ferner erhalten, vnd nebenst dem andern Vorwandten Stodten Ihre Narung widder erlangen, die frembden auch aus Reusslandt, sowoll hierbinnen lanndes, ssonderlich mitt Ihren grossen Monopolien gantzlich abgehalten werden mochten.

Dess sollen vnd wollen sich E. Erb. vnd Achtb. hoch vnd Wollw: sambt den andern vorwandten löblichen Stedten, zw vnns gantzlich vorsehen vnd getrösten, Das Ihnon ihn den löblichen Alten vnd wes auff Rheden stehett, von vnns kein einpass geschehen soll, vnd so was beschwerlichs eingefallen vnd zwwandelln stolet, ihn dem müssen wir vnns sagen, vnd vnderrichten lassen, Dauon abestehen vnd den löblichen Reccessen nachleben, Ob Gott will, Deme E. Er. vnd Achtb. W. W. wir getreulich empfehlen, Mitt Diennstlichem bitten hierauff Ihre schriftliche ehrlerung.

Datum Reuell den 13ten October Anno 1596.

Burgermeistere vnd Radt der Stadt Reuell.

(Любex. apr.)

№ 3.

Ehrnuhste, Hochgelerte, Achtbare Hoch vnd Wolweise Grossgunstige liebe hern. E. E. H. sein vnderthenige vnser Dienste nac vormugen beuorn; Grossgunstige liebe Horn, Wir mugen E. E. Hochw. dienstlich nicht vorhalten, welcher gestalt vns von denen die yn Russlandt Ihre Handlung pflegen, vnd daselbsten jetzo sein gewisse Zeitung zukompt, das durch antritt Simon Vehe, yn meynung mit den Schestetten dess handelshalb ethwes gewisses zu schliessen, der Englischen Compania ihre priuilegia von dem Grossfursten eingetzoen worden sein, Nachdem wir aber mit der legation vorzogen, sein sie die Englischen mit grossen gelde ahnkommen, alle Ihnen willen beschafft vnd mehr vnd bessere priuilegia dan sie hirbeuorn gehabt, erlangt, vnd soll der Grossfurst wegen der Vorgeblichen vortröset vnd nicht erfolgten legation, dermassen gegen vnns enthrust sein, das zubesorgen, Wofern kein legation abgefertigt, wir werden nicht allein vnserer dusselbst habende freyheiten müssen entbehren besunder auch yn der gefnar stehen, das der Residirender Kauffman mit Leib vnd Gutt nach der Muschow, wie vor diesen wall eher geschehen, hinweg gefhuret wirt, ob nun wall vorlengst ein legation pilligk dahin abgefertigt worden sein solte, so wirt doch vormerckt, das der mangell bissanhero darahn gewesen, das wir durch Polen kein Pass haben erlangcn mugen, Wan wir dan von dem Polnischen abgesanten souiell vornhemem (wiewoll ehr hochlich pittet, solches Ingeheimb zuhalten, Damitt ehr bey der Kon. May. yn keinen vordacht kommen muge), das ess nur die rechte zeit ist, nicht allein vmb ein Pass, besunder auch vmb Confirmation vnser priuilegien, die numehr nach vnserem begeren konten gemehrt vnd gebessert werden, anzuhalten, vnd da ehr darauf solte auisirt werden, vnd die legation gewisslich erfolgen, wolte ehr bey der Konigl. Mayt. die befurderung thun, das wir jhm sollen haben zubedancken, vnd all vnseren willen beschaffen, welli vnns dan solche gutte gelegenheiten vorstehen, will sich jho für allen Dingen gebühren, diesel-

big yn acht zunhemen, Fronte capillata, post haec occasio calua est, Die Medici haben vnd halten die Regell van der patient rauff A so sio, Da, so wissen vnd betzeugen auch vnser Annales, das bey solchen zustehouden gelegheiten vnser Lieben Vorfahren die Zeitt haben wissen meisterlich yn acht zunhemen, vnd alles erlangt, dardurch disse gutte Stadt zu solchem gutten wolstandt vnd auffnhemen gekomen ist, Solten wir nun diese gelegene Zeitt vorseumen, vnd vns dieser handell der ein auffenthaltt dieser Stadt ist, abgehen, vorwhar ess wurde mitt vnss gethan vnd auss sein vnd wehr vnmüglich yn diesen hochbeschwerlichen zeitten, da fast alle nahrung von der Stadt hinweg ist, die onera ciuitatis lenger zatragen, ess horen E. E. H. taglich wie ess bisanhero zu Keuell, So vor diesem solche eine herliche kauffstadt gewesen, so erbarmlich zustehe, das auch die heuser weil die einwohner armutt halbor dieselbigen in gebawt vnd bessering nicht halten konnen, in einander fallen, Wo kumbt groegunstige Liebe Herrn, solchs anders abher, Dan das sie ein zeitt heru kein handlung vnd Nahrung gehalt, solchs oxempoll lasset vnss iehle zu gemuet fuhren, vnd daran sein, Das ein solcher vnheill zeitlich vorduset vnd von vns abgewendet werde, Foelix quem faciunt aliena pericula cautum, jetzo ist die gelegene Zeitt darijnnen der zwischen den Schweden vnd Muschowiter auferichteter Vortragk lechrigk (?) gemacht worden, magk vnd gibt der Konglicher abgesandter woll so violl tacite zuuorstedende, dass auff vnser anhalten der bandell ahn das ort so dieser Stadt zum aller bequembsten, vnd dar vnss die Reuelschenn, so vnss bisanhero die fahrt auf Ruesslandt gewertt, nicht mehr schadlich oder hinderlich sein mochten, konte geleget werden, so ist auch hoch nottigk, das wir vnss mit dem Muschowiter bey dieser zustehendenn gutten gelegeneit, der handlung halb vogleichen, dan solte Hertzogk Carl aus Schweden die Oberhandt behaltenn, vnd ein her in Reich Schweden vorpleiben, so wurdts bey dem jtzigenn zwischen dem K. von Pollen vnd Muschowiter auffgerichtem Vortragk nicht vorpleiben, besunder ein Neuwer zwischen Carl vnd den Grossfursten aufericht werden. Hatten wir nun ethwas gewisses wegen der handlung mitt dem Muschowiter geschlossen, dass wurde vnss zu sonderlichen grossen frommen kommen, dar der Grossfurst must vns vortretten vnd in den Vortragk mitt einschliessen, zu Hertzogk Carl aus Schweden haben wir vns nichts gute zuuorsehende, Solten wir aber die gutte gelegeneit aus den handen lassen, wurden wir de nouo wann ein Neuwer Vortragk zwischen dem Muschowiter vnd Hertzogk Carl aus Schweden angerichtet werden sollte, zwischen zween stulen niedersitzen, vnd geutzlich von aller fartt ausgeschlossen werden. Wollen diesem nach dienstlich gebetten haben, E. E. H. wolle sich diese hochwichtige Sache mitt allem getreuwen ernst feissigk lassen beuholen sein, mit dem Legaten darauss reden, vnd zum furdertichsten darauf ahn den Muschowiter vnd jnsonderheit ahn den Konig von Polen ein legation abfertigen, Das in aller vnderthenigkeit zuuordienen erkennen wir vns schuldigt.

• Dormitt dieselbige Gottlicher Almacht zu Wolgedeylicher glucklicher Regierungk empfhelendt, Datum Lubegk, den 11 Aprilia, Anno 1599.

E. E. H. vnderthenige vnd gehorsame Burger der Stadt Lubegk allgemeiner Kauffman.

(Любек. арх.)

(Печать).

№ 4.

Anno Domini 1574 am Tage Trinitatis zur Narren auf der Reide standt die nachfolgende Artikel von nachfolgenden vndergeschriben schippers eindrechtiglichen beschliessen vnd vnn i derruefflich bestetigt worden.

Zum ersten haben sie alle eindrechtighen beschlossen vnd Jacob Stattmacher auch Heinrich Sircus zu jrem Admirallen erwehlet vnd bestetigt, also bescheidentlich, das gedachte Admiralln bey allen gemelten Vndergeschriben Schiffen bleiben nach vnd auf sie warten sollen, dieselben auch jrem eussersten pesten Vermögens beschutzon, vnd fur allen freybuttern helffen vertreten biss gegen Bornholm.

Zum andern soll auch Niemandt aus diese verbundt sich begeben, abtrinnig werden, oder da jemandt jm fall der nott, da man sich wider den Vheindt wehren soll, auch wasserloy gestaldt ess namen haben kan, sich von dem hauffen absondert, falsch oder abtrännig wurd, der soll von seinem eigenen Proppern guoter den Armen goben 100 tl.

Zum dritten da auch konigliche schiffe zu orlog abgefertigt vnn der hauf zu gross vnd starck, also das man es mitt 4 Mannen jedes Schiffes beweisen, auch das man sich etwan Vheindtlichen mitt jhnon versucht vnn approbirt wie solches gepart soll solchor Verbundtnus ein jeder enthebt vnd des aydes loest, der Straff ledig, sein pestes zuzuchen vn vnuerpotten seien.

Zum 4 soll ein jeder Schiffer alle Abentszeit sich hinder dem Admiral finden lassen vnn also ein jeder Ampts vnn benolchs nach auf den Andern warten, da Er aber des morgens nach erster essens zeit sich verweilen wolt, mocht Ehr den Admirall mitt gepurender Pflicht furbey gehen, dess Abents aber vor der sonnen vndergang, bey straffe 10 tl. sich hinder dem Admiral finden lassen, Thuett ehre aber nitt vnd kombt zu schaden, soll Ehr daruber nitt zu clegen haben.

Zum 5. Es soll auch ein guder Admirall bey Nachtes oder Finsterlicher tags oder Wetters zeit, da ehr auff dem Sthurbuitschen buech (bnoth?) legen soll, vnn muess allweg zwen schucess thun, auf donn Backburtschen buech einen, Warnach sich ein jeder zurichten.

Zum 6—da auch ein guder boy obberurter zeit landt ansichtig wirdt, soll er plasen vnn zwey feur vber einander hangen, auch einen schuess darbey thun.

Zum 7—da auch jemandt von vngefahr ingemelter zeit von dem hauffen abqweme, vnn darnach denselben widerumb ansichtig wurd, soll er zur Vrkundt der Freundschaft sein Maest Segel viermhall fallen vnd aufnuessen lassen, welcher aber vnder juen solches ansichtig wurd, soll gleichsals also thun, damitt man es in gemein erkennen kan.

Zum 8 ess sollen vnn wollen auch alle die jhenigen so kein krauth vnd loth haben den Andern so jrenthalben solches der noch verspidten, vnn ausschiessen one alles widersprechen vergelten vnd betzalen nach Aduenant.

Zum 9 so jemandt in vhiendlicher kriegs gestalet es sey gleich war er wolle geschossen oder verlemet wardt, als geloben wir vnn versprechen wir

hernach geschriebne Schiffer crafft diesesahn Aydtsstatt bey Truwen vnd Ehoren das vnser keiner aus seinem Schiff ein stuck guetts nehmen oder liffren soll, biss so lange dem verwundten oder verletzten sein schaden vnd onheill nach gepuer gepessert, zu mehrer Vrkundt haben wir hernach gemelte schiffer alles dises mitt eigner handt vnderscrieben, der selbigen Briue vier eines lauts verwilligt, den ainen Jacob Radtmachos, den anderu Heinrich Surcos, den dritten Hanns Reymers, den viortten Hennig Johansen in bewahrung mittgetheilt vnd vberantwortet, Geschohon seindt diese ding im jahre tag vnd stellen obenberuret.

(Люб. арх.)

№ 5.

Георгъ фонъ-Вальсторфъ (польскій военачальникъ въ Гальмедѣ) городскому совету
Рига. 18-го февр. 1575.

Ich kan E. W. vnuormeldet nicht lassen, das des Muscowiters kriegs volck, nach dem es die Wicke durchgestrofet vff Ozel vnd Mohn vnd der ortter grossen schaden, mit raubende mordende vnd brennende gethan, vnnd also die Pernow-schen guter verdorben, den Hoff zur Szaltz abgebrandt viele gutter leute alda gefangen vnd todt geschlagen, vnnd also vort gerucket durch das gepiete Burt-nick vnd Rugen mit gewalt gezogen grossen vbermut getrieben vnd mit grossen raub vnd gutte, auch vber aus violen gefangen Teutschen vnd vnteutschen in dis gepieth nogst vorgangon Montag angekommen seint, vnd zwe tage darin vorharret, nebenst einer Fanen Teutscher hoffleute vngoferlich 100 pforde starck die Konninck Magnus darbey geschicket, iemmerlich mit mordendo, raubende vnd brennende da jn haus gehalten, das hackelwerck ausgebrandt das nichts dain stehen blieben, gistriges tages aber haben sie das haus uffgefurdort, wie E. W. aus einuorschlossen Ires schreibes Copien zuorsehen haben die vorgangon nacht aber haben mit feur vns also zugosetzt, das es nicht allene schrecklich ausserhalb der Mauren besondern auch darbinnou anzusehen gewesen, aber ich dancke Gott, das Ire vorhaben Jhnen nicht gelungen, vnd widerumb abdraben massen, vnd Irer viele die Seele daruber gespiet, diesen tag aber seint sie eine meile wegес vonn Hause vortgerucket schicken jra loute von sich vnd ist zubesorgon, das godt gnediglich abwendo, weile sie wegen erlangton grossen beute das gantze vbordnische Furstenthumb nicht haben vff dis mal durchstrofen, ausplundern verheren vnd vorderben konnen, wie sie die leute aus geteilet vnd ein jder in seinem gewarsam gebracht, sie werden alsdan die andere vnberzogen ortter auch mit heres kraft vberziehen ausplundern strafen vnd gantz vorderben, Es seint etzliche gefangeno wikische bauren alhir vnder dem hause erloset worden, diese vorzellen das dremal mer gefangen den die kriegsleute sein sollen vnder dem hauffen, Godt erbarmes das der grewliche tyrannie dis arme landt also vorterben lesset, vnd gebe der Obrigkeit sin vnd gemnet, die jegen wehre kogen jhm vorzunehmen.

(Danz. Arch. Urkunden sammlung. XCI, 127; 18749).

№ 6.

Мотлеръ городовому совету Данцига, 12-го июля, Пытана. 1575. ;

..... Gestriges Abents ist einn kauffgeselle vonn der Pernow kommen, welcher dasolbst mitt in der bolagerung gewesen, derselbige berichtet warhafftig, das die Pernow negstvorschienenn Freitags ist gewesen der achte Julij eingenommenn wordenn, Denn Donnerstag zuuor hat der feindt funff sturme dafur verlohrenn, Denn Sechstenn sturm, hatt der Reussische Obrister Knese Iorgen genandt, das volck mitt Peitzschenn vnnd mitt grosser gewalt angetriebenn, Dio in der stadt, souiel jhr noch vbrig gewesen, habenn sich zur wehre gesetzt, wie solchs geschehen, habenn des Hertzogk Magni teutzschenn Ihnen zugeschriehenn vnnd sie vormahnett, sie wolltenn sich doch gutwillig ergebenn, damitt souiel christlichs blutts nicht mochte vergossen vnnd vmbrecht werdenn, sie sehgen ja fur augenn, das es Ihnenn vnuemglich fur der grossem gewalt zuhalttenn, vnnd das Ihrer zu wenig drinnenn wehrenn, Darauff habenn sie aus der stadt Ihnenn wiederumb zugeschriehenn vnnd gebettenn, mitt dem feinde sprache zuhalttenn, Welchs dem Feldt Obristenn angezeigtt, Darauff ehr geschrochen, sie solttenn stille halten diese Nacht vber mitt schieschenn vnnd bawenn, vff denn andern morgenn wolt ehr jhnenn bescheidt gebenn, vff denselbenn morgenn hatt ehr eine stathliche horrenn zu gyesclorn in die stadt geschickott, jmgleichen die wiederumb vonn denn jhrenn aus der stadt auch vicro, seintt also im lager beiderscitts zu sprache kommenn, Da jhnenn vonn dem Obristenn furgebenn, sie solten sich ergebenn, dos solttenn alle die teutzschenn frei, sicher vnd vngefehrott mitt weib vnnd Kindt vnnd alle denn jhrenn, Was sie mitt sich nohmenn konttenn aus der stadt gelassenn werdenn, Der nun vff denselben tagk nicht ferttig werden vnnd mitt seinem zeugk dauon kommen kontte, der sollte biss vff denn sonnabont oder so lange es Jhm gefellig frist habenn, vnnd die jenigenn so dem Grosfuratenn lust zudienenn hettenn, Die wolte der Grosfurst begnadenn, sie bei jhrer priuilegion vnnd freiheitenn erhalttenn, jbnenn auch einn mehres gebenn vnnd zukehrenn, also sie zuuorn gehabt hettenn, Darauff ist der Feindt heneingeruckett, Da ist alles inn der stadt ann Mann vnnd Weib uff dem Marekte zusammenn getrottenn, gleichsam einor heerde schaffe vnnd habenn erwarttett, wie man mitt jhnenn vmbgehenn wolte, Als der Kauffgeselle vormerckett, das dies spill hat aus sein wollenn, hatt ehr sich vff einn Booth gesetzt vnnd gantz eilsam dauon gezogen, vnnd ist im mitt einem heftigenn geschrei nachgerufen wordenn, welchs ehr nichtt Vorstandenn, aber deutett es dahien, es sel von denn Feindenn gemeinnett, das ehr sich dauon machte vnnd muhtte das nichtt aufstohenn, was veleichtt an denn Pernowschenn muhtt volbracht wordenn.

(Danz. Arch. Urkunden Sammlung, XCII, 14, 22078).

№ 7.

Verhandlungen der Schweden mit den Russen über Livland vom 10 Sept. bis 19 oct. 1589, und Kriegsereignisse bei Narva, und dessen bestirnmung durch die Russen vom 5 Jan. bis 25 Febr. 1590.

Narvica.

Decima Sept. A° 1589 Sueci primam cum Moscis tractationem habuerunt. Suecorum legati fuere Dux Augustus, Magni Saxonie Leoburgeu. filius; Comes Axillus; Nicolaus Belkius et Christiernus Gabriel.

XII Sept. Mosci crucem foederis causa osculati sunt.

XIV Sept. Sueci ad Moscos profecti sunt ad ripas Bludj fl. ex Peybasso emergentis qui miliare et dimidium a Narua distat.

Nihil primo congressu effectum est, nisi quod Legati rixis et conuitijs pugnarunt, modestiores tamen Russi quam Suecj.

XIII Oct. noua inter ipsos conuentio fuit, in qua nihil effectum et digressuros Suecos, Summus Moscouiticorum Legatorum Princeps Iuanus Fedrowicius, affatus, Videte, inquit, quid monstri alatis; cogitate qui sitis; operam date, ut uos Magno Suecorum Regi et nos Magno Moscorum Caesarj bona noua adferamus. Ibj Axillus tumide respondens, Duas, inquit, vias habetis, aut bolletis aut nobiscum pacem componatis.

Tum demisse Iuanus Fedrowicius Moscus Axillo respondens, Cogitate o viri quid tentetis, putatisne uiros uestras nobis ignotas esso? Magnus Rex Sueciae nec pecuniam habet, nec fidem apud milites, imò robur ipsi tantum non est, nec homines, ut nostro Caesarj resistat, et si bellum mouerit, Lizoniae tantum incolae pessundabit. Satjns igitur est ut pecuniam nostram accipiatis; munitiones nostras roddatis ac aeternam pacem nobiscum componatis, nam magnus Caesar noster, magno Regj uestro munitiones suas nullo modo diutius possidendas relinquet. Ibi iterum Axillus, Fieri, inquit, non potest, ut Rex Sueciae uobis cedat. Mox Pentolinus Drusewinus Moscus respondens, tu, inquit, Axillo bella tantum, bella horrida crepas, sed ego puto te bello isti non adfuturum. Si autem aderis, postea operam dabo ut te in bello uideam et alloquar.

Cum ad eum modum nihil ageretur, Sueci tandem XIIIX oct. Naruam reuersi sunt. Axillus ex Wesenburgo in Finlandiam discedens, inde in Palatinatum profectus est, ubi uxorem duxit.

Anno deinde XC.

V Jan. Noui Commissarij Nicolaus Belkius et Gostaus Bannorus Naruam veniunt.

X Jan. Septem Mosci a Naruis capiuntur et torquentur, et fatentur Magnum Ducem Theodorum in bello esse; centum et octoginta hominum milia in exercitu ducj. Interea saepe Mosci Suecos et Sueci Moscos captiuos intarceperunt.

XXIII Jan. Moscus Tamum tribus miliaribus a Narua distans, occupat; praesidium incoluie dimittit; eosque sponte manent retinet, coeteros sinit abire. Capitaneo Tamensj patellam auream adusto uino plenam sua manu ebibendam

tradit, quod summae ipsi gratiae signum est. Quatuor tamen Suecos, a rusticis accusatos, captivos fecit, qui exactioibus agricolas exhausserant, eos in frustra dissecerij iussit. Nec longiori mora interposita uno a Narua miliarj castra ponit.

XXX Jan. Sueci ex munitione ogressi primum cum Moscis uelitationem experiuntur, et vnum militem tantum perdunt. Interea nocte ingruente Sueci magnatos Belkuis ac Bannerus ne ab hoste eo in loco obsessi includerentur, horis nocturnis ac tenebrosis cum equitibus ac milite discedunt, et uiginti tantum equites miserisque aliquot milites ibi relinquunt, quod certe mirum uiderj potest. Compertum habeo, in Narua et Iuanogrodo duobus propugnaculis mille quingentos tantum homines fuisse. Digressos Suecos Mosci insecuti molestant et aliquot rhedas (?) intercipiunt cum omni supellectile. Ex nobilibus Lioonicis Johannes quidam Medellus et Hursellus capti fuerunt.

2 Febr. Moscus munitiones prope Naruam agit.

IV Febr. Naruenses denuo erumpunt, in ea uelitione Ludolphus Taubius nobilis interfectus est.

IV et V Feb. Moscus Naruam obsidione grauissima cingit, et hora prima matutina primum minora tormenta explodit; quarta autem et quinta horis pomeridianis globos igneos et lapideos nimiae magnitudinis in Naruam conjicit et tandem X Feb. ui tormentorum unam portam perforat.

Nec longa interposita mora Russi cum Carolo Henrico Naruae praefecto collegum habent, interprete Mardelo, quem in comitatu procerum discedentium coeperant. Ibi Mardelus Theodori Caesaris clementiam, patris tyrannidi quasi diuinitus oppositum, cantat; commemorat beneficia Moscorum plus quam paterna quibus adficiatur; sandet deditionem; praefectis summos honores et diuitias pollicetur si sponte se dedant; fieri nunquam posse ut se contra hanc Mosci potentiam ullo modo tueantur. Respondet Carolus Henricus se nunquam Regis sui munitionem traditurum; pergant Mosci et belli aleam experiantur. Cessantem Mardelum Otto Donhofius excepit, qui ante triennium ad Moscos defecerat et ut se dedant modis omnibus hortatus est, sed frustra.

XII Febr. Mosci nouum cum Suecis colloquium habent, et a praefectis ad ciues Naruenses orationem conuertentes monent ne obstinatius repugnent, sed potius spontanea deditione Russorum Caesarem sibi concilient neque ultima experiantur. habere enim Caesarem Russorum gladium cuius acies ab utraque parte sit acutissima. Sueci rem deliberatione dignam aestimantes biduum fere deliberant.

XIII Febr. Mosci responsum petunt. responsum est, non posse Suecos cedere Mosco.

Tum Mosci non committendum ratj, hora matutina cum tribus uirorum milibus primam in munitionem impressionem faciunt, et durat certamen ad duodecimam pomeridianam; nam caecidere ab utraque parte non pauci, et Dei fauor Suecos fuit, cum Mosci decem viros vni Sueco resistentes haberent. Ex Suecis quingenti; ex Moscis septingenti in hoc conflictu periére. Occupauerat Moscus uallum arcis uicinum, sed a Suecis deiectus tunc parum obtinuit.

XXI Febr. cum secundum deinde impressionem facere et maiori apparatu Naruam oppugnare uellent Mosci, arcis Praefecti cladem anteuertendam ratj, Coporum arcem pacificationis causa offerunt. Obsides dantur praecipue, Carolj

Henrici filius tredecim annorum puer. Mosci cum adduci non possent, ut eo contenti abirent.

XXIII Febr. tandem de tradendo Iuanogrodo consilia habentur; sunt induciae; Mosci crucem libenter et suaviter oculantur et pax componitur istis conditionibus, Narua Germanica in Suecorum potestate maneat; praesidium, saluum sit; ex Iuanogrodo quoque ut Sueci omnia sua abducant, relictis tantum illis tormentis quae Pontus Legardus Mosco eripuerat.

XXV. Febr. Iuanogrodum Moscis traditur. Cancellarius Pontelinus clauem accepit et quatuor tormenta maiora Moscis relinquuntur. Sequenti die ipso Theodorus Caesar Iuanogrodum ingreditur, Rheda lignea, in qua caminus erat aedificatus, et quam multi homines trahobant, uoctus; ueste candida et auro intertexta indutus; una nocte Iuanogrodij commoratus in Russiam deinde profectus est.

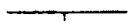
Induciae inter Moscos et Naruenses ad Pentecosten durant. Veniat tunc Suecus et hunc basiliscum expellat. Praesidium Iuanogrodo ad tria uirorum milia impositum est.

Magnus Rex Sueciae isto nuntio ualde consternatus est et, ut aiant, Gustanij Bannerj bona in fiscum redigit, quod uero gubernationem Rouallae ej abrogauit ego certo scio. Potuisset Suecus honestissime pacisci, sed noluit, et nunc plagam uix mea opinione pharmacis Suecicis curabilem accepit.

Sed Deus tamen tam potens est ut barbaros Moscos denuo illis tradere possit.

(Dans. Arch. Urkunden Sammlung, XC. 103.22717).

Г. Фортенъ.

ЕЩЕ КЪ ВОПРОСУ О ДОМОСТРОѢ.

Въ статьѣ „Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя“, помѣщенной въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1889 годъ (№ 2 и 3), мнѣ пришлось высказать о происхожденіи этого памятника мнѣніе, не согласное съ заключеніями о томъ же предметѣ, изложенными въ извѣстномъ изслѣдованіи профессора И. С. Некрасова ¹⁾. Г. Некрасовъ, въ своей статьѣ „Къ вопросу о Домостроѣ“ ²⁾, приводитъ рядъ новыхъ соображеній и дополненій, которыя должны, какъ онъ думаетъ, подтвердить выводы его первоначальнаго изслѣдованія. На сколько авторъ достигъ намѣченной имъ цѣли — это и будетъ служить содержаніемъ предлагаемой замѣтки.

I.

Какъ извѣстно, всѣ многочисленныя списки „Домостроя“ распадаются на двѣ группы: списки полные и краткіе; во главѣ первыхъ стоитъ рукопись Общества Исторіи и Древностей, во главѣ вторыхъ — списокъ Кошшина; тотъ и другой — XVI вѣка ³⁾, причѣмъ

¹⁾ Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи Домостроя. М. 1873.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1889, июль.

³⁾ Спорить о полустолѣтіяхъ Кошшинскаго списка мнѣ не будетъ; не станемъ также и вступать въ преисправительства по поводу уверень, которые дѣлаютъ намъ г. профессоръ: послѣднее не идетъ къ дѣлу; что же касается первого, то позволимъ себѣ ограничиться въ этомъ случаѣ лишь слѣдующими замѣчаніями. Впрочемъ, опредѣлять полустолѣтія и четверти вѣка по списку, сравнительно, не большому, довольно мудро: легко ошибиться; вотъ почему Н. Е. Забѣлицъ, и рѣшился только замѣтить, не вдаваясь въ подробности, что рукопись Кош-

„Домострой“ Общества, кажется, нѣсколько древнѣе. Такъ какъ разница между основными списками довольно существенна (см. „Опытъ“, стр. 56—73), то всякій исследователь, послѣ дѣленія рукописей на двѣ редакціи, тотчасъ же долженъ задать себѣ вопросъ: какая изъ этихъ редакцій древнѣе, то-есть, ближе по содержанию и плану къ первоначальному виду памятника? Подобный вопросъ необходимъ, ибо, лишь отвѣтивъ на него, мы можемъ говорить о литературныхъ судьбахъ памятника: передъ нами будетъ списокъ, на которомъ мы

шина „безспорно“ XVI вѣка. Вотъорыхъ, когда опредѣляютъ время еписпа по еминку и при этомъ расходится (назъ это дѣлаетъ г. Неврасовъ, датирующій Домострой Кошкина концомъ XVI и даже началомъ XVII вѣка) съ предшественниками (Голохвастовымъ и И. Е. Забалинымъ), то слишкомъ мало сказать, такое письмо и такіа начертанія буквъ полуустава встрѣчаются и въ началѣ XVII вѣка“. Это не опредѣленіе, а утверженіе, ибо сразу въ такомъ же родѣ легко можно провнести и чловѣкъ, датирующій рукопись Кошкина серединой XVI вѣка, при чемъ узнать и примѣры. Бездоказательность подобной фразы г. Неврасовъ, поименованному, самъ созналъ, и вотъ—въ своей новой статьѣ о Домострой приводитъ основаніе, которое побуждаетъ его отнести рукопись Кошкина къ концу XVI или даже въ началу XVII столѣтія. Вотъ оно: „Письмо еписпа Кошкина носитъ на себѣ самые не сомнѣнные признаки того времени, когда печатныя издаванія книгъ распространялись у насъ и имѣли рѣшительное вліяніе на писцовъ. Эта особенность письма несколько сказала у Голохвастова, который замѣтилъ, что „вся рукопись и оглавленіе чистаго книжнаго славянскаго почерка“. Только съ послѣдней четверти или, лучше, съ конца XVI вѣка наши писцы привыкли подражать печатнымъ буквамъ, потому что печатныя издаванія у насъ распространились медленно и были очень рѣдки въ XVI вѣкѣ“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1889 г., июнь, стр. 376). На этой вышнесъ слѣдуетъ остановиться. Общій ходъ рукописнаго дѣла на Руси, какъ извѣстно, былъ слѣдующій: не практическій уставъ, отнимавшій много времени у русскихъ писцовъ, съ XV вѣка займается въ книгахъ болѣе удобнымъ и скорымъ полууставомъ, а послѣдній, въ свою очередь, переходитъ въ быстрый и выгодную для „мастеровъ“ скоронисъ. Это движеніе въ замѣнъ одного почерка другимъ соответствовало общему ходу въ развитіи письменности и образованіи среди нашихъ предковъ: постепенно возростающій спросъ на книги долженъ былъ несколько отстраниться и на способахъ письма. Правда, и въ вѣкъ господства полууставнаго письма мы можемъ найдти уставъ, но это уже исключеніе, вызванное особыми условиями: заказомъ, объемомъ, или, наконецъ, важностью содержания книги и т. п.; мы же говоримъ объ общемъ теченіи, притомъ указываемъ его лишь въ главныхъ чертахъ (не упоминаю, напримѣръ, про уставъ и полууставъ XVII столѣтія, не имѣющіе ничего общаго съ древними характерными письмомъ и полууставомъ XVI вѣка). И вотъ теперь является вопросъ: возможно ли было въ концѣ XVI, или въ началѣ XVII вѣка подражаніе печатному шрифту, да еще въ такой нитѣйской книгѣ, какъ Домострой? Полагаясь—вѣтъ, ибо практика шла къ ускоренію письма, что не совмѣстимо съ подражаніемъ печати, тѣмъ болѣе, что

прослѣдимъ и исторію возникновенія произведенія, и литературныя заимствованія автора, и оригинальную часть памятника,—словомъ, все, что требуется отъ всякаго ученаго изслѣдованія. Таковъ въ общихъ чертахъ долженъ быть планъ ученаго, имѣющаго дѣло съ рукописнымъ сочиненіемъ. Смущаться при этомъ древностію списка и только на основаніи этого признака считать самый составъ и внѣшнюю форму рукописи ближайшими къ оригиналу, а тѣмъ болѣе—ориги-

наже въ концѣ XVI вѣка печатныхъ книгъ у насъ было мало. Это предположеніе, основанное на общей мысли, подтвердится, если мы обратимся къ русскимъ прописямъ, буквамамъ XVI—XVII столѣтій. Разрабатывая вопросъ о письмѣ, предлагая разнымъ правиламъ и постановленіямъ, порой едина мелкія, какъ писать,—опъ, на сколько мы знаемъ, ни единымъ словомъ не упоминають о подражаніи печатному шрифту; напротивъ того, она строго отличаютъ печать отъ полуустава: „Всего ради состроена была сія свкопница рѣшше азбукы... дабы ѹченика имѣла свѣдала і лица нѣа по начертанію изданію не различна вѣдала, какъ которѣе зовѣтъ і какъ кола пишася кѣкы въ книжномъ писмѣ і какъ тама пишется е истинно (полууставъ) і а скоронисъ. ека сіа подокалга... твердо обчичи“ (рукопись Н. С. Тихомирова).

И такъ, судя по общему ходу рукописнаго дѣла на Руси и по тѣмъ свидѣніямъ, какія мы получаемъ изъ старинныхъ грамматическихъ руководствъ, съ фактомъ вліянія печатнаго шрифта на письмо, нельзя, повидимому, согласиться. Покойный Викторовъ, не мало почтавшій на своемъ вѣку рукописей, долженъ былъ совзаться (какъ намъ передавалъ Н. С. Тихомировъ), что если книги и оказали известное воздѣйствіе на русскихъ писцовъ, то лишь въ одѣлахъ заставкахъ, да пожалуй еще въ заглавныхъ буквахъ. На нашъ взглядъ я не было и не могло быть такого воздѣйствія, такъ какъ русскіе изучали письмо по прописямъ, а не по печати; впрочемъ—кто знаетъ—любители, можетъ, и были выдѣлывать въ письмѣ печатныя буквы, но, думаю, что они представляли рѣдчайшіе экземпляры. Теперь, кто умѣетъ писать, не станетъ подражать печати: то-же самое было и въ концѣ XVI—XVII вв. Исключеніе въ этомъ случаѣ представлялъ XVIII вѣкъ, когда явилась гражданская азбука, полууставъ и скоронисъ выходятъ изъ употребленія, а прописи еще не были выработаны; вотъ въ это время мы вымѣчаемъ въ письмѣ подражаніе гражданскому шрифту. Но это совсемъ другое дѣло и не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, когда говорятъ про рукопись конца XVI и начала XVII вѣка. Пойдемъ далѣе. Отрицая вліяніе печатнаго шрифта на письмо конца XVI и начала XVII вѣка, мы все-таки согласны со зрительнымъ омущеніемъ г. Неирасова. Дѣйствительно, сходство почерка синихъ съ печатью XVI вѣка, повидимому, есть; но такой фактъ мы объясняемъ не подражаніемъ московскаго писца печати, а одновременностію появленія рукописи Кошкина съ первопечатными надписями. Что такое азбука первопечатнаго Апостола (1664 г.) и Часослова (1665 г.), рѣзко отличающаяся своимъ пошибомъ въ буквахъ и знакахъ отъ латеръ иностранныхъ славянскихъ изданій (юго-западныхъ, венецянскихъ, голландскихъ и т. д.)? Да это—не болѣе, какъ крупное полууставное письмо рукописей XVI вѣка, которыя послужили образцами для писцовъ нашихъ первопечатниковъ. Тѣ-же самыя рукописи, но только съ некими полу-

наламъ, мы не имѣемъ права. Еще г. Безсоновъ, печатавъ первыя семь главъ Пчелы Ундольскаго (XV в.), замѣтилъ: „многочисленными опытами доказано нынѣ, что весьма часто рукописи позднѣйшая въ передачѣ превосходятъ древнѣйшую“, а кто отрицаетъ это, тотъ—довольно рѣзко добавляетъ авторю—,обличилъ бы уже не современное, устарѣвшее педанство“ (Временникъ, 1857, кн. XXV, стр. CV). Мысль вѣрная, и она съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе подтверждается примѣрами. Поэтому, авторю, желающій поставить правильно свое изслѣдованіе, обязанъ прежде всего опредѣлить самую древнюю редакцію намятника и лишь послѣ опредѣленія дѣлать выводы о его литературной исторіи. Такъ ли поступилъ г. Некрасовъ въ своемъ „Опытѣ“? Нѣтъ. Раздѣливъ всѣ списки Домостроя на два нивода, онъ, не останавливаясь на вопросѣ, какой изъ нихъ ближе къ оригиналу, положилъ въ основу своего изслѣдованія списокъ Общества: онъ де древнѣе и полнѣе всѣхъ другихъ. На такую ошибку г. Некрасова, какъ на самую крупную, мы и указывали въ своей ре-

установитъ письмомъ, дали возможность отлить мелкій печатный шриетъ XVI вѣка (Сборникъ намятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи, статья Румянцова, 1872, стр. 17—18). Нечего поэтому удивляться, что между рукописями, которыя могли быть вь срединѣ и второй половинѣ XVI вѣка, и печатнымъ шриетомъ находимъ сходство: его легко объяснить одновременностью и очень трудно—вліяніемъ. Полагаемъ, что Д. П. Голохвастовъ и мизлъ въ виду это сходство, когда замѣтилъ, что „вся рукопись и оглавленіе (Коншинскаго списка) чистаго славянскаго книжнаго почерка XVI вѣка“ (Временникъ, 1849, кн. I, введеніе), подрауившая подь словомъ „книжное“—обыкновенное полууставное, употребившееся по преимуществу въ книгахъ, а не въ грамотахъ. Говорить, что въ этихъ словахъ г. Голохвастова хотя бы даже „невольное“ слышалось вліяніе печати на рукопись какъ утверждаетъ г. Некрасовъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1889, іюнь, стр. 376),—значить, позволить себя умъ чересчуръ много: почтенный издатель Коншинскаго списка считалъ вѣдь рукописи современной Сильвестру, когда о вліяніи печатныхъ наданій на письмо не могло быть и рѣчи. Д. П. Голохвастовъ, вѣроятно, не предвидѣлъ, что найдется критикъ, который перетолкуетъ его слова по-своему, а для того, чтобы придти вѣсь такому толкованію, съ высокоуміемъ отнесется къ его памяти, поставивъ его на одну доску съ Мусявнымъ-Пушкинымъ и др. На такой отзывъ о Голохвастовѣ у г. Некрасова не было основанія, уже по тому одному, что слова издателя Коншинскаго Домостроя подврылены И. Е. Забѣлымъ, которому авторъ „Опыта“, вполнѣ довѣряетъ. Въ виду всего сказаннаго слѣдуетъ принять, что новое опредѣленіе времени Коншинскаго списка, данное г. Некрасовымъ, не мизеть даже признаковъ настоящаго опредѣленія, ибо основано на произвольномъ предположеніи и неправильно понятыхъ словахъ вопольнаго Голохвастова. Поэтому нѣтъ надобности отрывать, что рукописи Коншина не срединѣ XVI столѣтія.

ценнаѣ. Посмотримъ, что говоритъ на это авторъ „Опыта“ въ своей новой статьѣ о Домостроѣ. Прежде всего онъ отрицаетъ возможность, чтобы выводы „Опыта“ были основаны на спискѣ Общества ¹⁾). Конечно, отрицать можно, но факты на лицо. На чемъ основанъ главный выводъ „Опыта“, будто Домострой принадлежитъ не одному, а тремъ авторамъ, жившимъ въ равное время? На спискѣ Общества, на его предисловіи. Что заставило г. Некрасова отыскивать не то особенности, не то противорѣчія между тремя частями памятника? Желаніе показать, что эти части принадлежатъ тремъ авторамъ и, такимъ образомъ, подтверждаютъ предисловіе. Какъ онъ смотритъ на отсутствіе нѣкоторыхъ мѣстъ и главъ Домостроя по списку Кошмина, сравнительно съ рукописью Общества? Какъ на повидѣніи сокращенія, которыя будто бы сдѣлалъ Сильвестръ, желая новгородскій Домострой приуровнить, такъ-сказать, къ московской жизни; при этомъ указаны даже причины подобныхъ сокращеній ²⁾). Словомъ, краеугольнымъ камнемъ служилъ списокъ Общества съ его предисловіемъ; всѣ же рассужденія и мелкіе выводы „Опыта“, вытекающія изъ апріорной мысли, что списокъ Общества — первоначаленъ, ибо древнѣе, сводились и варьировались въ пользу этой первоначальности. Въ дополненіе къ словамъ: „ислѣдованія своего я не могъ основать на немъ одномъ“, то-есть, спискѣ Общества, г. Некрасовъ говоритъ непосредственно слѣдующее: „когда же нашлась группа списковъ, числомъ до 6, со спискомъ Общества во главѣ, то тогда эта группа могла дать возможность дѣлать выводы“ ³⁾). Подобное объясненіе мы отказываемся понимать. Да развѣ дѣлать выводы о происхожденіи Домостроя изъ группы однородныхъ списковъ, одной редакціи, со спискомъ Общества во главѣ (какъ самымъ древнимъ, полнымъ), „соперникъ которому“ — по словамъ того же г. Некрасова — „едва ли когда-нибудь найдется“ ⁴⁾),—въ сущности не одно и то же, что сдѣлать тѣ же выводы изъ одной рукописи Общества? Вѣдь всѣ списки

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1889, июнь, стр. 377.

²⁾ Причиной бывала, по-вѣсти, иной разъ просто неуважительность. Такъ, желая объяснить отсутствіе въ спискѣ Кошмина главы о дуперстіи, авторъ „Опыта“ дѣлаетъ положеніе, что въ эпоху Сильвестра Москва въ противоположность Новгороду, крестилась по-православному, а потому акклиматизатору новгородскаго Домостроя Сильвестру и нужно де было выпустить эту главу о крестномъ знаменіи (Опытъ, стр. 178).

³⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1889, июнь, стр. 377.

⁴⁾ Опытъ, стр. 75.

(Московской духовной академіи, Саввантовскій, Царскаго, Архивскій, Погодинскій и Толстовскій) одной редакціи? Значить, выводы о происхожденіи памятника сдѣланы изъ одной редакціи,—а въ этомъ-то и заключается главная ошибка г. Некрасова. Слѣдовало бы разбирать дѣло по существу; поступающій же иначе или не понимаетъ, въ чемъ дѣло, или дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ, играя фразами. Какъ смотрѣть на объясненіе г. Некрасова? Смѣемъ думать, что оно обусловлено просто непониманіемъ, и въ этомъ читатель убѣдится изъ дальнѣйшаго. Но пойдемъ далѣе. „Можно, пожалуй, говорить о томъ, что болѣе раннія редакціи нѣкоторыхъ памятниковъ уцѣлѣли въ позднихъ спискахъ, но это тѣ доказательства отъ сравненія, которыя можно приводить только послѣ дѣйствительныхъ аргументовъ. Нужно сперва показать на Домостроѣ, что ранняя его редакція сохранилась въ позднѣйшихъ спискахъ, а ужъ потомъ можно прибавлять примѣры, потому что исключенія не составляютъ правила“¹⁾. Итакъ г. Некрасовъ соглашается, что въ спискахъ позднихъ можетъ сохраниться древняя редакція памятника; но-принимая этотъ фактъ, все-таки не слѣдовало бы приписывать рецензенту то, — чего онъ не думалъ говорить. Развѣ онъ доказывалъ древность Коншинской редакціи лишь ссылкой на одни примѣры? Примѣры,—а ихъ нѣсть числа,—навели его на сомнѣніе, только на сомнѣніе, въ тождествѣ древняго списка съ древней редакціей памятника (что для г. Некрасова одно и то же²⁾), а аргументы большей близости Коншинскаго списка къ оригиналу дали, какъ и слѣдуетъ ожидать, сравненіе рукописи Коншинской съ Домостроемъ Общества. Эти доказательства формулировались у него, говоря вообще, въ такихъ пунктахъ: 1) позднее происхожденіе Предисловія къ списку Общества, 2) лучшій планъ и расположеніе главъ Коншинской редакціи, что указываетъ на большую близость къ первоначальному виду памятника, и 3) позднее происхожденіе нѣкоторыхъ длиннотъ Домостроя Общества³⁾. Вотъ какого рода были доказательства, а отнюдь „не аргументы отъ сравненія“. Впрочемъ, и самъ г. Некрасовъ, повидимому, сомнѣвается въ справедливости своего возраженія критику,

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1889, июль, стр. 377.

²⁾ „Не смотря на ясныя доказательства старшинства этого списка (то-есть, Общества), сравнительно со спискомъ Коншина, а потому на большую его близость къ первоначальному изводу полнаго списка Домостроя“,—вотъ что говоритъ г. Некрасовъ (Опытъ, стр. 186).

³⁾ См. Журн. Мин. Нар. Просв., 1889, февраль и мартъ.

ибо на дальнѣйшихъ страницахъ, какъ увидимъ, довольно-таки подробно останавливается на второмъ, а частью—на третьемъ изъ нашихъ доводовъ (не затрогивая однако перваго) въ пользу большей древности Кошшинской редакціи Домостроя. Но пойдемъ далѣе. Нѣкоторые критики не довольны тѣмъ, что я, раздѣливъ списки на группы, не называю эти группы съ рѣшительностью редакціями.... И дѣйствительно, если строго можно признать редакціей группу полныхъ списковъ Домостроя, со всѣми ея особенностями, то, строго говоря, нельзя того же сдѣлать съ группою второю, потому что, кромѣ главы или поученія Сильвестра, всѣ отличія краткихъ списковъ заключаются въ отрицательныхъ особенностяхъ, то-есть, въ сокращеніяхъ. Мы не встрѣчаемъ въ краткомъ изводѣ ни переработки главы, ни распространенія" ¹⁾. Изъ всей этой выписки для читателя ясно только слѣдующее: вопервыхъ, г. Некрасовъ, кажется, смутно понимаетъ, что такое редакція и что изводъ памятника, вторыхъ, противорѣчитъ всѣмъ своимъ разсужденіямъ о Кошшинскомъ Домостроѣ. Слово „редакція“—слово относительное и принимается къ спискамъ памятника, когда на этихъ спискахъ мы можемъ прослѣдить какія-нибудь цѣли ихъ авторовъ, причемъ такая цѣль достигается или распространеніемъ оригинала, или сокращеніемъ его содержанія, или особымъ размѣщеніемъ статей, или, наконецъ, какими-нибудь другими видоизмѣненіями прототипа, словомъ—дѣло касается состава произведенія и его формы. Говорятъ: „всѣ списки одной редакціи“—это значитъ: вопервыхъ, что отличія между списками вообще не значительны, не даютъ возможности подмѣтить разницы въ цѣляхъ авторовъ и утверждать, что всѣ списки происходятъ не отъ одного, само собою разумѣется, древнѣйшаго списка, и вторыхъ, подразумеваютъ, что есть или могутъ найдтись другіе списки памятника, которые отъ первой группы отличаются (или, быть можетъ, станутъ отличаться) чѣмъ-либо важнымъ, дающимъ право замѣтить особия цѣли составителей (вторая, третья и т. д. редакціи). Всѣ списки одной редакціи памятника—это изводы редакціи, говорить же „изводъ памятника“ будетъ не точно и сбивчиво. Такое опредѣленіе редакціи едва ли кто станетъ оспаривать, и оно во всей строгости ²⁾, одна-

¹⁾ См. *ibid.*, июль, стр. 378.

²⁾ Часто, впрочемъ, редакціей называютъ и такой видъ памятника, при коемъ иной разъ довольно-таки трудно замѣтить какую-нибудь тенденцію автора; таковы, напримеръ, многочисленные списки Хожденія Давида, Пчель, Моленія Загочинака, Кіевского Патерика и т. п.; тутъ уже дѣйствуетъ недостатокъ термина.

ко же, примѣняется къ нашему памятнику: группа полныхъ списковъ, идущихъ отъ Домостроя Общества,—одна редакция; группа краткихъ, прототипомъ коихъ былъ Домострой, къ Коншинскому списку—другая; какъ полные, такъ и краткіе списки между собою будутъ изводами той или другой редакціи. Г. Некрасовъ отрицаетъ въ Домостроѣ редакціи на томъ основаніи, что де въ краткихъ „спискахъ нѣтъ ни переработки главъ, ни распространенія ихъ, и только сокращенія“. Но, во первыхъ, переработки есть: глава 16-я вся, 10-я—въ концѣ, 22-я—во второй половинѣ, не говоря объ эпизодѣ; есть и важное дополненіе—гл. 64; а вторыхъ, развѣ одни даже сокращенія не могутъ дать редакціи, тѣмъ болѣе, что эти сокращенія сдѣланы съ цѣлю, въ чемъ такъ глубоко увѣренъ и самъ авторъ „Опыта“. Г. Некрасовъ, не признающій въ памятникѣ редакцій, а только изводи, въ послѣднемъ изъ выводовъ „Опыта“ говоритъ однако: „Сильвестръ старался отуземить“ новгородскій „Домострой въ Москвѣ“, не замѣчая того противорѣчія, въ какое онъ самъ себя ставитъ; съ другой стороны, искать цѣли между изводами уже никакъ не придется. Итакъ, въ Домостроѣ есть двѣ настоящія редакціи, а не изводи только¹⁾. Какая изъ нихъ древнѣе? Вотъ дальнѣйшій вопросъ, на который приходится отвѣчать изслѣдователю²⁾. Прежде всего тутъ необходимо обратить вниманіе на главное отличіе списка Общества отъ Коншинскаго, на Предисловіе. Кому принадлежитъ оно: редактору списка Общества, или автору Домостроя, оригиналъ котораго несомнѣнно утерянъ? Какъ это узнать? А вотъ какъ. Въ предисловіи мы находимъ слѣдующія фразы: 1) поученіе, ѿ наказаніе ѿдѣвъ дѣвнѣ, ко всѣ православнымъ хрѣіанѣ, 2) И еще в сеѣ книгѣ изнайдеши наказъ ѿ нѣкогого ѿ мирскоѣ строеніи,... 3) I еще в сеѣ книгѣ изнайдеши. ѿ домонноѣ строеніи...

Такія ссылки, сопровождающіяся при этомъ перечисленіемъ основныхъ вопросовъ содержанія памятника, можно толковать двояко:

¹⁾ Смотрѣть на Домострой Общества, какъ на оригиналъ памятника, мы не имѣемъ права уже по тому одному, что существуетъ другая редакция—Коншинская. Строго-научное изслѣдованіе, разбирая каждую редакцію въ отдаленности или по сравненію (а не вывода прямо одну изъ другой, какъ это дѣлаетъ г. Некрасовъ), должно рѣшить, что въ ней принадлежало основному тексту и плану прототипа, а что явилось поводомъ въ видѣ наслоеній, сокращеній и перестановокъ статей.

²⁾ Обо всемъ этомъ мы говорили и въ реценціи, но г. Некрасовъ, повидимому, не замѣтилъ нашихъ доводовъ.

1) или онѣ указываютъ на источники Домостроя, на три отдѣльных сочиненія, изъ коихъ авторъ составилъ свой трудъ, 2) или въ нихъ слѣдуетъ видѣть лишь указанія на три части Домостроя, на его три основныхъ отдѣла, составленные однимъ авторомъ по разнымъ источникамъ. Первое толкованіе принялъ г. Некрасовъ. Онъ раздѣлилъ Домострой на три части, изъ коихъ каждая, по его мнѣнію, представляетъ отдѣльное сочиненіе особаго автора: 1) первое сочиненіе, вошедшее въ составъ памятника, это — начальныя 15 главъ; 2) второе — содержитъ дальнѣйшія главы отъ 16—29 включительно („наказъ Ѡ вѣкоѣго“); наконецъ, 3) третье обнимаетъ остальные главы до конца по списку Общества. Выходитъ, что въ дѣлѣ составленія Домостроя приняли участіе три лица: 1) авторъ начальныхъ 15 главъ, онъ же и составитель полнаго извода памятника, 2) авторъ слѣдующихъ 14 главъ (16—29 гл.), такъ-называемый — „нѣкій“, и 3) авторъ практическаго Домостроя. Такое толкованіе, конечно, слѣдуетъ подкрѣпить самымъ текстомъ памятника по списку Общества, то-есть, указать какія-нибудь, если не противорѣчія, то особенности между каждою изъ этихъ частей; вѣдь авторы были равны, да и жили они — какъ думаетъ г. Некрасовъ — не въ одно время. Важность этого условія сознавалъ и самъ авторъ „Опыта“ и постарался согласовать смыслъ Предисловія съ текстомъ, то-есть, указалъ на нѣкоторые, по его мнѣнію, противорѣчія и особенности. Въ рецензіи мы обратили вниманіе на эти „противорѣчія“, но въ заключеніи пришлось сознаться, что ихъ совсѣмъ нѣтъ; напротивъ того — всѣ три отдѣла Домостроя такъ тѣсно связаны между собою и въ содержаніи, и въ формѣ, и въ изложеніи, что никто не имѣетъ права смотрѣть на нихъ, какъ на сочиненія трехъ авторовъ. Домострой принадлежитъ одному лицу¹⁾. Но такой выводъ, разумѣется, не исключаетъ естественнаго предположенія, что авторъ памятника пользовался для своего труда разными источниками, не въ той только формѣ, какъ думаетъ г. Некрасовъ. Но посмотримъ, что говоритъ авторъ „Опыта“ по поводу высказаннаго рецензентомъ о призрачности „противорѣчія“. Читатель, конечно, ожидаетъ, что г. Некрасовъ въ своей новой статьѣ, постарается привести изъ текста Домостроя рядъ такихъ данныхъ, которыя подтверждали бы его мнѣніе о трехъ авторахъ памятника, а видѣть съ тѣмъ и его толкованіе Предисловія. Само собой разумѣется,

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1889 г., освѣрзалъ: статья „Бъ вопросу о редакціи Домостроя“, глава II.

что эти „особенности и противорѣчія“ между текстами трехъ отдѣловъ Домостроя должны быть или новыя, но раньше не замѣченные г. Некрасовымъ, или прежнія, то-есть, разобранныя рецензентомъ, но лишь съ новыми соображеніями. Ничуть не бывало. Г. профессоръ и не помышляетъ даже слѣдовать такой системѣ возраженія, совсѣмъ, повидимому, не замѣчая, что, направляя лишь съ этой стороны удачную атаку, онъ могъ бы подорвать зерно, изъ котораго разросся весь планъ и содержаніе нашей статьи. Слѣдовало бы самое зерно уничтожить, и тогда,—кто знаетъ,—рецензія, пожалуй, и не выдержала бы критики. Но этого г. Некрасовъ не дѣлаетъ, „противорѣчій“ между отдѣлами памятника вновь никакихъ не приводитъ, а доводы критика о призрачности указанныхъ въ „Опытѣ“ оставляетъ безъ всякаго вниманія. Какъ объяснить такой промахъ автора, старающагося въ своемъ отвѣтѣ на рецензію доказать, что всѣ выводы его сочиненія должны остаться во всей своей силѣ,—не знаемъ. Вотъ какъ говоритъ г. Некрасовъ о Предисловіи: „Мною высказано было положеніе, что изводъ полныхъ списковъ древнѣе извода краткихъ. При такихъ спискахъ находится Предисловіе, которое такимъ образомъ восходитъ къ первой половинѣ XVI вѣка. Нельзя считать подложнымъ или случайнымъ это Предисловіе, которое встрѣчается при 6 спискахъ, принадлежащихъ XVII вѣку и второй половинѣ XVI и первой половинѣ XVI вѣка. Нѣтъ никакого основанія скептически относиться къ Предисловію. Еслибы кто нибудь сказалъ, что при первой редакціи русскаго Хронографа есть введеніе, которое не совсѣмъ соответствуетъ содержанію памятника,... то я долженъ бы признать этотъ фактъ, но никакого права не имѣлъ бы распространять этотъ частный примѣръ, какъ правило, на другіе памятники нашей письменности... Когда же мы имѣемъ дѣло со своимъ русскимъ оригинальнымъ произведеніемъ литературы и при одномъ изводѣ этого памятника встрѣчаемъ предисловіе, то у насъ нѣтъ основанія считать его ни переводнымъ, ни случайнымъ“¹⁾. Тутъ прежде всего приходится снять съ себя ложное обвиненіе. Любопытно знать, на какой страницѣ рецензін г. Некрасовъ нашель мѣсто, гдѣ я возвожу и распространяю частный примѣръ Хронографа въ правило? На стр. 305 (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1889, февраль), которая, повидимому, дала поводъ къ обвиненію со стороны г. Некрасова, въ примѣчаніи 2-мъ мы чи-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1889 г., июль, стр. 378—379.

таемъ: „Аналогичный случай, гдѣ предисловіе противорѣчитъ памятнику, ... мы видимъ, напримѣръ, въ первой редакціи Хронографа“. Всякій, кто прочтетъ эти слова, пойметъ, что тутъ говорится про аналогію, а аналогія—не есть правило. Примѣръ, да при томъ исключительный (потому онъ и помѣщенъ въ примѣчаніи) примѣръ Хронографа зарывалъ лишь сомнѣніе въ принадлежности Предисловія къ первоначальному составу Домостроя, а доказательства подало происхожденіе этого предисловія а черпалъ изъ другаго источника. Неужели приходится еще разъяснять, что такое аналогія?

Но обращаюсь къ сдѣланной выпискѣ, которая какъ нельзя лучше доказываетъ, что г. профессоръ, торопясь съ своимъ отвѣтомъ, не совсѣмъ понялъ рецензію. Спѣшу увѣрить г. Некрасова, что пресловутое предисловіе я и въ мысляхъ не имѣлъ считать тѣмъ-то „подложнымъ, случайнымъ“, а тѣмъ паче „переводнымъ“. Такие эпитеты для меня лично совсѣмъ не понятны, потому, что къ Предисловію они не примѣнны, и, какъ таковыя, въ рецензіи не попадаются. Я только говорилъ, что Предисловіе явилось позднѣе самаго текста Домостроя и не принадлежало прототипу; а если оно встрѣчается при шести спискахъ Домостроя одной редакціи, то вѣдь это служить только доказательствомъ его принадлежности не первоначальному составу памятника, а лишь той редакціи, во главѣ которой стоитъ списокъ Общества Исторіи и Древностей; Предисловіе слито съ полною редакціей Домостроя, появилось въ одно время съ нею, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы то-же Предисловіе вышло изъ подъ пера самого автора памятника, оригиналъ котораго для насъ утерянъ. Последнее нужно еще доказать текстомъ Домостроя, и вопросъ долженъ быть поставленъ такимъ образомъ: подтверждаются ли указанія предисловія на трехъ авторовъ, другими словами—есть-ли между отдѣлами памятника, какъ мы уже говорили, какія нибудь особенности, дающія исследователю право считать эти отдѣлы произведеніями трехъ авторовъ? Если есть,—значить, толкованіе предисловія, предложенное г. Некрасовымъ, не подлежитъ сомнѣнію; если же нѣтъ,—то ссылки предисловія слѣдуетъ толковать иначе, то-есть, видѣть въ нихъ лишь простое указаніе на главныя части памятника. Я уже говорилъ, что г. Некрасовъ особенностей между текстами трехъ частей памятника не приводитъ. Въмѣсто этого, увѣривъ предварительно, что предисловіе первоначально, — тройное авторство въ Домостроѣ онъ подкрѣпляетъ такими „новыми“ соображеніями. Прежде всего выставляется на видъ, что „Домострой—большой памятникъ

нашей литературы"; послѣ этой послыки г. Некрасовъ дѣлаетъ другую: „известно, что литературная производительность въ нашей древней Руси была не большая“, а затѣмъ выводитъ заключение, котораго, конечно, читатель уже предвидитъ: „не легко допустить, чтобы подобный памятникъ составился вдругъ однимъ человѣкомъ“¹⁾.

И такъ вопросъ о трехъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, изъ коихъ составленъ Домострой, рѣшается очень просто — словами: „трудно допустить“, которыя на слѣдующей страницѣ (386), вѣроятно, въ видахъ большей убѣдительности, повторяются. Это, такъ-сказать, общій доводъ г. профессора. Теперь частности. Почему, спрашивается, вторая часть Домостроя (главы отъ 16-й до 29-й) составляютъ отдѣльное сочиненіе, существовавшее нѣкогда внѣ полнаго свода памятника? А вотъ почему: „Какъ мы говорили выше, введеніе при полныхъ спискахъ Домостроя прямо указываетъ, что раннее полное составъ его существовало сочиненіе „о мирскомъ строеніи“. Для этой части Домостроя мною указаны были въ моемъ изслѣдованіи²⁾ источники, существовавшіе въ нашей древней литературѣ. При помощи сборниковъ, известныхъ подъ именемъ Златоустовъ, Измарагдовъ, Златой Чепи, не трудно было составить большую часть главъ отдѣла о мирскомъ строеніи. Нѣкоторые списки Измарагда въ значительной степени руссифицировались у насъ въ XV—XVI вѣкахъ, о чемъ сдѣлалъ замѣчаніе покойный А. В. Горскій. Шагъ въ составленію отдѣльнаго сочиненія „о мирскомъ строеніи“, подъ тѣмъ же или другимъ заглавіемъ, съ дословными выписками изъ готовыхъ источниковъ, совершенно согласенъ съ ходомъ литературнаго дѣла въ концѣ XV или первой четверти XVI вѣка. А потому показаніе Предисловія о томъ, что до составленія полной редакціи Домостроя былъ „наказъ отъ нѣкогого о мирскомъ строеніи“ мы можемъ считать вполнѣ вѣроятнымъ“³⁾. Не осматривая, что „наказъ“ составилъ по разнымъ Златоустамъ, Измарагдамъ и Златымъ Цѣплямъ, я позволю себѣ отмѣтить лишь слѣдующее: 1) для большинства главъ „наказа“ источники еще не найдены и едва ли найдутся для всѣхъ съ дословными выписками, хотя-бы для главы 20-й („како дочери воспитѣти, с надѣлкѣ г' замѣ выдати“), 24-й, 25-й и т. д.; тутъ много придется предоста- вить на долю личнаго творчества автора, и 2) было бы очень трудно

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1889 г., июль, стр. 385.

²⁾ То-есть, въ Омгѣ.

³⁾ Журн. Мин. Нар. Просвѣт., 1889 г., июль, стр. 385—386.

отыскивать въ сборникахъ, какъ вышеуказанныхъ наименованій, такъ и имъ подобныхъ, книжныя источники для главъ: 16-я: „Какъ мѣлж зъ женою совѣтовати, ключникѹ приказывати, ѿ столовою ѿбиходѣ и ѿ поварне и ѿ хлѣбне“; XVII: „Ключникѹ приказъ. какъ прилѹчитца“; XVIII: „Наказъ ѿ гдара ключникѹ. какъ ѣства цѣтнал, и мѣнал варити. и кормити семья в масодѣ и в постѣ“¹⁾. Эти главы составляютъ начальныя статьи „наказа“, по списку Общества, и уже по самому названію своему не имѣютъ ничего общаго съ тѣми сборниками, откуда г. Некрасовъ желаетъ почерпнуть источники для „наказа“. Не слѣдовало бы такъ обобщать мысль. Но все это между прочимъ; обратимся къ главному. Итакъ, на основаніи сдѣланной выписки мы видимъ, что отдѣльное литературное существованіе въ полномъ видѣ „наказа“, внѣ Домостроя, въ новой статьѣ г. Некрасова доказывается: 1) ссылкой на Предисловіе, которую читатель долженъ понимать такъ именно, какъ толкуетъ ее г. профессоръ; 2) существованіемъ въ литературѣ матеріала для „наказа“ въ разныхъ сборникахъ и, наконецъ, 3) аналогіей въ видѣ руссифицировавшихся списковъ Измарагда. Вотъ три довода въ пользу отдѣльнаго существованія „наказа“. Но первый изъ нихъ—не доказательство, а то именно, что нужно доказать текстомъ Домостроя. Что же касается двухъ другихъ, то на нихъ, пожалуй, и можно построить цѣлую литературную теорію вѣроятностей, но уже никакъ не доказать, что „наказъ“ былъ нѣкогда внѣ Домостроя. Отвѣчаю словами г. Некрасова: „это тѣ доказательства отъ сравненія, которыя можно приводить только послѣ дѣйствительныхъ аргументовъ“. Гдѣ же прямая доказательства, что „наказъ“ существовалъ въ литературѣ отдѣльно отъ Домостроя? Ихъ нѣтъ въ новой статьѣ г. Некрасова. Поэтому мнѣніе, что пресловутый „наказъ“ принадлежитъ тому же автору, который составилъ и первые 15 главъ, написанъ въ одно время съ полнѣмъ сводомъ памятникъ, должно пока остаться въ своей силѣ. Нѣтъ надобности выдѣлять „наказъ“ изъ полнаго свода Домостроя и смотрѣть на него, какъ на отдѣльное сочиненіе, ибо, во первыхъ, ни въ одной изъ древне-русскихъ рукописей до сихъ поръ никто пока не встрѣчалъ „наказа“ внѣ Домостроя ни въ видѣ чего либо цѣлаго, ни даже въ той формѣ, въ какой онъ находится въ памятникѣ; во вторыхъ, по формѣ, содержанію, слогу и языку „наказа“, ни въ чемъ не противорѣча, не выдѣляясь, составляетъ ближайшее и самое непосредственное продолженіе первой

¹⁾ По списку Общества.

части Домостроя, то-есть, 15-ти его начальнымъ главамъ (особенно по списку Коштина, ибо въ рукописи Общества порядокъ несомнѣнно перепутанъ), и вторыхъ, взятый въ отдѣльности, этотъ „наказъ отъ нѣкогого“, по формѣ, является литературною несообразностью: безъ всякаго предисловія, введенія, начинаясь ex abrupto, онъ завершается тѣмъ не менѣе обширнымъ заключеніемъ, въ видѣ двухъ главъ: 1) о не праведномъ и 2) о праведномъ житіи, которыя при томъ же служатъ выводомъ содержанія не изъ него одного, а изъ всѣхъ предшествующихъ главъ Домостроя ¹⁾. Въ виду всего этого, мы не имѣемъ права, основываясь лишь на произвольномъ толкованіи Предисловія и на „доказательствахъ отъ сравненія“, говорить, что „наказъ“ (гл. 16—29 включ.) былъ нѣкогда отдѣльнымъ сочиненіемъ. Пойдемъ далѣе.

Чѣмъ оправдываетъ авторъ „Опыта“ свое мнѣніе, будто и третья часть Домостроя, то-есть главы отъ 30-й до конца (по списку Общества), существовала въ литературѣ отдѣльно, внѣ полнаго свода памятника? Кромѣ своего толкованія третьей ссылки Предисловія и фразы „трудно допустить“, — лишь тѣмъ, „что эта часть Домостроя такъ удобно отдѣляется не только своимъ содержаніемъ отъ предыдущей части, но и началомъ, въ которомъ представлена общая мысль „по доходу и расходу“ ²⁾. Но вѣдь такая обособленность доказываетъ лишь цѣлесообразное размѣщеніе статей Домостроя, его дѣленіе на двѣ главныя части (религіозно-правственную и практическую, которыя авторъ естественно, по здравому смыслу, не смѣшиваетъ между собою), а никакъ не отдѣльное существованіе въ литературѣ, внѣ связи съ предыдущою частью памятника ³⁾. Это — во-первыхъ. Во-вторыхъ: житейскій отдѣлъ Домостроя—какъ долженъ бы замѣтить г. Некрасовъ—формально связанъ съ „наказомъ“. Авторъ „Опыта“ говоритъ: „первый устроитель Домостроя (онъ же и составитель первыхъ 15-ти главъ) не тронулъ, а цѣликомъ внесъ въ свой изводъ то, что было написано отъ „нѣкогого“ ⁴⁾. Положимъ, что такъ; но какъ же это положеніе, очень важное для г. Некрасова, въ виду его

¹⁾ Подробности въ статьѣ „Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя“ (*Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.*, 1889 г., № 2 и 3).

²⁾ *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.*, 1889 г., июнь, 387.

³⁾ Жаль, что, принявъ такой способъ доказательства къ третьей части Домостроя, г. Некрасовъ не воспользовался имъ для „наказа“ и такимъ образомъ невольно обнаружилъ свое мнѣніе, что вторую часть Домостроя нельзя отдѣлить отъ первыхъ 15 главъ памятника, по крайней мѣрѣ по формѣ.

⁴⁾ Опытъ и т. д., стр. 149—150.

желаніи выдѣлить „наказъ“ изъ полнаго Домостроя и приурочить къ новгородской жизни, согласовать съ другимъ положеніемъ того-же г. Некрасова, что практическая часть памятника составляла нѣкогда отдѣльный трудъ, внѣ связи съ „наказомъ“, когда въ послѣднемъ есть ссылка на практическій отдѣлъ Домостроя? Эта ссылка находится въ 26-й главѣ, слѣдовательно въ такъ-называемомъ „наказѣ“ (главы 16—29 вкл.), и читается такъ: а во весь годъ, в нѣлю, і в средѣ, і в пѣ, і в празники гдѣкіе, і во вся стѣне пѣти чистотѣ телесяю хранили (то-есть, слуги)... а прочее писано ѡ тѣмъ в главѣ лѣ. і лѣ^а. Я указывалъ г. Некрасову на эту ссылку, причемъ даже была нарисована и остальная картина разрушенія, которое авторъ „Опытъ“, не желая грѣшить противъ логики, обязанъ былъ бы сдѣлать въ своихъ выводахъ, еслибы пожелалъ отвѣтить такъ или иначе на вопросъ: кому принадлежитъ ссылка: „нѣкоему“, или устроителю полнаго свода Домостроя по списку Общества? Но г. Некрасовъ не отвѣтилъ на этотъ вопросъ, мало того—онъ даже не затронулъ его ни въ „Опытѣ“, ни въ своей новой статьѣ, вызванной рецензіей на „Опытъ“. Такой приемъ крайне не выгоденъ для тѣхъ читателей, которые позволяютъ себѣ усомниться въ нѣкоторыхъ доводахъ г. Некрасова о Домостроѣ. Итакъ смотрѣть на практическую часть Домостроя, какъ на отдѣльное сочиненіе, нѣтъ надобности; напротивъ того, все доказываетъ, что она постоянно входила въ составъ памятника: всегда находится при спискахъ Домостроя¹⁾, въ отдѣльномъ видѣ въ рукописяхъ не встрѣчается и, наконецъ,—по содержанію, формѣ, языку, манерѣ наставленій, тѣсно связана съ религіозно-нравственнымъ отдѣломъ Домостроя. Къ чему сомнѣнія, когда нѣтъ никакихъ основаній?

Обобщая все сказанное, мы должны придти къ заключенію, что Домострой писанъ однимъ лицомъ, отъ начала до конца, а ссылки Предисловія слѣдуетъ понимать въ смыслѣ указанія не на труды разныхъ авторовъ, а просто на части Домостроя. Теперь предстоить рѣшить вопросъ: кому могло принадлежать, въ такомъ случаѣ, Предисловіе при спискѣ Общества: редактору ли этого списка, или са-

¹⁾ Если станутъ указывать на риз. А. Попова (Риз. муз. № 2522 XVII в.), гдѣ совсѣмъ нѣтъ пракческаго Домостроя, или Вольшаковскую (тоже XVII в.), гдѣ только нѣсколько главъ его, то вѣдь это лишь послушать доказательствомъ позднѣйшаго пропуска, а не отсутствія въ оригиналѣ памятника; важно одно: древнѣйшіе списки сохранили практическій Домострой цѣлымъ.

тому автору Домостроя? ¹⁾ Полагаемъ — редактору, ибо авторъ памятника не могъ составить такого введенія, гдѣ самого себя называлъ бы „нѣкимъ“, а часть своего труда — „наказомъ отъ нѣкоего“. Самъ И. Е. Некрасовъ приводитъ рядъ примѣровъ изъ житій (Евфросина Полоцкаго, Данила Переяславльскаго, Іосифа Каменскаго и Симона Волмскаго), въ которыхъ выраженіе „отъ нѣкоего“ встрѣчается въ смыслѣ указанія не только на третье лицо, но даже „на писавшаго прежде человѣка“ ²⁾. Подобныя примѣры еще болѣе убѣждаютъ изслѣдователя, что слова: „найдеша наказъ отъ нѣкоего“ принадлежать перу не автора Домостроя, а того лица, которое составляло Предисловіе, то-есть, редактору списка Общества, при чемъ подъ наваніемъ „нѣкій“ слѣдуетъ понимать самого автора памятника, какъ объ этомъ я уже и говорилъ довольно подробно въ рецензій ³⁾. Что предисловіе не было писано самимъ авторомъ Домостроя, можно, думаю, заключить также изъ слѣдующаго: первая глава Домостроя (по обимъ спискамъ: К. и О.), несомнѣнно, представляетъ „личныя черты“ писавшаго, намеки на его семейную жизнь.

¹⁾ Два язда, снѣшивать коньхъ, какъ это дѣлаетъ г. Некрасовъ въ своемъ увлеченіи древностью описки, чельми.

²⁾ *Журн. Мин. Народ. Просв.*, 1889 г., июль, стр. 379.

³⁾ *Журн. Мин. Народ. Просв.*, 1889 г., февраль, стр. 324. Поэтому упрекъ г. Некрасова: „Еслибы кто-нибудь сталъ говорить, что редакторъ полнаго списка Домостроя говорить о себѣ самомъ подъ словомъ нѣкоею, то онъ не нѣмалъ бы на то имъ малѣйшаго права. Явно, что авторъ введенія говорить о третьемъ лицѣ“ (*Журн. Мин. Народ. Просв.*, 1889 г., июль, стр. 379)—приводить меня въ недоумѣніе. Еслибы авторъ „Опыта“ со вниманіемъ прочелъ рецензію, то на стр. 324 (февраль), онъ нашелъ бы тамъ такое мѣсто: „Что каснется слова „нѣкогого“ то подъ нимъ редакторъ памятника, очевидно, разумѣлъ самого автора Домостроя“. Я ни на минуту не усумнился, что въ Предисловіи есть указанія на „три составныя части и Домостроя“ (см. *ibid.*, стр. 323); но между этимъ взглядомъ на Предисловіе и словами г. Некрасова существуетъ значительная разница въ дальнѣйшемъ. Въ то время, когда я осмыслилъ Предисловія приписалъ и приписываю редактору списка Общества, г. Некрасовъ приписываетъ ихъ самому автору Домостроя, котораго онъ, безъ всякаго основанія, отождествляетъ съ составителемъ редакціи памятника по списку Общества Исторіи и Древностей; въ то время, когда я въ словахъ Предисловія нахожу лишь указанія на части одного сочиненія, принадлежащаго одному автору,—г. Некрасовъ усматриваетъ въ нихъ указанія на три отдѣльныхъ труда трехъ авторовъ, жившихъ при томъ же не въ одно время. Разница, кажется, есть, но она, въ сущности, прошла совсѣмъ не замѣченной для автора „Опыта“, ибо, въ противномъ случаѣ, полагаемъ, онъ не сталъ бы приписывать своему рецензенту мыслей, какихъ тотъ никогда не высказывалъ.

Отсюда мы узнаемъ, что Домострой (или, въ крайнемъ случаѣ, только эти главы) былъ написанъ отцомъ для своего единственнаго сына („единочадаго“), его жены и домочадцевъ „на память и вразумленіе“, что заботливый отецъ не однократно наставлялъ своихъ дѣтей, даже письменно („авъ о семь благочиніи“ — говоритъ онъ — „благословлялъ, и молилъ, и плакалъ и писаніе предлагалъ вамъ“). Но, помимо такихъ личныхъ намековъ на семейныя отношенія, та-же глава, по своимъ общимъ мыслямъ, служитъ какъ-бы введеніемъ въ Домострой, который собственно начинается со второй главы: „Како хрѣтіанѣмъ вѣровати во стѣю грѣшнѣ“ и т. д. Обратимся къ Предисловію. Здѣсь уже Домострой предназначается не для „единочадаго“ сына, его жены и домочадцевъ, а для всѣхъ вообще православныхъ христіанъ: „Посоученіе, и наказаніе ѡцевъ дѣховнѣ. ко всѣмъ православнымъ хрѣтіанѣмъ“. Несоответствіе и противорѣчіе довольно явныя. Авторъ Предисловія, приурочивая личный, такъ-сказать, Домострой для общаго пользованія, повидимому, совсѣмъ не замѣтилъ рѣзкаго контраста между своимъ введеніемъ и первой главой памятника: „наказаніе отъ оца къ сыну“, гдѣ личные черты совсѣмъ не вжуются съ общимъ тономъ его труда. Подобное предисловіе, при первой главѣ, могъ написать только редакторъ, а не авторъ Домостроя. И на этотъ доводъ непринадлежности Предисловія первоначальному составу памятника г. Некрасовъ тоже не обратилъ никакого вниманія, а онъ важенъ. Можно-ли послѣ этого съ увѣренностью говорить, что выводы „Опыта“ должны остаться неизменными?

II.

Итакъ первое, что даетъ право считать Коншинскую редакцію болѣе древней это — отсутствіе въ ней предисловія, которое, какъ мы видѣли, не могло принадлежать самому автору памятника. Къ такому же выводу приводитъ насъ и сравненіе текстовъ обѣихъ редакцій. Тутъ прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на порядокъ главъ того и другаго списка. Въ своемъ мѣстѣ я довольно долго останавливался на этомъ вопросѣ и, сравнивъ редакціи со стороны плана, пришелъ къ мысли, что расположеніе статей въ списокѣ Коншина во многомъ лучше, правильнѣе съ точки зрѣнія логической послѣдовательности, чѣмъ въ рукописи Общества, гдѣ нѣзъ практическаго Домостроя занесены, напримѣръ, главы въ религіозно-нравственный. Подобная правильность внѣшней формы въ Коншинской

редакціи служила для меня вѣрнымъ признакомъ большей ея близости къ первоначальному строю памятника, ибо разумная градация въ передачѣ тѣхъ или другихъ наставленій, по степени ихъ важности и значенія для всякаго человѣка—дѣло автора, отступление же отъ этой формы—либо порча переписчика, либо мудрствованіе поодвѣйшаго редактора: послѣдній могъ только сохранить первоначальный строй, но могъ легко и исказить его ¹⁾. Что говорить на это г. Некрасовъ въ своей новой статьѣ о Домостроѣ? Онъ соглашается, хотя и послѣ нѣкоторыхъ колебаній, что порядокъ статей краткой редакціи, дѣйствительно, лучше, цѣлесообразнѣе размѣщенія главъ въ полной ²⁾, но объясняетъ это однакоже совсѣмъ иначе: въ болѣе современномъ строѣ Коншинской рукописи видитъ не большую ея близость къ оригиналу, а поодвѣйшее упрощеніе, произведенное Сильвестромъ. „Краткая редакція“—говоритъ онъ—„болѣе тщательно была перевѣрена и исправлена, а слѣдовательно, и появилась позже пространной“. На чемъ же основано такое объясненіе, противоположное нашему? „Есть одно антиисторическое мнѣніе“,—говоритъ г. Некрасовъ—„включающееся въ томъ, что авторъ первоначальнаго извода Домостроя долженъ былъ быть „образованный человѣкъ“, со строго-логическими требованіями. Такая постановка вопроса и требованій для произведеній древнерусской литературы XV—XVI вѣковъ вполне не естественна. Извѣстно, что писатели XV вѣка были плохіе стилисты, такъ что епископы находили нужнымъ въ то время поручать стилистическую работу заѣзжему сербу Пахомію. Русская духовная проповѣдь XV—XVI вѣковъ не имѣла строгаго плана, дѣленія на составныя части. Извѣстно, что Курбскій именно въ такихъ недостаткахъ упрекалъ Ивана IV. Развѣ Стоглавъ представляетъ логическую послѣдовательность въ своемъ порядкѣ? Извѣстно, что философскій элементъ у нашихъ писателей древней Руси появляется со школы XVII вѣка, которая въ духовную проповѣдь ввела оему и дѣленіе на части. Въ XVII вѣкѣ впервые появились учебники, представляющіе въ своей основѣ философскую схему... На основаніи этого въ памятникахъ древней Руси мы скорѣе всего можемъ ожидать логическаго вложенья поодвѣе, а менѣе логическаго съ болѣе сырмъ, мало обдѣланнымъ матеріаломъ раньше. Отъ редакціи первой половины XVI вѣка естественно ожидать менѣе ло-

¹⁾ Журн. Мин. Народн. Просв., 1889 г., мартъ, стр. 157—162.

²⁾ Журн. Мин. Народн. Просв., 1889 г., июль, стр. 381 и др.

гическаго изложенія, тѣмъ отъ редакціи, составленной во второй половинѣ¹⁾). Вся эта выписка очень характерна. Тутъ или вещь, со всѣмъ не относящаяся къ дѣлу и только запутывающія вопросъ, или не подходящія аналоги, или, наконецъ, погрѣшность противъ основныхъ законовъ логики. Объяснимся. Называя автора Домостроя „образованнымъ человѣкомъ“, рецензентъ и не подозревалъ, что найдется критикъ, который воспользуется этимъ, быть можетъ, и не совсѣмъ удачнымъ названіемъ и пожелаетъ придать ему особый смыслъ и такое толкованіе, какого совсѣмъ не было въ виду. Само собой разумѣется, что схоластика, „философскій элементъ“ и т. п. здѣсь не при чемъ, и если нужно, то слово „образованный“ въ примѣненіи къ автору Домостроя значить — и это понятно всякому — развитой, начитанный, книжный, словомъ — просвѣщенный человѣкъ своего времени. Дѣло не въ словахъ, а въ томъ, какъ ихъ понимаютъ. Кто же думаетъ иначе, тотъ долженъ упрекнуть всѣхъ, кто занимается древнерусскою литературою, въ антиисторичности, ибо слово „образованный“ употребляется всѣми, понятно—относительно, и никто, полагаемъ, не скажетъ, что, напримѣръ, митрополитъ Макарій произнесъ „антиисторическое мнѣніе“, когда назвалъ Іосифа Волоцкаго образованнымъ человѣкомъ (Ист. Церкви, VII, 226).

Еще менѣе могъ ожидать рецензентъ, что его слова въ родѣ: „если мы сравнимъ теперь съ точки зрѣнія логической послѣдовательности и важности вписываемыхъ предметовъ порядки главъ обонихъ списковъ Домостроя“ и т. п.²⁾), дадутъ г. Некрасову поводъ посылать укоризну, что де „такая постановка вопроса... вполнѣ не естественна“. Опять г. профессоръ пожелалъ понять слова рецензента по-своему, то-есть, съ перспективой на „философскій элементъ“ и „учебники XVII вѣка“, не замѣчая, вѣроятно, въ нилу полемики, какъ не естественно, антиисторично поднимать вопросъ о „философскомъ“ (?) элементѣ, когда дѣло идетъ о редакціи, принадлежащей—по его же словамъ—пону Сильвестру. Между тѣмъ, связанная выраженію „логическая послѣдовательность“ съ авторомъ Домостроя, рецензентъ, конечно, не могъ имѣть въ виду логики и стилистики, понимаемой въ смыслѣ г. Некрасова. Вопросъ, кажется, былъ поставленъ очень ясно и опредѣленно: три главы изъ пракческаго Домостроя въ редакціи Общества находятся въ религиозно-правствен-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1889 г., июнь, статья г. Некрасова, стр. 381.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1889 г., мартъ, статья Михайлова, стр. 157.

номъ отдѣлѣ памятника, тогда какъ въ Коншинской онѣ стоятъ на своемъ мѣстѣ, то-есть, въ той именно части, которая отвѣдена авторомъ для его хозяйственныхъ наставленій; гдѣ больше логики? очевидно, въ Коншинскомъ спискѣ. И вотъ такой-то порядокъ краткой редакціи Домостроя я и назвалъ „болѣе логическимъ“, ибо онъ удовлетворяетъ первоначальному плану Домостроя, сохранившемуся въ большей или меньшей цѣлости во всѣхъ спискахъ, и лучше всего въ спискѣ Кошкина. А планъ этотъ такъ простъ и нагляденъ: 1) главы I — XXV включительно — религіозно-нравственный Домострой, съ двумя послѣдними статьями (XXIV—XXV), составляющими какъ бы заключеніе къ первой части памятника, и 2) главы отъ XXVI до конца—практическій, хозяйственный отдѣлъ памятника съ тремя начальными главами (XXVI, XXVII, XXVIII), служащими какъ бы введеніемъ (ср. К.). Чтобы составить такой планъ (про распорядокъ главъ внутри каждой части нѣтъ рѣчи) въ общемъ, полагаю, не представлялось нужды знать какую нибудь схоластическую философію: тутъ дѣйствовала логика здраваго смысла, естественное чувство, подсказывавшее уминому автору помѣстить главы: 1) „Како мѣжѣ зъ женою совѣтовати ключника призывати ш столовиѣ обиходѣ“... 2) „Ключникѣ приказъ каковъ прилучица“ 3) „Наказъ ѿ гдѣра ключникѣ, каѣ ѣства поѣтаніи и мѣна варити“ (16, 17 и 18 въ сп. Общества и 49, 50 и 51—въ сп. Кошкина)—во вторую часть труда и не заносить въ отдѣлъ религіозно-нравственный. При чемъ тутъ логика и стилистика учебниковъ XVII столѣтія,—право не знаемъ. Зачѣмъ ссылаться на дѣятельность Пахомія Логовета, на нестройность рѣчи Іоанна Грознаго, на отсутствіе плана (да притомъ еще схоластическаго)—въ проповѣдяхъ XV — XVI в. и въ Стоглавѣ, когда все это не имѣетъ ровно никакого отношенія къ данному вопросу, то-есть, къ той „логикѣ“ автора Домостроя, какую имѣлъ въ виду рецензентъ? Зачѣмъ путать понятія и на такой путаницѣ возводить яко бы зданіе? Но пойдемъ далѣе. Признавая Кошкинскій строй лучшимъ, болѣе правильнымъ, г. Некрасовъ видитъ въ этомъ относительно совершенствѣ не большую древность редакціи, а лишь позднѣйшее уюрядочиваніе, провѣрку и улучшеніе. Такое мнѣніе, какъ читатель можетъ заключить изъ приведенныхъ словъ г. Некрасова, основано на слѣдующемъ: списокъ Кошкина, а слѣдовательно и редакція, позднѣе списка Общества (первая послыка); „въ памятникахъ древней Руси мы скорѣе всего можемъ ожидать логическаго вложанія позднѣе“ (вторая послыка); „отъ редакціи первой поло-

часть ослх, отд. 2.

вны XVI вѣка естественно ожидать менѣе логическаго изложенія, чѣмъ отъ редакціи, составленной во второй половинѣ⁴ (заключеніе). Подобное умозаключеніе было бы логично лишь въ томъ случаѣ, еслибы первая посылка не возбуждала сомнѣній, а вторая была бы однородна съ первой и съ заключеніемъ. Въ созагвѣнію, ни того, ни другаго здѣсь мы не видимъ. Первый доводъ г. Некрасова не есть аксіома, ибо никто а priori не рѣшится съ увѣренностью отождествить немногo поздній списокъ съ поздней редакціей памятника. Что касается второй посылки, то, считая ее вѣрной самое по себѣ (вѣдь никто же не станетъ оспаривать въ литературѣ прогресса), ни въ то же время не имѣемъ права дѣлать того вывода, къ которому тотчасъ же приходитъ авторъ „Опыта“: „отъ редакціи первой половины XVI вѣка“ и т. д. Здѣсь г. Некрасовъ смѣшиваетъ, повидимому, самъ того не замѣчая, двѣ разныя вещи: отношеніе между отдѣльными памятниками разныхъ эпохъ, и отношеніе между не одновременными редакціями одного и того же сочиненія. Если отношеніе перваго рода—фактъ, то отношеніе втораго порядка—дѣло весьма сомнительное и едва-ли можетъ рѣшиться въ пользу взглядовъ „Опыта“. Въ данномъ случаѣ передъ г. Некрасовымъ дружной фалангой станутъ наши древнерусскіе переписчики и скажутъ ему, что сдѣланное имъ заключеніе не оправдывалось дѣйствительностью. Извѣстно, какую роль въ исторіи текста того или другаго памятника сыграли наши редакторы и книжные мастера. Роль эта, за исключеніемъ, конечно, того рѣдкаго случая, когда произведеніе переписывалось юта въ юту (говорю про составъ),—вообще была очень плачевна для автора памятника: не улучшалась въ какомъ бы то ни было отношеніи, а портилась, искажалась, до неузнаваемости оригинала, подъ властнымъ перомъ того или другаго мастера чужая собственность, которой въ старину никто не признавалъ. Вотъ фактъ, вотъ общее теченіе въ исторіи текста редакцій одного и того же рукописнаго сочиненія, и доказать это можно всѣмъ содержаніемъ древнерусской литературы. Примѣры взгляда¹⁾. Но съ другой стороны едва ли кто укажетъ

¹⁾ Позволяю себѣ привести одинъ изъ позднѣйшихъ: „Слово о лии и клеветѣ“, сочиненіе русское, сохранившееся въ пергап. рип. XIV вѣка Чудова монастыря, представляеть сокращеніе другаго болѣе обширнаго поученія: „Писаны ѣ книжѣ дѣи“ (по списку А. И. Хлудова, тоже XIV вѣка по старшей, нежели Чудовская). Что же сдѣлалъ редакторъ? Онъ до неузнаваемости искажалъ строй.

хотя одинъ случай, когда содержаніе, а тѣмъ болѣе планъ какого-нибудь памятника въ болѣе поздней редакціи были стройнѣе, логичнѣе, чѣмъ въ редакціи, несомнѣнная древность которой подтверждается другими фактами, помимо внѣшней формы. Еслибы дѣло шло на улучшеніе оригинала подъ перомъ позднѣйшаго переписчика или редактора, то пришлось бы признать, что всѣ списки Домостроя XVII в. вообще совершеннѣе своихъ основныхъ редакцій, сохранившихся въ рукописяхъ Коншина и Общества, а между тѣмъ мы замѣчаемъ обратное: древнѣй текстъ памятника со стороны формы и содержанія въ позднѣйшихъ спискахъ или сохранился цѣликомъ, или все болѣе и болѣе искажался. Такимъ образомъ, принявъ въ расчетъ вліяніе древнерусскихъ „мастеровъ“, вліяніе, направлявшееся обыкновенно въ дурную сторону (и это фактъ), исследователь Домостроя обязанъ сказать, что большая стройность въ планѣ Коншинской редакціи—вѣрный признакъ ея близости къ первоначальному виду памятника, и, наоборотъ, отступленіе отъ этой стройности, что мы видимъ въ редакціи Общества,—виша позднѣйшаго передѣлывателя Домостроя. Въ такой постановкѣ вопроса — единственно примѣнимой къ Домострою—нѣтъ ничего не естественнаго; кто же думаетъ иначе, тотъ идетъ противъ фактовъ литературной исторіи текста того или другаго памятника.

Но если не удачная перестановка главы „Како врачеватися..“ и въ особенности явный переносъ трехъ статей изъ практическаго отдѣла въ религиозно-нравственный (рѣзкое нарушеніе первоначальной формы Домостроя) заставляютъ предпочитать Коншинскій списокъ, то изъ этого все-таки не слѣдуетъ, чтобы и вообще редакціи Коншина по плану была оригинальнѣе, то-есть ближе къ подлиннику, чѣмъ редакція, сохранившаяся въ рукописи Общества: „списокъ Коншина“, какъ я говорилъ, „не оригиналъ Домостроя, а лишь копія, болѣе или менѣе близкая къ этому оригиналу; потому, при общемъ первоначальномъ строѣ частей, внутри cadaго отдѣла могутъ быть перестановки главъ“¹⁾. Кто знаетъ: можетъ быть въ иной статьѣ правда окажется на сторонѣ списка Общества? „Чѣмъ, наиримѣръ“—говорилъ я, да и теперь говорю,—„можно доказать, что

ный планъ оригинала и иногда нарушалъ дѣленіе на части (см. Вибл. матер., собранные А. Н. Поповичъ, изд. подъ редакціей М. Операнскаго. Москва, 1889, стр. 16 и др.).

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1889 г., мартъ, 162—163.

глава „Како царя чтити“ и т. п. должна стоять не на пятомъ (какъ въ спискѣ Общества), а на седьмомъ (списокъ Кошкина) мѣстѣ? ¹⁾ Только рѣзкое нарушение плана даетъ право дѣлать выводы; здѣсь же такого нарушенія нѣтъ. Но, сомнѣваясь въ постановкѣ этой главы на 7-мъ мѣстѣ, мы въ то же время не имѣемъ права съ рѣшительностью утверждать, что въ оригиналѣ Домостроя она занимала именно 5-е мѣсто, то-есть, стояла тамъ, гдѣ мы ее видимъ въ спискѣ Общества. Если г. Накрасовъ скажетъ, „что всѣ первыя главы и содержаніемъ, и словами, и строгимъ порядкомъ обязаны Стослову Геннадіа, откуда авторъ и взялъ цѣлкомъ размѣщеніе этихъ главъ“ ²⁾, то эти слова могутъ свидѣтельствовать лишь о той послѣдственности, съ какою авторъ „Опыта“ дѣлаетъ свои выводы, а вовсе не о томъ, что такъ именно и происходило дѣло.

Въ ряду другихъ литературныхъ источниковъ авторъ Домостроя, надо думать, пользовался и Стословцемъ Геннадіа. Но какъ пользовался? А вотъ какъ. Вторая глава памятника („Како хрѣтіанѣ вѣровати въ стѣѣ трѣѣ“ и т. д.) ³⁾ составляетъ, за исключеніемъ трехъ начальныхъ строкъ ⁴⁾, буквальный выборъ отдѣльныхъ фразъ изъ первыхъ семи словъ труда Геннадіа, причѣмъ однако шестое слово сюда совсѣмъ не вошло. Сочиняя третью главу („Како тайнамъ бжннмъ причащатѣ“ и т. д.), авторъ Домостроя беретъ первыя двѣ строки (печ. вѣд.) изъ 8-го слова Геннадіа и, пропустивъ 9-е, выписываетъ по одной строкѣ изъ 10-го и 11-го слова, такъ что въ общей сложности заимствованіе ограничилось лишь четырьмя строчками; между тѣмъ 3-я глава Домостроя заключаетъ въ себѣ ровно 30 печатныхъ строкъ; на долю самостоятельнаго творчества или заимствованія изъ какого нибудь другаго источника, но только не изъ Стословца, остается, значитъ, ровно 28 строкъ (печ. вѣд.). Поидемъ далѣе. Въ четвертой главѣ („Како любити бѣ ѿ всеа дѣла“ и т. д.) авторъ Домостроя беретъ 6 начальныхъ строкъ изъ 12-го слова Геннадіа, слѣдующія пять — составляетъ частью изъ евангельскихъ („рѣчѣ бѣ, в чѣ тѣ застанѣ, в тѣ і сѣжѣ“), частью изъ своихъ

¹⁾ Ibid. примѣчаніе.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1869 г., июль, стр. 383.

³⁾ Первая глава „Дамзлнѣ ѿ бѣ на сѣлѣ“ въ Стословцѣ не имѣетъ никакого отношенія и представляется самостоятельнымъ трудъ автора.

⁴⁾ Строки я считаю по печатному изданію списка Общества (Чин. Общ. Ист. и Др. 1861, кн. II, стр. 12).

связующихъ выраженій, а остальныя 14 строкъ (подъ заглавіемъ: „ѡ тѣжъ“) цѣликомъ выписываетъ изъ 100-й главы Стословца. Въ 5-й главѣ авторъ тоже дѣлаетъ заимствованія изъ Геннадіева труда, но не буквальные, а лишь отдѣльныхъ мыслей. Послѣднія идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ по отношенію къ Стословцу: первая строка пятой главы Домостроя — изъ 19-й главы, слѣдующія двѣ изъ 27-й, дальнѣйшія три опять изъ 19-й; потомъ идутъ 11 строкъ изъ другихъ источниковъ (но не Стословца), а за ними—восемь строкъ, въ коиъ авторъ самостоятельно развиваетъ отдѣльныя мысли, взятія имъ послѣдовательно изъ 16, 17, 18, 35, 38 и 54-го слова Геннадія; глава заключается 4-мя строками авторскаго сочиненія. Въ 6-й главѣ („Како читѣтѣ людѣ ѿцевъ свои дѣловны“ и т. д.) говорится о томъ, что слѣдуетъ найти себѣ хорошаго духовника („добра“, „непотаковника“, „разсудительна“ и пр.), слушаться его совѣтовъ, уважать, ходить къ нему и призывать на домъ, давать „емѣ ѿ своихъ плуцовъ“, просить наставленія для домохадцевъ и пр. Составляя эту главу, авторъ Домостроя совѣтъ не пользовался Стословцемъ Геннадія, и, судя по характеру содержанія, не заключающаго въ себѣ ничего книжнаго (что такъ замѣтно въ другихъ статьяхъ), сочинилъ, вѣроятно, отъ себя. Въ 7-й главѣ („Како стѣльскій чинъ почитати. тако ѿ сщ҃еннически“ и пр.) начальныя 6 строкъ (печ. изд.) по мысли схожи съ 94 и 93 словомъ Геннадія, остальныя же 20 строчекъ — развитіе этихъ мыслей — не имѣютъ ничего общаго съ Стословцемъ; да и въ начальныхъ строчкахъ мысли на столько не характерны, что автору Домостроя едва-ли нужно было заимствовать ихъ изъ какого нибудь литературнаго источника.

Дом. гл. VII.

„Къ стѣльскомъ чинѣ всегда при-
бѣганъ ѿ дѣлнѣю чѣсть воздавай
имъ, ѿ бл҃гословленія і дѣловнаго
повчѣніа трѣбѣи ѿ нихъ, ѿ при-
падаи ногѣма ихъ і во всѣ пови-
нѣса и по бѣѣ. Тако же сщ҃ен-
ническомъ чинѣ і мнишескомъ
велию вѣрѣ, и любовь і повино-
венне, і всѣкое покорѣніе пре
ними і мѣи і дѣловнѣю полѣзъ ѿ
ни вѣнѣма“.

Стосл. Геннадія гл. 93.

„Елиъ ѿ пѣмъ ѿва стада па-
стухомъ словесны ѡвѣць главу
своѣю покланай ѿ припади къ но-
гамъ ихъ. и моли да дасть ти
бл҃гвинѣ ѿ нихъ. 94: Прозвутера
же ѿ ерѣи ѿвы прѣстателя тай-
нѣи ѿго транезѣ ѿ дробителя
тѣлу ѿго. всакоѣ чѣтью почѣти ѿ.
ѿ со страхомъ взирай на нѣ“.
(Златая Цѣпь XIV вѣка, рки.
Троиц. Лавр.).

Вотъ образецъ заимствованія мысли въ Домострой изъ труда патріарха Геннадія, если въ данномъ случаѣ такое заимствованіе, дѣйствительно, было. Въ дальнѣйшихъ главахъ памятника (по списку Общества) связь съ Стословцемъ, слабая въ 5-й главѣ, мало замѣтная въ 6-й, почти не уловимая въ 7-й, совершенно исчезаетъ. Какой выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ всѣхъ этихъ сопоставленій, точность конхъ желающихъ легко можетъ проверить. Думаемъ: вопервыхъ, порядкомъ Стослова авторъ Домостроя пользовался лишь при составленіи цѣлой 2-й главы и части 3-й, которая въ обѣихъ редакціяхъ Домостроя стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ; въ остальныхъ главахъ этотъ порядокъ исполнѣ нарушенъ,—въ образецъ указываемъ на 4-ю главу, которая составлена изъ 12-го и 100-го слова Геннадія; вовторыхъ, отдѣльныя мысли, которыя авторъ Домостроя беретъ тамъ и самъ изъ Стослова (если только допустить подобное заимствованіе), не слѣдуютъ однако порядку послѣднихъ, развиты имъ (начиная съ 5-й главы) до величныя большихъ статей. Ясно, что составитель нашего памятника не рабски слѣдовалъ Стословцу: дополнял, а заимствованное размѣщаль по-своему. Если же это такъ, то сомнѣніе въ вопросѣ: гдѣ могла первоначально стоять глава о почитаніи царя, на 5-мъ или 7-мъ мѣстѣ, кажется, исполнѣ естественно. И теперь этотъ вопросъ останется вопросомъ, а слова г. Некрасова, что де „всѣ первыя главы и содержаемъ, и строгимъ порядкомъ обязаны Стословцу Геннадія, откуда авторъ и взялъ цѣликомъ размѣщеніе этихъ главъ“, могутъ доказать, повторяемъ, лишній разъ только поспѣшность, съ какою авторъ опыта дѣлаетъ обобщенія, не оправдываемыя текстомъ памятника. Какъ не правильно обобщеніе г. Некрасова, такъ не вѣренъ—само собой разумѣется—и выводъ изъ него, что де въ Коншинской редакціи постановка главы „Како стѣскій чинъ почитати“... прежде статьи о почитаніи царя объясняется тенденціей (?) Сильвестра. Что между мыслями послѣдняго, который въ „Посланіи и наказаніи отъ отца къ сыну“ святительское благословеніе ставитъ прежде государева жалованія („и святительское благословеніе на себѣ имѣешь и царское государево жалованіе), и строимъ Коншинской редакціи есть сходство, и можетъ быть, не случайное,—это не сомнѣнно, но такое сходство никому не должно давать права утверждать, что Сильвестръ ради какой-то непонятной тенденціи взялъ—да и переставилъ разбираемыя главы (о царѣ и о святителѣ): основаніе — призрачно, то-есть, авторъ Домостроя не слѣдовалъ порядку Стословаца.

III.

Сильвестровская редакція (будемъ называть ее словами г. Некрасова), какъ извѣстно, отличается краткостью, сравнительно съ редакціей Общества. Какъ смотрѣть на эту краткость? что древнѣе? другими словами: Коншинская ли редакція вышла, какъ сокращенію, изъ редакціи Общества, или—наоборотъ—оригиналъ Домостроя, близкій къ списку Коншина, дополненный и еще болѣе видоизмѣненный, далъ редакцію Общества? Рѣшать вопросъ этотъ а priori нельзя, ибо ни краткость, ни полнота сами по себѣ не могутъ дать никакихъ заключеній о древности той или другой редакціи. Между тѣмъ въ „Опытѣ“ этотъ вопросъ рѣшенъ именно такимъ образомъ, судя по словамъ: „Оказывается, что въ концѣ XV, въ началѣ или первой половинѣ XVI вѣка сложился полный изводъ Домостроя; что къ этому полному изводу впоследствии ровно ничего не прибавлено въ нашей письменности; что изъ нея-то именно и бралъ каждый дѣлавшій для себя списокъ Домостроя“¹⁾.

Въ новой статьѣ о Домостроѣ г. Некрасовъ дѣлаетъ поправку и, по выводамъ краткости изъ полноты а priori, старается доказать, что длинноты списка Общества первоначальны, то-есть, должны быть въ оригиналѣ памятника. Такая постановка дѣла, конечно, вполне правильна, и весь интересъ сосредоточивается на доказательствахъ: удачны они, — краткость вышла изъ полноты, не удачны, — вопросъ останется пока открытымъ. Посмотримъ, какіе же доводы приводитъ г. Некрасовъ. Прежде всего, онъ констатируетъ тотъ фактъ, что въ спискѣ Коншина дефектъ „оказывается всегда въ концахъ главъ“ и „полныя главы Домостроя не представляютъ собою переработки краткихъ ни въ содержаніи, ни въ изложеніи“, „а потому“—заключаетъ г. профессоръ — „естественнѣе допустить отброски и урѣзки, чѣмъ добавленія“²⁾. Далѣе. Всѣ длинноты списка Общества противъ Коншинской редакціи г. Некрасовъ называетъ „или не нужнымъ балластомъ“

¹⁾ Опытъ и т. д., стр. 134. Краткость Коншинскаго списка г. Некрасовъ доказывалъ, какъ извѣстно, желаніемъ Сильвестра приурочить новгородскій Домострой въ Москвѣ: „Сильвестръ дѣлалъ Домострой памятникомъ москвитинъ, только сокращая его, выбрасывая изъ него то, что шло въ Новгороду, а не шло въ Москвѣ“, наприимѣръ, статью о перетолоченіи для крестнаго знаменія (ibid., стр. 178).

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1889, июль, стр. 381.

выписокъ изъ сочиненій¹⁾, или „отрывками, нарушающими приличіе и чистоту Домостроя“¹⁾),—потому же Сильвестръ и выбросилъ ихъ. Само собою доказательствъ довольно, значить, просто; но онъ не убѣдительно. Прежде всего г. Некрасовъ неправильно дѣлаетъ свои обобщенія, ибо вонорвыхъ, длинноты списка Общества попадаютъ и въ средніе главы: крупныя въ статьяхъ „Како стѣльскій чинъ почитати“ (5—К и 7—О), „Како священниковъ и иноковъ... призвати“ (10—К, 14—О), „Каковы люди держати“... (22—К, 26—О), и мелкія въ главахъ 23, 24, 35, 38, 49 и 50; восторныхъ, есть и переработки гл.: „Како дочь воспитати“ (16—К, 20—О) и „Каковы люди держати“... (вторая половинка); третьихъ, если можно назвать прибавленіе къ главѣ „Како врачеватися“... (о волшбахъ) или „Поученіе Василия Кесарійскаго юношамъ“—не нужнымъ балластомъ выписокъ, а изводъ о потворенныхъ бабахъ—отрывкомъ, нарушающимъ приличіе (?),—то того же самаго никто, конечно, не скажетъ 1) про мѣсто; находящееся внутри главы „Како стѣльскій чинъ почитати“: тутъ видно желаніе не многими словами, имѣющимъ характеръ общаго отвлеченнаго поученія, придать житейскій, практическій смыслъ и поясненіе (зачѣмъ Сильвестру пропускать это мѣсто въ своей передѣлкѣ?) 2) про большое дополненіе къ главѣ „Како кормити приходящихъ въ дому“ (11—К, 15—О): послѣдняя отличается тономъ бодливаго поученія, отрывокъ же сводитъ дѣло на практическую ноту; тутъ нѣтъ ни выписокъ, ни неприличія; напротивъ—дополнено очень кстати; 3) про главу о крестномъ знаменіи, которую едва ли кто назоветъ „не нужнымъ балластомъ“. И такъ, обобщенія г. Некрасова не соответствуютъ тексту памятника. Но еслибы, наще чаянія, дефекты Коншинской редакціи оказались всегда въ концѣ главъ, а всѣ длинноты списка Общества принять (вѣдь о вкусахъ не спорятъ) за ненужный балластъ, то и тогда никто не можетъ съ увѣренностью сказать, что Коншинская редакція является—вслѣдствіе этого—передѣлкой, а потому—и позднѣе редакція по списку Общества. Такой взглядъ слишкомъ субъективенъ, ибо рядомъ съ нимъ можетъ существовать и противоположный: если длинноты списка Общества не нужны „балластъ“, значить, скажемъ мы, редакція Коншина, гдѣ нѣтъ этого „балласта“, древнѣе, ибо лучше, чище; а извѣстно, что наши древнерусскіе переписчики и редакторы обыкновенно портили, искажали первоначальный видъ памятника; если длин-

¹⁾ Ibid. стр. 382.

ноты въ концѣ главъ,—значить, онѣ явились позднѣе, ибо легче дополнить въ концѣ, чѣмъ въ срединѣ. Что, по мнѣнію г. Некрасова, естественно предполагаетъ урѣзки, то—по мнѣнію другаго—такъ же естественно, да еще съ большимъ основаніемъ можетъ доказывать дополненіи. Но какъ все-таки смотрѣть на длинноты редакціи Общества? Какъ приурочить ихъ къ оригиналу Домостроя, или—наоборотъ—отдѣлить отъ первоначальнаго состава памятника? Вопросъ очень важный, но рѣшить его болѣе или менѣе убѣдительно пока нѣтъ возможности, ибо, во первыхъ, въ Коншинскомъ спискѣ нѣскольکو листковъ утрачено и, восторыхъ, рукопись Коншина—не оригиналъ Домостроя, мало того,—даже не первый списокъ съ данной редакціи. На нашъ взглядъ, это одинъ изъ дальнихъ изводовъ, сохранившійся въ дальнемъ спискѣ, хотя и ближе другихъ стоящій къ оригиналу. Въ доказательство указываемъ, напримѣръ, на списокъ А. Попова (№ 2430 XVII в. Рум. Муз.): тутъ, при общемъ сходствѣ, есть значительныя противъ рукописи Коншина перестановки (гл. 5, 8, 9, 21 и др.) и расчлененія; то же слѣдуетъ сказать про списки Коншинской редакціи, описанныя у г. Некрасова (см. „Опытъ“, стр. 91—100). Такія отличія въ спискахъ Коншинской редакціи служатъ довольно вѣрнымъ ручательствомъ, что были изводы этой редакціи, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ иныхъ случаяхъ лучше самой рукописи Коншина, не смотря на ея относительную древность; по крайней мѣрѣ это съ увѣренностью можно сказать про главу „Како священниковъ и иноковъ въ домъ призывать“ и т. д. (10—Б), которая въ спискѣ Коншина (во второй части) очень перебита, запутана и совершенно не удовлетворяетъ заглавію, тогда какъ, напримѣръ, въ рукописи Императорской Публичной бібліотеки (№ 1137) сохранилась въ болѣе стройномъ, совершенномъ видѣ, оканчиваясь на словахъ: „а маломожные братія.... отходить въ дома своа, бѣгодара бѣга“¹⁾. Поэтому, прежде чѣмъ говорить о первоначальномъ составѣ Домостроя, слѣдуетъ предварительно точнѣе выяснить вопросъ, какой изъ изводовъ Коншинской редакціи памятника самый лучший со стороны обработки главъ, развитія мыслей, изложенія и близости къ источникамъ: только тогда можно будетъ съ нѣкоторою увѣренностью говорить, что вотъ де такая длиннота редакціи Общества не первоначальна, а такая находилась въ оригиналѣ Домостроя. Къ сожалѣнію, вести такъ дѣло мы пока не можемъ: нѣтъ списковъ подъ руками. Впрочемъ, для

¹⁾ Опытъ, стр. 94.

цѣли настоящей статьи это и не особенно необходимо: позднее происхождение редакціи Домостроя по списку Общества въ достаточной степени подтверждается анализомъ предисловія, которое, какъ мы видѣли, нельзя приписать автору памятника.

Теперь нѣсколько словъ объ отношеніи къ Домострою знаменитаго исповѣдника Іоанннова—Сильвестра. По мнѣнію г. Некрасова, Благовѣщенскій попъ лишь провѣрилъ готовый уже до него Домострой и, откинувъ все, что относилось къ Новгороду, приурочилъ памятникъ къ Москвѣ. На чемъ основано такое мнѣніе,—мы не знаемъ, но только доводы г. профессора мало убѣдительны: или чересчуръ субъективны (всѣ длинноты редакціи Общества — „не нужный балластъ“), или прямо антиисторичны (въ родѣ того, что Москва во время Сильвестра крестилась только по православному). Рѣшительно нѣтъ ничего, что говорило бы въ пользу такой передѣлки Домостроя. Напрасно, также полагають, что имя Сильвестра связано съ одной только Коншинской редакціей памятника. Нѣтъ: Благовѣщенскій іерей положилъ свою руку и на полную редакцію Домостроя, и чтобы доказать это, обратимъ вниманіе на первую главу по списку Общества—„Наказаніе отъ отца къ снѣу“. Крайне интересно и любопытно ея отношеніе къ одному мѣсту 64-й главы (Ж. сп.), несомнѣнно принадлежавшей попу Сильвестру. Для наглядности позволимъ себѣ провести параллель.

Гл. I по сп. Общ.

А Блгословлю азъ грѣшныи
имѣрк. і поучаю, і наказую, і вра-
зоумляю единочадаго снѣ своего.
имѣрк. і его жену. имѣрк. і ѣ домочад-
цѣ быти во всакѣмъ хртіанскѣмъ за-
конѣ, і во всакѣи чѣстой совѣсти
і прѣвѣ, с вѣрою творяще волю
бжїю, і хранящїи заповѣди ѣго,
себе оуверѣяюще во всакѣмъ
страсе бжїи і ѣ законѣи
жительствѣ, і женж поучаю
ще, тако і домочадцѣмъ свой
наказоующе, не нѣжю, ни раиами
ни работѣмъ ташкоѣ, имѣюще іѣ
дѣти во всакѣмъ покѣе. сыты і

Гл. 64 по сп. Конш.

Чадомое любимое Анемѣ! Еже
ты поучахъ и всячески наказывахъ
о всякомъ добродѣтельномъ и
богодуховенномъ житїи, и грубое
сіе писанїе худаго моего ученїа
предахъ ти, молю ти, чадо, Господа
ради и Пречистой Богородицы и
великихъ чудотворцевъ, почитай
себѣ, съ любовїю и со вниманїемъ
и напиши на сердцѣ своемъ; и
проси у Бога милости и помощи,
и разума и крѣпости, и вся
предреченїя, съ любовїю и дѣломъ,
также по сему писанїю и жену по-

одѣны, і въ теплѣ храмѣ, і во всакиѣ оустрое. і вдаю вамъ хртїаньскомѣ житѣствѣ писанїена памѣ і въразумленїе ва і чадѣш вашѣ.

В. Аще сегдѣ мое писанїа не внемлете і ѣшего наказанїа не слѣшаете, і по тому не оучїете жити, і не тако творїти, ꙗкѣ ѣ писано, сами за собѣ ѡвѣтъ дадите в днѣ страшнаго сѣда. і азъ ваши винѣ і грѣхѣ не причастен, кромѣ моеѣ дѣша. Азъ о сеѣ о всакиѣ ва блгочинїи блгословлялѣ, і плакалѣ, і молилѣ, і поучалѣ, і писанїе прѣлагалѣ ва.

С. і аще воспрїимете сіе мое хѣдоѣ оученїе і грѣоѣ наказанїе со всею чїстотою дѣшевною. і прочитаа, проса оу бга помощи і разума по еліко возмоно. какъ бгѣ въразумитъ ва. і начїете дѣлѣ творїти вса си, бждѣ на ва млтѣ бжїї і прчтыѣ вѣї, і великї чюдотворцѣ, і нше блгословенїе ѡ нїѣ і до вѣка, і дѣ ва, і

учаї и наказуї; такоже и детей своихъ и домочадецѣв: всехъ учи страху Божию и добродѣтельному житїю. И аще смѣ вся сія творїши, и жену и детей, и рабѣ и рабынѣ, и всехъ ближнихъ своихъ и знаемыхъ поучїши, и домѣ свой добре устроїши, вся благая отъ Бога обрящещи, и живнѣ вѣчную наслѣдїши со всѣми одержимыми тобою.

Аще, сыну, моего моленїа и поученїа не внемлши, и по сему писанїю не учнѣши жити, якоже и прочїи добрые люди и боязливїи мужїе, и отца духовнаго заповѣди не учнѣш хранити, и отъ богудуховенныхъ мужей не пользуети поученїемъ и почитанїемъ святаго писанїа, и хртїяньскаго праведнаго закона не храниши, и о домочадецѣхъ своихъ не радїши,—и азъ твоѣму грѣху не причастен: самъ о себѣ и о домочадецѣхъ своихъ и о женѣ отвѣтъ даши въ день страшнаго суда.

Аще, чадо мое возлюбленое, и малме сія заповѣди худаго моего ученїа сохраниши, и по нашему пути пойдѣши, и словесѣ моихъ послушаеш, и дѣломѣ творити начнѣши, и будѣши смѣ свѣту и наслѣдникѣ небесному царствїю; и будѣтъ на тебѣ милость Божїа, и Пречїстїа Богородицы и Заступнїцы нашея и

чада вѣи, і стажаніє вѣи, і обиліє, что вѣ бгъ подаровѣ ѿ нпне^ю бггословенїа, і ѿ своїмъ трудѣ, да бждѣ благословенно і ісполнено всѣкї блгг. во вѣки, амї.

великихъ чудотворцевъ: Николы, Петра, Алексѣя и Сергія и Никона и Кирила и Варлаама и Александра и всѣхъ святыхъ, и родительская молитва, и мое вѣчное на тебѣ благословеніе, отъ нынѣ и до вѣка.

Сходство между текстами, какъ видимъ, несомнѣнное: и въ общемъ тонѣ наставленія, и въ планѣ, и въ изложеніи, и даже— буквально въ цѣлыхъ фразахъ. Нельзя допустить, чтобы оно было случайнымъ: взаимодѣйствіе, очевидно, существовало.

Какъ объяснить это? Согласимся на время, что обѣ главы (гл. I и 64 К. с.) писали равныя лица (ибо вѣдь ни въ спискѣ Коишина, ни въ рукописи Общества нѣтъ имени Сильвестра въ первой главѣ), изъ коихъ одно позаимствовало у другаго. Кто у кого? Сильвестръ ли у автора первой главы, или — наоборотъ — неизвѣстный авторъ у Сильвестра? Отвѣтъ на это дадутъ намъ слѣдующія соображенія. Если допускать мысль, что большой Домострой повлиялъ ¹⁾ на 64-ю главу, то-есть, на трудъ Сильвестра, то такое вліяніе необходимо ограничить лишь первою частью „Посланія и наказанія отъ отца къ сыну“ (то-есть до словъ: „Видѣлъ еси, чадо, како въ житїи семъ жихомъ“...: съ этого мѣста Сильвестръ начинать приводитъ въ примѣръ собственную жизнь, пользуясь въ данномъ случаѣ, вѣроятно, общимъ планомъ поученія Владиміра Мономаха). Тутъ, во второй части 64-й главы, никто, полагаемъ, не станетъ винить знаменитаго исповѣдника Іоаннова въ подражаніи и въ заимствованіи мыслей изъ большаго Домостроя: кромѣ двухъ-трехъ фразъ, навѣянныхъ поученіемъ Ксенофонта, Сильвестръ здѣсь былъ вполне самостоятеленъ и писалъ, такъ-сказать, по воспоминаніямъ („И еще воспоманути: гостей прїѣзжихъ у себя корми“), не заглядывая въ чужой трудъ (если только допустить такое заглядываніе въ Домострой). А между тѣмъ въ этой именно части 64-й главы, почти въ концѣ ея, и находится сдѣланная нами выписка, имѣющая такое сходство съ 1-й главой Домостроя. И такъ, самое мѣсто-нахожденіе выписки не даетъ права думать о заимствованіи изъ первой главы. Далѣе. Выраженія, въ родѣ: „Чадо мое любимое Анемїе.....

¹⁾ Про поученіе Ксенофонта къ дѣтямъ мы не говоримъ.

молю ты, чадо, Господа и ради Пречистой Богородицы“ и т. п. показывают, что Сильвестръ отъ сердца произносилъ ихъ, находился, понятно, въ известномъ волненіи,—и потому было бы естественно думать, чтобы онъ въ такомъ состояніи способенъ былъ всматривать въ чужой трудъ, выписывать порой даже буквально чужія рѣчи, припоминать и говорить чужія прочитанныя слова. Еще одно соображеніе. Въ первой главѣ неизвестный авторъ въ заключеніе между прочимъ говоритъ: „бѣдѣ на ва ѿль бѣжа і' прѣтыа вѣи і' великїи чудотворцѣ, и ѿше бѣгословенїе“... Какихъ это „великїи чудотворцѣ“? спрашивалъ въ недоумѣніи древній читатель Домостроя. Кого онъ долженъ подразумѣвать подъ этимъ неопредѣленнымъ названіемъ, если заранѣе ему не было известно, кого имѣеть въ виду авторъ? Недоумѣніе разрѣшается, когда онъ прочтетъ 64-ю главу: тамъ перечислены „великіе чудотворцы“. Ясно, что конецъ первой главы, какъ и вся она, можетъ быть только сокращеніемъ Сильвестровскаго „Поученїа“; другими словами: авторъ первой главы пользовался трудомъ Влаговѣщенскаго попа, а не наоборотъ.

Въ такому выводу долженъ прїидти всякій, кто, подобно г. Некрасову, составителя первой главы не смѣшиваетъ съ Сильвестромъ. Но на нашъ взглядъ и такого разграниченїа дѣлать не слѣдуетъ: характеръ сходства между 1-й и 64-й главой Домостроя такого рода, что здѣсь нужно видѣть не заимствованїа или подражанїа, а лишь общность идей, слога, склада мыслей, отдѣльныхъ выраженїй, при-сущихъ одному лицу; словомъ, первая глава Домостроя написана Сильвестромъ, и это довольно убѣдительно подтверждается редакціей по списку Публичной бібліотеки (№ 1137), гдѣ вм. имѣрк мы находимъ имена Сильвестра и его сына и невѣстки. Не „владѣльцы-старожила“, которые будто бы „знали семью Сильвестра, вписали эти имена въ XVII вѣкѣ“ (вполнѣ произвольное предположеніе): это могъ сдѣлать только самъ Сильвестръ, и не въ чужой, а въ свой трудъ. Вѣдь не даромъ читатель находитъ въ первой главѣ Домостроя только одни имена семьи Сильвестра, какъ это видимъ и въ томъ спискѣ, на который ссылался И. Е. Забѣлинъ (Временникъ, 1850, кн. VI, стр. 4): другихъ именъ нѣтъ.

Такимъ образомъ, въ виду всего сказаннаго, слѣдуетъ принять, что имя Сильвестра связано съ обѣими редакціями Домостроя, а не съ одной только Кошшинской, какъ это думаетъ г. Некрасовъ: даже на полную редакцію наложилъ свою руку Сильвестръ. Понятно, что такой выводъ обязательенъ и въ томъ случаѣ, когда Сильвестра не

станутъ даже отождествлять съ авторомъ первой главы памятника. Само собой разумѣется, что вопросъ о какой бы то ни было передѣлкѣ, произведенной знаменитымъ исповѣдникомъ Іоанна Грознаго въ составѣ Домостроя и его планѣ, долженъ пасть самъ собою: первая глава находится и въ спискѣ Общества, а его г. Некрасовъ не думаетъ считать передѣлкой Сильвестра.

Этими замѣчаніями о главныхъ редакціяхъ Домостроя мы и окончимъ замѣчанія на статью г. Некрасова; разсужденій послѣднато о роднѣй памятника мы не будемъ касаться: они слишкомъ субъективны ¹⁾).

¹⁾ Въ пользу новгородскаго происхожденія Домостроя г. Некрасовъ приводитъ слѣдующіе доводы: 1) въ памятникѣ изображенъ особенно расчетливый хозяинъ, у котораго все должно быть „въ счетѣ и въ писмѣ“, что, по мнѣнію автора „Опыта“, предполагаетъ много грамотныхъ слугъ, а это возможно только въ Новгородѣ, ибо едва грамотность больше была распространена, чѣмъ въ Москвѣ; 2) въ Домострой упоминаютъ „солонныя варницы“, что также указываетъ на Новгородъ, ибо только новгородскіе бояре имѣли варницы, чего нельзя сказать про бояръ московскихъ, и 3) слово митр. Давида обличаетъ московскихъ бояръ въ томъ, что они „щипать торгованіа“, то-есть, пренебрегаютъ, по объясненію г. Некрасова, торговлей; значитъ, заключаетъ авторъ „Опыта“, Домострой писанъ въ Новгородѣ, такъ какъ боярину представленъ въ памятникѣ торговецъ. Въ основѣ всѣхъ этихъ доводовъ г. профессоръ лежитъ, во первыхъ, непониманіе, что такое Домострой, а во вторыхъ, ложное убѣжденіе, что онъ писанъ для однихъ только бояръ. Домострой хотя и историческій памятникъ, но пользоваться имъ нужно осторожно, ибо онъ несетъ намъ вообще не то, что было на самомъ дѣлѣ, а то, что должно было быть съ точки зрѣнія лучшаго человека XVI вѣка. Поэтому, выраженія въ родѣ „въ счетѣ и писмѣ“ могутъ и не предполагать того, что предполагаетъ г. Некрасовъ, если только возможно такую общую мысль, что де „въ Новгородѣ было больше грамотныхъ слугъ, чѣмъ въ Москвѣ“, доказывать новгородскую родню памятника. Видъ самъ г. Некрасовъ выкинулъ въ „Опытѣ“, что по черевуръ принятому положенію женщины, обрисованному въ Домострой, нельзя судить объ ея истинномъ положеніи въ XVI вѣкѣ. Слѣдовало бы строго придерживаться разъ принятаго взгляда и не отступать отъ него ни въ какомъ случаѣ. Для него писанъ Домострой и такую среду онъ изображаетъ? По мнѣнію г. Некрасова,—только для бояръ, только боярскую. Но это вполне ложное убѣжденіе противорѣчитъ тексту памятника, который составляетъ вообще для замѣточного человека; а видъ не одинъ бояре были замѣточными людьми въ Москвѣ. Приведемъ примѣры. Гл. XXVII: Всякому человеку, богаты и убогу, велику и малу... Гл. XXV: а торговые люди и мастеровые и земледѣльцы такожъ: правыми и благословенными торгуютъ, рукодѣльничаютъ, или пашутъ, или украдиши и т. д. Гл. XLII: Годовой обиходъ до-

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Въ числѣ списковъ Императорской Публичной библиотеки, кромѣ тѣхъ, которые описалъ И. С. Некрасовъ, мы имѣли возможность пользоваться еще двумя, новыми, приобретенными въ недавнее время. Предлагаемъ здѣсь ихъ краткое описаніе.

новитому человеку нуму и женѣ, у кого помѣстья и пашни, селѣ и вотчинамъ вѣтъ и т. д.; а у молодца человека, или у вдова только запасу такого вѣтъ, чѣмъ животина кормить, что въ сей главѣ писано, а коровла дойнаа естъ.... Гл. XLVII: А коли одинокой человекъ, а не богатой и запасистой.... Очевидно, Домострой писанъ не для однихъ бояръ; мало того: есть даже прямое указаніе, что авторъ, повидимому, и не имѣлъ въ виду боярина (хотя въ среднѣ вѣка на Русь строй жизни у людей всѣхъ сословій былъ вообще одинаковъ): въ главѣ XXXIV жена о себѣ говоритъ: „ни о нягинахъ, ни о боярникахъ, ни о сусѣдохъ не переговариваю“. Можно ли поэтому настаивать, что „солыныя варицы“ въ Домострой принадлежатъ именно боярину; самый текстъ, гдѣ упоминаются эти варицы, показываетъ, что авторъ говоритъ о всякомъ самостоятельномъ человецѣ, а не о бояринѣ только: „Всякому человеку домохитому, доброму, у кого Богъ послалъ свое подворьеце, или деревеньку, или лавочку въ торгу, или оубаръ, или домы каменные, или варицы, или мельницы“ и т. д. (гл. LXII К. сл.). Почему тутъ нужно варицы пріурочивать именно къ боярину — мы уже и не знаемъ. Почему — не къ купцу, или вообще промышленнику? А у богатыхъ москвичей были свои варицы: это не привилегія новгородцевъ (см. *Дружество*: О промышленности въ др. Россіи). Что касается ссыла на и. Данила, то, призвавъ даже за словомъ „щаница“ значеніе „пренебрегать“ (хотя этотъ глаголъ употреблялся, на сколько мы знаемъ, всегда въ смыслѣ „щеголить“, чваниться: щанъ-щоголь, щапство, щанзеніе, щанливай; тотъ же и. Даниилъ и, кажется, въ томъ же Словѣ (къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ рукою справки) употребляетъ выраженіе: „щанити, прочитиши и воуе дни свои провождати“ см. опис. Синод. библи. № 237), — противъ нея можно сказать слѣдующее: вопервыхъ, Домострой писанъ не для однихъ только бояръ, и вторыхъ, хотя Даниилъ и укоряетъ бояръ, что они не занимаются торговлей, но уже изъ самаго еяка обличенія исклѣнѣ, кажется, можно заключить, что занятіе торговлей было вообще свойственно боярамъ XVI вѣка, и лучше изъ нихъ, несомнѣнно, торговали. Никто не станетъ укорять меня въ недѣланіи того, что мнѣ не свойственно дѣлать. О самомъ томъ обличеніи Даниилова, въ которомъ, понятно, не можетъ не быть гипербола (боаре, да притомъ вся, абсолютно ничѣмъ дѣльными не занимающа) мы уже и не говоримъ. Къ бы то ни было, но настаивать на новгородскомъ происхожденіи Домостроя, основываясь лишь на приведенныхъ г. Некрасовымъ доводахъ, нельзя. Въ Домострой, дѣйствительно, виднѣтся торговый бытъ, но онъ несколько не противорѣчитъ московскимъ нравамъ XVI столѣтія; не противорѣчитъ онъ также образу жизни и взглядамъ того лица, отъ котораго ведутъ свое начало обѣ редакціи Домостроя, — Сильвестра, Влаговѣщенскаго пола.

Списокъ первый. Находится въ сборникѣ на 170 лл., in 8° (О. XVII, № 39), второй половины XVII вѣка, писанъ отчетливою скорописью. Домострой, подъ названіемъ „Книга гѣманъ домостроу при-
ятныи жибѣ собрание главъ. Ѳ.“, занимаетъ здѣсь листы отъ 82³ до 158 (по прежней нумераціи). Какъ названіемъ, такъ числомъ главъ, ихъ порядкомъ и содержаніемъ онъ похожъ на списокъ, названный Д. П. Голохвастовымъ—Вольшаковскимъ. Оглавленія нѣтъ; предисловія и первой главы — „Наказаніе отъ отца къ снну“, по списку Общества исторіи и древностей, тоже недостаетъ. Первая статья здѣсь, какъ и въ Вольшаковскомъ, — „Како христіаномъ вѣровати во Св. Троицу“... и т. д.

Вторая, третья и четвертая главы совпадаютъ и по содержанію и порядкомъ съ Вольшаковскимъ спискомъ. Глава 5-я — „Како стльскій чинъ почитати“.... Глава 6-я: „Како чтити дѣтемъ отцовъ“...; здѣсь уже перестановка, сравнительно съ спискомъ Вольшакова, гдѣ первая глава занимаетъ 6-е мѣсто, а вторая 5-е. Отъ 7-й до 18-й главы включительно списокъ № 39 совпадаетъ съ рукописью Вольшакова почти буквально, за самыми мелкими разночтеніями въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ. Глава 19-я въ спискѣ № 39 — то же, что въ Домостроѣ Общества статья „Како подобаѣ крестити і покланати“, съ тѣмъ же заглавіемъ и съ тѣмъ же содержаніемъ; глава 20-я—это „Феодоритово“, но съ прибавленіемъ: „О тѣмъ же“, чего нѣтъ въ спискѣ Общества; редакция же самой главы — та же, что и въ Домостроѣ Общества; главы 21-я — совсѣмъ нѣтъ, и послѣ 20-й непосредственно слѣдуетъ глава 22-я съ заглавіемъ: „Аеонасіево и Петра Дамаскина о томъ же“, но вмѣсто ученія о крестномъ знаменіи, какъ мы это видимъ въ спискѣ Общества, подъ этимъ названіемъ помѣщена 14-я статья Домостроя Общества, конечно, безъ ея заглавія: „Како сщѣнникѣ, инокиѣ в дѣмъ свои призывать і молитиса“. Такимъ образомъ, отъ Вольшаковского списка нашъ списокъ отличается отсутствіемъ статьи подъ заглавіемъ „Аеонасіево и Петра Дамаскина“, которая въ спискѣ Вольшакова, повидному, была (см. „Опытъ“ И. С. Некрасова, стр. 89). Последнія главы отъ 23-й до 50-й включительно въ № 39 совпадаютъ съ тѣми же главами Вольшаковскаго списка; въ заключеніе приписано: „Конецъ Домостроу“. Съ 25-й главы по 45-ю включительно слова „государь“ и „государыня“ почти вездѣ замѣнены „господинъ“, „господыни“ („гдѣи“), тогда какъ до 25-й и послѣ 45-й они употребляются. Кромѣ Домостроя, въ сборникѣ помѣщаются и другія статьи: въ началѣ — от-

рывки изъ Пчелы, потомъ идутъ: поученіе о шланствѣ, о злыхъ женахъ и добрыхъ, поученіе отъ отца духовнаго къ православнымъ христіаномъ (въ которомъ—кстати замѣтимъ—по мыслимъ много схожаго съ Домостроемъ), отъ старчества, отрывки изъ Зеркала, Богословія Кирилла Трапезникова, слово Меодія Агарамскаго (sic) о потоцѣхъ и о раздѣленіи языкъ и о послѣднихъ днѣхъ, главы (отъ 28 до 82, съ пропускомъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ срединныхъ главъ) какого-то религіозно-нравственнаго сочиненія,—полагаемъ, такъ-называемаго „Смысла Церковнаго“; повѣсть о видѣніи Козьмы игумена, слово о Андрѣѣ Юродивомъ, какъ онъ видѣлъ богатаго умершаго (безъ начала), повѣсть дивна о дѣвицѣ Иверскаго царя Александра, дщери Динири (sic) царицы (безъ конца), и еще нѣсколько не важныхъ выписокъ и замѣтокъ.

Другой списокъ Домостроя находится въ сборникѣ (Q. XVII, № 180), in 4°, на 192 листахъ, конца XVII и начала XVIII вѣка, писанномъ четкимъ полууставомъ. Въ началѣ, до 85 листа включительно, идетъ Синописисъ, безъ начала (недостаетъ по счету двухъ листовъ); внизу по листамъ подпись: „летописецъ киѣвскон“. Далѣе, на листахъ съ 86 до 173 помѣщенъ Домострой, съ киноварнымъ заглавіемъ и заставкой надъ нимъ изъ цѣлцовъ: „Книга глаголемая Домострой (вязю) имѣетъ в себѣ вещи зѣло полезны. поученіе. и наказаніе. всакомѹ правславномѹ хртіанѣну мѹжѹ и жѣнѣ. и чадомъ. и рабомъ. и рабынамъ. В немъ же имать сказаніе главѣ“; непосредственно за этимъ слѣдуетъ оглавленіе, состоящее изъ 64 главъ, въ порядкѣ Ковшинскаго Домостроя; слова „государь“, „государыня“ здѣсь замѣнены: „господинъ“, „госпожа“, въ противоположность тексту памятника, гдѣ „государь“ и „государыня“ сохраняются; что касается самаго текста Домостроя, то онъ съ 1-й главы и до 62-й, исключая не многихъ варіантовъ, почти буквально совпадаетъ съ Ковшинской редакціей памятника, при чемъ составъ 10-й главы („Како священниковъ и иноковъ въ домъ свой призывати молитися“) подтверждаетъ догадку покойнаго Голохвастова, что по Ковшинскому списку въ этой главѣ не было порядка освященія воды 6-го января и 1-го августа (Временникъ, 1849 г., кн. 1, стр. 11, прим.); она содержитъ, впрочемъ, то, что въ списокѣ Ковшина идетъ съ начала отъ словъ: „А въ которые-либо праздники...“, оканчивая.... „отходить въ дома свои, благодаряще Бога“, и восторыхъ, непосредственно за этимъ то, что идетъ въ Ковшинской редакціи отъ словъ: „А подати кому асти или пити.....“ до конца:.... „посмѣявъ и обещестенъ часть солхъ, отд. 2.

отъ Бога и отъ челоѣкъ". Глава 62-я, сравнительно съ Коншинской редакціей, сильно сокращена и оканчивается словами: „А кто живеть въ расплатѣ и управѣ и всякихъ податей за собою не имѣеть (въ К: не клачиваеть) и долгу на себѣ безлѣичново“; послѣ слова „безлѣичново“ въ рукописи оставлена половинна бѣдой строки, а съ другой половиною и до конца главы добавлено, внѣ связи съ предидущимъ, „оумѣеть ино оумѣеть и дѣтон и слугъ всемѣ выучить и наражать и наказавъ во всемѣ“. Глава 63-я (безъ заглавія въ текстѣ) въ № 180 представляетъ отрывокъ изъ 64-й главы Коншинскаго списка и идетъ отъ словъ: „(А) сама бы хмельново пятаю отнюдь не любила и дѣти и слуги у ней того не любили же.....“ до словъ: „тебѣ о нихъ отвѣтъ въ день страшнаго суда“, которыми и оканчивается 63-я статья описываемаго списка (см. Временникъ, 1849 г., кн. I, стр. 107). Глава 64-я (тоже безъ заглавія въ текстѣ) также особаго состава: сначала идетъ то, что въ 64-й главѣ Коншина помѣщено отъ словъ: „Аще по нашему наказанію и по саму писанію оучите жити (непосредственное продолженіе конца предыдущей главы), велию благодать“... и до словъ: „не укаривалъ никого, ни брани не водитъ“ (им. „не бранивалъ ни съ кѣмъ“, какъ въ Коншинскомъ спискѣ) включительно, а непосредственно за этимъ идетъ вторая половина 62-й главы Коншинскаго списка отъ словъ: „и тотъ челоѣкъ всегда безъ работы живеть и свободенъ и при животѣ“... и т. д. до конца главы Коншинскаго Домостроя. Далѣе въ № 180 идетъ 65-я глава съ заглавіемъ: „Указъ ключнику, какъ держать на погребѣ всякою запасъ просолной и въ бочкахъ и въ кадехъ и въ мѣрникахъ и во чянехъ“ и т. д., то-есть, 63-я статья Коншинскаго Домостроя. За 65-й главой въ рукописи № 180 помѣщено „Посланиѣ и наказаніе ѿ ѿца къ сиѣ“, внѣ счета и нумераціи. Сравнительно съ спискомъ Коншина, это посланіе здѣсь, конечно, сокращено (части его, мы видѣли, вошли въ предидущія двѣ главы № 180) и состоитъ изъ начала 64-й главы Коншинскаго списка до словъ: „и всякое бы женское рукодѣіе знала и коли все“ (см. Временникъ, 1849 г., кн. I, стр. 104—107) включительно, за которыми, съ пропускомъ двухъ чистыхъ строкъ листа, непосредственно слѣдуетъ: „отъ кого обида и мы ба ради терпѣли, на себя вину налагали (см. *ibid.*, стр. 108) и т. д., и продолжаясь до словъ: „и в темниці и бола и плененна. и изъ работы и должна и во всякѣ нужѣ по силе шкуи. и гладна“; за этими словами идетъ $\frac{1}{2}$ строки чистой, а затѣмъ то, что въ 64-й главѣ Коншинскаго Домостроя находится отъ словъ: „ученія сохра-

ниши и по нашему пути пойдешн^а и т. д. (см. стр. 113 изданія) до: „къ подъячимъ и къ мастеромъ и къ сторожемъ грозенъ“, включительно; выраженіемъ „къ сторожемъ грозенъ“ и оканчивается 65-я глава Домостроя подъ № 180, а съ нею и весь памятникъ. Такимъ образомъ съ 62-я главы ркп. № 180 расходится съ Коншинскимъ Домостроемъ. Трудно, конечно, объяснить эти перестановки, сравнительно съ спискомъ Коншина, но сказать, что онѣ не случайны, не ошибки писца, мы имѣемъ право: воть уже второй списокъ, гдѣ глава Сильвестра расчленяется и входитъ въ самый Домострой (первый списокъ такого же рода принадлежитъ библиотекѣ Новороссійскаго университета: см. „Опытъ“ и т. д., стр. 96—97).

Кромѣ Домостроя и Синописа, въ рукописи № 180 находятся еще слѣдующія статьи: „какѡ приходила южская царица къ царю Соломону о исповѣданіи мудрости“ (л. 173), повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ (л. 176) и Сказаніе истолкованія, что есть Софія Премудрость Божія (безъ конца); въ послѣднихъ строкахъ говорится: „благословенно царство московское великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ“; царевна Софья названа государыней.

А. Михайловъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

ОРГАНИЗАЦІЯ ПРЯМОГО ОБЛОЖЕНІЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ СО ВРЕМЕНЪ СМЪТЪ ДО ЭПОХИ ПРОВОЗГЛАСЕНІЯ. Исслѣдованіе А. Лопко-Данилевскаго. С.-Пб. 1890г.

Этотъ обширный и любопытный трудъ довольно рѣзко отличается отъ предшествующихъ работъ по исторіи русскихъ финансовъ (гр. Гагемейстера, гр. Толстого, Вѣялева, Кури, Осокина и др.) — прежде всего широтой поставленной темы. Заглавіе книги едва-ли даже можетъ дать понятіе о всей совокупности вопросовъ, поставленныхъ и подробно разсмотрѣнныхъ авторомъ. Онъ не ограничивается разборомъ темъ о происхожденіи и видахъ прямыхъ налоговъ, порядкѣ обложенія, раскладки и вниманія ихъ, но въ двухъ особыхъ главахъ даетъ еще обзоръ общественныхъ условій, на почвѣ которыхъ возникла упомянутая организація прямого обложенія, отмѣчаетъ, какъ эта организація въ свою очередь повліяла на соотношеніе общественныхъ классовъ, и, наконецъ, предлагаетъ очеркъ исторіи финансовыхъ приказовъ при разсмотрѣніи вопроса, куда поступали прямые налоги и какъ они распредѣлялись по центральнымъ учрежденіямъ.

Вторая особенность разсматриваемаго труда, выгодно отличающая его отъ предшествующихъ, состоитъ въ обиліи документальнаго матеріала, какимъ располагалъ авторъ. Онъ не только воспользовался всѣми за послѣдніе годы изданными источниками, но привлекъ еще значительное количество матеріала, разбросаннаго по многочисленнымъ малодоступнымъ провинціальнымъ изданіямъ, — губернскимъ вѣдомостямъ, памятнымъ книжкамъ, ежегодникамъ статистическихъ комитетовъ, — благодаря чему въ научный оборотъ попало нѣсколько весьма важныхъ фактовъ (для примѣра можно указать данныя о ко-

личествъ описанныхъ въ посадское тягло дворовъ и людей въ первые три года послѣ изданія Уложенія, стр. 171, прим. 2). Наконецъ, особенно важное значеніе имѣетъ архивный матеріалъ, на основаніи котораго авторъ не только имѣлъ возможность подтвердить свои частные выводы и отмѣтить нѣкоторые интересные факты (см. напримѣръ, замѣчанія автора объ указной книгѣ Ямскаго приказа, стр. 374, прим. 1); но почти исключительно на этомъ матеріалѣ онъ построилъ цѣлыя отдѣлы своего изслѣдованія, а именно отдѣлы I-й главы II-й, а также нѣкоторыя подробности въ отдѣлѣ о мірской раскладкѣ. Нельзя лишь не пожалѣть, что авторъ такъ скрупулезно дѣлится съ читателемъ подлинными цитатами изъ этихъ недоступныхъ для большинства архивныхъ матеріаловъ.

Авторъ ограничиваетъ свое изслѣдованіе XVII вѣкомъ, мотивируя это тѣмъ, что изученіе русской исторіи должно дать цѣнныя результаты „въ томъ случаѣ, когда направлено будетъ на періоды наиболѣе рѣзкаго развитія специфическихъ особенностей изучаемаго государственнаго типа“. Въ XVII же вѣкѣ черты государственнаго строя представляютъ уже опредѣленные и устойчивыя взаимоотношенія, которые, по мнѣнію автора, регулируются по преимуществу правительственной дѣятельностью. Вотъ почему правительственная исторія должна стоять на первомъ планѣ при изученіи XVII вѣка, а въ частности финансовая и военная организаціи. Если вообще автору и можно возразить, что изученіе переходныхъ эпохъ можетъ дать не меньше, а иной разъ даже и больше характерныхъ чертъ изучаемаго государственнаго или общественнаго типа, то въ частности едва-ли можно спорить противъ выдѣленія XVII вѣка для спеціальнаго изслѣдованія о финансовой организаціи въ Московскомъ государствѣ. Всякое историческое изслѣдованіе должно имѣть свои границы, хотя онѣ всегда будутъ искусственными. Умѣнье поставить эти границы даетъ въ результатѣ лишь меньшее количество невыгодъ, всегда неизбежныхъ при искусственномъ дробленіи историческаго развитія. Поэтому, хотя можно привести довольно много соображеній за выдѣленіе XVII вѣка при изученіи экономическаго развитія, а также финансовой организаціи Московскаго государства, но и при этомъ нѣтъ возможности избѣжать указанныхъ неудобствъ. Не избѣжалъ ихъ и авторъ, невыгоды котораго усугублялись еще съ той стороны что онъ не имѣлъ передъ собою такой детальной разработки предшествующихъ эпохъ, какую онъ далъ для XVII вѣка. Народно-хозяйственная жизнь и финансовая организація въ XVI вѣкѣ еще ждутъ

ислѣдователей, которымъ ислѣдованіе А. С. Лапко-Даниловскаго окажетъ не мало значительныхъ услугъ.

Все это обширное ислѣдованіе дѣлится на пять главъ и обширное „введеніе“. Въ этомъ введеніи разсматриваются вопросы о происхожденіи и развитіи прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ до XVII вѣка (стр. 1 — 18), о попыткахъ упрощенія системы прямыхъ налоговъ до конца XVII вѣка (стр. 18—30) и о терминологіи и классификаціи прямыхъ налоговъ (30—44). Въ первой главѣ (44—179) разсматриваются податные классы по двумъ отдѣламъ: въ первомъ идетъ рѣчь о распредѣленіи податнаго бремени между отдѣльными классами населенія, во второмъ же подробно разбираются классы тяглаго населенія и ихъ взаимоотношеніе, а именно: 1) крестьянская община, 2) посадская община, 3) вліяніе правительства на составъ тяглой общины и 4) борьба тяглыхъ интересовъ городского (точнѣе посадскаго) и сельскаго населеній. Вторая глава посвящена вопросу о раскладѣ податей. Здѣсь, въ отдѣлѣ первомъ, излагаются вопросы о правительственномъ окладѣ и способахъ его составленія, а именно о народныхъ переписяхъ (179—219), объ измѣреніи податныхъ объектовъ податною единицей (219—262) и, наконецъ, о составленіи окладныхъ росписей и смѣтныхъ списковъ (262—282). Во второмъ отдѣлѣ разбирается мірская раскладка (282—318), то-есть, разводъ и разрубъ податей въ уѣздѣ и на посадѣ. Вниманіе податей составляетъ тему главы третьей (318—362), гдѣ особо разбираются: 1) дѣятельность органовъ мѣстнаго самоуправленія и 2) областной администраціи. Въ четвертой главѣ, озаглавленной — „особенности въ отправленіи въ которыхъ податныхъ обязанностей“, идетъ рѣчь о главнѣйшихъ видахъ какъ личныхъ повинностей (362—402), такъ и натуральныхъ сборовъ (402 — 442). Наконецъ, въ пятой главѣ разсмотрѣнъ порядокъ въ распредѣленіи поступленийъ по центральнымъ учрежденіямъ (442 — 501). Ислѣдованіе заканчивается небольшимъ заключеніемъ, въ которомъ дается общая характеристика и опредѣляется значеніе разсмотрѣнной организаціи прямаго обложенія. Книга снабжена одиннадцатью приложеніями; между ними особенно любопытны: III—о населенности крестьянскаго и посадскаго двора; V — о податныхъ единицахъ, служившихъ въ XVII вѣкѣ для измѣренія недвижимыхъ имуществъ; VIII — о живущей четверти и четвертному счетѣ; IX—о гостинномъ окладѣ стрѣлцкой подати 1681 г., и XI—представляющее списокъ городовъ, вѣдаемыхъ въ главнѣйшихъ центральныхъ учрежденіяхъ Московскаго государства.

Не всѣ отдѣльныя части труда являются въ одинаковой мѣрѣ оригинальными. Первое мѣсто по новизнѣ матеріаловъ и выводовъ занимаетъ безспорно глава вторая, являющаяся самой обширной. И въ прочихъ отдѣлахъ читатель найдетъ много новыхъ фактовъ, познакомится съ подробностями правительственныхъ и общественныхъ порядковъ, хотя и описанныхъ раньше, но еще не обследованныхъ такъ всесторонне, какъ это сдѣлано авторомъ. По многимъ, однако, затронутымъ вопросамъ онъ имѣлъ весьма почтенныхъ предшественниковъ. Если съ одной стороны труды Б. Н. Чичерина, В. И. Сергѣевича, В. О. Ключевского доставили автору возможность такъ подробно разобрать положеніе и взаимныя отношенія податныхъ классовъ, то съ другой стороны и труды по исторіи мѣстнаго управленія того же Б. Н. Чичерина, Градовскаго, Калачева и др. помогли автору не только нарисовать картины мѣстнаго финансоваго управленія, но и представить организацію центральныхъ финансовыхъ учреждений. Такъ, вопросъ о финансовомъ значеніи четьей или областныхъ приказовъ уже былъ значительно выясненъ Градовскимъ, который первый, кажется, далъ и списокъ городовъ, вѣдаемыхъ въ разныхъ четьяхъ. Дѣятельность органовъ приказнаго управленія и земскаго самоуправленія въ сферѣ финансовой была уже обрисована въ диссертацияхъ двухъ первыхъ изъ только-что указанныхъ ученыхъ, а исторіи прямыхъ податей и личныхъ повинностей не разъ касались какъ названные авторы сочиненій по исторіи русскихъ финансовъ, такъ и только-что упомянутые писатели по исторіи мѣстнаго управленія. Но по всѣмъ этимъ вопросамъ авторъ разбираемаго изслѣдованія вовсе не ограничился простымъ сведомъ добытыхъ выводовъ; онъ очень часто дополняетъ эти выводы, даетъ новое освѣщеніе фактамъ, освѣжаетъ выводы новымъ матеріаломъ и иногда существенно ихъ исправляетъ.

Вышеуказанная система распредѣленія матеріала въ общемъ представляется совершенно естественной. Впрочемъ, для читателя, быть можетъ, было бы удобнѣе сначала ознакомиться съ различными видами податей и повинностей, а затѣмъ уже оцѣнить мѣры правительства относительно упрощенія системы прямыхъ сборовъ. Между тѣмъ о главнѣйшихъ видахъ личныхъ повинностей и натуральныхъ сборовъ читатель подробно узнаетъ лишь изъ четвертой главы, выдѣленіе которой тѣмъ менѣе понятно, что, за исключеніемъ ясачнаго сбора, въ отправленіи личныхъ повинностей и натуральныхъ сборовъ, здѣсь разсмотрѣнныхъ, замѣчаются весьма не существенныя особенности,

кромѣ развѣ того, что для личныхъ повинностей, пока онѣ не заимѣвались денежными сборами, вмѣсто порядка вниманія существовагъ порядокоъ отбыванія. Къ тому же у читателя могутъ возникнуть недоумѣнія относительно того, почему описанный во II и III главѣ порядокоъ раскладки и вниманія можетъ считаться общимъ, между тѣмъ какъ онъ примѣнялся лишь къ менѣе значительнымъ сборамъ, ибо въ IV главѣ перечислены самыя крупныя и тяжелыя для населенія сборы и повинности, при отбываніи которыхъ существовали нѣкоторыя особенности. Правда, въ первомъ отдѣлѣ введенія авторъ даетъ очеркъ возникновенія и развитія главнѣйшихъ видовъ податей и повинностей до XVII вѣка, но не предлагаетъ даже простаго перечня всѣхъ ихъ видовъ, существовавшихъ въ XVII вѣкѣ. Историческій же очеркъ въ иныхъ случаяхъ могъ бы быть пополненъ, а иногда и исправленъ. Такъ, относительно полонянничимъ денегъ слѣдуетъ замѣтить, что о выкупѣ плѣнныхъ русскими князьями упоминается впервые не въ договорной грамотѣ великаго князя Семена съ братьями 1341 г., а столѣтіемъ раньше. Въ лѣтописи подъ 1246 годомъ замѣчено, что великій князь Александръ „много золота и сребра издава на плѣнникѣхъ, искупаа отъ безбожннхъ татаръ“ (П. С. Р. Л., V, 186). Правильныя же сборы полонянничныхъ денегъ возникли именно въ половинѣ XVI вѣка, и это не только „вѣроятно“, какъ думаетъ авторъ, но совершенно достоверно, такъ какъ на Стоглавомъ соборѣ постановлено: „сколько годовъ того плѣннаго окуну изъ царевой казны разойдется, и то раскинути на сохи по всей земли, чей кто ни буди, всѣмъ ровно“ (Стоглавъ, изд. Каз. Дух. Ак., стр. 333—334).

Мы не нашли у автора никакихъ опредѣленныхъ указаній на то, когда и въ какой формѣ возникъ сборъ на жалованье стрѣльцкому войску. Принятое авторомъ предположеніе В. И. Сергѣевича о первоначальномъ составѣ этого войска и ссылка на то, что еще въ началѣ XVII вѣка оно получало кормъ изъ дворца отъ дворецкаго, отнюдь не рѣшаютъ дѣла, ибо это кормовое жалованье, конечно, получалось только московскими стрѣльцами приказами. Между тѣмъ исторія одного изъ главнѣйшихъ въ XVII вѣкѣ сборовъ должна бы найти мѣсто въ изслѣдованіи автора тѣмъ болѣе, что этотъ сборъ играетъ такую видную роль въ исторіи попытокъ податнаго объединенія. И мы вовсе не вынесли, какъ авторъ, того убѣжденія, что „эта попытка едва ли не кончилась такъ-же неудачно“, какъ и соляная реформа. Приводимыя авторомъ факты указываютъ лишь на то, что новый овладѣ стрѣлцкой подати былъ уменьшенъ, но въ пре-

образованномъ видѣ она все же просуществовала до Петровскихъ реформъ (стр. 28—30).

Подробнѣе останавливается авторъ на вопросѣ о возникновеніи оброка, его видахъ и отношеніи къ данн и тяглу ¹⁾. Къ сожалѣнію, объ этомъ говорится въ трехъ мѣстахъ введенія (стр. 2, 18—23, 35—40), такъ что читатель не сразу получаетъ цѣльное понятіе о мнѣніяхъ автора по этому предмету. Если мы вѣрно усвоили соображенія автора, то, по его мнѣнію, исторія возникновенія государственнаго оброка съ такъ-называемыхъ позднѣе оброчныхъ статей и оброка за дань шла однимъ и тѣмъ же путемъ: оброкъ, замѣняющій разные виды дани, выросъ, какъ льгота, на почвѣ частно-хозяйственнаго оброка, замѣнявшаго въ иныхъ случаяхъ болѣе тягостное по размѣрамъ тягло съемщиковъ черныхъ и посадскихъ земель. Но такое объясненіе едва ли можетъ быть принято. Оброкъ за дань, какъ и оброкъ за „намѣстничъ кормъ“, являются совершенно особыми видами оброка, не имѣющими связи съ частно-хозяйственнымъ оброкомъ и оброкомъ съ различныхъ хозяйственныхъ угодій и промысловъ,—и, быть можетъ, болѣе справедливо мнѣніе изслѣдователей, полагающихъ, что уже въ древнее время оброкомъ называлась регулированная дань. Въ такомъ смыслѣ оброкъ не можетъ быть противопологаемъ тяглу: онъ является или его составной частью, или замѣняетъ собою всѣ составныя части тягла; отсюда и терминъ—„оброчное тягло“.

Интересно составленная первая глава о податныхъ классахъ называется, однако, нѣсколько частныхъ замѣчаній. Такъ, едва ли не рискованнымъ является утверженіе автора, будто „было время, когда половники не считались членами крестьянской тяглоѣ общины, такъ какъ повидимому не тянули тягла“ (стр. 104). Такое утверженіе представляется мало вѣроятнымъ уже a priori, въ виду широкой распространенности этой формы поземельныхъ отношеній въ нѣкоторыхъ районахъ древней Руси, гдѣ при освобожденіи половниковъ отъ тягла большая часть земледѣльческаго населенія оказалась бы не тяглоѣ. Въ подтвержденіе своей мысли авторъ приводитъ условія

¹⁾ Кстати слѣдуетъ исправить одинъ недосмотръ автора относительно татарской дани: известное условіе о томъ, что если Богъ переименуетъ Орду, то дань идетъ въ казну договаривающихся сторонъ,—встрѣчается впервые не при Василии Дмитріевичѣ, а еще при Дмитріи Донскомъ, въ договорѣ его съ Владиміромъ Андреевичемъ 1388 года, и повторяется въ его запискамъ. С. Г. Г. и Д. I, стр. 56 и 61.

одной порядной конца XVI вѣка, въ которой сказано, что „дань и оброкъ и всякіе государевы разметы ватаманскіе“ землевладѣлецъ платитъ „мимо половника“. Допустимъ, что фактъ истолкованъ вѣрно (мы лишены возможности его провѣрить, такъ какъ акты, откуда онъ почерпнутъ, еще не вышли въ свѣтъ). Но что же значитъ одинъ фактъ при изслѣдованіи общественныхъ отношеній? И этому факту можно противопоставить два другихъ. Въ новгородской грамотѣ великому князю Василию Васильевичу на черныи боръ эта дань опредѣлена въ размѣрахъ „съ сохи по гривнѣ по новой“ по всѣмъ новоторжскимъ волостямъ. Здѣсь при опредѣленіи размѣровъ сохи между прочимъ сказано: „а кто сидитъ на исполовьи, на томъ взяти за полсохи“. Другой примѣръ: въ жалованной грамотѣ тверскихъ князей Отрочю монастырю объ освобожденіи монастырскихъ сиротъ отъ княжескихъ даней и пошлинъ между прочимъ сказано: „придетъ къ намъ коля изъ Орды посолъ силенъ, а не мочно будетъ его оправадити, ино тогда архимандритъ съ тѣхъ сиротъ пособитъ въ ту тяготу, съ половника дастъ по десятку тверскими кунами“ (А. А. Э. I, МѢ 32 и 34). Отсюда совершенно очевидно, что лишь по жалованной грамотѣ сироты и половники освобождаются отъ тягла; въ обычномъ порядкѣ они—тяглые люди. Такъ было въ половинѣ XV вѣка и то же констатируетъ А. С. Лаппо-Данилевскій и для XVII вѣка, когда половники тянуть тягло, платятъ „по писцовымъ книгамъ всякіе платежи и четвертные доходы и службы служатъ“ (стр. 105). Нѣтъ сомнѣній, что аналогичные факты найдутся и для XVI вѣка. Но автора смутяли условія порядной, и онъ, вопреки обычной своей осторожности, даже предлагаетъ гипотезу превращенія половниковъ изъ разряда нетяглыхъ въ тяглецовъ. Нечего говорить, что такая гипотеза во меньшей мѣрѣ преждевременна.

Второе недоумѣніе можетъ вызвать не точно, быть можетъ, формулированное различіе между членами крестьянской общины: крестьянами въ узкомъ смыслѣ и бобылами. Различіе это, заключающееся въ размѣрахъ и характерѣ хозяйства, авторъ сводитъ къ двумъ признакамъ: 1) бобыли имѣли обыкновенно недостаточное количество земли или вовсе ея не имѣли, крестьяне же всегда владѣли пашенными участками; 2) бобыли нерѣдко занимались черною работою и мелкими промыслами, крестьяне же, если и занимались промыслами и торговлей, то скорѣе отъ избытка, чѣмъ отъ недостатка средствъ (стр. 101). На сколько безспорнымъ является первый признакъ различія, на столько сомнительнымъ и, можно прямо сказать, не вѣрнымъ

оказывается второй. Крестьяне, занимающиеся промыслами и торговлей лишь от избытка средств, составляли рѣдкое исключеніе какъ въ то отдаленное время, такъ и въ наши дни. Въ громаднѣмъ же большинствѣ случаевъ занятіе промысломъ въ крестьянскомъ быту служить и теперь важнымъ подспорьемъ земледѣльческому хозяйству. То же самое явленіе, но только, быть можетъ, еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ, наблюдается со временъ заселенія центральной Руси южнорусскими колонизаторами. Вотъ какъ рисуетъ ихъ бытъ В. О. Ключевскій: „Пришлое населеніе, занимавшее эти полосы, было земледѣльческое, но въ каждой изъ нихъ была какая-нибудь мѣстная природная особенность, открывалось какое-нибудь удобье, разработка котораго, служа подспорьемъ къ скудному хлѣбопашеству на верхневолжскомъ суглинкѣ, становилась основаніемъ экономическаго быта всего географическаго округа, сообщала ему особый промышленный типъ. Такъ возникали разнообразныя мѣстные промыслы бортниковъ, огородниковъ, садовниковъ, рыболововъ, звѣрогоновъ, лыкодеровъ и т. п. Эти промыслы издавна составляли характеристическую особенность центральной Великороссіи и только съ недавняго времени стали падать подъ давленіемъ фабричной централизаціи промышленности“¹⁾).

Самая цѣнная въ изслѣдованіи вторая глава рельефнѣе отражаетъ на себѣ и невыгоды положенія автора, которому приходилось оперировать надъ матеріаломъ XVII вѣка, не имѣя подготовленной почвы въ изслѣдованіяхъ о предшествующихъ эпохахъ. Хотя онъ и даетъ нѣсколько историческихъ замѣчаній о развитіи и цѣлхъ переписей въ древней Руси, но онъ не могъ, конечно, прослѣдить подробностей въ постановкѣ и размѣненіяхъ поземельнаго кадастра и народосчисленія до XVII вѣка. Едва ли даже авторъ имѣлъ достаточныя данныя для предположенія, что московскія переписи сложились самостоятельно на русской почвѣ. То обстоятельство, что эти переписи „принадлежатъ слишкомъ позднему времени“, еще не даетъ никакихъ основаній къ выводу, будто нельзя „приписать ихъ непосредственному влиянію Византии“ (стр. 180). Интенсивность византийскихъ влияній вовсе не ослабѣла къ XVI вѣку, а даже, наоборотъ скорѣе усилилась съ половины XV вѣка. Первыя же достовѣрныя свѣдѣнія о московскихъ переписяхъ восходятъ ко второй половинѣ XIV вѣка. По какимъ же соображеніямъ авторъ, повидимому, скло-

¹⁾ Вопрская дума, изд. 2-е, стр. 88.

ненъ отрицать возможность непосредственныхъ византийскихъ влияній въ этой сферѣ? Впрочемъ, въ примѣчаніи къ указанному мѣсту онъ значительно смягчаетъ категоричность своего положенія: „византийскіе порядки (говорится здѣсь) могли, конечно, имѣть влияние; но опредѣлить размѣры такого влияния крайне трудно, такъ какъ нельзя же сходство непременно объяснять заимствованіемъ“. Но при допущеніи такого рода возможности едва-ли было бы послѣдовательно защищать предположеніе о самостоятельномъ возникновеніи и развитіи московскихъ переписей.

Въ подробности этого дѣла XVI вѣка привнесъ, конечно, не мало новшествъ и, вѣроятно, тутъ только были регулированы многія детали описей, такъ что можно было даже составить общій наказъ для писцовъ. Онъ былъ выработанъ, повидимому, на Стоглавомъ соборѣ, на что намекаетъ одно изъ постановленій, не вошедшихъ въ Стоглавъ. Царь приговорилъ „писцовъ послати во всю свою землю писати и смѣтити... земли всякіе, чѣмъ ни буди, а мѣрѣти пашенная земля и не пашенная, и луги, и лѣсъ, и всякія угодыя смѣчати и писати, рѣки, и оврага, и пруды, и оброчные ловли, и колы, и сѣжи, и борти, и перевѣсы, и мыта, и мосты, и перевозы, и рядки, и торговнища, и погостыцкая земля и церковная, и дворы, и огороды, и въ книгахъ то все поставити“¹⁾. Отсюда вскрывается и значеніе первыхъ извѣстныхъ писцовыхъ наказовъ 1551 года, о которыхъ вслѣдъ за Невольнымъ упоминаетъ и А. С. Лаппо-Давилевскій.

Прекрасно уяснивъ значеніе писцовыхъ наказовъ и на ряду съ ними сошныхъ книгъ, авторъ даетъ и тонкое различіе между видами писцовыхъ книгъ въ XVII вѣкѣ. Но читатель не найдетъ здѣсь отвѣта на вопросъ, возникло ли это различіе только въ XVII вѣкѣ и видоизмѣнились ли приемы описаній съ XVI вѣка. Не имѣя въ рукахъ подготовленнаго матеріала, авторъ и не могъ дать отвѣта на этотъ вопросъ. Упрекать его за это было бы не справедливо.

Скорѣе можно его упрекнуть за то, что онъ иногда рѣшается дѣлать обобщенія за предшествующее время, едва-ли имѣя къ тому достаточныя данныя. Такъ, въ вопросѣ о соотношеніи податныхъ единицъ автору пришлось коснуться различія между сохой и вытью. Между тѣмъ въ XVII вѣкѣ это различіе, какъ показавъ авторъ, сглаждалось: выть, какъ окладная единица, является соизмѣримою съ сохой. Авторъ думаетъ, однако, что этимъ было измѣнено первона-

¹⁾ Н. Ждановъ, Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора, *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1876 г., Іюль, стр. 64.

чальное значеніе выти. Въ чемъ же оно заключалось? Объясненіе этого значенія для XVI вѣка авторъ цѣликомъ заимствуетъ у Вѣльева, приводя длинную выписку изъ его статьи о доходахъ Московскаго государства ¹⁾. Но какъ объясненія Вѣльева, такъ и толкованія на него автора едва ли удовлетворятъ читателей — прежде всего вслѣдствіе неудобопонятности (стр. 228—229): мы, наиримѣръ, совершенно отказываемся понять, какимъ образомъ при вытномъ письмѣ сливались субъектъ и объектъ налога и въ то-же время податной источникъ въ значительной мѣрѣ совпадалъ съ основой измѣренія оклада, какъ не понимаемъ и того, какимъ образомъ живущая четверть сливалась податной источникъ съ податной единицей (стр. 256), приближаясь, слѣдовательно, по своему окладному значенію къ выти XVI вѣка. Но возникновеніе особой финансовой единицы—„живущей четверти“—наряду съ сохой разъяснено авторомъ совершенно удовлетворительно (стр. 242—245). Но вачѣмъ могъ понадобиться въ XVI вѣкѣ счетъ одной и той-же земли сохами и вытия одновременно, если обѣ эти единицы имѣли только окладное значеніе,—представляется совершенно не понятнымъ. Это не ясно и автору, который замѣчаетъ, что совмѣстный счетъ одной и той-же земли тѣмъ и другимъ способомъ въ однихъ и тѣхъ же правительственныхъ актахъ показывается, какъ шатко поставленъ былъ вопросъ о самыхъ основныхъ принципахъ податной системы въ XVI вѣкѣ. Но, быть можетъ, вина за постановку вопроса должна пасть не на Московское правительство, а на автора, который безъ достаточныхъ основаній приписалъ выти главнымъ образомъ окладное значеніе, тогда какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, первоначальное значеніе выти было раскладочное. По крайней мѣрѣ еще въ XVII вѣкѣ, какъ утверждаетъ авторъ, „обычай продолжалъ придавать выти характеръ скорѣе раскладочной единицы, которая правительствомъ превращена была въ окладную“ (стр. 230). На этой почвѣ и слѣдуетъ, кажется, разъяснять значеніе выти въ XVI вѣкѣ.

Заванчивая на этомъ наши замѣчанія, мы отнюдь не исчерпали ихъ и думаемъ, что изслѣдованіе А. С. Лаппо-Данилевскаго, какъ и всякая обширная работа надъ мелкимъ фактическимъ матеріаломъ, можетъ вызвать не мало замѣчаній и возраженій еще и другаго рода,

¹⁾ Здѣсь хотѣли замѣтить, что большая часть этой по оконченной печатаніемъ статьи является дословной перепечаткой другой статьи *Въмълечи* „О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ“. Сравни. *Временникъ*, кн. XI, стр. 1—73, и *Чтенія Общ. Ист. и Древн.* 1864 г., кн. IV, и 1885 г., кн. I и II, стр. 47—115.

которыя тѣмъ не менѣе не могутъ умалить общее значеніе этого капитальнаго труда.

Въ заключеніе, однако, позволимъ себѣ попенять автору за невыдержанность въ нѣкихъ случаяхъ исторической терминологіи. Онъ, напримѣръ, говоритъ о „задворныхъ“ холопахъ чуть не съ XII вѣка, тогда какъ до XVII вѣка можно говорить лишь о холопахъ страдникахъ и ремесленникахъ, населяющихъ людскія деревни, а отнюдь не о задворныхъ холопахъ (стр. 1—3, 12). Не вѣрно употреблено и выраженіе „отбыть тягла“ въ смыслѣ уклоненія отъ него (стр. 55); отбыть тягло значить его выполнить, а уклоненіе отъ тягла выражается терминомъ „избыть тягла“. Правильно авторъ замѣтилъ о кабальномъ холопствѣ, что „оно не переносилось ни съ той, ни съ другой стороны на третьихъ лицъ“; поэтому оно и не могло „раздѣляться“ родившимися изъ холопствѣ дѣтьми холопа, но возникало по отношенію къ нимъ самостоятельно, ибо они становились холопами „не въ силу наслѣдственности холопства, а въ силу давности безкабальной службы, которая обязательно закрѣплялась особой кабалой“ (стр. 146). Два раза авторъ утверждаетъ, что бѣглецы крестьяне наказывались „по принципу групповой отвѣтственности“ (стр. 142 и 161) и совершенно напрасно, такъ какъ ему очень хорошо извѣстно, что недавняя попытка опредѣлить юридическую природу и историческое значеніе групповой отвѣтственности едва-ли имѣла успѣхъ. Примѣненіе наказанія къ бѣглымъ тяглецамъ служитъ только новымъ подтвержденіемъ тому, что древняя Русь не знала групповой отвѣтственности.

М. Дальневостъ.

Греко-болгарскій церковный вопросъ.

И. Е. Троммбѣ. Церковная сторона болгарскаго вопроса. С.-Пб. 1888.

Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ. Историческое изслѣдованіе *В. Тельога.* Императорскою Академіею Наукъ удостоено Уваровскаго почетнаго отава. С.-Пб. 1889.

Греко-болгарскій церковный вопросъ. Отвѣтъ *М. Филиппову.* *А. Шопова.* С.-Пб. 1889.

Новѣйшій греко-болгарскій церковный вопросъ, по своему происхожденію, конечно, имѣетъ аналогія и корни въ прошедшемъ, а съ другой стороны, онъ развивался подъ дѣйствіемъ политическихъ причинъ.

Но никакъ нельзя утверждать, что онъ и возникъ только вслѣдствіе этихъ причинъ или подъ исключительнымъ вліяніемъ старыхъ воспоминаній, наслѣдованныхъ отъ прошлаго. Онъ возникъ вслѣдствіе духовно-нравственныхъ потребностей народа и уже въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи сталъ на политическую почву. Существованіе этихъ потребностей заявлено было неоднократно, между прочимъ, въ слѣдующихъ выразительныхъ и нѣсколько рѣзкихъ словахъ болгарина: „Въ послѣднее время, когда турки стали ослабѣвать, правительство ихъ съ большею силою, нежели прежде, старается имѣть въ высшемъ православномъ духовенствѣ опору себѣ для удержанія христіанъ въ рабской покорности. Поэтому архіерейскія каѳедры оно часто продаетъ, безъ согласія народа, и, къ несчастію, такимъ людямъ, которые своимъ поведеніемъ унижаютъ духовный санъ, нисколько не пекутся о поддержаніи православія, а стараются добраться до высшихъ духовныхъ степеней только для того, чтобы, подобно туркамъ, обирать народъ. Такие люди, чуждые народу и по языку и по народности, безъ сочувствія къ нуждамъ нашимъ, приходятъ къ намъ не съ душевнымъ утѣшеніемъ въ горестяхъ нашихъ, но для того, чтобы умножить страданія наши. Они, какъ турецкіе солидаты, слѣдуютъ за всѣми нашими дѣйствіями и ищутъ предлога, чтобы придаться къ намъ и выручить что-нибудь для себя, или выдаютъ насъ туркамъ безвинно, чтобы показаться въ глазахъ ихъ вѣрными и услужливыми. Нѣкоторые изъ нихъ своими кознями выводятъ народъ изъ терпѣнія" ¹⁾. Между тѣмъ „мы лишены всякаго образованія, и пребываемъ во тьмѣ духовной; въ городахъ и селахъ нашихъ нѣтъ никакихъ общественныхъ заведеній, и каждый долженъ бороться съ неудобствами, какъ знаетъ, не ожидая вниоткуда ни пособія, ни облегченія" ²⁾. Эти причины слишкомъ важны, и нельзя обвинять безусловно болгаръ за ихъ отношенія къ константинопольской патриархіи и вообще къ фанаріотамъ въ церковномъ вопросѣ, извѣстномъ подъ названіемъ греко-болгарскаго. Болгары, желая предохранить себя отъ тѣхъ злоупотребленій въ церковной администраціи, какія допускало греко-фанаріотское духовенство, потребовали, чтобы ихъ духовные были свои болгары, которые бы совершали службу Божию и учили ихъ на своемъ родномъ языкѣ. Эти требованія, слѣдо-

¹⁾ Письма изъ Болгаріи, писанныя Н. Г. Переводъ съ болгарскаго. Одесса. 1854, стр. 44.

²⁾ Тамъ-же, стр. 45.

вательно, явились не вслѣдствіе историческихъ припоминаній, но какъ необходимость, вытекающая изъ дѣйствительныхъ нуждъ народа болгарскаго. Историческія припоминанія явились впоследствии, при обсужденіи вопроса; причемъ оказалось, что этотъ вопросъ—явленіе довольно давнишнее, что это есть продолженіе борьбы между греками и болгарами, начавшейся со времени появленія послѣднихъ на Балканскомъ полуостровѣ. Такимъ образомъ эти припоминанія сдѣлали не живыя, а скорѣе это было—отычленіе, сдѣланное учеными и самими греками, на основаніи данныхъ вопроса и исторіи болгаръ и грековъ. Припоминанія ученыхъ были скорѣе историческими справками, чѣмъ указаніями, изъ которыхъ можно было бы строить какіе-либо практическіе выводы. Впрочемъ нужно замѣтить, что историческія припоминанія грековъ дѣлались нѣсколько съ иною цѣлью, именно—доказать, что болгары не заслуживаютъ того, чтобы ихъ требованія были уважены и удовлетворены ¹⁾. Правда, и болгары съ своей стороны выставляли историческія основанія своимъ правамъ; но поиски за этими основаніями были направлены совсѣмъ не туда, гдѣ бы можно было надѣяться ихъ найти. Въ своихъ домогательствахъ болгары опирались на правахъ охридской архіепископіи ²⁾, которая въ сущности имѣла весьма малое отношеніе къ церковной автономіи у болгарскаго народа ³⁾. На охридскую архіепископію перенесены были права Первой Юстиніаны, и такимъ образомъ самостоятельность ея имѣла совсѣмъ другія основанія, чѣмъ самостоятельность терновской патриархіи, и она существовала совершенно независимо какъ отъ послѣдней, такъ почти и отъ константинопольской до 1767 года, когда охридская архіепископія была уничтожена подобно тому, какъ уничтожена была и сербская печская патриархія въ 1765 году. Нельзя сказать, чтобы охридская архіепископія носила какой-либо націо-

¹⁾ Всего лучше возмездіемъ грековъ высказанъ въ греческой брошюрѣ, вышедшей въ Константинополѣ въ 1864 году: *Ὁ Βουλγαρισμός πρὸς τὸν ἱστορικόν, τὸν ἐθνικολογικόν καὶ τὸν ἐκκλησιαστικόν*. Ὑπὸ Ε. κ. λ. β.

²⁾ Подробно объ этомъ въ „Тὰ κατὰ τὰς ἀρχιεπισκοπὰς Ἀχρίδων καὶ Πελίου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1869, стр. 1—36; болгарскій переводъ *И. Михайловскаго*: „Историческія изслѣдованія за Охридската и Иненската архіепископіи. Цариградъ. 1869, стр. 1—61; — и затѣмъ въ „За Юстиніанови права на охридската архіепископія, или за църковна независимостъ и самостоятелностъ на охридско-болгарско священноначаліе“ (Митрополита *Насоимана*, бывшаго охридскаго, нынѣ наместника болгарскаго епископа въ лозанской епархіи). Цариградъ. 1873.

³⁾ *Δήμιτσια, Τὰ περὶ τῆς αὐτοκρατοῦς ἀρχιεπισκοπῆς τῆς κρῆτις Ἰουστινιάνης Ἀχρίδος καὶ Βουλγαρίας*. Ἐν Ἀθῆν. 1859, стр. 26—40.

нальный характеръ; она всегда была, можно сказать, греко-славянскою, — преобладаніе того или другаго элемента зависѣло отъ народности и энергій лица, занимавшаго въ то или другое время архіепископскій престолъ ¹⁾. Впрочемъ, здѣсь въ ошибку впали и нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, напримѣръ И. Е. Троицкій, авторъ первой разбираемой здѣсь книжки (стр. 87). Между тѣмъ патріархъ Досеенъ въ своей „Исторіи іерусалимскихъ патріарховъ“ (*Ἱστορία παρὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριάρχων*. Ἐν Βουλχερασίῳ. 1715, стр. 1153) прямо указываетъ на время уничтоженія терновской патріархіи. Онъ, между прочимъ, говоритъ: „Іераксъ, великій логоеетъ, жившій въ 7080 (1572) году, замѣчаетъ, что послѣ завоеванія турками Константинополя, и на этомъ синодѣ было высказано, что не хорошо, что императоры пожелали, чтобы нѣкоторыя епархіи были независимы. И такъ какъ тогда церковь не могла воспротивиться императорамъ, то поэтому теперь весьма кстати подчинить константинопольскому престолу и Охриду, и Ипекъ (Печь), и Терново (Тервоѡν), и такимъ образомъ были посвящены для нихъ архіепископы и митрополиты. Терново осталось подчиненнымъ. Два же другіе архіепископа, обѣщавъ султану особую дань, смогли вслѣдствіе вѣршихъ насилій (τῆ ἐξωτερικῆ βίᾳ) сохранить свой древній образъ“.

Вотъ исходный пунктъ обсужденія вопроса съ точки зрѣнія историческихъ правъ. Здѣсь слѣдуетъ рѣшить, на сколько былъ компетентенъ константинопольскій синодъ (даже не соборъ) рѣшить вопросъ въ желательномъ ему смыслѣ о самостоятельности терновской патріархіи и другихъ балканскихъ автокефальныхъ церквей, и какія были къ этому причины. Но ни болгары, ни греки на эту сторону вопроса не обратили вниманія. Напротивъ, споръ обострился до того, что къ рѣшенію его приступили другія силы, совершенно чуждыя и истиннымъ интересамъ обоихъ народовъ, и христіанству, и завершился пока провозглашеніемъ болгарской схизмы, или болгарскаго раскола, на константинопольскомъ соборѣ 1872 года. Явленіе весьма печальное въ православной церкви! Греки, провозглашая эту схизму, руководились, разумѣется, не чисто христіанскими началами и даже не каноническими потребностями или необходимостью, а своекорыстными цѣлями, а главное—тою враждою, которую искони они питали къ

¹⁾ Ср. *Висторова*, Собраніе рукописей В. И. Григоровича. М. 1879, стр. 20—21. часть ослхх, отд. 2.

болгарамъ. Правда, и болгары не безгрѣшны. Но не нужно забывать, что послѣдніе подвергались сильному искушенію и вводимы были въ соблазнъ со стороны враговъ православія. Наконецъ, греки должны, какъ и мы, помнить, что болгары—народъ весьма упорный и вѣстѣ съ тѣмъ весьма гибкій въ тѣхъ случаяхъ, когда домогаются правъ или выгодъ; исторія доказала, что они способны для своихъ выгодъ, не задумываясь, пожертвовать самыми священными предметами и дѣлами и пойти на самыя не благовидные компромиссы. Современныя намъ обстоятельства и событія служатъ тому лучшимъ доказательствомъ. Такъ было во все время ихъ самостоятельной исторіи, когда то или другое ихъ положеніе было для нихъ не выгодно или не удобно. Съ другой стороны, греко-болгарскій церковный споръ доказываетъ самымъ яснымъ образомъ, до какой степени опасно допускать руководство свѣтскихъ людей въ церковныхъ дѣлахъ; свѣтскіе непременно внесутъ въ церковныя и вообще духовныя дѣла чуждые послѣднимъ элементы. Можно съ полною увѣренностью сказать, что, не будь рѣшающаго вмѣшательства свѣтскихъ въ этотъ дѣлъ, споръ, навѣрно, не дошелъ бы до конца, какимъ онъ завершился. Они, и въ особенности со стороны грековъ, сразу поставили вопросъ на почвѣ исконной борьбы греко-болгарской.

Какъ упорна была эта борьба съ самаго ея начала и до какихъ результатовъ она доходила при различныхъ ея фазахъ,—до рельефности ясно показываетъ это профессоръ И. Е. Троицкій въ своей рѣчи, приготовленной для торжественнаго акта С.-Петербургскаго университета въ 1887 году; она озаглавлена „Церковная сторона болгарскаго вопроса“. Суть вопроса заключается въ слѣдующемъ: „Болгарскій вопросъ на церковной почвѣ возникъ за тысячу слѣшкомъ лѣтъ тому назадъ. Долгое время онъ считался исключительно церковнымъ вопросомъ и рѣшался съ церковной точки зрѣнія, хотя въ дѣйствительности съ самаго начала его возникновенія онъ былъ столько же церковнымъ, сколько и политическимъ,—каковой характеръ удерживаетъ и до настоящаго времени“ (стр. 1). Но благодаря обращенію перваго христіанскаго болгарскаго князя Бориса къ папѣ Николаю I (858—867 гг.), вопросъ возбуждиль цѣлый рядъ недоразумѣній между римской и константинопольской церквами. „Такимъ образомъ болгарскій вопросъ въ самомъ началѣ своего возникновенія получилъ междуцерковный характеръ, какъ вопросъ спорный между восточной и западной церквами“ (стр. 3), или просто между востокомъ и западомъ. Чтобы доказать свою мысль, профессоръ Троицкій

разбираетъ церковныя событія IX вѣка въ Византіи, указывая роль той и другой церкви въ этомъ вопросѣ, ихъ характеръ и направленіе и цѣль, къ которымъ стремились одна и другая. Въ результатѣ борьбы оказалось, что „Болгарія на цѣлне вѣка вступила въ сферу вліянія Византіи. Но это вліяніе было для нея гораздо менѣе стѣснительно, чѣмъ вліяніе Рима. При томъ въ перспективѣ открывалась ей возможность не только политической, но и церковной самостоятельности относительно Византіи,—чего она и дѣйствительно достигла въ XIII вѣкѣ, но чего никогда не могла бы она добиться отъ Рима“ (стр. 25). Многое измѣнилось съ того времени. Произошло раздѣленіе церквей на восточную и западную. Востокъ представляетъ цѣлую группу автокефальныхъ церквей и независимыхъ государствъ. Съ церковной стороны, ихъ взаимныя отношенія опредѣляются формулой: полная свобода во внутреннихъ дѣлахъ и полная солидарность во внѣшнихъ отношеніяхъ къ инославнымъ церквамъ и церковнымъ общинамъ. Ихъ девизомъ служитъ единеніе духа въ союзѣ мира“ (стр. 27). На западѣ римская церковь, сохранившая прежнія притязанія на единоличное представительство вселенской церкви и на всемірное владычество во имя этого представительства, должна раздѣлить свое вліяніе съ цѣлою группою протестантскихъ церквей и церковныхъ общинъ, возникшихъ послѣ реформации, которыя положили конецъ ея монополіи на церковное представительство и соперничаютъ съ ней въ пропагандѣ христіанства во всемъ мірѣ. Какъ слѣдствіе, отсюда вытекаетъ, „что западныя государства перестали быть орудіями для защиты и осуществленія ея исключительныхъ интересовъ и цѣлей, а пользуются ею, какъ орудіемъ, для достиженія своихъ цѣлей“ (стр. 28). При такой обстановкѣ въ наше время „снова возникъ болгарскій вопросъ и опять въ смыслѣ спорнаго между востокомъ и западомъ. Онъ сводится къ тому, остаются ли Болгаріи по прежнему въ группѣ восточныхъ государствъ и церквей, или выступать изъ этой группы и присоединиться къ западу, какъ въ свое время сдѣлала Великая Моравія?“ (стр. 24). Началась опять сильная борьба, которая возникла сначала на церковной почвѣ. „Возникла она на этотъ разъ первоначально между Болгаріей и константинопольскою церковью и возникла изъ-за того, что Болгарія пожелала въ пятидесятихъ годахъ текущаго столѣтія, возвратитъ себѣ церковную автокефальность. Но константинопольская церковь, вмѣсто удовлетворенія этого желанія, обвинила болгаръ въ филиатизмѣ и на константинопольскомъ соборѣ 1872 года

объявила ихъ состоящими въ схизмѣ. Формально она была права, такъ какъ, по общему ходу развитія церковной и политической жизни на востокѣ, двѣ самостоятельныя церкви въ предѣлахъ одного государства представлялись аномаліей и лишь тотъ народъ получалъ право на автокефальную церковь, который имѣлъ самостоятельное государство, хотя въ данномъ случаѣ приравненіе Турецкой имперіи къ Византійской страдало очевидной неточностью. Отношенія между церковью и государствомъ въ Турціи были совсѣмъ другія, чѣмъ въ Византійской имперіи* (стр. 29). Но даже и съ формальной стороны признать грековъ правыми едва-ли возможно уже потому, что существуютъ въ предѣлахъ Турецкой имперіи четыре патріаршества самостоятельныхъ и двѣ-три самостоятельныхъ же церкви. Къ этому можно указать и положеніе православныхъ церквей сербской и румынской въ Австрійской имперіи. Подобныя же границы, какія существуютъ между православными церквами Турціи и Австро-Венгрии можно было создать или, вѣрнѣе, восстановить и для болгарской церкви. Но константинопольская патріархія руководилась другими, высшими соображеніями—скорѣе политическаго характера, чѣмъ церковнаго.

Дѣло въ томъ, что послѣ паденія Византійской имперіи константинопольскій патріархъ въ силу историческихъ обстоятельствъ являлся, можно сказать, представителемъ всѣхъ православныхъ христіанъ, подчиненныхъ турецкому султану; онъ имѣлъ сильное вліяніе и на дѣла внѣшнія и внутреннія другихъ патріархій: іерусалимской, антиохійской и александрійской. Понятно, что онъ старался упрочить это свое положеніе, но никакъ не ослабить, и въ виду этого, понятно, старался всѣми силами уменьшить число тѣхъ учреждений, которыя такъ или иначе могли ограничивать его власть и юрисдикцію. Поэтому мы видимъ его постоянное стремленіе уничтожить самостоятельность отдѣльныхъ церквей, чтó до нѣкоторой степени ему и удается. Такъ, благодаря стараніямъ константинопольскаго патріарха, указами или съ соизволенія султана уничтожены сперва терновская, а затѣмъ охридская и печская патріархія. Какими заслугами туркамъ все это достигалось,—это другой вопросъ, о которомъ распространяться я не буду. Такимъ образомъ константинопольскій патріархъ подъ владичествомъ и покровительствомъ султана достигъ того, чего не имѣлъ даже во время существованія Византійской имперіи или, если и имѣлъ, то только въ ранніе годы ея существованія; онъ былъ дѣйствительно вселенскимъ патріархомъ, если имѣть въ виду, что и русская церковь до основанія въ ней патріаршества была подъ юрисдикціей великой константинопольской

церкви. По мѣрѣ усиленія и возвышенія константинопольскаго патриарха, развивалась и крѣпла великая идея о восстановленіи Византийской имперіи въ самыхъ широкихъ ея границахъ, гдѣ всѣ входящія и входящія въ сферу дѣятельности патриарха народности не только должны были содѣйствовать ея осуществленію, но и слиться съ греческою въ силу высокой культуры послѣдней и духовно-правственной ничтожности остальныхъ. Носителемъ этой идеи до самаго послѣдняго времени, можно сказать, являлась константинопольская патриархія, какъ имѣющая или, вѣрнѣе, долженствующая имѣть больше матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ. Этими можно объяснить отношеніе патриархія прежнихъ и нынѣшнихъ временъ, а подъ ея прикрытіемъ и вообще грековъ, къ не-греческимъ православнымъ народностямъ Оттоманской имперіи, а отчасти и виѣ ея. Если грекамъ въ лицѣ патриархія приходилось дѣлать уступки, то онѣ бывали возможны или послѣ долгой и упорной борьбы, и то въ томъ только случаѣ, если сила измѣняла фанариотамъ, или вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ, или же, наконецъ, когда количество золота и серебра окончательно соблазняло служителей великой идеи. Само собою разумѣется, что кто былъ противъ вождѣвнй фанариотовъ, тотъ былъ противъ греческой націи, противъ просвѣщенія и т. п. Даже русскіе, отъ которыхъ, можно сказать, почти исключительно зависить матеріальное и отчасти нравственное благосостояніе православнаго востока и грековъ въ особенности, содѣйствуя освобожденію или же освобождая славянъ, какъ и самихъ грековъ, изъ-подъ турецкаго ига, должны были попасть въ число злѣйшихъ противниковъ эллинизации, окончательно разрушавшихъ и разрушающихъ путы мечты носителей великой идеи. Къ сожалѣнію, это не выводъ публициста, а дѣйствительные факты недавняго прошлаго, отъзвукъ котораго слышны еще и по сіе время ¹⁾. Болгары, заявляя свои притязанія на духовно-національное существованіе, являлись измѣнниками не только вселенскому патриарху, но и великой идеѣ эллинизма; ибо представители послѣдняго, считая болгаръ народомъ глухимъ, предназначили ихъ на духовное рабство и на этнографическій матеріалъ для себя. (Эта мысль достаточно развита въ отяѣтѣ г. Шонова). Много горя и бѣдствій принесли эти тенденціи и патриарху, и греческому народу, и православному востоку; но тѣмъ не менѣе патриархія, во-

¹⁾ Объ этомъ между прочимъ см. у *N. Konstantinow'a*: *Le panslavisme au Mont-Athos. Constantinople. 1873; L'église orthodoxe, le schisme et le patriarcat de Jérusalem Cyrille* (тамъ же и тогда же).

дима интересами, чуждыми церкви, не сходять и по сей день съ пути заблужденій.

„Могъ ли западъ не воспользоваться столь благопріятнымъ для него обстоятельствомъ и не возобновить попытокъ къ осуществленію своихъ видовъ и плановъ относительно востока?“ Конечно, нѣтъ. Сперва устремилась на болгарь римская церковь ¹⁾, а затѣмъ „къ завоевательнымъ усиліямъ католической церкви вскорѣ присоединили свои разрушительныя усилія протестантскія исповѣданія и секты“. Послѣднія „не довольствуются простымъ подчиненіемъ себѣ болгарской церкви, какъ это дѣлаетъ католическая церковь, оставляя ея внутренній строй и порядки неприкосновенными, а посягаютъ на радикальную передѣлку ея ученія, устройства и управленія. Они, какъ извѣстно, претендуютъ на обладаніе истиннымъ, очищеннымъ (реформированнымъ) христіанствомъ и стараются осчастливить оныя и христіанъ восточныхъ, погруженныхъ, по ихъ мнѣнію, въ идолопоклонство (такъ называютъ они иконопочитаніе) и всевозможныя суевѣрія, унаслѣдованныя отъ минувшихъ временъ, преобразовавши ихъ церковь по образцу протестантскихъ церквей и сектъ. Главнымъ орудіемъ ихъ пропаганды служатъ просвѣщеніе и благотворительность. Съ этою цѣлью они раскинули по всему православному востоку цѣлую сеть воспитательныхъ и благотворительныхъ учрежденій подъ разными наименованіями и дѣятельно конкурируютъ съ католиками въ дѣлѣ совращенія православныхъ“ (стр. 17—18).

„Не остаются въ сторонѣ отъ борьбы и западныя государства. Показною цѣлью вмѣшательства ихъ въ борьбу служитъ для нихъ стремленіе приобщить востокъ къ благамъ западной культуры; за кулисами же они преслѣдуютъ двѣ другія цѣли: а) ослабленіе Россіи чрезъ разединеніе съ нею востока и б) усиленіе самихъ себя посредствомъ ассоцірованія его съ западомъ“ (стр. 18). Для достиженія этихъ цѣлей, западныя церкви и государства дѣйствуютъ совершенно согласно между собою, прикрываясь общимъ культурнымъ знаменемъ и на политическомъ поприщѣ и религіозномъ, не смотря на то, что дома у себя ихъ раздѣляетъ вѣроисповѣдная рознь. „Соперники и даже враги у себя дома, они являются своими людьми и союзниками на чужбинѣ“ (стр. 19). Эту свою мысль авторъ разви-

¹⁾ См. объ этомъ подробно въ книгѣ іезуита *Голубовича: Bułgaria, jej przelobść dziejowa i jej obecne narodowe i religijne odrodzenie. W Krakowie. 1885, стр. 60—183, 170—189, 215—282. Извѣстія С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества, 1886, № 9 и 10; 1887, № 5—6.*

ваетъ какъ нельзя болѣе ясно въ приложеніи, между прочимъ, и къ Болгаріи. Вообще нужно сказать, что вторая часть брошюры профессора Троицкаго превосходна по широкому взгляду и глубокому пониманію вопроса. Въ виду этого, нужно пожелать труду почтеннаго профессора самаго широкаго распространенія; развитая въ книгѣ мысль подѣйствуетъ отрезвляющимъ образомъ не только на нашихъ единовѣрцевъ, но и на нашихъ поклонниковъ запада.

Вмѣстѣ съ тѣмъ брошюра проф. Троицкаго можетъ служить прекраснымъ введеніемъ въ книгу г. Теплова „Греко-болгарскій церковный вопросъ“, представляющую довольно отрадное явленіе въ нашей литературѣ. Предметъ этой книги имѣетъ уже довольно обширную литературу и довольно разработанъ; но какъ въ русской, такъ и во всякой другой литературѣ онъ не былъ такъ трактуемъ, какъ въ книгѣ г. Теплова. Она оцѣнена по достоинству, бывъ удостоена Академіею Наукъ почетнаго отзыва ¹⁾.

Авторъ, извѣстный другимъ своимъ трудомъ—по статистикѣ Балканскаго полуострова, а также и цѣлымъ рядомъ статей, касающихся востока, — при написаніи своей книги по церковному вопросу находился въ исключительномъ положеніи: ему доступны были официальные документы по этому вопросу, хранящіеся въ русскомъ посольскомъ архивѣ въ Константинополѣ, „а также мемуары, записки и другіе дипломатическіе документы“. Кроме того ему не мало пользы принесли воспоминанія двухъ лицъ, принимавшихъ личное участіе въ церковномъ вопросѣ. „Ко всему этому, прибавляетъ онъ, нужно присоединить еще и мои личныя воспоминанія, вынесенныя изъ одиннадцатилѣтняго пребыванія моего въ Константинополѣ съ 1870 по 1881 годъ, при чемъ на главахъ моихъ разыгралась всѣ главныя проявленія остраго періода греко-болгарскаго вопроса“ (стр. 3). За то остальныя пособія, которыя были подъ руками автора, не отличаются разнообразіемъ и одинаковыми достоинствами, да и не видно, чтобы нашъ авторъ ими особенно и пользовался. Такъ или иначе, но мы имѣемъ дѣло не только съ разработаннымъ матеріаломъ, но и съ записками современника и отчасти очевидца, и при томъ русскаго, вначитъ, челоуѣка, дѣлу движенія или спора непосредственно не причастнаго, а слѣдовательно и безпристрастнаго. Тѣмъ не менѣе авторъ для изложенія своего матеріала избралъ форму историческаго разказа съ цѣлью уяснить внутренній смыслъ происходившихъ на его

¹⁾ Отчетъ о 28-мъ приращеніи наградъ графа Уварова. С.-Пб. 1886, стр. 133—141 (отамъ проф. Троицкаго).

главахъ явленій и вмѣстѣ съ тѣмъ разсмотрѣть тотъ путь, по которому долженъ будетъ направиться разбираемый вопросъ въ будущемъ (стр. 1). Разсмотрѣніе вопроса авторъ начинаетъ съ IX вѣка, то-есть, со времени принятія болгарами христіанства, и доводитъ его до 1881 года.

Все содержаніе книги раздѣлено на двѣнадцать неравномѣрныхъ главъ. Первая глава составлена крайне небрежно съ большими ошибками и неточностями, напримѣръ въ спискѣ епархій въ Болгаріи, въ сужденіяхъ объ охридской архіепископіи и положеніи родины императора Юстиніана Таврезія, которая находится не „на мѣстѣ нынѣшняго Кюстендила“, а недалеко отъ Скопін ¹⁾ и др. Впрочемъ, эта глава составлена по имѣвшимся въ распоряженіи автора пособіямъ, которыми онъ, повидимому, пользовался безъ критики, напримѣръ очень плохой книгой Доброва: „Южное славянство“. Во второй главѣ авторъ изображаетъ отношенія грековъ къ болгарамъ со времени паденія Константинополя подъ властью турокъ и до возбужденія греко-болгарской распри. И эта глава, какъ и предыдущая, написана весьма легко; въ ней предметъ разсматривается довольно поверхностно и не безъ ошибокъ, напримѣръ о рукописяхъ въ Зографѣ и Ватопедѣ, или въ Тигѣ вв. Тичѣ. Между тѣмъ на нее слѣдовало бы обратить серьезное вниманіе: здѣсь нужно было бы обстоятельно выяснить причины возбужденія распри и главнымъ образомъ поведеніе греческаго духовенства среди болгаръ, о чемъ въ печати существуетъ уже не мало данныхъ, изложенныхъ въ журнальныхъ статьяхъ и даже отдѣльныхъ книгахъ ²⁾.

Въ третьей главѣ излагается очеркъ постепеннаго вовлеченія Россіи въ дѣла Балканскаго полуострова вообще и во взаимныя отношенія населявшихъ его православныхъ народностей въ частности. Но и эта глава по своему характеру не многимъ отличается отъ предыдущихъ двухъ. За то съ четвертой главы, одной изъ самыхъ большихъ, авторъ является хозяиномъ своего предмета, который излагаетъ довольно обстоятельно и живо. Здѣсь начинается изложеніе главныхъ фактовъ болгарскаго движенія съ самаго его начала, въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія, и продолжается до 1870 года, когда былъ изданъ фирманъ (указъ), установившій существованіе болгарскаго экзархата, или, вѣрнѣе, болгарской самостоятельной церкви.

¹⁾ *Извѣстія славянск. благотвор. общества*, 1886, № 4—5, стр. 181.

²⁾ Напримѣръ, въ этомъ отношеніи весьма интересна книга С. М. Родомскою: *Портретъ на грѣцкаго епископа духовенство и коварнитъ ну дѣла противъ българитъ въ Ропитъ, Пловдивъ. 1887, стр. 11 и слѣд.*

Здѣсь впервые, на сколько мнѣ извѣстно, представлено обстоятельно отношеніе нашего синода къ греко-болгарской распрѣ. Находя стремленія болгаръ болѣе или менѣе справедливыми, но въ то же время находя, что это вопросъ домашній константинопольской патриархіи, а потому и не желая вмѣшаться въ это дѣло, нашъ святѣйшій синодъ, увѣщевалъ грековъ примириться и уладить дѣло домашними средствами. Достоинно удивленія, что нашъ авторъ не отмѣчаетъ посланія нашего Святѣйшаго Синода константинопольскому патриарху отъ 19-го апрѣля 1869 года; въ этомъ посланіи, между прочимъ, говорится: „Всѣ согласія его всесвятѣйшества и противъ его воли, болгары не въ правѣ взять или отнять у него то, чего домогаются, а тѣмъ болѣе не въ правѣ совершенно отказаться отъ церковнаго подчиненія своему верховному архипастырю и самовольно отторгнуться отъ него. Это былъ бы уже расколъ, и болгары по церковнымъ правиламъ necessarily были бы признаны раскольниками“¹⁾. Впрочемъ, неодобрительный отзывъ о болгарскомъ дѣлѣ далъ и митрополитъ Филаретъ.

Но и тутъ мы видимъ, что недостаточно очерчены роль и вліяніе представителей западноевропейскихъ государствъ на этотъ ходъ дѣла, а также и вліяніе болгарскихъ тогдашнихъ возстаній на рѣшеніе вопроса со стороны турецкаго правительства въ пользу болгаръ; о послѣднемъ обстоятельстве авторъ только въ двухъ мѣстахъ упоминаетъ (стр. 63, 77). Конечно, здѣсь нельзя ожидать историческаго очерка болгарскихъ возстаній, но нужно было указать на связь церковнаго вопроса съ этими возстаніями хотя бы съ точки зрѣнія турецкаго правительства, тѣмъ болѣе что въ настоящее время имѣется довольно матеріала въ болгарской литературѣ по этому вопросу.

Въ пятой главѣ изложена исторія спора съ изданія фирмана 22-го февраля 1870 г. до отреченія отъ патриаршаго престола Григорія VI. Здѣсь приводится въ русскомъ переводѣ самый фирманъ съ небольшимъ разборомъ и изображается отношеніе нашего Св. Синода къ ходу дѣла. Въ шестой главѣ сообщаются довольно подробно обстоятельства, предшествовавшія объявленію болгарской схизмы и разказывается довольно кратко исторія объявленія самой схизмы на константинопольскомъ соборѣ 1872 г. Повидному, актами этого собора авторъ довольно мало пользовался, хотя они уже давно доступны. Отдѣленіе болгаръ и провозглашеніе схизмы произошло отъ того, что

¹⁾ Дѣнія на святѣйшій великій соборъ, совокупившіяся въ Константинополѣ въ патриаршескомъ храмѣ святаго славнаго великомученика Георгія Побѣдоносца за церковный-т.е. болгарскій вопросъ въ дѣто спасителя 1872, прѣвъ мѣсяць августа и септемвриа. Цариградъ, стр. 82 (есть и французск. и греческ. изданія).

болгары требовали себѣ церковной автономіи во имя своего племеннаго различія и племенной обособленности. Поэтому греки называли болгаръ народоплеменниками, племенистами и формалистами; иными словами, обвиняли они болгаръ въ филетизмъ. Въ этой главѣ является много интереснаго со стороны освѣщенія всего хода дѣла. Въ седьмой главѣ авторъ критикуетъ, хотя и не особенно сильно, опредѣленіе собора и рассматриваетъ тѣсно связанныя съ нимъ вопросы: а) виноваты ли болгары въ филетизмъ, б) правильно ли соборъ постановилъ свое рѣшеніе, в) какъ должна отнестись къ этому дѣлу русская церковь, г) какое вліяніе должно оказать провозглашеніе схизмы на отношеніе Россіи къ грекамъ. Авторъ въ данномъ случаѣ становится на сторону болгаръ, вполне оправдывая ихъ стремленія. „Содержа одну и ту же вѣру, говоритъ онъ, оживляясь однимъ и тѣмъ же Духомъ Святымъ, хрістіане въ то же время различаются между собою и по племенн. Самъ апостолъ Павелъ, говоря о себѣ и св. апостолѣ Петрѣ, прибавляетъ: „Мы естествомъ іудей“ (Гал. 2, 15), и о своемъ сотрудникѣ Титѣ: „Титъ иже со мною, эллинъ сей“ (Гал. 2, 8). Греки и русскіе, румыны и болгары и другіе народы могутъ содержать одну и ту же православную вѣру и быть едино во Христѣ, но въ то же время каждый изъ этихъ народовъ можетъ исповѣдовать свою вѣру на своемъ природномъ языкѣ, составляющемъ самое первое и главное отличіе всякой народности: каждый изъ этихъ народовъ можетъ имѣть у себя пастырей изъ своихъ соплеменниковъ, чтобы они проповѣдовали ему вѣру и совершали богослуженія на его природномъ языкѣ. Христосъ, посылая своихъ апостоловъ на всемірную проповѣдь, ниспослалъ на нихъ Духа Святаго (Дѣян. 2, 3), чтобы, получивъ такой чудесный даръ, апостолы могли возвѣстить святую вѣру каждому народу на его природномъ языкѣ, и апостолы дѣйствительно проповѣдали евангеліе всѣмъ народамъ на ихъ языкахъ. Поэтому желаніе болгаръ имѣть у себя такихъ преемниковъ апостольскихъ, то-есть архипастырей, которые проповѣдывали бы имъ святую вѣру и совершали бы для нихъ богослуженія на болгарскомъ или славянскомъ, то-есть понятномъ имъ языкѣ, есть желаніе, вполне согласное съ евангеліемъ“ (стр. 123—124). Академическій рецензентъ книги г. Теплова признаетъ, что составленная послѣднимъ „критика опредѣленія константинопольскаго собора 1872 г. сдѣлана основательно и связанныя съ этимъ опредѣленіемъ вопросы рѣшаются правильно“ (Отчетъ, стр. 141). Какъ слѣдуетъ понимать это выраженіе „основательно“, я не берусь сказать; но проф. Троицкій въ своей рѣчи не исполнилъ или

только условно осуждаетъ грековъ за провозглашеніе болгаръ схизматиками, какъ я уже показалъ выше. Во всякомъ случаѣ константинопольскій соборъ вовсе не отрицалъ справедливости мысли, которая выражена и въ словахъ г. Теплова; тамъ вопросъ поставленъ совсѣмъ иначе, а именно: въ округѣ одной патріархіи или самостоятельной церкви съ опредѣленными географическими границами не можетъ быть другой автокефальной церкви. И это вполне канонично, что весьма основательно доказано въ актахъ собора ¹⁾). Наконецъ, соборъ не называетъ болгаръ еретиками, какъ представляетъ себя г. Теплово (стр. 128), а называетъ ихъ только схизматиками, то-есть раскольниками, а это съ церковной точки зрѣнія разница. Несомнѣнно, болгары своимъ неразумнымъ поведеніемъ совершили цѣлый рядъ противоканоническихъ поступковъ, за что по справедливости и были осуждены великою церковью. Такъ представляется дѣло формально. На практикѣ, конечно, греки, но не столько великая церковь, были далеко не безукоризненны. Болгары опять не могутъ обвинять константинопольскую патріархію, — конечно, только съ формальной стороны, потому что патріархія съ конца первой половины нынѣшняго столѣтія принимаетъ рядъ мѣръ для удовлетворенія духовныхъ потребностей болгаръ и другихъ славянъ, состоящихъ и состоявшихъ подъ ея юрисдикціей. Съ 1847 г. отеривается славянская кафедра въ духовной семинаріи на о. Халки и издаются учебники славянскаго языка на средства или великой церкви, или училища ²⁾). Преподавателями этого предмета здѣсь были болгары: сперва Іоаннъ, въ монашествѣ Іоанникій Димитріевичъ, а потомъ извѣстный, всѣми уважаемый іеромонахъ Рилскаго монастыря Неофитъ; послѣ нихъ были уже другіе болгары. Вотъ, между прочимъ, что говоритъ покойный уже о. Неофитъ въ предисловіи къ своей Христоматіи: „Сочинисα и настоασσα хριστοματεια во ѳβще οϋβω ραδι въ Болгарίи οϋчиαιцѣ, въ нίκже ѡσκδѣαиε

¹⁾ Дѣλνια, стр. 53—71.

²⁾ Γραμματικὴ τῆς Σλαβωνικῆς γλώσσης. Ἐρανισθεῖσα μὲν ὑπὸ Ἰωάννου Δημητριάδου, ἐκδοθεῖσα δὲ φιλοτιμῶν δαπάνῃ τοῦ πανιερωτάτου Σταυρουπόλεως κυρίου Κωνσταντίνου τοῦ Ἰουκάδου. Εἰς χρῆσιν τῆς ἐν Χάλκῃ θεολογικῆς σχολῆς τῆς τοῦ Χριστοῦ μεγάλης ἐκκλησίας. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. Ἐν τῇ πατριαρχικῇ τυπογραφίῃ 1850, предисловіе (стр. с' + 178). Два года спустя была издана „Христоматіа славянскаго языка“. Χριστοματεια τῆς Σλαβωνικῆς γλώσσης. Ἐρανισθεῖσα μὲν ὑπὸ Νεοφύτου ἱερομονάχου Ριλίωτου, κατηγήτου τῆς γλώσσης ταύτης ἐν τῇ κατὰ Χάλκην θεολογικῇ σχολῇ τῆς τοῦ Χριστοῦ μεγάλης ἐκκλησίας, ἐκδοθεῖσα δὲ σπουδῇ καὶ δαπάνῃ τοῦ πανιερωτάτου μητροπολίτου Σταυρουπόλεως Κωνσταντίνου τοῦ Τοκάδου, σχολάρχου καὶ καθηγήτου τῆς αὐτῆς ἱερᾶς σχολῆς. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. Ἐν τῇ πατριαρχικῇ τυπογραφίῃ. 1852, съ словаремъ славяно-греческимъ (стр. α — χθ' + 350 + ζ' + 357)

о. Неофаты говорятъ, что ихъ „побудилъ къ составленію грамматіки и къ собранію христоматіи и къ сочиненію присовокупленію къ ней словаря“ начальникъ училища, митрополитъ Ставропольскій Константинъ Типалдосъ, извѣстный своею ученостію и ревностнымъ отношеніемъ къ дѣлу духовнаго просвѣщенія.

Мало того, съ разрѣшенія высшихъ духовныхъ властей напечатанъ цѣлый рядъ книгъ изъ церковнаго круга какъ въ патриаршей типографіи, такъ и въ другихъ. Такъ, Новый Заветъ въ болгарскомъ переводѣ того же о. Неофата напечатанъ въ Смирнѣ въ 1840 году; но раньше этого мы видимъ нѣсколько изданій, сдѣланныхъ въ Вуда-Пештѣ: въ 1816 году игуменомъ Краль-Марковскаго монастыря около Скопія (въ Македоніи) Кирилломъ Пейчиновичемъ (изъ Тетова) написано „Огледало ради potreбы и ползованія препростѣишимъ и некнижнимъ языкомъ болгарскимъ дошла Мѹссин“, которое издано священникомъ Костой Стошичемъ изъ Призрѣна; въ 1817 году вратовскіе купцы Дмитрій Филиповичъ и Дмитрій Залура издають „Чудеса прѣстѣжъ бгородицы, преведени ѿ книга 'Амартолонъ Сотирія на болгарскій языкъ ради ползи и побченія, и спасенія рода христіанскаго“. Эту же самую книгу опять въ переводѣ „ѿ Словѣнскій на Славяно-Болгарскій языкъ за ради просвещенію и полза и побченію и душеспасенію на православныте христіаны и за чада ихни“, переведалъ Хаджи-Найдонъ Иоанновичъ, учитель изъ Татаръ-Вазарджика, ревнитель „Болгарскаго просвѣщенія, и книгопродавецъ по всей Славяно-Болгаріи“ въ 1846 г. въ Вукурештѣ. Кроме того, въ Вукурештѣ же, въ типографіи канцеляриста-болгарина Сапунова, въ 1845 году напечатанъ былъ „Каншнѣ молебны къ преподобномѹ и бгочисномѹ оцѹ нашемѹ Іоаннѹ рылскомѹ чдотворцѹ и мѣтвы на вскака нѣмоць и Лѣкарственникъ“. Но это еще не все: подѣ греко-патриаршескимъ вгомѹ у болгаръ были двѣ типографіи, въ которыхъ печатались болгарскія книги, а именно въ Солунѣ (въ Македоніи)¹⁾ и

Билгѣ. 1) Въ и созданіи младѣръ славянскаго языка съ тѣми же языки греческаго.

х) Въ мѣстѣ мѣстности. 2) Въ день сонца прѣды.

Видѣ текста (содержанія) издахъ ѿ новѣишихъ и израдѣишихъ изданій. Огѣтъ мѣстѣ мѣстѣ свѣтаго писанія ѿ двадѣсатого по исправленію препричанія, Москва 1889, а мѣстѣ прѣводка свѣтаго отца ѿ послѣднихъ мѣстѣишихъ изданійгѣ божорника, съ Москѣ 1830, а мѣстѣ свѣтаго Дмитрія Ростовскаго ѿ кончанію широчитаннаго свѣтаго изданія сочиненій гѣ въ Москѣ 1842, том. 5, въ великю ослѣдѣ, и ѿ двадѣсатогомѣсто ради мѣстѣ свѣтаго тогѣмѣ, съ Москѣ 1845, (предисловію, стр. с').

1) Нѣкоторыя подробности объ этой типографіи см. у Дринева: Първата българска типографска въ Солунѣ и нѣкои отъ напечатанитѣ въ нея книги въ „Периодическо Описание“, кн. XXXI, стр. 1—25, и отдѣльно (Орадецъ. 1889).

въ Самоковѣ. Такъ, въ первой „при хаджи напа Θεοδοσίη, архимандрита Сѹна(ш)тскаго“, въ 1839 году напечатано было „Слѹженіе еврейско и все златвореніе нѣкно“, то-есть, Обличеніе еврейской вѣры извѣстнаго монаха Неофита, переведенное на „простый и краткій языкъ болгарскій къ разѹмнѣію простомѹ народѹ“. Я видѣлъ еще нѣсколько изданій, вышедшихъ изъ этой типографіи. Во второй типографіи, которая была заведена и существовала, какъ мнѣ сообщалъ въ 1879 году ея владѣлецъ, только благодаря покровительству греческаго митрополита софійскаго Гедеона, былъ напечатанъ цѣлый рядъ книжекъ для народныхъ школъ: азбуки, часословы и др., а также другія книги, видѣнныя мной въ Болгаріи и Македоніи, для церковнаго и душеполезнаго чтенія. У меня подъ руками есть два изданія этой типографіи: „Чюдеса пресвѣтѣи Богородицы, превѣдени ѿ книга Амартолонъ Сотиріа, на славяноболгарскій языкъ, ради пользы и побѣненія, и дѹшеспасенія рода хрїтіанскаго: и на туль издана въ лѣто 1817. и сегѹ ново се препечата ѿ никола карастомановича книговезателя и книгопродавца. Въ градѣ Самоковѣ. 1851. Въ собственной ѣго печатнѣ“ и „Слѹжба съ житіемъ и страданіемъ стѣго великоичника Геѹргіа новаго, страдавшаго въ Сардїкїи градѣ болгарскомъ, иже нынѣ нарицаетсѹ Софїа. Сочиненѹ на старославенскомъ языкѣ, нѣкимъ презвитеромъ, наставлявшимъ ѣго и смотравшимъ страданіе ѣго. ѿбрѣтенѹ же въ въ митрополїиствѣмъ книгохранителнищѣ. ѿ великїа же по бѣзъ рѣвности, и ко стѣмъ оусердіа, и превосходнымъ любвѣ къ славяноболгарскомѹ плѣмени. Издана благословеніемъ и иждивеніемъ ѣго просвѣщенїества, Высокопресвѣщенїѣйшаго Митрополїта Свѣтософїйскаго Господїна, Гедеона. въ пользу православныхъ, в' славѹ же и чѣсть стѣго. Въ Самоковѣ. 1855“. Въ настоящее время, какъ кажется, со времени возбужденія греко-болгарской распри, эта типографіа не дѣйствуетъ и даже не существуетъ. Но за то въ Самоковѣ протестантская пропаганда старается завести свою типографію при тамошней протестантской семинаріи для печатанія протестантскаго журнала Домашенъ Приятель на болгарскомъ языкѣ, издающагося тамъ уже второй годъ болгарскимъ евангелическимъ обществомъ; между тѣмъ тамошняя православная семинаріа о типографіи и помышлять не можетъ по недостатку средствъ, не смотря на то, что ректоръ этой семинаріи издаетъ духовную газету Селянинъ.

Константинопольская патриархїа, чтобы дать возможность болгарскимъ и другимъ славянскимъ церквамъ имѣть у себя нѣкоторыя церковныя славянскїя книги, завела въ своей типографіи славянскїе шрифты

еще въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ; здѣсь напечатанъ цѣлый рядъ славянскихъ книгъ церковнаго круга. Уже въ 1849 г. напечатанъ былъ славянской переводъ о. Неофита „Службы иже во святыхъ отца нашего и равноапостола Фѳѳта, патріарха Цараграда“, составленной „ѳ древнѣйшихъ церковныхъ пѣсней“ митрополитомъ ставропольскимъ Константинамъ Тиналдомъ, и на его издвненіе изданной „εις χρῆσιν τῶν Ὁρθόδοξων Βουλγάρων Χριστιανῶν“, какъ говорится въ патріаршемъ дозволеніи, или „во оупотребленіе всѣхъ въ Болгаріи святыхъ церквей, Славянскимъ ѳзыкомъ Бѳгъ пѣсни возсылающихъ“, какъ говорить въ предисловіи къ читателямъ переводчикъ, который былъ къ этому „двнжимъ ѳ же къ величайшемъ свѣтителю Фѳтѳю, свѣтлѣйшемъ семъ православныа вѣры исповѣдникѣ, и первѣйшемъ православныхъ ѳ храбрыхъ Болгаршвъ просвѣтителю и апѳстолѣ, ѳ нѣже ѳ многѳа ѳны пѳдвиги претерпѣ ѳ любуыхъ ѳ многокозненныхъ пѳпѳстовъ“. Въ 1853 году изъ той типографіи вышелъ „Тѳпѳкъ церковный по чинѣ Хрѳстовы великыа церкви. Сѳбранъ оубѳ ѳ Кѳнстантина Прѳтофилакта великѳа Хрѳстовы цѣркве, преведѣнже съ Греческаго, ѳ приспособленъ, ѳлѳко возможно бѣ, къ славянскимъ церковнымъ книгамъ“ о. Неофитомъ, а изданъ Георгіемъ К. Прѳтопсалтовичемъ; этотъ типѣвъ (установъ) посвящается „Прѳсвѣщенѣйшимъ святымъ архѳереемъ, пасѳщимъ Славянскѳа епархѳи ѳ священное стадо оупрашающимъ священноначаликомъ“. Издатель грекъ, обращаясь „къ любезнымъ братьямъ болгарамъ“, выражаетъ надежду, что „православный ѳ церкѳвное правѳло любѳщѳй народъ Болгарскѳй“ оцѣнитъ по достоинству его книгу и этимъ побудитъ его издать и краткую церковную исторію, которую также посвящаетъ „любителямъ Славянскаго ѳзыка“. Олѣ надѣется, что будетъ поощренъ къ изданію и „другихъ, гораздо болѣе потребныхъ на славянскомъ языкѣ книгъ“. Нельзя сказать, что этотъ типѳкъ остался безъ употребленія; изъ приложеннаго при немъ списка подписчиковъ видно, что таковыми были всѣ митрополиты Балканскаго полуострова, а филиппопольская епархѳа подписалась на 200 экземпляровъ, терновская на 100, виддинская на 50 и т. п. Множество подписчиковъ изъ всѣхъ концовъ Болгаріи мы видимъ и на славянской переводъ службы св. Харалампію съ болгарскимъ переводомъ житія святаго,—переводомъ, сдѣланнымъ іеромонахомъ Евѳиміемъ Хилндарскимъ, Райномъ Поповичемъ и о. Неофитомъ, который его и исправилъ; переводъ изданъ былъ въ 1853 году въ Константинополѣ съ разрѣшенія и благословенія патріарха константинопольскаго Германа. Такъ же много или даже еще болѣе подписчиковъ изъ всей

Болгаринъ виднѣе и на болгарскій переводъ поученій Иліи Миниата, изданный въ Русуцѣ, въ типографіи Дунайской области, въ 1869 году. Такимъ образомъ ясно, что при всей исключительности стремленій носителей великой идеи, патриархи тѣмъ не менѣе рѣдко должны были сообразоваться съ духомъ нашей православной церкви и духовно-нравственными потребностями тѣхъ народностей, которыя находились въ ихъ юрисдикціи, и дѣлать этимъ народностямъ уступки, отступая въ то же время отъ программы эллинизма. Исторія вполнѣ оправдываетъ такое отношеніе константинопольской патриархіи къ негреческимъ православнымъ народамъ. Къ тому же раздавались и голоса благоразумныхъ въ пользу болгаръ ¹⁾.

Я нарочно остановился на подробностяхъ, и привелъ достаточное количество фактовъ, чтобы доказать, что г. Теплоу поставилъ вопросъ не вѣрно и пришелъ къ невѣрнымъ заключеніямъ (ср. стр. 132), главнымъ образомъ потому, что онъ не особенно знакомъ съ фактами и дѣяніями собора константинопольскаго. Факты говорятъ сами за себя, и не нужно распространяться болѣе по этому пункту вопроса.

Съ другой стороны нельзя обвинять грековъ, что они не посвящали митрополитовъ и възъ болгаръ; споръ былъ веденъ отъ имени народа болгарскаго архіереями-болгарами. Но кромѣ этого природные греки-митрополиты, правда, можетъ быть, рѣдко знали славянскій языкъ и вмѣстѣ болгарскій и сербскій. На Аеоиѣ въ настоящее время живетъ на покоѣ митрополитъ Агаангелъ, бывшій въ одной изъ боснійскихъ епархій, который знаетъ довольно хорошо сербскій языкъ и сносно болгарскій и служитъ тамъ литургію по славянски; его я знаю лично. Есть и другіе, ему подобныя.

Правда, почти все, что дѣлала греческая патриархія для болгаръ, ограничивалось церковью; школа какъ бы оставалась въ вѣдѣніи патриархіи. Но нужно замѣтить, что школьное дѣло христіанъ православныхъ въ Турціи зависитъ не вполнѣ отъ патриаршей власти ²⁾. Я не склоненъ, однако, думать, что патриархія облагодѣтельствовала бы болгаръ школами, чисто болгарскими; но, несомнѣнно, она, понимая свои интересы, должна была бы дѣлать уступки болгарамъ и въ этомъ дѣлѣ. Слѣдовательно, должно различать два фактора въ

¹⁾ Напримѣръ, голосъ аеонскаго монаха: *Tò eikouevnikòn patriarxikon kai oi boulyaroi. 'Ypò E. Kavoukalóβou. 1874 (sine loco).*

²⁾ О школьномъ дѣлѣ у грековъ см. у *Chatsiotis'a L'instruction publique chez les Grecs depuis la prise de Constantinople par les Turcs jusqu'a nos jours. Paris. 1881, стр. 355—483.*

отношеніяхъ грековъ и болгаръ: духовный и свѣтскій. Послѣдній, можно сказать, подготовилъ, обострилъ и, наконецъ, довелъ до печальнаго результата греко-болгарскую распрю. Г. Тепловъ указываетъ на эти два фактора, но главнымъ образомъ только въ остромъ фазисѣ спора и при томъ не достаточно рельефно ихъ различаетъ. Правда, онъ пишетъ исторію спора; но разъ онъ коснулся ихъ и берется произнести свой приговоръ, онъ долженъ былъ брать во вниманіе всѣ предшествовавшія обстоятельства дѣла, чтобы, будучи строгимъ судьей, въ то же время быть и справедливымъ. Теперь авторъ, представляя дѣло по своему, производитъ впечатлѣніе, что онъ приводитъ только мнѣніе болгаръ и при томъ крайнихъ и непримиримыхъ.

Въ восьмой главѣ, одной изъ лучшихъ, авторъ описываетъ впечатлѣніе, какое произвело въ мірѣ православномъ провозглашеніе схизмы, и вмѣстѣ съ тѣмъ разказываетъ о попыткахъ къ примиренію враждующихъ сторонъ послѣ отреченія отъ престола патріарха Анеима до 1876 г. Мнѣ кажется, здѣсь слишкомъ мало представлена и выяснена роль Мидхата-паши, который не задолго до великаго визирства вѣшалъ цѣлыми сотнями болгаръ въ бытность его генералъ-губернаторомъ дунайскаго вилайета. Также слишкомъ не выяснена связь тогдашнихъ аеонскихъ событій съ греко-болгарской распрей¹⁾. Въ девятой главѣ описываются отношенія грековъ къ славянамъ до русско-турецкой войны, а затѣмъ и отношенія между греками и болгарами во время русско-турецкой войны до 1878 г., а также и отношенія грековъ къ русскимъ за это время; но за то очень мало говорится о нашихъ отношеніяхъ къ болгарскому экзархату. Въ десятой главѣ представлено положеніе церковныхъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, созданное результатами русско-турецкой войны, а именно, разказывается о признаніи сербской церкви автокефальною въ 1879 г. и о перепискѣ, возбужденной по этому поводу константинопольскимъ патріархомъ съ нашимъ святѣйшимъ синодомъ о болгарскомъ экзархатѣ, при чемъ патріархъ желалъ заставить нашъ синодъ высказаться, признаетъ ли онъ схизму, или нѣтъ; за этимъ излагается отвѣтъ синода патріарху (стр. 187—190). Не совсѣмъ, по-моему, точенъ г. Тепловъ, въ комментированіи какъ этого синодальнаго посланія, такъ

¹⁾ Некоторые замѣтки объ этомъ можно найти въ статькѣ „Любители истины“ По поводу вопроса объ Аеонскомъ монастырѣ св. Симеона. С.-Пб. 1874, существующихъ въ нѣсколькихъ издачіяхъ, — въ *Голосѣ*, *Московскихъ Видѣностяхъ* и *Домашней Бесѣдѣ* 1874 г. и извѣстныхъ и во французскомъ и греческомъ переводахъ (Константинополь. 1874).

и предыдущаго (стр. 151—152). Судя по представленнымъ авторомъ книги отрывкамъ посланія, видно, что нашъ синодъ, уклоняясь отъ отвѣта на вопросъ, признаетъ ли онъ схизму, или нѣтъ, — становится въ роль примирителя, указывая, какимъ образомъ на основаніи каноновъ слѣдуетъ принимать болгаръ въ общеніе съ великою церковью. Далѣе разказывается о стараніи экзарха „искать наиболѣе практическія средства улучшить положеніе болгарскаго духовенства и поднять его вліаніе“ и о переѣздѣ экзарха въ Константинополь по требованію македонцевъ. Затѣмъ изложено вкратцѣ новое устройство православной церкви въ Босніи и Герцеговинѣ послѣ оккупациі этихъ провинцій Австріей. Далѣе излагается исторія новыхъ недоразумѣній между патріархіей и экзархіей по поводу, съ одной стороны, возбужденія патріархомъ вопроса объ уплатѣ экзархатомъ причитающейся на его долю части общаго долга великой церкви съ процентами за 17 лѣтъ, при чемъ авторъ приводитъ сумму долга по епархіямъ, а съ другой — обращенія экзарха къ международной комиссіи, разсматривавшей уставъ о реформахъ, введенныхъ по XXIII статьѣ Берлинскаго трактата въ Европейской Турціи, съ просьбою о содѣйствіи для послыки болгарскихъ епископовъ въ Македонію и о включеніи въ органическій уставъ Восточной Румелии не мусульманскихъ общинъ, при чемъ обнаружилось, что противъ болгаръ въ международной комиссіи съ особенною силою ратовалъ австрійскій делегатъ, особенно во время преній по вопросу о замѣщеніи вакантныхъ архіерейскихъ кафедръ. Наконецъ, довольно подробно разказывается исторія столкновеній экзарха съ болгарскимъ правительствомъ въ министерство Др. Цанкова, „вообразившаго себя главой болгарской церкви“, до составленія устава церковнаго управленія въ болгарскомъ княжествѣ въ 1880 г. и послѣ его обнародованія. Изъ этого изложенія обнаруживается весьма не привлекательная роль Цанкова въ дѣлахъ церкви и экзарха въ Болгаріи, и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно видно отношеніе нашего синода къ вопросу о каноничности болгарскаго экзархата (стр. 211). Въ одиннадцатой главѣ представлено состояніе греко-болгарскаго вопроса съ конца 1880 по конецъ 1881 года, которымъ оканчивается книга г. Теплова. Авторъ задался прекрасною цѣлью изобразить то опасное положеніе болгаръ и константинопольской патріархіи, которое произошло вслѣдствіе греко-болгарской распри и провозглашенія болгарской схизмы. Онъ указываетъ на тяжелое положеніе, въ какомъ очутилась патріархія вслѣдствіе потери Болгаріи и Восточной Румелии, и на усугубленную дѣятельность патріар-

хія по отношенію къ Македоніи, бѣдственное церковное положеніе которой онъ рисуетъ довольно рельефно. Съ другой стороны, онъ ставитъ на видъ грозящую болгарамъ опасность со стороны католической и протестантской пропаганды, о которыхъ онъ даетъ нѣкоторые статистическія свѣдѣнія, достовѣрности, впрочемъ, весьма относительной. Вообще дѣятельность этихъ пропагандъ изображена довольно блѣдно: не указаны даже главные пункты ихъ в почти только намекается на звенья, связующія ихъ съ ихъ покровительницами: Австро-Венгрією и другими западно-европейскими государствами. За то прекрасно изображено пассивное и индифферентное отношеніе болгаръ къ усиленной дѣятельности пропаганды и, главнымъ образомъ, болгаръ, зараженныхъ религіознымъ индифферентизмомъ подъ вліяніемъ воспитанія и образованія ихъ въ школахъ пропаганды или на западѣ. „Большинство болгаръ, включая сюда и нѣкоторыхъ лицъ изъ высшаго духовенства, не отдастъ себѣ, повидимому, яснаго отчета во всей серьезности вынѣшняго положенія и въ необходимости, въ выгодахъ самой Болгаріи, придти къ соглашенію, — предполагая, что это излишне, что время лучшей врачъ и что церковный греко-болгарскій вопросъ долженъ разрѣшиться какъ-то самъ собою“ (стр. 220). Нужно сознаться, что эти слова проникнуты глубокою правдою. Не меньшая правда заключается и въ слѣдующихъ заключительныхъ строкахъ главы: „Первое средство къ огражденію церковной и національной самостоятельности болгарскаго народа должно состоять въ единеніи съ вселенскою церковью. Такимъ образомъ, правильно понимаемыя выгоды обѣихъ враждующихъ народностей—греческой и болгарской—настойтельно требуютъ, чтобы онѣ наклинули покрывало забвенія на обоюдныя ошибки прошлаго и взаимными уступками пришли къ соглашенію. Но пусть помнятъ онѣ, что время не терпитъ и что нельзя откладывать теперь уступки, такъ какъ настоящій моментъ при поступательномъ движеніи Австріи на Востокъ весьма важенъ для политической будущности христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова. Нинѣ онѣ стоятъ, такъ сказать, на распутии, и ихъ государственной мудрости предстоитъ рѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли имъ по одиночкѣ сдѣлаться добычею Австро-Венгріи, или же въ союзѣ между собою и при содѣйствіи Россіи обезпечить себѣ прочное развитіе своей національной самостоятельности“ (стр. 227 — 228). Вообще можно замѣтить, что все содержаніе этой главы проникнуто теплою любовью къ благу православія, и главу эту нужно принимать одною изъ лучшихъ въ книгѣ г. Теплова. Двѣнадцатая, по-

слѣдняя, глава составляетъ какъ бы продолженіе предыдущей; въ ней авторъ, представляя статистику христіанскаго этнографическаго состава областей Европейской Турціи, предлагаетъ условія соглашенія между греками и болгарами. Я не буду распространяться объ этихъ условіяхъ; нѣкоторыя, — если не большая часть ихъ, — вслѣдствіе переменъ обстоятельствъ уже теперь устарѣли или не удобоисполнимы. Нѣкоторыя стороны вопроса или спора само собою разрѣшатся въ силу переменъ политическихъ обстоятельствъ, что довольно вѣрно отмѣтилъ г. Филипповичъ, по поводу замѣтокъ котораго написалъ свою брошюру отмѣченную въ заглавіи нашей статьи г. Шоповъ, генеральный секретарь болгарской экзакціи. За то заслуживаютъ полнаго вниманія статистическія свѣдѣнія, приводимыя г. Тепловымъ; они, навѣрное, разсвѣтятъ ту неопредѣленность понятій объ этнографическомъ составѣ Фракіи и Македоніи, какаго существуетъ въ нашемъ обществѣ, и дадутъ понятіе о достовѣрности цифръ, приводимыхъ греками, о греческомъ населеніи Македоніи. Свою книгу г. Тепловъ заканчиваетъ патетическими словами, обращенными къ спорящимъ сторонамъ о примиреніи.

Такимъ образомъ книга г. Теплова представляетъ греко-болгарскій вопросъ во всей его полнотѣ. Нельзя, однако, думать, что авторъ исчерпалъ вопросъ во всѣхъ его подробностяхъ и установилъ настоящій взглядъ на всѣ его фазисы. Несомнѣнно, что и послѣ него осталось не мало сдѣлать по изслѣдованію этого вопроса. Это обстоятельство усиливается еще тѣмъ, что авторъ не указываетъ на то, что сдѣлано раньше его, его предшественниками по выясненію этого вопроса, и не приводитъ ни одной цитаты. Поэтому нѣрѣдко кажется, что объ рѣшаетъ тотъ или другой пунктъ вопроса не на основаніи данныхъ, а такъ, какъ ему представляется дѣло. Такимъ образомъ книга представляетъ скорѣе публицистическое произведеніе, чѣмъ историческое изслѣдованіе. Но при всемъ этомъ, она является дѣльнымъ вкладомъ въ русскую литературу, въ виду того, что устанавливаетъ извѣстныя рамки или объемъ историческаго хода вопроса. Читатель ея можетъ составить себѣ ясное, полное и болѣе или менѣе вѣрное понятіе объ историческомъ ходѣ греко-болгарской церковной распри. Наконецъ, книга г. Теплова написана весьма живо, гладкимъ и вполне литературнымъ языкомъ, и ее можно читать легко и съ увлеченіемъ.

Ш. Сырму.

Дунай, какъ международная рѣка. А. Л. Форштетера. Москва. 1890.

Наша русская литература по международному праву весьма не богата, и всякое появленіе новой книги составляетъ для нея отрадное событіе. Поэтому не иначе, какъ съ радостью, должны мы привѣтствовать вновь вышедшее изслѣдованіе А. Л. Форштетера: „Дунай, какъ международная рѣка“. Этой книгой вѣсколько пополненъ пробѣлъ, существующій въ нашей монографической литературѣ по столь важному вопросу, какъ международное рѣчное судоходство. Единственная монографія по этому предмету (Наумова „О судоходствѣ по Шельдѣ“) вышла въ свѣтъ въ томъ самомъ 1856 г., когда Дунай, о которомъ говоритъ изслѣдованіе г. Форштетера, только что былъ провозглашенъ международной рѣкой.

Въ книгѣ г. Форштетера двѣ части, изъ которыхъ первая — историко-теоретическое введеніе—весьма слаба, а вторая, излагающая ходъ развитія международного судоходства по Дунаю и его современное состояніе, обработана тщательно и представляетъ весьма серьезный интересъ. Различіе обѣихъ частей обнаруживается уже на литературныхъ указаніяхъ: между тѣмъ какъ литература, относящаяся специально къ дунайскому судоходству, приведена почти вся, пособія для первой части подобраны совершенно случайно. Такъ, въ числѣ руководствъ по международному праву пропущенъ трудъ Rgadier-Fodéré¹⁾, въ которомъ вопросу о международномъ рѣчномъ судоходствѣ посвящена цѣлая сотня страницъ, а приведенъ Calvo у котораго по данному предмету можно найти весьма немного указаній. Не упомянуты, далѣе, новыя изслѣдованія Engelhardt'a, появившіяся въ 1888—1889 гг., по теоріи и исторіи рѣчнаго судоходства²⁾, а указаны работы, имѣющія лишь косвенное отношеніе къ этому вопросу, какъ Garbouleau, Ортоланъ, Weiske (стр. VII). Мы не требуемъ полноты литературныхъ указаній, но желали бы, однако, видѣть лучшей выборъ пособій. Затѣмъ обращаемся къ разбору первой части.

Исторія международныхъ рѣкъ (IX — XVIII) изложена авторомъ слишкомъ кратко, съ пропускомъ многихъ событій, важныхъ для

¹⁾ *Traité de droit internat. public européen et américain*, t. II. Paris. 1885 pp. 223—321.

²⁾ *L'origine et la constitution des communautés fluviales conventionnelles* въ *Revue d'hist. diplom.* 1888, p. 497, и исторія международного рѣчнаго судоходства въ *Revue historique de droit* за декабрь 1888 г. и январь 1889 г.

уясненія хода развитія международнаго судоходства по рѣкамъ. Усвоивъ себѣ неправильный взглядъ на древность, какъ на эпоху возведенной въ принципъ войны между народами (IX) ¹⁾, авторъ не говоритъ о рѣчномъ судоходствѣ въ этотъ періодъ и, указавъ вкратцѣ на неблагоприятное вліяніе феодализма, но умалчивая при этомъ о средствахъ борьбы, къ которымъ прибѣгали торговые города, переходитъ къ знаменитому декрету 1792 г., данному исполнительнымъ комитетомъ французской республики. Мимоходомъ затронувъ одно изъ постановленій Вестфальскаго мира, авторъ дѣлаетъ невѣроятное предположеніе о вліяніи Гроціева „*Mare liberum*“ на рѣшенія конгресса, когда хорошо извѣстно, что делегаты его руководились исключительно лишь эгонистическими расчетами своихъ довѣрителей и нисколько не были увлечены идеей свободы судоходства ²⁾. Сравнивая декретъ 1792 г. съ постановленіями вѣнскаго конгресса 1815 г., г. Форштетеръ не удачно поленяяруеть съ *Pigantonî* и, далѣе, съ *Engelhardt'омъ*, защищая актъ 1815 г. и дѣятельность представителя Пруссіи, барона Гумбольдта. Съ этой цѣлью въ приводимой имъ статьѣ 109-й. Вѣнскаго трактата онъ пропускаетъ слова „въ отношеніи торговли“ (*sous le rapport du commerce*), вставленныя въ редакцію *Dalberg'a* барономъ Гумбольдтомъ и совершенно исказившія ея либеральный смыслъ (XVI). Измѣнивъ по-своему текстъ статьи 109-й ³⁾, авторъ заявляетъ затѣмъ, что „ничѣмъ нельзя

¹⁾ Въ другой мѣстѣ (XXVIII) авторъ приписываетъ древнимъ государствамъ какія-то догмы политико-экономическаго ученія, которыя будто бы заставляли ихъ заниматься и не допускать на свои рѣки никакого чужеземнаго судна.

²⁾ Это извѣствуетъ изъ другаго постановленія того же Вестфальскаго мира (§ 14 Министерскаго инструмента), въ силу котораго Голландія предоставлено право навсегда заврмы бельгійцамъ доступъ къ морю черезъ устья р. Шальды. Что же касается постановленія § 9 Оленбургскаго инструмента, имѣющаго въ виду облегченіе рѣчнаго судоходства, то оно вызвано не „горячею проповѣдью“ Гуго Гроціа, а расчетами государей, потерявшихъ свои прежніе доходы, благодаря упадку торговли и обратившихся къ ганзейскимъ городамъ съ запросомъ о средствахъ къ восстановленію упавшей торговли. Отвѣтъ, представленный ганзейскими городами, и сталъ основаніемъ вышеупомянутой статьи договора.

³⁾ Вообще должно замѣтить, что г. Форштетеръ относителъ къ текстамъ слѣшкомъ небрежно и обращается съ ними съ излишней свободой. Такъ, кромя указанного пропуски, дающаго ему возможность поленяяруеть съ *Pigantonî* и *Engelhardt'омъ*, можно указать еще на пропускъ въ концѣ статьи 5-й парижскаго трактата 1814 г. слово: „dans leur cours navigable“ (XII); слова „*assez indépendant*“ переведены „почти независимо“, „*en facilitant*“—, черезъ доставленіе наилучшихъ удобностей“ (XVI, ст. 111).

оправдать рѣзкую критику", которой подвергъ ее Engelhardt. Въ послѣдующей судьбѣ международнаго рѣчнаго судоходства упоминается только берлинская конференція 1885 г., безъ указанія на ея работы, и затѣмъ открытіемъ р. Каруна для международнаго судоходства заканчивается весь историческій очеркъ.

Теоретическая часть работы (стр. VII— VIII; XVIII — XXXVIII) столь же слаба, какъ историческая. Впрочемъ, авторъ даетъ вполне правильное опредѣленіе теоретическаго понятія международнаго рѣки, считая таковой „всякую судоходную рѣку, впадающую въ открытое море" (VIII). Но къ этому выводу онъ приходитъ путемъ весьма страннаго предположенія, будто въ глазахъ делегатовъ вѣнскаго конгресса „выраженія „большая рѣка" и „рѣка, протекающая по территоріи двухъ или нѣсколькихъ государствъ" казались синонимическими", что рѣшительно ничѣмъ не доказано и ни откуда не слѣдуетъ.

Воплнѣ правильно смотритъ, далѣе, авторъ на вопросъ о свободѣ судоходства, который признаетъ самостоятельнымъ и не зависящимъ отъ того или иного рѣшенія вопроса о правѣ собственности на рѣку (XXIII); но разсужденіе, слѣдующее за этимъ (XXIV), можно бы безъ ущерба опустить, такъ какъ оно только затеняетъ вопросъ. Говоря о юридической природѣ судоходныхъ рѣкъ, г. Форштетеръ высказывается противъ мнѣнія Carathéodory и другихъ, которые полагаютъ, что рѣки не способны перейти въ индивидуальное обладаніе и должны быть признаваемы за *res communes*. Приводимые имъ доводы (XXIV— XXVII) далеко не убѣдительны и нѣкоторые изъ нихъ даже комичны, какъ доводъ противъ того, что проточная вода, благодаря своему непрерывному движенію, не поддается фактическому захвату. „Всякому извѣстно, говоритъ авторъ (XXV), что въ морѣ нѣтъ абсолютнаго покоя, что все видимое находится въ постоянномъ движеніи", а потому пришлось бы „отрицать право собственности и на землю, которая также находится въ непрерывномъ вращеніи, и на всѣ предметы растительнаго и животнаго царства, которые подвергаются вѣчной смѣнѣ однихъ жизненныхъ клѣточекъ на другія" и т. д.

Авторъ считаетъ теоретически безспорнымъ абсолютное право собственности государства на орошающія его территорію рѣки (XXVII), признаетъ возможность сособственности нѣсколькихъ государствъ на одну и ту-же рѣку (XXIX), а право пользованія ею для цѣлей судоходства подводитъ подъ понятіе сервитута (XXXII), хотя гораздо удобнѣе было бы признать всѣ права, которыми государства пользу-

ются на чужой рѣкѣ, не сервитутами, а естественными ограниченіями собственности, какъ это, повидимому, и имѣлъ въ виду авторъ, когда раньше (XXXI) отрицалъ за собственностью ея абсолютный, неограниченный характеръ. Возможность законодательныхъ ограниченій собственности г. Форштетеръ понимаетъ слишкомъ узко. „Предѣлъ ихъ, говоритъ онъ (XXIII—XXIV),—избавить третьи лица отъ вреда, наносимаго имъ неограниченнымъ правомъ собственности. Но заботиться о выгодахъ третьихъ лицъ,... даже безъ всякаго ущерба для себя, законодатель оставляетъ на усмотрѣніе субъектовъ правъ: *quod tibi non nocet et alteri prodest, ad id potes compelli*. „Potes^o можешь, но не обязанъ“. Изреченіе юриста здѣсь, очевидно, совсѣмъ не у мѣста и направлено какъ разъ противъ г. Форштетера, ибо слова „*potes compelli*“ именно указываютъ на возможность принудительнаго ограниченія права собственности ради выгодъ третьихъ, когда отъ этого не послѣдуетъ ущерба для самого собственника, а вовсе не предоставляютъ рѣшеніе этого вопроса на усмотрѣніе собственника („можешь, но не обязанъ“, какъ заявляетъ авторъ). Всѣ дальнѣйшія разсужденія, покоясь на этомъ невѣрномъ основаніи, не могутъ быть особенно убѣдательны.

Изъ другихъ теоретическихъ вопросовъ авторъ останавливается только на задачахъ международныхъ рѣчныхъ комиссій (XX—XXIII), совершенно игнорируя дѣльный рядъ другихъ вопросовъ, имѣющихъ существенное значеніе для дѣла автора—выяснить современное положеніе судоходства по Дунаю. Таковы вопросы о притокахъ, объ устьяхъ, о нейтралитетѣ. Они приобретаютъ особенную важность именно въ примѣненіи къ интересующей автора международной рѣкѣ.

Въ главной части изслѣдованія, посвященной исторіи и современному состоянію судоходства по Дунаю, мы уже не встрѣчаемъ того небрежнаго отношенія къ дѣлу, какое видѣли раньше. Передъ нами какъ бы другая работа, весьма обстоятельная и серьезная, написанная съ видимою любовью къ дѣлу. Вся судьба Дуная, начиная съ Парижскаго трактата 1856 г. и кончая вопросомъ о Килийскомъ рукавѣ и австро-румынскимъ споромъ, доселѣ не улаженнымъ, изложена прекрасно и съ умѣньемъ. Нѣсколько слабѣе передана эпоха дунайскаго судоходства до 1856 года.

Не останавливаясь на разборѣ этой, въ общемъ прекрасной, части труда, мы ограничимся указаніемъ на нѣкоторыя слабыя стороны и на мнѣнія автора, съ которыми трудно согласиться.

Извѣстно, что наше правительство, вступивъ въ середина настоящаго

шаго столѣтія въ обладаніе устьями Дуная, относилось къ нимъ съ вѣкоторою небрежностью и своими карантинными стѣсненіями вызывало справедливыя жалобы западныхъ державъ. Брошюры, въ которыхъ указывалось на это печальное состояніе дунайскаго судоходства, г. Форштетеръ клеймитъ названіемъ памфлетовъ (стр. 9), въ томъ числѣ и брошюры извѣстнаго поборника за свободу судоходства Вурма, хотя самъ не въ состояніи опровергнуть приводимыхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о препятствіяхъ, которыя встрѣчало судоходство на Нижнемъ Дунаѣ. Нельзя считать опроверженіемъ тѣ доводы, которые приводитъ авторъ. „Если бы, говорить онъ, предполагаемыя злоупотребленія Россіи имѣли мѣсто на рѣкѣ, признанной международною..., Россія совершала бы правонарушеніе въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова. Пока же Дунай не былъ провозглашенъ международною рѣкой, пока территоріальные владѣльцы его не были ограничены въ своихъ дѣйствіяхъ никакимъ договоромъ, Россія имѣла юридическое право (?) поступать съ принадлежащею ей секціей Дуная, какъ угодно... Правонарушенія не могло быть, ибо не было права, которое можно было бы нарушить“ (стр. 12). Но право существовало и именно такое „юридическое право“, какъ нѣсколько плеонастически выражается авторъ. Это признавало само русское правительство, и у г. Форштетера можно найти доказательство этого въ правдивыхъ имъ словахъ депеши гр. Нессельроде (стр. 25), гдѣ говорится о готовности Государя вести переговоры относительно дунайскаго судоходства, „которое существуетъ по праву“ (qui existe de droit). Фактически нельзя было пользоваться этимъ правомъ вслѣдствіе засоренія устьевъ, но послѣднее произошло опять таки по нашей винѣ, и мы совершили правонарушеніе, не предпринявъ ничего для очистки Сулинскаго рукава, къ чему насъ обязывала статья 5-я договора 1840 г., о которой авторъ умалчиваетъ¹⁾. Задача добросовѣстнаго изслѣдователя состоитъ не въ томъ, чтобы оправдывать себя во что бы то ни стало, а въ томъ, чтобы указать истинныя причины такого или иного отношенія къ дѣлу, что большей частью объясняется не вѣрно понатыми интересами государства.

¹⁾ Каково было положеніе судоходства по Нижнему Дунаю послѣ перехода устьевъ отъ Турціи, свидѣлствуетъ свѣтъ, о которомъ упоминается и въ разбираемой нами книгѣ (стр. 24). Въ началѣ 50-хъ годовъ Австрія была занята проектомъ устройства сухопутной дороги для сношеній съ Чернымъ моремъ поими Дуная, — свѣтъ, встрѣчаемый въ исторіи только въ средніе вѣка, когда рѣка была зарушена завалами для сбора пошлинъ.

По поводу парижской конференціи 1858 г. и рѣчи барона Нибперга авторъ возвращается къ вѣнскому конгрессу 1815 г. и возражаетъ противъ обычнаго и весьма понятнаго правила — въ случаѣ неясности текста договора обращаться за разъясненіемъ къ протоколамъ (стр. 46), какъ это сдѣлалъ делегатъ Австріи, желая доказать, что вѣнскій конгрессъ не имѣлъ въ виду „предоставить одни и тѣ же права подданнымъ не прибрежныхъ, что и подданнымъ прибрежныхъ государствъ“. Текстъ статьи 109-й, вопреки мнѣнію г. Форштетера, нисколько этому не противорѣчитъ: онъ устанавливаетъ равенство для всѣхъ націй, но только въ отношеніи торговли, а не судоходства, какъ этого желалъ лордъ Слэнсарту, когда предложилъ свою редакцію статьи 109-й, отвергнутую конгрессомъ. Однако, не позволяя барону Нибпергу обращаться къ протоколамъ, авторъ не только разрѣшаетъ это себѣ лично (стр. 128, 130), но считаетъ, и не безъ основанія, постановленія протоколовъ столь же обязательными, какъ и текстъ договора. Такъ, онъ заявляетъ, что Россія обязывается „торжественное обѣщаніе ея полномочнаго, занесенное въ протоколъ конференціи“ 1883 г. (стр. 132), и, перечисляя статьи этой конференціи, замѣчаетъ: „къ этимъ статьямъ должно прибавить постановленіе конференціи, не вошедшее въ трактатъ, но занесенное въ протоколъ засѣданія 7-го марта 1883 г. и имѣющее такую же законную силу, какъ статьи, вошедшія въ трактатъ“ (стр. 121).

Особенно долго останавливается авторъ на современномъ состояніи судоходства по Дунаю, на лондонской конференціи 1883 г. и ея послѣдствіяхъ. Вополнѣ правильно обосновываетъ онъ съ формальной стороны притязанія, предъявленныя конференціею со стороны Россіи относительно Килійскаго устья. Нападки, которымъ подверглись эти притязанія Россіи, удовлетворенныя конференціею, нашли справедливый отпоръ: онѣ основываются на предположеніяхъ о будущихъ злоупотребленіяхъ со стороны русскаго правительства, вступившаго въ обладаніе Килійскимъ гирломъ; но эти предположенія покоятся на прошломъ дунайскаго судоходства, отъ котораго Россія уже отреклась устами кн. Горчакова на парижскомъ конгрессѣ 1856 г. и барона Моренгейма на лондонской конференціи 1883 г., такъ что всѣ опасенія за свободу судоходства по Нижнему Дунаю, являются лишь запоздалымъ отголоскомъ старой эпохи до парижскаго конгресса 1856 г.

Австро-румынскому конфликту, вызванному учрежденіемъ на Среднемъ Дунаѣ такъ-называемой Смѣшанной комиссіи, посвящена почти четвертая часть книги (стр. 67—115). Этотъ вопросъ въ настоящее

время, дѣйствительно, является наиболѣе важнымъ въ дѣлѣ дунайскаго судоходства и требуетъ возможно скораго рѣшенія. Обстоятельства австро-румынскаго конфликта изложены весьма подробно, доводы защитниковъ той и другой стороны взвѣшены съ должнымъ вниманіемъ, хотя противъ возраженій, которыя авторъ дѣлаетъ сторонникамъ Румыніи, можно сказать весьма многое. Безусловное поклоненіе передъ приговоромъ великихъ державъ приводитъ автора къ тому, что онъ становится на сторону Австріи противъ Румыніи. Въ австро-румынскомъ спорѣ мы рѣшительно присоединяемся къ германскимъ публицистамъ, принимая сторону Румыніи; мы думаемъ, что ея протестъ послужитъ на пользу дунайскому судоходству и приведетъ въ будущемъ къ установленію, если не единому, то во всякомъ случаѣ менѣе разнообразнаго режима на этой важнѣйшей изъ всѣхъ международныхъ рѣкъ Европы.

Заканчивая оцѣнку труда г. Форштетера, мы можемъ лишь повторить то, что уже сказано въ предисловіи къ нему В. А. Уляницкимъ, принявшимъ на себя его редакцію. Вопросъ о Дунаѣ, дѣйствительно, изложенъ авторомъ вполне обстоятельно (стр. 6); но въ виду того, что книга предназначалась и для неспеціалистовъ (стр. V), можно было ожидать, хотя бы краткаго, но полнаго историческаго очерка и изложенія въ сжатомъ видѣ всѣхъ теоретическихъ вопросовъ международнаго рѣваго судоходства. Эта историко-теоретическая часть изслѣдованія весьма слаба. За то вторая часть, спеціально относящаяся къ Дунаю, заслуживаетъ серьезнаго вниманія, хотя и въ ней мы не можемъ не замѣтить, вмѣстѣ съ г. Уляницкимъ, „слишкомъ довѣрчиваго иногда отношенія къ дипломатическимъ документамъ и склонности къ идеализированію“ международныхъ актовъ, которые въ основѣ своей имѣютъ чисто политическія соображенія и лишь прикрываются правовыми мотивами.

В. Грабарь.

Воспоминанія о В. И. Грингоровичѣ. *Ф. И. Успенскаго*. Одесса. 1890.

Недавно младшій изъ русскихъ университетовъ — Новороссійскій (Томскій еще въ зародышѣ) праздновалъ свое первое двадцатипятилѣтіе. По этому случаю проф. Успенскому пришла благая мысль вспомнить дѣятельность одного изъ первыхъ профессоровъ этого университета, которому выпало на долю — намѣтить то поле, на какомъ преимущественно должна развиваться дѣятельность истори-

ковъ-профессоровъ и воспитанниковъ этого университета. Поставленный въ край, полнымъ историческими воспоминаніи, переносящихъ насъ далеко за предѣлы эпохи основанія русскаго государства, край, бывшемъ поприщемъ дѣятельности многихъ народовъ, край, наконецъ, поставленномъ географіею въ ближайшихъ отношеніяхъ къ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ народамъ, живущимъ за предѣлами русскаго государства, — университетъ этотъ имѣеть, кромѣ общей задачи каждаго университета — приносить высшую науку въ то общество, посреди котораго онъ существуетъ, еще специальную задачу — изучить этотъ край и сдѣлать его настоящее и прошедшее достояніемъ науки и тѣмъ, стало быть, поднять сознаніе и положить основы будущему. Показателями этого пути явились въ Новороссійскомъ университетѣ В. И. Григоровичъ и Ф. К. Брунъ. Авторъ сближаетъ ихъ общею имъ преданностію наукѣ и характеромъ, стоящимъ выше ежедневныхъ дразгъ, тѣмъ, что называется „не отъ міра сего“. Онъ не говоритъ, почему онъ выбралъ преимущественно характеристику Григоровича, не смотря на то, что дѣятельность Бруна надъ изученіемъ Новороссіи была и продолжительнѣе и обильнѣе; но читатель можетъ понять, что причиною была разница между ними, состоящая въ томъ, что интересы Бруна были чисто научные, спеціальныя, а интересы Григоровича проникнуты были ясно высказываемою имъ философскою мыслью; оттого у Бруна можно многому научиться, а за Григоровичемъ должно идти, хотя, по вѣрному замѣчанію автора, дѣятельность его проявилась въ небольшихъ и не многочисленныхъ статьяхъ, разсѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ или появившихся въ рѣдкихъ теперь брошюрахъ; капитальнаго труда ждали отъ Григоровича и не дождались. Не смотря однако на то, дѣятельность Григоровича, какъ ее объясняетъ блестящая характеристика, сдѣланная Ф. И. Успенскимъ съ тѣмъ мастерствомъ, въ которомъ онъ приучилъ насъ въ своихъ статьяхъ, имѣющихъ популярный, а не спеціальный характеръ, дѣятельность эта — прокладывающая путь (*Bahnbrechend*). Воспитанникъ романтическо-философской эпохи, поэтически-восторженный Григоровичъ ставилъ выше всего идею и ей служилъ всю свою жизнь. Идея эта особенно ярко предстала передъ нимъ, когда въ Римѣ, поднавшись на Monte Savo, онъ созерцалъ окрестность, и, прозрѣвая значеніе Рима, онъ выразилъ эту свою идею въ магистерской диссертациі: „Опытъ изложенія литературы славянъ“, эпиграфомъ которой взялъ слова Гереля: „Keine grosse Völkerguppe, kein wichtiges Studium der

Geschichte ohne den zu Grunde liegenden Gedanke ist, dass alle Uebergänge und Entwicklungen aus den vorhergehenden sich nachweisen lassen". Проф. Успенскій такъ характеризуетъ это первое сочиненіе Григоровича: „Установивъ въ славянской исторіи обособляющія начала, давшія выраженіе противоположностямъ и таинственнымъ различіямъ, авторъ приводитъ затѣмъ эти начала къ общимъ идеямъ и идеаламъ челоѳчества съ цѣлю показать участіе славянъ въ разработкѣ этихъ послѣднихъ". Въ своемъ извѣстномъ „Путешествіи по Европейской Турціи" авторъ слѣдитъ и индивидуальныя и общечелоѳческія черты у славянъ, указывая на объединяющее значеніе христіанства. Въ своей вступительной лекціи въ Московскомъ университетѣ Григоровичъ указываетъ на объединительное значеніе церковно-славянскаго языка. Въ Москвѣ Григоровичъ былъ не долго: занявъ мѣсто Бодянскаго, административно удаленнаго, онъ не возбудилъ сочувствія въ студентахъ; тѣмъ не менѣе однако Гильфердингъ, — что видно изъ писемъ его къ Григоровичу, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ" послѣ смерти того и другаго, — считалъ именно его, а не Бодянскаго своимъ учителемъ. Въ Кавани, въ рѣчи о Сербіи, Григоровичъ указалъ на значеніе для славянской исторіи Византіи и представлялъ блестящую характеристику отношенію грековъ къ другимъ племенамъ Балканскаго полуострова. Проф. Успенскій совершенно основательно считаетъ его первоначальникомъ византійскихъ занятій въ русской наукѣ. Высокое значеніе этой рѣчи было тогда же оцѣнено Котляревскимъ (см. т. I-й его сочиненій). Въ Одессу привлекли Григоровича надежды объединить здѣсь, съ помощью мѣстныхъ силъ, занятія византійскія, славянскія и румынскія. Мысль не удалась. Григоровичъ даже одно время отчаялся въ будущности университета; но скоро воспрянулъ и съ жаромъ принялся за изученіе мѣстной географіи и этнографіи. Такъ онъ изучилъ документы архива главнаго штаба, относящіеся до края, совершалъ поѣздки, въ которыхъ не обращался за свѣдѣніями къ властямъ, а спрашивалъ мѣстныхъ жителей. Привлекательный образъ Григоровича (чужачество котораго чрезвычайно хорошо объяснилъ Ф. И. Успенскій) обрисовывается его любовными отношеніями къ студентамъ, не простиравшимися однако до уступки ихъ неразумнымъ требованіямъ. „Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ" — не только воспоминанія о заслуженномъ челоѳѣ; они виѣстѣ съ тѣмъ возбуждаютъ вниманіе къ его руководящей мысли, сознаніе которой должно стать достояніемъ общества; они

также прививаютъ мѣстныхъ дѣателей къ плодотворной работѣ на полѣ, указанномъ имъ Григоровичемъ. Чтеніе такой книги можетъ и должно возбудить много хорошихъ чувствъ, и за это нельзя не поблагодарить автора.

В. Вестушевъ-Рюминъ.

Бъ статьѣ П. А. Ровинскаго „Раскопки древней Діоклеѣ“.

Найденные при раскопкахъ, произведенныхъ въ древней Діоклеѣ, и напечатанные въ июльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (Отдѣлъ класс. филол., стр. 10) обломки латинской надписи подлежатъ нѣсколько иному толкованію, чѣмъ то, которое даетъ имъ почтенный издатель. Сопоставляя ихъ, видимъ прежде всего, что текстъ надписи повторился на архитравѣ, по меньшей мѣрѣ, два раза—предположительно на передней и задней сторонахъ аданія. Къ одной части относятся обломки: 4, 5, 1; къ другой 7, 8, 9; обломокъ 2-й къ главной надписи не принадлежитъ. Изъ сопоставленія обѣихъ редакцій главной надписи текстъ ея можетъ быть восстановленъ въ слѣдующемъ видѣ:

M. FL(avi) M. F(ilio) Q(ui)rina) BALBINO. HVIC. DEFVNC(to) ORDO
DOCL. HONORES OMNES ET STATVAM
EQUESTREM [dedit].. FL. FRONTO ET FL. TERTVLLA PARENTES
INAVRAVERVNT.

Изъ этого текста явствуетъ, что аданіе сооружено въ честь и память нѣкоего Бальбина, сына Флавія Фронтонна и Флавія Тертулли, которому, послѣ его кончины, въ благодарность за оказанныя городу услуги, муниципальный сенатъ присудилъ всѣ обычные почести и копную статую, безъ сомнѣнія, бронзовую, которую его родители вывезли на свой счетъ (сравни. *augo inlustrem statuam* на извѣстной базѣ Слиммаха у Ог. 1186). Обломокъ 2-й относится къ надписи, посвященной въ честь отца этого Бальбина, Флавія Фронтонна, ничего общаго съ извѣстнымъ Фронтонномъ не имѣющаго; въ его *gentilicium* можно извлечь дополненіе къ DIVI во второй строчкѣ, прибавивъ: *Vespasiani*. Фрагментъ этотъ важенъ въ томъ отношеніи, что позволяетъ отнести Діоклею къ трибѣ *Quirina*. До сихъ поръ въ Далмаціи встрѣчались лишь двѣ трибы: *Sergia* и *Tromentina* (J. W. Kubitschek. *Imperium romanum tributim discriptum*. Vindob. 1889, p. 232 и сл.).

Ш. Немилевскій.

КНИЖНЫЕ НОВОСТИ.

Двадцатипятилѣтій Императорскаго Новороссійскаго университета. Историческая записка проф. *А. И. Маркевича*. Одесса.—Подъ скромнымъ названіемъ исторической записки издавъ обширный трудъ проф. Маркевича, заключающій въ себѣ исторію Новороссійскаго университета за первые 25 лѣтъ его существованія. Сочиненіе это составлено главнымъ образомъ по официальнымъ документамъ, но оживлено также свидѣніями изъ частныхъ источниковъ. Чтобы судить о размѣрахъ книги, достаточно сказать, что I-я глава, излагающая ходъ преобразованія Ришельевского лицея въ университетъ, заключаетъ въ себѣ 147 страницъ. Еще обширнѣе глава II-я, гдѣ обсервруется положеніе кафедръ въ университетѣ съ 1865 по 1890 годъ и сообщаются біографическія свидѣнія о преподавателяхъ и бібліографія ихъ трудовъ. Остальными главы посвящены обзору учебно-воспитательныхъ учрежденій университета, его управленія и содержанія, положенія учащихся, дѣятельности ученыхъ обществъ и съѣздовъ при университетѣ и т. д. Въ столь обширномъ трудѣ, который при томъ пришлось автору обработать въ извѣстномъ срокѣ, трудое было, конечно, избѣжать ошибокъ и недочетовъ. Г. Маркевичъ самъ постоянно указываетъ тѣ пробѣлы, которые онъ не въ состояніи былъ пополнить; быть можетъ, помощь его товарищей могла бы быть ему полезна въ этомъ отношеніи; но, къ сожалѣнію, слѣды такой помощи видны только со стороны немногихъ лицъ. Иногда свидѣнія сообщаются условно, съ оговорками: „кажется“, „повидимому“ и т. п., и должно замѣтить, что такіа оговорки попадаются нерѣдко въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ могла быть наведена документальная справка. Очевидно, подобныя приемы не уместны въ трудѣ серьезномъ. Нельзя также не замѣтить, что во многихъ частяхъ сочиненія изложеніе небрежно и потому совершенно не соответствуетъ важности предмета. Не смотря однако на указанные недостатки, нельзя не признать, что въ общемъ работа проф. Маркевича представляется весьма богатомъ фактами, на собраніе которыхъ авторъ не пожалѣлъ ни времени, ни усердія.

Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили слѣдующія книги:

С. Т. Голубевъ. Южнорусскій православный катехизисъ 1600 года. Киевъ.

Русская наука въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Публичная лекція, прочтенная 17-го апрѣля 1890 года въ актовомъ залѣ Императорскаго Новороссійскаго университета, по случаю двадцатипятилѣтія университета, ординарнымъ профессоромъ *В. И. Модестовымъ*. Одесса.

Отчетъ по постройкѣ зданія для Минусинскаго музея и библиотеки. Минусинскъ.

Лувлянъ. Сочиненія. Съ греческаго перевелъ *В. Алексеевъ*. Выпускъ второй. С.-Пб.

Иск. Кузнецовъ. Древнія могилы Минусинскаго округа. Съ приложеніемъ 18 таблицъ рисунковъ. Томскъ. 1889.

Отчетъ попечителя Кавказскаго ученаго округа о состояніи учебныхъ заведеній за 1889 годъ. Тифлисъ.

Сборникъ историческихъ материаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Выпускъ третій. Издакъ подъ редакціею *Н. Дубровина*. С.-Пб.

Историческая записка о Ростовскомъ городскомъ 4-классномъ училищѣ съ 1786 по 1888 годъ. Составилъ *А. А. Соколовъ*. Ярославль.

Методика рисованія. Вторая ступень. Руководство для учителей среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Выпускъ первый. Составилъ *А. К. Гортовъ*. Казань.

Краткій курсъ естествознанія для женскихъ гимназій. Часть I. Составилъ *Гр. С. Имятоевскій*. Тифлисъ.

Народная школа. Руководство для учащихся въ начальныхъ училищахъ. Составилъ *А. Анастасіевъ*. Симбирскъ.

Географія вообще и русская. Съ приложеніемъ 4-хъ картъ. Изданіе Комиссіи народныхъ чтеній подъ редакціею *И. П. Хрушова*.

ПОПРАВКА.

Въ июльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ отдѣлѣ Критики и библіографіи, на стр. 171-й, строка 2-я съ ниву, вкрадлась слѣдующая неточность:

<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
которое, впрочемъ,	и изданіе это.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Д. Шисале. Сборникъ статей для перевода на греческій языкъ. Для старшихъ классовъ русскихъ гимназій обработалъ *Е. Пасаликовский*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской I гимназiи. М. 1889. Въ 8-му стр. VIII+285. Цѣна 1 р. 25 коп.

Нѣмецкій подлинникъ вышеозначеннаго русскаго перевода явился въ свѣтъ подъ заглавiемъ: *Aufgabensammlung zum Uebersetzen ins Griechische von Dr. Gustav Wendt usw. und Dr. Karl Schnelle. Zweite Abtheilung. Für Secunda und Prima. Dritte Auflage. Berlin. 1885.* Учебникъ дѣлится на два курса, изъ которыхъ первый составленъ д-ромъ Шнелле, второй — д-ромъ Вендтъ. Достоинствами его надобно признать: 1) обиліе матеріала, доставляющее преподавателю возможность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мѣнять темы и не находиться въ необходимости изъ года въ годъ повторять тексты одного и того же содержанія; 2) цѣлесообразность статей относительно закона постепенно возрастающей синтактической трудности; 3) форма статей, которыя представляютъ собою связные разсказы, заставляющіе ученика выискать въ многообразные виды сочетанія предложеній и періодовъ; 4) любопытное содержаніе этихъ статей, удачно заимствованныхъ, по большей части, изъ читаемыхъ въ гимназіяхъ классическихъ авторовъ, съ надлежащими измѣненіями подлиннаго текста, въ виду примѣненія къ этимъ статьямъ синтактическихъ правилъ; 5) приложение толковаго сборника объяснительныхъ примѣчаній къ отдѣльнымъ статьямъ и общаго нѣмецко-греческаго словаря по алфавитному порядку. Эти отличныя свойства нѣмецкой книги уже раньше

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи явились въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

заставили одного изъ русскихъ педагоговъ-филологовъ, при составленіи сборника статей для перевода на греческій языкъ, воспользо-ваться трудомъ гг. Вендта и Шнелле. Въ 1876 вышелъ учебникъ: „Упражненія на правила синтаксиса и связныя статьи и т. д. Составилъ по Гаупту и Шнеллю Я. Кремеръ“. Кроме того, по словамъ г. Павликовского (см. предисловіе, стр. III), нѣкоторые преподаватели московскихъ гимназій давно уже обратили должное вниманіе на руководство Шнелле-Вендта и положили его въ основаніе классныхъ и домашнихъ упражненій въ переводахъ съ русскаго языка на греческій, не смотря на неудобства и потерю времени при употребленіи руководства, составленнаго на иностранномъ языкѣ. Вотъ, кажется, причины, побудившія г. Павликовского предложить первый курсъ нѣмецкаго учебника, составленный однимъ д-ромъ Шнелле, въ русскомъ переводѣ, который содержатъ въ себѣ общимъ числомъ 212 статей, подведенныхъ подъ слѣдующія главы теоретическаго синтаксиса: I глава § 1—18. Именительный и винительный падежи. II гл. § 19—41. Родительный падежъ. III гл. § 42—59. Дательный падежъ. IV гл. § 60—79. Статьи на всѣ падежи. V гл. § 90—105. Залоги глагола. VI гл. § 106—120. Времена глагола. VII гл. § 121—143. Наклоненія глагола. VIII гл. § 144—157. Неопредѣленное наклоненіе. IX гл. § 158—171. Причастіе, X гл. § 172—212. Смѣшанныя статьи. Нѣмецкій текстъ переданъ точно и вѣрно; отъ подлинника г. Павликовскій отступилъ лишь въ томъ, что онъ перенесъ помѣщенныя у Шнелле въ видѣ приложенія примѣчанія подъ самый текстъ, съ чѣмъ, впрочемъ, совершенно согласиться нельзя, такъ какъ мѣсто, назначенное примѣчаніемъ у Шнелле, болѣе заставляетъ ученика изучать и усвоивать себѣ синтаксическія и лексическія указанія, чѣмъ у переводчика. Грамматическія ссылки нѣмецкой книги г. Павликовскій замѣнилъ ссылками на два русскіе учебника, на „Греческій синтаксисъ гимназическаго курса“, сост. Э. В. Чернымъ, изд. 4. М. 1888, и „Синтаксисъ греческаго языка для гимназій“, сост. И. П. Млинарчичемъ. М. 1880.

Своимъ трудомъ г. Павликовскій доставилъ преподавателямъ греческаго языка новое учебное пособіе, которое, не говоря о необыкновенно тщательной внѣшней обработкѣ, отличается богатствомъ матеріала, представляющаго на каждое правило по нѣскольку страницъ равно-степенныхъ упражненій различнаго содержанія, удачною группировкою статей по синтаксической трудности, умѣлымъ приспособленіемъ русскаго текста къ предполагаемому греческому и, наконецъ, добро-

совѣстно составленнымъ словаремъ; только русскій слогъ статей, обнаруживающій вліяніе нѣмецкихъ оборотовъ подлинника, съ одной стороны, а съ другой—излишнее желаніе ваводить ученика на требуемые обороты греческаго перевода, потребовалъ бы во многихъ мѣстахъ тщательнаго пересмотра для слѣдующаго изданія.

Граматика греческаго языка. Составилъ *И. Марешъ*, инспекторъ Олонецкой гимназіи. Часть первая. Этимологія. С.-Пб. 1839. Въ 8-ю стр. 212. Цѣна 90 к.

Составитель вышеозначенной книги, объясняя цѣль своего труда, говоритъ въ предисловіи слѣдующее: „Въ настоящее время въ средѣ педагоговъ всѣхъ странъ установился вѣрный взглядъ, въ силу котораго необходимо заботиться о томъ, чтобы учащееся юношество не обременялось массою лишняхъ, иногда совершенно бесполезныхъ свѣдѣній по грамматикѣ, твердо усвоило себѣ главныя основанія этимологіи въ теченіе не продолжительнаго времени... и по возможности скорѣе приступило къ чтенію древнихъ писателей. Руководясь такимъ взглядомъ, я рѣшился, на сколько возможно, сократить объемъ этимологическаго матеріала, ограничиться лишь самымъ необходимымъ для чтенія древнихъ писателей и прибѣгать къ строго филологическому наложенію грамматическихъ явленій, въ сжатомъ видѣ, лишь тамъ, гдѣ это являлось неизбѣжнымъ въ интересахъ самаго дѣла, его упрощенія и подведенія разнородныхъ явленій подъ однородныя“. Въ чемъ состоитъ это сокращеніе этимологическаго матеріала,— не указано составителемъ; оно и не особенно замѣтно. Книга содержитъ въ себѣ приблизительно все то, что обыкновенно помѣщается въ школьныхъ учебникахъ этимологіи греческаго языка; намъ пришлось замѣтить только отсутствіе склоненія прилагательныхъ сложныхъ съ *ωος* и *κλως*, а также склоненія личнаго мѣстоименія 3-го лица, вмѣсто котораго является *αὐτός*; то и другое скорѣе похоже на нечаянный пропускъ, чѣмъ на намѣренное сокращеніе. Что касается „строго филологическаго наложенія“, въ которому составитель прибѣгалъ въ извѣстныхъ случаяхъ, то, вѣроятно, онъ имѣетъ въ виду объясненія образованія времецъ глаголовъ. Если въ § 55 составитель сообщаетъ первоначальныя личныя окончанія глаголовъ, то въ этомъ онъ слѣдуетъ примѣру почти всѣхъ послѣдователей Курціуса; мы сомнѣваемся однако, удобно ли сообщать эти окончанія передъ парадигмою настоящаго времени глагола *κείβεω*, въ спряженіи котораго большая часть этихъ окончаній не встрѣчается въ томъ видѣ, въ какомъ

она содержится въ таблицѣ; эту таблицу удобнѣе было помѣстить передъ парадигмами спряженія глаголовъ на *μ*. То же самое можно замѣтить относительно указанія (§ 56, д. 1), что примѣтом *optativi* служить *ι*; и это указаніе—не на мѣстѣ, но по крайней мѣрѣ, оно, равно какъ и предыдущее, само по себѣ не бесполезно и служить для успенія цѣлой группы явленій. Совершенно бесполезнымъ обремененіемъ учащихся, однако, слѣдуетъ считать слѣдующаго рода объясненія: § 65 „Греческая форма *Futuri*—есть форма сложная, состоящая изъ основы самого глагола и будущаго времени вспомогательнаго глагола *εἰμι* я есмь, основа котораго *εο* и *futurum* первоначально *εοω*, лат. его (аттлч. *εοομαι*).... Корень вспомогательнаго глагола *εο*, лат. *es* (*esse*) имѣетъ ту особенность, что иногда пронадаетъ его начальное *ε*, напримѣръ, лат. *sunt* произошло изъ *es-o-si*, *sunt* изъ *es-o-nti*, русское *суть* изъ *сѣтъ* (кор. *ес*+нос. звукъ и оконч.—*онтъ*); на этомъ основаніи можно предположить, что такое опущеніе буквы *ε* происходит и въ греческомъ языкѣ, гдѣ *fut.* отъ *εἰμι* можетъ быть—*εο* вмѣсто *εοω*“. Или: § 67: „Какъ при образованіи *Futuri*, можно сдѣлать выводъ, что и предполагаемая форма аориста *εοαμ* могла подвергаться опущенію буквы *ε*, такъ что осталась только—*οαμ* и вслѣдствіе дальнѣйшаго отпаденія *ο* образовалось—*αμ*, гдѣ на основаніи звуковыхъ законовъ греческаго языка *μ* въ концѣ слова опускается“. Какъ тутъ не спутаться ученику, тѣмъ болѣе, что звуковыя законы, на которые ссылается составитель, нигдѣ имъ не изложены! § 74: „Къ чистой основѣ приставляется въ качествѣ примѣты *Perfecti* *κ*, а затѣмъ древнѣйшія формы личныхъ окончаній, для перваго лица—*μα*, изъ котораго вслѣдствіе перестановки произошло—*αμ*, а затѣмъ осталось только *α*“. § 79: „Окончаніе *α-ν* произошло изъ *praeteritum* вспомогательнаго глагола *εἰμι*=*εοαμ*=*εγαμ*; когда *ο* между двумя гласными выпала, то *ε*+*α* слилось въ *η* и *μ* перешло въ *ν*; затѣмъ *η* подверглась растяженію въ *α*“. Подобныя объясненія должны казаться ученику совершенно произвольными и не могутъ не уничтожить въ немъ вѣру въ законность явленій греческаго языка, въ которомъ все оказывается возможнымъ: одинъ разъ *εοαμ* превращается въ *α*, другой разъ то же самое *εοαμ* превращается въ *α-ν*, а почему это такъ—ученику не извѣстно. И какая отъ всего этого польза? О научности изложенія можно позаботиться инымъ образомъ, чѣмъ помѣщая въ учебную грамматику предположенія ученыхъ о происхожденіи той или другой формы, а именно—слѣдуетъ избѣгать того, что противорѣчитъ науцѣ, каковы слѣдующія мѣста книги г. Марша:

въ § 11 междометіе $\bar{\omega}$ принимается за звательщій падежъ члена; въ § 12 сказано: „окончаніе α въ женскомъ родѣ послѣ ϵ , ι , ρ называется α ригит“; въ § 21 составитель полагаетъ, что въ аттическомъ склоненіи къ основѣ, оканчивающейся на ω , прибавляются окончанія $\omega\omega$, ϕ , $\omega\upsilon$ и т. д., и затѣмъ сливаются съ ω основы въ одинъ слогъ. Въ § 23 онъ различаетъ въ 3-мъ склоненіи основы, оканчивающіяся „1) на согласныя, 2) на гласныя и 3) на буквы выбрасываемыя“. Въ § 24 сказано, что именительный падежъ бываетъ „1) сигматическій, когда къ основѣ приставляется окончаніе именительнаго падежа— ς , 2) асигматическій, когда— ς въ именительномъ падежѣ отбрасывается“. § 29, искл. 3: „Степени сравненія образуются посредствомъ прибавленія къ основѣ— $\acute{\iota}\sigma\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$,— $\acute{\iota}\sigma\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$ “ а примѣръ— $\acute{\alpha}\chi\rho\alpha\tau\omicron\varsigma$, основа котораго не $\acute{\alpha}\chi\rho\alpha\tau$, а $\acute{\alpha}\chi\rho\alpha\tau\omicron$. Та же самая неточность въ опредѣленіи основы повторяется относительно прилагательныхъ, принимающихъ окончанія— $\acute{\iota}\sigma\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$,— $\acute{\iota}\sigma\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$. Не научно также говорить (стр. 57), что η „растягивается“ въ α , или что $\iota\eta$ „смягчается“ въ ω ; и то, и другое правильнѣе разсматривается какъ сокращеніе.

Порядокъ, въ которомъ изложены склоненія, общепринятый. Въ спряженіи авторъ разбираетъ каждое время отдѣльно со всѣми относящимися къ нему особыми явленіями; полной парадигмы глагола на ω не представляется. Значить, слѣдуя строго порядку, принятому въ учебникѣ г. Марша, ученики не могутъ проспрягать ни одного глагола раньше, чѣмъ они не прошли все до § 92 и не изучили всѣ особенности спряженія различныхъ классовъ глаголовъ, не имѣя при этомъ изученія въ твердо усвоенномъ образцѣ простаго спряженія той необходимой нормы, которая могла бы служить имъ ариадниною нитью въ лабиринтѣ формъ греческаго спряженія. При томъ, и внѣшній видъ таблицъ затрудняетъ заучиваніе парадигмъ; эти таблицы спряженія напечатаны такъ разгонисто, что не даютъ возможности охватить однимъ взглядомъ даже формы различныхъ наклопеній одного и того же времени; напримѣръ, на стр. 79 помѣщаются только *Ind.* и *Conj.* *aorist* глагола $\kappa\alpha\iota\delta\epsilon\omicron\omega$, а *optativus*, *imperativus*, *infinitivus* и *participium* напечатаны уже на оборотѣ листа. Такая непроизводительная трата бумаги до крайности доведена въ таблицѣ глагола $\acute{\iota}\sigma\tau\eta\mu$, спряженіе котораго занимаетъ не менѣе 10 страницъ (стр. 116—125). Неудобнымъ также слѣдуетъ признать способъ, принятый при печатаніи таблицъ на стр. 36 и 37 и 154—167, гдѣ таблицы идутъ поперекъ листа, такъ что для пользованія ими надо поворачивать книгу къ себѣ бокомъ.

Въ концѣ книги на 38 страницахъ (стр. 170—208) помѣщена глава о гомерическомъ нарѣчїи; въ томъ обширномъ видѣ, въ которомъ тутъ налагается этимологія гомеровскаго языка, она не можетъ проходиться послѣдовательно; для справокъ же она годится и годилась бы еще болѣе, еслибы содержаніе ея вошло въ составъ указателя, прибавленнаго авторомъ на послѣднихъ четырехъ листахъ книги.

Указавъ на недостатки книги, мы по справедливости должны и отмѣтить ея достоинства. Начиная съ вѣшнаго ея вида, мы не можемъ не признать, что она напечатана четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ и почти безъ типографическихъ ошибокъ, какъ въ русскомъ текстѣ, такъ и въ греческихъ словахъ, въ которыхъ тщательно соблюдены надстрочные и подстрочные знаки. Особеннымъ преимуществомъ книги является прибавленный къ ней index; это драгоценная вещь для ученика, желающаго въ случаѣ недоумѣнія справиться по грамматикѣ. Если принять, кромѣ того, во вниманіе, что книга содержитъ въ себѣ все необходимое изъ греческой этимологіи, что сообщаемыя правила вообще вѣрны и изложены удобопонятно, и что не совсѣмъ удобное распределеніе ученія о глаголѣ можетъ быть безъ особеннаго труда исправлено преподавателемъ, проходящимъ этотъ отдѣлъ грамматики въ нѣсколько иной послѣдовательности параграфовъ, то можно признать книгу г. Мареша хотя и не удовлетворяющею всѣмъ требованіямъ хорошаго учебника, но все-таки пригодною къ преподаванію греческой грамматики.

Г. Нидерле. Грамматика греческаго языка, обработанная для русскихъ гимназій. Часть I. Этимологія. Съ чешскаго перевода *И. Мейера*. Изданіе четвертое. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. 283. Цѣна 1 р.

Предыдущія изданія учебника г. Мейера представляли переводъ съ перваго изданія грамматики греческаго языка, составленной знаменитымъ чешскимъ филологомъ Г. Нидерле, послѣ смерти котораго пятое изданіе его труда обработалъ профессоръ Пражскаго университета д-ръ I. Краль, принявшій во вниманіе всѣ новѣйшіе результаты науки на основаніи работъ Бругмана, Густава Мейера и др. Исправленія и дополненія, сдѣланныя Кралемъ, относятся преимущественно къ статьямъ о фонетикѣ, такъ какъ, благодаря успѣхамъ сравнительнаго языковѣдѣнія, эта часть этимологіи наиболѣе нуждалась въ пересмотрѣ для того, чтобы поставить трудъ покойнаго ученаго на уровень современнаго научнаго взгляда. По усовершенствованному такимъ образомъ чешскому учебнику г. Мейеръ исправилъ и дополнилъ четвертое изданіе

своего труда, которое, по внешнему виду, почти совершенно совпадает съ третьимъ. Число отдѣловъ (3), главъ (XXII), параграфовъ (464) и приложений (III) не измѣнилось; въ нумераціи параграфовъ кое-гдѣ встрѣчаются отступленія отъ предыдущаго изданія; но г. Мейеръ сумѣлъ, каждый разъ, новымъ распределеніемъ матеріала восстанавливать прежній порядокъ, такъ что въ концѣ концовъ, за немногими исключеніями, сохранилась нумерація третьяго изданія. Самая большая часть измѣненій и дополненій въ рассматриваемомъ изданіи, по образцу подлинника, выпала на долю фонетики. Въ прочихъ же отдѣлахъ замѣчаются лишь незначительные выпуски, какъ напримѣръ, въ § 185 (таблица), въ § 186 (сравненіе всѣхъ склоненій) и пр., или дополненія, какъ напримѣръ, въ § 223 и др. Вообще съ § 79 матеріалъ, какъ въ главномъ текстѣ, такъ и въ приложенияхъ, почти не тронуть. За то послѣ § 373 прибавлены весьма цѣлесообразныя объяснительныя примѣчанія къ отдѣльнымъ параграфамъ (стр. 204—217), и оба указателя приноровлены къ сдѣланнымъ въ книгѣ измѣненіямъ.

Однимъ словомъ, четвертое изданіе труда г. Мейера представляетъ несомнѣннымъ улучшеніе и въ то же время, сохранивъ видъ прежняго изданія, не вытѣсняетъ его изъ класснаго употребленія. Какъ по формѣ, такъ и по содержанію, оно не только является весьма хорошимъ руководствомъ въ рукахъ опытнаго преподавателя, но въ особенности, какъ учебное пособіе, можетъ приносить не малую пользу ученикамъ старшихъ классовъ для разъясненія и дополненія приобрѣтенныхъ ими по другимъ учебникамъ въ классѣ свѣдѣній по греческой этимологіи.

LUCIANUS SAMOSATENSIS. Избранныя разговоры боговъ и разговоры въ царствіи мертвыхъ. Текстъ съ словаремъ и объясненіемъ собственныхъ именъ для употребленія въ гимназіяхъ издалъ *Ио. Млчмаричъ*, инспекторъ Тульской гимназіи. Изданіе третье исправленное. Москва. 1890. Стр. 128. Цѣна 70 коп.

Если и слѣдуетъ признать комментированныя изданія классическихъ авторовъ за весьма важныя и бесомнѣнно полезныя для пониманія текста пособія, то нельзя не заявить, что одны словари, приложенные къ тексту, въ виду существующихъ уже полныхъ словарей въ родѣ греческо-русскаго словаря А. Д. Вейсмана, оказываются не только лишними, но могутъ считаться даже вредными, такъ какъ они съ намѣреніемъ устраняютъ употребленіе одного изъ главныхъ источниковъ для изученія языка и облегчаютъ трудъ учаща-

госа прямо на счетъ прочнаго расширенія филологическихъ его свѣдѣній и умственного его развитія. Къ послѣдней категоріи школьныхъ изданій принадлежитъ вышеозначенная книга г. Млинарича, вышедшая нынѣ въ свѣтъ третьимъ изданіемъ. Она содержитъ въ себѣ 8 діалоговъ боговъ и 24 діалога въ царствѣ мертвыхъ Лукіана. Выборъ статей удаченъ и по содержанию цѣлесообразенъ для школьнаго употребленія.

Словарь, прибавленный къ греческому тексту, почти вдвое превосходитъ своимъ объемомъ самъ текстъ (въ словарѣ 80 стр., а въ текстѣ 48 стр.). Этотъ словарь, съ одной стороны, даетъ слишкомъ много, включая въ себѣ такіа общеупотребительныя слова, которыя извѣстны уже ученикамъ 4-го и даже 3-го классовъ гимназій (см. \acute{o} , η , $\tau\acute{o}$; $\delta\epsilon$, η , δ ; $\epsilon\iota\mu\acute{\iota}$ и т. д.), а съ другой стороны—въ немъ не помѣщено никакихъ указаній ни на фразеологическія, ни на грамматическія особенности самосатскаго сатирика. Кое-гдѣ, и то безъ всякаго вѣдимаго основанія, г. Млинаричъ прибѣгаетъ къ совершенно общимъ смыскамъ на грамматику, не считая нужнымъ указать на отдѣлы и параграфы (напримѣръ, с. v. $\acute{\alpha}\upsilon\tau\eta$ см. грам. и т. д.). Если это напоминаніе въ такой неопредѣленной формѣ нужно было непременно, зачѣмъ оно не помѣщено разъ навсегда въ предисловіи? Что же касается до фразеологии, то, при настоящемъ устройствѣ словаря, найдя въ немъ сообщаемыя свѣдѣнія с. vv. $\acute{\omega}\varsigma$, $\kappa\alpha\tau\alpha\tau\acute{o}\iota\varsigma$ и $\delta\epsilon\iota\delta\omega$, ученикъ врядъ ли, пойметъ, что значить фраза: $\acute{\omega}\varsigma$ $\kappa\alpha\tau\alpha\tau\acute{o}\iota\varsigma$ $\eta\tilde{\nu}$ $\delta\epsilon\iota\delta\acute{\iota}\omega\varsigma$ (см. $\theta\epsilon\acute{\omega}\nu$ $\delta\iota\alpha\lambda\omicron\upsilon\gamma$. 4, 2). Кромѣ того, нѣтъ словъ, какъ $\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho\alpha$, $\tau\acute{\eta}$ - $\tau\acute{\iota}\nu\iota$ и друг. Слово $\mu\upsilon\tilde{\nu}\acute{\alpha}$ въ словарѣ показано въ значеніи монеты, но ничего не сказано, что оно обозначаетъ и вѣсъ (см. $\nu\alpha\kappa\rho\acute{\iota}\chi$, $\delta\iota\alpha\lambda\omicron\upsilon\gamma$. 8, 9, $\kappa\acute{\alpha}\nu\tau\epsilon$ $\mu\upsilon\alpha\acute{\iota}$ $\tau\rho\acute{\iota}\chi\omega\tilde{\nu}$). Слово $\eta\tilde{\nu}$ указано только въ значеніи $\acute{\epsilon}\alpha\nu$, $\acute{\sigma}\iota$, тогда какъ въ оборотѣ $\eta\tilde{\nu}$ $\iota\delta\omega\acute{\upsilon}$ (см. $\nu\alpha\kappa\rho\acute{\iota}\chi$. δ . 8, 10) $\eta\tilde{\nu}$ имѣетъ другое значеніе. Особенно опутательно отсутствіе существеннаго признака каждаго спеціальнаго словаря, отсутствіе указаній на то, гдѣ какое значеніе слова встрѣчается въ текстѣ. Равнымъ образомъ, въ приложеніи, подъ заглавіемъ: „Объясненіе собственныхъ именъ“, замѣчаются не маловажныя пропуски, какъ напримѣръ: с. v. Ἥλιος не указано, что у Гелиоса былъ сынъ $\Phi\alpha\acute{\iota}\delta\omicron\nu$, между тѣмъ какъ онъ является предметомъ разговора (см. $\theta\epsilon\acute{\omega}\nu$ $\delta\iota\alpha\lambda\omicron\upsilon\gamma$. 6); с. v. Κάδμος не сказано, что у него была дочь $\Sigma\epsilon\mu\acute{\alpha}\lambda\eta$, тогда какъ въ $\theta\epsilon\acute{\omega}\nu$ $\delta\iota\alpha\lambda\omicron\upsilon\gamma$. 5. упомянуто просто: „ $\tau\eta\tilde{\nu}$ Κάδμου $\theta\upsilon\gamma\alpha\tau\rho\acute{\iota}\varsigma$ “; с. v. Τάνταλος не сообщается, за что Танталъ былъ наказанъ, а описаніемъ его страданій занятъ весь 14-й разговоръ въ цар-

ствѣ жертвѣхъ; с. v. "Αρμων не упоминается о путешествіи Александра Великаго къ этому божеству и о предсказаніи послѣдняго, хотя намекъ на это предсказаніе встрѣчается въ *veρηκ. διαλογ.* 12, 5; въ концѣ этого же діалога Александръ называется сыномъ Аммона, а на причину такого названія нѣтъ указаній ни с. v. 'Αλέξανδρος, ни с. v. "Αρμων и т. д. Въ виду русскихъ учебныхъ изданій классическихъ писателей, которыя въ послѣднее время начали появляться уже цѣлыми серіями, г. Млинаричу придется измѣнить дидактическую форму своего изданія, имѣвшаго кое-какое значеніе въ 1878 г., но принявшаго въ 1890 г. видъ анахронизма.

Типографская сторона въ трудѣ г. Млинарича весьма хороша; шрифтъ отчетливъ; текстъ обличаетъ добросовѣстность корректора; лишь кое-гдѣ встрѣчаются опечатки, и то не важныя, какъ на стр. 11, строк. 2 сверху *ποὺς* вм. *τοὺς*; на стр. 39, строк. 5 сверху *σοριότης* вм. *οσοριότης*; на стр. 24, строк. 16 сверху; *τροϊόντες* вм. *προϊόντες* и т. д.

Классная библиотка греческихъ и римскихъ авторовъ: Когнозонъ. Отсутствуетъ десяти тысячъ гривовъ. (*Κόροο ἀνάβασις*). Греческій текстъ съ введеніемъ и двумя указателями: предметовъ (съ рисунками) и собственныхъ именъ, составленными *Андреемъ Адольфомъ*, учителемъ Московской 8-й гимназіи. Съ приложеніемъ карты Малой Азіи. Москва. 1890. Стр. 222. Цѣна 1 р.

Составитель означенной книги, которая является первымъ вышесказанномъ серіи школьныхъ изданій, имѣющихъ выходить въ свѣтъ подъ общимъ заглавіемъ: Классная библиотка греческихъ и римскихъ авторовъ, — руководствуется благоразумнымъ дидактическимъ принципомъ, по которому трудъ учащагося долженъ быть облегченъ лишь на столько, на сколько это возможно безъ ущерба для умственной его дѣятельности и безъ вреда для основательности научныхъ его успѣховъ. Изданіе г. Адольфа непремѣнно требуетъ употребленія общаго греческаго словаря и руководства греческой грамматики. На этомъ основаніи онъ сообщаетъ одинъ только греческій текстъ Анабазиса и вмѣсто такъ-называемыхъ специальныхъ словарей или, лучше сказать, сборниковъ вокабулъ, онъ прилагаетъ два реальныхъ указателя, въ которыхъ объяснены встрѣчающіеся въ текстѣ предметы и упомянутыя въ немъ собственные имена. Безусловно соглашаясь съ г. Адольфомъ въ томъ, что общій словарь и грамматика составляютъ необходимыя руководства при осмысленномъ изученіи какого-либо языка, и прибавляя отъ себя, что уклоненіе отъ этого единственно вѣрнаго взгляда рѣшительно мѣшаетъ прочному усвоенію учениками

древнихъ языковъ, мы позволимъ себѣ однако же указать на комментированныя изданія Тейбнера и Вейдемана, въ которыхъ трудныя по смыслу и по констукціи мѣста текста объясняются отчасти намеками, отчасти смыслами. Такихъ объясненій, въ сожалѣнію, въ разсматриваемомъ изданіи не оказывается, а такого рода помощь учащемуся, безъ сомнѣнія, увеличила бы достоинство книги.

Самый греческій текстъ Ксенофонта Анабазиса, заимствованный изъ изданія Тейбнера, по редакціи Арнольда Гуга (Hug), отличается вѣрностью и отчетливостью. Каждой главѣ повѣствованія греческаго писателя предшествуетъ на русскомъ языкѣ краткое изложенеіе содержания текста, чѣмъ составитель весьма цѣлесообразно вводитъ ученика въ сущность слѣдующаго разказа, предоставляя затѣмъ ему самому вникать въ подробности дѣла.

Указатели составлены по нѣмецкому учебнику Фольбрехта (Wörterbuch zu Xenophons Anabasis. 6 Ausg. 1886) и по реальнымъ словарямъ: Гича (Illustrirtes Wörterbuch der römischen Alterthümer mit später Berücksichtigung der griechischen von A. Rich, aus dem Englischen übersetzt von C. Müller. Paris und Leipzig. 1862) и Лубкера въ русскомъ переводѣ. Передача подлинниковъ произведена совершенно вѣрно, и сообщаемый матеріалъ доставитъ довольно поучительнаго тому, кто пожелаетъ изучить Анабазисъ Ксенофонта по книгѣ г. Адольфа. Тѣмъ болѣе надобно и тутъ пожалѣть, что составитель русскаго изданія, относительно иллюстрацій, не вполне воспользовался спеціальнымъ словаремъ Фольбрехта, у котораго помѣщено гораздо больше рисунковъ, чѣмъ у г. Адольфа; особенно опутительно отсутствіе многихъ изображеній по части военныхъ снарядовъ, разныхъ видовъ боеваго строя, тактическаго размѣщенія войскъ и способа ихъ движеній, обусловленнаго мѣстностью (см. между прочимъ с. vv. ἀμαξία, ἀνακτόσση, γίγνεται ἐπὶ φάλαγγος, δίφρος, ζώνη, θρόνος, ἐκμητρίομαι, χέρας, ὄρθοι λόχοι, παράγειν, προμαχεών, στάδιον, στήφειν, τριήρης, φάλαγγις и т. д.); графическое изображеніе вѣдь гораздо болѣе разъясняетъ и гораздо сильнѣе запечатлѣваетъ обстановку дѣла, чѣмъ какое бы ни было описаніе.

Приложенная къ книгѣ карта Малой Азіи по Фольбрехту или Гертлейну (Xenophons Anabasis, erklärt von F. K. Hertlein. Leipzig. Weidmannsche Buchhandlung) наглядно показываетъ путь, по которому совершались походъ и отступленіе десяти тысячъ грековъ.

Наковецъ, введеніе, предпосланное труду, содержитъ въ себѣ очеркъ жизни Ксенофонта и перечень его сочиненій по „Исторіи греческой лн-

тературы* Криста (*Geschichte der griechischen Litteratur bis auf die Zeit Justinians von Wilhelm Christ. Nördlingen. 1889; см. Handbuch der klassischen Alterthumswissenschaft, herausgegeben von Jwan Müller. Bd. 7).*

Типографская отдѣлка книги въ высшей степени удовлетворительна и обнаруживаетъ крайнюю тщательность корректора.

ГРЕЧЕСКИЕ КЛАССИКИ. Текстъ для учащихся, иривъранный русскими учеными подъ главною редакціей В. М. Краузе. *Ἡρόδοτος ἱστορίας in usum scholarum recognitaе. Vol. II. Petropoli. 1890. Стр. 305. Цѣна 60 коп.*

Означенная книга, явившаяся безъ всякаго предисловія, судя по замѣчанію на заглавномъ листѣ, представляетъ собою первый выпускъ какой-то серіи школьныхъ изданій, имѣющихъ выходить въ свѣтъ подъ общимъ названіемъ: *Scriptores Graeci cura Volodemerii Grause in usum scholarum editi*. Дѣло предпринято г. Краузе по образцу многихъ выходящихъ за границею изданій, какъ, наприимѣръ, изданій Тейбнера (*Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana*), но отличается отъ него тѣмъ, что изданіе Тейбнера имѣетъ назначеніе доставлять полный текстъ издаваемыхъ писателей вообще ученому міру, тогда какъ г. Краузе своимъ изданіемъ преслѣдуетъ школьныя цѣли. Разсматриваемый нынѣ выпускъ, не извѣстно почему, содержитъ въ себѣ только пять послѣднихъ книгъ (V—IX) Геродотовой Исторіи. Главнымъ основаніемъ сообщаемого текста легло пѣмецкое изданіе: *Herodotos erklärt von Heinrich Stein. Bd. 3. 4. 5. Berlin 1859—1862*. Измѣненія, которыми текстъ Краузе отступаетъ отъ текста Штейна, сдѣланы въ дидактическихъ видахъ по критическому изданію, составленному Альфредомъ Гольдеромъ (*Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum edita curante Carolo Schenkl. Herodoti historiae, recens. Alfred Holder. Lipsiae. 1886*). Гольдерова книга снабжена весьма обильнымъ сборникомъ конъектуръ новѣйшихъ филологовъ, и изъ этого сборника въ изданіе Краузе перешли тѣ исправленія текста, которыя наиболѣе облегчаютъ пониманіе дѣла и представляютъ мысль въ наиболѣе доступномъ для учащихся видѣ. Типографское исполненіе книжки весьма удовлетворительно: шрифтъ четокъ и чистъ, и корректура добросовѣстна.

Изъ всего сказаннаго усматривается, что книга, составленная подъ главною редакціей г. В. Краузе, есть трудъ полезный для учащагося юношества, могущій замѣнить иностраннаго изданія текста пяти послѣднихъ книгъ Исторіи Геродота.

Въ заключеніе, можетъ быть, не лишнимъ будетъ указать на неудачность заглавія: „текстъ, провѣренный русскими учеными“. Вѣрнѣе было бы сказать: „просмотрѣнный русскими учеными“, потому что громкое слово: „провѣренный“, по общепринятому въ ученомъ мірѣ значенію, наводитъ на мысль, будто бы г. Краузе и его сотрудники возстановили текстъ Геродота,—или снова подвергнувъ сличенію извѣстныя уже филологамъ рукописи, или воспользовавшись вновь открытыми памятниками греческой письменности.

Бойезенъ. Краткое руководство по греческимъ древностямъ. Перевелъ со втораго нѣмецкаго изданія, обработаннаго *Эмиліемъ Санто, К. Зембергъ*, в. д. инспектора Одесской 2-й гимназій. Рига. 1890. Стр. 76.

Переведенное съ датскаго языка нѣмецкое учебное пособіе, явившееся въ печати подъ заглавіемъ: *Handbuch des Griechischen Antiquitäten von Dr. E. E. Bojesen usw. Zum Gebrauch für Gymnasien und Schulen aus dem Dänischen übersetzt von T. Hoffa usw. Giessen. 1843*, нашло русскаго переводчика въ лицѣ г. К. Земберга, выпустившаго свой трудъ въ свѣтъ въ 1874 г. Прекрасныя свойства датскаго подлинника открыли ему дорогу въ германскія училища и заставили г. Земберга предложить его воспитанникамъ русскіхъ гимназій. Хотя уже прошло около полулѣткія съ перваго появленія нѣмецкаго перевода, однако же недостатокъ въ руководствахъ равнаго ему достоинства на столько сталъ ощутителенъ въ Германіи, что представилась надобность приступить къ второму изданію труда Гоффа, которое вышло въ свѣтъ подъ заглавіемъ: *Kurzgefasstes Handbuch der griechischen Antiquitäten von Bojesen-Hoffa. Zweite Auflage bearbeitet von Emil Szanto. Wien. 1887*. Для того, чтобы поставить свой трудъ на уровень современной науки, составитель втораго изданія, не уклонявшись ни отъ основнаго плава, ни отъ принятаго его предшественникомъ способа изложенія, прибѣгалъ лишь къ исправленіямъ и дополненіямъ. Къ первымъ слѣдуетъ отнести перестановку немногихъ параграфовъ перваго изданія (см. §§ о судопроизводствѣ и финансахъ) и сокращеніе нѣкоторыхъ другихъ (см. §§ 14, 41, 52, 124, 134 и др.); ко вторымъ—новые факты, или внесенные въ самыя рамки прежнихъ отдѣловъ (см. §§ 3, 6, 8, 9, 13, 14, 16, 49, 21, 22, 24, 29, 32, 45—39, 41, 44, 46, 86—89, 117, 119, 121—123, 147, 155, 160, 165, 167, 191), или въ видѣ новыхъ самостоятельныхъ параграфовъ (см. § 35, ящца, § 58, устройство Пе-

лопонесскаго союза, § 99, льготы, §§ 102—107, чиновники финансовыя, военные и другія должностныя лица, §§ 108—110, устройство государственнаго союза, § 113, судопроизводство, § 150, вѣсь, § 151, денежныя дѣла, § 162, домашняя утварь, § 163, игры, § 164, боже-ства, § 166, молитвы и жертвоприношенія, § 175, празднества ае-нианъ, §§ 184—190, театральныя древности и т. д.). Уже изъ перечня вновь прибавленныхъ статей легко усматриваются обиліе общаго со-держанія и превосходство втораго изданія предъ первымъ; однимъ словомъ, оно представляетъ собою полный сборникъ греческихъ древно-стей въ объемѣ гимназическаго курса. Поэтому нельзя не благодарить г. Земберга за то, что посредствомъ перевода онъ далъ возможность воспитанникѣмъ и нашихъ гимназій пользоваться трудомъ Войезена въ усовершенствованномъ видѣ, вполнѣ соответствующемъ школь-ному развитію, между тѣмъ какъ прекрасный трудъ В. В. Латышева по этому же предмету, съ одной стороны, еще не конченъ, а съ другой, какъ г. Зембергъ вѣрно замѣчаетъ (см. Предисловіе), уже по значительному объему своему не вполнѣ удобопримѣнимъ въ среднихъ учебникъхъ заведеніяхъ. Переводъ г. Земберга, отличаясь вѣрностью, воспроизводитъ нѣмецкій подлинникъ совершенно точно. Добросо-вѣстность составителя обличается и типографскою безгрѣшностью текста; но между очень немногими опечатками нельзя не указать на одну, искажившую смыслъ, а именно на стр. 7, въ строкѣ 1, сверху, мы читаемъ: „откуда были вытѣснены карійцами“ вмѣсто „вытѣ-снены карійцы“.

ГРЕЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ для среднихъ и старшихъ классовъ гимназій. Составилъ *Н. Семеновичъ*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназій. Москва. 1890. Стр. 94. Цѣна 65 коп. (въ перешлѣ).

Г. Семеновичъ, составившій въ 1889 году краткую латинскую фразеологию, нынѣ принялся за трудъ такого же рода по греческому языку. Это — сборникъ греческихъ словъ, оборотовъ и фразъ, знаніе которыхъ необходимо какъ для чтенія авторовъ, такъ и для перехода связанныхъ статей съ русскаго языка на греческій. Сообщаемый г. Се-меновичемъ матеріалъ, не выходящій изъ предѣловъ аттической прозы, взятъ изъ сочиненій Ксенофонта, Фукидида, Демосэена, Исократы и Платона посредствомъ словарей общихъ (Чернаго, Вейсмана, Пассова) и спеціальныхъ Эрбе (*Dr. Max Erbe. Griechisches Lesebuch, nebst deutschen Uebersetzungsstücken, hauptsächlich nach Arrians Anaba-*

sis. Lpzg. 1886, Тимана (K. Thiemann. Wörterbuch zu Xenophons Hellenica mit bes. Rücksicht auf Sprachgebrauch und Phraseologie. Lpzg. 1887), Аста (Fr. Ast. Lexicon Platonicum. Lpzg. 1835—1838) и Фольбрехта (A. Vollbrecht. Wörterbuch zu Xenophons Anabasis. Lpzg. 1886). Все содержаніе разсматриваемой книги раздѣлено на отдѣлы, а каждый отдѣлъ содержитъ въ себѣ слова и фразы, связанныя между собою единствомъ понятія, въ объемъ котораго онѣ входятъ. Оглавленія отдѣловъ слѣдующія: Видимый міръ. Человѣкъ. Государство. Война и миръ и т. п.; отдѣлы же распадаются на подраздѣленія; такъ, напримѣръ, „Видимый міръ“ обнимаетъ группы: 1) Земля, вода, огонь, воздухъ; 2) Пространство, движеніе въ пространствѣ. 3) Время; или въ отдѣлѣ „Государство“ разсматриваются 1) Гражданская жизнь. Администрація. 2) Законъ и правосудіе, и т. д. Сообщаемое вообще вѣрно и точно; передача греческихъ выраженій большею частью весьма удачна и мѣтка; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло не обошлось безъ недосмотровъ, какъ, напримѣръ:

Стр. 7. „Пользоваться временемъ, не терять времени—*χρόνον οὐδένα ἐμπροσθεῖν*“. Это, вѣроятно, даже недосмотръ корректора, потому что въ виду предыдущей фразы: „выигрывать время—*χρόνον ἐμπροσθεῖν*“, составитель не могъ допустить къ означенной фразѣ греческой текстъ, совершенно противорѣчащій русскому обороту.

Стр. 16. „Давать кому пить—*προσφέρειν τι πιεῖν*“. Гораздо проще „*ποτίζειν*“.

ibid. „Утолять жажду—*καταβένυσθαι τὸ δίψος*“. Обыкновенно *τὴν δίψαν*.

Стр. 49. „Не признавать боговъ—*ἄθεον εἶναι*“. Точнѣе οὐ νομίζειν θεούς.

Стр. 57. „Быть возвращену въ отечество—*εἰς πατρίδα ἀνασθῆναι*“. Гораздо чаще *κατέρχασθαι*.

Стр. 57. „Терпѣть убытокъ—*ζημιόσθαι*“. Упущена замѣтка: *разс.*

Стр. 81. „Строить или растягивать фалангу въ длину—*βαθύνει τὴν φάλαγγα*“. Слѣдовало бы перевести: удлинять фалангу вглубь (см. *βαθύς*), и т. д.

Хотя въ педагогическомъ мірѣ фразеологическіе сборники не находятъ себѣ безусловнаго одобренія, однако трудъ г. Семеновича, не смотря на указанные недосмотры, включаетъ въ себѣ много интереснаго и поучительнаго и даетъ ученику возможность ознакомиться съ цѣлыми группами сродственныхъ выраженій.

Словарь Гомеровской мѣлологии и географіи адъюнктъ-профессора Парижскаго университета Э. Леру. Переводъ съ французскаго И. Боговскій. Кіевъ. 1890. Въ 16-ю д. л. стр. 116. Цѣна 60 коп.

Dictionnaire de la mythologie d'Homère par Elie Lerou, professeur agrégé de l'université (Paris. 1884) составленъ на основаніи болѣе обширныхъ трудовъ Тейля (Dictionnaire d'Homère et des Homérides de Theil), Вернара (Dictionnaire universel de Jacobi, trad. par Bernard), и Дешарма (Deschampe), который весьма удачно сумѣлъ составить сводъ изслѣдованій Отфрида Мюллера, Герарда, Велькера, Преллера, Бокса, Куна и Майнгардта. Леру, задавшись мыслью составленіемъ своей книги облегчить пониманіе Гомеровскаго текста, строго ограничилъ предѣлы своей задачи одними лишь мѣлологическими и географическими данными, которыя вошли въ составъ Илиады и Одиссеи, почему изъ его словаря исключены даже Гомеровскіе гимны. Всѣ статьи, расположенныя по алфавиту, снабжены ссылками на тѣ мѣста Илиады и Одиссеи, въ которыхъ упомянуто о трактуемыхъ въ статьѣ имени, личности или мѣстности, съ тою цѣлью, чтобъ ученики имѣли возможность собственными изслѣдованіями и чтеніемъ пополнять классныя объясненія и самостоятельно расширять свои свѣдѣнія о содержаніи главныхъ произведеній эпической поэзіи грековъ. Особенное вниманіе Леру обращаетъ на смыслъ мѣловъ, показывая, какія явленія физическаго или нравственнаго міра скрываются подъ образами, созданными творческимъ воображеніемъ греческаго народа. Весь сообщаемый матеріалъ изложенъ ясно, точно и въ весьма сжатомъ видѣ, такъ что книжка Леру можетъ считаться полезнымъ учебнымъ пособіемъ, и г. Боговскій нисколько не ошибся въ своемъ предположеніи (см. предисловіе), что его русскій переводъ вышеозначенной французской книги явится трудомъ далеко не лишнимъ, тѣмъ болѣе, что въ нашей педагогической литературѣ пополняется имъ пробѣлъ, давно ощущаемый при чтеніи Гомера. Притомъ русское воспроизведеніе французскаго подлинника въ общемъ весьма удачно; добросовѣстность переводчика выказывается и тѣмъ, что онъ, отказавшись отъ Горациева *jugare in verba magistri*, вслѣдствіе тщательной провѣрки помѣщенныхъ у Леру цитатъ, нашелъ много опечатокъ, которыя и исправилъ, а во многихъ случаяхъ и дополнилъ отъ себя новыми; посредствомъ этихъ исправленій и дополненій ему удалось поставить переводъ выше подлинника. Тѣмъ болѣе жаль, что г. Боговскій не распространилъ провѣрки и на самый текстъ; а то ему пред-

ставилась бы возможность исправить кое-гдѣ недосмотръ французскаго составителя, напримѣръ, с. v. Eurytheus сказано: „*fil de Sthénélos et de Nécippe*“, а с. v. Alcmené. „*Elle eut de son mari Eurytheus et de Zeus Héraclès*“. Тутъ слѣдовало бы указать на миеологическій вариантъ, какъ это сдѣлалъ Леру с. v. Léda и др.; с. v. Tyndaréos сказано: „*il eut de Léda Clytemnestra, Hélène, Castor et Polydeucés*“; г. Боговскій, хотя въ скобкахъ прибавилъ къ имени Елены слова: отъ Зевеса, но упустилъ такую же замѣтку при имени Полидевка; с. v. Poséidon читается: „*il reconnait cependant la supériorité de Zeus, qui est son aîné*“. Известно, что Зевесъ считался самымъ младшимъ изъ всѣхъ дѣтей Кроноса, и т. д.

Самый переводъ г. Боговскаго также не совсѣмъ свободенъ отъ недосмотровъ, хотя не очень важныхъ, напримѣръ, с. v. Деметра: „если она ничего не будетъ ѣсть“ вм. „если она ничего не съѣла въ Гадесѣ“ (франц. текстъ: *si elle n'avait rien mangé*); с. v. Елена: „далеко отъ сына ея“ вм. „далеко отъ дочери ея“, то-есть, Гермiony (франц. текстъ *loin de son enfant*); с. v. Кадмъ: „сынъ Агнфа“ вм. Агенора; с. v. Мелеагръ: „братьевъ своей жены“ вм. „матери“ (фр. т. *frères de sa mère*). Кромѣ того, нельзя не замѣтить неполноты слѣдовательнаго способа русской транскрипціи греческихъ именъ собственныхъ; напримѣръ: 'Παλιός=Галиосъ; 'Εριχς=Гермесь, и въ то же время 'Ελένη=Елена и наконецъ 'Ελλην=Эллинь; Οὐχάλιη=Эхалия; Οἰνός=Иней; Προῖτος=Пройтъ; Σκύρος=Скыросъ, а Σκύλλα=Сцилла; Θέσθη=Тивба; Θόας=Товасъ, а Θέμις=Θемида, Θέτις=Θетида и т. д.

Встрѣчаются и нѣкоторыя опечатки, напримѣръ, с. v. Кидоны: Сапеа вм. Бапеа; с. v. Самосъ: Эбро вм. Эбросъ; с. v. Панахейцы: свос вм. все и т. д.

Къ книгѣ приложенъ составленный г. Θомидкямъ указатель именъ, изображенныхъ греческимъ шрифтомъ.

Cornélii Nepotii. VITAE EXCELLENTIUM IMPERATORUM SATONIS ET ATTICI. Cum annotationibus et indice geographico, compositis cura B. Z. (Корнелия Непота биографіи знаменитыхъ полководцевъ, съ примѣчаніями, составленными Б. Залескимъ). Москва. 1888. Стр. 164. Цѣна 60 коп.

При скудости въ нашей литературѣ школьныхъ комментированныхъ изданій древнихъ авторовъ, можно было бы привѣтствовать всякое изданіе, которое содѣйствовало бы учащемуся юношеству въ пониманіи древнихъ текстовъ, стоя при этомъ на высотѣ современныхъ

требованій, предъявляемыхъ къ трудамъ подобнаго рода. Главныя изъ этихъ требованій суть слѣдующія: текстъ автора долженъ представлять собою такъ-называемую вульгату, въ томъ видѣ, въ какомъ она установлена въ наиболѣе распространенныхъ новѣйшихъ изданіяхъ; текстъ долженъ быть отпечатанъ съ надлежащею исправностью и съ соблюденіемъ общепринятой орфографіи. Примѣчанія должны имѣть въ виду исключительно учащихся и ихъ степень познаній и развитія и представлять лишь то, до чего, при помощи грамматики и лексикона, не можетъ дойти ученикъ среднихъ способностей; въ потребныхъ случаяхъ, комментаторъ обязанъ представлять соответствующее древнему—русское выраженіе. Въ такихъ экзогетическихъ объясненіяхъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, необходимо соблюденіе известной мѣры, руководимое педагогическимъ тактомъ комментатора: не должно давать ученику слишкомъ много, и этимъ черезъ мѣру облегчать его трудъ, не должно, съ другой стороны, оставлять его безъ помощи тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно въ ней нуждается. Большаго педагогическаго такта требуетъ и самый способъ этой помощи: иногда достаточно бываетъ указать параграфъ грамматики, иногда нужно войти въ разъясненіе той или другой конструкціи или оборота, иногда просто обратить вниманіе учащагося, иногда помочь ему переводомъ. Посмотримъ, на сколько трудъ г. Залѣскаго удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Что касается текста, то вмѣсто общепринятой вульгаты, установленной Гальмомъ, г. Залѣскій предпочелъ текстъ Кубарева (М. 1867), „много и серьезно потрудившагося для восстановленія болѣе подходящаго къ истинному чтенію Корнелія Непота“. Не умаляя нисколько заслугъ почтеннаго профессора, мы должны однако замѣтить, что критическіе приемы, приложенные имъ къ тексту Непота, не могутъ быть признаны вѣрными, вслѣдствіе чего и работа его по критикѣ текста не можетъ быть названа удавшеюся: принципиальная ошибка Кубарева состоитъ въ томъ, что, по его мнѣнію, дѣло критика вовсе не въ возстановленіи такъ-называемыхъ *codices archetypū*, а въ возстановленіи текста самого автора, и что первое часто бываетъ даже невозможно. Дѣйствительно, усиленнымъ возстановленіемъ архетипа не рѣшена еще вся задача критика, но, съ другой стороны, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что это первый — и необходимый шагъ рациональной критики, безъ котораго, всѣ исправленія, какъ бы заманчивы они ни были, теряютъ подъ собою почву и превращаются въ шаткіе домыслы. Что не мало такихъ домысловъ нашло себѣ мѣ-

часть сслх, отд. 8.

сто въ текстѣ Непота, установленномъ Кубаревимъ, было своевременно доказано критикой (рецензія Р. Фохта въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1868), но, къ сожалѣнію, не принято г. Залѣвскимъ. Такимъ образомъ, по отношенію къ первому требованію, удачному выбору текста, трудъ г. Залѣвскаго не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Не рѣшимся признать его таковымъ и въ передачѣ этого текста по отношенію къ орфографіи и интерпункціи: въ первой г. Залѣвскій удерживаетъ такіе способы написанія, которые давно уже признаны не вѣрными: въ родѣ *intelligere, coelum, coena* и т. д. Хотя новаторство въ орфографіи перешло въ послѣднее время дозволеннымъ граници, однако, новыя изслѣдованія успѣли установить нѣкоторые, общепризнанные факты, которыхъ не можетъ игнорировать издатель древнихъ текстовъ. Изъ многихъ примѣровъ упомянемъ одинъ: известное правило, установленное Лахманномъ: *post longam vocalem e duabus l alteram subtrahi si sequatur i littera, nisi ea casualis sit*, сдѣлалось теперь общеобязательнымъ, между тѣмъ, г. Залѣвскій продолжаетъ писать *millia*. Не менѣ важна интерпункція, составляющая одинъ изъ приемовъ экзегезы: къ сожалѣнію, и въ ней г. Залѣвскій оказывается не послѣдовательнымъ.

Переходя къ примѣчаніямъ, прежде всего мы должны заявить, что въ нихъ есть много излишняго, представляющаго не болѣе какъ балластъ: это—масса указаній на разночтенія, въ большинствѣ случаевъ не сопровождаемыхъ никакими объясненіями и нерѣдко касающихся такихъ мелочей, какъ особенности правописанія: напримѣръ, стр. 20: *convenlendi—conventundi*; стр. 21: *vepereo—veperio*; стр. 71: *concurrerites—concurreritis* и др. Для учителя такія указанія не нужны, а для ученика и прямо вредны. Затѣмъ, въ примѣчаніяхъ являются нерѣдко указанія, совсѣмъ не приспособленныя къ пониманію и развитію учениковъ III-го класса, въ которомъ читается Корнелій Непотъ: что вынесеть, напримѣръ, ученикъ изъ замѣчаній, въ родѣ слѣдующихъ: стр. 146: „аргіше, весьма, у лучшихъ писателей не встрѣчается“; стр. 140: „клубъ согласившихся устроить кассу“; стр. 135: „медвизъ—немного болѣе германскаго шеффеля“; стр. 120: „Греки и римляне давали свои названія чужимъ богамъ, не придавая имъ настоящаго значенія“; стр. 109: „этими епархамъ соотвѣтствовали въ Римѣ триумвиры уголовныхъ дѣлъ“; стр. 28: „такъ какъ продолженіе этого разказа потеряно, то издатели пополняютъ его обыкновенно въ замѣчаніяхъ разказомъ изъ Стратегемы (?) Поліана“, ин. 1 гл. 45: „Здѣсь въ текстѣ предложено чтеніе Гейзингера“, и т. д.

Замѣтимъ кстати, что г. Залѣсскій очень любитъ объяснять факты изъ древней жизни фактами изъ современной, нерѣдко тоже мало понятными для учениковъ: такъ, у него являются: губернаторы персидскіе (стр. 19), полковники лейбъ-гвардіи (стр. 45), генералъ-адъютанты (стр. 99), судебные пристава (стр. 109), капитаны лейбъ-гвардіи (стр. 115), и т. д. Нѣкоторыя примѣчанія сформулированы не вѣрно, напримѣръ, стр. 1: „у Непота не по грамматикѣ при *qui* вин. съ неопр. им. сослаг.“, какъ будто древніе римскіе авторы приспосаблиются къ грамматикѣ, а не грамматика выводитъ свои правила изъ ихъ рѣчи; стр. 97: „*interfiscere* въ смыслѣ: находится въ предсмертной агоніи“—значеніе, которое глаголъ *interfiscere* имѣть не можетъ; стр. 151: „въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ говорится о римскихъ и вивантійскихъ императорахъ, *divus* часто значить: покойный, умершій“. *Divus* всегда прилагается только къ именамъ тѣхъ императоровъ, которые получили апофеозу.

Опечатокъ въ книгѣ очень много.

Краткая латинская фразеология для среднихъ и старшихъ классовъ гимназій.

Составилъ *Ио. Семеновичъ*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназій. М. 1889. Стр. 80. Цѣна 50 коп.

Исходя изъ того наблюденія, что ученики старшихъ классовъ нашихъ гимназій нерѣдко затрудняются въ переводѣ извѣстныхъ оборотовъ латинской рѣчи, не смотря на то, что обороты эти встрѣчались уже при чтеніи авторовъ и при переводахъ съ русскаго на латинскій, г. Семеновичъ видитъ причину этого въ плохомъ усвоеніи фразеологическаго матеріала и полагаетъ, что изученіе фразеологіи должно продолжаться и въ старшихъ классахъ гимназій. Сначала оно должно идти безъ особаго, систематическаго порядка, а ученикъ, при встрѣтившемся оборотѣ, обязанъ, по указанію учителя, вспомнить и другіе обороты, относящіеся къ той же области, и только въ одномъ изъ старшихъ классовъ приступаетъ къ систематическому повторенію фразеологическаго матеріала, причемъ восполняются пробѣлы, допущенныя при усвоеніи *ad hoc*.

О томъ, что обладаніе возможно большимъ количествомъ фразъ и оборотовъ составляетъ одно изъ существенныхъ условій успѣшнаго изученія языка, спорить нельзя, и потому въ принципѣ врядъ ли возможно возразить противъ замѣчаній г. Семеновича. Можно только поставить вопросъ: не будетъ ли болѣе полезнымъ, вмѣсто того, чтобы давать учащимся въ руки готовую фразеологию, приучать ихъ

къ самостоятельному подбору фразеологическаго матеріала, при помощи и подъ руководствомъ наставника, который можетъ при этомъ дѣлать потребныя дополненія и тѣмъ придавать этимъ сборникамъ большую полноту и систематичность?

Въ рассматриваемой книжкѣ г. Семеновичъ старался собрать весь, такъ-сказать, насущный запасъ оборотовъ, которые могутъ встрѣтиться учащемуся при переводѣ съ русскаго на латинскій, и притомъ въ отрывкахъ по преимуществу содержанія историческаго. Обороты эти сгруппированы по содержанію въ слѣдующихъ отдѣлахъ: а) видимый міръ: земля, вода, огонь, воздухъ, пространство, движеніе въ пространствѣ, время; б) человѣкъ: рожденіе, жизнь, смерть, части тѣла, органы чувствъ, состояніе тѣла человѣка, положеніе человѣка, отношенія людей, духъ и его функціи, дѣятельность и покой, состояніе духа, добродѣтели и пороки, науки и искусства, рѣчь и письмо, религія и богослуженіе, домашній бытъ; в) государство: гражданская жизнь, политика, администрація, законъ и правосудіе; д) война и миръ: войско, война, войско во время похода, лагерь, осада, сраженіе, миръ, покореніе, морское дѣло. — Во всѣхъ этихъ рубрикахъ собраны наиболѣе употребительныя обороты и фразы, съ ихъ русскимъ значеніемъ. Матеріалъ достаточно полонъ и доброкачественъ.

Сборникъ статей для перевода съ русскаго языка на латинскій, съ приложеніемъ примѣчаній и синонимическаго и фразеологическаго словаря. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. И. Гинтовтъ, преподаватель С.-Петербургской 9-й гимназіи. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку, стр. 66 + 56. Цѣна 75 коп.

Книга г. Гинтовта предназначается для трехъ старшихъ классовъ гимназій и содержитъ въ себѣ 121 прозаическую статью, болѣе или менѣе законченную по содержанію и представляющую обильный матеріалъ для упражненій въ разнообразныхъ грамматическихъ правилахъ. Въ ряду другихъ подобныхъ же пособій трудъ г. Гинтовта отличается сравнительною самостоятельностью, какъ въ выборѣ отрывковъ и ихъ изложеніи, такъ и въ сопровождающихъ ихъ указаніяхъ и объясненіяхъ. Русское изложеніе текстовъ довольно гладко, и только нарѣдка встрѣчаются выраженія мало понятныя или не совсѣмъ удачныя, въ родѣ: „Архимедъ первый помѣстилъ на шарѣ движеніе солнца и пяти планетъ (стр. 16), или: „Однако, какъ мало было, какъ въ древнее, такъ и въ новое время, такихъ, которые соединяли бы въ себѣ всѣ эти качества“ (стр. 17), или:

„Дезарь пригласилъ Лаберию, какъ самаго знаменитаго сочинителя мимовъ, состязаться на премію съ соперникомъ его Публиемъ, не только какъ поэта, но и какъ актера“ (стр. 23) и т. д. Гораздо больше замѣчаній вызываютъ приложения къ тексту объясненія и обличенныя въ форму словаря синонимическія указанія. Хотя они въ общемъ даютъ довольно обильный и надежный матеріалъ, но изложены не въ мѣру кратко, такъ что нерѣдко принимаютъ форму намековъ, могущихъ не всегда быть правильно понятыми учениками, напримѣръ: „Какъ = въ качествѣ; выраженіи, обозначающія должность, званіе, возрастъ (въ званіи консула, въ бытность, въ старости, будучи кѣмъ или чѣмъ-либо) переводятся приложениемъ („какъ“ опускается). Ut (какъ) при приложеніи или указываетъ на причину (= какъ можно ожидать отъ), или ограничиваетъ сказуемое (=для)“ (стр. 4); или: „сочиненіе Швер, — о чемъ просто de или: въ которомъ говорится, рѣчь идетъ, которое трактуетъ (esse) о чемъ—н.“, стр. 9; „Cicero postea значило бы—близкій намъ, нашъ соотечественникъ и т. п. Полное нашъ = hic (is) de quo nunc agitur“ и т. п. Иногда встрѣчаются замѣчанія и указанія недостаточно точныя и нерѣдка даже излишнія, напримѣръ, стр. 1: „Supplicium — первоначально мольба объ отвращеніи чего-либо, потомъ казнь, наказаніе“. — Supplicium первоначально обозначаетъ колѣнопреклоненіе, затѣмъ уже мольбу или моленіе, причѣмъ вѣтъ необходимости предполагать, чтобъ оно непременно было моленіемъ объ отвращеніи божескаго гнѣва; стр. 3: „sortae Gallicae — войска Галловъ; legiones Hispanienses — легионы римскіе въ Испаніи“; не худо было бы привести, въ ограниченіе и поясненіе сказаннаго, и такія названія, какъ legio Gallica, legio Hispana; стр. 7: Thapsus и Thapsus въ Африкѣ (другой въ Сициліи)—объясненіе не понятное; стр. 8: „assentio у Цицерона въ болѣе равныхъ произведеніяхъ“ — указаніе излишнее; ibid. „Только прилагательныя, не выражающія ни похвалы, ни порицанія, присоединяются, какъ прозвища, къ имени собственному, безъ словъ: vir, homo, ille и другіе, напримѣръ, Alexander Magnus, Laelius Sapiens, Crassus Dives“. Объясненіе не совсемъ точное, потому что и Magnus и Sapiens выражаютъ похвалу; стр. 24: „plus (отъ multum), magis (отъ valde, magnoere)“ — такое указаніе не удачно, заставляя предполагать, будто plus произошло отъ multum, а magis отъ valde; стр. 28: „государственный преступникъ perduellio“ — собственно говоря, perduellio обозначаетъ самый преступный актъ, а преступникъ есть perduellis; стр. 35:

„saltem при gradatio a maiore ad minorem“; лучше было бы сказать: a maiore ad minus; стр. 51: „concilium для обсуждения государственных дѣлъ (consilium publicum = сенатъ)“. Здѣсь смѣшаны два слова: concilium и consilium; *ibid.* при опредѣленіи термина *comitia*, не излишне было бы прибавить, что они собирались и для рѣшенія судебныхъ вопросовъ, и т. д.

I. О заговорѣ Катилины (de conjuratione Catilinae). *Саллюстія*. Съ словаремъ и объясненіями издавъ для гимназій Д. Нагуевскій, ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета. Изданіе 2-ое, переработанное и дополненное. Рига. 1889. Стр. XXIV + 53 + 38. Цѣна 60 коп., съ словаремъ 80 коп. и II. О Югуртинской войнѣ (de bello Jugurthino). *Саллюстія*. Съ введеніемъ и объясненіями издавъ Д. Нагуевскій. Изд. 2-ое, исправленное. Казань. 1889. Стр. XIV + 107. Цѣна 80 коп.

Первое изданіе этихъ книжекъ заслужило одобрительные отзывы специалистовъ, хотя и требовало въ частностяхъ нѣкотораго усовершенствованія. При настоящемъ изданіи авторъ воспользовался сдѣланными ему указаніями и внесъ въ свой трудъ не мало исправленій. Слѣдуетъ надѣяться, что авторъ не остановится и передъ дальнѣйшимъ улучшеніемъ своего изданія и обратитъ вниманіе на выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „Cat. р. 3. г.“ Quae etc. Послѣ отступленія рѣчи къ военнымъ дѣламъ, С. возвращается къ нравственной сторонѣ человека и рекомендуетъ ея участіе въ частной жизни“; стр. 6: „шогесъ здѣсь въ усиленномъ значеніи: нравственное состояніе, огражденное законами“; стр. 12: „signatores falsos у Сіс. они названы testamentorum subiectores „подставные прикладыватели печати при духовныхъ завѣщаніяхъ“; стр. 14: „консулы приступали къ исполненію своихъ обязанностей въ началѣ новаго года, назначеніе же ихъ происходило за два, за три, даже за четыре мѣсяца до вступленія въ должность“. Здѣсь слово „назначеніе“ удобнѣе замѣнить словомъ: „набраніе“; стр. 15: „Внѣ Рима или римской республики кліентами назывались не только дѣльные народы, покровительствуемые кѣмъ-либо изъ римлянъ, но и отдѣльные лица римскихъ провинцій“; стр. 26: „Въ силу закона Д. Валерія Флакка... несостоятельнымъ должникамъ дозволялось уплатить только четвертую часть долга, то-есть, вмѣсто sestertius (серебряной монеты) его четвертую часть, а именно as (мѣдную монету)“; между тѣмъ на стр. 23 читаемъ, что сестерцій равнялся 2¹/₂ ассамъ, и т. д. Изъ этихъ примѣровъ видно, что комментарий г. Нагуевского нуждается и въ настоящимъ видѣ въ тщательномъ пересмотрѣ.

Д. Нагуевскій. Энеида Вергилия (Vergilii Aeneis). Часть вторая. Книга IV—VI. Изданіе второе, значительно исправленное и дополненное. Казань. 1890. Стр. 132. Цѣна 80 коп. Часть третья. Книга VII—IX. Казань. 1890. Стр. 130. Цѣна 1 р.

Первая изъ разсматриваемыхъ книжекъ выходитъ уже вторымъ изданіемъ и носить на себѣ слѣды тщательнаго пересмотра. Вторая книжка является вновь и составляетъ продолженіе предпринятой г. Нагуевскимъ серіи изданій латинскихъ классиковъ съ примѣчаніями. Она не отличается отъ предыдущихъ выпусковъ ни въ хорошую, ни въ дурную сторону: къ числу достоинствъ ея слѣдуетъ отнести краткость и приспособленность объясненій, сравнительную дешевизну изданія, его типографскую исправность; существеннымъ его недостаткомъ, присущимъ и другимъ выпускамъ предпринятой г. Нагуевскимъ серіи, — оказывается значительная зависимость комментарія отъ иностранныхъ, преимущественно французскихъ и нѣмецкихъ изданій, — въ приложеніи къ Вергилію отъ изданія Вонуа, — ведущая перѣдко къ недоразумѣніямъ и промахамъ. Ихъ не мало и въ разбираемомъ выпускѣ, и свойство ихъ можетъ быть усмотрѣно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Стр. 1: *servat honos sedem tuus*, „Честь оказанная тебѣ, хранить мѣсто твоего погребенія“. Объясненіе не понятно: Вергилій говорить не о храненіи мѣста, а о томъ, что память Кайсты сохраняется въ томъ мѣстѣ, гдѣ она погребена.

Стр. 5: *„cum primum*, здѣсь почти въ значеніи простаго *cum*“ это „почти“ здѣсь не понятно и ничего не даетъ ученику.

Стр. 12 (v. 152): *delectos ordine ab omni*, „ordo“ здѣсь въ общемъ значеніи: „рядъ“, какъ ниже ст. 681 *legio*“. Но тогда что же будетъ значить *omni*? Сервій объясняетъ: *ex omni qualitate dignitatum quod apud Romanos in legatione mittenda hodieque servatur*.

Стр. 13 (v. 160): *iamque iter emensi turris ac tecta Latini*. Г. Нагуевскій дѣлаетъ примѣчаніе: *versus hypometer*. Объясняется эта странность тѣмъ, что въ источникѣ, откуда черпалъ составитель, въ данномъ случаѣ, изданіи Вонуа, стоитъ въ текстѣ *Latinorum*.

Ibid. (v. 164): *„acris... arcus*. Здѣсь „остро бьющія“. Предлагаемый г. Нагуевскимъ переводъ не возможенъ.

Ibid. (v. 171): *Laurentis regia Picis* „не Латина, но храмъ или жилище, посвященное Пикю“. Помимо странной редакціи (ибо что значить: „жилище, посвященное Пикю“?), это примѣчаніе совершенно

излишне, ибо прибавка: *Laurentis Pici* дѣлаетъ совершенно невозможнымъ пониманіе *regia*, какъ жилища Латина.

Стр. 14 (v. 179): „У подножія виносаителя Сабина... находилса и серпъ“. Невозможный эпитетъ „виносаитель“ соотвѣтствуетъ латинскому *vitisator*.

Ibid. (v. 180): „Двуликій Янусъ, древнѣйшій и наиболѣе національный богъ Италіи“. Янусъ такой же національный богъ, какъ и *Faunus, Picus, Vertumnus* и др., и потому не понятно, почему онъ зовется наиболѣе національнымъ. Точно также не понятно, почему въ примѣчаніи къ стиху 185 *cristae* вонутся „лучшимъ“ украшеніемъ шлема.

Стр. 15 (v. 187): „Старинная *trabea*... была коротка и узка (*brevis*)“. Въ текстѣ говорится лишь о *ragua trabea*, слѣдовательно объ ея узкости нѣтъ рѣчи.

Стр. 18 (v. 249): „*Obtutu abl. modi*, зависитъ отъ *defixa* и указываетъ, какимъ образомъ Латинъ устремилъ, потупилъ взоры“. Устремить взоры и потупить ихъ не одно и то же. Точнѣе *Венуа*: „*Obtutu dépend de defixa comme ablatif de manière, et indique de quelle façon Latinus a les yeux fixés.*“

Стр. 19 (v. 277): „*ostro pictisque tapetis, hendiadis (?)* вмѣсто *tapetis ostro pictis*: пурпуровыя покрывала лошадей шиты золотомъ“. Читатель въ правѣ недоумѣвать, съ которыхъ поръ *ostrum* стало обозначать золото. Разгадку даетъ тотъ же *Венуа*: „*instratos astro pictisque tapetis. Hendiadyin pour instratos tapetis ostro tinctis pictisque. Plus loin, on trouve tecti auro, c'est le développement de pictis. Les couvertures qui enveloppent les chevaux sont brodées d'or.*“

Стр. 20 (v. 286): „Инахъ, сынъ Океана и Тетиды“. Инахъ былъ сынъ *Тетисы (Tethys)*.

Стр. 26 (v. 417): *induit albos cum vitta crinis*. „Накладываніе фальшивыхъ сѣднѣй было обычнымъ приемомъ богинь, принимавшихъ видъ старухъ“. Примѣчаніе излишнее и, въ добавокъ, неудачно изложенное.

Ibid. (v. 422): „*transcribi*“ здѣсь „уступать“. Въ текстѣ стоитъ не *transcribere*, а *transcribi*.

Стр. 28: „Наносить удары бичемъ было атрибутомъ *фурій*“. Неловкое выраженіе.

Стр. 31: „*Spesula*“, собственно „подворная башня“. Такъ по русски не говорится, точно также, какъ и „*Nag* съ бѣлесою водою“ (*ibid.*)

Ibid. „*Vellnus* составляетъ границу между Умбріей и Сабинскою страпою и впадаетъ въ Тибръ; онъ соотвѣтствуетъ теперь рѣкѣ *Во-лпо* и озеру *Pic di Lucu*“. Читатель недоумѣваетъ, какимъ образомъ

древняя рѣка соотвѣтствуетъ теперешнимъ рѣкѣ и оверу; недоумѣніе разрѣшается, если обратимся къ Велуа, который говоритъ: *Le fleuve et le lac Velinus, aujourd'hui le fleuve Velino et le lac de Pic di Luco.*

Стр. 36: Описание такъ-называемаго *cinctus Gabinus* не вразумительно; г. Нагуевскій говоритъ: „*cinctus Gabinus* состоялъ въ томъ, чтобы одинъ уголъ (?) тоги, опоясывая (?) чедовѣка, былъ на столько перетянутъ черезъ плечо, что могъ служить покрывкой самой головѣ“. Понятіе у Велуа: „*On portait cinctus Gabinus la disposition de la toge rejetée en arrière, de telle façon qu'une extrémité ramenée par devant ceignit l'homme et qu'un autre pan couvrit sa tête*“. Рѣчь идетъ о двухъ концахъ, а не объ одномъ.

Можно привести еще много неточностей и ошибокъ въ комментаріи г. Нагуевского, но в отхѣченныхъ достаточно, чтобы убѣдиться, что онъ требуетъ тщательнаго исправленія.

Латинская грамматика. По Штегману составилъ В. Никифоровъ, преподаватель шестиклассной гимназіи въ Москвѣ. М. 1890. Въ 8-му стр. III—800. Ц. 1 р. 25 коп.

Учебникъ Штегмана занимаетъ видное мѣсто въ нѣмецкой педагогической литературѣ по древнимъ языкамъ: онъ отличается сравнительною краткостью, разумнымъ ограниченіемъ матеріала, ясностью, съ которою формулированы въ немъ правила, и стремленіемъ привести ихъ въ согласіе съ результатами научной разработки латинской грамматики. Эта послѣдняя особенность выгодно отличаетъ книгу Штегмана отъ многихъ другихъ учебниковъ, твердо еще державшихся на почвѣ прежнихъ школьныхъ традицій. Мы сказали, что трудъ Штегмана отличается сравнительною краткостью, потому что безусловно краткимъ его назвать нельзя, и есть учебники, которые при достаточной полнотѣ, имѣютъ меньшій объемъ, какъ напримѣръ, учебникъ Гарре. Это зависяетъ отъ того, что Штегманъ ввелъ въ свою книгу не мало объясненій, предназначенныхъ скорѣе для справокъ, чѣмъ для послѣдовательнаго изученія, какъ, напримѣръ, на стр. 6-й и 7-й подробности о родѣ предметовъ одушевленныхъ, на стр. 26 о *substantiva abundantia*, на стр. 28 и сл. прибавленіе къ ученію о склоненіяхъ, и т. д.

Русское изданіе труда Штегмана не представляетъ простаго его перевода, но должно быть названо скорѣе передѣлкой, такъ какъ г. Никифоровымъ сдѣланы, на основаніи практическихъ соображеній, довольно многочисленныя и существенныя измѣненія и дополненія. Такъ, въ этимологіи прибавлено правило для образованія *abl. sing.*,

gen. plur., nom. acc. voc. neutr. plur. отъ именъ существительныхъ третьяго склоненія; глаголы съ основой на согласный звукъ отнесены къ третьему, а съ основой на гласный *i* къ четвертому спряженію (у Штегмана наоборотъ); при перечисленіи такъ-называемыхъ уклоняющихся глаголовъ, переводчикъ, при случаѣ, указываетъ и ихъ конструкцію; въ отдѣлѣ о предлогахъ увеличено число выраженій. Въ сyntaxisѣ, кромѣ измѣненій и дополненій, вызванныхъ требованіями русскаго языка, обращено особенное вниманіе на переводъ относительныхъ и вопросительныхъ предложеній въ конструкціи *acc. c. inibi*. Отдѣлъ о сослагательномъ будущихъ временъ изложенъ нѣсколько иначе, чѣмъ у Штегмана, преимущественно по Гарре. Что касается наклоненій, то, въ отличіе отъ подлинника, гдѣ они рассматриваются въ совокупности, переводчикъ рассматриваетъ каждое изъ нихъ отдѣльно и затѣмъ прилагаетъ таблицу ихъ употребленія въ простыхъ предложеніяхъ. Отдѣлъ о союзахъ *cum*, *quoad*, *antequam* и *priusquam* изложенъ по Зейфферту и Гарре. Затѣмъ указаны нѣкоторыя особенности въ употребленіи именъ существительныхъ и степеней сравненія, и прибавленъ отдѣлъ объ отрицаніяхъ. Въ нѣкоторыхъ параграфахъ, особенно въ сyntaxisѣ сложнаго предложенія, увеличено число примѣровъ. Наконецъ, при случаѣ, переводчикъ вводитъ сравненіе съ явленіями языка греческаго. Всѣ эти измѣненія вполне разумны и оправдываются съ дидактической точки зрѣнія.

Въ общемъ книга г. Никифорова производитъ пріятное впечатлѣніе, и нѣкоторые недостатки не препятствуютъ ей служить учебнымъ руководствомъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства. Вотъ нѣсколько замѣчаній:

Въ § 1 въ примѣч. 1-мъ сказано, что римляне писали только большими или прописными буквами, что не точно, потому что уже на помпейскихъ граффитахъ мы видимъ слѣды вполне установившагося курсива; въ § 41 и слѣд. Штегманъ удерживаетъ еще терминъ соединительной гласной, который теперь большинствомъ грамматиковъ не признается, такъ какъ не даетъ рациональнаго объясненія грамматическихъ явленій; *ibid.* сказано, что слѣды окончанія *abl. sing. d* видны въ гласномъ звукѣ *ë* у согласныхъ основъ, напримѣръ, *reg-ë*. Выражено это не вполне вразумительно, и учащійся будетъ недоумѣвать, почему *ë* указываетъ на выпаденіе *d*; на стр. 31 сказано, что въ именахъ на *ter e* не принадлежитъ основѣ. Правильнѣе было бы сказать, что *e* здѣсь выпадаетъ; а что оно входитъ въ основу, видно, напримѣръ, изъ такихъ формъ, какъ *paternus*, *patêron* и др.

Издана книжка опротно и по цѣнѣ (1 р. 25 коп.) не дорога.

4. *Воронежскій. Училищныя нововведенія географіи въ трехъ курсахъ. Курсъ третій. Европа. 1890. Стр. 62. Ц. 40 коп.*

Въ первомъ изданіи 3-й части Учебника всеобщей географіи г. Воронежскаго европейскія государства обозрѣвались не въ томъ порядкѣ, въ какомъ требуется дѣйствующею объяснительною запискою къ учебному плану географіи, и составителемъ была изгнана буква е,—поэтому написаніе многихъ географическихъ названій представлялось страннымъ. Что же касается до другихъ, то-есть, внутреннихъ недостатковъ учебника, то въ первомъ изданіи таковыя встрѣчались, но они были не особенно важны. Главныя же достоинства книги состояли (и состоятъ), во-первыхъ, въ исключеніи такого матеріала, который не можетъ быть изученъ при помощи географической карты, то-есть, разныхъ описаній, характеристикъ, фактовъ изъ геологіи, этнографіи, статистики и исторіи; во-вторыхъ, въ нѣкоторомъ сокращеніи числа городовъ и въ опущеніи изъ характеристикъ ихъ всего, что не имѣетъ отношенія къ торговлѣ, вообще къ промышленности, къ образованію и къ оборонительнымъ средствамъ страны. Къ второстепеннымъ достоинствамъ книги относятся, во-первыхъ, то, что она снабжена хорошими и большею частью полезными рисунками; во-вторыхъ, напечатана крупнымъ шрифтомъ и, третьихъ, относительно дешева.

Во второмъ изданіи книга авторъ сдѣлалъ измѣненія, какъ въ отношеніи расположенія отдѣльныхъ частей книги, такъ и относительно содержанія, транскрипціи названій и состава рисунковъ. Словомъ, второе изданіе является болѣе усовершенствованнымъ; но во всякомъ случаѣ, и оно не безъ недостатковъ, хотя и мелкихъ. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ:

Стр. 9. „Наиболѣе плотно населенныя мѣстности Европы (отъ 2 до 5 тысячъ человекъ на квадрат. милію) находятся по бассейнамъ Вислы, Эльбы, Рейна и Сены“. На стр. же 42 сказано, что „по рѣкамъ Майну, верхнему Везеру и Эльбѣ приходится до 10,000 человекъ на квадрат. милію“. Такимъ образомъ, максимумъ плотности населенія гдѣ-нибудь не вѣренъ.

Стр. 25. При обозрѣніи отдѣльныхъ владѣній Пиренейскаго полуострова не показана крѣпость Гибралтаръ; въ отдѣлѣ Англіи, при обозрѣніи европейскихъ владѣній англичанъ (стр. 53) Гибралтаръ тоже не приурочивается ни къ какой мѣстности, и даже не сказано, что такое Гибралтаръ, какъ и Мальта.

При описаніи Франціи не упомянуто, что она дѣлится на департаменты. Тамъ же встрѣчаются неудачныя выраженія:

Стр. 29. „Въ южной Франціи, находящейся подъ вліяніемъ Средиземнаго моря, климатъ еще теплѣе“.

Стр. 30. „Всѣ виды фабрично-заводской промышленности во Франціи достигли высокой степени совершенства“. Почти то-же самое выраженіе, черезъ 4 строки, по отношенію къ Парижу: „Всѣ роды фабрично-заводской и ремесленной промышленности въ Парижѣ достигли высокой степени совершенства“.

Стр. 33. „Населеніе Швейцаріи смѣшанное; на сѣверо-востокѣ говорятъ на нарѣчій нѣмецкаго языка, на западѣ, на нарѣчій французскаго языка, на югѣ—на италіанскомъ“. Къ чему здѣсь говорить о нарѣчійхъ, когда вопросъ идетъ о населеніи? Если же имѣть въ виду отгѣнки въ нарѣчійхъ, то скорѣе слѣдовало бы указать на ретолдлинговъ, не говорящихъ ни на одномъ изъ поименованныхъ языковъ.

Стр. 40. При физическомъ описаніи Германіи безъ всякой нужды къ одной и той же мѣстности, прилагается „плато“ и „плоскогоріе“; такъ, въ текстѣ называется „Швабо-баварское плоскогоріе“, а въ примѣчаніи Швабо-баварское плато; въ текстѣ Швабо-франконское плато и—плоскогоріе. На той же страницѣ неудобное выраженіе: „Шварцвальдъ, сопровождающій справа долину Рейна, до впаденія въ него Некара“.

Стр. 51. О Лондонѣ сказано, что онъ имѣетъ около 5 милліоновъ жителей; слѣдовательно, прибавленъ 1 милліонъ приблизительно.

Нельзя назвать удобными встрѣчающіяся въ книгѣ новыя слова: „скотоводческая страна“, „всколмленная страна“ и т. д.

Удержалась также неправильная транскрипція нѣкоторыхъ названій: Парнасъ, Некаръ, Шефнльдъ, Христіанія, чехо-маравле и т. д.

Учебный атласъ по Русской исторіи. Составилъ по новѣйшимъ пособіямъ Н. Д. Малашкинъ, преподаватель Рязанской гимназіи. Рязань. 1899. Цѣна 85 коп.

Учебный атласъ по Русской исторіи г. Малашкина заключаетъ въ себѣ всего семь листовъ картъ. Первая карта изображаетъ „Русь съ 862 до 1015 г.“; вторая—„Русь отъ 1015 г. до Іоанна Калиты (1328 г.)“; третья—„Княжество Московское (отъ 1328 до 1533 г.) и Литовское (отъ XIII до XV ст.)“; четвертая—„Государство Московское (отъ 1533 до 1682 г.)“; пятая—„Русь-имперію (отъ 1682 до 1801 г.)“; шестая—„Россію въ XIX ст.“ и, наконецъ, на седьмомъ листѣ находятся четыре дополнительныхъ карты, содержаніе которыхъ будетъ указано ниже.

При атласѣ г. Малашкина нѣтъ ни введенія, ни какого бы то ни было объяснительнаго текста. Самыя карты съ ихъ внѣшней стороны исполнены не вполнѣ удовлетворительно. Общій рисунокъ картъ довольно грубоватъ; на нѣкоторыхъ картахъ неудачно сдѣлано распределеніе красокъ, которыми обозначены племена, земли (княжества) и области: очень часто сосѣднія географически территоріи окрашены или двумя оттѣнками одного и того же цвѣта, или же двумя близкими одинъ къ другому цвѣтами (напримѣръ, желтымъ и зеленоватымъ или коричневатымъ). На первой картѣ (862—1015) мѣста, занятія литвою, славянами и Хозарскимъ царствомъ, по окраскѣ такъ неясственно различены, что г. Малашкинъ счелъ необходимымъ литву отдѣлить отъ славянъ еще и красною пограничною чертою. На той же картѣ, окрасивъ Славянскія земли въ зеленый цвѣтъ, г. Малашкинъ узкою зеленоватою же чертою обозначилъ и первоначальныя поселенія славянъ въ финскомъ Поволжьѣ; эта зеленоватая черта, идя по Волгѣ, а затѣмъ по Окѣ, упирается въ Донскія степи, окрашенныя въ желтый цвѣтъ, какъ и Хозарское царство. Разница между этимъ желтымъ цвѣтомъ и зеленоватою чертою на столько ничтожна, что не воспринимается глазомъ, и учащійся не сразу можетъ догадаться, кому—хозарамъ или новгородцамъ—принадлежали поселенія по Окѣ и Волгѣ. Совершенно также и на третьей картѣ (1328—1533) находимъ неудачное смѣшеніе оттѣнковъ зеленого и желтаго цвѣта, которыми отмѣчены земельныя приобрѣтенія Московскихъ князей въ XIV вѣкѣ. При вечернемъ освѣщеніи пользоваться этою картою, руководясь ея окраскою, нѣтъ никакой возможности. На второй картѣ (1015—1328) земли (княжества) удѣльно-вѣчевой эпохи обозначены каждая своимъ цвѣтомъ, причемъ десять земель изображены всего въ четырехъ краскахъ. При такомъ условіи цвѣта нѣсколькихъ земель должны, конечно, совпадать, и очень жаль, что у г. Малашкина совпадаютъ цвѣта сосѣдствовавшихъ или близкихъ одна къ другой земель: Киевской, Переяславской, Галицкой.

Неудовлетворительную внѣшность разбираемаго атласа мы можемъ до нѣкоторой степени извинить въ виду его цѣны (35 коп.), которая заставляетъ насъ предполагать экономію въ издержкахъ ради достиженія дешевизны наданія. Но это соображеніе не можетъ относиться къ внутренней сторонѣ труда г. Малашкина. Г. Малашкинъ не всегда удачно слѣдовалъ указаніямъ тѣхъ „новѣйшихъ пособій“, по какимъ онъ составлялъ свой атласъ. Отсутствие всякихъ поясненій, кромѣ объясненія находящихся на картахъ атласа красокъ и

цифръ, не служить, конечно, къ пользѣ дѣла: чѣмъ болѣе помечена карта, тѣмъ большую пользу можетъ она принести и тѣмъ легче усваивается. Лучшій изъ существующихъ у насъ учебныхъ историческихъ атласовъ, профессора Замысловскаго, даетъ пространный объяснительный текстъ къ каждой картѣ, и г. Малашкинъ, не производя собственныхъ изысканій, могъ бы воспользоваться матеріаломъ, собраннымъ у его ученаго предшественника. Историко-географическимъ матеріаломъ Е. Е. Замысловскаго могъ бы руководиться г. Малашкинъ внимательнѣе, чѣмъ онъ это дѣлалъ, и въ частностяхъ выполнения той или другой карты; это позволило бы ему избѣжать нѣкоторыхъ недостатковъ его работы, къ указанію которыхъ теперь мы обращаемся.

На первой картѣ (862—1015) среди литовскихъ племенъ не находимъ имени жмуди, а ятвяги, народецъ неизвѣстнаго происхожденія, отнесены безъ оговорокъ въ число литовскихъ племенъ. (Учебникъ г. Иловайскаго не дѣлаетъ этихъ промаховъ: онъ называетъ жмудь и о происхожденіи ятвяговъ говоритъ нерѣшительно). Далѣе, на первой картѣ не находимъ вовсе Византійской имперіи и Царяграда, на которые безусловно необходимо указать ученикамъ при изученіи первыхъ вѣковъ Русской исторіи. Имена Дунайскихъ болгаръ на картѣ нѣтъ; не нанесены дѣлкомъ и области, ими занятыя; указаны только города ихъ Переяславецъ и Доростолъ, чѣмъ едва ли можно удовлетвориться. Изъ племенъ собственно славянскихъ названы только тѣ, которыя есть въ учебникѣ г. Иловайскаго, и пропущены бужане и волыняне (дудѣбы), связывавшіе поднѣпровскихъ славянъ съ прикарпатскими; вмѣсто же нихъ преждевременно нанесена „Червоная Русь (Галиція)“. Славяне Новгородскіе или Ильменскіе отождествлены съ кривичами, что наука не позволяетъ еще утверждать категорически. Въ славянскихъ поселеніяхъ, по Волгѣ и Окѣ указаны Ростовъ и Муромъ и безъ основанія пропущены Суздаль. Среди финскихъ племенъ не указана водь (пропущенная и у г. Иловайскаго) и не совсѣмъ вѣрно нанесено имя мери: у г. Малашкина оно помѣщено у р. Сухоны въ системѣ Сѣверной Двины, а между тѣмъ Сухоны была крайнею сѣвѣрною границей поселеній мери, жившей въ области верхней Волги и лѣвыхъ притоковъ Оки: Клязьмы и Москвы.

Нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя о первой картѣ, можно отнести и ко второй (1015—1328): на ней, напримѣръ, также нѣтъ жмуди и нѣтъ водь, причѣмъ мѣсто водь занимаетъ чудь. Но вторая карта вообще удачнѣе первой. На ней, правда, есть свои недочеты: не указана столица Мяндовга Новгородокъ (Новогрудокъ), хотя ука-

зана позднѣйшая Вильна; не обозначены вовсе владѣнія Тевтонскаго ордена; не указаны сѣверныя Новгородскія поселенія: Вологда, Тотыма, Устюгъ, хотя указанъ еще очень сомнительный для той эпохи Хлыповъ (Вятка). Но главное содержаніе карты—положеніе древнерусскихъ земель (княжествъ)—изображено удовлетворительно: авторъ вполне слѣдовалъ атласу г. Замысловскаго при обозначеніи границъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали въ XI, XII и первой половинѣ XIII вв. (у г. Замысловскаго карта вторая). Для этого времени карта г. Малашкина и можетъ считаться хорошею. Но г. Малашкинъ дѣлаетъ эту же карту пособіемъ при изученіи событій и конца XIII и начала XIV в.; а при такомъ условіи необходимы были бы кое-какія измѣненія. Слѣдовало бы, напримѣръ, на этой картѣ изобразить первоначальное Литовское княжество Миндовга; г. Малашкинъ изобразилъ его лишь на третьей картѣ, а на разбираемой второй нанесъ одинъ только городъ Вильну, возникшій по всѣмъ преданіямъ позже Миндовга, при Гедиминѣ. Далѣе, слѣдовало бы на этой картѣ или волюнѣ очертить границы первоначальнаго Московскаго княжества, или же оставить рубежи Суздальской, Смоленской и Рязанской земель такъ, какъ они существовали въ XIII вѣкѣ, до образованія княжества Московскаго; авторъ же Смоленскій Можайскъ присоединилъ къ Москвѣ, а Рязанскую Коломну оставилъ за Рязанью, между тѣмъ какъ оба эти города почти одновременно и во всякомъ случаѣ до 1328 г. перешли къ Московскимъ князьямъ.

Мы не будемъ долго останавливаться на третьей картѣ, изображающей Литву и Московскую Русь до 1533 г. Неудовлетворительная окраска этой карты указана нами раньше, по содержанію же своему эта карта можетъ считаться разработанною достаточно хорошо. Однако и здѣсь можно указать нѣкоторыя неточности: напримѣръ, городъ Хлыновъ названъ Вяткомъ; имена Новгородскихъ земель Заволочья и Двинской земли слѣдовало бы перемѣстить: Заволочье номѣщено слишкомъ далеко отъ тѣхъ „волоковъ“, отъ которыхъ произошло это названіе; что же касается до Двинской земли, то этимъ именемъ назывался не только лѣвый берегъ Сѣверной Двины, какъ это выходитъ по картѣ г. Малашкина.

Четвертая карта, „Государство Московское (1533—1682)“, гораздо менѣе удачна, чѣмъ двѣ предыдущія. Вѣдность ея номенклатуры бросается въ глаза: на ней нѣтъ Нарвы, Яма-города, Чернигова, Воронежа, Черкаска, Уфы и многихъ другихъ городовъ, которые приходится упоминать при преподаваніи; нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на владѣнія Строгоновыхъ, откуда вышелъ Ермакъ для пово-

ренія Сибири; не обозначены границы Литвы и Польши, знакомство съ которыми необходимо при изученіи Люблинской униі. Рядомъ со всѣми этими пробѣлами нельзя однако не отмѣтить, что авторъ постарался повести на карту всѣ тѣ второстепенные географическіе пункты, которые стали памятны или битвами (какъ Клушино, Калезинъ монастырь), или мирными переговорами (какъ Столбово, Вѣлая церковь) и т. д.

Этого послѣдняго замѣчанія нельзя сдѣлать относительно слѣдующей, пятой карты („Русь-имперія 1682—1801“). При поразительной бѣдности общаго ея содержанія, она не богата и спеціально-военными указаніями. Для того, чтобы указать на общую бѣдность номенклатуры, достаточно упомянуть, что на сѣверъ отъ Москвы карта называется, кромѣ С.-Петербурга съ его окрестностями, всего шесть населенныхъ пунктовъ, а именно: Казань, Ярославль, Лодейное поле, Архангельскъ, Холмогоры и Пустоверскъ. Для того, чтобы характеризовать неполноту спеціально-военныхъ показаній карты, укажемъ, что на ней нѣтъ Эрестфера, Гуммельсгофа, Дергата, Батурна, Хотина, Праги. Кромѣ того, въ городовъ и мѣсть, присоединенныхъ по тремъ раздѣламъ Польши, авторъ назвалъ только Могилевъ, Варъ, Балту, Умань, Тарговицу, Митаву и ошибочно Мемель, — и пропустилъ всѣ другіе. Далѣе, на своей картѣ авторъ ничѣмъ не отдѣлялъ приобрѣтеній, сдѣланныхъ императрицею Екатериною отъ Польши, и приобрѣтеній, сдѣланныхъ ею отъ Турціи: смотря на карту г. Малашкина, можно подумать, что по второму раздѣлу Польши Россія получила вмѣстѣ съ Баромъ и Уманью Очаковъ и Клибуртъ. Въ виду всего сказаннаго, пятую карту въ атласѣ г. Малашкина нельзя считать сколько-нибудь удовлетворительною.

На двухъ послѣднихъ листахъ атласа нѣтъ нужды останавливаться. Шестая карта изображаетъ походъ Наполеона I на Россію и приобрѣтенія Россіи въ XIX в., — то и другое въ самыхъ главныхъ чертахъ, въ самыхъ общихъ контурахъ. Седьмой листъ атласа включаетъ въ себѣ четыре карты: 1) Балканскаго полуострова съ его нынѣшнимъ политическимъ устройствомъ, 2) Кавказа, 3) Сибири и 4) русскихъ владѣній въ Средней Азій. Всѣ четыре карты не содержатъ въ себѣ никакихъ собственно историческихъ указаній и, будучи очень бѣдны именами, знакомятъ только съ границами государствъ и областей.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ ВЪ 1886—1888 ГОДАХЪ.

Въ составъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ входятъ слѣдующіе отдѣлы: 1) отдѣленіе рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ; 2) бібліотека; 3) отдѣленіе изящныхъ искусствъ и классическихъ древностей; 4) отдѣленіе древностей доисторическихъ; 5) отдѣленіе древностей христіанскихъ; 6) отдѣленіе русскихъ древностей; 7) Дашковскій этнографическій музей; 8) импералогическій кабинетъ, и 9) Дашковское собраніе изображеній русскихъ дѣателей. Такой составъ музеевъ образовался постепенно — по мѣрѣ того, какъ обстоятельства давали возможность открывать то или другое отдѣленіе. И въ настоящее время, не смотря на крайнюю ограниченность суммъ, которыми расплачивается управленіе музеевъ для пополненія коллекцій, размѣры послѣднихъ продолжаютъ постоянно увеличиваться. Вслѣдствіе того, въ помѣщеніи музеевъ уже замѣчается нынѣ нѣкоторое стѣсненіе, которое со временемъ—должно будетъ повести или къ сооружецію новыхъ пристроекъ къ зданію музеевъ, или же къ преобразованію внутренней организаціи послѣднихъ. Не касаясь здѣсь важнаго вопроса о такихъ улучшеніяхъ, нельзя однако не замѣтить, что и нынѣ нѣкоторыя отдѣленія музеевъ развиваются болѣе успѣшно, чѣмъ другія, и что эти успѣхи могутъ быть преимущественно приняты во вниманіе, когда представится возможность привести все учрежденіе въ полное соотвѣтствіе съ непрерывно возрастающими потребностями общественаго образованія.

Особенно счастливо идетъ обогащеніе отдѣленія рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ. Этотъ отдѣлъ музеевъ, вообще принадлежащій къ числу замѣчательнѣйшихъ нашихъ собраній рукописныхъ и старопечатныхъ, увеличился въ теченіе 1886—1888 годовъ, новыми весьма цѣнными приобрѣтеніями.

Въ видѣ цѣлыхъ коллекцій въ него поступили слѣдующія:

1) Пожертвованное коммерціи совѣтникомъ Я. П. Гарелинымъ собраніе историко-юридическихъ актовъ XVI—XVIII вѣковъ; весьма значительная часть этихъ актовъ, идущая до первыхъ годовъ прошлаго столѣтія, писана на столбцахъ, конкъ насчитывается до 2900, число же самыхъ документовъ вдвое большее; такъ какъ почти всѣ эти акты, какъ официальные (въ томъ числѣ грамоты царскія и духовныхъ властей, отписки административныхъ учреждений и лицъ, челобитныя и т. д.), такъ и частныя, относятся къ одной мѣстности, къ Суздальской области, то и составляютъ весьма богатый матеріалъ для внутренней исторіи этого края.

2) Собраніе черновыхъ рукописей 32 драматическихъ произведеній Ал. Н. Островскаго, переданное его вдовой М. В. Островскою; всѣ эти рукописи, кромѣ одной, суть автографы знаменитаго драматурга; почти всѣ рукописи имѣютъ обозначеніе времени начала и окончанія каждаго произведенія; при нѣкоторыхъ пьесахъ изложено, въ видѣ программы, ихъ содержаніе; нѣкоторыя произведенія имѣются въ нѣсколькихъ редакціяхъ; такимъ образомъ, эта коллекція представляетъ драгоцѣнное пособіе для изученія литературной дѣятельности нашего знаменитаго драматурга.

3) Документы фамильнаго архива Ал. Изв. Кошелева, переданные въ музей супругою покойнаго О. Ф. Кошелевою; въ этомъ собраніи находятся, частію въ подлинникахъ, частію въ копіяхъ, цѣлыя дѣла и отдѣльныя акты по владѣнію имѣніями, указъ, прошенія, разнаго рода сдѣлки, ревнискія сказки, хозяйственныя вѣдомости и записки и т. д.; документы эти относятся къ XVIII и XIX вѣкамъ и касаются имѣній не только Кошелевыхъ, но и нѣкоторыхъ родственныхъ имъ фамилій.

Изъ новыхъ розничныхъ приобрѣтеній рукописнаго отдѣленія особеннаго вниманія заслуживаютъ:

1) „Мои воспоминанія“, собственноручная рукопись барона Андрея Ивановича Дельвига, заключающая въ себѣ его записки съ 1813 по 1876 годъ, въ пяти томахъ, запечатанныхъ въ одномъ пакетѣ и переданныхъ авторомъ съ условіемъ не выдавать ихъ въ чтеніе въ

теченіе двадцати-пяти лѣтъ; на печатаніе же этихъ записокъ отъ имени музеевъ жертвователемъ оставлена особая сумма; 2) сдѣланнымъ А. Е. Викторовымъ извлеченіямъ изъ документовъ, хранящихся въ архивѣ Московской синодальной типографіи и реестры ея изданій, нмѣ составленные; 3) рукописи нѣкоторыхъ драматическихъ произведеній А. О. Писемскаго, частію въ его автографахъ, частію въ копіяхъ, но съ поправками автора; 4) рукописи сочиненія М. П. Погодина: „Петръ I отъ начала самодержавія до Шведской войны“, въ двухъ редакціяхъ, и собранные имъ матеріалы для біографіи П. М. Карамзина; 5) рукописныя лекціи профессоровъ Московскаго университета О. И. Буслаева, Н. А. Попова, Н. С. Тихомирова и М. М. Троицкаго; сверхъ того: нѣсколько русскихъ сборниковъ XVI—XVIII вѣковъ, представляющихъ новыя списки памятниковъ старинной русской литературы свѣтской и духовной; нѣсколько рукописей, содержащихъ въ себѣ произведенія старинной повѣствовательной литературы (Повѣсть о семи мудрецахъ; Исторія объ Александрѣ и Вѣнѣ и т. п.); сборники переписки съ разными лицами Н. О. Грамматина и Е. О. Корша, автографы многихъ русскихъ писателей текущаго столѣтія и т. д.

Изъ 73 старопечатныхъ и церковно-печатныхъ книгъ, поступившихъ въ отдѣленіе въ теченіе 1886—1888 годовъ, особенно замѣчательны по рѣдкости: а) Полууставъ, издаваемый въ Супраслѣ въ 1757 году, въ 8-ку, и б) Псалтирь (учебная), въ листъ, печатанная около 1560—1570 гг., но безъ выходнаго листа.

По бібліотекѣ печатныхъ книгъ приобрѣтенія за 1886—1888 гг. составляютъ, въ общей сложности, 28,512 томовъ, брошюръ, атласовъ и картъ. Въ число этихъ поступленій вошли получаемыя изъ цензурныхъ учреждений экземпляры всѣхъ книгъ, изданныхъ въ имперіи въ 1886—1888 годахъ, принесенныя въ даръ значительныя бібліотеки А. И. Кошелева, Е. О. Корша, И. К. Ренара, Н. О. Ярцова и С. С. Румянцова, и наконецъ, болѣе 700 томовъ разныхъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ, купленныхъ по распоряженію управленія музеевъ; для такихъ покупокъ, количество которыхъ крайне ограничено вслѣдствіе ограниченности средствъ музеевъ, избираются обыкновенно капитальныя явленія современной ученой литературы или такія ученые изданія прежняго времени, которыхъ отсутствіе не можетъ быть терпимо ни въ одной значительной бібліотекѣ.

Въ отдѣленіи мѣстныхъ искусствъ и классическихъ древностей приобрѣтенія состояли изъ картины И. К. Айвазовскаго

„Разрушеніе Геркуланума“ и изъ двухъ писанныхъ масляными красками портретовъ—покойнаго писателя Н. П. Гиларова-Платонова и партизана 1812 года А. Н. Сеславина, а также изъ значительнаго количества гравюръ, литографій и т. п.; въ числѣ гравюръ особеннаго вниманія заслуживаетъ собраніе изъ 291 оттиска съ гравировальныхъ досокъ, хранящихся въ Императорской Академіи Наукъ.

Но отдѣленіямъ древностей доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ новыя пріобрѣтенія были крайне немногочисленны и не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго.

Въ Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ, напротивъ того, прибавилось, въ теченіе отчетнаго періода, 765 бытовыхъ предметовъ и 7 манекеновъ народностей Россіи. Предметы эти частію переданы изъ Политехническаго музея, частію принесены въ даръ г. директоромъ музеевъ и частными лицами. Важнѣйшія изъ этихъ пріобрѣтеній суть предметы изъ быта кавказскихъ народовъ, населенія сѣверо-западной и сѣверной Россіи, а также изъ быта инородцевъ южной и восточной Россіи.

Наконецъ, Дашковское собраніе изображеній русскихъ дѣятелей умножилось, въ теченіе 1886—1888 гг.; 16 портретами слѣдующихъ лицъ: адмирала Д. Н. Сенявина, синолога І. Бичурина, митрополита Московскаго Иннокентія, профессора П. М. Леонтьева, М. Н. Каткова, М. Д. Скобелева, П. М. Пржевальскаго, гр. А. И. Гумянцева, самоучки-инженера М. И. Сердюкова, инженера барона І. Любераса, гр. П. И. Шувалова, гр. П. И. Панина, адмирала А. И. Нагаева, морехода Г. И. Шелихова, генерала П. Д. Еропкина и гр. Я. И. Ростовцева. Последніе девять портретовъ исполнены покойнымъ И. Н. Крамскимъ. Во всей этой коллекціи къ концу 1888 года былъ 301 портретъ.

По всѣмъ отдѣленіямъ музеевъ, въ теченіе отчетнаго періода, производились служащими въ нихъ библиографическія и другія ученныя работы: не прерывалась каталогизація новыхъ пріобрѣтеній и приводились въ порядокъ прежнія коллекціи. По рукописному и старопечатному отдѣленію особенныхъ трудовъ потребовало описаніе коллекціи Я. П. Гарелина; она поступила въ отдѣленіе въ хаотическомъ безпорядкѣ но, будучи разобрана и рассмотрѣна хранителемъ отдѣленія Д. П. Лебедевымъ, составила предметъ весьма интереснаго обзоренія ея состава, которое помѣщено въ печатномъ Отчетѣ музеевъ за 1886—1888 года. По отдѣленію изящныхъ искусствъ и классическихъ древностей за это

время обработаны и изданы въ свѣтъ каталоги восточныхъ монетъ, римскихъ монетъ отъ Марка Аврелія до Юлія Непота и гравюры итальянской, нѣмецкой, голландской, фламандской и французской школъ; первый изъ этихъ трудовъ принадлежитъ В. К. Трутовскому, второй—А. М. Подшивалову, а третій—И. В. Цвѣтаеву. По отдѣленіи доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей хранителемъ ихъ Г. Д. Филимоновымъ продолжимо было ихъ ученое описаніе; по самому свойству хранимыхъ предметовъ трудъ этотъ требуетъ тщательныхъ изслѣдованій, а потому исполненіе его нѣсколько замедляется; тѣмъ не менѣе, каталогъ отдѣленія христіанскихъ древностей уже приготовленъ къ изданію. Въ Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ главныя работы заключались въ новомъ размѣщеніи коллекцій, возрастаніе которыхъ потребовало увеличенія помѣщенія для этого отдѣленія; въ предоставленной ему новой залѣ сосредоточены предметы изъ быта кавказскихъ народовъ, состоявшіе въ концѣ 1888 года изъ 21 малекена, 86 отдѣльныхъ частей одежды и 220 отдѣльныхъ вещей. Кромѣ этихъ работъ, хранителемъ В. О. Миллеромъ предпринято „Систематическое описаніе коллекцій Дашковского этнографическаго музея“, котораго I-й выпускъ и вышелъ въ свѣтъ въ 1887 году. Изданіе это задумано, какъ пособіе къ изученію вѣшняго быта населяющихъ Россію народностей, по скольку типы и бытъ ихъ представлены коллекціями музея; поэтому, въ „Описаніи“ собственно каталогу коллекцій предпосланы географическія и статистическія свѣдѣнія о данной народности и библиографическія указанія. Такъ какъ въ составъ этнографическихъ коллекцій музея входятъ главнымъ образомъ одежды и вообще убранство разныхъ народовъ, то предпринятое „Описаніе“ должно дать богатые матеріалы для сравнительной исторіи одежды. Въ I-й выпускъ его вошло введеніе, содержащее въ себѣ очеркъ исторіи Дашковского музея, и описаніе коллекцій, относящихся до 25 народностей трехъ группъ—арктической, урал-алтайской и семитской. Всѣхъ выпусковъ „Описанія“ должно быть четыре. Съ Дашковскимъ музеемъ связано еще изданіе „Сборника матеріаловъ по этнографіи“, печатаемое на средства г. директора музеевъ подъ редакціей В. О. Миллера. О содержаніи двухъ выпусковъ этого „Сборника“ (II-го—1887 г. и III-го—1888 г.) уже было говорено на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Что касается пользованія коллекціями музеевъ, то къ сожалѣнію

„Отчетъ“, изъ котораго извлечены вышеназванны свѣдѣнія, представляетъ по этому предмету очень мало данныхъ. Въ немъ не сообщено цифры посѣтителей, осматривавшихъ музейныя собранія, ни число читателей въ библиотекѣ, ни число выданныхъ имъ книгъ. Единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи является лишь рукописное и старопечатное отдѣленіе; какъ видно изъ „Отчета“, въ теченіе 1886—1888 годовъ въ немъ занималось до 200 лицъ, конми было вытребовано въ чтеніе до 1500 рукописей и 243 книги церковной печати.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1889 ГОДУ.

Къ концу 1889 года наличное число штатныхъ преподавателей въ С.-Петербургскомъ университетѣ было слѣдующее: профессоръ богословія 1; по историко-филологическому факультету—ординарныхъ профессоровъ 9, экстраординарныхъ 5, лекторовъ новыхъ языковъ 3; по физико-математическому—ординарныхъ профессоровъ 10, экстраординарныхъ 6; по юридическому—ординарныхъ профессоровъ 7, экстраординарныхъ 5; по факультету восточныхъ языковъ—ординарныхъ профессоровъ 3, экстраординарныхъ 3, лекторовъ восточныхъ языковъ 3. Общее число штатныхъ преподавателей къ концу 1889 года было: профессоръ богословія 1, ординарныхъ профессоровъ 29, экстраординарныхъ 19, лекторовъ новыхъ языковъ 3, восточныхъ языковъ 3,—всего 55 преподавателей. Сверхъ того, при университетѣ состояли отчисленные, по выслугѣ 30 и болѣе лѣтъ, изъ штатныхъ преподавателей ординарные профессора: по историко-филологическому факультету 2, по физико-математическому 7, по юридическому 3, по факультету восточныхъ языковъ 4, и того вмѣстѣ съ штатными 71. Число приватъ-доцентовъ къ 1-му января 1890 года было слѣдующее: на историко-филологическомъ факультетѣ—по философіи 1, по классической филологіи 3, по сравнительному языковѣдѣнію 3, по русскому языку и словесности 3, по славянской филологіи 1, по всеобщей исторіи 3, по русской исторіи 3, по исторіи западно-европейскихъ литературъ 4, по теоріи и исторіи искусствъ 1; на физико-математическомъ—по чистой математикѣ 4, по астрономіи и геодезіи 1,

по физикѣ и физической географіи 4, по минералогіи и геологіи 3, по зоологіи, сравнительной анатоміи и физиологіи 8, по ботаникѣ 1, по агрономіи 1; на юридическомъ—по гражданскому праву и судопроизводству 2, по государственному праву 2, по уголовному праву и судопроизводству 2, по политической экономіи и статистикѣ 2; по факультету восточныхъ языковъ—по санскритской словесности 2, по китайской и маньчжурской словесности 3, по египтологіи 1 и преподаватель японскаго языка 1; на всѣхъ факультетахъ такимъ образомъ состояло 58 приватъ-доцентовъ и одинъ преподаватель. Общее же число преподавателей всѣхъ разрядовъ и категорій къ концу 1889 года было 130.

Изъ числа штатныхъ профессоровъ не имѣли требуемой уставомъ ученой степени доктора слѣдующія лица: на историко-филологическомъ факультетѣ—экстраординарные профессора Эрнстедтъ и Незеленовъ, по фзяико-математическому—экстраординарные профессора Будаевъ и Петри, по юридическому и. д. ординарнаго профессора Дорнъ и экстраординарные профессора Бершадскій и Ведровъ, по факультету восточныхъ языковъ—экстраординарный профессоръ Веселовскій.

Въ теченіе 1889 года командированы были за границу съ ученою цѣлью слѣдующіе профессора и приватъ-доценты; профессора—Мартенсъ—на конференцію въ Брюссель, созванную для обсужденія международныхъ мѣръ относительно прекращенія торговли неграми въ предѣлахъ африканскаго материка; Докучаевъ—для ознакомленія съ минералогическими и почвенными коллекціями Парижа, Берлина и Вѣны; Боргманъ—для ознакомленія съ заграничными физическими институтами и для осмотра электрическаго отдѣла на Парижской выставкѣ; Хвольсонъ и Цагарели—въ Стокгольмѣ на съѣздъ ориенталистовъ. Приватъ-доценты: Коркуновъ—въ Германію и Францію, для пополненія собраннаго имъ матеріала для магистерской диссертаци; Форстенъ—въ Любекъ и Данцигъ для занятія въ тамошнихъ архивахъ. Кромѣ того, съ разными научными цѣлями, командированы были за границу 6 профессоровъ и 3 приватъ-доцента, изъ послѣднихъ одинъ—въ Китай.

Въ теченіе года никакихъ измѣненій въ отношеніи распредѣленія предметовъ и порядка преподаванія сдѣлано не было. Для усиленія учебной дѣятельности слушателей университетскихъ лекцій служили практическія ихъ занятія подъ руководствомъ профессоровъ и преподавателей. Такъ, въ историко-филологическомъ факуль-

тетѣ—занятія со студентами по классической филологіи велись въ порядкѣ, указанномъ въ обзорнѣи преподаванія за оба семестра 1889 года, и независимо отъ сего, подъ руководствомъ профессора, студенты двухъ старшихъ семестровъ упражнялись въ работахъ по латинской стилистикѣ и въ чтеніи и толкованіи избранныхъ латинскихъ надписей. По русскому языку и словесности студенты-специалисты по русской словесности занимались изслѣдованіемъ памятниковъ русской литературы XVIII и XIX столѣтій, и изъ нихъ пять представили слѣдующія изслѣдованія: а) „Журналъ 1769 года „Пустомеля“, б) „Письмо Фонвизина изъ-за границы“, в) литературную критику Карамзина, г) „Отношенія русской критики къ народному героическому эпосу“, д) „Мертвыя души“ Гоголя въ связи съ биографіей поэта“. По всеобщей исторіи профессоръ велъ со студентами занятія, состоявшія въ разработкѣ по источникамъ и пособіямъ отдѣльныхъ вопросовъ западно-европейской исторіи съ середины XVIII вѣка до первой четверти XIX. Подъ руководствомъ профессора по каедрѣ теоріи и исторіи искусствъ два студента и вольнослушатели начали занятія по изданію греческаго подлинника Діонисія съ комментаріями, одинъ студентъ готовилъ ученый трудъ по древностямъ Кавказа классической эпохи, а два кандидата Новороссійскаго университета, прикомандированные къ С.-Петербуржскому, напечатали ученый трудъ „О живописи Киево-Софійскаго собора“. Студенты-латыши, подъ руководствомъ одного изъ приватъ-доцентовъ, занимались переводомъ на латышскій языкъ этнографической программы Московскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи и выработкою программы, примѣнительно къ латышамъ, по юридическимъ обычаямъ. Въ физико-математическомъ факультетѣ: въ теченіе 1889 года въ физическомъ кабинетѣ ведены были практическіи занятія со студентами 3-го и 4-го семестровъ; въ оба полугодія занимались 128 студентовъ: они дѣлали измѣренія и наблюденія съ приборами и давали отчетъ отчасти письменный, отчасти устный о сдѣланныхъ ими задачахъ. Общее наблюденіе за этимъ дѣломъ имѣлъ профессоръ физики и физической географіи, ближайшее же руководство занятіями принадлежало тремъ лаборантамъ и пренаратору. Кроме того, студенты 3-го и всѣхъ послѣдующихъ семестровъ собирались подъ руководствомъ профессора чистой математики для сообщенія другъ другу различныхъ вопросовъ по математикѣ и физикѣ. Одинъ студентъ 7-го семестра занимался изученіемъ электрооптическихъ явленій, изъ студентовъ 8-го семестра—одинъ

занимался изслѣдованіемъ различныхъ способовъ напряженія магнитнаго тока; а два другіе повторяли опыты Гертца надъ радіаціей электричества. По химіи спеціально занимались три кандидата: одинъ изслѣдовалъ измѣненія растворимости газовъ, другой изучалъ азотистый и азотноватый ангидриды, послѣдній производилъ наблюденія надъ осмотическимъ давленіемъ. По геологій и минералогій одинъ студентъ занимался изученіемъ микроскопическаго строенія раковинъ пластинчатожабриныхъ моллюсковъ, а другой изучалъ методы отдѣленія составныхъ частей горныхъ породъ; подъ руководствомъ приватъ-доцента происходили занятія по опредѣленію показателей преломленія минераловъ и химическихъ продуктовъ по различнымъ способамъ, въ связи съ читаннымъ курсомъ кристаллографіи. По зоологій, сравнительной анатоміи и физиологій студенты старшихъ семестровъ, раздѣленные на группы, проходили практическій курсъ по мышечной и нервной физиологій и такой же курсъ физиологической химіи; эти краткіе курсы проходятся въ два мѣсяца, цѣль ихъ—дать студентамъ понятіе объ основныхъ приемахъ физиологическаго изслѣдованія. Одинъ изъ студентовъ произвелъ и напечаталъ въ Запискахъ Академіи Наукъ экспериментальную работу „О дѣйствіи свѣта и теплоты на рефлексы спиннаго мозга“, другой студентъ въ томъ же изданіи напечаталъ работу „Двойное дѣйствіе высыхающаго нерва на мышцу“. Подъ руководствомъ профессора географіи и этнографіи успѣшно продолжались занятія въ кабинетѣ географіи и антропологій, имѣвшія цѣлью приучить студентовъ путемъ изученія источниковъ и составленія рефератовъ къ самостоятельной и критической разработкѣ научнаго матеріала. Помимо литературныхъ работъ, въ которыхъ участвовало 8 студентовъ, посѣтители практическаго курса занимались антропологическими измѣреніями, знакомились съ новѣйшими литературными и картографическими произведеніями и съ современною періодическою литературою по этимъ предметамъ, посѣщали, подъ руководствомъ профессора, музеи и участвовали въ разработкѣ программъ для канюкулярныхъ работъ. Практическія занятія по анатоміи чловѣка происходили ежедневно въ свободное отъ лекцій время, подъ руководствомъ приватъ-доцента. Студенты 1-го семестра раздѣлены были на четыре группы, каждой группѣ демонстрировалось по два часа въ недѣлю все, что проходило въ систематическомъ курсѣ. Начиная со 2-го семестра студенты занимались практически и приготавливали препараты мышцъ, верхней, нижней конечности, туловища и головы, а также внутренностей, сосудистой

и нервной системъ. Въ юридическомъ факультетѣ производились, подъ руководствомъ трехъ профессоровъ и одного приватъ-доцента, практическія занятія по уголовному праву, уголовному судопроизводству, римскому праву и гражданскому судопроизводству. Въ статистическомъ кабинетѣ, подъ руководствомъ профессора, пять студентовъ занимались разработкою данныхъ, русскихъ и иностранныхъ, по движению населенія; кромѣ того, однимъ студентомъ вычислена таблица смертности петербургскаго населенія по переписи 1881 года и о умершихъ за 1881 и 1882 годы. Приватъ-доцентъ по предмету судебной психопатологіи читалъ студентамъ демонстративныя лекціи въ больницѣ св. Пантелеймона; демонстраціи и разборъ душевнобольныхъ оказали большую пользу изучающимъ психіатрію. На факультетѣ восточныхъ языковъ, въ силу свойствъ большинства предметовъ этого факультета, почти каждая лекція необходимо заключала въ себѣ и элементъ практическихъ занятій. Сверхъ того у приватъ-доцента по кафедрѣ санскритскаго языка происходили на дому чтенія драми Рашнавали съ наиболѣе подготовленными слушателями.

На предложенныя факультетами темы представлено было въ концѣ 1889 года 49 сочиненій; изъ числа ихъ 12 удостоены наградъ золотыми медалями (4 физико-математическаго факультета, 6 юридическаго и 2 факультета восточныхъ языковъ), 17 — серебряными медалями (1 ист.-фил. фак., 6 физ.-мат., 9 юрид. и 1 фак. вост. яз.), 14 — почетныхъ отзывовъ (4 ист.-фил. фак., 2 физ.-мат., 7 юрид. и 1 фак. восточ. яз.). Сверхъ того одинъ студентъ удостоенъ преміи въ память перваго съѣзда естествоиспытателей и врачей.

На основаніи существующихъ постановленій утверждены въ теченіе 1889 года въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора: О. Ф. Вержбовскій и К. Я. Гротъ — славянской словесности, А. М. Ждановъ — астрономіи и геодезіи, В. Н. Великій, В. М. Шимкевичъ, А. М. Никольскій и П. Н. Полежаевъ, всѣ четверо — зоологіи, В. В. Ефимовъ — гражданскаго права, А. В. Жуковскій — персидской словесности, С. М. Георгіевскій и А. О. Ивановскій — китайской словесности; б) въ степени магистра: И. И. Холоднякъ — римской словесности, В. Г. Дружининъ — русской исторіи, А. Н. Деревницкій — греческой словесности, А. Н. Красновъ — ботаники, П. А. Земятченскій и С. О. Глинка — минералогіи и геогнозіи, Д. А. Граве — чистой математикѣ.

тики, А. А. Жандръ — зоологін; в) степени кандидата — 209 (историко-филологическаго факультета 38, физико-математическаго 108 [математиковъ 62, естественниковъ 46], юридическаго 64, факультета восточныхъ языковъ 9); г) въ званіи дѣйствительнаго студента—121 (ист.-филол. фак. 8, физ.-мат. 19 [матем. 4, естеств. 15] юридич. 93, фак. вост. яз. 6). Выпускныя свидѣтельства получили 322 (ист.-филол. фак. 29, физ.-мат. 127 [матем. 78, естеств. 49], юридич. 154, фак. вост. яз. 12).

Для приготовления къ профессорскому званію и для усовершенствованія въ наукахъ находилось въ теченіе 1889 года въ командировкѣ за границей слѣдующее число лицъ: по историко-филологическому факультету — 3, по физико-математическому — 2 и по факультету восточныхъ языковъ — 3; три изъ нихъ въ томъ же году вернулись изъ-за границы. Для приготовленія же къ профессорскому званію при университетѣ оставались кандидаты съ выдачею имъ стипендій по 600 руб., а нѣкоторые не пользовались стипендіей. Такъ, а) на счетъ штатной суммы состояло: на историко-филологическомъ факультетѣ—4, на физико-математическомъ—6, на факультетѣ восточныхъ языковъ—3; б) Демидовскія стипендіи получали 5 кандидатовъ юридическаго факультета; в) изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія получали стипендіи два кандидата, а изъ средствъ Новороссійскаго университета — одинъ.

Къ 1-му января 1889 года въ С.-Петербургскомъ университетѣ состояло 1,661 студентъ и 37 постороннихъ слушателей; въ теченіе года вновь поступило 609 (476 изъ гимназій, 55 изъ другихъ учебныхъ заведеній, 33 изъ другихъ университетовъ и 46 бывшихъ студентовъ С.-Петербургскаго университета); въ тотъ же періодъ выбыло 511 (по окончаніи курса 405, до окончанія курса 106), такъ что къ 1-му января 1890 года находилось 1,759 студентовъ и 36 постороннихъ слушателей. Студенты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 115, на физико-математическомъ 689 (въ математическомъ разрядѣ 437, на естественномъ 252), на юридическомъ 875, на факультетѣ восточныхъ языковъ 80; б) по вѣроисповѣданіямъ — православныхъ 1.228, армяно-грегоріанъ 21, католиковъ 172, лютеранъ 181, реформатовъ 18, евреевъ 125, магометанъ 8, единовѣрцевъ 3, англиканскаго исповѣданія 3; в) по сословіямъ — сыновей дворянъ и чиновниковъ 1.135, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи 148, духовнаго званія 116, мѣщанъ, купцовъ 2-й гильдіи -

ремесленниковъ 280, крестьянъ 51, казачьяго сословія 8, иностранныхъ подданныхъ 21; г) по предварительному обученію — гимназистовъ 1.728, семинаристовъ 5, изъ другихъ учебныхъ заведеній 26; д) по учебнымъ районамъ, гдѣ получено предварительное образованіе—С.-Петербургскій учебный округъ 974, Московскій 102, Дерптскій 95, Кіевскій 70, Казанскій 31, Харьковскій 58, Виленскій 176, Одесскій 44, Оренбургскій 31, Варшавскій 74, Кавказскій 80, Сибирскій 24. Изъ общаго числа студентовъ стипендіями пользовались 249, на сумму 79.207 руб. 57 коп., въ томъ числѣ: 54.735 руб. 52 коп. изъ государственнаго казначейства, 12.460 руб. 41 коп. отъ разныхъ вѣдомствъ и учреждений, и 12.011 руб. 64 коп. на счетъ пожертвованныхъ капиталовъ. Единовременными денежными пособиями воспользовались 142 студента на сумму 4.193 руб., изъ которыхъ 1.552 руб. — изъ государственнаго казначейства, а 2.041 руб. — изъ разныхъ источниковъ. Освобожденныхъ отъ платы за ученіе было 736 студентовъ. Такимъ образомъ на всѣ способы вспомошествованія 1.127 студентовъ было израсходовано 82.800 руб. 57 коп.

При С.-Петербургскомъ университетѣ состоятъ слѣдующія учебныя общества: а) Филологическое общество, учрежденное въ 1869 году; б) С.-Петербургское общество естествоиспытателей (1868 г.); в) Юридическое общество (1877 г.); г) Русское физико-химическое, образовавшееся въ 1878 году, чрезъ соединеніе двухъ отдѣльныхъ обществъ — физическаго и химическаго, и состоящее нынѣ изъ двухъ отдѣленій; д) Русское антропологическое общество (1887 г.). Кроме того, въ 1889 году учреждены два новыя общества: Неофилологическое и Историческое. Составъ и дѣятельность въ 1889 году первыхъ пяти изъ названныхъ обществъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Историко-филологическое общество: отдѣленіе романо-германской филологіи. Въ отдѣленіи въ теченіе года состоялось 13 засѣданій, на которыхъ прочитаны были 18 сообщеній по ниже-слѣдующимъ отдѣламъ: а) по сравнительному изученію литературныхъ сказаній три доклада: А. Н. Веселовскаго — эпизодъ изъ старофранцузскаго романа Grand St. Raal и славянскій апокрифъ объ Амфилохѣ, П. А. Сырку — вѣмецкій переводъ повѣсти о Варлаамѣ и Иосафѣ; б) по народовѣдѣнію 3 доклада: дуалистическія повѣрья о міроданіи, параллели къ русскимъ былинамъ, параллели въ народныхъ преданіяхъ къ поэмѣ Данте, германскія повѣрья о

„дикой охотѣ“, легенды о св. Николаѣ, о мненческихъ элементахъ въ русской народной поэзіи; в) по вопросамъ грамматики 3 доклада о формахъ французскаго глагола сравнительно съ русскими спряженіями; г) по кельтской литературѣ 2 доклада о трудахъ d'Arbois de Jubainville, Loth et Serquant; д) по общимъ вопросамъ теории литературныхъ эволюцій — 2 доклада; е) по новѣйшей литературѣ 2 доклада: о Викторѣ Гюго и по поводу новаго романа Бурже. Съ декабря 1889 года отдѣленіе романо-германской филологіи преобразовано въ самостоятельное общество неофилологіи.

Русское физико-химическое общество. Бюро физическаго отдѣленія состояло изъ предсѣдателя, дѣлопроизводителя, казначея и редактора журнала. Отдѣленіе имѣло въ 1889 году 8 очередныхъ засѣданій и два общіихъ собранія съ химическимъ отдѣленіемъ. Число научныхъ самостоятельныхъ сообщеній, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ отдѣленія, было 26. Въ изданномъ отдѣленіемъ Журналѣ Русскаго Физико-Химическаго Общества собственно по отдѣлу физики имѣется 26 печатныхъ листовъ. Отдѣленіе состоитъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ французскимъ физическимъ обществомъ: въ Journal de Physique помѣщаются рефераты всѣхъ статей, появляющихся въ Журналѣ Русск. Физ.-Хим. Общ. Дѣлами отдѣленія химіи завѣдывало бюро изъ предсѣдателя, дѣлопроизводителя и казначея. Отдѣленіе считаетъ въ своемъ составѣ 243 члена; оно имѣло 9 очередныхъ засѣданій, въ которыхъ было доложено 76 оригинальныхъ изслѣдованій. Отдѣленіе издало въ 1889 году XXI томъ своего журнала объемомъ около 80-ти печатныхъ листовъ. Журналъ по прежнему давалъ не только все сдѣланное по химіи въ Россіи, но заключалъ рефераты о важнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ за границей.

Общество естествоиспытателей. Общество состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій и комитета для изслѣдованія Крыма въ естественно-историческомъ отношеніи. Дѣятельность общества выражалась въ общихъ собраніяхъ, которыхъ въ 1889 году было 4, — въ засѣданіяхъ отдѣленій, въ снаряженіи экскурсій въ разныя мѣстности Россіи и въ изданіи Трудовъ. Бюро Общества составляли: президентъ, предсѣдатель отдѣленій и члены совѣта отъ отдѣленій (6 лицъ), секретарь, казначей и дѣлопроизводитель. Къ 1-му января 1890 года въ обществѣ числилось членовъ: по отдѣленію ботаники—80 (почетныхъ 4, дѣйствительныхъ 60, членовъ-сотрудниковъ 16), по отдѣленію минералогіи и геогнозіи—100 (почетныхъ 7, дѣйствительныхъ 83, чле-

новъ-сотрудниковъ 10); по отдѣленію зоологін—169 (почетныхъ 11, дѣйствительныхъ 133, членовъ-сотрудниковъ 25). По предложенію Крымскаго комитета были командированы въ Крымъ два члена, одинъ для зоологическихъ, другой—для геологическихъ изслѣдованій. На средства Общества были командированы на сѣверную окраину Усть-Урта, въ Мугоджарскія горы (Тургайской области) три члена, изъ нихъ два для геологическихъ изслѣдованій, а третій для изученія фауны этой мѣстности. По порученію отдѣленія ботаники были произведены ботаническія изслѣдованія по линіи Закаспійской желѣзной дороги и въ Полтавской губерніи. Одинъ членъ отдѣленія минералогін и геологін изслѣдовалъ, на собственныя средства, берега р. Винавы въ геологическомъ отношеніи. Отдѣленіе зоологін имѣло въ теченіе года 6 засѣданій, на которыхъ сдѣлано 18 сообщеній, и издало 3 выпуска XX тома Трудовъ общества. Отдѣленіе ботаники имѣло 6 засѣданій, на которыхъ сдѣлано 22 оригинальныхъ сообщеній и 1 рефератъ, и приготовило къ изданію 4-й выпускъ Трудовъ. Отдѣленіе минералогін и геологін имѣло также 6 засѣданій, на которыхъ сдѣлано 14 сообщеній, и издало въ свѣтъ одинъ выпускъ Трудовъ. Совѣтомъ общества изданъ также одинъ выпускъ Трудовъ, содержащій протоколы общихъ собраній, отчеты секретаря и казначея за 1888 годъ и доклады, сдѣланные на общихъ собраніяхъ членами. Наконецъ, въ 1889 году изданъ обществомъ 6-й выпускъ Трудовъ арало-каспійской экспедиціи, содержащій дневникъ путешествія черезъ Мангышлакъ и Усть-Уртъ въ Туркестанскій край извѣстнаго геолога Варботъ-де-Марни и отчетъ о совершенной въ 1887 году экспедиціи въ Закаспійскій край Андрусова.

Юридическое Общество. Составъ Общества слѣдующій: свѣтъ, ревизіонная коммиссія и 3 отдѣленія: гражданское, уголовное и административное. Къ 1-му января 1890 года состояло въ обществѣ членовъ: почетныхъ 2, дѣйствительныхъ 363, членовъ-сотрудниковъ 14. Составъ совѣта и ревизіонной коммиссіи составляютъ: предсѣдатель, помощникъ предсѣдателя, два члена совѣта, 5 членовъ ревизіонной коммиссіи и казначей общества. Редакціонный комитетъ гражданского отдѣленія имѣлъ три засѣданія, посвященныя разсмотрѣнію вносимыхъ въ отдѣленіе докладовъ. Отдѣленіе это имѣло четыре засѣданія: въ первыя два засѣданія слушались сообщенія: „О гражданскомъ уложеніи Черногорскаго княжества“ и „О договорѣ запродажи съ точки зрѣнія будущаго гражданского уложенія“, въ 3-е и 4-е засѣданія происходили пренія по второму изъ названныхъ

сообщеній. При Отдѣленіи образована особая коммиссія для разсмотрѣнія переданнаго изъ министерства истины проекта устава о несостоятельности. Уголовное отдѣленіе имѣло три засѣданія: въ двухъ изъ нихъ доложены были рефераты: „Предѣлы изслѣдованія на предварительномъ слѣдствіи по судебнымъ уставамъ“ и „Ограниченіе индикціи плодовъ преступленія“, на 3-мъ засѣданіи происходило избраніе особаго Комитета для участія въ занятіяхъ международнаго пенитенціарнаго конгресса 1890 года. Въ сентябрѣ окончено печатаніе замѣчаній редакціоннаго комитета въ усиленномъ составѣ на проектъ особенной части уголовного уложенія о посягательствахъ имущественныхъ. — Административное отдѣленіе имѣло семь засѣданій: первыя два засѣданія посвящены были преніямъ по двумъ докладамъ: „О книгахъ барона П. Л. Корфа“ и „Замѣтки о мѣстной реформѣ“, два слѣдующіе—докладу „Объ устройствѣ гминъ и гминныхъ судовъ въ Царствѣ Польскомъ“, 5-е и 6-е засѣданія—выслушиванію и преніямъ по докладу „Правила фабричнаго найма и надзоръ за отношеніями хозяевъ и рабочихъ“, послѣднее — докладу „Компетенція мѣстнаго самоуправленія въ законодательствѣ европейскихъ государствъ“. — Совѣтъ Общества имѣлъ семь засѣданій, въ которыхъ разсматривались представленія кандидатовъ въ члены общества, утверждались расходы и рѣшались другія дѣла. Въ одномъ изъ засѣданій, вслѣдствіе заявленія предсѣдателя коммиссія по участію Юридическаго Общества въ международномъ триенномъ конгрессѣ въ С.-Петербургѣ, что членами Общества наложены доклады по всѣмъ вопросамъ конгресса,—совѣтъ постановилъ выдать въ особой книгѣ, на средства общества, всѣ приготовленные доклады. Въ томъ же засѣданіи объявлено состоявшееся въ всеподданнѣйшему докладу г. министра истины Высочайшее соизволеніе на разрѣшеніе Юридическому Обществу печатать въ 1890 году Журналъ гражданскаго и уголовного права безвозмездно въ сенатской типографіи и получать изъ этой типографіи безплатно 500 экземпляровъ Сборника рѣшеній кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената. — Общихъ собраній въ 1889 году было четыре. Въ годовомъ собраніи выслушаны были отчетъ совѣта, заключеніе ревизіонной коммиссія, постановленіе совѣта по этому заключенію и произнесена однимъ дѣйствительнымъ членомъ рѣчь: „Объ общихъ распоряженіяхъ министровъ по русскому праву“. Одно изъ общихъ собраній посвящено было памяти умершаго А. Д. Градовскаго. Оно открылось заявленіемъ предсѣдателя общества, предложившаго почтить память покой-

наго, какъ одного изъ учредителей Юридическаго Общества, какъ лица, по мысли котораго образовано административное отдѣленіе, какъ высоконравственнаго наставника и писателя, потеря котораго глубоко принята къ сердцу Обществомъ. Послѣ того, какъ собраніе почтило память усопшаго общимъ вставаніемъ съ иждѣ, пять дѣйствительныхъ членовъ Общества произвели рѣчи о личности и учебныхъ заслугахъ А. Д. Градовскаго.

Историческое Общество. Уставъ этого общества утвержденъ въ октябрѣ 1889 года, а въ ноябрѣ и декабрѣ оно имѣло первыя свои засѣданія, изъ коихъ два заняты были работой устройства Общества, а третье посвящено чтенію нѣсколькихъ научныхъ сообщеній.

II.

КАВКАЗСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ВЪ 1887 И 1888 ГОДАХЪ ¹⁾.

Открытіе въ Кавказскомъ округѣ городскихъ училищъ по положенію 31-го мая 1872 года и преобразование бывшихъ уѣздныхъ и начальныхъ училищъ въ городскія началось съ 1874 года, то-есть, со времени выпуска воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ Александровскомъ учительскомъ институтѣ, и закончилось преобразованиемъ послѣдняго уѣзднаго училища—Закатальскаго—въ 1886 году и начального приходскаго училища—Пятигорскаго—въ 1888 году. Только городское училище при самомъ институтѣ открыто раньше, а именно въ 1872 году, одновременно съ преобразованиемъ учительской школы въ институтъ. Къ началу 1887 г. всѣхъ городскихъ училищъ, съ преобразованиемъ Закатальскаго, имѣлось въ округѣ 30, а съ преобразованиемъ Пятигорскаго, ихъ стало въ 1888 г. 31. Эти училища распредѣляются слѣдующимъ образомъ: а) по числу классовъ: четырехклассныхъ—7, трехклассныхъ—22, и двухклассныхъ—2; въ категоріи четырехклассныхъ училищъ принадлежало еще Кизлярское училище, но съ 1887 года оно преобразовано въ двухклассное, вслѣдствіе отказа городскаго общества производить училищу пособіе; б) по времени открытія или преобразования: не считая училища при

¹⁾ *Продолженіе.* См. юльскую книжку Ж. М. Н. Цр. за текущій годъ, часть ослѣх, отд. 4.

институтѣ, 80 училищъ возникли: въ 1874 году — 1, Владикавказское, въ 1875 году — 3, Моздокское, Ахалцихское, Пушкинское, въ 1876—2, Сигнахское и Александропольское, въ 1877—4, Кизлярское, Нухинское, Шемахинское, Дербентское, въ 1878 — 3, Майкопское, Анапское, Телавское, въ 1879—2, Мингральское, Нахичеванское, въ 1880—8, Ейское, Баталпашинское, Темрюкское, Ставропольское, Георгиевское, Горійское, Новобаязетское, Карское, въ 1881—1, Ватумское, въ 1882—1, Кутанское, въ 1884—3, Тифлиское, Озургетское, Елисаветпольское, въ 1886 — 1, Закатальское и въ 1888 — 1, Пятигорское; изъ 31 училища 15 преобразованы изъ уѣздныхъ, 8—изъ начальныхъ, а 8 учреждены вновь; нѣкоторые изъ преобразованныхъ уѣздныхъ училищъ принадлежатъ къ числу старѣйшихъ учебныхъ заведеній въ край: такъ, Моздокское было основано въ 1820 году, а Горійское, Телавское и Кутанское — въ 1880 году; в) по мѣстностямъ: въ Тифлисской губерніи — 6 училищъ, въ Кубанской и Терской областяхъ—по 5, въ Кутанской губерніи—4, въ губерніяхъ Елисаветпольской и Эриванской — по 3, въ губерніяхъ Ставропольской и Бакинской, областяхъ Дагестанской и Карсской и въ Закатальскомъ округѣ—по 1; всего на сѣверномъ Кавказѣ—11 и въ Закавказскомъ край—20.

Нормальныхъ классовъ по 31 училищу было въ 1887 году 94; въ 1888 году число ихъ увеличилось до 97, вслѣдствіе открытія IV класса при Закатальскомъ училищѣ и двухъ классовъ во вновь преобразованномъ Пятигорскомъ; изъ классовъ I-й и II-й существуютъ при всѣхъ училищахъ, III-й — во всѣхъ, кромѣ 3 (Кизлярскаго и Новобаязетскаго, а также Пятигорскаго, которое состоитъ пока только изъ двухъ классовъ), IV-й же — при 7 училищахъ; сверхъ того, при 14 закавказскихъ училищахъ, для мальчиковъ-туземцевъ, поступающихъ почти безъ всякаго практическаго знакомства съ русскимъ языкомъ, имѣются особня подготовительныя отдѣленія, поручаемыя учительскимъ помощникамъ, а въ нѣкоторыхъ многолюдныхъ училищахъ имѣются параллельныя отдѣленія, числомъ 18; наконецъ, при 7 училищахъ заведены ремесленные классы. Всѣхъ классовъ и отдѣленій къ концу 1887 года считалось 126 и 200, а къ концу 1888—129 и 204.

Въ 29 училищахъ (не считая Закатальскаго, въ которомъ IV-й классъ открытъ только въ 1888 году, и вновь открытаго Пятигорскаго), съ основанія ихъ, окончило курсъ 1.983 ученика, изъ коихъ

234 составляютъ выпускъ 1887 года и 259 — выпускъ 1888 года. Больше всего выпущено за оба года окончившихъ курсъ въ училищахъ: при учительскомъ институтѣ—256 и 246, и въ Шупшинскомъ—241 и 224; затѣмъ, по числу окончившихъ курсъ, слѣдуютъ училища Озургетское—128 и 118, Ахалцихское—126 и 111, и Нухинское—118 и 109; въ остальныхъ училищахъ число окончившихъ курсъ не достигло еще 100.

Городскія училища сѣвернаго Кавказа руководствуются учебными планами и программами, изданными министерствомъ въ 1872 году, а училища Закавказскаго края—программами, выработанными педагогическимъ совѣтомъ Александровскаго учительскаго института въ 1874 году. По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ оба отчетные года допущены были небольшія отступленія отъ нормальной таблицы распределенія недѣльныхъ уроковъ въ 15 училищахъ, преимущественно Закавказскаго края; отступленія эти заключаются въ увеличеніи числа уроковъ по русскому языку въ тѣхъ училищахъ, гдѣ много учащихся изъ инородцевъ, а также уроковъ по исторіи и географіи, такъ какъ выполненіе программъ по этимъ предметамъ призывается въ большинствѣ училищъ затруднительнымъ при положенномъ числѣ уроковъ. Въ общей сложности, въ разныхъ классахъ прибавлено уроковъ за оба года: по русскому и церковно-славянскому языку—65 и 56, по исторіи и географіи—20 и 22 и по разнымъ предметамъ—24 и 19, а всего: въ 1887 году—109, въ 1888 году—97 уроковъ. Прибавленіе уроковъ только отчасти дѣлается на счетъ часовъ, назначенныхъ на другіе предметы; всего убавлено было уроковъ въ 1887 году 37 и въ 1888 году—34, преимущественно по геометріи, черченію и естественной исторіи, по которымъ программы считаются неудобными даже при уменьшенномъ, противъ нормальнаго, числѣ учебныхъ часовъ.

Въ теченіе 1887—1888 учебнаго года, съ разрѣшенія г. министра, во II-мъ и III-мъ классахъ трехклассныхъ училищъ Владикавказскаго, Шемахинскаго и Дербентскаго классная система преподаванія замѣнена предметною.

Библіотеки, которыми снабжены всѣ городскія училища округа (за исключеніемъ состоящаго при учительскомъ институтѣ и пользующагося книгами и учебными пособиями отъ сего послѣдняго, а также училища Ватумскаго, въ которомъ имѣется лишь одна фундаментальная бібліотека), и физическіе кабинеты (не имѣютъ ихъ

только Батумское и вновь открытое Пятигорское), а также прочія учебныя пособия, представляли въ общей сложности слѣдующія цифры къ 1-му января:

		1887 г.	1888 г.
библіотеки	названій	24.706	26.831
	въ томахъ	58.804	63.124
	на сумму.	68.895 р.	71.122 р.
кабинеты.	приборовъ	3.899	4.680
	на сумму.	15.829 р.	17.959 р.
другія учебныя пособія	нумеровъ .	11.836	12.089
	на сумму.	22.009 р.	24.150 р.

Общая цѣнность всѣхъ библиотекъ, кабинетовъ и остальныхъ учебныхъ пособій составляла въ 1887 году 104.733 р., что для каждаго училища, въ среднемъ, даетъ 8.611 р., а въ 1888 году—113.231 р., или въ среднемъ на одно училище — 3.774 р. На приобретение новыхъ книгъ и другихъ предметовъ въ 1887 году израсходовано было 6.579 р. и въ 1888 году — 8.474 р. Самыя большія библіотеки имѣютъ училища Баталпашинское, Моздокское и Нахичеванское, стоимостью болѣе 4.000 р.; болѣе 3.000 р. составляетъ цѣнность библиотекъ въ 5 училищахъ, болѣе 2.000 р.—въ 12 училищахъ, болѣе 1.000—въ 6 и менѣе 1.000 р.—въ 4 училищахъ. Лучшіе физическіе кабинеты принадлежатъ училищамъ Шушинскому, Анапскому и Новобаязетскому. Остальныхъ учебныхъ пособій только 8 училищъ имѣютъ на сумму свыше 1.000 р., а именно: Ейское, Анапское, Ставропольское, Георгіевское, Елисаветпольское, Шушинское, Нухинское и Нахичеванское.

Почти при всѣхъ училищахъ Кубанской и Терской областей и при нѣкоторыхъ Тифлисской губерніи учреждены книжные склады, изъ которыхъ учащіеся могутъ приобретать всѣ необходимыя книги и учебныя пособия по варіцательнымъ цѣнамъ. Самый значительный изъ нихъ находится при Баталпашинскомъ училищѣ, почетный смотритель котораго Э. К. Плотниковъ еще въ 1881 году пожертвовалъ для операций склада 1.000 р.

На содержаніе 29 училищъ въ 1887 году поступило 184.241 р., что, вмѣстѣ съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ, составило сумму въ 243 р., а въ 1888 году на содержаніе 30 училищъ поступило 186.887 р., съ остатками же отъ прежнихъ лѣтъ — 253.122 р. Между источниками содержанія главнѣйшіе были слѣдующіе:

	въ 1887 году:	въ 1888 году:
отпускаемые изъ государственнаго казначейства .	105.294 (57,2%)	106.017 (56,8%)
сборъ платы за право ученія	34.987 (19,0%)	36.399 (19,5%)
субсидіи городскихъ обществъ.	30.121 (16,4%)	32.321 (17,3%)

Городскія училища въ Закавказскомъ краѣ содержатся почти исключительно на казенный счетъ; исключеніе составляетъ одно только Елисаветпольское училище, на которое казна отпускаетъ всего 975 р., а городское общество—2,510 р.; изъ остальныхъ училищъ получаютъ отъ городовъ субсидіи: Мшигрельское, Ахалцихское, Ватумское, и Кутанское. На Сѣверномъ Кавказѣ 6 училищъ существуютъ безъ всякаго пособія отъ казны; Баталпашинское содержатся на средства Кубанскаго казачьяго войска, Ейское, Майкопское, Темрюжское, Владикавказское и Пятигорское—на средства, отпускаемые городскими обществами, Моздокское и Георгіевское училища—на совмѣстныя средства казны и городовъ, а Ставропольское, Ливанское и Кизлярское—почти исключительно на казенныя средства, съ небольшими субсидіями отъ городскихъ обществъ и изъ земскихъ сборовъ.

Расходъ на содержаніе городскихъ училищъ составлялъ въ 1887 г. сумму въ 177,129 р., а въ 1888 году—181,883 р.; изъ этихъ суммъ употреблено было:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
на содержаніе личнаго состава	107,263 р.	103,115 р.
на выдачу прибавочнаго жалованья	2,197 .	1,556 .
на вознагражденіе учителей въ параллельныхъ отдѣленіяхъ .	4,109 .	7,725 .
на наемъ и ремонтъ помѣщеній	16,968 .	18,155 .
на хозяйственныя нужды .	18,859 .	20,867 .
на учебныя пособія	6,833 .	8,075 .
на содержаніе пансіонеровъ въ училищахъ:		
Закатальскомъ, конвикта въ Шупинскомъ и стипендіатовъ въ Озургетскомъ	7,955 .	7,500 .
на пособія служащимъ и учащимся .	5,602 .	7,605 .
отчисленія въ Кавкавказскій Учебный Округъ	1,432 .	1,372 .
на другіе расходы	6,411 р.	5,907 р.

Въ эти суммы (обоихъ годовъ) не вошли расходы на содержаніе ремесленныхъ отдѣленій при училищахъ Баталпашинскомъ (2,850 р. и

5,161 р.) и Ейскомъ (600 и 800 р.). Средняя стоимость обученія одного ученика въ 9 училищахъ (не считая Пятигорскаго, какъ основаннаго только въ 1888 г.) не превышала 30 р., въ 11 училищахъ составляла отъ 30 до 40 р., а въ 7 училищахъ—отъ 40 до 50 р.; значительно дороже обошлось обученіе только въ училищахъ Бивлярскомъ—62 р. и Закатальскомъ—100 р. Средній расходъ на одного учащагося во всѣхъ училищахъ въ оба отчетные года равнялся 31 р.

Плата за право ученія установлена въ разнѣрѣ отъ 4 до 16 р. Всего же учебной платы поступило: въ 1887—34,987 р., или по 1,206 р. на каждое училище, и въ 1888 году—36,399 р., по 1,213 р. въ среднемъ на одно училище. Кромѣ того, поступило взносовъ почетныхъ смотрителей, пожертвованій, процентовъ съ капиталовъ и другихъ случайныхъ поступленій въ 1887 году—7,425 р. и въ 1888 г.—5,093 р., а всего специальныхъ средствъ разныхъ категорій, въ томъ числѣ и сбора за право ученія, было въ началѣ годовъ:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
въ процентныхъ бумагахъ	39,409 р.	46,645 р.
наличными	18,599 „	19,590 „
всего	58,008 р.	66,235 р.
вновь поступило	42,412 р.	41,492 р.
изъ нихъ израсходовано	38,789 „	40,528 „
остается къ 1-му января		
1888 г.	61,631 „	къ 1-му января 1889 г. 67,199 „
то-есть, среднимъ числомъ		
на одно училище по	2,125 р.	по 2,240 р.

Учениковъ, не вносившихъ платы, было въ 1887 году 1,179, то-есть, 22,1% всего числа учащихся, а въ 1888 году—1,208 учениковъ, или 21,8% общаго числа учащихся.

Для пособія учащимся существуютъ благотворительныя общества при училищахъ Анапскомъ, Горійскомъ, Телавскомъ, Сигнахскомъ, Ахалцихскомъ, Шемахинскомъ, Дербентскомъ, а съ 1887 года учреждено еще такое же общество при училищѣ Темирюкскомъ. Сверхъ того, номинально существуетъ съ 1880 года благотворительное общество при Моздокскомъ училищѣ, однако ничѣмъ не проявляетъ своей дѣятельности. Всѣ 8 учрежденій имѣли въ кассѣ: въ началѣ 1887 года 4,870 р., получили въ теченіе года изъ разныхъ источниковъ—

8,192 р., израсходовали на пособія учащимся—875 р. и имѣли къ 1-му января 1888 года въ остаткѣ—7,187 р.; въ 1888 году поступленій было 1,375 р., а израсходовано на вспоможенія учащимся 976 р.; къ 1-му января 1889 года остатокъ былъ въ 7,363 р. Наибольшими средствами обладаетъ общество при Шемахинскомъ училищѣ, которое имѣетъ 5,100 р. неприкосновеннаго капитала въ процентныхъ бумагахъ. Капиталы остальныхъ обществъ не превышаютъ нѣсколькихъ сотенъ рублей.

Изъ городскихъ училищъ собственными помѣщеніями пользуются Моздокское, Георгіевское, Ахалцихское и Карское; сверхъ того, въ 1888 году Батумское училище перешло изъ наемнаго во вновь отстроенное собственное помѣщеніе, а на ремонтъ казеннаго дома Шемахинскаго училища отпущено было изъ государственнаго казначейства болѣе 3 тысячъ рублей; въ домахъ, принадлежащихъ городскимъ обществамъ, помѣщаются 5 училищъ Кубанской области, а также Ставропольское, Владикавказское и Мингрельское; для Елисаветпольскаго и Новобаязетскаго училищъ помѣщенія занимаютъ городскими обществами; наконецъ, остальные 14 училищъ помѣщаются въ домахъ, за которые наемная плата вносится изъ штатныхъ суммъ училищъ, съ нѣкоторою доплатой изъ специальныхъ средствъ. Стоимость 6 собственныхъ помѣщеній составляетъ около 100 тысячъ руб., а наемная плата за 14 помѣщеній—12,950 руб. Изъ собственныхъ помѣщеній вполне удобными могутъ быть признаны только зданія Карскаго и Батумскаго училищъ, а прочія страдаютъ, болѣею частью, тѣсною. Изъ отводимыхъ обществами помѣщеній вполне удобны помѣщенія Ейскаго и Баталинскаго училищъ; за то изъ отводимыхъ городами помѣщеній особенно неудовлетворительны по своей ветхости дома училищъ Владикавказскаго и особенно Ставропольскаго; при открытіи сего послѣдняго городского общества предложило, въ замѣнъ ежегодной субсидіи, домъ, оцѣненный въ 20,000 р., и приняло на себя ремонтъ его, но это обязательство городомъ не выполняется, и ремонтъ откладывается изъ года въ годъ, подъ предлогомъ недостатка средствъ. Общій недостатокъ училищъ—тѣснота; средній объемъ воздуха на одного учащагося 12,4 куб. арш. составляетъ только $\frac{2}{3}$ требуемаго школьною гигиеною объема, а въ 5 училищахъ онъ не достигаетъ и $\frac{1}{3}$ этой нормы. На ученическихъ квартирахъ въ 1887 году проживало 715, или 13% общаго числа учащихся; въ 1888 году—658, или 12%.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ,

сочувствуя распространенію ремесленного образованія въ казачьемъ населеніи, изволилъ пожертвовать Кубанскому казачьему войску 5.000 р., съ тѣмъ чтобы проценты съ этого капитала выдавались ежегодно въ пособіе двумъ бѣднѣйшимъ ученикамъ Баталпашинскаго городского училища, казачьяго сословія, окончившимъ курсъ въ ремесленномъ отдѣленіи при училищѣ, для снаряженія ихъ на службу.

Въ теченіе 1887 и 1888 годовъ многія училища были посѣщены мѣстными губернаторами, начальниками областей, и архіереями, и всѣ безъ исключенія неоднократно осматриваемы директорами и инспекторами народныхъ училищъ; ученическія квартиры посѣщены были служащими въ 1887 году 1.034 раза, а въ 1888 году—883 раза.

Всего служащихъ въ городскихъ училищахъ состояло къ 1-му января

	1888 г.	1889 г.
почетныхъ смотрителей	16	15
учителей-инспекторовъ и завѣдующихъ училищами	29	30
законоучителей.	51	54
учителей.	73	75
учительскихъ помощниковъ	35	36
прочихъ должностныхъ лицъ	32	37
Итого	236	247

Въ числѣ служащихъ есть три женщины: учительница французскаго языка въ Мингральскомъ училищѣ и помощницы учителей въ училищахъ Тифлискомъ и Ставропольскомъ. Вновь назначенныхъ лицъ было:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
почетныхъ смотрителей	3	3
инспекторовъ	8	6
законоучителей.	6	6
учителей	9	17
помощниковъ	10	15
другихъ должностныхъ лицъ	8	11
Всего	44	58

Вакантныхъ должностей оставалось къ концу 1887 года 22, въ томъ числѣ: 13 почетныхъ смотрителей, 3 законоучителя, 1 помощника учителя и 5 прочихъ должностныхъ лицъ, а въ 1888 году, при томъ

же числѣ вакантныхъ мѣстъ (22), не замѣщенными оставались должности 15 почетныхъ смотрителей и только 7—прочихъ должностныхъ лицъ.

Изъ 110.218 уроковъ, которые слѣдовало дать въ 1887 году во всѣхъ 30 училищахъ, пропущено учителями 4.012, или 3,64%, и болѣе половины пропусковъ приходится на болѣзнь; значительнѣйшее число манкировокъ было въ училищахъ Моздокскомъ, Александропольскомъ, Баталпашинскомъ и Дербентскомъ. Въ 1888 году слѣдовало дать 109.991 урокъ, и изъ нихъ пропущено было 3.886, или 3,54%, главнымъ образомъ по болѣзни. Пропущенные уроки законоучителей, болѣею частью, замѣнялись учителями соответственныхъ классовъ; въ случаѣ же пропуска уроковъ самими учителями, отсутствовавшихъ замѣняли, по возможности, инспектора, или же незанятыхъ классамъ давались письменныя работы подъ надзоромъ учителей сосѣднихъ классовъ, или преподавателей, свободныхъ отъ уроковъ. Отпусковъ домой, за невозможностью устроить для учениковъ цѣлесообразныя занятія, пришлось въ 1887 году только 510, а въ 1888 году еще менѣе—455.

Педагогическіе совѣты 29 городскихъ училищъ (не считая училища при институтѣ) имѣли въ 1887 году 744 засѣданія, а въ 1888 году 768 засѣданій; на нихъ обсуждались разные учебно-воспитательные вопросы, и кромѣ того, совѣтамъ приходилось производить испытанія посторонними лицамъ на право производства въ первый классный чинъ и на знаніе учителей начальныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ. Такія испытанія происходили въ 1887 году въ 17 училищахъ, причѣмъ проэкзаменовано 71 лицо, изъ коихъ удовлетворительно выдержало экзаменъ 57, или 80%, въ томъ числѣ: на учительскія званія—23 и на классный чинъ—34; въ 1888 году испытанія происходили въ 21 училищѣ, экзаменовалось—93 лица, выдержали испытанія—75, или 81%, и изъ нихъ 34 на разныя учительскія должности и 41 на право производства въ первый чинъ. Вообще, судя по отзывамъ директоровъ народныхъ училищъ и по личнымъ наблюденіямъ самого г. поначителя округа во время его ревизій, дѣятельность служащихъ въ городскихъ училищахъ заслуживаетъ полнаго одобренія. Принимая во вниманіе многолюдство классовъ кавказскихъ городскихъ училищъ, неприсѣщенность среды, въ которой вращается большинство учащихся, особенно въ маленькихъ городахъ, невозможность для учителя городского училища, при существующей классной системѣ преподаванія, сосредоточить свои силы

на одномъ учебномъ предметѣ, — нельзя не согласиться, что даже добросовѣстное исполненіе прямыхъ преподавательскихъ и воспитательскихъ обязанностей инспекторовъ и преподавателей — дѣло не легкое. Между тѣмъ многіе совѣты, отчасти по собственной инициативѣ, отчасти по требованіямъ дирекцій, находятъ возможнымъ примѣнять у себя даже такія мѣры, которыя выработаны практикою среднихъ учебныхъ заведеній, и для приведенія которыхъ въ этихъ заведеніяхъ есть иногда и особія должностныя лица. Такъ, почти повсемѣстно учреждены очередныя дежурства учителей для наблюденія за учащимися во время перемѣнъ между уроками и для помощи ученикамъ, оставленнымъ въ училищѣ послѣ классовъ на лишній часъ за неприготовленіе уроковъ; введены кондуктныя и штрафныя журналы, а также адрессныя книги учащихся, въ которыя вносятся наблюденія, сдѣланныя учителями при посѣщеніи ученическихъ квартиръ; для сближенія школы съ семьей и обществомъ устраиваются акты, литературныя утра, дѣтскія вечера и собранія родителей учащихся; сверхъ того, родители извѣщаются объ успѣхахъ и поведеніи дѣтей посредствомъ дневниковъ и радачей четвертныхъ табелей. Не остались также безъ вліянія на дѣятельность персонала городскихъ училищъ и нѣкоторыя практическія указанія, данныя г. попечителемъ въ циркулярномъ предложеніи отъ 10-го сентября 1886 года относительно необходимости всесторонняго развитія учащейся молодежи, не одного только умственнаго, но также нравственнаго и физическаго. Не оставляются также безъ вниманія санитарныя и гигиеническія условія домашней обстановки учащихся, и принимаются мѣры къ тому, чтобы ученики не слишкомъ были обременены домашними занятіями.

Изъ числа служащихъ въ городскихъ училищахъ заявили себя особыми трудами въ отчетные годы слѣдующія лица: учитель инспекторъ Телавскаго городского училища В. Кикнадзе, выпустившій 2-е изданіе учебника географіи Кавказскаго края для городскихъ и начальныхъ училищъ (1887 г.), приготовившій совмѣстно съ учителемъ И. Ростововымъ, къ печати „Братскій учебникъ русской исторіи для городскихъ училищъ“ (1888 г.) и составившій для „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ статью: „О памятникахъ древности Телавскаго уѣзда“; учителя городскихъ училищъ: Ахалцихскаго — В. Е. Воробьевъ, Закатальскаго — И. В. Митаревскій и Сигнакскаго — Д. Гулисовъ, по предложенію главной физической обсерваторіи занимавшіеся метео-

рологическихъ наблюденіями; учитель Ахалцихскаго училища В. П. Ивановъ, составившій для „Сборника матеріаловъ“ „Описание города Ахалциха, Тифлисской губерніи“; учитель-инспекторъ Майкопскаго Александровскаго городского училища А. П. Никольскій, составившій для того же „Сборника“ статью: „Городъ Гори въ орнитологическомъ отношеніи“; учитель того же училища П. К. Петровъ, по предложенію главной физической обсерваторіи производившій наблюденія надъ грозами, зарницами, и атмосферными осадками; учитель-инспекторъ Темрюкскаго училища Ф. Ф. Арканниковъ, напечатавшій нѣсколько статей въ кавказскихъ газетахъ, занимавшійся метеорологическими наблюденіями по предложенію главной физической обсерваторіи и Русскаго Географическаго Общества и собиравшій на Таманскомъ полуостровѣ и въ другихъ мѣстахъ памятники древности, отправленныя имъ въ Кубанскій статистическій комитетъ; учитель Темрюкскаго училища А. А. Теръ-Егіазаровъ, составившій: „Концентрическій курсъ элементарной геометріи для городскихъ училищъ“ и собравшій свѣдѣнія о кустарной промышленности въ городѣ Шущѣ; учитель - инспекторъ Ейскаго Александровскаго городского училища Е. О. Передѣльскій, собравшій свѣдѣнія объ уходѣ за новорожденными и о кустарной промышленности въ городѣ Ейскѣ; учитель Ейскаго того же училища П. А. Горбаневъ, собравшій свѣдѣнія о производствѣ азятскихъ башмаковъ и о приготовленіи кирпича въ городѣ Александрополѣ; учитель Анапскаго училища И. Е. Дулинъ, собравшій свѣдѣнія объ уходѣ за новорожденными въ городѣ Анапѣ, и Е. И. Цѣловадьниковъ, описавшій состояніе кустарной и ремесленной промышленности въ городѣ Анапѣ; помощникъ учителя Шемахинскаго училища А. Захаровъ, собравшій народныя сказки закавказскихъ татаръ и переведшій на русскій языкъ программу армяно-григоріанскихъ церковно-приходскихъ училищъ; учителя Шемахинскаго училища І. П. Мегвинетауцесовъ, приготовившій описание города Шемахи для „Сборника матеріаловъ“, и Н. И. Шестоналовъ, занимавшійся производствомъ метеорологическихъ наблюденій; наконецъ, Дербентскаго училища учитель-инспекторъ Л. Д. Григорашвили, печатавшій статьи въ мѣстныхъ газетахъ и учителя: М. Коптѣловъ, производившій метеорологическія наблюденія надъ грозами и атмосферными осадками и собравшій матеріалы для описанія мѣднаго производства въ городѣ Дербентѣ, и А. В. Аватовъ, собравшій свѣдѣнія о мыловареніи въ городѣ Дербентѣ; помощникъ учителя Дербентскаго училища Е. Л. Семеновъ,

составившіи описаніе производства серебряныхъ и золотыхъ вещей въ городѣ Дербентѣ.

Общее число учащихся во всѣхъ 30 городскихъ училищахъ въ началѣ 1887 года было — 5.212, а въ концѣ года — 5.417. Такимъ образомъ, число учащихся увеличилось на 205, или на 3,9%. Изъ этого общаго приращенія на училища Тифлисской дирекціи приходится 97, Эриванско-Елисаветпольской—65, Кубанской—19, Ваканско-Дагестанской—17 и на Ставропольское училище—33; въ училищахъ Кутаисской дирекціи общее число учащихся осталось безъ измѣненія, а въ Терской дирекціи уменьшилось на 26, главнымъ образомъ вслѣдствіе преобразованія Кизлярскаго четырехкласснаго училища въ двухклассное. Увеличеніе числа учащихся продолжалось и въ 1888 году, въ концѣ котораго въ 31 городскомъ училищѣ всѣхъ учениковъ состояло 5.609; такое значительное увеличеніе, объясняется главнымъ образомъ, открытіемъ новаго училища Пятигорскаго, въ которомъ учащихся 141; въ остальныхъ училищахъ прибавилось учениковъ 51, или 0,9%. Въ училищахъ Эриванско-Елисаветпольской дирекціи число учащихся уменьшилось на 99, что отчасти можетъ быть объяснено открытіемъ большаго числа армянскихъ церковно-приходскихъ школъ. Въ остальныхъ дирекціяхъ число учащихся увеличилось, а именно: въ Кутаисской—на 59, Кубанской на 32, Терской, не считая Пятигорскаго училища—на 31, Ставропольской—на 18 и Ваканско-Дагестанской—на 11. Самыя многолюдныя училища суть Озургетское—въ 325 учениковъ, Мингральское—въ 316, Кутаисское—въ 299 и Ахалцихское—въ 263; изъ остальныхъ 7 имѣютъ свыше 200 учениковъ, 11—свыше 150, 6—свыше 100 и 3—менѣе 100 учениковъ, именно: Закатальское—85 и два двухклассныя: Новобаязетское—63 и Кизлярское—46. На каждое училище, среднимъ числомъ, приходится по 181 учениковъ, отдѣльно на училища Сѣвернаго Кавказа—по 149 и на каждое закавказское—по 198.

Распределеніе учащихся въ городскихъ училищахъ было слѣдующее къ 1-му январю:

	1888 г.	1889 г.
а) по сословіямъ.		
дворянъ .	1.008	1.030
духовнаго званія .	306	258
сословія городскихъ .	2.694	2.803
„ сельскихъ .	974	1.000
нижнихъ чиновъ .	391	478
иностранцевъ .	44	40

б) по исповѣданіямъ.

православныхъ.	3.216	3.470
армяно-григоріанъ:	1.626	1,547
католиковъ .	136	133
лютеранъ .	35	41
расколнниковъ.	29	29
мусульманъ.	307	296
евреевъ	68	93

в) по національностямъ.

русскихъ	1.593	1.847
грузинъ .	1.502	1.484
армянъ	1.694	1.608
татаръ	259	264
горцевъ .	105	104
евреевъ	68	89
иностранцевъ	196	213

Изъ этихъ таблицъ видно, что въ оба года половина учащихся принадлежала къ городскимъ сословіямъ—49,7% и 50,0%; изъ вѣроисповѣданій преобладали православное—59,4% и 61,9% и армяно-григоріанское — 30,0% и 27,5%, изъ національностей: русскіе — 29,4% и 33,0%, армяне — 31% и 28,7% и грузины — 27,7% и 26,5%. Закавказскіе туземцы составляютъ вообще въ училищахъ 61,8% общаго числа учащихся, а отдѣльно въ училищахъ Закавказскаго края — 83,2%. Распределеніе учащихся по классамъ во всѣхъ городскихъ училищахъ не представляетъ интереса, такъ какъ, напримѣръ, классы двухклассныхъ училищъ не соответствуютъ по курсу своему одноименнымъ классамъ трехкласснаго или четырехкласснаго училища. Если изъ общаго числа исключить учащихся въ подготовительныхъ отдѣленіяхъ (въ количествѣ 572 учениковъ за 1887 годъ и 573 учениковъ за 1888 годъ), то остальные распредѣлялись по классамъ слѣдующимъ образомъ:

		въ 1887 г.	въ 1888 г.
въ четырехклассныхъ приходится на:	I классъ.	51,5%	49%
	II	32,1%	34%
	III	10,3%	11%
	IV	6,1%	6%

въ трехклассныхъ	I	49,°/о	49°/о
	II	35,°/о	36°/о
	III	16,°/о	15°/о
въ двухклассныхъ	I	79,2°/о	78°/о
	II	20,8°/о	22°/о

Отсюда видно, что въ училищахъ всѣхъ трехъ категорій число учащихся быстро убываетъ отъ младшихъ классовъ къ старшимъ, то-есть, масса учениковъ, выбывающихъ изъ училищъ до окончанія курса, довольствуется приобретенною въ высшихъ классахъ элементарною грамотностью.

Въ 1887 году подано прошеній о поступленіи въ городскія училища — 2.157, принято по нимъ 1.663 или 77,1°/о, а отказано — 494, или 22,9°/о, болышею частью по недостатку мѣста, именно 319. (65°/о), въ томъ числѣ наибольшее число отказовъ за неимѣніемъ мѣсть пришлось на Кутаисское училище—110. Изъ остальныхъ 175 не принятыхъ—130 не попали по невыдержанію испытанія и 34 по другимъ причинамъ. Въ 1888 году прошенія о приѣмѣ подано 2.339, по нимъ принято 1.696, или 73°/о, подававшихъ прошенія, а изъ 643 не принятыхъ 470 было отказано по недостатку мѣсть и опять болыше всего въ училищѣ Кутаисскомъ—142, затѣмъ въ Елисаветпольскомъ—67 и Майкопскомъ — 61. Прочимъ 173 отказано: за невыдержаніе испытаній — 139 и по другимъ причинамъ — 34. Принятые же въ училища поступили:

	въ 1887 году.	въ 1888 году.
по свидѣтельству.	68	26
изъ казенныхъ учебныхъ заведеній	135	153
„ общественныхъ „ „	356	529
„ частныхъ „ „	271	190
по домашней подготовкѣ	833	798
всего.	1.663	1.696

По классамъ вновь принятые распределены:

въ подготовительныя отдѣленія	568	384
„ I	877	1.022
во II.	165	263
въ III.	48	25
IV.	5	2

Выбывшихъ изъ училищъ было: въ 1887 г. 1.458 учениковъ, то-есть, 26,9%, общаго числа учащихся въ концѣ года и въ 1888 г.— 1.504 ученика, или 26,8%, и въ томъ числѣ:

	въ 1887 году.	въ 1888 году.
за окончаніемъ курса.	234	259
„ неуспѣшность	47	43
„ поведеніе	35	40
по прошенію .	1.079	1.085
за болѣзнью .	46	64
„ смертью	17	13
изъ выбывшихъ, на сколько извѣстно, поступили:		
въ другія учебныя заведенія	273	294
„ военную службу	23	21
„ гражданскую .	73	92
на частную дѣятельность.	444	497
итого.	813	904
свѣдѣній не имѣется о	628	587

Успѣхи учащихся были слѣдующіе: Изъ бывшихъ въ концѣ 1886—1887 учебнаго года 4.859 учениковъ переведено въ слѣдующія отдѣленія и окончило съ успѣхомъ курсъ 3.191, или 65,7%, а изъ бывшихъ въ концѣ 1887 — 1888 учебнаго года 5.074 учениковъ окончили курсъ и переведены въ высшія отдѣленія 3.356 или 66,1%. Въ отдѣльности, успѣвающихъ было:

а) по классамъ: въ IV	97%	99%
„ III .	75%	76%
во II	63%	63%
въ I	64%	66%
въ подготовительныхъ	67%	59%
б) по національностямъ: русскихъ.	65%	71%
грузинъ .	66%	62%
армянъ	67%	67%
татаръ	61%	62%
горцевъ .	81%	66%
евреевъ .	71%	85%
европейцевъ	59%	61%

в) по сословіямъ:	дворянъ .	67°/о	69°/о
	духовныхъ	70°/о	71°/о
	сосл. городск.	62°/о	63°/о
	„ сельскихъ	72°/о	66°/о
	нижнихъ чиновъ	71°/о	73°/о
	европейцевъ	60°/о	64°/о

За неуспѣшность было уволено: въ теченіе перваго отчетнаго года изъ 8 училищъ 47, а въ теченіе втораго года—изъ 10 училищъ—43.

Къ обязательнымъ предметамъ въ городскихъ училищахъ относятся пѣніе, гимнастика и рисованіе. Кромѣ класснаго пѣнія, въ нѣсколькихъ училищахъ Кубанской и Терской областей, Елисаветпольской и Тифлисской губерній введено церковное пѣніе, и образовавшіеся ученическіе хоры поютъ во время богослуженія въ приходскихъ церквахъ. Въ 4 училищахъ ученики занимаются, сверхъ того, музыкой, а именно въ оба отчетные года обучающихся ей было въ Ейскомъ училищѣ—64 и 40, въ Анапскомъ—13 и 21, въ Елисаветпольскомъ—13 и 24 и въ Нухинскомъ—30 и 27. Къ необязательныхъ предметамъ относятся языки и ремесла. Французскому языку въ 1887 г. обучалось 157 человекъ въ трехъ училищахъ: Горійскомъ (25), Ахалцихскомъ (32) и Мингрельскомъ (100), но въ 1888 году этотъ языкъ преподавался лишь въ Мингрельскомъ училищѣ, и учащихся ему было всего 72 ученика. Ново-греческому обучалось въ 1887 году 89 учениковъ Карскаго училища, а въ 1888 году таковыхъ было только 14. Грузинскому учатся въ 8 училищахъ Тифлисской и Кутаисской губерній 1.189 мальчиковъ; армянскому—1.371 (въ 1887 году ихъ было 1454) въ Моздокскомъ училищѣ, въ 5 училищахъ Тифлисской губерній и всѣхъ въ 9 училищахъ дирекцій Эриванско-Елисаветпольской и Бакинско-Дагестанской; татарскому—235 и въ слѣдующій годъ—247 учениковъ въ 7 училищахъ, тѣхъ же двухъ дирекцій. Занятія ремеслами введены въ 7 училищахъ: Ейскомъ, Баталпаинскомъ, Моздокскомъ, Георгіевскомъ, Горійскомъ, Закатальскомъ и Нахичеванскомъ; во всѣхъ этихъ училищахъ желающіе занимаются столярно-токарнымъ мастерствомъ—всего 172 человекъ, а сверхъ того, въ Моздокскомъ и Нахичеванскомъ—слесарнымъ 21, въ Горійскомъ и Закатальскомъ—переплетнымъ 31, а въ Баталпаинскомъ—слесарнымъ 21, кузечнымъ 5, переплетнымъ 19, сѣдельнымъ 16 и шорнымъ 6. Въ Георгіевскомъ училищѣ желающіе изъ учащихся привлекаются къ занятіямъ въ саду и огородѣ.

Поведеніе учащихся въ городскихъ училищахъ за оба отчетные года было слѣдующее: изъ 5.417 учениковъ всего подвергавшихся болѣе строгимъ высканіямъ было 699 учениковъ, или 12,9%, общаго числа учащихся, и изъ 5.609—840, или 15,0%, въ томъ числѣ:

	за 1887 г.	за 1888 г.
аресту свыше двухъ часовъ	378	397
выговору совѣта .	286	403
исключенію съ правомъ поступленія.	32	26
„ безъ права поступленія.	3	14

Отмѣтки за поведеніе ученики имѣли:

высшую 5.	4.487 (82,8%)	4.663 (83,1%)
4.	772 (14,3%)	775 (13,8%)
3.	146 (2,7%)	160 (2,9%)
2.	12 (0,2%)	11 (0,2%)

Число пропущенныхъ учениками уроковъ было въ 1887 году 130.269, что на одного ученика составляетъ среднимъ числомъ 24,0%, и въ томъ числѣ болѣе всего по болѣзни—14,1% (76.392 случая), по причинамъ уважительнымъ—6,3% и неуважительнымъ—3,6%; въ 1888 году пропусковъ уроковъ было 126.281, или среднимъ числомъ на ученика 22,5%, въ томъ числѣ по болѣзни 13,7% (76.868 разъ), и по другимъ причинамъ—уважительнымъ 5,9% и неуважительнымъ 2,9%. Случаевъ заболѣванія разными болѣзнями было въ 1887 году 3.850, или по 71 на каждые 100 учащихся, а въ 1888 году—4.306, или по 77 на 100 учащихся, и въ томъ числѣ наибольшее число случаевъ приходилось на заболѣванія лихорадками—1.120 и 1.410 случаевъ, а изъ эпидемическихъ болѣзней было случаевъ въ оба года: корью—110 и 32, скарлатинной—18 и 12, осной—38 (больше всего въ Елисаветпольскомъ училищѣ—12 и Шушинскомъ—10) и 17, дифтеритомъ—4 и 9 (изъ нихъ въ Ейскомъ—6) и тифомъ—13 и 9. Смертныхъ случаевъ было въ 1887 17 (0,3) въ 12 училищахъ, изъ коихъ въ одномъ Телавскомъ 4, въ Ейскомъ и въ училищѣ при институтѣ по 2 и въ остальныхъ 11 по 1; въ 1888 году такихъ случаевъ было 13 (0,28): по 2 въ училищахъ Темрюкскомъ, Ставропольскомъ и Пятигорскомъ и по 1 въ 7 училищахъ.

Кромѣ ученическихъ квартиръ, на которыхъ проживало въ 1887 году 715, или 13%, общаго числа учащихся, а въ 1888—658, или 12%, существуютъ еще: пансіонъ при Закатальскомъ училищѣ, который перешелъ къ училищу отъ бывшаго уѣзднаго, и въ которомъ часть ссылх, отд. 4.

воспитывается 25 казенныхъ пансіонеровъ, 1 экономическій и 10 воспитанниковъ-конвиктеровъ, на основаніи Высочайше утвержденного 6-го мая 1875 года мѣрнія государственнаго совѣта о мѣрахъ для доставленія средствъ къ образованію дѣтямъ бѣдныхъ дворянъ и другихъ почетныхъ сословій Закавказскаго края. Въ силу этого закона, производившееся съ 1836 года пособіе отъ казны школамъ при нѣкоторыхъ частяхъ войскъ кавкасской арміи замѣнено отпускомъ по 36.350 р. въ годъ на содержаніе Сацхенскаго начальнаго училища, устройство конвиктовъ и выдачу стипендій. Такой конвиктъ существуетъ при Шумшинскомъ городскомъ училищѣ, а стипендіи — при Озургетскомъ. Въ Шумшинскомъ конвиктѣ положено 20 вакансій, изъ которыхъ въ 1887 году были заняты всѣ, а въ 1888 году только 18. На содержаніе конвикта отпускается изъ государственнаго казначейства 2.600 р. и изъ спеціальныхъ средствъ на наемъ помѣщенія—250 р. Въ Озургетскомъ училищѣ, по выбору педагогическаго совѣта, 20 изъ бѣднѣйшихъ и лучшихъ по успѣхамъ учениковъ привилегированныхъ сословій пользуются стипендіями по 60 р. въ годъ.

Горскія школы учреждены на Кавказѣ на основаніи Высочайшаго повелѣнія 20-го октября 1859 года для распространенія гражданственности и образованія между покорившимися мирными горцами и для доставленія служащимъ на Кавказѣ семейнымъ офицерамъ и чиновникамъ средствъ къ воспитанію и обученію дѣтей. Такихъ школъ 5: въ Терской области—Нальчикская окружная трехклассная, открытая въ 1861 году, въ замѣнъ существовавшей въ Нальчикѣ съ 1851 года аманатской школы, начальная Грозненская двухклассная, открытая въ 1863 году, и начальная же Назрановская, учрежденная въ 1870 году; въ Кубанской области—Майкопская начальная двухклассная, переведенная сюда въ 1871 году изъ укрѣпленія Каладжи, гдѣ была основана въ 1866 году подъ названіемъ Лабинской, и въ Кутаисской губерніи—Сухумская начальная двухклассная, основанная въ 1863 году. Всѣхъ классовъ въ горскихъ школахъ въ 1887 году было 15, въ томъ числѣ 10 основныхъ и 5 приготовительныхъ; отдѣленій же было 25, такъ какъ каждый изъ приготовительныхъ классовъ имѣетъ по три прогрессивныя отдѣленія; въ 1888 году число классовъ увеличилось до 16 вслѣдствіе открытія приготовительнаго класса въ Сухумской школѣ, число же отдѣленій возросло до 28 вслѣдствіе открытія двухъ отдѣленій при Сухумской школѣ и одного при Грозненской. При всѣхъ школахъ имѣются пансіоны,

а при Нальчикской предположено было учредить особое агрономическое отдѣленіе, которое однако еще не осуществилось за немнѣніемъ желающихъ поступить въ него по окончаніи общаго курса въ школъ.

За все время существованія въ 5 горскихъ школахъ окончило курсъ 948 учениковъ, въ томъ числѣ 194 въ Нальчикской окружной и 754—въ 4 начальныхъ. Изъ горцевъ, оканчивающихъ курсъ, только очень немногіе поступаютъ для продолженія образованія въ среднія учебныя заведенія, военныя и гражданскія, хотя для облегченія имъ поступления въ такія училища въ Нальчикской школъ введено даже преподаваніе французскаго языка; большинство же возвращается въ свои аулы и обращается къ частной дѣятельности или, по достиженіи соотвѣтственнаго возраста, поступаетъ на службу, предпочтительно военную.

Всѣ горскія школы имѣютъ фундаментальныя и ученическія бібліотеки, и даже довольно значительныя, такъ какъ книги въ нихъ накопились въ теченіе 20—30 лѣтъ. Къ 1-му января 1889 года въ фундаментальныхъ бібліотекахъ числилось названій 2.393 въ 5.638 томахъ, на сумму 8.546 р., а въ ученическихъ—1.045 названій въ 2.427 томахъ, на сумму 2.220 р. Всего же, во всѣхъ 10 бібліотекахъ находилось 3.438 сочиненій, въ 8.065 томахъ, стоимостью въ 10.766 р. Въ отдѣльности бібліотеки Нальчикской, Грозненской и Майкопской школъ имѣютъ болѣе 900 названій каждая, въ Назрановской 338 и въ Сухумской—289. Небольшіе физическіе кабинеты имѣлись только при двухъ школахъ—Нальчикской и Сухумской, и въ нихъ было 238 приборовъ, стоимостью въ 722 р. Кромѣ того, школы имѣли еще 1.419 другихъ учебныхъ пособій, стоимостью 1.878 р. Общая стоимость всѣхъ бібліотекъ и пособій къ 1-му января 1888 года опредѣлилась въ 13.174 р., а къ 1-му января 1889 года она возросла до 13.366 р.

Горскія школы содержатся почти исключительно на счетъ казны, и опредѣленія по штату суммы отпускаются имъ отъ военнаго вѣдомства; въ отчетные годы на содержаніе ихъ было отпущено 45.588 р. и 46.443 р., въ томъ числѣ:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
изъ государственнаго казначейства.	36.691 р.	36.697 р.
изъ земскихъ сборовъ (съ горскихъ племенъ).	4.720 „	5.521 „
отъ городскихъ обществъ	100 „	—
сбора за право ученія .	1.050 „	1.147 „
за содержаніе частныхъ воспитанниковъ.	1.595 „	1.729 „

3*

отъ почетныхъ попечителей и пожертвованій.	—	240
процентовъ съ капиталовъ	254	29
изъ другихъ источниковъ .	1.178	1.080

Изъ этихъ суммъ израсходовано:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
на наемъ и ремонтъ помѣщеній.	2.824 р.	2.815 р.
„ хозяйственные расходы.	7.299 „	7.148 „
„ учебныя пособия	838 „	741 „
„ содержаніе личнаго состава .	14.408 „	14.312 „
„ „ воспитанниковъ пансіона.	16.153 „	14.509 „
„ пособия служащимъ и учащимся	789 „	944 „
„ отчисления и другіе расходы. . .	3.970 „	5.843 „
всего.	46.276 р.	46.312 р.

Средняя стоимость обученія одного ученика составляла въ 1887 году 42 р., а содержанія въ пансіонѣ—117 р.; въ 1888 году стоимость обученія обходилась въ 45 р., а содержаніе въ пансіонѣ—120 р. Согласно уставу 1859 года, приходящіе вносить въ окружной школъ по 5 р. за право ученія, а въ начальныхъ—по 3 р.; въ одной только Сухумской школъ размѣръ платы увеличенъ до 6 р. На содержаніе пансіонеровъ казной отпускалось въ отчетные годы: въ Сухумской школъ—147 р. и 171 р., въ Назрановской—90 и 98 р., въ остальныхъ трехъ—по 60 р.; съ частныхъ воспитанниковъ взымалось: въ Сухумской—100 и 120 р., въ Назрановской—60 и 75 р., въ остальныхъ—по 80 р. Изъ приходящихъ учениковъ освобожденныхъ отъ платы было: въ 1887 году—83, или 10%, въ томъ числѣ 7 дѣтей учащихъ чиновниковъ, въ 1888 году—29, или 9,5%, изъ коихъ 7 дѣтей служащихъ чиновниковъ. Въ числѣ пансіонеровъ въ 1887 году изъ 205 своекоштныхъ было всего 13, а въ 1888 году изъ 198 учениковъ воспитывались на свой счетъ—9, остальные же 192 и 189 пользовались бесплатнымъ содержаніемъ.

Общая стоимость обученія и воспитанія всѣхъ неплатящихъ исчисляется приблизительно для каждаго отчетнаго года въ 16.000 р. Специальныя средства горскихъ школъ были слѣдующія: три школы Нальчикская, Майкопская и Грозненская имѣли къ началу 1887 года отъ прежнихъ лѣтъ 4.464 р., получили въ теченіе года 1.997 р., израсходовали 2.785 р., и къ 1-му января 1888 года оставалось специальныхъ средствъ разныхъ категорій 3.676 р., изъ коихъ 2.470 р. принадлежащія Грозненской школъ обращены были въ процентныя бумаги.

Въ теченіе 1888 года по тѣмъ же школамъ вновь поступленій было на 3.145 р., расходу на 3.014 р. и къ концу года оставалось 3.807 р., въ томъ числѣ наличными 1.337 р. и въ процентныхъ бумагахъ—2.470 р. принадлежащія Грозненской школѣ. Въ школахъ Сухумской и Назрановской въ началѣ 1887 года не имѣлось никакихъ остатковъ специальныхъ средствъ, и поступившія въ теченіе этого года незначительныя средства—1.002 р. на обѣ школы, равно и поступления въ теченіе 1888 года въ размѣрѣ 1.004 р. израсходованы сплошн.

Горскія школы, за исключеніемъ Грозненской, помѣщаются въ казенныхъ домахъ, изъ которыхъ только одинъ, занимаемый Майконскою школою, можетъ быть признанъ вполне удобнымъ и достаточно просторнымъ. Помѣщенія остальныхъ трехъ школъ тѣсны, и кромѣ того, зданіе Сухумской школы на столько ветхо, что главный корпусъ совершенно оставленъ, классы и пансіоны переведены во флигеля, гдѣ прежде были квартиры для служащихъ, для которыхъ нынѣ нанимаются квартиры въ частныхъ домахъ. Собственныя помѣщенія 4 горскихъ школъ оцѣниваются въ 155.900 р.; кромѣ того, для помѣщенія больницы при Нальчикской школѣ нанимается частная квартира за 180 руб. Единственное наемное помѣщеніе для Грозненской школы, за которое платится 1.650 р. въ годъ, также имѣетъ много недостатковъ, но къ сожалѣнію въ Грозномъ, нѣтъ лучшихъ домовъ. Среднее количество воздуха въ классахъ равняется 15,5 куб. арш., а въ спальняхъ—32,4 куб. арш. На ученическихъ квартирахъ проживало въ 1887 году изъ 329 приходящихъ всего 17, или 5,2%, а въ 1888 году изъ 304—14, или 4,6%.

Въ хозяйственномъ отношеніи горскія школы подчинены военному вѣдомству, а въ остальныхъ—учебному. Такой порядокъ, по мнѣнію г. попечителя, оказывается на практикѣ весьма неудобнымъ, такъ какъ ведетъ часто къ излишней сложной перепискѣ, а иногда и къ недоразумѣніямъ и даже столкновеніямъ между представителями обонхъ вѣдомствъ. Въ особенности неудобства эти сказываются во всѣхъ вопросахъ, касающихся улучшенія помѣщеній горскихъ школъ; такъ, напримѣръ, въ 1887 году изъ-за тѣсноты помѣщенія въ Назрановской школѣ было отказано въ приемѣ 63 мальчикамъ, а въ 1888 году изъ 84 подавшихъ прошеніе о приемѣ — отказано по той же причинѣ 29. Между тѣмъ такія крупныя цифры желавшихъ поступить и не принятыхъ доказываютъ, что это учебное заведеніе вполне отвѣчаетъ насущной потребности; о необходимости расширенія, какъ курса школы, такъ и ея помѣщенія, высказался князь главнона-

частьствующій гражданской частью на Кавказѣ, при посѣщеніи нѣш школы 28-го августа 1887 года.

Въ продолженіе отчетныхъ годовъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, посѣтилъ Назрановскую и Нальчикскую школы. Вообще же всѣ горскія школы, были неоднократно посѣщаемы начальниками областей, а особенно окружными начальниками, которые, по уставу горскихъ школъ, состоятъ въ званіи почетныхъ попечителей и председательствуютъ въ педагогическихъ совѣтахъ школъ. Осмотры школъ производились также директорами и инспекторами начальныхъ училищъ, а равно и ученическія квартиры посѣщались служащими; таковыхъ посѣщеній было въ 1887 году 80, въ 1888 году—104.

Наличный составъ горскихъ школъ къ 1-му января 1888 года состоялъ изъ 46 лицъ, въ томъ числѣ: 5 почетныхъ попечителей, 5 смотрителей, 6 законоучителей, 18 учителей и 12 на прочихъ должностяхъ. Изъ этого числа вновь назначенныхъ въ теченіе года было 4 лица: 1 смотритель, 1 законоучитель православнаго исповѣданія и 2 учителя. Вакантными оставались двѣ должности законоучителей— 1 православнаго и 1 мусульманскаго. Почти тотъ же составъ служащихъ былъ и къ 1-му января 1889 года, только учителей вмѣсто 18 стало 20, и того всѣхъ служащихъ было 48. Между ними вновь назначенныхъ лицъ было 9: 4 попечителя, 1 смотритель, 1 учитель, 2 врача и 1 фельдшеръ. Вакантныхъ должностей было 2, законоучителя православнаго и законоучителя мусульманскаго исповѣданій.

Изъ 14.298 уроковъ пропущено учителями въ 1887 году 663, или 4,64%, а въ 1888 году изъ 14.734—1.074, или 7,29%, и въ томъ числѣ больше всего пропускалось по болѣзни (65% и 37%) вообще же манкировокъ по разнымъ причинамъ больше всего было въ Сухумской школѣ—10,0% и 16,2%. Отсутствующихъ учителей большею частью замѣняли смотрителя или другіе преподаватели, свободные отъ уроковъ; такимъ образомъ, изъ общаго числа 663 пропущенныхъ уроковъ въ 1887 г. только 44 (4%) и изъ 1.074 въ 1888 г. лишь 23 (2%) пропали для учащихся.

Засѣданій педагогическихъ совѣтовъ было въ 1887 году 129, а въ 1888 году—142.

Изъ преподающихъ въ горскихъ школахъ только одинъ заявилъ себя особыми трудами, именно смотритель Сухумской горской школы К. Д. Мачавариани, помѣщавшій разныя статьи въ мѣстныхъ и другихъ газетахъ.

Число учащихся въ горскихъ школахъ въ началѣ 1887 года

было 499, а въ концѣ его—534, въ томъ числѣ 205 пансіонеровъ, такъ число ихъ за годъ увеличилось на 35, или 7,0%. Въ теченіе 1888 года число учащихся уменьшилось до 502, между коими было 198 пансіонеровъ; особенное уменьшеніе послѣдовало въ Назрановской школѣ—на 23. По числу учащихся школы слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ:

Въ 1887 году.		въ томъ числѣ пансіонеры:		Въ 1888 году.		въ томъ числѣ пансіонеры:	
Грозненская .	146	47		Грозненская	127	46	
Назрановская	105	22		Сухумская .	111	30	
Сухумская.	103	36		Майкопская	91	40	
Нальчикская .	92	62		Нальчикская	91	62	
Майкопская	188	38		Назрановская .	82	20	

Отсюда видно, что число основныхъ классовъ имѣетъ мало вліянія на число учащихся, и въ 1887 году одноклассная Назрановская, напримеръ, имѣла больше учениковъ, чѣмъ трехклассная Нальчикская. Это происходитъ оттого, что главная масса учащихся сосредоточена въ приготовительныхъ классахъ; ученики распредѣлялись за оба отчетные года по классамъ слѣдующимъ образомъ: въ приготовительныхъ было 400, или 74,9%, и 356, или 70,9%—всего 9% числа учащихся; въ I-хъ классахъ—89 и 92, или по 182, среднимъ числомъ въ каждомъ, во II—36 (по 9) и 49 (по 12) и въ III—9 и 5 учениковъ. Между ними пансіонеровъ было въ оба года: въ приготовительныхъ классахъ — 125 и 127, въ I—42 и 38, во II—27 и 29 и въ III—11 и 4.

Учащіяся въ горскихъ школахъ распредѣлялись:

а) по сословіямъ:

	Въ 1887 г.		Въ 1888 г.	
	пансіонеры:		пансіонеры:	
дворянъ.	144	92	142	97
духовнаго званія .	10	1	8	1
городскихъ сословія .	158	11	143	12
сельскихъ ,	171	88	159	74
нижнихъ чиновъ .	40	13	34	13
иностранцевъ .	11	—	16	1

б) по исповѣданіямъ:

православныхъ .	299	85	285	80
армяно-григоріанъ .	8	—	8	—

потеранъ.	—	—	1	—
раскольниковъ	—	—	1	—
мусульманъ	201	120	184	118
евреевъ	26	—	23	—

в) по національностямъ:

русскихъ	197	41	179	38
грузинъ	39	4	41	2
армянъ	8	—	8	—
горцевъ	252	158	234	156
евреевъ	26	—	23	—
европейцевъ.	12	2	17	2

Въ частности, въ Майкопской и Грозненской школахъ больше русскихъ учениковъ, чѣмъ горцевъ, а именно въ оба отчетные года было: въ первой 54 и 57 русскихъ и 28 и 31 горцевъ, во второй—91 и 72 русскихъ и 34 и 36 горцевъ; въ остальныхъ школахъ, наоборотъ, горды берутъ перевѣсъ надъ русскими: въ Сухумской школѣ, кромѣ русскихъ — 15 и 19 и горцевъ — 39 и 36, обучается значительное число мингрельцевъ—33 и 36; въ Нальчикской—русскихъ было 38 и 28, горцевъ — 50 и 52; въ Назрановской племенной составъ учащихся особенно однороденъ: въ 1887 году изъ 105 учениковъ было 101 горецъ (ингушъ) и 4 русскихъ, а въ 1888 году изъ 82 учениковъ было только 3 русскихъ, остальные горды.

Прошеній о принятіи въ горскія школы подано въ 1887 году всего 240, и изъ нихъ больше всего въ Назрановскую школу — 97. Кромѣ 63 мальчиковъ, не принятыхъ въ Назрановскую школу по недостатку мѣста (65%), еще отказано въ приемѣ въ Грозненской школѣ: 5—по недостатку мѣста, и 1 — по невыдержанію испытанія; въ остальныхъ 3 школахъ не было случаевъ отказа въ приемѣ; принято всего 171, или 71%, изъ общаго числа желавшихъ поступить, и въ томъ числѣ 160 въ приготовительные классы и только 11 въ I-е. Въ 1888 году подававшихъ прошенія о приемѣ было 158, въ Нальчикскую школу приняты всѣ желавшіе поступить, числомъ 18, въ Сухумской, Майкопской и Грозненской школахъ отказано въ приемѣ 12 изъ 108 (11%); наконецъ, Назрановская, по недостатку мѣста, могла принять только 3 мальчиковъ изъ 32 подававшихъ прошенія; всего же принято 117, и изъ вномъ поступившихъ 109 приняты въ приготовительные классы, 6—въ I и 2—во II (въ Сухумской школѣ).

Выбыло изъ горскихъ школъ въ 1887 году 136 учениковъ (25,5%), въ томъ числѣ окончившихъ курсъ—48 (9,0%) и не окончившихъ курса—86 (16,5%); между послѣдними было уволенныхъ за неуспѣшность—12, исключенныхъ за дурное поведеніе—3 и умершихъ—3, по болѣзни—8, остальные 62—по прошенію. Въ 1888 году выбившихъ учениковъ было 149 (29,5%), изъ коихъ 40 окончили курсъ, 20 были уволены за неуспѣшность, 2—за дурное поведеніе, 8—по болѣзни, 4—за смертью и 75—по прошенію. Изъ выбившихъ, на сколько извѣстно, поступили:

	въ 1887 году.	въ 1888 году.
въ другія учебныя заведенія.	8	24
„ военную службу .	1	„
„ гражданскую „	2	6
на частную дѣятельность.	44	39
всего .	55	68

Изъ 474 учениковъ, бывшихъ въ горскихъ школахъ въ концѣ 1886—1887 учебнаго года, удостоены свидѣтельство объ окончаніи курса и перевода въ слѣдующіе классы и отдѣленія — 333, или 70,3%, а по классамъ, начиная отъ приготовительнаго—60, 59, 90 и 100%; въ теченіе 1887 — 1888 учебнаго года изъ общаго числа 522—таковыхъ было 335, или 64,2%, по классамъ же, начиная отъ приготовительнаго—68, 66, 69 и 100%. Изъ двухъ преобладающихъ національностей, за оба отчетные года, горцы оказывались болѣе успѣвающими, чѣмъ русскіе. Во всѣхъ школахъ обращено особенное вниманіе на усвоеніе учениками-инородцами русскаго языка, и для этой цѣли, между прочимъ, требуется постоянное употребленіе, и въ свободное отъ занятій время, русской разговорной рѣчи, и поощряется внѣклассное чтеніе русскихъ дѣтскихъ книгъ. За неуспѣшность уволено было въ 1887 году 12, или 2,2%, общаго числа учащихся, а въ 1888 году—20, или 4,0%.

Кромѣ предметовъ, положенныхъ по уставу 1859 года, въ горскихъ школахъ преподаются еще нѣкоторые необязательные предметы. Такъ, французскому языку обучаются всѣ ученики II и III классовъ Нальчикской школы, числомъ 18, арабскому — 110 учениковъ въ школахъ Нальчикской и Назрановской, чеченскому — 36 въ Грозненской школѣ. Ивнью обучалось въ 1887 году 286 учениковъ во всѣхъ школахъ, кромѣ Оухумской, а въ 1888 году 234 ученика—лишь въ трехъ школахъ Терской области; въ тѣхъ же трехъ шко-

лахъ преподается столярно-токарное мастерство; оно же съ 1888 г. введено и въ Майкопской школѣ, и всѣхъ учениковъ обучается ему 120; переплетному, введенному въ Майкопской и Назрановской школахъ, учатся 16 мальчиковъ. Кромя того, во всѣхъ школахъ Терской области нѣкоторые учащіеся, до 160 человекъ, упражняются въ работахъ въ саду и огородѣ, подъ руководствомъ особаго садовника, или же кого-либо изъ наставниковъ.

О поведеніи учащихся можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

	въ 1887 году.	въ 1888 году.
Подвергались аресту	26	46
выговору педагогическаго совѣта.	14	20
увольненію съ правомъ перехода	2	—
въ другія училища.	2	2
безъ онаго права	1	,

всего изъ 534 учениковъ. 43(8,1%) изъ 502—68(13,5%),

имѣли за поведеніе отиѣтки въ концѣ года	{	5 . 400 (74,9%)	368 (73,3%)
		4 114 (21,8%)	111 (22,1%)
		3 14 (3,2%)	22 (4,4%)
		2 3 (0,6%)	1 (0,2%)

Пропущенныхъ уроковъ приходится въ 1887 году по 16,1 на одного ученика, и въ 1888 году по 16,8, въ томъ числѣ 10 по болѣзни на каждыи годъ, 4,3% и 4,8% по другимъ уважительнымъ причинамъ и 1,8% и 2,0% по причинамъ неуважительнымъ. Больше всего пропусковъ было въ школахъ Грозневской и Назрановской.

Всѣхъ заболѣваній было: въ 1887 году 689, или по 129 на 100 учениковъ, а въ 1888 году—830, или по 165 на 100 учениковъ, и изъ нихъ почти $\frac{2}{3}$ случаевъ приходится на лихорадки; большее число заболѣваній приходится на Назрановскую школу, что и понятно, такъ какъ въ ней пансіонеры составляютъ всего 21% общаго числа учащихся, а изъ приходящихъ многіе живутъ въ 5—6 верстахъ отъ Назрани и подвергаются постояннымъ простудамъ въ ненастную погоду. При своемъ посѣщеніи означенной школы князь главноначальствующій обратилъ вниманіе на это обстоятельство и указавъ, что полезно было бы для такихъ мальчиковъ учредить при школѣ нѣчто въ родѣ общежитія. Смертныхъ случаевъ было въ 1887 году 3 (0,56%)—по 1 въ Сухумской, Грозневской и Нальчикской школахъ, а въ 1888 году—4 (0,80%), 2 въ Сухумской школѣ и по 1 въ Наль-

чикской и Назрановской школахъ. Заболѣваній въ пансіонахъ въ 1887 году было всего 205, то-есть, по 1 на каждого пансіонера, и 2 смертныхъ случая (въ Сухумской и Грозненской школахъ); въ 1888 году заболѣваній было 225, или по 114 на 100; смертный случай былъ одинъ (въ Нальчикской школѣ).

Въ 1887 году въ Кавказскомъ округѣ существовало пять ремесленныхъ училищъ: Ставропольское, Владикавказское, Елисаветпольское, Тифлисское и Закавказское. Въ 1888 году прибавилось шестое — Бакинское императора Александра II, официально открытое 8-го ноября этого года.

По времени возникновенія старѣйшее изъ ремесленныхъ училищъ — Владикавказское графа Лорисъ-Меликова, открытое 1-го августа 1868 года и подвергавшееся въ теченіе 20-ти лѣтъ разнымъ преобразованіямъ и перемѣнамъ въ своей организаціи. Въ настоящее время, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 20-го мая 1886 года положенія и штата, оно состоитъ изъ 3 общеобразовательныхъ классовъ съ одолѣтнимъ и дополнительнаго ремесленнаго съ двухлѣтнимъ курсомъ. Общеобразовательные предметы, по уставу училища, предполагается проходить примѣнительно къ программамъ городскихъ училищъ по положенію 1872 года, но въ дѣйствительности курсъ ниже курса городского училища, такъ какъ на прохожденіе однихъ и тѣхъ же предметовъ назначено значительно меньше уроковъ, а нѣкоторые предметы, какъ всеобщая географія и исторія, зоологія ботаника и минералогія, не проходятся вовсе. Въ теченіе 5 лѣтъ ученики имѣютъ 74 недѣльныхъ урока въ классахъ и 128 часовъ занятій въ мастерскихъ. Ремесленный курсъ составляютъ ремесла столярно-токарное и кузнечно-слесарное и нѣкоторые прикладные предметы, какъ-то: черченіе, счетоводство, бесѣды по естественнѣдѣнію и технологіи и т. п. Окончившіе курсъ воспитанники пользуются льготою III-го разряда по воинской повинности и могутъ, по прошествіи одного года, если представить удостовѣреніе о своихъ работахъ гдѣ-либо въ мастерской, на заводѣ или на желѣзной дорогѣ, получить званіе мастера. Ставропольское Михайловское ремесленное училище открыто 8-го ноября 1872 года, имѣетъ 3 общеобразовательныхъ класса и по правамъ служащихъ и окончивающихъ въ немъ курсъ учениковъ также приравнено къ городскимъ училищамъ. Кромѣ столярнаго и слесарнаго мастерства, въ училищѣ сдѣланъ опытъ введенія плетенія корзины изъ новыхъ прутьевъ, для чего на принадлежащей городу дачѣ посажено было въ 1887 году до 13

тысячъ черенковъ имъ 26 разныхъ сортовъ, и этотъ первый опытъ далъ превосходные результаты: побѣги имъ нѣкоторыхъ сортовъ въ первый же годъ достигли 4 и 5 аршинъ въ длину, и въ 1888 году ученики изготовили до 200 корннѣвъ, но особенныхъ успѣховъ пока отъ этихъ занятій ожидать нельзя, за неимѣніемъ въ училищѣ опытнаго мастера. Тифлисское городское ремесленное Михайловское училище открыто 28-го сентября 1880 года и состоитъ изъ 4 классовъ. Особенность организаціи общеобразовательнаго курса въ немъ заключается въ томъ, что каждый изъ четырехъ классовъ дѣлится по національностямъ учащихся на три отдѣленія: русское, грузинское и армянское, и въ каждомъ отдѣленіи преподаваніе ведется на родномъ языкѣ учащихся по всемъ предметамъ, кромѣ русскаго языка, исторіи и географіи Россіи и технологіи въ старшемъ классѣ, которые преподаются на русскомъ языкѣ. Въ теченіе 4 лѣтъ ученики имѣютъ 73 часа классныхъ и 126 часовъ ремесленныхъ занятій. Изъ ремеслъ введены: столярное, токарное по дереву, слесарное, токарное по металлу, кузнечное и литейное, причѣмъ токарное и кузнечное преподаются только какъ вспомогательныя для столяровъ и слесарей, а литейное составляетъ особую спеціальность. Оканчивающимъ курсъ съ хорошими успѣхами выдаются аттестаты на званіе подмастерья, а лучшимъ ученикамъ, пробившимъ въ послѣднемъ классѣ не менѣе двухъ лѣтъ—свидѣтельства на званіе мастера. Елисаветпольское Михайловское профессиональное училище, открытое 8-го ноября 1884 года состояло въ 1887 году изъ 3 профессиональныхъ классовъ и пригготовительнаго, имѣющаго 4 послѣдовательныя отдѣленія; въ 1888 же году послѣдовало въ немъ открытіе еще 4-го профессиональнаго класса. Занятія въ пригготовительномъ классѣ организованы по учебному плану сельскихъ одноклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Ученики профессиональныхъ классовъ занимаются въ классахъ въ зимнее полугодіе по 3 часа, въ лѣтнее—по 2 часа въ день; на практическія занятія назначается зимою по 30, лѣтомъ — по 48 часовъ въ недѣлю, а для учениковъ пригготовительнаго класса зимою—18 часовъ, лѣтомъ—отъ 36 до 42, смотря по возрасту. Практическія занятія происходятъ въ мастерскихъ: токарно-слесарной, кузнечно-слесарной, бондарной и колесной, открытой въ 1888 году. Сверхъ того, при училищѣ имѣется шелководня, а для занятій по садоводству и огородничеству училище пользуется казеннымъ Воронцовскимъ садомъ и небольшимъ участкомъ городской земли, прилегающимъ къ училищу. Елисаветпольское ре-

меленное училище пока нельзя еще считать вполне сформированным: оно до сихъ поръ не имѣетъ устава, матеріальные ресурсы его въ точности не опредѣлились, нѣтъ ни опредѣленнаго учебнаго плана, ни программъ, ни инструкціи для дѣятельности служащихъ. Закавказское ремесленное училище, открытое 15-го мая 1882 года, съ основанія своего и до настоящаго времени руководствуется уставомъ, введеннымъ въ дѣйствіе, съ разрѣшенія г. попечителя, въ видѣ опыта на три года. Общеобразовательный курсъ училища предположено было приравнять къ курсу двухклассныхъ нормальныхъ училищъ Закавказскаго края, но на самомъ дѣлѣ до сихъ поръ существуетъ только одинъ классъ съ 3 отдѣленіями, къ которымъ прибавилось еще 4, открытое въ 1888 году, и двѣ мастерскія — столярная и слесарная. Объ организаціи въ немъ классовъ и ремесленныхъ занятій свѣдѣній не имѣется. Наконецъ, Бакинское ремесленное Императора Александра II училище, основанное только въ 1888 году, будетъ имѣть 4 класса и мастерскія плотнично-столярную, слесарную и кузнечную. Въ 1888 году открытъ только I классъ съ плотнично-столярною мастерскою.

Въ ремесленныхъ училищахъ, за все время ихъ существованія, окончилъ курсъ 277 учениковъ: во Владикавказскомъ — 115 (изъ нихъ въ отчетные года 10 и 2), въ Тифлисскомъ — 80 (13 и 29), въ Ставропольскомъ — 61 (4 и 1) и въ Закавказскомъ — 21 (1 и 7). Елисаветпольское и Бакинское училища еще не имѣли выпусковъ. О дальнѣйшей судьбѣ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ, имѣются свѣдѣнія только изъ Владикавказскаго и Тифлискаго училищъ. Изъ 115 воспитанниковъ перваго училища 21 имѣютъ собственныя мастерскія, 14 служатъ на желѣзныхъ дорогахъ, 21 — въ полковыхъ и частныхъ мастерскихъ, 17 занимаютъ должности учителей грамотности и ремесла, а 10 продолжаютъ образованіе въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ 80 окончившихъ курсъ въ Тифлисскомъ училищѣ 32 служатъ на Закавказской желѣзной дорогѣ, 5 — въ учительскихъ должностяхъ, и до 20 въ частныхъ мастерскихъ.

Библиотеками и пособиями для класснаго преподаванія ремесленныхъ училища вообще не богаты, а Закавказское училище даже вовсе не имѣетъ ни библиотеки, ни физическаго кабинета, Бакинское же только-что начинаетъ ими обаводиться. Кромѣ того, изъ училищъ имѣющихъ библиотеки, въ Ставропольскомъ училищѣ существуетъ лишь фундаментальная. Къ 1-му января 1889 года въ четырехъ фундаментальныхъ библиотекахъ находилось книгъ 819, въ 1.571 томѣ,

стоимостью 2.086 р.; въ трехъ учебныхъ число названій было 354, въ 1.489 томахъ, на сумму 898 р., и того 1.173 названія въ 3.060 томахъ, стоимостью 2.929 р. Вновь приобретенъ въ 1888 году было сдѣлано библиотеками фундаментальными на 260 р., а учебными—на 134 р., всего на 394 р. Физическіе кабинеты и то незначительные, имѣютъ только два училища: Сухумское и Тифлисское; въ нихъ числится 170 приборовъ, стоимостью 911 р., и вновь сдѣлано приобретенъ однимъ Тифлискимъ училищемъ въ 1888 г. на 19 р. Наибольшую же цѣнность представляютъ учебныя пособия, къ которымъ причисляется и инвентарь мастерскихъ. Лучше всѣхъ въ этомъ отношеніи обставлено Тифлиское училище, мастерскія котораго снабжены всѣми необходимыми приборами въ такомъ изобиліи, что училище даже выдаетъ нѣкоторые изъ нихъ на время своимъ ученикамъ, желающимъ по окончаніи курса открыть собственныя мастерскія. Само же училище имѣетъ 4 отдѣльныхъ мастерскихъ: столярную, слесарную, въ которыхъ болѣе 400 приборовъ въ каждой, литейную, гдѣ не считая до 300 богатыхъ приборовъ,—универсальная столярная машина, 6 токарныхъ, строгательный и сверлильный станки, 2 точила и вентиляторъ приводятся въ движеніе локомотивомъ въ 5 силъ, стоимостью одинъ въ 1.200 р., и кузницу, устроенную на 7 горновъ, оталиваемымъ каменнымъ углемъ и нефтью и снабженную до 260 приборами. Общая стоимость всѣхъ пособій составляетъ во всѣхъ 6 училищахъ 46.341 р., изъ которыхъ почти $\frac{2}{3}$ приходится на Тифлиское училище—28.697 р.; во Владикавказскомъ училищѣ стоимость приборовъ и инструментовъ въ мастерскихъ, считая и паровую машину въ 6 силъ, дѣною въ 1.927 р., пожертвованную училищу ея почетнымъ членомъ А. П. Саркисовымъ, не превышаетъ 7.000 р., а въ остальныхъ училищахъ не достигаетъ и 5.000 р. Пополненій приборами въ мастерскихъ училищъ было сдѣлано въ 1888 году на 2.077 р., и болѣе всего во Владикавказскомъ—на 811 руб.

На содержаніе свое, въ общей сложности, ремесленныя училища располагали въ 1887 году суммою въ 104.911 р., изъ которой 6.349 р. составляютъ остатки отъ прежнихъ лѣтъ, а 98.562 р. поступили въ теченіе года. Въ слѣдующій годъ на содержаніе 6 училищъ поступило 104.316 р., а именно:

	въ 1887 году	въ 1888 году
изъ государственнаго казначейства съ		
добавочнымъ жалованьемъ.	5.078 р.	13.493 р.
„ сборовъ земскихъ.	36.263 „	8.044 „

изъ сборовъ городскихъ .	85.625 ,	66.629 ,
отъ казачьихъ войскъ	2.200 ,	2.160
сбора за право ученія	811 ,	919
за содержаніе частныхъ пансіонеровъ	2.545 ,	2.050 ,
другіе источники .	17.050 ,	11.021 ,

расходы по училищамъ были:

на содержаніе личнаго состава .	38.714 р.	42.959 р.
„ „ пансіонеровъ	11.381 „	15.485
„ „ параллелей .	400 „	1.155 „
„ наемъ помѣщеній .	—	1.458 „
„ ремонтъ помѣщеній .	2.180 „	7.810 „
„ расходы хозяйственныя .	19.120 „	19.560 „
„ пособия учебныя	3.180 „	1.955 „
„ пособия служащимъ и учащимся	1.038 „	1.751 „
отчисленіе въ Округъ	264 „	—
другіе расходы .	19.368 „	12.662 „
	<hr/>	<hr/>
итого	95.645 р.	104.795 р.

Въ числѣ расходовъ за 1887 годъ были экстренныя, которые собственно не могутъ быть отнесены къ расходамъ по содержанію заведеній въ этомъ году. Такъ, Владикавказское училище внесло 600 р. на окончательное пополненіе своего долга въ 2.319 р. Терскому областному правленію, а Елисаветпольское употребило 7.438 р. на достройку зданія, 5.144 р. на обзаведеніе училища и пансіона и 1.934 р. на уплату долга по содержанію училища въ 1886 году. Изъ общаго расхода 1887 года на 5 училищъ 82.442 р., или 86,2% употреблены на содержаніе самыхъ училищъ, а остальные 13.203 р., или 13,8%, на содержаніе (3) пансіоновъ при нихъ. Средняя стоимость обученія одного ученика составляла 199 р., содержаніе одного пансіонера—88 р. Изъ общаго расхода 1888 года на содержаніе 6 училищъ израсходовано 87.157 р., и на 3 пансіона — 17.638 р. Средняя стоимость обученія въ этомъ году составляла 186 р., воспитанія въ пансіонѣ—106 р.

Спеціальныхъ средствъ въ отчетные годы поступило:

	въ 1887 году	въ 1888 году
сбора за право ученія .	811 р.	919 р.
за частныхъ пансіонеровъ .	2.545 „	2.050 „
пожертвованій и случайныхъ поступленій .	493 „	1.708 „

процентовъ съ капиталовъ	2.515 .	2.502 .
заработной платы съ доходомъ отъ садовъ и фермъ	8.754 .	5.704 .
	<hr/>	
итого	15.118 р.	12.883 р.

Изъ первой суммы израсходовано было въ 1887 году 13.189 р. и осталось—1.929 р., которые, вмѣстѣ съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ, составляли сумму въ 4.888 р.; въ 1888 году потребовалось израсходовать 13.758 р., такъ что остатокъ специальныхъ средствъ уменьшился до 4.013 р. Въ эту цифру не входятъ принадлежаще двумъ училищамъ—Владикавказскому и Тифлисскому—неприкосновенные капиталы; первому таковой капиталъ былъ пожертвованъ графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ въ размѣръ 20.000 р., и Тифлисскому училищу пожертвованы: на учрежденіе стипендіи имени княгини Е. А. Гагаринной 3.000 и коммерціи совѣтника С. З. Абессаломова 5.000 р., затѣмъ капиталъ въ 1.200 р. дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ М. Е. Алехановымъ и 4 билета 2-го внутренняго займа, завѣщанные ему докторомъ Маркузовымъ.

За исключеніемъ вновь открытаго Бакинскаго училища, помѣщающагося въ нанймаемомъ за 2.500 р. частномъ домѣ, всѣ ремесленныя училища имѣютъ собственные дома, которые въ общей сложности оцѣниваются въ 177 тысячъ руб. Изъ этихъ помѣщеній наименѣе удовлетворительное то, которое имѣетъ Ставропольское училище: оно на столько ветхо и тѣсно, что никакой ремонтъ не мыслимъ, и для улучшенія его въ 1888 году ничего не сдѣлано; между тѣмъ оба эти недостатка являются главнымъ препятствіемъ къ исполненію большихъ и выгодныхъ заказовъ, которые могли бы значительно улучшить матеріальныя средства учебнаго заведенія. Помѣщеніе Владикавказскаго училища довольно удобно и просторно, за исключеніемъ флигеля для слесарной мастерской и кузницы, на замѣну котораго новымъ зданіемъ была получена въ 1887 году отъ казны субсидія въ 3.000 р. и въ 1888 году уже введено новый двухэтажный флигель, обоедшійся болѣе 6.000 р. Кроме того, училищу принадлежатъ: пожертвованная въ 1887 году дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Д. С. Кодзоковымъ ферма, расположенная около самаго города, въ 22 десятины земли, съ небольшимъ каменнымъ домомъ и старымъ садомъ, въ которомъ до 1.600 фруктовыхъ деревьевъ, сдаваемая въ аренду за 400 р. въ годъ; другой участокъ земли въ 8 десятинъ также находится подъ городомъ, съ домомъ и

почти весь засажень плодовыми деревьями (до 1.200) и обрабатывается самими воспитанниками. Помѣщенія Тифлисскаго и Елисаветпольскаго училищъ находятся въ удовлетворительномъ состояніи: первое помѣщается въ очень удобныхъ и просторныхъ зданіяхъ, выстроенныхъ на городскія средства, а второе на улучшение своего помѣщенія затратило въ 1888 году 3.000 р. О помѣщеніи Закатальскаго училища свѣдѣній не имѣется, на устройство же фермы и образцовой черводонки, которая имѣется при училищѣ, съ разрѣшенія князя главноначальствующаго, отпущено было до 4.000 р. изъ суммъ Закатальскаго округа. Объемъ воздуха былъ на одного ученика: въ классахъ—24,7, въ мастерскихъ 57,1. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, при посѣщеніи Владикавказскаго училища въ 1887 году, остался настолько доволенъ его состояніемъ, что сдѣлалъ записку о томъ въ книгѣ для ревизующихъ и посѣтителей. Въ 1888 году князь посѣтилъ училище Елисаветпольское, а Владикавказское—г. министръ Государственныхъ Имуществъ, въ сопровожденіи члена совѣта министерства И. П. Архипова, уполномоченнаго отъ министерства на Кавказѣ И. И. Тихѣева и начальника Терской области. Въ теченіе же обоихъ годовъ всѣ ремесленныя училища неоднократно были осматриваемы директорами и инспекторами народныхъ училищъ, а ученическія квартиры и дѣти, живущіе при родителяхъ, посѣщаемы были служащими въ училищахъ въ 1887 году—62 раза и въ 1888—48 раза.

Личный учебный составъ ремесленныхъ училищъ состоялъ въ 1887 году изъ 77 лицъ, а въ 1888 году—изъ 84. Училищами завѣдывали: Тифлискимъ—директоръ, Елисаветпольскимъ и Вакинскимъ—инспектора, Ставропольскимъ и Владикавказскимъ—смотрителя и Закатальскимъ—учитель-надзиратель. Кромѣ 5 за 1887 годъ и 6 за 1888 завѣдывающихъ училищами, остальной персоналъ составляли за оба года: законоучителя—7 и 9, почетные попечители—3, учителя 21 и 26 и на прочихъ должностяхъ состояло 41 и 40 лицъ. Изъ числа 77 лицъ вновь было назначено 8 лицъ, въ томъ числѣ учителей наукъ 3, и изъ 84—16 лицъ, изъ нихъ учителей 1 и членовъ попечительнаго совѣта 1. Вакантныхъ должностей за оба года по всѣмъ училищамъ не было вовсе.

Въ училищахъ (кромѣ Закатальскаго за оба года) преподавателями было пропущено уроковъ: въ 1887 году 455 изъ 11.695, или 3,89%, въ томъ числѣ по болѣзни 201, или 44%, всего числа пропусковъ, и въ 1888 году—365 уроковъ изъ 11.435, или 3,19%, и часть сохх, отд. 4.

въ томъ числѣ по болѣвни 171, или 47%. Пропущенные уроки большею частью заищались заведывающими училищами или другими служащими, или же ученики отправлялись для занятій въ мастерскія. Домой же отпущены были учащіеся только въ 67 и въ 69 случаяхъ.

Педагогическіе совѣты и комитеты при училищахъ (кроме Закавказскаго) имѣли въ 1887 году 136 и въ 1888 году—120 засѣданій. Кроме текущихъ дѣлъ по хозяйственной, учебной и воспитательной части, въ этихъ засѣданіяхъ обсуждаемы были, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: въ Тифлисскомъ училищѣ — о введеніи форменной одежды для учащихся и о повѣрочныхъ испытаніяхъ вновь поступающихъ; а во Владикавказскомъ — о замѣнѣ переводныхъ испытаній ренетіями и о расширеніи курса по кузнечному и токарному мастерствамъ.

Всѣхъ учащихся въ 5 ремесленныхъ училищахъ къ 1-му января 1888 года было 415 учениковъ, а къ 1-му января 1889 годѣ въ 6 училищахъ — 469, то-есть, число учащихся увеличилось на 54, или 13,0%, и, если не считать 39 учениковъ вновь открытаго Бакинскаго училища, то все-таки увеличеніе произошло на 15, или 3,6%. По числу учащихся училища располагались въ слѣдующемъ порядкѣ за оба года: 1) Тифлисское, имѣвшее учениковъ 193 и 205, 2) Елисаветпольское — по 90 учениковъ въ каждый годъ, 3) Владикавказское — 79 и 74, 4) Бакинское — 39, 5) Ставропольское — по 32 въ каждый годъ и 6) Закавказское — 23 и 29 учениковъ. Въ мастерскихъ Ставропольскаго училища, кроме учениковъ, обучаются еще постороннія лица, такъ-называемые практиканты, коихъ было въ 1887 году 23, а въ 1888—16 лицъ. Пансіоны имѣются при 3 училищахъ: Владикавказскомъ, Елисаветпольскомъ и Закавказскомъ. Во всѣхъ училищахъ пансіонеры составляютъ значительное большинство учащихся. Всего пансіонеровъ было въ концѣ 1887 года 150, а въ 1888 году число ихъ увеличилось на 17, или 11,1%, и того было 167.

Распределеніе учащихся было слѣдующее:

а) по сословіямъ:	въ 1887 году:		въ 1888 году:	
	изъ нихъ пансіонеровъ:		изъ нихъ пансіонеровъ:	
дворянъ.	54	18	64	19
духовнаго званія.	17	5	19	6
городскихъ сословій.	133	13	154	19
сельскихъ	168	95	174	106

нижнихъ чиновъ .	52	19	58	17
иностранцевъ .	1	—	—	—

б) по исповѣданіямъ:

православныхъ	217	67	253	72
армяно-григоріанъ	137	38	158	49
католиковъ	4	—	8	—
лютеранъ	6	1	7	1
раскольниковъ	9	5	12	6
мусульманъ	41	39	40	39
евреевъ .	1	—	1	—

в) по національностямъ:

русскихъ	150	64	189	69
грузинъ .	73	6	74	6
армянъ .	138	39	154	50
татаръ	19	17	18	17
горцевъ .	25	24	25	25
евреевъ .	1	—	1	—
европейцевъ	9	—	8	—

г) по классамъ:

въ подготовительномъ (Елисаветпольскаго училища).	78	56	66	62
въ I-хъ.	162	40	221	41
во II-хъ	78	26	76	20
въ III-хъ	54	15	59	23
въ IV-хъ	43	13	47	21

Относительно распредѣленія учениковъ по спеціальностямъ имѣются свѣдѣнія только о Ставропольскомъ и Тифлисскомъ училищахъ и за 1888 годъ: въ первомъ изъ училищъ слесарей—25 и столяровъ—7, во второмъ столяровъ—70, слесарей—106 и литейщиковъ—29. Преобладаніе слесарей надъ прочими группами объясняется тѣмъ, что слесаря вообще скорѣе и лучше пристраиваются на мѣста, особенно на желѣзныхъ дорогахъ.

Прошеній о приѣмѣ въ ремесленные училища поступило въ теченіе 1887 года 239, отказано въ приѣмѣ 101 (42%) и въ томъ числѣ 23 по недостатку мѣста, а именно: 3 — въ Ставро-

польскомъ, 7 — во Владикавказскомъ и 13 — въ Закатальскомъ училищахъ, остальные 138 (58%) приняты и поступили въ классы: въ приготовительный—24, въ I—110 (80%), во II—3 и въ IV—1; въ теченіе 1888 года—317; изъ нихъ не приняты были: 18 по недостатку мѣстъ и всѣ, кромѣ одного, въ Закатальскомъ училищѣ, 64 по невѣдѣнію экзамена и 23 по другимъ причинамъ, а всего 105, или 33%. Изъ 212 (67%) принятыхъ, 25 поступили въ приготовительный классъ, 1 — во II классъ и остальные 186 — въ I классы.

Привытые поступили:

	въ 1887 году:	въ 1888 году:
по свидѣтельству .	2	1
изъ казенныхъ учебныхъ заведеній .	40	51
„ общественныхъ „	48	82
„ частныхъ „	—	26
по домашней подготовкѣ.	48	52

Выбыло изъ училищъ въ 1887 году 165 учениковъ, или 39,8% общего числа учащихся, въ томъ числѣ 28 по случаю окончанія курса и 137 до окончанія курса. Въ теченіе 1888 года выбывшихъ было 158 учениковъ, въ томъ числѣ 39 по случаю окончанія курса. Между выбывшими въ оба года было уволенныхъ за неуспѣшность—30 и 39, за поведеніе—4 и 7, по прошенію—87 и 61, по болѣзни—15 и 9 и за смертью—1 и 3. Изъ выбывшихъ, на сколько извѣстно, поступили: въ другія учебныя заведенія по 16 за каждый годъ, въ военную службу — по 3, въ гражданскую — 1, на частную дѣятельность—76 и 102, а объ остальныхъ 69 и 39 ничего не извѣстно.

Успѣшность занятій за 1886 — 1887 учебный годъ выражается числомъ 59,9% переведенныхъ въ высшіе классы и удостоенныхъ свидѣтельствъ объ окончаніи курса; число успѣвавшихъ въ 1887 — 1888 учебномъ году составляло 73,0% общего числа учащихся.

Успѣвающіе могутъ быть распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

	въ 1887 году:	въ 1888 году:
а) по училищамъ:		
во Владикавказскомъ	80%	въ Закатальскомъ . 79%
въ Елисаветпольскомъ	71%	въ Елисаветпольскомъ 77%
въ Ставропольскомъ .	71%	во Владикавказскомъ 73%
въ Тифлисскомъ	53%	въ Тифлисскомъ 73%
въ Закатальскомъ.	4%	въ Ставропольскомъ . 54%

(Въ Закатальскомъ училищѣ, очевидно, не приняты въ первый

годъ во вниманіе ученики, перешедшіе изъ одного отдѣленія класса въ другое, такъ какъ слѣдующій годъ показалъ, что это училище по числу успѣвающихъ стало во главѣ всѣхъ другихъ).

б) по классамъ:

въ IV	92%	въ IV	100%
въ III .	80%	въ приготовительномъ .	78%
въ приготовительномъ	72%	во II	75%
во II	67%	въ III	74%
въ I	39%	въ I .	62%

в) по національностямъ:

армяне	69%	грузины	80%
русскіе	67%	армяне.	77%
грузины	35%	русскіе	66%
остальныя національности .	55%	остальныя національности	74%

г) по сословіямъ:

сельскія сословія .	66%	городскихъ сословія .	78%
дѣти нижн. чиновъ и казаки	65%	дѣти нижн. чиновъ, казаки	77%
городскія сословія	55%	сельскихъ сословія	73%
дворянскаго сословія.	54%	дворянскаго сословія.	68%
духовнаго званія	45%	духовнаго званія	56%

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что при удостоеніи аттестатами и при переводѣ изъ класса въ классъ принимаются во вниманіе не только успѣшность въ общеобразовательныхъ предметахъ, но и успѣхи въ практическихъ, ремесленныхъ занятіяхъ, и даже, по уставамъ всѣхъ ремесленныхъ училищъ, эта сторона ученической дѣятельности имѣетъ преобладающее значеніе. А такъ какъ цифры переведенныхъ и окончившихъ курсъ не даютъ достаточнаго понятія о результатахъ, достигаемыхъ обученіемъ мастерствамъ, то не лишне будетъ привести еще слѣдующія (хотя далеко неполныя) свѣдѣнія собственно объ успѣшности ремесленныхъ занятій въ школахъ за оба года: Ставропольское училище, не смотря на ограниченное число учащихся (32) въ немъ, исполнило въ теченіе 1887 года заказовъ на сумму 5.894 рубля, а въ слѣдующій годъ—на 3.000 рублей слишкомъ, такъ что за покрытіемъ всѣхъ расходовъ на матеріалы, топливо, жалованье мастерамъ, чистаго заработка осталось 1.052 рубля. Во Владикавказскомъ училищѣ ученики достигли въ столярномъ и слесарномъ мастерствахъ такихъ успѣховъ, что могли изготовить нѣсколько ве-

щица для поднесенія Ихъ Императорскимъ Величествамъ. Экзаменаціонныя работы окончивавшихъ курсъ дополнительнаго класса въ 1887 году состояли изъ крупныхъ предметовъ (2 письменныхъ стола, 2 складныхъ люпитра, привертные тиски, трехколесный велосипедъ, складная желѣзная кровать, рѣшетка для гѣстницы, вѣсомъ въ 10 пудовъ, американскій дверной замокъ). Время отъ времени въ училищѣ устраиваются выставки и распродажа ученическихъ издѣлій, которыя охотно покупаются публикой; на двухъ выставкахъ, устроенныхъ въ февралѣ и ноябрѣ 1887 года, выставлено было до 360 предметовъ, оцѣненныхъ до 1000 р., и изъ которыхъ около половины вещей было продано въ первый же день открытія выставокъ, и, сверхъ того, получены были новые заказы. За слесарныя издѣлія своихъ учениковъ, бывшія на Харьковской сельско-хозяйственной выставкѣ 1887 года, училище удостоилось малой серебряной медали. Въ слесарно-кузнечной мастерской Тифлискаго училища за 1887 годъ исполнено 24 заказа, между которыми заслуживаютъ вниманія: 4 токарныхъ станка, изъ нихъ одинъ чугуный для Закатальскаго ремесленнаго училища, и 77 пудовъ желѣзныхъ воротъ и рѣшетокъ; а въ столярномъ отдѣленіи приготовлено по заказу болѣе 400 предметовъ, болышею частью домашней и класной обстановки. За 1888 годъ учениками Тифлискаго училища исполнено разныхъ работъ по городскому водопроводу на 1.520 р. и изготовлено предметовъ по заказу: въ слесарной мастерской — на 729 р., въ кузнечной — на 217 р. и въ столярной — на 987 р. Въ Елисаветпольскомъ училищѣ, гдѣ еще не было выпуска, о результатахъ занятій въ столярной и слесарной не могло быть еще точныхъ данныхъ за 1887 годъ; что же касается работъ по бондарному ремеслу, введенному въ училищѣ лишь съ этого года, то ученики за короткій срокъ сдѣлали въ немъ такіе успѣхи, что самостоятельно было приготовлено ими 32 штуки равной утвари (бочекъ, кадокъ, ушатовъ и проч.). Въ 1888 году уже во всѣхъ мастерскихъ этого училища были произведены работы, которыя дали слѣдующіе результаты: въ слесарно-кузнечной изготовлено 267 предметовъ, стоимостью 918 р., въ столярной 165, на сумму 415 р., въ бондарной — 88 вещей, стоимостью 181 р. (не считая работъ той же мастерской, сдѣланныхъ по ремонту зданія и по починкѣ училищной мебели), и даже въ колесной, открытой только съ начала года, приготовлены всѣ части для 12 колесъ различной величины. Закатальское училище въ 1888 году выручило отъ продажи ученическихъ издѣлій 472 р.

Кромѣ занятій въ классахъ и мастерскихъ изъ необязательныхъ предметовъ—во Владикавказскомъ и Елисаветпольскомъ училищахъ ученики приучаются къ садоводству и огородничеству. Въ черноводнѣ, существующей при Елисаветпольскомъ училищѣ, произведена была выкормка червей, которая шла вполне удачно и дала въ результатѣ за 1887 годъ изъ 8 золотниковъ грены 3 пуда сырыхъ коконовъ и въ 1888 году—изъ 6 золотниковъ 110 фунтовъ коконовъ. О результатахъ же занятій по шелководству на образцовой фермѣ Закатальскаго училища свѣдѣній не доставлено. Класснымъ пѣніемъ въ 1887 году занимались въ двухъ училищахъ, гдѣ организованы церковные хоры, пѣвшіе въ приходскихъ церквахъ: въ Елисаветпольскомъ гдѣ обучалось 32 ученика, и во Владикавказскомъ—31 ученикъ; въ 1888 году такой хоръ существовалъ лишь въ послѣднемъ училищѣ, гдѣ имѣлся еще ученической оркестръ, состоявшій изъ 22 человекъ, а потомъ изъ 11, обучаемый безвозмездно учителемъ рисованія г. Дивникомъ.

Поведеніе учащихъся видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	за 1887 годъ.	за 1888 годъ.
получившихъ отгѣтку 5	334 (80,5%)	408 (87,0%)
4	81 (19,5%)	61 (13,0%)
Болѣе серьезнымъ взысканіямъ за проступки подвергалось:		
аресту свыше двухъ часовъ	22	44
выговору совѣта	17	80
исключенію съ правомъ поступленія.	4	7
	<hr/>	<hr/>
всего.	43 (10,4%)	81 (17,3%)

Пропущенныхъ учениками уроковъ было въ 1887 году 10,660, что приходится на каждого по 25,7%, а въ 1888 году—12.347, или по 26,3%, въ томъ числѣ за оба года: по болѣзни—9,0% и 12,0%, по другимъ уважительнымъ причинамъ—12,3% и 10,9% и по причинамъ неуважительнымъ—4,4% и 3,4%.

Случаевъ заболѣваній въ 1887 году было 449, или по 108 на 100, и между пансіонерами—216, или по 144 на 100 учениковъ, и въ 1888 году—415 заболѣваній, или по 88 на 100 и у пансіонеровъ—256, или по 153 на 100 учениковъ. Смертныхъ случаевъ за оба года было 4, всѣ въ Елисаветпольскомъ училищѣ. Въ 1887 году въ двухъ училищахъ былъ сдѣланъ медицинскій осмотръ учениковъ: при этомъ въ Тифлисскомъ у 16 учениковъ вовсе не оказалось привитою оспа,

4 воспитаника оказались съ порокомъ сердца, почему имъ поданъ совѣтъ избрать другаго рода занятія, и наконецъ, замѣчены ученики съ слабымъ зрѣніемъ, кои и переведены изъ слесарной и литейной мастерскихъ въ столярную; во Владикавказскомъ училищѣ врачъ Роголевичъ, производя тщательный общій медицинскій осмотръ учащихся, нашелъ, что изъ 77 учениковъ обладаютъ тѣлосложеніемъ крѣпкимъ—59, посредственнымъ—15 и слабымъ—3; въ гораздо менѣе благоприятныхъ условіяхъ, къ сожалѣнію, находится зрѣніе учащихся: по исследованію г. Роголевича и двухъ другихъ врачей, число имѣющихъ болѣзненное или порочное зрѣніе достигаетъ 77%, причемъ замѣчено, что порча зрѣнія произошла уже въ самомъ училищѣ; причину этого печальнаго явленія врачи отнесли отчасти къ неосторожности самихъ учениковъ, отчасти къ пыли въ мастерскихъ, особенно во время уборки, и къ дурному освѣщенію классовъ. Немедленно приняты мѣры относительно освѣщенія, а также предъставлявшій въ скоромъ времени переходъ изъ старыхъ въ новыя мастерскія, а еще болѣе то вниманіе, которое обращается на постоянное содержаніе въ чистотѣ рукъ и всего тѣла учениковъ, дали уже къ повторенному въ 1888 году медицинскому исследованію учениковъ Владикавказскаго училища утѣшительные результаты, какъ въ общемъ состояніи здоровья, такъ и въ состояніи глазъ: изъ 77 учащихся оказались съ нормальнымъ зрѣніемъ 36, а съ болѣе или менѣе порочнымъ состояніемъ глазъ—42.

Существующіе на Кавказѣ мореходные классы поступили въ вѣдѣніе учебнаго округа по Высочайшему повелѣнію 17-го апрѣля 1881 года; къ тому времени классовъ было 2: Анапскій, открытый 1-го ноября 1879 года, и Потійскій Михайловскій, основанный 8-го ноября 1880 года; третій мореходный классъ—Бакинскій Императора Александра II—возникъ 8-го ноября 1881 года.

Цѣль учрежденія мореходныхъ классовъ—привлечь жителей приморскихъ городовъ къ мореходству и дать дѣтямъ ихъ нѣкоторую теоретическую подготовку по этой части,—достигается въ названныхъ классахъ, повидному, въ слабой степени, судя по незначительному числу поступающихъ и по совершенно ничтожному числу оканчивающихъ въ нихъ курсъ. Такъ, въ Анапскомъ, за 9 лѣтъ, окончило курсъ 16 человекъ, въ Потійскомъ, за 8 лѣтъ—31, въ Бакинскомъ, за 7 лѣтъ—56, а всего 103.

Потійскій мореходный классъ состоитъ изъ двухъ классовъ, шкперскаго и штурманскаго, въ 3 отдѣленія, Анапскій и Бакинскій,

каждый, изъ 1 класса въ 3 отдѣленіяхъ, причѣмъ 3-е отдѣленіе Бакинскаго училища открыто было въ 1888 году; всего же 4 класса и 9 отдѣленій. Мореходные классы снабжены небольшими бібліотеками, состоящими болѣею частью изъ справочныхъ книгъ и научныхъ сочиненій, имѣющихъ отношеніе къ мореходству, а также навигаціонными кабинетами, заключающими необходиміе астрономическіе инструменты, морскія карты и т. п.

На содержаніе cadaго мореходнаго класса отпускается ежегодно изъ государственнаго казначейства по 1.000 рублей; отъ городскихъ обществъ въ оба отчетные года поступило: на содержаніе Бакинскаго класса—по 3.000 р., Потійскаго—по 600 р. и Анапскаго—по 100 р.; сверхъ того, кромѣ 44 р. процентовъ съ капитала, въ пользу Потійскаго класса пожертвовано было въ 1887 году 11 р., а въ 1888 году—121 р., такъ что всего на свое содержаніе мореходные классы располагали въ 1887 году суммою въ 6.755 р., а съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ—7.666 р., а въ 1888 году—6.821 р. или, съ прежними остатками—7,618 р. Израсходовано было въ первый годъ 6.869 р. во второй—6.448 р. изъ конхъ 55,4% и 59,1%, на содержаніе личнаго состава, 38,4% и 32,3%.—на наемъ и ремонтъ помѣщеній и другіе хозяйственныя расходы и 6,2% и 8,6%, на прочіе расходы. Средняя стоимость обученія одного ученика составляла въ 1887 году 106 р. (въ Потійскомъ 147 р., въ Бакинскомъ—98 р. и въ Анапскомъ—92 р.) а въ 1888 году—81 р. (въ Потійскомъ 148 р., въ двухъ другихъ—по 69 р.). Небольшія спеціальныя средства, образовавшіяся, главнымъ образомъ, изъ пожертвованій частныхъ лицъ, имѣетъ только Потійскій мореходный классъ: въ началѣ 1887 года этихъ средствъ состояло 911 р., поступило въ теченіе года 55 р., израсходовано 169 р. и оставалось къ 1-му января 1888 года—797 р.; въ этомъ году вновь поступило 121 р., израсходовано—180 р. и осталось къ 1-му 1889 года 738 р. Платы за ученіе въ мореходныхъ классахъ вовсе не полагаются.

Всѣ три класса помѣщаются въ наемныхъ домахъ, довольно удобныхъ и просторныхъ. Плата за наемъ помѣщеній въ оба отчетные года была одинакова: Бакинскій классъ уплачивалъ—по 700 р., Потійскій—по 450 р. и Анапскій—по 200 р., а всего по 1.350 р. въ годъ. Среднее количество воздуха въ классахъ на одного ученика составляло въ оба года 37,0 и 30,1 куб. арш. На ученическихъ квартирахъ проживало въ 1887 году изъ 65 учениковъ 32, остальные 33 у родителей, а въ 1888 году изъ 80 учениковъ—53 жили на частныхъ квартирахъ и 27 при родителяхъ.

Всѣхъ служащихъ въ трехъ мореходныхъ классахъ состояло въ оба года по 6 лицъ, въ томъ числѣ: 3 завѣдывающихъ классами и 3 учителя. Пропущенныхъ учителями уроковъ почти не было.

При мореходныхъ классахъ образуются въ концѣ учебнаго года испытательныя комиссіи, назначаемыя губернаторомъ. Комиссія при Бакинскомъ классѣ въ 1888 году экзаменовала 48 и изъ нихъ удостоила званія штурмана каботажнаго плаванія—26 человекъ, (изъ нихъ 14 учениковъ и 12 постороннихъ лицъ), званія штурмана дальняго плаванія—3 (въ томъ числѣ 2 бывшихъ ученика Бакинскаго мореходнаго класса) и званія шкипера каботажнаго плаванія—8, всего 37; 11 же экзаменовавшимся отказали за неудовлетворительность познаній.

Число учащихся въ началѣ 18⁸⁸/87 учебнаго года было 72 и уменьшилось къ концу года до 65, въ учебный же 18⁸⁹/88 годъ оно достигло 80 человекъ; такимъ образомъ за оба года было въ классахъ учащихся: въ Бакинскомъ—41 и 52, въ Анапскомъ—12 и 16 и Потійскомъ—по 12. Между учащимися большинство принадлежало по сословіямъ—горожанамъ—57% и 54%, и дворянамъ—25 и 15, по исповѣданіямъ—православному—85 и 80 и по національностямъ—русскимъ—78 и 76%.

Желавшихъ поступить въ мореходные классы было въ 1887 году 29 человекъ, изъ нихъ принято было 27, а въ 1888 году—45, изъ коихъ принято было 43. Въ виду малочисленности учащихся, въ Потійскій классъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, допускались и лица, еще вовсе не бывшія въ плаваніи на судахъ. Выбывшихъ за первый отчетный годъ было 34 ученика, изъ которыхъ 18 окончили курсъ, а 2 были уволены за неудовлетворительное поведеніе (изъ Потійскаго класса). Изъ выбывшихъ 19 поступили на суда, а о 15 не имѣется свѣдѣній. Въ 1888 году всѣхъ выбыло изъ трехъ классовъ 28 лицъ, изъ коихъ 20 по случаю окончанія курса, 3 уволены были за неуспѣшность и 3 за поведеніе, за тѣмъ остальные выбыли 1 по неизвестной причинѣ и 1 за смертью.

Изъ числа 67 учениковъ, бывшихъ въ мореходныхъ классахъ въ концѣ 1887 учебнаго года и изъ 69 учениковъ, бывшихъ въ концѣ 1888 года, окончили курсъ и переведены въ высшія отдѣленія—43, и 42. Пропущенныхъ учениками уроковъ было всего 186 въ первый отчетный годъ и 268 во второй годъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Июль 1890 года.

I.

Древній университетъ города Монпелье только-что отпраздновалъ шестисотлѣтнюю годовщину своего существованія. По этому случаю состоялся цѣлый рядъ блестящихъ торжествъ. Двѣсти профессоровъ и студентовъ, какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ, отозвались на приглашеніе стараго университетскаго города: полтораста пріѣхало изъ разныхъ городовъ Франціи и человекъ пятьдесятъ изъ-за границы; четыре нѣмецкіе университета (Верлинскій, Лейпцигскій, Гейдельбергскій, Фрейбургскій въ Врисгау) имѣли тутъ своихъ представителей; впервые послѣ войны 1870 года можно было видѣть нѣмецкіе флаги подлѣ французскихъ. Италия, Англія, Великобританія, Греція, Португалія, Швеція, Швейцарія и Россія прислали своихъ депутатовъ. Отъ нѣкоторыхъ иностранныхъ университетовъ (между прочимъ—отъ Московскаго) получены были поздравительныя адреса. Президентъ республики и министръ народнаго просвѣщенія прибыли въ Монпелье ко дню праздника. Въ ихъ присутствіи профессоръ Морисъ Круазе произнесъ весьма замѣчательную рѣчь объ исторіи праздновавшаго свой юбилей университета, въ который въ средніе вѣка стекались ученики со всѣхъ концовъ Европы; въ числѣ ихъ были между прочими Петрарка и Рабле. Затѣмъ г. Буржуа, новый министръ народнаго просвѣщенія, сказалъ также весьма замѣчательную рѣчь, въ которой официально объявилъ намѣреніе правительства внести законопроектъ объ учрежденіи университетовъ. „Многими выражалось нѣкоторое опасеніе по этому поводу“, сказалъ онъ;—„говорили, что въ старину университеты своими привилегіями создавали

для государства затрудненія, которыя легко могутъ возобновиться. Республика не страшится такого рода затрудненій. Въ нашемъ демократическомъ обществѣ не можетъ быть и рѣчи о привилегіяхъ, и никто не помышляетъ возстановлять тѣ замкнутыя корпораціи съ ихъ особымъ управленіемъ, являвшіяся городами въ городахъ и государствами въ государствахъ. Самостоятельность, которую предлагается дать университетамъ, есть самостоятельность въ сферѣ науки. Народное образованіе на всѣхъ степеняхъ своихъ должно оставаться національнымъ. Преподаватели зависятъ отъ государства, которое и будетъ по прежнему назначать ихъ, утверждать расходи университетовъ и сохранять надъ преподаваніемъ высшее наблюдение. Съ другой стороны, для образованія университетовъ необходимы извѣстные условія, необходимо существованіе рядомъ нѣсколькихъ факультетовъ, одинаково процвѣтающихъ. Это официальное заявленіе было принято съ живымъ сочувствіемъ; остается только рѣшить когда проектъ этотъ будетъ внесенъ въ парламентъ, и на какіе города падеть выборъ для устройства университетовъ. Можно впрочемъ предвидѣть, что первыми изъ городовъ, для того избранныхъ, будутъ Парижъ, Монпелье, Тулуза, Бордо, Лионъ, Канъ и Нансъ. Правительство должно дѣйствовать осторожно, такъ какъ въ странѣ, гдѣ существуетъ всеобщая подача голосовъ, не слѣдуетъ раздражать избирателей; города не предпочтенныя несомнѣнно будутъ высказывать свое недовольство и величайшее соперничество. Такъ недалеко отъ Монпелье находятся два города, имѣющіе притязанія на устройство тамъ университетовъ. Въ городѣ Э. (Aix) существуютъ словесный и юридическій факультеты, въ Марсели—физико-математическій факультетъ и медицинская школа. На сторонѣ котораго изъ этихъ городовъ окажется предпочтеніе?

Возвращаясь къ празднествамъ въ Монпелье. Профессоръ Болонскаго университета Гауденци говорилъ отъ лица иностранныхъ делегатовъ; онъ напомнилъ, что въ средніе вѣка Болонья и Монпелье обмѣнивались перѣдко и профессорами, и студентами. Затѣмъ Буассье говорилъ отъ имени Французскаго института, а Греразъ—отъ имени академіи. Изъ празднествъ, данныхъ студентами, очень любопытное зрѣлище представило историческое шествіе, изображавшее процессію студентовъ XVI вѣка. Въ числѣ ихъ, разумѣется, фигурировалъ Рабле. Затѣмъ состоялся торжественный приемъ студентовъ въ городахъ Марсели, Э и Лионѣ. Нѣкоторые изъ студентовъ побывали даже въ Женевѣ и Лозаннѣ. Всѣ, кого я видѣлъ, вынесли прекрасное впе-

чтлвнне отъ состоявшихся празднествъ. По случаю этого биллея вышелъ сборникъ документовъ для исторiи университетовъ въ Монпелье и Парижѣ. Въ немъ заключаются документы отъ 1181 до 1400 года. Введенiе къ нему написано недавно умершимъ ученымъ Жерменомъ.

Я не разъ сообщалъ вамъ о томъ, что въ послѣднiе годы у насъ большое вниманiе обращается на физическое воспитанiе юношества. Въ 1888 году образовалась такъ-называемая лига физическаго воспитанiя юношества, подъ предсѣдательствомъ Бертело; она насчитываетъ теперь въ своемъ составѣ 500 человекъ преподавателей, располагаетъ значительными средствами и издаетъ специальную газету. Лига устраиваетъ ежегодно въ Парижѣ торжественное состязанiе молодежи въ физическихъ упражненiяхъ. Состязанiе это носитъ официальное названiе *londit* (отъ латинскаго слова *indictum*, ярмарка); такъ называлась въ среднiе вѣка ярмарка, происходившая въ окрестностяхъ Парижа, на которую собиралось множество студентовъ. Конкурсъ *londit*, учрежденный съ прошлаго года, имѣетъ большой успѣхъ въ средѣ учащихся. Въ 1889 году различныя школы прислали для участiя въ немъ 439 конкурентовъ, а въ нынѣшнемъ году явилось уже 3.726 человекъ. Празднества длились восемь дней. Состязались въ игрѣ *gallie-papier* (англійская игра *gally-raree*, состоящая въ преслѣдованiи воображаемой дичи по пути, отмѣченному кусочками бумаги), въ бѣгѣ, фехтованiи, греблѣ, верховой ѣздѣ, плаванiи, прыганiи, стрѣльбѣ въ цѣль, во французскомъ кулачномъ боѣ и скороходствѣ. Президентъ республики присутствовалъ при послѣднемъ состязанiи. Конкурсъ далъ хорошия результаты и доказалъ неоспоримое развитiе физической силы у молодыхъ людей, принимавшихъ въ немъ участiе.

Я писалъ вамъ въ моемъ предпослѣднемъ письмѣ объ основанiи національной ассоціацiи для преобразованiя средняго преподаванiя. Ассоціацiя эта намѣрена вести борьбу противъ классическаго образованiя, которое она признаетъ не соответствующимъ требованiямъ современнаго общества. Она окончателно устроилась подъ предсѣдательствомъ Жоржа Верже, президента всемирныхъ выставокъ 1878 и 1889 годовъ. Общество это только-что издало въ свѣтъ свой первый бюллетень. Оно сильно нападаетъ на наши нынѣшнiя школьныя программы и жалуется, что современная школа отвращаетъ молодежь отъ занятiй промышленностью и торговлею, которыя обогащаютъ нацiю. Оно требуетъ, чтобы всѣ дѣти прежде всего получали общее

образование, въ которое входили бы правила гражданской нравственности, изученіе французскаго языка и литературы, иностранныхъ языковъ, исторіи, географіи и начальной математики.

Число студентовъ, слушающихъ нынѣ лекціи въ Парижѣ, достигаетъ до 10.000 человекъ, и изъ нихъ до 1000 иностранцевъ. Недавно въ Парижѣ основанъ попечительный комитетъ, съ цѣлью привлекать во Францію студентовъ изъ иностранцевъ и доставлять имъ, во время пребыванія ихъ тамъ, всякаго рода свѣдѣнія, какія имъ могутъ понадобиться. Комитетъ начнетъ свою дѣятельность только въ будущемъ октябрѣ мѣсяцѣ; предсѣдателемъ его назначенъ Пастеръ. Въ Лионѣ общество друзей Лионскаго университета, недавно основанное, насчитываетъ уже 500 членовъ и владѣетъ капиталомъ въ 22.000 франковъ. Любопытно отмѣтить, что даже въ Германіи начинаютъ одѣлывать старанія Франціи развить всѣ степени народнаго образованія; объ этомъ можетъ свидѣтельствовать недавно изданное сочиненіе д-ра Карла Лауберта „Pädagogische Skizzen aus Frankreich“, въ которомъ авторъ заявляетъ, что изъ всѣхъ государствъ Европы съ 1878 года Франціи принадлежитъ наибольшій успѣхъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

II.

Я уже много разъ писалъ вамъ о замѣчательномъ изданіи, входящемъ подъ покровительствомъ министерства иностранныхъ дѣлъ и носящемъ названіе „Собраніе инструкцій, данныхъ посланцъ и посланникамъ Франціи со времени Вестфальскаго договора до Французской революціи“. Только-что появился новый томъ этого сборника, особенно любопытный для вашихъ читателей; это—первый томъ инструкцій, данныхъ французскимъ посланникамъ при русскомъ дворѣ. Онъ изданъ подъ наблюденіемъ Альфреда Рамбо. Вамъ извѣстна спеціальная компетентность Рамбо во всемъ касающемся исторіи дипломатіи и особенно исторіи Россіи. Собраніе инструкцій, имъ издаваемыхъ, займетъ собою два тома: первый томъ обнимаетъ періодъ съ половины XVII вѣка до 1748 года. Первый посолъ французскій въ Россію послѣ 1648 года былъ Деминьеръ (1657—1658); въ 1680 году маркизъ де-Бертонъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Россію; въ 1683 году Людовичъ XIV имѣлъ намѣреніе послать въ Москву де-ла-Пивольера для попытки сближенія съ Россіей противъ Швеціи, но не успѣлъ въ этомъ. Въ 1702 году посѣтилъ Москву въ качествѣ

чрезвычайнаго посланника Валуазъ, и онъ же снова прѣѣзжалъ туда въ 1710—1711 годахъ; въ 1715 году на негоціанта Лави возложено было дипломатическое порученіе, а затѣмъ онъ сдѣлавъ былъ французскимъ консуломъ въ Петербургѣ. Въ 1717 году маркизу де-Шатонефу, состоявшему посломъ въ Голландію, поручено было вести переговоры съ Петромъ Великимъ, заявившимъ о намѣреніи своемъ посѣтить Францію. Рамбо сообщаетъ инструкціи, посланныя де-Шатонефу, а также и инструкціи, данныя Либри, который былъ назначенъ встрѣтить Русскаго государя въ Парижѣ, и наконецъ инструкціи, данныя маршалу де-Тессе, который долженъ былъ вести переговоры съ русскими государственными людьми, сопровождавшими царя. Затѣмъ слѣдуютъ инструкціи, данныя де-Шатонефу и де-Кампредону. Собраніе документовъ, относящихся къ поѣздкѣ Петра Великаго въ Парижъ, занимаетъ около ста страницъ этой любопытной книги. Начиная съ 1721 года, за исключеніемъ рѣдкихъ и краткихъ перерывовъ, Франція имѣла постоянныхъ представителей въ Петербургѣ. Вотъ перечень французскихъ дипломатовъ, находившихся въ Россіи за то время: Кампредонъ—полномочный министръ (1721—1726 гг.), Маньянъ—повѣренный въ дѣлахъ (1726—1733 гг.), де-Виллардо—консулъ и повѣренный въ дѣлахъ (1734 г.); въ томъ же году аббатъ Вернадони получилъ секретное порученіе, а въ 1734—1735 годахъ Фонтону де Летаву поручены были особые переговоры о возвращеніи французовъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Данцигомъ; въ 1737—1738 годахъ графъ Лалли-Толландаль имѣлъ секретное порученіе; маркизъ де-ла-Шетарди состоялъ чрезвычайнымъ посломъ отъ 1739 до 1742 года и возвратился на свой постъ въ 1743 г.; въ 1744—1747 годахъ д'Аліонъ (замѣщавшій Шетарди въ 1742—1743 годахъ) назначенъ былъ полномочнымъ министромъ. Вотъ дипломаты, служившіе интересамъ Франціи при русскомъ дворѣ въ продолженіе ста лѣтъ, слѣдовавшихъ за Вестфальскимъ миромъ. Ни одинъ изъ нихъ, за исключеніемъ Шетарди, не игралъ значительной роли въ исторіи. Въ своемъ замѣчательномъ ученномъ введеніи Рамбо очень хорошо объясняетъ роль французской дипломатіи относительно Россіи; главною чертой ея было недоувѣріе: Франція имѣла на востокѣ и на сѣверѣ союзниками Швецію, Польшу, Турцію, а всѣ эти государства были противниками Россіи. Въ томъ же введеніи Рамбо повѣствуетъ о первыхъ сношеніяхъ Франціи съ Россіей и о происхожденіи русской дипломатіи. Второй томъ, въ который войдетъ время царствованія Екатерины II, будетъ еще любопытнѣе, чѣмъ первый.

Одновременно съ книгою Рамбо вышелъ въ свѣтъ второй томъ сочиненія Эрнеста Лера (Lehr): „Начала русскаго гражданскаго права“ (Les *Éléments du droit civil russe*); первый томъ этого сочиненія издавъ былъ въ 1877 году. Бывшій профессоръ права въ Лозаннской академіи, а нынѣ совѣтникъ французскаго посольства въ Швейцаріи, Эрнестъ Леръ—большой знатокъ сравнительнаго законодательства. Во второмъ томѣ своего сочиненія онъ подвергаетъ изученію, какъ русское право, такъ и мѣстные законы Польши и балтійскихъ провинцій. Въ книгѣ говорится о наслѣдствѣ по духовнымъ завѣщаніямъ, объ обязательствахъ и о правѣ собственности.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, наше министерство народнаго просвѣщенія предпріяло издавіе общаго указателя рукописей публичныхъ библіотекъ Франціи, которое теперь значительно подвинулось впередъ. Еще въ 1841 году Вильмень, бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія, постановилъ начать такого рода издавіе, но легче было задумать его, чѣмъ исполнить. *École des Chartes* основана была только въ 1821 году и еще не дала достаточнаго числа опытныхъ палеографовъ. Такимъ образомъ, въ началѣ дѣло шло медленно; съ 1849 по 1889 годъ издано было въ свѣтъ всего семь томовъ въ четверку, заключающихъ въ себѣ каталогъ 19 библіотекъ. Съ 1884 года порѣшили оставить этотъ форматъ, слишкомъ дорогой и тяжелый, и предпріяли новое издавіе въ восьмушку, которое и редактировано Улиссомъ Роберомъ, главнымъ инспекторомъ библіотекъ и однимъ изъ учевѣйшихъ нашихъ архивистовъ; рядомъ съ нимъ слѣдуетъ назвать Молянье и Омона; первый—одинъ изъ лучшихъ знатоковъ средневѣковой палеографіи, а другой—хорошій эллинистъ. Благодаря рвенію этихъ ученыхъ и ихъ сотрудниковъ вышло въ свѣтъ уже двадцать томовъ новаго каталога: 5 томовъ каталога рукописей библіотеки Арсенала и 3 тома каталога рукописей собранія Мазарини въ Парижѣ; 12 томовъ посвящены департаментскимъ библіотекамъ и включаютъ въ себѣ описаніе рукописей 118 городовъ. Въ то же время составленъ каталогъ рукописей, хранящихся въ архивахъ управленія общинъ и благотворительныхъ учреждений.

Жюль Зеллеръ продолжаетъ свою „Исторію Германіи“, начатую имъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ; до сихъ поръ вышло въ свѣтъ шесть томовъ ея. Въ первомъ томѣ изложена начальная исторія Германіи, во второмъ повѣствуется объ основаніи Германской имперіи, въ третьемъ—о Германской имперіи и ея отношеніяхъ къ церкви при Генрихѣ IV и Григоріи VII; четвертый томъ посвященъ Гер-

манской имперіи при Гогенштауфенахъ, пятый — императору Фридриху II и упадку Германской имперіи въ средніе вѣка, шестой — императорамъ XIV вѣка (домъ Габсбурговъ и Люксембурговъ). Сочиненіе Зеллера есть самое обширное изъ появившихся у насъ въ послѣдшее время трудовъ по исторіи Германіи; каждый томъ его составляетъ отдѣльное цѣлое. Чтобы довести эту „Исторію“ до XIX вѣка потребуется еще пять или шесть томовъ. Рядомъ съ этимъ большимъ трудомъ Зеллеръ печатаетъ его сокращеніе, первый томъ котораго вышелъ въ свѣтъ въ прошедшемъ году. Оно доходитъ до XIII вѣка. Но я уже писалъ вамъ о немъ.

Если прошлое Германіи любопытно, то настоящее ея положеніе еще болѣе интересуетъ насъ. Рядомъ съ памфлетами, не имѣющими значенія, выходятъ сочиненія серьезныя, потребовавшія много труда; таково, напримѣръ, сочиненіе Андре Лебона: „Этюды о политической Германіи“ (*Études sur l'Allemagne politique*). Это конспектъ лекцій, читанныхъ имъ въ школахъ политическихъ знаній. Авторъ излагаетъ происхожденіе нѣмецкой конституціи въ періодъ съ 1815 по 1870 годъ, нынѣшнее значеніе рейхстага и императорской власти, говорить о прусскихъ учрежденіяхъ, которыя тяготѣютъ теперь надъ всею Германіей, и о настоящемъ положеніи Эльзаса и Лотаргиніи. Взгляды Лебона отличаются замѣчательнымъ безпристрастіемъ; онъ не думаетъ, чтобы нынѣшняя конституція Германіи была окончательною, и высказываетъ убѣжденіе, что въ будущемъ она подвергнется передѣлкѣ.

Леви-Брюль, подобно Лебону, профессоръ школы политическихъ знаній, напечаталъ любопытный этюдъ о развитіи національнаго сознанія въ Германіи. Въ началѣ XVIII вѣка это сознаніе, казалось, не существовало: безсильная съ точки зрѣнія политики, Германія въ нравственномъ отношеніи была космополитическою или французскою. Наконецъ, стала проявляться реакція такому направленію идей — въ произведеніяхъ Лейбница, Томасія, Вольфа. Политическая система Фридриха II пробудила умы изъ состоянія оцѣненія, которое ихъ сконивало. Побѣды Фридриха вдохновляютъ поэтовъ, которые, по словамъ Лессинга, воспѣваютъ въ нѣмецкихъ стихахъ нѣмецкаго героя, воюющаго за нѣмецкое дѣло. Въ 1761 году поэтъ Абтъ издалъ въ Берлинѣ трактатъ о смерти за отечество: разумѣлось прусское отечество, но нѣкоторые принимали его уже за нѣмецкое. Нѣмецкое національное чувство высказалось горячо въ произведеніяхъ Клопштока, Лессинга и Гердера; борьба противъ Франціи и особенно противъ Наполеона I еще болѣе усилила его. Аридтъ провоз-

часть солхх, отд. 4.

гласилъ, что Германіи необходимо національное единство. Нѣсколько позже, Гегель создалъ теорію государства, осуществленіе которой онъ видѣлъ въ Пруссіи; а пока готовилось политическое единство, слалалось въ формѣ таможеннаго союза единство экономическое. Левн-Врюль доводитъ свое сочиненіе до собранія парламента во Франкфуртѣ въ 1849 году; быть можетъ, авторъ напишетъ и второй томъ — объ исторіи германскаго единства въ послѣдующую эпоху. Книга его весьма поучительна; нѣкоторыя главы читались имъ раньше въ видѣ лекцій въ школахъ политическихъ знаній и очень нравились слушателямъ.

Публицистъ Массера въ книгѣ своей „Вашингтонъ и его дѣло“ задаетъ себѣ вопросъ: какъ образовались Соединенные штаты. Массера, бывшій главный редакторъ *Courrier des États-Unis*, долго жилъ въ Америкѣ. Въ книгѣ своей онъ излагаетъ не жизнь Вашингтона, достаточно извѣстную во Франціи (напримѣръ, по труду Корнелиса де-Витта), а его политическую дѣятельность. Онъ полагаетъ, что великая заатлантическая республика можетъ иногда служить примѣромъ для республиканской Франціи. Онъ излагаетъ также американскую конституцію и настоящее финансовое положеніе Соединенныхъ штатовъ.

Я уже не разъ говорилъ вамъ о появляющихся у насъ сочиненіяхъ по исторіи цивилизаціи. На этотъ предметъ обращено въ послѣднее время большое вниманіе въ нашемъ преподаваніи. Я указывалъ вамъ труды Ранбо, Дюкурэ, Сеньобоза. Сеньобозъ, читающій лекціи въ Сорбоннѣ, только-что издалъ „Исторію современной цивилизаціи“, трудъ весьма серьезный и поучительный (*Histoire de la Civilisation contemporaine*). Въ исторію цивилизаціи онъ включилъ и исторію политическихъ преобразованій, обновившихъ видъ Европы. Противъ обыкновенія нашихъ и вообще западныхъ историковъ, онъ старался дать Россіи болѣе широкое мѣсто, и посвятилъ ей любопытную главу, но все-таки недостаточно сказалъ о замѣчательномъ развитіи славянскихъ народовъ въ XIX вѣкѣ. Говоря объ Америкѣ, онъ особенно долго останавливается на Соединенныхъ штатахъ. Подобно Ранбо и Дюкурэ, Сеньобозъ издалъ также свой трудъ въ сокращенномъ видѣ, небольшою книжкою: „Краткая исторія цивилизаціи для употребленія въ начальныхъ школахъ“ (*Histoire de la civilisation abrégée à l'usage des écoles primaires*).

Вышегь шестой томъ любопытнаго сочиненія Альфреда Франклина: „La vie privée d'autrefois, arts et métiers, modes, mœurs

des Parisiens du XII au XIII siècle". Онъ посвященъ гигиенѣ. Авторъ разказываетъ въ немъ о постепенномъ видоизмѣненіи Парижа съ того времени, когда Филиппъ-Августъ повелѣлъ впервые вымостить улицы. Грустно читать описаніе столицы въ средне-вѣковую эпоху; имъ достаточно объясняются страшныя эпидеміи, постигшія городъ въ 1348, 1379, 1466, 1510, 1597, 1606, 1638 годахъ. Парижъ былъ тогда настоящею клоакой; распоряженія правительства о соблюденіи чистоты почти никогда не соблюдались; болѣзни приходили часто, а госпитали были совершенно негодны. Франлинъ даетъ любопытныя подробности объ исторіи прокаженныхъ, о кладбищахъ среди города, весьма многочисленныхъ и исчезнувшихъ только въ концѣ XVIII вѣка. Какъ и предшествующіе томы, послѣдній томъ снабженъ нѣсколькими гравюрами, воспроизведенными съ малозвѣстныхъ подлинниковъ.

Еще вышло новое сочиненіе о Маріи Стюартъ, написанное барономъ Кервиномъ де-Леттенгофъ: „Marie Stuart, l'oeuvre pitoyable, le procès, le supplice". Авторъ, бывший министръ въ Бельгіи и корреспондентъ Французскаго института, — замѣчательный историкъ. Онъ написалъ прекрасную „Исторію Фландрій" и еще нѣсколько сочиненій по исторіи Нидерландовъ; онъ же издалъ Комминя и Фруассара. Два тома, только-что вышедшіе, заключаютъ въ себѣ исторію не всей жизни Маріи Стюартъ, а только двухъ послѣднихъ годовъ (1585—1587 гг.), времени ея заточенія. Ревностный католикъ, Леттенгофъ доказываетъ, что Марія была жертвою фанатизма протестантъ. Онъ собралъ все, что можно сказать противъ Елизаветы, и что можетъ вызвать сочувствіе къ Маріи Стюартъ. Книга его, написанная съ жаромъ, особенно драгоценна по многочисленнымъ документамъ, къ ней приложеннымъ. Она читается съ интересомъ, и каковы бы ни были заключенія автора, она несомнѣнно даетъ много полезныхъ указаній.

Амедей Тардѣ, помощникъ бібліотекаря Французскаго института, окончилъ свой значительный трудъ, который хорошо встрѣченъ будетъ географами всего свѣта. Это переводъ географіи Страбона. Авторъ началъ его въ 1886 году. Онъ былъ увѣнчанъ Французскою академіей и обществомъ поощренія занятій греческимъ языкомъ. Страбонъ былъ уже переведенъ на французскій языкъ Ла Порть дю-Тейлемъ, Кораемъ и Летронномъ. Но этотъ переводъ, оконченный въ 1819 году, не соотвѣтствуетъ требованіямъ науки. Съ того времени текстъ греческаго географа былъ значительно исправленъ, благодаря трудамъ Гроскурда, Крамера, Пикола, Мейнеке и К. Мил-

лера. Кромѣ того, прежнему переводу недоставало указателя, приложенія необходимаго для столь значительнаго географическаго сочиненія. Тардѣ взялъ за основаніе для своего перевода изданіе Мейнеке и широко пользовался указателемъ вариантовъ Мюллера. Трудныя мѣста онъ объясняетъ хорошо составленными примѣчаніями.

Барбье де-Менаръ окончилъ свой турецко-французскій словарь, который началъ печатаніемъ въ 1881 году. Второй томъ, послѣдній выпускъ котораго только что вышелъ въ свѣтъ, заключаетъ въ себѣ 900 страницъ. Словарь этотъ особенно важенъ тѣмъ, что въ него внесено множество словъ разговорнаго турецкаго языка, не помѣщенныхъ въ другіе словари; кромѣ того, составитель помѣстилъ въ немъ всѣ арабскія и персидскія слова, употребляемыя османлисами, и ввелъ географическія названія Оттоманской имперіи. Этотъ словарь входитъ въ составъ превосходныхъ изданій школы восточныхъ языковъ, о которыхъ я не разъ сообщалъ вамъ. Любопытно, что онъ напечатанъ не въ Парижской національной типографіи, а въ Вѣнѣ у Гольдгаузена.

Вотъ уже скоро два года, какъ мы потеряли одного изъ замѣчательнѣйшихъ преподавателей санскрита—Абеля Бергэна. Имъ было напечатано превосходное руководство классическаго санскритскаго языка: онъ имѣлъ намѣреніе пополнить его еще руководствомъ къ языку ведъ и для этой цѣли взялъ къ себѣ въ сотрудники отличнаго филолога Анри, автора хорошаго руководства сравнительной грамматики трехъ классическихъ языковъ. Они работали вмѣстѣ нѣкоторое время, а затѣмъ Бергэнъ внезапно умеръ въ августѣ мѣсяцѣ 1888 года. По смерти его, Анри читалъ курсъ сравнительной грамматики въ Сорбоннѣ и закончилъ одинъ дѣло, начатое вмѣстѣ со своимъ покойнымъ учителемъ. Изданное имъ руководство къ языку ведъ заключаетъ въ себѣ краткую грамматику, просодію и метрику, хрестоматию, преимущественно извлеченія изъ Ригъ-Веды и Атарва Веды, и словарь. Тексты ведійскіе напечатаны латинскимъ шрифтомъ, но нѣсколько образцовъ приведены санскритскимъ шрифтомъ. Это сочиненіе особенно будетъ полезно для студентовъ. Анри выставилъ на книгѣ имя учителя, съ которымъ началъ работу.

Вскорѣ за Бергэнемъ, въ ноябрѣ 1888 года, скончался другой профессоръ Сорбонны, отличный знатокъ романской филологіи, Арсенъ Даршштеттеръ. Кромѣ нѣсколькихъ большихъ сочиненій, онъ оставилъ

много статей и этюдовъ, разбросанныхъ въ различныхъ ученыхъ сборникахъ. Ихъ собрали въ два тома подъ заглавіемъ „Reliques Scientifiques“. Еврей по происхожденію, Дармштеттеръ зналъ прекрасно еврейскій языкъ; онъ готовился быть раввиномъ, но увлекся изученіемъ романской филологіи, которой и посвятилъ себя. Однако онъ не забылъ прежнихъ своихъ занятій, такъ что первый томъ его сборника весь занятъ этюдами о евреяхъ въ средніе вѣка, главнымъ образомъ во Франціи; второй томъ заключаетъ въ себя опыты по философіи языка и по исторіи французскаго языка. Всѣ эти статьи замѣчательны по научной основательности и тонкому критическому анализу.

Л. Л—ръ.

ΘУΚΙΔΙΔΗΣ—СТОРОННИКЪ АΘИНСКОЙ ДЕМΟΚΡΑΤΙΗΣ.

Характернѣйшую черту древне-еллинской историографіи, особенно ярко выраженную въ сочиненіи Θукидида, составляютъ субъективизмъ, — особенность изложенія, состоящая въ томъ, главнымъ образомъ, что древній авторъ не считаетъ нужнымъ дать самому читателю въ руки тотъ матеріалъ, на основаніи котораго составлена историкомъ картина того или другаго историческаго событія, который внушилъ автору высказываемые имъ выводы и общія положенія. Древне-еллинскій историкъ, а Θукидидъ въ частности, считалъ задачу свою выполненною наиболее удовлетворительно въ томъ случаѣ, если ему удалось съ помощью личнаго опыта, показаній заслуживающихъ вѣры свидѣтелей и извѣстій предшественниковъ воссоздать рядъ историческихъ событій въ такомъ видѣ и съ такою степенью вѣроятности, что читатель безъ колебанія принималъ предлагаемыя извѣстія за достоверныя и раздѣлялъ вполне тѣ мысли и чувства, какія вызывались и слагались въ душѣ самого историка подъ впечатлѣніемъ разказанныхъ имъ перипетій вѣншей и внутренней политики даннаго государства или нѣсколькихъ государствъ.

Этой едва-ли не существеннѣйшею чертою древне-еллинской историографіи объясняются многія особенности изложенія въ трудахъ важнѣйшихъ историковъ того времени: прежде всего крайняя скудость или даже полное отсутствіе документальныхъ свидѣтельствъ въ ихъ подлинномъ видѣ, передача дѣйствительно произнесенныхъ рѣчей словами не ораторовъ, произносившихъ эти рѣчи, но самого автора, который считалъ для себя обязательнымъ сохранить вѣрно лишь общій смыслъ сказаннаго, остальное восполняя отъ себя по силѣ собственнаго разумнаго характера и цѣлей оратора, а равно обстоятельство, вызвавшихъ ту или другую рѣчь. Къ тому же самому осно-

ванію сводится недостатокъ точныхъ, систематическихъ указаній на источники, малочисленность и недостаточная опредѣленность хронологическихъ данныхъ, наконецъ, пополненіе фактическихъ извѣстій такими подробностями, которыя могли быть добыты авторомъ только путемъ собственныхъ умозаключеній при помощи прежде пріобрѣтеннаго запаса свѣдѣній о человѣческой природѣ вообще, о характерѣ различныхъ политическихъ дѣятелей, о военныхъ стычкахъ и т. п. Благодаря всему этому древне-эллинская историографія представляетъ много точекъ соприкосновенія съ произведеніями художественнаго творчества; и понятнымъ становится, почему столь серьезный и строгій писатель, какъ Эукидидъ, не находитъ ниже своего достоинства обратиться къ читателю съ воззваніемъ—довѣрять ему больше, чѣмъ его предшественникамъ-историкамъ и поэтамъ (I, 21).

Если при оцѣнкѣ достовѣрности новаго историка, обыкновенно дающаго читателю возможность самому провѣрить заключенія автора, не малую важность имѣетъ вопросъ о личномъ настроеніи историка, объ его общественныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, то въ виду выше сказаннаго этотъ самый вопросъ получаетъ гораздо большее значеніе при опредѣленіи степени достовѣрности историка древне-эллинскаго. Требованіе это применимо къ Эукидиду больше, чѣмъ къ другому эллинскому историку, такъ какъ въ своемъ изложеніи онъ не ограничивается разказомъ о внѣшнихъ событіяхъ, но ставитъ себѣ задачей постигнуть и раскрыть передъ читателемъ сокровенныя при-
чины событій, подлинныя мотивы поведенія выдающихся политическихъ дѣятелей,—словомъ, стремится ввести въ Исторію неподпунктеской войны такіе предметы, въ то или иное пониманіе которыхъ приходится неизбежно личное участіе автора, прежде всего его политическія убѣжденія.

Вотъ почему современная критика, при повѣркѣ ли отдѣльных фактовъ, сообщаемыхъ Эукидидомъ, или при общей оцѣнкѣ древняго историка со стороны достовѣрности его показаній, касается вопроса и о политическомъ образѣ мыслей историка, о преимущественномъ расположеніи его къ той или иной формѣ правленія, къ той или иной изъ тогдашнихъ политическихъ партій.

Вопросъ этотъ по настоящее время рѣшается относительно Эукидида различно. Разногласіе въ отвѣтахъ обуславливается не тѣмъ только, что въ трудѣ историка нѣтъ прамата и сколько-нибудь обстоятельнаго выраженія его собственныхъ политическихъ воззрѣній и что поэтому новый изслѣдователь вынужденъ восстанавливать ихъ

путемъ косвенныхъ доказательствъ, но главнымъ образомъ тѣмъ, что толкованіе и оцѣнка этихъ косвенныхъ свидѣтельствъ опредѣляется заранѣе общимъ отношеніемъ критика къ имѣющемуся у древняго писателя изображенію историческихъ дѣятелей и событій. Если какое-нибудь лицо или событіе представляется новому изслѣдователю изображеннымъ не достаточно или въ чемъ-либо не вѣрно, — объясненіе этого онъ старается подыскать въ лицепрїятіи автора, въ его прїстрастіи къ той или другой политической партіи, или къ вождямъ ея; полученное такимъ способомъ заключеніе распространяется изслѣдователемъ и на всѣ другіе случаи, хотя бы они въ меньшей еще степени давали основаніе для желательнаго изслѣдователю вывода. Получается своего рода *circulus vitiosus*. Обыкновенно Θουκιδиду приписывается олигархическій образъ мыслей, откуда стараются объяснить и отрицательное отношеніе историка къ Клеону, и снисходительный тонъ въ сужденіи о Никии, и похвалы Антифону ¹⁾. Между тѣмъ заключенія объ олигархическихъ симпатіяхъ историка дѣлаются въ сущности не на чемъ иномъ, какъ на этихъ же отзывахъ Θουκιδіда объ отдѣльныхъ личностяхъ, хотя безпрїстрастный историкъ могъ высказываться о нихъ въ такомъ именно смыслѣ независимо отъ личнаго расположенія къ той или иной формѣ общественнаго устройства. Въ очеркѣ „Θουκιδίδης и его сочиненіе“ (вып. II, М. 1888, стр. CXLV сл.), мы старались собрать данныя, совокупность которыхъ свидѣлствуетъ въ пользу сочувствія древне-эллинскаго историка аѳинской демократіи съ Перикломъ во главѣ, слѣдовательно — такому общественному строю Аѳинъ, при которомъ всѣ граждане республики безъ различія званія и состоянія пользовались равнымъ правомъ дѣятельнаго участія въ политическихъ судьбахъ страны: или непосредственнаго въ народныхъ собраніяхъ и въ гелїяхъ, или посредственнаго черезъ избираемыхъ народомъ и отвѣтственныхъ передъ нимъ должностныхъ лицъ.

Въ историко-критическомъ своемъ этюдѣ о Периклѣ, обличающемъ въ авторѣ и любовь къ предмету, и широкое знакомство съ литературой вопроса, проф. Буескулъ находитъ не возможнымъ согласиться съ нашими доказательствами относительно демократіама Θουκιδіда ²⁾. Знатность происхожденія историка, высокое социальное по-

¹⁾ Относящіяся сюда мѣста исторіи означены въ нашемъ указателѣ къ переводу Θουκιδіда подѣ соответствующими именами.

²⁾ „Периклъ“. Харьковъ. 1889, стр. 48 сл. Справ. 39 сл.

ложеніе, аристократическія связи, потомъ неодобрительные отзывы о толпѣ, нерасположеніе къ демагогамъ, наконецъ, сочувствіе историка ограниченному народному правленію, свѣдѣвшему собою въ 411 г. до Р. Х. господство Четырехсотъ, — все это приводитъ уважаемаго автора къ заключенію, что Θукидидъ не сочувствовалъ чистой демократіи и „въ строгомъ смыслѣ слова не могъ быть политическимъ сторонникомъ Перикла, вождя партіи именно демократической, чуть не демагога“. Г. Бузескулъ старается доказать безпристрастіе и достовѣрность Θукидидовыхъ свидѣтельствъ о Периклѣ: если историкъ, не будучи сторонникомъ вождя демократіи, тѣмъ не менѣе говоритъ о немъ съ полнымъ сочувствіемъ и похвалою, значитъ, личныя достоинства Перикла пересылались въ историкѣ нерасположеніе къ проводимой Перикломъ политикѣ, и въ благопріятномъ отзывѣ о Периклѣ мы должны видѣть сужденіе политическаго противника, который — при всемъ, быть можетъ, нежеланіи — вынужденъ былъ признавать и высокія личныя достоинства демократическаго вождя, и цѣлесообразность его государственныхъ мѣропріятій. Пфлукъ-Гарттунгъ, съ которымъ полемизируетъ г. Бузескулъ и которому желательно умалить, елико возможно, достовѣрность показаній Θукидида, старается доказать, что древній историкъ по своимъ политическимъ воззрѣніямъ всецѣло принадлежалъ Перикловской партіи, и потому свидѣтельства его о Периклѣ должны быть признаны односторонними и лицепріятными ¹⁾.

Вопросъ о степени достовѣрности и безпристрастія Θукидида мы оставимъ на сей разъ въ сторонѣ, замѣтивши только, что, воспитавшись и вращаясь въ извѣстномъ кругу привычекъ, симпатій и теоретическихъ воззрѣній, историкъ, какъ и всякій смертный, бесслезенъ былъ подняться на высоту безусловной истины и правды, отрѣшиться не въ сужденіяхъ только, но отчасти и въ самомъ изображеніи современныхъ личностей и событій отъ тѣхъ понятій и сочувствій, какія сопутствовали ему въ различные періоды жизни. Пора безусловнаго довѣрія къ показаніямъ древне-еллинскихъ писателей, не исключая и Θукидида, прошла безвозвратно. Въ послѣднее время является даже необходимость отстанвать реальное значеніе нѣкоторыхъ классическихъ писателей, во имя строго-исторической точки зрѣнія на предметъ, противъ нападокъ критики, руководящейся въ своихъ приговорахъ вышшими понятіями и требованіями правды-

¹⁾ *Pflugk-Harttung, Perikles als Feldherr. Stuttg. 1884, стр. 115 сл.*

дѳя исторіи и бытописанія. Въ частности, по отношенію къ Ѳукидиду имѣть нужды прибѣгать къ чрезвычайнымъ средствамъ экзегетики, чтобы спасти отъ осужденія значительнѣйшую долю его литературнаго достоянія. Равнымъ образомъ имѣть нужды доказывать олигархическій образъ мыслей Ѳукидида съ тѣмъ, чтобы въ похвалахъ историка Периклу находить свидѣтельство его безпристрастія съ одной стороны и высокихъ достоинствъ общепризнаннаго вождя аѲенской демократіи съ другой.

Ссылка г. Бузескула на знатное происхожденіе и общественное положеніе нашего историка, какъ на обстоятельства, благопріятствовавшія будто бы его олигархическимъ симпатіямъ, не доказательна. Главные виновники демократическихъ учрежденій аѲенской республики, Соловъ, Клисеенъ, Периклъ, одинаково принадлежали къ знатнѣйшимъ аѲенскимъ родамъ. Демократическій строй аѲенской республики не былъ чѣмъ-либо искусственнымъ, насильственно привитымъ жителямъ Аттики; онъ коренился глубоко въ исконныхъ родовыхъ отношеніяхъ, почему въ АѲенахъ имѣли успѣхъ и благотворное дѣйствіе только тѣ политическія мѣропріятія, которыя обезпечивали правильное, по возможности всестороннее отправленіе началъ народнаго самоуправленія. Вожди демократическаго движенія, — проинициальный Периклъ не меньше, если не больше другихъ, — не могли не замѣчать присущихъ массѣ слабостей, о которыхъ въ разныхъ мѣстахъ Исторіи пелопоннесской войны говорится и у Ѳукидида; но они находили возможнымъ и стремились такъ организовать народное самоуправленіе; чтобы неизбежное при этомъ вло давало себя чувствовать возможно рѣже и слабѣе, чтобы въ самихъ учрежденіяхъ страны содержались гарантіи противъ поспѣшности рѣшеній, несвоевременнаго увлеченія и прочихъ недостатковъ. О единичномъ веденіи государственныхъ дѣлъ, каковыми въ эллинскихъ городскихъ общинахъ могла быть только тираниія, они, конечно, и не помышляли; въковой онытъ олигархіи въ АѲенахъ и въ другихъ республикахъ не могъ располагать благомыслищихъ гражданъ и преданныхъ своей родинѣ дѣятелей къ сосредоточенію законодательной, судебной и правительственной власти въ рукахъ привилегированнаго меньшинства. Что Ѳукидидъ былъ ненавистникъ олигархіи въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, доказываютъ многія выраженія его Исторіи, отмѣченныя нами въ „Послѣсловіи къ Ѳукидиду“. Все это необходимо принимать въ соображеніе, чтобы понять, почему живучестью и плодотворностью отличались въ аѲенской

республикѣ только преобразованіи въ демократическомъ направленіи, почему съ другой стороны наиболѣе даровитые и безкорыстѣвшіе дѣятели въ Аѣнахъ посвящали свои таланты и энергію на совершенствованіе демократическихъ учреждений; при этомъ богатство и знатность рода лишь облегчали имъ осуществленіе реформъ, клонившихся къ поднятію всей массы гражданскаго населенія Аттики. На сколько осторожно слѣдуетъ обращаться съ критическими замѣчаніями нашего историка о толпѣ или народѣ (τὸ πλῆθος, ὁ δῆμος), лучше всего видно изъ того, что наименѣе лестныя сужденія объ аѣнскомъ народѣ вложены историкомъ въ уста Клеона (III, 37—41). Справедливо-ли было бы заключать отсюда, что демагогъ Клеонъ не сочувствовалъ демократическому строю республики и предпочиталъ возвращеніе къ олигархіи?

Но говорить еще такъ: осуждая притязанія олигарховъ, Эукидидъ не былъ расположенъ и къ „неограниченной“ демократіи въ томъ видѣ, какъ она сложилась въ силу реформъ Перикла и Ефιάльта, что поэтому онъ привѣтствовалъ измѣненія въ аѣнской конституціи, послѣдовавшія въ 411 г. до Р. X. за низверженіемъ Четырехсотъ. Къ этому собственно мнѣнію склоняется и г. Вуэскуль; въ доказательство приводятся собственныя выраженія историка.

Но прежде чѣмъ идти дальше, мы должны отмѣтить недостатокъ точности въ употребленіи политическихъ терминовъ у новыхъ историковъ. Такъ, говоря объ олигархическихъ симпатіяхъ историка, одни готовы приписать Эукидиду чуть не сочувствіе тѣмъ олигархамъ, которые въ 411 г. водворили въ Аѣнахъ господство Четырехсотъ, и отсюда объясняютъ его благоприятный отзывъ объ Антифонѣ. Другіе подъ олигархіей разумѣютъ въ этомъ случаѣ ограниченную аѣнскую демократію. Г. Вуэскуль высказывается о томъ же предметѣ довольно неопредѣленно. Сочувствуя самъ реформамъ Перикла и Ефιάльта, давшимъ широкое осуществленіе демократическимъ началамъ, онъ разумѣетъ, очевидно, эту самую демократію подъ различными наименованіями: то „чистой демократіи“, то „крайней“ то „неограниченной“ и др. Однако въ послѣдней главѣ своего сочиненія почтенный авторъ выражается, что Периклъ „не пошелъ по пути крайней, необузданной демократіи: онъ правилъ умѣренно, въ духѣ согласенія интересовъ большинства съ интересами общегосударственными; онъ старался ввести демократическое движеніе въ опредѣленные, законныя границы“ (стр. 331). Рядомъ и въ оппозиціи съ Перикломъ существовала, по словамъ автора, незадолго до пелопоннесской войны

другая партія „крайняя (подчеркнуто авторомъ) демократическая, которой эта политика казалась ужъ недостаточно демократическою. Напротивъ, именно въ Периклѣ крайніе демократы и новые демагоги начинаютъ видѣть главное препятствіе къ господству насто ящаго (?) народовластіа, полной (?) свободы и равенства“. Немного ниже г. Бузескуль замѣчаетъ, что противъ Перикла соединились двѣ крайнія партіи — демагоговъ и олигарховъ: тѣ и другіе видѣли въ Периклѣ представителя „умѣренной демократіи, носителя духа свободы и равенства, но въ то же время и законности“ (стр. 332). Прежде всего, намъ кажется, слѣдовало бы воздерживаться отъ такихъ ничего не говорящихъ опредѣленій, какъ „чистая“ демократія, „настоящее“ народовластіе, „крайняя“ или „не обузданная“ демократія, „полная свобода“ и т. п. Тогда, навѣрное, и не вышло бы такъ, какъ будто Фукидидъ въ одно и то же время и сторонникъ, и противникъ перикловской партіи и политики, какъ будто эта послѣдняя политика въ одно и то же время и умѣренная, и крайняя. Въ настоящемъ случаѣ новый историкъ имѣетъ дѣло съ системою извѣстныхъ политическихъ учрежденій, въ томъ или другомъ смыслѣ опредѣляющихъ политическую жизнь страны; на обязанности историка лежитъ опредѣленіе какъ системы, въ данное время господствующей, такъ и тѣхъ измѣненій въ ней, во имя которыхъ дѣйствуетъ въ то же время оппозиція; въ обоихъ случаяхъ предполагается установленіе опредѣленныхъ гарантій правильнаго мирнаго обществія; все, что выходитъ за предѣлы этихъ установленныхъ или предлагаемыхъ гарантій, что является дѣломъ произвола отдѣльныхъ личностей или кoterій, все это не входитъ въ понятіе никакого политическаго строя. Реформами и учрежденіями Ефιάлта и Перикла создана была въ Аѣнахъ демократическая конституція, всему гражданскому населенію республики обеспечивавшая политическое равенство и активное участіе въ законодательствѣ и управленіи; по сравненію съ перикловскою демократіею не могло быть, и дѣйствительно не было въ Аѣнахъ, никакой другой, крайней или необузданной; такъ называемая демагогическая оппозиція Периклу имѣла своимъ объектомъ не систему общественныхъ учрежденій, но текущую политику Перикла внѣшнюю и отчасти внутреннюю, больше всего—слишкомъ вліятельную роль первенствующаго народнаго вождя. Что касается Фукидида, то въ сочиненіи его содержатся ясныя свидѣтельства его сочувствія и политикѣ Перикла, и перикловской демократіи. Важнѣйшія показанія

въ этомъ смыслѣ заключаются въ надгробной рѣчи Перикла (II, 35—46).

Въ „Послѣсловіи къ Θυκιδиду“ (стр. LXII сл.) мы старались показать, что надгробная рѣчь не только по содержанию, но и по положенію матеріала, и по отдѣльнымъ оборотамъ представляетъ произведеніе самого историка гораздо больше, нежели дѣйствительно произнесенную рѣчь оратора. Въ дополненіе къ сказанному въ „Послѣсловіи“ мы отмѣтимъ здѣсь еще нѣкоторые пункты рѣчи, сближающіе ее съ собственными выраженіями Θυκιδіда. Исключною и характернѣйшею чертою общезнатія аѳинлян историкъ нашъ считаетъ приволье жизни, непринужденность и взаимное довѣріе въ отношеніяхъ гражданъ. Эта особенность аѳинскихъ правовъ называется имъ во введеніи къ Исторіи ἀναίμενη διαίτη — „вольный образъ жизни“ (I, 6,₂). То же самое почти въ тѣхъ же словахъ говоритъ объ аѳинянахъ Периклъ въ надгробной рѣчи: ἡμεῖς δὲ ἀναίμενος διαίτηματος (II, 39,₁). Въ другомъ мѣстѣ той же рѣчи ораторъ выражается такъ: ἀναπαύθῳς δὲ τὰ ἴδια προσηλοῦντες — „при всей вольности въ частныхъ отношеніяхъ“ (II, 37,₂). Потомъ, въ общей весьма сочувственной оцѣнѣ личности Перикла, Θυκιδидъ обращаетъ вниманіе на то, что управленіе въ Аѳинахъ при Периклѣ „было по имени народовластіемъ, а на дѣлѣ властвовалъ первый гражданинъ“ (ἐγίγμετό τε λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρός ἀρχή—II, 65,₂). Въ рѣчи Перикла ясно отмѣнена мысль, что народовластіе въ Аѳинахъ было по имени, на самомъ же дѣлѣ управленіе принадлежало достойнѣйшимъ гражданамъ (δύομα μὲν... δημοκρατία κέκληται—κατὰ δὲ τῆν ἀξιωμασίαν, ὡς ἕκαστος ἐν τῷ εὐδοκίμῳ, οὐκ ἀπὸ μέρους ¹⁾ τὸ κλίον ἐς τὰ κοινὰ ἢ ἀπ' ἀρετῆς προτιμάται—II, 37,₁). Разумѣется, самъ о себѣ Периклъ въ рѣчи къ народу не могъ выразиться такъ, какъ высказывается о немъ отъ своего лица историкъ; выраженная въ видѣ общаго правила мысль оратора нашла себѣ примѣненіе, по сознанию историка, на самомъ же ораторѣ: первый въ республикѣ ораторъ и первый по своимъ заслугамъ гражданинъ былъ по тому самому и вліятельнѣйшимъ государственниимъ человѣкомъ. Интересно отмѣтить, что словамъ Перикла κατὰ τῆν ἀξιωμασίαν соотвѣтствуетъ въ словахъ историка о Периклѣ τῷ ἀξιωματί (II, 65,₂). По словамъ Перикла аѳиняне свободно живутъ въ своемъ государствѣ (ἐλευθέρως δὲ τὰ τε

¹⁾ Поправка Herwerden'a ἀπὸ γένους вѣсто ἀπὸ μέρους суживаетъ понятіе русскаго термина. Нельзя принять и переводъ Клаасена: eine politische Partei.

πρὸς τὸ κοινὸν πολιτεύμεν—II, 37,2); по словамъ Θυκιδίδα, Периклѣ свободно сдерживалъ народную массу (καταίχε τὸ πλῆθος ἐλευθέρως—II, 65,2).

Въ виду вышесказаннаго надгробная рѣчь получаетъ важное значеніе для характеристики собственнаго политическаго настроенія автора. Новый историкъ можетъ относиться сочувственно или отрицательно къ политической дѣятельности Перикла, можетъ пользоваться воззрѣніями Θυκιδίδα для такого или иного рѣшенія вопроса о степени достовѣрности его показаній, но онъ не въ правѣ закрывать глаза на очевидные факты, доставляемые самымъ сочиненіемъ древняго историка. Рѣчь Перикла содержитъ въ себѣ краснорѣчивѣйшее призываніе и похвалу того общественнаго строя Аоніа, въ созданіи и сохраненіи котораго руководящая роль принадлежала самому оратору. Чего-либо походяго на осужденіе Перикла или его политики мы не находимъ въ сочиненіи Θυκιδίδα; напротивъ, во всемъ, что говорятъ историкъ отъ себя о Периклѣ, мы видимъ только признаніе высокихъ личныхъ достоинствъ вождя демократіи, оправданіе его образа дѣйствій внутри и внѣ аэинской республики.

Что же въ аэинской республикѣ служить предметомъ восхваленія оратора? Чтобы отвѣчать на вопросъ, намъ нѣтъ нужды излагать цѣлымъ содержаніе рѣчи; достаточно отмѣтить въ ней указанія на аэинскую конституцію и на обусловленныя ею явленія общественной жизни въ Аэинахъ. Ораторъ превозноситъ дѣятельное участіе всѣхъ гражданъ, безъ различія званія и состоянія, въ управленіи страной, свободу публичнаго обсужденія государственныхъ начинаній, разносторонность способностей и навыковъ въ одной и той же личности, любовь къ изысканію въ соединеніи съ простотой, къ просвѣщенію безъ изыженности (II, 40—41): „Общественное устройство по имени зовется, правда, цародвластіемъ, ибо зиждется не на меньшинствѣ, а на большинствѣ, причѣмъ равенство передъ законами обезпечено для всѣхъ, не взирая на личные преимущества (δύομα μὲν διὰ τὸ μὴ ἔς ὀλίγους, ἀλλ' ἔς πλείους οἰκῶν δημοκρατία κέκληται, μέτεστι δὲ κατὰ μὲν τοὺς νόμους πρὸς τὰ ἴδια διάφορα πᾶσι τὸ ἴσον)²⁾); что же касается

²⁾ Слова πρὸς τὰ ἴδια διάφορα обыкновенно толкуются такъ, какъ и мы передали въ нашемъ переводѣ: „въ частныхъ дѣлахъ“, „интересахъ“, „столичностиахъ“ и т. п. („in Privatsachen“, „in Ansehung besonderer Angelegenheiten“, „bei persöhnlichen Streitigkeiten“, „in besonderen Rechtshändeln“, „in den Streitigkeiten der einzelnen Bürger“, „in ihren persöhnlichen Angelegenheiten“, „ad ea, quae hominibus privatis agenda sunt“, „pour les affaires privées и т. п.). Въ антич-

почета, то каждый пользуется имъ по столько, по сколько отличился въ какомъ-либо дѣлѣ, и одинъ имѣетъ въ общественныхъ дѣлахъ преимущество передъ другимъ больше въ силу заслугъ, нежели по принадлежности къ известному классу; для бѣдняка, если онъ способенъ къ какой-либо дѣятельности на пользу государства, безвѣстность положенія не служитъ помѣхой. Въ управленіи государствомъ мы свободны, въ повседневныхъ взаимныхъ отношеніяхъ не страдаемъ подозрительностью, не гнѣваемся, если кто дастъ себѣ волю въ чемъ-либо, не напускаемъ на себя досады, хотя и безвредной, но тягостной для глаза. Вольные въ частныхъ отношеніяхъ, мы блюдемъ учрежденія государственныя больше всего изъ уваженія къ нимъ, повинемся предержаніямъ властямъ и законамъ, всѣмъ тѣмъ преимущественно, которые существуютъ ко благу обижаемыхъ и, не будучи инсанними, навлекаютъ въ сознаніи всѣхъ позоръ на нарушителя. Кромѣ того мы доставили многообразныя средства душевнаго отдохновенія отъ трудовъ въ публичныхъ составаніяхъ и дѣющихся весь годъ жертвоприношеніяхъ, а равно въ благолѣпнн частныхъ жилищахъ, повседневное наслажденіе конимъ прогоняеть угрозу" (II, 37—38).

Въ рѣчи Перикла, какъ ни сматы относящіяся къ нашему предмету выраженія оратора, мы не можемъ не узнать той аэнской демократіи, которая ннмъ писателямъ, древнимъ и новымъ, казалась неограниченною, необузданною господствомъ толпы. Не такъ смотрѣли на нее Периклъ и Эукидидъ. Назывался народовластіемъ (δημοκρατία), аэнская республика съ помощью законовъ охраняла равныя права всѣхъ гражданъ безъ различія, руководящее вліяніе на дѣла предоставляла способнѣйшимъ и достойнѣйшимъ изъ гражданъ. На дѣлѣ власть въ этой республикѣ принадлежала не толпѣ, а лучшимъ людямъ, которые обязаны были постигать нужды большинства, дѣйствовать въ его интересахъ, подъ страхомъ отвѣтственности передъ нимъ за свои дѣйствія. По сознанію Перикла и Эукидиды, это было народовластіе по имени; ораторъ воздерживается отъ наименованія аэнской конституціи, приличествующаго ей по существу; но, какъ справедливо замѣчаетъ схолиастъ, названіемъ этимъ могла

неть толкованіи мѣста мы приближаемся къ Кранеру: „was die Gesetze anlangt so steht gegenüber den persönlichen Unterschieden der einzelnen allen das gleiche Recht zu“ (Вlein. Museum. 1885, стр. 455). Все содержаніе рѣчи, равно какъ и ближайшія мѣста ея, показываютъ, что ораторъ подъ словами τὰ ἴδια διαφόρα разуметь принадлежность къ известному классу (μῆρος), личныя заслуги (ἀρετή), имущественный достатокъ (κενία) и т. д.

быть только аристократія (ἐπειδὴ φαῖλον δοκεῖ τῆ δημοκρατία—ἐπάγει λέγων, ὅτι τῷ μὲν ὀνόματι δημοκρατία, τῷ δὲ ἔργῳ ἀριστοκρατία ἐστὶν ἡμῶν ἢ πολιτεία),—терминъ, употребляемый Исократомъ для обозначенія первоначальной афинской демократіи съ должностными лицами, выбранными голосованіемъ, а не жребіемъ, и съ сенатомъ, вѣдающимъ важнѣйшія дѣла (Panathen. § 131). То же самое устройство Исократъ въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи называетъ демократіей, смѣшанной съ аристократіей (τῆ δημοκρατία ἢ ἀριστοκρατία μεμιγμένη—§ 153 сл.). По мнѣнію Перикла, афинская конституція и въ его время оставалась управленіемъ лучшихъ, то-есть, достоинѣйшихъ гражданъ; первенствующее въ теченіе пятнадцати лѣтъ съ лишнимъ положеніе оратора въ афинской республикѣ было краснорѣчивѣйшимъ тому свидѣтельствомъ. Θουκιδίδης раздѣляетъ убѣжденія Перикла и сочувствуетъ защищаемой имъ формѣ правленія; въ неудачахъ афинской политики историкъ винить не учрежденія, а нравы, исчезновеніе со смертію Перикла государственныхъ дѣателей, которые подобно ему стояли бы на уровнѣ потребностей своего времени (II, 66, 10—12. Срвн. III, 82—83).

Однако въ сочиненіи Θουκιδίδα есть одно мѣсто, на которое главнымъ образомъ опирается и г. Бузескулъ, и которое, повидимому, противорѣчитъ и воздаваемымъ Периклу похваламъ историка, и его сочувствію перикловской демократіи. По низверженіи олигархіи Четырехсотъ (411 г. до Р. X.) восстановлена была афинская демократія въ ограниченномъ видѣ: членами верховнаго народнаго собранія (τῆ ἐκκλησία) были теперь зажиточнѣйшіе граждане въ числѣ 5,000, отбывавшіе военную службу въ тяжеломъ вооруженіи; жалованье должностнымъ лицамъ, а равно и прочимъ гражданамъ за участіе въ народномъ собраніи и въ геліѣхъ отмѣнялось; потомъ рѣшено было выбрать законодательную коллегію и организовать во всѣхъ частяхъ государственное управленіе. „Особенно въ первое время афиняне,—заключаетъ историкъ,—имѣли прекрасное государственное устройство за моей по крайней мѣрѣ жизни (καὶ οὐχ ἤιστα δὴ τὸν κρῆτον χρόνον ἐκὶ γ' ἐμοῦ Ἀθηναῖοι φαίνονται εὖ πολιτεύσαντες), ибо это было соединеніе въ мѣру господства немногихъ и народа, и оно-то впервые вывело государство изъ жалкаго положенія“ (VIII, 97, 12).

Если допустить одновременное составленіе Θουκιδίδомъ двухъ частей исторіи,—архидамовой войны вскорѣ по окончаніи ея (421 г.) и послѣдовавшей за нею послѣ шестилѣтняго перерыва сицилійско-

юнійской, завершившейся въ 404 г. до Р. X., если, дагѣе, принять возможность переменъ въ настроеніи историка въ промежутокъ времени въ 20 слѣдующихъ лѣтъ, то прежде всего сама собою напрашивается мысль, что Θукидидъ въ различные періоды жизни относился не одинаково къ одному и тому же политическому строю. Сочиненіе Θуклида осталось не оконченнымъ: оно обрывается чуть не полуфразою на описаніи событій 411 года, хотя несомнѣнно, что авторъ пережилъ всю пелопоннескую войну (431 — 404 до Р. X.) и продолжалъ работу надъ своимъ сочиненіемъ и по окончаніи войны. Сочиненіе не только не закончено по содержанію, но и дошедшая до насъ часть исторіи не вездѣ равномерно отдѣлана. Отсюда легко объяснить присутствіе въ Исторіи пелопоннеской войны разногласій въ сужденіяхъ объ одинаковыхъ событіяхъ, непоследовательность въ самомъ способѣ обработки матеріала и т. п. Къ числу признаковъ незаконченности труда можетъ быть безо всякой натяжки отнесено и остающееся безъ разъясненія нѣкоторое разнорѣчіе въ оцѣнкѣ двухъ порядковъ политическаго обществія въ Аѣнахъ. Θуклидъ провелъ, въ изгнаніи не менѣе 20 лѣтъ (424 — 404 г. до Р. X.), вдали отъ родины, въ средѣ новыхъ отношеній, вліявшихъ на его прежніе взгляды; въ самихъ Аѣнахъ за этотъ промежутокъ времени многое измѣнялось; смерть Перикла расчистила путь новымъ народнымъ вождямъ, уступавшимъ ему и по даровитости, и по непрелюбной послѣдовательности въ дѣйствіяхъ; возвратившемуся изгнаннику многое на родинѣ должно было казаться чуждымъ; источникъ обрушившихся на страну бѣдствій, онъ могъ искать, между прочимъ, въ тѣхъ самыхъ политическихъ учрежденіяхъ, которыя раньше восхищали его и вызывали въ немъ удивленіе къ главному виновнику ихъ.

Въ результатѣ анализа получается такимъ образомъ наличность двойкаго отношенія историка къ демократической конституціи Аѣнъ: съ одной стороны сочувствіе Перикловой политикѣ, дававшей самое широкое примѣненіе началамъ народнаго самоуправленія, съ другой—пріобрѣтеніе демократіи, ограниченной имущественнымъ цензомъ и отрицавшей тотъ принципъ всеобщаго равенства передъ закономъ и всеобщаго участія гражданъ въ государственныхъ дѣлахъ, который, по словамъ Перикла, лежалъ, въ основѣ аѣнскаго „народовластія“ (δημοκρατία). Но различныя политическія воззрѣнія Θуклида выражены въ различныхъ частяхъ его труда, написанныхъ въ разное время, и характеризуютъ настроеніе автора въ различные періоды его жизни. Ошибка новыхъ

біографовъ и критиковъ нашего историка состоитъ въ томъ, что они по собственному усмотрѣнію и ради достиженія заранее поставленной цѣли стараются смѣшать различные взгляды автора въ одинъ, олигархическій или демократическій, и затѣмъ опредѣляютъ вліяніе личныхъ симпатій или антипатій Θουкидида на все изложеніе исторіи пелопоннесской войны. На самомъ дѣлѣ то, что пишетъ Θουкидидъ о Периклѣ и о событіяхъ его времени, не находится въ зависимости отъ того настроенія историка, которое выражено имъ въ VIII-й книгѣ, по времени составленія отдѣленной отъ II-й, III-й, IV-й книгъ промежуточною лѣтъ въ двадцать, къ тому же наименѣе обработанной; окончательной отдѣлки не достаетъ вообще всему сочиненію Θουкидида.

Это послѣднее обстоятельство необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ выраженій историка объ умѣренной демократіи, приведенныхъ выше. Вопервыхъ, выраженія эти слышкомъ кратки, чтобы можно было поставить ихъ на-ряду съ пространнѣмъ сужденіемъ автора о политикѣ Перикла и съ яснымъ сочувственнымъ изображеніемъ ея въ надгробной рѣчи оратора; вовторыхъ, выраженія эти не на столько ясны, чтобы можно было сказать навѣрное, чтѣ въ данномъ мѣстѣ желалъ сказать авторъ. Мы не можемъ рѣшить, въ какой формѣ предстала бы передъ нами нынѣшняя восьмая книга Исторіи въ окончательной редакціи; тѣмъ менѣе можно сказать это относительно отдѣльныхъ выраженій, содержащихся въ этой части труда. Наконецъ, вторыхъ, тѣ возвращенія историка, которыя нашли себѣ мѣсто въ VIII-й книгѣ, не должны быть обобщаемы и распространяемы на тѣ части, которыя были написаны раньше и не сведены съ позднѣйшими въ единую редакцію.

На нашъ взглядъ, разнорѣчіе между сочувствіемъ Θουкидида Периклу и его политикѣ и похвалою демократіи 5,000 афинянъ вовсе не такъ значительно, какъ толкуютъ обыкновенно. Нужно только не насловать текста и не впѣдрять въ него желательнаго для насъ смысла. Прежде всего слѣдуетъ помнить, что и Перикловская демократія представлялась нашему историку „народовластіемъ“ лишь по имени; по существу онъ признавалъ ее правленіемъ достойнѣйшихъ. Умѣренному смѣшенію господства немногихъ и народа историкъ приписываетъ силу и главные достоинства установленной по низверженіи Четырехсотъ формы правленія (*μητρία γὰρ ἦτε ἐς τοὺς ὀλίγους καὶ ἐς τοὺς πολλοὺς ἐτύχετε*). Читатель видитъ, что историкъ противопоставляетъ эту восстановленную демократію только что низверженной олигархіи, умалчивая объ отношеніи ея къ демократіи

болѣ ечистаго тѣла. Выраженія историка даютъ намъ полное право сдѣлать одинъ выводъ, именно, что историкъ безповоротно осуждалъ низверженный олигархическій строй родной республики и съ радостью привѣтствовалъ поворотъ Аэниъ къ болѣе широкому участію народа въ управленіи. Любопытно сопоставить въ этомъ отношеніи Эукидиду съ Геродотомъ. Можетъ быть, и не совсѣмъ вѣрно, но „отецъ исторіи“ видѣлъ причину быстрого усиленія Аэниъ передъ войною съ персами въ упраздненіи тиранніи и замѣнѣ ея народнымъ правленіемъ (*Ἄρθρον αἰδοῦσαι καὶ κρίν μαγάλα, τότε ἀπαλλαχθεῖσαι τῶν ἀνόντων ἀγίνοντο μέγας*—V, 66; *ἀπαλλαχθέντες δὲ τῶν ἀνόντων μακρῶ κρῆτοι ἀγίνοντο*—V, 78). Подобно этому Эукидидъ приписываетъ восстановление могущества республики паденію олигархіи и замѣнѣ ея демократіей (*καὶ ἔκ κοινῶν τῶν πραγμάτων τοῦτο κρῆτον ἀνήνευχα τῆν πόλιν*—VIII, 97, a). Словомъ, въ этомъ мѣстѣ Исторіи содержится противопоставленіе не одной формы демократіи другой, организованной Перикломъ и его партіей, но олигархіи, насильственно навязанной Аэниамъ кучкою честолюбцевъ. Нельзя не отмѣтить и того, что Эукидидъ хвалитъ соблюденіе мѣри (*μετρία μετρίως*) какъ въ демократіи 411 г., такъ равно и въ Перикловомъ управленіи. Такимъ образомъ для читателя ясно, что между двумя мѣрными древняго историка, находящимися въ началѣ и въ концѣ его труда, не существуетъ того противорѣчія, на которомъ настаиваютъ новыя критики.

Потомъ напрасно г. Бузескулъ утверждаетъ, будто сущность дѣла не измѣняется отъ того, понимаемъ ли мы слова *τὸν κρῆτον χρόνον* въ смыслѣ „въ теченіе перваго времени“, или такъ, какъ понимаетъ ихъ Классенъ вслѣдъ за К. Ф. Германомъ ¹⁾,— „впервые“, „въ первый разъ“ въ жизни Эукидиды, „zum ersten Mal während sein es Lebens“. Въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ только о демократіи пяти тысячъ гражданъ, измѣнившейся къ худшему впоследствии, при уступившей мѣсто иной формѣ правленія, безъ отношенія къ прежнимъ болѣе широкимъ формамъ народнаго самоуправленія; если новый порядокъ вещей съ тѣмъ-либо и сравнивается, то во первыхъ, съ упраздненной только что олигархіей, во вторыхъ, съ наступившимъ впоследствии положеніемъ дѣлъ. Во второмъ случаѣ (Германъ-Классенъ) мы получаемъ рѣшительный приговоръ историка надъ всѣми ранѣе пережитыми имъ формами правленія, прежде всего надъ Перикловской демократіей. Такъ понимаютъ дѣло Гербстъ ²⁾ и позднѣйшія издатель

¹⁾ *Berl. Jahrb.* 1842, № 16—19, стр. 144.

²⁾ Въ Приложеніи къ монографіи *Die Schlacht bei den Arginusen*, стр. 71, сл.

Θυκιδιда, Круазе. Этотъ послѣдній во введеніи къ тексту историка такъ переводитъ наше мѣсто: *Alors pour la première fois, au moins de mon vivant, les Athéniens furent bien gouvernés* ¹⁾. Но Круазе не выводитъ отсюда осужденія историкомъ Перикла. Однако сила въ томъ, что слова τὸν πρῶτον χρόνον, какъ видитъ самъ читатель, не могутъ никакимъ образомъ означать „впервые“, „въ первый разъ“: τὸν πρῶτον χρόνον означаютъ „первое время“, „въ теченіе перваго времени“,—и ничего болѣе.

Далѣе, начальныя слова того же предложенія καὶ οὐχ ἤλιστα соединяются обыкновенно съ далеко отстоящимъ отъ нихъ εὖ πολιτεύσαντες, и такимъ образомъ получается особенное превознесеніе демократіи 411 года. Намъ кажется, нѣтъ нужды раздѣлять рядомъ стоящія слова καὶ οὐχ ἤλιστα δὴ τὸν πρῶτον и переводить: „особенно въ первое время“. Такъ, вѣроатно, понимаетъ это мѣсто Круазе, въ приведенномъ выше переводѣ употребляя выраженіе „bien gouvernés“, тогда какъ у Классена „ganz besonders gut, vorzüglich gut eingerichtet haben“. Мало того: что Θυκιδιδὴ во отдавалъ безусловнаго предпочтенія этой ограниченной демократіи, — показываютъ слова ἐκὶ ἰσμοῦ, именно частица ἰέ „по крайней мѣрѣ“. Выраженіе это не поддается окончательному толкованію: тогда какъ одни (Германъ, Классенъ, Гербстъ) усматриваютъ въ немъ оправданіе той своей мысли, что историкъ сравниваетъ демократію 5,000 съ Перикловскою къ невыгодѣ этой послѣдней,—другіе (Петеръ, Шейбе, Фишеръ ²⁾), видятъ въ немъ намекъ автора на измѣненія въ управленіи или въ самой конституціи еще при жизни Θυκιδιда. Мы склоняемся болѣе ко второму толкованію, хотя сознаемъ трудность встанавать на немъ. На нашъ взглядъ относящееся сюда мѣсто Исторіи принадлежитъ къ числу тѣхъ признаковъ незаконченности авторской редакціи, которые особенно многочисленны въ нынѣшней VIII-й книгѣ. Единственное, что съ увѣренностью можно извлечь изъ VIII, 97, ε, это—осужденіе олигархіи Четырехсотъ.

На основаніи всего вышесказаннаго мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: вопервыхъ, сочувствіе Θυκιδιда Периклу, его внутренней и виѣшней политикѣ, не подлежитъ сомнѣнію; поэтому, если новый критикъ или историкъ старается доказать безирристраціе и

¹⁾ Thucydido, P. 1886, стр. 10.

²⁾ Прекрасная статья *Финнера Untersuchungen über die Verfassung von Athen in den letzten Jahren d. peloponn. Krieges* (Kleine Schriften I, 205—238) дополняется упомянутымъ выше изслѣдованіемъ Гербста.

правдивость свидѣтельств Эуклидида о Периклѣ, отъ обманъ искать основаній для своего мнѣнія или въ другихъ источникахъ, или въ особенностяхъ Эуклидовскаго изложенія вообще, но никакъ не въ похвалахъ Периклу, исходящихъ 'будто бы отъ писателя, олигархически настроеннаго и потому заслуживающаго полнаго довѣрія въ сочувственныхъ отзывахъ о вождѣ демократіи. Вотъорыхъ, при разновременности составленія различныхъ частей Исторіи и отсутствіи окончательной общей редакціи труда со стороны автора, произвольно было бы распространять сужденія Эуклидида, высказанныя въ VIII-й книгѣ, на II-ю, написанную гораздо раньше, при иномъ положеніи вещей, подъ иными вліяніями. Втретьихъ, книжка VIII-я книга дошла до насъ въ наименѣ законченномъ и обработанномъ видѣ; интересующее насъ сужденіе историка въ этой книгѣ изложено весьма кратко, въ видѣ замѣтки, подлежащей дальнѣйшему развитію, а потому строить на немъ какое-либо заключеніе о политическомъ исповѣданіи автора вообще кажется намъ большою смѣлостью. При этомъ нельзя оставлять безъ вниманія и того, что похвалы Эуклидида ограниченной демократіи 411 г. по существу мало отличаются отъ того, что раньше говорилъ историкъ въ похвалу Перикловой демократіи, изображаемой у историка самыми 'сочувственными чертами; къ тому же похвалы правленію пяти тысячъ ограничиваются у самого автора выраженіемъ „за моею по крайней мѣрѣ жизни (ἀκί γ' ἔμωβ)“.

Настоящіе замѣчанія о Эуклидидѣ мы впріурочили къ сочиненію русскаго ученаго больше всего, изъ желанія поддержать въ русскомъ читателѣ интересъ къ первостепенному историкъ древности, послужившему главнымъ источникомъ для г. Бузескула. Только тогда занятіе античными писателями и приобрѣтеть себѣ почву у насъ, когда отдѣльные работники на этой нивѣ постараются соединять свои силы къ уясненію многообразныхъ вопросовъ такъ называемой классической древности. Къ тому же сочиненіе г. Бузескула есть плодъ широкаго и старательнаго ознакомленія съ иностранной литературой предмета: въ большинствѣ случаевъ авторъ стоитъ въ немъ на уровнѣ европейской науки.

С. Шницеръ.

ЭЛЕКТРА,

ТРАГЕДІЯ СОФОКЛА

(переводъ съ греческаго).

Явленіе I.

Орестъ, Пиладъ и Педагогъ.

Педагогъ (передъ дворцомъ).

Взгляни, сынъ Агамемнона, подь Трои
Водившаго полки свои, на то,
Къ чему ты такъ стремился пылко. Вотъ онъ,
Предметъ твоей печали—Аргосъ древній;
Вотъ роща бѣдной дочери Инаха,
Въ неистовствѣ отъ овода бѣжавшей,
Волкоубійцы Аполлона площадь,
А слѣва Геры знаменитый храмъ.
Взгляни, куда пришли мы. Передъ нами
Сады Мивенъ златообильныхъ. Видишь—
Тотъ самый домъ, убійствомъ оскверненный,
Откуда я, когда погибъ отецъ твой,
Пріялъ тебя изъ рукъ твоей сестры,
Увезъ и спасъ, чтобъ на чужбинѣ дальней
Въ твоей груди съ годами крѣпло мщенье.
Итакъ, Орестъ, и ты, Пиладъ, должны вы
Рѣшить, что предпринять намъ: лучъ разсвѣта
Ужъ пробудилъ пернатыхъ голоса,
И звѣздной ночи сладкій мракъ сокрылся,

Но изъ дворца пока никто не вышелъ,
И намъ теперь благоприятный часъ,
Чтобъ приступить немедленно же къ дѣлу.

Орестъ.

Любезнѣйшій изъ слугъ моихъ! Какъ явно
Сказалась здѣсь мнѣ истинная доблесть
Души твоей! Какъ добрый старый конь
Стоитъ въ бою, настороженныя уши
На звукъ трубы, въ спокойномъ выжиданьи,—
Ты предъ лицомъ опасности являешь
Намъ мужества холоднаго примѣръ.
Такъ выслушай же то, что я задумалъ,
И обсуди. Когда я прибылъ въ Дельфы
И спросилъ оракула, желая
Изъ устъ его узнать про способъ мести,
Мнѣ Богъ изрекъ: „Безъ войска и щита,—
Коварствомъ нанеси ударъ законный“.
Итакъ, согласно съ пророчаньемъ, только
Представится удобный случай,—ты
Войдешь повнудра чертога, разузнаешь,
Что дѣлается тамъ, и сообщишь намъ.
Не бойся: вѣдь подъ этой сѣднкой,
Въ чертахъ лица, давнымъ давно забытымъ,
Ничто тебя не выдастъ предъ врагами.
Ты скажешь имъ, что прибылъ изъ Фокиды,
Что посланъ къ нимъ ихъ другомъ Фанотеемъ,
Первѣйшимъ ихъ союзникомъ въ бою,
И съ клятвой сообщишь имъ, что, по волѣ
Судьбы неотразимой, поразила
Ореста смерть во время игръ пнойскихъ,
Когда онъ палъ случайно съ колесницы.
Такъ и скажи. А мы пойдемъ къ холму,
Гдѣ прахъ отца; указанныя Фебомъ
Тамъ возмѣняя совершимъ, красною
Своихъ кудрей почтимъ его могилу,¹⁾
А на пути обратномъ завернемъ
За мѣдной урной, какъ тебѣ извѣстно,
Запрятанной теперь въ кусты. Возьмемъ

Её съ собой,—и, уснивь ихъ ложью,
 Вдругъ поразимъ открытiемъ, что въ урнѣ
 И не бывало праха моего.
 Бѣда ли въ томъ, что, будучи живымъ,
 Я прослыву за мертваго? Ужели
 То дурно, что полезно намъ? Вѣдь часто
 Мнѣ приходилось слышать, какъ такой-то
 Великій мужъ погибнетъ мнимой смертью,
 А послѣ славы большею вѣнчаетъ
 Его отчина. Лъщу себя надеждою
 Влечу потомъ звѣздою лучезарной!
 Прими жъ меня, земля моя родная,
 И вы, пенаты мѣстные, съ удачей
 Во всѣхъ моихъ дѣлахъ. Будь благосклоненъ
 Мнѣ, отчій домъ, въ который я вступлю
 По волѣ божьей—мститель правосудный,
 Восстановитель и богатствъ, и рода,—
 Да не уйду отсюда посрамленнымъ!
 Я всё сказалъ. Теперь, старикъ, за дѣло!
 А мы пойдемъ: успѣхъ въ рукахъ минуты.

ЭЛЕКТРА (за сценою, въ покояхъ).

О, горе мнѣ! о, горе!

ПЕДАГОГЪ.

Слышавъ, сынъ мой,
 За дверью кто-то стонетъ изъ рабынь.

ОРЕАТЪ.

Ужъ не сестра-ль несчастная, Электра?..
 Послушай-ка, останемся, узнаемъ!

ПЕДАГОГЪ.

Нѣтъ, не свершивъ великiй Аполлона,
 Предпринимать не должно ничего.
 Почтимъ отца сначала возлиншемъ,
 И богъ намъ дастъ побѣду и успѣхъ.

(Уходить)

Явление II.

ЭЛЕКТРА и ХОРЪ.

ЭЛЕКТРА (одна, выходитъ на сцену).

О, свѣтъ святой,
 О, зѣнрь всеобъемлющій!
 Какъ часто слыхалъ ты
 Слезные вопли мои,
 Какъ часто ты видѣлъ
 Со тьмой убѣгающей,
 Какъ я терзала себя, колота
 До крови въ грудь свою!..
 Знаешь отлично
 Ложе постылое
 Тривны ночныя мои!
 Какъ горько я плакала
 О бѣдномъ отцѣ моемъ!..
 Не жаждущій крови Аресъ
 Принялъ его на чужбинѣ,
 Но, какъ дубъ, въ лѣсу подстѣченный,
 Онъ палъ отъ рукъ моей матери,
 Вступившей въ союзъ
 Съ любовникомъ гнуснымъ Эгистомъ,—
 И только я одна плачу
 О смерти постыдной твоей, отецъ!..
 Не перестану
 Ни плакать, ни заливатьсѣ въ стонахъ.
 Пока только свѣтитъ зѣвади
 И ходитъ свѣтло днѣ,—
 Но, какъ пташка-сиротка, громко
 Предъ отцовскимъ дворцомъ рыдалъ,
 Разглашу свою скорбь я всѣмъ!
 Внемлите жъ мнѣ Персефона, Андъ,
 И Гермесъ, въ подземную тьму вводитель,
 И грозная кара, и дщери божьи,
 Святые Эринни: видите
 Не право убитыхъ? Явитесь,
 Отчистите за смерть отца,

И,—бремя печали сносить не могущей,—
 Пошлите мнѣ брата!

Хоръ.

Строча 1-я.

Электра, ужаснѣйшей матери дочь
 Къ чему ненастыно
 Ты плачешь, отца вспоминая,
 Что хитрой сунруги обманомъ захваченъ
 И преданъ безбожнѣйшимъ образомъ
 Злодѣйской рукою? Погибелъ виновнымъ,
 Когда мнѣ позволено молвить!

ЭЛЕКТРА.

О, дочери знатныхъ! ко мнѣ вы явились,
 Неся утѣшеніе въ скорби...
 Всѣ знаю, всѣ вижу: меня вамъ нельзя обмануть,—
 Но я не хочу, не хочу я сама отказаться
 Отъ воплей и плача. Я васъ заклиная
 Отъмычивой дружбой вашей,
 Оставьте меня,
 Позвольте мнѣ плавать,—молю васъ!

Хоръ.

Антистрофа 1-я.

Но изъ водъ роковыхъ Анда,
 Ни слезой, ни молениемъ страстнымъ
 Ужъ не выведешь близкихъ сердцу.
 Ты себя лишь губишь, стеная:
 За границы умѣренной скорби
 Переходишь ты къ невозможной,—
 Въ ней же нѣтъ намъ отъ зла спасенья...
 Что жъ стремишься ты къ непосильному?

ЭЛЕКТРА.

Безумецъ одинъ забываетъ родителей,
 Плачевно погибшихъ!
 Но сердце мое улаживаетъ хоть нѣсколько

Всѣ Итіа, Итіа съ плачемъ вѣщала,
 Крылатая Зевсова вѣстница,
 Тебя же, Ніоба, о всепретерпѣвшая, чту я
 Богиней, потому что въ могилѣ скалистой
 Ты точишь безсмертныя слезы!

Хоръ.

Строча 2-я.

Но не одна же, дитя мое, ты
 Этими постигнута горемъ,
 Хотя предана ты печали и богѣ,
 Чѣмъ однокровныя сестры твои,
 Хризотемида и Ифіанасса,
 И, наконецъ, твой любезный,
 Юностью пышной, не знающей горя, цвѣтущій
 Братъ твой, Орестъ,—да прибудеть
 Подъ покровительствомъ Зевса
 Овъ въ достославную землю Микенъ!

Электра.

Вотъ его-то я, бездѣтная,
 Незамужняя, несчастная,
 Я, на скорбь лишь обреченная,
 Жду, слезами обливаясь....
 Что я сдѣлала ему,—
 Все забылъ, неблагодарный, овъ....
 Что ни вѣсть о немъ—обманъ одинъ....
 Только хочетъ овъ прійти.

Хоръ.

Антистрофа 2-я.

Полно, мужайся, дитя мое!
 Живъ еще на небѣ
 Зевсъ громовержецъ, всевидащій,
 Всеуправляющій.
 Не раздражалъ враговъ своихъ,
 Не забывалъ обиды ихъ,
 Гнѣвъ свой великій ему поручи ты.

Жди: благотвительно время!
 Не позабудет тебя Агамемнона сынъ,
 Ни Ахеронта богъ-мститель!

ЭЛЕКТРА.

Но пол-жизни безнадежно я
 Прожила—и силъ нѣтъ болѣе
 Выносить: осиротѣлая,
 Изнываю я одна.
 Жалкимъ рубищемъ прикрытая,
 И чертоги убираю ихъ,
 Да слоняюсь у столовъ пустыхъ,
 Какъ презрѣнная раба!

Хоръ.

Строча 3-я.

Какъ громокъ и страшень былъ вопль,
 Когда надъ вернувшимся съ дальней чужбины
 На ложъ завѣтномъ въ упоръ занесенъ былъ
 Топоръ смертоносный...
 Коварство взлелѣяло замыслъ преступный,
 А похоть свершила:
 Ужасное дѣло, кто бъ ни былъ виновный—
 Самъ богъ или смертный!

ЭЛЕКТРА.

О, этотъ день—лютый врагъ мой,
 День, изъ всѣхъ самый злѣйшій!
 О, ненавистная ночь
 Тяжелаго пиршества!
 Тогда-то отецъ мой
 Увидѣлъ поворную смерть
 Изъ рукъ, погубившихъ меня
 И жизнь мою—на вѣтеръ брошенную!
 Пусть самъ Олимпіецъ съ небесъ
 Ихъ горько накажетъ,
 Пускай за дѣяніе злое
 Не знаютъ отрады они!

ЭЛЕКТРА.

ХОРЪ.

Антистрофа 3-я.

Не жалуйся больше. Подумай,
 Ты знаешь, какая причина
 Тебя повергаетъ
 Въ сильнѣйшую скорбь?
 Не ты ли сама и раздула
 Несчастья свои,
 Легла на сердцѣ уныломъ
 Угрюмую злобу,
 Тогда какъ съ могучими спорить не должно!

ЭЛЕКТРА.

Несчастье меня приневолило,
 Несчастье одно!
 Я знаю, что злобствую.... Но,
 Пока меня жизнь не покинетъ,
 Страданій своихъ
 Скрывать я не стану.
 И что бы вы мнѣ ни сказали,—
 Какая же польза отъ слова?
 Оставьте жъ меня, съ утѣшенемъ пришедшія:
 Я все буду сѣтовать,
 И все убиваться,
 Для безпрестаннаго слезы!

ХОРЪ.

Вводъ.

Повѣрь, о тебѣ лишь радѣя,
 Какъ вѣрная мать, говорю я:
 Не умножай горя горемъ!

ЭЛЕКТРА.

Гдѣ же мѣра для бѣдствій моихъ?
 Хорошо ли забыть и погибшихъ?
 Изъ людей поступалъ ли кто такъ?
 Но пускай же я чести лишусь

И не буду спокойна со счастьемъ своимъ,
 Если къ близкимъ забывъ уваженъе,
 Малодушная; крылья сложу я
 Своихъ вошей летучихъ!
 Если будетъ умершій во гробъ лежать,
 А злодѣй ликовать безъ возмездья,—
 Вѣдь тогда провадутъ на землѣ
 Благочестье и стыдъ!

ХОРЪ.

Съ заботою объ общемъ нашемъ благѣ
 Явились мы, и если мы ошиблись,
 А ты права, то докажи: охотно
 Мы за тобой последуемъ тогда!

ЭЛЕКТРА.

Простите мнѣ. Быть можетъ, эти слезы
 И жалобы становятся вамъ въ тягость,
 Но а вашъ слухъ терзаю противъ воли,
 Хоть стыдно мнѣ. И кто жъ, въ комъ не заглохла
 Святая честь, не поступилъ бы такъ
 При видѣ бѣды отца, что съ каждой ночью
 И каждымъ днемъ растутъ, границъ не зная?
 На долю мнѣ безславые пало. Первымъ
 Позорившимъ несчастьемъ стало—быть
 Отъ матери-преступницы рожденной;
 Второе—жить въ чертогахъ, обогранныхъ
 Отцовской кровью и въ рукахъ злодѣевъ,
 А третье.... О, поймите,—горько видѣть,
 Что на отцовскомъ тронѣ воссѣдаетъ
 Эгистъ предатель подъ порфирой царской
 И дерзко льетъ вино на оскверненный,
 Запятнанный злодѣйствомъ ихъ очагъ,
 И наконецъ,—о худшая изъ худшихъ
 Ихъ невостей!—онъ съ матерью,—когда
 Возможно такъ назвать прелюбодѣйку,—
 Онъ съ ней, несчастной, на отцовскомъ ложѣ
 Покоится, в никакихъ Эрминий
 Она не знаетъ въ наглости своей,

Но, какъ въ насѣдствіи, въ годовщину смерти
 Супруга своего, приносить жертвы
 И шумный праздникъ править для народа.
 Я жъ, бѣдная, все это видя, плачу,
 Томлюсь, слоняясь по пустынь поволяхъ,
 И не дають мнѣ вдоволь напомнимся,
 Не позволяютъ выплакаться вдоволь!
 Хвастливая своимъ великодушьемъ,
 Она меня такой поносить бранью:
 „Ахъ, мерзкая! одна ли ты несчастна?
 Одна ли ты лишилася отца?
 Или не скорбитъ никто объ этомъ больше?
 О, еслибъ смертью срамной умерла ты
 И у боговъ подземныхъ безъ конца
 Стенала бы и плакала, какъ здѣсь!“
 Вотъ такъ-то и честить меня! Когда же
 Ей объ Орестѣ кто-нибудь напомнить,
 То въ бѣшенствѣ, представъ передо мною,
 „Твое“, она кричитъ: „все это дѣло!
 Видь ты его изъ рукъ моихъ украла
 И тайно выслала отсюда. Знай же,
 Поплатишься ты карою достойной!
 Такъ лается она,—супругъ же славный,
 Онъ—воплощеніе пагубы, вонитель
 Лишь съ бабами, —ее же подстрекаетъ.
 А я? я мстителя Ореста,
 Несчастлива, все жду еще—и гибну!
 Создавъ надежды для меня, онъ первый
 И рушить ихъ. Въ условіяхъ такихъ
 Умѣренности или благочестья
 Не сохранить, но среди зла, напротивъ,
 Намъ и самимъ приходится быть злыми.

Хоръ.

Скажи-ка, вотъ ты съ нами говоришь
 Въ отсутствіе Эгиста, или онъ дома?

Электра.

Конечно, нѣтъ! Не думай, чтобъ при немъ
 Могла я за дверь выйти. Нѣтъ, онъ въ погѣ.

ХОРЪ.

Такъ значитъ, въ самомъ дѣлѣ, я смѣлѣе
Поговорить могу теперь съ тобой.

ЭЛЕКТРА.

Да, безъ него ты можешь говорить
Всѣ, что угодно.

ХОРЪ.

Я бѣ спросить хотѣла,
Какъ полагаешь ты на счетъ Ореста?

ЭЛЕКТРА.

Онъ только много говоритъ, дѣла же
Не соответствуютъ его словамъ.

ХОРЪ.

Медлительность предшествуетъ великимъ
Дѣламъ.

ЭЛЕКТРА.

Но я жѣ спасла его, не медля!

ХОРЪ.

Мужайся. Онъ на столько благороденъ,
Чтобъ защитить друзей своихъ.

ЭЛЕКТРА.

Иначе

Могла ли бы я жить я?

ХОРЪ.

Тсі ни слова!

Идетъ твоя сестра, Хривотемида,
И, слѣдуя обычаю родному,
Несетъ съ собой въ рукахъ дары умершимъ.

Явление III.

Тя-же и Хризотимида.

ХРИЗОТИМИДА.

Сестра! зачѣмъ опять ты вышла въ сѣни
 И поднимаешь крики? неужели
 Твой тщетный гнѣвъ еще не остудился?
 Вѣдь вотъ же я не менѣе страдаю,
 И—дай мнѣ волю—я бы показала
 Тогда себя.. но знаю я, что въ бурю
 Плыть надлежитъ, сложивши паруса,
 И предъ врагомъ безпомощную ярость
 Благоразумнѣй подавить въ груди.
 Желаю и тебѣ такъ поступать;
 Хотѣ намъ судья нашъ собственный разсудокъ,—
 Но, если я хочу жить на свободѣ,
 Должна повиноваться власть внушима.

ЭЛЕКТРА.

Ужасно мнѣ, что дочь, отца забывъ,
 О матери-преступницѣ печется!
 Въ устахъ твоихъ ея звучали рѣчи,
 А не твои! Берн жь себѣ на выборъ
 Одно изъ двухъ: быть честной, или низкой.
 Не ты ль сама сейчасъ здѣсь говорила
 Про гнѣвъ свой негодующій, но мнѣ
 Не только ты не помогаешь,—даже
 Отговорить стараешься; ну, развѣ
 Не низость это, кромѣ злодѣянья?
 Но объясни, вѣль выслушай, какая
 Мнѣ польза отъ молчанья. Развѣ я
 Ужъ не живу,—хоть и безсланной жизнью?
 Достаточно и этого съ меня!
 Я, чувствуя умершаго, который,
 Быть можетъ, всё тамъ чувствуетъ такъ ясно;
 Его убійцамъ досаждаю этимъ,
 А ты ихъ ненавидишь на словахъ,
 На дѣлѣ же ты съ ними. Никогда бы

Я имъ не уступила за всё блага,
 Которыми гордишься ты. Ликуй,
 Пей, веселись, живи себя во славу!
 А мнѣ отрада—вѣрной быть себя!
 Твоихъ богатствъ и чести мнѣ не надо,
 И еслибъ ты была благоразумной, —
 То также ихъ отвергла бы. Ты дочь
 Великаго, но дочью гнуснѣйшей
 Зовись отнынѣ, чтобъ, по крайней мѣрѣ,
 Предавъ отца и съ нимъ своихъ друзей,
 Съ убійцами позоромъ подѣлиться!

Хоръ.

Безъ гнѣва, умоляю васъ богами!
 Вы обѣ правы и не правы обѣ:
 Вамъ другъ у дружки можно поучиться.

Хризотемида.

Дѣвцѣ! я къ рѣчамъ ея привыкла
 И безъ вниманья выслушала бѣ, если
 Мнѣ не было бѣ мѣлѣстно, что грозятъ ей
 Несчастія и слезы пуще прежнихъ.

Электра.

Скажи же! можетъ быть, передъ страшнѣйшимъ,
 Чѣмъ настоящее, я замолчу.

Хризотемида.

Скажу тебѣ, что знаю. Если только
 Не перестанешь ты вопить, то ими
 Порѣшено сослать тебя подальше
 Отъ солнца и отъ свѣта, на чужбину,
 Въ холодную и мрачную темницу.
 Обдумай же, пока еще есть время,
 И въ черный день не попреки меня.

Электра.

Ужель же они такъ и рѣшили?

ЭЛЕКТРА.

ХРИЗОТЕИДА.

Конечно, лишь воротится Эгестъ.

ЭЛЕКТРА.

Такъ пусть же, видя въ этомъ прокъ, спѣшитъ онъ.

ХРИЗОТЕИДА.

Что ты, несчастная, сказать дерзнула?

ЭЛЕКТРА.

Чтобъ онъ не медля, колю на то пошло!

ХРИЗОТЕИДА.

Въ умѣ ли ты, бѣди себя жалам?

ЭЛЕКТРА.

Но крайней мѣрѣ, я уйду отъ васъ.

ХРИЗОТЕИДА.

И ты не думаешь уже о жизни?

ЭЛЕКТРА.

Да, жизнь моя такъ дивно хороша...

ХРИЗОТЕИДА.

Была бы и такой—съ благоразумьемъ.

ЭЛЕКТРА.

Ахъ, не учи ты новости мевя!

ХРИЗОТЕИДА.

Не новости—уступишь передъ силой.

ЭЛЕКТРА.

И обольщайся. Я иначе мыслю.

ХРИЗОТЕИДА.

Но скверно гибнуть жертвой неразумья!

ЭЛЕКТРА.

И я хочу погибнуть, за отца
Отмстить сперва.

ХРИЗОТЕМИДА.

Отец просталъ мнѣ, знаю.

ЭЛЕКТРА.

Такую рѣчь похвалить только подлость.

ХРИЗОТЕМИДА.

Такъ ты меня послушаться не хочешь?

ЭЛЕКТРА.

Нѣтъ, никогда! безумной не хочу быть.

ХРИЗОТЕМИДА.

Итакъ, прощай. Пойду своею дорогою.

ЭЛЕКТРА.

Куда жь? и что это за жертвы?

ХРИЗОТЕМИДА.

Почтить отца могилу пожелала мать.

ЭЛЕКТРА.

Его-то, кто ей ненавистнѣй всѣхъ?

ХРИЗОТЕМИДА.

Убитого, сказать ты хочешь, ему?

ЭЛЕКТРА.

Какой же другъ склонилъ её къ тому?

ХРИЗОТЕМИДА.

Мнѣ кажется, видѣніе ночное.

ЭЛЕКТРА.

ЭЛЕКТРА.

О, боги! хоть теперь-то помогите!

ХРИЗОТЕИДА.

Такъ ты надѣешься на страшный сонъ?

ЭЛЕКТРА.

Разказывай сначала, и увидимъ.

ХРИЗОТЕИДА.

Но я не многое могу сказать.

ЭЛЕКТРА.

Хоть что нибудь. Спасеніе и въ маломъ.

ХРИЗОТЕИДА.

Передаютъ, что будто бы ей снилось,
 Какъ нашъ отецъ воскресъ и съ нимъ вторично
 Она живетъ. И видѣлся ей —
 Усопшій взялъ ему принадлежащій,
 Похищенный Эгистомъ, скипетръ снова
 И утвердилъ надъ очагомъ домашнимъ, —
 И тотъ прозябъ, многовѣтвистой тѣнью
 Покрывши всю страну Микенъ. Въ молитвѣ
 Такъ Гелію она передавала,
 А мнѣ свидѣтель разказавъ. Но больше
 Я ничего не знаю, развѣ только,
 Что это-то причиною и было
 Послать меня. Но умоляю богомъ,
 Послушайся, чтобъ жертвой безрассудства
 Не погубить себя, не обратиться
 Ко мнѣ тогда, когда ужъ будетъ поздно!

ЭЛЕКТРА.

О, милая! не требуетъ могила
 Его тѣхъ жертвъ; дары изъ рукъ враждебныхъ
 Тебѣ и не прилично брать. Развѣй

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ-СЕМИДЕСЯТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАНИ.
1. (24-го февраля 1890 года). Объ учрежденіи при Повѣнецкомъ городскомъ училищѣ неприкосновеннаго капитала „Повѣнецкаго уѣднаго земства“	3
2. (24-го февраля 1890 года). Объ учрежденіи при Екатерининской Маріинской женской гимназіи стипендіи имени начальницы этой гимназіи Александры Акимовны Черновой	—
3. (27-го марта 1890 года). О сокращеніи числа стипендіатовъ имени Павловыхъ въ пансіонѣ Ставропольской женской гимназіи св. Александры	4
4. (17-го апрѣля 1890 года). О введеніи русскаго преподавательскаго языка въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа	—
5. (23-го апрѣля 1890 года). Объ учрежденіи стипендіи при Ковенской мужской гимназіи	6
6. (23-го апрѣля 1890 года). О принятіи капитала, завѣщаннаго Егоромъ Кокоревымъ	6
7. (24-го апрѣля 1890 года). О пенсіонныхъ правахъ должностныхъ лицъ Императорскаго Московскаго технического училища	—
8. (1-го мая 1890 года). О переводѣ реальнаго училища изъ г. Могилева въ г. Винницу	7
9. (1-го мая 1890 года). Объ учрежденіи въ городахъ Маргеланѣ и Самаркандѣ Маріинскихъ женскихъ училищъ	8

10. (8-го мая 1890 года). Обь учрежденіи Маріинскихъ женскихъ училищъ въ городахъ Багумъ и Карей .	14
11. (14-го мая 1890 года). О промышленныхъ училищахъ имени О. В. Чижова .	21
12. (16-го октября 1889 года). Обь учрежденіи при Александровскомъ городскомъ училищѣ семи стипендіи .	41
13. (17-го апрѣля 1890 года). Обь утвержденіи положенія и штата лица Цесаревича Николая въ Москвѣ .	—
14. (24-го апрѣля 1890 года). О примѣненіи къ гимназіямъ Доритскаго учебнаго округа устава и штата гимназій 30-го іюля 1871 года .	49
15. (1-го мая 1890 года). О преобразованіи Омскаго техническаго училища въ вѣдѣніе механико-техническое .	50
16. (1-го мая 1890 года). Обь упрядненіи Балтородской и учрежденіи Курской учительской семинаріи .	51
17. (8-го мая 1890 года). Обь открытіи въ городѣ Бранскѣ вѣзнаго механико-техническаго училища .	54
18. (10-го мая 1890 года). Обь учрежденіи премій за драматическое сочиненіе на проценты съ капитала, пожертвованнаго поручикомъ войска Донскаго Андреемъ Карѣвымъ .	55
19. (10-го мая 1890 года). Обь учрежденіи при Рижскомъ городскомъ училищѣ Императрицы Екаторины II стипендіи въ память столѣтія существованія этого училища .	—
20. (14-го мая 1890 года). О предоставленіи воспитанникамъ среднихъ техническихъ училищъ отсрочки по отбыванію воинской повинности .	—
21. (14-го мая 1890 года). Обь открытіи дополнительнаго класса при Елабужскомъ реальномъ училищѣ, взамятъ коммерческаго отдѣленія .	56
22. (14-го мая 1890 года). Обь учрежденіи при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра должности совѣтника вральенія .	57
23. (14-го мая 1890 года). Обь освобожденіи отъ призыва на дѣйствительную службу въ мирное время агрономическихъ смотрителей изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ Красноуфимскомъ промышленномъ, бывшемъ реальномъ, училищѣ .	58
24. (12-го іюня 1890 года). Обь измѣненіи таблицы числа недѣльныхъ уроковъ въ мужскихъ гимназіяхъ .	59
25. (14-го іюня 1890 года). Обь учрежденіи шести промышленныхъ училищъ .	61

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (19-го мая 1890 года). Положеніе о стипендіи при Рижскомъ городскомъ училищѣ Императрицы Екаторины II въ память столѣтія существованія сего училища .	25
2. (19-го мая 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ имени бывшаго Тамбовскаго губернатора, тайнаго совѣтника барона Александра Александровича Фридерикса при Моршанской женской прогимназіи .	26

3. (23-го мая 1890 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго Тамбовскаго губернатора, тайнаго совѣтника барона Александра Александровича Фридерикса при Моршанскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ 27
4. (28-го мая 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ имени маіора Василія Николаевича Чубровскаго при Борисоглѣбской женской гимназіи —
5. (28-го мая 1890 года). Положеніе о стипендіи имени протоіерея Арзамаскаго Воскресенскаго собора Іоанна Дмитріевича Старгородскаго при Арзамаской Екатерининской женской гимназіи 29
6. (29-го мая 1890 года). Положеніе о стипендіи имени англійскаго подданнаго Виконтія Джамальва при Керченской Александровской гимназіи —
7. (29-го мая 1890 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Виктора Александровича Вибкова при С.-Петербургской 3-й гимназіи 30
8. (30-го мая 1890 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ по вопросу объ особыхъ преимуществахъ службы въ отдаленныхъ губерніяхъ Имперіи 31
9. (11-го іюня 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ въ память событія 17-го октября 1888 года при Чебоксарскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ 34
10. (12-го іюня 1890 года). Положеніе о двухъ стипендіяхъ при С.-Петербургскомъ 2-мъ реальномъ училищѣ имени бывшаго камердинера Двора Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Павла Александровича, въ чинѣ VIII класса, Сергія Терентьева Датскаго —
11. (20-го іюня 1890 года) Правила о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала умершей дочери полковника дѣвнцы Юліи Александровны Майковой, заключающагося въ облигаціяхъ 2-го восточнаго займа за №№ 93629 и 95188 по 1.000 руб. каждая и за № 329112 въ 100 руб. 62
12. (29-го іюня 1890 года). Положеніе о стипендіи имени сенатора тайнаго совѣтника Доавасія Николаевича Сомова при Тверской Маріинской женской гимназіи 63
13. (14-го іюля 1890 года). Положеніе о стипендіи имени телавскаго первой гильдіи кунца Вагдасара Ивановича Вагдоова при Телавскомъ городскомъ училищѣ 64
14. (4-го іюля 1890 года). Положеніе о стипендіи имени генерал-адъютанта графа Лорисъ-Меликова при Харьковской Маріинской женской гимназіи 65
15. (9-го іюля 1890 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о недонушеніи зачета службы, проведенной въ бывшихъ женскихъ 1-го и 2-го разряда училищахъ, въ срокъ службы на пенсію изъ суммъ государственнаго казначейства 66

**ОПРЕДЕЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

	СТРАИ.
О книжкѣ: „Могучій Самсонъ. Разказъ <i>Властоуши Оржешико</i> “	35
О книжкѣ: „Робнявошъ Круво. Его жизнь и приключенія“	—
О книгѣ: „Опредѣлитель насѣкомыхъ. <i>Д. Шастендала</i> и <i>Д. Вюшпа</i> . Переводъ <i>т. Ирцева</i> , подъ редакціей <i>К. Линдемана</i> “	—
О книгѣ: „Садоводство и огородничество. <i>В. Виллеса</i> “	—
О книгѣ: „Римское государственное право. Сочиненіе <i>И. Виллеса</i> . Переводъ <i>И. Н. Бодянского</i> . Выпускъ II“	36
О книгѣ: „Книга упражненій къ греческой грамматикѣ <i>Г. Нидерле</i> . Составилъ <i>И. Мейеръ</i> . Изданіе 4-е“	—
О книгѣ: „Сборникъ матеріаловъ для устнаго и письменнаго пере- вода съ русскаго языка на греческій. Составилъ <i>Э. Черный</i> и <i>Н. Ва- талинъ</i> . Часть I. Изданіе 3-е“	—
О книгѣ: „Греческая фразеологія. Составилъ <i>Ио. Осменовичъ</i> “	—
О книгѣ: „Словарь Гомеровской мифологіи и географіи. <i>Э. Леру</i> . Переводъ <i>И. Бюевоескій</i> “	—
О книгѣ: „Греческіе классики. Подъ редакціей <i>М. В. Крауза</i> “	—
О книгахъ: „ <i>Д. П. Булава</i> . Собраніе ариметическихъ задачъ при- готовительнаго и систематическаго курса для устнаго и письменнаго рѣ- шенія. Части I и II“	37
О книгѣ д-ра медицины <i>Н. Ф. Келдыма</i> : „Медицинскія бесѣды съ испытанными сестрами милосердія Св.-Тропцкой общины“	—
О книгѣ: „ <i>Russische Gedichte von A. Kolsoo</i> . Deutsch von <i>M. Mi- cholson</i> “	—
О книгѣ <i>В. Вахтина</i> подъ заглавіемъ: „Нагрузка и питаніе ам- стности купеческихъ судовъ. Изданіе мореходныхъ классовъ С.-Пе- тербургскаго рѣчнаго яхтъ-клуба“	—
О книгѣ: „Словообразованіе въ русскомъ языкѣ. Составилъ <i>Александръ Желобовскій</i> “	69
О книгѣ <i>А. Фимлама</i> : „Краткое руководство ариметики и сборникъ ариметическихъ задачъ. Ч. I—IV“	—
О книгѣ: „ <i>Der Rechnenunterricht in Gymnasien und anderen mitt- leren Lehranstalten. Ein Hilfsbuch für den Schüler von Dr. Nikolai Norking</i> “	—
О книгѣ: „Опытъ систематическаго повторительнаго курса по все- общей и русской исторіи. Выпускъ I. Составилъ <i>Евстацій Крыловъ</i> “	—
О брошюрахъ, изданныхъ <i>В. Н. Маркусемъ</i> : 1) „День въ Рим- скомъ циркѣ (картинны римскихъ нравовъ). <i>В. А. Висковатова</i> “, 2) „Какъ люди научились писать. <i>В. А. Висковатова</i> “	—
О книгѣ: „Заразнымъ болѣзнями въ учебныхъ заведеніяхъ. Д-ра <i>А. О. Виреміуса</i> . Изданіе 2-е“.	70

Объ изданіи: „Вѣстникъ птицеводства, органъ Бюро птицеводства орнитологическаго отдѣленія Императорскаго русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растений, ежемѣсячный журналъ“ . . .

О брошюрахъ, изданныхъ *В. Н. Маркусовымъ*: 1) „Разведеніе лѣсныхъ деревъ. *М. Турскаго*. Изданіе 3-е“, 2) „Ива; ея значеніе, разведеніе и употребленіе. *Э. Э. Керна*“, 3) „Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. *Генриха Землера*“, 4) „Разведеніе подсолнечника“, 5) „Сельское огородничество. Составилъ *В. Н. Маркусовъ*“ . . .

О брошюрахъ подъ заглавіемъ: „Читальни народной школы“: 1) „Устройство древеснаго питомника при народной школѣ. *М. Турскаго*“, 2) *А. Альмедичена*: I. „Полюсъ-трава хотъ и сорнал, да полезная“, II. „Что такое перегонка и какую пользу она приноситъ людямъ“, III. „Крестьянское хозяйство и конга“ . . .

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Ручной трудъ въ общеобразовательной школѣ. *К. Ю. Цируль*“ . . . 37

О книгѣ: „*С. М. Арзамельскій*. Какъ въ судѣ правое дѣло отстоять. Выпускъ I“ . . . —

О книгѣ, составленной *Михельсономъ*, подъ заглавіемъ: „Russische Gedichte von *A. Kolzow*. Deutsch von *M. Michelson*“ . . . —

О книгѣ: „Краткій курсъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ. Составилъ *Э. Вулкель*. Изданіе 12-е“ . . . 71

О книгѣ: „Доброе слово. Составилъ *Г. М. Дьяченко*. Изданіе 3-е“ . . . —

О книгахъ *В. Руднева*: „Родной мірокъ. Русскій букварь и первая послѣ буквари книжка для чтенія. Изданіе 3-е“ и „Руководство для учителей къ преподаванію по книгѣ „Родной мірокъ““ . . . —

Официальнымъ извѣщеніемъ . . . 38 и 72

Списокъ премій при Императорской Академіи Наукъ, Императорскихъ Россійскихъ университетахъ, существующихъ при оныхъ ученыхъ обществахъ и С.-Петербургскомъ Технологическомъ институтѣ . . . 1

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

А. А. Голомбівскій. Столы Разряднаго приказа въ 1668—1670 годахъ . . . 1

А. И. Введенскій. Къ вопросу о строеніи матеріи. . . 18 и 191

В. Э. Рогель. О хроникѣ Козьмъ Пражскаго . . . 221

Г. С. Дестунисъ. Очерки греческой загадки съ древнихъ времънь до нашихъ . . . 66 и 282

	СТРАН.
А. И. Баричниковъ. Къ вопросу о итицѣ Страфиль . . .	99
Г. В. Форстевъ. Архивныя записки въ Любекѣ и Дандигѣ по исторіи Балтійскаго вопроса . . .	291
А. В. Михайловъ. Къ вопросу о Домостроѣ . . .	332

КРИТИКА И КНИЖНОГРАФІЯ.

П. М. Покоровіе Финляндіи. <i>Ж. Ордма</i> . . .	109
А. С. Ланно-Данилевскій. <i>Д. Эваркилиѣ</i> . Публичныя лекціи по археологіи Россіи. С.-Пб. 1890 . . .	142
И. А. Л. Протестантизмъ и протестантизмъ въ Россіи до эпохи преобразованій. <i>Дм. Цоттасаа</i> . Москва. 1890 . . .	151
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. <i>Е. Щенкиной</i> . Старинныя конѣщники на службѣ и дома (1678—1762). С.-Пб. 1890 . . .	163
И. А. Тихомировъ. Лѣтописный сборникъ, именуемый Лѣтописью Авраамки. С.-Пб. 1889 . . .	168
А. М. Браудо. Путешествіе въ Россію датскаго посланника Якова Ульфельда въ XVI вѣкѣ. <i>Е. Барсова</i> . М. 1889 . . .	171
Р. Ф. Брандтъ. Грамматика старославянскаго языка. <i>А. Могима</i> . Москва. 1890 . . .	173
М. А. Дьяконовъ. Организація прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. <i>А. Ланно-Данилевскаго</i> . С.-Пб. 1890 . . .	370
П. А. Смирку. Греко-болгарскій церковный вопросъ . . .	380
В. Э. Грабаръ. Дунай, какъ международная рѣка. <i>А. Л. Ферштетера</i> . Москва 1890 . . .	408
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Воспоминанія о В. И. Григориичѣ. <i>Ф. И. Успенскаго</i> . Одесса. 1890 . . .	409
И. В. Помяловскій. Къ статьѣ П. А. Ровинскаго „Раскопки древней Дюклен“. . .	412
Книжныя новости . . .	187 и 413

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

А. Л. Потровъ. Женскія учебныя заведенія въ Австріи (Цислейтанія) . . .	1
Наша учебная литература (разборъ 17 книгъ) . . .	63

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Императорское Археологическое Общество въ 1889 году . . .	1
Московскій Публичный и Румянцовскій музеи въ 1886—1888 годахъ . . .	41
Планъ учебнаго заведенія: I. С.-Петербургскій университетъ въ 1889 году . . .	47

II. Кавказскій учебный округъ въ 1887—1888 годахъ (продолженіе)	10 и 57
В. Г. Васильевскій.	} Иванъ Павловичъ Минаевъ (мекролонъ).
Баронъ В. Розенъ.	
Л. Д.—рѣ. Письмо изъ Парижа.	

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

П. А. Ровинскій. Раскопки древней Дюклен, произведенная по указанію и на счетъ Его Высочества Черногорскаго князя Николая	1
Д. П. Никольскій. Юридическое положеніе иностранцевъ въ древней Греціи	18
К. С—скій. Къ Веврѣ, или на прибытіе Цезаря.	30
М. Окнишевичъ. Изъ Миннерма .	31
Ө. Г. Мищенко. Эукаидъ—сторонникъ афинской демократіи	33
П. М. Зандовъ. Электра. Трагедія Софокла	49

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогикъ и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльными книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

